З.Х. ИБРАГИМОВА

МИР ЧЕЧЕНЦЕВ

XIX ВЕК

Москва
“ПРОБЕЛ-2000”
2007

УДК 39(=351.42):31
ББК 63.5(2)
И 15

Я бесконечно благодарна Президенту Московского Индустриального банка А.А. Арсамакову и его близким за поддержку, понимание и помощь, оказаные в сложном процессе подготовки к публикации изданий, посвященных часто трагичной, но все равно такой замечательной и неповторимой родной истории.

Автор

И 15 **Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX век.** – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2007. – 1024 с.: ил.

ISBN 978–5–98604–089–9

В монографии впервые представлено всеобъемлющее обозрение жизни чеченцев во второй половине XIX столентия, во всех ее проявлениях. Становление мирной жизни чеченцев после завершения кровопролитной Кавказской войны актуально в настоящее время как никогда ранее.

В книге показан внутренний мир чеченского народа: от домашнего уклада и спорта до высших проявлений духовного развития нации. Представлен взгляд чеченцев на внешний мир, отношения с соседними народами, властью, государствами (Имаматом Шамиля, Российской Империей, Османской Портой).

Исследование основано на широком круге источников и научных материалов, которые насчитывают более 1500 единиц.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Ибрагимова З.Х., 2007
© ПРОБЕЛ-2000, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Северо-Кавказский край по природно-географическим свойствам и геополитическому расположению издавна был и остается до сегодняшнего дня одним из важнейших регионов, который определяет настоящее и будущее страны, активно влияет на ход политико – экономичееских, социально-культурных и этноконфессиональных процессов, разворачивающихся в современной России. Прошлое – прочная основа настоящего. Отсюда актуальность изучения и извлечения уроков и опыта, призванных содействовать общему упрочнению российской государственности[1].

Важнейшим инструментом подчинения национальных окраин в Российской империи была мобилизация местных элит, инкорпорирование местной знати в российское дворянство, открытие перед представителями местных элит широких возможностей для карьеры как в местной администрации и воинских частях, так и в общеимперском масштабе. Именно на этих особенностях местного управления и базировалась прочность империи как многонационального и многоконфессионального государства. Улучшение экономического быта населения – одна из мер, которая неизменно предлагалась в качестве залога будущей стабильности в регионе. Она, как правило, подразумевала включение горцев в торговую и предпринимательскую деятельность, развитие местной промышленности. Постепенное упразднение местных особенностей в административном устройстве и судопроизводстве приводило к большей унификации управления, но в то же время существенно понижало гибкость этой системы и ее способность адаптироваться к местным условиям[2].

При изучении сложной структуры северокавказского общества особое значение имеют идеи, порожденные синергетической парадигмой исторической эволюции, характеризующейся переходом от относительно устойчивой системы к другой – с новым уровнем организации составляющих ее элементов. Более того, естественный процесс эволюции народов Северного Кавказа, под воздействием внешних факторов, неоднократно резко прерывался. В результате общественная система вынуждена была адаптироваться к новым условиям, переходить в новый канал развития. Переход к новому уровню системы неизбежно сопровождался прохождением ее через точки бифуркации, т.е. раздвоения и

приобретения нового качества. Обращаясь к данной проблеме, нельзя не учитывать динамический характер функционирования системы: за непростую историю развития северокавказское общество прошло через фазы устойчивого и неустойчивого состояния, линейного и осложненного движения[3].

Проблемы глобализации имеют своим следствием формирование обезличенности социокультурных систем и институтов, которые все активнее переключаются на обслуживание политических и экономических интересов более сильного общества. Защитной реакцией на обезличивающий характер глобализации выступают процессы этнизации социокультурных систем современных обществ, обращение народов к основам собственных этнокультур. Неоднозначный характер взаимодействия процессов модернизации, глобализации и этнизации в современном социокультурном процессе требуют его философско-теоретического осмысления и преодоления прямолинейного евроцентризма с его нигилистическим отношением к ценностям и традициям неевропейских народов, обществ и государств[4]. Культура представляет собой смысловую основу всей жизни. Учет культурной специфики важен еще и потому, что культурные традиции составляют основу самобытности, являются системообразующими и наиболее устойчивыми элементами, благодаря которым происходит саморазвитие системы. Человек не только создает культурный мир, он живет в нем как действующий субъект, соотнося себя с определенной общностью[5]. В силу этого многие народы стремятся, как можно дольше, сохранить свои национальные особенности в быстро меняющемся, глобализирующемся мире. Актуальность предпринятого исследования определяется потребностью изучения как общих проблем теории и истории культуры, так, и, собственно, историко-теоретических проблем генезиса и семантики форм традиционных культур с реальностью внешнего воздействия культурных инноваций.

В конце XX века обострились межнациональные отношения в нашем Отечестве. За Северным Кавказом прочно закрепилось понятие политически-нестабильного региона. В связи с этим в обществе постоянно возникают дискуссии о наиболее эффективных способах урегулирования политической ситуации в крае; о роли, которую должен играть федеральный центр в разрешении копившихся здесь десятилетиями проблем и противоречий; о наиболее приемлемых, с точки зрения взаимной выгоды, формах взаимоотношений между центральной властью и отдельными автономными субъектами.

Мы далеки от того, чтобы проводить прямые параллели между днем сегодняшним и событиями более чем вековой давности, так как и Россия в целом и Северный Кавказ за этот период претерпели кардинальные изменения. Но не обращать внимание на исторический опыт организации государственной власти на территории, отягощенной последствиями длительного военного конфликта, не пытаться выяснить, каковы были механизмы, позволявшие объединить, насильственно или добровольно, народы, стоящие на разных стадиях экономического и политического развития, имеющие различные социокультурные и этноконфессиональные параметры, не учитывать какие средства приносили наибольший результат, с точки зрения поддержания политической стабильности на Северном Кавказе после завершения Кавказской войны, так же неблагоразумно[6]. Актуальность предлагаемой работы состоит в том, что характер и формы политики российского правительства в отношении иноязычных народов страны, их место в общей структуре государства и межэтнические связи – это важнейшие направления в исторических исследованиях, которые могут способствовать выработке новой общегосударственной идеологии, на деле объединяющей народы[7].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Барнаш А.В. Культура как фактор становления российской государственности на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2004. – С.3.

[2] Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII– нач. XX вв. Автореф. … дис. докт. ист. наук. – С.35.

[3] Шадже А.Ю., Шеудже Э.А. Северокавказское общество: опыт системного анализа: Монография. – М.,Майкоп, 2004. – С.40-41.

[4] Вертий М.Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры. Дисс. …канд. филос. наук. – Р н/Д.,2003. – С.2.

[5] Шадже А.Ю., Шеудже Э.А. Северокавказское общество: опыт системного анализа: Монография. – М.,Майкоп, 2004. – С.172.

[6] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце – начале века (на материалах Терской области). Дисс. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.3.

[7] Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (сер. XVI– кон.XVIII в.). – Нальчик,1996. – С.3.

ГЛАВА I.
ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Литература

Кризисные явления в сфере межнациональных отношений различных регионов Российской Федерации показали, что наименее изученным нашими учёными оказался региональный аспект межнационального вопроса.[1] Глобальная теория единой истории российской Евразии не представляет возможным увидеть своеобразные черты прошлого ряда регионов Российской Федерации. Это в первую очередь относится к Северному Кавказу. Традиционная история нашего региона была представлена как эпизоды в историях местных горских и степных народов, Турции и Ирана, а также как эпопея славянских народов на северокавказской земле.

Такое представление рождалось идеей о «закономерном» движении на юг и расширении Российского государства, что уже не соответствует современной важности и актуальному характеру изучения структурных и социокультурных процессов в регионе. Последние десятилетия стали для академического сообщества временем, когда все явственнее стало ощущаться разрушение модернистского сознания, а вместе с ним проявление неприятия глобальных объяснительных схем. Происходит отказ от самого главного в историзме – представления о «заданности» истории как постепенном, неуклонном поступательном движении от низших форм к высшим.

В настоящее время нас интересует социокультурная история региона в разнообразии и единстве его составляющих, его собственная идентичность и включенность в общероссийский и шире, в мировой исторический процесс. В качестве объекта изучения выступают зоны культурного обмена и контактов между коренными жителями Северного Кавказа и пришлым населением. Характер ландшафта, культурные, хозяйственные и социально-психологические особенности народов Кавказа, предшествующий опыт взаимодействия с русскими и казаками превратили регион не в границу, разделяющую воюющие армии, а в территорию контакта, взаимопроникновения культур и формирования

полиэтничного общества. К XIX в. этот процесс, благодаря государственной экспансии, перерос в жестокое противостояние, но даже в период наиболее активных военных действий взаимодействие носило разнообразный характер. В процессе контакта создавались новые социокультурные формы, и одновременно две общности укрепляли и развивали прежние социальные и культурные модели выживания.

Взаимодействие было многосторонним и многофакторным, поскольку происходило (как явно, так и скрыто, неосознанно) в различных сферах, принимало самые разные формы. Как любое социальное явление, взаимодействие происходило на макро – (национальном, государственном) и на микро – (личном, бытовом) уровнях. Все разнообразие взаимоотношений можно условно разделить на три группы: военно – политические, торгово-экономические и духовно-культурные. Формами контактов различных слоев населения становились и ассимиляция, и аккультурация, и кооперация, и этнокультурный изоляционизм. В качестве основных ресурсов выступали демографический потенциал и контроль над пространством[2].

Представляется важным исследовать не столько межнациональные конфликты, сколько опыт совместного проживания, хозяйствования, природопользования. Поэтому исследовательское поле истории пограничных областей Северного Кавказа – своего рода лаборатория для мультикультурализма. Здесь проживают отличные от других регионов страны социокультурные сообщества, скомбинированные из черт горских, степных, земледельческих и индустриальных этносов и полиэтнических групп мусульман, христиан, буддистов и пр. Колонизационные процессы восточноевропейских этносов, искусственная политика русификации и т.п. только ускоряли старый конфликт между Севером и Югом и не привели, за редким исключением, к смешению коренных и пришлых народов, а локализовали их в этнические и социокультурные миры, в зону северокавказских пограничных областей.

Если следовать логике некоторых кавказоведов конца XX – начала XXI в., то получается, что Россия, исходя из своих геополитических интересов, преследовала, прежде всего, миротворческие и гуманитарные цели на Кавказе. Какая там колониальная политика. Никаких колониальных империй…Цели таких «исторических изысканий» далеко не безобидны. Все время, подчеркивая геополитические аспекты происхождения Кавказской войны, эти авторы как бы снимают с России нравственную ответственность за кровопролитие. Они рассуждают следующим

образом: «Этими войнами отстаивалась собственная государственность, национальное достоинство, раздвигались и защищались родные пределы… Славные «кавказские» страницы ратной летописи Российского государства не подлежат забвению, сомнениям или ревизии…». И не единого слова сожаления о десятках тысяч горцев, погибших в ходе этих войн. Видно они размышляют по принципу «лес рубят, щепки летят» и «война все спишет». По мнению видного кавказоведа Ш.А. Гапурова, по своей сути политика России на Кавказе в XIX веке была колониальной, но отличалась от «классической» колониальной практики западноевропейских держав[3].

По мнению О.Г. Ворониной, Россия, по сути, вела на Кавказе колониальную войну. Ожесточенность войны связана, прежде всего, с тем, что именно Чечня и Дагестан со своими землями были целью завоевания. Цели этой войны, на взгляд указанного выше автора, впрочем, как и средства и силы сторон, были неадекватными: для России это была в некотором роде «война престижа», «карманная война», с различной степенью удач по «усмирению» горцев. Для горцев же вопрос стоял о независимости, сохранении национальных и религиозных устоев. Даже в самый разгар войны звучали слова о «гуманной миссии России», о том, что она должна стать источником света, культуры и просвещения для кавказских народов, что Россия «несет цивилизацию» на Кавказ. По отношению к народам Востока, горцам, русские ощущали некое превосходство, выражавшееся в том, как будто они стоят на более высокой ступени развития. Это всегда задевало коренных жителей Кавказа[4].

Европейская историография модерна всячески подчеркивала «инаковость» других народов, непохожих на европейцев, указывая, что европейцы приносят этим «варварским» или «диким» народам умиротворение и «порядок». Эту традицию поддержали и российские ученые. Так, например, С.Ф. Платонов отзывался о восточных обществах как о «некультурных» племенах, «прочный порядок» которым несет Россия. С.В. Фарфаровский описывая «трухмен», позволил себе следующее выражение: «И вот в массивах Кавказа мы видим осколки этих народностей, изолированные группы, сохранившие свои обычаи чуть ли не каменного и бронзового веков, говорящих на неисследованных языках седой древности». Влияние стадиальной теории, имеющей в основе своей представление о линейном развитии всех народов мира, проявилось и во взглядах Фарфаровского на духовную жизнь и культуру ногайцев и других жителей Кавказа[5].

В научной литературе о проблемах адаптации говорится скупо. Между тем не счесть косвенных упоминаний, опосредственных соображений, связанных с адаптацией. И это естественно, ибо адаптация – постоянный и важный фактор исторического процесса. В бесчисленных проявлениях: человек – и человеческий социум, и человек как индивидуум – сталкиваются с необходимостью адаптироваться в меняющихся условиях. При этом порой возникает удивительный кругооборот – человек сам меняет условия жизни и сам вынужден приспосабливаться к вызванным им же изменениям. Адаптация перманентна и присуща человечеству на всех этапах его развития. Проблемы адаптации поразительно многообразны. Социально-этническая адаптация означает приспособление отдельного человека или человеческой общности к изменениям социальной и этнической обстановки в результате эволюций, войн, завоеваний, миграций и т.д. Адаптация происходила на протяжении всей истории человечества, отличаясь осознанностью действий от происходившего и происходящего повсеместно в живой природе адаптациогенеза[6].

Кавказская война (1818-1864 гг.) завершила присоединение Северного Кавказа к России. Для значительной части народов Северного Кавказа этот период стал тяжелой трагедией, связанной с массовой гибелью людей в результате военных действий, болезней, всяческих лишений. Фактически с горцами произошли катастрофические изменения. Были разрушены традиционные формы уклада жизни и хозяйствования, коренным образом изменилась этнодемографическая структура Северного Кавказа и в связи с внутри региональными миграционными процессами и с беспрецедентным переселением горских народов в Османскую империю в результате поражения в войне и политики Российской империи и других держав по отношению к коренным жителям стратегически важного района – Кавказа. Путь к раскаянию может быть долгим и трудным. Но как же украшает мужество признать свою вину – украшает и человека, и общество и государство.

Однако даже в этих условиях горцы продемонстрировали свои превосходные адаптационные возможности. В результате диалога культур, обмена импульсами и достижениями в различных сферах возникает новое равновесие, которое определяется изменившимися соотношениями элементов и их модифицированной сопряженности[7]. Если народ действительно уважает себя, он застрахован от комплекса неполноценности и никогда не потеряется, не растворится среди других. Такова абсолют-

ная истина: общение народов между собой способствует развитию их собственных культур. Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла[8].

Не только в России, но и во всем мире становится предпочтительным изучение имперских территориальных единиц с позиций полидисциплинарного подхода. Проблема прав народов все больше и больше дает о себе знать. Сложность и многогранность категории «права народов» делает ее объектом исследования различных наук: политологии, социологии, философии, истории и юриспруденции. Однако правовой аспект данной проблемы до недавнего времени полно и всесторонне не анализировался. Отмеченные факторы объясняют актуальность проблемы и необходимость ее углубления. Научные изыскания призваны акцентировать внимание на механизмах консолидации усилий государственной власти и институтов гражданского общества по формированию межнационального мира и согласия, обогащению многовековых самобытных культур и традиций народов нашей страны, упрочнению принципов взаимоуважения и веротерпимости[9].

Жанр исследования пограничных областей становится сейчас популярным в общественных и гуманитарных дисциплинах Европы и США. Полидисциплинарные и компаративные подходы, историческая и культурная антропология помогают обратить внимание на взаимовлияние народов, на историю диаспорных отношений и миграционных процессов, а также на историю перенимания экономических, политических, социальных, семейных, бытовых и пр. традиций и навыков, на прошлое и настоящее сельскохозяйственных типов, национальных предрассудков, научных и околонаучных стереотипов[10]. Еще недавно в историографии существовала практически непроницаемая мембрана между континентальными империями, которые было принято описывать как «традиционные», и морскими империями, которые описывались как «модерные». В настоящее время эта позиция разрушается. Сегодня историки признают не только то обстоятельство, что «традиционные» континентальные империи в XVIII и особенно в XIX веке уже отнюдь не были вполне традиционными, но и то, что в морских империях этого времени сохранялось не мало традиционных элементов общественного устройства и форм контроля центра над периферией[11].

Сегодня стоит вопрос о переосмыслении политики царизма на Кавказе. Было время, когда тот или иной народ историки с легкостью объяв-

ляли добровольно вступившим в российское подданство на основании первого же соглашения, договора местной знати с Москвой или же с провинциальным российским начальством. На самом деле картина была гораздо более сложной. Отношения подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно по-разному, и нужно тщательно проанализировать различия во взглядах на статус пребывания в составе России, с одной стороны, у русских властей и, с другой – у присоединенных народов.

Сейчас в нашей науке происходит кардинальный пересмотр множества проблем и аспектов отечественной истории. Один из принципиальных вопросов – трактовка присоединения народов и территории к России, выстраивание отношений между ними и центральным правительством. Уходит в прошлое апологетический подход, ученые учитывают как добровольные, так и насильственные формы присоединения[12]. Необходимо называть вещи своими именами. Кавказ был завоеван в XIX веке силой оружия. Только после упорной, долголетней борьбы России удалось сломить сопротивление горцев. Последствия войны ощущались на протяжении десятилетий. Только честно рассказанная правда снимет последние наслоения недоверия, приведет к более глубокому межнациональному уважению и сотрудничеству[13].

Решение задач освоения Северо-Кавказского региона традиционно подразумевало высокую степень ответственности должностных лиц и неослабное внимание всего российского общества. В этих условиях роль ученых-кавказоведов неизмеримо возрастала. Разработка и накопление знаний о Кавказе, а также обобщение первого опыта управления «кавказской окраиной», решение проблем межэтнических и меж конфессиональных отношений не могло происходить вне общего контекста осмысления в отечественной науке государственной проблематики. Анализ историографии второй половины XIX – начала XX вв. показал, что за этот период был накоплен обширный материал по различным проблемам русско-кавказских отношений. В дореволюционный период происходило развитие исторического кавказоведения, в рамках которого в той или иной мере находили свое отражение проблемы влияния внешнего фактора на обстановку среди кавказских этносов, внутреннего положения и преобразований в Кавказском регионе, управленческой деятельности имперских властей по обустройству горских народов и активному вовлечению его в сферу общероссийских интересов, то есть те проблемы, которые отражали сущность кавказской политики в Российской империи[14].

Утверждение исторической концепции марксизма и зависимость исследовательской деятельности от идеологических установок партии определяли подходы и направления развития исторического кавказоведения в советский период. Победители имеют свойство переписывать историю по своему образу и подобию; те же, кому еще только предстоит добиться победы, уже нередко вовсю пишут со своих позиций. Они понимают, что контроль над информацией и ее интерпретация – это контроль над общественным мнением. Взгляды тех, кто не принимает ни одну из господствующих теорий, не выходят за пределы узких академических кругов и не становятся известными широкой общественности. Оппозиционные воззрения намеренно замалчиваются, с тем, чтобы максимально обезопасить влияние ортодоксальных теорий на массы людей.

Дабы не допустить в научный обиход противоречащие данные и удержать качающееся здание ортодоксальных построений, уже давно прибегают к двойным стандартам. Уничтожающей критике подвергается всякий, кто оказывается достаточно независимым – иначе говоря, достаточно честным в обращении с фактами. Ведь доблестные защитники ортодоксии «не берут пленных». При такой позиции официальных научных кругов важные данные легко превращаются в нечто малозначимое или вовсе устраняются из научного обихода[15]. Удивительно точно, в связи с этим подметил Карл Поппер, говоря, что книги это «третья реальность»; первая из которых – объективно существующая, а вторая – субъективная[16].

Толкование истории присоединения кавказских народов к Российской империи и связанных с этим «освободительных движений», оценка роли органов власти России по данной проблеме подвергались известной коррекции в угоду политической конъюктуры: от концепции «абсолютного зла» до расширительного толкования тезиса о «наименьшем зле» и добровольном характере присоединения горских народов к Российской империи[17]. Поскольку колониальное правление с его высокомерными претензиями на культурное и политическое превосходство интерпретировались в научных кругах как противоречащее моральным принципам, – возможно, именно поэтому для изучающих историю колониализма в России всегда было естественным отыскивать примеры сопротивления местного населения колониальному правлению, чтобы подтвердить его незаконность и продемонстрировать неотъемлемо присущее угнетенным стремление к освобождению.. Исследование данной

темы позволяет довольно точно выявить пределы имперского господства и дает возможность (хотя бы в принципе) наделять подданных империи сознанием и волей, не зависимыми от элитных слоев, а также самостоятельностью и самосознанием, которые позволяли им на определенном уровне «творить свою собственную историю». Возможно, именно по этой причине ученых так привлекали примеры оппозиционных движений, принимающих явно «политическую» форму, – например, националистические движения, поскольку ясное словесное выражение требований и стремлений, наличие представлений об источниках угнетения и способность поднять людей на рискованные действия для улучшения существующей ситуации – все это предполагает наличие высокого самосознания[18].

С конца 80-х годов XX века сложились условия, позволяющие писать историю, не приукрашенную и усеченную, а такую, какой она была в реальности. Стало возможным устранить «белые пятна», пересмотреть оценки и сказать «всю правду». Выполняя эту роль, историческая наука вносит вклад в нравственное возрождение общества, ибо правда – высшая нравственная ценность. Но и острейшие практические проблемы современной общественной жизни (особенно в сфере межнациональных отношений) имеют глубокие исторические корни, без выявления которых их невозможно разрешить. Их питает пласт ошибок, несправедливостей и преступлений, последствия которых копились десятилетиями и даже веками. Кроме того, главной тенденцией сдвигов в духовно-идеологической сфере стало возрождение национального самосознания, что вызвало резкое повышение общественного интереса к истории[19].

В постсоветский период особенно стал актуален в историографии цивилизационный подход исследования исторических процессов. Под данным способом понимается сформулированная еще Н. Данилевским, а затем А. Тойнби необходимость исследовать историческое прошлое того или иного народа как часть общей истории человечества, являющейся результатом определенного взаимопроникновения и взаимодействия. Сравнительное исследование цивилизаций дает широкие возможности для изучения контактов различных культур во времени и пространстве. По мнению российских ученых, колонизация – один из основных факторов, позволивших России успешно справляться с масштабными проблемами. При этом колонизация рассматривается как сложное историческое явление. Ввиду того, что сам процесс колонизации того или

иного социокультурного пространства представляет собой ни что иное, как своеобразную культурную интервенцию, неизбежно меняющую реальную действительность, применение цивилизационного подхода позволяет учесть ряд существенных факторов, определивших исторические условия развития страны в результате инкорпорирования в традиционную российскую среду носителей иных культурных традиций[20].

К сожалению, приходится констатировать, что историография народов Кавказа всё ещё остаётся почти не исследованной проблемой. Немного и работ, посвящённых историческому анализу трудов даже видных учёных-кавказоведов. Современная историческая наука переживает кризис фундированности исследований. Между тем ссылки в тексте – это средство научной коммуникации и своеобразная валюта, которой современные исследователи оплачивают долг перед предшественниками. Они позволяют проследить ход получения данного научного результата, сообщают работе достоверность, обрисовывают круг литературы, содержащей необходимые сведения о проблеме и создают контекст исследования[21].

В данном исследовании не ставится задача дать общий историографический обзор всех работ, посвящённых истории Чечни второй половины XIX века. Это представляет собой самостоятельный предмет изучения. Поэтому в историографическом очерке затронуты лишь те работы, которые имеют принципиальное значение, а также труды, отражающие наиболее характерные с методологической точки зрения позиции авторов, или напротив, наиболее оригинальные концепции[22].

При исследовании настоящей темы, автором была привлечена литература по истории Кавказа, выходившая в свет с последней четверти XVIII века по 2006 год включительно. Условно её можно разделить на литературу, описывающую Кавказский регион, и общероссийскую. К последней относится, например, работа Ф.Н. Фадеева «Вооружённые силы России», где Кавказ затрагивается только в определённом аспекте.

Для того чтобы охватить вниманием в ходе исследования как можно больше изданных работ по истории Кавказа, пришлось в течение 14 лет работать не только в центральных, общеизвестных книгохранилищах, но и изучать литературу а уникальных библиотеках (научно-справочной библиотеке РГИА) и ведомственных (ЦНСХБ – Центральная научная сельскохозяйственная библиотека) хранилищах. Российская государственная библиотека (РГБ) является одной из самых крупных в стране, куда поступают обязательные экземпляры всех изданий, но в силу её

публичности и доступности, многие книги портят читатели, из-за чего данные издания становятся недоступными для прочтения. В Российской национальной библиотеке (РНБ), находящейся в Петербурге, особенно интересен отдел периодики, богатейший по своему составу, т.к. в изучаемом нами XIX веке он был центральным, столичным хранилищем в Российской империи, в силу чего единичные издания газет и журналов сохранились только там. Особое внимание кавказоведам стоит уделять Государственной публичной исторической библиотеке. В ГПИБ долгие годы целенаправленно собиралась литература, освещающая историю Кавказа, благодаря чему библиотека имеет прекрасную коллекцию кавказоведческих изданий. Научно-справочная библиотека РГИА небольшая, но она располагает единичными экземплярами книг, которые не доступны для читателей в других книгохранилищах. Это одно из богатейших собраний дореволюционных официальных и служебных изданий. В состав библиотеки вошли книги из собраний архива и Департамента герольдии Сената, собраний Синода, Канцелярии е.и. в., библиотек министерств народного просвещения, путей сообщения, финансов, частных собраний[23]. В фондах ИНИОН (Институт научной информации по общественным наукам) хранятся депонированные рукописи, зачастую более нигде не изданные, благодаря чему приобретают особую ценность. В библиотеке Института Востоковедения РАН присутствует много интересной, редкой литературы по истории Востока, в том числе подаренные авторами экземпляры редких книг. Центральная научная сельскохозяйственная библиотека имеет большое хранение, где удалось обнаружить ценные материалы по истории развития сельского хозяйства на Кавказе, а также изучить флору и фауну Чечни. Данные издания уже давно исчезли из фондов других библиотек. В библиотеках города Владикавказа находится много местных кавказских изданий, которые по тем или иным причинам не попали в центральные библиотеки страны. Они являются самобытным и очень интересным для исследователя материалом.

К сожалению, в ходе боевых действий в городе Грозном была уничтожена крупнейшая Республиканская библиотека им.А.П. Чехова, где хранились тысячи редчайших экземпляров монографий, сборников, статей по истории Чечни. В связи с печально известными событиями, поработать над темой там не удалось – все книги сгорели. Во время Чеченской войны в Грозном был уничтожен Научно-исследовательский институт гуманитарных наук Чеченской Республики. В его библиотеке хранились труды всех известных кавказоведов, полевые материалы на-

учных изысканий по языкам вайнахских народов и их этнографии, а в спецхранилищах НИИ находились оригинальные средневековые книги и рукописи. Полностью сгорели во время боев в г. Грозном Центральная научно-техническая библиотека, Республиканская детская библиотека, архивы всех творческих союзов. В Центральном государственном архиве ЧР сгорело почти 650 тыс. дел, отражавших историю чеченского, ингушского и славянских народов более чем за два столетия. В Художественный музей угодило несколько бомб, артиллерийских снарядов, здание сложилось «книжкой», и под обломками оказалась вся коллекция (более 3,5 тыс. экспонатов). При обвале здания погибла и картотека, и книга поступлений, а в Москве учет ценностей этого музея никогда не велся, поэтому сказать, какие именно шедевры утрачены, сегодня нельзя. Под его обломками бесследно исчезло более 40 тыс. экспонатов уникальных археологических коллекций. Та же участь постигла произведения декоративно-прикладного искусства[24].

Перейдём теперь к группировке материалов, отразивших в той или иной степени историю чеченского народа и взаимоотношений его с государственными структурами России во второй половине XIX века. Прежде всего, как наиболее ранние, следует выделить сведения путешественников и исследователей; сводные монографические работы, использовавшие неизданные источники, и не большую группу материалов, отразившую официальное изучение горцев царизмом.

В 60-е годы XIX века на Кавказ устремились учёные, литераторы, деятели искусств, которые изучали этнографию, историю, природные богатства, хозяйственный быт населения. Большая часть этих работ публиковалась в газетах и журналах. Так, например, книга Маркграфа даёт чрезвычайно ценный материал о положении кустарной промышленности и отдельных групп кустарей и ремесленников не только в 70-х годах XIX века, в то время, когда собирался материал, но и значительно раньше[25]. На подготовку и составления очерка у Маркграфа ушёл один год. Работу эту он начал по инициативе Чаха Ахриева, Золотарёва и других лиц, проводивших в это время исследования в Терской области. В ходе работы О.В. Маркграф столкнулся с неожиданными для него препятствиями: «Промышленное исследование, – писал он, – на Кавказе весьма затруднялось тем, что у туземных племён значительное большинство производства составляет труд женский; спрашивать же магометанку в высшей степени затруднительно, а наблюдать её занятия и вникать в её домашний быт – сопряжено с опасностью для жизни»[26].

В 1799 году увидела свет фундаментальная работа И.-Г. Георги, посвящённая изучению народов, населявших в то время Российскую империю. В данном энциклопедическом труде Иоганн-Готлиб Георги, немецкий учёный на русской службе, обобщает результаты собственных этнографических исследований, а также рассматривает работы известных российских исследователей. Сам Георги на Кавказе не бывал, но пользовался, очевидно, данными Палласа и, несомненно, данными исследователя Кавказа Г. Гюльденштедта. По мнению И.-Г. Георги, у чеченцев были князья и существовало дворянство, но в 1773 году они «…умертвили своих владетельных князей». Данная работа по праву признана мировым эталоном этнографического исследования[27]. Эркерт фон Рудольф Франц стал автором фундаментального труда «Кавказ и его народы» (1885), изданного на немецком языке. Эркерт провел антропологические измерения некоторых кавказских народов по системе Вирхова. Эркерт фон Рудольф Франц длительное время служил на Кавказе и имел чин генерал-майора Российской армии. Последние годы жизни он провел в Германии[28].

Среди работ, посвящённых Чечне, очень значительное место занимает работа У. Лаудаева «Чеченское племя». Автор её, чеченец, колоритная фигура. Учился он в кадетском корпусе и к моменту издания работы имел чин ротмистра царской армии[29]. Работа «Чеченское племя», как говорится в предисловии, представляет собой только выдержки из рукописи Лаудаева, что, разумеется, снижает её значение как исторического источника, так как редактирование, очевидно, изъяло не мало интересных мест. Но, не смотря на это, историк не может пройти мимо этой работы. Лаудаев хорошо знает чеченские отношения, он сообщает ряд весьма существенных данных по вопросу о родовых взаимоотношениях и, что особенно интересно, даёт возможность разобраться во внутритейповых отношениях, показывая, что и здесь царит тот же принцип эксплуатации, что и в отношениях междутейповых. Правда, эти данные Лаудаев приводит как бы нехотя, можно сказать, что он проговаривается, но тем интереснее его высказывания[30]. Историко-этнографическая статья У.Лаудаева вобрала лучшие черты российской буржуазной науки – историзм и подход к истории как к непрерывно развивающемуся объективному процессу, поиск закономерностей общественного развития, представления о государстве как высшей форме общественной организации, стоящей над обществом и действующей в интересах его в целом. Традиционнную для либеральной историографии схему борьбы

«родового» и «государственного» начал У. Лаудаев и насытил таким количеством бесценного этнографического и фольклорного материала – что статья «Чеченское племя» и по сей день остаётся важнейшим источником по истории дореволюционной Чечни[31]. Для исследователя также представляет интерес статья капитана К. Самойлова «Заметки о Чечне». Основное её содержание – состояние сельского хозяйства, промышленности и торговли у чеченцев[32].

Авторы историко-экономических очерков о горских народах Северного Кавказа – А.П.Ипполитов, Н.С. Иваненков, Г.А. Вертепов, Е.Д. Максимов, Н.П. Тульчинский были чиновниками областного правления и весьма успешно и плодотворно сочетали службу с публицистической деятельностью, тем более, под их руками оказывался добротный статистический, исторический и этнографический материал. Они единодушно квалифицировали земельную недостаточность горцев на плоскости и в нагорной полосе[33]. Работа начальника Аргунского округа А.П. Ипполитова «Этнографические очерки Аргунского округа», содержит интересные данные о социальном строе Чечни. При всём стремлении этого автора представить чеченское общество обществом равных, у него встречаются знаменательные оговорки. Так, он пишет: «Впрочем, из того, что я сказал, касательно отсутствия в племенах чеченского происхождения всякого аристократического начала, не надо заключать однако же, что стремление к нему в народе не существовало»[34]. Теперь остановимся на статье Н.С. Иваненкова «Горные чеченцы». Особенно большое, можно сказать, решающее значение для историка, изучающего социальное расслоение горского общества, имеют приведённые Иваненковым данные о земельных пожалованьях Шамиля, являющиеся бесспорным доказательством роста в горах новых групп феодалов[35]. Вопрос об уровне развития общественных отношений являлся спорным у авторов XIX, XX и XXI вв. Так М.К. Любавский, Н.С. Иваненков, М.М. Ковалевский, А.И. Ипполитов признавали наличие в XIX веке у вайнахов феодальных отношений, правда, обременённых сильными родовыми пережитками. Однако даже те авторы XIX в.(В.А. Потто, Р.А. Фадеев, Н.Ф. Дубровин, А.П. Берже), которые доказывали крайнюю «отсталость» горских народов, в своих трудах приводили материалы, свидетельствующие о сословном делении горских обществ, о социальных противоречиях и классовых столкновениях[36].

Интеграция чеченского общества в российское происходила крайне сложно, трудно, с огромными издержками, с применением зачастую

насильственных методов, и это обстоятельство вызывало сопротивление значительной части населения. На этом основании возник миф об особом «конфликтном» этносе, закрытом обществе, тейповой организации жизни, которая не поддаётся реформированию. Согласно теории «единого потока», взятой на вооружение дворянской историографией и чеченскими сепаратистами, чеченское общество в социально-классовом отношении было однородным, в этническом и религиозном плане – сплочённым, монолитным, и чуть ли не на ментальном уровне отторгало прогресс и отстаивало свою самобытность, приверженность к тейповой организации жизни, адату и шариату. В результате все попытки его модернизации не дали ощутимых результатов и породили многовековое противостояние с Россией. Таким образом, как представители дворянской историографии, так и чеченского сепаратизма склонны преувеличивать этнокультурные особенности вайнахского общества, ставшие якобы непреодолимым препятствием на пути модернизации общества. Причину этих явлений они ищут не в методах колонизации края, а в природе чеченского общества. Однако очевидные исторические факты не укладывались в эту схему. В конце XIX начале XX в. чеченское общество было далеко не однородным в социально-классовом отношении. Формировалась национальная буржуазия, рабочий класс, интеллигенция, появились сословия крупных землевладельцев. Заметным стало классовое расслоение горского крестьянства. Однако в Чечне сохранившиеся институты традиционной жизни, традиции вольных обществ позволяли регулировать, сглаживать возникающие социальные конфликты, снимать остроту классовых противоречий[37].

Развитие Чечни в пореформенный период представляло собой сложный и противоречивый путь вхождения в новый для них мир государственности и гражданских отношений, сочетавший в себе как положительные, так и отрицательные стороны проживания населения региона в составе полиэтнической и поликонфессиональной империи. Населению Чечни предстояло вживаться в экономические, социальные, идейно-нравственные и политико-идеологические процессы и явления, часто находившиеся за рамками их исторического опыта. Многозначность результатов присоединения Чечни к Российской империи не принимает однозначности оценок, их сугубой позитивности или резкой негативности. Чтобы избежать предвзятости, внимание историков должно обладать панорамным видением всей совокупности процессов и сил, их интересов и объективных требований и не зацик-

ливаться на силах и действиях, имевших последствием единственно конфронтацию или отторжение[38].

Многие современные исследователи отмечают, что уже в XVI – XVII вв. у вайнахов были свои феодалы. Доктор исторических наук Ш.А. Гапуров приходит к обоснованному выводу, что к концу XVIII –началу XIX в. в Чечне были налицо все признаки складывающегося феодального общества. Заслуживает внимания точка зрения Э.А. Борчашвили, считавшего, что в начале XIX века термин «уздень», утратив своё первоначальное значение, закрепился за привилегированным сословием[39]. Таким образом, имперская историческая школа, вместо того, чтобы осудить и признать порочными варварские методы колонизации края, пыталась обвинить чеченцев в неспособности и нежелании приобщаться к современной цивилизации (между тем чеченцы очень легко и быстро воспринимают и осваивают современные идеи и технологии)[40].

Изначально отрицательный образ кавказца в глазах этнополитического большинства явился результатом Кавказской войны (1817-1864). Это нашло своё отражение в публицистике тех лет, да и позже, когда кавказские сюжеты рассматривались не иначе, как в рубриках: «В стране абреков и воров», «В диком крае», «Варварские обычаи и нравы» и т.д., а также в творчестве М.Ю.Лермонтова, Л.Н Толстого, отчасти А.С. Пушкина и др. Именно в этот период появились крылатые выражения: «злая пуля осетина», «злой чечен ползёт на берег, точит свой кинжал», и «черкесы грозные», и «жажда брани» горцев и т.д. – всё достаточно и однозначно влиявшее на массовое сознание[41].

Но далеко не все российские авторы отзывались негативно о горцах. И. Березин, путешествуя по Кавказу, отмечал многие положительные качества чеченцев, прежде всего их мужество и стойкость в борьбе. «Не много я видел на Кавказе, – сообщал он своим читателям, – но и это не многое заставило меня убедиться в ложности иноземных повествований о Кавказе и в легкомыслии наших доморощенных рассказчиков и многосведующих политиков. Горец соединяет отвагу в битве с опытностью в нападении и отступлении; глубокое познание местности и неутомимость в походах. Кто поверит, что горец просиживает, не шелохнувшись, сутки и двое в камыше или где-нибудь за камнем, в ожидании врага, а между тем это правда. Кто поверит, что раненый смертельно горец не вскрикнет от боли, чтобы обнаружить своё убежище, а между тем и это правда. Я далёк от того, чтобы отрицать в горце присутствия какого-нибудь похвального качества: я при-

знаю горскую храбрость, готов допустить небольшую долю и других добродетелей…»[42].

К числу исследователей конца XIX века, уделявших особое внимание вопросам земледелия у чеченцев и ингушей относятся, прежде всего, Г. Вертепов и Е. Максимов[43]. Основным хозяином земли по их мнению, была «родовая» и «поземельная» община. Для оправдания введённой администрацией системы переделов земли оба автора утверждают, что передельная система была господствующей в землевладении горцев до присоединения края к России. Вместе с тем они вынуждены признать, что переделы земли не оправдали себя, ибо чеченцы всячески сопротивлялись переделам[44]. Несостоятельность взглядов Г. Вертепова, Е. Максимова выявляют исследования Н.Иваненкова, доказавшего существование в далёком прошлом у горцев частной формы землевладения. Вопросами землевладения много занимался в XX веке И.М. Саидов. Ему удалось доказать, что общинно – передельная система землевладения была для чеченцев давно изжившей себя формой землевладения, вновь навязанной царской администрацией во второй половине XIX века. Углубив мнение Н.Е. Иваненкова о частном характере землевладения в горах, И.М. Саидов доказал наличие частной формы собственности и на плоскости[45]. В работах С.Д. Максимова дана характеристика земельного положения горцев Терской области. Особенный интерес для историка представляет показанный в его трудах громадный арендный фонд, основу которого составляли излишки земель станичных юртов, казачьих землевладельцев, а также представлены различные формы собственности на Кавказе.

Первые российские историки, работы которых имели целью обосновать методы, средства и формы управления российских властей на Кавказе, относились к так называемой «военно-исторической школе» и представляли позицию высших правительственных кругов Российской империи. К их числу следует отнести работы Н.Ф. Дубровина, Р.А. Фадеева, А.Л. Зиссермана, С.С. Эсадзе. Данные авторы трактовали проблемы взаимоотношений между горцами и российскими властями, исходя из теории русоцентризма и цивилизаторской роли России в отношении «диких», «отсталых» народов Кавказа[46]. В сочинении Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе» собран обширный фактический материал об общественно-политическом устройстве, поземельных и сословных отношениях, религиозных верованиях горцев Северо – Восточного Кавказа, о российско-горских

военно-политических отношениях в XIX веке. Данные сведения, по мнению автора, необходимы для руководства российским администраторам в деле управления племенами, находящимися в «патриархальном и первобытном устройстве»[47]. С позиции покровительственно – просветительской миссии российских властей на Кавказе трактует принципы деятельности российской военной администрации А.Л. Зиссерман. В книге «Двадцать пять лет на Кавказе» он указывает на недостатки в действиях русской администрации, которые привели к всеобщему восстанию в Чечне в 1840 году. Главные среди этих недостатков, по мнению Зиссермана, – отсутствие преемственности и системности в действиях часто менявшихся главных начальствующих лиц на Кавказе. Заметное место в работах А.Л. Зиссермана занимают вопросы, связанные с проблемой религиозного фанатизма горцев, который, по его мнению, являлся главным источником их враждебности по отношению к российской власти и для устранения которого нужны многие годы настойчивой, систематической и энергичной политики[48]. Особое место среди указанных авторов занимает Р.А. Фадеев, являвшийся в годы Кавказской войны одним из адъютантов фельдмаршала Барятинского, близким и доверенным наместнику человеком. Свою книгу он написал по поручению наместника. Есть основания полагать, что эта книга отражает взгляды самого князя Барятинского. Цель его работ – построение теории колониального управления России на азиатских окраинах и обоснование российских стратегических интересов на Кавказе[49]. Фадеев скептически относился к возможностям успешной просветительской миссии в Азии «посредством Европейского владычества» и делал на этой основе вывод о бесперспективности попыток уравнять российские азиатские окраины с остальной империей путём распространения на них общерусских форм администрации. Систему военно-народного управления, установленную у горцев Кавказа он рассматривает как искомый образец для новых потенциальных владений России в Азии, как залог спокойного и выгодного для российского государства обладания инородческими территориями. Фадеев проводит сравнительный анализ этой системы с колониальным управлением европейских держав в Азии[50].

Последовательное изложение механизма вовлечения народов Кавказа в сферу социально-экономического и политического развития Российского государства дал С. Эсадзе – редактор военно-исторического отдела окружного штаба, один из последователей В.А. Потто. Достаточно обширный объём используемых им документов позволил

показать всестороннюю картину управления краем[51]. Работы авторов, близких к правительственным кругам имели научную важность в связи с тем обстоятельством, что получали доступ к ценным архивным материалам, многим закрытым документам[52]. С.С. Эсадзе в своём двухтомном труде «Историческая записка по управлению Кавказом» использовал обширный фактический материал, изъятый из архивов кавказских наместников, архива Горского управления и других органов управления на Кавказе. Поэтому данный труд, не смотря на ряд субъективных выводов и оценок автора, как в отношении системы управления Кавказом в целом, так и отдельных направлений в деятельности властей, является важнейшим источником систематизированной информации о деятельности российских властей на Кавказе в XIX веке. В указанном труде Эсадзе предпринимает попытку обосновать закономерность установления на Северо – Восточном Кавказе военно-народной системы управления, исходя из особых политических и экономических условий, сложившихся в данном регионе. Большое место в его трудах уделяется организации судебной системы и причинам сохранения судопроизводства по адату и шариату. Эсадзе создал глубокие и верные исторические портреты представителей российской элиты на Кавказе, доказывая в своих исследованиях возможность сочетания в политике либеральных и реакционных тенденций. Общий недостаток работ представителей «военно – исторической школы» – чрезмерная идеализация созданной царизмом административно – судебной системы управления горцами. Однако в то же время, некоторые историки излагали неожиданно прогрессивные для своего времени и положения взгляды. «Звание Наместника было учреждено при чрезвычайных обстоятельствах, которых более не существует»,– отмечал Р.А. Фадеев в 1880 годах, ратуя за гражданское управление, сходное с управлением во внутренних губерниях России[53].

Представители дворянско – монархического направления В.Н. Потто, М.Н. Караулов и другие полностью одобряли политику царизма во всех её проявлениях, воздавали ей хвалу. Само происхождение толкало их на это. В.А. Потто (1836-1911) например, был из дворян Тульской губернии, обучался в Орловском кадетском корпусе[54]. Симпатии этих монархистов были полностью на стороне казачества, которое изображалось верным и почти единственным защитником самодержавия, его надёжной военно-полицейской опорой[55].

Вторая половина XIX века – важный период в отечественной науке, связанный с дальнейшим, более широким включением края в сферу

общероссийских научных интересов не только царских чиновников и официальных лиц, но и прогрессивных либеральных деятелей, учёных-естествоиспытателей, путешественников. Я.М. Абрамов, журналист – народник, придерживался в своих воззрениях буржуазно-либеральных взглядов. С переездом Абрамова на Кавказ большое место в его публицистике заняло описание горцев, их оригинальных традиций и обычаев. Проживая постоянно в Ставрополе, он часто выезжал в горные районы Северного Кавказа[56]. Я.В.Абрамов неоднократно выступал на страницах печати в защиту горцев, поднимал насущные вопросы горской жизни[57]. М. Владыкин много путешествовал по Кавказу. Результатом его наблюдений и изучений стал «Путеводитель и собеседник по Кавказу», выпущенный в 2-х частях. Книга настолько понравилась читателям, что была переиздана в 1885 году[58].

Из той части ссыльных поляков, которые решили навсегда остаться в России, особое место принадлежит известному кавказоведу Иосифу Викентьевичу Бентковскому. Не смотря на отсутствие специальной научной подготовки, он написал труды по статистике, краеведению, этнографии, географии, гидрографии, ирригации, лесоводству, рыболовству, коневодству, кустарной промышленности и транспорту. Глубокие исторические исследования на основе архивных материалов, почерпнутых как из местных архивохранилищ, так и из архива Министерства иностранных дел, проводил И.В. Бентковский[59]. Деятельный участник различных научных обществ И.В. Бентковский ещё при жизни заслужил авторитет и общественное признание. С 1871 года он являлся секретарём Ставропольского статистического комитета[60]. И.В.Бентковский создал атлас распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе. Атлас состоял из 5 карт, показывающих населённые места в 1778,1803,1828,1853,1873 и в 1878 годах[61]. Краеведческой тематике посвящено около 200 научных работ И.В. Бентковского. Научный уровень ряда из них, особенно по проблемам статистики, картографии, метеорологии, не уступал трудам профессиональных столичных ученых. Большинство работ Бентковского представляют собой краеведческое описание. Им присущи междисциплинарный подход и комплексность различных сведений: исторических, археологических, этнографических, статистических и географических[62].

Известный кавказский статистик и переводчик немецких трудов о Кавказе на русский язык, Н.К.Зейдлиц родился 25 июля 1831 года в Риге. Он закончил физико-математический факультет Дерпского университе-

та со степенью магистра. С 1858 года служил на Кавказе. В 1863 году начал работу в Главном управлении наместника кавказского. С 1868 года (31 год) стоял во главе Кавказского статистического комитета[63]. Особенно важной и необходимой для исследователей является работа Николая Карловича Зейдлица «Списки населённых мест Кавказского края», в которой показаны уникальные демографические данные[64]. Н.К. Зейдлиц (1831-1907) много путешествовал по Чечне, а потом делился своими наблюдениями с читателями[65].

В 1845 году состоялась первая командировка на Кавказ Г.В. Абиха. Знания учёного так поразили князя М.С. Воронцова, что он удержал Абиха и предоставил ему место чиновника особых поручений по горной части. В связи с этим назначением в 1847 году Абих отказывается от профессуры в Дерпте и начинается кавказский период его деятельности. Герман Вильгельмович Абих родился в Берлине 11 декабря 1806 года, а скончался в 1886 году в Вене. В 1831 году он получил звание доктора минералогии в Гейдельбергском университете. Изучению Кавказа Г.В.Абих посвятил более 42 лет своей жизни[66].

Адольф Петрович Берже родился 28 июня 1828 года в Петербурге, во французской дворянской семье, эмигрировавшей в Россию в 1805 году. А.П. Берже положил начало углубленному изучению вопроса мухаджирства. В работе «Выселение горцев с Кавказа», опубликованной в 1882 году в «Русской старине» он использовал многочисленные официальные донесения и статистические данные. Автор хотя и старался оправдать завоевание Кавказа и вытеснение части его населения в Османскую империю, всё же не мог обойти молчанием жестокости царизма по отношению к переселяющимся горцам[67].

В российской историографии термин «колонизация» утвердился со времён В.О.Ключевского и М.К. Любавского[68]. В интерпретации названных учёных он не носит, как в более позднее время, заидеологизированный характер, ибо основан на критериях цивилизационного характера, учитывающего природные и культурно-исторические особенности стран и народов[69]. Термин «колонизация» используется в данном исследовании в более широком смысле, свободном от идеологизации. Он включает в себя не только освоение, но и социокультурное содержание.

Следует также отметить, что в дореволюционном прошлом горские народы Северного Кавказа почти не имели своей интеллигенции. Подавляющее большинство работ по истории края принадлежало русским историкам и публицистам, большинство из которых являлись государс-

твенниками, что накладывало определённый отпечаток на их оценки деятельности русских властей. Поэтому особую ценность представляют немногочисленные работы местных авторов, которые стали появляться на рубеже XIX – XX веков, и представлявшие, хотя бы отчасти, голос той основной массы населения края, которая и была основным объектом «умиротворительной политики» и «цивилизаторской» деятельности правительства[70]. А.Х.Цаликов, Г.М. Цаголов, И.-Б. Саракаев, А.Г. Ардасенов и К.Л. Хетагуров в своих работах выступали в основном с критикой действий властей по отношению к коренному населению[71]. Известный экономист и публицист А. Ардасенов будучи чрезвычайно тонким наблюдателем, не упустил ни один момент из происходящих социально-экономических изменений; попытался установить причины каждого и дать им свою оценку[72]. Одной из ценных работ в дореволюционной историографии является исследование А.Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа», изданное в Тифлисе и показывающее социально-политические изменения, произошедшие в жизни народов Северного Кавказа в XIX веке. «Новые экономические отношения, в которых горцу приходится действовать, – писал Ардасенов, волей или неволей, как более развитые и могущественные подвергают его хозяйственный быт, культуру, серьёзному испытанию, увлекая за собой и подчиняя своему влиянию». По мнению Ардасенова, представление горца о вещах, явлениях, даже изменение отношения к торговле, к войне, увлечению вином, распространение воровства стали прямым или косвенным следствием того, что «горская культура не выдерживает борьбы с европейской торгово-промышленной культурой и уступает шаг за шагом на всех пунктах»[73]. Историко-этнографические работы А.Ардасенова и И.-Б. Саракаева дают достаточно деидеологизированное представление о некоторых элементах социальной организации горских обществ, особенностях менталитета различных народов, в том числе их поведение по отношению к соседям иных национальностей[74].

И.-Б. Саракаев прежде всего указывает на то, что главной причиной недоверия населения Чечни по отношению к властям явилось отступление царской администрации, после того как «политическим соображениям не осталось места», от тех обещаний, которые были даны чеченцам в прокламациях наместников М.С. Воронцова и Барятинского, особенно в части неприкосновенности их земель[75].

Г.М. Цаголов подвергал глубокому и тщательному анализу земельные отношения у горских народов и аргументировано доказывал катаст-

рофическое состояние земельной недостаточности, особенно у жителей Нагорной полосы Терской области. Глубокому исследованию Цаголов подверг процесс классовой дифференсации в горском селе[76].

Наиболее выдающимися представителями горской интеллигенции были поэт К. Хетагуров и богослов А. Гассиев. В публицистике Хетагурова (как в поэзии так и в прозе) нашли своё отражение тяжёлое социально-экономическое и политическое положение, острота земельного голода, обусловленные по его мнению, прежде всего жестокой колониальной политикой самодержавия в отношении горских народов[77]. К.Л. Хетагуров предлагал меры, которые могли бы ослабить остроту аграрного вопроса: покупка при помощи различных кредитных учреждений казённых и частновладельческих земель, организация более доступной аренды для бедных и др.[78]

А.А. Гассиев был одним из самых образованных людей своей эпохи. Афанасий Гассиев родился в 1844 году в осетинской крестьянской семье. В 1858 году, в возрасте 14 лет поступил во Владикавказское духовное училище. В сентябре 1867 года он стал студентом Киевской духовной академии. На степень кандидата богословия А.А. Гассиев представил работу «Коран, его происхождение и образование». В 1871 году ему было присвоено звание магистра. С 1872 года он занимал должность смотрителя духовных училищ Моздока. А.А. Гассиев прекрасно владел французским и немецким языками. В своих богословских работах Гассиев стремился найти точки консенсуса между христианами и мусульманами, то общее, что способствовало их взаимопониманию[79]. В публицистических работах А. Гассиев сравнивал земельное положение горцев и казаков, показывал и осуждал недостатки местной административной системы[80].

В начале XX века на фоне взрыва политической нестабильности в стране и на Кавказе появляется целый ряд работ, в которых авторы пытаются ответить на вопрос в чём причины «неурядиц» на Кавказе и что надлежит делать властям для исправления создавшейся ситуации в крае? Обсуждение данных вопросов стимулировала начавшаяся в крае разработка, по инициативе наместника Воронцова – Дашкова, реформ административного устройства на Кавказе. Ф.К.Гершельман, Г.А. Евреинов, Г.М. Туманов, А.Ф. Риттих, Н.М. Рейнке, Г.Г. Евангулов предлагают своё видение необходимых для умиротворения края реформ. Ф.К. Гершельман в книге «Причины неурядиц на Кавказе» отстаивает позицию сторонников сохранения исключительных форм управления

горскими народами ввиду их неготовности к восприятию более сложных форм общественного устройства, как, например, земства или суды присяжных[81].

Г.А. Евреинов, Н.М. Риттих, Н.М. Рейнке, Г.Г. Евангулов выражали умеренную точку зрения, выступая за постепенное распространение в крае общероссийских форм правления[82]. Реформаторская деятельность администрации царского правительства в общих чертах освещена в брошюре Г.Г. Евангулова «Местная реформа на Кавказе», в которую вошли опубликованные им в 1913 году на страницах газеты «Кавказ» статьи и корреспонденции. В них заострено внимание на органах управления самой низшей инстанции, рассмотрены некоторые проекты, разработанные с целью организации участкового и сельского управления. Г.М. Туманов ратовал за скорейшее распространения на Кавказе земского самоуправления, что должно было, по его мнению, способствовать росту благосостояния и «культурности» населения[83].

Изучению обычного права кавказских горцев были посвящены труды видных русских социологов и юристов М.М. Ковалевского и Ф.И. Леонтовича[84]. Максим Максимович Ковалевский (1851-1916) – историк, социолог, правовед и этнограф являлся одним из самых выдающихся деятелей конца XIX – начала XX века. Отсутствие расовых и национальных предрассудков делало Ковалевского гражданином мира. Огромный международный авторитет Ковалевского – юриста признала Англия, избрав его третейским судьёй в одном из конфликтов с Соединёнными Североамериканскими штатами. В обстоятельном труде «Закон и обычай на Кавказе» он проследил древние обычаи и социокультурные институты горских народов. Ковалевский считал ошибочными и даже вредными действия царского правительства по восстановлению норм адатов вместо установления шариата. М.М. Ковалевский считал что нормы шариата гораздо ближе к русским юридическим воззрениям и в отличие от адата, не поддерживают кровную месть. Так считали и многие другие русские учёные и политики того времени. Как известно, результатом стало внедрение шариатского законодательства на Северном Кавказе в первые годы советской власти (до сер.20-х годов). Детально разбирая функции казачества, понимая сложность служивого человека – казака, М. Ковалевский писал: «Не зовите его погромщиком и палачом, как бы не было заслужено им это прозвище, пожалейте, наоборот, это послушное орудие чужой неправды»[85]. Кавказское право привлекало внимание М.М.Ковалевского не только своей экзотичностью или исключительнос-

тью. По мнению Ковалевского, от изучения этого вопроса зависит не только научное понимание «кавказского права» как такового, но и сама суть внутренней политики России на Кавказе. Работы М.М.Ковалевского и по собранным сведениям, и по поставленным проблемам существенно отличаются от всей литературы на эту тему и до сих пор стоят особняком. М.М.Ковалевский привлёк широкий круг источников, в том числе и зарубежных, поставив своей задачей взглянуть на правовые явления того периода с трёх сторон – европейской, российской и кавказской, чтобы найти параллели в развитии правовых идей, традиций разных государств[86].

Ф.И. Леонтович описал осуществление и взаимодействие российского и адатного права, шариата и был, по сути, близок к обоснованию популярной сегодня теории юридического плюрализма на Северном Кавказе в дореволюционный период[87]. Исследования М.М.Ковалевского и Ф.И. Леонтовича позволили ввести в науку самостоятельное понятие и термин «горский феодализм», указывающий как на общие, так и на специфические особенности содержания феодальных отношений. Вместе с тем во всех работах о Кавказе они подчёркивали, что феодальные отношения развивались в условиях сохранения (а у некоторых народов – господства) многих родовых институтов[88].

В трудах европейских, российских и мусульманских мыслителей XIX начала XX вв. были сделаны усилия по-новому, исходя из разных посылок, проанализировать как значение ислама в мировой истории, так и специфику психологии российских мусульман. В сочинении «Божья благодать всеобща» татарский философ и теолог М. Бигиев (1875-1949) призывал к очищению исламской религии от всего наносного. Мулла Аминов в 1909 году выразил мнение, что идеи и принципы национального развития российские мусульмане позаимствовали, прежде всего от русских и отчасти от западноевропейцев, с которыми они всё больше соприкасались. Положительно отмечал он и улучшение коммуникаций, благодаря чему и установился обмен идей между российскими мусульманами и мусульманами Турции и Туркестана.

О мусульманах в русском обществе, однако, в целом всё ещё были распространены смутные представления, как верно писал в 1910 году оренбургский публицист П .Зет. Большинство считало, что их сограждане остаются «фанатиками». А между тем, отмечал он далее, среди них началось сильное «культурное движение». О том, на каких принципах мусульманские исследователи изучали собственную историю,

свидетельствует следующее признание. «История – есть биография народов, – писал один из авторов в 1916 году, – она занимается хладнокровно, не увлекаясь, близко не принимая к сердцу, занесением на своей бессмертной странице степени экономического, научного и политического здоровья или гнилости в жизни каждого народа, а также причин и решений, порождающих их..». Объясняя суть этой методологии, автор писал, что «..народы не могут укрыть свои национальные дела от расследований истории, не могут отвратить её решения, так как и история руководствуется больше мыслью, чем чувством, смотрит больше на дела, чем на слова, каждое национальное событие отмечает, как оно произошло в жизни, не обращая внимания ни на чьи слова, не склоняясь ни перед чьей бы то ни было силой»[89]. О критическом отношении к своему историческому труду говорил ещё О. Эйхельман: «Товарищей по предмету просить о снисхождении к моему незрелому труду, – не смею, но считаю себя вправе требовать от них внимания к вопросу и содействия к большему его выяснению. Пусть каждый даёт плод своего посильного труда; и слабый, но честный труд принесёт свою долю пользы»[90]. По мнению Д.С. Лихачева: «Отрицательный результат исследования – тоже результат, причем обычно самый бесспорный»[91].

В исследовании чеченской истории втор. пол. XIX века большое значение придано знакомству с теоретическими представлениями о национальном вопросе, бытовавшими в то время. Чтобы изучить данный аспект мы обратились к работам правоведов А.Д. Градского, И.А. Ильина, В.С.Соловьёва[92]. Интерес к теории обусловлен тем, что, с одной стороны, она влияла на формирование этнической политики самодержавия, а с другой, создававшие её учёные сами опирались на существующую практику в этом вопросе[93]. Классические образцы историко-правового исследования сложились именно в 60-90-е годы XIX века и связаны с именами историков русского права – А.Д. Градовского, М.М. Ковалевского и Ф.И. Леонтовича. Эти выдающиеся учёные работали над разными периодами истории, в центре их внимания были различные проблемы, но их объединяло общее теоретическое и методологическое видение исторических особенностей России. Право для них стало инструментом, сквозь призму которого они надеялись «разглядеть» реальную историю России с точки зрения воплощения в ней идеи государства[94].

Правовед Александр Дмитриевич Градовский родился 13 декабря 1841 года. В 1862 году закончил Харьковский юридический факультет, а уже 8 ноября 1866 года защитил магистерскую диссертацию. С 12 янва-

ря 1867 года являлся штатным доцентом Петербургского университета. В возрасте 27 лет он защитил докторскую диссертацию, по своим взглядам был близок к славянофилам[95]. Интересной и поучительной для кавказоведов является работа А.Д. Градовского «Современные воззрения на государство и национальность», в которой он объективно освещает многие актуальные вопросы правосознания россиян[96].

В последнее время произошёл мощный всплеск интереса к обычному праву. В значительной мере он инициирован известными отечественными учёными Г.В. Мальцевым и Д.Ю.Шапсуговым, начавшими разработки теории обычного права[97]. В юридической науке получило распространение их воззрение на традиционную правовую культуру, в том числе народов Северного Кавказа, основанное на том, что обычное право – не атавизм из прошлого, а постоянный фактор правового развития общества[98].

Важнейшими для понимания нравственной сути происходивших событий на Кавказе являются работы известных философов В.С. Соловьёва и Б.Н. Чичерина. Владимир Соловьёв родился 16 января 1853 года в семье выдающегося русского историка Сергея Михайловича Соловьёва, закончил Московский университет и был вольнослушателем Московской духовной академии. В системе В.Соловьёва запечатлена тесная связь нравственности и истории, необходимая в его понимании для осуществления нравственной цели жизни не только отдельного человека, но и всего общества[99].

Написанные более 100 лет назад философские сочинения Б.Н. Чичерина, находившие живой отклик у его современников, они и сегодня сохранили актуальность для определения вектора общественного развития[100]. Для разработки политической истории Чечни втор. пол. XIX века особенно важной является работа Б. Чичерина «Курс государственной науки», в которой он раскрывает особенности общего государственного права Российской империи[101].

К сожалению, экономической истории края в дореволюционный период уделялось недостаточно внимания. Русский капитализм требовал рынка производства и сбыта товаров, поэтому царизму необходимо было соответствующим образом приспособить экономику окраин к задачам буржуазного развития России. Не смотря на достаточный объём источников вопросы развития промышленности и сельского хозяйства в крае со второй половины XIX века не получили должного освещения[102].

Советская историография кавказоведческих проблем имеет свои особенности. Очевидно, что приблизительно до конца 80-х гг. XX века советские историки слишком увлекались изучением социально-экономических явлений и уделяли недостаточное внимание исследованию надстроечных категорий (управления). Ещё одна отличительная черта исторических исследований данного периода – преувеличение в них степени национально-освободительной борьбы горцев после завершения Кавказской войны, степени их социальной активности и вовлечённости в революционное движение в начале XX века[103].

Межнациональное противостояние на Северном Кавказе имело под собой комплекс причин экономического, социально-правового, религиозно – культурного и исторического характера, которое в советское время рассматривалось исключительно с классовых позиций[104]. Ещё в рамках безраздельно господствовавшего в советской науке формационного подхода учёные столкнулись при изучении Кавказа с рядом сложных методологических проблем. Применительно к истории народов Северного Кавказа и Дагестана единый подход к определению типологии и уровня развития горских и кочевых обществ до присоединения к России выработать не удалось. Социальные отношения у горцев квалифицировали как родоплеменные, и феодально-рабовладельческие, и полуфеодально – полупатриархальные, и раннефеодальные, и развитые феодальные. Характеристика общественного устройства горских народов давалась во многих работах от противного: феодальные, т.к. не рабовладельческие, патриархальные, т.к. не феодальные и т.д.[105] В 30-40-е годы XX века в исторической литературе господствовала точка зрения И.В. Сталина о патриархально-родовой общине отдельных кавказских народов в XIX нач.XX вв., со временем эта теория трансформировалась, но не столь значительно и некоторые учёные придерживаются сталинской точки зрения до сих пор.

На различных этапах развития советской историографии интерпретация вопросов истории мухаджирства (эмиграционного движения) зависела от «методологических» характеристик русско-кавказских отношений, последовательно сменявшихся в нашей идеологии и науке («Россия – тюрьма народов», « абсолютное зло», «наименьшее зло», «объективно-прогрессивные последствия присоединения» и «добровольное вхождение на основе вечной дружбы»), а также поворотов в развитии международных отношений и во внутренней политике нашей страны[106]. Долгое время промышленное развитие на Северном Кавказе

не было предметом специального изучения, её история изучалась лишь в связи с революционным движением.

С середины 30-х годов до конца 40-х годов XX века вышло очень мало специальных работ по кавказоведению. В изданных работах общественный строй горских народов определялся как родовой с элементами рабства и феодализма. Немаловажное значение для историков имело положение в резолюциях X съезда РКП (б) о переходе горских народов к социализму от патриархально – родового быта. Это осложняло научно-объективное определение характера аграрных отношений в целом[107]. А. Авторханов в 1930 году в Грозном констатировал: «История Чечни не написана, а проделана. Рутина исторической мысли в области кавказской историографии продолжает господствовать и поныне…. Такое впечатление, что тяжёлый генеральский сапог до сих пор продолжает беспощадно давить чересчур свободолюбивую голову чеченца»[108].

В работе Г.К. Мартиросиана «Терская область в революции 1905 г.», увидевшей свет в 1929 году, немного затрагиваются вопросы административного управления в Терской области в начале XX века. Автор приводит материалы работы комиссии Владикавказской Городской думы в 1905 году, в которых обстоятельно излагались отрицательные стороны административного управления областью[109].

В 30-40-х гг. XIX века выходит ряд работ, посвящённых крестьянской реформе, проводимой в Кабарде, Северной Осетии и других, отдельно взятых регионах[110]. Большое внимание уделяется национально-освободительному движению в Чечне и Ингушетии[111].

Только в XXI веке наши отечественные историки, занимающиеся историей Кавказа и проблемами народно-освободительного движения горцев Северо – Восточного Кавказа в 20-50-х годах XIX века, получили долгожданный доступ к труду крупного историка-кавказоведа Н.И.Покровского; спустя пять десятилетий после смерти автора он смог увидеть свет благодаря усилиям сына Покровского – академика Н.Н. Покровского[112]. В том, что, не смотря на весьма положительные отзывы таких специалистов, как академики И.Ю. Крачковский, Б.Д. Греков, Н.М.Дружинин, книга, принятая к печати тремя издательствами, пролежала в них с 1934 по 1950 год, но так и не была опубликована, – необычного мало. Удивительно то, что кропотливый исторический труд, и, не будучи изданным, довольно интенсивно использовался в советском кавказоведении. Движение под руководством Шамиля всегда было темой очень острой. Печатать книгу было страшно, но и не печатать – тоже:

ещё не успела смениться официальная партийная идеология, призывавшая разоблачать колониальную политику царизма на окраинах. Как бы то ни было, издательским работникам удавалось отправить рукопись вместо типографии на новое рецензирование, а затем выставить новый список идеологических требований.

В своей работе Н.И. Покровский подчёркивал, что историку приходится, прежде всего, заниматься анализом действительных, а не изуродованных официальными авторами общественных отношений в Чечне. Глубокое изучение наличного в то время фактического материала убедило исследователя в том, что в чечено-ингушском обществе выделялся верхушечный слой, который сосредоточил у себя довольно крупные земельные угодья и весьма интенсивно использовал общинные земли, владел рабами и держал в зависимости лично свободных крестьян. Если это так, то может ли речь идти о господстве здесь родоплеменных отношений? Не правильнее было бы оценивать сложившиеся в начале XIX века общественно-экономические отношения как раннефеодальные?[113] Кстати сказать, такого мнения, позднее, стали придерживаться большинство кавказоведов[114]. Монография Н.И. Покровского, рекомендованная к печати в 1946 году, тогда была высоко оценена академиком И.Ю.Крачковским как «исследование, равного которому нет в нашей литературе ни по объёму, ни по количеству использованного материала, ни по вдумчивости исторического анализа», остаётся в кавказоведении трудом большой научной значимости, ибо до сих пор мы не располагаем ни одним исследованием, где был бы дан основательный анализ внутриполитической истории движения горцев и проблем государственного и законодательного устройства, а также внешнеполитических отношений имамата Шамиля.

И.Ю. Крачковский, отмечая в этом труде высокий уровень использования первоисточников, как архивных, так и опубликованных, ставил автору в особую заслугу то, что им был выполнен первый по времени обзор арабских источников «горского» происхождения. В этом плане труд Н.И.Покровского представляет большой вклад в арабское источниковедение. Анализ введённых им в научный оборот арабских рукописных памятников, среди которых немало собранных им лично, представляет образец источниковедческой методики, и его оценки источников сохраняют свою значимость и на сегодняшний день[115].

В 30-40-е годы XX века особенно стало актуально изучать роль личности в истории. В советской историографии работы, освещающие

деятельность М.Т. Лорис-Меликова, можно разграничить на сферы: военную и политическую. В 1942 году, например, в Ереване вышла книга А.Эльчибекяна «Генерал-адъютант М.Т. Лорис-Меликов», в которой характеризуется только его военная деятельность, причём без ссылок на источники и публикации[116]. В 1947 году Н.В.Епанешников защитил докторскую диссертацию на тему: «Политический проект М.Т. Лорис-Меликова». В данном научном труде целый ряд важнейших аспектов его биографии, военной и административной, остаётся по прежнему недостаточно изученными[117]. В настоящее время много внимания уделяется изучению человеческого фактора в историческом процессе. Интересной, поучительной, неординарной и непосредственной в своём методологическом исполнении является статья известного кавказоведа В.В. Дегоева, посвящённая рассмотрению истории становления весьма неоднозначной личности – генерала Муссы Кундухова. Дегоев сумел увидеть в данном человеке не только отрицательные черты поведения, связанные с корыстью и карьеризмом, которые сильно бросаются в глаза и кажутся очевидными при исследовании, но и отметил положительные характеристики этого человека, его раскаяние и метания между службой интересам народа и Отечества, приказами руководства и долгом совести[118].

Начиная с 40-х годов XX столетия история кавказского мухаджирства становится предметом специального исследования советских учёных. Историки пытались разрешить проблемы, связанные с переселением горцев в Турцию. М.С. Тотоев по существу был первым, кто дал развёрнутый анализ кавказского мухаджирства. В своих специальных работах (кандидатской диссертации «Переселение горцев Северного Кавказа в Турцию», защищённой в 1943 году и опубликованных статьях), а также в общих трудах по истории Северной Осетии, М.С. Тотоев рассматривал осетинское, кабардинское и вайнахское мухаджирство на фоне общекавказского переселенческого движения, явившегося, по его словам «всекавказским злосчастием, трагедией для горцев». Сформулировав основные причины переселения горцев, М.С. Тотоев рассматривал его как одну из форм протеста народных масс против колониального режима, насаждавшегося царизмом. В рупоре коммунистической пропаганды – газете «Молодой коммунист», Тотоев был обвинён в склонности «…не видеть враждебного влияния ислама как по отношению к горцам, так и к русским»[119].

Интерес к вопросам мухаджирства возрос в 50-60-е годы XX века. Анализ переселенческого движения на Северном Кавказе привёл Х.О.

Лайпанова к выводу, что основной причиной ухода горцев был двойной гнёт – гнёт царизма и гнёт местных феодалов и князей[120]. Заслугой советской историографии можно считать разработку темы мухаджирства, не исследованную в достаточной мере в дореволюционный период.

В 50-60-е годы XX века продолжается регионализация исторических исследований, когда в рамках довольно большого исторического периода изучается отдельно взятый народ, его формационное развитие и борьба против царского правительства[121]. С 1959 года в Грозном выходили труды, известия, сборники статей Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. В этих изданиях печатались статьи, как местных учёных, так и исследователей из центральных регионов страны, которые освещали те или иные проблемные вопросы истории Чечни. Материалы ЧИНИИ явились большим подспорьем в разработке многих изучаемых тем[122]. Советские историки слишком увлекались в своей работе изучением социально-экономических явлений и уделяли недостаточно внимания исследованию надстроечных категорий (управлений). В кавказской историографии не было обобщающих работ по административной деятельности царского правительства на окраинах, хотя в комплексных трудах эти вопросы затрагивались. Так, в 1965 году И.Ф. Мужев провёл исследование социально-экономического и политического положения горцев в интересующий нас период[123]. Его книга содержит главу «Аппарат колониального управления», в которой автор попытался дать характеристику царской администрации на Северном Кавказе. По его мнению, в основе её деятельности был произвол по отношению к местному населению, распространённым явлением были взятки и поборы с населения.

Следует также отметить роль научных разработок Н.П. Ерошкина, который раскрыл основные принципы становления административного управления и его особенности. Отмечая прогрессивные стороны административных преобразований (ликвидация феодальной раздробленности), автор в то же время указал, что политические права местного населения были значительно урезаны[124].

Проблема национально-освободительного движения на Кавказе продолжала оставаться объектом пристального внимания исследователей. В трудах С.К. Бушуева, А.М. Дружинина, М.В. Покровского, А.В. Фадеева Кавказская война оценивалась как проявление завоевательной политики царизма, а движение горцев, как национально-освободительное, антиколониальное[125].

С ростом сельскохозяйственного и промышленного потенциала Северного Кавказа возрастал интерес и к его аграрной и индустриальной истории. Правда, основные усилия местных исследователей сосредотачивались главным образом на анализе сложных и противоречивых земельных отношений и развитии Грозненского нефтепромышленного комплекса. Наиболее капитальной работой по истории нефтяного дела в Терской области является книга Л.Н.Колосова (1962) и, хотя она не свободна от некоторых политических издержек, в целом это историко-техническое исследование изменений технических объектов в социально-экономической обусловленности выполнено на хорошем профессиональном уровне[126]. В 70-80-е годы Л.Н.Колосов продолжает вести работу по анализу развития Грозненской нефтяной промышленности в период империализма. Автор рассматривает процессы проникновения иностранного капитала в нефтяную промышленность, процессы концентрации производства, конкурентную борьбу. Отмечается им также важнейшая особенность Грозненской нефтяной промышленности по сравнению с российской – образование монополии синдикатского типа[127].

В 70-80-е годы XX века было написано достаточное количество работ по истории Терского казачества, истории развития городов Северо – Восточного Кавказа[128]. Также большое количество работ было посвящено исследованию материальной культуры различных народов[129]. Особенно ценным и оригинальным в своём исполнении стало исследование С.-М.А.Хасиева, проводившееся им в течение ряда лет (1968-1971), на полевом этнографическом материале в различных районах Чечено-Ингушетии. Хасиев впервые собрал и систематизировал все доступные на тот период орудия сельского хозяйства чеченцев. Свои научные открытия для широкой публики он представил в ряде научных статей и кандидатской диссертации, защищённой им в 1973 году[130].

Интерес к проблемам, связанным с административной деятельностью царских властей на Северном Кавказе заметно усиливается с конца 70-х годов. Таким образом, спустя почти более полувека на страницах исследований вновь появляется управленческая проблематика, касающаяся Северо-Кавказского региона в дореволюционный период. Естественно, что данный вопрос рассматривался уже с совсем иных методологических и идеологических позиций. Большая часть данных работ была создана в регионах, северо-кавказских научно-исследовательских центрах и учебных заведениях. В этот период встречаются как

обобщающие труды, так и отдельные разделы в комплексных работах, а также публикуются разнообразные научные статьи. В работах А.И. Хасбулатова, К.С. Кокурхаева, Б.Х. Ортабаева исследуются: структура административной системы управления на Северном Кавказе, функционирование её отдельных элементов, административно-территориальные изменения на Северном Кавказе после Кавказской войны[131]. Ценность исследования К.С. Кокурхаева «Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей» заключается в том, что он первый, как среди дореволюционных, так и советских авторов, занимавшихся северокавказской проблематикой, подробно останавливается на том, как действовало низшее звено в системе управления краем – общественное управление сельских (аульных) обществ, какими полномочиями обладали сельский сход и сельские старшины. Он указывает, что традиционная демократичность сельских (аульных) обществ была сильно ограничена царской администрацией, сельский сход приобретал не свойственные ему прежде полицейско-фискальные функции, а старшины, будучи фактически ставленниками администрации, в первую очередь защищали её интересы и проводили угодную ей политику[132].

Многие положения об ограниченности полномочий общественного управления в сельских обществах в связи с введением «Положения об аульных обществах» в Терской и Кубанской областях в 1870 году, в работах А.И. Хасбулатова совпадают с мнением Кокурхаева. Но Хасбулатов, вместе с тем, считает нужным отметить один положительный момент, указывая на то, что с введением «Положения» сельское горское население впервые получило единообразное устройство и стало регулироваться едиными юридическими нормами[133].

Северокавказский историк Н.Г. Гриценко в монографии «Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции» сосредоточил своё внимание на социально-экономической проблематике. Но в работе также затронут и вопрос о роли царской администрации в сложном процессе развития капиталистических отношений в регионе, во взаимоотношениях между горцами и казаками. По мнению автора, самодержавие укрепляло колониальный режим в крае, опираясь на донское, кубанское и терское казачество. Указывает автор и на то, что обычным методом подавления непокорности горцев были полицейские преследования и расправы без суда и следствия. Вывод Н.Г. Гриценко о том, что одной из главных задач политики царизма на Кавказе было экономическое и политическое угнетение

местного горского населения достаточно распространён в исторических исследованиях этого периода[134].

Жёсткую оценку деятельности царской администрации даёт в своей статье Б.Х. Ортабаев. Уже само название «Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв.» предполагает направленность выводов автора. Он считает, что основу всей политики администрации в горских районах Северного Кавказа составляли формировавшиеся в течение многих десятилетий представления о неполноценности, второсортности, дикости горских народов. Отсюда проистекали неограниченная военная власть начальников областей; военно-народное управление, которое, по его мнению, в конце XIX века скинуло всякую маску и стало олицетворением великодержавного шовинизма; грубая политика механического обрусения на Кавказе; крайне репрессивные методы управления и произвол властей. Таким образом, из статьи Ортабаева напрашивается вывод о том, что деятельность властей на Северном Кавказе постоянно и неуклонно двигалась в сторону ужесточения режима, никаких отступлений и, хотя бы, временных отклонений от этого курса не существовало. Думается, что реальная практика взаимоотношений горцев и официальных властей, при всей её драматичности, а порой и трагичности, была гораздо более многообразной и сложной[135].

В большинстве работ советского периода давались негативные оценки системы «военно-народного управления» с точки зрения учёта политических и экономических интересов горского населения. Упор делался на то, что основным содержанием «военно-народного» управления являлось усиление военно-фискальной эксплуатации горцев. При этом в работах данного периода разоблачение жестокой колонизаторской политики царского правительства соседствует с мотивами о дружеских отношениях России и Кавказа, основанных на классовой солидарности, взаимном хозяйственном, культурном и бытовом общении. Также вопросы административно-политической деятельности российских властей в Терской области получили освещение в целом ряде учебных пособий[136]. В этих коллективных трудах затрагивались вопросы административного, территориального устройства областей Северного Кавказа вплоть до 1917 года. Также было издано много книг, подробно рассматривавших социально-экономические и политические причины антиправительственных выступлений, имевших место на территории Терской области после завершения Кавказской войны, их ход и последствия. Особенную

роль в этих исследованиях следовало бы отнести работам кавказоведа В.Н. Ратушняка. Научные работы, выполненные В.Н. Ратушняком, отмечаются новизной постановки проблем и новизной научных выводов. Учёный привлекал для исследования широчайший круг источников, в основном статистических, к которым применял математические методы исследования[137].

В работах 70-80-х годов XX века практически не освещались разногласия в правящих кругах России, возникавшие при формировании административной политики на Кавказе. Первым автором, обратившим внимание на необходимость исследования проблемы складывания правительственной программы деятельности по административному устройству Кавказа, выяснения общих принципов управления этой имперской окраиной, являлась Н.С. Киняпина. Её статья в журнале «Вопросы истории» за 1983 год заметно выделялась по своему содержанию на фоне тогдашних исследований административно– политической деятельности имперских властей на национальных окраинах. Проанализировав особенности российской административной политики на Кавказе, Киняпина отметила продуманность и постепенность внедрения новых институтов управления горскими народами, общую лояльность при проведении административных мероприятий[138].

Этапным в исследовании истории мухаджирства стал фундаментальный труд Г.А.Дзидзария, опубликованный в 1975 году. Монография Дзидзария представляет собой первый опыт комплексного исследования проблем переселенческого движения на Кавказе. Хотя работа и посвящена в основном абхазскому мухаджирству, автор рассматривает последнее в контексте общекавказского переселенческого движения на протяжении всего XIX века[139].

В советской историографии практически не было работ, за исключением немногих монографий и статей, освещавших позицию царских властей в отношении мусульманского духовенства, всегда оказывавшего огромное влияние на местное население[140]. Не затрагивался также вопрос, касавшийся попыток правительства поставить под контроль деятельность духовных лиц через её законодательную регламентацию. В трудах историков советского периода не получила достаточного освещения деятельность русско-мусульманских школ, церковно-приходских училищ, а также их роль в прогрессе народного просвещения. Историки советского периода, рассматривая политику царского правительства в области школьного образования, выпячивали лишь нега-

тивные стороны её влияния на развитие школы, не уделяли должного внимания показу объективно-исторических, позитивных последствий этой политики. Многие авторы, рассматривая влияние России на становление светской школы, упускали из виду её воздействие на развитие традиционного мусульманского образования. Вне их поля зрения оказались и вопросы о том, в какой мере просветительские движения в разных регионах империи оказали влияние на религиозную школу кавказского края[141]. Решительный пересмотр методологических основ отечественной исторической науки, начавшейся, как известно, на исходе 80-х годов XX века, активизировал внимание исследователей и к истории российских мусульман. В результате многое было сделано для восполнения пробелов в историографии, появилась возможность извлечь из архивов целые пласты новых материалов, как по истории ислама, так и мусульманского населения России[142]. Работа одного из крупнейших исламоведов профессора М.А. Батунского (1933-1997) является до сих пор единственным широкомасштабным исследованием отношения России к исламу и мусульманам с X до начала XX века. Написанная в контексте опыта и достижений мирового социокультурного знания второй половины XX столетия, книга М.А. Батунского проливает новый свет на специфику национально-государственного, культурного и религиозного становления русского, а вместе с ним и многоэтнического российского народа на разломах географических зон, исторических эпох и цивилизаций, на взаимодействиях несхожих духовных, этнокультурных и идейных потоков[143].

Интерес к общественной жизни дореволюционной России проявлялся в советское время, главным образом, в изучении истории профсоюзных обществ и корпораций, а также в исследовании некоторых групп научных и сельскохозяйственных обществ. Многие проблемы общественной самодеятельности – история благотворительных организаций, правовое положение добровольных обществ, взаимоотношения общественных организаций и власти и т.п. практически полностью выпали из поля зрения историков. В советской историографии отношение к различным обществам дореволюционного времени было настороженным[144].

С середины 1980-х годов советское кавказоведение, как историческая наука в целом, вступило на путь преодоления ошибок и извращений периода «застоя», появились новые темы для исследования. Возник новый мотив в освещении деятельности государственных мужей, слу-

живших в крае: А.П. Ермолова, Д.С. Старосельского и многих других. Активно начал использоваться метод сравнительно-исторических параллелей не только в вертикальном срезе (хронологическом), но и в горизонтальном (географическом). Изучение народов Кавказа было направлено теперь к обобщению и переосмыслению накопленных знаний[145]. Исследования советского периода ценны содержащимися в них материалами фактографического характера, а также постановкой ряда новых исследовательских проблем, таких, как роль экономического фактора в социально-политических процессах; формы протеста населения против политики имперских властей; особенности функционирования низших звеньев в системе административного управления – общественного управления сельских (аульных) обществ. Вне поля зрения советских историков, по вполне понятным причинам, находилось взаимодействие двух цивилизаций – русско-православной и горско-мусульманской, в условиях распространения на Северном Кавказе российского государственного управления. Тенденция к деперсонализации истории в советский период обусловила отсутствие заметных работ, связанных с исследованием роли отдельных деятелей кавказской администрации в организации системы управления в регионе.

Одним из обстоятельств, глубоко травмировавших национальное сознание чеченцев в начале 80-х годов XX века, стала концепция так называемого добровольного присоединения Чечни к России, подготовленная и широко разрекламированная В.К. Гардановым, М.М. Блиевым и В.Б. Виноградовым. Справедливости ради надо отметить, что научная несостоятельность концепции и политический вред её были доказаны ещё задолго до Чеченской войны. Но оскорбление, нанесённое неоднократно подвергавшемуся геноциду чеченскому народу оставило после себя долгий и неприятный след[146].

С 40-х годов XX века начал формулироваться и обосновываться тезис о добровольном присоединении к России различных народов как «наименьшем зле» для них. Интересно, что данный тезис, будучи некорректным, по форме и по сущности, позволил советским историкам создать прекрасно документированные исследования, посвящённые национальной политике в различных регионах, дабы развенчать постулат о «наименьшем зле»[147]. Как мудро замечал ещё Владимир Соловьёв: «Обличение неправды не есть ещё её упразднение, но это последнее, не будучи в наших силах, не лежит и на нашей обязанности. Мы обязаны только не быть равнодушными и безучастными к борьбе

правды с кривдой в доступной нам области действия»[148]. Формально же некорректность тезиса о «наименьшем зле» заключается в нарушении закона исключения третьего, путём введения в историческую науку много вариантности развития, т.е. осуществляется отрицание принципа детерминизма[149].

В советской историографии стали интенсивно складываться два главных направления в изучении истории российских народов дооктябрьской эпохи. Первая из них, постепенно отходя от теории «наименьшего зла», так и не смогло фактически преодолеть идеи и штампы колониальной экспансии царизма. Вторая тенденция, исходя из справедливой посылке о недопустимости изображения дореволюционной истории сплошной чёрной краской, приглушала и замалчивала антагонистическую классовую природу самодержавия. В дальнейшем на этой почве выросла политизированная концепция сплошного прогресса и добровольности вхождения народов в состав Российской империи. Таким образом, проблема вхождения народов Кавказа в состав России изучалась и эволюционизировала в контексте двух основных концептуальных построений: теории колониального завоевания и концепция мирного добровольного присоединения[150].

Своего апогея теория «добровольного присоединения» достигла в годы застоя, в условиях господства официальных установок по «воспитанию историей». В руках определённых кругов административно – бюрократического и партийно-пропагандистского аппарата тема присоединения стала одним из средств показной идеологической работы на местах. Обычно вне зависимости от реальной истории и характера вхождения проводили кампании всенародных юбилеев «добровольного» присоединения… Столь громкие, шумные мероприятия нередко использовались местными правящими элитами для придания значимости своей власти, «выбивания» из центра новых бюджетных средств и др.[151]

Уже в 1960 году профессор В.К. Гарданов сформулировал и фактически обосновал идею, согласно которой «...вся территория Северного Кавказа вошла в состав Российской империи» в результате целой серии разнообразных политических акций во второй половине XVIII века.

В 1970 году М.М. Блиевым была дана сущностная оценка процесса российско-северокавказских отношений в исторической науке. Он предложил выделить 2 этапа в периодизации истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией: 1)установление дружеских русско-кавказских связей и добровольное присоединение народов Кавказа к

России (50-е г. XVI в. – нач. XIX в.); 2)утверждение на Кавказе царского военно-административного аппарата, развёртывание освободительной борьбы горцев против местных феодалов и насаждение самодержавных порядков (1813-1864 гг.)[152].

Вслед за М.М. Блиевым В.Б. Виноградов пишет, что «привычное употребление понятий колониальная политика, колониальный режим, колониализм в контексте исторической действительности нашего края в дореформенной, в докапиталистической ещё эпохе вызывает сегодня сомнение». Он утверждает, что действия царских войск имели оборонительный характер, а жестокости, применяемые к горцам – это дело рук лишь отдельных военных деятелей, которые якобы превышали свои полномочия. В публикациях В.Б. Виноградова подвергается сомнению сам факт наличия и проведения колониальной политики царизма на Северо – Восточном Кавказе в XIX веке, мотивируемый тем, что понятия и термины «колониальная политика», «колониализм» – суть категории капиталистической, буржуазной эпохи в истории человечества, а в России в указанный период развитие капитализма только начиналось, и, соответственно, «Кавказ, (и любой его отдельно взятый район) не был колонией России в том формационном понимании, которое только и могло бы пояснить правомочность термина «антиколониальная борьба» применительно к освободительному движению его народов». Вполне можно согласиться с тем, что необходимо разборчиво употреблять термины «колониальная политика», «колонии», «колониализм» и т.д., а также и с тем, что даже капиталистическая колониальная политика существенно отличается от колониальной политики финансового капитала, а характер административной политики царизма не совсем укладывается в «колониальный стереотип», и в том, что колониализм – это система многосторонних (экономических, политических, национальных, социальных, идеологических отношений) и даже с тем, что колониализм – это не только и не столько политическое подчинение, а, прежде всего экономическая эксплуатация колоний, ее ресурсов и рабочей силы в интересах капитала метрополий. Однако элементы колониальной политики, особенно в сфере экономики, присутствовали и это уже было многократно доказано в исторических исследованиях[153].

Взгляды и «новые подходы» М.М. Блиева и В.Б. Виноградова широко и аргументировано критиковались большинством историков-кавказоведов[154]. Историк В.Н. Невская констатировала, что «нельзя согласиться с мнением М.М. Блиева, который на первое место ставит военную фун-

кцию сельской общины, организацию набегов, считая её более важной, чем хозяйственная.» По ее мнению это не только не подтверждается историческим и этнографическим материалом, но и противоречит ему. Концепцию В.П. Невской, высказанную в 1985 году поддержали также М.А. Абдуллаев, А.И. Халилов, Г.Г. Гамзатов, Х.М. Ибрагимбейли и др.[155].

По идее М.М. Блиева и В.В. Дегоева, религия понадобилась набеговой системе, которую она снабдила недостающим идеалом – лозунгом борьбы против неверных и тем самым дала ей дополнительный морально-психологический импульс[156]. Один из учеников школы В.Б. Виноградова О.Ю. Клычников, в своей докторской диссертации делает вывод, согласно которому «набеги, являвшиеся своеобразным промысловым институтом у горских народов, одновременно использовались и как средство эффективной обороны собственной территории от внешней, в данном случае российской угрозы»[157]. О том, что казаки не пренебрегали грабежами и набегами отмечает в своей работе и О.С. Мутиева. В ходе изучения данного вопроса она выяснила, что предания полны сообщений о том, что казаки «пускались на добычу в горы к лезгинам и другим народам и всегда возвращались не с пустыми руками, а с лошадьми, скотом, оружием…» Судя по преданиям и письменным источникам, казаки контролировали некоторые переправы и дороги, взимая дань[158]. По мнению О.Г. Ворониной «Чечня – своего рода «набеговая» цивилизация, которая породила в начале XX века абречество, а в конце XX столетия – чеченскую мафию и боевиков, известных далеко за пределами Чечни. Можно сказать что здесь идет речь о национальных особенностях горцев, которые, конечно же, нельзя упускать из виду…»[159].

Х.М. Мусаева, кандидат юридических наук, считает, что в причинный комплекс состояния преступности на Северном Кавказе во второй половине XIX века наряду с причинами и условиями общего характера входили и специфические факторы. Во многом данная преступность была обусловлена тем, что горцы были вытеснены с исторически принадлежащих им земель. Естественно, горцы с этим не могли смириться. Незаконный оборот оружия на Северном Кавказе являлся одним из наиболее сильнодействующих криминогенных факторов. Объем незаконного оборота оружия значительно увеличивался во время обострения политических противоречий, т.к. служил одним из средств их решения. Ко времени Революции 1905 года незаконно обращающегося на Кавказе оружия было так много, что, как следует из циркулярного сообщения

помощника по гражданской части наместника на Кавказе от 15 февраля 1907 года «проживающие в Сибири уроженцы Кавказа, занимающиеся тайной покупкою для Кавказского края казенных винтовок, получили распоряжение прекратить высылку винтовок, так как в последнее время на Кавказ доставлено слишком много оружия и цена на него упала до ничтожной суммы». Существовала нелегальная торговля оружием и во время Кавказской войны[160].

В 1980 году вышла книга «Навеки вместе» (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). Секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС М.О. Бузуртанов в данной работе обозначил 1781 год как дату, когда чеченцы «влились в состав единого Российского государства». Истоки процесса добровольного вхождения населения Чечено-Ингушетии в состав России, по его мнению, уходят своими корнями в эпоху Древней Руси. Далее он предупреждает: « Ни в коем случае нельзя смешивать такие неравнозначные, происходившие в разное время события, как добровольное вхождение чеченцев и ингушей в состав России и окончание так называемой Кавказской войны»[161].

Виталий Борисович Виноградов обличал дворянских историков в том, что благодаря их теории «насильственного присоединения диких и необузданных народов к цивилизованной державе» родился «...миф о Кавказской войне и присоединении Чечни в 1859 году к России, после поражения имамата Шамиля». Немалые усилия, по его мнению, приложили к этому и буржуазные националисты из числа горских народов (А. Авторханов и др.), в работах которых постулировались идеи о насильственном присоединении Чечено-Ингушетии к России[162].

Со стороны приверженцев теории «добровольного вхождения» полемика, как правило, велась в прежнем стиле теоретической схемы и «моральные» оценки преобладали над системой доказательств, стремление осудить или похвалить – над профессиональной готовностью понять суть явления. Так, по мнению В.В. Лапина, работы М.М. Блиева и В.В. Дегоева являются едва ли не единственным просветом в постсоветском отечественном кавказоведении. Прежде всего ему показались «революционными» высказывания М.М. Блиева о том, что Кавказская война не носила национально-освободительный, антиколониальный характер. Очень ценными, по мнению Лапина, были сделаны замечания М.М. Блиева о том, что в течение трех лет – с осени 1834 г. до весны 1837 г. – имам Шамиль не имел боевых столкновений с русскими «колонизаторами», он подчинял себе вольные общества Дагестана. По мнению В.В. Лапина, война на

Кавказе была слишком сложным явлением, чтобы ее можно было отнести к какому-то определенному типу вооруженного конфликта. На Тереке и Кубани, например, он видит и элементы фронтира, неотъемлемой частью которого является, по его мнению, военная тревога, и элементы государственной экспансии. Подытоживает Лапин свою статью тем, что считает Кавказскую войну законченной после подавления восстания 1877-1878 гг. в Дагестане и Чечне[163].

Исследователь В.С. Дякин в своих работах стремился идти за историческим материалом, а не подбирать ссылки для подкрепления собственных построений, никогда не пытался следовать чужим, особенно официально одобренным концепциям. В своём исследовании «Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач.XX в.) он прямо заявляет, что только к Грузии можно без натяжек применить «навязшую в зубах» формулировку о добровольном присоединении к России[164]. Г.Н. Малахова разделяет Кавказ по способу присоединения к Российской империи на несколько частей. По её мнению добровольно в состав России вошли: Кабарда, Осетия, Ингушетия. В результате военной экспансии были присоединены Чечня и Западный Кавказ[165].

С 90-х годов XX века начался новый этап изучения темы «истории народов России». В первую очередь это касается проблемы присоединения народов к России и последующего их существования в рамках империи. Отступает в сторону апологетический подход, активно развивается дискуссии вокруг актуальных проблем исторического исследования. Учёные стремятся объективно рассматривать военную сторону российской истории, учитывая как действительно добровольный характер присоединения, так и насильственный, сложный, противоречивый путь, когда в ходе этих процессов осуществлялись различные формы вхождения народов в состав России; существовали разные позиции и верхов и низов общества. Анализируется процесс складывания системы управления национальными окраинами России, которая имела не только противоречивый, насильственный, но и весьма гибкий, порой достаточно терпимый характер[166]. Историк В.В. Лапин в своей работе «Кавказская война – война взаимного непонимания», тем не менее, продолжал настаивать на выводе, что существующая «традиционная» хронология Кавказской войны (1817-1864 гг.) ущербна. Этому способствовало, по его мнению, замалчивание или искажение отдельных страниц истории отношений России с народами Кавказа[167].

Применительно к истории российской империи, имперская перспектива оказалась достаточно новым подходом. Это объясняется господствовавшим в российской и западной историографии взглядам на российское прошлое как историю национального государства. Признание ошибочности такого подхода способствовало тому, что среди историков стали раздаваться обоснованные призывы к пересмотру российской истории под новым, имперским углом зрения. Ранее история России представлялась преимущественно как история её центра. Исследования же взаимоотношений с нерусскими подданными главным образом концентрировались вокруг проблемы экспансионизма: присоединения и завоевания. Серьёзной попыткой преодолеть «русоцентристскую оптику» и дать общую картину истории России как многонациональной державы, являются исследования конца 90-х годов XX века, а также многочисленные конференции и форумы, на которых открыто обсуждаются насущные проблемы исторических процессов[168].

Анализ содержания работ и выводов М. Блиева и его коллег в научных кругах вызвал дискуссию, обсуждавшуюся на проведенной в Махачкале Всесоюзной научной конференции. На ней практически единодушно была осуждена позиция ученых, в работах и исследованиях которых отрицался тезис национально-освободительной борьбы горцев Кавказа против России, и содержалась более сдержанная (корректная) оценка военной политики России на Кавказе[169].

А вот что отмечали участники военно-исторической конференции, посвященной 220-летию Азово-Моздокской укрепленной линии и 75-летию Краснознаменного Кавказского особого пограничного округа: «Цели, которые преследовались Россией при устройстве южной границы:

1. Предотвращать набеги на южные территории России; 2. Дать возможность подданным России калмыкам, ногайцам и туркменам безопасно кочевать в Предкавказье; 3. Под прикрытием линии осваивать земли Предкавказья, развивать здесь сельское хозяйство (хлебопашество, скотоводство, шелководство и т.п.); 4. Создание единых сообщающихся между собой рубежей против Турции и Ирана, чтобы в случае военной опасности быстро маневрировать на пространстве от Астрахани до Крыма; 5. Этим самым создать плацдарм для присоединения Северного Кавказа с выходом в Закавказье через Дарьял (Военно-Грузинская дорога); 6. Закрыть неконтролируемый ввоз товаров из Закавказья, Турции и Ирана. Установить здесь таможенный контроль для получения дохо-

дов в казну; 7. Получить доступ к рудам и минералам предгорий и гор Северного Кавказа; 8. Превращение Моздока в торговый, а не военный центр…»[170].

В апреле 2005 года в Москве была проведена всероссийская научная конференция «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность». Одним из актуальных тезисов, рассматриваемых на данной конференции, был вопрос о «добровольном вхождении» чеченцев в состав России. Доктор исторических наук, Ш.А. Гапуров в своём выступлении проанализировал некоторые работы М.М. Блиева и сделал доклад, освещавший правду и вымысел о набегах кавказских горцев. По мнению Ш.А. Гапурова, порожденные колониальной политикой царизма, взаимные набеги казаков и горцев во второй половине XVIII – начале XIX в. делали невыносимо тяжелой жизнь пограничного населения по обе стороны Кавказской военной линии. Совершая набеги на российское пограничье, горцы воевали не с русскими поселенцами, с которыми им незачем было враждовать, не с казаками, с которыми они в XVI –первой половине XVIII в. жили в целом мирно, а с «царской властью, посягнувшей на их законы, обычаи и вольность». …Д.А.Милютин признавал еще в середине XIX века, очевидный факт, что Россия ставила целью покорить племена Северного Кавказа, отделявшие ее от Закавказья, входившего в состав русского государства[171]. Ф.А. Щербина, анализируя горские набеги, подчеркивал, что горцы угоняли скот, захватывали пленных, нападали на казачьи станицы, караулы и отряды и «вообще с ожесточением уступали каждую пядь своих владений, мстя колонизаторам края при всяком случае». Как видим, здесь речь идет о защите горцами «своих владений» от «колонизаторов края», а не от «грабительских», «хищнических» нападениях северокавказцев на казачьи станицы. Некоторые авторы XIX века понимали и суть борьбы горцев и методы их действий[172].

В Заключительной резолюции участники конференции решительно осудили теорию о «добровольном вхождении Чечни в состав России»», развиваемую некоторыми историками и ведущую к развязыванию межнациональной розни на Кавказе. Появление статей М.М Блиева, В.Б. Виноградова и его учеников явилось, по мнению многих специалистов «реанимацией концепции о реакционной сущности борьбы северокавказских горцев в XIX веке». Данная концепция была воспроизведена в труде, вышедшем в 1994 году, в котором говорилось: « Расширяющееся во втор. пол.XVIII века военное присутствие России на Северном Кавка-

зе, с одной стороны, создавало препятствие на традиционных набеговых маршрутах, с другой – порождало новые соблазны в виде зажиточных станиц и укреплений по Кубани и Тереку, в результате чего постепенно возобладало северное направление в промысловых рейдах горцев»[173].

Некоторое удивление вызывает точка зрения В.А. Матвеева и Б.В. Виноградова на проблему «мухаджирства», под которым в кавказоведческой литературе подразумевается, прежде всего, переселение народов Северного Кавказа на территорию Османской империи. Данные исследователи предложили, как одну из его составляющих, рассматривать и случаи «добровольного переселения тех или иных групп туземного кавказского населения» в границы Кубанско-Терской линии, в среду и под защиту линейных казачьих станиц»[174]. И.Е. Дунюшкин, в своей кандидатской диссертации «Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе» дошёл до того, что объявил казаков, проживавших на Тереке, «коренным населением» этих мест, хотя даже царские генералы во время Кавказской войны, на картах обозначали эти земли, как «чеченские»[175].

Решить сразу же вопросы истории Кавказской войны оказалось сложно также и советским историкам. Часть учёных, увлекшись одной стороной вопроса, единственной причиной, вызвавшей эту борьбу, считали колониальную политику царизма. Другие, не критически заимствуя версии, доказывали, что война со стороны горцев велась для сохранения «набегового производства», которое горцы теряли с вхождением Северного Кавказа в состав России. Само собой понятно, что эта точка зрения, представляющая целые народы «разбойниками и грабителями», для которых набеги являлись хозяйственной схемой, «способом производства» была подвергнута резкой, но справедливой критике[176].

Одним из болезненно-дискуссионных в современном кавказоведении остаётся вопрос о горском «хищничестве» или о набегах горцев. Особую позицию в вопросе о горских набегах занимает М.М. Блиев. Как и российские авторы и военачальники XIX века, он считает, что все жители Чечни и горной части Дагестана занимались в основном набегами. Для российских властей набеги горцев были основным официальным поводом для военных экспансий против горцев. Вопреки утверждениям М.М. Блиева, большинство чеченцев, жившие в бассейне Терека и Сунжи, не занимались набегами, более того, они оказывались фактически заложниками, т.к. были не в состоянии воспрепятствовать горцам, совершавшим набеги на русскую пограничную линию, и в

тоже время первыми подвергались карательным акциям казаков и царской власти[177].

Следует заметить, что далеко не всегда набеги казаков и регулярных российских войск на горские аулы, были «акциями возмездия». Нередко бывали случаи, когда они совершались без всякого повода со стороны жителей, ради добычи и наград, а то и просто ради своего корыстного интереса. Совершая набеги на российское пограничье, горцы воевали не с русскими поселенцами, а с царской властью, посягнувшей на их земли, их свободу и законы[178].

Большинство чиновников царской администрации в Терской области не хотели замечать, что «злая воля и агрессивность» у горцев проявляется как форма протеста против насильственного захвата их исконных территорий, их эксплуатации, насилия, оскорбления и унижения их человеческого достоинства. В подобных случаях речь идёт о сопротивлении колониальным властям. На это обращали внимание К.Л. Хетагуров, Г.М. Цаголов, Чах Ахриев и многие другие.

В. Немирович – Данченко в своей статье «Вдоль Чечни» писал: « Я только против огульных обвинений. Если бы они не вызывали разных мероприятий – Господь с ними – лайся, если есть охота. Говорят, что чеченец не трудится, а только ворует. Хорошо, а кто же ухитрился навезти с нечеловеческими усилиями землю из долин на каменные скалы недоступных гор, и часть даже не навезти, а нанести чуть ли не пригоршнями, укрепить эти клочки искусственно созданных полей каменною кладкою и разбить на них сады, где каждое дерево было лелеемо до тех пор, пока не пришли победители и не уничтожили этого? Кто же в поте лица своего трудился над рубкою вековых деревьев, которые едва-едва берет топор?»[179]. К голосу справедливости и разума власть редко прислушивалась, у нее были свои задачи, которые требовали разумных объяснений своих действий в глазах общественности. Царские власти, придерживаясь колониальной политики на Северном Кавказе, уже тогда вбили мощный клин в межнациональные отношения[180].

В статье « Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма» её авторы следующим образом объясняли причины появления «набегов горцев»: «Естественно, что при черкесской бедности и своеобразных взглядах на чёрный труд, хозяйственные недочёты, приходилось горцу пополняться военною добычею...» Также они приводят мнение М. Острогорского, который в своей книге «Завоевание Кавказа Россией» отмечал, что к набегам горцев побуждало «желание приобрести извест-

ность храброго джигита, прославиться удалью». То, что представители одной культуры рассматривали как доблесть, представители другой считали преступлением[181].

В своих «Исторических очерках» Ю. Клычников и С. Линец высказали идею, что именно природно-географические условия, отсутствие необходимых для развития любого общества излишков продуктов труда приводили к тому, что их горцы искали в набегах или наездничестве, выступавших в качестве компенсирующего экономического фактора. «И даже на равнинах Чечни, – восклицают авторы, – которая, казалось бы, самой природой была предназначена для получения обильных урожаев, земледелие становится доминирующей формой хозяйства лишь во второй половине XIX века после проникновения сюда товарно-денежных отношений. Активно осваивающие с конца XVIII века равнину чеченцы, переходили от эпизодических набегов к широкомасштабной, систематической экспансии на своих соседей…». Правда, далее в книге мы находим небольшое отступление, где авторы замечают, что российские власти также применяли традицию набегов с целью захвата добычи у горцев, т.н. «баранты», чтобы «возместить экономический ущерб, понесенный от их хищничеств». Иначе, как разжиганием межрелигиозной вражды не назовешь высказывание о том, что «…в исламе с его призывом к войне против неверных набеговая система нашла свою идеологическую базу». Ведь даже самому далекому от религии человеку известно, что ислам сурово осуждает кражи и грабежи и выступает за сохранение мира и благополучия[182]. Чеченский адат не делал никакого принципиального различия между кражей, разбоем и грабежом. Всякое похищение чужого имущества классифицировалось как воровство[183].

В.В. Дегоев в своей монографии выдвинул постулат, который касается признания экономической самодостаточности горских обществ[184]. Это, казалось бы, вполне невинное утверждение автора (со ссылкой на английского учёного Л. Мозера) фактически разрушает концепцию М.М. Блиева о набеговой системе как об одном из средств экономического выживания горцев, которую, как представляется, автор сам разделял, будучи соавтором прежней книги о Кавказской войне, основанной именно на этой концепции. В чём же тогда видит автор сущность набеговой системы? Он относит её, в первую очередь, к проявлению ментальности горцев, оценивая её как своеобразный социально-культурный институт, некую общественную привычку[185].

В 2006 году была опубликована статья Л.С. Гатаговой и В.В. Трепавлова «Кавказская война». По мнению ее авторов, набеговая система «…это явление, обусловленное закономерностями общественного развития некоторых народов Северного Кавказа. Оно характерно для эпох и распада родового строя и формирования начальной государственности. Разрушение первобытных, архаичных социальных структур неизбежно сопровождается ростом набегов как средства добывания материальных благ. Именно такие процессы разворачивались в тейпах Чечни и многих «обществах» Дагестана, когда Россия своим проникновением на Кавказ вмешалась в естественный ход вещей. Имперская военная машина создала препятствия для практики набегов. Размах Кавказской войны, крупные походы горцев (которые пришли на смену мелким набегам и сделали широким военно-хозяйственным промыслом), оборона от русских войск требовали организации власти и управления по принципу единоначалия.»[186].

Можно было бы снисходительно отнестись к данному мнению, в вопросе изучения чеченского народа, указанных выше хороших специалистов в своих областях – истории кавказского образования и истории ногайского народа но, эти выводы предлагаются для преподавания в школах, воспитания учащихся, что вызывает недоумение, в связи с искажением исторической действительности, ведущей к разжиганию национальной розни. Направляя проницательный исследовательский взгляд на особо чувствительные и ранимые сферы общественной жизни, всегда полезно и даже обязательно предварить подобное вторжение благоразумным самоограничением, определив меру дозволенного проникновения в нежные ткани общества и, тем более, всячески избегать бесцеремонности в обращении с фактами, быть может, только благодаря случаю приоткрывшимися терпеливому взору исследователя, и не всегда являющимися абсолютными, так как еще очень много скрыто от нашего пытливого ума[187].

Крупнейший русский историк конца XIX – нач.XX в В.О. Ключевский не подвергал специальному изучению тему исторических связей многочисленных народов и их включение в состав России. Но его концепция образования Российского государства приобрела характер комплексного исследования различных факторов, и это оказало большое влияние на методологию научных исследований не только его современников, но и представителей других поколений исследователей. Для нашей темы важны взгляды Ключевского на причины и пути расширения русской империи. «История России есть история страны, которая коло-

низируется, область колонизации в ней расширялась вместе с государственной территорией»[188]. Колонизационные движения, по его мнению, играли профилирующую роль в жизни русского народа. Они его привели в разные регионы, в том числе и на Кавказ. Завоевания Российского государства объясняются чисто государственными интересами[189].

«Свое» и «Чужое» противостоят друг другу как отображение реальной истории – в качестве противоборствующих позиций в историографии. Что касается противостоящих позиций, в которых выражена борьба «Своего» и «Чужого», то они относятся к целому ряду аспектов, связанных с Кавказской войной, и представлены, в частности: как разногласия в оценке набеговой системы и ее роли в экономике горцев; как противоборствующие подходы в оценке причин Кавказской войны и той стороны, которая являлась виновной в ее начале; как различия в отношении депортации горцев и т.д.

Условно можно охарактеризовать позиции исследователей как «прорусские» и «про-кавказские», имея в виду не только связь этих позиций с этнической принадлежностью авторов (хотя в большинстве случаев есть и такая связь), а сущность позиций. Задача действительно научно-профессионального отображения истории состоит в том, чтобы совместить, соединить разные «правды», «Свое» и «Чужое» и вычленить вариант объективного отображения истории от имени науки – то есть от имени и по поручению всего человечества как всеобщего интеллекта, что, в свою очередь, требует повсеместного принятия научной этики и кодекса профессионализма и этичности, предполагающих высокую ответственность ученых-историков перед человечеством за верную реконструкцию его истории[190].

Создание образа врага как жестокого и коварного противника необходимо было в ходе Кавказской войны, чтобы обосновать убийство человека. Дегуманизация врага основана на представлении о чужих как о ненастоящих людях, поэтому законы и нормы морали на них якобы не распространяются. Враг должен быть плохим, поэтому отрицательные качества гипертрофируются (приверженность воровству, агрессии, мародерству и т.п.), а качествам положительным по обычным «мирным» меркам, придается негативный смысл (мужество оценивается как бездумный фанатизм или дикость). Таким образом, враг дегуманизируется, все связанное с ним упрощается до самых примитивных причинно-следственных объяснений. То есть, во всех бедах обвиняется противоположная сторона, которую и надо убрать – уничтожить, выселить,

унизить, выставить в неприглядном свете и т.д. К сожалению, многие историки продолжают эти традиции военного времени, выступая в разрез с исторической памятью и, зачастую, с религиозной моралью[191].

«Чувство любви к иноверцам, – говорил в своем слове Преосвященный Иосиф, архиепископ Литовский, – есть обет всея моей жизни (несмотря на их ненависть к православным), и малодушная ненависть не коснется моего сердца даже тогда, если бы мне пришлось запечатлеть кровию это душевное расположение». В Библии говорится: «Любите враги ваша, благословите клянущие вы, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам обиду и изгоняющим вы. – Если же не будите любить врагов ваших… то и Бог не будет любить вас… В нюже бо меру мерите, возмерится и вам… Сколько в речах людских бывает злорадства о грехах людских – сколько уничтожения других, самопрельщения, саморадования (радования о своих совершенствах мнимых, самовозвышения фарисейского). Какой обдающий холодом недостаток любви к ближнему виден в жизни людской! Сколько самолюбия и гордости! Кто раздражается на другого из-за чего-нибудь вещественного, тот ставит этот вещественный предмет выше брата. Но что выше человека? На земле – ничто. Знай: все, что покоит и оживляет сердце, есть истина; все, что беспокоит, мертвит – ложь, призрак»[192].

К числу новых тем, которые привлекли внимание современных авторов и имеют отношение к цели исследования можно отнести вопрос о степени влияния этноконфессиональных, психо-ментальных особенностей горских народов на интеграционные возможности вновь присоединённого региона, на уровень конфликтогенности в нём[193]. Национальная политика рассматривается нами как комплекс мер, проводимых властями в религиозной, образовательной и законодательной областях. Сегодня российская историческая наука базируется на многофакторном подходе к истории. Наряду с социально-экономическим, классовым подходом, рассматриваются и иные подходы, иные факторы, которые помогают понять историю страны : географический и этнический ; фактор взаимовлияния и синтеза различного рода цивилизаций ; фактор демографический и личностно-психологический и др.[194].

Несомненным достижением современного этапа исследований российско-горских взаимоотношений после завершения Кавказской войны, является стремление к новому концептуальному освещению проблем, уже рассматривавшихся прежними поколениями историков, и расширению тематики исторических исследований. Сейчас уже едва ли кто из

историков будет оспаривать тезис о том, что все народы горного Кавказа без исключения когда-то и в какой-то степени пережили феодальную ступень общественного развития. Да и сам формационный подход уже становится морально устаревшим[195].

В одной из своих последних работ, С.Г. Агаджанов рассмотрел довоенную систему самоуправления чеченского общества. В ходе исследования он выявил, что федерации сельских общин представляли собой своеобразный тип политических объединений, имевших свои органы исполнительной власти и собственные военные силы. Система их управления отличалась многоступенчатостью и иерархией низших (джамаатских), общинных и межсоюзных (федеративных) структур. Ликвидируя в ходе Кавказской войны политическую автономию союзов сельских общин, самодержавие преследовало главную цель – установить твёрдый контроль над беспокойными горцами Кавказа[196].

Перестройка в исторической науке способствовала выходу современных учебников и учебных пособий для школ и вузов. Так, профессор Московского университета Л.И. Семенникова, ряд коллективов авторов подробно осветили события 70-х – начала 80-х годов и объективно рассмотрели деятельность М.Т. Лорис-Меликова и его намерения по реформированию государственного строя Российской империи[197].

Рассматривая научные изыскания постсоветского периода, сталкиваешься с проблемой чрезвычайной сложности переработки огромного и разнообразного потока информации, которая в них заложена. Разброс мнений и оценок действий российских властей в отношении горского населения Кавказа второй половины XIX века чрезвычайно велик: от тотальной негативации деятельности российской администрации в отношении горского населения Кавказа до идеализации. В конце 90-х годов XX века группа учёных – А.М. Авраменко, О.В. Матвеева, П.П. Матющенко и В.Н. Ратушняк разработали и опубликовали книгу: «Россия и Кавказ в новейших исторических публикациях», а также ряд других работ, в которых говорится о кавказском мухаджирстве. В ней отвергается наличие геноцида горцев на завершающем этапе Кавказской войны и после её окончания и излагается иное понимание обстоятельств, влиявших на массовый исход горцев в Турцию. Прежде всего, авторами был сделан акцент на то, что переселявшимся оказывалась материальная помощь; для остановки переселения властью использовались «меры строгости»; правительство показывало уважение к хаджу мусульман и на Восточный Кавказ приходилось только 5% мухаджиров[198].

В принципе, все приведённые факты действительно имели место, но специалистам известно, насколько важно не «вырывать» факты из общей картины и привязанности к определённым тенденциям, ведь изолированный от них, набор определённых действий может создать иллюзорную картину для читателя, прямо противоположную глубоко изложенному тексту. Так, нередко у кавказоведов и случалось, если они своими публикациями стремились достичь определённых целей, «жонглируя» некоторыми факторами исторического процесса. Безусловно, их желание «обелить» историю в какой-то степени должно вызывать положительный резонанс, но укрывание истинной, глубинной правды, которая рано или поздно откроется, приводит к обиде, непониманию и озлоблению, а самое главное – не даёт возможности чему-либо научиться на горьких ошибках прошлого и подтачивает веру в справедливость и моральные принципы. Е. Бажанов, придерживающийся националистических взглядов, в 2006 году в Самаре издал книгу, в которой оправдывает «выдавливание» чеченцев с их исконных земель за пределы Российской империи «актом милосердия» со стороны правительства. Е. Бажанов констатирует: «…Если сравнивать с американским геноцидом индейцев и с бериевской депортацией казаков и ингушей, то эмиграцию в мандариновую Турцию можно признать фактом более гуманным…»[199]. Преподаватель Ростовского университета Владимир Матвеев в своей статье «Кавказская война минувшего века: итоги и уроки» теоретически доказывает (без приведения конкретных сведений по отраслям), что обогащения русского народа за счёт других вообще не происходило, так как иные территории в составе России по большинству признаков рассматривались как равноправные, а установленные для них налоговые повинности не имели каких-либо различий по этническим особенностям[200]. Формально В. Матвеев прав, т.к. действительно русский народ в своём большинстве сам сильно страдал от произвола властей. Однако русское правительство нередко имело немалый доход с вновь присоединённых территорий, взять хотя бы, к примеру, Владикавказскую железную дорогу, земельные наделы под постройку которой были в основном безвозмездно изъяты у горцев – даже члены царской семьи имели доходы с акций этого транспортного предприятия. И таких примеров довольно много. Далее В. Матвеев в своей статье утверждает, что «…включение этого многонационального края (Кавказа) не только силой оружия, но и силой нравственного авторитета в границах России, политический компромисс и состоявшееся гражданское приобщение коренного насе-

ления к сотрудничеству – оставались в определённые периоды «незамеченными» историками, учёными. Насколько же надо быть циничным, чтобы 25-летнюю войну и всё что её сопровождало, называть действием, вызывающим «нравственный авторитет» у уничтожаемого населения? И ещё упрекать при этом кавказоведов, что они этого не заметили… Если преподаватель уважаемого учебного заведения приходит к таким выводам, то что говорить о других людях, менее осведомлённых в исторических процессах? Неудивительно, что у нас до сих пор не изжита межнациональная рознь.

В Институте переподготовки и повышения квалификации историком И.Е. Дунюшкиным был прочитан спецкурс по теме «Российское казачество: история и современность», разработанный им на основе его диссертационной работы. В данном спецкурсе он утверждает, что на Тереке в экономической сфере для русского населения было характерно использование передовых по сравнению с горцами агротехнических методов ведения сельского хозяйства, основанных на интенсификации производства. Возможно, в единичных случаях это было и так, но в подавляющем большинстве именно казаки, в отличие от горцев, использовали экстенсивное земледелие из-за наличия большого запаса земель и соответственно отставали в агротехнике, т.к. предпочитали не заниматься сельским хозяйством, а сдавать землю в аренду, иметь доход с нефти и рыбных промыслов. Также И.Е. Дунюшкин утверждает, что для основной массы горцев было характерно «отсутствие стремления к работе в промышленности и традиционное желание заниматься скотоводством, что требовало увеличения пастбищ и усиливало земельный голод». В этом тезисе автор опять вводит в заблуждение читателей. Если брать во внимание Северо-Восточный Кавказ, то здесь подавляющее большинство населения составляли чеченцы. Данный народ издавна отдавал предпочтение земледелию. Даже если бы чеченцы и захотели перейти к экстенсивному скотоводству, после Кавказской войны они бы не смогли это сделать, т.к. в ходе реформы царское правительство, таким образом, распределило земли, что их с трудом хватало на ведение земледелия и содержания нескольких голов рогатого скота. Скотоводство как раз в пореформенный период начало активно развиваться на территории Терского казачьего войска, где земля была в избытке.

Чеченцев действительно было мало на нефтедобывающих и перерабатывающих предприятиях Грозненского района, но на то были свои причины. Прежде всего, это касается жёсткого паспортного режима,

введённого в области – чрезвычайно трудно было отлучиться на заработки – требовалось собрать большое количество бумаг, подписанных от старшины села до начальника Терской области. Существовали и другие существенные причины, на которых мы сейчас не будем подробно останавливаться.

В 2004 году, в издательстве «Наука» вышел фундаментальный труд дагестанских учёных «История Дагестана с древнейших времён до наших дней». В одной из глав этой коллективной работы О.М. Давудов охарактеризовал зикризм. Его мнение по поводу данного религиозного течения, действующего на территории Чечни, Дагестана и поныне, оказалось, мягко сказать «неординарным», отличным от взглядов всех предшествующих учёных-кавказоведов как девятнадцатого века, так и века двадцатого. О.М. Давудов охарактеризовал зикризм как бесплодное, оторванное от жизни движение, которое даже в XIX веке не находило поддержки среди горского крестьянства и не отвечало чаяниям широких трудящихся масс. «Догмы зикризма, – пишет он далее, – отвлекая горцев от реальной действительности, препятствовали общественному духовному развитию общества. Зикризм не давал горцам ни оружия идейной борьбы, ни средств удовлетворения духовных потребностей. Таким образом, это движение было реакционным»[201]. В чём прав этот автор, это в том, что зикризм действительно не давал горцам оружия для борьбы, да и не мог и не хотел его давать, т.к. постоянно призывал к миру, самопожертвованию, терпимости и аскетизму. Даже начальники разных уровней в Терской области признавали веротерпимость данного учения, его благотворное влияние на массы. Возможная «реакционность» могла выражаться только в поступках людей, считавших себя зикристами, но на практике, не выполнявших многие требования этого учения и тем самым искажавших его в глазах других людей.

Весьма распространённым продолжает оставаться в литературе заблуждение о низком социально-экономическом уровне развития горцев Северного Кавказа. В действительности, когда в Чечено-Ингушетии местная аристократия стала сильно притеснять народ, он совершил, по сути, революцию, выгнав князей с их земель и установив демократические порядки, причём всё это произошло задолго до отмены крепостного права в России. Хотя чеченское население, пережившее «революцию князей», и было ограблено в ходе земельной реформы 1865 года, тем не менее во время Первой российской революции оно вело себя спокойно, можно даже сказать консервативно, не желая разрушать устоявшиеся порядки[202].

К концу XVIII века важное значение в экономике северокавказских народов стала приобретать торговля с Россией. Товары из Чечни шли не только в пограничные российские станицы, населённые пункты и крепости, но и в отдалённые районы Центральной России. В связи с этой экономической тенденцией интересную гипотезу в своей монографии «Россия и Чечня в первой четверти XIX века» высказал Ш.А. Гапуров. По его мнению, кровопролитную Кавказскую войну, принесшую неисчислимые бедствия и потери не только горцам, но и россиянам, можно было избежать, постепенно вовлекая северокавказские территории с помощью торгово-экономических рычагов в сферу Российской государственности. Однако новый курс в политике России, наметившийся с начала XIX века, особенно после победы над наполеоновской Францией, прервал это потенциально возможное направление в развитии русско-чеченских отношений[203].

К концу 90-х годов современной историографии, по мнению московского культуролога О.Ю. Бессмертной, стали присущи два основных подхода – «русский» и «мусульманский», согласно которым российским мусульманам всегда было присуще стремление к независимости. Всё это, по её мнению, не столько отражение реальной истории (отнюдь не такой однозначной), сколько результат заимствования мусульманами официозных русских представлений о них, в свою очередь, в большей мере является следствием политического манипулирования социальной памятью мусульманских народов со стороны как их собственных лидеров, так и российских политиков. В результате, в наши дни в «мусульманской» историографии можно встретить как точку зрения, что мусульманам всегда лучше жилось в России (по сравнению с их единоверцами в других мусульманских странах), так и точку зрения (воспроизводящую один из аспектов советской историографии), что мусульман при царе угнетали, но им хорошо жилось при советской власти. Эти подходы, как следует из анализа научной литературы, распространяются всё больше[204].

Несомненным достижением современного этапа исследований российско-горских взаимоотношений после завершения Кавказской войны является стремление к новому концептуальному освещению проблем, уже рассматривавшихся прежними поколениями историков; к расширению тематики исторических исследований. К числу новых тем, которые привлекли внимание современных авторов и имеют отношение к цели данного исследования, можно отнести вопрос о степени влияния этноконфессиональных, психо-ментальных особенностей горских народов

на интеграционные возможности вновь присоединённого региона, на уровень конфликтогенности в нём[205]. В.О. Бобровников, исследуя происхождение права в среде мусульман Северного Кавказа и его эволюцию под воздействием российского влияния, указал на один из факторов. По мнению исследователя, территориальные споры возникли с введением системы военно-народного управления, игнорировавшей местные адаты (системы права)[206]. В.О. Бобровников обратил внимание на то, что опыт Российской империи по использованию обычного права для управления своими подданными имел любопытные параллели за рубежом. Системы, подобные военно-народному управлению, существовали в XIX веке в английских и французских колониях в Индии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Архивные источники свидетельствуют, что при подготовке судебно-административной реформы 60-х годов российские чиновники тщательно изучали опыт Англии и Франции[207]. Гатагова Л.С. считает, что конфликтогенность региона Большого Кавказа априорно была обусловлена комплексом факторов, среди которых был и психоментальный (чрезмерная пассионарность отдельных этносов, в значительной степени связанная с особенностями социо – и этногенеза)[208].

А.Я. Першиц, Я.С. Смирнова, З.Х. Мисроков обосновывают в своих работах идею о сознательном поддержании властями «юридического плюрализма» на Северном Кавказе после его включения в состав империи[209]. З.Х. Мисроков считает, что это был основной способ безболезненного внедрения российского имперского права среди местных народов[210].

Отойдя от простой констатации принятых решений по организации системы управления горскими народами, современные исследователи стремятся провести их всесторонний анализ, выявить степень учёта интересов властей и местного населения в рамках военно-народной системы, определить её сильные и слабые стороны. В.В. Дегоев рассматривает «военно-народную систему» управления как особую «региональную стратегию», свидетельство приспособительной политики центра по отношению к «периферийным» реалиям[211].

И.М. Сигаури утверждает, что управлявшая чеченцами государственная система полностью противоречила их народным традициям, препятствовала быстрой адаптации чеченцев в экономическую и культурную жизнь России[212].

В последние годы появились работы, в которых анализируется политика российского государства второй половины XIX – начала XX века

по отношению к исламской религии и мусульманскому духовенству в России[213]. Так, основной целью докторской диссертации С.М.Исхакова являлось обобщение и переосмысление накопленного фактического материала о позиции российских мусульман в ходе революции 1917 года в России и определение значения данного фактора в быстро изменявшихся общественно-политических условиях. Автор не только выявил этническую специфику жизни мусульман в России, но и охарактеризовал общие черты сознания и психологии мусульманских народов[214]. Не смотря на общероссийский контекст, основные положения приведенных работ учитывались при написании соответствующего раздела данного исследования. Обращают на себя внимание существенные сдвиги, произошедшие в историографии, смысл которых заключается в том, что критериями профессионального исследования всё более становятся достоверность и доказательность, приближение к реальной, а не идеологически предписанной исторической картине. Увлечённость ранее не доступными материалами, обращение к новым для российских историков темам отразилось на уровне внимания историков – кавказоведов к тому, что одновременно делалось их коллегами в смежных областях, особенно в модусе так называемой локальной истории. Именно региональные исследования позволили заново рассмотреть и осмыслить социально-экономическую политику в Российской империи в целом, а также изучить такие «рутинные» стороны, как школьное строительство и судебная практика. На современном этапе обозначился интерес исследователей к изучению роли конкретных персоналий кавказской администрации в управлении краем[215]. Монография Д.И. Исмаил-Заде посвящена истории жизни и деятельности графа Иллариона Ивановича Воронцова – Дашкова, крупного государственного деятеля 2-й пол. XIX – начала XX века. Последние годы жизни он провёл на ответственейшем посту Наместника Е.И.В. на Кавказе. Преобразовательная программа И.И. Воронцова – Дашкова охватывала широкий спектр реформ – практически во всех основных сферах деятельности народов Кавказа. Платформа национально-религиозной политики наместника на Кавказе И.И. Воронцова – Дашкова была следующей : «…Все народности Кавказа одинаково близки и дороги правительству. Необходимы свобода вероисповедания и покровительство духовной иерархии. Туземное происхождение само по себе ни в коем случае не может служить препятствием к приёму и успешному происхождению государственной и общественной службы». Данная программа существенно отличалась от взглядов других кавказских чиновников[216].

К числу новых сюжетов управленческой проблематики Кавказского региона в имперский период относятся предпринятые в последние годы попытки специального исследования деятельности высших государственных органов по управлению Кавказом[217]. Для нашей работы представляет интерес исследование В.А. Матвеева, который пытается оценить эффективность российской политики на Северном Кавказе с точки зрения достигнутого к 1917 году степени интеграции горских народов в число верноподданных российского императора. По мнению В.А. Матвеева, интеграция охватила значительную часть населения региона, но не достигла полноты и завершения. Ряд горских обществ сохранял предрасположенность к сепаратизму и иногда, при отсутствии продуманных многоплановых мер, намечалась даже тенденция расширения границ этого явления[218].

Как известно, родной язык, устное народное творчество, мифология, символика, искусство, семейные традиции, обычаи, обряды, народные игры и другие средства являются могучим пластом для развития духовной культуры народа. Национальные духовно-нравственные ценности формируют качества патриота и гражданина, что прослеживается на тысячелетней истории чеченцев – народа древнейшей культуры. К сожалению, духовное наследие чеченцев слабо изучено и ещё менее используется в формировании мировоззрения, обогащении духовно-нравственной жизни населения республики[219].

В последние годы издана целая серия работ иностранных авторов северокавказского происхождения: «Черкесская интеллигенция в эмиграции» Иззета Айдемира (1991 г.) и две книги Сефера Берзега «Писатели в кавказской диаспоре» (Самсун,1995 г.) и «Выдающиеся деятели кавказской эмиграции» (Стамбул,1996 г.); рассказывающие о сложном и неоднозначном процессе мухаджирства кавказских горцев. К сожалению, все они носят библиографический характер и мало дают исторических фактов[220]. Благодаря исследованиям Ф. Бадерхана, С. – Э.С. Бадаева историография мухаджирства обогатилась характеристикой трудов арабских и турецких учёных, переведённых на арабский язык[221]. Ф. Бадерхан считает, что «нельзя считать познанной историю народов Северного Кавказа без изучения той её части, которая развивалась на чужбине», отсюда он выводит актуальность данной исследовательской темы[222].

Работы историков северокавказского происхождения, проживающих в Турции, Иордании и Сирии – Иззета Айдемира, Нихада Берзаджа, К.Т. Хайралла, Шевкета Хавжока, Хагандога, Тарик Гестепе и других не

очень глубоки по уровню исследования темы, их нужно использовать критически[223]. Все они внесли определённую лепту в исследование данной тематики. Однако нельзя преувеличивать их значение, прежде всего в силу их эклектичности и субъективизма, нежелания или неумения акцентировать внимание на выяснении основных причинно-следственных связей широкомасштабных переселений северокавказских горцев.

Некоторые зарубежные авторы косвенно касаются, в частности, жизни «черкесов» на чужбине. Сириец А.В. Закария в книгах «Племена Шама» (1984) и «Путешествие» (Дамаск,1986) отводит этой теме много места, затрагивают её и другие исследователи, пишущие о современных странах Ближнего Востока. В работах авторов кавказского происхождения проблеме жизни диаспоры посвящаются монографии, уделяется много внимания истории Кавказа. В этом ряду можно указать на книгу Иззет – паши Джунатока «История Кавказа» (1912), Берзеджа Нихади «Выселение черкесов» (1987), Р. Трахо «Черкесы», публициста М. Ечеруха «Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции» и другие работы[224]. Шавхат Ал – Муфти Хабажока в своей книге «Императоры и герои в истории Кавказа», в частности, писал: «Только глупое правительство поощряет переселение с такого столь важного стратегического района, как Северный Кавказ»[225]. Исследование израильского профессора М. Гаммера, посвящённое Кавказской войне и выполненное с привлечением российских и зарубежных архивов, помогло определить главную причину территориальных реформ на Восточном Кавказе во втор. пол.XIX в. Большое влияние ландшафтного фактора на манёвренность российской армии определили географически целостные районы с границами по хребтам[226].

Из работ западноевропейских и американских исследователей интересны статьи и монографии следующих авторов: Нормана Льюиса, де-Пру, Г. Шумахера, Г. Бела, В. Кюине, Анны Коле, Катру и других. В целом они носят описательный характер и не отражают роли северокавказских общин в социально-экономической жизни стран их проживания[227]. Английский историк А. Рибер в книге, посвящённой деятельности А.И. Барятинского на Кавказе, высказывал мнение, что русское управление Кавказом гораздо больше, чем британское владычество в Индии, строилось на учёте особенностей общественно-экономического уклада жизни других народов[228].

В 1877 году на английском языке вышла книга Ж. Брамса «Закавказье и Арарат»[229]. Автор приехал в Закавказье через Россию и его све-

дения взяты в основном из официальных источников, что нашло своё отражение в оценке отдельных положений. По мнению автора, у племён Северного Кавказа нет оснований быть недовольными управлением царизма, хотя иногда он и замечает недостатки русских чиновников, как, например, взяточничество[230]. В 1915 году также в Лондоне была издана книга, которая называлась «Скиталец на Кавказе». В ней автор рассказывает читателям о своём путешествии по Тереку и Закавказью[231].

А.Герберт, работавший некоторое время в Российской империи, считал, что развитие ресурсов Кавказа тормозилось установившейся системой правления. Тем не менее, в интересах власти он представлял эти действия оправданными, т.к. таким образом, опасность создания imperium in imperio, которая при определённых обстоятельствах могла бы взять курс на отделение и которая во все времена могла бы проводить собственную местную политику, не укладывающуюся в схему имперского правительства и не учитывающую международные осложнения, которые подобная политика может за собой повлечь, исключалась[232].

Стремления царизма не ограничивались присоединением Кавказа, они шли дальше, т.к. борьба России за мировые рынки, расширение своих владений вынуждала её создавать новый плацдарм для воздействия на Европу и добиваться повышения своих «акций» в Азии. Таким плацдармом, по словам немецкого историка О. Риттера, являлся Кавказ[233]. Россия обрела твёрдую почву в естественных укреплениях Кавказа и, в случае столкновения с другими державами, могла за ними укрыться, усилиться и вновь перейти в наступление. По утверждению Риттера, Кавказ настолько упрочил положение России, что нападение противника с южной стороны должно было неминуемо завершиться его поражением, благодаря наличию на Кавказе естественных и природных укреплений. О. Риттер, затрагивая впоследствии вопрос о взаимоотношениях России с народами Кавказа, объясняет поддержку России последними их слабостью. По его мнению, Россия, не встречая большого сопротивления со стороны противников, без всякого страха проводила агрессию на юге. Очевидно, Риттер просто «упустил» из виду, что именно за усмирение Кавказа Россия вела полувековую борьбу[234].

Именно на Западе широко распространена геополитическая традиция, в основе которой лежит вера в изначально присущее России стремление расширяться и «порабощать» присоединённые территории. Среди ключевых понятий этого направления – русская колониальная

«экспансия», «наступление» на Азию и противостоящий этому северокавказский «щит» или «барьер»[235]. Особенность данных работ – игнорирование российских архивных источников. Классическим трудом этого направления считается вышедшая ещё в начале века работа Дж. Бэддли «Завоевание Россией Кавказа». Из современных работ самой яркой можно считать «Большую игру» Питера Хопкирса, в которой автор включает Кавказ в гигантское «поле битвы» великих держав за влияние в Центральной Азии[236]

Пауль Рорбах в своей работе, изданной в Лейпциге в 1904 году указывает на русское ведущее положение в международной политике в Средней и Восточной Азии. Он описывает природу и этнографию Кавказа, рассказывает о взаимоотношениях России с Турцией[237].

В 1953 году вышел труд американского историка В. Аллена «Кавказский театр войны»[238]. Книга сугубо военного характера. В ней описаны события на Кавказском театре в ходе войн 1828-1829, 1853-1856 и 1877-1878 годов.

В своей работе, вышедшей в свет в 1975 году, Г. Райнлендер политику России на Кавказе определяет как «регионализм». Историк М. Эткин также обращает внимание на постепенность мер в организации управления на Кавказе, считая это особенностью политики России[239].

Авторы книги «Северный Кавказ: народы на перепутье» сознательно не встают на позиции ни одной из сторон в политической игре. Их задачей было подчеркнуть важность прав человека, прав этнических меньшинств[240].

Среди зарубежных работ следует также отметить издание в 1996 году в России перевода книги швейцарского специалиста по национальным проблемам А. Каппелера. Его труды по истории России и Украины, по проблемам национального самосознания и национальных движений народов, входивших в состав Российской империи, на протяжении последних двух десятилетий формирует концептуальные основы интерпретации российской истории в европейской исторической науке. Эта книга представляет исключительно важную по значению, научной новизне и актуальности попытку показать процесс формирования многонациональной Российской империей, выявить специфику российского колониализма и исследовать эволюцию российской имперской национальной политики на протяжении нескольких столетий. А.Каппелер считает, что с методологическими и теоретическими проблемами тесно взаимосвязаны и вопросы терминологии. Поскольку

развивающаяся в Западной Европе модель колониализма не может быть просто перенесена в Россию, постольку и такие понятия, как «колония», «колониальная зависимость» и т.д. не могут использоваться без детального и точного анализа соответствующей ситуации. Характерное, прежде всего для американских исследований, сплошное и огульное перенесение понятий «колониализм» и «империализм» на Россию и на Советский Союз более запутывают, чем разъясняют суть дела[241]. Однако и у данного фундаментального исследования есть свои недостатки. А. Каппелер, как и многие его предшественники, полагает, что с конца 1917 года якобы усилились центробежные тенденции в мусульманских регионах, и в результате была провозглашена независимость в Туркестане, в Казахстане, в Башкирии, в Закавказье и на Северном Кавказе. Данная точка зрения стала тиражироваться многими постсоветскими авторами, игнорирующими общеизвестный факт, что до разгона Учредительного собрания, а в отдельных случаях даже после этого события, никакого отделения от России мусульманские республики не декларировали[242].

Во многом, вследствие взаимодействия с российскими историками, работающими в направлении понятия «контактных зон», появилась работа американского историка Томаса Баррета о терских казаках. В ней автор выступил против восприятия границ России и Северного Кавказа как постоянной и исключительной линии фронта, по разным сторонам которой историки разводят горцев и казаков. Томас Баррет считает необходимым видеть движение народов, появление селений и общин, преобразование ландшафта, а главное – взаимодействие соседних народов в повседневной жизни[243].

Российской колонизацией на Кавказе и в Средней Азии занимался Калпан Сани, много внимания уделял в своих работах имперской политики России[244]. Работа Томаса Барретта «Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» России» предлагает заглянуть за военную линию и посмотреть на передвижение народов, на их поселения и сообщества, изменения ландшафта, взаимоотношения соседей, причём не только во время военных действий, но и в повседневной жизни. В основе работы лежат труды дореволюционных и советских историков, опубликованные этнографические и статистические материалы[245]. Автор доказывает, что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание, и включало в себя внутреннюю и внешнюю миграцию населения, образование новых от-

ношений. Барретт является специалистом в двух относительно новых областях исторической науке, известных как история окружающей среды и история «фронтира» (приграничной зоны). История окружающей среды особенно важна для понимания своеобразия зоны «фронтира», где переселенцы пытались построить новое сообщество в незнакомой экологической обстановке. В рамках «истории фронтира» исследователь рассматривает, так называемый, «пограничный обмен», куда входит торговля и другие экономические отношения между русскими и местными народностями[246].

Таким образом, изучение истории российских мусульман, кавказских горцев и, в частности, чеченцев проводилось отечественными и зарубежными исследователями с давних времён по теоретическим и конкретно-историческим вопросам, с привлечением обширного архивного и библиографического материала. Исторический обзор позволяет сделать вывод, что в исторической литературе накоплен весомый фактический материал, касающийся отдельных аспектов рассматриваемых нами проблем.

Заслугой дореволюционных авторов, многие из которых были непосредственно причастны к организации управления на Северном Кавказе, является попытка теоретического обоснования принципов имперского управления в регионе, описание механизма взаимодействия традиционных и имперских правовых систем в крае. В советский период историки основное внимание сосредоточили на исследовании структуры и функционирования административной системы на Северном Кавказе. В целом же до 70-х годов управленческая тематика была в тени социально-экономических исследований и работ по истории антиколониальных и революционных движений.

Постсоветский период в историографии ознаменован всплеском интереса к различным аспектам управленческой деятельности имперской администрации на Кавказе, новым концептуальным подходам в их освещении, постановкой целого комплекса новых исследовательских проблем. Разрушение границ между российской и западной наукой наиболее активно проявилось в изучении имперской истории, национальной политики и национальных движений. Между учеными Запада и России осуществляется интенсивный научный обмен, что проявляется в совместных проектах и работах, рабочих поездках в местные архивы, встречах на научных конференциях, чтении лекций во время визитов в исследовательские центры и университеты. В результате складывающе-

гося международного взаимодействия, проблематика имперской истории, истории национальных движений и становления национальных образований сформировала одно из наиболее плодотворно развивающихся направлений современной историографии[247].

В целом, анализируя использованную в работе историческую литературу, хотелось бы отметить, что в историографии, касающейся истории Терской области, чеченцев, нет работ, посвящённых всеобъемлющему исследованию всех отраслей хозяйствования, жизнедеятельности населения, функционирования административной структуры за период, насыщенный пореформенными изменениями. Правоведческим, теологическим вопросам уделяется внимание только в специальной литературе.

Исследование истории Кавказа требует привлечения как можно большего числа законов, актов, положений и т.п., обосновывающих или противодействующих действиям населения и администрации края. В связи с тем, что Северо – Восточный Кавказ располагался в зоне так называемого «временного права», созданного во многом исключительно для данного региона, правовым вопросам следовало уделять особенно пристальное внимание.

Большим недостатком практически всей литературы является её описательный характер, в ней отсутствует значительное количество нового статистического материала, карт, таблиц, наглядно иллюстрирующих текст.

Малый тираж большинства дореволюционных изданий делает их по недоступности равными рукописным материалам, на долю которых приходится значительная часть архивных документов. Это, прежде всего разнообразные обзоры путешествий по Кавказу, воспоминания, исследования, работы российских учёных, имеющие непосредственное отношение к истории и краеведению Северного Кавказа. Несомненный интерес представляют труды по экономике, военному и статистическому обозрению Кавказского края и Терской области[248]. С падением государственной социалистической системе во всех библиотеках и архивах страны для читателей открылись материалы, ранее засекреченные. Так, в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомина стал доступен целый спец. фонд, содержащий не только запрещённые иностранные книги, но и издания на русском языке, например, редкий экземпляр Корана.

2. Источники

Данное историческое исследование опирается на обширный и разнообразный корпус источников. Цельность и единство этого корпуса определяется не только приращением научного знания, но и значимостью для научного сообщества, общественности. Плачевное состояние источниковедческой основы некоторых работ давало повод к искажению или незнанию действительного хода исторического процесса, поэтому автор особое внимание в своей работе уделил привлечению нового, не исследованного научным миром массива архивной базы.

В трудоемком, и мучительном поиске источников информации не обойтись, очевидно, без попыток постигнуть истоки, причины и черты своеобразия в формировании дошедшего до нас наследия – всего корпуса источников, глыбам разностороннего материала, в целостном виде – со всеми его изломами. И что тут выяснилось? Сокровища открыты и доступны, «а историки, – как подметил К.Ф. Шацилло, – туда не идут. Люди отвыкли работать в архивах!» Добывать там информацию по уцелевшим осколкам минувших веков трудно – задача со многими неизвестными, для решения которой нужно перевернуть тонны руды, чтобы получить что-то поистине ценное. А потому иные и предпочитают делать свои сенсационные «открытия» умозрительно. Переоценку судеб народов и лиц в давние и нынешние времена строят не на новом документальном материале, а на «субъективных умозаключениях», вследствие чего одну крайность судорожно подменяют другой. Нас должен насторожить тот факт, что «многие историки забыли, – по справедливому замечанию журнала «Вопросы истории», – дорогу в архивы, утратили вкус и навыки работы с историческими документами». В результате широкое распространение получили компилятивные сочинения, в которых материал излагается по заранее заданной схеме[249].

Для разработки вопросов, вытекающих из изучаемой проблемы, нами был использован большой фактический материал, в том числе, архивные документы, опубликованные источники и периодика. Самая большая и наиболее значимая группа источников – неопубликованные материалы, хранящиеся в ряде центральных и местных архивов и музеях. Только из-под седых покровов архивной пыли мало – помалу возникают образы, сочетанием и группировкою которых восстанавливается истинный смысл, определяется правдивая характеристика событий. Работа в архиве весьма привлекательна. Сравнить ее можно разве что

с проведением археологических раскопок, ибо в обоих случаях в душе исследователя постоянно гнездится ощущение возможного чуда (чуда необычайной находки), и даже если этого не происходит, многочисленные найденные факты в конце концов, складываются в интересную и незнакомую до этого систему, рисующую канувшее в Лету времени, что доставляет автору истинное удовлетворение[250].

Архивные документы по исследуемой теме извлечены из фондов: Российского государственного исторического архива в Санкт – Петербурге (РГИА); Российского государственного Военно – исторического архива Российской Федерации (РГВИА); Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ); Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ); Архива Российского этнографического музея (А РЭМ); Архива Востоковедов Петербургского филиала Института Востоковедения РАН (АВ СПб. ФИВ РАН); Архива Российской Академии наук (А РАН); Государственного архива Ставропольского края (ГАСК); Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ ОПИ) ; Государственного Политехнического музея (ГПМ); Государственного центрального музея современной истории России (ГЦМСИР) ; Музея антропологии и этнографии им. П. Великого РАН (МАЭ РАН); Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ); Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ); Отдела рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской Академии наук и Правительства Республики Северной Осетии – Алании (ОРФ СОИГСИ); Российского государственного архива древних актов (РГАДА); Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ); Российского Федерального геологического фонда (РГФ); Северо – Осетинского государственного объединённого музея истории, архитектуры и литературы (СОГОМИАЛ) ; Центрального государственного архива республики Северной Осетии – Алании (ЦГА РСО – А) ; Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ). В общей сложности была проведена исследовательская работа в 20 архивах Российской Федерации, расположенных в городах: Москве, Петербурге, Владикавказе и Ставрополе. Большая часть архивных документов впервые вводится в научный оборот. Данные фонды содержат исключительно важный и интересный материал, полнее раскрывающий избранную тему.

Все имеющиеся в нашем распоряжении источники можно разделить на следующие группы : 1) актовые ; 2) материалы текущего делопроизводства ; 3) статистические ; и 4) описательные.

К актовым источникам относятся государственные законы и указы, законоположения Сената, распоряжения Главного управления казачьих войск, наместника на Кавказе, Министерства земледелия и государственных имуществ, начальников областей, постановления областных правлений, решения начальников округов, приговоры сельских сходов. Ценность актовых документов в отражении ими действительного положения. Они характеризуют политику царизма, центральных и местных органов власти в отношении горского населения[251]. Самыми содержательными, интересными, наиболее полно раскрывающими тему работы оказались фонды, хранящиеся в архивах: РГИА, ГА РФ, ЦГА РСО-А. Уникальным и единственным в своём роде для кавказоведов является Центральный государственный архив Республики Северной Осетии – Алании (ЦГА РСО-А). Исключительность его заключается, прежде всего, в том, что здесь собраны не только материалы общего, всероссийского значения – в силу того, что Владикавказ являлся центром самого стратегически важного после Кавказской войны региона Терской области, но и в том, что в этом архиве, под одной крышей собраны уникальные региональные источники, повествующие о жизни, быте, нравах чеченцев, кабардинцев, осетин и других народов. Из всех Российских архивов, только ЦГА РСО-А и РГИА обладают достаточным количеством документов по чеченской истории второй половины XIX века. Из фондов РГИА прежде всего следует назвать Ф.1268 (Кавказский комитет). Актовые источники – дела Кавказского комитета содержат проекты всех законоположений, сведения об их подготовке и обсуждении на самом высоком уровне. Однако по своему характеру эти источники в основном проективны, то есть, будучи изданы к исполнению, проекты далеко не всегда осуществлялись в соответствии с первоначальными замыслами их авторов.

К нормативным документам следует отнести законодательные акты, исходящие из высших, правительственных инстанций, а также положения и инструкции, авторство которых принадлежало высшей кавказской власти. Различные законодательные акты, положения, инструкции создавали нормативную базу для деятельности всех органов власти на Кавказе и определяли полномочия начальствующих лиц различных уровней. Для нашего исследования нормативные документы представляют особый

интерес, так как в них фиксировались наиболее существенные черты, способы и методы управления на Северо – Восточном Кавказе. В связи с этим не случайно наибольший интерес в правоведческом исследовании уделяется фондам Кавказского комитета – высшего государственного учреждения по управлению Кавказом. Кавказский комитет был создан в 1845 году, при императоре, с законосовещательными и административными функциями для управления Закавказским краем и Кавказской областью. Кавказский комитет был учреждён вместе с наместничеством Кавказским и служил связующим звеном между местным управлением на Кавказе в лице наместника, высшими государственными структурами и лично императором[252]. Дела фонда 1268 РГИА составляют 20 обширных описей, в которых хранится материал о политике царизма на Кавказе – проекты всех законоположений, сведения об их обсуждении, запросы кавказской администрации и разъяснения по ним, отчёты начальников областей, кавказского наместника.

Для рассмотрения правовой базы кавказского управления наиболее ценными являются фонды РГИА: Ф.1149 – Департамент законов; Ф.1284 – Департамент общих дел МВД; Ф.1152 – Департамент экономий. В фонде 1149, описи 7, деле 95 представлен подробный проект положения о Терской постоянной милиции; в деле 112, той же описи, даётся интересный закон об образовании двух областей: Терской и Кубанской. Также в этом фонде представлено много законодательных актов, касающихся учебной части на Кавказе и налогообложения населения.

Ценную информацию о политике, проводимой Россией на Кавказе, можно почерпнуть из фонда Д.А. Милютина (Ф.169. ОР РГБ), бывшего в исследуемый период министром внутренних дел России. В фонде содержится переписка Милютина с наместником Кавказским и другими должностными лицами, а также приведены проекты некоторых законоположений, касающихся горцев Терской области.

В фонде №4 СОГОМИАЛ хранятся приказы по Терскому казачьему войску за разные послевоенные годы. Интересен, в законодательном отношении Ф.11. ЦГА РСО-А (Фонд Терского областного правления); Ф.53 (Штаб войск Терской области) и Ф.262 (Комиссия для разбора сословных прав туземцев). В фонде 11 ЦГА РСО-А мы нашли «Положения», ограничивающие права евреев в торговле на территории Терской области, а также циркуляр, запрещавший казакам переселяться из станиц. Также этот фонд содержит приказы по войскам Терской области.

Архив внешней политики Российской империи содержит большую часть документов дореволюционного МИДа и его предшественника – Коллегии иностранных дел, датируемых с момента её образования Петром I в 1720 г. и до 1917 г., а также документы многих российских посольств, миссий и консульств за рубежом. Часть фондов представлена трофейными документами из Польши, Германии, Румынии, Югославии и других государств. В архиве имеются несколько специальных коллекций, большая часть которых сгруппирована по географическому принципу[253]. В АВПРИ законодательным актам, циркулярам целиком посвящаются документы довольно редко, чаще это случается фрагментарно, для объяснения сложившейся ситуации. В фонде Персидский стол (№144) полностью приведено «Положение об управлении Кавказским краем». Фонд №149 АВПРИ повествует о мухаджирском движении и приводит некоторые циркуляры, касающиеся лишения и получения подданства Российской империи. В фонде 249 (Генконсульство в Константинополе) представлены циркуляры Азиатского департамента о высланных за границу горцах.

Фонд №649 ГА РФ имеет приказы, циркуляры по Кавказской армии, в период с 1861 по 1881 год, а в фонде №730 хранится интересный документ – Проект резолюции / Комитета министров/ «О реорганизации местного управления на Кавказе» с пометками Н.И. Игнатьева. Николай Павлович Игнатьев (1832-1908) являлся директором Азиатского департамента МИД.

Фонд №37 ОРФ СОИГСИ интересен тем, что здесь имеются материалы, описывающие права высших сословий в Кубанской и Терской областях.

Опись №1 фонда 330 РГВИА представляет Временный комитет для пересмотра законоположений (1865-1872 гг.) Главного управления казачьих войск. Фонд №1308 РГВИА имеет дела, касающиеся Кавказского военно-окружного суда. Очень важным для нашего исследования является Ф.14505 (Чеченский Конно-Иррегулярный полк) в РГВИА. Здесь приведены приказы по назначению и награждению чеченцев.

Ко второй группе архивных источников относятся разнообразные документы, связанные с текущим делопроизводством учреждений и деятельностью должностных лиц. Значительный корпус такого рода документации составляют отчёты начальника области и наместника на Кавказе о проделанной работе. Материалы официального делопроизводства раскрывают внутриструктурные связи и отношения, свойства и

состояние всей системы управления в регионе. Это прежде всего документы высших государственных учреждений, содержащиеся в фондах 1268 (Кавказский комитет), 1276 (Совет министров), 565 (Департамент государственного казначейства), 1287 (Хозяйственный департамент), 1291 (Земский отдел) Российского государственного исторического архива, содержащие переписку ведомств по вопросам управления, различные ведомственные распоряжения.

Такие материалы официального делопроизводства как отчёты, рапорты, служебная переписка, докладные записки различных должностных лиц, ответы административных начальников на прошения, жалобы сельских обществ на притеснение или произвол властей, приказы по Терской области и т.п. содержатся в фондах №400 (Министерство военное. Главный штаб. Азиатская часть) и №1300 (Штаб Кавказского военного округа) Российского государственного Военно-исторического архива. Эти документы воссоздают подробную картину управления на местах, стиль и методы управления местного кавказского чиновничества. РГВИА содержит, главным образом, ценнейшие документы по истории казачьих областей Предкавказья. Это связано с тем, что Кубанское и Терское казачество через войскового атамана Кавказских казачьих войск было подчинено военному министру, в составе которого находилось Главное Управление казачьих войск. Больше того, всё население Кубанской и Терской областей, за исключением горских народов; все города, находящиеся на их территории, состояли в ведении Главного Управления казачьих войск[254]. Для нашего исследования наиболее интересными оказались следующие фонды РГВИА: Ф.ВУА – Военно-учётный архив; Ф.330 – Главное управление казачьих войск, опись 1. – Временный комитет для пересмотра законоположений (1865-1872); Ф.400 – Главный Штаб, опись 12 – Наградное отделение; Ф.482 – Кавказские войны 1735-1879, опись 1 – Материалы о горских народах; Ф.485 – Русско – Турецкая война 1877-78 гг., опись 1 – Переписка Александра II с наместником Кавказским; Ф.1047 – Штаб местных войск Кавказского военного округа; Ф.1329 – Войсковое правление Терского казачьего войска.

Большое количество материалов текущего делопроизводства нами также было извлечено из фондов ЦГА РСО-А: Ф.11 (Терское областное правление); Ф.12 (Канцелярия начальника Терской области) ; Ф.53 (Штаб войск Терской области). Всеподданнейшие доклады первых начальствующих лиц на Кавказе (наместников, начальников областей),

послужили отправной точкой этого исследования. Доклады позволяют выявить общие направления государственной политики в отношении коренного населения, оценить состояние социально-экономического и политического развития региона на том или ином историческом этапе. В основном всеподданнейшими докладами располагают местные архивы – ЦГА РСО-А и ОРФ СОИГСИ.

Для написания военной истории чеченского народа особо ценными являются фонды РГВИА : Ф.3640 – Чеченский Конный полк (1914-18) ; Ф.14505 – Чеченский Конно-Иррегулярный полк и ЦГА РСО-А : Ф.104 – Штаб Чеченского отряда (1846-1861) ; Ф.83 – Терско-горский Конно-Иррегулярный полк.

Государственный архив РФ располагает ценными документами, собранными в фонде 109 – Третьего отделения собственной его Императорского величества канцелярии. III Отделение было образовано 3 июля 1862 года, а ликвидировано – 3 марта 1880 года. 4 экспедиция III Отделения осуществляла сбор информации обо всех важных событиях в стране. В документах данного фонда хранятся сведения, касающиеся усиления жандармского надзора на Кавказе в 80-х годах XIX века, данные о нераспространении на Кавказское наместничество мнения Гос.Совета относительно временного изменения подсудности. Фонд 110 ГА РФ располагает архивными материалами Штаба отдельного корпуса жандармов. Отдельный корпус жандармов – специальное воинское формирование, военные чины которого составляли основу штата жандармо – полицейских учреждений Российской империи с 1826 по 1917 гг. (губернские жандармские управления, охранные отделения и т.д.). По инспекторской, строевой и хозяйственной части отдельный корпус жандармов входил в систему Военного министерства. По «наблюдательной части» – подчинялся III Отделению. В данном фонде хранятся дела, имеющие руководящие инструкции по Кавказскому и Варшавскому жандармским округам.

301 569 единиц хранения содержит фонд №102 ГА РФ (Департамент полиции МВД). Этот департамент стоял во главе политического и уголовного розыска Российской империи с 1846 по 1917 год. Данный фонд богат документами, описывающими мухаджирское движение кавказских горцев. Однако самый большой архивный материал, характеризующий переселенческое движение, удалось обнаружить в фондах архивов: Внешней политики Российской империи (Ф.180 – Посольство в Константинополе), ОРФ СОИГСИ (Ф.17) и ЦГА РСО-А

(Ф.19 – Временная канцелярия по переселению туземцев Терской области в Турцию).

Уникальные документы, не имеющие дубликатов в других архивных хранилищах, содержат фонды Российского государственного исторического архива (г.СПб.) – Ф.821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий) и Ф.1022 (Личный фонд начальника отделения Департамента духовных дел иностранных исповеданий). Документы из этих фондов дают возможность не только выяснить позиции властей в отношении мусульманской религии и исламского духовенства на Северном Кавказе, но и содержат проекты организации духовного управления мусульман Терской и Кубанской областей[255].

Фонд 866 РГИА (Фонд М.Т. Лорис-Меликова (1844-1913)) представлен официальной перепиской начальника Терской области с вышестоящими инстанциями, черновиками его проектов по различным преобразованиям административного управления области, которые позволяют оценить личную позицию политического деятеля, сыгравшего важную роль в вопросах выработки основных принципов управления горцами Терской области в первое послевоенное десятилетие. В РГИА для нашего исследования интересен также фонд №547 – Придворная контора великого князя Михаила Николаевича (1834-1910), хранящий ценные документы по истории наместничества на Кавказе. Особенно большим количеством фондов личного происхождения располагает ГА РФ. Здесь находится фонд 649 – Михаила Николаевича, сына Николая I, Наместника на Кавказе, содержащий 792 единицы хранения; фонд 601 – Николая II (1868-1918); фонд 569 – М.Т. Лорис-Меликова; фонд 677 – Александра III (1845-1894) и фонд 678 – Александра II (1818-1881) – составляющий 1 177 единиц хранения. В фонде 649 имеются личные дневники Михаила Николаевича за 1840-1898 годы; а в фонде 678 хранятся документы, относящиеся к военной и государственной деятельности Александра II. Фонд наместника на Кавказе содержит большое количество докладов, приказов, рапортов, ведомостей и других материалов, касающихся Северного Кавказа.

Документы статистического характера можно почерпнуть в различных архивах. Первые официальные статистические сведения появляются на Северо – Восточном Кавказе в начале XIX века. С 1834 по 1839 г., после занятия чеченских сёл русскими войсками была сделана первая перепись числу домов и жителей в каждом селении и показано краткое статистическое описание всех народов на левом фланге воен-

ной линии[256]. Важным статистическим источником в РГВИА является фонд 330 (Главное управление казачьих войск), в котором хранятся ведомости, сметы доходов и расходов Терского казачьего войска. Фонд 644 (Штаб командующего войском Терской области) содержит архивные дела, являющиеся и актовыми и статистическими источниками по истории всего населения Терской области. В фонде №330 РГВИА хранится дело, описывающее «…квартирное положение и числительное состояние Терского казачьего войска». Очень ценным является фонд №400 РГВИА, располагающий списком чеченских военнослужащих и каталогом наградного отделения. Важным является также фонд №14505, в котором представлен послужной список рядового состава Чеченского полка.

Годовые отчёты начальников Терской области, содержащие обобщённые областным статистическим комитетом материалы по социально-экономическому состоянию области дают возможность оценить степень эффективности деятельности местной администрации в регионе. Особенно большим числом таких материалов располагает Центральный государственный архив республики Северной Осетии – Алании. Фонд 12 (Канцелярия начальника Терской области) и фонд 19 имеют необходимые статистические материалы. Фонд 262 (Комиссия для разбора сословных прав) имеет статистические сведения о лицах привилегированного сословия горцев Кубанской и Терской области.

После того, как был безвозвратно потерян Чеченский республиканский архив, посемейные чеченские списки сохранились только в ЦГА РСО-А. Хотя и здесь списки далеко не всех сёл сохранились, но они уникальны по своей сути, т.к. содержат не только сведения о жителях, но и показывают их материальное благосостояние. Особенно скудны наши сведения о поселениях и жилище населения горной Чечни. Фактически здесь приходится более оперировать аналогиями и догадками, чем точными данными. Причина этого заключена в недостаточной археологической изученности горных районов и почти в полном отсутствии письменных известий. Так, например, сирийский церковный писатель Захарий Ритору (VI в. н.э), утверждал, что в его время на Северном Кавказе имелась развитая городская жизнь, несмотря на то, что большая часть земель на равнине принадлежала кочевым скотоводческим племенам[257].

Волна уничтожения документальных материалов в мечетях, примечетских библиотеках и частных коллекциях, касающихся прошлой истории, пришлась на 1918-1938 годы. Многие хранители документов,

будучи муллами, кадиями, вероучителями, подвергались преследованиям органами ВЧК. В период массовых беззаконий, особенно тюремного заключения мусульманских священнослужителей высылке кулаков из Чечено-Ингушетии, исторические документы частью прятались, частью попадали в руки блюстителям совести, а частью просто сжигались. В результате массового переселения горных аулов на равнины и депортации чеченцев в Среднюю Азию, большая часть уникальных документов утеряна безвозвратно[258].

Государственный архив Ставропольского края представил в 80-м фонде Всеобщую перепись населения, проводившуюся на Кавказе. Здесь можно ознакомиться с образцами переписных листов и циркулярами, касающимися специфики местной переписи. В 302 фонде ГАСК имеются именные списки воспитанников Ставропольской гимназии.

Фонд 1290 РГИА целиком посвящён деятельности Центрального статистического комитета МВД Российской империи. В данном фонде Центральным статистическим комитетом Терской области представлен «Список волостей по Терской губернии».

Интересным для нашего исследования является фонд №5 ОРФ СОИГСИ, в котором находится «Алфавитный список населённых мест Терской области».

Описательные архивные материалы большей частью хранятся в архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Так, фонд №191 содержит ценные материалы (статьи, заметки), характеризующие М.Т. Лорис-Меликова. Архивные описательные источники широко представлены и в Государственном архиве Российской Федерации. В фонде 569 (фонд М.Т. Лорис-Меликова) хранятся его записные книжки, во многом раскрывающие как личные качества, так и его, далеко не простые взаимоотношения с коллегами, во время прохождения службы на Кавказе. В фонде №569 содержится обширная переписка М.Т. Лорис-Меликова с Александром II. Тёплые, доверительные отношения между этими людьми сыграли немаловажную роль в судьбе М.Т. Лорис-Меликова и всей России.

К описательным материалам в основном относятся отраслевые источники. Редкими, неповторимыми и неиспользованными историками делами располагает Российский Федеральный геологический фонд. Росгеолфонд представляет из себя тематическую коллекцию документов по геологическому изучению недр на территории России, в период с начала восемнадцатого века и до наших дней. Здесь концентрируются все материалы по геологоразведочным, геологическим, инженерно-гео-

логическим и гидрогеологическим работам, относящимся к поискам, разведке и изучению всех месторождений, независимо от времени производства этих работ, а также данные о запасах полезных ископаемых по месторождениям[259]. Из-за недостатка служебных помещений Росгеолфонд вынужден был уничтожить часть архивов, касающихся развития нефтяного дела на Кавказе. В данной работе впервые в исторической исследовательской практике приводятся ценные архивные документы, описывающие чеченские нефтяные месторождения, процесс разведки и нефтедобычи не только в районе города Грозного, но и в высокогорных, труднодоступных местах Чечни.

Почти в каждом фонде РГИА можно обнаружить описательные источники, но особенно много их в фонде №20 (Департамент торговли и мануфактур) и фонде №565 (Департамент государственного казначейства). Много статистических, экономических, этнографических сведений о Российской империи и Северном Кавказе можно почерпнуть из фонда №414 РГВИА. Огромной коллекцией редких кавказских карт располагает Военно-исторический архив. Картографическому материалу посвящён не только целый фонд (423) РГВИА, но также большое число карт представлено в фонде ВУА, например, одной из них является Карта Астраханской губернии, Каспийского моря, Большой и Малой Кабарды (1765 г.), а также Карта земель Чеченских (1825 г.).

В документах архива Российского этнографического музея удалось обнаружить описание народного искусства Северного Кавказа и исследовать способы получения предметов кустарных промыслов чеченцев, собранных в данном музее. Уникальными личными фондами, мало использующимися в своих работах историками, располагает Государственный исторический музей. В данном хранилище удалось обнаружить документы по истории развития учебного дела на Кавказе в фонде №371 (Зайцева А.П. – директора учебных учреждений Терской области) и фонде №372 (Неверова Я.М. – попечителя Кавказского учебного округа). Интересным для исследования чеченских кустарных промыслов является фонд №227 (фонд Комитета для устройства в Москве музея прикладных знаний) Центрального исторического архива г. Москвы. В одном из дел данного фонда удалось выявить переписку организаторов выставки с наместником на Кавказе об устройстве отделения Кавказской коллекции при Московской Политехнической выставке 1872 года. В музее антропологии и этнографии им. П. Великого (МАЭ РАН), в отделе Кавказа хранится

уникальный фонд, в котором собраны редкие фотографии чеченцев и чеченок (№121-105, 136-22, 1403-23).

Рукописный отдел Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН хранит самое крупное в России собрание восточных рукописей и ксилографов на 45 языках, начиная с самого раннего египетского папируса X в. до н.э. и бронзовой таблички с Южно-Аравийского полуострова[260]. Для нашего исследования особенно интересными являются материалы по географии, истории и этнографии Кавказа и сохранившиеся фрагменты Словаря Чеченского языка, представленные во II Разряде данного архивохранилища.

В проведённой исследовательской работе нами были изучены документы не только российских, но и зарубежных архивов. О пристальном внимании Великобритании к Кавказу и проникновению туда России сказано и написано много. Об этом же красноречиво свидетельствуют и документы английских архивов. Мы рассматриваем в своей работе один из них – доклад военного атташе Посольства Великобритании в Санкт – Петербурге, полковника Айвора Герберта, хранящийся в старейшем английском архивохранилище – Public Record Office[261].

Опубликованные источники, использованные при написании данной работы, могут быть разделены на следующие группы: 1) сборники законодательных актов; 2) сборники документов ; 3) статистические сборники ; 4) мемуары ; 5) периодическая печать (газеты и журналы).

Ценность законодательных актов, как исторических источников заключается в том, что они по своему назначению фиксируют наиболее существенные черты, способы и методы управления, а это позволяет проследить их эволюцию. Для более полного освещения истории края возникла необходимость особенно тщательного рассмотрения системы нормативных и законодательных актов правительства, регламентирующих правовое положение народов[262].

К первой группе опубликованных источников относится Полное собрание законов Российской империи. ПСЗ представляет собой свод законодательных актов, расположенных в хронологическом порядке, по номерам и датам утверждения каждого акта царём. Составлением и изданием ПСЗ занималось III отделение Собственной Е.И.В. канцелярии (1826-1882). Второе издание (собрание) ПСЗ выпускалось ежегодно с 1830 по 1884 гг. и охватывало более 60 тыс. законодательных актов с 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года[263].

В исследовании также использованы нормативные акты, принимавшиеся по вопросам административного управления, для регламентаций действия властей в других сферах управления на Кавказе, содержащиеся в самом обширном сборнике законодательных актов, каким является «Полное собрание законов Российской империи» (Собр. 2-е и 3-е) и в своде Законов Российской империи: Т.2. Ч.2. – Учреждения управления Кавказского края (СПб.,1886) ; Т.3. Кн.2. (СПб.,1896); Т.11. Ч.1. – Уставы духовных дел иностранных исповеданий (СПб.,1896).

Наиболее радикальными из законодательных актов правительства являются «Положения» об управлении Кавказом и указы, т.к. ими определяется политическое состояние края, связанное с окончанием Кавказской войны. Реформы, проведённые в 1880-х годах, отразившиеся в законодательных актах, ознаменовали следующий этап управленческой политики российского правительства. В числе наиболее важных для нас законодательных актов, имеющихся в данных собраниях законов, «Положение об управлении Терской областью» от 29 мая 1862 года; Высочайше утверждённое мнение Гос.Совета «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях» от 30 декабря 1869 года, «Учреждение управления Кавказского и Закавказского края» 1883 года. Дополнением к «Полному собранию законов» являются сборники, своды узаконений, представляющих тематическую и региональную подборку указов правительственных учреждений, например, «Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области» (Владикавказ,1914), «Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам» (СПб.,1877). В 1899 году Я.А. Канторович составил сборник «Законы о вере и веротерпимости». В этом сборнике собраны и систематизированы все постановления действовавшего законодательства, касавшиеся веры, веротерпимости. Постановления эти ранее были разбросаны по разным томам и отделам Свода Законов и многие из них даже были едва знакомы юристам, не говоря уже о простых гражданах, которых эти законы касались[264].

Фундаментальным изданием документов, освещающих не только военную и политическую историю Кавказа, но и историю изучения его исторических и археологических памятников, являются АКАК – «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией»[265]. Кавказская археографическая комиссия была создана в Тифлисе, по инициативе начальника Главного управления Кавказского Наместни-

ка, статского секретаря А.П. Николаи. Архив наместника Кавказского увеличивался по мере расширения деятельности русской и грузинской администрации и со временем в нём отложилось такое количество документов, что с ними трудно стало работать, а тем более хранить. Поэтому возникла необходимость определить ценность каждого документа и решить оставить его на постоянное или временное хранение, с последующим уничтожением. К 1866 году Архив главного управления наместника Кавказского состоял из 128000 дел и 877 переплетённых томов. Эти дела содержали огромную информацию и служили богатым источником разнообразных сведений об истории Кавказа. Издание «Актов Кавказской археографической комиссии» – ощутимый результат деятельности комиссии и её председателя. Каждая книга «Актов» – монументальный труд, как по объёму, так и по содержанию. Все тома большого формата, в среднем включают в себя около 1800 документов на 1200 и более страницах. Каждый том имеет предисловие, написанное А.П. Берже. Специально для издания «Актов» были приобретены немецкие и американские печатные машины, что позволило издать книги в прекрасном полиграфическом исполнении. Деятельность Кавказской археографической комиссии даёт возможность уже 140 лет пользоваться документами Главного архива Кавказа, который находился в Тифлисе[266]. Издание охватывает период с 1799 по 1862 год, но в первых томах помещён ряд документов более раннего времени. «Акты» представляют собой публикацию документов, извлечённых из архивов наместничества Кавказского, и являются для историков наиболее ценным материалом. Их основной недостаток – подбор материала, произведённый почти исключительно с точки зрения военной истории. Правда, каждый том включает так называемую «гражданскую часть», но так как весь Северо – Восточный Кавказ находился под управлением военных властей, то в гражданской части «Актов» документов по социально-экономической истории Чечни, за единичными исключениями, не встречается[267]. В XII томе АКАК собраны документы, свидетельствующие о первых шагах властей по организации административно – территориального устройства Северо – Восточного Кавказа после завершения войны. Среди них приказ об образовании Терской области, об организации Терского казачьего войска. Содержащаяся в этом томе «Инструкция для начальников Левого крыла Кавказской линии» даёт представление о принципах системы «военно-народного» управления[268].

Число издававшихся на Кавказе сборников документов, периодических изданий нельзя не признать весьма внушительным. Ничего подобного в этом смысле не знали Средняя Азия, Сибирь, Поволжье, Север[269]. Надо отдать должное некоторым начинаниям Кавказской администрации в изучении истории, природы и культуры народов Кавказа. В 1864 году в Тифлисе была создана учёная комиссия по подготовке к изданию документов «Архива Главного управления наместника Кавказского»[270].

Военно-исторический отдел штаба Кавказского военного округа был учреждён в январе 1880 года. Назначение его состояло в следующем: 1) в сборе и издании материалов – для изучения истории Кавказской войны и истории частей войск Кавказской армии, а также для разбора архивов Кавказского военного округа. В дальнейшем задачи отдела и, прежде всего, издательские, значительно расширились. В разное время работой отдела руководили военные историки И.С. Чернявский, В.А. Потто, С.С. Эсадзе, сыгравшие большую роль в успешной издательской деятельности отдела. За 40 лет работы отдела было издано 32 тома «Кавказского сборника», статистические сборники и сборник фотодокументов[271]. Общий характер подбора документов в «Кавказском сборнике» был тот же, что и в «Актах»: уходит в тень сущность колониальной политики царизма, отбрасываются документы по внутренней истории горцев. И всё же, значительная часть документов очень важна и интересна для современного исследователя, прежде всего своей уникальностью[272]. В 1876 г. в Тифлисе увидел свет первый том «Кавказского сборника», собрания важнейших источников по истории Кавказской войны.

Цели и задачи сборника формулировались относительно узко: изучение военно-исторического материала Кавказской войны, сбор и публикация свидетельств, сохранившихся в архивах и в воспоминаниях очевидцев. Не последнюю роль играли также идеологические и «воспитательные» цели, важнейшей из которых было сохранение и укрепление того особенного духа кавказских войск, который столь ярко проявился в войнах. «Кавказский сборник» издавался Военно-историческим отделом штаба Кавказского военного округа по указанию главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича. Редакция «Кавказского сборника» немало внимания уделяла работе с материалами из кавказских архивов. Благодаря Н.А. Волконскому, помощнику начальника штаба Кавказского военного округа, и Е.Д. Фелицыну, председателю Кавказской археографической комиссии, были подготовлены к печати и опубликованы многие документы из архивов края, многие из

которых в настоящее время утрачены. В «Кавказском сборнике» также публиковались материалы, связанные с историей и этнографией народов Кавказа. Ценные сведения по этнографии содержатся в записках Ивана Загорского, студента Виленского университета, сосланного на Кавказ и попавшего в 1842 г. в плен к Шамилю[273].

Деятельность военно – исторического отдела по разработке истории Кавказской войны, забота о военных архивах края снискали отделу уважение и известность. Отдел руководил работой офицеров, составлявших историю войсковых частей, помогал в поисках необходимых для работы историков, писателей документов. Так, в 1902 году Военно-историческим отделом по просьбе Л.Н. Толстого была выполнена работа по выявлению архивных документов о деятельности наиба Шамиля – Хаджи – Мурата, которые были использованы писателем при написании его известной повести «Хаджи-Мурат».

К возобновлению издания «Кавказских сборников» приступил Центр Кавказских исследований МГИМО (У) МИД России совместно с издательством «Русская панорама». Структура нового «Кавказского сборника» задумана таким образом, чтобы отразить главную идею – открыть перед читателем широкую панораму кавказоведческих проблем в контексте органичной связи между настоящим и прошлым, а также осторожной проекцией на будущее[274].

В конце XIX века правительственным учреждением – Управлением Кавказского учебного округа – было предпринято ещё одно крупное издание – «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа». Основной установкой издания было создание монографических описаний отдельных местностей Кавказа. Инициатором издания сборника был попечитель Кавказского учебного округа Кирилл Петрович Яновский[275]. С 1881 по 1915 год в Тифлисе вышло 44 выпуска «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа». Кавказские учителя были преимущественно авторами статей[276].

Важное место среди источников занимают опубликованные в дореволюционный период официальные документы по учреждению и деятельности научных комиссий и обществ. Это такие издания, как «Сборник сведений о Северном Кавказе (Ставрополь), «Известия Кавказского отдела Русского Географического общества» (Тифлис), «Записки общества любителей Кавказской археологии», «Известия Кавказского общества истории и археологии» (Тифлис), «Известия императорской Археологической комиссии» (СПб.)[277].

Кавказское отделение Русского Географического общества издавало свои Учёные Записки (ЗКОРГО), авторы которых внесли существенный вклад в изучение Кавказа. Огромную работу провели русские ориенталисты, археологи, по изучению древних культур народов Северного Кавказа, Причерноморья, Средней Азии и других регионов с памятниками древних цивилизаций. Найденные ими материалы, выставленные в Эрмитаже и других крупных музеях России, описанные в монографиях и специальных трудах, стали достоянием мировой науки и открыли человечеству богатство ушедших культур[278].

Из публикаций, осуществлённых в советское время, следует указать, прежде всего, на «Материалы по истории Дагестана и Чечни», опубликованные в 1940 году в Махачкале. Они извлечены из центральных архивов, главным образом из Центрального военно-исторического архива. К сожалению, многие интересные дела, особенно из ленинградских архивов, не нашли себе места в публикации.

Из последних изданий сборников документов особенно любопытным для нашего исследования является работа «Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники», увидевшая свет в 2004 году. Данная книга – первое в нашей литературе собрание документов о генерале-реформаторе, включающее официальные материалы, российскую и зарубежную прессу разных направлений, дневники и письма современников, воспоминания его сторонников и недругов. В работе представлены также тексты докладов, служебных записок и личных писем М.Т. Лорис-Меликова, в абсолютном большинстве своём малоизвестных и впервые публикуемых. Одна из групп документов и материалов, особо актуальная для наших дней, рассказывает о сложной и тонкой, не сводившейся к военным и карательным действиям политика генерала, направленная на замирение Чечни[279]. Данный сборник документов и комментарии к нему были составлены В.А. Твардовской и Б.С. Итенбергом. Безусловно, ими была проделана большая и необходимая работа, однако она имеет и ряд существенных недостатков. Прежде всего, удивляет некомпетентность заявления авторов о том, что после 15-летнего вхождения Чечни в состав Российской империи она не была полностью включена в систему государственного управления. Для изучения этого вопроса составителям, по крайней мере, было необходимо ознакомиться полностью с цитируемыми монографиями по кавказоведению, а не «выдёргивать» из них лишь некоторые фразы и делать по ним обобщающие выводы. Понятие распространения государственного управления на разные области жиз-

ни чеченцев составители сборника подменяют понятием недостатков данной управленческой системы, что создаёт искривлённое понимание исторических процессов у читателей.

Составители также заявляют о действии на территории Терской области шариата, не уточняя при этом, что в 60-70-х годах XIX века в данном регионе уже действовало в основном российское законодательство («гражданское» и военно-полевой суд), адаты рассматривали лишь небольшую часть дел, касающихся в основном семейной жизни горцев. Шариат вообще был практически вытеснен, в результате целенаправленной государственной политики, из сферы производства. Работа по составлению данного сборника документов велась на средства «гранта», что позволяло авторам собрать материалы о Лорис-Меликове не только в московских архивах, но и в хранилищах Осетии, Астрахани и, наконец Петербурга, где данный чиновник долгое время работал, однако дела РГИА использовались ими лишь фрагментарно, хотя данный архив хранит один из самых больших фондов в стране, посвящённых М.Т. Лорис-Меликову. Также настораживает пренебрежительное отношение к техническому оснащению работы, что мешает читателю полноценно её использовать. Речь идёт о том, что в конце сборника отсутствует полный список всех использованных архивных фондов и документов. Исследователю приходится тратить много времени на подстрочные поиски материалов.

В 2005 году вышел в свет сборник документов под названием «Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля». Данный сборник составлен из документов, выявленных составителями в центральных и местных архивохранилищах России и частных коллекциях. Материалы сборника в основном составляют официальную переписку Кавказской администрации: отношения, рапорты, донесения, предписания, приказы по войскам, различного рода отчёты, обзоры, письма местным владетелям и др. Значительное число документов сборника составляют материалы, вышедшие из горского лагеря. Это письма Шамиля к наибам и жителям имамата, донесения, обращения к имаму и другие материалы. Сборник снабжён научно-справочным аппаратом, который состоит из приложения, развёрнутых указателей имён и географических названий, перечня публикуемых документов, терминологического словаря и списка сокращений[280].

К третьей группе опубликованных источников относятся статистические сборники. Документы статистического характера присутствуют

в опубликованных отчётах начальников Терской области и наместников на Кавказе[281]. В тоже время отчёты наместников и губернаторов страдают неточностями и субъективизмом из-за стремления местных чиновников приукрасить и возвысить или, наоборот, принизить те или иные черты народов Кавказа, в связи с чем, эти документы необходимо рассматривать в комплексе с другими текстами делопроизводственного характера[282].

К документам статистического характера относятся также материалы ежегодных «Кавказских календарей», куда включались статистические данные по различным сферам деятельности администрации Кавказского края. «Терские календари», включавшие, среди кратких сведений о Терской области, информацию о персональном составе административного аппарата управления, позволяют изучить состав чиновничества области. «Кавказский календарь» и «Терский календарь» являлись местным изданием «Адрес-календаря».

До 70-х годов XIX века редакторам «Кавказского календаря» не хватало в регионах профессионально подготовленных корреспондентов, которые могли бы обеспечивать издание качественной статистической и справочной информацией по каждому административному региону. Как центр управления всем Кавказом, Тифлис испытывал постоянную потребность в информации о каждом регионе, входящем в Кавказское наместничество. Для реализации управленческих функций администрация нуждалась в том, чтобы в изданиях Кавказского статистического комитета публиковали данные по Тереку, Кубани, Дагестану. Тем не менее, таких публикаций практически не было. Только открытие областных и губернских статистических комитетов, формирование авторского корпуса на местах, наличие постоянно поступающей информации позволило составителям «Кавказского календаря» чаще обращаться к локально-территориальным темам[283].

«Терский календарь» издавался во Владикавказе Терским областным статистическим комитетом с 1890 по 1915 гг. «Терский календарь» был общественно-политическим и статистико-экономическим сборником. «Терский сборник» являлся литературно-научным приложением к «Терскому календарю» и в силу этого представляет большой научный интерес для исследователя[284].

Одним из самых важных источников по истории Чечни, являются материалы первой и единственной в своём роде переписи населения Российского государства, проведённой в 1897 году. Эти опубликован-

ные в 89 томах итоги переписи являются единственным источником, который даёт сравнительное представление обо всём населении Российской империи и позволяет сопоставить друг с другом этнические и социальные факторы и характеристики. В плане задач и проблем нашего исследования особенно важным здесь является то обстоятельство, что данный источник включает в себя дифференцированные и детализированные этнические категории (родной язык, религия) и представляет их в связи с такими социальными категориями, как городское / сельское население, сословие, профессия и уровень образования. Таким образом, материалы переписи населения позволяют осветить и выявить существенные социальные, экономические и культурные аспекты многонациональной Российской империи. Хотя степень достоверности и точности, данных переписи населения 1897 года уже её современники постоянно подвергали сомнению, однако новейшие исследования показали, что данные этой переписи в основном можно считать достоверными[285]. Материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года содержат данные о численном составе различных категорий населения Терской области, а также информацию о степени участия разных групп населения в той или иной сфере деятельности, в том числе и в сфере административного управления[286]. Ежегодно Терским областным статистическим комитетом публиковался «Обзор Терской области», где исследователь может почерпнуть много информации по самым разнообразным вопросам[287]. Попытки произвести перепись населения в той или иной части Чечни (да и всего Северного Кавказа) зачастую оканчивались неудачей, поскольку горцы с подозрением и откровенным неприятием относились к любым попыткам переписи («пересчёту голов»), предполагая, что делается это явно во враждебных целях – либо для установления налогов, либо для отправки в солдаты, либо для выселения в Сибирь. Считалось это «грехом» и с точки зрения религиозной. Ф.Ф. Торнау очень верно подметил это: «Все цифры, которые обозначали кавказское население, брались приблизительно и, можно сказать, на глаз…так как по понятиям горцев, считать людей было не только бесполезно, но даже грешно: почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи, или обманывали, не имея возможности сопротивляться»[288].

Особую группу документов составляют мемуары, частные письма, дневники и воспоминания представителей русской администрации на Кавказе. Из опубликованных писем наибольший интерес представляют

письма двух наместников – А.П. Ермолова и М.С. Воронцова. Письма Ермолова дают много ярких и красочных характеристик, вскрывающих характер кавказских деятелей и совершенно откровенно, без маскировки показывающих отношение официальных представителей власти к горцам. Из писем Ермолова видно, что «проконсул Кавказа» ясно и отчётливо понимал истинные цели завоевания и не стеснялся высказывать их вслух. Вряд ли можно найти в документации более откровенные высказывания, чем – то, что вышло из-под пера А.П. Ермолова. Отсюда ценность этой переписки для историка, занимающегося проблемами кавказской политики царизма. Письма Воронцова написаны в более дипломатичном стиле. Он тщательно прикрывает то, о чём Ермолов пишет не стесняясь. Поэтому переписка Воронцова часто оказывается только не лишенным значения дополнением к его официальным бумагам. Время от времени в его письмах проскальзывают детали, отсутствующие в опубликованных официальных документах[289]. Мемуарная литература способствует воссозданию социально-психологической обстановки, в которой происходило исследуемое событие, содержит яркие портретные характеристики деятелей кавказской администрации[290]. Многие из царских генералов, занимавших руководящие посты на Кавказе, писали мемуары[291]. Интересно большинство мемуаров главным образом теми бытовыми штрихами и характеристиками, которые ярко рисуют методы политики царизма и его отдельных представителей.

Дневники и воспоминания представляют собой одну из групп исторических источников. При всём субъективизме этой группы источников, а следовательно, при необходимости весьма критического подхода к ним, дневники и воспоминания представляют исключительную ценность, как содержащие материалы, не находящие отражения ни в официальных документах, ни в источниках других типов[292]. Дневники, а также воспоминания дают представление о другой – закулисной стороне изучаемого явления, позволяют уточнить приводимые в официальных материалах сведения[293]. Начальник штаба Кавказской армии Д.А. Милютин сыграл важную роль в окончании войны и покорении Кавказа. Изучение его деятельности в этот период по сохранившимся воспоминаниям представляет особый интерес в современных условиях[294]. Д.А. Милютин предложил новые пути и методы решения проблемы мирного урегулирования кавказских конфликтных вопросов. Успех реализации военной политики России на Кавказе, по мысли Милютина, возможен

лишь в том случае, если будут созданы и учтены уроки Кавказской войны. Суть их сводилась к следующему:

1. Истинное покорение должно совершаться постепенно, можно сказать, само по себе. На первое время успокоить край и умы народов, населяющих Кавказ, установить с ними хорошие взаимоотношения.

2. Необходимо загладить те жестокости и несправедливости, которыми мы восстановили против себя кавказские народы. Перестав думать о покорении, необходимо и не требовать всего того, что сопряжено с безусловной покорностью горцев. Не облагать податью и повинностями, которые не обогатят государственной казны. Не вмешиваться в их внутренние дела, не действовать наперекор их обычаям и религиозным убеждениям. Привлекать к себе духовенство там, где оно имеет влияние на народы. Не стремиться к разоружению горцев, поскольку разоружение есть следствие, а не средство успокоения края.

3. Стараться постепенно формировать в народе уважение к власти и чувство гражданственности. Поддерживать местную власть, кроме той, которая ненавистна самому народу. Усиливать влияние старейшин, обращаясь к ним в налаживании отношений с горцами.

4. Необходимо принять все меры, чтобы войска не были в тягость местному населению, для чего они должны быть совершенно независимы от местных властей. Ни в коем случае не должно быть насильственных контрибуции, разорения края. Важно стремиться к тому, чтобы народ перестал смотреть враждебно на войска, а видел в них своих защитников.

5. Для наказания враждебных покушений силой оружия необходимо отличать враждебные действия народа от разбойничьих действий малых партий и не налагать на народ ответственности за поступки нескольких людей.

Эти взгляды выдающегося политического деятеля той эпохи злободневны, актуальны и поучительны не только для того времени, но и в наши дни[295].

Особенно ценными для нашего исследования являются местные горские источники. Работ этих очень мало и они просто тонут в груде материалов, оставленных нам русской стороной, но тем ценнее каждая запись, исходящая от лиц, близко стоявших к руководству мюридистским движением или проповедовавших тарикат[296]. Письменные памятники эпохи Шамиля, изданные в XX веке в оригинале, не превышали двух десятков; среди авторов публикаций были И.Ю. Крачковский, А.М. Барабанов, А.Н. Генко, Г.В. Церетели и Р.Ш. Шарафутдиннова.

В 2001 году вышел в свет сборник «Арабоязычные документы эпохи Шамиля». Составитель сборника, Р.Ш. Шарафутдинова, считала своей главной задачей ввести в научный оборот сами документы на языке оригинала, предоставляя возможность исследователям использовать их уже в историческом контексте, одновременно обращаясь к другим источникам (русским, европейским, восточным) и к библиографии вопроса. Документы в сборнике представлены арабским текстом, филологическими примечаниями, переводом, кратким комментарием к тексту и ссылками на литературу[297]. Документами сборника представлены все разновидности эпистолярных памятников – распоряжения и наставления Шамиля наибам, воззвания к отдельным обществам, решения по тяжбам, наложение штрафов и наказаний, обмен информацией о внутреннем положении в имамате и ходе военных действий, жалобы и прошения к наибам и Шамилю, обмен посланиями с иностранными державами, переписка с официальными русскими властями[298].

Историю народов Кавказа отражает и периодическая печать. Это в первую очередь местные правительственные издания – «Кавказ», «Терские ведомости»; ведомственные общероссийские издания – «Журнал Министерства народного просвещения», «Журнал Министерства юстиции», «Горный журнал», «Правительственный вестник»; общегосударственные издания, выходившие с 1867 года отражали политику России в целом и на Кавказе – в частности[299]. Неуклонный рост изданий в России был обусловлен не только экономическими факторами. Это объяснялось в огромной мере общим политическим подъёмом, ростом культуры и образования в пореформенный период[300].

Наибольшую ценность для исследователя представляют различные статьи и заметки, печатавшиеся в газетах «Кавказ», «Северный Кавказ», «Ставропольские губернские ведомости», «Церковная старина на Северном Кавказе», «Краеведение на Северном Кавказе» (Р н/Д), «Северокавказский край» (Р н/Д), «Тифлисский Вестник» и «Кавказское эхо» – еженедельные литературно-политические издания; «Обзор» – ежедневная литературно-политическая газета; «Терские Областные ведомости» ежедневная политико-литературная газета; «Новое Обозрение» – литературно-политическая газета[301]. Наибольшие по объёму данные, относящиеся к развитию исторических и археологических исследований на Северном Кавказе в XIX веке, можно найти в журналах: «Кавказский Вестник» – первый толстый русский

журнал на Кавказе; «Юридическое Обозрение»; «Кавказская Старина» – ежемесячный журнал; «Казбек» – иллюстрированный журнал; «Отечественные записки» (СПб.); «Вестник Европы» (СПб.); «Вестник общества древнерусского искусства» (М.); «Труды общества для изучения Северо-Кавказского края» (СПб; Киев); «Журнал Министерства внутренних дел» (СПб.)[302]. В ходе работы над темой особенно широко использовались местные, кавказские издания («Терские ведомости», «Терек», «Терская жизнь», «Кавказ» и др.). В ряде газетных статей были представлены данные о деятельности местной администрации, её официальные и неофициальные оценки.

Из всех опубликованных источников материалы периодической печати следует выделить особо. Особенность газет того времени состоит в том, что они помещали на своих страницах решения и постановления местных органов власти и общественных организаций, многие из которых не отложились в архивах[303]. Газета «Терские ведомости» издавалась Терским областным правлением с 1868 по 1917 год. Газета была крупноформатной и состояла из 2-х частей – официальной и неофициальной. Официальную часть подписывали чиновники канцелярии начальника Терской области. Народный защитник и борец за свободу и справедливость Коста Хетагуров дал «Терским ведомостям» острую политическую оценку, назвав их «Мерзкими ведомостями»[304]. Молодая горская интеллигенция, сама того не замечая и не придавая особого значения своему труду и наблюдениям, по крупицам собирала и создавала богатейшую историю многоликого Северного Кавказа. Русский царизм, проводивший на Кавказе колониальную политику, для более прочного овладения и гибкого управления здешними народами, проявлял широкий интерес к их психологии, жизни, быту, культуре – всё это отражалось на страницах периодической печати. Историк М. Джанашвили в конце XIX столетия опубликовал в грузинской прессе интересные статьи, посвящённые прошлым культурным связям грузинского, осетинского и чеченского народов, о которых свидетельствовали сохранившиеся памятники материальной культуры. Заголовки статей говорили сами за себя: «Влияние грузинской культуры в Чечне и Осетии», «След, оставленный грузинами в Чечне» и др.[305]. Видное место в «Терских ведомостях» отведено было отделу библиографии. Газета широко знакомила своих читателей с лучшими сочинениями по истории и этнографии народов Северного Кавказа, регулярно давала критические обзоры наиболее значимых работ по кавказоведению.

Первым редактором «Терских ведомостей» был назначен замечательный представитель коренной кавказской интеллигенции второй половины XIX века, адыгеец Адиль-Гирей Кешев. Факт, что первый редактор русской официальной газеты на Кавказе – не русский, действительно, знаменательный и говорит о многом, а именно: в середине XIX столетия и даже ранее у кавказских народов, имеющих «стремление к просвещению очень большое», появляется своя работоспособная интеллектуальная элита[306]. В газету «Терские ведомости» А.-Г. Кешев пришёл зрелым публицистом. Высокий пост, который занимал он в ней, являлся замечательным опровержением нелестного мнения о горцах, бытовавшего тогда в реакционных кругах, которые зачастую не прочь были высокомерно поговорить о невежестве и бездарности здешних народов. К заслугам Кешева относится и то, что он привлёк к участию в газете горскую интеллигенцию, её лучшие творческие силы: Ч. Ахриева, М. Баева, Б. Гатиева, Г. Шанаева и других. Г.Ш анаев являлся воспитанником Харьковского университета, был членом Эриванского окружного суда[307].

Литературная, политическая и общественная газета «Владикавказ» выходила в свет с 1895 по 1906 год. В ней постоянно сотрудничала передовая терская интеллигенция.

Газета «Терек» издавалась во Владикавказе с 1882 по 1884 год. Редактором данной газеты бы прогрессивный деятель того времени – Ипполит Александрович Веру. Газета обличала пороки общества: бюрократизм, обман, лицемерие, национальную дискриминацию. За публикацию крамольных статей газета находилась под особым надзором[308]. Состав редакции газеты «Терек» и её либеральное окружение властям до конца известны не были. Все эти люди держались в большой конспирации. Осенью 1883 года в «Тереке» появилась передовица под названием «Круговая ответственность горцев», в которой защищались права туземного населения. В ней осуждались безнаказанные убийства горцев казаками, которым всячески покровительствовала власть, желая приписать все преступления коренным жителям. Причину и следствие бед искали в них даже тогда, когда факты уличали вовсе не туземцев. Газета обличала подобную бесстыжую вероломность Терской администрации и её многочисленных прислужников на местах, культивировавших межнациональную вражду. Постоянные «дёрганья» редактора, отказ в публикации многим интересным материалам отрицательно сказались на газете. В результате тираж стал падать, а в 1884

году газета прекратила своё существование совсем. Такова судьба первой частной газеты на Кавказе[309].

В ходе работы над исследуемыми проблемами, автором впервые были введены и обобщены материалы, опубликованные в газетах и журналах, и касающиеся истории Терской области и чеченского народа в изучаемый исторический промежуток времени. Так, газеты «Кавказ» и «Терские ведомости» были полностью просмотрены за период с 1863 по 1900 год, благодаря чему удалось найти новые интересные сведения о событиях той эпохи. В процессе исследования были использованы публикации в следующих газетах и журналах: «Азия и Африка сегодня», «Бакинские известия», «Борьба классов», «Век», «Вестник архивиста», «Вестник Европы», «Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН», «Вестник Института цивилизаций», «Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета», «Вестник ЛАМ», «Вестник Московского государственного университета», «Вестник Российского гуманитарного научного фонда», «Вестник Российской академии наук», «Вестник Северо-Осетинского университета им. К. Хетагурова», «Вестник Ставропольского государственного педагогического института», «Весть», «Военно-исторический архив», «Военно-исторический журнал», «Военный сборник», «Вопросы истории», «География в школе», «Голос», «Голос Чечено-Ингушетии», «Дарьял», «Дело», «Донская речь», «Журнал министерства народного просвещения», «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», «Знание – сила», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», «Иллюстрированная газета», «Исторические записки», «Исторический архив», «Исторический вестник», «История СССР», «Источник. Документы русской истории», «Кавказ», «Кавказский вестник», «Казачий вестник», «Казбек», «Культура», «Литературная Кабардино-Балкария», «Молодая гвардия», «Молодой коммунист», «Московские ведомости», «Московский университет», «Мусульманская газета», «Наука и религия», «Научная мысль Кавказа», «Наш Дагестан», «Неделя», «Нефть России», «Новое обозрение», «Общественные науки и современность», «Ойла» (мысль), «Ориентир», «Отечественная история», «Отечественные архивы», «Отечественные Записки», «Пантеон», «Правительственный вестник», «Преподавание истории в школе», «Революционный Восток», «Революция и горец», «Родина», «Россий-

ские вести», «Россия XXI», «Россия и Азия», «Русская Музыкальная Газета», «Русская старина», «Русские ведомости», «Русский архив», «Русский вестник», «Русский инвалид», «Русь», «Санкт-Петербургские ведомости», «Северный Кавказ», «Северокавказский край», «Советская этнография», «Советский Северный Кавказ», «Современный листок», «Справедливость», «Ставропольские губернские ведомости», «Терек», «Терские ведомости», «Церковная летопись», «Этнографическое обозрение», «Этнополитический вестник», «Юридическое Обозрение», « Ab imperio». Таким образом, использованный корпус источников позволил автору попытаться решить задачи, поставленные в ходе изучения темы. В то же время, источниковая база настолько разнообразна и обширна, что даёт возможность продолжить дальнейшие исследования данной темы.

3. Методологические и теоретические основы исследования

Историческое исследование это не только творчество, но и мастерство осуществлять исследовательский поиск в соответствии с определёнными методологическими предписаниями. Потрясения в обществе в корне изменили теоретико-методологическую основу исследований в рамках отечественной исторической науки. То, что ещё относительно недавно считалось высшим достижением мысли, не может уже полностью удовлетворить новое поколение историков, поскольку процесс познания обогащается ранее неизвестными источниками и новыми идеями.

В исторической науке наметился переход от монистической интерпретации истории к плюралистической. В исследовательской практике утверждается принцип методологического плюрализма, в рамках которого, с одной стороны, идёт разработка альтернативных способов познавательной деятельности и осуществляется поиск новых методологических ориентиров, а с другой – наблюдается мобилизация всего предшествующего исследовательского опыта.

При этом широкое распространение получили утверждения о необходимости соединения в историческом познании формационного подхода с цивилизационным. Такое сочетание позволяет использовать наиболее ценные элементы познания прошлого в рамках обоих подходов.

В силу этого в основе данного диссертационного исследования лежит концепция цивилизационной преемственности и взаимопроникновения культур различных народов.

В качестве базового метода изучения заявленной темы необходимо отметить междисциплинарный подход к историческому исследованию. В данном случае он необходим, поскольку проблематика диссертации соотносится с несколькими научными дисциплинами: историей, философией, правом, социологией, политологией. В этой связи, методология исторического исследования должна быть дополнена знанием категориального аппарата, а также приёмов изучения и осмысления, предлагаемыми этими научными дисциплинами.

В отечественной науке с 70-х годов XX века стал применяться системный подход, основанный на анализе сложноорганизованных систем и на многосторонних междисциплинарных связях, в том числе между естественными и гуманитарными науками. Усиление междисциплинарного подхода позволило составить представление о глубинных процессах трансформации сознания чеченского этноса в период глобальных перемен послевоенного этапа развития общества. Особое внимание уделялось источниковедческому анализу, а также разработкам востоковедов, исламоведов и этнологов.

Возрастание интереса к человеку в истории способствовало распространение просопографического метода, с которым связано стремление к познанию прошлого через личность и судьбу отдельного человека. Этот метод заслуживает самого серьёзного внимания и представляется перспективным. Рассмотрение устоявшихся фактов сквозь призму политической биографии, позволяет по-новому взглянуть как на отечественную историю, так и на истоки, механизм движущей силы общественно-политической борьбы в России во второй половине XIX века.

Методологической основой работы являются прежде всего общепринятые принципы научного историзма. Они предполагают, что суждения, оценки и выводы, содержащиеся в исследовании, должны строиться только на основе исторических источников, несущих информацию об изучаемой эпохе. Неисчерпаемость взаимосвязей исторических явлений, альтернативность, присутствующая в историческом процессе, делают невозможным всестороннее объяснение их в рамках одного исследования и исключают любые претензии на научную монополизацию.

Данное исследование также основывается на следующих принципах : а) научность – построение заключений на строгой основе

анализа документов и отражаемых в них событий и явлений; объективность – рассмотрение изучаемых участников исторического процесса, их политических действий, уровня социального и культурного развития без этнокультурных и политических пристрастий и предпочтений со стороны исследователя. Принцип объективности означает для исследователя необходимость выполнить правила работы. На эвристической стадии исследования к ним относится учёт всех относящихся к проблеме источников и всей предшествовавшей литературы. На эмпирической стадии – изучение всех источников. На теоретической стадии исследования – при построении авторской концепции не должны игнорироваться как противоречащие её мнения предшествовавших исследователей, так и те факты, которые не вписываются в данную концепцию[310]. Также в исследовании желательно применять:1) системность – учёт одновременного действия в историческом процессе многообразных факторов : объективных и субъективных, внутри – и внешнеполитических, локальных, региональных, глобальных; 2) комплексность – опора на всю совокупность источников для выяснения причин и хода событий; 3) историзм – исследование исторических явлений в их постоянном развитии и видоизменении. Принцип историзма – с одной стороны, это способ мышления, позволяющий ощутить дух эпохи, понять психологию, действия людей. С другой стороны это способ познания, требующий изучения исследуемых процессов и явлений в их конкретно-исторической обусловленности и развитии, т.е. объективно. В противном случае отдельные факты и явления, выхваченные из общего исторического контекста времени, могут превращаться в идеологические булыжники…[311] Историзм – показатель мастерства историка, выражающийся в степени его умения донести дух того исторического времени и пространства по внутренним законам того времени, а не категориям другого века; 4)Принцип холизма – единство всякого изучаемого предмета. В начале XX века Дж.С.Холдейн раскрыл научное содержание холизма и обозначил такие уровни целостности мира, как физический, биологический и психологический. Это предполагает взгляд на объект, как на сложную систему саму по себе, как на часть иной системы, включающей изучаемый объект.

В основе всех принципов лежат : критерий объективности, соответствия истине и моральные критерии. Исследование бывает эмпирическое (наблюдение, сравнение), а также теоретическое (абстрагирование, анализ, синтез и моделирование).

При исследовании в общетеоретическом плане часто используются методы дедукции – выведение частного на основе общего и индукция – совокупность общих суждений из комплекса частных.

Метод измерения применяется исследователем в основном в статистических трудах, на основе собственных вычислений. Философской основой историко-сравнительного метода являются следующие категории: общее и особенное, индивидуальное и уникальное, аналогия и феномен, явление и сущность. Объективной основой для сравнений является повторяющийся, внутренне обусловленный, закономерный процесс. Изучение истории империй развивается в русле современной компаративистики. Сейчас уже признано, что увидеть всё многообразие человеческой истории невозможно без применения историко-сравнительного метода, без сопоставления различных регионов и стран. И в этом сопоставлении существенное место занимает понимание синхронности и асимметрии в историческом развитии. Историко-сравнительный метод, таким образом, даёт возможность проследить основные черты, особенности и типологию политико-административной системы России. Применение его позволяет определить уровни властных и управленческих структур в их вертикальном и горизонтальном срезах, механизм взаимодействия и субординации. Выявляются и главные тенденции становления, развития и эволюции исследуемой системы. Обозначаются пути исторической адаптации и синтеза традиционных и новых форм управления на окраинах Российской империи.

Историко-типологический метод помог рассмотреть основные формы торговли и промышленности, а также разграничить социальные группы предпринимателей на протяжении рассматриваемого периода. Если историк уделяет внимание проблемам политической истории, истории культуры и т.д., то он проводит типологизацию в рамках изучаемой проблематики, поскольку чётко видит в истории определённые типы политических отношений и событий. Тип может быть представлен в историческом исследовании как явление, имеющее совокупность определённых признаков.

Исторический метод – возвращает исследователя от общего к конкретно-историческому. Он позволяет составить наглядное представление о том, каким образом общая логика исторического процесса находила своё воплощение в конкретном объекте и предмете, которые составляют проблему данного исследования.

Научный метод – способ построения и обоснования научного знания, совокупность приёмов и операций, при помощи которых достигается цель научного знания. Основополагающие принципы научности и объективности присутствуют фактически в каждом из методов. На принципе историзма напрямую основан историко-генетический метод. Основывая своё исследование на научных принципах, историк свободен в выборе методов[312].

Описание – метод исторического исследования. Это изменение в формах и структурах принятого в науке языка изучаемых фактов, явлений, процессов. Описание признавалось в историографии важнейшим методом, поскольку главная задача исторической науки всегда сводилась к описанию установленных фактов.

Метод социального анализа находил тесную связь с психологическим методом познания общественных явлений. Психологическое направление объясняло особенности социального движения психологическими особенностями людей.

Из более частных, конкретных методов исследования следует назвать в первую очередь, региональный подход. В рамках этого метода при исследовании пореформенных изменений на Кавказе, следует отказываться от оценке реформ по стране в целом, т.к. это требует, с одной стороны, специального изучения, а с другой стороны, представляется во многом научно необоснованным, т.к. в огромной империи, с различными условиями социально-экономической жизни, различным жизненным уровнем населения, средние по стране показатели не дают реальной картины, не отражают процессов, происходивших на конкретных территориях. Общие показатели и средние индексы по стране годятся лишь для сравнения, выявления тенденций, но не для оценки происходящих процессов в целом[314].

При исследовании часто применяется методика выявления сходств, разработанная В.М.Жирмунским и Э.Сервисом. Это генетическое родство, результаты длительного соседства – сродство и конвергенция. Немалое значение имеет и методика выявления различий – природных, исторических и др.[315]

В современных исследованиях часто применяются методы : генетический, сравнительный, системный, метод диахронного анализа и моделирования исторических ситуаций[316].

Автор в зависимости от возникавших по ходу работы задач опирался как на историко-генетический и историко-сравнительный, так

и на историко-типологический, историко-системный и описательный методы, произведя для достижения истины и воссоздания целостной картины развития региона его описание в сочетании с анализом и синтезом выявленного документального материала[317]. С помощью историко-системного метода была дана обобщённая характеристика социально-экономических процессов, происходивших в Терской области и оказавших влияние на генезис торгово – промышленной деятельности в крае. Историко-правовой метод, основанный на анализе различных законодательных документов, позволил выявить основные тенденции в развитии торгово-промышленного права в России и, в частности, в Чечне. Количественные методы, например, корреляционно – регриссионный, позволили определить степень тесноты связи межу факторами, оказавшими влияние на изменения, происходившие в торгово-промышленной деятельности и других сферах жизнедеятельности населения региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917). Дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.3.

[2] Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2006. – С.3,15.

[3] Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.). – Грозный,2006. – С.29-30,473.

[4] Воронина О.Г. Из истории изучения национального конфликта (Чечня и развитие российско-чеченских отношений) // Universitas: Наука в контексте современной культуры. Сборник статей. – СПб.,2001. – С.246-247.

[5] Бережная Н.Н., Еремина А.В. Общее и особенное в текстах провинциальных историописателей Северного Кавказа (конец XIX – начало XX века) // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. – Челябинск,2006. – С.460.

[6] Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. – М.,2006. – С.6.

[7] Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: Политико-правовой аспект. Дис. …канд. юрид. наук. – Р н/Д.,2002. – С.58-59.

[8] Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.,2006. – С.88, 138, 290.

[9] Права народов. Международные документы и российские законодательные акты: Сборник документов / М.И.Аушев, С.А.Глотов, О.О.Миронов, М.П.Фомиченко. – М.,2006.

[10] Маловичко С.И., Узденова Э.Б. Операционные возможности исследовательского поля «истории пограничных областей» (« the Borderlands history») и изучение контактных социокультурных зон Севеерного Кавказа // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. – Карачаевск,2003. – С.44-45,47-49.

[11] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.,2006. – С.49.

[12] Трепавлов В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Ин-т рос. истории РАН. – М.,2005. – С.175.

[13] Вивчарь Г.М. Только вместе, только в дружбе. – Майкоп,2006. – С.177-178.

[14] Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг. Дис. …канд. ист. наук. – Воронеж,2006. – С.8.

[15] Бейджент М. Запретная археология. – М.,2006. – С.138,141-143,146..

[16] Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.,2006. – С.36.

[17] Бейджмент М. Запретная археология. М.,2006. – С.13.

[18] Верт Пол В. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005. – С.48,69.

[19] Боров А.Х. Национальные истории народов Северного Кавказа: проблемы концептуализма // Вестник Кабардино-Балкарского госуд. ун-та. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004. – С.7.

[20] Пасько Е.А. Колонизационная политика России: Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,2003. – С.6,8.

[21] Маркусова В.А. Цитируемость российских публикаций в мировой научной литературе // Вестник Российской академии наук. – Т.73. – №4. – С.292.

[22] Невская Т.А. Проведение Столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе. (1906-1917). Дис. …докт. ист. наук. – СПб.,1998. – С.8.

[23] Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997. – С.155.

[24] Мартовицкая А. Убить передвижника, или Еще раз об искусстве точечных ударов // Культура. – М.,2000. – №8. – С.3.

[25] Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.28.

[26] Там же. – С.XI.

[27] Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. / Переизд. С изд. 1799 г. с испр. и доп. – СПб.,2005. – С.175.

[28] Терещенко А.Г. Немцы в борьбе за Кавказ. – М.,2006. – С.266.

[29] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.38.

[30] Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.6. – 1872.

[31] Айларова С.А. Северокавказское просветительство 60-70-х гг. XIX в. и статья У. Лаудаева «Чеченское племя» // Вопросы политологии, истории и социологии : Сборник научных трудов. Вып.3. – Владикавказ,2000. – С.91.

[32] Самойлов К. Заметки о Чечне. – М.,2002.

[33] Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон.XIX-нач. XX в. – Орджоникидзе,1988. – С.38.

[34] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.40.

[35] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области) // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.53-54.

[36] Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик,2003. – С.32.

[37] Гакаев Д.Д. Развитие гуманитарных наук как фактор политической стабильности // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики : проблемы восстановления и развития. – М.,2004. – С.121-122.

[38] Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период. Автореф. дисс. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2006. – С.3.

[39] Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик,2003.

[40] Гакаев Д.Д. Развитие гуманитарных наук как фактор политической стабильности // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М.,2004. – С.122.

[41] Хадикова А.Х. Кавказцы в новейшей истории России: формирование негативного образа // История Северного Кавказа с древнейших времён по настоящее время. – Пятигорск,2000. – С.248.

[42] Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. – Казань,1850. – С.92-93.

[42] Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892.

[43] Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892.

[44] Исаева Т.А. К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып1. – Грозный,1978. – С.129.

[45] Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,1970.

[46] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.11.

[47] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб.,1871.

[48] Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). – СПб.,1879.

[49] Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т.1. Ч.1. 60 лет Кавказской войны.,Ч.2. Записки о Кавказских делах. – СПб,1889.

[50] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.12.

[51] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1-2. – Тифлис,1907.

[52] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб.,1996. – С.23.

[53] Там же. – С.21.

[54] Городецкий Б.М. Литература и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник на 1913 год. Т.18. – Екатеринодар,1913. – С.380.

[55] Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Т.1-2. Владикавказ,1912. Потто В.А. Памяти старых кавказцев. – Тифлис,1897.

[56] Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо – Западного Кавказа. – Нальчик,2001. – С.318.

[57] Абрамов Я. Одна из погрешностей нашей поземельной политики на Кавказе // Терек. – 1883. – №64,65.

[58] Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Т.1,2. – М.,1874.

[59] Цифанова И.В. Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации. Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005. – С.152.

[60] Некролог И.В. Бентковского (1811-1890) // Новое обозрение. – 1890. – №2300. – С.1.

[61] Бентковский И.В. Список населённых мест по сведениям 1873 г. – Ставрополь,1874.

[62] Колесникова М.Е. И.В. Бентковский – краевед и историк Северного Кавказа // Отечественные архивы. – М.,2004. – №1. – С.7.

[63] Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник на 1913 год. Т.18. – Екатеринодар,1913. – С.375.

[64] Зейдлиц Н.К. Списки населённых мест Кавказского края. Т.1.Ч.1. – Тифлис,1879.

[65] Зейдлиц Н.К. Поездка в Чечню, к верховьям Аргуна, в Ичкерию и через Хасав-Юрт вверх по Тереку до Моздока // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Т.II. №1. – Тифлис,1873.

[66] Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник на 1913 год. Т.18. – Екатеринодар,1913. – С.341.

[67] Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – Т.82.

[68] Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в 9 томах. Т.1. – М.,1987. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. – М.,1996.

[69] Борисов А.А. Социальная история якутов в XVII – 50-х гг. – XIX в. : общество, право, личность в условиях российской колонизации. Автореф. дис. …докт.ист.наук. – Якутск,2004. – С.6.

[70] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – началеXX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.13.

[71] Ардасенов А.Г. По поводу лесных пожаров. – М.,1902.

[72] Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон.XIX– нач. XX в. – Орджоникидзе,1988. – С.48.

[73] Там же. – С.49.

[74] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.7.

[75] Саракаев И.-Б. По трущобам Чечни (Жгучий и наболевший вопрос). – Грозный,1991.

[76] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912.

[77] Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М.,1951.

[78] Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон.XIX– нач. XX в. – Орджоникидзе,1988. – С.46.

[79] Цаллаев Х. О жизни и деятельности Афанасия Гассиева // А.А. Гассиев. Избранные произведения. – Владикавказ,1992. – С.1,103.

[80] Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ,1992.

[81] Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб.,1908.

[82] Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политического прогресса. – СПб.,1908.

[83] Туманов Г.М. К введению на Кавказе земского самоуправления. Материалы, собранные Тумановым. – Тифлис,1905.

[84] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1-2., Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып.1. – Одесса,1882.

[85] Матиева А.Х. Проблемы национальной политики царской России в исследованиях М.М Ковалевского // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.362.

[86] Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002. – С.8.

[87] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в кон.XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ...канд. ист. наук. – М.,2004. – С.13.

[88] Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон.XIX – нач. XX в. – Орджоникидзе,1988. – С.20.

[89] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М.,2003. – С.20-21,24-25.

[90] Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль,1979. – С.241.

[91] Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.,2006. – С.115.

[92] Градовский А.Д. Современные воззрения на государство и национальность. М.,1872., Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993., Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Т.1-2. – СПб.,1891.

[93] Шевкуленко Д.А. Межнациональные отношения в России (втор. пол. XVI – нач. XX в.). – Самара,1998.– С.3.

[94] Иллерицкая Н.В. Некоторые вопросы истории России в трудах В.И. Сергеевича, А.Д. Градовского и Ф.И.Леонтовича // История и Историки. – М.,2001. – С.149-150.

[95] Градовский А.Д. Собрание сочинений в 9 томах. Т.9. Краткий очерк жизни. – СПб.,1908. – С.3.

[96] Градовский А.Д. Современные воззрения на государство и национальность. – М.,1872.

[97] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999.; Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.,1999.

[98] Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002. – С.10.

[99] Щетинина Г.И. Владимир Соловьёв: исторические взгляды // История и Историки. – М.,1995. – С.229,331.

[100] Мухаметшин Ф.М. Мусульмане России: судьбы, перспективы, надежды. – М.,2001. – С.66.

[101] Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894.

[102] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб.,1996. – С.32.

[103] Мартиросиан Г.К. Терская область в революции 1905 года. – Владикавказ,1929., Бушуев С.К. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905-1917 гг. – Грозный,1941.

[104] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе. (1905-1917). Дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.3.

[105] Черноус В.В. Генезис кавказской горской цивилизации // De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919-1998). – Р н/Д.,2004. – С.307.

[106] Пронштейн П.А., Патракова В.Ф. Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства XIX века // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик,1994. – С.123.

[107] Тройно Ф.П. Поземельные отношения у горских народов Северного Кавказа (с начала пореформенного периода). Автореф. дис. …докт. ист. наук. – Белгород,1984. – С.8.

[108] Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни (к 10-летию Советской Чечни). – Грозный,1930. С.1,33.

[109] Мартиросиан Г.К. Терская область в революции 1905 года. – Владикавказ,1929.

[110] Кокиев Г. Крестьянская реформа в Северной Осетии. – Б.м.,1940.

[111] Иванов А.И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 г. XIX в. // Исторические записки. – 1941. – №12.

[112] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000.

[113] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.15-16.

[114] Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный,1977., Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Ингуши. – Саратов,1996. – С.72-76.

[115] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001. – С.5-6.

[116] Эльчибекян А. Генерал-адъютант М.Т. Лорис-Меликов. – Ереван,1942.

[117] Епанешников Н.В. Политический проект Лорис-Меликова. Дис. …канд. ист. наук. – Б.м.,1948.

[118] Дегоев В.В. Генерал Мусса Кундухов: история одной иллюзии. (К проблеме национально-культурного самопожертвования в русско-кавказском мире) // Сборник Русского исторического общества. Т.7 (155). Россия и мусульманский мир. – М.,2003.

[119] Тедтоев А. К вопросу о переселении части горцев в Турцию // Молодой коммунист. – 1953. – №63. – С.2. Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию // СОНИИ. Т.18. – Орджоникидзе,1949.

[120] Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып.5. – Ставрополь,1966.

[121] Кочекаев Б. –А.Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – XX в. – Алма-Ата,1969, Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900). – Грозный,1963.

[122] Гриценко Н.Б. Рабство и рабовладение в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX вв.) // Известия ЧИНИИ. Т.X. – Грозный,1976.

[123] Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (Социально-экономический очерк). – Нальчик,1965.

[124] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.,1968.

[125] Фадеев А.В. Формирование землевладельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. – М.,1961.

[126] Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. …докт. техн. наук. – М.,1999. – С.26.

[127] Колосов Л.Н. О степени изученности Грозненского нефтяного дела // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. I. – Грозный,1978.

[128] Денискин В.И. Сельское хозяйство терских казаков в пореформенный период. Дис. …канд. ист. наук. – Грозный,1974.,Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй пол. XIX в.: К проблеме развития капитализма вширь. – М.,1981., Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989., Гриценко Н.П. Города Северо – Восточного Кавказа и производительные силы края V – XIX в. – Р н/Д.,1984.

[129] Мамбетов Г.М. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (втор. пол XIX – 60-е годы XX в.). Дис. …докт. ист. наук. – Б.м. 1971., Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – нач.XX вв. – М.,1976.

[130] Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – перв. четв.XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Дис. …канд. ист. наук. – М.,1973., Хасиев С.-М.А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в XIX – XX в. // Советская этнография. – 1973. – №1. – С.139.

[131] Хасбулатов А.И. Сословный характер аграрно-административных реформ в 60-х г. XIX в. в Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классообразования и социального движения в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI– XX в.) – Грозный,1980., Кокурхаев К.А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.XI. – Грозный,1977., Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985.

[132] Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (втор. пол. XIX –нач..XX в). – Грозный,1989.

[133] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX началеXX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.16.

[134] Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный,1972.

[135] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985.

[136] История народов Северного Кавказа (кон.XVIII в. – 1917 год). Т.1-2. М.,1988., История Кабарды с древнейших времён до наших дней. Т.1-2. – М.,1967., Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т.1-2. – Грозный,1965.

[137] Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. – Краснодар,2000. – С.6-7.

[138] Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – 1983. – №4.

[139] Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975.

[140] Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь,1973.

[141] Муслимова А.С. Народное образование в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2002. – С.11.

[142] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). Автореф. дис. …докт. ист. наук. – М.,2003. – С.15.

[143] Батунский М.А. Россия и ислам. Т.III. – М.,2003.

[144] Четверикова Е.В. Правительственные общества на юге России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Ставрополья, Дона и Кубани).: Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,2005. – С.54.

[145] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб,1996. – С.40-43.

[146] Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне. – М.,2000. – С.18.

[147] Кумпан В.А. Национальная политика самодержавия на Северо – Западном Кавказе в пореформенный период (1864-1917). Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2000. – С.10.

[148] Соловьёв В.С. Национальный вопрос с нравственной точки зрения. – М.,1917. – С.6.

[149] Кумпан В.А. Национальная политика самодержавия на Северо – Западном Кавказе в пореформенный период (1864-1917). Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2000. – С.10.

[150] Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). – Нальчик,2001. – С.32.

[151] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.8.

[152] Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). – Нальчик,2001. – С.8.

[153] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.31.

[154] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.30.

[155] Чжун Се Чжин. Кавказская война и Исламский фактор на Северном Кавказе (Первая половина XIX века). Дис. …канд. ист.наук.– М.,2005. – С.23.

[156] Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.,1994. – С.583.

[157] Клычников О.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2004. – С.50-51.

[158] Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.57.

[159] Воронина О.Г. Из истории изучения национального конфликта (Чечня и развитие российско-чеченских отношений) // Universitas: Наука в контексте современной культуры. Сборник статей. – СПб.,2001. – С.248.

[160] Мусаева Х.М. Проблема борьбы с преступностью на Северном Кавказе (региональный аспект). Дис. …канд. юрид. наук. – Краснодар,2004. – С.11,17.

[161] «Навеки вместе» (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). – Грозный,1980. – С.17,78.

[162] Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Серия «Вопросы Северокавказской истории». – Армавир,2002.

[163] Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII – XIX вв. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб.,2003. – С.94-95.

[164] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач.XX в.) – СПб.,1998. – С.18.

[165] Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Р н/Д.,2001. – С.248.

[166] Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. – М.,2004. – С.704.

[167] Лапин В.В. Кавказская война-война взаимного непонимания // Россия и Кавказ: История. Религия. Культура. – СПб.,2003. – С.5.

[168] Воробьёва Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия : втор. пол.XIX в. – 1917 г. Дис. …канд. ист. наук. – СПб,1999. – С.7,9.

[169] Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции, 20-22 июня 1989 г. – Махачкала, 1989.

[170] История и основные этапы становления государственной границы на юге России и перспективы развития Краснознаменного особого пограничного округа. – Ставрополь,1997. – С.9.; Моренов И.С. Национальные интересы России на Северном Кавказе: исторический опыт и современная практика обеспечения (политологический анализ). Дис. ….канд. полит. Наук. – М.,2003. – С.53-54,57.

[171] Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. – М.,2005. – С.132.

[172] Гапуров Ш.А. Еще раз о горско – казачьих набегах // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М.,2006. – С.208,214.

[173] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – XX в. – СПб.,1996. – С.43.

[174] Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции (вторая половина XVI – XIX в.). : Дис. …докт. ист. наук. – Армавир,2005. – С.264.

[175] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе. (1905-1917). Дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.20.

[176] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.16-17.

[177] Гапуров Ш.А. Еще раз о горско – казачьих набегах //Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М.,2006. – С.204.

[178] Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик,2003. – С.61,81.

[179] Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. – М.,1888. – №27,32. – С.2.

[180] Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ,1994. – С.22-23.

[181] Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. – Краснодар,1995. – С.29.

[182] Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / Под ред. Академика В.Б. Виноградова. – Пятигорск,2006. – С.26,28,32-33.

[183] Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. …канд. юрид. наук. – Махачкала,2006. – С.76.

[184] Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.,2001.

[185] Георгиев В.А. «В.В. Дегоев. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин». М.,2001. // Отечественная история. – 2002. – №4. – С.187.

[186] Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. Кавказская война // Преподавание истории в школе. – М.,2006. – №1. – С.13.

[187] Веселие Руси. XX век. Градус новейшей истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М.,2007. – С.190.

[188] Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в 9 томах. Т.1. – М.,1987. – С.50.

[189] Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е г. – начало 1770-х гг.). – Нальчик,2001.

[190] Горбунов А.П. «Свое» и «Чужое» в истории Кавказской войны и ее отображении: преодоление противостояния // История Северного Кавказа: социально-экономические, национальные и политические процессы. – Пятигорск,2004. – С.3-4.

[191] Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства. Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2005. – С.38-39.

[192] Святой праведный Иоанн Кронштадский. Творения. Дневник. Т.IV.,1862. – М.,2006. – С.156,418,430473-474.

[193] Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости. – М.,1998., Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д.,2000.

[194] Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. – М.,2004. – С.699.

[195] Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988. – С.8.

[196] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.368-369.

[197] Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебное пособие для вузов. – М.,1995., История СССР. Учебник для педагогических институтов. 1861-1917. / Под. ред. В.Г. Тюкавкина. – М.,1990.

[198] Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтённые детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – №4. – С.35.

[199] Бажанов Е. Страна незаходящего солнца. Национальная политика Российской империи и самоназвание русского народа. – Самара,2006.

[200] Матвеев В. Кавказская война минувшего века: итоги и уроки // Ориентир. – 1998. – №10. – С.71.

[201] Давудов О.М. Дагестан накануне и в период русско-турецкой войны 1877-78 годов. Внутриполитическая обстановка. Обозрение классовой борьбы // История Дагестана с древнейших времён до наших дней. – М.,2004. – С.517.

[202] Исхаков С.М. Международная научная конференция «Национальный вопрос в интеграции и распаде СССР» // Отечественная история. – 2005. – №2. – С.212.

[203] Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик,2003. – С.31.

[204] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.18-19.

[205] Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. – Р н/Д.,2000.

[206] Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800-1917) // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999.

[207] Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.,2002.

[208] Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Вестник Института цивилизации. Вып.3. – 2000.

[209] Першиц А.И.,Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. – 1998. – №1.

[210] Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002.

[211] Дегоев В.В. Об исторических аспектах взаимоотношений «Центр – периферия» в Кавказском контексте // Вестник института цивилизации. – Владикавказ,1998.

[212] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001.

[213] Воробьёва Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия : втор. пол. XIX в. – 1917 г. Дис. …канд. ист. наук. – СПб.,1999.

[214] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918). Дис. …докт. ист. наук. – М.,2003.

[215] Итенберг Б.С. Военачальник и администратор на Кавказе // Отечественная история. – М., 2004. – №1.

[216] Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов – Дашков. Наместник Кавказский. – М.,2005. – С.123.

[217] Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.,2001.

[218] Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX – XX вв. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2001. – №3-4.

[219] Ахмадов Ш.Б. Обычаи и традиции чеченцев как непреходящие ценности духовной культуры народов // Юг России: культурно-исторический феномен. Сборник научных статей. – Элиста,2004. – С.135.

[220] Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.65.

[221] Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001.

[222] Абдуллаева М.И. Переселение дагестанцев в Османскую империю во второй пол. XIX – нач.XX в. (Причины и последствия). Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2000. – С.24.

[223] Izzet Audemir .Yoc. Ankara,1988 (на тур.яз); Барзадж Н.Тахджиру аш Щаракиса («Эмиграция черкесов»). – Amman,1987 (на араб. языке) Khairallah K. T. La Syrie. – Paris,1912. Хавжока Ш.Абитталь ва абаттыр фи тарихи аш Щаракиса. («Герои и императоры в истории черкесов»). – Бейрут,1972. (на араб.языке).

[224] Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001. – С.7.

[225] Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863-75 гг.) (По архивным источникам). – М.,2000. – С.10.

[226] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.,1998.

[227] Lewis Norman. Nomads and settlers in Syria and Jordan (1800-1980). – Cambridge, 1987; de Proux. Les Tcherkesses // La Franse Mediterraneene et Africaine. – Paris, 1938. Fask.4; Schumacher Y. The Jaulan.– London, 1889; Bell Y. Syria. The Desert. The Sown. – London, 1919.

[228] Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – 1983. – №4. – С.35., Rieber A. The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.J. Bariatiski 1857-1864. – Mouton. 1966.

[229] J. Bruce Transcaucasia and Mount Ararat. – London, 1877.

[230] Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси,1972. – С.44.

[231] Vagabond A. in the Caucasus. London. John Lane the bodeey Head. 1915.

[232] Герберт А. «Развитие ресурсов этой области тормозится существующей системой» (Кавказ глазами английского полковника (1889) // Источник. – 1999. – №5. – С.34.

[233] Ritter O. Der Kaukasus und seine bedeutung fur Rusland. – Leipzig. 1877.

[234] Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси,1972. – С.6.

[235] Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810-1860-е гг. // Actio Nova. 2000. – М.,2000. – С.318.

[236] Baddley J.F. The Russian Conguest of the Caucasus. L.,1908.; Hopkirk P. The Great Game. On Secret service in High Asia. – Oxford, 1991.

[237] Die Russische Weltmacht in Mittel – und Westasien von Dr. Paul Rohrbach. – Leipzig. 1904.

[238] Allen W. Caucasian battlefield. – Camrbrilge. 1953.

[239] Rhinelander G.H. Russias Imperial Policy. Administration of the Caucasus in the First. Half of the XIX th Century. – Canalian Slavonic Papers, 1875. Atkin M. Russia and Iran 1780-1828. – Minneapolis, 1980.

[240] Краг Х., Хансен Ларс Функ. Северный Кавказ: народы на перепутье. – СПб.,1996.

[241] Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.,2000.

[242] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). Автореф. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.20.

[243] Barret T.M. At the Edge of Empire The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. 1700-1860. – Westview Press, 1999.

[244] Kalpana Sahni. Crucifying the Orient : Russian Orienta lism and the Colonization of Caucasus and Central Asia. – Bangkok; Oslo, 1997.

[245] Барретт Т. Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара,2000. – С.163-195.

[246] Бичерова Н.С. История России второй половины XIX – начала XX века в современной американской русистике. Дис. …канд. ист. наук. – Рязань,2003. – С.46.

[247] Сабирова А.И. Новейшая российская историческая периодика (1991-2005) как источник по изучению истории национальных отношений в Российской империи и СССР. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Казань,2006. – С.5.

[248] Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник статей. Вып.4. – Ставрополь,2001. – С.59.

[249] Крикунов В.П. Краткий обзор указателей источников и литературы по истории Дона, Кубани и всего Северного Кавказа. – Отрадная,1999. – С.11-12.

[250] Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечено-Ингушетии в 1917-1937 годах. – Тверь,2003.

[251] Тройно Ф.П. Документальные источники об арендных отношениях у горцев Северного Кавказа в досоветский период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983. – С.66.

[252] Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.,2001. – С.154.

[253] Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997. – С.226.

[254] Шацкий П.А., Шацкая С.П. Обзор архивных источников по истории аграрных отношений Предкавказья в пореформенный период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983. – С.94.

[255] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.25.

[256] Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – М.,2005. – С.221.

[257] Кобычев В.П. Поселения и жилища на Северном Кавказе (XIX – XX в.) Дис. …докт. ист. наук. – М.,1984. – С.10.

[258] Агаев А.Г. Магомед Ярагский: Мусульманский философ. Поборник веры, свободы, нравственности. – Махачкала,1996. – С.8.

[259] Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997. – С.251.

[260] Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997. – С.311.

[261] Герберт А. «Развитие ресурсов этой области тормозится существующей системой» (Кавказ глазами английского полковника. 1889) // Источник. – 1999. – №5. – С.30.

[262] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб.,1996. – С.5-6.

[263] Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. – М.,2001. – С.33.

[264] Законы о вере и веротерпимости. – СПб.,1899. – С.1.

[265] Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. статей. Вып.4. – Ставрополь,2001. – С.58.

[266] Несмачная С.И. Первое издание архивных документов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.№2(34). – М.,2005. – С.351-353.

[267] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.61.

[268] Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. XII . Ч.1,2,3. – Тифлис,1904.

[269] Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч.II. // Кавказский этнографический сборник. Т.46. – М.,1958. – С.279.

[270] Авксентьев А.В., Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь,1994. – С.42.

[271] Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй пол. XIX – нач.XX в. Автореф…канд. ист. наук. – М.,1985. – С.17.

[272] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.65.

[273] Захаров В.А.; Кравцова Т.Ю. «Кавказский сборник» // Кавказский сборник. Т.1(33). – М.,2004. – С.322,325.

[274] Дегоев В.В. К возобновлению издания «Кавказских сборников» // Кавказский сборник. Т.1(33). – М.,2004. – С.8.

[275] Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй пол XIX – нач. XX в. Автореф. дис. …канд ист. наук. – М.,1985. – С.18-20.

[276] Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч.II. // Кавказский этнографический сборник. Т.46. – М.,1958. – С.187.

[277] Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. статей. Вып.4. – Ставрополь,2001. – С.58.

[278] Авксентьев А.В., Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь,1994. – С.42.

[279]Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. – М.,2004. – С.3-4.

[280] Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – М.,2005. – С.7.

[281] Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ,1901.

[282] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб.,1996. – С.7.

[283] Алиева Н.Э., Наменатов Р.А., Селиванова Н.А. Издания Кавказского статистического комитета как источник по истории книжного дела на Северном Кавказе // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар,2005. – С.135-136.

[284] Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке. – Орджоникидзе,1966. – С.19.

[285] Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.,2000. – С.209.

[286] Первая всеобщая перепись 1897 года. Терская область 1905 (4). T.XVI. – СПб. Б.г.

[287] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 г. – Владикавказ,1886.

[288] Цит. по: Закриев Б.Б. Чечня в политике России в последней трети XVIII – начале XIX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Грозный,2005. – С.37-38.

[289] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.69.

[290] Милютин Д.А. Воспоминания,1863-64 гг. – М.,2003.

[291] Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). – СПб.,1879.

[292] Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1. – М.,1960.

[293] Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала,1995., Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках. Т.1. – М.,1976. – С.3.

[294] Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856 гг. / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.2000.; Милютин Д.А. Воспоминания. 1856-1859 гг. / Под ред .Л.Г. Захаровой. – М.2000.;Милютин Д.А. Воспоминания,1863-64 гг. – М.,2003.

[295] Васильев А.М. Кавказская война во взглядах и деятельности Д.А. Милютина // Военная реформа в России : история и современность. – Екатеринбург,2002. – С.59-62.

[296] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.70.

[297] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001.

[298] Шарафутдинова Р.Ш. Введение // Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001. – С.6.

[299] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач.XX в. – СПб.,1996. – С.8.

[300] Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе,1971. – С.80.

[301] Султанов Ф. Периодическая печать на Кавказе. – Тифлис,1901. – С.6-12.

[302] Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник статей. Вып.4. – Ставрополь,2001. – С.59.

[303] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.11.

[304] Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке. – Орджоникидзе,1966. – С.15.

[305] Гудушаури Г.А. Грузино-Северокавказские культурные взаимоотношения в XIX – нач.XX в. Дис. …канд. ист. наук. – Тбилиси,1985. – С.27.

[306] Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Махачкада,1966. – С.6-7.

[307] Шанаев Г. Кое-что о горцах. – Тифлис,1888.

[308] Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке. – Орджонткдзе,1966. – С.18.

[309] Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала,1966. – С.9-10.

[310] Мининков Н.А. Методология истории. – Р н/Д.,2004. – С.173.

[311] Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. – Краснодар,1995. – С.24.

[312] Мининков Н.А. Методология истории. – Р н/Д.,2004. – С.187.

[314] Невская Т.А. Проведение Столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906-1917). Дис. …докт. ист. наук. – СПб.,1998. – С.11.

[315] Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. Дис. …докт. ист. наук. – М.,1997. – С.6.

[316] Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М.,1994. – С.12.

[317] Крайнюченко П.В. Рыбные промыслы на Юге России во втор. пол. XIX – начале XX века. Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,1998. – С.33.

ГЛАВА II.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

1. Права и обязанности власти и населения

В последнее время в современной западной и отечественной историографии активно развивается «новая история империй». В отличие от «старой», где основное внимание уделялось понятию империализма и милитаризма, в центре исследования нового направления находится взаимодействие национального и имперского. Приоритетными стали такие темы, как история элит, административное управление окраинами, взаимоотношения центра и периферии. Повышенное внимание к этим сюжетам во многом объясняется самим феноменом империй, объединявших в течение длительного времени огромные территории, населённые различными по своей культуре народами[1]. Важнейшей функцией империи в процессе расширения ее территории, включения в свой состав инокультурных компонентов является поиск оптимального режима их интеграции в общеимперский организм. Правительство стремилось сохранить здесь существовавшие до вхождения в состав России местные законы, учреждения, культуру. Как правило, избирался адаптивный способ управления территориями, осторожное и гибкое сочетание сохраняемых традиционных для автохтонного населения норм и порядка жизнедеятельности сложившейся системы отношений с военизированной и жесткой административной системой[2].

Империя – это сложносоставное государство, в котором метрополия, так или иначе, отличается от периферии, а отношения между ними задаются метрополией и воспринимаются периферией как оправданное или неоправданное неравенство, субординация и эксплуатация. В ходе исследований выяснилось, что эти вопросы – одни из ключевых в изучении империй. Ментальное, смысловое значение империи порождается не только военно-политической экспансией, являющейся ее обоснованием и катализатором в аспекте реально-политическом, но и «имперской идеей» – продуктом мифологического сознания. Этнокультурные мифы начинают строить черты концепта, иногда они принимают рациональную оболочку, утрачивая самодостаточность и, все отчетли-

вее соединяются с историей, в качестве ее первоначала. Мессианская ориентация, универсализм представлений о судьбе русского народа и государства предполагают именно имперский способ достижения цели – совершенного миропорядка. Из глубин общественного сознания рождается представление о неизбежности имперского пути России, об естественно – историческом характере возрастания ее пространств и народов. Н.А. Бердяев, например, писал о том, что «мессианская идея, заложенная в сердце русского народа, была плодом страдальческой судьбы русского народа, его взысканий Града Грядущего»[3].

Однако в Европе о России складывалось прямо противоположное мнение, зачастую редко подкрепленное весомыми доводами, но полное необъяснимого страха перед могущественной, постоянно расширяющейся и «непонятной» страной, отличной от всего мира и живущей только по своим правилам. В конце 1903 года на Западе появилась статья Дайси с мрачными взглядами на состояние России. По мнению публициста «…русские остаются нецивилизованным народом с варварской моралью. Неспособность русских к учению приводит к тому, что представители образованных народов набираются почти исключительно из евреев. Ведя постоянные завоевания, Россия не прививает покоряемым племенам высокие культурные идеалы, потому что сама воплощает бескультурье: моральная тьма русского правления непрерывно распространяется по всему земному шару»[4].

Общественное сознание весьма часто к признакам империй относит факторы господства и подчинения, насилия и подавления. В более широком и методологическом плане стоит вопрос о взаимодействии центробежных и центростремительных тенденций в историческом развитии. С этой точки зрения история всех империй являлась классическим проявлением подобного взаимодействия на стадиях формирования, эволюции и распада. История империй включает в себя и вопрос о национальных отношениях, ибо едва ли не главная проблема всякой империи – это проблема национальная, этническая, очень часто – конфессиональная[5].

Решение национальных проблем в значительной мере зависит от обоснованного государственно-правового регулирования этой сферы жизнедеятельности общества и, поскольку межнациональные отношения – это разновидность общественных отношений, их регулирование осуществляется на основе тех общих положений, которые используются при регулировании общественных отношений в целом. Вместе с тем, специфика этих отношений (их духовная, территориальная и другая

направленность) требуют при подходе к ним особой осторожности, деликатности, как со стороны законодателя, так и со стороны правопреемника. А в условиях многонационального государства значимость рационального правового регулирования этих отношений многократно усиливается, что обуславливает необходимость создания постоянного совершенствования теоретической концепции, позволяющей согласовывать национальные и государственные интересы на том или ином этапе развития общества. Из многочисленных государственных учреждений в Российской империи не было единого органа власти, ответственного за выработку и осуществление политики в национальных окраинах. Как правило, для решения конкретных вопросов в разное время создавались различные высшие комитеты и совещания[6].

Национальный вопрос, понимаемый как состояние межнациональных отношений, всегда имеет конкретно-историческое содержание, включающее совокупность национальных проблем, среди которых можно выделить: национальное неравноправие, неравенство уровней экономического и культурного развития различных народов, атмосферу национальной розни и вражды и др.[7]. Политическим идеалом устройства империи было установление, насколько это возможно, одинакового строя жизни подданных империи – прообраза, модели унифицированного сообщества народов в «должном состоянии мира». Оптимальный путь строительства империи – мирный.

Социальное устройство Российской империи было уникальным. В условиях империи «корпоративность» и «коммунальность» как принципы русской жизнедеятельности не подавляли самобытность нерусских народов, поскольку в Российской империи в полиэтническом сообществе ни одна из религиозных и этнических групп (в т.ч. и русские) не могла монополизировать и осуществлять власть только в соответствии с собственными интересами. Тождество принципов становилось основой диалога культур и вместе с тем этнических конфликтов[8]. Российское государство свои функции осуществляло не столько в отношении подданных, сколько в отношении корпоративных объединений разного вида, занимавших собственное место в социальной иерархии: родовыми корпорациями, посадскими общинами, купеческими сотнями, крестьянскими, казачьими, горскими общинами и т.п. Государство своими законодательными актами закрепляло корпоративное устройство социального организма[9].

Российская империя являлась уникальным государством в истории человеческой цивилизации. Растянувшись главным образом по широте,

она вобрала в себя всю восточную часть Европы и северную часть Азии. Ее территория составляла 42% площади этих двух материков. Она занимала 1/22 долю всего земного шара и около 1/6 части поверхности суши. Площадь территории равнялась 19 709 224 кв. версты (22 430 004 кв. км.). Население России к концу царствования Николая II достигло 170 млн. человек[10]. В 1888 году в газете «Северный Кавказ», с цензурными сокращениями была опубликована статья В. Немирович – Данченко, в которой он охарактеризовал расширение империи со своей точки зрения: « Странствуя по России, я всегда поражался нашею страстью лезть вширь и даль, совсем не думая о том, чтобы сначала по-человечески устроиться у себя дома. В самом деле, по карману ли нам расползаться так, думая об отдаленных экспедициях, присоединениях и присовокупленьях, когда у самих в доме холодно и голодно, и стены сквозят, и кровля разваливается, и в выбитые стекла свободно дует обмораживающий ветер. Как бы мы посмотрели на человека, который, оставив свое жилье в невозможном положении, стал бы захватывать все больше и больше земли у окружающих и, нисколько не думая о ее обработке, все бы пыжился да ширился… А там, где мы тратимся широкою рукою, – крепостях и военных сооружениях, на что идет большая часть наших доходов, чего мы достигли? Кавказ управляется в каком-то угаре, в вечном колебании между теми и другими системами, без всяких руководящих начал и при полном отсутствии общей государственной идеи. Для меня Кавказ не чуждый край, я там родился и вырос и потом не раз и подолгу посещал его. Я знаю, что мои наблюдения дадут повод некоторым упрекнуть меня в желании бросить тень на наше положение в этом крае, но молчать о сложившейся ситуации я тоже не могу…»[11].

Российская экспансия на Кавказ была предопределена экономическими и идеологическими интересами, а также соображениями безопасности[12]. После завершения войны на Кавказе с 1870 по 1880 год по данным Ставропольской казенной палаты, излишки доходов от Северного Кавказа составляли 16 млн. рублей, т.е. в среднем 1,6 млн. рублей в год. Тем не менее, налоговые сборы неуклонно продолжали увеличиваться. С 1887 по 1905 гг. сумма налогов выросла с 228,1 до 678,8 тыс. рублей, то есть увеличилась за эти годы почти в три раза. В переводе на землю подымная подать в Терской области достигла в 90-х гг. до 70 коп. за десятину, а в это время во внутренних губерниях страны она была не более 17 коп., или в 4 раза меньше. По мере расширения аппарата колониального управления все более возрастали сборы: дорожные, квартирные,

воинские и другие. С 1892 по 1904 год они увеличились почти в 2,5 раза, достигнув огромной суммы – 3,9 млн. рублей. Очень выросли также недоимки – от 245,8 тыс. в 1896 до 623,7 тыс. рублей в 1905 г., т.е. увеличились за десять лет более чем в два раза[13].

Кавказская война (1817-1864 гг.), продолжавшаяся 47 лет, была связана с присоединением Чечни, Дагестана и Северо – Западного Кавказа к царской России в ходе её борьбы против турецкой и иранской экспансии, поощряемой Англией и другими западноевропейскими державами. Но её истоки следует искать в середине XVI века, когда Россия приступила к серьёзным внешним территориальным завоеваниям. Пётр I был первым из российских царей, кто по-настоящему оценил стратегическое и экономическое значение Кавказа в деле создания и укрепления Российской империи. Именно в эпоху Петра I Россия в борьбе за Северный Кавказ стала серьёзно и активно вступать в военные конфликты с Турцией, Ираном и горцами. Активизация колониальной экспансии России в XVIII веке стала возможной благодаря росту её военного и экономического потенциала.

Локальный уровень формирующегося геополитического пространства Северного Кавказа был обусловлен промежуточным положением местного населения между воюющими державами, что заставило их занимать более или менее четкие политические позиции. Северный Кавказ представлял собой крайне важный стратегический узел, т.к. народы, его населяющие, обладают огромной социальной динамикой, древнейшими геополитическими традициями[14]. Покорение северокавказских земель оказалось для России делом чрезвычайно сложным и длительным. Такого сопротивления, какое оказали русским войскам горцы, российским правителям ещё не приходилось встречать при подчинении тех или иных территорий[15].

Расширение пространства империи и включение в её состав стратегически важных областей было психологическим императивом для русского дворянина, императивом, не требующим, как правило, морального оправдания. В «Русской Правде» декабриста П.И. Пестеля преобладают два важных тезиса по поводу положения на Кавказе: во-первых, «буйство и хищничество», представляющие опасность для сопредельных областей, и, во-вторых, экономическая нецелесообразность существования плохо хозяйствующих горцев в потенциально богатом крае. Пестель предлагал разделить кавказские народы на два разряда, мирных и буйных. Первых предполагалось оставить в их жилищах и дать им россий-

ское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренние губернии России, раздробив их малыми количествами, по всем русским волостям. Также предполагалось раздать русским переселенцам отнятые у прежних «буйных жителей» земли…[16]

У другого автора декабристской конституции – Никиты Михайловича Муравьева, либерала и гуманиста, подход к национальному строительству вполне соответствует основополагающему постулату Пестеля «Все племена должны быть слиты в один народ»[17].

Записки о кавказских делах, написанные различными людьми, раскрывали суть происходившего во время Кавказской войны и, возможно, заставляли задуматься над альтернативными путями решения конфликта. Некоторые авторы осмеливались выражать замечания по поводу политики, проводимой на Кавказе, которые явно не соответствовали официальным взглядам. Один из таких документов был составлен флигель-адъютантом князем Г.Г. Гагариным (1810-1893). Он принимал участие в Кавказской войне и составил собственное представление об этом крае и его жителях. В 1844 году он написал письмо военному министру князю А.Ч. Чернышёву, которого знал лично, с изложением своих мыслей и оценок по поводу политики России в отношении народов Кавказа. В письме Г.Г. Гагарин рассматривал целесообразность присоединения Кавказа к России и то, какие экономические выгоды может извлечь государство, обладая этим краем. Здесь же Гагарин даёт нелестный отзыв о русской администрации в крае, считая многих чиновников виновными в том, что горские народы считали для себя большим злом находиться в их подчинении. С письмом князя ознакомился лично Николай I , о чём в своём ответе уведомил его (Гагарина) военный министр А.И. Чернышёв[18]. Приведём небольшую выдержку из письма Гагарина: «…Я часто спрашивал себя: с какой целью наши первые завоеватели проникли в этот лабиринт бездонных пропастей и скал? На это возражают обыкновенно: горец разоряет равнину и заслуживает наказания. Положим так. Но что значит грабительство редких набегов, воровство лошадей и скота в сравнении с грабительством наших собственных чиновников, которые беспощадно и безнаказанно грабят во все стороны? Правосудие, кажется, требовало, чтобы с них начать… При всём недостатке к нам уважения и доверчивости не можем ли мы привязать к себе кавказские племена, заставив их найти собственную очевидную выгоду в нашем владычестве…»[19]. Князь Г.Г. Гагарин стремился представить Кавказ в роли колонии Российской империи, которая приносила бы экономические выгоды. Г.Г. Гагарин

явно желал, чтобы край был бы не объектом растрат России, но источником её обогащения, как, например, Индия для Англии. Рассматривая эту сторону вопроса, он писал: «…Находясь между двумя морями, Кавказ по самому положению своему, не создан ли для произведения и вывоза? Огромные предприятия, руководимые правительством или преданные частным обществам под надзором правительства, занимали бы и содержали целые населения…»[20].

Главной и наиболее прочной опорой государственного единства Ф.Ф. Кокошкин считал осознание всем населением общности его политических интересов. «Для того чтобы такое сознание могло развиваться и крепнуть, – писал он, – не нужно ни этнографической, ни культурно-бытовой однородности всего государства, но необходимо, чтобы интересы одних его частей не приносились в жертву интересам других, чтобы объединение было выгодно для всех и чтобы оно не препятствовало широкому удовлетворению местных нужд. А там, где местные нужды могут быть удовлетворены лишь путем местного законодательства, правильное отношение между государством и его частями может быть достигнуто лишь установлением автономии, и она в этом случае является необходимым средством для сохранения и упрочения государственного единства». По мнению Ф.Ф. Кокошкина, как бы ни была широка автономия какой-либо подчиненной области, законодательная власть русского монарха стояла выше этой автономии, и в этом заключалось достаточное обеспечение преобладания общерусских интересов, над какими бы то ни было местными, партикуляристическими стремлениями. Таким образом, автономия в России всегда играла особую роль, поскольку служила своеобразным способом сохранения ее единства[21].

Идея разделения России на самоуправляющиеся области вовсе не была такой уж неожиданной и в среде русских консерваторов. Нечто подобное предлагал в своих дневниковых записях и Меньшиков, указывавший на то, что в идеале еще при АлександреII следовало бы разделить Россию на самоуправляемые области по образцу Соединенных Штатов… «На месте царя, – писал Меньшиков, – я строго отделил бы царские обязанности, от не царских. Разделил бы Россию на сто автономных земель – штатов и возложил бы на них всю ответственность за их судьбу… На себя возложил бы только защиту государства, но зато работал бы как неукротимый лев в погоне за добычей». А другой националист, Строгонов, советовал «расчленить территорию империи на более мелкие административные единицы, предоставить местным органам

большую инициативу, сократить штаты чиновников, выдвинув молодых и перспективных начальников взамен старых»[22].

По сравнению с присоединением к России Закавказья включение в состав Российской империи Северного Кавказа имело свои особенности. Царизм не опасался здесь прямого иностранного вмешательства и надеялся быстро подчинить своему владычеству разобщённое и политически расчленённое до крайней степени местное население. Поэтому на Северном Кавказе более резко выявлялся завоевательный характер политики царизма и принимал более грубые формы колониальный произвол царской администрации[23]. Россия, заинтересованная в утверждении за собой земледельческих окраин и выгодного владения ими, пополнения народонаселения, создания новых отраслей труда в народном хозяйстве и внедрения новых технологий в обрабатывающей промышленности, считала, что наилучшим средством для этого является их колонизация, по возможности, одновременно военная и земледельческая. Это, в свою очередь, порождало экспроприацию земель у местного населения, что неизбежно вело к возникновению конфликтных ситуаций[24].

Военные поселения на Кавказе не составляли округов и создавались как отдельными селениями, так и при постоянных штаб – квартирах полков и батальонов. Первые подчинялись командирам ближайших линейных батальонов, вторые – командирам тех полков и батальонов, «коим штабы принадлежат». Для «непосредственного надзора» в поселения назначались смотрители из обер-офицеров. Поселяне рассматривались законодателями не как собственники, а только как пользователи всем тем, что они получили при водворении. Только в 1839 году, по настоянию Е.А. Головина, наконец был введен принцип добровольности при переводе в военное поселение на Кавказе. По – видимому, императора убедили слова Е.А. Головина, что «оставление выслуживших 25 лет солдат на Кавказе противу желания их, может иметь и на молодых солдат невыгодные впечатления и породить в них уныние, представляя в будущем всегдашнюю разлуку с родиною». При водворении каждый поселянин получал пару волов, корову и 6 овец; земледельческие орудия, а также семена и домашнюю утварь стоимостью 320 рублей. В поселениях при штаб-квартирах эта цифра составляла 160 рублей. В течение полутора лет, которые отводились для налаживания хозяйства, поселяне и их семьи получали казенный провиант. Кроме того, во время работ на строительстве домов, расчистке и вспашке полей они получали мясную и винную порции. Был декларирован принцип лишения звания «военный поселянин» только по суду[25].

К середине 1840-х годов руководство убедилось в бесплодности попыток расширить и укрепить сеть военных поселений на Кавказе. В январе 1846 года было высочайше повелено «зачислить в казачьи поселения находящихся вблизи их военные поселения на Кавказе». Сравнивая военные поселения на Кавказе с поселениями и округами пахотных солдат в других регионах страны, необходимо отметить их значительные отличия. Во-первых, поселения создавались не во внутренних губерниях, а на окраинах и были призваны играть роль опорных пунктов при колонизации края. Во-вторых, учитывая эту особенность, правительство освободило военных поселян от уплаты оброка или продовольственного снабжения войск. Следовательно, в сословной стратификации государства они ближе всего находились к казачеству. Не случайно, что некоторые военные поселения на Кавказе со временем были присоединены именно к казачьим станицам. В-третьих, поселялись отставные нижние чины, а не регулярная армия или крестьяне. В-четвертых, поселения на Кавказе довольно быстро возникали и также быстро ликвидировались, т.е. не отличались стабильностью функционирования, как в других регионах страны. История военных поселений свидетельствует, что руководство достаточно четко контролировало обстановку в крае. Можно предположить, что государственная система не утратила возможностей определенных корректировок и совершенствования методов управления в рамках самодержавия[26].

Повышенная нестабильность и конфликтогенность присоединённого к Российской империи региона во второй половине XIX –начале XX века была обусловлена сочетанием следующих основных факторов: 1) инерцией и последствиями Кавказской войны (эта война, как и любая другая, помимо непосредственных трагических итогов, имела и более отдалённые негативные следствия – она на многие годы породила отчуждённость и недоверие между бывшими противниками); 2) конфессиональными, культурными, психоментальными различиями между коренным населением региона и представителями метрополии; 3) столкновением на Кавказе интересов России с интересами других государств, например, Турции, не терявшей надежд на укрепление своего влияния в регионе, направлявшей сюда своих эмиссаров для антироссийской агитации и деятельности; 4) неразрешённостью земельного вопроса, крайне обострённого ввиду недостатка плодородных земель, необоснованным привлечением властями в край значительного числа переселенцев из центральных губерний, конфискацией в пользу казны

лесов и земель, часть которых была отведена русским офицерам, местной знати и, главным образом, казачьим войскам; 5) внутриполитической нестабильностью в самой России, любое усиление социально-политического напряжения в центре империи (например, события 1905-1907 гг.) неминуемо откликались волнениями на периферии, в частности – на Кавказе)[27]. Политика инкорпорации земель в состав России столкнулась с различной степенью экономического, политического и культурного развития народов. Инкорпорация понимается в данном случае как более полное объединение под началом центральной власти, включение национальных окраин в единую систему правления, характерную для внутренних губерний России[28].

Европейский пример формирования государства – нации не имеет объективных оснований для утверждения в России. Насильственные методы в политике царского правительства встретили отпор со стороны кавказских горцев. Можно выделить некоторые направления в политике самодержавия в национальных районах: во-первых, унификация системы управления; во-вторых, формирование государственного языка в стране и вытеснение, в связи с этим из школ, прессы, местных языков и замена их русским; в-третьих, конфессиональные ограничения[29]. Религия сохраняла своё значение в качестве главного критерия отличия русских от «инородцев». Считалось, что тип вероисповедания говорит многое об основных качествах народа и позволяет предсказать его поведение. Русская «цивилизация», обычно считавшаяся отсталой по сравнению с Западом, воспринималась «передовой» по отношению к «диким» кавказским горцам[30]. Инородцы и иностранцы являлись особыми категориями жителей Российской империи. Неравенство прав подданных империи и иных категорий лиц, к коим относились инородцы и иностранцы, было достаточно велико. Так называемое исключительное положение обязывало административную власть (государственные учреждения) устанавливать определенные пределы гражданской свободы. Ограничению подлежал целый ряд прав и свобод. Увеличивались сроки задержания и заключения под стражу. Ограничивалась свобода передвижения и т.д.[31].

Государство состоит из народа и ведётся правительством; и правительство призвано жить для народа и черпать из него свои живые силы, а народ должен знать и понимать это, и отдавать свои силы общему делу. Обычное государство разрешает: думай сам, веруй свободно, строй свою внутреннюю жизнь, как хочешь; тоталитарное государство требует: ду-

май предписанное; строй свою внутреннюю жизнь по указу[32]. Народ – не любое соединение людей, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов[33]. Главная задача любого государства – обеспечение достойного человеческого существования своих граждан. Объективное существование государства как политической формы организации общества и машины для подавления воли отдельных индивидов предполагает ограничения их прав, так как невозможно добиться должной реализации прав одновременно всех лиц и прав государства[34]. «Национальная политика» в Российской империи была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях обеспечения государственной безопасности – как внутренней (сохранение стабильности и порядка), так и внешней[35].

В жизни любого государства могут возникнуть такие моменты, когда спокойствие признается недостаточным и поэтому, в основном восполняется временными исключительными мерами. Сущность последних заключается в расширении пределов власти административных учреждений и в ограничении гражданских свобод. Однако в России эти чрезвычайные меры становились на окраинах постоянным атрибутом властных структур, что только частично снимало напряжение в обществе, но порождало глухое и нарастающее сопротивление, которое выливалось в целую череду актов неповиновения, выраженных в разных формах, вплоть до крупных восстаний и требований отделения от государства.

В дореволюционной России широко практиковалось предоставление законодательством особых полномочий отдельным органам административной власти. Из всех чрезвычайных полномочий, предоставляемых исключительным законодательством администрации, на практике наиболее важное значение имели: право издания в порядке охраны обязательных постановлений; право административной высылки и ссылки, и, наконец, право производства арестов, обысков и выемок в порядке охраны общественного спокойствия[36]. Полицейское начальство на Кавказе все время добивалось узаконения применения телесных наказаний. В 1888 г. оно добилось даже «одобрения» их общественным приговором представителей ряда селений. Для убеждения народа в обоснованности применения телесных наказаний царская администрация прибегала к использованию религии и ее служителей. Начальник Грозненского округа в 1896 г. писал начальнику Терской области о том, что применение наказания розгами будто бы согласуется с правилами шариата и адата[37].

Группа членов третьей Государственной Думы умеренно-правого направления (националисты), считала необходимым признание бесцельного притеснения инородческих элементов на окраинах, безусловно, вредным, высказывалась за предоставление хозяйственного самоуправления инородцам на окраинах…[38]. До 1906 года «инородцы» не имели законной возможности представлять на имперском уровне свои интересы. В связи с созданием российского парламента впервые регионы и народы страны получили выборное представительство, Государственная дума стала важнейшим фактором развития политической культуры народов Российской империи и способствовала формированию новых политических элит. С появлением Государственной думы политическая жизнь Российской империи приобретает новое, достаточно четкое оформленное региональное измерение. Проблемы национального равноправия гражданских свобод, вопросы, связанные с региональным демократическим самоуправлением, дискриминацией по религиозному признаку, все эти позиции отстаивали в Думе депутаты Т.Э. Эльдарханов (I и II созыв), И.П. Покровский (II и III созыв), М.А. Караулов (II и IV созыв) от Терской области; И.И. Гайдаров (III созыв), М.М. Далгат (IV созыв) от Дагестанской области и Закатальского округа.

Ярким представителем молодой горской интеллигенции явился депутат Т.Э. Эльдарханов. По своим взглядам он был близок к кадетам, открыто поддерживал в Думе их законопроект о гражданском равенстве и совершенно не желал никаких кровопролитий, и смуты. В III Думу, благодаря активной контр агитации администрации, Т.Э. Эльдарханов не прошел на выборах. Хотя ввиду своей малочисленности депутаты от Северного Кавказа не могли кардинальным образом влиять на ход парламентских дискуссий и результат голосования, их важнейшей заслугой стало привлечение внимания к проблемам северокавказских народов[39].

Бывший туркестанский генерал-губернатор Субботич, исходя из своего личного опыта деятельности в условиях чрезвычайных правовых режимов, отмечал: « Из своей административной службы я вынес на этот счет одно только впечатление: всякое чрезвычайное положение, кроме вреда для местного населения, для государства и для власти, ничего более не приносит. Оно дает простор произволу, оно вызывает чрезвычайное озлобление. Оно толкает всякого, даже самого благонамеренного обывателя в ряды недовольных. Оно ужасно еще и тем, что дает страшную силу в руки низших агентов администрации…»[40].

Гегель определяет государство, как осуществление нравственной идеи. Нравственная идея, представляющая высшее сочетание свободы с разумным порядком, составляет природу государства, или внутреннюю цель, которую оно осуществляет в своём устройстве. Нравственный закон, вообще, есть предписание делать добро. Этот закон, освящаемый религией, истекает из разумной природы человека. Коренное различие состоит в том, что нравственный закон обязывает, а не принуждает; государственный закон обязывает и принуждает. Нравственным же называется только то действие, которое исполняется свободно, а не то, которое вынуждают исполнять. Очевидно, следовательно, что государственный закон не может быть основан на чистом нравственном законе[41]. Необходимо понять, что справедливость не даётся в готовом виде, и не водворяется по рецепту, а творчески отыскивается, взращивается самой жизнью. Представителям различных народов Российской империи от законов следовало требовать: 1. Чтобы они не устанавливали несправедливых привилегий – бесправия, угнетения, уравнения. 2. Чтобы установленные привилегии заведомо не попирали справедливость. 3. Чтобы вводились такие способы применения права (в управлении, самоуправлении и суде), которые гарантировали бы ограждение от произвольного и не предметного применения закона[42].

Главное, что должно определять потенциал управленческой политики, то, что она даёт для развития свободы, какие возможности предоставляет отдельной личности, человеку. А уже как он реализует эти возможности, почему не всегда может ими воспользоваться – другая сторона проблемы, требующая специального рассмотрения[43]. Наиболее часто нарушение гражданских прав происходит в тоталитарных государствах. Тоталитарный режим – это политический строй, беспредельно расширивший свой вмешательство в жизнь граждан, включивший всю их деятельность в объём своего управления и принудительного регулирования. Слово «тотус» означает по-латыни, «весь, целый». Важна не государственная форма, а организация управления, обеспечивающая всеобщий охват. Тоталитарный же режим держится не основными законами, а распоряжениями и инструкциями. Тоталитарный режим покоится на терроре, людям грозит: безработица, арест, тюрьма, унижение, ссылка. «Избранному» народу внушается нелепое чувство собственного превосходства над всеми другими народами; иными словами: гордыня собственного безумия и иллюзия собственного преуспеяния. Этот гипноз ин фильтрует и калечит их души, из поколения в поколение; они не понимают, откуда в них эта одержимость гордынею[44].

Российское государство, наряду со своими размерами, поражало тем, что увеличение его шло не столько за счёт планомерного расширения самого государства, сколько за счёт стихийного бегства от государства. Сопротивление государству в основном было пассивно, индивидуально и невероятно по масштабу[45]. Разбои на Северном Кавказе и все остальные отрицательные явления составляли прямое следствие неустройства области в экономическом, гражданском и административном отношении. Количество разбоев в данном регионе было немногим больше числа разбоев во внутренних губерниях России, но кавказские преступления более шумно обсуждались. На Кавказе в дело шли ружья, пистолеты, пули и кинжалы, а в центральной России их заменяли дубина, цепь и топор[46]. Грозный призрак «сепаратизма» и «крамолы» всегда выдвигался правительством, едва лишь общественное мнение пробовало робко заявить о необходимости для всех без исключения общегражданских и человеческих прав. Устанавливая единство, государство обязано было приобщить все свои окраины к общим благам Конституции и местного самоуправления, исключив из быта и организации окраины всё, что внушается идеей военной диктатуры, а также признать за местными языками права гражданства в школе, администрации и суде. Богатые силы, потенциал каждой национальности, гибнувшие доселе даром, должны были быть использованы для пользы и блага целых регионов, для общегосударственного блага, для человечества. Однако этого не произошло. Все окраины Российской империи тщательно «оберегались» от всего, что напоминало бы о местном самоуправлении, особенно это касалось Северного Кавказа. Вся административная власть в Терской области сосредотачивалась в одних руках. Начальник области пользовался правом губернатора с прибавкой ещё особых прав в управлении горским населением[47]. Даже по признанию наместника на Кавказе, данное сосредоточение власти хорошо только в теории, на практике качественное исполнение его практически неосуществимо из-за огромного и разнообразного количества вопросов, которые безотлагательно необходимо решать[48].

Относительно правительственной власти, основное правило состоит в том, что суд и управление должны быть разделены. В Терской области данное правило не соблюдалось. Судья, как беспристрастный третий, должен быть независим от всяких посторонних влияний. Администратор должен быть погружён в общественные отношения, он является зависимой частью всей простирающейся на государство бюрократической машины. Когда эти две власти соединяются, водворяется

произвол. Всякое посягательство на независимость суда искажает его значение, он перестаёт быть органом правосудия и низводится на степень простого орудия власти[49].

Очень интересны данные о расходной части бюджета Кавказской администрации. По сметам 1894-1900 гг. на дорожную часть приходилось 16% (большей частью в военных целях), на медицинскую помощь и местные хозяйственные нужды – 13%, на народное образование – 4%. Итого хозяйственно-культурная часть бюджета составляла 33%, а остальные 67% или 2/3 всех земских расходов шли на нужды военно-полицейского и чиновничьего аппарата царизма на Кавказе[50]. В 1856 году было решено вовсе освободить от ревизии Государственного контроля отпускаемые в распоряжение наместника на Кавказе средства на «чрезвычайные» и «полезные для края» мероприятия. В 1859 году в связи с реформой местной администрации и введением в действие Положения о Главном управлении наместника Кавказского Госконтроль был лишен возможности следить за деятельностью местных властей. В составе Главного управления наместника был учрежден особый контрольный департамент, не подчиненный центральному ведомству, а подотчетный начальнику Главного управления. Контрольному департаменту следовало проверять деятельность той самой администрации, частью которой он являлся. Созданная князем Барятинским система финансового управления практически освободила его от необходимости согласовывать действия с Министерством финансов: в своем распоряжении наместник имел всю совокупность доходов края, включая возможные остатки, а также гарантированные пособия на экстраординарные и «полезные» мероприятия. Контроль за расходованием средств бюджета практически отсутствовал. Этот аспект реформы управления краем вызвал больше всего недоумения у современников и исследователей [51].

В 1899 году И. Алексанов опубликовал свою статью в «Вестнике Европы», где он охарактеризовал Северный Кавказ как сырьевой придаток России: « В настоящее время весь Северный Кавказ – только производитель, – сообщал он, – поставщик сырья и производитель безгласный, бесправный, рабски подчинённый условиям, а очень часто и произволу эксплуатирующих его труд коммерческих центров. До сих пор Северный Кавказ служит ареной грубых эксплуататорских махинаций; край переполнен «пришельцами», нахлынувшими сюда, начиная с пятидесятых годов, в погоне за лёгкой наживой, млечными реками и простором»[52]. Пальм, в своей статье «Кавказские губернаторы о Кавка-

зе» писал: « Послушать одних – Кавказ разлезся по швам, русская власть как бы способствует развитию мятежного брожения, русская государственность потерпела полное крушение. Послушать других – окраина спокойна, население лояльно, подвластные России мелкие кавказские народцы терпеливо сносят всевозможные обиды и притеснения как от русских окраинцев, угнетающих туземцев, так и от представителей русской государственной власти»[53].

Безусловно, понятие «народное» управление не оправдывало своего смысла на Северном Кавказе в имперский период. Необходимо было перестроить ближайшую к населению правительственную власть на новых началах. Сама Кавказская администрация, как высшая, так и областная, вполне сознавала недостатки местного управления, все неудобства, возникавшие из-за многосложности управления краем, не имеющим органов самоуправления, с местной инициативой, зачастую подавляемой властью[54]. Почва для восприятия земских учреждений среди горцев Терской области уже давно была подготовлена не только всей их прошлой общественно-исторической жизнью, но также и практикою управления после присоединения их к России. После отмены крепостного права общественное управление села стало крестьянским сословным учреждением. Его распорядительным органом являлся сельский сход, а исполнительным – старшина и другие должностные лица[55]. Терская область нуждалась в земском самоуправлении. На 500 тыс. горцев не было ни одной больницы, а 5 окружных врачей исполняли исключительно судебно-медицинские обязанности. На 200 тыс. чеченцев приходилась только 1 школа. Печальное положение хозяйственного управления на Кавказе усугублялось ещё тем обстоятельством в регионах с местным населением, что между администрацией и населением стоял класс переводчиков, на растлевающее влияние которого в кавказских административных и судебных учреждениях давно пора было обратить самое серьёзное внимание. Одним из сложнейших регионов империи фактически управлял класс переводчиков, введение земства во многом урезало бы его власть[56].

Российская политика на Кавказе до Ермолова носила двойственный характер. С одной стороны, периодические военные экспедиции в горы способствовали развитию враждебных отношений горцев к России. С другой – налаживались мирные отношения с горскими владетелями, они поступали на российскую службу, получали жалованье, будучи как бы представителями российской власти в своих владениях, в обмен на

различные подарки и уступки; удерживали своих подвластных от нападений на укрепления и поселения на Кавказской линии. Вопрос о сотрудничестве с этническими элитами был одним из краеугольных камней не просто «национальной политики», но вообще государственного управления Российской империи. Можно по-разному оценивать и определять эту практику – как социальную комплиментарность, классовую солидарность… Но мы сталкиваемся с неоспоримым фактом: русские элитные структуры традиционно сотрудничали со своими иноэтничными «коллегами»[57].

Даже во время Кавказской войны с горцами старались наладить торговые отношения, организовывались меновые дворы[58]. В то время в чеченцах поощрялось корыстолюбие, это был один из способов завоевания края. Н.А. Добролюбов писал в своих заметках: «Мы необходимо должны были развивать в горских племенах и алчность к деньгам. Мы показали им, что деньгами можно покупать разные удобства жизни, и затем дали повод думать, что деньги можно приобретать не усиленным и честным трудом, а услугами нам во вред их единоплеменникам. Теперь, в мирное время, надо внушать им уважение к чужой собственности»[59].

Назначение Ермолова было связано с изменением политики России на Кавказе – российский царизм вплотную приступил к завоеванию Кавказа, военные силы России не были отвлекаемы другими «театрами» стратегических действий[60]. Среди «устроителей Русского Кавказа» особое место занимает незаурядная личность генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова, бывшего в 1831-1837 гг. командующим войсками на Кавказской линии и начальником Кавказской области. Близкий и доверенный соратник А.П. Ермолова, Вельяминов был жёстким и умелым военачальником и администратором, глубоким и тонким знатоком Кавказа. С его именем принято связывать разработку того плана «успокоения горцев», реализация которого в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX века привела к завершению Кавказской войны. Предлагаемая Вельяминовым жёсткая «трёхуровневая» система назначения «сверху» духовных лиц не соответствовала мусульманским традициям, но отвечала «командно – административным» целям политики монархии Романовых на Кавказе [61]. К началу пореформенного периода военные действия между горцами и царскими войсками на Северо – Восточном Кавказе завершились, но внутриполитическая обстановка в крае продолжала оставаться напряжённой.

Высшее чиновничество отдавало себе отчёт в том, что военная победа не решила задачу полного подчинения края. Александр II в 1860 году писал наместнику Кавказа: «Управление горцами должно стать главной задачей текущего момента, надобно смотреть на управление горцами как на продолжение их покорения»[62]. Наместник на Кавказе, Михаил Николаевич Романов, выдвигая лозунг о слиянии колонии с метрополией, высказывал надежду на то, что «облагодетельствованные народы будут прославлять меч, заставлявший их покориться»[63].

Правительство видело свою главную задачу в «прочном замирении» региона, стабилизации обстановки во избежании новых антиправительственных выступлений горцев. В этих условиях административно-политическая сторона в деятельности имперских властей в регионе приобретала особое значение, выдвигаясь на первый план в ряду других мер правительства, направленных на упрочнение российской власти на Кавказе. Наместник, генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский, в отчёте на имя императора особо отмечал, что «..устройство окончательного управления горскими племенами – это краеугольный камень русского владычества..» Барятинский был убеждён, что «бунт в Чечне» в 1840 году, ставший сигналом общего восстания на Восточном Кавказе, был следствием «неустройства нашего управления» и злоупотребления, истекавшие из этого неустройства. «Но, – продолжал наместник, – чтобы покорение на этот раз было окончательным, необходимо основать народное управление на новых началах»[64]. Возникает вопрос о существовании у правительства концепции политики стабилизации на Северном Кавказе в указанный период. Какой-либо единый программный документ такого рода не обнаружен, но основные принципы и направления политики послевоенной стабилизации, на наш взгляд, можно реконструировать. Прежде чем переходить к анализу принципов управления горскими народами, инициированных высшими Кавказскими властями и получивших одобрение в центре, необходимо указать на существование в российских правящих кругах в XIX веке разных точек зрения на характер и возможные методы управления национальными окраинами. Высшее кавказское руководство с сожалением отмечало, что долговременный опыт показал отсутствие желаемого успеха « в водворении между горцами начал гражданской цивилизации и нравственности». Начальнику Терской области было предложено развивать среди чеченцев национальную грамотность, как единственно верный способ к образованию из горца «человека и гражданина»[65]. На тупиковость

попыток подогнать самобытные отношения у горских народов Кавказа под стереотипы и штампы, выработанные на основе изучения явлений западноевропейской и российской истории, осторожно указывал в одной из своих статей А.П. Пронштейн[66]. Один из не установленных авторов проекта «О покорении Кавказа» отмечал, что покорение это ещё не то, всего лишь занимается место, ставится крепость и военные ходят, под прикрытием пушек и батальонов, надеясь на повиновение местных жителей. «Желая покорить людей, – писал он, – нужно же подумать и о том, чтобы они видели в покорности образованной завоевателями и пользу… Необходимо определить точно – чего мы хотим от народа. Должна существовать ясно определённая система последовательных действий, как то: 1) хорошая администрация; 2) хорошие школы; 3) хорошие дороги. Не всякий полковой командир может быть хорошим администратором. Нужно завести особое училище – собрать там 3-4 десятка способных молодых офицеров. В течение 2-3 лет они должны изучать местные языки и все сведения, относящиеся к Кавказу. Тогда из них получатся хорошие администраторы для Кавказа»[67].

Умиротворение края только силой оружия было поставлено под сомнение в 1860 году. Возникла необходимость склонить народное мнение в пользу новой власти. Взгляд этот послужил основанием изменения прежде предложенных мер и, было решено: ограничиться занятием только главных стратегических пунктов, остановить постройку мелких укреплений, отменить водворение тех станиц, которые стесняют чеченцев в земельном отношении и приводят их к негодованию. Приняли решение образовать из самих жителей земскую стражу, с хорошим содержанием и отпустить домой Донские казачьи полки. Результатом предпринятых правительством шагов стало улучшение ситуации в регионе[68].

Различные подходы в организации управления на вновь присоединённых окраинах предлагались так называемыми «колонистами», «регионалистами», «централистами». Колониалисты считали, что окраины не могут и не должны иметь русского управления, т.к. это колонии. Не следует их превращать в часть России или, как писал Н.Я. Данилевский «…уподоблять себе включённые в её государственные границы инородческие поселения». И регионалисты и централисты в качестве стратегической цели управления окраинами видели полицейскую и экономическую интеграцию России с её национальными «периферияими», установление социальной, правовой, административной однородности империи. Средства и темпы достижения данной цели у сторонников

регионализма и централизма существенно разнились. Первые считали, что в силу национально-культурной самобытности каждой окраины на них невозможно в полной мере распространить российскую администрацию, законодательство и суд. Централисты, т.е. приверженцы политики унификации и русификации системы управления, суда, образования национальных окраин на российской правовой основе, считали необходимым и вполне реальным проводить интеграцию более ускоренными темпами. Регионалисты придерживались принципа постепенности в проводимых на вновь присоединённых окраинах политико-административных преобразований[69].

На Кавказе во второй половине XIX века, как правило, одерживали верх регионалистские тенденции в управлении. Регионализм в практике российского управления Кавказом означал не только существенную степень автономности управления от центральной власти, но ещё и значительные отступления от общеимперских образцов в законодательстве и структуре власти и допущение различных «особенностей» в административно-политическом устройстве на местах. Последнее обстоятельство имело особое значение для Чечни и Дагестана, где управление, как указывал военный министр Д.А. Милютин, «требовало осторожности и строгого надзора за населением, в среде которого не могли так скоро исчезнуть все следы недавней ещё смуты»[70]. Регионализм на Кавказе в целом выразился в существовании института наместничества (1844-1882; 1905-1917 гг.), специального регионального комитета в центре по делам Кавказа – Кавказского комитета (1845-1882 гг.). В этот период в основном возобладала деконцентрация управления[71].

В общероссийской системе политико-административного устройства немалую роль сыграло так называемое наместническое управление. Хотя генезис и конкретные подтипы российского наместничества мало изучены в современной исторической науке, можно, тем не менее, утверждать со всей определённостью, что одной из важных причин развития этой формы административно-ведомственного управления стало расширение империи за счёт новых территорий[72].

Общим признаком « окраин России управляющихся на особых основаниях» было наличие там генерал – губернаторов или наместников[73]. Важнейшим элементом российской государственности был институт генерал-губернаторства. Своего рода асимметрия государственного устройства, выражавшаяся в особенностях управления национальными окраинами, в сочетании с эффективной инкорпорацией местных элит в

общероссийскую, в течение долгого времени поддерживала целостность Российской многонациональной империи. Тенденции к унификации местного управления, ставшие преобладающими в пореформенной России, наряду с «национализацией» внутренней политики и сохранением чрезвычайного режима в отдельных регионах, усиливали опасные для империи центробежные устремления[74]. Интересно отметить, что в манифесте Петра I, датированном 1702 г., по существу, не проводится различие между наместничеством и губернаторством. В дальнейшем термин «наместник» продолжает существовать наравне с должностным званием губернатора и генерал-губернатора, но фактически выступает в качестве освящённого исторической традицией почётного титула[75]. В царствование Екатерины II по мере увеличения числа провинций зарождается практика объединения нескольких губерний в одно наместничество. В качестве наместников обычно назначались видные сановники и вельможи, пользовавшиеся доверием императрицы. Нередко им давались чрезвычайные властные полномочия для рассмотрения гражданских и иных дел. Государство отпускало значительные денежные средства на содержание наместников, предоставляло им стражу для почётных случаев и личной охраны.

Наместническая форма правления имела своей главной целью укрепление государственной власти на местах путём централизации административной системы. В большинстве своих конкретно-исторических проявлений эта система была направлена также на подрыв основ местного сепаратизма и национальных движений. Фактически наместники оказались неподвластны Сенату и подчинялись лично царю[76]. Наместничество как форма политико-административного устройства существовало в целом ряде окраин Российского государства. Помимо Украины, Белоруссии, Молдавии оно было введено в Прибалтике, Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском. В XIX – начале XX в. режим особого наместничества с элементами административной автономии был установлен в Сибири, на Дальнем Востоке и на Кавказе. Своё наиболее яркое проявление эта форма управления нашла в Кавказском наместничестве.

В историко-типологическом плане можно выделить два подвида наместнической формы управления на Кавказе: первый хронологически относится к более раннему, а второй к более позднему периоду. В конце XVIII в. на Северном Кавказе и в Закавказье начинается крупная политико-административная перестройка. Начало имперского административ-

ного устройства на Кавказе было положено в 1785 году образованием Кавказского наместничества[77]. Интересен факт, что двумя годами ранее, в 1783 году губернии Лифляндия и Эстляндия были также объявлены наместничествами.

Первое Кавказское наместничество функционально и структурно почти не отличалось от общероссийской системы провинциального управления, однако имело характерные черты военно-пограничного режима. Сенатским указом административным центром Кавказского наместничества был определён Екатеринодар. В наместничество вошли не только кавказские территории, но и оказавшиеся ещё в XVI в. в составе империи земли бывшего Астраханского ханства. Кавказский наместник имел звание «главнокомандующего войсками» и осуществлял всё руководство над гражданской властью[78].

В 20-30-х годах XIX века в условиях Кавказской войны происходит смена гражданской и военной администрации в крае. Вся полнота власти сосредотачивается в руках Главноуправляющего (одновременно главнокомандующего русскими войсками на Кавказе). 27 декабря 1844 года эта должность упраздняется и образуется второе Кавказское наместничество с центром в Тифлисе. Кавказский наместник обладал довольно широкими правами военного и административного управления регионом. Очевидно, потерпев неудачу в деле централизации местного управления, царское правительство взяло тогда курс на предоставление некоторой политико-административной самостоятельности на Кавказе[79].

После тяжёлых военных неудач 1843 и 1844 года император Николай Павлович признал необходимым дать главному начальнику обширного Кавказского края особые полномочия, как по гражданской, так и по военной части. Один из крупных деятелей наполеоновской эпохи, герой Бородино и Парижа, М.С. Воронцов в 1844 году стал во главе наместничества и управлял на Кавказе 10 лет[80].

Сравнивая управление Кавказского края с государственным управлением близкими ему по своей значимости национальными окраинами (Великим княжеством Финляндским, Варшавским генерал-губернаторством), можно прийти к выводу, что оно имело наиболее чрезвычайные формы. В законодательстве полномочия генерал-губернаторов были определены мало. С одной стороны, это не сковывало их в своих действиях, что было крайне необходимо для более гибкого и оперативного управления обычно неспокойной окраины государства; но с

другой стороны, создавало достаточный простор для злоупотреблений[81]. Кавказское население было перегружено в земельном тягле по сравнению с внутренними губерниями России. Казна проявляла весьма умеренную щедрость в удовлетворении насущных нужд Кавказа. Допускалось заселение региона даже без всяких преднамеренных задач, иногда совершенно нежелательным элементом, в уступку политической необходимости[82]. Значительная часть расходов по управлению Кавказом шла на содержание государственного аппарата. Для того, чтобы охарактеризовать непомерную бесхозяйственность, следствием чего являлось беззастенчивое казнокрадство, достаточно привести следующий факт: весь значительный доход Закавказского края не покрывал собой даже расходов на его гражданское управление[83].

Наместник одновременно являлся главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом, а с 1860 года также Наказным атаманом Кавказских казачьих войск, обладающий всей полнотой военной и гражданской власти на Кавказе. Наместнику, по отношению ко всем отраслям управления в крае, были присвоены власть и права министров[84]. Кавказский наместник, например, мог разрешать вопросы, относящиеся по общему правилу к компетенции министров. Также генерал-губернаторы имели право представлять доклады о делах управления непосредственно императору и получать от него распоряжения. Наиболее важные представления как министров, так и губернаторов направлялись только через генерал-губернаторов. Любое новое распоряжение или закон, касающийся данного края, не мог быть введён в действие без предварительного заключения от генерал-губернатора[85]. Кроме того, наместнику предоставлялось право лично разрешать дела, превышавшие министерскую власть, вносить их в Комитет министров.

По представлению наместника на Кавказе, был издан весьма важный указ (№45270), позволявший ему корректировать распространение на край общих для империи административных мер: они могли быть приняты лишь при соответствии их условиям края, в противном случае наместнику предоставлялось право самому решать, целесообразно ли их применение, о чём он докладывал Председателю Кавказского Комитета. Тем самым была достаточно широко очерчена независимость наместника по отношению к этому центральному правительственному органу. Указ предоставлял также наместнику право вводить «постепенно, по ближайшему его усмотрению и по мере имеющихся средств» общие для империи законоположения[86].

Специфика управления отдельными национальными окраинами определялась местными задачами царизма[87]. В Кавказском наместничестве сочетались властные гражданские и военные прерогативы управления под верховным контролем царского правительства. В этой своеобразной форме правления причудливо сливались принципы единоначалия, элементы административной автономии и высшего бюрократического органа типа центрального министерства. Однако автономные начала власти наместника оказывались сильно ограниченными, поскольку существовавшие при нём Особый совет и канцелярия были подконтрольны императору и подотчётны Государственному Совету. В идеале кавказский наместник как бы выполнял функции «коллективного министерства», но в реальности должен был подчиняться центральному правительству. Император дал право наместнику «в виде опыта» образовать Главное управление делами Кавказа, а также других учреждений; эти временные полномочия периодически продлевались, но в то же время заставляли наместника «не расслабляться» и следить за ситуацией в крае[88].

В середине XIX века внешнеполитическая ситуация для России стабилизировалась и она могла уже все свои усилия направить на улучшение внутриполитической ситуации. Внешнеполитическая программа русского правительства конца 50-60 г. XIX века была сформулирована А.М. Горчаковым в циркулярной депеше русским послам за границей (для передачи соответствующим правительствам) от 21 августа 1856 года. В ней содержалось облетевшее мир выражение: «Россия не сердится, она сосредотачивается». Это означало, что Россия собирается с силами, сосредотачивает внимание на экономических и политических вопросах, связанных с внутренним развитием государства[89]. В этом же году Отдельный Кавказский корпус был преобразован в Кавказскую армию с большим аппаратом управления[90]. Учреждение Кавказского наместничества повлекло за собой изменение в порядке управления краем со стороны правительственной власти. IV Временное отделение было закрыто, а Комитет по делам Закавказского края с 3 февраля 1845 г. получил название Кавказского. Создание подобных комитетов (оба Сибирских комитета, Комитет по делам Царства Польского и т.д.) являлось известным компромиссом между окраинной автономией и централизаторскими тенденциями абсолютизма.

Кавказский комитет был создан на правах особого министерства, входившего в Государственный Совет[91]. Являясь для Кавказа органом высшего управления и надзора за местной администрацией, он нередко

выполнял и законодательные функции. В 1845 году высочайше было приказано вносить в Кавказский комитет все дела по законодательной части и по устройству Кавказского края, которые превышали власть министров и главноуправляющих. Однако крайне редко законодательные проекты кавказских военных управленцев не визировались данным комитетом. В большинстве случаев проекты «региональных законов» составлялись кавказскими чиновниками, зачастую не имевших юридического и даже высшего образования, но комитет их поддерживал, в связи с тем, что они «лучше ознакомлены с бытом и нравами управляемого ими населения»[92]. Контроль над кавказской администрацией со стороны Петербурга был весьма слабым. В середине XIX в. центральные органы, в том числе и Кавказский комитет, не располагали экспертами, знакомыми с кавказской проблематикой и способными профессионально оценить деятельность региональной администрации. Министрам – членам комитета просто не хватало времени и сил на то, чтобы глубоко вникать в вопросы управления Кавказом. В связи с этим деятельность Кавказского комитета зачастую приобретала сугубо формальный характер. Один из современников оставил такое описание его заседаний: «Что такое этот комитет? Тот же Комитет министров, за исключением нескольких министров, без единого специалиста,…с канцелярией из лиц, не бывших на Кавказе. С самого учреждения оного заседания происходили так, что иногда после Государственного Совета или Комитета министров объявлялось заседание Кавказского комитета. Утомлённые члены снова усаживались, и Бутков (управляющий делами Кавказского комитета) приносил груду накопившихся дел и с величайшим цинизмом и ловкостью дьячка «на почтовых», бормотал заглавие дел и проекты резолюций, а иногда и прочитывал некоторые представления наместника, причём, к удовольствию членов, перескакивая целые страницы. Затем заседание объявлялось конченным, и канцелярия облекала в форму журнала проекты резолюций, всегда согласных с мнением наместника»[93].

Среди центральных учреждений, в функции которых входило обустройство жизни населения на окраинах империи, имелись различные управления Министерства внутренних дел: Переселенческое управление (с 1905 г. вошло в состав самостоятельного Главного управления землеустройства и земледелия), Управление по делам о воинской повинности, Главное управление по делам местного хозяйства, Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (1810-1817, 1824-1832), а с 1832 по 1917 г. – Департамент духовных дел иностранных исповеда-

ний. Ряд территорий на окраинах Российской империи находился в ведение военного ведомства. В 1866 г. в составе Главного штаба Военного министерства для военно-административного управления территориями Кавказа было образовано Азиатсткое отделение (в 1867-1903 и 1910-1918 гг. – Азиатская часть, в 1903-1910 гг. – Азиатский отдел). В функции этого структурного подразделения входило управление военными округами азиатской части России, устройство здесь укреплений и путей сообщения, охраны границ России, организация военно-народного управления на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии, сбор сведений о военном и политическом положении сопредельных с Россией азиатских государств и т.п. Близкие задачи решал Департамент таможенных сборов (1864-1917), Отдельный корпус пограничной стражи, находившийся в ведении Министерства финансов, а также Азиатский департамент Министерства иностранных дел, ведавший управлением народами пограничных районов Кавказа, Казахстана и Астраханской губернии до середины XIX века[94].

6 января 1846 года высочайше утверждённые особые правила сформулировали права кавказского наместника. Во всех случаях, когда власть считалась превышенной, и требовалось разрешение или утверждение царя, наместник должен был обращаться к председателю Кавказского комитета. Последний, в зависимости от характера дел, докладывал их царю либо вносил на предварительное рассмотрение комитета. В данном случае известное совпадение прирегатив наместника и функций Кавказского комитета нейтрализовалось тем, что циркуляры и распоряжения комитета должны были быть санкционированы наместником, без согласия которого не могло действовать на территории края ни одно из предписаний комитета. Тем не менее, на протяжении всего времени существования шло подспудное, а подчас и явное противодействие двух сил – централистской и региональной[95].

Постепенно происходит сокращение военных и гражданских функций кавказского управления. После разгрома мюридизма царское правительство взяло курс на ликвидацию Кавказского наместничества, утратившего своё прежнее значение, и в 1882 г. его упраздняют вместе с Кавказским комитетом[96].

По мнению краеведа В.П. Погожева, «...Метрополия невежественно трактовала Кавказ, как доступного для разных опытов клинического больного, как в известном анекдоте о не державших тела лошадях, где остроумные естествоиспытатели пичкали их разной аптекой, забывая

простое средство – овёс»[97]. Видный государственный деятель России периода либеральных реформ 60-70 гг.XIX в. Д.А. Милютин рекомендовал проводить на Кавказе такую политику, при которой горцы были бы «…убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев, образа жизни. Мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев – как материальными, так и нравственными»[98]. В 1866 году в Терской области горцев обложили земскими сборами, хотя сами земства на областной территории не были введены. В России земские учреждения были созданы ещё в 1864 году. Для того, чтобы земства стали функционировать на Северном Кавказе, необходимо было местных князей в официальном порядке приравнять к русскому дворянству, а это принесло бы государственной казне немалые расходы на льготные выплаты, также боялись и усложнения политической обстановки в крае, если власть, хоть и частично, окажется в руках у горцев, поэтому с открытием земств затягивали.

В своих отчётах императору И.И. Воронцов – Дашков высказывался за большее доверие местному населению со стороны центральной власти. Он считал недопустимым затягивать далее введение в регионе земского самоуправления. И.И. Воронцов – Дашков придавал большое значение созданию условий приёма на государственную службу (военную и гражданскую) местных уроженцев. Речь идёт о применении единых требований к отбору кандидатов независимо от национальной принадлежности. Он справедливо замечал, что отказы от приёма или даже увольнение со службы, воспринимаются единомышленниками кандидата или уволенного всегда остро, затрагивая национальное самолюбие[99]. По своим политическим взглядам это был один из самых прогрессивных управленцев на Кавказе. Наместник и его окружение не считали, что в кавказской администрации должны быть только русские. Более того, они признавали, что «туземцы в составе администрации, особенно на низших должностях не только полезны, но, безусловно, необходимы «знание условий края, бытовой стороны и местного языка делают их назначение неизбежным». Суть вопроса, по мнению местных властей, заключалась в том, чтобы вести отбор и контроль над лицами, допущенными к административной деятельности, найти оптимальное соотношение в кавказской администрации русских и представителей местного населения. Это соотношение должно быть таково, чтобы не было преобладания коренного населения, чтобы его представители не допускались к высшим должностям. Но, такая точка зрения не встреча-

ла одобрения в Петербурге. Требовалась полная русификация аппарата. На этой почве накануне Первой мировой войны возникало масса трений между кавказской администрацией и высшими государственными учреждениями Российской империи[100].

Первым наместником на Кавказ был назначен Воронцов М.С. в 1844 г., затем Муравьёв Н.Н. в 1854 г., Барятинский А.И. в 1856 г., великий князь Михаил Николаевич в 1862 году[101]. Назначение на пост военного министра (9 мая 1861 г.) дало возможность Д.А. Милютину приступить к составлению подробной программы реформы армии[102]. Александр II был в основном согласен с главными положениями военно-окружной реформы, предложенной Милютиным, однако военно-административная верхушка, воспитывавшаяся в дореформенный период, буржуазные реформы считала ошибкой и временной мерой для успокоения общественного мнения, нередко она саботировала проведение реформ на местах.

Для подготовки проведения военной реформы Д.А. Милютин поручил отчитаться о проделанной работе всех крупных военных чиновников, чтобы получить общее представление о состоянии дел и наметить план конкретных дальнейших действий. Однако, все члены императорской фамилии, занимавшие крупные посты в военном аппарате (великие князья Михаил Николаевич и Николай Николаевич), а также единственный тогда фельдмаршал, главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский – не прислали своих отчетов[103].

Реализуя идеи о необходимости преобразований, правительство Александра II провело серьезную перестановку кадров в высшем эшелоне кавказской администрации. В управлении Кавказским наместничеством на место старых боевых генералов, искавшим по отношению к горцам «в одной только силе опору», пришли более умеренные чиновники, которые «хотели достичь цели правительства (т.е. замирения края и установления гражданской системы управления на Кавказе) другими, сообразно с духом времени и христианской цивилизации, методами». В 1862 г. ушел в отставку наместник Кавказа фельдмаршал А.И. Барятинский. Конфликт между начальником Терской и Кубанской областей, «покорителем» Кавказа Н.И. Евдокимовым и его помощником князем Д.И. Святополк – Мирским был разрешен императором в пользу последнего, назначенного начальником Терской области. В конце 1864 г. граф Н.И. Евдлокимов был отправлен в отставку и с должности начальника Кубанской области, а вместо него назначен Ф.Н. Сумароков – Эльстон – ад-

министратор более либеральных взглядов. Начальник Главного штаба Кавказской армии генерал Карцов, начальник Горского управления Кавказского наместничества полковник Старосельский, начальник Терской области генерал М.Т. Лорис-Меликов и другие стали «проводниками» политики реформ на Северном Кавказе[104].

Когда император назначил своего брата Михаила Николаевича наместником, тот был в явном смущении от столь ответственной предстоящей работы. Будущий наместник в приватном разговоре говорил министру внутренних дел, что не готов к той задаче, которую исполнять призывается. По свидетельству министра, великий князь Михаил Николаевич «…сидел, как обречённая жертва, безмолвно. Два раза обнимал меня со слезами на глазах при прощании..»[105]. М.Т. Лорис-Меликов, служивший на Кавказе под руководством Михаила Николаевича, отмечал его слабые организаторские способности. « Не доверяя собственным способностям, – писал Михаил Тариелович в одном из своих писем, – Великий Князь Михаил Николаевич охотно подчинялся влиянию всех окружающих докладчиков своих, адъютантов и прочее. А так как все эти лица руководствуются различными убеждениями и домогаются разных и часто противоположных целей, то можно представить себе тот сумбур и ту непоследовательность, которыми отличаются все действия августейшего князя...»[106].

В то время Кавказ был как бы государством в государстве. В его столице Тифлисе вокруг наместника формировались группы, старающиеся подражать стилю жизни императорского окружения. Существовал свой двор, приемы, система дворцовых должностей, свита, выезды по парадным дням. Члены Совета наместника в шутку любили называть себя «министрами»[107]. Царские власти считали, что «Кавказ не может окупить роскошь Наместничества в Тифлисе и особого министерства в Санкт – Петербурге» [108]. Специальным Указом царя от 29 января 1882 года Кавказское наместничество было упразднено, а в следующем году введено в действие «Учреждение управления Кавказского края» от 23 апреля 1883 г., вновь подчинившее отдельные отрасли управления этой окраиной ведению надлежащих министерств. Управление всем краем было вверено Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, который вместе с тем был и командующим войсками Кавказского военного округа и являлся войсковым атаманом Кавказских казачьих войск [109].

Упразднение наместничества означало признание достижения достаточно высокой степени интеграции данного региона в систему об-

щеимперского законодательства и общеимперских учреждений[110]. Правительство страны рассудило, что «...Ставить весь Кавказский край вне общих законов, существующих в государстве, едва ли было бы справедливо. В случае необходимости достаточно было ходатайствовать об объявлении той или иной местности в положении усиленной охраны»[111].

Высшее общее руководство всеми подразделениями военно-народного управления в период преобразований 1883 года временно оставлялось за военным министерством; затем было переведено в министерство внутренних дел и в конечном итоге снова возвращено в военное министерство[112]. С 1 июля 1887 года военный министр признал возможным согласиться на возвращение в своё ведение всего горского населения, живущего в Кубанской и Терской области из МВД, под управление Военного ведомства, располагавшему большим числом войск для усиления надзора за горцами[113].

Во времена наместничества Кавказ, по существу, не входил в ведение центральных государственных учреждений. Наместник обладал особыми правами в законодательной, административной и финансовой сферах. Теперь же законодательные инициативы, касавшиеся Кавказа, должны были в общем порядке вноситься в Государственный Совет. 26 апреля 1883 года было утверждено «Учреждение управления Кавказского края». Все должностные лица и установления Кавказского края должны были руководствоваться в своих действиях общеимперскими законами в части, не противоречащей «Учреждению управления Кавказского края». Однако все действия административных и общественных учреждений и должностных лиц подлежали надзору со стороны Главноначальствующего на Кавказе[114].

В 1882 году главную должность на Кавказе занял А.М. Дондуков – Корсаков, в 1890 году его сменил С.А. Шереметев, с 1896 года должность Главноначальствующего досталась Г.С. Голицыну. В 1887 году Главноначальствующему на Кавказе была возвращена часть полномочий упразднённого наместника. В1897-1898 гг. правомочия Главноначальствующего в самой сложной своей части были приравнены к полномочиям наместника на Кавказе. Кавказское наместничество было восстановлено Указом от 26 февраля 1905 года[115].

В 1905 году наместником был назначен И.И. Воронцов – Дашков, а в 1916 году его на посту сменил великий князь Николай Николаевич. После прокатившейся по стране революционной волне 1905 года в Государственной Думе выступил с докладом о положении на Кавказе пред-

ставитель И.И. Воронцова – Дашкова, барон Нольде, который с высокой трибуны заявил, что прошедшие события показали кавказских мусульман, как наиболее стойких и верных правительству на Кавказе. «Если на Кавказе русской власти нужно на кого-нибудь опираться, – то только на мусульман, – заявил представитель наместника»[116].

Назначенному в 1882 году Главноначальствующему Кавказом князю Дондукову-Корсакову было поручено упростить систему правления краем и сократить расходы. Однако проекты реформ, намеченных Главноначальствующим, как то: упразднение военно-народного управления, переустройство сельского управления, не получили в Петербурге дальнейшего движения и под тем или иным предлогом возвращались обратно, зачастую в силу защиты государственного казначейства от излишних расходов, но в явный ущерб действительным потребностям коренных жителей Кавказа. Подобное отношение центрального правительства привело к возникновению в крае некоторых сепаратистских тенденций[117].

Революционный подъём 1879-80 гг. в России сменился реакцией, которая в центре проявилась в политике контрреформ, на окраинах страны – в усилении колониального гнёта[118]. В рамках известной политики «контрреформ», в целях дальнейшего усиления контроля над многочисленным горским населением, сохранившим стремление к сопротивлению чуждым для него законам, был применён режим полицейского надзора. Вместо упразднённого Ставропольского губернского жандармского управления, под надзором которого находилась и Терская область, учреждалось Терское областное жандармское управление, которое располагалось в г. Владикавказе[119]. Смена курса национальной политики была окончательно закреплена при Александре III, в виде политики «русификации». Подводя политические итоги его царствования, председатель Комитета министров Н.Х. Бунге писал: «Император Александр III резче прежнего поставил начало “Россия должна принадлежать русским”. В этом проявилось без сомнения одно из стремлений не только русского общества, но и нашего времени. Во второй половине XIX века космополитические взгляды конца XVIII и первой половины XIX столетия постепенно уступали сначала идее национальности, а потом стремлению преобладания одних племён над другими или поглощению слабейших племён господствующими…». На первый план в государственной идеологии, потеснив «имперскую» политическую идею, которая требовала, прежде всего, лояльности всех подданных без различия

национальности и веры своему императору, вышла идея «национальной монархии», где русский царь должен править русскими подданными.

В правительственных кругах многие понимали значение произошедших изменений, но не все их одобряли. Спустя некоторое время после своей отставки М.Т. Лорис-Меликов в беседе с А.Ф. Кони вспоминал: «Я говорил новому государю: “Под знаменем Москвы вы не соберёте всей России, всегда будут обиженные. Разверните штандарт империи, – и всем найдётся равное место”…Опасна возможность разложения на составные части России. Прежние государи это понимали и щадили окраины…»[120].

Колониализм был неизбежен. Потому как неизбежна страсть человека к открытию окружающей земли. Чаще всего эта страсть изначально соединялась с государственным расчётом на приобретение новых владений и грабёж их, как это было, например с Колумбом. Иногда вначале следовало открытие, а потом завоевание и грабёж. Затем сочиняются «сказки» про мужественных первопроходцев – романтиков и кровожадных дикарей – аборигенов. Затем – про бремя белого человека и дикарей, которые не понимают собственного счастья от принесённой им цивилизации. И, как правило, никто себя не спрашивает: а нас просили?… В общем, колониализм есть колониализм. Однако, как бы жестоко ни строились империи, на какой-то длинный период они становились оплотом мира и добрососедства[121].

Политика воинствующего национализма, презрительного, высокомерного отношения к горским народам, варварские методы борьбы для их успокоения приняли невиданные масштабы и глубину в конце XIX века[122]. Наиболее точно это время могли бы охарактеризовать стихи А.С. Пушкина:

«…Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят…»[123]

Бурное время второй половины 90-х совпало с «царствованием» на Кавказе недалёкого и самонадеянного, каких знал край, ставленника царя князя Г.С. Голицына. Немало претерпело кавказское население бед и унижений от этого самодура, ненавидевшего нерусские народы. Г.С. Голицын в своих взглядах был не одинок на Кавказе. Его полити-

ческий двойник в Терской области С.В. Каханов (начальник области с 1889 по 1900 гг.) не отличался ни большим умом, ни большим уважением к горцам[124]. Необходимо заметить, что голицынское управление краем являет собой модель того, как не надо управлять Кавказом. Именно с этим администратором связаны наиболее дискриминационные меры в отношении населения края, затрагивавшие их религиозные и национальные чувства. Тем не менее, кавказская администрация не была удовлетворена мизерностью своих полномочий. Г.С. Голицын не раз поднимал перед правительством вопрос о предоставлении ему прерогатив, свойственных кавказским наместникам, по управлению краем. Настойчивость князя Г.С. Голицына привела к утверждению 3 марта 1897 года новых правил о правах и обязанностях Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Акцент в них делался на административные функции в области управления – практически неограниченное право ревизии и надзора, использование в необходимых случаях «силы закона».

Характерно, что выдвигавшиеся в правительственных сферах в 1890-х и 1900-х гг. проекты жесткой и быстрой «русификации» национальных окраин обычно встречали сопротивление, как в Комитете министров, так и в различного рода Особых совещаниях. Но, несмотря на это, сторонники прагматичного подхода к решению проблемы укрепления единства Российской империи не смогли изменить жесткий, прямолинейный характер национальной политики правительства. Став министром и получив от императора определенный «карт-бланш» на проведение реформ-уступок благонамеренному обществу, П.Д. Святополк – Мирский естественно попытался в числе прочего пересмотреть принципы политики правительства в отношении нерусского населения национальных окраин. В изданном 12 декабря 1904 г. по его инициативе указе «О предначертаниях и усовершенствованию Государственного порядка» содержалось обещание в ближайшее время пересмотреть правовое положение «инородцев» и «иноверцев». Довольно быстро петиционная кампания охватила весь Кавказ. В петиции кавказских мусульман, представленной в Комитет министров в начале 1905 г., говорилось о необходимости уравнения в правах с остальным населением России, о свободе образования и печати на родном языке, введении земского самоуправления, ликвидации остатков крепостной зависимости крестьянства, выборности духовенства и возвращения церковных имуществ (вакуфов)[125].

Поставив в августе 1904 г. перед императором вопрос об изменении политики правительства в отношении населения национальных окраин, Святополк – Мирский не смог проигнорировать сложившуюся на Кавказе критическую ситуацию. «Насчет Кавказа был разговор, – записала в дневнике Е. Святополк – Мирская, – он (император) все не может решиться Голицыну сказать. Пепка (П.Д. Святополк – Мирский) посоветовал ему написать: «А то он вас перекричит». Государь сказал: «И я умею кричать, а что же я ему напишу? Что я не хочу, чтобы его там убили? А он мне ответит, что он хочет пожертвовать жизнью». В конце сентября 1904 г. докладывая «об ужасном положении Кавказа» министр, получил согласие Николая II о замещении Г.С. Голицына, который после покушения на него армянских революционеров фактически покинул свой пост и уехал в Петербург. Наконец 19 ноября Николай II сообщил П.Д. Святополк – Мирскому, что «…сказал Голицыну, чтобы он больше не ехал на Кавказ и… что Голицын ужасно обрадовался».

В конце 1904 года Николай II согласился на отставку П.Д. Святополк – Мирского с поста министра внутренних дел, предложив ему должность наместника на Кавказе. Однако, чуть позже, Святополк – Мирский не только не получил обещанного ему назначения на Кавказ, но даже не услышал традиционной благодарности царя за верную службу государю и отечеству. Николай II расстался с ним более чем сухо. Несомненно, события 9 января 1905 г. послужили поводом для отставки П.Д. Святополк – Мирского, официально последовавшей 18 января 1905 г. Скорее всего, Николай II ждал подобного предлога, чтобы уничтожить политические перспективы Святопаолк-Мирского[126].

Обострение ситуации на Кавказе убедило Николая II , наконец, принять решение. 25 февраля 1905 г. император подписал Указ «О восстановлении должность наместника Кавказского». На должность Наместника был назначен граф И.И. Воронцов – Дашков, который наделялся особыми полномочиями, как в гражданской, так и в военно-полицейской сфере управления. Предложение Святополк – Мирского назначить на Кавказ Воронцова – Дашкова, вероятно, было обусловлено тем, что он принадлежал к тому же кругу петербургской «либерально настроенной» сановной бюрократии, куда входил и сам министр[127].

Наместник, в силу своих полномочий, брал на себя большую ответственность за дальнейшую судьбу многочисленных народов, населявших Кавказ. Как писал в последствии граф И.И. Воронцов – Дашков, «…опыт централизации управления Кавказом из С. –Петербурга, с уч-

реждением на месте должности Главноначальствующего гражданской частью с расширенной несколько властью обычного генерал-губернатора, длившейся свыше двадцати лет, дал довольно печальные результаты. Кавказ, вместо того чтобы идти по пути развития за центром империи, отстал от него, и вина в этом лежит не на местной кавказской власти, а на центральных учреждениях»[128]. Резкие попытки местного начальства привлечь внимание Петербурга к нуждам Кавказа встречали явное недовольство. «Только благодаря личной настойчивости, – писал позднее И.И. Воронцов-Дашков, – некоторым Главноначальствующим удавалось доводить свои предложения до высших законодательных учреждений, и то, по преимуществу, в сфере усиления той же власти их по общему надзору и сохранению порядка»[129].

Воронцов-Дашков выступал за проведение на Кавказе земской реформы, в ходе которой должно быть введено земское самоуправление. Граф И.И. Воронцов – Дашков, обвиняя своих предшественников в том, что единственным средством борьбы с беспорядками и преступностью в крае они избрали «крайнее усиление карательных мер», которые не уменьшили преступность в крае, считал, однако, что в сложившихся условиях репрессивные и охранительные меры неизбежны. В планах его ближайших действий значилось: широкое применение административной ссылки; поголовное разоружение населения; ассигнование средств для вознаграждения лиц, выдавших преступников. Наместник выступал с требованием увеличения контингента войск на Кавказе, где, как он считал, «мирное развитие можно поддерживать только при наличии достаточного числа войск». Воронцов – Дашков требовал вернуть выведенные на западные границы с Кавказа три пехотные дивизии или заменить их другими.

В Российской империи правила оборота оружия среди населения разрабатывались и принимались высшими должностными лицами. Так, 17 августа 1884 года Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе было утверждено Обязательное постановление о продаже, хранении и ношении боевого огнестрельного оружия в Кавказском крае. В указанном постановлении о продаже, хранении и ношении боевого огнестрельного оружия говорилось, что всем, за исключением тех, кому это особо разрешено, воспрещено хранение и ношение боевых ружей усовершенствованных систем. Продажа и покупка огнестрельного оружия, состоящего на вооружении войск, запрещалось. Ввоз в пределы Кавказского края оружия целыми транспортными средствами разрешал-

ся каждый раз соответствующим губернатором или начальником области. Торговцам оружием не разрешалось продавать боевое огнестрельное оружие усовершенствованных систем лицам, не предоставившим разрешительных свидетельств на право иметь такое оружие, выданных полицией. Для провоза в Кавказский край партии оружия, помимо получения по месту отправки свидетельства о неимении препятствий к его отправке, требовалось, в соответствии с циркуляром Департамента Полиции №2732, от 16 июля 1892 года, разрешение соответствующего губернского начальства Кавказского края[130].

Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе 1 июля 1899 года было издано новое Обязательное постановление (в дополнение к Обязательному постановлению от 17 августа 1884 года). Его целью было установление «надлежащего контроля за торговлей боевым огнестрельным оружием и уменьшением, по возможности, количества оружия, обращающегося в руках неблагонадежных лиц». В соответствии с данным Обязательным постановлением все ранее выданные разрешительные свидетельства на право продажи, хранения и ношения боевого огнестрельного оружия с 1 сентября 1899 года признавались недействительными. Содержатели оружейных магазинов, оружейники, продавцы и все лица, владеющие оружием, обязаны были до 1 декабря 1899 года получить новые разрешительные свидетельства, действующие в течение одного года и подлежащие ежегодному возобновлению. Выдавались свидетельства губернаторами, либо по их поручению, уездными и окружными начальниками и полицмейстерами. Свидетельства должны были содержать в себе сведения о том, кому именно, в каком количестве и какого рода оружие разрешается иметь (с указанием системы и № оружия), а также боеприпасов.

После 1 декабря 1899 года огнестрельное оружие, хранящиеся у кого-либо без соответствующего разрешительного свидетельства, боеприпасы и принадлежности к нему, должны были изыматься и реализовываться с обращением вырученных средств в доход государства. Предписывалось вести строгий учет в специальных книгах выданных разрешительных свидетельств на право продажи, хранения и ношения оружия. По окончании каждого календарного года копии с этих книг должны были представляться в канцелярию Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.

Следует особо подчеркнуть, что в Российской империи достаточно тщательно и строго подходили к выдаче свидетельств на право торговли,

приобретения и ношения оружия. Таким образом, на Кавказе, как и по всей Российской империи, в конце XIX века была создана достаточно эффективная система контроля за оборотом оружия, являвшаяся одним из главных средств предупреждения тяжких преступлений[131]. С конца 1905 г. большая часть губерний и областей Кавказа были объявлены на военном положении. Главным средством восстановления порядка являлось подавление волнений военной силой[132].

1881 год обозначен в нашей отечественной истории в качестве рубежа, разделившего вторую половину XIX века на две исторические эпохи. В правительственной политике усиливается тенденция к централизации управления, и потому поднимается вопрос о допустимости такой формы управления, как Кавказское наместничество. Берёт верх стремление нейтрализовать излишнюю самостоятельность кавказской администрации, которая, как считало правительство, оставляла регион вне сферы распространения внутренней политики центральных ведомств и учреждений, или, как писали тогда, «высших установлений империи». И хотя мнения по поводу ликвидации Кавказского наместничества разделились, тем не менее, в ноябре 1881 года упраздняется должность Кавказского наместника. Параллельно упразднялись должности помощника наместника, начальника Главного управления и его департамент. Вместе с ними был упразднён и Кавказский комитет, как утративший свои функции, а его дела переданы в компетенцию Комитета министров[133]. Отмена наместничества и учреждение на Кавказе в 1882 году должности главноначальствующего гражданской частью с несколько расширенными по сравнению с генерал-губернаторскими полномочиями не создало, вопреки ожиданиям, условий для ускорения экономических и социальных процессов. Главноначальствующие имели особые права лишь в сфере пресечения нарушений общественного и государственного правопорядка. Они могли только ставить вопросы перед соответствующими ведомствами, и вынуждены были вести сними длительную и, зачастую безнадёжную переписку. Многие проекты, не встречающие понимания в центре, были провалены: например, упразднение военно-народного управления, прекращение обязательных и зависимых отношений крестьян, переустройство сельского управления. Деятельность ведомств, которые не были поставлены в прямую зависимость от главноначальствующего, такие как народное просвещение, земледелие, государственных имуществ совершенно перестало сообразовываться с местными условиями[134].

Итоги периода 1881-1888 гг. для Кавказа были противоречивыми. Если для Закавказья в результате ликвидации наместничества и роспуска Кавказского комитета были установлены общероссийские формы взаимодействия между государственными органами и региональной администрацией, то на Северном Кавказе аналогичные преобразования практически зашли в тупик. К концу 1880-х годов весь этот регион вновь оказался под контролем военного ведомства. Таким образом, с точки зрения послевоенной Петербургом установленной задачи унификации по общероссийскому образцу форм взаимодействия северокавказской администрации с центральными государственными органами, произошёл даже определённый откат назад, поскольку было полностью восстановлено значительно ослабленное к началу преобразований влияние военной администрации на коренное население Терской и Кубанской областей[135].

Возникла парадоксальная ситуация: горцы, совершившие своего рода демократическую революцию, введя институт общественного самоуправления, ограничивавшего власть князей и феодалов, после долгих лет борьбы лишились этих завоеваний. Для горцев это было не просто неравноправие – величайшая несправедливость и трагедия, негативно сказавшаяся на их национальном самосознании. Объективная неизбежность злоупотребления властью оборачивалась тем, что нередко горцы весь гнев из-за своего бесправного положения обрушивали не на прямых виновников, а на русских в целом в силу того, что они пользовались большей свободой в решении внутренних проблем. Такое административное неравноправие имело результатом не только ущемление развитого чувства национального достоинства, но и привело к формированию у одних -высокомерного отношения, у других – приниженного. Наслоение несправедливостей на фоне внедрения чуждых норм, регламентировавших каждый жизненный шаг горцев, означало для них постоянное насилие, это был важный морально-психологический момент русско-чеченских отношений[136].

Под воздействием первой русской революции Кавказское наместничество вновь возрождается. Опасаясь новых национальных потрясений в крае, правительство назначило в 1905 году в качестве наместника графа И.И. Воронцова – Дашкова. Новый глава военной и гражданской власти региона сохранил все прежние «объединённые полномочия всех министров на Кавказе». Согласно царскому указу от 26 февраля 1905 года, наместник становился членом Государственного Совета и Комите-

та министров. Однако парадокс заключался в том, что местные органы власти не были изъяты из подчинения центральных министерств. В то же время глава кавказской администрации наделялся правом по своему усмотрению проводить в жизнь министерские циркуляры и распоряжения или выносить их на рассмотрение в Комитет министров. Одновременно, по этому же указу, из подчинения наместника изымались учреждения государственного банка и центральных контрольных и судебных инстанций, по отношению к которым он пользовался правами министра юстиции.

В предоктябрьское время, в условиях перехода от абсолютизма к конституционно-монархическому строю, российские наместники лишились представительства в упразднённом Совете министров и Государственном Совете. Вместе с тем наместники (в том числе и Кавказский) сохранили право на карательные и чрезвычайные меры. В случае необходимости они могли наказывать и даже высылать в административном порядке провинившихся[137].

В Российской империи в середине XIX в. существование регионов с преобладающим нерусским населением постепенно превращалось в сознании правящей элиты в угрозу сепаратизма и развала империи. В результате правительство всё дальше уходило от прежней политики толерантности и прагматизма в отношении национальных особенностей многочисленных нерусских подданных русского царя[138]. На первый план в государственной идеологии вышла доктрина «официального национализма» с лозунгом «Россия должна принадлежать русским». Суть нового курса, окончательно оформившегося при Александре III, заключалась в политике русификации – целом комплексе мероприятий, направленных на достижение социально-экономической, административно – правовой и культурной интеграции национальных окраин[139].

Уже с 60-х годов правительство пришло к заключению, что муфтияты являются могучим оружием для сплочения мусульман, известного их обособления, а также упрочения ислама и возвеличивания его, в глазах проживающего совместно с мусульманами инородческого мусульманского населения. В соответствии с этим, со стороны правительства принимались известные шаги к возможному ослаблению значения этих институтов. В 1890 и 1891 гг., состоялась отмена выборного порядка замещения должностей Оренбургского и Таврического муфтиев, назначаемых отныне Высочайшей властью по представлению министра внутренних дел. Необходимо при этом отметить, что в Оренбургском округе

и ранее муфтий фактически назначался Высочайшей властью, хотя по действовавшему до 1890 года закону кандидаты на эту должность подлежали избранию самими же магометанами.

В 1913 году, за подписью 39 членов Государственной Думы было внесено законодательное предложение об учреждении муфтията для Северного Кавказа (Кубанская и Терская области и Ставропольская губерния). Министерство внутренних дел принципиально возражало против этого предложения, и Совет министров, на заседании от 23 января 1914 года, признал таковое неприемлемым…[140].

Анализ исторического процесса показывает, что появление всеобщего мусульманского движения явилось следствием нескольких факторов. Во-первых, налицо было сильное недовольство мусульман взятым в 1880-е гг. царским правительством курсом на усиленную их русификацию. Во-вторых, следует учитывать процесс возрождения ислама, происходивший во второй половине XIX в. по всему миру. В результате активной и многогранной деятельности мусульманских просветителей в сфере культуры и образования, доказывавших совместимость ислама с прогрессом, в жизни российских мусульман совершились позитивные сдвиги, которые подталкивали их к более чёткой самоидентификации и этноконфессиональному самоопределению. В-третьих, важные последствия имел процесс европеизации мусульманского мира, включая Россию[141].

Курс на русификацию окраин империи воспринимался в правительственной среде далеко не однозначно. Одним из наиболее последовательных противников политики русификации стал С.Ю. Витте. По ряду вопросов Витте получал поддержку со стороны некоторых министров и членов Государственного Совета: А.С. Ермолова, Н.В. Муравьёва, А.Н. Куломзина, А.А. Половцова, Д.М. Сольского и др. В разговоре с А.Н. Куропаткиным в январе 1902 года С.Ю. Витте чётко определил свою позицию: «Давление, которое мы оказываем на окраины, приведёт нас скорее к революции, чем, если бы мы дали окраинам относительную свободу»[142].

На рубеже XIX – XX вв. министр финансов С.Ю. Витте бесспорно являлся наиболее влиятельной фигурой в правящих кругах Российской империи. Энергичный и широко мыслящий государственный деятель, Витте считал крайне опасным для монархии заметное обострение «национального чувства завоёванных инородцев» и в отличие от большинства царских сановников был сторонником более имперски гибкой этноконфессиональной политики. Позднее, пребывая уже в отставке, он

писал по этому поводу: «Вся ошибка нашей многолетней политики – это то, что мы до сих пор ещё не сознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белороссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя этот исторический, капитальной важности факт; игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, – их религию, их язык и прочее..»[143]. Витте настаивал на одном из своих главных требований: «Учебные заведения существуют не для целей политических, а должны преследовать задачи педагогические, т.е. получение знаний. При отсутствии преподавания местных языков школа не пользуется популярностью у населения и не выполняет своей главной функции – просвещения народа. На первом месте среди предметов преподавания, конечно, должен оставаться государственный русский язык, необходимый для приобщения к общей жизни страны. Но внимания требует и родной язык ученика как предмет наиболее ценный для каждого сознающего свою принадлежность к известному племени»[144].

Из всех политических требований, выдвигаемых различными партиями и движениями на окраинах империи, наиболее болезненным для правительства было требование национальной автономии. В одной из записок Витте высказался в пользу возможного предоставления ограниченной автономии некоторым из национальных окраин: « Мысль о расчленении всей России на автономные провинции, по счастью, ещё не приобрела популярности, – писал он, – а потому идея государственного единства… может и должна быть громко провозглашена правительством. Идея государственного единства, однако, ничуть не противоречит ни автономия десяти польских губерний, ни, быть может, Грузии и других частей Кавказа в расширенных пределах местного самоуправления» [145].

Другой видный кавказский деятель Г.Д. Орбелиани, находясь на должности командующего Кавказской армией, ещё в 1861 году писал военному министру Д.А. Милютину: «Война, продолжавшаяся на Северном Кавказе в течение десятков лет, не позволяла нам серьёзно заняться устройством материального быта туземцев; мы разрушили старый порядок владения землями, но не могли ещё создать никакого нового порядка. Затем, по требованию военных обстоятельств, из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселённых на новых местах, по требованию этих

же обстоятельств снова переселяли, и иногда по несколько раз, с места на место; но и при этом новом поселении земли указывались туземцам только в примерном количестве и для временного пользования. Этот порядок дел, по необходимости продолжавшийся многие годы, никак не мог развить в туземцах осёдлости, а напротив, он поселял к правительству недоверие, заставлял каждого быть в постоянном опасении за будущее и явно вёл к тому, что никто не хотел развивать своего хозяйства и употреблять на возделывание земли, особенный труд, а тем более расходовать на этот предмет капитал, ежели таковой у кого и водился. Этим недостатком обеспеченности прав на землю следует объяснять ту быстроту и лёгкость, с которой целые аулы, а иногда и целые общества бросали указанные им земли и убегали в горы, чтобы усилить число враждовавших с нами, а в последнее время стали выселяться в Турцию»[146].

Подводя итог, можно констатировать, что участившиеся на рубеже веков политические кризисы на окраинах, вызванные противодействием нерусского населения политике русификации, были своего рода предвестниками мощного социально-политического кризиса, охватившего национальные окраины Российской империи в годы Первой русской революции. После издания Манифеста 17 октября Витте путём отдельных уступок стремился оторвать от революционного движения местные национальные элиты, но в условиях острейшего социально-политического кризиса национальная политика его кабинета приобрела непоследовательный и противоречивый характер.

Издание Указа 17 апреля о веротерпимости, допущение в Государственную Думу представителей от национальных окраин, введение в школах «для инородцев» преподавания на родном языке, отмена многих правовых и административных ограничений нерусского населения – все эти преобразования ясно очерчивали контуры нового курса национальной политики. Однако открывавшиеся перспективы решения национального вопроса так и не были использованы[147]. Царский Указ от 18 февраля 1905 г., согласно которому население впервые получило право подавать в высшие инстанции петиции о своих нуждах, очень обнадёжил российских мусульман. Выборы в I Государственную Думу всколыхнули массы мусульман. Сбывались их мечты – иметь своих представителей в законодательном органе России. «Нас зовут управлять Россией», – говорили например, казахи. В их среде, как, впрочем, и у других мусульманских народов, происходили заметные сдвиги в отношении к окружающей действительности[148].

2. Административные подразделения в Терской области

Процесс создания и преобразования органов административного управления шёл непрерывно, по мере занятия той или иной территории, в том числе и в разгар Кавказской войны. К началу целенаправленного введения с конца 50-х гг. «военно-народного» управления у «мирных» горцев была установлена так называемая приставская система управления. В функции приставов, назначавшихся в отдельных горских обществах, входило посредничество между народами Кавказа и российской правительственной администрацией. Специальной инструкцией приставы обязывались следить за населением подчинённых аулов и не допускать их сношений с непокорными горцами. Приставы не вмешивались во внутренние дела горских народов и служили более «агентами и поверенными» русской власти, чем «начальниками и распорядителями» горцев [149]. В связи с внедрением системы военно-народного управления указом императора были упразднены приставства, введённые в мирных чеченских селениях в ходе войны с Шамилём и являвшиеся основой системы управления народов Северо – Восточного Кавказа[150].

Провозглашённое в 1859 году покорение Чечни в действительности таковым не было, т. е. не заключало в себе общеизвестных признаков и последствий покорения страны[151]. Например, было немало аулов, в которых ни разу после покорения края не были царские чиновники, в некоторых горных обществах Аргунского округа назначенные российской властью наибы даже не смели показываться[152].

Накануне присоединения чеченцы и ингуши занимали пространство в 10000 кв. вёрст, из которых почти половина являлась плоскостной территорией[153]. Чечня разделялась рекой Гойтой на Малую и Большую, и та и другая – частью плоская, частью гористая. Чеченская плоскость от Сунжи до подошвы гор имела наибольшую ширину – 20 вёрст[154]. По единогласным отзывам лиц, близко знавших край, горцев в действительности было в начале 7-х годов XIX века значительно больше официальной цифры в 410 тыс. человек, из которых 145 000 приходилось на чеченцев. Чеченский народ считался не только самым многочисленным на Северо – Восточном Кавказе, но и самым отважным и предприимчивым[155]. По некоторым сведениям в начале 60-х годов общее число чечено-ингушского населения могло быть не менее 200 000 человек[156]. После завершения Кавказской войны крепость Грозная насчитывала 9 000 жителей. От Грозной до Петербурга было расстояние в 2404 версты,

а до Москвы 1800 вёрст[157]. Средняя температура воздуха в 1885 году, в середине лета в Грозном достигала 28,1 градуса, во Владикавказе 25,4 градуса, в Ведено – 26 градусов[158].

Ведено, одно время, было столицей имамата Шамиля, а в царский период являлось административным центром. Шатой в послевоенный период являлся одним из самых многолюдных населённых пунктов горной Чечни. Он был населён русскими и чеченцами, здесь квартировался батальон пехоты и находились казармы для солдат[159].

16 января 1860 года император Александр II утвердил «Положение», по которому Левое крыло Кавказской линии было переименовано в Терскую область. В рамках ныне существующего административно – территориального деления разрушенная в советское время Терская область включала район Кавказских Минеральных вод, Кабардино-Балкарскую республику, республику Северную Осетию – Аланию, республику Ингушетию, Чеченскую республику, а также равнинные районы на севере нынешней республики Дагестан – Кумыкскую плоскость, устье Терека, междуречье Терека и Кумы, включая Ногайскую степь[160].

В 1860 году из частей Дербентской и Тифлисской губерний была создана Дагестанская область[161]. Хасавюртовский (или Кумыкский) округ был отделен от Дагестанской области и передан в Терскую область; в состав Дагестанской области округ вновь был включен только в 1909 году[162]. В 80-х годах XIX века министром финансов был поднят вопрос о том, чтобы с целью экономии упразднить Дагестанскую область, присоединив ее южные округа к Бакинской губернии, а все остальные – к Терской области. Однако это предположение встретило возражение со стороны Главноначальствующего А.М. Дондукова – Корсакова, отметившего, что из всех местностей Кавказского края именно Дагестанская область удовлетворяет условиям, необходимым для установления самостоятельной административной единицы[163].

Терская область своей южной границей прилегала к главному Кавказскому хребту; восточной – к Каспийскому морю; на юге она граничила с двумя Закавказскими губерниями (Кутаисской и Тифлисской) и с Дагестанской областью, расположенными по южному и частью северному склону главного хребта; на востоке – с Дагестанской областью. Северными соседями Терской области являлись Ставропольская и Астраханская губернии, а на западе она граничила с Кубанской областью. Горское население Терской области в 3 раза превышало казачье[164]. Всё пространство, находившееся к северу от Главного Кавказского хребта

и включавшее в себя Терскую и Кубанскую области, а также Ставропольскую губернию, с 15 февраля 1860 года стали именовать Северным Кавказом[165]. В 1868 году Комитет, учреждённый в городе Тифлисе для составления проектов «Положений» о Кубанской и Терской областях, внёс предложение – образовать на Северном Кавказе только две области – Кубанскую и Терскую, а Ставропольскую губернию распределить между ними, включив её территорию в их состав. Однако в управлении наместника Кавказского было принято решение о сохранении существовавшего деления на три административные единицы[166].

Терская область в послевоенный период подвергалась частому изменению своих административных границ, как внешних, так и внутренних. На основании временных штатов военно-народного управления Терской области, высочайше утверждённых 25 декабря 1860 года, область разделили на шесть округов: Кабардинский, Владикавказский, Чеченский, Кумыкский, Ичкеринский и Аргунский[167]. 29 мая 1862 года было принято решение, по которому область разделили уже на восемь округов[168]. Позднее были приняты меры, с помощью которых ликвидировались прежние национальные наименования округов. Так, Кабардинский округ стал именоваться Нальчикским[169].

Летом 1862 года было высочайше утверждено новое разделение Терской области в военном и административном отношении и новые штаты управления – по примеру Дагестана. Область разделили на военные отделы и округа[170]. Определение и изменение границ округов предоставлялось на усмотрение наместника на Кавказе, который о распоряжениях своих доводил до сведения через Кавказский комитет – до императора[171].

Специфика межгосударственных и административных границ на Кавказе состоит в том, что они были созданы в результате территориальных реформ, проведённых правительством Российской империи. Исследователи, занимающиеся изучением проблем развития и функционирования границ выделяют ряд факторов, среди которых, в контексте данного исследования, наиболее важными представляются: историческая давность границы, её отношение к культурным и этническим рубежам, географический ландшафт, особенность экономических и политических процессов в приграничной зоне.

Наиболее важными линиями разграничения, помимо государственных, являются следующие границы: культурные – пределы распространения влияния культур (христианской, мусульманской и т.п.); этничес-

кие – «линии, разделяющие людей по идентификационному принципу "свой" – "чужой" на основе принадлежности к тому или иному этносу. Здесь необходимо отметить, что этнические границы формируются на основе субъективных представлений, имеющих распространение в среде данного этноса, сопредельных и других этнических групп, и в правящих элитах государств, на территории которых находится зона расселения этноса. Административные границы – линии, разделяющие территорию внутри государства на районы, управляемые властными структурами; политические – фактические пределы распространения влияния государства, которые могут не соответствовать границам де-юре. Проблема кавказских границ непосредственно связана с таким понятием, как «разделённые народы», которое так называет те этносы/народы, по территории расселения которых прошла граница. Так, в результате территориально-административных реформ второй половины XIX века часть чеченского народа отошла к Дагестанской области (чеченцы-аккинцы), другая часть вайнахов вошла в состав Тифлисской губернии (кистины). Земельно-территориальные споры царскому правительству не удалось решить даже в начале XX века[172].

В годы Кавказской войны вся Чечня была разделена Шамилем на особые округа, называвшиеся наибствами. Каждым наибством, состоявшим из нескольких аулов, круглым числом около 1000 дворов, управлял наиб. Наибы назначались самим Шамилем и избирались из лиц, представленных имаму. При наибах состояли отряды мюридов, которые содержались за счет жителей наибств. Кадии и старшины избирались народом, но по представлению наибов и утверждались в своих должностях Шамилем. Все население мужского пола разделялось на десятки, члены которых были обязаны наблюдать за поведением друг друга и в случае чего-либо подозрительного сразу доносить наибу. В чеченских селах были поселены семьи подданных Шамилю дагестанцев, которые также были обязаны следить за поведением местного населения[173].

Деятельность российской окружной администрации была в основном направлена на сохранение старых общественно-политических институтов и хозяйственных форм. Окружные и участковые органы власти представляли из себя полувоенные институты управления, совмещавшие хозяйственные, административные, судебные, военные и полицейские функции. Такая политика проводилась с целью изоляции горцев от общероссийского общественного движения[174].

Количество чеченцев в начале XVIII в. достигало, по подсчетам В.М. Кабузана, примерно 60,0 тыс. человек, а ингушей – 6,0 тыс. человек. А на рубеже XIX в. на всем Северном Кавказе проживало 262,2 тыс. человек, среди которых оказалось 118 тыс. чеченцев и 11,1 тыс. ингушей. Русское же казачье население составило на землях Чечено-Ингушетии в 20-е годы XVIII в. примерно 5 тыс., в 80-е годы – 5,1 тыс., в начале XIX в. – 16,6 тыс. человек. Таким образом, в начале XVIII в. чеченцы достигали 84,5% (60 тыс. чел.) и ингуши 8,5 (6,0 тыс.), а русские – 7,0% (5 тыс. чел.) всего населения региона. В течение первой половины XIX в. (между 1795 и 1858 гг.) население Чечено-Ингушетии увеличилось на 72,8% (со 145,7 до 260,4 тыс. чел.). Численность чеченцев (с учетом проживающих в отошедшем к Дагестану Хасав-Юртовском округе) увеличилась со 118 до 190 тыс. человек, хотя их удельный вес и понизился с 81 до 73%. Зато одновременно растет численность и доля ингушей (с 11,1 до 28 тыс. человек, или с 6,7 до 10,8%) и русских (с 16,6 до 42,4 тыс. человек, или с 11,4 до 16,2%).

За рубежами Чечено-Ингушетии чеченцы обитали в Дагестане, в Грузии, в основном в Тионетском и Тушетском округах Тифлисской губернии с 40-х годов XIX в. (50-е годы XIX в. – 2,5 тыс., 1865 г. – 3,1 тыс. и 1897 г. – 2,3 тыс. человек) и в очень небольшом числе в Азербайджане[175]. На юге Тушетский хребет отделял Чечню от близкородственных нахоязычных цова-тушин (бацой), входивших в Тушинское общество (Тушети) Грузии. Они, как и грузиноязычные чагма-тушинцы, исторически входили в состав Грузии и исповедывали христианство. К середине XIX века в Панкисском ущелье Кахетии за счет выходцев из верховьев Шаро-Аргуна складывается «кистинская» община[176].

Немного чеченцев-аманатов проживало в России. Важным средством распространения и проведения колониальной политики царизма являлось аманатство или заложничество, возникшее одновременно с соприкосновением России с северокавказскими горцами и вызванное общими мотивами русской ориентации на горскую феодальную и родовую знать. С началом колониальной политики царизма, т.е. с XVII в. аманаты содержались в русских крепостях и они фактически были заложниками царизма. Выдача своих сыновей, в качестве заложников, стала обязательным условием принятия того или иного владения Дагестана, Чечни, Кабарды и Ингушетии в русское подданство. В крепостях для аманатов открывали школы, где их учили грамоте и русскому языку. Институт аманатов являлся своеобразной «школой», периодически выпускавшей

не только сторонников русского царизма, но и хороших агитаторов среди горцев за русскую ориентацию.

Аманатов давали России все народы Северного Кавказа, за исключением чеченцев. Последние, несмотря на неоднократные требования России дать аманатов, каждый раз отвечали категорическим отказом. В 1764 г. чеченцы писали кизлярскому коменданту Потапову: «Ныне владельцы наши нападками от нас аманаты требуют и мы, все чеченские старшины, собрав всех стариков и молодых людей, на совете постановили, что владельцы наши… в российскую сторону от нас в аманаты давать вознамерились, а народ наш не согласился и аманатов дать не может. От владельцев аманатов возьмите, а нас в покое оставьте…». Больше того, чеченцы заявили, что они над собою не признают ни власти поставленных над ними владельцев, ни власти самой России. «Известно Вам да будет, -заявляли они, – что мы от государыни уклонились»[177].

На Кавказе функционировали три военных отдела, одно отдельное управление и одно городовое управление. Отдельное управление начальника округа Минеральных вод и Владикавказское городовое управление действовали на основании особых, для них составленных «Положений»[178].

Чеченский округ состоял из Большой и Малой Чечни, сюда также вошло Качкалыковское общество. В Аргунский округ входили общества: Шатоевское, Чантинское, Чеберлоевское и Шароевское. Ичкерия вошла в состав Ичкеринского округа. Нагорный округ состоял из обществ: Салатовского, Ауховского и Зандакского.

1 сентября 1862 года вместо существовавших в Чеченском округе наибств, были образованы новые наибства: Ачхоевское, Урус-Мартановское, Аргунское, Автуринское, Надтеречных деревень и Качкалыковское. Кроме существовавших в Аргунском округе трёх наибств: Чантинского, Шатоевского и Чеберлоевского, было создано четвёртое наибство – Шароевское. Нагорный округ был образован 1 октября 1862 года из участков Кумыкского округа: Ауховского, Салатовского и Зандакского[179].

При издании временных штатов военно-народных управлений от 2 сентября 1865 года, Терская область включала в себя следующие военные отделы:

а) Западный;

б) Средний отдел, состоящий из округов: Чеченского, с шестью наибствами: Ачхоевским, Урус-Мартановским, Аргунско-Автуринским,

Надтеречным и Качкалыковским; Аргунского, из четырёх наибств – Чантинского, Шатоевского; Ичкеринского с двумя наибствами – Даргинским и Веденским;

в) Восточный отдел ; из округов : Кумыкского и Нагорного, с тремя наибствами – Ауховским, Салатовским и Зандакским[180].

Уже к 1866 году император разрешил закрыть Восточный и Западный отделы, сохранив округа в Терской области. Средний отдел, как гласит документ, «по причине неустановившегося ещё отношения чеченского населения», было принято сохранить[181].

При новом устройстве Терской области (30 декабря 1869 года) было образовано семь округов: Владикавказский, Георгиевский, Веденский, Кизлярский, Хасав-Юртовский, Грозненский и Аргунский. Окружные управления были сосредоточены в городах: Георгиевске, Владикавказе, Кизляре, крепости Грозной и в укреплениях: Ведено, Шатой и Хасав-Юрт[182].

С 30 декабря 1869 года определение и изменение границ уездов и округов начальники областей и губернаторы представляли наместнику Кавказа, который о своих распоряжениях через Кавказский комитет сообщал императору[183]. 20 февраля 1877 года была изменена граница Кизлярского и Грозненского округов. К Грозненскому округу была причислена станица Червлёная[184]. 14 декабря 1877 года наместник изменил границу Веденского и Хасав-Юртовского округов Терской области. Из ведомства Веденского округа были изъяты аулы Бильты и Галай-Отар, о чём, через Кавказский комитет, сообщалось императору[185]. В 1877 году в состав Хасав-Юртовского округа входила часть горной Чечни. Чеченцы (ауховцы) занимали 6 селений, где проживало 8060 человек. В 15 сёлах чеченцы жили вместе с кумыками. Кумыки составляли 48,3% от общего населения Хасав-Юртовского округа, аварцы –15,8%, чеченцы – 13,9%, ногайцы 13,1% и русские 7,2%[186].

В 1878 году в состав Терской области входило 7 округов: Владикавказский, Кизлярский, Грозненский, Хасав-Юртовский, Моздокский, Аргунский, Веденский и 4 города – Моздок, Георгиевск, Грозный и Владикавказ[187].

После многолетних и многочисленных обсуждений высочайшим Указом от 21 марта 1888 года было утверждено новое территориальное деление и административное управление Терской области[188]. По Указу 1888 года был упразднен национальный признак, лежавший ранее в основе названий округов. Военно-Осетинский округ был переименован во Владикавказский, Чеченский – в Грозненский, Кабардинский – в

Нальчикский, Кумыкский – в Хасав-Юртовский, Ингушский – в Назрановский[189]. С 1 мая 1888 года вступал в силу закон, по которому область делилась на три отдела: Кизлярский, Пятигорский, Сунженский и четыре округа – Нальчикский, Владикавказский, Грозненский и Хасав-Юртовский[190]. При этом Веденский и Аргунский округа вошли в состав Грозненского округа взамен отошедших от него станиц: Грозненской, Петропавловской, Ильинской, Ермоловской, Романовской (бывшей Горячеводской), Червлёной, Николаевской, Калиновской, Менанской, Савельевской, Наурской, Ищёрской, Галюгаевской, Стодеревской. Это было сделано, чтобы оградить казачество от «разлагающего» влияния горцев. Учреждения военного и гражданского управления казаками сливались воедино. Решено было сёла и аулы с не казачьим населением оставить в ведении округов, а казачьи станицы передать отделам начальников округов[191]. Чеченские селения, находившиеся на правой стороне реки Терек, которые предполагалось присоединить к Кизлярскому и Пятигорскому отделам, выделялись в особый участок и временно оставлялись в ведении начальника Грозненского округа[192].

Деление Терской области на округа и отделы производилось для того, чтобы ограничить всякое общение между народами. Станицы Кизлярского отдела полностью изолировали северную часть Грозненского округа от его остальной территории[193]. Казачьи станицы Сунженского отдела полностью располагались на территории Владикавказского, Нальчикского, Назрановского, Грозненского и Веденского округов. Очевидно, такое расположение казачьих станиц было одним из ярких проявлений колониальной политики царизма. Оно в большинстве случаев создавало своеобразный казачий клин, рассекая на изолированные части земли одного и того же народа, затрудняя, таким образом, экономические другие связи между этими частями, ибо эти связи было запрещено осуществлять через земли казачьих станиц[194].

Горские округа, согласно новому положению, делились на участки, а казачьи отделы – по признакам комплектования воинских единиц – на сотни и полки[195].

С 1 января 1899 года Терская область была разделена на 4 отдела: Пятигорский, Моздокский, Кизлярский, Сунженский и 4 округа – Владикавказский, Хасав-Юртовский, Нальчикский и Грозненский[196].

Начальник области, являвшийся также наказным атаманом, пользовался правами начальника дивизии и в непосредственном подчинении ему стоял войсковой штаб, а по гражданскому управлению ему

принадлежали все права и обязанности, присвоенные губернаторам. Для облегчения работы начальника Терской области в исполнении его обязанностей, при нём состоял помощник, который заведовал местными войсками и в случае отсутствия заменял начальника области[197].

Утверждение России на Северном Кавказе, связанное с военно-казачьей колонизацией края, обусловило главное направление в административном устройстве региона – создание здесь двух крупных казачьих войск: Кубанского и Терского[198]. 19 ноября 1860 года было образовано Терское казачье войско, главное управление которого располагалось в городе Моздоке. Высочайшим приказом от 6 августа 1865 года был образован Кавказский военный округ с военно-окружным управлением, на основании общего «Положения», с дополнительными к нему правилами. С введением этого «Положения» и упразднением Главного штаба армии, преобразовали и управление командующих войсками в Терской и Кубанской областях, где полевые войска изъяли из заведования командующих войсками и образовали управление на общих основаниях для дивизий и артиллерийских бригад. Все эти реформы обусловили собой законченность преобразований Кавказской армии, подвели округ под один уровень с округами внутренней России. Терское казачье войско управлялось его наказным атаманом (начальником Терской области) генерал-лейтенантом, с полномочиями, зачастую превышавшими права начальника дивизии[199].

Все важные мероприятия на Северном Кавказе царское правительство проводило, опираясь на социальные верхи горцев. Одним из путей использования их было привлечение на службу в армию и милицию, где их материальное и политическое положение становилось в зависимость от отношения к службе[200].

После завершения Кавказской войны область была буквально переполнена войсками. В 1861 году на 30 тыс. чеченских дворов приходилось 60 тыс. русских войск (по 2 чел. на двор)[201]. Не смотря на это, областное руководство опасалось сокращать воинский контингент и почти каждую весну проводило военные сборы[202]. Даже в 1882 году начальник Терской области докладывал руководству, что «..не смотря на истекшие 20 лет со времени покорения Восточного Кавказа, для обеспечения спокойствия среди горцев требуется содержать в области, при мирных условиях не менее 20-ти батальонов»[203]. Только в 1887 году кавказское руководство решилось сократить общее количество нестроевых нижних чинов и Чири-Юртовскую команду[204]. В Ведено продолжала службу рота пехоты. В конце лета или в начале осени из 12 полевых и горных орудий

за слободой производились стрельбы боевыми снарядами, главным образом для того, чтобы «…чеченцы не забывали, что у русских и в горах есть "зелёная арба" (пушка)»[205].

В 1876 году вышел приказ «Об усилении состава областных и уездных полицейских учреждений Терской и Кубанской области». По этому закону на усиление полицейских учреждений Терскому областному руководству ежегодно выделялось 4160 руб. (из государственной казны 3585 руб., из доходов Терского казачьего войска 1195 руб.). Для сравнения, Кубанской области ежегодно выделялось только 1040 рублей[206]. Обвиняя горские народы в «грабежах» и «хищничествах», руководство пыталось получить дополнительные средства из казны и дать моральное оправдание своим карательным действиям. Но такой тактический приём был малоубедительным. Он вызывал сомнения даже у некоторых правительственных лиц.

После присоединения народов Северного Кавказа к России, царское правительство, достаточно укрепив свои позиции, приступило к установлению колониального режима, к превращению присоединившихся к России районов в колонии[207]. После падения Шамиля в Чеченском округе было введено телесное наказание за самые незначительные преступления. За горцами не признавалось никаких прав. Граф Евдокимов, желая удалить туземное население от Военно-Грузинской дороги и Владикавказа, счёл нужным заселить верховье реки Сунжи казаками[208]. В 1876 году в Терской области насчитывалось 375 676 горцев (61,2%); 129 651 (21%) казаков. В области в это время проходили службу 29 070 военных (4,7%) регулярных и иррегулярных (строевых) войск[209]. В 1887 году количество регулярных войск составило 24 тыс. человек. Горское население насчитывало 63,3%, а казачье 21,6% от всего состава жителей Терской области[210].

Правление первого начальника Терской области генерал-адъютанта Н.И. Евдокимова (1856-1861 гг.), который был одним из главных «покорителей» Кавказа, сопровождалось осложнением обстановки на Северном Кавказе, что в определенной степени было связано с его консервативно-реакционными взглядами на умиротворение горцев только путем применения силы, репрессий и военных экспедиций, которые стали каждодневной действительностью. В 1862 г. в Терской области было расквартировано 49 батальонов пехоты, 9 терских и 10 донских полков казачьих войск, 1 драгунский полк и др., всего более 60 тыс. человек[211].

Геополитическое положение региона способствовало значительно большей по сравнению не только со Ставропольем, но и Кавказом и

даже Россией в целом, милитаризации области, то есть расположения здесь многочисленных воинских частей с офицерско – командным составом. В период первой российской революции, в частности, в Чечне размещались Дагестанский, Ширванский пехотные полки и Грозненский резервный батальон. Представительство чинов жандармерии и полиции Терека при всей их малочисленности в геополитических условиях области было на уровне средних по империи и Кавказу, превосходя их долю на Ставрополье[212].

Визитной карточкой Кавказской войны стали самостоятельность генералов и офицеров, а также инициативность солдат. В глазах русских «кавказцев» Петербург не обладал монополией власти над Кавказом. Ностальгия по « старым, добрым временам», военной поэтике удерживали «кавказскую гвардию» в Чечне, где она привыкла держать себя столь вольготно, что даже игнорировала «окрики» из центра. К.К. Бенкендорф в своих воспоминаниях подметил, что «наши солдаты вздыхали о прелестях Чечни, между тем как там их отовсюду подстреливают и каждый переход по лесу стоит чьей-нибудь жизни. Но там, по крайней мере, есть трава, есть лес, которые все-таки напоминают родину, а в Дагестане одни скалы да камни, камни да скалы… Не только солдаты, но и офицеры ощущали притяжение со стороны девственной, прекрасной и потому заманчивой, дикой, но поэтичной природой»[213].

После ревизии, проведенной в Кавказской губернии генерал-майором Вердеревским (1810 г.) Комитет министров принял решение о введении существенных льгот для кавказских чиновников. Согласно ему канцелярские служащие и статские чиновники могли быть зачислены на военную службу и продолжать выполнение своих обычных обязанностей. Примечательно, что «все до одного» чиновники пожелали служить в армии, поскольку это улучшало их материальное положение. Вследствие этого администрация на Кавказе стала приобретать военно-бюрократический характер. Специальным указом оговаривались и другие льготы: за приезд на Кавказ присваивался чин коллежского асессора (VIII класс), равный майору в военном табеле о рангах, выдавалось дополнительное денежное вознаграждение, предоставлялось право на получение ордена Св.Владимира 4-й степени, пенсии и т.д.[214]. Доля офицеров среди населения Терской области была довольно высока и составляла порядка 0,34%, что значительно превышало ставропольские (0,05%), общероссийские (),16%) и средние по Кавказу (0,26%) показатели[215]!

По мнению С.К. Бердяева, служившего в Чечне и опубликовавшего свои «Воспоминания старого администратора» в Париже, в составе стоящих у власти, в большинстве своем, были люди совершенно неподготовленные и неспособные к несению своих обязанностей, начиная от стражника и кончая губернатором. «Никакой школы, – продолжал он далее, – как теоретической, так и практической, не существовало. Никаких знаний о народе, моральных качеств и прочего не требовалось. Для большинства должностей было необходимо: чин, протекция, дворянство. А служащие брались просто с улицы»[216]. По мнению В. Немирович – Данченко, выросшего на Кавказе «…для управления горцами необходимо было назначать серьезных и умных людей, обладающих сильным характером и громадным тактом прежде всего, но не господ, которые, называясь «деятелями», на одно только и годны: на поощрение местного виноделия – в качестве потребителей, разумеется…»[217].

Проводимая со времени покорения Кавказа политика привлечения в национальных районах представителей местных народов привела к доминированию горцев среди властной элиты в национальных районах: как в округах, так и в «казачьих» отделах. Так, в Грозненском округе чеченцы имели 91,1% должностей в аппарате управления. Чеченцы Сунженского казачьего отдела занимали 74,7% должностей[218]. И такое положение не должно удивлять. Еще в 1875 году газета «Терские ведомости» в №31 за 1875 г. критически отзывалась о выборах в атаманы, которые сопровождались «уничтожением огромного количества вина и водки». Официальные газеты региона не выходили за пределы дозволенного в оценках действительности. Всякий более или менее острый взгляд на положение дел во властных структурах пресекался цензурой[219].

Несмотря на представленность во властных структурах горцев, в частности чеченцев и осетин, по положению должности пристава и начальника округа не мог занимать представитель коренной национальности, даже при наличии подготовленных кадров из числа военных. Также горцы не могли занимать штатные должности в окружном суде, быть мировыми судьями, что видно на примере Владикавказского округа. На этот счет, как указывал историк С.Д. Купов, сохранялись подзаконные ограничения[220]. Сыгравшая позитивную роль практика коренизации управленческой элиты стала вызывать опасения царизма по поводу эффективности административно-полицейских мер и судебных санкций при доминирующей роли горцев во властных структурах. В конце XIX в. власть стала отходить от практики привлечения кавказских народов в административные органы[221].

3. Закрепление власти военных в регионе

Создавая в Кавказском крае наместничество, так называемое военно-народное управление, не разрешая населению иметь земства, не предоставляя Кавказу прав иметь общеимперские судебные органы, ограничивая деятельность городских управ, правительство по существу не управляло Кавказским краем, а продолжало вести себя здесь как в недавно завоёванной стране. В 1927 году А.В. Померанцев писал: «При царской власти Кавказ был всегда на военном положении. Только советская власть освободила Кавказ от военного гнета…»[222]. Лишая народы Кавказа законных прав в области местного самоуправления, царское правительство ставило их в исключительное положение неполноправных граждан страны…[223]. Анализ так называемого «военно-народного» управления представляет для нашего исследования особый интерес, так как именно оно должно было, по мнению целого ряда влиятельных российских политиков середины XIX века, заложить основы политической стабильности на Северном Кавказе, предотвратить распространение шариата и основанного на нём движения мюридизма, как наиболее серьёзной опасности для российского владычества на Кавказе, создать постепенно в регионе условия для распространения общероссийской правовой системы и «насаждения русской гражданственности» в сознании горцев[224]. За понятием «военно-народное» управление во второй половине XIX века закрепилось два значения: особой, отличной от общеимперской системы административных органов по управлению горцами Кавказа и принципа управления «туземными» племенами. Сущность этой судебно-административной системы довольно точно и кратко охарактеризовал наместник Кавказа генерал-адъютант граф И.И. Воронцов – Дашков: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, – основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армии и на предоставлении населению во внутренних делах ведаться по своим адатам». При этом допускалось привлечение в низшую администрацию и суд «местного, отчасти выборного элемента»[225]. Главные черты военно-народного управления: 1) Единоначалие; 2) Возможность быстрого перемещения и призыва войск; 3) Народный суд[226].

Как правило, активное воплощение в управленческой практике на Северном Кавказе принципов «военно-народного» управления

связывается с именами наместников Кавказа М.С. Воронцова (1844-1854) и А.И. Барятинского (1856-1862). Хотя, по мнению кавказского историка, начальника военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа С. Эсадзе, опиравшегося в своих исследованиях на богатый фактический архивный материал «..творца этой системы трудно определить, так как она создавалась во время военных действий и под влиянием военной обстановки»[227]. Действительно, идея создания системы «военно-народного» управления не возникла в одночасье в коридорах кавказских или центральных властей. Военно-народное управление создавалось под влиянием обстоятельств, не терпящих отлагательства, ещё в ходе многолетней Кавказской войны. Несомненно, элементы военно-народного управления внедрялись с самого начала войны и постепенно укоренялись в виде распоряжений военных начальников, в руках которых сосредотачивалась обыкновенно и гражданская власть.

С завершением Кавказской войны назрела необходимость изменить структуру управления краем, которая до этого строилась не по принципу отдельных административных единиц, а подразделялась на территориальные районы военных действий отрядов Кавказской армии (Правое крыло, Левое крыло и т.д.). Возникла необходимость в создании самостоятельных административных единиц (область, наибство) военно-народного управления и центральных учреждений для руководства и регулирования управления подданными[228].

В специальной исторической литературе вопрос о генезисе, становлении и развитии военно-народного управления остаётся малоизученным. Происхождение этой формы правления, вероятно, связано с воеводской системой, претерпевшей соответствующую трансформацию. Обращает на себя внимание тот факт, что она фиксируется, как правило, на окраинных территориях, присоединённых в результате военных действий. Система военно-народного управления присутствовала в Средней Азии и Казахстане. Несомненно, она имела здесь некоторую специфику. В отличие от Кавказа, где этот термин соотносился в основном с горскими народами, здесь он распространялся преимущественно на кочевое население. Однако сущность этого понятия определялась его ведущим смысловым компонентом, выражавшим объединение функций военной и гражданской власти. Кроме того, в нём отразилось и сохранение традиций местных «народных органов». Под «народными органами» имелось в виду управление по старинным родоплеменным обычаям, базировав-

шимся на «народных» выборных началах, а также судопроизводство по написанным законам и шариатским нормам.

Рассматриваемая форма административного управления имела свои подвиды. Своеобразным вариантом являлась кантональная система в Башкирии, введённая в конце XVIII в. для перевода служилых башкир и мещеряков в военное сословие. Немалую роль в её зарождении сыграло стремление царских властей ослабить накал социального напряжения в Приуралье. Прежде всего, надо было сбить волну перманентных восстаний башкир, наивысшей точкой которых стало участие их в пугачёвском движении 1773-1775 гг. Согласно Указу от 10 апреля 1798 г. создаётся 11 башкирских и 6 мещерякских кантонов. Эта система, призванная также пополнить малочисленный состав оренбургских и уральских казаков, просуществовала до 1865 года[229].

Военно-комендантская система преимущественно служила формой административного устройства на переходном этапе от временного к стационарному управлению, и поэтому ей был присущ ряд существенных недостатков. Главным образом это выражалось в отсутствии твёрдо установленных правил судопроизводства, норм сбора налогов и контроля за деятельностью администрации. Применительно к Северному Кавказу XIX века военно-окружная система выступала как составная часть военно-народной формы правления[230].

В 1852 году, в качестве эксперимента в перешедшей к России части Чечни было создано самостоятельное военно-административное управление, получившее название Чеченского управления. Военно-народная система управления горцами, разработанная А.И. Барятинским, рассматривалась в Петербурге как «временная, краткосрочная мера». Российское правительство имело своё собственное видение вопроса о дальнейшем административном развитии чеченских обществ. Так, в 1852 году военный министр В.А. Долгоруков сообщал главнокомандующему на Кавказе М.С. Воронцову секретное указание Николая I « об окончательном устройстве покорных чеченцев». По мысли императора, наиболее целесообразной формой административного развития Чечни являлось слияние чеченцев с казачьим населением. Для достижения этой цели Николай I предлагал Воронцову «исподволь и постепенно вводить их в круг обязанностей казаков», привлекать к военным действиям «особыми командами при казачьих полках, соблюдать благоразумную осторожность и не оскорблять обычаев их». Николай I даже делал прогнозы возможного причисления аулов Малой Чечни к восьмой казачьей

бригаде; что касается Большой Чечни, то её причисление « к бригадному округу», – считал он, – «укажет дальнейший ход дел». Примерно такой же императору виделась перспектива «обустройства» и других горских народов, живших по соседству с Кавказской линией[231]. В «Записке Главного штаба Кавказской армии о преобразовании приставских управлений на Кавказе», составленной в 1858 году, отмечалось, что 4-х летний опыт деятельности Чеченского управления «вполне оправдал цель своего учреждения»[232].

Чеченское управление состояло из начальника и народного суда, т.е. возрождённый прообраз традиционного « Мехк-кхел», ликвидированного во время имамата Шамиля. Начальником Чеченского управления был назначен полковник А.И. Барталомео. В его подчинении находились 2 офицера, помощник и несколько конвоев из милиции. При суде состояло 2 переводчика, главный кадий и 3 старейшины, знавшие правила адата. С учреждением военно-административного аппарата управления на основе «Прокламации Чеченскому народу», обнародованной за подписью главнокомандующего армией Барятинского, был составлен свод законов – «Правила для управления покорёнными чеченцами», которыми должны были руководствоваться власти. Свод был переведён на арабский язык[233].

1 апреля 1858 года было издано «Положение об управлении Кавказской Армией», которое предусматривало включение в состав Главного штаба особого отделения «по горским народам», не вошедшим в состав гражданского управления[234]. Это «Положение» явилось первым законодательным утверждением системы «военно-народного управления», фактически сложившейся по мере завоевания края[235]. Однако в нём не было ни общих, ни частных определений о порядке управления, кроме обозначения штатных должностей. Дальнейшее развитие военно-народного управления, с входящей в его состав судебной частью, последовало не в законодательном, а в инструкционном порядке, и притом с постепенным ограничением участия в нём народного элемента. Введённые князем Барятинским «военно-народные» управления носили преимущественно полицейский характер и могли служить только переходным этапом от военного положения к гражданской жизни. Сами чиновники в неформальной обстановке называли данное управление «военным»[236].

Формально управление Терской и Кубанской областями осуществлялось на основании общих губернских учреждений, но с многочисленными изъятиями и прибавлениями, которые обусловили его полувоенный

характер и неограниченную власть начальников области, округа и даже участка над подчинённым горским населением. «Сущность системы военно-народного управления, говорил сенатор Н.М. Рейнке, – состояла в том, что в покорённых землях управление вверялось военачальникам, с привлечением к участию, как в низшей администрации, так и в суде, местного, отчасти выборного элемента»[237]. Порядок административной регламентации, как более гибкий, представлялся более целесообразным. Местному населению не дано было право самоуправления[238].

В 1860 году «Кавказская линия», потерявшая своё значение как «пограничной кордонной черты», была упразднена[239]. 24 мая 1860 года генерал-фельдмаршал Барятинский издал Приказ о создании при Главном штабе Кавказской Армии «Канцелярии по управлению кавказскими горцами». В 1865 году оно было переименовано в «Кавказское горское управление», а в 1880 году в «Кавказское военно-народное управление»[240]. В 1883 году «Кавказское военно-народное управление» упразднили, а состоявшие в его ведении областные управления были подчинены непосредственно Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе. Начальнику Терской области присвоили права Военного губернатора и учредили при нём военную канцелярию[241].

Инертность местных органов военно-народного управления и стремление только отписаться от запросов начальства проникло во все дела, которые поэтому и не разрешались не только годами, но даже десятилетиями, как, например, важнейшие земельные дела в Терской области[242]. Русская власть старалась соприкасаться с горцами только тогда, когда с населения нужно было взыскать налог или штраф, посадить в тюрьму или выслать из области. Ограничения в деятельности, невозможность гласного обсуждения своих дел и вынужденные негласные обращения к власти неминуемо вызывали у населения раздражение. Гласная совместная работа русских и горцев в земствах и административных органах могла бы до известной степени устранить это нежелательное явление[243]. Один из современников той эпохи констатировал : «..Испытанная долгими годами система административной опеки, кроме горького разочарования, иных результатов не принесла… Уже и наместник, и передовая часть населения поняли, что если ввести в области земское самоуправление, сами туземцы, сделавшись хозяевами своей судьбы, не замедлят проявить всю свою богатую энергию в области материальной и духовной на пользу не только себе и окружающим, но и общему нашему отечеству – Великой России»[244].

Администрация военного типа, с военными правителями во главе, поддерживаемая силами армии и Терского казачьего войска, не собиралась расширять демократические порядки в регионе, который считала чрезмерно «взрывоопасным»[245]. О том, чтобы администраторы изучали язык коренных жителей Кавказа, их обычаи и понятия не было и речи. Горцам не разрешалось вмешиваться в административные и хозяйственные дела, от которых зачастую зависело не только их благосостояние, но и жизнь[246]. Даже небольшой демократический элемент в военно-народной системе управления резко ограничивался разными условиями, например, выборные представители суда должны были находиться под ведением назначаемого от правительства лица, которое должно было наблюдать за применением адата [247].

Начальник Военно-исторического отдела Штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Чернявский, объясняя, почему после покорения Восточного Кавказа здесь пришлось вводить «военно-народное управление», ссылался на то, что «…прошлая история горских племён и неумение оценить милости Царя, предоставившего многим из них собственных правителей и допустившего у них собственное самоуправление в широком смысле, доказали, что для этих диких народов подобные льготы ещё рановременны. Одного внешнего надзора за горцами недостаточно, так как в этом случае угроза новых возмущений с их стороны остаётся. Здесь нужна сила повелевающая, обуздывающая и управляющая. Военно-народная система, при которой каждый административный начальник являлся в то же время военачальником, имевшим право высылать вредных жителей в административном порядке, а, в случае необходимости, для прекращения беспорядков, употреблять силу оружия, вполне соответствовала данному требованию»[248].

С. Эсадзе указывает на то, что политические и экономические условия, в которых оказался Кавказский край при длительном противостоянии горцев и русских, фактически делали неизбежным формирование особых принципов управления в данном регионе. Военный характер управления покорёнными горцами Эсадзе объясняет достаточно просто. В период ожесточённого противоборства вопросы экономического и гражданского устройства края отодвигались на «задний план», а вопросы безопасности главенствовали во всём[249].

Известный публицист, разрабатывавший теорию колониального господства России в Азии, бывший адъютант наместника Барятинского Р.А. Фадеев, чрезвычайно высоко оценивая преимущества выработан-

ных при фельдмаршале А.И. Барятинском форм «военно-народного» управления горцами, считал, что данное управление является, хотя и в первоначальном виде, образцом управления для новых потенциальных азиатских владений России. Эта, по его мнению, именно та форма правления, которая не отталкивает от себя население и не обращает новые приобретения в бремя для государства[250]. В некотором смысле он был прав, имея в виду, что уже с 60-х годов XIX века весь административный аппарат в Чечне и Ингушетии содержался в основном на средства, собираемые с народа[251]. Административное устройство региона было подчинено интересам фискальной политики царизма[252].

Военно-народная система представляла большие возможности для злоупотребления чиновников, за что её постоянно критикуют современные учёные-кавказоведы, однако она же обладала рядом важных преимуществ. Военные начальники не были втянуты во внутреннюю борьбу в горских обществах, большие полномочия позволяли им оперативно реагировать на любые чрезвычайные ситуации, – быстро пресекать междоусобицы и мятежи. Участие в управлении представителей населения, использование в судопроизводстве адата и частично шариата позволяло приспосабливать российское управление к обычаям горцев, их складу ума и поведения [253].

Последнее десятилетие имперского управления на Северном Кавказе показало, что военно-народная система управления, созданная для обеспечения покорности горцев и укрепления позиций российских властей в регионе после завершения Кавказской войны, исчерпала свой прежний стабилизирующий потенциал. В новых социально-политических и экономических условиях стало очевидным, что эта система уже не только не способна гарантировать поддержание политической стабильности в крае, но и сама в определенной мере становится причиной данной нестабильности, препятствуя созданию условий для удовлетворения растущих потребностей населения, консервируя устаревшие принципы управления горцами. Среди российских чиновников постепенно крепло мнение о возможности отказа от прежней системы управления горцами, но при этом по-прежнему не предполагалось в полной мере распространять на регион общеимперскую систему управления, предлагались лишь различные компромиссные варианты административно-судебного устройства для горцев[254].

С упразднением наместничества была намечена и ликвидация военно-народного управления путём передачи всех местностей, находящихся в ведении Военного министерства, общей гражданской администрации

по линии Министерства внутренних дел. Инициатором здесь выступило как раз Военное министерство, желавшее переложить в принципе не свойственные ему функции по ведению всех административных дел военно-народного управления на других. Разработанный в Петербурге в конце 1881 г. проект реформы административной системы Кавказа характеризовался стремлением приблизить эту систему к общероссийским стандартам и максимально сократить автономию региональной администрации. На замечания Михаила Николаевича относительно необходимости сохранения военно-народного управления Александр III представил следующую резолюцию: «Это всё, конечно, князь Дондуков выяснит на месте. Моё убеждение, что многое можно сократить и упростить». Были отвергнуты доводы наместника о сложности выполнения задачи разоружения кавказских горцев (с резолюцией «По – моему, это только отговорки») и важности поддержания на Кавказе крупного военного контингента. Однако руководство Министерства внутренних дел признало свою неготовность к поддержанию безопасности в занятых коренным населением районах Кавказа [255]. Пока проект рассматривался в петербургских коридорах власти, в 1887 году возник вопрос о необходимости поднятия угасающего на Кавказе духа казачества как оплота империи на южных рубежах. В правительственных кругах пришли к заключению, что Кубанское и Терское казачьи войска потеряли присущие им воинские доблести. Объяснение этому явлению находили в том, что в администрации данных областей преобладает режим гражданский, а не военный. Поэтому было разработано и высочайше утверждено в марте месяце 1888 года новое «Учреждение управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом», по которому управление этими местностями возлагалось на Военное министерство[256]. 16 апреля 1888 года последовал приказ по Военному ведомству, который, не меняя в целом системы управления Терской областью, всё административное и полицейское управление области, за исключением Отдельного корпуса жандармов, в полном объёме, передавал из Министерства внутренних дел в ведение Военного министерства. С этого времени в Терской области был узаконен военно-полицейский режим[257]. Отныне военная и гражданская власть на местах сосредотачивалась в руках казачьей администрации. Военно-казачьей администрации в лице начальника области и атаманов отделов подчинялось не только войсковое, но и иногороднее и горское население. Как первые, так и вторые не были представлены в органах управления на уровне области и отделов[258].

После 1888 г. реформа военно-народной системы была практически похоронена. Передача управления Терской и Кубанской областей под контроль военного ведомства во многом сняла данную задачу с повестки дня. Кроме того, отношение в верхах к этой системе со временем изменилось. В 1895 году Николай II при чтении всеподданнейшей записки преемника Дондукова – Корсакова на должности Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе С.А. Шереметева подчеркнул встретившееся в тексте выражение «военно-народная система» и поставил против них резолюцию «Самая лучшая на Кавказе». Министерство внутренних дел, разумеется, было не в состоянии самостоятельно, без участия представителей кавказской администрации, подготовить новый проект реформы. Дондуков – Корсаков, которого вполне устраивала действовавшая система военно-народного управления, не торопился представлять новый проект реформы, тем более, что с формальной точки зрения задачу, поставленную перед ним правительством (подготовка административной реформы на Кавказе) он выполнил. К тому же вскоре представился законный повод к тому, чтобы отозвать подготовленный им проект из Петербурга: преобразование системы управления Терской и Кубанской областей. Главноначальствующий, сославшись на необходимость согласовать свой проект с изданным в 1888 году «Учреждением управления...» этих областей, потребовал от Министерства внутренних дел вернуть ему подготовленные в 1885 году документы. Это требование было выполнено. Неудивительно, что кавказская администрация на запросы министерств о судьбе проекта реформ могла отговориться занятостью.

Устойчивость кавказской «обособленности» на протяжении всей второй половины XIX века, как представляется, обуславливалась далеко не только личными качествами представителей региональной администрации, но и искусством бюрократической интриги администрации, заинтересованной в защите своих интересов на Кавказе. Иначе сложно объяснить, к примеру, столь резкую перемену во взглядах А.А. Шепелева, который буквально за несколько месяцев до своего назначения на Кавказ, предлагал отменить военно-народную систему, а в Тифлисе, превратился в её убеждённого соперника[259].

Паспортная система служила для администрации Терской области излюбленным средством стеснения даже хорошо ей известных лиц[260]. Терские горцы, в случае появления своего за Кубанью или в других частях Российской империи без паспортов, считались бродягами и злоумышленниками и как таковые наказывались[261].

Сложившаяся к началу XX века система административного управления в Кубанской и Терской областях всё заметнее приходит в противоречие с укрепляющимися на Северном Кавказе капиталистическими отношениями. Наиболее уязвимой её частью являлось устранение не войскового населения от реального участия в управлении[262]. Неразделённость функций управления отдельными отраслями народной жизни, нередко отсутствие специальных знаний у должностных лиц, невозможность, и иногда и нежелание охватить вниманием все стороны жизнедеятельности населения, наложенные на его инерцию и консерватизм, вызванные различными запретами, становились тормозом в хозяйственном, культурном развитии местностей военно-народного управления. Для улучшения ситуации требовалось внесение изменений в судебное устройство, особенно по части влияния административной власти на судебные решения, но при использовании достоинств народного суда с его представителями от населения и учётом местных обычаев. Ликвидация военно-народного управления должна была повлечь за собой реорганизацию судебной системы. Принципиальным было бы выведение суда из сферы влияния административной власти, а это связывалось с распространением на край Указа от 12 декабря 1904 года, обязывавшего строго соблюдать в судопроизводстве внутренних губерний России принципа разделения административной и судебной властей[263].

После восстановления наместничества генерал-адъютантом И.И. Воронцовым-Дашковым были подвергнуты критике недостатки военно-народного управления[264]. Наместник полагал неуместным до сих пор существовавшее полновластие военного ведомства в Кубанской и Терской областях, где численность гражданского населения даже превышала казачье население. «Военные губернаторы и окружные начальники с их помощниками, – считал наместник, – состоя на службе по военному ведомству, ныне уже являются представителями не армии, а чисто гражданского управления, и функции их не заключают в себе ничего военного, а представляются только объединёнными в руках этих должностных лиц функциями обычных губернских и уездных управлений»[265]. И.И. Воронцов – Дашков внёс предложение о применении к соответствующим местностям системы губернского управления, выработанной для внутренних районов России. А в основу плана реформирования сельского управления мыслилось положить земский принцип, начала действительного самоуправления.

Напомним, что согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях»(1864), в национальных районах (Польша, Кавказ и др.) земства не вводились[266]. Вопреки распространённому взгляду о неподготовленности Кавказа для восприятия начал земского самоуправления, граф Воронцов – Дашков, наместник Кавказа твёрдо надеялся, что именно с помощью земских учреждений можно быстрее достигнуть умиротворения края. Но реализовать эти планы и предложения не удалось[267].

Введение земства в Терской области означало бы конец самоуправству чиновников. Общероссийское юридическое законодательство полноправно распространилось бы на данный регион. Однако местные бюрократы опасались потери своей абсолютной власти и докладывали в вышестоящие инстанции, что горцы ещё не готовы к принятию земской системы. Однако, по мнению Ю.П. Проценко, именно горцы, как ни какое другое население империи, было готово к самоуправлению. « В умении понимать свои потребности, – писал он, – в сознании необходимости соединять частные усилия на общие цели, например, в прокладке дорог, канав, никакой горец не уступит русскому мужику, в чём свидетельствуюсь своим 19-летним знакомством с кавказскими горцами»[268].

14 января 1914 года 37 членами Государственной думы было внесено законодательное предложение «О введении земских учреждений в Терской области». По заявлениям депутатов «…Сама система управления горцами как бы нарочно создаёт и закрепляет атмосферу недоверия к власти»[269].

М.Т. Драгоманов, широко образованный человек, с 1876 года бывший политическим эмигрантом за границей, отмечал недостатки системы управления в Российской империи. «Когда мы задались мыслью, что вечно стоять с поднятой палкой неприятно и неудобно для нас, – писал он в своих “Политических сочинениях”, – когда сообразили, что полицейская диктатура есть явление исключительное, а не нормальное, надо было изыскать средства реорганизации страны…Новая система состояла бы в поднятии на окраинах коренных народностей, в уважении к каждой коренной народности в её пределах, в помощи массам каждой народности в экономическом и культурном отношении, – словом, в системе правления симпатий всех масс населения на окраинах мерами, ведущими к материальному и нравственному развитию их сообразно их нуждам и характеру. Так нет, система эта показалась что-то слишком уж необычной и новой»[270].

Противники отмены военно-народной системы на Кавказе, как и прежде, ссылались на то, что, несмотря на желательность данной меры, ввиду «исключительных свойств населения», осуществлять ее опасно, так как это может вызвать восстание. Департамент полиции, не поддержавший в 1908 г. инициативу наместника, указывал на то, что предварительно необходимо поднять культурный уровень населения в местностях с военно-народным управлением. Таким образом, возникал парадокс: система военно-народного управления, по мнению одних царских чиновников, тормозила культурное развитие населения, ей подведомственного, но для того, чтобы ее упразднить, по мнению других, необходимо было дождаться, когда у этого же населения культурный уровень возрастет[271].

В последний раз перед мировой войной вопрос о военно-народном управлении на Кавказе затрагивался на заседании Государственной думы в августе 1913 года, где было принято решение рекомендовать наместнику разработать проект закона об упразднении «военно-народной системы» и замене её административным устройством на общих основаниях с остальными местностями края.

После вступления России в мировую войну какие-либо изменения в системе управления стали возможны только в оборонительных и охранных целях. Таким образом, военно-народное управление просуществовало на Кавказе вплоть до революционных событий 1917 года[272].

4. Бюрократия

Благонадёжная администрация – это та опора, с помощью которой должно было строиться здание российской (колониальной) административной системы, особенно в русле задач, стоявших перед правительством применительно к Кавказу и вообще к окраинам империи, а именно – приобщение их к общероссийской государственности и гражданственности. Улучшение контингента чиновников – величина константная во всём спектре деятельности Кавказской администрации[273]. Военно-административная власть ощущала недостаток в опытных и благонадёжных чиновниках, которые вполне осознали бы важность своего призвания. Кроме того, возрастала потребность в людях, владеющих местными языками и являющихся соединительным звеном между администрацией и населением. Важно было также создать надёжное

чиновничество из высших слоёв коренных жителей. Русская администрация отличалась широтой своего размаха. Беспорядок, вымогательство, расхищение казначейства стали почти обыденными явлениями. Злоупотребления властью, взяточничество, незаконное присвоение чужого имущества, вплоть до «грабежей на большой дороге» (этим занимался ещё при Ермолове чеченский пристав Чернов), – всё это было связано с действиями высшей администрации. И верхушка в этом отношении нисколько не уступала низам. Автор « Военных заметок о кавказских горцах», написанных около 1840 года; человек, которого никоим образом нельзя обвинить в сочувствии горцам, отметил хищническое «хозяйничанье» царских администраторов. «Кавказская служба, – писал он, – как дойная корова: кто пришёл, подоил и ушёл, и клока сена ей не бросил и оттого бедная корова чахнет»[274]. Со временем контингент бюрократии не становился лучше, и главнокомандующий А.П. Ермолов забил тревогу, поставив перед правительством вопрос о составе кавказских чиновников, «…кои почти все без познаний, а многие даже оказались не только не способными к исправлению дел или к переписке набело бумаг, но ещё и с дурным и развратным поведением»[275]. Относительно лихоимства командовавшего Сунженской линией генерала Пулло мы знаем, что он перешёл в этом отношении все пределы возможного даже в условиях николаевской России, даже на окраине этой России. Французский консул в Тифлисе де Кастильон, прямо называет в качестве одного из поводов к Чеченскому восстанию 1840 г. вымогательство генерала Пулло; сбор трофеев, захваченных в экспедициях по Чечне. Но до весны 1840 г. он твёрдо держался на своём месте начальника левого фланга, и только события 1840 г. привели к удалению его с должности под благовидным предлогом. Большинство фактов обогащения высшей администрации на Кавказе во время войны, да и после её завершения остаются, разумеется, неизвестными. Но кое-что просочилось даже в историческую литературу. Дело майора Корганова немного приоткрыло завесу, под которой тщательно скрывали гомерические размеры наместнической наживы и её методы. И здесь весь обычный арсенал способов обогащения, пускаемый в ход администрацией, в соединении с расхищением родовых земель и обогащением чеченской администрации, привели в результате к широкому крестьянскому восстанию. Даже чеченцы-приставы нередко грабили вверенное им население с большим усердием, но грабёж этот был лишь небольшой долей того общего грабежа, который проводился царизмом в завоёванных областях. Те из влиятельных чеченских семей,

которые сумели присоединиться к пиру завоевателей, получали лишь жалкие крохи с их стола. Ограбление новых подданных царизмом шло в это время колоссальными темпами. У новых граждан империи под предлогом взимания податей и штрафов отбиралось лучшее оружие и другие, совершенно безвредные, но ценные вещи повседневного обихода[276]. Б. Чичерин констатировал следующее: «Допустив беззаконие в свои учреждения, государство привыкло к нему. Чувство права, чувство законности, и без того не слишком сродные русскому человеку, стали совершенно ему чужды. О справедливости в общественных отношениях и установлениях нет и речи. Произвол никого не удивляет и считается, чуть ли не нормальным явлением в обществе. На самые безобразные установления мы смотрим равнодушными взорами, и каждый хлопочет только о том, чтобы как-нибудь обойти тягостный для него закон»[277].

Начальник Терской области, князь Д.И. Святополк – Мирский докладывал руководству, что он сталкивается с серьёзными затруднениями при выборе начальствующих лиц. Но правительство так и не сумело выработать каких-либо иных механизмов для привлечения к службе в гражданских ведомствах на окраинах, кроме как предоставления льгот. Произвол, незнание законов и особенностей вверенных в управление областей, взяточничество были особенно характерными для администрации отдалённых окраин[278].

Из дневника Н.Н. Муравьёва – Карского мы также почерпнули информацию о чиновничьем произволе, царившем на занятых территориях. Дух и направления, водворившиеся во всех частях управления на Кавказе, – описывал он, – всё для вида, ни в чём прочности и основания. Везде первенствовали личные виды, хождение к начальству и совершенное пренебрежение их к обязанностям и труду, от которого совсем отвыкли, о котором думать перестали и за который никто не помышлял приниматься»[279]. Служба на Кавказе являлась неприятным искусом, скучным прогоном на пути бюрократической карьеры. «Чем короче перегон, тем лучше. Останавливаться на интересах Кавказа нет ни времени, ни охоты» – рассуждали некоторые царские чиновники[280].

За десятилетнее управление Кавказом, при беспрерывных военных действиях с горцами, сопряженных с неимоверными трудностями, Алексею Петровичу Ермолову приходилось постоянно бороться с различными злоупотреблениями, оплошностями и нерадивостью, как военного, так и гражданского ведомства. В таких случаях главнокомандующий не церемонился с подчиненными. С нерадивыми он расправ-

лялся совсем уж по патриархальному. А.П. Ермолов приглашал провинившихся в кабинет, где «беседовал» с ним с «глазу на глаз». На манер петровской дубинки он пускал в ход нагайку, которая гуляла по спине и плечам приглашенного. Когда же генерал находил достаточным внушение, то, отпуская своего гостя, при раскрытой двери кабинета завершал беседу самыми ласковыми словами, так что все видели, как дружески расстался главнокомандующий с выходящим от него. Того, кто изведал ермоловскую нагайку, Алексей Петрович называл своим крестником, и эта кличка оставалась за ним навсегда. Некоторые из них впоследствии дослужились до генеральских чинов и, когда они приезжали к Ермолову в Москву, тот неизменно встречал их словами: «А, мой крестник пожаловал!»[281].

Некоторые кавказские чины испытывали психологический дискомфорт. Так, например, князь П.Д. Цицианов пытался выйти из заколдованного круга желания стать «нравственным учителем азиатов» (осуждая свойства их натуры, принципы политики) и …необходимости имитирования «позорных обычаев» (сознавая неизбежность на Востоке азиатских методов борьбы). Общее представление русского человека, воспитанного в традициях западно – европейской культуры о Кавказе, его отношение к данным землям как к полю для собственной деятельности; наконец, рассуждения о необходимости их для России – составные части огромной важности темы: антитезы и линии взаимодействия Запада и Востока[282].

Самодовлеющее положение российского чиновничества, система чинопроизводства усиливали влияние бюрократии. Многочисленные служебные ранги и огромное число награждений (орденов), сопровождавших всякое повышение в чине, превращали службу в погоню за чинами, повышениями, наградами, прибавками к содержанию. Как писалось в одном из документов: «Чиномания и крестомания составляют общую хроническую болезнь всех служащих». Кавказ был той окраиной Российской империи, где служба оговаривалась специальными льготами. За приезд сюда давался чин коллежского асессора, равный майору по табелю о рангах. Прослужившему 5 лет в военно-народном управлении прибавлялась четверть оклада, за 10 лет – половина, 15 лет – 3/4 оклада. Если чиновник прослужил 20 лет – его оклад удваивался. При расчёте пенсий служивших в условиях военно-народного управления, 5 лет шли за 7 [283]. 22 июня 1870 года АлександрII предоставил наместнику на Кавказе право ежегодно ходатайствовать о денежных наградах чинам Главного управления на-

местника и административных учреждений Кавказского и Закавказского края, а также чинам канцелярии судебных учреждений – всего на сумму 14 тыс. рублей[284]. Подчиняясь только царю, наместник мог, пользуясь собственным влиянием, обеспечить карьеру и верность любого офицера армии; в то же время он был в состоянии добиться того, чтобы мнения его советников на местах перевесили мнение столичных властей. Результатом этого стал тот факт, что все чины, служившие на Кавказе, делали карьеру целиком в пределах этого региона и составляли нечто вроде корпорации со своими собственными интересами и традициями, совершенно отличную от прочей Российской армии[285].

С назначением на должность гражданской службы канцелярский служитель или чиновник получал содержание (зарплату), которое состояло из жалованья, столовых денег, квартирных денег или казённой квартиры. Через государственную службу чиновник мог получить потомственное дворянство[286]. В 90-х годах XIX века начальник Терской области получал 7000 рублей в год; начальник округа 2000 рублей; аульный старшина от 120 до 240 рублей[287]. В трёх горских словесных судах: Грозненском, Веденском и Шатоевском работали по 1 кадию, каждый из которых в год получал по 200 рублей жалованья[288].

В рядах кавказского чиновничества первых призывов находились главным образом неудачники и мелкие карьеристы, соблазнившиеся преимуществами службы в крае. «Людьми зелёного цвета» назовёт чиновников В.А. Соллогуб. «Есть на свете особый класс людей, – пишет Саллогуб, – маленькие, пронырливые; они служили когда-то в отдалённых губерниях. Как они служили, и что они делали в отдалённых губерниях, – неизвестно; известно только, что они начали службу с десятью рублями и кончили с полумиллионом»[289]. Н. Семёнов, долго живший среди чеченцев, делится с читателями своими размышлениями на данную тему. «Интересно, – пишет он, – что русских они ещё делят на настоящих и не настоящих. Настоящий русский, – в этом чеченцы сильно убеждены – человек в высшей степени добрый, снисходительный, прямодушный и справедливый; настоящий русский никогда не обижает, а напротив, всем покровительствует. Он всегда богат и живёт роскошно, не жалеет копейки; за заслуги платит щедро и зла никогда не помнит. Но царь ими дорожит и не отпускает их от себя». Н.Семёнов замечает, что чеченцы очень часто обсуждали предполагаемые реформы, различные общественные вопросы, начальство и вообще очень живо интересовались политикой[290].

В первое время после покорения Кавказа русская администрация для проведения тех или других реформ прибегала к содействию самих туземцев, собирая представителей горских племён на большие народные собрания. Затем в основу управления был положен бюрократический централизм, со своим неизменным спутником – бюрократическим произволом[291]. Горцы, видя возле себя русское население, пользующееся большей самостоятельностью в своих внутренних делах, невольно начинали чувствовать себя в бесправном положении. Вместе с тем и русское население начинало свысока относиться к туземцам, как к людям, которым не доверяют власти[292].

В первые годы после завершения Кавказской войны власть в некоторых районах была предоставлена бывшим шамилёвским наибам и кадиям, которые, перейдя из наибов в поручики и майоры, со службы имаму на службу царю в рамках военно-народного управления, сохранили свои прежние, властные полномочия. Последствием такой политики, кроме чисто военных целей – приобретение союзников в лице бывшей шамилёвской знати для борьбы с имамом; стало относительно беспрепятственное утверждение российской администрации в Чечне и Дагестане, в условиях роста терпимости к русским властям[293]. В 1860 году Глиноецкий, путешествовавший по Дагестану, отметил следующую стадию этой политики : «..почти все лучшие шамилёвские мюриды находятся в настоящее время в милиции, окружающей генерал-майора Лазарева». С первого же момента вступления своего в горную Чечню царизм почувствовал возможность использования руководства имамата в будущем и позаботился о его спасении. Царизм уничтожал власть имама, но он не желал действительного истребления горской верхушки, великолепно сознавая, что с ней сговориться можно и что её необходимо будет ещё использовать для утверждения своего владычества в горах. Вот почему русское командование вдруг стало проявлять исключительную любовь к своим врагам, немедленно начав поиски полезных компромиссов, предоставляя защиту недавним неприятелям[294]. Многие наибы Шамиля, управлявшие в Чечне, запятнали свою репутацию в глазах народа, казня по приказу имама людей. Родственники убитых обязаны были отомстить им за содеянное. В 1858 году Н.И. Евдокимов в одном из своих рапортов сообщал руководству: «Начавшееся в Шатое восстание быстро разлилось до приделов Грузии. Жители устремились с ожесточением на всех и на всё, что олицетворяло в их глазах мюридизм. Во всех обществах, которые могли рассчитывать на поддержку с нашей стороны, народ стал

резать без разбора начальников, поставленных от Шамиля, кадиев и мулл, присланных из Тавлии (Дагестан), составляющих большинство мусульманской иерархии у горных чеченцев, и вообще людей тавлинского происхождения, находящихся в их стране»[295].

Царизм закрепил свой союз с верхушкой имамата, официально признав в одном весьма любопытном приказе необходимость её использования: «…Мстить наибам и мазунам за какое-нибудь смертоубийство, совершённое ими по приказанию Шамиля, есть большое преступление перед русским правительством. Поэтому строго воспрещается всему покорившемуся горскому народу, члены которого пострадали через наибов и мазунов от жестокости Шамиля, посягать на жизнь наибов и мазунов или делать им какой-либо вред, и кто поступит против этого, тот, как важный преступник, со всем его семейством будет наказан ссылкой в Сибирь навсегда». Этот приказ, опубликованный 15 мая 1859 года, как нельзя лучше показывает направление политики царизма. И если правительство, которое перед этим почти два десятка лет кричало о притеснении наибов, взяло этих же самых наибов под своё покровительство, то это доказывает лишь существование его союза с верхушкой имамата. Из двух слоёв, составлявших население имамата, – аульской верхушки и аульской крестьянской массы – царизм наиболее опасным врагом считал не первую, а вторую и, разумеется, имел для этого вполне достаточные основания[296]. Практика привлечения отошедших от Шамиля видных деятелей мюридизма активно проводилась наместником Барятинским на последнем этапе военного противостояния с горцами. Однако этот военачальник не считал возможным принимать на службу в военно-административный аппарат значительное количество горцев. В одном из своих писем князь А.И. Барятинский писал: «Передать ли управление совершенно в руки туземцев – вопрос: ибо этим мы можем удалиться от введения в будущем русских порядков, долженствующих служить к слиянию этого народа с Россией»[297]. В 1862 году князь Барятинский докладывал императору: «В Чечне господствует безопасность и абреки преследуются жителями и они быстро восстанавливают своё благосостояние»[298].

Общей системой управления Кавказом князя Воронцова было проводить во все управления, по возможности, туземных чиновников. А.П. Карцов, занимавший на Кавказе высокие посты, даже в середине 90-х годов XIX века констатировал, что «..среди горцев мы всё ещё стоим военным лагерем». Тем не менее, он не считал возможным широкое при-

влечение туземцев в административные органы из-за того, что «вышло бы нечто вроде автономии, а русская власть была бы в стороне»[299]. Не смотря на это, А.П. Карцов очень высоко отзывался о чеченцах. «Нельзя не сказать, – писал он, – и о крупных их достоинствах, которые не мешало бы позаимствовать нашей славянской распущенности. Обоюдная помощь и единение – необыкновенные. Трезвость повсеместная, высокая нравственность и бережливость»[300].

Руководство Терской областью осуществляли разные чиновники, зачастую с диаметрально противоположными взглядами на проводимую в крае политику. В связи с этим и той практически неограниченной властью начальника области над горцами, роль личности в истории безусловно была велика, в связи с чем возникает потребность более пристального изучения руководящего состава кавказского региона. 17 октября 1860 года было Высочайше утверждено временное соединение Кубанской и Терской областей под управлением графа Н.И. Евдокимова[301]. Генерал-адъютант граф Николай Иванович Евдокимов (1804-1873) был из простых крестьян. Во время Кавказской войны, в 1831 году, был тяжело ранен – пуля попала под правый глаз и рана не заживала, за что горцы прозвали его «трёхглазым»[302]. Генерал-адъютант Евдокимов, предпочитавший в отношении горцев жёсткие, силовые меры воздействия, в вопросе о возможности привлечения горцев на административную службу проявлял гибкость и прагматизм. Он утверждал: «Мне нужно только убедиться, что у черкеса хорошая голова на плечах, и тогда в управлении над туземцами я дам всегда ему предпочтение перед русскими ; это потому, что в жизни туземцев есть неуловимые оттенки в их обычаях для русского ума… Русскому чиновнику, хотя и умному, нужно много прожить между туземцами, чтобы изучить все точности народных обычаев, а до того он сделает много ошибок, чего избегнет умный черкес»[303].

В первые годы существования Терской области русские офицеры на должности начальников участков назначались в те округа, где население уже привыкло к русской власти и многие знали русский язык. Там же, где население ещё не было «подготовлено», власти считали более полезным на должности начальников участков привлекать туземцев. Подобная мера предусматривалась «Положением об управлении Терской областью» 1862 г., в первую очередь для Чеченского, Аргунского, Ичкеринского и Нагорного округов и рассматривалась как уступка правительства населению, незадолго перед этим признавшего его власть[304]. По свиде-

тельствам управленцев среднего звена, работа горской администрации признавалась удовлетворительной. Если и бывали злоупотребления, то они не вызывали жалоб и не касались правительственной власти. Одним из главных достоинств «туземной администрации» считалась дешевизна её содержания для государственной казны[305]. Горцы – чиновники, по мнению Ф. Гершельмана, были не только полезны, но, безусловно необходимы: знание условий края, бытовой стороны и местного языка делали их назначение неизбежным. Однако тут же он оговаривался, что не стоит назначать их на административные должности в их родные районы « из-за их обязательных отношений с родственниками и родовой мести»[306]. В Терской области на многие военно-административные должности стали назначать уроженцев Кавказа, не являвшихся коренными жителями Северо-Кавказского региона[307]. Например, в 1863 году начальником Терской области был назначен М.Т. Лорис-Меликов, тифлисский армянин. В 1862 году А.А. Нурид, уроженец Дагестана, стал начальником Ингушевского, а в 1865 году – начальником Кабардинского округа. Ненависть к завоевателям населявшие Кавказ народы перенесли на генералов из местной аристократии, таким образом, смягчался национальный вопрос, устранялось противостояние русский – кавказец, а это как раз то, что так необходимо было царской власти[308].

М.Т. Лорис-Меликов свою работу в Терской области начал с замещения местных уроженцев на должностях наибов (начальников участков) строевыми офицерами. Окончательное вытеснение горского управления стало уже вопросом времени. Всё более проявлялся антинародный характер «военно-народной» системы. С сентября 1866 года наместнику дано было право на должности наибов, на которые по существовавшим штатам должны были назначаться офицеры из горцев, назначать офицеров регулярных и казачьих войск[309]. В Российской империи, согласно законодательству, запрещалось на гражданские должности, замещаемые по определению правительства, назначать военных. Однако, в виде исключения, военные чины допускались к работе на гражданских должностях в Кавказском крае и Финляндии[310].

С 1874 года условием поступления на государственную службу стало отбывание воинской повинности[311]. Чеченцы никогда не отбывали воинскую повинность и уже в силу этого, им был закрыт доступ к административным должностям. С 1887 года чеченцы, взамен обязательной воинской службы, были привлечены к платежу нового налога, размер его не превышал 22 копеек с «дыма»[312].

Местное начальство не считало возможным предоставить даже право выбора аульных старшин, так как « не находило достаточных ручательств, чтобы оно не повлекло за собой важных неудобств в деле управления горцами»[313]. Основу всей политики администрации в горских районах Северного Кавказа составляли формировавшиеся в течение многих десятилетий представления о неполноценности и наличии варварских наклонностей у горских народов, ставшие идеологической подоплёкой воинствующего национализма, оправданием крайнего произвола и жестоких мер против горских народов[314]. Начальник Терской области – генерал-лейтенант Михеев был не лучшего мнения о кавказских туземцах. Он говорил: «В Терской области, с её разноплемённым и склонным к преступности туземным населением, создаются такие условия, при которых усилия администрации направлены главным образом к беспрестанной борьбе с разбоями и грабежами»[315].

Администрация поощряла казаков на неограниченный произвол в отношении горцев. Более того, такое представление о горцах давало возможность прикрывать казакам и другим русским свои преступления, сваливая их на потенциальных разбойников и грабителей. Коста Хетагуров писал: «…В поголовном разорении сотен и тысяч ни в чём не повинных семейств из-за одного подозрения, что в их среде скрывается несколько негодяев, может истощиться не только туземное, но и истинно христианское много терпение»[316]. Административная власть, снабжённая правом утверждать судебные приговоры, не всегда могла точно и строго определить характер действий, признаваемых наказуемыми, вследствие невольно субъективного отношения к явлению, кажущемуся ей опасным или безопасным по административным соображениям. Граф Воронцов – Дашков считал, что «…среди местного населения найдётся вполне достаточно лиц, могущих с достоинством и на пользу правосудия отправлять обязанности присяжных заседателей по делам общеуголовного характера». Наместник осуждал приёмы русификирования края, практиковавшееся в течение 25 лет и принесшее, по его мнению, противоположные их цели результаты. Он предлагал предоставить региону право свободно развивать свою экономику и духовную сферу на началах самостоятельности, что в свою очередь, по его мнению, должно было привести к теснейшему слиянию Кавказа с центром Российской империи[317].

Организация сельского общественного управления на Кавказе, как она сложилась на практике, совершенно не соответствовала идее самоуправления. Образованное по образцу крестьянского управления во

внутренней России, кавказское сельское управление совмещало в себе функции как волостного, так и сельского правления. Данные условия превратили старшин и писарей в начальников, бесконтрольных и независимых от сельских обществ. Таким образом, в сельском управлении беспрепятственно развивались беззакония, произвол, лихоимство, в ещё более широких размерах, чем в волостных управлениях Европейской России[318].

Сельское общество являлось самой низшей территориально-административной единицей в Терской области. Вся жизнь сельской общины регламентировалась «Положением об аульных общинах и горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении», согласно которому в 60-70-х годах XIX века была перестроена административно-судебная структура округа[319]. Общинное самоуправление состояло из сельского схода, сельского правления и сельского суда. Количество штатных должностей определялось сельским сходом. Старшины выбирались или назначались сверху. Обычно кандидаты в сельские старшины подбирались начальниками участков и утверждались начальником Терской области. Они допускались к исполнению обязанностей после принятия присяги в окружном управлении. В тексте присяги указывалось на беспрекословное исполнение старшинами всех поручений и требований администрации[320]. Старшине села присваивалось звание урядника, начальнику участка – звание штабс-капитана. Должность начальника округа соответствовала званию полковника, а начальника области – воинскому чину генерал-лейтенанта[321]. Старшина села назначался на 3 года. Сельские суды оказались всецело в руках полиции при посредстве сельских властей, и перестали удовлетворять действительным потребностям населения[322]. Очень часто важные решения сельского схода по земельному вопросу царская администрация отменяла под предлогом того, что якобы земли, на которых живут горцы, не собственность даже общины, а казённые, переданные им во временное пользование, и подобные решения вправе принимать только царская администрация[323]. Сельские старшины существовали и в имамате Шамиля где они, как и при царской власти либо избирались, либо назначались в порядке очередности. О функциях этих старшин мы, по существу, уже ничего не знаем, кроме того, что на их обязанности лежало наблюдение за исправным отбыванием повинностей[324]. В первые послевоенные годы в помощь участковым начальникам и наибам назначались старшины и их помощники. Старшины обязаны были знать обо всех случившихся

происшествиях и отвечать перед начальством за всё, о чём не донесли своевременно. В случаях требования наиба или другого руководства, они должны были явиться на службу вооружёнными. За выполнение этой службы старшины и их помощники, согласно особому расписанию, получали жалованье от 5 до 20 рублей в месяц[325]. Важным мероприятием на пути установления однотипных с Россией порядков было введение назначения старшин. С 1886 года сельские старшины стали преимущественно назначаться и сниматься областной администрацией[326]. Царское правительство поощряло наделение аульных старшин лучшими землями. В Чечне им выделялось по пять частей пашни – 30 десятин, аульные секретари получали до 75 десятин земли[327].

Положением 1888 г. об управлении Терской и Кубанской областями устанавливалось узко-кастовое военно-казачье управление, без участия в нём не только представителей горских племён, но и не казачьего элемента. Этим положением туземцы ставились вне действия общих законов. Даже сельское самоуправление было парализовано институтом назначаемых по усмотрению начальства старшин[328]. Недовольство аульных обществ своими старшинами было почти повсеместно[329]. Сельскими старшинами руководили участковые начальники, которые в свою очередь подчинялись окружным начальникам. Начальник округа избирался командующим войсками Кавказского военного округа по представлению начальника области из лиц военных штаб-офицерских чинов[330].

Обычно начальник округа назначался в чине полковника или генерал-майора. Окружным (уездным) начальникам присваивались все права и обязанности, принадлежавшие уездным полицейским управлениям. Им подчинялись расположенные в их округах части милиции. На окружных начальников возлагались делопроизводство и счетоводство по земским повинностям[331]. Работу начальников округов часто критиковал с высокой трибуны депутат Гос. думы Н.С. Чхеидзе. «Вся власть в этих округах, – говорил он, – сосредоточена в руках отдельных офицеров, которые, может быть, с грехом пополам могут командовать ротой, но не управлять и не чинить правосудие. Эти люди каждого мужика, не успевшего при встрече с ними выпрямиться и крикнуть «здравие желаем» считают ярым сепаратистом»[332].

Николай Семенович Чхеидзе (псевдоним Карло), являлся депутатом 3-й и 4-й Государственной Думы от Тифлисской губернии. Он окончил Горную академию в Австрии, затем вернулся на родину и поступил на

государственную службу. 14 октября его избрали депутатом 3-й Думы. Он входил в Социал-демократическую фракцию. Подписал законопроекты: «Правила приема в высшие учебные заведения», «Об отмене смертной казни». С 1912 года являлся членом Объединенного комитета РСДРП. 20 октября 1912 года Чхеидзе вновь был избран в Государственную Думу. Стал членом Совета старейшин Думы. После одного из его выступлений с трибуны Думы министр внутренних дел вошел в Совет министров с представлением о желательности привлечения Н.С.Чхеидзе к уголовной ответственности, усмотрев в его словах « преступное возбуждение к ниспровержению монархического образа правления». Дело рассматривалось в 1-м департаменте Гос.Совета, от Чхеидзе потребовали дать объяснения.

Чхеидзе с 1909 года входил в масонскую ложу Союза «Великого Востока народов России», в 1912-1917 гг. являлся членом Верховного Совета «Великого Востока народов России», членом Думской ложи. Он не принял Октябрьскую революцию1917 года. После установления в Грузии советской власти (1921) эмигрировал во Францию. Покончил жизнь самоубийством. Похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже[333].

Служба на Кавказе и управление недавно покорённым краем требовали одновременно гибкости и твёрдости, умения вести тонкую восточную интригу, руководить сложным хозяйством области; удовлетворять нужды населения и при необходимости силой поддерживать авторитет правительства[334]. Нередко в недостатках администрирования на Кавказе обвиняли русскую власть, хотя она, по мнению А.П. Липранди, таковой по существу и не являлась. В 1911 году Липранди утверждал: «как высшая, так и низшая правительственная власть на Кавказе – в руках инородцев. Высшая власть у немцев, поляков и евреев; низшая у грузин и армян[335].

Рассмотрим, кто являлся Наказным атаманом Терского казачьего войска на протяжении 30 лет:

1861-1865 Генерал – майор Христофор Егорович Топондопулло.

1865-1875 Генерал – адъютант, генерал-лейтенант Михаил Тариелович Лорис-Меликов.

1875-1883 Генерал-адъютант, генерал-лейтенант Александр Павлович Свистунов.

1883-1887 Генерал-майор Евгений Корнильевич Юрковский.

1887-1889 Генерал-лейтенант Алексей Михайлович Смекалов.

1888 Генерал – лейтенант Семён Васильевич Каханов[336].

В годы правления Терской областью Михаила Тариеловича Лорис-Меликова, его адъютантом являлись Пётр Константинович Рихтер и Авраам Михайлович Ениколопов[337]. Вице – губернаторами у Свистунова Александра Павловича были: Якобсон Густав Христофорович, Гросман Николай Игнатьевич, Бойчевский Николай Владимирович, Красовский Николай Николаевич. Должность коллежского секретаря исполнял Похоцинский Виктор Францевович[338]. Евреи существовали в Российской империи на особом законодательном положении. Чтобы регламентировать их жизнь на Северном Кавказе, 18 июня 1892 года был издан закон «О водворении и временном пребывании евреев в Терской области»[339].

В 1861 году начальником Терской области был назначен князь Дмитрий Иванович Святополк – Мирский (1825-1899) [340]. Он узнал об этом назначении на пути из Петербурга в Ставрополь. В своём письме к Д.А. Милютину он сообщал: «Известие это сильно меня огорчило. Войска расстроены, ничего, что могло успокоить народонаселение и обещать ему сносную будущность – нет. Доверие к нам жителей невероятно уничтожено. Беспорядок повсеместный во всём»[341].

Дмитрий Иванович родился в 1825 году, принимал участие в Кавказской войне. В своём письме к наместнику на Кавказе князь А.И. Барятинский так характеризовал Д.И. Святополк – Мирского: «Князь Мирский после Евдокимова самый опытный и лучший военный генерал на Кавказе, и соединяет, кроме многих других, ещё и то важное достоинство, что умеет вселять в покорных и непокорных доверие к нашему правительству»[342]. В отношении к Терской области Д.И. Святополк – Мирский не соглашался с распространённым в то время мнением, что «буйное своеволие чеченцев может быть искоренено только материальной силой». «Совесть моя возмущается, – говорил он, – против такого мнения людей не осознавших своих ошибок и приписавших их последствия недостаткам чеченцев»[343]. Своей целью начальник области поставил «основать власть нашу и спокойствие в Терской области на нравственном влиянии и доверии туземцев к Правительству». Он предпринимал меры для уменьшения числа войск, расположенных в крае, и предполагал, что со временем присутствие здесь войск станет лишним. Д.И. Святополк – Мирский считал своим долгом предупреждать переселенцев в Турцию о тех бедах, которые их ожидают во время переселения. В годы его правления поток эмигрантов уменьшился. Его деятельность на посту начальника Терской области основывалась на уважении всех прав и создании права там, где его не существовало[344].

Д.И.Святополк – Мирский сделал неплохую карьеру. В 1863 году его назначают Кутаисским генерал-губернатором, в Терской области его заменил М.Т. Лорис-Меликов. С 1868 года Святополк – Мирский являлся помощником Главнокомандующего Кавказской армии; с 1880 года он становится членом Государственного Совета Российской империи[345].

Михаил Тариелович Лорис-Меликов, сменивший Д.И. Святополк – Мирского, в своих взглядах и действиях, занимая должность начальника Терской области, существенно отличался от своего предшественника. Так, по вопросу о размещении воинских подразделений в Терской области он держал твёрдую позицию, настаивая на том, что именно военные смогут поддерживать условия мира и сокращать их численность не целесообразно[346]. С одной стороны, М.Т. Лорис-Меликов постоянно стремился обеспечить своей деятельности поддержку населения и активно привлекал представителей северокавказских народов к работе над проектом реформ. С другой стороны, любые попытки посягательств на государственные интересы в том виде, как сам Лорис-Меликов их понимал, пресекались быстро и безжалостно. Так, для того, чтобы освободить земли и предотвратить угрозу восстания в Чечне он, в 1865 году, не задумываясь о моральной стороне вопроса, организовал массовое выселение чеченцев в Турцию. Кто-то назовёт такую линию мудрой, кто-то циничной, но спорить о нравственности в политике можно до бесконечности, а факты остаются фактами[347]. М.Т. Лорис-Меликов принадлежал к поколению российской военной и гражданской бюрократии, сформировавшейся на рубеже середины XIX века, на грани двух эпох в период реформ Александра II. Для него были характерны определённые социально-психологические черты, обусловленные происхождением, семейной обстановкой и спецификой образования (классическое гражданское в Лазаревском институте и военное в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров)[348]. Рассмотрим биографию этого государственного деятеля, которая поможет понять истоки формирования этой неординарной личности и проследить пути продвижения по служебной лестнице, а также охарактеризует его деятельность в Терской области.

М.Т. Лорис-Меликов родился 19 октября 1824 года в городе Тифлисе[349]. Иногда он называл сам себя «хитрым армяшкой». Друзья также в шутку называли его «грузинским армянином» или «двойным армянином», намекая на то, что он органически впитал в себя лучшие качества грузинского и армянского народов[350]. Один из друзей его юности отзывался о Лорисе, как о человеке « с душой нараспашку»[351]. «Наружность

его, вообще, очень чутка к душевным впечатлениям, – описывал в Ницце М.Т. Лорис-Меликова один из его соратников, – и, когда хитрая улыбка появляется иногда на губах, глаза быстро загораются весёлостью и все складки лица смеются. Такие наружности, обыкновенно, вызывают симпатию и дышат умом, в них менее всего грубости и произвола. Он был весьма доступен и прост в обращении; он предпочитал брать людей добром, нежели злом. Говорили, что у Лориса было необыкновенно развито искусство выходить из затруднительного положения, придумывать комбинации, чтобы влиять на умы населения. Граф отличался терпимостью к чужим мнениям, не был мелочно обидчив и не считал себя непогрешимым – всегда спокойно и внимательно выслушивал возражения»[352]. Об одном из недостатков Михаила Тариеловича сообщает Р.А. Фадеев в письме И.И. Воронцову-Дашкову от 3 октября 1880 г. писал: «Эту черту – предлагать и обещать, не взвесив последствий, – я знаю у Лориса давно…»[353]. Хорошо характеризуют Лорис-Меликова записки, сделанные им в 1883 году в Париже: «Никакие усилия не могут дать желанных результатов, – писал он, – если только человек не решится войти, так сказать, в сделку со своей совестью и, заглушив основные понятия о чести, прикидываться все довольным и в большей части случаев говорить совершенно обратное тому, что лежит на душе. При такой обстановке поневоле высохнешь, как сухарь, и только нервы будут свидетельствовать о существовании человека»[354].

Интересную историю происхождения имеет фамилия Михаила Тариеловича Лорис-Меликова. В 1602 году мелик Назар и мелик Дай Лорийские получили от персидского шаха Аббаса фирман, удостоверяющий их старые права владетелей Лори, но в обмен на эту милость братья обязались принять ислам. В последствии Лорис-Меликовы вернулись к христианству и продолжали состоять наследственными приставами Лорийской степи, входившей в состав Грузинского царства[355].

Отец М.Т. Лорис-Меликова, зажиточный армянин Тариель, получал с земли своей на Лорийской степи и с оптовой торговли разными товарами с Лейпцигом, куда нередко ездил и сам, значительные доходы[356]. Располагая хорошими средствами, он позаботился прежде всего о воспитании и образовании своих сыновей – Михаила и Василия. К обоим с раннего детства были приставлены русские воспитатели, оба брата говорили по-русски без малейшего акцента.

Михаил Лорис-Меликов, начав обучение в лучшем тогда Тифлисском пансионе Арзановых, а затем в армянском Нерсесовском училище, рано

обнаружил блистательные способности и прилежание. В двенадцатилетнем возрасте говорил на русском, французском и немецком языках, свободно владел армянским, грузинским и татарским. В Москве, в Лазаревском институте восточных языков юноша с 1836 по 1841 год изучал арабский и турецкий языки. Воспитанники Лазаревского института изучали общеобразовательные предметы по программе государственной гимназии того времени[357]. И тут произошло важное событие – Лорис-Меликовы были признаны и утверждены дворянами. Дворянское звание открывало Михаилу возможность сделать военную карьеру. Сначала он поступил в С.-Петербургский подготовительный пансион горного инженера – полковника Вержбицкого, а оттуда, в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров обучали 2 года. Среди закончивших это военное учебное заведение, – многие известные государственные деятели и военачальники: генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский (во время Кавказской войны Михаил Тариелович состоял под его начальством), Д.И. Скобелев и др. [358]. Образование, полученное М.Т. Лорис-Меликовым, повлияло не только на его карьерное движение, но и построило его мировоззрение. Уже на закате своей жизни, в Ницце, Михаил Тариелович вспоминал: «Я воспитывался в военной школе и привык думать, что если меня бьют палкой, то надо вырвать палку из рук. Если неприятель занял выгодную позицию, то надо выбить его именно из этой позиции. Я смотрю на дело практически, не ссылаясь на Европу»[359]. М.Т. Лорис-Меликов не получил высшего гражданского образования, а стал кадровым военным офицером. Л. Пантелеев так описывал свои встречи с графом Лорис-Меликовым: «Я знал, что всё начальное образование Лорис-Меликова не шло дальше Школы гвардейских подпрапорщиков, – констатировал он. Из бесед с Михаилом Тариеловичем вынес, однако, впечатление, что от природы он обладал большим умом и способностью быстро усваивать новые для него идеи. В бытность мою на Кавказе, в 1875-76 гг. я там, в первый раз услышал имя Лорис-Меликова и притом с весьма выгодной стороны. В качестве начальника Терской области он не только сумел поддержать порядок, но в то же время заслужил полное доверие туземцев. В беседах со мной Лорис-Меликов охотно пускался в рассказы о Кавказе, особенно о горцах, о том, как собственно, легко ими управлять, если только бережно относиться к их народным обычаям»[360].

В течение более 20-ти лет (с 1847 по 1879 гг.) судьба М.Т. Лорис-Меликова была связана с Кавказом. Он участвовал в войнах, которые

Россия вела в этом регионе. С самых первых дней его появления на Кавказе он стал занимать почётное место как среди бывших кавказских офицеров, так и среди чиновников высшего ранга. Ему, не смотря на молодость, доверялась вся секретная переписка и даже нередко конфиденциальные военные и политические сношения[361]. 27 июля 1847 года М.Т. Лорис-Меликов был назначен состоять для особых поручений при Главнокомандующем Кавказским корпусом генерал-фельдмаршале князе М.С. Воронцове. Маститый наместник Кавказа, Воронцов, человек высокого государственного ума и суровый, но честный и твёрдый в своих убеждениях, и Н.Н. Муравьёв одинаково отмечали способности и высокие душевные качества Михаила Тариеловича[362].

С 1847 по 1855 год М.Т. Лорис-Меликов участвовал в 180 сражениях, и, не смотря на то, не был ни разу не только ранен, но даже контужен. С 18 ноября 1847 года по 18 февраля 1848 года, в продолжение 3-х месяцев Михаил Тариелович «не сходил с боевого коня», воюя в Малой Чечне с горцами. В 1851, 1852 и в начале 1853 года М.Т. Лорис-Меликов воевал в Большой Чечне[363]. За отличия в боях против горцев М.Т.Лорис-Меликов был награждён : орденом Св.Анны 2,3,4 степеней, с мечами, бантом и императорской короной. 18 июня 1851 года он получил чин ротмистра, а уже через 3 года – 9 января 1854 года звание полковника[364].

Михаил Тариелович обладал способностью привлекать к себе людей. Его мягкие, вкрадчивые манеры, весёлость очаровывали многих женщин, которые не мало способствовали его быстрому продвижению по службе. Не зря, вероятно, одна из популярных европейских газет назвала Лорис-Меликова «хитрым, гладким, как угорь, армянином»[365]. М.Т. Лорис-Меликов сам себя характеризовал как человека, сделавшего карьеру без протекций и в отсутствии крупных родственных связей, которыми можно было воспользоваться. До того момента, как он женился, это действительно было так. Однако, когда его женой стала княжна Нина Ивановна Аргутинская-Долгорукова, дочь начальника Лорис-Меликова, генерал-адъютанта И.З. Аргутинского-Долгорукова, карьера его стремительно стала нарастать[366]. Объективную оценку способностей Лорис-Меликова, как военачальника, мог дать только его современник и сослуживец, поэтому ниже мы приводим мнение князя Я.М. Амилахвари: «На мой взгляд, Михаил Тариелович, как умнейший, просвещённый и неутомимо трудолюбивый человек, мог бы оказать неоценимую пользу на войне в качестве помощника у хорошего главнокомандующего, но чтобы он сам обладал военными качествами последнего, – в этом я сомнева-

юсь»[367]. Особенно ярко проявился талант М.Т. Лорис-Меликова в войнах России с Турцией, в первую очередь, в войне 1877-78 гг.[368]. В русско-турецкую войну 1877-78 гг. Михаил Тариелович, благодаря своему умению администрирования, прекрасно организовывал продовольственное снабжение армии[369]. Несомненны также заслуги М.Т. Лорис-Меликова в гражданском обустройстве Абхазии, Дагестана и Терской области[370].

Заграничные газеты сравнивали Лорис-Меликова с Мазарини, который сумел управлять Францией в самое смутное время при помощи примирительной и ловкой политики[371]. После завершения Кавказской войны государственная власть преследовала несколько задач, внедряя российское гражданское управление в крае. Прежде всего, нужно было окончательно уничтожить очаг напряжённости, стягивавший значительные военные и материальные ресурсы империи. Здесь необходимо было подготовить административную, судебную, производственную базу для извлечения максимальной прибыли из сырьевых и потребительских ресурсов этого неосвоенного региона. Втягивание Терской области во всероссийский сельскохозяйственный комплекс, производственно-промышленное сообщество, общий торговый рынок сулило России не только покрытие многомиллионных военных расходов, но и приобретение сверх прибыли. Налоговое обложение, дешёвый рынок труда, установление беспрепятственных сообщений с Закавказьем и Передней Азией – вот лишь некоторые из прогнозировавшихся источников доходов государственной казны. Для решения этих не простых задач во главе Терской области, более сложной в военно-политическом отношении, чем Кубанская, необходимо было поставить человека решительного, имевшего военный опыт, опыт администратора, умного, дипломатичного, бесконечно преданного интересам России, ради которых он ни перед чем ни остановится, желательно кавказского уроженца – в виде уступки местному населению. Всем этим условиям и соответствовал М.Т. Лорис-Меликов, на которого в 1863 году и пал выбор наместника Кавказа. В ходе образования Терской области и в самом начале её существования, ею управлял князь Д.И. Святополк – Мирский. Однако его работу с местным населением власти посчитали слишком гуманной и либеральной. Необходимы были более твёрдая рука и жёсткие принципы для ускорения процесса интеграции региона[372]. М.Т. Лорис-Меликов – чиновник, представлял и должен был проводить в жизнь политику национально-ориентированного правительства, на службе у которого он находился. Однако, несмотря на жесткую государственную регламентацию жизни

и деятельности чиновничества в целом, система управления, созданная на Кавказе давала реальные возможности для проявления самостоятельности, личной инициативы в эпоху нарождающегося капитализма[373].

28 марта 1863 года Лорис-Меликов был назначен исполняющим должность начальника Терской области и командующего в ней войсками. Меньше месяца понадобилось Михаилу Тариеловичу на то, чтобы его усердную службу на новой должности отлично оценили. 17 апреля 1863 года М.Т. Лорис-Меликова произвели в звание генерал-адъютанта и утвердили в занимаемых должностях[374]. В одном из своих частных писем М.Т. Лорис-Меликов делился своими впечатлениями о положении в крае: «…4 месяца тому назад я принял управление областью, признаваемую всеми, кто только знаком с её делами, самою сложною из отделов Кавказа»[375]. Интересно, что Лорис-Меликов был лично знаком с Александром II и в частном письме жаловался императору на тяжёлые условия работы весной 1863 года на должности начальника Терской области, когда новый административный аппарат только формировался, и приходилось работать в сыром помещении почтового здания, куда постоянно стекались посетители[376].Уже в тот период Михаил Тариелович считал своё здоровье слабым, но принял на себя всю полноту ответственности по управлению областью[377] Он был предварительно знаком с чрезвычайно сложной обстановкой в регионе, но, будучи человеком военным, принял приказ по назначению к действию[378].

До 30 декабря 1869 года начальник Терской области по гражданскому управлению действовал на правах, предоставленных общими законами генерал-губернаторам. Но с введением нового «Положения» о преобразовании области, некоторые права начальника области утрачивались. Александр II лично предоставил права генерал-губернатора М.Т. Лорис-Меликову по управлению областью. Это говорило о высокой оценке правящими кругами деятельности начальника Терской области и большом доверии к нему[379]. Михаил Тариелович вёл личную переписку с императором, в одном из писем к Александру II он писал: «Вы знаете меня совсем близко..»; он также был одним из немногих лиц, находившихся у постели умирающего императора, о котором был высокого мнения, что не скажешь об отношении его к брату Александра II, великому князю Михаилу Николаевичу, занимавшему должность наместника на Кавказе[380]. Служба М.Т. Лоирис-Меликова давно находилась в поле зрения императора[381]. Уже в 1865 году М.Т. Лорис-Меликов становится генерал-адъютантом. «…Как – то в Ливадии, – вспоминал И.А. Шес-

таков, – в 1869 году, в весёлом послеобеденном настроении, Государь, дарящий фамильярностью в знак особенного благоволения, обратился к нам, присутствовавшим, с вопросом в шутливом тоне: “ Не странно ли? Лорис-Меликов – генерал-адъютант!” Удивлявший царя Меликов был налицо…» Александр II явно полагал, что Михаил Тариелович достиг большего, чем мог бы рассчитывать[382].

За свою деятельность по благоустройству Терской области Лорис-Меликов неоднократно награждался высшими правительственными наградами. 8 сентября 1871 года начальнику Терской области, генерал-адъютанту, генерал-лейтенанту, наказному атаману Терского казачьего войска, М.Т. Лорис-Меликову, в награду за отличную, усердную и ревностную службу был пожалован Императорский орден Св.Александра Невского, украшенный бриллиантами. Начальнику Дагестанской области, Левану Меликову тоже дали орден А. Невского, но без бриллиантов[383].

Земельная, крестьянская, податная и административно-территориальные реформы были осуществлены в достаточно короткие для преобразований такого масштаба сроки: 6-7 лет и в этом заслуга М.Т. Лорис-Меликова. Цель, которую преследовала российская администрация – стабилизация обстановки, снижение напряжённости, ликвидация, в определённом смысле, последствий Кавказской войны – была достигнута[384]. В 1865 году наместник с инспекционной поездкой побывал в Терской области. 21 октября он обратился с речью к жителям Аргунского округа: «Два года тому назад я благодарил вас за ваше поведение. Радуюсь, что и в этот приезд могу повторить свою благодарность»[385]. В приказе по округу от 1 ноября 1865 года за №139 Михаил Николаевич отозвался об управлении областью в самых высоких тонах: «Сохраняя о настоящем положении дел в Терской области приятные впечатления, считаю долгом выразить достойному её начальнику мою глубокую душевную признательность»[386]. Михаил Тариелович, в силу своей скромности, решил разделить это достижение с коллегами: «Никак не ставя исключительно в заслугу себе успехов, достигнутых в последние 2 года по управлению Терской областью и образованию расположенных в ней войсках, выражаю искреннюю признательность как сотрудникам, так и подчинённым»[387]. Высокая оценка деятельности Лорис-Меликова Михаилом Николаевичем была ему особенно дорога, так как они не испытывали особых симпатий друг к другу. Начальник Терской области считал наместника на Кавказе «бесцветной личностью», вокруг которой

постоянно плетутся интриги и в частности, против Лорис-Меликова[388]. Тем не менее, когда Михаил Тариелович тяжело заболел туберкулёзом и лечился в Ницце, великий князь Михаил Николаевич часто его навещал, хотя служба его уже к этому не обязывала[389]. За границей М.Т. Лорис-Меликов поддерживал отношения и с писателем М.Е. Салтыковым-Щедриным. В одном из писем сатирик писал: «Скажу Вам откровенно, я всю жизнь свою избегал соприкосновения с лицами высокопоставленными, и только Вы один победили во мне чувство, вызывающее эту сдержанность. Хотел поблагодарить Ваше Сиятельство за благосклонное внимание, которым Вы почтили меня в Висбадене»[390]. В 1883 году, в мае месяце Михаил Тариелович был уволен в бессрочный отпуск с разрешением присутствовать в Гос.Совете, когда позволит здоровье (с сохранением получаемого содержания); жил он в это время по большей части в Ницце[391]. Первый раз Михаил Тариелович отправился в Европу в 1875 году, когда ушёл с поста начальника Терской области. По замечаниям некоторых его современников, одно из постоянных пристрастий – любовь к кахетинскому вину, которое он возил с собой, привело к расстройству печени, потребовалось лечение за границей[392].

Один из близких Лорис-Меликову людей так охарактеризовал Михаила Тариеловича : «Это был человек, горячо любивший свою кавказскую родину, но любовь эта была отодвинута на второй план в его сердце, первое место занимала Россия, как целое, и графа можно было смело называть русским патриотом в лучшем значении этого слова»[393]. Его деятельность совмещала в себе как положительные результаты в способствовании установления контактных зон вновь приобретённых окраинных регионов России с центром, так и отрицательные, разрушавшие такие связи. Некоторые современники объясняли это недостаточностью административного опыта этого человека, превалированием качеств военачальника[394]. Михаил Тариелович не одинаково относился к различным этническим группам и народам на территории управляемой им области. Русскоязычное население и казачество пользовались его покровительством, приобретая различные льготы. М.Т. Лорис-Меликов был решительным поборником того, чтобы все горцы, кто нарушал общественный порядок, были объявлены абреками. При этом преследовались и лишались всех прав на своих холопов и имущество. То есть предлагалось наказание без судебного разбирательства, что нарушало права коренных жителей[395]. М.Т. Лорис-Меликов выступил инициатором выселения чеченцев с их исконных земель за Терек и в Малую

Кабарду. Данный проект был составлен для «очищения» Чёрных гор от чеченцев и расселения казаков в кавказских предгорьях. Конечным же итогом должно было быть создание идеальных условий для успешного администрирования в области и улучшения отчётности перед органами центрального управления[396]. После отклонения этого проекта начальник области решительно взялся за выселение горцев Северо – Восточного Кавказа в Турцию. В своей записке к начальнику Главного штаба Кавказской армии Лорис-Меликов сообщал, что фактически он поставил ультиматум осетинам, кумыкам, кабардинцам и чеченцам. Условия были таковы: если к 1 января 1866 года они не расселятся, как им укажут управляющие органы, и не будут платить правительству подать, то уйдут в Турцию. По мнению Михаила Тариеловича, карабулаки вообще были не способны принять какую-либо гражданственность. В связи с этим им никаких условий не ставилось, они должны были поголовно выселиться в Турцию. Данное требование являлось ультимативным[397].

После окончания Кавказской войны многие российские военные заявляли: «Оккупация Кавказа требует содержания значительных военных сил на Кавказе». Этого же мнения придерживался и начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов[398]. Не смотря на Завершение военных действий, установление полугражданского управления в крае, он опасался сокращать численность расквартированной в области армии[399]. Приемник М.Т. Лорис-Меликова на должности начальника области, А.П. Свистунов, неоднократно критиковал Михаила Тариеловича за обилие войск в крае на протяжении всех 12 лет его управления. В 1866 году А.П. Свистунов являлся начальником Штаба лейб-гвардии Конной артиллерии. А в 1869 году А.П. Свистунов уже не числился в составе управления Терской областью[400]. По свидетельствам Александра Павловича Свистунова, работавшего также в Терской области и под управлением Лорис-Меликова с 1864 по 1867 гг., а затем получившего повышение, с 1867 по 1875 гг. являвшегося начальником окружного Штаба, область неоправданно была переполнена войсками. Каждую весну проходили военные сборы, забиравшие немало средств из казны, для «…предупреждения волнений среди местного населения». Опасения Михаила Тариеловича относительно возникновения волнений среди местного населения не были беспочвенны, но само наличие такого количества военных соединений на небольшой по площади территории провоцировало население на эти выступления и не способствовало нахождению взаимопонимания между центральной властью и местными народами[401].

Необходимо отдать должное деятельности Михаила Тариеловича, он не только отнимал у казны средства на военные нужды, но и с лихвой их возвращал. Ни за горцами, ни за казаками не было никаких налоговых недоимок и повинности они отрабатывали своевременно. Современники отмечали «глубокую преданность графа интересам казны»[402]. Акцизное управление высоко оценивало деятельность Лорис-Меликова и в 10-летнюю годовщину его правления прислало свои поздравления[403].

Во взглядах на «польский вопрос» Михаил Тариелович высказывал либеральные взгляды: «Я говорил государю, что нельзя оставлять поляков под постоянным режимом исключительных законов, нельзя вести бесконечную борьбу против их национальности и веры». Однако в Терской области он выступал за сохранение военно-полицейского режима и господства «исключительных» законов, урезавших права коренных жителей[404]. Несправедливо было бы упрекнуть Лорис-Меликова в том, что за 12 лет его управления не было сделано ничего для мирного гражданского развития горцев Терской области. Михаил Тариелович способствовал открытию в области городских банков – во Владикавказе, Кизляре, Георгиевске и Грозном. По решению начальника области проводились новые шоссе и тракты, ремонтировались старые дороги. Именно по инициативе М.Т. Лорис-Меликова, направленной в телеграфный департамент, была проведена телеграфная линия от Владикавказа до Темир-Хан-Шуры, с веткой на Кизляр. Местное население поставляло столбы из обработанных ими деревьев для устройства этих телеграфных линий[405]. В течение 10 лет в области открылось свыше 200 больших и малых заводов, производивших продукции более чем на 1 млн. 300 тыс. рублей. На этих заводах было занято около 4 тыс. рабочих. За время правления областью Лорис-Меликовым численность учащихся поднялась до цифры 4 тыс. мальчиков и девочек. Среди них 53% принадлежали казачьему населению, 28% – городскому и слободскому и 19% – горскому населению. Михаил Тариелович неоднократно заявлял: «Ничего нет опаснее, чем лишить человека права учиться и трудиться, запрещая в то же время праздность и замыслы»[406]. Современники даже иногда упрекали Лорис-Меликова в проявлении излишней церемониальности с подвластным населением при проведении реформ[407].

Сам же М.Т. Лорис-Меликов в своих записных книжках на первое место достижений в управлении Терской областью ставил: обложение горцев налогами, освобождение среди них рабов, введение судебной реформы, проведение оросительных каналов[408]. Особо Михаил Тари-

елович гордился проведением земельной реформы только за счёт местных денежных источников области. Он очень экономил государственные средства при управлении областью, был чрезвычайно щепетилен в этом вопросе, что накладывало груз налогов и обязательств на плечи жителей этого края[409]. В 1868 году, например, с горского населения Терской области в виде податного сбора собрали 133 984 рубля 23 копейки. Этот доход полностью покрывал содержание администрации Терской области[410].

В пореформенное сорокалетие царское правительство приняло более полусотни нормативных и не нормативных законодательных актов, имевших отношение к Северному Кавказу, и все они, за небольшим исключением, относились к казачьему и частному землевладению. В то же время не упорядоченные земельные положения горских народов Северного Кавказа, хотя и привлекало внимание царизма, но до серьёзных позитивных мер решения этой животрепещущей проблемы не доходило. За указанный период царское правительство по сути дела утвердило только «Положение» об учреждении Временной комиссии для разбора личных и поземельных прав туземного населения и «Положение» об отмене крепостного права в горских районах Кавказа[411]. Реформа способствовала земельному неравенству между отдельными народами, горными и плоскостными районами, отдельными селениями, сословными группами[412].

У чеченцев, особенно в горных районах, широко распространено было интенсивное освоение земель. Интенсификация представляет собой совокупность рациональных методов, достигающих повышения эффективности общественного производства. Понятие «интенсификация» происходит от латинских слов «intensio» – напряжение и «facio» - делаю[413]. В горной Чечне интенсивный способ производства был вызван малоземельем и естественно-географическими условиями. Путём возведения террас весьма эффективно осваивались склоны гор, почвы предохранялись от эрозии и избыточной влажности. Террасное земледелие являлось свидетельством интенсивного освоения земель[414]. С началом земельной реформы казачеству и в целом русскоязычному населению области стали раздавать большие участки земли, которые новые хозяева даже не в состоянии были сразу обработать. С этим было связано экстенсивное развитие сельскохозяйственного производства. Рост общественного производства происходил путём прибавления новых средств производства к действующим или они заменялись новыми, которые не

подвергались техническому перевооружению[415]. Реформы изменили характер землевладения. Верховным собственником земли стало государство, горские феодалы получали землю в форме «пожалованья». В «пожаловании» не указывалось количество удобной и не удобной земли, давалась только её общая площадь[416].

На Кавказе вообще крестьянская реформа носила более грабительский характер, чем в центральных губерниях России[417]. Так, власть отобрала у чеченцев поляны, расчищенные ими из-под леса. Собрание выборных горной Чечни – Грозненского округа – в 1889 году подало просьбу на Высочайшее имя о разрешении их сельским обществам пользоваться лесом для своих домашних нужд из лесов, бывших в исконном владении чеченцев… 8 января 1890 года, по Всеподданнейшему докладу министра государственных имуществ, Александр III повелел до предстоящего поземельного устройства жителей Терской области предоставлять горцам лесные материалы бесплатно, а отобранные лесные поляны вернуть владельцам[418].

На 7 году областного правления, в частном письме, Михаил Тариелович с полной откровенностью признавался в совершённых административных ошибках. Он считал, что свершившаяся реформа привела к антагонизму между гражданским и военным ведомством; медленному механизму управления, апатии начальников, к общему стремлению отписаться, дабы снять с себя ответственность. «Буду счастлив и признателен, – заключал Лорис-Меликов, – если кто выручит меня из Владикавказа»[419]. Деятельность М.Т. Лорис-Меликова по управлению Терской областью очень высоко ценилась в правительственных кругах, однако здоровье его стремительно ухудшалось. В январе 1875 года он, в частной беседе с наместником на Кавказе попросил отставки со своего поста по состоянию здоровья. Михаил Николаевич не хотел её принимать, надеясь, что Лорис-Меликов проведёт ещё одну сложную реформу в области – по введению всеобщей воинской повинности. Но Михаил Тариелович был непреклонен в своём решении[420]. По Указу Правительствующего Сената от 25 апреля 1875 года за №17344 М.Т. Лорис-Меликов был уволен со своего поста по состоянию здоровья. На его место был назначен А.П. Свистунов, вступивший в управление областью в июне 1875 года[421].

6 августа 1880 года М.Т. Лорис-Меликов получил назначение на должность министра внутренних дел Российской империи. Восхождение Лорис-Меликова к вершинам государственной власти не было слу-

чайным. Оно было обусловлено его административными способностями и несомненным политическим чутьём, проявленным в его годы службы на Кавказе[422].

Генерал-адъютант, генерал-майор Свистунов Александр Павлович управлял Терской областью и был наказным атаманом Терского казачьего войска с 1875 по 1883 год. При начальнике области работало 2 помощника – старший и младший, должностные лица для особых поручений и канцелярия[423]. Одним из помощников Свистунова являлся Смекалов Алексей Михайлович, управлявший в последствии Терской областью с 1887 по 1889 год[424]. Интересно, что после работы в Терской области Д.И. Святополк – Мирского в 1863 году назначили Кутаисским генерал-лейтенантом. В то же время генерал-лейтенант А.М. Смекалов, после работы на должности Кутаисского военного губернатора, 11 февраля 1887 года стал начальником Терской области[425]. Однако Алексей Михайлович управлял областью совсем мало. 2 февраля 1890 года, после тяжёлой болезни (воспаления лёгких) А.М. Смекалов скончался[426].

Одиозной, реакционной фигурой являлся начальник Терской области, назначенный на эту должность в 1889 году, генерал-лейтенант С.В. Каханов. Уже через год после вступления на должность, Семён Васильевич распорядился брать под особый надзор полиции всех заподозренных в «дурном» поведении горцев, а в случае совершения ими каких-либо проступков подвергать их телесному наказанию до 100 ударов розгами. В 1890 году начальник Терской области С.В. Каханов писал, что «..из милицейских, состоящих из туземцев, ни один никогда не станет преследовать своего соплеменника, боясь мести. Поэтому полагается на милицию как активную силу нужно с большой осторожностью». Тогда же Каханов был представлен на утверждение командующему Кавказским округом проект «Временного положения о мерах по удержанию туземного населения Терской области от хищничества и, в особенности от всяких насилий против лиц не туземного происхождения». Данный проект был утверждён и получил силу закона в 1894 году и не отменялся до революции. Этот документ узаконил круговую поруку сельского общества за совершённые преступления[427]. Заведённый в 1882 году порядок передачи «особо важных» дел, где в качестве обвиняемых фигурируют горцы, на рассмотрение военно-полевому суду, также не способствовало стабилизации обстановки в крае. Порядок назначения старшин, несомненно, во многом способствовал ухудшению борьбы с преступлениями[428]. В 1893 году с разрешения императора значительная

часть уголовных дел, связанных с горским населением, была изъята из общегражданских судебных учреждений[429]. Чины местной администрации получали чрезвычайно большие права, например, арестовывать и ссылать фактически любого представителя местного населения[430]. 19 ноября 1893 года Комитет министров распространил на Кубанскую и Терскую области правила об административной высылке в Восточную Сибирь обвиняемых или подозреваемых в краже лошадей и скота. Следует отметить, что все эти меры принимались под видом необходимости обеспечения безопасности русского населения области. В 90-х годах XIX века администрация области издала распоряжение, запрещавшее казакам куначество с горцами.

Одновременно с упразднением прежних окружных полицейских управлений распускались и состоявшие при них горские словесные суды, дела которых передавались во вновь образуемые суды при округах и отделах. Исключение составляли Шатоевский и Веденский суды; при многочисленности населения Грозненского округа один Грозненский словесный суд не мог справиться с делами всего округа. Надтеречные чеченцы также подчинялись Грозненскому горскому словесному суду. Всё население отделов и округов, как казачье, так и горское, было подчинено начальнику области. Пределы его власти расширялись, особенно в отношении горского населения.

Начальник области мог наказывать горцев без суда и следствия, подвергать их по личному своему усмотрению или по представлению начальника округа и атамана отдела аресту на срок не больше одного месяца, а при укрывательстве и не выдаче аульными обществами виновных в преступлениях, налагать на такие общества денежные взыскания не свыше 50 рублей[431]. Опубликованные 20 декабря 1895 года «Временные правила об изменении и узаконении административной высылки», как известно, ограничили исключительные полномочия административной власти тем, что «…местные власти, убедясь в необходимости удалить из подчинённой им области порочное в том или другом отношении лицо, делают о том представление господину Министру внутренних дел с подробным изложением мотивов»[432]. 21 марта 1888 года Александр III подписал Указ правительствующему Сенату и утвердил новое «Учреждение управления Кубанской и Терской областей», сущностью которых являлось сосредоточение военной и гражданской власти на местах в руках казачьей администрации[433]. В 1883 году начала работу специальная комиссия, подготовившая про-

ект реорганизации гражданского управления. Новая администрация должна была быть казачья и в то же время общая для всего населения области. Для этого предполагалось уничтожить черезполосность округлением границ войсковой территории и включением в неё горского населения[434]. В 1888 году вводится новое управление области, получившее в исторической литературе название «военно-казачьего»[435]. Если модель административного устройства, созданная в областях Северного Кавказа после реформы 1869 года, должна была стать переходной ступенью от «старой» военно-народной системы к «новой», общеимперской, то модель административного устройства после реформы 1888 года явилось фактическим возвращением к военному управлению, существовавшему в Предкавказье до 1869 года. При этом особая роль представителей казачества в управлении Терской и Кубанской областей придавала прежнему военно-народному управлению военно-казачий оттенок. Главную причину необходимости сохранения системы военного управления кавказские власти видели в том, что либеральные реформы 60-70-х годов «весьма мало продвинули горцев в гражданском развитии». Экстраординарные меры властей в последнее десятилетие XIX века, направленные на борьбу с преступностью и укреплением порядка, на практике показали слабую результативность. Военно-народная система, в силу иного назначения, не давала средств к разрешению проблемной экономической ситуации в крае, значение которой как фактора нестабильности к концу XIX века было всё более ощутимым. Предпринятые в рамках этой системы чрезвычайные меры 90-х годов для укрепления порядка в крае, носили паллиативный характер[436].

В Терской области, после 1888 года, заведование отделами в полицейском и военном отношениях принадлежало атаманам отделов, которым присваивались все права и обязанности, принадлежавшие по общим законам уездным исправникам и уездным полицейским управлениям. Они также контролировали общественное управление в селениях и горских аулах. Окружным начальникам подчинялись расположенные на территории части горской милиции[437]. «Легко представить себе, – замечает Коста Хетагуров, – каким авторитетом пользуются в туземных аулах казачьи урядники, – в большинстве случаев постоянно пьяные, грубые в действиях и омерзительно непристойные в выражениях»[438].

Одновременно с административно – территориальными изменениями были изданы реакционные законы, усиливавшие регламентацию

жизни горцев. Так, в 1884 году специальным постановлением запрещалось ношение огнестрельного оружия в Кавказском крае без особого на то разрешения. Согласно распоряжениям начальника Терской области, изданным в 1892 году, всё оружие, с которым горцы появлялись в русских населённых пунктах и которое привозилось из Дагестанской области для продаж, конфисковывалось[439]. С 1893 года местным властям предоставлялось право не только в общественных местах отбирать оружие, но также производить обыски в домах[440].

2 июня 1887 года был издан закон «О введении воинской повинности для инородцев Терской области, а через неделю, 9 июня, появился закон, регламентирующий порядок взимания налога с мусульман Терской области, заменяющего исполнение воинской повинности[441]. «Политическая неблагонадёжность» кавказских мусульман заставила власть отказаться от предложения образовывать из них строевые части. С 1886 года, по распоряжению военного министра, новобранцы-туземцы из Терской области распределялись только в войска, расположенные на Кавказе[442].

Царская администрация нередко действовала по древнеримскому принципу «разделяй и властвуй». В 1883 году, с помощью излюбленных провокационных методов, были поссорены между собой ингуши и чеченцы. В июне 1883 года между ними произошла стычка, с каждой стороны было по 10 000 человек. Член Государственной думы Гайдаров, комментируя этот случай, в своей речи отметил, что натравливание одной национальности на другую было характерной чертой управления Кавказским краем[443].

14 мая 1893 года началось выселение горцев из городов и слободок. Русская слобода Шатой была основана в 1860 году, к 1870 году число проживавших здесь семей увеличилось до 50. Это было единственное русское поселение среди горной Чечни. В 1880 году, Указом наместника, в следствие уменьшения русских в слободе было приказано выслать из слободы Шатой всех туземцев, с запрещением в дальнейшем им здесь поселяться. С 1890 года к Шатою прирезали 514 десятин земли, но они продолжали оставаться в распоряжении Аргунского лесничества и охранялись объездчиками из чеченцев. Часть чеченцев подала прошение императору о разрешении на жительство в слободе на правах купцов и купчих, им было разрешено. Они стали приобретать недвижимость в Шатое. Чтобы приобрести недвижимость в слободе, чеченцы поступали на службу в милицию[444]. Начальник гарнизона укрепления Шатой

приказом от 26 августа 1898 года установил порядок, которым запрещал вход в укрепление лицам, не имевшим билета за подписью начальника гарнизона. В результате всё население 5,6,7 участков было лишено возможности посещать почтово-телеграфную контору, сберегательную кассу и участковую аптеку.

18 марта 1901 года были сняты ограничения на проживание горцев в городе Грозном; 27 февраля 1906 года – в слободе Воздвиженской и лишь 10 мая 1916 года – в слободе Ведено и Шатой. Сам начальник области счёл необходимым возбудить ходатайство об отмене закона 14 мая 1893 года как «служащего тормозом к обрусению племён»[445]. «Положение о видах на жительство» 1894 года подтверждало неравноправное положение не привилегированных сословий в отношении паспортного режима и податное значение паспорта для них. Если дворяне, чиновники, почётные граждане, купцы и разночинцы не были ограничены в выборе постоянного места жительства и получали бессрочные паспортные книжки, то приписанные к обществам крестьянам (так же, как мещанам и ремесленникам) в качестве видов на жительство выдавались паспортные книжки на пять лет, паспорта на один год, шесть месяцев и три месяца или бесплатные билеты на отлучку – на срок до одного года. В результате паспортный режим на рубеже XIX – XX вв. продолжал оставаться ещё одним способом подчинения крестьян сельскому обществу, усиливая вместе с тем контроль властей над ними, придавая виду на жительство не только фискальный, но и административный характер. Лишь Указ 5 октября 1906 года предоставил сельским обывателям свободу избрания места постоянного жительства, на одинаковых основаниях с лицами других сословий[446].

После 1888 года местная жизнь на Северном Кавказе, в эпоху реакции, была « совершенно придушена первобытным военно-казацким режимом». Всем управляла казацкая знать, при этом наблюдалось бесправие горцев и иногородних. В трудах комиссии, созданной Владикавказской городской Думой для расследования грабежей и разбоев, одной из причин не спокойной обстановки называлось отсутствие местного самоуправления. На одном из заседаний Думы отмечалось: «Никаких забот о народном образовании, здравии и охране имущества населения, проведения горных дорог и вообще поднятия экономического благосостояния населения – казачья администрация не проявляет»[447].

Б.Н. Чичерин называл главной задачей охранительной системы умение подавлять в народе всякое движение и убивать всякую самостоятельность. Но, к счастью, замечал он, этого сделать нельзя. «Народ не

сотрёшь с лица земли, и если ему запрещают говорить, если хотят согласие установить силой, он в тайне отходит от правительства и отказывает ему в содействии»[448].

Таким образом, наступление реакции и политика контрреформ проявились на Тереке в усилении колониального гнёта, русификаторской политики царизма. Новое административно-политическое управление области, получившее в исторической литературе название военно-казачьего, и ряд антинародных законов были направлены на недопущение добрососедских отношений и дружбы между горцами и казаками. Горцы были поставлены вне действия общих законов империи[449]. После появления в Терской области в 1891 г. нового установления «Об общественном управлении станиц казачьих войск» местные власти возбудили ходатайство перед вышестоящими инстанциями о пересмотре действовавшего установления «Об общественном управлении туземных сельских обществ». При этом делалась ссылка на то, что «современное положение туземцев таково, что они…не представляются покоренным народом». Однако, разработанное аульное положение, как и прежде, опиралось на традиционные воззрения горских обществ и коренные начала их обычного права, приспособленного, тем не менее, по мере возможности к «требованиям времени»[450].

В процессе инкорпорирования Кавказа в состав империи власть стремилась унифицировать систему управления, распространяя на край российские административно-правовые институты. Однако местные особенности, в недостаточное понимание которых она неизменно упиралась, приводили либо к их незавершённости, либо к непредсказуемым последствиям.

Кавказ управлялся в соответствии со сложившейся имперской формулой – «полное слияние окраин с империей», в основе которой лежал геополитический фактор, равно значимый как для самой России, так и для Кавказа. Прецедент подобной модели взаимодействия России с присоединёнными территориями был сформулирован применительно к Польше. После разгрома восстания 1831 года Николай I в своём манифесте, апеллировавшем к общественному сознанию, высказывался за тесное, твёрдое соединение этого края с прочими областями империи. Необходимо характеризовать политику государственной власти России на окраинах империи в целом как лишённую этноцентристских приоритетов. Главным было укрепление общей для империи государственности (этатизм)[451].

Территориальное расширение Российского государства, включение в его состав новых подданных влекло за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов. Они сталкивались с новой политической системой и экономическим строем, поступали в подчинение русской администрации, обнаруживали на своих землях множество пришельцев – русских во вновь основанных городах и селах. Русская колонизационная (в том числе переселенческая) политика была настолько же сложной и противоречивой, каким был круг вовлеченных в ее осуществление политических сил, социальных и этнических групп. Она изменялась как во времени, так и по локальным задачам: ее избирательность зависела от категории «оперируемого» населения и конкретных целей, стоящих за его перемещениями. Однако общие принципы колонизационной политики могут быть прослежены за всеми изменениями правительственного курса, пытающегося использовать различные стратегии для одной, главной задачи – укрепления русского государства, присутствия в регионе и прочной привязки Кавказа к России. Сдвиги в административной, культурной или миграционной политики отражают лишь особенности того, какой же представляется политическому классу страны, в частности – в лице ведущих кавказских администраторов, «национальное основание» империи[452].

Как бы историки ни оценивали ход и последствия (позитивные, негативные, прогрессивные и т.п.) вхождения каждого отдельного народа в состав державы, в любом случае это событие оказывалось стрессовым, кризисным, переломным в его судьбе. Привычные жизненные модели только еще формировались и к тому же зачастую вступали в противоречие со старыми. Эти новые подданные сталкивались с необходимостью осмысливать свое новое состояние, адаптироваться к положению подданных русского царя, определиться в отношении России – могущественной государственной системе, частью которой им довелось стать в силу сложившихся исторических обстоятельств[453]. Процесс «врастания» Кавказа в Российское государство был трудным и долговременным. На этом пути не удалось избежать ошибок и просчетов. Однако объективная заинтересованность сторон в тесной интеграции предопределила его положительное завершение. При этом и горцы, и Российская империя сумели лучше понять друг друга и претерпели определенные изменения, учитывавшие особенности своего исторического партнера[454].

Подведем некоторые итоги

После завершения Кавказской войны государственная власть преследовала несколько задач, внедряя российское гражданское управление в крае. Прежде всего, нужно было окончательно уничтожить очаг напряженности, стягивавший значительные военные и материальные ресурсы империи. Здесь необходимо было подготовить административную, судебную, производственную базу для извлечения максимальной прибыли из сырьевых и потребительских ресурсов этого неосвоенного региона. Втягивание Терской области во всероссийский сельскохозяйственный комплекс, производственно-промышленное сообщество, общий торговый рынок сулило России не только покрытие многомиллионных военных расходов, но и приобретение сверхприбыли. Налоговое обложение, дешевый рынок труда, установление беспрепятственных сообщений с Закавказьем Передней Азией – вот лишь некоторые из прогнозировавшихся источников доходов государственного казначейства. И действительно, в конце XIX века Дон и Северный Кавказ стали на первое место в России по производству технических культур: подсолнечных семян (около 90%), турецкого табака (15%), винограда (35%). Но особенностью было то, что здесь производилось 75% зерновых культур высокой ценности (сильной озимой и яровой пшеницы). Широко было развито животноводство и промысловое рыболовство. Промышленный комплекс являлся сырьевым по своим характеристикам. В дореволюционное время регион давал стране 75% угля, 100% серебра, 80% свинца 20% нефти[455].

При создании многонационального государственного сообщества богатые силы, потенциал каждой национальности должны были быть использованы для блага целых регионов, для роста общегосударственного благосостояния, для развития всего человечества. Однако этого не произошло. Окраины Российской империи тщательно «оберегались» от всего, что напоминало бы о местном самоуправлении и вытекающем из него национальном самовыражении. Понятие «народное» управление не оправдывало своего смысла на Северном Кавказе в имперский период. Безусловно, необходимо было перестроить ближайшую к населению правительственную власть на новых началах. Почва для восприятия земских учреждений среди горцев Терской области уже давно была подготовлена не только всей их прошлой общественно-исторической жизнью, но также и практикою управления после присоединения их к России.

Возникла парадоксальная ситуация: горцы, совершившие своего рода демократическую революцию, введя институт общественного самоуправления, ограничивавшего власть князей и феодалов, после долгих лет борьбы лишились этих завоеваний. Для горцев это было не просто неравноправие – величайшая несправедливость и трагедия, негативно сказавшаяся на их национальном самосознании. Объективная неизбежность злоупотребления властью оборачивалась тем, что нередко горцы весь гнев из-за своего бесправного положения обрушивали не на прямых виновников, а на русских в целом в силу того, что они пользовались большей свободой в решении внутренних проблем. Такое административное неравенство имело результатом не только ущемление чувства национального достоинства, но и привело к формированию у одних – высокомерного отношения, у других – приниженного. Наслоение несправедливостей на фоне внедрения чуждых норм, регламентировавших каждый жизненный шаг горцев, означало для них постоянное насилие. Это был важный морально-психологический момент русско-чеченских отношений.

Своего рода асимметрия государственного устройства, выражавшаяся в особенностях управления национальными окраинами, в сочетании с эффективной инкорпорацией местных элит в общероссийскую, в течение долгого времени поддерживала целостность Российской многонациональной империи. Тенденции к унификации местного управления, ставшие преобладающими в пореформенной России, наряду с «национализацией» внутренней политики и сохранением чрезвычайного режима в отдельных регионах, усиливали опасные для империи центробежные устремления. Некоторые кавказские администраторы предлагали верховной власти планы по упрочнению государственного могущества на Кавказе без ущемления прав коренного населения, но они не получили необходимой поддержки. Проекты реформ, намеченных главноначальствующими, как то: упразднение военно-народного управления, переустройство сельского правления, не получили в Петербурге дальнейшего движения и под тем или иным предлогом возвращались обратно, зачастую в силу защиты государственного казначейства от излишних расходов, но в явный ущерб действительным потребностям коренных жителей Кавказа.

Во второй половине XIX века на Северном Кавказе фактически установился тоталитарный режим. Обычное государство разрешает: думай сам, веруй свободно, строй свою жизнь, как хочешь; тоталитарное требует: думай предписанное; строй свою внутреннюю жизнь по

указу. Тоталитарный режим – это политический строй, беспредельно расширивший свое вмешательство в жизнь граждан, включивший всю их деятельность в объем своего управления и принудительного регулирования. Тоталитарный режим держится не основными законами, а распоряжениями и инструкциями. Наиболее часто нарушение гражданских прав происходит именно в тоталитарных государствах. Справедливость не дается в готовом виде, и не водворяется по рецепту, а творчески отыскивается, взращивается самой жизнью. Представителям различных народов Российской империи от законов следовало требовать: 1. Чтобы они не устанавливали несправедливых привилегий, бесправия и угнетения. 2. Чтобы установленные привилегии заведомо не попирали справедливость. 3. Чтобы вводились такие способы применения права (в управлении, самоуправлении и суде), которые гарантировали бы ограждение от произвольного и не предметного применения закона.

Многие философы обращались к теме соблюдения нравственных принципов государственной власти по отношению к своим подчиненным. Гегель, например, определяет государство, как осуществление нравственной идеи. Нравственная идея, по его мнению, представляющая высшие сочетания свободы с разумным порядком, составляет природу государства, или внутреннюю цель, которую оно осуществляет в своем устройстве. Нравственный же закон, вообще, есть предписание делать добро. Насильственные методы в политике царского правительства встретили отпор со стороны кавказских горцев в первую очередь из-за их аморальности, нарушения общечеловеческих ценностей и главных религиозных принципов.

Государство состоит из народов и ведется правительством; и правительство призвано жить для своих граждан и черпать из них свои жизненные силы, а народы должны ощущать, знать и понимать это, и отдавать свои силы общему делу. Народ – не любое соединение людей, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общности интересов, поэтому государству необходимо учитывать все интересы и действовать с помощью компромиссных решений, находить возможности мирного урегулирования спорных вопросов, не притесняя с помощью силы даже самой малой части своих граждан.

Введение князем А.И. Барятинским «военно-народного» управления носило преимущественно полицейский характер и могло служить только переходным этапом от военного положения к мирной жизни. Сами чиновники в неформальной обстановке называли данное управле-

ние «военным». Создавая в Кавказском крае наместничество, так называемое «военно-народное» управление, не разрешая населению иметь земства, не предоставляя Кавказу прав иметь общеимперские судебные органы, ограничивая деятельность городских управ, правительство по существу не управляло Кавказским краем, а продолжало вести себя здесь как в недавно завоеванной стране, хотя время шло и обстановка менялась. Лишая народы Кавказа законных прав в области местного самоуправления, правительство ставило эти народы в исключительное положение неполноправных граждан с широким кругом дополнительных обязанностей.

Не смотря на все свои очевидные недостатки, военно-народная система обладала и рядом преимуществ. Военные начальники не были втянуты во внутреннюю борьбу в горских обществах, большие полномочия позволяли им оперативно реагировать на любые чрезвычайные ситуации, – быстро пресекать междоусобицы и мятежи. Участие в управлении представителей населения, использование в судопроизводстве адата и частично шариата позволяло приспосабливать российское управление к обычаям горцев, их складу ума и поведения.

Однако уже к началу XX века сложившаяся система административного управления на Северном Кавказе все заметнее приходит в противоречие с укрепляющимися здесь капиталистическими отношениями. Неразделенность функций управления отдельными отраслями народной жизни, нередко отсутствие специальных знаний у должностных лиц, невозможность, и иногда и нежелание охватить вниманием все стороны жизнедеятельности населения, наложенные на его инерцию и консерватизм, вызванные различными запретами, становились тормозом в хозяйственном, культурном развитии местностей с военно-народным управлением. Данные недостатки административной системы нередко вели к росту народного возмущения.

Революционный подъем 1879-80 гг. в России сменился реакцией, которая в центре проявилась в политике контрреформ, на окраинах страны – в усилении колониального гнета. В целях дальнейшего усиления контроля над многочисленным горским населением, сохранившим стремление к сопротивлению чуждым для него законам, был применен режим полицейского надзора. Смена курса национальной политики была окончательно закреплена при Александре III, в виде политики «русификации». На первый план в государственной идеологии, потеснив «имперскую» политическую идею, которая требовала, прежде всего, ло-

яльности всех подданных без различия национальности и веры своему императору, вышла идея «национальной монархии», где русский царь должен править русскими подданными. В правительственных кругах многие понимали значение произошедших изменений, но не все их одобрили.

1881 год обозначен в нашей отечественной истории в качестве рубежа, разделившего вторую половину XIX века на две исторические эпохи. В правительственной политике усиливается тенденция к централизации управления, и потому поднимается вопрос о допустимости такой формы управления, как Кавказское наместничество. Отмена наместничества и учреждение на Кавказе в 1882 году должности Главноначальствующего гражданской частью с несколько расширенными по сравнению с генерал-губернаторскими полномочиями не создало, вопреки ожиданиям, условий для ускорения экономических и социальных процессов. Главноначальствующие имели особые права лишь в сфере пресечения нарушений общественного и государственного правопорядка. Опыт централизации управления Кавказом из Санкт-Петербурга, с учреждением на месте должности Главноначальствующего гражданской частью с расширенной несколько властью обычного генерал-губернатора, длившейся свыше двадцати лет, дал довольно печальные результаты. Кавказ, вместо того, чтобы идти по пути развития за центром империи, отстал от него, и вина в этом лежит в основном не на местной кавказской власти, а на центральных учреждениях. Многие проекты, не встречавшие понимания в центре, были провалены: например, упразднение военно-народного управления, переустройство судебных органов и сельского правления.

Итоги периода 1881-1888 г.г. для Кавказа были противоречивыми. Если для Закавказья в результате ликвидации наместничества и роспуска Кавказского комитета были установлены общероссийские формы взаимодействия между государственными органами и региональной администрацией, то на Северном Кавказе аналогичные преобразования практически зашли в тупик. К концу 1880-х годов весь этот регион оказался под контролем военного ведомства. Таким образом, с точки зрения установленной Петербургом послевоенной задачи унификации по общероссийскому образцу форм взаимодействия северокавказской администрации с центральными государственными органами, произошел даже определенный откат назад, поскольку было полностью восстановлено значительно ослабленное к началу преобразований влияние военной администрации на коренное население Терской области.

Введение земства означало бы конец самоуправству чиновников. Общероссийское юридическое законодательство полноправно распространилось бы на данный регион. Однако местные бюрократы опасались потери своей абсолютной власти и докладывали в вышестоящие инстанции, что горцы еще не готовы к принятию земской системы.

Служба на Кавказе и управление недавно покоренным краем требовали одновременно гибкости и твердости, умения вести тонкую восточную интригу, руководить сложным хозяйством области; удовлетворять нужды населения и при необходимости силой поддерживать авторитет правительства. Благонадежная администрация – это та опора, с помощью которой должно было строиться здание российской административной системы, особенно в русле задач, стоявших перед правительством применительно к Кавказу и вообще к окраинам империи, а именно – приобщение их к общероссийской государственности и гражданственности. Кроме того, в условиях, когда право принятия важнейших решений для судеб населения в подавляющем большинстве случаев находилось в руках администраторов, принадлежавших к великорусской нации, вся ответственность за ошибки властей, за бедственное положение населения, жителями Северного Кавказа, в отличие от находившихся в таком же положении жителей центральных губерний, возлагалась уже не просто на «власть», а на «власть русскую». Данное обстоятельство создавало благоприятную почву для поддержания сепаратистских настроений у определенной части населения.

Между тем, с течением времени сохранившееся отсутствие местных кадров на сколько-нибудь значимых должностях в управлении Терской области неизбежно вело к усилению отчужденности между основной массой населения и властью, стремительно увеличивалась дистанция между ними. Очевидно, что в первые десятилетия существования Терской области, после длительного военного противостояния, ограниченное участие горцев в местном административном управлении было предопределено. Только таким образом, по мнению российских властей, можно было гарантировать полный контроль над подвластным населением со стороны имперских властей, спокойно управлять новыми территориями и постепенно двигаться в направлении слияния данной территории с остальными частями империи.

В более поздний период основная причина ограниченного участия горцев в местном административном управлении заключалась в самом характере «военно-народной системы». «Военно-народное» управление

обеспечивало участие местного населения в судебной сфере и на уровне сельского управления. Именно здесь, по мнению властей, участие местного населения не только оправдано, но и необходимо. Вместе с тем, в рамках «военно-народной» системы горцы не допускались на те уровни власти в управлении Терской областью, где принимались серьезные политические решения. В первую очередь это касалось уровня областного правления. При этом надо заметить, что формально-юридических ограничений по этническому или религиозному принципу для участия местных кадров в управлении Терской областью в российских законодательных актах почти не прослеживается.

Способ управления Северным Кавказом и Терской областью, в частности, который российские власти, в силу различных субъективных и объективных причин, предпочли на этапе российского имперского правления в регионе, можно охарактеризовать как осторожность, граничащую с нерешительностью. Причины отказа российских властей от административно-судебных преобразований, на грани веков, лежат довольно глубоко. Они заключались в том, что всякая попытка ограничить бюрократические приемы управления горцами Терской области путем ликвидации административного влияния на судебную систему горцев, передачи управления ими из военного ведомства в гражданское, или же путем привлечения населения к управлению областью через органы местного самоуправления – земства, вступала в явное противоречие с основным принципом «военно-народной» системы – единоначалием русской администрации, состоявшей из чинов военного ведомства, а в итоге влекла бы за собой необходимость ликвидации этой системы в целом. За редким исключением, власти не были готовы отказаться от «военно-народной» системы, которая в течение полувека обеспечивала российские власти средствами поддержания спокойствия среди населения, и в которой по инерции продолжали видеть единственный гарант сохранения порядка в крае. В итоге, сняв остроту противоречий и добившись относительной политической стабильности военно-полицейскими средствами, российская бюрократия на Северном Кавказе к началу Первой мировой войны отказалась от коренных преобразований административно-политической сферы. В условиях, когда для оздоровления обстановки край нуждался в целой системе мер, причем не только политического, но и социального, и экономического характера, такая позиция российских властей была крайне уязвимой, так как гарантировала стабильность только до первого серьезного кризиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. №5. – М.,2005. – С.48.

[2] Шаповалов А.И.,Шнайдер В.Г. Северный Кавказ в орбите геополитических интересов России: социокультурные источники имперских интересов // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.71.

[3] Там же. – С.59,61.

[4] Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2006. – С.122-123.

[5] Чубарьян А. Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей /Под ред. А.И. Миллера. – М.,2004. – С.12.

[6] Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик,2006. – С.50.

[7] Айдаева Н.М., Гусаева К.Г. Теоретико-правовые проблемы регулирования межнациональных отношений: Монография. – Махачкала,2006. – С.5,15.

[8] Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Северный Кавказ в орбите геополитических интересов России: социокультурные источники имперских интересов // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.78.

[9] Там же. – С.77.

[10] Шпак А.Н. Создание и совершенствование защиты и охраны государственной границы в Российской империи (1721-1893 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2006. – С.4.

[11] Немирович – Данченко В. Из летней поездки по Кавказу // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №27. – С.1.

[12] Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio. №1-2. – Казань,2001. – С.17,38.

[13] Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. – Орджоникидзе,1988. – С.18,21,61-62.

[14] Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Северный Кавказ в орбите геополитических интересов России: социокультурные источники имперских интересов // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.61,69.

[15] Гасанов М.М. Дагестан в составе России. (Проблемы экономического, политического и культурного развития втор. пол. XIX в.) Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,1999. – С.50.

[16] Гордин Я.А. Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов // Империя и либералы (Материалы международной конференции). Сборник эссе. – СПб.,2001. – С.19-20.

[17] Там же. – С.21.

[18] Солдатов С.В., Худобородов А.Л. «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании». Князь Г.Г. Гагарин о политике России на Кавказе. 1884 // Исторический архив. №1. – М.,2004. – С.208.

[19] РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.113. Л.1-12.

[20] Цит. по: Солдатов С.В. Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников. Дис. …канд. ист. наук. – Челябинск,2004. – С.144.

[21] Кутафин О.Е. Российская автономия: монография. – М.,2006. – С.6,10.

[22] Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): Монография. – М.,2006. – С.159-160.

[23] Хагба Б.А. Этнополитическая стратегия России на Кавказе: (Историко-политологический анализ). Дис. …канд. филос. наук. – М.,1996. – С.58.

[24] Пасько Е.А. Колонизационная политика России: Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,2003. – С.211.

[25] Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. – Чернигов,2006. – С.84-88.

[26] Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. – Чернигов,2006. – С.93-96.

[27] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.4.

[28] Современный словарь иностранных слов. – М.,1993. – С.237.

[29] Кондратенко Д.П. Проблемы национальных отношений в программных документах либеральных партий России (кон XIX – февраль1917 г.). Дис. …канд. ист. наук. – М.,1998. – С.5,28.

[30] Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio. №1-2. – Казань,2001. – С.44,52.

[31] Березовский Д.В. Права и свободы жителей Российской Империи в период становления и развития капитализма,1861-1905 г. Дис. …канд. юрид. наук. – Самара,2003. – С.62,75.

[32] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.42,50.

[33] Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств. – М.,2001. – С.1.

[34] Березовский Д.В. Права и свободы жителей Российской Империи в период становления и развития капитализма,1861-1905 г. Дис. …канд. юрид. наук. – Самара,2003. – С.54.

[35] Трепавлов В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. // История и историки: историографический очерк / Ин-т российской истории РАН. – М.,2005. – С.172.

[36] Иванов И.Н. Чрезвычайное законодательство: история и современность (Теоретический и историко-правовой аспекты). Дис. …канд. юрид. наук. – СПб.,2002. – С.78.

[37] Айбатов М.М. Государственно-правовая мысль народов Северного Кавказа (XIX – XX в.). – М.,2006. – С.308-309.

[38] Лопухова А.В. Националисты в Государственной Думе Российской империи. Дис. …канд. ист. наук. – Самара,2005. – С.37-38.

[39] Даргичева С.В. Деятельность депутатов Государственной Думы от Северного Кавказа в разрешении национального вопроса (1906-1917 гг.). Автореф.дис. …кад. ист. наук. – Владикавказ,2006. – С.14,17-18,21.

[40] Иванов И.Н. Чрезвычайное законодательство: история и современность (Теоретический и историко– правовой аспекты). Дис. …канд. юрид. наук. – СПб.,2002. – С.81.

[41] Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894. – С.1,23-24.

[42] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.66-67.

[43] Невская Т.А. Проведение Столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906-1917). Дис. …докт. ист. наук. – СПб.,1998. – С.14.

[44] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.50-51.

[45] Латынина Ю. Идея нации и идея империи // Знание – сила. – М.,1993. – №4. – С.76.

[46] Шотин Ф. Правда о Кавказских горцах // С.-Петербургские ведомости. – СПб.,1900. – №172. – С.1.

[47] Игнатьев Е. Россия и окраины. – СПб.,1906. – С.18,26,34,44.

[48] Дондуков – Корсаков К. Всеподданнейшая записка Главноначальствующего на Кавказе по гражданскому управлению. – СПб.,1883. – С.125.

[49] Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894. – С.323.

[50] Авторханов А. Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа // ЧИНИИ. Известия. Т.1. Вып.1. – Грозный, 1936. – С.33.

[51] Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах,1801-1917. – М.,2006. – С.117.

[52] Алексанов И. Северный Кавказ. Экономические очерки из жизни края // Вестник Европы. Т.6. Кн.11. – СПб.,1899. – С.107,115.

[53] Пальм. Кавказские губернаторы о Кавказе (Материалы для истории кавказского мятежа) // Исторический вестник. Год 31-й. Т.121. – СПб.,1910. – С.935.

[54] Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. – СПб.,1914. – С.25.

[55] Ванишвили Ш.Н. Закавказье в системе Российского правления, 1864-1917. Дис. …докт. ист. наук. – Тбилиси,1990. – С.373.

[56] Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №4. – С.86,90,99.

[57] Трепавлов В.В. Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: в 2 кн. Кн.2. – М.,2006. – С.203.

[58] Парова Л.М. К истории разработки планов покорения Кавказских горцев российским царизмом // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д.,1993. – №3. – С.57.

[59] Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Полное собрание сочинений. Т.4. – М.,1937. – С.154,156.

[60] Парова Л.М. К истории разработки планов покорения Кавказских горцев российским царизмом // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д.,1993. – №3. – С.57.

[61] «Представляется совершенная свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере». Генерал А.А. Вельяминов об управлении духовной жизнью горцев Кавказа // Источник. Документы русской истории. – М.,2003. – №5. – С.17-18.

[62] Цит. по: Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (Вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.) Дис. …докт. ист. наук. – М.,2004. – С.163.

[63] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.250.

[64] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ...канд. ист. наук. – М.,2004. – С.27.

[65] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.43. Л.52.

[66] Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. – Р н/Д.,2000. – С.30.

[67] РГАЛИ. Ф.46. Оп.2. Д.359. Л.1-5.

[68] Зиссерман А.А. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский (1815-1879). Т.1. – М.,1888. – С.344.

[69] Rhinelander G. H. Russias Imperial Policy. Adminustration of the Caucasus in the Half of the XIX th Century. – Canadian Slavonic Papers. 1975. – Vol.XVII.

[70] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист.наук. – М.,2004. – С.28.

[71] Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол. XIX в.). – М.,1998. – С.17.

[72] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.404.

[73] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. СПб.,2001. С.186.

[74] Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон.XVIII – нач. XX вв. Автореф. дис. …докт. ист. наук. – СПб.,2006. – С.7.

[75] Блинов А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб.,1905. – С.42.

[76] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.2. Особенная часть. – СПб.,1893. – С.200.

[77] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.201.

[78] Архив Кавказской Археографической комиссии. Т.XI. – Тифлис. Б.г. – С.2.

[79] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.2. – СПб.,2001. – С.201.

[80] Кавказский Военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому Военно-историческому музею. – Тифлис, 1909. – С.36.

[81] Аверин М.Б. Особенности управления национальными окраинами России кон.XIX – нач. XX в. (на примере Кавказского края) // Государство и право: проблемы, помехи, решения и предложения. Вып.I. – Ульяновск. 1996. – С.23,25.

[82] Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910. – С.261,266.

[83] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 г.г. в России. – М.,1952. – С.65.

[84] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.205.

[85] Аверин М. Б. Особенности управления национальными окраинами России кон. XIX – нач. XX в. (на примере Кавказского края) // Государство и право : проблемы, помехи, решения и предложения. Вып.I. – Ульяновск, 1996. – С.22.

[86] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.275.

[87] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.,1968. – С.193.

[88] АВПРИ. Ф. 144 (Персидский стол). Оп.488. Д.1907,1862. Л.2.

[89] Киняпина Н.С. Внешняя политика России втор. пол. XIX в. – М., 1974. – С.13-14.

[90] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.,1968. – С.197.

[91] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.407.

[92] Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910. – С.133.

[93] Цит. по: Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.170.

[94] Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик,2006. – С.50.

[95] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.268.

[96] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.407.

[97] Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910. – С.133.

[98] Сенин А.С. «Требует большого искусства и осмотрительности…» (Из истории управления национальными окраинами Российской империи) // Этнополитический вестник. – М.,1996. – №I (13). – С.219.

[99] Пляскин В.П. Государственная национальная политика России на Кавказе (1864-1917 гг.): военно-исторический аспект. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2003. – С.264.

[100] Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). – М.,2004. – С.210.

[101] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.451.

[102] Keep John L.H. Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia. 1462-1874. – Oxford,2002. – S.356.

[103] Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. – М.,2006. – С.275,277-278.

[104] Кузьминов П.А. Причины крестьянской реформы у народов Северного Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского государственного ун-та. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004. – С.19.

[105] Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел (1861) // Александр II . Воспоминания. Дневники. – СПб.,1995. – С.91.

[106] Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Лондон. – СПб. Б.г. – С.6.

[107] Иванов К.В. Редактор газеты «Кавказ» В.В. Стратонов (1910-1911 гг.) // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар,2005. – С.90.

[108] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.258.

[109] Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис,1888. – С.7.

[110] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.186.

[111] АВПРИ. Ф.144 (Персидский стол). Оп.488. Д.416,1882. Л.18.

[112] Матвеев В.А. В интересах горцев. О системе управления на Северном Кавказе // Ориентир. – М.,1999. – №11. – С.65.

[113] РГИА. Ф.565. Оп.1. Д.4398. Л.79 об.

[114] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.213.

[115] Там же. – С.218,451.

[116] «Кавказский запрос в Государственной Думе» (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). – Тифлис,1909. – С.7.

[117] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.156.

[118] Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – нач.XX в. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – М.,1989. – С.21.

[119] Кондрашева А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (2-я половина 40-х гг. XIX – начало XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,2003. – С.215.

[120]Цит. по: Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.4-5.

[121] Битов А. «У нас есть одно достояние общее… у нас есть русский язык» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М.,2006. – С.51.

[122] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.98.

[123] Русские писатели в нашем крае. – Грозный,1958. – С.16.

[124] Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе,1971. – С.80.

[125] Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление Наместничества на Кавказе // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М.,2006. – С.91-92.

[126] Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк – Мирский и деятельность Министерства внутренних дел. Дис. …канд. ист. наук. – СПб.,2006. – С.140,175-176.

[127] Волхонский М.А. Первая русская революция… – С.93-95.

[128] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.282-284.

[129] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова-Дашкова. – Тифлис,1907. – С.156.

[130] Невский С.А. Правовое регулирование оборота оружия на Кавказе в XIX – начале XX века // Военно-исторический архив. – М.,2004. – №9(57). – С.144-145.

[131] Там же. – С.145-148.

[132] Мачукаева Л.Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.,2005. – С.86-87.

[133] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.281-282.

[134] Малахова Г.Н. Государственное управление Кавказом – история и современность // Вертикаль власти : проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России. Вып.1. – Р н/Д.,2001. – С.56-57.

[135] Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.182.

[136] Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность (вторая половина XIX– XX вв.) Дис. …канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.52.

[137] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.407.

[138] Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia,1689-1917. – Cambridge,2006. – С.359.

[139] Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М.,2005. – №5. – С.48.

[140] Арапов Д.Ю. «Трудностей разрешения мусульманского вопроса не отрицают и сами мусульмане». Материалы Министерства внутренних дел России. 1916 г. // Исторический архив. – М.,2004. – №1. – С.109.

[141] Исхаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. – М.,2005. – №5. – С.64.

[142] Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М.,2005. – №5. – С.48.

[143] «Наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором политике внешней». С.Ю. Витте и его позиция в мусульманском вопросе // Источник. Документы русской истории. – М.,2003. – №2(62). – С.24.

[144] Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М.,2005. – №5. – С.57.

[145] Там же. – С.58.

[146] РГИА. Ф.1268. Оп.12. Д.105. Л.74-76.

[147] Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М.,2005. №5. – С.60.

[148] Исхаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. – М.,2005. – №5. – С.65,71.

[149] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.33.

[150] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.288.

[151] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.1.

[152] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.13.

[153] Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия. Дис. …докт. ист. наук. – Грозный,1971. – С.19.

[154] ГИМ ОПИ. Ф.254. Д.321. Л.49.

[155] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.12.

[156] Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия. Дис. … докт. ист. наук. – Грозный, 1971. – С.20.

[157] Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства; географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500 000 адресов. Год 1878. – М.,1878. – С.657.

[158] Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис,1888. – С.216.

[159] Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905. – С.15.

[160] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917). Автореф. дис. ….канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.5.

[161] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.205.

[162] Реформы 60-70-х годов XIX века в Дагестане и их влияние на антиколониальную борьбу горцев. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2006. – С.57.

[163] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.268.

[164] ГА РФ. Ф.677. Оп.1. Д.498. Л.14.

[165] РГИА. Ф.1341. Оп.104. Д.279. Л.1.

[166] РГИА. Ф.733. Оп.193. Д.381. Л.6.

[167] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.12.

[168] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.110.

[169] Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998. – С.83.

[170] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.22.

[171] Законы об управлении областей Дальнего востока. – СПб.,1904. – С.109.

[172] Архипова Е.В. Формирование границ на Кавказе в XIX – начале XXI в. (границы между Азербайджаном, Грузией и Россией). Дис. …канд. ист. наук. – Волгоград,2005. – С.3-5.

[173] Шамиль и Чечня // Военный сборник. – СПб.,1859. – №9. – С.141-143.

[174] Казначеев А. Административные преобразования в Терской области (1860-1905 гг.). – М.,2004. – С.7-8.

[175] Кабузан В.М. Динамика численности и этнического состава населения Чечено-Ингушетии в XVIII – XX веках // Труды Института российской истории / Ин – т российской истории РАН. – М.,1997. Вып.5. – М.,2005. – С.209-210.

[176] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.19.

[177] Мамбетов Г.Х. Институт аманатства и его роль в распространении и изучении русского языка на Сееверном Кавказе // Вестник Кабардино-Балкарского государственного ун-та. Серия Гуманитарные науки. Вып. 8. – Нальчик,2003. – С.14-16.

[178] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.13.

[179] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.8. Л.35.

[180] Зверинский В.В. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г. – СПб.,1887. – С.24.

[181] Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863-75 гг.) (по архивным источникам). – М.,2000. – С.55.

[182] РГИА. Ф.1407. Оп.3. Д.7943. Л.3.

[183] РГИА. Ф.1268. Оп.15. Д.146. Л.25.

[184] Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.19. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 гг. – СПб.,1887. – С.26.

[185] ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. LII (1877). – СПб.,1879. – С.308.

[186] Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.126.

[187] Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства; географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500 000 адресов. Год1878. – М.,1878. – С.656.

[188] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.67.

[189] Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. – Орджоникидзе,1988. – С.21.

[190] Высочайшие повеления // Терские ведомости. – Владикавказ,1888. – №39. – С.1.

[191] Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX – XX в. – Орджоникидзе,1978. – С.26.

[192] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.67.

[193] Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX –XX в. – Орджоникидзе,1978. – С.29.

[194] Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992. – С.21.

[195] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.85.

[196] Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 г. – Владикавказ,1901. – С.2.

[197] Законы об управлении областей Дальнего востока. – СПб.,1904. – С.110.

[198] Бороденко В.Е. Административно-церковное управление Предкавказья в XIX в. // Проблемы историографии и истории Кубани. Сборник научных трудов. – Краснодар,1994. – С.147.

[199] Карцов А.П. Письма из губернии. Терская область // Русский вестник. Т.234. – СПб.,1894. – С.293.

[200] Акиев Х.А. Привилегированное сословие горцев Северного Кавказа на службе в царской армии и милиции // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – XX в.). – Грозный,1980. – С.86.

[201] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.32.

[202] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.3.

[203] ГИМ ОПИ. Ф.307. Оп.1. Ед. хр.8. Л.117.

[204] ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.VII.(1887). – СПб.,1889. – С.21.

[205] Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905. – С.44.

[206] ПСЗ РИ. Собр.2-е. Т.LI. Отд.1. (1876). – СПб.,1878. – С.53.

[207] Блиев М.М. О некоторых вопросах истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI – XIX в. // Северо-Осетинский педагогический институт. Учёные записки. Т.27. Вып.1. – Орджоникидзе,1967. – С.127.

[208] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.7.

[209] Сборник сведений о Терской области. Т.1.Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.146.

[210] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1887 год. – Владикавказ,1887. – С.11.

[211] Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д.,2000. – С.152.

[212] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.95.

[213] Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства. Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2005. – С.90, 165.

[214] Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. XIX век: Справочник / Составитель З.М.Блиева. – Владикавказ,2003. – С.3.

[215] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.95.

[216] Бердяев С.К. Разбои на Северном Кавказе. Из воспоминаний старого администратора (Период 1907-1915 г.). – Париж,1936. – С.6.

[217] Немирович – Данченко В. Из летней поездки по Кавказу // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №27. – С.1.

[218] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.118.

[219] Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (Допролетарский период). – Р н/Д.,1990. – С.40-41.

[220] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.115.

[221] Там же. – С.118.

[222] Померанцев А.В. Как живут и трудятся народы в горах Кавказа. – М.,Л.,1927. – С.3.

[223] Кузнецов Н.Д. Третья Гос.дума и национальная политика царизма на Кавказе. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М.,1951. – С.12.

[224] Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский (1815-1879). Т.1. – М.,1888. – С.217.

[225] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.6.

[226] АВПРИ. Ф.144(Перс. стол). Оп.488. Д.418.,1896-1907,1910. Л.53.

[227] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX –начале XX века (на материалах Терской области) Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.29.

[228] Гасанов М.М. Дагестан в составе России (Проблемы экономического, политического и культурного развития втор. пол.XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,1999. – С.205.

[229] Асфендияров А.З. Введение кантоной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии. Дореволюционный период. – Уфа,1969. – С.159-164.

[230] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи : становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.395-396.

[231] Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дис. …докт. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.328.

[232] Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач. XX вв.). – Нальчик,1995. – С.12.

[233] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XX в. – Тбилиси,1988. – С.288.

[234] Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач.XX в.). – Нальчик,1995. – С.13.

[235] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.6.

[236] ГА РФ. Ф.677. Оп.1. Д.511. Л.16.

[237] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.7.

[238] Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев,1913. – С.9.

[239] Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач.XX в.). – Нальчик,1995. – С.13.

[240] Гасанов М.М. Дагестан в составе России (Проблемы экономического, политического и культурного развития втор. пол. XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,1999. – С.205.

[241] ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.3 (1883). – СПб.,1886. – С.300,354.

[242] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.127.

[243] Туманов Г.М. К введению на Кавказе земского самоуправления. Материалы, собранные Тумановым. – Тифлис,1905. – С.9.

[244] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.) – . СПб.,1998. – С.550.

[245] Джабоги В.-Г. Революция и гражданская война на Северном Кавказе кон.XIX – нач. XX вв. // Наш Дагестан. –1994. – №167-168. – С.31.

[246] ОР РГБ. Ф.363. К.5. Д.5. Л.25.

[247] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX –начале XX века (на материалах Терской области). Дис. … канд. ист. наук. – М.,2004. – С.31.

[248] Генерал-лейтенант Чернявский. Кавказ в течение 25-летнего царствования императора Александра II , 1855-1880. Исторический очерк. – СПб.,1898. – С.54.

[249] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.30.

[250] Фадеев Р.А. Отрывки из записки генерала Фадеева о Кавказе // Русь. – 1884. – №3. – С.25.

[251] Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,1979. – С.29.

[252] РГИА. Ф.1152. Оп.8. Д.216. Л.75.

[253] Малахова Г.Н. Государственные реформы 60-80-х годов XIX века как завершающий этап включения Северного Кавказа в административную и экономическую систему России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб.,2003. – С.174.

[254] Мачукаева Л.Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.,2005. – С.100.

[255] Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.177.

[256] Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки .– 2002. – №2. – С.10.

[257] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.69.

[258] Мальцев В.Н. Административная реформа в казачьих областях Северного Кавказа во второй пол. XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград,1995. – С.101.

[259] Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.181-183.

[260] Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. – СПб.,1900. – С.67.

[261] Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик,2001. – С.438.

[262] Мальцев В.Н. Административная реформа в казачьих областях Северного Кавказа во второй пол.XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград,1995. – С.102.

[263] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.287.

[264] Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2002. – №2. – С.11.

[265] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.123.

[266] Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906-1917. Сборник документов и материалов. – Уфа,1998. – С.322.

[267] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.418,1896-1907,1910. Л.57.

[268] Проценко Ю.П. Записка о производительных силах Кавказского и При-Каспийского края // Кавказский календарь на 1880 г. – Тифлис,1879. – С.95.

[269] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач.XX в.). – СПб.,1998. – С.129.

[270] Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т.1. Центр и окраины. – М.,1908. – С.202.

[271] Мачукаева Л.Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.,2005. – С.92.

[272] Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2002. – №2. – С.11.

[273] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.127.

[274] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.278.

[275] Исмаил-Заде Д.И. Система управления и российская бюрократия // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003. – С.115.

[276] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.278-279.

[277] Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. – М.,2006. – С.38-39.

[278] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.,1978. – С.146-148.

[279] ГИМ ОПИ. Ф.254. Ед.хр.321. Л.57 об.

[280] Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910. – С.131.

[281] Русева Л. России верные сыны. – М.,2006. – С.370.

[282] Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России в первой четверти XIX века. Автореф. дис. ….канд. ист. наук. – М.,1995. – С.13.

[283] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.42. Л.50.

[284] РГИА. Ф.565. Оп.2. Д.6875. Л.3.

[285] Герберт А. «Развитие ресурсов этой области тормозится существующей системой» (Кавказ глазами английского полковника) // Источник. – 1999. – №5. – С.34.

[286] Сенин А.С. Государственная служба в «Золотой век» Российской империи // История гос.службы в России. XVIII – XX века. – М.,1999. – С.119,125.

[287] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.2.

[288] Исторический отдел // Терский календарь на 1896 г. Вып.V. – Владикавказ,1895. – С.200.

[289] Соллогуб В.А. Три повести. – М.,1978. – С.42.

[290] Семёнов Н. Туземцы Северного Кавказа. – СПб.,1895. – С.32-35.

[291] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.74-75.

[292] Абрамов Я.В. Кавказские горцы. – Краснодар,1927. – С.91.

[293] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.142.

[294] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.475.

[295] Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.12. – Тифлис,1904. – С.1111.

[296] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.399.

[297] Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский // Русский архив. Кн.1. Вып.1. – М.,1889. – С.123.

[298] РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д.303(3). Л.238.

[299] Карцов А.П. Письма из губернии. Терская область // Русский вестник. – 1894. – Т.234. – С.290.

[300] Там же. – С.292.

[301] Приказы и постановления // Кавказский календарь на 1863 г. – Тифлис,1862. – С.198.

[302] Кавказский Военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому Военно-историческому музею. – Тифлис,1909. – С.83.

[303] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.142.

[304] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.3 об.

[305] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.322. Л.9,15.

[306] Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб.,1908. – С.63.

[307] ОР РГБ. Ф.363. К.5. Д.5. Л.2.

[308] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.260. Л.13.

[309] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 5. Д.15. Л.3.

[310] Свод законов Российской империи. Т.3. Кн.2. – СПб.,1896. – С.48.

[311] Сенин А.С. Государственная служба в «Золотой век» Российской империи // История гос. службы в России. XVIII – XX века. – М.,1999. – С.116.

[312] Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.94.

[313] РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.112. Л.161.

[314] Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992. – С.22.

[315] Пальм. Кавказские губернаторы о Кавказе (Материалы для истории Кавказского мятежа) // Исторический вестник. – 1910. – Т.121. – С.942.

[316] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.101.

[317] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютант гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.135.

[318] Там же. – С.28-29.

[319] РГИА. Ф.573. Оп.6. Д.7608. Л.3.

[320] Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач.XX вв.). – Нальчик,1995. – С.66.

[321] Ортабаев Б.Х. Социально-экономические отношения у горских народов Терека в кон.XIX – нач.XX в. (1890-1917). Дис. …докт. ист. наук. – Орджоникидзе,1985. – С.22.

[322] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.29.

[323] Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992. – С.23.

[324] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.355.

[325] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.129.

[326] Березов Б.П. К вопросу об особенностях и формах аграрного движения и классовой борьбы осетинского крестьянства в пореформенный период // Проблемы и культура народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.142.

[327] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.399.

[328] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.71,75.

[329] Абрамов А. Кавказские горцы (Из летних экскурсий) // Дело. – 1884. – №1. – С.90.

[330] РГИА. Ф.565. Оп.1. Д.4398. Л.35 об.

[331] Законы об управлении областей Дальнего востока. – СПб.,1904. – С.111.

[332] «Кавказский запрос в Государственной Думе» (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). – Тифлис,1909. – С.68.

[333] Государственнная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М.,2006. – С.714.

[334] Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов на пути к власти: (XIX в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2001. – №4. – С.42.

[335] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.14.

[336] Ржевусский А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географо-статистических сведений о Терском казачьем войске. – Владикавказ,1888. – С.202.

[337] Общий состав управлений Кавказского военного округа, III часть. – Тифлис,1869. – С.132.

[338][338] Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства; географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 5000 адресов. Год 1878. – М.,1878. – С.656.

[339] Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов, законоположений. – Екатеринодар,1913. – С.115.

[340] Дневник Д.А. Милютина . 1873-75 г. Т.1. – М.,1947. – С.250.

[341] ОР РГБ. Ф.169. К.74. Д.53. Л.4.

[342] Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский 1815-1879. Т.3. – М.,1891. – С.95.

[343] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.17.

[344] Там же. Л.20,26.

[345] Дневник Д.А. Милютина. 1873-75 г. Т.1. – М.,1947. – С.250.

[346] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.37.

[347] Кузьминов П.А. М.. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.126.

[348] Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис-Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность. Автореф. дис. ….канд. ист.наук. – М.,1997. – С.23.

[349] Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824-1888). – СПб.,2005. – С.26.

[350] Кузьминов П.А. М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.109.

[351] Ковалевский М.М. Конституция гр. Лорис-Меликова и его частные письма. – Берлин,1904. – С.99.

[352] РГАЛИ. Ф.191. Оп.1. Д.2432. Л.5,7,10.

[353] Дубенцов Б.Б. М.Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880-1881 гг. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб.,2003. – С.211.

[354] Ковалевский П.А. М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.113.

[355] Кузьминов П.А. М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.2005. – С.110.

[356] Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. – СПб.,2001. – С.383.

[357] Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824-1888). – СПб.,2005. – С.26.

[358] Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824-1888). – СПб.,2005. – С.29.

[359] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.8. Л.8.

[360] РГАЛИ. Ф.1440. Оп.1. Д.384. Л.7,10.

[361] ГА РФ. Ф.569. Оп.1. Д.117. Л.24.

[362] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.2. Л.95.

[363] Граф М.Т. Лорис-Меликов, начальник Верховной распорядительной комиссии (Краткий биографический очерк). – СПб.,1880. – С.5-6.

[364] Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. – СПб.,2001. – С.383-384.

[365] Драгоманов М. Соловья баснями не кормят. – Женева,1880. – С.1.

[366] Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. – СПб.,2001. – С.383.

[367] Дневник князя Амилахвари // Кавказский сборник. Т.XVIII. – Тифлис,1908. – С.453.

[368] Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис-Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность. Автореф. дис. …канд. ист.наук. – М.,1997. – С.23.

[369] Мещерский В. Кавказский путевой дневник кн. Мещерского. – СПб.,1878. – С.66.

[370] Von Wesendonk O.G. Aus der kaukasischen welt. – Berlin, 1985. – S.154.

[371] Гроссман Л.Т. Бархатный диктатор. – М.,1933. – С.7.

[372] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.93. Л.60.

[373] «Совершено повсеместное освобождение холопов во вверенной мне области». Рапорты начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова. 1866-1867 гг. (Ю.Н. Герасимова) // Исторический архив. – М.,2005. – №6. – С.181.

[374] Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Биографический очерк. – Тифлис,1889. – С.14.

[375] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.11. Л.39.

[376] ГА РФ. Ф.569. Оп.1. Д.135. Л.1.

[377] ОР РНБ. Ф.520. Д.374. Л.1.

[378] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.11. Л.39.

[379] Правительственный вестник // Русский инвалид. – 1870. – №50. – С.1.

[380] РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д.235. Л.30.

[381] Waldron P. The End of Imperial Russia , 1855-1917. – Basingstoke, 1997. – S.16.

[382] Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов на пути к власти: (XIX в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2001. – №4. – С.42.

[383] РГВИА. Ф.970. Оп.2. Д.1925. Л.72.

[384] Кузьминов П.А. М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.123.

[385] Саракаев И.-Б. По трущобам Чечни (Жгучий и наболевший вопрос). Грозный,1991. – Владикавказ,1913. – С.19.

[386] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.26. Л.4.

[387] Там же. Л.5.

[388] ГА РФ. Ф.569. Оп.1. Д.127. Л.16-17.

[389] РГАЛИ. Ф.191. Оп.1. Д.2432. Л.13.

[390] РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д.235. Л.28.

[391] Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. – СПб.,2001. – С.384.

[392] Кузьминов П.А. М.Т. Лрис – Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.125.

[393] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.8. Л.13.

[394] ОР РНБ. Ф.175. Д.3. Л.2.

[395] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.35. Л.15.

[396] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.21. Л.12.

[397] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.14. Л.38.

[398] ГА РФ. Ф.109., 4 эксп., Д.255. Л.26.

[399] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.40. Л.2.

[400] Общий состав управлений Кавказского военного округа, III часть. – Тифлис,1869. – С.132.

[401] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.3.

[402] Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Биографический очерк. – Тифлис, 1889. – С.19.

[403] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.3. Л.31.

[404] РГАЛИ. Ф.1440. Оп.1. Д.384. Л.9.

[405] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.238. Л.7.

[406] ОР РНБ. Ф.874. Оп.2. Д.299. Л.3.

[407] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.4.

[408] ГА РФ. Ф.569. Оп.1. Д.127. Л.15.

[409] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.39. Л.16.

[410] РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.112. Л.173.

[411] Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон. XIX – нач.XX в.: К проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д.,1989. – С.23.

[412] Тройно Ф.П. Поземельные отношения у горских народов Северного Кавказа (с начала пореформенного периода). Дис. …докт. ист.наук. – Белгород,1984. – С.93.

[413] Магомадов М.М. Сущность и факторы интенсификации производства // ЧИНИИИЯ и Л. Т.IX. Ч.4. Вып.1. Известия. – Грозный,1976. – С.128.

[414] Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко-этнографическое исследование). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Грозный,2004. – С.4.

[415] Магомадоа М.М. Сущность и факторы интенсификации производства // ЧИНИИИ и Л. Т.IX. Ч.4. Вып.1. Известия. – Грозный,1976. – С.132.

[416] ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.4. Д.12. Л.11.

[417] Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975. – С.411.

[418] Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. – 1901. – №4. – С.97-98.

[419] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.105. Л.2,4.

[420] ГА РФ. Ф.649. Оп.1. Д.231. Л.12 об.

[421] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.5 об.

[422] Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис-Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – М.,1997. – С.23.

[423] Аверин М.Б. Особенности управления национальными окраинами России кон.XIX – нач.XX в. (на примере Кавказского края) // Государство и право: проблемы, помехи, решения и предложения. Вып.I. – Ульяновск,1996. – С.24.

[424] Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства, географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500 000 адресов. Год 1878. – М.,1878. – С.656.

[425] Отдел официальный // Терские ведомости. – 1887. – №17. – С.1.

[426] Хроника. Скончался Смекалов // Терские ведомости. – 1890. – №11. – С.1.

[427] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.97,99.

[428] Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М.,1951. – С.108-109.

[429] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.102.

[430] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление Управления Терской области в 80-90 г.XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.69.

[431] Там же. С.68,70.

[432] Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М.,1951. – С.113.

[433] Мальцев В.Н. Административная реформа в казачьих областях Северного Кавказа во второй пол. XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград,1995. – С.101.

[434] Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во втор. пол. XIX нач.XX в. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – М.,1989. – С.21.

[435] Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов, законоположений. – Екатеринодар,1913. – С.115.

[436] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ...канд. ист. наук. – М.,2004. – С.94.

[437] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984.– С.68.

[438] Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М.,1951. – С.109.

[439] Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ,1893. – С.59.

[440] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.69.

[441] Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов, законоположений. – Екатеринодар,1913. – С.114.

[442] Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула,1895. – С.415.

[443] Мартиросиан Г.К. Социально-экономические основы революционного движения на Тереке // Северо-Кавказский институт краеведения. – Владикавказ,1925. – С.13.

[444] Ткачёв Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1911. – С.97,99.

[445] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.71-72.

[446] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М.,2004. – С.120.

[447] Голубева Т.Г. Местное самоуправление: история и современность, теория и практика // Сборник научных статей. Юбилейный выпуск. – Ставрополь,2004. – С.179.

[448] Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. – М.,2004. – С.209.

[449] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г.XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.73.

[450] Матвеев В.А. Особенности административно-политического обустройства окраин Российской империи (на примере Северного Кавказа) // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д.,2006. – №1. – С.13.

[451] Исмаил-Заде Д.И. Граф И. И.Воронцов – Дашков. Наместник Кавказский. – М.,2005. – С.114.

[452] Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.,2006. – С.35.

[453] Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Ин-т российской истории РАН. – М.,2005. – С.176.

[454] Клычников О.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2004. – С.57.

[455] Недорубов А.Н. Железные дороги юга России в начале XX века. Государство и частный капитал. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.172.

ГЛАВА III. ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ

1. Пореформенная ситуация в Терской области

Цель проведения реформ на Кавказе – упрочнение «спаянности» Кавказа с империей. Однако две противоположные стратегии осуществления этой цели будут соперничать, иногда причудливо дополнять или циклически сменять друг друга, смещая общий курс имперской административной политики на Кавказе то к централизму и унификации управления, то к регионализму и децентрализации. Данные стратегии противоположны, но, безусловно, связаны одна с другой. Централизм и унификация, вызванные стремлением плотнее привязать Кавказ к империи, игнорируя его особенности, содержат явный дискриминационный мотив в отношении «туземных групп». Это ведет к росту отчуждения кавказцев от империи, развитию антирусских настроений и, в итоге, к кризису управления многоэтничным регионом. Обращение к регионализму и децентрализации ослабляет напряженность, легитимирует культурное разнообразие и открывает Россию как страну для «коллективных возможностей» (а значит и как страну более свободную для «коллективного соперничества»), что в итоге ставит под сомнение общий смысл колонизации – русское поселенческое культурное доминирование в периферийных регионах. Как только единство империи оказывается под угрозой, ее стратеги вновь обращаются к централизму и унификации как спасительному укреплению самой несущей ее конструкции – самодержавию и русскости[1].

Аграрный вопрос на Северном Кавказе во второй половине XIX века являлся тем стержнем, вокруг которого скапливались не только социально-классовые, но и национальные противоречия и который требовал кардинального разрешения[2].

Россия, в период царствования императора Александра II, с 1855 по 1881 год сделала громадные земельные приобретения, частью – путём победы русских войск, иногда – с помощью мирных переговоров[3]. Представители властных структур считали, что: «…земля составляет неотъемлемое достояние того народа, который её приобрёл, присоединил к государственному своему строю ценою крови пролитой или труда и денег, затраченных на занятие и устройство территории…»[4].

В ходе многолетней изнуряющей Кавказской войны неудачи русской армии заставили её прибегнуть к следующей военной системе. Было решено ограничиться в Дагестане оборонительными действиями и наступать медленно и систематично в Чечне, прорубая просеки в лесных массивах и усиливая занятую территорию казачьими поселениями. Таким образом планировали отнять у горцев плодородную плоскость и вынудить их покориться из-за недостатка хлеба[5]. Но даже и эти мероприятия казались царской России недостаточными. Руководство считало совершенно ненормальным то, что «…за время 50-летней войны, – как говорилось в донесении начальника Главного штаба, – чеченцы потеряли только около половины своих земель» и потому, по мнению царской администрации они «успели до сих пор сохранить то положение, оставаясь в котором, они ещё не скоро подчиняться вполне русской власти…»[6].

Всё население Чечни, состоявшее из 81360 человек, было стеснено на территории в 76 кв. миль. Всего на 1 мужчину приходилось меньше 2 десятин земли[7]. Кавказская администрация после Кавказской войны считала, что все равнинные земли Терской области, всего Северного Кавказа «приобретены правительством России оружием и ценой крови, а потому считаются исключительно его достоянием»[8]. В 1879 году О. Эйхельман в своей работе «Военное занятие неприятельской стороны» разъяснял действия международного права того периода, на занятой в ходе боевых действий территории. Он утверждал, что без власти над занятой неприятельской территорией, право оккупации, да и вообще войны, не имело бы реального смысла, так как две власти, рядом, действовать не могут. «Оккупант имеет полное законное право, – писал О. Эйхельман, – всякое противодействие его повиновением и его безопасности наказать как преступление. Так на это смотрят военно – уголовные законы Франции, Германии и России»[9]. Под оккупантами он понимал не какого – ни будь высшего начальника, а высшую власть государства, войска которого заняли эту неприятельскую территорию. Непосредственным представителем её являлся военный начальник или гражданское должностное лицо. Международное право здесь соблюдалось «доброй совестью и собственными интересами»[10]. Однако у государства, по отношению к завоёванному населению, были моральные ограничения. Вот что по этому поводу считал О. Эйхельман: «Современные понятия о государственной власти в культурном правомерном государстве, обставляют её ограничениями, требующими чтобы государственная власть соответствовала своему нравственному призванию. Действия власти действительно должны

быть целесообразны для тех интересов, представителем которых она желает быть. Власть оккупанта, покоящаяся на могуществе физически более сильного, не имеет права на психическое принуждение посредством внешних мероприятий. Этническое отношение к власти национальной сложилось долгим процессом, принуждение населения поэтому к действиям, оскорбляющим это чувство, будет варварством, опасным, к тому же ещё для самого принудителя»[11]. Немецкий правовед Пёлитц заявлял, что «…во время владения оккупированной территорией оккупант обязан воздерживаться от всяких действий, могущих затруднить восстановление мира; он обязан ею управлять, как доверенным ему имуществом. Он не имеет право изменять существующие начала правового порядка и отчуждать имущество. Насильственные перемены в общественном порядке, как вследствие революции, так и вследствие военной оккупации, которые друг другу уподобляются, уменьшают и смягчают причинённое ими неизбежное зло только посредством возможно тщательного приспособления к старому порядку». Немец Оппенгейм констатировал, что право собственности над занятой неприятельской территорией приобретается мирным договором, до заключения которого оккупанту принадлежит только право временного правления. Английский правовед Траверс Твисс считал, что отчуждение недвижимого имущества, отнятого у неприятеля, оккупанту не запрещается, но указывается лишь на то, что «…старый суверен не обязан признавать для себя такие акты обязательными, а против нейтрального приобретателя потерянной территории, даже может идти войной»[12].

Давайте вспомним для примера этапы колонизации Северной Америки. Войны с индейцами за их земли и за порабощение индейцев привели к сокращению индейского населения в катастрофических масштабах. В 20-30-е гг.XIX в. правительство США передало индейцам земли навечно, но в 60-70-е гг. XIX в. большинство этих земель были отобраны под железнодорожное строительство и для добычи полезных ископаемых[13]. Не смотря на данные ущемления, юридических прав на свою землю у индейцев было больше, чем у горцев. В Соединенных Штатах Америки колонисты с индейцами заключали международные правовые договора. Признание «зависимого» состояния индейских племен не лишало их статуса целостного, самоуправляющегося, отличного от США, образования. Фактически была осуществлена политика «государства в государстве». В 1943 году был принят Индейский реорганизационный акт, по которому индейские племена могли создавать организации, вести

переговоры и действовать в качестве юридических лиц. Благодаря принятию этого акта и специального акта 1946 года, с 1951 года индейцы стали обращаться с исками по поводу отобранных у них земель в Индейский кассационный суд.

В ходе присоединения индейских земель в Канаде между колонистами и коренным населением Америки заключались двусторонние договоры, зачастую в устной форме, что ни в какой степени не умаляло их юридической силы. По этим договорам индейские племена уступали свои земли государству в обмен на специальные права и привилегии для этих племен.

В XIX веке российское государство не заключало двусторонних договоров с горцами, только прокламации и петиции в одностороннем порядке провозглашали права и обязанности коренного населения Кавказа. Однако позже население Северо – Восточного Кавказа не только не получило обещанных прав, но даже во многом было лишено привилегий населения центральных регионов России. Политика «очистки» земель от индейцев восточнее р. Миссисипи была одобрена Конгрессом США. На Кавказе же заселение горских земель казачьим сословием шло директивным путем. В Терской области действовало особое «военно-народное» управление, однако государственного закона, в котором были бы разъяснены права и обязанности горцев, не существовало, поэтому царил произвол, и невозможно было подать иск на действия государства в судебную инстанцию. В Российской империи коренное население Кавказа стало открыто заявлять о своих правах на конфискованные земли в начале XX века на заседаниях Государственной Думы. Однако рассмотрение этого вопроса дальше обсуждений так и не пошло[14].

Аграрная политика царизма требовала создания необходимого земельного фонда для наделения казаков и чиновников, офицеров и представителей местной верхушки, прочно связавшей свою судьбу с царизмом[15]. Русское население должно было не только увенчать покорение края, оно само должно было служить одним из главных средств завоевания; ряды станиц должны были непосредственно двигаться за войсками. Горцы сейчас же поняли опасность, которой грозил им новый образ действий. Они говорили: «...укрепление – это камень, брошенный в поле, ветер и дождь снесут его; станица, это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу обхватывает поле». Поселённые на равнинах, окружённые со всех сторон станицами, горцы уже почти не представляли для власти опасности[16].

Терское казачье войско являлось крупнейшим монополистом – землевладельцем на Северном Кавказе. Казачество в целом было хорошо обеспечено землей. Казачье войско, как владелец крупной земельной собственности, в условиях острой земельной нужды не казачьего населения, имело большие выгоды и получало за сдачу в аренду земли значительные доходы. Такое положение вполне соответствовало замыслам и политике царизма, который стремился укрепить экономическое положение казачества, как колониальной опоры в крае. С начала XIX в. казачьи старшины входили в состав русского дворянского сословия. Земли казачьего дворянства в 1848 г. были объявлены потомственной собственностью. В 1899 г. Терское областное правление приняло решение о выделении в личную собственность участков для хуторов[17].

Терское казачье войско, в начале двадцатого века, было достаточно обеспеченным в финансовом плане. Так, к примеру, в это время большую сумму Терскому казачьему войску должно было Уральское казачье войско. Согласно Высочайшей грамоте от 23 апреля 1906 г. Терскому казачьему войску были укреплены в вечное его владение предоставленные земли и рыболовные воды. Терское казачье войско имело право ограниченного распоряжения землей, в том числе – передача во владение и пользование по договорам аренды. Финансовую основу безбедного существования Терского казачьего войска составлял войсковой капитал, хотя помимо него существовали и станичные капиталы. При обращении сумм войсковых капиталов в Государственном банке, проценты на них платились наравне с частными вкладами. Для выдачи ссуд и пособий из общего войскового капитала Терского казачьего войска по сметам войска ежегодно открывался кредит, в порядке, предусмотренном для сметных кредитов. Ссуды выдавались как беспроцентные, так и с процентной ставкой 4% годовых. За счет привлечения заемных средств войскового капитала Терского казачьего войска, его члены могли приобретать земли в частную собственность[18].

Народы Терской области – осетины, ингуши, чеченцы, балкарцы и другие постоянно испытывали нехватку земли. Тем не менее, областная администрация находила «свободные земли», которые в течение всего пореформенного периода отводились казачеству, местному и пришлому военно – чиновничьему элементу. Так, постепенно, в Терской области загоняли вглубь две проблемы – национальную и земельную[19]. Признанный специалист по вопросам Кавказской войны Н.А. Смирнов писал, что в первой половине XIX века «царское правительство по–своему рас-

поряжалось плодородными землями на Кубани и Тереке, твёрдо решив, что они не будут возвращены их законным владельцам…» Стоило горцам, хотя бы временно, в ходе военных действий, покинуть насиженные места, как последние объявлялись свободными и немедленно распределялись. Когда чеченцы в процессе борьбы в июне 1840 года на время оставили свои земли и ушли в горы, царские власти немедленно объявили, что «чеченцы отказались от своей земли». Такая коварная колониальная политика продолжалась и в последующие годы[20]. В 1854 году полковник царской армии Де – Саже писал: «Система войны против кавказской природы и сынов её избрана была верно. Каждый наступательный шаг отрезал горцам безвозвратный кусок их родной земли. Так покорены Малая Чечня и Галашки». Продвигаясь в горы, Ермолов вырубал леса и строил дороги, нарушая тем самым привычную среду обитания непокорных горцев и создавая благоприятные условия для дальнейшей экспансии. Для подрыва чеченской экономической базы во время войны разрушались непокорные аулы и изымались лучшие сельскохозяйственные угодья для передачи их колонистам[21]. Беспрерывные военные действия привели к тому, что в 1856 –1857 гг. у чеченцев наступил голод. В результате чего чеченцы стали отпадать от имамата Шамиля целыми наибствами[22]. Наместник Кавказа писал начальнику Левого фланга Кавказской линии: «…государь император приказать изволил покорность надтеречных чеченцев не принимать иначе, как под условием их разоружения и переселения во внутрь линии…правительство желает использовать бегство надтеречных чеченцев и взять в казну их земли…на левом берегу Сунжи предположено устроить казачьи станицы»[23].

Потеря равнинных земель была для чеченцев равнозначна национальной катастрофе. Именно поэтому даже в 1844 году, когда имамат Шамиля одерживал военные победы, чеченцы Малой Чечни начали добиваться возвращения на земли вдоль Терека. Известный среди чеченцев кадий Иса неоднократно вступал в переговоры с российскими властями, обещая вывести от Шамиля 4000 семей, если им будет разрешено вернуться на прежние места обитания. Шамилю пришлось принимать меры по пресечению деятельности кадия Исы[24]. Со временем эти настроения среди чеченцев только усилились. В 1852 году князь М. Воронцов сообщал в Петербург, что чеченцы, самый беспокойный и своевольный народ из всех племён кавказских, «…претерпевая беспрестанные от наших войск поражения, будучи стеснёнными, в своих заблуждениях и средствах к существованию отнятием у них в последнее время лучших

земель, стали переходить в значительном числе и теперь беспрестанно являются с желанием переселиться под покровительство России». Чтобы максимально ускорить отход чеченцев от Шамиля, с одной стороны, было усилено наступление на их земли, а с другой – разработано особое положение об управлении чеченцами. В частности, предусматривалось: 1) назначить особого начальника чеченского народа, предоставив ему помощников и необходимые средства; 2) создать чеченский народный суд в составе кадия и трёх старшин, избираемых обществом; 3) учредить округа под управлением местных старшин, а в каждом селении иметь сельских старшин, подчинённых окружным старшинам[25].

До конца 50-х годов XIX века царское правительство, связанное движением под руководством Шамиля, признавало вотчинные права местных ханов, князей и дворян и поддерживало существование земельных отношений, обещая впоследствии закрепить их юридически[26]. Российским правительством, в прокламациях Евдокимова (1862 г.), Воронцова (1845 г.) давались торжественные обещания «…сохранить за туземным населением его земельную собственность». Но прокламации эти в основном предназначались «...для известных туземных племён, враждовавших с Россией», т.е. это были попытки примирить эти народы с господством на их территории России; политические шаги, не несшие на себе груз законодательно–экономической ответственности за высказанные обещания[27]. Ещё в 1857 году князь Барятинский в прокламации своей обещал, что земли, занятые чеченцами в момент покорности, останутся в их вечной собственности[28]. В «Прокламации чеченскому народу» было обещано: «…Что права каждого из вас на принадлежащее ему имущество будут неприкосновенны. Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены начальством, за вами будут утверждены актами и планами в неотъемлемом владении вами». Эту прокламацию чеченцы берегли и хранили как зеницу ока и к ней всегда апеллировали[29].

Однако дальнейшее реформирование показало, что неприкосновенность права частной собственности в Терской области не соблюдалось. Одной из главных причин проведения земельной реформы на Северо – Восточном Кавказе являлось не начало земельной реформы в центральных регионах России, а окончание Кавказской войны и связанное с этим признание всех завоёванных земель казёнными. А такой вид перераспределения собственности на земельные угодья, как реформа, способствовал более безболезненному изъятию земель и их дальнейшему распределению по усмотрению правительства. На Кавказе не было

внутренних причин для крестьянской реформы. Она была реализована извне российской администрацией. Цель внедрения капитализма не ставилась, хотя унификация социально-экономического строя этому и способствовала [30]. Государством отчуждалась земля у горских сельских обществ. Значительная часть чеченской земли была отведена под поселения казачьих станиц[31]. Непосредственным результатом земельной реформы было введение государственной поземельной собственности и установление фискально – податного порядка[32].

В 1842 году статс-секретарь Михаил Павлович Позен был направлен в Закавказье чтобы выяснить, какая из предложенных податных систем – подымная, поземельная или оброк – больше соответствует обстоятельствам и целям реформы. В октябре 1842 г. Позен представил доклад с результатами своего исследования. С точки зрения М.П. Позена, введение поземельной подати, определяемой в зависимости от качества земли, принесло бы больше зла, чем справедливости. Требуемые для этого описания, оценки земельных участков привели бы к неизбежным конфликтам. Поэтому, как он предлагал, следовало вовсе уничтожить существующие поземельные подати, заменив их подымными. К податному сбору должен был быть присоединен земский сбор в виде постоянного подымного оклада. Данный проект был полностью одобрен министром финансов и Кавказским комитетом.

В 1850-1860-х годах аналогичными податями было обложено горское население Терской и Кубанской областей. Правительство продолжало «терпеть» существование подымной системы, хотя после присоединения Закавказья к России считалось, что ее уничтожение будет одним из первых шагов новой власти. Подымный принцип учета и обложения фактически не позволял организовать призыв населения в армию, так как учет призывников производился обычно по податным спискам. Правительство так и не решилось дать оружие в руки всем мусульманам. Подобная же система «сдерживания» практиковалась и в Османской империи: там христиане платили военный налог вместо службы в армии[33].

По «Положению» от 23 апреля 1870 года русские, населявшие Кавказский край получили по 24-30 десятин на душу земельного надела, тогда как туземцы по 12 –18 десятин на дым, в среднем насчитывавший 5 мужчин. Само собой, что такое несправедливое отношение к туземцам местной администрации вызвало «неудовольствие среди горцев»[34]. Аграрный вопрос разрешён не был, и приостановить дальнейший рост народного движения ничто не могло. Жить горец всё–таки должен был

не в безвоздушном пространстве, а на земле, землю же эту у него отнимал царизм, заселяя её казаками – колонизаторами[35]. В 1901 году на Чеченской равнине чеченцам жилось весьма скудно, на семью (обычно довольно многочисленную) приходилось от 7 до 14 десятин земли[36].

Член первой государственной Думы от Терской области Маслов так характеризовал в своей думской речи состояние малоземелья среди чеченцев: «Вы не можете себе представить как ничтожны земельные владения среди чеченцев, особенно в горах – одна десятая, одна пятая, четверть, треть десятины…»[37]. Антон Петрович Маслов был избран в 1-ю Государственную думу от не войскового населения Терской области. Входил в Конституционно-демократическую фракцию. Подписал законопроект «33-х» по аграрному вопросу. Маслов участвовал в прениях по аграрному вопросу. За подписания «Выборгского воззвания» был приговорен к 3 месяцем тюрьмы и лишен избирательных прав. Антон Петрович окончил уездное училище и Тифлисский учительский институт(1892). Преподавал в Грозненском горском училище[38].

Таштемир Эльдарханов (1870-1934 гг.), сын старшины села Гехи, также закончивший Тифлисский учительский институт и преподававший в Грозном, выступая с думской трибуны летом 1906 года и 3 мая 1907 года, требовал вернуть горцам только незаконно отобранные земли. Т. Эльдарханов отстаивал частную собственность и общинное землевладение[39]. Депутат во II Государственной Думе от Терской области, активный участник культурно-просветительской деятельности, делегат съезда интеллигенции Кубанской и Терской областей, участник революционных событий 1905-1907 гг., бывший депутат также I Думы от Терской области, предложил на одном из заседаний, не дожидаясь прений по аграрному вопросу, «вернуть туземцам немедленно отобранные у них незаконным образом земли и урегулировать арендные цены». Своё выступление депутат закончил пожеланием того, чтобы аграрная реформа решалась на местах, а её осуществление было отдано в руки местных земельных комитетов. А это было возможно только при введении широкого местного самоуправления, т.е. аграрной реформе должна была предшествовать реформа политическая.

«Безвыходное положение крестьян и долг наш помочь им, – сказал Эльдарханов на заседании Думы в мае 1907 г., – в их острой земельной нужде требует, чтобы мы не увлекались теоретическими рассуждениями, не имеющими под собой никакой реальной подкладки, и сошлись на одном законопроекте, который являлся бы практически осуществимым

при существующих условиях». К сожалению, Дума так и не смогла решить вопросы улучшения экономического положения крестьянства на Северном Кавказе[40].

Член земельной комиссии, крупный специалист по вопросам землепользования А. Абрамов, родившийся на Северном Кавказе, заявлял: «Если сравнить то, что сделано на Кавказе туземцами и нами, русскими, то менее культурною и менее трудолюбивою нацией придётся признать именно русских»[41]. Привязанность к земле, бережное отношение к ней, культивирование и передача её подрастающему поколению – святой долг чеченца. Редко кто решался на продажу земельного участка, доставшегося ему в наследство, поскольку в ментальности чеченцев укоренена народная пословица, гласящая : «Не владеешь землёй, не будешь иметь достатка»[42].

Перед Кавказской войной многие вайнахские старшины и целые чеченские тейпы являлись крупными землевладельцами. В горах и на равнине они владели большими площадями пахатно – покосных земель и даже лесными массивами. Эти земли они получали различными путями (по праву первого завладения, путём силы и с помощью покупки)[43]. Чеченцы, требуя у царского правительства закрепления за ними частных земель, в доказательство своего права на них, заявляли, что это их родовые земли и они принадлежат к «владетельным» родам[44]. Из дел Терского областного правления видно, что горское население считало свои земли собственными при отдаче их недр на разработку горнопромышленникам. Горцы энергично протестовали против признания их земель казёнными, доказывая, что земель, которыми они владеют, им никто не давал, что они их всегда считали своей собственностью[45]. По закону 14 июня 1888 года в ведение Министерства государственных имуществ, одновременно со свободными казёнными землями перешли также и те земельные пространства Терской области, которые, не будучи ещё закреплёнными за горцами, находились в их законном пользование. Чеченцы получили от руководства участки земли, расчищенные ими из–под леса. Первое такое наделение чеченцев землёй состоялось ещё 20 июля 1856 года. Горцы просили администрацию выдавать им на эти участки акты и планы, что не всегда выполнялось. Это был довольно щекотливый вопрос, так как чеченцы, имея на руках официально заверенный документ на владение, могли обращаться в суд, в случае нарушения прав частной собственности[46].

В качестве наказания, за поддержку восставших против власти, областное правление отобрало 74 свидетельства на 74 расчищенных из-под леса участков, в количестве 42 десятин у жителей села Дышни – Ведено. У жителей Беноя и Зазирганоя отобрали свидетельства, выданные на расчищенные участки в 1868 –69 гг., площадью в 19 десятин[47]. В 1890 году у жителей отобрали лесные поляны, расчищенные из-под леса. Чеченцы стали обращаться во все инстанции с жалобами и начальство вынуждено было отменить это распоряжение[48].

Кроме частной собственности, являвшейся результатом заимки и расчистки лесных полян, по инициативе князя Барятинского была осуществлена раздача земли в частную собственность за заслуги. В своё владение получили земельные участки 57 чеченцев. Всего было роздано за заслуги 8674 десятин земли. Сравнивая подворное землевладение в России и горной Чечне находим, что у государственных крестьян на двор в среднем приходилось 15 десятин земли, у помещичьих 9, а у чеченцев всего 3,43 десятины[49].

Правительствующий Сенат в одном из своих указов по 1-му департаменту от 17 ноября 1894 года высказал: «Если во вновь присоединённой области не существует собственности в качестве юридического института, но земля, хотя бы на основании лишь обычаев, находилась в неограниченном владении, то администрация, не касаясь надлежащего разрешения судебной или законодательной власти вопроса – может ли земля быть признана собственностью владельцев, – обязана охранять существующее положение вещей». Высказывая этот взгляд, Сенат отменил распоряжение Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, который признал земли, находящиеся в распоряжении горских обществ в Дагестане казёнными, предоставленными населению лишь для ограниченного пользования[50]. Чеченские аульные общества не были утверждены в правах владения землёй[51]. У аулов горной Чечни было конфисковано в казну 50989 десятин пастбищ. В начале 60-х годов XIX века они были переданы сельским общинам на условиях оброчного пользования. В 1870 году натуральная плата была заменена денежной [52]. По устоявшемуся порядку богатым не разрешалось пользоваться общими пастбищами в большей мере, чем другим жителям, кроме как за дополнительную плату, установленную сельскими старшинами [53]. Если по какой–либо причине сельское общество не вносило оброк полностью за весь год к 1 июля, пастбищные земли отбирались и передавались другим аулам, а за невыполнение в срок установленных договором обязательств взыскивался денежный штраф [54].

В период подготовки земельной реформы у руководства страны возник вопрос: «Какую систему принять в наделе землями на Северном Кавказе – общинную, устраняющую появление пролетариата, или частную, ведущую к более совершенному развитию сельского хозяйства?» В конечном итоге было решено за основу земельной реформы взять сочетание общинной и частной земельной собственности [55]. Общинное пользование означало совокупное пользование землёй и раздел продуктов труда между общинниками[56]. Первое завладение» землёй не происходило путём индивидуального захвата. Чтобы освоить и отстоять новые земли, необходимо было действовать сообща, дружно, с определённым договором, с помощью родственников или территориальной группы. Поэтому в отношении частных участков земли, определение «первый надел» будет ближе к истине, чем – «первое завладение» [57]. При продолжительном владении одного рода (собственников), избегалась черезполосность и предупреждались переделы и разделы, а также облегчалось удобрение почвы и уменьшались затраты на севообороты. Примером основательного устройства общинного землевладения являлись Голландия, Швейцария, где земель помещиков было довольно мало. При этом надо заметить, что в этих странах, в отличии, скажем от России, порядок пользования и эксплуатации определялся грамотами и уставами [58].

Вторая форма владения – мирская. Мир, как юридическое лицо, владеет землёй, прирезанной к селению и на основании этого коллективного права владения, определяет способы пользования ею: одной пользуется сообща для выгона, водопоя; другую делит поровну между домохозяевами. Мирской способ вырос на праве поземельной собственности, обусловленной семейным бытом. Состав мирского землевладения был подвижным, срочным, изменчивым, зависящим от наличия рабочих сил в данный момент[59].

Третья форма – участковая. Здесь и владение, и пользование в единоличном праве, принадлежащем главе семьи и переходящем от него по наследству к другим членам.

До введения российских порядков у чеченцев в основном главенствовала мирская форма землевладения и участковая. После земельной реформы основной формой землевладения стала общинная собственность. Однако с правовой точки зрения мирскую форму никак нельзя было смешивать с общинной, а заменять, только с помощью вознаграждения, так как право пользования при мирском – единоличное, частное, посемейное – а, при общинном, – коллективное[60].

В истории захвата монополистическим капиталом крестьянских земель в Чечне целую страницу составляет борьба чеченских жителей за свои права за землю[61]. Сами чеченцы, сознавая недостаток своего землевладения, подали в 1888 году всеподданнейшее прошение императору, в котором жалуются на земельное стеснение, что строительные материалы и дрова они вынуждены покупать у частных владельцев или у казны, а раньше пользовались ими бесплатно. Люди ничего не получают от заготовки леса – ни в смысле занятости, ни в смысле компенсации, они могут лишь беспомощно наблюдать за тем, как навсегда исчезает источник их средств к существованию[62]. Из-за недостатка быков и плугов жители вынуждены были запахивать поля сообща, составляя артели из нескольких хозяев[63].

Терское межевое управление, давая объяснения, указывало на следующие факты: «Вся плоскостная часть Большой и Малой Чечни, с прилегающим малочеченским лесом, составляет площадь 271086 десятин. Из неё разновременно отошло 6 казачьим станицам 650 десятин, Терскому казачьему войску 1560 десятин леса, пожаловано в частную собственность за заслуги отдельных лиц 8645 десятин, отдано городам и слободам 8266 десятин, 43 чеченским аулам наделено 234970 десятин, в ведении лесного ведомства состояло 16965 десятин. Таким образом, свободных земель нет…»[64].

Арендная плата в Чечне достигала ежегодно 400000 рублей. Правительственное областное правление являлось крупным собственником экспроприированных крестьянских земель. Валовой доход Терской области в 1871 году составлял 20765 рублей[65]. С тех пор, как контроль над лесными угодьями был передан Департаменту лесного хозяйства, а не местным общинам, состояние лесов ухудшилось. Проблема восстановления леса, как и обезлесения, заключалась в том, что деревья по–прежнему оставались объектом большого бизнеса[66].

Земли Чеченской плоскости, по своему плодородию нисколько не уступали Кубанским землям и во многом превосходили даже самые лучшие угодья России. В Чечне горцам было положено не более 3 десятин земли на мужчину. Казакам давали по 20 десятин на душу. Такой обширный надел должен был стимулировать казаков к занятию скотоводством и коневодством[67]. По поводу горцев у руководства сложилось следующее мнение: «Большой поземельный надел положительно будет им вреден. Изобилие земли даст возможность пренебрегать её возделыванием и заниматься усиленно скотоводством. Этот промысел, когда он берёт

перевес над земледелием, приучает жителей к праздности, и отсюда развивается и поддерживается в них страсть к хищничеству. Напротив, ограниченность поземельных угодий заставит горцев заняться обработкой своих земель; а с тем вместе они должны будут отказаться от своей страсти к наездничеству, которое возможно только при изобилии табунов». «Жители претендуют, – читаем мы в одном из документов, – на земли Куринского полка, расположенного в укреплении Ведено и Эрсеной, в Ичкеринском округе. Полк держит свои табуны и скот на чеченских землях и здесь–же заготавливает себе сено, что весьма стеснительно для населения»[68]. При земельном устройстве Кавказских полков, правительством было обращено внимание на то, что земли полков Кизлярского и Гребенского, вошедших позже в состав Терского казачьего войска, в большинстве своём неудобны для хлебопашества, а потому, с целью уравнения выгод притерских казаков с положениями других полков, владеющих лучшими землями, правительство предоставило этим двум полкам, по «Положению» от 14 февраля 1845 года – рыболовство как в рукавах Терека, протекающих по казачьим землям, так и на морских водах, перед устьем этой реки[69].

В 1861 году чеченцам объявили, что их собственность – плоскостная земля Большой и Малой Чечни, за исключением участков, занятых во время войны под укреплениями и казачьими станицами. Жителям горных районов разрешалось только пользоваться землёй, т.к. она становилась казённой. За принадлежавшие казакам на правом берегу реки Сунжи мельницы, сады и хозяйские постройки, казаки должны были платить чеченцам, по обоюдному с ними соглашению[70]. Государство наделяло земельными участками и горцев, вступивших в казачье сословие, за службу в иррегулярных войсках. Размеры земельных наделов зависели от социального и общественного положения, занимаемого горцами в своих обществах, а также от положения занимаемого в казачьих войсках[71]. Руководство придерживалось следующего положения: «Народ не должен думать, что Правительство злопамятно: оно хорошо знает, что народ во время неприязненности наносил русским вред по увлечению, по праву войны, что уже навсегда предано забвению»[72].

Чеченская равнина протягивалась полосою в северо – восточном направлении между Чёрными горами и рекой Сунжей, от реки Фортанги к Качкалыковскому хребту. Длина всей равнины составляла 70 вёрст, а наибольшая её ширина достигала 30 вёрст (напротив г. Грозного). По плодородию почвы, Чеченская равнина, после Кахетии, считалась луч-

шим уголком на Кавказе. Земля её почти вся состояла из чернозёма и была хорошо орошена реками и каналами[73]. По территории Чеченской равнины протекали реки: Терек, Фортанга, Сунжа, Гехи, Гойта, Аргун, Басс, Хулхулау и др. По левую сторону реки Гойты располагалась Малая Чечня, по правую – Большая. Вся Чеченская равнина по качественному составу почвы занимала первое место в Терской области.

До 1840 года границы Чечни простирались гораздо дальше и захватывали значительное пространство правого берега Терека и левого берега Сунжи. С 1888 года, после преобразования Терской области, 5/6 пространства Чечни было заключено в Грозненском округе. В 1893 году территория, занятая чеченцами, располагалась на значительной части Сунженского отдела, почти 1/3 Хасав – Юртовского округа и занимала полностью Грозненский, Веденский, Аргунский округа. Надтеречные участки были отделены от остальной Чечни землями казачьих станиц. Площадь Чечни без Надтеречного участка равнялась миллиону десятин земли[74]. По мнению наместника на Кавказе, Н.Н. Муравьёва – Карского, по правому берегу Терека и по обоим берегам Сунжи жили чеченцы, которые считались покорными, но, однако, содействовали набегам хищнических шаек на Линию»[75]. По данным А.А. Гассиева земли по правому берегу Терека, договором с Персией за 1735 год, были признаны русским правительством входящими в состав территории независимой Чечни. Надтеречная часть этой территории была завоёвана русскими войсками (не казаками) в 1750 –1770 гг. [76]. До 1840 года правый берег Терека и левый Сунжи были усеяны большими чеченскими сёлами. Во время войны жители вынуждены были удалиться в вековые леса, за Сунжу. На правом берегу Терека осталось только 3 села :Кень – Юрт, Аду – Юрт и Брагуны, а покинутая чеченцами земля была занята казачьими станицами[77]. По словам А.П. Берже, «..до 1819 года на Сунже, кроме чеченских аулов, русских поселений не было»[78].

В силу неравномерного распределения количества земель в ходе реформы между казаками и горцами, станичники в основном практиковали экстенсивный способ земледелия. Чеченцам, имевшим малые клочки земли, приходилось использовать интенсивный метод, когда на единицу площади вкладывалось очень много труда и капитала. Зато, этот способ давал больший валовой продукт, и способствовал усовершенствованию земледельческой технологии[79]. По данным обследования 1882 года,, на Северном Кавказе удобные земли составляли 69,6% горной территории края, но лишь 5445 тыс. десятин (0,8%) этих земель были пригодны для

пахоты и покоса, а остальные находились под пастбищами и лесами[80]. В Нагорной полосе Терской области почти вся земельная площадь (около 8/10) представляла из себя поверхность, годную только для скотоводства. В Нагорной чеченской полосе на мужчину приходилось 5,2 дес. земли. 40 десятин в степной полосе и 50 десятин в горах – та пограничная линия, за которую пастбищное крестьянское хозяйство не должно было переступать[81]. Земли Сунженского отдела – Нагорной части – делились на удобные и неудобные. Неудобные, как бездоходные, освобождались от обложения. В Грозненском округе северная (плоскостная) часть Качкалыковского гребня страдала отчасти от засухи (надтеречная часть), а отчасти была покрыта обильными зарослями кустарника, затруднявшими обработку земли[82].

После завершения Кавказской войны приобретённое Россией земельное богатство необходимо было распределить между населением. Вопрос несколько усложнялся тем, что реформы, проводимые на Кавказе, должны были соответствовать реформам, которые в это время проводились в центральных регионах России, хотя изначально местные условия землепользования и землевладения сильно отличались друг от друга, хотя и имели общие черты. Манифестом 19 февраля 1861 года было провозглашено, что крестьяне с освобождением их от крепостной зависимости, вступают в состояние крестьян –собственников. Начало это было подтверждено законом 28 декабря 1881 года и получило практическое применение в центральных районах России[83]. На Кавказе даже те немногие освобождённые от зависимости крестьяне не получили право частной собственности на землю, не говоря уже об огромном числе горцев – собственников, чья земля в ходе реформы стала государственной. Реформы, проводившиеся в России и являвшиеся половинчатыми и незавершёнными, в областях Кавказа вводились с ещё большими ограничениями и изъятиями. Основным курсом земельной реформы на Северном Кавказе стало перераспределение земельной собственности не между хозяином и крепостным, а между коренным и пришлым населением. Ещё в 1860 году во Владикавказе состоялось оперативное совещание местных военных и гражданских администраторов. Было принято решение о скорейшем заселении земель горцев казаками. На совещании по этому вопросу возникли разногласия, но военный министр Д.А. Милютин и князь Барятинский дали понять, что такова воля государя. В 60-х годах XIX века главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич обратил внимание на земель-

ную нужду Терской области. Им был предпринят целый ряд мер к улучшению экономического быта населения, но это не дало осязательных результатов, а, напротив, в последствии территория, занятая горцами, подверглась сокращению[84]. Сопоставление документов о состоянии казачьего населения с аналогичными актовыми источниками в отношении горского населения позволяют говорить о большой разнице их положения. Эти документы показывают размеры расхищения горских земель, громадную разницу в земельном обеспечении горского крестьянства в сравнении с казачеством[85].

В конце XIX – начале XX века в России в среднем на одно помещичье хозяйство приходилось 2333 десятины земли, на одно кулацкое – 46,7 десятин, на одно середняцкое – 15 десятин и на бедняцкое – 7 десятин[86]. Хотя между горцами и были люди, которые утешали, говоря, что напрасен страх, увидев, что казакам отводится по 30 десятин на душу, а туземцам не более 2-5 десятин, однако и они вскоре согласились с тем, что будущность горцев действительно страшна и что при увеличении народонаселения земельный голод охватит все слои общества у местных жителей на Кавказе[87].

Издавна у чеченцев существовало право исключительного владения родовыми участками земли. В отношении распоряжения землёй одновременно действовали шариат и адат[88]. Хотя адаты не указывали на наличие частной собственности на землю, с одной стороны, но они содержали информацию о феодальной ренте, что позволяет говорить о фактическом существовании института частной собственности на землю (без юридического оформления в адатных нормах) уже к середине XIX века[89]. Земельная реформа разрушила многовековые традиции. Масштабное перераспределение земель привело к началу капитализации региона, установлению рыночных отношений. Скрытые резервы людей, не задействованные в полной мере ранее из-за хорошего уровня благосостояния, благородного происхождения, в новых условиях выживания начали проявляться особенно активно. Фактически большая часть населения области была уравнена в своих земельных правах, но значительным препятствием в росте их дальнейшего благосостояния являлось общинное землепользование, ликвидация традиционного для Кавказа многочисленного класса частных собственников. Земля передавалась общине. Общинная собственность не могла отчуждаться (не подлежала купле–продаже). Реформы не преобразовали почвенный уклад, не создали слоя мелких собственников, а законсервировали его, сохра-

нили корпоративность. Опорой политической стабильности государства в регионе являлась корпоративность: крестьянская и казачья община, дворянская корпоративная организация. До проведения земельной реформы среди кавказских администраторов существовало мнение, что в Чечне и Ингушетии существует только общинное земельное владение. Но такой вид собственности не требовалось документов, как это было с частным землевладением. Позже, в связи с введением юридического права, чеченские земли стали именоваться «общественными». Российскому правительству, естественно, было выгоднее иметь дело не с частным землевладением в регионе, когда в результате государственной конфискации земель могли начаться судебные разбирательства, а с общественным. Иски общественных организаций к государству не могли рассматриваться в юридическом порядке – вся земля являлась государственной, и общины ею пользовались по «праву временного владения», сроки и условия которого заявлялись государством[90]. Отчуждая частные земельные владения горцев в пользу казны или общины, государство нарушало свои же правовые нормы, установленные для граждан Российской империи.

Мелкая земельная собственность в России составляла от 70 до 75% общей площади владения (1901 год). Земля признавалась не собственностью государства (государственный социализм), а являлась предметом свободного владения, обмена, купли и продажи[91]. По Своду законов принудительное отчуждение недвижимых имуществ, равно как и временное занятие их, или же установление права участия в пользование ими, когда это было необходимо для какой–либо государственной или общественной цели, допускалось не иначе, как за справедливое вознаграждение[92]. Экспроприация производилась за полное вознаграждение. Правоведы считали, что «..требовать от частных лиц безвозмездной уступки имущества было бы несправедливо, т.к. общеполезное предприятие выполняется в интересах целого общества…»[93]. Закон об экспроприации от 19 мая 1887 года, как и закон 7 июня 1833 года, действовавший ранее, требовал, чтобы все случаи, в которых представлялось необходимым отчуждение недвижимых имуществ, определялись именными высочайшими указами, представленными на высочайшее воззрение через Гос.Совет[94].

В 1861 году генерал Евдокимов высказал мысль о том, что земельную реформу следует проводить в административном порядке, «силою власти навязывать её туземному населению». Деятельность земельных

комитетов и комиссий, по его мнению, является «пустой тратой времени». Против проекта Евдокимова выступил генерал Святополк –Мирский, который был за немедленное создание в округах Терской области поземельных комиссий. В споре Евдокимова и Святополк – Мирского царь поддержал последнего. В Терской области были созданы окружные комиссии, которые в 1863 году были объединены в одну поземельную комиссию[95]. На членах межевой комиссии лежала большая нравственная и юридическая ответственность, так как межевая комиссия первая рассматривала все поземельные заявления горцев и решала: дать землю или отнять её. Безусловно, что решение комиссии не могло быть окончательным и необходимо было на правительственном уровне предвидеть вопрос о порядке обжалования её решений инородцами и казной, однако этот важнейший вопрос не был отработан на практике[96].

В 1867 году, приступив к подготовительным работам по определению границ Чеченского округа, Отдел поземельной Комиссии встретил затруднения в разрешении следующих 2-х вопросов: а) возможно лишь включить в число земель, подлежащих распределению между аулами, участки на правом берегу реки Сунжи, предоставленные частными распоряжениями начальствующих лиц в пользование соседних станиц, а также и земли, отведённые близ укрепления Воздвиженского войскам для покосов; б) можно ли при проектировании аульных наделов брать в расчёт часть земель нагорной полосы Чеченского округа. Часть горского населения Грозненского округа, сгруппированная на правом берегу реки Терека, составляла раньше особое наибство, Надтеречное. Земли этого наибства, за исключением Брагуновских участков, были освобождены от местного населения силой оружия и считались казачьими[97]. Обсудив земельные вопросы, Комитет пришёл к заключению, что изъятие из пользования казаков вышеупомянутых участков не может соответствовать «политическим видам» правительства. При установлении окружной границы Чеченского округа возникло несколько споров между казачьими станицами и горскими селениями. Главнокомандующий приказал участок строевого леса в 300 десятин на чеченской территории включить в надел казачьей станицы Алхан –Юртовской (Ермоловской)[98]. Исходя из концепции о вредности больших наделов для горских крестьян, что, якобы, наряду со скотоводством «приучает жителей к праздности», царское правительство в лице своих высокопоставленных чиновников по–своему кроило земельную карту Северного Кавказа. В Терской области, где казаков было 17,9% (1897 г.), им принадлежала

почти третья часть территории области. На одну душу мужского пола у терских казаков приходилось от 16,5 до 74,5 (в среднем по 28 десятин) десятин земли. Эти казачьи наделы во много раз превышали среднюю величину душевого надела крестьянства Европейской России, у которого она составляла в 1860 году 3,5 десятин, а к 1900 году уменьшилась до 2,6 десятин земли[99].

При самом отводе участков, оставлялся известный процент земли для естественного прироста населения, обычно он составлял 1/7 часть участка (14,5%). Наделы, выделяемые инородцам, должны были удовлетворять следующие условия. Во – первых, они должны представлять из себя множество отдельных полос и небольших групп, вкрапленных в массу участков отданных пришлому населению. В этом положении, их владельцы – инородцы легче бы «освобождались от иллюзий и подвергались бы более сильному воздействию цивилизации». Во – вторых, правительству необходимо было чтобы инородческие участки, по крайней мере, в течение нескольких десятков лет, до появления нового поколения, «освоившегося с земледелием и грамотностью», были неотчуждаемы[100]. В 1883 году начальник Терской области запрашивал мнение межевого управления: «…а есть ли необходимость в земельном устройстве горцев и не лучше ли ограничиться наиболее существенными сторонами земельного вопроса, как – то определением лесовладения и аульным наделом…не удобнее ли отложить вовсе вопрос по поземельному устройству горцев до окончания такового в казачьем населении области»[101]. Надтеречное наибство в Чечне для России занимало особое стратегическое положение, оно являлось как бы буферной зоной между казачьим населением и горскими районами. Хотя, по существу, соответствующих границ между чеченскими округами и казачьими отделами не было, их территория разграничивалась чисто условно. Так, казачьи станицы Сунженского отдела располагались на территории Владикавказского, Грозненского и Веденского округов[102]. В 1863 году был составлен проект размежевания земель Надтеречного наибства. Проведение государственного размежевания земель в других районах Чечни произошло только после переселения чеченцев в Турцию, в 1865 году, что по мнению руководства «…значительно упростило поземельный вопрос в Чечне»[103]. Земли эмигрировавших горцев конфисковывались и распределялись между другими владельцами. Такое распоряжение родовыми землями усугубляло национальные противоречия, что, очевидно и отвечало методу колониальной политики царизма «разделяй и

властвуй»[104]. В 1868 году расселение чеченцев было связано с размещением Сунженских казачьих полков. Был вариант оставить чеченцев в их селениях на правом берегу реки Сунжи, но на эти земли претендовало казачье войско, поэтому чеченцев переселили на левый берег Терека и Сунжи, а их земли заняли 1-й и 2-й Сунженские полки. Терское казачье войско располагалось на 1/3 части всей площади Терской области, а войсковое население составляло всего 1/5 часть её жителей. С 1863 по 1885 год в Терской области было основано 112 селений, в основном за счёт русских поселенцев[105]. Высочайшим указом Правительствующему Сенату 30 декабря 1869 года на Межевые управления Кубанской и Терской областей возложили распределение горских и казачьих земель[106]. Появление такого указа было вызвано массовыми жалобами чеченцев на несправедливое распределение земель. Предгорные аулы, получившие плоскостной земли только в половинчатом размере, считали себя обиженными. В связи с этим Межевое управление Терской области вынуждено было в 1873 году ходатайствовать о проведении изменений в распределении наделов по проекту 1871 года[107]. Кроме того, возникла масса жалоб со стороны аульных обществ о том, что при распределении наделов, никакой расценки земельных угодий не производилось, а потому многие аулы получили мало удобной земли. При исправлении границ Урус – Мартановского надела выяснилось, что аул этот получил в действительности не то количество удобной земли, какое поземельной Комиссией было по–расчёту ему спроектировано, а именно: вместо 14769 десятин, около 9427 десятин; кроме того, проектируемый надел оказался недостаточным, т.к. в этом ауле поселилось большинство возвратившихся из Турции чеченцев, в следствие чего число дворов вместо 1257, бывших ранее, увеличилось до 1600. В результате ходатайства начальника Терской области, наместник на Кавказе разрешил отвести этому селу дополнительный надел, на общинном праве пользования, в 3400 десятин земли. Благодаря этому весь надел Урус – Мартана составил 22337 десятин земли[108]. По материалам чертёжного отдела Терской областной сословно–поземельной комиссии, у горных чеченцев на мужчину приходилось 0,86 десятин под пашнями и 1,76 десятин под сенокосами[109]. В горной Чечне, к началу XX века имелось 27395 пахотных участков, а их общая площадь составляла 9073 десятины. В плоскостной Чечне средний размер надела составлял 4,11 десятин[110]. Согласно «Положению» 1867 года для Чеченского округа официально была принята норма подворного надела в 16,8 десятин, однако в каждом дворе

проживало по 3-7 мужчин, поэтому душевой надел был крайне низок[111]. Самые маленькие душевые наделы, по официальным данным, в Терской области приходились на Грозненский округ, где в основном проживали чеченцы[112]. Душевные наделы терских казаков вдвое превышали наделы казаков Кубанской области. В 1886 году на одного терского казака приходилось 13,3 десятины, а на казачий двор 92,12 десятины земли. Минимальный душевой надел, необходимый для того, чтобы крестьянин мог едва сводить концы с концами, составлял в нечернозёмной полосе России 9-10 десятин, а в среднем, для чернозёмной и нечернозёмной полос, свыше 7,5 десятин на душу населения[113]. Урожайность же Терской области была выше, чем во внутренних губерниях России. Заметим, что из территории, отведённой индейцам по распоряжению правительства Соединённых Штатов на долю каждого местного жителя приходилось 603 акра (40 акров=14,7 десятин) земли[114]. Общее количество частновладельческих земель в Терской области, по сведениям местного межевого управления, к 1 января 1884 года не превышало 668021 десятин (11,9%), к 1893 году это количество увеличилось незначительно и достигло величины 691700 десятин земли[115]. К 1884 году в Веденском округе был обмежёван всего 1 участок частного собственника, размером в 68 десятин. Всего в этом округе насчитывалось 144714 десятин земли[116]. В начале 1893 года оставалось ещё 50,3% всего пространства земель Терской области, без проведённого отмежевания.

Чеченцы издавна проживали не только в горах, но и на плодородных долинах Сунжи и Терека. В отношении установления хронологических сроков переселения с гор, между исследователями существуют разные мнения. Берже пришёл к выводу, что переселение с гор чеченцев и ингушей началось в 1530 году. Что же касается окончания процесса переселения, то его Берже относит к 1810 году[117]. При основании города Терки и вплоть до завершения Кавказской войны чеченцы уже жили на равнине[118].

Одной из главных политических акций российского правительства по подчинению себе горских племён было выселение их с гор на плоскость и укрепление поселений в стратегически важных пунктах – путём соединения мелких аулов в крупные[119]. Таким образом ещё в начале 50-х годов XIX века плодородные равнины по течению реки Терека были освобождены под заселение их казаками. Переселение аулов, столь удобное в административном и стратегическом отношении, произвело целую социальную революцию внутри жизненных систем горских народов. В

Чечне нередко власти уничтожали целые аулы, чтобы заставить переселиться их жителей на плоскость. В новых районах поселений земли правительством отводились только во временное пользование без определения их количества и границ. Жителям гор приходилось приспосабливаться к плоскостным условиям хозяйствования. Очень часто случалось так, что начальство передвигало аулы с места на место по несколько раз, ввиду важной административной необходимости и всегда при таких же условиях неопределённости и беспорядка. Постоянные переселения на заселённую равнину способствовали стиранию племенных различий, исчезновению локальных этнических наименований и распространению общего национального этнического названия. В составе России сложились условия для консолидации прежде разрозненных тейповых организаций и сельских групп в большие сельские общества[120]. В ходе земельного размежевания чеченские сёла Надтеречного наибства получали запасную землю, на которую они обязаны были принимать переселенцев из Большой и Малой Чечни[121]. Хотя в пореформенный период число крестьян–общинников на плоскости неуклонно увеличивалось, первоначальные земельные наделы оставались в прежних размерах. Естественный прирост населения, увеличение числа хозяйств, как за счёт дробления больших семей, так и за счёт принятия в сельские общества прибывших на постоянное жительство горцев, способствовали ещё большему обострению земельного кризиса. Например, в 1866 году в селе Ачхой – Мартан насчитывалось 373 двора. За 20 лет их число возросло до 730, так как в силу гостеприимства жители приняли в сельское общество 157 семей, возвратившихся из Турции и 39 семей, спустившихся с гор, и кроме того 161 семья составила естественный прирост. Между тем количество первоначально выделенной сельскому обществу земли оставалось прежним, что и приводило к непрерывному обезземеливанию горцев[122]. В 1891 году в Грозненском округе плотность населения составляла 24,4 (из них 22,76 чеченцы) на квадратную версту[123].

Горцы, переселившиеся на плоскость, пользовались правами временно проживающих. Они чувствовали себя здесь далеко не вольготно: выплачивая наравне с коренными жителями селения земские повинности, отбывая натуральные сельские повинности, они в то же время не имели права на владение установленным паем общественной земли, а при решении общественных сельских дел – права голоса[124]. Ввиду такого сложного положения переселенцев, они стали жаловаться областной администрации на сельские общества, что они их притесняют и не дают

права пользования землёй наравне с другими. Такие жалобы особенно часто стали поступать к руководству с 1886 года, когда посторонних лиц записали в списки сельских обществ без ведома и согласия коренных жителей. Начальство это сделало для того, чтобы в документации не значились безземельные крестьяне. Когда посторонние лица только появлялись в сёлах, они зачастую не объясняли своего происхождения, дабы получить более выгодные условия проживания, а ведь зачастую у многих из них оставались родовые участки в горах, которые они продолжали возделывать, или получали прибыль от их аренды или продажи. В спорах, возникавших между обществами и переселенцами, последние зачастую обращались в горский суд, который не мог разрешить споры, т.к. не имел твёрдых оснований для их разбора[125]. Сельские общества жаловались в основном областному руководству на посторонних лиц, проживающих в их сёлах, но имевших земельные наделы в горах. Через окружных начальников им сообщалось, что они имеют право удалить из своих аулов всех не приписанных к ним, при содействии, в случае необходимости местной милиции[126].

В пореформенный период на Кавказ устремился огромный поток переселенцев из центральных и южных регионов России. За период с конца 1867 по январь 1897 года численность населения Предкавказья возросла на 172,4%. Ни один район Европейской России, в том числе Новороссия и Заволжье, не имели за этот период столь высоких темпов роста населения, что само по себе говорит о большом экономическом преимуществе региона Северо – Восточного Кавказа, где десятки тысяч десятин земли раздавались новым переселенцам[127]. Иногородних в Терской области в 1897 году проживало более 92 тыс. человек, т.е. около 11% населения региона[128].

Законодательство признавало малоземелье (менее 5 десятин земли – усадебной, пашенной и сенокосной – на душу населения) совершенно достаточным поводом к переселению. Для водворения переселенцев назначались те губернии и области, в которых по числу душ государственных крестьян, причиталось в не степной части по 8 десятин на человека, а в степной по 15 десятин. К таким территориям относилась и область Северного Кавказа[129]. Согласно закону о переселении 1889 года, крестьяне могли переселяться организованно, т.е. при оказании помощи со стороны правительства, либо на свой страх и риск[130]. Сенатор Кузьминский в своём всеподданнейшем отчёте говорил следующее: «Замечено, что иногда самый состав переселенцев образуется из лиц, отставших от

земледелия и отдающих полученную для колонизационных целей землю в аренду крестьянам – туземцам соседнего селения». Иногородние очень беспокоили казаков и последние, дабы избавиться от пришлого элемента, двигали переселенцев дальше в горы, на чеченские земли[131]. В рамках упрочнения позиций российской государственности на Северном Кавказе в рассматриваемый период проводилась политика, направленная на изменение этнодемографической ситуации в регионе. Сущность данной политики заключалась в изменении этнического состава населения региона в пользу славянских народов, уменьшении доли коренных жителей в составе населения, в организации внутренних региональных миграций в соответствии с видами российского правительства.

С 1880-х годов XIX века в России теоретически оформляется так называемая доктрина «географии неблагонадёжности». Её создателями были военные статистики В.А. Золотарёв, Н.Н. Обручев, А.И. Макшеев[132]. Суть данной доктрины сводилась к диффиренсации районов империи по доле в их населении «благонадёжных» (славяне) и «неблагонадёжных» (поляки, евреи, немцы, народы Кавказа) этнических групп. Эта доктрина предполагала для нейтрализации «неблагонадёжности» той или иной территории систему мер, в число которых входили и депортации. Современный исследователь миграционных процессов на Северном Кавказе в XIX веке Н.Ю. Силаев отмечает, что в этом регионе подобный инструмент укрепления «благонадёжности» применялся властями уже с середины XIX века. Депортации, которые далеко не всегда имели жёстко принудительный характер, должны были сломать традиционные ареалы и формы расселения местного населения, так как было очевидно, что неблагонадёжность местного населения на Северном Кавказе во многом была обусловлена особенностями ландшафта и расселения (небольшими хуторами и сёлами, которые были особенно распространены в нагорной части края)[133].

Многим горским князьям и офицерам земли были дарованы российским правительством за особые заслуги ещё в ходе Кавказской войны. В результате проведения земельной реформы эти участки или были выкуплены государством или права на владения ими снова были высочайше подтверждены императором. Фактически наместник Кавказа на своё усмотрение раздавал эти земли, ибо в его приказе было сказано, что желающие получить землю должны обратиться к начальникам областей, а те, в свою очередь, с их ходатайствами «должны восходить до нас»[134]. По ходатайству начальника Терской области 6 апреля 1867 года

было получено предписание наместника Кавказского на разрешение отмежевания в Чечне частной собственности. В частную собственность за заслуги было роздано местным влиятельным людям Чечни 8674 десятины. Но далеко не все представители горской знати получили частную земельную собственность. Представителям низших сословий было предоставлено лишь право пользования отводными наделами[135]. Особенное внимание уделяло правительство горским феодалам, распорядившись наделить крупнейших из них «на полном помещичьем праве», в вечное и потомственное владение участками земли от 1 до 5 тыс. десятин, смотря «по степени значения и оказанных каждым услуг правительству». Лицам, так называемой II категории (I категория – русские дворяне и чиновники) выдавались участки менее 1 тыс. десятин[136]. В 70-х годах XIX века выделен был участок в 1000 десятин удобной земли в Нагорной Чечне начальнику Аргунского округа А. Ипполитову, породнившемуся с чеченцами – женившись на чеченке. Пользуясь своим административным положением, Ипполитов назначал своих родственников по жене участковыми начальниками, награждая их в свою очередь крупнейшими земельными владениями[137]. В ходе Кавказской войны, в условиях военного времени, крупными земельными участками награждали отличившихся чеченцев после того, как наводили справки о них у стариков и односельчан – пользуются ли они уважением у населения, каковы их доходы и родословная[138]. После завершения войны создавались специальные сословно–поземельные комиссии, рассматривавшие вопросы правомочности наделения землёй горцев. Зачастую многим горцам, отличившимся в ходе боевых действий, которым была обещана земля, комиссия отказывала в этом, под разными предлогами[139]. Некоторые представители высшего сословия Терской области были наделены крупными земельными участками по Указу правительствующему Сенату «…во внимание к особому ходатайству Наместника и согласно удостоению Кавказского комитета». Таким образом получили землю в вечное и потомственное владение : майор Улубий Чуликов – 400 десятин, капитан Ватуш Цутиев – 225 десятин, поручик Сатау Эльджуркаев – 182 десятины[140]. В 1863 году наместник Кавказа издал приказ №418, где было сказано «о …праве раздачи частным лицам – русским и туземным офицерам, а также лицам гражданского ведомства, участков свободных казённых земель в Терской, Кубанской, Дагестанской областях и в Ставропольской губернии». Согласно этому приказу, право покупать у местного населения земельные участки получили русские

офицеры и чиновники областной администрации[141]. В 1902 году были изданы правила, Высочайше утверждённые 1 марта 1902 года «для скупки частновладельческих земель в Кубанской и Терской областях для надобностей Кавказских казачьих войск, на средства их капиталов»[142]. Распродавали свои земли отставные генералы и бывшие чиновники, получившие их в награду «за особые заслуги при покорении Кавказа…» Так, офицерство Терского казачьего войска к 1890 году распродало 39% всех отмежёванных ему по закону 1870 года земель[143]. Не смотря на малоземелье, самовольные захваты участков были мало распространены в Терской области, о чём свидетельствовали местные земельные комитеты[144]. Горцы крайне неохотно и только в случае большой необходимости расставались со своей землёй. По их понятиям продавать фамильную землю было стыдно и оскорбительно для памяти предков[145].

На Северном Кавказе земля стала предметом купли–продажи ещё в первой половине XIX века, т.е. в разгар Кавказской войны. Покупали землю состоятельные люди, в числе которых были и богачи из местных народов. Правда, в период Кавказской войны и сразу после неё чеченцы, кабардинцы и некоторые другие народы потеряли свои права на купленные земли. Царское правительство, воспользовавшись тем, что у некоторых народов (чеченцев, осетин и др.) феодальная собственность на землю не получила чёткого оформления (с юридической точки зрения), аннулировала права бывших владельцев. Колониальным властям было выгоднее во всех отношениях дать землю горской знати из своих рук. В этом случае горская знать попадала в непосредственную зависимость и активно выполняла волю царских чиновников и генералов[146]. Многие царские чиновники понимали несправедливость конфискации земель у их законных владельцев. Наместник Кавказа Воронцов – Дашков писал: «Широкое развитие среди кавказского населения подворно–участкового пользования землёй свидетельствует, что кавказцам далеко не чуждо понятие о праве собственности»[147]. Ф.М. Уманец, в своей работе «Колонизация свободных земель России» заявлял: «Было бы несправедливо продавать местным инородцам те земли, которые они, действительно обрабатывали ещё до учреждения в этих местах колоний. Русская оккупация всегда и везде гарантировала каждому плоды труда и потому продажа инородцам того, что они создали своим трудом, противоречила бы традициям русской политики. Вековое пребывание в стране даёт даже народу вовсе не наделённому цивилизованными формами известное право на территорию отцов. До тех пор, пока нет хорошего закона

регулирующего общинное землевладение, мы не имеем нравственного права, посредством оброчной подати, навязывать общинное землевладение…»[148]. Преобладание в Кубанской и Терской областях феодально –сословного землевладения (войскового казачьего, общинно –надельного и феодально –пожалованного) являлось главным препятствием для проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство и на казачьей, и на горской территории. Земельная аренда являлась важнейшим средством обхода названных препятствий. Развитие арендных отношений внутри горских обществ усиливало размежевание в среде крестьянства, что позволяло говорить не только о росте имущественного, но и социального неравенства у горских народов[149].

Спекулятивная аренда получила широкое распространение, ею занимались и чины правительства и администрации и офицеры, бравшие в аренду большие площади по 10 –15 копеек за десятину и сдающие их в субаренду горскому населению по цене, в несколько раз превосходившей первоначальную. Частные земли и горских и русских владельцев также попадали в сферу субарендных отношений. Субаренда была узаконена областной администрацией. Арендные договоры, утверждаемые начальником области, предусматривали, как правило права субаренды, особенно пастбищных участков, разрешался выпас скота за плату, которую устанавливал сам арендатор. Никаких официальных договоров с посторонними лицами (субарендаторами) арендатор не заключал, поэтому нельзя установить, сколько и по какой цене принимался скот на выпас[150]. Войсковые земли, так называемый войсковой запас, эксплуатировались путём сдачи их в аренду, причём, как правило, очень крупными участками, что приводило к беззастенчивой спекуляции ими. В результате земля не доходила до мелких производителей или арендовалась ими по непомерно высоким ценам. В результате огромные средства перекачивались из сельскохозяйственного производства в карманы всякого рода дельцов и спекулянтов[151].

Даровая раздача земель наполняла регион массой более или менее состоятельных людей, всё хозяйство которых заключалось в спокойном выжидании минуты, когда подаренный участок поднимется в цене вследствие естественного притока населения. Раздача земель возбуждала аппетит и порождала спекуляцию, но не способствовала успехам в земледелии и промышленности[152]. Арендные цены на нефтеносные участки были выше, чем на землю, занятую под сельскохозяйственные угодья. Аульные общества были лишены права сдавать в аренду нефте-

носные участки – земля им предоставлялась не на правах собственности, а только в пользование с правом поверхностной разработки, недра её считались достоянием казны[153]. Предприниматели вынуждены были выплачивать большие суммы казачьему войску за аренду земли. Это отвлекало капиталы в сельское хозяйство и торговлю, тормозило развитие промышленного капитализма[154]. Казённые земли большей частью сдавались арендаторам, иногда очень крупными кусками, за малую плату и на большие сроки, лишающие казну даже возможности пользоваться совершающимся общим повышением земельной ренты[155]. Земля сдавалась в аренду, как правило, крупными участками (и чем больше участок, тем дешевле цена одной десятины) с обязательным внесением залога и части арендной платы вперёд. Для того, чтобы осмотреть сдаваемый в аренду участок, явиться на торги, выполнить все формальности по заключению арендного договора, нужно было располагать свободным временем, определёнными средствами и связями. Необходимо было также получить специальное разрешение для поездки на торги, требовалось знание русского языка, чтобы следить за объявлениями, знание и понимание арендной конъюктуры и др. Почти во всех округах доход в сельские капиталы от сдачи земли в аренду не превышал 10%, меньше всего он был у чеченцев (Грозненский и Веденский округа), которые имели мало земли. Большое распространение субаренды объясняется не столько «особым пронырством» земельных спекулянтов, сколько неизбежным результатом той социально–экономической политики, прежде всего аграрной политики царизма в целом, в отношении горских народов, теми исключительно благоприятными условиями для земельных спекуляций, которые создавало само правительство и местная администрация[156]. Главнейшими статьями доходов казачьих войск являлись доходы с земли и правительственные субсидии. По абсолютной величине войскового капитала, приходящегося на душу мужского пола войскового сословия наиболее богатым являлось Астраханское войско, где на каждого приходилось 76 руб. 41 копейка. Терское войско по богатству занимало 5 место из 11 казачьих войск, здесь на 1 казака приходилось 23 рубля 93 копейки. Расход составлял 6 рублей 54 копейки. По количеству дохода с войсковых земельных угодий Терское войско занимало 2 место. Доход с земли там составлял 66,6% к общему войсковому доходу. По количеству выделяемых правительством субсидий к общему доходу – среди казачьих войск, Терское было на 7 месте, они составляли 18,2%. В Терском казачьем войске с 1877 по 1900 г. войсковые капиталы увеличились с

400 тысяч до 3 млн. рублей. Это было результатом получения доходов с нефтеносных земель, которые войско сдавало в аренду[157]. Так как в большинстве станиц земельные владения значительно превышали рабочую норму, то излишки земли сдавались в аренду[158]. В Терской области наибольший процент применения рабочей силы приходился на Пятигорский, Кизлярский отделы и минимальный – на Грозненский округ[159]. Рыбные ловли в реке Терек с его притоками и рукавами также составляли собственность казачества и зачастую сдавались горцам в аренду[160].

По условиям земельных арендных договоров требовалось внести залог, обычно равный половине арендной платы, и первый полугодовой взнос. В 1897 году в руках крупных арендаторов находилось 66458 десятин казённой земли в Терской области, средняя цена арендуемой земли была 7,5 копеек за десятину[161].

В то время, как русский крестьянин имел в 1872 году 4,1 десятины на душу мужского пола, терский казак имел в конце 1889 года 21,3 десятин. Казачья семья часто бывала не в состоянии обрабатывать свою землю собственными силами и прибегала к найму пришлых рабочих, отдавала излишек земли в аренду, или же просто оставляла землю под целину, без всякой обработки, поэтому казака скорее можно было назвать мелким собственником, работодателем, чем крестьянином[162]. Чтобы стимулировать развитие сельскохозяйственного производства среди казачества в 1895 году начальник Терской области запретил казакам сдавать чеченцам и ингушам в аренду свои паевые наделы и даже вступать с ними в куначество[163]. Избыточность казачьих наделов доказывалась тем фактом, что станицы ежегодно отдавали горцам и русским в аренду более 322 тыс. десятин, то есть каждый казак – по 3 десятины[164]. В Терском казачьем войске на одного мужчину приходилось, за вычетом сдаваемой в арендное содержание, 12,8 десятин удобной земли[165]. На плоскости на чеченца или ингуша приходилось по 2-3 десятины земли, у живущих в горах было не более 4 – 6 десятин (сведения на 1907 год). К числу удобных земель в Чечне были отнесены места, покрытые сплошными зарослями[166]. Терским казакам было нарезано 2 млн.9 тыс. десятин земли. Казачья семья имела от своего земельного надела валовой доход 918 рублей, из которого бюджет семьи составлял 778 рублей и оставался излишек 140 рублей. Самая богатая чеченская семья на плоскости, по сведениям Терского областного статистического комитета (1903 г.), от земельного надела получала доход 262 рубля, расходуя на своё содержание 414 рублей, дефицит составлял 152 рубля[167]. А.А. Гассиев, болевший

душой за свой народ, отмечал крайне несправедливое положение дел в Терской области: «…Я думаю, всякий согласится, что национальности, живущие рядом соседями, не могут достигнуть счастья, если один из них на родной территории бедствует от малоземелья, другие не в силах обрабатывать занятые ими обширные площади той же территории. Только в нагорной полосе Терской области 15% мужского населения совсем не имеют земли»[168]. Процесс разорения бедноты отмечает и Абрамовская комиссия: «Бегенда, как единственный источник получения кредита, достигла громадного развития среди населения горских обществ и служит одним из источников к образованию безземельного пролетариата, т.к. заёмщики в редких случаях в состоянии выкупить заложенную землю..» Бегенда представляла собой бессрочный залог земли под деньги, скот и другое имущество, она имела черты ростовщичества (заём денег в залог земли, вместо ростовщических процентов – пользование заложенной землёй). Владелец земли мог получить свой участок обратно, только вернув деньги или скот. В случае невозвращения долга земля переходила в собственность заимодавца. Абрамовская комиссия отмечала последствия бегенды для горной Чечни: «Во всём этом районе бесконтрольная и неограниченная продажа и залог земель, а также разделы их в порядке наследования привели к тому, что во всех обществах имеются семейства, не имеющие пахотных и сенокосных участков»[169]. В силу того, что сумма залога всегда была меньше рыночной цены на землю, зажиточные верхи с помощью бегенды выгодно приобретали землю у горского крестьянства. Так, богатый чеченец Кадыр из села Селеты, Грозненского округа, в 90-е годы XIX века купил 10 загонов земли за 760 рублей (по 76 рублей за загон) и в то же время по праву бегенды приобрёл 7 загонов пашни за 70 рублей – по 10 рублей за загон (в 7,6 раза дешевле)[170]. Зачастую арендаторы нарушали условия договора и возникали земельные споры, которые разрешало в основном областное руководство. Приведём несколько наглядных примеров. Начальник Грозненского округа А. Ипполитов назначил своего шурина Гудоната участковым начальником. Общество дало Гудонату в пользование сенокосы и пастбища в урочище Саракай–лам. После снятия его с должности, он сообщил руководству, что данный участок земли никому не принадлежит. Участок был взят в ведение казны и сельское общество вынуждено было ежегодно его арендовать, выплачивая по 100 рублей в год за свою – же собственность[171]. Другой пример. Представители семьи Ханалиевых объясняли областному руководству, в ходе их земельного спора с беноевцами, что их предки

приобрели участок земли за 400 рублей у жителей села Ярыксу –Аух, семьи Гетежевых. Ханалиевы владели этим участком до 1861 года, когда начальник Нагорного округа, генерал–майор Вояковский, попросил их уступить землю на 3 года, во временное пользование поселившимся в Галайтах беноевцам, т.к. на новом месте жительства у них земли не было. Ханалиевы, по истечении указанного срока требовали вернуть им землю, или наделить их равноценным участком в другом месте. Отстаивая свои права на земельную собственность, Ханалиевы намерены были вести процессы во всех судебных инстанциях. Терское областное правление, журналом от 15 февраля 1897 года, определило «домогательства семьи Ханалиевых» оставить без удовлетворения, за не представление истцами каких–либо письменных документов на право владения земельным участком[172].

У горских народов Северного Кавказа имелись все основные формы земельной аренды : продуктовая, отработочная, денежная – самая распространённая, особенно в землевладении[173]. Абрамовская комиссия, как и ряд других источников, называла огромные суммы, уплаченные горскими народами за аренду земли. Арендные платежи только населения Нагорной полосы Терской области и Карачая ежегодно составляли в начале XX века громадную сумму – 1568860 рублей, из которой 1/3 (400 рублей) выпадала на чеченцев. Борьба за снижение арендных цен, за передачу арендуемых участков в собственность трудового населения составляла главное содержание аграрного движения на территории горских округов и отделов в трёх русских революциях, превращала горскую бедноту в союзника российского пролетариата. Арендные цены для горского населения были выше в 2-3 раза, чем для русских арендаторов на плоскости (при аренде пастбищ). Повышенные арендные цены для горского населения устанавливались администрацией при наличии огромных площадей совершенно не использованной земли. Станичные общества и плоскостные селения сдавали в аренду свои земли жителям горных аулов также по более высокой цене. Население Чечни арендовало землю преимущественно под посев. Потребность горского населения в аренде пахотных земель была исключительно велика. Она определялась не только нуждой в хлебе, как важном продукте питания, но и тем, что в плоскостных районах зерно становилось основным товарным продуктом сельского хозяйства[174].

Аулы можно подразделить на 2 вида: расположенные на землях войскового запаса и казённых (они сдавались без торгов), и на станичных

и частновладельческих землях, которые брались в аренду на торгах по обычным договорам. В отдельных случаях правительство сдавало казённые земли в аренду не крупным арендаторам, а горским обществам, существование которых было совершенно не обеспечено ввиду отсутствия у них удобной земли. Это был один из приёмов «умиротворения» горского населения. Предоставляя безземельному горскому населению в отдельных случаях льготы на аренду казённых и войсковых запасных земель, правительство всё же не пошло на передачу их в постоянное пользование горцам, хотя бы на общинном праве землепользования – сдача земли в аренду даже по таким ценам давала казне больше доход, чем размер земельного оброка; поэтому эти земли не передавались даже в постоянную аренду, т.к. при новой сдаче цена аренды могла повышаться[175]. Летние пастбища сдавали в аренду и отдельные аулы горной Чечни. Плата везде взималась с головы скота, поэтому с целью увеличения доходов в общественные суммы скота принимали больше, чем это диктовалось размерами и состоянием пастбищ, что приводило к их истощению – земля буквально вытаптывалась скотом.

Малейшего повода для обвинения в укрывательстве абреков было достаточно, чтобы царские администраторы приняли крутые меры к жителям селений на арендованной земле. Это была тяжёлая кабала, которую вынуждено было принимать горское население из–за своего безвыходного положения. Положение горцев на арендованной земле осложнялось целой системой ограничений и дополнительными тяготами. Всем жителям этих селений необходимо было иметь особое поручительство от своего общества (откуда переселялись), а также поручительство казака станицы, в юрте которого располагался войсковой запасной участок. Эти небольшие селения должны были за свой счёт содержать чинов администрации. Жители селений на арендованной земле делали денежные платежи и выполняли подводные повинности в старых обществах, членами которых они считались. Все эти расходы повышали стоимость аренды нередко в два и более раз, что следует учитывать при определении расходов горского населения на аренду земли. Земля сдавалась в аренду, как правило, на срок до 5 лет, по истечении которого нужно было заключать новый арендный договор, обращаться с прошениями к начальству (при аренде казённой и войсковой земли), что требовало и времени и расходов[176].

2. Земельная собственность и ее перераспределение

Завоевание Северного Кавказа совпало с реформами в России. На Кавказе, в ходе земельной реформы, вопрос собственности был ключевым. Империи необходимо было конфисковать чеченские земли и превратить их в казённую государственную собственность, а это можно было сделать только под благовидным предлогом (дабы избежать волнений и кровопролитий) – путём ликвидации остатков высших сословий, которые могли мобилизовать общественность. Также для выполнения этой задачи требовалось подтверждение существования только традиционной общественной собственности. В связи с отсутствием потомственных землевладельцев, некому было бы выставить в частном порядке претензии государству по поводу экспроприации и конфискации собственности – вся земля объявлялась собственностью государства и уже раздавалась за заслуги по интересам оного. Колониальная политика царской администрации основывалась на праве победителя (захватном праве). В связи с этим вся земля бесцеремонно объявлялась казённой, а население имело только возможность пользоваться ею на определённых условиях. Все общественные земли и так называемые «земли, впусте лежащие», а также недра и воды переходили в государственную собственность, а их исконные владельцы могли только арендовать эти земли у колониальной администрации. На захваченных землях царские власти создавали казачьи станицы, русские переселенческие посёлки, полигоны, казармы, военные города, отводя им лучшие земли и львиную долю оросительной воды[177].

Частная собственность, по праву, считается индивидуальной и поэтому, в принципе, неприкосновенной перед властью захватчика. Человек имеет свою сферу индивидуальной свободы, относительно которой он перед государственной властью является суверенным[178].

Юридический стержень общинного права, составляет право отдельного лица, а не общины, как массовой единицы. В 1877 году правовед С.В. Пахман разъяснял : «..всякая община, как корпорация, преследует в своей сфере те же цели, какие свойственны самому государству: подобно последнему, она имеет своей задачей осуществление всех необходимых условий благосостояния членов»[179]. Следовательно, и частные лица и община, представлявшая совокупный интерес индивидов, были, прежде всего, заинтересованы в сохранении их прав от посягательств как отдельных лиц, юридических организаций, так и государства (представителя множества частных интересов). Существовали и некоторые юридичес-

кие «лазейки», используя которые государство манипулировало правами своих новых граждан. Если термин «сельское общество» понимался как административная единица, в которую входили отдельные поселения, то у этого общества не могли быть целиком в пользовании земли, т.к. сюда входили и отдельные отсёлки, сёла и хутора, принадлежавшие по праву частной собственности отдельным фамилиям. Если под «сельским обществом» понималось отдельное поселение, принадлежавшее какой–то фамилии, то оно существовало на праве собственности, однако его ещё надо было доказать, причём документировано[180]. В большинстве случаев границы аульных земель и участков, состоящих в исключительном владении частных лиц, были известны населению. Об этом положении дел было известно и областной администрации. Частные лица, требуя закрепления за ними земель, представляли, как доказательство справедливости их претензий то, что земли, о которых они просят, издавна считаются их родовой собственностью. И как писала одна из земельных комиссий: «…К сожалению домогательства многих из туземцев увенчались успехом»[181]. Сулейман Чуликов обращался к командующему войсками Терской области князю Д.И. Святополк – Мирскому с таким прошением: «Родной мой отец бывшей царской службы поручик Чуликов в 1809 году вывел из гор несколько именитых горцев: покоривши их, он поселился на правой стороне Терека против станицы Ищёрской, Моздокского полка. Назван был Чулик – Юрт...мой отец имел в собственном владении тот аул и принадлежавшую к нему часть земли, называемой Бено – Бёром, на которой он занимался ежегодно сенокосом и жители всегда повиновались ему как владельцу аула… Будьте столь милостивы, не откажите в исходатайствовании к вышеозначенному участку земли письменного документа на потомственное владение оной». С такими – же прошениями обращались к властям и другие влиятельные чеченцы[182]. По ходатайству наместника на Кавказе и согласно утверждению Кавказского комитета в вечное и потомственное владение Чуликову было пожаловано 400 десятин земли. Также землю получили и некоторые другие чеченцы, приближённые к российской власти: Джамалдин Мустафинов – 400 десятин; Касум Курумов – 579 десятин; Бота Шамурзаев – 585 десятин; Ахматхан Эльмурзаев – 470 десятин; Соада Саралиев – 400 десятин[183].

По общему указанному правилу «Положения об инородцах» – осёдлые инородцы сравнивались с россиянами «в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят», их право собственности защища-

лось всей строгостью закона[184]. Верховная власть, будучи сама источником закона, связана была им нравственно, а не юридически. Во имя государственной цели законный порядок нарушался самой же властью, с помощью указов, особых Положений; однако некоторые представители структуры управления считали такие действия аморальными по отношению к гражданам и не считали оправданным нарушение частного права – столпа экономического развития и политической стабильности. Действия государства оправдывались следующим образом: «…каждое имущество в государстве, хотя и предоставляется исключительно господству одного лица, всё-таки может и должно служить целям государства, а как цели и интересы государства выше интересов отдельных лиц, то право сих на имущество должно быть ограничено, на сколько того требуют общественные интересы»[185].

В азиатских государствах не было собственности, носившей печать личной, исключительной власти на землю и воду, а было право пользования, на практике носившей общественный характер. Такую же систему решено было ввести и на Северном Кавказе, что входило в противоречия с давними историческими традициями повсеместного пользования частными правами.

Земли у горцев всегда служили предметом гражданского оборота: купли–продажи, залога, дара. Следовательно, такое владение заключало в себе все элементы права полной собственности, указанные в российских законах, т.е. – владение, пользование и распоряжение. Посягательство на пашню, луг или сад коренного жителя Кавказа, было равносильно посягательству на его личную свободу. Для полного сближения обычного права горцев на землю с правом собственности на основании общегражданских законов (ст.420 и 423. Т.Х. Ч.1. Свод зак. изд.1900 г. право на имущество) недоставало, следовательно, лишь формального момента укрепления его за фактическим владельцем в порядке, установленном гражданскими законами. «…Обычное право горцев на землю тождественно по содержанию с общеимперским правом поземельной собственности» – считал наместник на Кавказе граф Воронцов – Дашков[186]. Также он высказал своё мнение императору во всеподданнейшей записке, где говорилось о желательности предоставления земли на праве собственности горцам, т.к. только тогда «землеустроительные цели будут достигнуты»[187]. Начальник Терской области генерал –адъютант Свистунов считал необходимым : те земли, которые находятся во владении частных лиц, закрепить на праве собственности за этими лицами,

земли же аульных обществ признать собственностью этих обществ. Свистунов считал, что для всеобщего равномерного подворного распределения земли пришлось бы уничтожить обычное право, и, обратив все земли в государственную казну, распределить между населением. Но такое действие, по мнению начальника области, было бы незаконно и несправедливо, т.к.:1) частные участки созданы с большими затруднениями и денежными затратами и нет основания лишать собственников их векового права; 2) с уничтожением обычного права собственности, положение большинства населения ухудшится и подорвёт доверие к правительству[188]. Само правительство поддерживало в населении уверенность в вотчинных правах на родовые земли и даже «Высочайшее повеление» о расчищении из –под леса участков земли последовало в смысле признания за жителями прав собственности на эти участки. Проект по сохранению права земельной собственности, составленный Свистуновым, был признан в Тифлисе неприемлемым[189]. Возражения начальника Главного управления наместника на Кавказе, генерал–лейтенанта Старосельского Свистунову заключались в следующем: а) Проект допускает возможность перехода всех лесов в общинное владение, или в частную собственность – что недопустимо; б) Межевание всех участков, отходящих в частную собственность, составит слишком обширный труд и затормозит дело на долгие годы. Разногласия привели к тому, что вопрос о поземельном устройстве жителей Нагорной полосы продолжал оставаться без движения до 1885 года. Предварительная межевая съёмка закончилась в 1905 году[190]. В 1906 году приказом главнокомандующего Кавказским военным округом от 18 апреля, в городе Владикавказе была образована Комиссия для исследования правового и экономического положения Северного Кавказа. К работе в этой комиссии не были допущены горцы. Собственником земли комиссия считала казну, указывая, что у горцев земли никогда не было, и что они её не желают. Комиссия предположила, что меньшинство владеет землёй, но не имеет права на её недра, только – на поверхность. Высказываясь против права собственности горцев на землю, комиссия утверждала, что укрепление собственности на Кавказе – совершенно излишняя формальность. По мнению членов комиссии, тот факт, что население регулярно платило подати государству указывает на то, что жители фактически признали право государства на землю. Однако, в решениях Сената за № 74/146, 71/1080, 72/261 говорилось, что подати не могут устанавливать за казной собственности[191]. Подымная подать не входила в оброк на землю – на

этом основании земля не могла считаться казённой[192]. На Кавказе гражданами Российской империи становились все жители присоединенных территорий, хотя в первые годы система налогообложения там не была введена. Закон о гражданских правах, принятый в 1866 году в США, в число граждан включал лишь индейцев, облагаемых налогами[193].

На рубеже XIX -XX вв. С.В. Витте, хотя и без особого успеха, доказывал, что «сближению инородческих племён с русской народностью мешает создание без крайних необходимостей каких бы то ни было новых поводов к недовольству»[194]. При обсуждении земельного вопроса в Совете министров представитель наместника на Кавказе (графа Воронцова – Дашкова) напомнил, что при присоединении Кавказа его народам было обещано сохранить право собственности на находящиеся в их владении земли, причём горцы считали землю своей и продолжали совершать сделки купли – продажи. Однако большинство министров отвергло ссылки на давние обещания, преследовавшие, по их мнению «…главным образом политические цели...»[195].

В условиях аграрного кавказского общества, сложившейся социальной стратификации и традиционного права собственности на землю, основанного на трудовой заимке, давности владения, праве сильного, отсутствовало понятие юридического оформления собственности на землю. Это давало возможность Российскому правительству, опираясь на военную силу, объявить предгорные и плоскостные земли Северного Кавказа казёнными, но при этом официально не отрицались права коренного народа на эти земли.

Размещение на территории горских народов военных крепостей и казачьих станиц, дарование крупных участков земли в частную собственность отдельным представителям местной феодальной знати, усиливающееся малоземелье, проникновение и рост товарно –денежных отношений стали побудительными причинами для горской элиты о постановке вопроса перед Кавказской администрацией о выдаче документов на законное (с точки зрения Российского законодательства) владение принадлежавших им земель. Администрация, обещая узаконить собственность, постоянно откладывала решение вопроса, создавая для этого различные комитеты и комиссии[196]. Таштемир Эльдарханов, работавший в 1898 году учителем в Грозненской горской школе, избирался членом I и II Государственной думы от малых народов Терской области: чеченцев, ингушей, кабардинцев и кумыков. В своих выступлениях он разоблачал царское правительство, незаконно расхищавшее природные богатства,

принадлежащие горцам, и требовал, чтобы это расхищение было остановлено. После возвращения в Грозный, Эльдерханов подвергся преследованиям со стороны царской власти. В Терской области ему было запрещено заниматься педагогической деятельностью и он вынужден был покинуть родину и переехать в Баку, где стал преподавать в городском училище[197]. Горькая правда, высказанная простым чеченским учителем с самой высокой государственной трибуны, отражала реальность. К сожалению, в ходе земельной реформы все частные права 200000 чеченского населения были попраны – земля их, почти повсеместно, за небольшим исключением, стала казённой. Более того, не только земли, но и недра (полезные ископаемые) и воды стали собственностью государства. Захват земли происходил двумя способами: с помощью экспроприации и в результате конфискации.

Что же такое экспроприация? Экспроприация – это принудительное действие государства, направленное на приобретение для общей пользы частных имущественных прав или их ограничение. Экспроприация не может быть предпринята в выгодах отдельных лиц. Она составляет исключение из общего, признанного всеми законодательствами начала, по которому частные лица вправе распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению. Экспроприация производится во имя государственных интересов, поэтому экспроприантом является само государство, в лице правительственных органов[198]. В Чечне, в ходе земельной реформы помимо экспроприации имущества, когда частично собственность была возвращена владельцам, как, например, чеченские князья были вознаграждены земельными участками, повсеместно осуществлялась конфискация частной земельной собственности у рядовых чеченцев.

Основное правило экспроприации состоит в том, что она должна совершаться для общественной пользы и за справедливое вознаграждение. Иначе – это конфискация, которая составляет нарушение права, несовместимое с правильным гражданским порядком. Верховное право собственности переходит в полную собственность, как скоро оно не встречается с частным правом. С устранением частной собственности вещи переходят в собственность государства.

Ещё в середине XVIII столетия в России было утверждено главенство гражданского закона. Наказ от 30 июня 1767 года гласил: «Когда для пользы общей потребна земля, частному человеку принадлежащая, то не должно тут поступать, по строгости закона государственного, но сей случай есть тот, в котором должен торжествовать гражданский закон,

который материнскими глазами взирает на каждого особого гражданина так, как и на целое общество. Если польза общая требует, чтобы один участок земли, принадлежавший человеку частному, был у него взят, то должно сему человеку в убытке сделать удовольствие»[199].

Теория неприкосновенности прав частной собственности находит своё удовлетворение в полном и справедливом вознаграждении собственника за обязательное отчуждение. Политическая экономика доказывает, что принцип отчуждения надо искать не в смутных определениях общественного блага, но в том, что видоизменения, в существующих определённых частными правами отношениях собственности, составляют неизбежное условие общественного развития[200]. Всякое отчуждение частного земельного имущества на государственную или общественную необходимость, должно было заканчиваться составлением межевого плана, по межевым законам. Всё что уже было отчуждено, не могло возвратиться бывшему владельцу по частям. Он мог только поставить вопрос о недостаточности денежного вознаграждения[201]. На Кавказе, при назначении частным лицам вознаграждения из казны за имущество, отошедшее на государственные или общественные нужды, соблюдались правила, изложенные в учреждении управления Кавказским краем (изд.1886 г.). Кавказская администрация почти всегда определяла самостоятельно стоит ли вообще выплачивать компенсацию за отчуждаемое имущество и в каком размере это делать. Например, после постройки Военно – Осетинской дороги местным жителям не было выплачено вознаграждение за отчуждённые земли, т.к. руководство считало, что эта дорога была гораздо более необходима населению, чем казне. В тех же случаях, когда земля уступалась для других, менее важных для населения задач, государственное вознаграждение выплачивалось. Так, 7 тыс. рублей казна заплатила за землю, отведённую под Аллагирский завод[202].

На основании ст.387 тома X гражданских законов России: реки, озёра, пруды считаются принадлежностью земель и, следовательно, подобно всем другим предметам на её поверхности и в недрах (минералы, нефть) не представляют собой особого предмета собственности. Реки несудоходные, пруды могут быть или частными или общественными. По праву полной собственности на землю, владелец, на основании 424 ст. X тома гражданских законов России, имеет право на воды, находящиеся в пределах его земли. По ст.428, если река составляет границу между прилегающими к ней владениями, то каждый из владельцев может ею пользоваться по береговому праву, от своего берега до середины реки. Определение права

собственности на проточные воды заключает в себе определение такого же права на ложе, русло или берега. Под понятием о реке подразумеваются 3 составные части: вода, русло, берег[203]. Российский закон признавал право частной собственности на проточные воды, за исключением судоходных рек, которые являлись собственностью государства. При этом ограничения распространялись и на полосу земли, идущую по берегу около судоходной зоны. Хотя река Терек и не являлась судоходной, однако она, в обход российского законодательства, стала государственной собственностью. Право ловли рыбы принадлежало Терскому казачьему войску на особых основаниях. Морские воды Каспия стали общим достоянием Терского войска, земли при реках и воды были распределены между офицерами и казачьими станицами[204]. По вопросам о проводе оросительных каналов через чужие владения российские законы не давали указаний[205]. Вопрос о проведении воды через чужие владения сводился к общим вопросам об ограничении права собственности правами участия общего и частного и об экспроприации в государственных и частных интересах[206].

Частное право у чеченцев существовало с незапамятных времён. Н.С. Иваненков, исследуя вопрос землевладения в горной Чечне, где традиционные формы сохранялись лучше, пришёл к выводу, что землевладение у чеченцев издревле было частным[207].Особенно ценилась плодородная равнинная земля, которую получали в собственность путём расчистки её из – под леса. Случаев массового переселения в горы по экономическим мотивам не знает история Кавказа. Во все эпохи горцы пользовались удобным случаем для переселения на равнину, или, как говорят на Кавказе, на плоскость. Всё это противоречит представлению о том, что горские народы ещё в глубокой древности чуть ли не добровольно обрекли себя на вечное пребывание в горах и будто бы никогда не меняли своего места жительства и даже не стремились к этому[208].

Государственная комиссия, назначенная для решения земельного вопроса в Терской области также подтвердила существование частной земельной собственности как в чеченских горах, так и на равнине. Старший советник Абрамов сообщал: «В Нагорной полосе, в пределах Грозненского округа, существует частная собственность. Сельские общества сами признают так называемые родовые потомственные участки за частную собственность». Его слова подтвердил и старший советник Попов: «В чеченских селениях разрешена была купля – продажа, даже и посторонним лицам, земель, причём утверждение подобных сделок возлагалось на горные суды»[209].

В XVIII – XIX веках у горцев на Кавказе существовало 2 типа собственности: частная, которая была господствующей и общинная. Частная была представлена 2 подтипами: феодальной, которая также была господствующей и трудовой собственностью рядовых общинников[210]. Часто владельцы земли отдавали безземельным крестьянам в аренду пахотно – посевные земли и пастбища[211]. По мнению Е.А. Борчашвили, у вайнахов в конце XVIII – перв. пол. XIX вв. частная собственность занимала господствующее положение. Он устанавливает наличие в Чечено – Ингушетии следующих форм собственности на землю: феодальную, частно – индивидуальную собственность на трудовую землю, сельско – общинную и общинно – удельную. Частное право на землю существовало у чеченцев очень давно. Древние римляне особенно уважали право, приобретённое незапамятной давностью[212]. Исследователь Кавказа в XIX веке Лонгворт утверждал: «Ограда составляет здесь единственное доказательство на право владения». Таким образом, огораживание участков являлось одновременно одним из оснований возникновения собственности на землю. Впоследствии земельные участки стали передаваться по наследству, чем окончательно закреплялся их статус. Чеченец Бики, один из первых поселенцев Харачоя, состоял в земельном споре с зилоевцами, который был разрешён состязанием в скачках. После решения спора Бики написал на камне время скачки и указал место, разграничивающее пастьбу, – озеро Чархи – ам. Камень этот он положил в одну из стен своей башни, над дверьми[213].

Появление земельной собственности повлекло за собой становление арендных отношений, что особенно получило развитие перед Кавказской войной. Землю в Чечне покупали и продавали, что также является косвенным доказательством наличия частной земельной собственности до установления русской власти. По обычаю, во всех чеченских селениях требовали от продавца, чтобы он сначала предложил родственникам купить землю. Если они не соглашались на это, то продавец вправе был продать участок лицам своего же села. Во времена имамата Шамиля, по шариату разрешалось продавать землю кому угодно[214].

При совершении купли–продажи земли записей не делали. Это и послужило главным «козырем» в руках царской администрации, которая считала, что раз нет «бумаги» – значит и нет доказательного права на владение землёй, а это значит, что в Чечне нет частных собственников, всю землю можно считать общинной и конфисковать в пользу государства. Кавказские знаки собственности, как заменяющие письменные акты

укрепления прав на имущество, имеют такое же юридическое значение, как и сами акты, а следовательно, упомянутые знаки являются юридическими в полном смысле этого слова. Гербы, обладая свойствами знаков собственности, также во многом заменяли собой документальные акты[215]. Исследователи также давно обратили внимание на клейма (тамги), которыми пользовались кавказские народы для того, чтобы отличать лошадей и рогатый скот, принадлежавший разным хозяевам. Тамги ставили вместо подписей и печатей под документами. Тамги являлись показателями частной собственности. Н.Н. Харузин записал в 1886 году сведения о бытовании тамг у чеченцев и ингушей. Рисунки чеченских и ингушских тамг, по словам Харузина «…крайне разнообразны: некоторые имеют вид круга, креста, другие начальные буквы владельцев…»[216].

В ходе Кавказской войны Шамиль вознаграждал землями в Чечне за боевые заслуги, причём имам выдавал документальные свидетельства на частное владение земельными участками. Так, Шамиль–Хаджи Ума Эльджиев владел участком земли в 630 десятин, подаренным его отцу имамом Шамилём[217].

В далёком прошлом в Чечне было проведено что – то вроде земельной реформы. Границы между частными участками проводились тогда торжественно, с выполнением обрядов и «принесением тяжёлых клятв». По преданиям, записанным И.М. Саидовым, в бывшем Галанчожском районе (1961 г.) и в Джераховском ущелье (1962 г.) любому человеку хорошо была видна и строго соблюдалась священная граница земельного владения каждого собственника. Когда чеченцы по указам своих старейшин межевали землю, то на землях тёмного цвета ставили в качестве межевого знака белый камень, а на землях светлого цвета – чёрный камень[218]. На символических знаках собственности отражалась известная степень народной культуры. С установлением российской административной системы на Северо – Восточном Кавказе чеченцы не могли доказать царским чиновникам свои права на землю, так как не имели юридически оформленных документов. Так, например, начальник Веденского округа объяснял исследователю Н.С. Иваненкову, что у чеченцев нет собственности. Своё мнение он прокомментировал, заявив: «А какие у них документы?»[219]. Чеченцы, согласуясь с адатом и шариатом, землю продавали, дарили, отдавали в качестве приданого, оставляли в залог, отбирали в качестве штрафа, не фиксируя свои действия на бумаге, действовали в системе устного права[220]. Женщины по обычно-

му праву (адату) не могли приобретать землю, но по шариату женщина была полноправна в этом отношении с мужчиной. Поэтому, в период имамата, когда предпочтение отдавалось шариату, некоторые женщины получили свои участки земли. С началом купли – продажи земли появилось и право полной частной собственности на землю[221]. Кто уходил из общества на время, тот закладывал землю. Когда же уходили навсегда, то продавали её. Царская администрация запрещала продажу земель как посторонним для общества лицам, так и лицам одного рода. Свои разъяснения по этому поводу дал правительствующий Сенат России: «Приобретшим имущество от лица, которому таковое не принадлежало (нет документов на владение), не признаётся собственником, а является незаконным владельцем. То общество, чьё имущество приобретено от лица, кому оно не принадлежало, способом, в законе дозволенном, не делает владение приобретателя законным»[222]. Ввиду того, что российское законодательство было распространено на Северо – Восточном Кавказе только во второй половине XIX века, все сделки, осуществлённые в предыдущие века, оказывались, следовательно, незаконными.

На владение общинной земельной собственностью не требовалось документов, как это было с частным землевладением. С введением российского юридического права, чеченские земли стали именоваться «общественными». Российскому правительству, естественно, было выгоднее иметь дело не с частными лицами, с которыми, в результате государственной конфискации земель могли начаться судебные разбирательства, а с сельскими обществами, фактически не имевшими юридических прав. Иски общественных организаций к государству не могли рассматриваться в юридическом порядке – вся земля являлась государственной, и общины ею пользовались «по праву временного владения», сроки и условия которого заявлялись государством.

Деморализация и разорение стали естественным результатом отсутствия в крае твёрдо установленного права собственности. У земли отняли хозяина. Это обстоятельство стало большим тормозом не только для экономики региона, но и для культурного развития страны. Разрушение традиционных структур общества ради достижения рациональной общественной организации не принесло ожидаемого благополучия. Произошло отчуждение человека от истории, распадение связи времён. Обычай сопутствует развитию человечества, выполняет регулятивные функции в человеческих обществах и группах в целях упорядочения отношений между людьми, если обычай нарушается, то наступает хаос[223].

Среди управляющих Кавказом чиновников были лица, понимавшие несправедливость уничтожения кавказских обычаев и нарушение частных прав граждан Российской империи. В 1907 году И.И. Воронцов – Дашков в своём отчёте императору указывал на пагубные последствия уничтожения института традиционных частных собственников на Кавказе. Вот как наместник сформулировал своё мнение: «Право собственности на землю составляет краеугольный камень экономического развития населения, и нарушать его, хотя бы в интересах фиска, невозможно. Добросовестное продолжительное владение, по нашим законам, приравнивается к собственности на их земли, когда вперёд известно, что они не в состоянии это сделать, было бы недостойным русского правительства. В земельной политике нашей стало преобладать стремление образовывать, для обеспечения удовлетворения будущих нужд государства, возможно больший земельный казённый фонд, в общем, не оправдала возлагавшиеся на неё надежды и в то же время развращала сельское население, отучая его уважать право чужой собственности. Я говорю о необходимости предоставления прав собственности населению областей военно-народного управления. Для этого необходимо заменить выдаваемые ныне населению "отводные" записи на "владенные"»[224].

Рассмотрим вкратце стратиграфию сельской общины чеченцев. Необходимо заметить, что община пореформенного периода значительно отличалась от той, которая существовала у чеченцев в дореформенный период. В неё входили только свободные члены, которые, однако, по своему социальному положению были неравноправны. Так были «тоьялла нах» – сильные люди, «юккьера нах» – средние люди и «лахара нах» – «низкие люди». Основную массу аульной общины составляло среднее сословие. В социальную прослойку в то время ещё входили и люди, которых называли «лай, леш» (раб, рабы), хотя они и не были рабами в полном смысле этого слова. Они являлись домашними работниками хозяина, ухаживающими за скотом, выполняющими полевые работы. Эта социальная прослойка создавалась веками из военнопленных или беглых[225].

Сельская община была основной экономической ячейкой, землераспределительным органом. Она следила за нравственностью своих членов, обеспечивала защиту селения, взаимопомощь и идеологическое единство[226]. Достижение 40-45 летнего возраста знаменовало переход мужчины в социальный возраст старших и обретение им права заседать в общинном совете старейшин, решавшем самые важные для общины задачи[227]. При

важном значении военно – демократического устройства в жизни общества, когда каждая община являлась военной единицей, представлявшей особое народное ополчение, или же когда потенциально каждый член общины имел право участвовать в вооружённых конфликтах, политическая активность рядовых общинников оставалась достаточно высокой. В этом отношении показательно, что чеченцы, для того, чтобы ещё резче выразить своё равенство «…называют себя витязями или воинами». При данных обстоятельствах рядовые общинники не были безответной массой перед лицом классовой политики общинной верхушки. Они сами оказывали, в известной степени влияние на неё. В свою очередь как старшины общин и их союзов, так и военная общинная аристократия вынуждены были согласовывать свою политику с интересами народа[228]. Чеченский тукхум – это своего рода военно–экономический союз определённой группы тейпов, – не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена. Тукхум означает в переводе «семя, яйцо». Совещательным органом тукхума был Совет старейшин, который состоял из представителей всех тейпов, в него входивших[229]. По отношению к угрозе извне общество вынуждено было не только организовывать свою защиту и устраивать союзы, но также прославлять своё единство, связь и отличительные черты. Политическая власть внутренне присуща всякому обществу : она заставляет уважать основывающие её правила[230]. В родовом обществе культ предков составляет опору власти, люди пожилые используют его, чтобы сдерживать требования независимости со стороны младших. Превосходство и субординация там устанавливаются соответственно полу, возрасту, генеалогической ситуации, специализации и личным качествам. Родовая сегментарная система проявляется как особая комбинация политического и административного действия в структурах формально определённых пределами происхождения по одной линии. Исследователь Д. Истон констатирует, что необходимо «…рассмотрение каждого рода как независимой политической системы, а соперничество между родами, как проявление внешних отношений»[231]. Не существует ни одного общества, где бы правила автоматически уважались. Сверх того, всякое общество, реализующее приблизительное равновесие, уязвимо. Начиная с момента, когда социальные отношения выходят за рамки отношений родства, устанавливается между индивидами и группами более или менее явное соперничество, каждый стремится направить действия коллектива в сторону своих

особых интересов. Власть (политическая) проявляется вследствие этого как продукт соперничества и как средство его сдерживания. Развал общины, подрыв семейных методов труда и авторитета старших сказывались на сплочённости коренных жителей. В результате втягивания Кавказа в орбиту русского капитализма, под влиянием административно–судебной политики русского царизма сельская община из кровнородственной стала превращаться в соседскую[232]. В пореформенный период в сельской общине чеченцев, как и у других горских народов Северного Кавказа, происходили существенные изменения, связанные с изменением состава самих общинников. Так, например, появилось деление на коренных жителей и пришлых, а управление общиной было взято под контроль царской администрацией, стремившейся сохранить общину, как податную единицу, в новых условиях, приспособив её к ним, чтобы задержать процесс классового расслоения[233]. Во главе сельских общин царской администрацией были поставлены старшины, которые или избирались народом, или назначались властью. Должность писаря обычно выполнял мулла, т. к. он зачастую был самым грамотным человеком в селе[234].

Горцы, в результате проведённой царизмом реформы, были наделены землёй не по числу жителей в каждом селе, а по дворам – подымно. «Искусственно созданный платёжный дым, – писали “Терские ведомости”, – повлёк и искусственное распределение земли при переделах. Так дым, имеющий одного работника или пять, получают земли поровну. Община начинает понимать несоответствие количества земли с числом лиц дыма, но до сих пор не дошла до мысли распределять и подати и земли настоящих работников. Незнание общиной своего права распределять подати и влияние богатых лиц, которым подымное распределение доставляет большие выгоды, всё ещё задерживает справедливое распределение земли и подати»[235].

В силу сложившейся несправедливости распределения земли и взимания налогов, каждое лицо стало требовать от общины (её руководства) в пользование участок на равных с прочими членами. Однако в данном случае сельская община только играла роль землемера, межевщика и сборщика налогов (с помощью круговой поруки), которую ей поручила областная администрация, она не могла проявить в этом вопросе свою инициативу, т.к. не обладала для этого необходимыми правами.

На протяжении веков у горцев существовал обычай, по которому пастбищные угодья являлись общиной собственностью, а пахотные, усадебные и покосные земли были на правах частной собственности[236]. В

чеченских сёлах, до установления российских порядков, строго говоря, не было общественного пользования землями в том смысле, как это существовало в поселениях государственных крестьян во внутренних губерниях России. Здесь пользовались сообща пастбищами, выгонами и лесом, а пахотные места распределялись между жителями для постоянного пользования и переходили по наследству из рода в род. Никаких переделов земли не полагалось, что и вызвало крайнее возмущение местного населения в связи с перераспределением земель в чеченских округах в ходе земельной реформы[237]. При обилии земли в переделе необходимости нет, однако в связи с тем, что равнинные чеченские земли были заняты Терским казачьим войском и на Кавказ прибыло довольно большое число русских переселенцев, государственная необходимость перераспределения земель существовала. При общинном землевладении постоянно перераспределяющиеся земельные участки не давали утвердиться частной форме собственности, что серьёзно тормозило сельскохозяйственное развитие региона[238]. Фактически, на Северном Кавказе было практически полностью уничтожено старое частновладельческое (родовое) пользование землёй, а общинная собственность стала занимать главенствующую позицию[239]. Понятие о земельном обществе, как субъекте права, не было утверждено законным порядком. Зачастую регламентировались обязанности сельской общины, но не её права. С юридической точки зрения общинное право могло существовать без круговой поруки и наоборот. Но зачастую члены общины об этом даже не догадывались и выполняли все возложенные круговой порукой на них обязательства[240].

Правовед Г. Пахман признавал субъектом права как общину, так и отдельных крестьян. Однако Сенат субъектом права признавал только общину, но не её членов. По его мнению, права членов общины – были дарованы им сельским обществом (юридическим лицом). 11 декабря 1891 года в решении за №7343 правительствующего Сената, постановили, что «..только члены общества мужского пола имеют безусловное право требовать от общества обязательного допущения их к участию в пользовании мирским общинным наделом»[241]. Право собственности общины ограничивалось – она могла продать надельную землю лишь при согласии 2/3 числа её членов и с разрешения правительства, но не могла её заложить. Правила передела общинной земли были введены лишь с 1893 года. Закон не считал нужным до этого времени прибегать к подробному регламентированию внутренних отношений крестьян при общинном пользовании землёй.

Сущность общинного или общественного владения, как определил его Сенат 16 марта 1887 года, заключается в следующем:

1) полным хозяином общественной земли является общество: оно ею распоряжается;

2) отдельным физическим лицам принадлежит лишь право владения и то в ограниченном миром пределе;

3) без согласия мира никто не может уступить постороннему лицу своего права участия в общем владении;

4) число членов общества, участвовавших во владении, не есть нечто постоянное, но изменяется.

В отличие от общинного, при подворном наследственном пользовании отдельному домохозяину отводился участок раз и навсегда определённой величины, облагаемый известным количеством податей и повинностей[242].

В ходе возникавших земельных споров и по другим вопросам, сельская община не могла обратиться в суд с иском, т.к. хоть и считалась юридическим лицом, но не обладала необходимыми документами. Частные земельные владельцы, по крайней мере, получали от государства официальный документ на владение землёй, с номером приказа и топографическим планом их земельного участка[243].

3. Установление государственной фискальной системы

Установление фискально–податного порядка было направлено, прежде всего, на получение дохода от налогового сбора. Основным признаком вхождения территории в состав государства являлось не завершение военных действий, а начало сбора податей с населения вновь присоединённых территорий, призыв на военную службу и т.п. Но введение любых денежных сборов провоцировало народное возмущение, поэтому Главнокомандующий Кавказской армией в 1859 году торжественно объявил, что «…Россия навсегда оставляет туземцев свободными от повинностей, обязательных для каждого гражданина в отношении общего для всех отечества, т.е. платежа каких–либо податей или прямых налогов и от службы в армии». Однако российское руководство, обманув ожидания населения, приступило к постепенному введению налоговой системы. Первоначально горцы были привлечены к отбыванию только натуральных повинностей. К

числу натуральных повинностей, исполняемых населением Терской области, относились:

1) Содержание в исправности дорог, мостов, плотин. Постройка новых объектов.

2) Проведение и ремонт оросительных каналов.

3) Содержание лошадей для разъезда земской полиции по делам службы.

4) Арестантско–этапная повинность.

5) Снабжение квартирами разных чинов военной службы, а также проходящих воинских частей.

6) Содержание аульных старшин, депутатов участковых судов и милиционеров. Каждый милиционер обходился сельскому обществу в сумму от 60 до 120 рублей в год. Данная сумма распределялась между сельскими жителями, в среднем, на 1 двор приходилось 2 рубля 25 копеек сбора[244].

7) Предоставление помещений для воинских учреждений.

8) Обеспечение продовольствием за установленную плату проходящих нижних воинских чинов.

9) Отопление и освещение квартир и помещений, отведённых для военнослужащих.

10) Выделение войскам мест под лагеря и манёвры, а также снабжение их во время лагерного расположения.

11) Отвод пастбищ для лошадей, принадлежащих проходящим и постоянно квартирующимся войскам.

12) Предоставление земель в городах и селениях под огороды для линейных батальонов и инвалидных команд.

13) Поставка подвод для передвижения войск.

14) Содержание почтовых станций[245].

Особенно тяжким бременем ложились на население эти повинности во время войны, например, русско–турецкой. Тысячи солдат и офицеров двигались через Кавказ в Оттоманскую Порту, и каждого из них надо было приютить, обогреть и накормить.

В Терской области также взимались с населения земские сборы. Причём расходы на государственные и местные земские потребности удовлетворялись в казачьих регионах частично из государственного земского сбора, частично из войсковых сумм, а частью из сумм Государственного казначейства, направленных на содержание Кавказской армии. В горских же районах земские потребности удовлетворялись только за

счёт самого населения. Горцам, в отличие от остального населения области, кредитов по означенной смете не отпускалось. Данная система налогообложения вводилась как временная, но просуществовала она довольно долго, постоянно продлеваемая Госсоветом.

Помимо прямых земских сборов, существовали ещё и дополнительные – с торговых документов и питейных патентов, которые шли на сооружение дорог, мостов и другие цели[246].

В России земские учреждения были созданы в 1864 году, а в Терской области население было обложено земскими сборами с 1866 года, хотя самих земских учреждений там не существовало. Для того, чтобы земства стали функционировать на Северном Кавказе, необходимо было местных князей в официальном порядке приравнять к русскому дворянству. Данное высшее сословие и играло бы ведущую роль в земствах. Но этого сделано не было. С установлением земских институтов самоуправления был бы положен конец «инструкционному способу управления» Северо – Восточным Кавказом, когда для данного региона создавались «особые» законодательные положения, не вписывавшиеся в общероссийский кодекс законов. В большинстве случаев эти «региональные» законы составлялись самими кавказскими чиновниками–военными, зачастую не имевшими юридического и даже высшего образования, и они принимали решение лишь только потому, что они лучше были ознакомлены с бытом и нравами управляемого ими населения. Введение земства в Терской области означало бы конец самоуправству чиновников. Общероссийское законодательство полноправно распространилось бы на данный регион. Однако местные бюрократы опасались потери своей абсолютной власти и докладывали в вышестоящие инстанции, что горцы ещё не готовы к принятию земской системы[247].

В Терской области действовало специальное положение «О мерах для удержания туземного населения Терской области от хищничества и, в особенности, от всяких насилий против лиц не туземного происхождения». Согласно этому «правовому акту» вводилась коллективная ответственность горских селений даже в тех случаях, когда «…следы движения самих преступников, или похищенных, или угнанных ими лошадей или скота будут доведены до юртового надела туземного поселения на расстоянии не далее одной версты от его околицы и там окажутся затерянными или забитыми..» При этом размер компенсации для потерпевшей стороны определялся «..по усмотрению начальника области и наказного атамана, с утверждения командующего войсками округа и с

добавлением …расходов по розыску виновных». Яков Абрамов, председатель специальной комиссии, занимавшейся изучением земельного вопроса в Терской области, писал: «Суммы, выплачиваемые туземцами в силу круговой поруки, превосходят во много раз всякие подати и налоги, платимые населением. Круговая ответственность положительно разоряет туземцев»[248].

Налоговая система действовала и в имамате Шамиля во время Кавказской войны. Первое известие о взимании налогов мы встречаем в 1836 году, когда «…Шамиль обязал жителей содержать от каждых 10-ти дворов во всегдашней готовности по одному вооружённому человеку, с платежом от каждого двора по 1 рублю в год». Но это ещё только налог на содержание муртазеков. Позднее этот налог вырастает уже в обложение хлеба. Например, в Чечне «…Шамиль сначала покупал хлеб по вольной цене, потом назначил таксу, невыгодную для чеченцев, и, наконец, стал собирать хлеб без платы, с каждого двора в виде подати». Если мы вспомним специализацию различных районов имамата, то для нас станет ясным, что налоговая система державы Шамиля в основном была построена на эксплуатации Чечни или, вернее, чеченского крестьянства. Дагестанец – скотовод или садовод платил несравненно меньше чеченца–хлебопашца. Чечня, традиционно являвшаяся житницей, давала главную часть налогов имамата Шамиля. Помимо этого проводились и чрезвычайные сборы. Так, например, в декабре 1841 года Шамиль, готовясь к летним операциям, заготавливал продовольствие, «…собирая с каждого двора покорных ему жителей по две, а иногда и по три сабы пшеницы». А в начале марта «…в аулах и в хуторах Большой и Малой Чечни собирали с каждого двора по 20 фунтов хлеба, набрав, таким образом, до 5000 мерок». Эти чрезвычайные военные сборы, разумеется, очень тяжело отзывались на хозяйстве крестьянина–горца, в то время как аульская верхушка сравнительно легко находила способы ускользнуть от обложения. В сороковых годах XIX века, общее демократическое направление политики имамата привело к отмене, наряду с зависимыми отношениями, и феодальной налоговой системы. Другим источником, из которого черпал свои средства имамат, было отчисление в казну 20% военной добычи. Однако этот источник не был постоянным и надёжным. Уже в начале 1850-х гг. он начал резко сокращаться, да и добыча не всегда попадала в казну имамата, а присваивалась наибами[249].

«Подымщина» – система налогообложения, налог с «дыма» (дома), действовала в России с IX века по XVIII век (1724 г.), а затем была за-

менена подушной податью[250]. Впервые понятие «дым», то есть двор, или «семейство, доколе оно имеет нераздельное хозяйство», появилось в 1843 году. Обложение денежной податью горского населения правительство считало своей главнейшей задачей на Северном Кавказе. В 1865 году Главнокомандующий Кавказской армией, посетив Терскую область, принимает решение об обложении горцев денежной повинностью: «...Усилия администрации к водворению Гражданственности и порядка между туземным населением увеличилось в короткий срок столь блестящими результатами, что я нашёл туземцев уже готовыми принять денежную повинность – размер которой и объявил им лично. Совершившееся минувшим летом, в примерном порядке, переселение в Турцию значительного числа Чеченцев доказывает прочность оснований, на которых держится в области спокойствие и безопасность. Ныне я лично убедился, что действительность превзошла все Мои ожидания»[251].

С 1 января 1866 года все горские племена Терской области должны были вносить государственную денежную подать «…в размерах, особо определённых для каждого племени, сообразно степени его материального благосостояния». В первый год чечено –ингушский народ заплатил 68 тыс. рублей подымной подати, а к 1889 году эта сумма возросла до 93 тыс. рублей[252].

Чеченцы выступили против подымного сбора. Они считали его незаконным, наложенным вопреки первоначальным обещаниям, данным царским правительством в период прекращения Кавказской войны. В глазах многих чеченцев подымный сбор являлся ещё какой–то контрибуцией или данью. «Если заплатили сейчас столько, следующий раз потребуют ещё больше» – говорили они[253].

На 9 марта 1866 года в 8 округах Терской области оказалось 48665 семей, обязанных выплачивать государству денежные подати. Но в то же время начальник Терской области предполагал, что при составлении переписи населения около 3000 семей горцев не были учтены. Местное население было обеспокоено введением новых налогов и зачастую скрывало от переписчиков истинное число дворов, людей в своём селе. Так, например, в 1873 году в Чеченском округе официально насчитывалось 13695 дымохозяйств, хотя их было на самом деле больше указанного числа.

Платёжной единицей являлось сельское общество. Причитавшаяся сумма взималась круговой порукой и не подлежала изменению, впредь, до составления нового камерального описания. Установление подым-

ных окладов, где податной единицей служил не предмет дохода – земля, а двор, или дым, таило в себе возможность произвола, несправедливого и неравномерного обложения. Общества должны были вносить подать и за те семьи, которые фактически не пользовались землёй по бедности или по другим причинам[254].

В 70-80-е годы образование новых дымов происходило значительно быстрее, чем раньше. К 1889 году число дымов в Чеченском округе возросло до 19688. Таким образом за 16 лет образовалось почти 6 тыс. новых дымохозяйств, или около 44% от числа прежних. Новые усадьбы были невелики и редко превышали 500 кв. сажень, но это не задерживало процесса выделения хозяйств, так как доход от пая в несколько раз превышал подымную подать, и поэтому многосемейным было невыгодно пользоваться таким же паем, как и малосемейным. Отсюда возникло стремление многосемейных общинников делить надельную землю не по платёжным дымам, а по числу наличных работников[255].

В 1897 году в городах: Грозном, Владикавказе, Кизляре, в которых также жили чеченцы – взамен подымной подати был введён налог с недвижимого имущества.

Казачье население области никакими подушными или другими денежными сборами не было обложено. Казаки обязаны были лишь обеспечивать проходящие войска, рекрутские партии, переселенцев квартирами и подводами, поэтому вся тяжесть налогового гнёта ложилась на горцев.

Деньги, собранные с горцев, шли в основном на содержание областного управления. Денежный земельный оброк, установленный на Кавказе, превышал аналогичный оброк для крестьян в Европейской России. В 1871 году отпуск государственных средств на удовлетворение местных потребностей в Терской области был прекращён[256]. Интересным является тот факт, что в Терской области была введена именно подымная подать, а не государственный земельный налог. Дело в том, что выплата государственного земельного налога давала право владельцу на частную земельную собственность, а подымная подать предполагала плату за аренду земли у государства. Хотя, по неоднократным разъяснениям Правительствующего Сената, получение казной оброка само по себе не служило ещё доказательством прав казны на землю[257]. До 1901 года, когда подымная подать была заменена государственной оброчной податью, в которую входила и аренда за землю, лица, претендовавшие на земельные участки в качестве собственников, нигде, никаких ходатайств об

освобождении их от платежа подымной подати или замене её государственным земельным налогом не подавали. Только с 1901 года высшие сословия стали требовать обложить их не оброчной податью, а государственным земельным налогом, как частных земельных собственников. В связи с тем, что окладные листы на подымную подать составлялись на всё сельское общество без исключения, т.к. земля лиц высшего сословия входила в земельный надел всего общества, то при обложении оброчной податью, автоматически снова всё сельское общество было обложено новым налогом. Представители высших сословий Терской области стали подавать судебные иски о признании за ними права собственности на их земли, но все они проигрывались. Представитель казны заявлял на суде следующее : «..земли эти казённые и находятся в пользовании отдельных лиц, уплачивающих за это оброчную подать, куда входит и аренда, а, следовательно, они не являются частной собственностью»[258].

Вопрос о введении всеобщей воинской повинности на Кавказе возник во второй половине XIX века. Однако многие кавказские руководители ещё опасались брать на службу и вооружать своих недавних противников. Приведём некоторые их аргументы : «..Горцы Северного Кавказа и Дагестана требуют гораздо более бдительного за собой надзора, чем мусульмане Закавказья, по взаимной их солидарности, основанной на долговременной общности их политических интересов»[259]. Также правительство опасалось, что в случае войны с Турцией и Персией, обученные военному делу в России горцы могут перейти на сторону своих единоверцев, не смотря на данную ими присягу[260]. В связи со всеми этими доводами, наместник на Кавказе предполагал постепенно привлекать местных жителей к отбыванию воинской повинности, первоначально – на добровольной основе, в рядах особых частей. Для разрешения этого сложного вопроса руководство пошло даже на крайне редкое для себя решение – дало возможность высказать по этому поводу своё мнение влиятельных горцев. 18 ноября 1883 года на особое совещание были приглашены представители Терской области: Арцу Чермоев, Кайсун Анзоров и др. Горцы понимали величину своей ответственности и всю важность момента, поэтому в своих суждениях были очень осторожны. Они заявили, что прибыв в Тифлис по вызову администрации, а не по выбору народа, не получив от него полномочий, могут высказать только своё мнение. Вот что услышало кавказское руководство: « Вопрос о введении воинской повинности сводится к вопросу о разрешении переселяться всем, не желающим ему подчиниться, в Турцию. На остальных эта повинность должна распространяться без вся-

кого изъятия из общего Устава. Если Правительству неугодно это будет, то будут большие волнения»[261]. Однако кавказским руководством было принято другое решение этого вопроса, более прибыльное. По закону №5741, от 28 мая 1886 года инородческое население Кавказа было привлечено к отбыванию воинской повинности. Однако для мусульман было сделано исключение – вместо исполнения воинской повинности натурой, с них взимался особый денежный сбор в доход государственной казны. По этому же закону все инородцы, находившиеся на действительной военной службе, а также их семьи – освобождались от государственных, земских и общественных денежных сборов. Сами военнослужащие освобождались от натуральных повинностей. Интересно, что в этом привилегированном положении не оказались горцы, поступившие на службу «охотниками» – а ведь их было среди чеченцев подавляющее большинство, т.к. воинского призыва не существовало, а кадровых офицеров тоже было совсем немного. Таким образом, все чеченские всадники – служившие в разных российских полках, воевавшие на Кавказе, в Турции, а также милиционеры и стражники, наравне с остальным населением должны были нести все повинности и денежные сборы. По мнению правительства, это должно было «рублём» стимулировать население к стремлению введения на их территории воинской повинности[262].

Летом 1887 года военно – налоговый вопрос получил окончательное решение. Чеченцев, как и других кавказских горцев – мусульман освободили от натуральной воинской повинности, заменив её денежным налогом[263]. 25 мая 1898 года императором было утверждено мнение Госсовета об отмене особого порядка отбывания личной воинской повинности, установленной для туземцев – не мусульман. С 1899 года в отношении отбывания повинности они были сравнены с коренным русским населением. Новобранцы из Терской области, назначавшиеся только в расположенные на Кавказе войска, стали распределяться и в сопредельные округа. По мнению руководства, это способствовало обрусению края[264].

Не смотря на совокупную тяжесть всей налоговой системы, чеченское население – казалось бы, самое «беспокойное и ненадёжное» исправнее других выплачивало все сборы, подати, регулярно исполняло повинности. Прежде всего, это говорит о порядочности и законопослушности этих людей, т.к. заставить силой выполнять эти обязательства у правительства просто не было возможности, в тот период времени. Даже в самые тяжёлые и трагичные годы, например, во время мощного

восстания 1877 – 1878 годов, когда войсками были уничтожены целые сёла, угонялся скот, сжигались посевы – за подозрение в оказании помощи восставшим – областное руководство констатировало, что по крупнейшим чеченским округам: Веденскому и Аргунскому, денежные сборы поступают почти без недоимок[265]. Статистические данные показывают, что в Терской области из всех округов самые малые недоимки по денежным сборам в 1886 году были именно в трёх чеченских округах: Веденском, Аргунском и Грозненском. В Кизлярском округе недоимки составляли огромную сумму – 67594 рубля. В тот же год недоимки Веденского округа равнялись 65 рублям 9 копейкам. Рассмотрим таблицу недоимок по крупнейшим округам Терской области:

Округа	Недоимки	Недоимки	Недоимки	Недоимки
	1885 год.	1886год.	Уменьшились	увеличились
Грозненский	4146руб.8коп.	7175руб.10коп.		3029руб.2коп.
Веденский	66руб.29коп.	65руб.9коп.	1руб.20коп.	
Аргунский	149руб.81коп.	154руб.50коп[266].		

В 1887 году недоимки увеличились по Веденскому округу на 16 рублей 83 копейки, Аргунскому округу на 182 рубля 31 копейку, Владикавказскому округу на 11898 рублей 83 копейки и уменьшились по Грозненскому округу на 1630 рублей 77 копеек[267].

Не всегда денежные поборы, собранные у населения, доходили до казны, случались и злоупотребления. Чтобы установить законный порядок в обращении денежных средств начальник Терской области иногда устраивал проверки по налоговым сборам, посещая различные сельские общества вверенного ему края. И приходил, зачастую к неутешительным выводам: «При ближайшем моём ознакомлении во время объезда области, – писал он в одном из своих приказов, – я убедился, что в действительности отчётность эта, в виде шнуровых книг, изображает одну формальность, ни дающую никакого представления о том, сколько на самом деле взыскивалось с туземного населения денег, куда и на что они употреблялись. А между тем они составляли значительную сумму»[268].

После завершения Кавказской войны, руководство Российской империи, прежде всего, хотело восстановить те огромные средства, которые государство затратило в ходе присоединения непокорного края. Следующей задачей являлось получение от него значительной прибыли в виде налоговых сборов, разработки природных ресурсов, развития

рынка сбыта товаров, установления плацдарма для ведения войн и развития торговых отношений с зарубежными странами.

По мнению командира Кавказского корпуса (в 1838-1843 гг.) генерала Головина, во время Кавказской войны ежегодно гибло до 30 тыс. человек, а шестая часть доходов Российского государства шла на ведение войны[269]. Уже в 80-е годы XIX века Северный Кавказ становится прибыльным для Российской империи. Приведём для примера количество лишь нескольких видов денежных сборов. Денежный воинский налог, введённый в 1887 году, составлял для всего Кавказа сумму в полмиллиона рублей[270]. Годовая сумма этого налога по Терской области составляла 38000 рублей[271]. Только появились в послевоенной Терской области почта и телеграф, а уже в 1886 году в государственную казну поступило от их работы выручка на сумму 69980 рублей. А ведь содержание почтовых станций было целиком возложено на местное население и в этом немалом доходе большая часть приходилась на их труд[272]. Мы уже не говорим о прибыльности подымного сбора и стоимости натуральных и земских повинностей – исполняемых полумиллионным населением. Богатейший Кавказский край начал вносить свою существенную лепту в государственную казну Российской империи.

После окончания Кавказской войны финансовое положение края стало постепенно улучшаться. С 1863 по 1872 гг. доходы выросли на 75%. Местный бюджет, составлявшийся отдельно от общероссийской росписи, постоянно показывал превышение доходов над расходами. В период с 1855 по 1881 гг. доходы превысили расходы на 7 млн. рублей[273].

После окончательного включения Северо – Восточного Кавказа в состав империи привлечение горцев на военную службу стало носить самые разнообразные формы. Это была и местная милицейская служба, и создание национальных воинских частей в составе российской армии, и допуск отдельных представителей горских народов на службу в составе казачьих и регулярных частей.

Весной 1844 года правительство России приняло специальное постановление о привлечении горского дворянства на службу в русскую армию. Особое внимание в нём уделялось воспитанию горской молодёжи в духе верноподданнического служения российскому престолу. С этого времени ежегодно по шесть детей кавказских дворян и князей определялись в 1-й и 2-й Павловские кадетские корпуса, в Александровский –двенадцать. Подготовка офицерских кадров из горской знати становится одним из направлений российской политики в регионе[274]. Опыт привлечения

горцев к воинской службе первой половины XIX века демонстрировал властям готовность горцев служить российскому государству, показывал, что горцы на службе приносят реальные выгоды интересам российского государства[275].При этом корни чеченского офицерства – в старшинском и владельческом сословии. Так, отец одного из первых чеченских офицеров – Сулеймана Чуликова, в начале XIX века переселился в Притеречье с несколькими зависимыми семьями, где основал Чулик – Юрт на захваченных им свободных землях. Дед ротмистра У. Лаудаева владел землёй в горной Ичкерии, а, переселившись к Тереку, основал селение Ногай – Мирза – Юрт. Он и его сын пользовались в этом селе всеми правами владельцев и являлись старшинами. Капитан Ногаев происходил из семьи, владевшей землями возле Харачоя, а затем переселившейся на реку Мичиг. До восстания 1840 года проживавшие на их землях крестьяне платили Ногаевым такие же подати, какие выплачивали другие крестьяне надтеречным и кумыкски князьям. Предки ещё одного офицера – Ш. Ужиева некогда владели селением Гелдиген, пока не были изгнаны мюридами имама Шамиля. Феодальными владельцами были и князья Турловы, Бековичи –Черкасские, также традиционно служившие в русской армии[276].В начале XX века некоторые чеченские фамилии уже дали для русской армии по два–три поколения офицеров. Так, сын генерала А. Чермоева – Абдул – Межид Чермоев, после окончания в 1901 году Кавалерийского училища, проходил службу в Императорском конвое. С началом Первой мировой войны он вновь вернулся на службу и в чине штаб – ротмистра некоторое время воевал в составе Чеченского полка «Дикой дивизии»[277]. К началу Первой мировой войны большую известность в армейских кругах приобрёл генерал Ирисхан Алиев, выдающийся артиллерист, отличившийся в русско – японской войне, автор ряда учебников для офицерских школ. Он был уроженцем села Старые Атаги[278].

История развития чеченского дворянско–княжеского сословия в советской историографии, в силу ряда известных причин, уделялось крайне мало внимания. Общественности, с помощью различных публикаций, навязывался образ демократического, бесклассового чеченского общества. Однако исторические события развивались несколько иначе. Потомственных дворян чеченской национальности перепись 1897 г. зафиксировала в количестве 118 человек. Почти половина из них (49,15%) проживала в г. Грозном (31 человек) и Грозненском округе (27 человек). Они были учтены в г. Владикавказе (23 человека) и Сунженском округе (31 человек).

Существенный вес, по сравнению с другими местными народами, в чиновничьем аппарате Терской области занимали чеченцы. Согласно результатам обработки материалов переписи, личных дворян и классных чиновников чеченской национальности было 3,09%. В горских школах был отмечен высокий процент дворян среди учащихся. Больше всего дворян среди учеников было в частных учебных заведениях Терской области. Мусульманская знать считала своим долгом содействовать распространению просвещения среди горцев и выделяла финансы на развитие горских школ. Уровень светского образования дворян Северного Кавказа был ниже, чем в целом по России. Депутаты дворянского собрания обратились к министру внутренних дел с просьбой допустить участвовать в делах собрания дворян, не имеющих высшего и среднего образования. Однако министр не дал согласия и предложил дворянским детям получить образование в столичных вузах. Дворянство ответило отказом, т.к. не имело для этого никаких материальных возможностей. Дворянское депутатское собрание лишь изредка оплачивало обучение детей обедневших дворян в местных учебных заведениях[279].

Вайнахи в своём историческом развитии в той или иной степени прошли определённую стадию феодальных отношений; хотя последние, однако, серьёзно ограничивались или смягчались у них сильными общинными традициями[280]. В статье Э.В. Ртвеладзе «О походе Тимура на Северный Кавказ» на основе документальных данных убедительно показано, что в конце XIV века в юго – восточной части Чечни, в равнинной Ичкерии, существовал улус, то есть феодальное государственное образование, известное под названием Симсим[281]. Чеченский этнографический материал говорит о далеко зашедшей классовой дифференсации среди местного населения[282].

Общественный быт вайнахов, его историческое прошлое, народные идеалы отражены и в фольклоре. Среди персонажей сказок довольно часто встречается князь (эла), которого народ наделяет почти всегда самыми непривлекательными чертами: жестокостью, коварством, надменностью, злостью. Добрый герой сказки борется и побеждает его.

В чечено – ингушских песнях (илли) имеется богатый, более или менее конкретный материал, говорящий о местных и пришлых князьях, о приглашении или избрании князя с ограниченными правами, и о неоднократном свержении народом князей, ставших деспотами[283]. О некоторых князьях, владельцах имеются письменные сведения. Наиболее раннее упоминание о социальной дифференциации среди горцев нахо-

дим у И.А. Гюльденштедта в его «Путешествии по Кавказу в 1770-1773 гг.». Он писал : «Некоторые немногие имеют независимых влиятельных князей, как, например, чеченцы, другие не имеют дворянства. Ныне живущий князь Арсланбек имеет на западной стороне Аргуна принадлежащие ему деревни. Князь Хасбулат убит чеченцами. Правящая фамилия называется Туркан»[284]. Во второй половине XVIII века князья Турловы основывают селения Верхний и Нижний Наур. Старейшее надтеречное селение Старый Юрт основано в 1705 году кабардинским князем Давлет – Гиреем Бековичем – Черкасским. Позже, также князьями Черкасскими, основывается село Бамат – Юрт[285].

Дореволюционные историки не только приводили общие сведения о чеченских князьях, но и ставили в пример конкретных чеченцев, своих современников, которые принадлежали к привилегированным сословиям. Так, в работе П.Г. Буткова приводятся следующие чеченские владельцы: Ахмет – Хан, Али – Султан Казбулатов, Кучук Мурза Расламбеков, Куденет Баматов, Асланбек Таймазов , Турлок Ахлов и другие потомственные влиятельные лица Чечни[286]. Не все феодалы могли претендовать на княжеский титул, большая часть их имела звание «юртан да», буквально «отец села, его владелец». Эта часть нахских феодалов обозначалась в российских источниках под титулом «мурза»[287]. По мнению российского правительства, «прямых и несомненных потомков прежних в Чечне князей», называют «князья», «эли» или «бии». Таких, к 1879 году администрация насчитала 10 семей, наделила их землёй и сохранила за ними их почётные звания[288].

Строительство башенных комплексов связано со стремлением феодализирующейся верхушки горных общин держать под контролем территорию того или иного ущелья, общества или дорогу, имеющую важное хозяйственное или военное значение. При этом на территории Чечни на горные селения приходится не более одной завершённой боевой башни[289]. Найти князя для чеченцев было очень трудно. Выбрать авторитетных представителей из своих старых знатных родов по преданию, чеченцы опасались, ибо такой князь, используя княжескую власть и опираясь на многочисленных родственных, территориально близких ему людей мог постепенно перестать считаться со старейшинами – проводить одностороннюю политику в пользу своих и превратиться в деспота, а попытка освободиться от такого князя породила бы страшную междоусобицу. Приглашать князя из далёких стран тоже не хотели.

Имеются предания, говорящие о попытках выбрать князя, об избрании князя, о приглашении князей со стороны, об ограничении княжеской власти советом старейшин, о свержении князей, об изгнании князей, о расправе народа над некоторыми особенно жестокими князьями[290]. Многое говорит о том, что чеченцы ранее страдали от княжеского деспотизма, свергнутого ими в последствии. Феодальные повинности, которые представителями вайнахской феодальной верхушки навязывались крестьянам, состояли в основном из подати зерном, скотом и орехами, содержания господского скота с восстановлением всех видов падежа. Заготовка сена и строительного материала, пастушество, изготовление ремесленных изделий – лежали на обязанностях крестьян. Не довольствуясь этим, феодалы стремились захватить в личное владение общинные земли и низвести крестьян до положения крепостных. Чеченская устная традиция сохранила немало примеров того, как князья расправлялись с крестьянами[291]. Борьба между нахскими обществами и княжеской верхушкой продолжалась на протяжении нескольких столетий и завершилась в середине XVIII века почти поголовным изгнанием или истреблением князей. Как гласит чеченское предание, князья стали сильно притеснять народ и как следствие, народ «совершил революцию», выгнал князей со своей земли и установил демократические порядки. Хотя «осколки» привилегированных сословий и остались в Чечне, но они пользовались своими правами наравне со всеми другими членами общества. Мелхистинцы свергли своего князя и решили больше не избирать князя, не приглашать его со стороны, и каждого, кто назовёт себя князем или захочет возвыситься над остальными, лишать головы. Земля Чеберлоевского князя Саркая после его смерти стала общинной[292].

После утверждения российской власти на Кавказе многие князья решили восстановить свои права с помощью новой власти, а также получить у правительства новые привилегии – дворянские. В Гражданском законодательстве Российской империи дворянство характеризовалось следующим образом: « Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая и самую службу в заслугу, приобрели потомству нарицание благородного. Благородными разумеются все те или от предков благородных рождённые или от монарха сим достоинством пожалованные»[293]. В России, во второй половине XIX века высшее сословие, во главе с императором, было военным. Чтобы попасть в высшее военное сословие, необходимо было получить соответствующее образование. Но

в этой среде существовали серьёзные сословные ограничения. Например, право на определение в военно–учебные заведения первого и второго классов (кроме кадетских корпусов) имели только дворяне, дети горских князей и первостепенных узденей, а также дети почётных мусульман Кавказского края. Однако письменные доказательства, заверенные российской стороной, на принадлежность к определённому званию, имели только дворяне. Такая же ситуация складывалась и при приёме на работу, и в других областях. Поэтому горцы стремились получить у представителей власти документы, законно утверждавшие их в российском потомственном дворянстве, заверявшие их княжеский статус. В конвой императора России также набирали горцев из почётных княжеских и дворянских фамилий «достаточного состояния»[294].

Горцы, считавшие себя потомками князей и биев, относившие себя к привилегированному сословию, стали добиваться путём ходатайств и даже в судебном порядке, признания за ними их сословных прав. Прежде всего, претенденты на дворянское достоинство добивались признания своих прав на землю. В конце – концов, сословное подразделение среди горцев Северного Кавказа в принципе было признано правительством, но это было сделано формально, законодательной санкции на это сословное подразделение не последовало[295].

В 1859 году штабс–капитан Базар Мамилов, по происхождению кистинец, аргументируя права своей фамилии на княжеский титул, в частности, говорил: « Кистиния всегда охранялась от неприятеля дружиною, собиравшейся по приказанию наших предков, и была всегда предводительствуема нами же». Столь важная социальная позиция, занятая в обществе военными дружинами, и в первую очередь их предводителями, позволяла им контролировать «производственные отношения» на определённой территории[296]. У чеченских князей были свои фамильные печати с арабской вязью, что также подтверждало их высокий статус[297].

В 1871 –72 годах в Терское областное правление поступило много заявлений от жителей Чечни, с просьбой подтвердить их принадлежность к высшему сословию в российском законном порядке. Так, например, житель села Верхний Наур, капитан Кучук Турлов, понимая, как важно для бюрократии документальное подтверждение, представил администрации удостоверение, выданное ему членами горского общества, для доказательства его княжеского происхождения. В своём заявлении Турлов писал: « Считаю себя потомственным князем, ходатайствую о признании потомственными князьями моих сыновей». Причём это был

довольно тонкий подход к делу, ведь он не просил за себя, а только за сыновей, но, подтверждая в потомственном звании наследников, он сам автоматически становился российским дворянином. Отставной майор Арсланбек Таймазов из Брагунов ничего не просил, но утверждал: « Происходя от предков Князей, считаю себя Князем»[298]. Житель села Новый Юрт, Эльмурза Арсамеков, просил подтвердить его высокое происхождение, ссылаясь на то, что предки его, уздени, вышли из Крыма (территории Орды), где занимали высшие посты. Уроженец того же села Будайхан Мусаев также считал себя узденем (князем)[299]. В связи с большим количеством претендентов на княжеское и дворянское звание, в Терской области была создана специальная комиссия по разбору сословных прав. Комиссия, после тщательного изучения вопроса, пришла к общему выводу, что «…так называемые брагунские и надтеречные князья» должны быть, по всей справедливости, не смотря на отсутствие документальных подтверждений, причислены к одной категории с князьями кумыкскими. В связи с чем, они должны были получить те же права и преимущества, которыми пользовались кумыкские князья, в частности, им должны были оставить во владении их родовые земли. Однако к выводам этой комиссии власть не прислушалась, т.к. ей это было экономически и политически невыгодно[300].

Чрезвычайно интересен и поучителен вопрос происхождения российского дворянства и высших титулов имперской власти. Исследователь В.И. Савва обнаружил, что в поисках международного признания своих прав на царское звание российские правители не указывали на преемство титулатуры своей власти от Византии. Возможно, что титул «царь» пришел на Русь скорее из Орды. Рассматривая Россию преемницей Золотой Орды, можно утверждать, что включение в состав Московского государства Казани и других «татарских» ханств – это не завоевание ради расширения территории государства, а начало процесса «восстановления» его единства (в границах Золотой Орды). Обращает на себя внимание, что первые цари смотрели на себя как на наследников монгольских ханов. Уже во второй половине XV века великие князья московские начинают мало-помалу величать себя царским титулом. Иван III был первым русским правителем, изредка называвшим себя царем[301].

В 1885 году претендентов на получение титула российских дворян в Терской области было приблизительно 4,1 тыс. человек. Налицо было явное игнорирование действительно существующих высших сословий горских обществ. Что касается чеченцев, то в отношении их кавказская

администрация высказалась весьма категорично: среди них есть представители высших горских сословий, но их, во – первых, очень мало (всего 9 семей, в количестве 29 человек) и, во – вторых, они все без исключения, пришлые[302].

Первая всеобщая перепись 1897 года показала, что процент дворян и чиновников к населению Терской области составлял 1,22%[303]. В 1913 году снова был поднят вопрос о количестве чеченцев, в законном порядке утверждённых в российском потомственном дворянстве. Кавказский наместник приказал начальнику Терской области сообщить в его канцелярию о наличии и числе его подчинённых потомственных дворян – горцев, законно утверждённых в этом звании и владеющих земельным имуществом в пределах области. 2 января 1914 года начальник Веденского округа доложил руководству, что таких лиц у него нет. Начальник Грозненского округа представил список двух чеченских семей, члены которых законным порядком утверждены в российском потомственном дворянстве, также эти фамилии были занесены в Ставропольскую дворянскую книгу. Представим этих людей: Арсемик Арцуевич, Абдул Муслим Арцуевич, Абдул Меджид Арцуевич, Абубакар Данисултанович, Туган Данисултанович – Чермоевы. Семья Курумовых : Яльяс Касимович, Даут Касимович, Муса Усманович, Зубаир Магоматович, Абдурахман Магоматович, Ахмат Магоматович, Махмуд Магоматович, Хамит Даутович, Джунаид Гизириевич, Зияудин Гизириевич[304]. На тот период в Терской области больше всего законно утверждённых потомственных российских дворян было у чеченцев, благодаря двум многочисленным семьям Чермоевых и Курумовых. В настоящее время потомки этих людей могут считать себя дворянами на вполне законных основаниях. Три сына генерал –майора К. Курумова были офицерами. В армии служил и его брат – прапорщик Пейзулла Курумов, являвшийся полным Георгиевским кавалером и награждённый также несколькими царскими медалями. Сам К.Курумов имел немало высших российских военных орденов: Св.Станислава, Св.Анны (3-й и 2-й степени), Св.Владимира, золотые медали «За храбрость», «За усердие» и золотое оружие. Он также известен как талантливый администратор.

Представитель другой дворянской семьи, генерал Арцу Чермоев, отличившийся ещё в Крымской войне, командовал Чеченским Конно – иррегулярным полком во время русско – турецкой войны 1877 –1878 годов. Самый известный чеченский нефтепромышленник Абдул Меджид Чермоев, не только происходил из офицерской семьи, но и сам был офицером, получившим ранение в бою[305].

Анализ источников, освещающих социальные отношения на Кавказе в докапиталистическую эпоху, приводит к выводу, сделанному ещё академиком Г.А. Меликишвили и А.П. Новосельцевым, отрицающему наличие рабовладельческой формации в XIX веке на территории Кавказа. Обнаружено, что в так называемых вольных обществах в ряде случаев были ликвидированы отдельные стороны феодальных отношений и осуществилась реставрация пройденных ранее ступеней общественного развития, что в свою очередь приводило к редкой исторической ситуации, когда относительно развитые надстроечные явления не соответствовали более низкому базису. Выясняется, что ряд вольных обществ сначала подчинялись феодалам, а затем при разных обстоятельствах освобождались от их влияния и учреждали у себя демократические порядки объединения. В XVIII – начале XIX вв. Чечня представляла собой сумму независимых вольных обществ [306].

Военно–демократический уклад занимал важное место в структуре общественных отношений в союзе сельских общин Северного Кавказа. Истоки этого следует искать в характере наследия вольными обществами социальных институтов своих исторических предшественников – средневековых государств раннефеодального типа и племенных объединений той поры, а с другой – в условиях складывания и функционирования самих обществ, когда защита от внешней угрозы являлась постоянной и настоятельной потребностью. Военные набеги на соседние территории не представляли собой главного вида деятельности населения союза сельских общин Северного Кавказа. На базе института пленничества ни рабство, ни крепостничество не получили сколько – ни будь значительного развития. Характер набегов, как и военной организации в целом, с одной стороны, способствовал имущественной и социальной дифференсации общинников и формированию привилегированной военной общинной аристократии, но с другой – сам же тормозил в известной мере этот процесс, т.к. в лице организованной и политически активной массы общинников встречал противодействие своему феодализирующемуся потенциалу[307]. У. Лаудаев пишет: «Начали совершаться невиданные до того преступления, перенятые от адыгов. Стали похищать или силою уводить беззащитных людей – своих собратьев в неволю и продавать их в рабство в далёкие страны»[308]. В горных чеченских обществах находился немногочисленный класс личных рабов, образовавшийся из военнопленных. Класс этот ежегодно увеличивался благодаря вновь захваченным в набегах или в ходе защиты своих территорий. Хозяин мог выделить участок земли

худшего качества, за что получивший его пленник обязан был постоянно выплачивать или отрабатывать повинности. Это был путь насильственного «сажания» на землю и одновременно закрепощения вновь образуемой категории крестьянства[309]. При этом в хозяйстве мелких рабовладельцев почти всегда владелец и холоп работали вместе. Не заинтересованность раба в результатах своего труда преодолевалась в некоторой степени посредством наделения его домом, имуществом, скотом, землёй и т.п. Это условное владение давало рабу необходимую свободу для ведения хозяйства и возможности посредством «самостоятельного» хозяйствования делать накопления для приобретения свободы.

Формы эксплуатации рабов в XVIII – перв. пол. XIX вв. всё более приобретают черты феодальной эксплуатации. Юридические права чеченских владельцев представляли собой переплетение рабовладельческого и феодального права. Отпуск раба на свободу оформлялся следующим порядком: рабу вручали письменную отпускную, составленную кадием при 2-х свидетелях; кадий получал с раба отпускные деньги и передавал их рабовладельцу[310]. Значительно было распространено в Чечне в ходе войны домашнее рабство, в виде покупных женщин, которые нередко становились жёнами владельца. Хотя в горных районах рабы и находили своё применение на полевых работах, в уходе за скотом, но широкое их распространение в горах было не возможно, ибо не было крупных землевладений, обеспечивающих высокую прибыльность эксплуатации рабов. Те, кто, оторвавшись от своей этнической общности, нанимались к чеченцам на общественную и частную работу, также назывались «лай» (раб). Их положение в обществе в корне отличалось от положения раба в рабовладельческом обществе; в основном они были равны со всеми, только их не допускали к общественным делам, мероприятиям, и они не имели в этой среде голоса[311].

По нашим представлениям, институт рабовладения в Чечне развит не был. Чеченское наименование «лай» объединяло общее название зависимых сословий – военнопленных, купленных рабов, пришлых «чужеродцев», нанимавшихся на сезонные работы или в услужение и др. Перевод «лая» как раба передаёт русское осмысление этого термина[312].

Лишённый имущества и каких–либо надёжных родовых связей, на чужбине, освобождённый «лай» вынужден был идти работать на своего бывшего хозяина. Обычай освобождения разрушал рабство и служил основой для развития отношений господства и подчинения феодального характера. Следует отметить и отсутствие законодательного закрепле-

ния института рабства у чеченцев. В адатах, например, нет выкупных цен на рабов. Размер выкупа целиком определялся владельцем. Ряд сообщений источников свидетельствуют, что вольноотпущенный «лай» мог приобретать имущество, заниматься духовной деятельностью и вообще пользоваться правами вольного узденя[313].

В общественных отношениях труд хозяина противопоставляется труду наёмного человека по степени его эффективности. Зависимость от хозяина может быть полная (рабская) или частичная (обязанная), потомственная, пожизненная (крепостная) или срочная, по найму, на известное число дней, годов. В общем разряде наёмных рабочих надо различать несколько категорий: 1) крестьян–собственников, нанимающихся временно на посторонние работы; 2) батраков и служителей, проживающих круглый год в услужении и получающих своё содержание, квартиру и харчи у хозяина; 3) подёнщков, работающих по договору (возможно, с предоставлением жилья и питания). После отмены барщины и прекращения крепостного труда, в Европе получило распространение батрацкое хозяйство. Эта система была наиболее выгодна для землевладельцев и в какой –то степени, до накопления определённого капитала, удобна для батраков[314].

Такую же ситуацию мы наблюдаем и в Чечне. После того, как Шамиль в ходе Кавказской войны отменил институт рабства и освободил все феодально–зависимые категории крестьян, вольноотпущенные вынуждены были батрачить на своих прежних хозяев, чтобы материально укрепить своё положение.

Элементы и зачатки рабовладельческих отношений не могли сложиться в Чечне в формационный уклад, хотя некоторое развитие их и наблюдалось. Число зависимых чужеродных крестьян было незначительно, по отношению к количеству свободных общинников[315].

4. Правовое положение населения в крае

Проблема развития права тесно взаимосвязана с проблемами государственного устройства и управления. Государственная власть выступала в полиэтничном обществе как объединяющее начало, формировала правовые основы для вхождения и проживания народов в России, регулировала их внутреннюю общественную жизнь, условия хозяйствования, а также отношения с центральной и местной администрацией. Обес-

печение законности всегда оставалось одним из важных направлений деятельности государства. Народы России как участники общественных отношений должны были соблюдать и исполнять правовые требования и предписания. Государственная власть Российской империи, кодифицируя обычное право, как бы пошла на компромисс в полиэтничном и многосословном обществе, добиваясь его консолидации и сближая российские и западноевропейские правовые нормы с традиционной практикой обычая, видоизменяя и трансформируя его[316]. Потребность России в традиционных для Северного Кавказа культурно-правовых системах не была просто практической и политической, как принято привычно полагать. Она была также моральной и интеллектуальной.

Единение Северного Кавказа с Россией дало почву для формирования уникальной системы юридического плюрализма. Проведённая Российской империей на Северном Кавказе кодификация адата и инкорпорация шариата, реформа судебных институтов, немыслимое для классического шариата и адата, стали источником развития права народов Северного Кавказа. Для северокавказских мусульман, как подданных Российской империи, сохранение своего права в христианской, православной стране было проявлением государственного благоприятствования[317]. Взаимодействие систем права России с этноправовыми традициями народов Северного Кавказа на протяжении столетий породило уникальное явление – конвергенцию российского позитивного права с адатским и мусульманским правом. Осмысление разнообразия оснований, их плюралистичности в зарождении и становлении российской правовой системы, с учётом национального правосознания и этноправовых особенностей российской цивилизации демонстрирует подлинную ценность каждой из систем права её народов и всего права в целом[318].

Структура российской судебной системы в дореформенное время являлась довольно сложной и запутанной. В ее состав входили разнообразные исторически сложившиеся органы. Дореформенная судебная система была организована по сословному принципу, то есть для каждого сословия имелись свои суды. Выполнением судебных функций занимались также и некоторые административные органы. Нередко правосудие вершили люди, не имевшие юридического образования[319].

Процесс формирования правового государства в России в пореформенный период, прежде всего, отразился на положении личности и ее взаимоотношениях с властью. Между гражданами и правящей властью устанавливались не только отношения подчинения, но и сотрудничес-

тва. Иначе говоря, устанавливались взаимные обязанности и права, а также взаимная ответственность должностных лиц (органов управления) и граждан. В соответствии с законодательством, Сенат как орган административной юстиции осуществлял надзор за деятельностью всех государственных, земских и городских органов власти. Каждый житель империи, если его права были нарушены должностным лицом государственных или земских органов, а жалоба на них не была решена в его пользу, мог после этого подать жалобу на решение власти в Первый департамент Правительствующего Сената[320].

Наряду с изменениями в административной системе, правительство России проводило мероприятия и в области правовых институтов. Старая горская система суда, основанная на обычном праве (адате) не отвечала интересам правительства. Кавказская администрация решила сосредоточить в своих руках основные рычаги управления краем, подорвав в народе влияние местной феодальной знати, представителей духовенства, и укрепить свои колониальные позиции[321]. В разных формах добивалась государственная власть поддержки у населения: требовала содействия у сельских обществ, просила помощи у религиозных сект, вербовала себе на службу доносчиков и кровников. Разными средствами она пыталась обеспечить себе эту поддержку: требовала ее во имя идеи, покупала ее за деньги, вынуждала ее страхом[322]. Процесс российско-имперского воздействия на правовую систему включал в себя всестороннюю попытку воздействовать на северокавказское правосознание, для чего использовались два основных метода: введение для определённого слоя общества системы русского образования и воспитания и создание российских судебных органов (Горских словесных судов), через которые происходило постепенное внедрение российского законодательства[323].

На Северном Кавказе судебная реформа состоялась в конце 1870 года. Несмотря на наличие довольно серьезных изъятий из Судебных уставов 1864 года, проведение судебных преобразований на территории Северного Кавказа стало важным шагом вперед по пути становления новой судебной системы, основанной на буржуазных нормах и принципах права. Следуя своей колониальной политики, царизм изначально предусмотрел, что проводить судебную реформу на Кавказе следует только с существенными изменениями. Например, устанавливалось, что в Кавказском крае уголовные дела, изъятые из ведомства мировых судей, т.е. выходившие за пределы компетенции мировых судей, подлежали рассмотрению в окружных судах без присяжных заседателей[324].

Наиболее строго суды России относились к преступлениям религиозным, по которым только 17,7% оправданий, затем к кражам (22,8% оправданий), далее к преступлениям против порядка управления (27,4%) и уже затем – к важнейшим преступлениям против жизни. По мнению правоведов той эпохи, не подлежало никакому сомнению, что в России личность была ограждена намного меньше, чем имущество[325]. По российскому законодательству преступления не могли совпадать с безнравственными действиями и с грехами, т.к. государство не могло ставить своей задачей наказание всех действий, не одобряемых моралью.

Отношение российского государства к обычному праву народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. формулировалось из принципов двух вариантов правовой модернизации – радикального и мягкого, которые впоследствии были применены в различных регионах Северного Кавказа. Проведение правового реформирования позволило создать фундамент для внедрения российского подданства в горских общинах, в основу которого был положен принцип социального и правового равенства горских народов как подданных Российской империи. Все институты обычного права были подвергнуты модернизации, исходя из принципов равенства, в результате чего, большое количество норм обычного права были изъяты из горской правоприменительной практики. Проведение сословно-земельных реформ в горских общинах Северного Кавказа привели к значительному сокращению или ликвидации большинства норм вещного и обязательного обычного права[326].

Обычное право у горцев возникло как следствие моральных ограничений (институт табуитета). Оно регулировало отношения между родами, внутри рода, отношения обмена (куплю, продажу, кредитование), пользование, распоряжение и владение движимым и недвижимым имуществом, наследование, землепользование, землевладение и водопользование, семейно–брачные отношения, дела об убийствах, насилии, разрешало конфликты. Все эти проблемы ставились и решались на общинном суде и собрании[327]. Что же касается систем европейского и общего права, то правовой обычай выступает здесь одним из источников права и полностью никогда из них не был вытеснен. Высоко оценивают обычай как современную форму права европейские учёные-юристы. Для них право – это результат деятельности социальных групп, каждая из которых имеет свою собственную правовую систему. Всякая юридическая норма, возникшая из практических потребностей, выступает в первоначальной форме обычая, а затем может трансформироваться в

закон. Собственно нормативный способ формирования права предполагает, что юридическая норма вначале возникает как обычай (хозяйственный, торговый, семейно-брачный и иной), достигает в нём первичной неформальной институционализации, а затем, если необходимо, данная норма санкционируется, оформляется на политическом уровне как закон государства[328]. В мусульманском судебно–процессуальном праве выделяются нормы, по которым должность судьи могут занимать только мусульмане, соблюдающие религиозные и моральные предписания ислама. Сходные требования предъявляются и к свидетелям по большинству дел. Особое значение придаётся клятве именем Аллаха, если ответчик отстаивает свою невиновность.

Мы видим, что в древности структурная схема права была выражена столь же полно, как и в современных правовых системах, и в этом смысле нет никаких оснований говорить об онтологической неполноте, неполноценности, незрелости обычного права по сравнению с современным. Особенность, может быть, состоит в том, что институты обычного права опираются на человеческий менталитет, который интегрирует эмпирическую логику, ценностную и нормативную логику с наиболее яркими образцами мистики, иррационального постижения мира.

Современное право стало более однородным, строгим, но менее глубоким и авторитетным, не смотря на заведомо безуспешные попытки создать вокруг права ореол святости. В. Немирович – Данченко, путешествуя по Чечне, заметил, что «Адат существует не как наш писаный закон, т.е. не для сведения неисполнения, – нет, – нарушение его в горных кланах немыслимо. Лазейки и обходы, столь усердно практикуемые цивилизованной расою – чужды «варварам и разбойникам» чеченцам»[329].

Сегодня, само по себе важно восстановить, насколько это возможно, картину величественного симбиоза религии и обычного права, связанного с ним мощного подъёма коллективного сознания и психики, который нам позволяет понять и объяснить, почему в древности при минимальном принудительном аппарате могло существовать обычное право без гарантированного обеспечения его политическими средствами, без тюрем и полиции, судебных процессов и расправ.

Государство возникает и конституируется как представительство общественных интересов, как сила, стоящая над обществом, но уже с самого начала оно выступало как система организационного политического господства одних людей над другими. Как бы то ни было, но

ранние, также как и более поздние формы государства, будучи общественными институтами, редко выражали действительно общественные интересы[330].

Мы знаем – это широко известный факт, что государства предоставляют права далеко не всем слоям населения, что, формально закрепив права за каждым гражданином, отнюдь не каждому дают реальную возможность ими пользоваться. Но если государство всерьёз предоставляет человеку права, оно необходимо относиться к нему, как и к самостоятельной и свободной личности, способной в пределах своих прав принимать решение по собственной воле и своему усмотрению. Во второй половине девятнадцатого века сословный характер карательной системы России препятствовал утверждению буржуазных принципов правосудия, в первую очередь индивидуализации наказания, что влекло за собой нарушение прав человека.

Согласно Положению от 14 августа 1881 года любая местность могла быть объявлена на чрезвычайном положении, а каждый ее житель подвергнут аресту, предан суду или ссылке без судебного решения на 5 лет в любое место Российской империи. Положение, изданное как временное (на три года), возобновлялось по истечении каждого трехлетия и действовало вплоть до 1917 г. Данное Положение не рассматривало административную ссылку и полицейский надзор в качестве меры наказания, а считало мерой «предупреждения преступлений против существующего государственного порядка» со стороны лиц, «вредных для общественного спокойствия». Между тем правила, установленные для поднадзорных, приостанавливали многие гражданские права и ограничивали свободу, что фактически уравнивало статус поднадзорных с лицами, лишенными прав по судебным приговорам[331].

Вернемся к истории развития права. Обычное право появляется раньше государства, способствует, и иногда и противодействует его образованию. Мы понимаем теперь, что нормальное, естественно – историческим путём сложившееся общество не может не быть традиционным. Человечество окончательно погубит цивилизацию, если не научится оптимально сочетать социальную рационализацию с естественным традиционализмом[332].

В России гражданское право, под влиянием западноевропейских норм и институтов, опиралось на закон, а традиционные и обычные нормы отошли на второй план. Судебная реформа на территории Терской области проводилась постепенно. Основным её постулатом была замена

мусульманского судопроизводства российской законодательной системой. Во избежание массового недовольства населения нововведениями, было решено совмещать российские законы с шариатскими и адатными, которые должны были постепенно вытесняться российской судебной системой. Действия российской власти, прежде всего, были направлены против шариатского законодательства, введённого повсеместно в имамате Шамиля. В борьбе против шариата кавказская администрация постаралась опереться на словесное горское судопроизводство – адат, основанное на обычаях. Кавказское руководство предполагало изменять адаты по своему усмотрению, что невозможно было сделать с шариатскими законами, так как они были зафиксированы в священных писаниях[333].

С развитием капиталистических, рыночных отношений, стали разрушаться традиционные общественные институты и на ведущие позиции вышла самостоятельная, личная инициатива индивидуума, уже довольно независимая от сформировавшего его общества. В связи с этим в правовой системе Российского государства во второй половине XIX века особенно активно стало развиваться субъективное право. Субъективное право – суть порождения эпохи государства с достаточно развитой законодательной функцией. К этому времени человек достиг уже той степени эмансипации от общества, при которой появилась возможность относиться к нему как к самостоятельному субъекту, абстрагируясь в формально – юридическом смысле от его родственных связей, от принадлежности к социальной группе. Возникает понятие юридического лица, свободного и равного другим таким же лицам. Государство в акте предоставления субъективного права человеку признаёт в нём самостоятельное лицо и даёт известную автономию его действиям[334]. Действовавшее в России субъективное право учитывало народную инициативу, требование поддержки официальных лиц и возможность обращения за поддержкой и защитой к государству[335]. Например, после установления российского законодательства на Северном Кавказе некоторые горские крестьяне всюду стали заявлять : «Мы должны разбираться по правам российских законов, а не стариками…которые из уважения к владельцам делают всё то, что им заблагорассудится, а наши справедливые жалобы в резон не принимают»[336]. Поверхностные, основанные на расчётах, калькуляции индивидуальных прав и свобод отношения между людьми даже отдалённо не напоминают глубокие, исполненные различных оттенков (самопомощь, взаимопомощь, братство, солидарность и т.д.) связи между людьми традиционного

общества. Ощущение святости обычая как бы постоянно возбуждается в психике взрослых членов группы. К этим средствам принадлежат не только мифы и легенды, но и религиозные обряды, символы, ритуалы, церемониальные танцы. Их назначения – способствовать организации коллективных переживаний, сплачивающих группу вокруг её фундаментальных жизненных ценностей[337].

Неразделённость в исламе веры и государства, религиозных и правовых норм была признана правоведами России и использована в правовом устройстве мусульманской части российского общества. Введение отдельных норм и институтов мусульманского права в общеимперское законодательство для восточных окраин и в судебные институты России – это продуманный шаг правительства, способствовавший гармонизации отношений в полиэтническом обществе.

Однако нередко мусульмане приходили в негодование из–за нарушений государством своих же законодательных норм по отношению к инородцам, что, зачастую приводило к столкновениям и восстаниям. В правовой цивилизованной стране, какой была Российская империя, субъектом правонарушения могло быть и само государство, его органы, например, когда отстаивались нормы международного права при корректировке спорных внешних границ; или при издании правовых актов, касающихся, например, внутренних межей при сословном и этническом размежевании (при оформлении межевых планов для казачьих войск Российской империи, горских земель)[338]. В русском законодательстве на эти случаи было принято правило безответственности юридических лиц[339]. Во всех тех случаях, где незаконное распоряжение состоялось без нарушения со стороны должностных лиц их служебного долга а, следовательно, без всякой вины с их стороны, уголовная ответственность отсутствовала. Незаконное действие признавалось при таких условиях совершённым учреждением, а оно не подлежало преследованию в уголовном плане. В отношении юридических лиц, незаконное распоряжение признавалось действием учреждения и гражданский иск допускался. Здесь или само учреждение могло быть признано отдельным юридическим лицом и как таковое явиться граждански ответственным за свои действия, нарушающим чужие права, или же учреждение признавалось органом государства, также являющимся в сфере гражданских отношений самостоятельным субъектом. Тогда ответчиком по гражданскому иску по поводу незаконного распоряжения являлось целое государство, как объект гражданских прав[340].

Нередко обществу или отдельным его гражданам только казалось, что государство нарушает по отношению к ним законодательство, хотя на самом деле этого не происходило. Дело в том, что ущемление гражданских прав рассматривалось истцами через призму Сборника законов Российской империи, а ведь помимо него на территории государства действовала масса подзаконных актов, нередко прямо противоречащих основному законодательству. Режим особого правового поля существовал на Северном Кавказе, в условиях военно – народного управления, где многие указы были засекречены, о существовании других знали лишь некоторые должностные лица.

Кавказский наместник мог «…в тех случаях, когда в указах Сената в отношении общих по государству мер, предписанных порядком законодательным или исполнительным, не будет сказано, что они распространяются на Закавказье и те части Кубанской и Терской областей, которые заняты туземным населением, в течение 2-х месяцев с получения указа сообщить надлежащему министру о неудобстве его применения в указанной местности»[341]. В русской юридической науке второй половины XIX века появились представления о необходимости различать закон в формальном и материальном смысле, из чего следовало, что правительственные указы тоже могут устанавливать юридические нормы. Согласно ст.53 Основных законов, в Российской империи законы могли издаваться в форме манифестов, указов, мнений Гос.Совета и докладов, удостоенных Высочайшим утверждением, а излагались, в зависимости от содержания, в форме уложений, уставов, грамот, положений, наказов (инструкций)[342]. Формально законы, как первичные нормативные акты, имели высшую юридическую силу. Все остальные подзаконные правовые акты исходили из законов и не должны были им противоречить; они не нуждались в утверждении другими органами, их могли отменить только органы, их издавшие. Законы Российской империи принимались высшими органами государственной власти – императором, правительством, Сенатом, Гос.Советом[343].

Летом 1862 года произошло новое разделение Терской области в военном и административном отношениях. Были учреждены правила как для выбора членов народных судов, так и для всего судопроизводства[344]. Царские власти щедро финансировали административные полицейские и судебные учреждения, охранявшие интересы метрополии и местных господствующих классов. Проект образования нового суда был составлен начальником Терской области. В соответствии с 1-й статьёй

высочайше утверждённых 29 сентября 1862 года основных положений о преобразовании судебной части, судебная власть должна была быть отделена от власти административной, и, следовательно, ни начальник области, ни аульный старшина не могли подвергать кого бы то ни было взысканиям и наказаниям, так как это право отдавалось только судебной власти[345]. Главный народный суд в Терской области состоял из почётных лиц. Председательство в нём поручалось особому лицу, выбранному начальником области, с утверждением его на этой должности Главнокомандующим Кавказской армии. Решения Главного народного суда принимались большинством голосов и передавались на утверждение начальнику области[346]. В ходе применения данного закона на практике выяснились его существенные недостатки. Председатель горского словесного суда, обычно строевой офицер, был не подготовлен к судейской деятельности, и всё возвращалось к начальнику области, не стеснённому в своей военной и административной власти никакими нормами процессуального или материального права. По военно –уголовным законам горцев судили в комиссиях военного суда, учреждённых при разных частях войск. Полицейские и судебные функции были соединены в военно–уголовном законодательстве.

С 1873 г. полиция в Российской империи стала комплектоваться по принципу вольного найма. До этого полицейские команды формировались из низших чинов армии, непригодных к строевой службе, а также отставных унтер-офицеров. Учитывая, что на службу в полицию из-за низкого жалованья шли в ряде случаев люди, которые по своему образовательному уровню и нравственным качествам не всегда соответствовали данной профессии, а, кроме того, постоянное их общение с правонарушителями, то можно сделать вывод о характере поведения низших чинов полиции. Соблюдение служебной дисциплины было достаточно серьезной проблемой для полиции Российской империи. Анализ исторических документов дает основание констатировать, что многие нарушения дисциплины по своей сущности идентичны нарушениям, совершаемым современными сотрудниками российской милиции. Среди конкретных факторов, обуславливающих преступность на Кавказе и выделенных А.С. Френкелем, следует особо указать и на состояние правоохранительной деятельности: « Кавказский разбой, – замечал Френкель, – это последствие плохой организации полиции, незначительности и дурного состава земской стражи, отсутствие защиты от разбойников… и, наконец, медленность полицейских дознаний и предварительного следствия…»[347].

Особенно бесправным было положение горцев в военно-полевых судах.

В комиссиях военного суда горцев судили за:

1) измену;
2) возмущение против правительства и поставленных им властей;
3) явное неповиновение начальству и тяжкое его оскорбление;
4) разбой;
5) похищение казённого имущества;
6) убийство и ранение с увечьем.

Полевой главный военный суд, как и его присутствия, а также временные полевые суды подчинялись Главнокомандующему армией. Подсудности полевого военного суда подлежали, помимо военнослужащих и лица гражданского ведомства в местностях, объявленных на военном положении, а также население неприятельских областей, оккупированных войсками.

В 1870 году были открыты военно – окружные суды в Кавказском военном округе. Воинский устав устанавливал два вида наказаний: уголовные и исправительные. К уголовным наказаниям относились: смертная казнь с лишением всех прав состояний и без лишений таковых, ссылка на каторжные работы и также заключение в крепость[348].

Правительством были приняты меры к ограничению случаев подсудности казаков военному суду. В 1870 году были утверждены правила «О подсудности по преступлениям лиц войскового сословия всех вообще казачьих войск», в соответствии с которыми дела о преступлениях лиц войскового сословия всех казачьих войск переходили в распоряжение гражданского ведомства. Военному суду казаки подлежали лишь в определенных случаях[349].

В горских народных судах судопроизводство осуществлялось «…по адату, шариату и по особым правилам, постепенно составленным на основании опыта»[350]. Важнейшим направлением реформы являлось ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса с целью подготовить постепенный переход горцев к единому российскому судопроизводству и уголовному законодательству. Вместе с тем российская администрация попыталась запретить ряд архаичных адатов, прямо противоречащих российскому законодательству. Вне закона было объявлено кровомщение. Теперь оно было приравнено к обычному убийству. Шамиль также всеми мерами пытался прекратить обычай кровомщения, удары которого весьма часто падали на невинных. Согласно шариату,

родственники убитого не имеют права сами лишать жизни убийцу, а, схватив его, должны были представить наибу, который, по рассмотрению дела, на основании решения Шамиля, должен был или помирить противников, или казнить убийцу. Обычно мировые сделки заканчивались каким-либо вознаграждением, после чего родственники убитого уже не имели права на кровомщение[351].

В России в тот период можно было наблюдать некоторую «русскую завороженность» чеченским законом вендетты, тот спектр реакций – от презрения до амбивалентного восхищения, который обычное право горских народов вызывал у русского интеллектуала. В истоках ислама, в обычаях принимающих его народов лежит совершенно своеобразное и порой поражающее своей ясностью и целесообразностью понимание цели уголовного наказания. Анализ этой цели позволяет по-другому взглянуть на роль кровной мести в социальных механизмах.

Субъекты кровных счетов, иными словами, субъекты нравственно-правовых отношений в институте кровной мести – общины; личности же – в соответствии с их положением в роду, ситуативно – в зависимости от отношений родства с пострадавшим и нарушителем мира. Только окончательное примирение родов (семейств) могло возвратить убийце спокойствие и безопасность. Видный судебный деятель современного Дагестана Х.У. Рустамов пишет об обычном праве того времени: «…Наказание, будучи реакцией на преступление со стороны общества, имеет здесь целью не воздаяние преступнику за его деяния, не исправление или устрашение преступника, не подавление порочных инстинктов населения, ни даже освобождение общества от опасных элементов, а только восстановление внутри общества мира, нарушенного преступлением»[352]. Средства достижения цели назначения наказания, таким образом, заключается в попытке избежать отрицательных последствий для мира в обществе от реального применения кровной мести.

Суд по адату основывается на некоторых общепринятых правилах, установленных обычаем и освященных временем. Чеченцы, избегая всякого ограничения своей воли, как нестерпимой узды, невольно покорялись превосходству ума и опыта и часто исполняли добровольно приговор стариков-судей. Сам обряд суда по адату весьма прост. Противники, желая закончить дело по адату, выбирают в посредники или судьи для себя одного или двух старшин. Старики выслушивают отдельно каждого из разбирающихся и, выслушав, произносят приговор. Старикам за суд ничего не платили. Для обвинения необходимо, чтобы истец пред-

ставлял со своей стороны одного или двух свидетелей, которые должны были быть совершеннолетними, мужского пола. В случае, если истец не нашел свидетелей, то виновный оправдывается присягой на Коране. Очные ставки не требуются адатом, т.к. свидетели или доносчики, опасаясь мщения, обвиняют преступника тайно. При решении адатом необходимо условие, чтобы судьи единогласно объявили приговор; в случае же разногласий между стариками, тяжущиеся стороны выбирают себе других судей[353].

Чеченское право считалось одной из самых развитых правовых систем на Кавказе. Благодаря этому за разрешением споров различного характера к чеченцам обращались народы практически всех регионов Кавказа, в том числе и горцы Грузии. Большую известность как знатоки правовых норм получили жители с. Майсты, горной области Чечни. Вплоть до 1944 года существовал «суд майстинцев», в который чеченцы и представители других народов Кавказа обращались как к последней инстанции. И, по преданиям, не было такого случая, который не могли разобрать майстинские судьи, к тому же, их приговор почти всегда устраивал обе стороны. Нормы чеченского права по крайней мере с начала XV века, устанавливались Высшим Советом страны. Эти нормы к тому же были записаны в конце XVII – начале XVIII века. Записи чеченского права исчезли во время выселения чеченцев в 1944 году[354].

Целью реформы было ослабление исполнительной, судебной и законодательной власти мусульманского руководства сельских общин (кадиев, суфийских шейхов) и создание светской администрации, которая пользовалась бы доверием и авторитетом у местных жителей и была бы послушным исполнителем решений российских властей[355]. На Северном Кавказе был установлен контроль над деятельностью горских адатных судов: все материалы деятельности адатных судов поступали в местные административные и судебные органы. Российская администрация ввела государственные санкции по отношению к тем, кто не выполнял решения адатных судов. Такие уклоняющиеся должны были выплачивать штрафы в пользу общины. Горские словесные суды штрафовали обвиняемого и свидетелей, не являвшихся на судебное заседание. За неявку свидетеля в первый раз назначался штраф в 5 руб., за второй – 10 руб., не явившийся на суд обвиняемый платил штраф 25 руб. Другой действенной мерой принуждения выполнения адатных решений стало правило временного отбирания оружия у виновного до окончательного выполнения им решения адатного суда. Таким правом были наделены сельские

старшины. У народов Северного Кавказа осталось право выбирать большинство членов адатных судов сроком на три года. Сохранился высокий образовательный и возрастной ценз для судей: они должны были быть старше 25 лет и хорошо знать адат. Горские суды являлись переходным органом от адатного судопроизводства к российскому[356].

Распадение общественных, общинных связей вело к ослаблению общественного контроля над поведением человека. В пореформенный период преступность в России непрерывно возрастала. Реформы открывали более широкий простор частной инициативе и предприимчивости, расширяли рамки дозволенного и способствовали развитию отклоняющегося поведения, в том числе и в криминальной форме. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность через богатство сразу и радикально изменить свою жизнь к лучшему чрезвычайно этому способствовало и вводило многих людей среднего достатка в искушение[357].

Нововведённая судебная система была далека от совершенства. Горцы не привыкли вести судопроизводство с помощью многочисленной документации. Бесконечная волокита и сутяжничество были основными чертами судов того времени. В своём прошении жители селений 1 участка Грозненского округа в 1891 году писали, что их стеснённое экономическое положение усугубляется из – за существующих порядков «..в наших словесных судах, где процветает волокита (иные дела не разбираются 5 лет), взяточничество или соглашения различного рода до суда». « К нашему сожалению, – говорится, например, в одном из заявлений, поданных начальнику области чеченцами в марте 1909 года, – начальство ловит только мелких воров, а с крупными, действующими на крупные суммы, состоит в доле». И так думали не только местные жители, порой уличали друг друга в этом и сами чиновники[358]. В Грозненском горском словесном суде к декабрю 1895 года накопилось 1676 нерешённых дел[359]. По мнению депутата Н.С.Чхеидзе : « – …выдумывание всяких преступлений с целью вымогательства – всё это возведено в культ администрации на Кавказе»[360]. Краевед Н.С. Иваненков также делился своими наблюдениями : « Чеченец человек любознательный и пытливый. Он очень исполнителен к законным требованиям, но весьма неподатлив, когда не видит в требованиях законности»[361]. Нередко администрацией практиковалась ссылка «по жребию». Например, наместник распорядился выслать «семь наиболее вредных шейхов с семьями». Степень вредности, очевидно, еще не была установлена, а число уже было назначено… Известны случаи, когда в число высылаемых назначались

малолетние и даже покойники. Высылка нередко практиковалась в массовой форме. Убедившись в своем бессилии отличить порочных людей от мирного населения, администрация высылала целые селения. Само собой понятно, что высылка мотивировалась необходимостью борьбы с разбойничеством. Дикари, хищники, мошенники – такими эпитетами именовались жители Северного Кавказа. Русский историк отмечал, что термин «мошенники» стал почти официальным названием горцев в переписке Ермолова. То был образ дикого горца, варвара, враждебного России и живущего исключительно грабежом и разбоем. В чем же коренятся предрассудки? Предрассудки и предубеждения отражают конфликты интересов между определенными группами людей. Доказано, что люди часто создают «иллюзорную корреляцию» между этнической принадлежностью и преступной деятельностью. Они охотно запоминают практически все антисоциальные акты, совершенные представителями других национальных и религиозных групп. В то же время преступления, совершаемые «своими», легко забывают. Социологами также установлено, что, люди склонны предполагать наличие внутренних, изначальных, врожденных причин для негативного поведения «других» и наличие внешних, провоцирующих факторов для антисоциального поведения «своих». Данный феномен известен, как принцип фундаментальной атрибуционной ошибки. Исторические и социально-экономические изменения в обществе способствуют появлению стереотипов[362].

Не редко администрация целенаправленно обрушивала свой гнев на самую зажиточную часть чеченского населения, чье имущество затем продавалось или конфисковывалось. Были случаи, когда в селах записывали в преступники бедных, одиноких людей, а богатых из больших семей, воров скрывали, опасаясь их мести[363]. В 1863 году, при инспекционной поездке по Терской области, наместник Кавказа вынужден был констатировать неудовлетворительное состояние судопроизводственной системы и санкционировал открытие областного суда во Владикавказе, а также утвердил по штату прокурорскую должность[364]. Недостатком народного суда, по мнению наместника Кавказа, являлось подчинение его обязательно участвующему в нём административному начальнику. Также в составе туземного управления Терской области чувствовался большой недостаток в апелляционном суде[365]. Жалобы местных жителей на должностные лица обыкновенно оставлялись без последствий, и, обиженные, под влиянием чувства мести, они начинали прибегать к грабежам и разбоям[366].

Большинство судей в Терской области представляли военные чины, которые не знали местных языков и не вдавались в изучение местных законов и традиций, что существенно затрудняло судопроизводство[367]. Окружные начальники, исполняя функцию полицейской власти, участвовали в заседаниях мировых судов с правом голоса. Отсутствие земских учреждений в Терской области само по себе уже не допускало возможности применения к этим судам общероссийской структуры судебной власти. Мировые судьи назначались правительством, отсутствовал институт присяжных заседателей[368]. Хотя председателем горского словесного суда должен был быть помощник начальника округа, под председательством которого состав присутствия горского суда только и может считаться законным, но на практике, при отсутствии помощника начальника округа, обязанность председателя в словесном суде исполняло иногда лицо, не имевшее никакого отношения к горскому суду. На основании параграфа №60 временных правил от 18 декабря 1870 года решения и приговоры горских словесных судов Терской области могли быть обжалованы у начальника области в месячный срок со дня их объявления. Но начальник области не справлялся с потоком апелляционных жалоб. Поэтому фактическое рассмотрение поступивших дел зависело от столоначальника, которому приходилось давать взятку. По мнению современника: «Обзор судебного дела среди горского населения Кавказского края приводит к тому заключению, что положительную сторону составляет лишь крайняя дешевизна»[369]. В разборе дел по шариату также возникали трудности. Северный Кавказ в тот период относился к Оренбургскому муфтияту, поэтому, в силу его отдалённости, контроль за работой кадиев в рамках мусульманского законодательства не проводился[370].

Барон Торнау, служивший на Кавказе, Ханыков, состоявший при князе Воронцове, и некоторые другие чиновники предлагали выработать особый правильный мусульманский кодекс, подчинив все гражданские дела мусульман ведению их духовных судов, допуская подсудность мусульман общему гражданскому суду только в виде особых редких исключений. Они предлагали дела не мусульман с мусульманами подчинить разбирательству мусульманского духовного суда. Торнау замечал, что уничтожать в среде мусульман действие мусульманского права и подчинять их российскому праву – и опасно, и бесполезно. Торнау находил, что в интересах укрепления русской власти в среде мусульманского населения подчинение горцев действию русских гражданских законов невыгодно, т.к. это будет источником недовольства. Бакинский губерна-

тор Кулебякин считал, что не только нет необходимости создавать для мусульман особый кодекс и предоставлять их духовенству широкие права в сфере правосудия, но даже не следует организовывать это духовенство, т.к. всякая организация придаст ему силу[371].

Нельзя не отметить, что новая система судопроизводства находилась в подчинении военной администрации и «народного» в ней было крайне мало не только по форме, но и по содержанию. Военные в любой момент имели право отстранить судей от занимаемых должностей. В горских судах отсутствовали присяжные поверенные, адвокаты, защитники[372].

Судебная реформа в центральных регионах России отличалась от окраинной своей демократичностью. Судебные уставы предусматривали состязательность процесса с участием прокурора – обвинителя и адвоката. Для разбора мелких проступков и гражданских дел иском до 500 рублей, учреждался мировой суд, допускавший примирение сторон. Впервые был введён институт выборных присяжных заседателей, определявших виновность подсудимого. Большое значение имело и то, что судебные заседания стали открытыми, их материалы помещались в периодической печати[373].

На Кавказе участковые мировые судьи назначались наместником. На мировых судей могли быть налагаемы в порядке дисциплинарного производства меры взыскания. Не смотря на отсутствие земских учреждений в Терской области собирали в полном объёме земские повинности[374]. При устройстве судебной части в Терской области были допущены два существенных отступления от общероссийских Судебных уставов: мировые судьи не были выборными, но назначались от правительства; производство уголовных дел в окружных судах велось без участия присяжных заседателей[375]. Конечно, причин для этого было много. Среди них надо особо выделить колониальную политику царизма в управлении национальными окраинами. Отсутствие суда присяжных заседателей как института права, действительно способного привлечь местное население к работе новых органов правосудия, тормозило процесс развития общественного правосознания, отнюдь не способствуя поднятию авторитета пореформенного суда[376]. В отступлении от общих законов, по причине отсутствия земских учреждений, на Северном Кавказе существовала несменяемость мировых судей из-за существовавшего порядка их назначения и увольнения. При таком положении дел отсутствовал нравственный контроль над личным составом мирового суда, который осуществляли бы земские учреждения. Назревала необходимость пос-

тепенного подчинения горцев Терской области общим судебным мировым учреждениям, что привело бы к расширению их гражданских прав и свобод[377]. Одним из главных препятствий к этому демократичному общественному развитию являлась косность взглядов некоторых чиновников, видевших в горцах лишь «дикарей», не способных воспринять «блага цивилизации». Представим для наглядности высказывание Н.Н. Рейхельта: «Кавказ, и к счастью, и к несчастью для него, так ещё первобытно дик, что для него вполне хватает примитивного закона, лишь бы только закон этот не оставался мёртвой буквой. Допустим на минуту, что введён суд присяжных. Что же получится? При известной каждому жившему на Кавказе племенной розни между отдельными народностями, их старых счетах и односторонности развития, присяжные обязательно будут оправдывать всех своих и осуждать чужих. А так как русские для всех чужие на Кавказе, то суд иноплеменников прежде всего и главнее всего обрушится на русских»[378]. А теперь приведём выдержку из отчёта высшего должностного лица на Кавказе – наместника: «Вместе с тем, однако, невозможно по разноплемённости, так и в особенности по неразвитости Закавказского населения применить здесь некоторые из тех условий нового суда, которые составляют достоянье более развитых гражданских обществ, к таковым принадлежали: выборное начало для мирового суда и суд присяжных; а потому соизволил, 9 декабря 1867 года, на введение судебной реформы в пределах Кавказского наместничества. Ваше Величество, по ходатайству моему и согласно постановлению Гос.Совета, в виду не существования на Кавказе земских учреждений, благоволили повелеть, чтобы впредь до времени, назначение мировых судей производилось от правительства, и дела уголовные решались без содействия суда присяжных»[379].

Судебная система Терской области в середине XIX века во многом являлась типичной для российских регионов, и, как и в них, носила инквизиционный характер и ничем неприкрытый произвол в решении судебных дел. В соответствии с судебными уставами 20 ноября 1864 года в России была введена гласность и состязательность судебного процесса и его независимость от администрации; вступали в действие институт адвокатуры и суды с участием присяжных заседателей. Эти меры вселяли надежду у населения Северного Кавказа в ближайшее изменение действовавшей судебной системы. Однако в ходе установления новой судебной системы в Терской области, был изъят целый ряд основ судебной реформы, хотя и сохранилось раздельное судопроизводство и

судопроизводство для различных социальных групп и народов Северного Кавказа. В то же время отсутствовал суд присяжных заседателей, институт адвокатуры, велико было значение администрации в решении судебных дел[380]. Возникли затруднения во взаимоотношениях административной и судебной властей, которые в соответствии с уставами 1864 г. должны были исполнять свои функции независимо друг от друга. Но в условиях Северного Кавказа, где администрация могла вмешиваться в решение практически всех более или менее важных вопросов жизни края, этот принцип разделения властей исполнялся скорее в виде исключения, чем правила.

Поэтому уже через несколько лет существования новых судов на Кавказе, великим князем Михаилом были внесены в Кавказский комитет предложения о некоторых изменениях и дополнениях в устройстве мировых судов. Поступив в Соединённые департаменты законов и государственной экономии Государственного Совета в сентябре 1874 г., они были одобрены. Однако, при обсуждении их в общем собрании Гос.Совета некоторые из его членов выразили сомнение по поводу целесообразности проведения изменений в Терской и Кубанской областях и Ставропольской губернии. Эти изменения касались порядка назначения и увольнения мировых судей, которые назначались Правительственным сенатом по представлению наместника Кавказского. Внесённые на обсуждение предложения предполагали не только назначение, но и увольнение мировых судей наместником. Мотивируя своё решение отсутствием возможности введения здесь в ближайшем будущем земских учреждений, великий князь Михаил Николаевич указывал и на опыт, убедивший его « в крайнем неудобстве освободиться путём судебного преследования от личностей, которые оказались недостойными высокого звания судьи». Это был один из первых шагов отступления от основных начал судебной реформы, которые в скором времени переросли в целый ряд законов и подзаконных актов, получивших определение контрреформ[381].

В результате судебной контрреформы появился закон от 8 апреля 1879 года, который значительно расширил круг дел, разбиравшихся военными судами по законам военного времени. Судебная контрреформа преследовала две взаимосвязанные цели: ограничить гласность, демократичность суда и усилить административное вмешательство в судопроизводство. Заметим, что началась судебная контрреформа в период, когда другие буржуазные реформы еще не завершились. При этом она

была проведена не одноразовым законом, а рядом отдельных нормативных актов, под завесой так называемых «временных мер», скрывающих отказ от Судебных уставов[382].

Для Российского общеимперского законодательства было характерно наличие значительного количества правовых норм, по которым религиозная или национальная принадлежность субъекта изначально давала определённые преимущества в гражданских правах, или же становилась фундаментом для «произрастания» многочисленных ограничительных норм. Усиление ограничительных норм по вероисповедному и национальному признаку наблюдалось в 80-90-х гг. XIX в., что было связано с отходом от курса либеральных преобразований эпохи Великих реформ, а также с тем, что главным ориентиром в имперской политике этого времени стал идеал «единой» России во главе с русской народностью[383].

Суд по адату, по сведениям Ф.И. Леонтовича, был судом посредническим. Известно, что чеченцы принимали к себе представителей других народов. В этой связи встает вопрос о подсудности дел по частноправовым спорам с участием этих лиц. Можно предположить, что в пределах своих семей «пришлые» разрешали споры на основе собственных адатов, а отношения между ними и коренными жителями (чеченцами) регулировались в соответствии с нормами местных адатов. Интересы «пришлых» могли представлять в суде члены местных сообществ, что вполне соответствует принципам патроната[384].

Судебная контрреформа в первую очередь коснулась тех норм судебных уставов 20 ноября 1864 года, которые устанавливали порядок расследования и рассмотрения государственных преступлений. Одним из важнейших элементов судебной контрреформы в этой области стал закон 8 апреля 1879 года о передаче государственных преступлений и особо опасных преступлений, направленных против порядка управления – военным судам. По этому закону рассмотрение и решение их должно было осуществляться в военно – окружных судах или во временных военных судах, создаваемых каждый раз по указанию губернаторов из штаб – офицеров войск, расположенных в том военном округе, где производился суд. Этот же закон вносил существенные изменения и в порядок судопроизводства, ограничивая права подсудимых. Но ещё более широкие полномочия получали административные органы в местностях, объявленных на положении чрезвычайной охраны. Статья 26 предоставляла Главноначальствующему «право изъятия из общей подсудности дел об известного рода преступлениях и проступках» не

только с передачей их к производству военного суда, но и с подчинением их административным решениям в пределах карательной власти, предоставленной ему на основании этой статьи. Он мог подвергать в административном порядке заключению в тюрьму на 3 месяца или аресту на тот же срок, или денежному штрафу на 3000 рублей за нарушение обязательных постановлений. Получение административными органами права рассмотрения дел, которые, вместе с судебными уставами, должны были разрешаться исключительно в судебных местах, означало существенное нарушение принципа независимости суда[385].

В 1893 году с разрешения царя значительная часть уголовных дел, связанных с горским населением, была изъята из общегражданских судебных уставов и передавалась на рассмотрение военным судам. В этом же году на Терскую область были распространены правила об административной высылке в Восточную Сибирь лиц из горского населения, обвиняемых или подозреваемых в краже лошадей и скота, а также другого имущества. В 1892 году была подтверждена статья 26 «Учреждения Управления Кавказского края» об административной высылке лиц горского происхождения за проступки до 5 лет в пределах области и за пределы Кавказского края[386]. На основании Высочайших повелений, последовавших 29 июля 1891 года и 25 января 1893 года, обвиняемые в вооружённом нападении на пассажиров и служащих железных дорог Кавказского края предавались военному суду для осуждения по законам военного времени, в случае, если преступление сопровождалось убийством, покушением на убийство, нанесением ран, увечий, разбоем, грабежом или поджогом. По ходатайству Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе такая мера стала применяться не только к железным дорогам, но и к остальным местностям. Хотя данная мера и была принята как временная, действовала она на Кавказе довольно долго[387].

Н.С. Чхеидзе обличал царизм в несправедливом отношении к горцам. На заседании III Гос.думы он говорил : «…Кавказская администрация только и занимается тем, что применяет террор к мирному населению. В сравнении с этой администрацией Зелим – хан прямо агнец невинный….»[388].

При создании в 1858 году так называемых «народных судов» в Осетии, Чечне, Кабарде, царизм использовал тот богатый опыт, который был накоплен в первой половине XIX века «Временным судом» в Кабарде (1822-1858 гг.) и «Народными судами» в Осетии (1847-1858 гг.) и Чечне (1852-1858 гг.). Опасаясь новых обострений политических отношений с

народами Северного Кавказа царизм при введении новой системы суда в крае вынужден был считаться с особенностями общественного строя, традициями, нравственными нормами обычного права и религиозными убеждениями местного населения. Члены новых судебных органов избирались из местного населения, а председателями являлись начальники военно – народных управлений. По форме суд был создан по российскому образцу, но юридической основой судопроизводства оставались нормы обычного права местных жителей[389].

Начиная с 1870 года согласно «Временным правилам» в сельских судах Кубанской и Терской областей решались лишь только мелкие споры и дела, стоимость которых не превышала 30 рублей. По всем мелким делам стоимостью свыше 30 рублей жители обращались в окружной суд, на что приходилось тратить больше средств и времени. Сельский суд решения принимал с общего согласия всех его членов и по большинству голосов[390].

Сельские (аульные) суды существовали в каждом сельском обществе. Сельский суд составлялся из судей, избираемых сельским сходом. Судьи избирались на 1 год. Председательствовал на суде кто – либо из судей по выбору. Наказания, к которым сельские суды могли приговаривать: денежный штраф до 3-х рублей, арест до 7 дней, общественные работы до 6 дней. Решения и приговоры сельских судов составлялись письменно и объявлялись большей частью на арабском языке. Жалобы на их решения передавались в Горский словесный суд в течение месяца. В решении уголовных дел, согласно правил от 18 декабря 1870 года, Горский суд определял «…по совести– степень виновности обвиняемого, по обычаю – количество вознаграждения, следующего потерпевшему от преступления, и по закону – следующее виновному наказание»[391].

В равнинных районах Грозненского и Хасав – Юртовского округов, в Кубанской области были учреждены аульные суды, а в Аргунском и Веденском, а также в горной части Грозненского и Хасав – Юртовского округов вводились участковые суды. Те и другие рассматривали одинаковый круг вопросов: в их ведение передавались уголовные дела по маловажным преступлениям, совершённым в пределах территории сельского общества. Более важные уголовные дела разбирались окружными словесными судами[392].

В Терской области ведомству горских словесных судов подлежали дела, возникавшие между горцами. Кроме того, горский суд мог приступить к разбору дел в качестве суда третейского в случае обращения

к нему обеих тяжущихся сторон, даже если одна из них не относилась к горскому населению. В горских судах отсутствовали присяжные поверенные, адвокаты и защитники. На основании параграфа №66 изданных 18 декабря 1870 года временных правил для Горских словесных судов Терской области, данные суды выносили решения и приговоры окончательные и неокончательные. На последние разрешалось подавать апелляционную жалобу начальнику Терской области[393]. Первоначально для горских судов Терской области в качестве апелляционной инстанции 29 мая 1862 года был образован Главный народный суд, состоявший из председателя, 3 кадиев, 8 депутатов, 1 делопроизводителя, 4 переводчиков и 2 писарей. На приговор горского суда, когда штраф составлял до 30 рублей, арест не свыше месяца, никаких жалоб не допускалось[394]. Все решения Главного народного суда принимались большинством голосов и передавались на утверждение начальнику Терской области. Постепенно принятие апелляционных решений напрямую перешло к начальнику области.

Работу терских судов затрудняло то, что никакого надзора за личным составом их не велось, над судьями не было установлено никакой дисциплинарной власти. Такой порядок не способствовал выработке профессиональной этики, столь необходимой в судейской службе[395]. Обязательное участие в народных судах административных чинов часто нарушало понятие не только о народном, но и вообще о суде, т.к. дела в них решались под давлением казённых чинов. По заявлению председателя Грозненского горского словесного суда, нередко наблюдались случаи подкупа судей, особенно в сельских судах, где взятки начинали отсчёт с 5 копеек. Сторона, желавшая выиграть дело в сельском суде, обычно подходила к судейскому столу, незаметно бросала за воротник судье, как бы не замечавшему, небольшую монету и после этого уже ожидала благоприятного для себя решения суда[396]. По заявлению председателя Грозненского горского словесного суда, а также председателя Веденского горского словесного суда, желающие попасть в депутаты не жалели ни обещаний, ни угощений, ни денег. На подкуп выборщиков затрачивалось по несколько сот рублей. «Баллотировка, – говорил один из очевидцев, – походит на продажу с публичного торга выгодных должностей депутатов горского суда»[397]. При таком составе судов само судебное разбирательство являлось ненужной формальностью: исход дела предрешался вне суда, в ближайшей кофейне. Такой суд деморализовал, развивал сутяжничество, убивал веру в правосудие и подрывал авторитет

судебной власти. Один из правоведов того времени так охарактеризовал положение судебной части на Северном Кавказе: «Если определять достоинства суда исключительно степенью его дешевизны для казны и для тяжущихся, то горские и народные суды близки к идеалу…»[398]. Когда судьи в народные суды стали назначаться администрацией, была потеряна вера в справедливость суда[399]. Горские словесные суды было бы правильнее назвать, по их сути, административными судами[400].

По свидетельствам очевидцев того времени у чеченцев было 3 суда: уголовный – Окружной, Горский словесный суд и не признаваемый законами народный суд (суд кровной мести)[401]. В управлении Аргунского округа, в лице председательствующего в суде, в начале 60-х годов XIX века была сконцентрирована большая власть. Этот судья пользовался уважением у народа, так как при судебных разбирательствах использовал свои обширные знания законов и обычаев. Криминогенная обстановка на подведомственной ему территории оставалась спокойной[402]. По существовавшим правилам, председательствовали в горских и народных судах первой степени начальники округов или участков. В действительности же нередко эти должности занимали другие лица. Например, в Грозненском горском суде председательствовал неоднократно подпоручик, мусульманин – командир сотни милиционеров. Председатели горских судов жаловались на тяжесть совмещения в одном лице: расследования преступлений, судебной оценки, добычи улик и исполнения приговора. Самые добросовестные из судей глубоко сознавали свою беспомощность в судебном деле и крайне им тяготились[403].

Во всеподданнейшем отчёте за 1881 год, начальник Терской области сообщал о неудовлетворительном отношении горского населения к судебным и мировым учреждениям, не соответствующим по своему делопроизводству понятиям и характеру горцев. На полях данного отчёта император начертал «Меня не удивляет»[404].

Общеевропейские принципы пореформенного российского права оставались непонятными и чуждыми подавляющему большинству коренного населения Северного Кавказа[405]. В общинах разворачивалась традиционная правовая жизнь, её участники заключали сделки, разрешали споры и при этом мало интересовались, как относятся к их обычаям царь и его окружение[406]. По горскому закону «кровь смывается кровью». Арест убийцы царскими властями и смерть виновного в тюрьме или в ссылке часто не засчитывалась в счёт кровной мести. Если арестованный преступник погибал в неволе, что случалось со многими

осуждёнными горцами, кровная месть часто переносилась на ближайшего его потомка или родственника с отцовской стороны[407].

Особенностью обычного права чеченцев и ингушей является то обстоятельство, что присвоение чужого имущества, совершённое путём кражи, грабежа, объединяются в единое понятие «воровства» и во всех случаях наказываются возвращением похищенной вещи или выплатой стоимости её в двойном размере[408].

Издавна в Чечне было два рода суда: по шариату и по адату. Суд по адату принадлежал избираемым посредникам; по шариату же могли судить только муллы и кадии. Каждый имел право избирать род суда по своему желанию. Имам Шамиль запретил суд по адату в своих владениях и повелел, чтобы каждый мусульманин судился не иначе, как на основании шариата[409]. Под шариатом подразумевалось мусульманское право, основанное на общих правилах и положениях ислама, изложенное в Коране. Действие шариата на Кавказе по российским законам было ограничено главным образом религиозными и семейными делами. Горцы, приверженцы шариата, стремились к полной отмене действия адатов в практике горских судов[410].

Основными источниками обычного права являются обычаи (адаты), мировые соглашения (маслагаты), решения и постановления народных собраний – правовые нормы[411]. Термин «адат» – арабского происхождения. Общим, родовым понятием адата нужно считать обычай, живущий в народном придании – как способ решения судебных дел. По чеченскому сборнику 1864 года маслагат состоит в «миролюбивом окончании дел» – медиаторским судом. «Маслагатное» решение по обычаю немедленно исполняется и не принимается на апелляцию ни адатом, ни шариатом[412]. В конце сборника адатов чеченцев Нагорного округа, составленного на основании показаний почётных стариков, находим следующее сообщение: «…Вообще народ, и в настоящее время, видя необходимость, примеряясь к положению жизни общества, изменяет который – либо из старых адатов, охотно делает это; в таком случае дело нашей власти постепенно указывать народу на необходимость изменения и давать должное направление имеющим составить народным постановлениям»[413]. Чиновники также считали, что «…В мусульманском крае полезно поддерживать суд по адату, народному обычаю, против шариата, суда духовного, дающего преобладание фанатичного духовенства; но подчинение христианским гражданским законам равняется для туземца насилованию на каждом шагу его веры, связанной с самыми

мелочными обычаями жизни»[414]. Зародившись в недрах социально однородной группы, обычай и обычное право благополучно переживает эпохи общественной диффиренсации, когда коллективная организация даёт трещины, а коллективное сознание сталкивается с фактическим появлением в группе различных слоёв и прослоек с их уже частными интересами, особыми целями. Норма обычного права – «живая норма». Она действительна и действует, покуда её помнят, подтверждают и переподтверждают, точно воспроизводят, понимают и разъясняют с целью применения в соответствующих ситуациях. Запоминается прежде всего то, что ближе, понятнее, важнее и актуальнее[415]. Отсутствие письменности и необходимость поддержать устные культурные традиции привели к расцвету бытового фольклора, через который люди усваивали нормы обычного права, так же как и другие социальные ценности того времени. Речь идёт о пословицах, поговорках, притчах, ярких, художественно образных, мягко доступных каждому человеку. Каждому спорщику фольклор даёт шанс найти в пословицах нужную ему аргументацию, чтобы, подобно современному адвокату, блистать на суде эрудицией и остроумием, взять верх над пусть даже правым, но ненаходчивым и не бойким на язык оппонентом[416].

По «Положениям» 19 февраля 1861 года крестьянам, проживавшим в центральных регионах России, разрешалось руководствоваться своими обычаями при регулировании наследственных имущественных отношений, дел, связанных с опекой и попечительством и т.д. Признание за обычаями силы действующих юридических норм породило насущную необходимость изучения правоотношений. Крестьянство, изолированное от регулирующего влияния норм государственной власти, само выработало целый строй правовых отношений[417].

История права начинается задолго до того, как появился первый закон или первые письменные памятники права, так что историю права нельзя сводить к истории законодательства. Нормы обычая, как и все другие правовые нормы, выражали разрешения и запреты, стимулировали, с одной стороны известные действия, а с другой – вносили элементы ограничений в поведение групп и индивидов. Традиционные формы передачи социальной информации несли в концентрированном виде общественный опыт, собираемый многими поколениями по крупицам и потому казавшийся людям тех эпох чрезвычайно ценным[418]. Правовая система есть некоторая тотальность, обязанная своим существованием государству, в полной мере зависимая от него в своём функционирова-

нии и развитии. Идею государственного права многие отвергают, как говорится « с порога». Свидетельства о существовании правовых или квазиправовых норм в обществах, где ещё не было явно выражено политической организации, неизменно интерпретируют по схеме « в этом обществе права нет, потому что там не было ещё государства»[419].

На Кавказе, после установления российской власти, также существовали подобные предубеждения. Однако вскоре сама жизнь заставила чиновников заняться пристальным изучением обычного права горцев. А.Ф. Кони был первым, кто обратил внимание на своеобразие судебных порядков горцев Северного Кавказа, сложившихся под влиянием различных обстоятельств, прежде всего бытовых условий. Он доказывал, что положение Имперского судебного устава вступает в явное противоречие с вековыми обычаями горцев. А.Ф. Кони – один из активных проводников судебной реформы в России, законодатель, теоретик и практик в области юридической науки – не мог не знать и о других недостатках узаконенных судов на Кавказе. Так, он считал недопустимым практиковавшиеся здесь соединения в лице одного мирового судьи судебных и следственных функций[420].

Необходимо отметить, что российская администрация на Северном Кавказе предпринимала значительные усилия по систематизации адатов и сведению их в сборники, тем самым рационализируя их. Как свидетельствовал Ф.И. Леонтович, в конце 60-х годов XIX века в горских обществах уже были изданы сборники адатов, по ним разбирали дела в народных судах[421]. Русским чиновникам приходилось иметь дело с решениями низших судебных инстанций по адатам, мало или вовсе им не известным – следовательно, принимать на веру решения по обычному праву, без строгой проверки. Окружные суды рассматривали дела, переходившие по апелляции из горских судов, что также требовало знания адата и шариата. В связи с чем, во второй половине XIX века Горским управлением вёлся активный сбор информации об адатах горцев[422].

Через военно – народное управление сельские словесные суды были включены в единую судебно–административную систему Российской империи. Адат из системы местного права превратился в составную часть государственного биюридического уголовного законодательства[423]. Горские суды Терской области составляли первую судебную инстанцию и являлись по своему строю установлениями судебно–административными. В Терской области не имелось второй судебной инстанции; жалобы на решения горских судов приносились начальнику области. Для

окончательного решения, дела направлялись через Штаб Кавказского военного округа к наместнику на Кавказе[424].

Адатное и мусульманское право народов Северного Кавказа занимало определённое место в правовой системе православного государства, они были формально институционизированы и стали частью государственного законодательства. Государственная власть признала и считалась с действием на Кавказе мусульманского права, однако связывала его компетенцию с отношениями мусульман только в сфере семьи, брака, наследства и религиозных дел[425].

Стремление оправдать колониальную политику царизма на Северном Кавказе сводилось к формуле: « цивилизовать горские народы, прекратить их хищнические набеги, представляющие постоянную и значительную угрозу для русских поселений на Кавказе». Складывались легенды о дикости горцев и неспособности их создать «настоящее государство». К рассказам о грабежах и набегах горцев нужно относиться с крайней осторожностью. Следует помнить, что Кавказская война была в значительной мере войной партизанской и что происходившие в действительности набеги (немало их оказалось и просто выдуманными) являлись именно такими партизанскими действиями. Исключение составляли лишь набеги, практиковавшиеся горскими феодалами и чрезвычайно близкие по своему характеру к хищнической деятельности баронов западноевропейского средневековья. Наконец, необходимо иметь в виду, что набеги производились и царской армией, и в особенности поселёнными на линии казаками[426]. По воспоминаниям войскового старшины А. Ржевуского, набеги казачьи то и дело сокрушали жилища врагов и нередко, вместе с пленением людей, один и тот же скот переходил из рук казаков в руки горцев и обратно, по несколько раз[427]. Для поддержания порядка на Кавказе предлагали разоружить не только горцев, но и нестроевых казаков[428]. Одной из причин для этого послужило распространение пьянства среди казачьего населения после завершения многолетней войны с горцами. В 1895 году станичные общества Александровской, Самашкинской и Вознесенской станиц Сунженского отдела вынуждены были составить общественные приговоры о закрытии в данных сёлах всех питейных заведений[429]. Нарушение нравственных устоев среди казачьего населения не могло не отражаться и на строевых частях, в которых преобладающим видом преступности стало посягательство на чужую собственность[430]. Расхищаемое казённое оружие расходилось по рукам «лихих людей»[431].

Одним из способов борьбы с преступностью было разоружение населения Терской области, в основном оно касалось только горцев[432]. В 1882 году вступили в силу «Правила ношения оружия туземцами в пределах Терской области». По этому распоряжению в пределах всей Терской области горцам запрещалось появляться с оружием, как огнестрельным, так и холодным: в городах, окружных центрах, укреплениях, станицах, посёлках, слободах, на почтовых дорогах. Изъятие из Правил допускалось только в отношении состоящих на действительной службе офицеров, числящихся в армии или милиции и лиц, получивших свидетельства на право ношения оружия у начальника округа. У нарушителей оружие отбиралось и его превращали по протоколу в лом, затем документы передавались в Окружное управление[433]. Помимо этого в Терской области длительное время действовал запрет на поселение горцев в Грозном и слободах: Воздвиженской, Шатое и Ведено. Им также запрещалось приобретать недвижимость в указанных населённых пунктах. Исключение делалось только для горцев, состоящих на государственной службе или вышедших в отставку в офицерских чинах[434]. В 1891 году начальник Терской области ввёл запрет на проживание горцев одной национальности на землях горцев другой национальности. На основании этого запрета местные власти силой снесли часть горских хуторов. Ещё через два года власти Терской области получили право в административном порядке высылать в Восточную Сибирь лиц, подозреваемых в краже лошадей и скота. Кроме того, горцам – чеченцам не разрешалось совершать деловые поездки за Терек и Сунжу[435].

На основании Устава о паспортах и беглых «никто не мог отлучиться от места своего постоянного жительства без узаконенного вида или паспорта». Паспортная система являлась средством финансового и полицейского контроля, она нарушала права человека, т.к. перемена местопребывания – есть, прежде всего, акт свободного самоопределения каждого и касался только индивида, не имел никакого отношения к деятельности правящей власти. По вердикту властей, лицо, желавшее изменить место своей осёдлости, обязано было предоставить увольнительный приговор из одного податного общества и получить согласие на приём от второго. Беглым называлось лицо, отлучившееся с места своего постоянного жительства без узаконенного вида и без разрешения своего общества или правительства[436].

В 1895 году система регистрации населения была усовершенствована. Бессрочные паспорта получили дворяне, чиновники, духовенс-

тво, почетные граждане и разночинцы. Паспорта не выдавались лицам, состоящим под надзором полиции, подвергшимся судебным ограничениям; цыганам, не имевшим оседлости; и немощным калекам. Особые удостоверения личности на специальной бумаге выдавались офицерам и чиновникам запаса. Нижние воинские чины при своем перемещении обязаны были приписываться в полиции. Помимо паспортов полиция выдавала паспортные книжки, плакатные паспорта, письменные виды, билеты, временные свидетельства о личности в зависимости от сословной службы, религиозной и даже этнической принадлежности граждан[437].

На Кавказе, в послевоенный период паспортный режим был намного жёстче, чем в российской глубинке. Сельские общины были повязаны круговой порукой и все несли наказание, если один из членов совершал преступление, или подозревался в его совершении. В силу этого немногие общества решались дать открепительный лист своим сородичам, опасаясь дальнейшей коллективной ответственности (которая могла закончиться полным уничтожением села властями) за поступки своих односельчан. Вся Терская область во второй половине XIX века была просто наводнена войсковыми подразделениями, укреплениями, постами. Чтобы совершить разбойное нападение или грабёж казачьих поселений чеченцам, например из Шатоя или Ведено необходимо было бы не одни сутки (в силу обширности территории) добираться до казаков, пряча оружие, запасшись необходимыми документами, дабы не вызывать подозрений у властей, тратя деньги на долгую дорогу и пропитание, а затем совершить тот же путь, но уже с отарой овец или стадом коров, что требовало ещё больше усилий. Условия существования в тот период были столь сложны, что проделать этот головокружительный трюк с воровством было крайне сложно и опасно, «овчинка не стоила выделки», легче было бы ограбить соседних грузин или дагестанцев. Но этого не происходило. Дело в том, что чеченский менталитет накладывал строгий запрет на грабёж и воровство. Чеченцы пойманного вора приводили к мечети, где кадии и старики наказывали виновного лишением земли и строений и изгнанием его навсегда из родного села[438].

Всегда оставались незыблемыми вечные истины Корана. Так, пророк Мухаммед сказал: « Перестаёт быть мусульманином совершающий убийство»[439]. Много внимания и Библия уделяет соблюдению законов всеми, что может относиться и к любому участнику уголовного процесса: «Ибо не слушатели закона праведны перед Богом, но исполнители

будут объявлены праведными. Закон же порождает гнев, но где нет закона – нет и преступления»[440].

По мнению современников той эпохи: « Воровство совершалось горским населением не столько из дурных инстинктов, но столько и потому, что, по понятиям их, оно, скорее – проявление удали и молодечества, чем злой воли»[441]. Как правило, в послевоенный период все преступления в области приписывались горцам. Травля велась и в печати. Неизвестный корреспондент вынужден был признать, что 99% содержания статей, заметок, корреспонденций были посвящены вопросу о разбоях[442]. Однако некоторые другие корреспонденты всё-таки выступали в защиту горцев, против навязывания им всем, поголовно, образа разбойника и бандита, но такие авторы всегда вынуждены были прятать свои имена под псевдонимами, т.к. их взгляды не совпадали с проводимой официальной политикой властей. Ом (псевдоним) в статье «Кавказская хроника» писал: «Некоторые господа, из породы мелкотравчатых, добровольно принявших на себя роль кликуш, утверждают, что разбои на Северном Кавказе не что иное, как результат гуманного отношения к туземцам местной администрации, что туземец преступен по натуре своей, что для него нужны не гуманные мероприятия, а ежовые рукавицы и т.п. Твердя беспрестанно и пугливо слово «туземец», кликуши, однако, не указывают, которая из туземных народностей наиболее преступна, какой народ выдвигает в настоящее время преступников. Не малый процент преступников в Терской области выдвигают русские. Тут уж, вероятно, и кликуши не дерзнут сказать, что преступления совершаются этими людьми по призванию. Преступления эти являются продуктом крайне ненормальных, существующих социальных условий. Необходимо улучшение следственной части, а также состава сельской полиции»[443]. В одной из Петербургских газет в конце 90-х годов XIX века появилась присланная с Кавказа статья, пытавшаяся дать делу о разбоях несколько новое освещение, да и то больше полусловом и намёком. Автор старался показать, что умножение разбоев есть дело своеобразной интриги, исходящей из среды недовольных новой административной системой края. Есть, по словам автора, и среди туземцев, и среди чиновников даже не мало людей, умеющих ладить с беспокойным элементом края путём разных поблажек и соглашений, а, следовательно, и обладающих секретом, как можно сокращать разбои или давать им простор. Когда эти люди недовольны, то прибегают к терроризированию населения, как к своего рода оппозиции[444].

Ф. Гершельман, 8 лет служивший на Кавказе, пришёл к выводу, что грабежи являются прямым следствием общего неустройства края[445]. Г.М. Туманов, также долгие годы работавший на Северном Кавказе не сомневался, что рассказы о преступности преувеличены. В своей работе « Разбои и реформа суда на Кавказе» он писал: «Утверждать, что в натуре кавказца более элементов преступности, чем у других народностей, было бы слишком смело, просто абсурдно. В представлении европейца пылкий испанец или итальянец является более склонным к злодеяниям, чем рассудительный француз, а француз, в свою очередь – более беспокойным элементом, чем холодный норвежец или немец. Там, где осторожный северянин ограничился бы ловким подлогом, кражей или отравлением, там экспансивный южанин прибегает к грубому насилию: к грабежу, ранению, убийству. Но и в том и в другом случае преступление остаётся преступлением. Достойно внимания и то, что некоторые аграрные преступления на Кавказе создаются недостатками закона»[446].

Не смотря на нагнетание страстей вокруг вопроса о грабежах и разбоях горцев, статистика показала несколько иную картину, представив Терскую область как одну из самых благополучных в криминогенном плане. В предреволюционные годы Терская область имела наименьшую преступность из всех кавказских губерний и областей[447]. Если в 1874 году в области было совершено 252 преступления, то уже к 1875 году эта цифра снижается до 176[448]. Цифровые данные о судимости и о кражах скота указывают на уменьшение числа преступлений. В 1893 году в Терской области было зафиксировано 213 краж скота, в 1894 году – 45, а в 1895 году – 121 кража. На 1893 год приходится 340 краж лошадей, к 1894 году этот показатель уменьшается до 171, а к 1895 году снова увеличивается до 205[449]. В 1896 году общее число осуждённых в Терской области, по сравнению с предыдущим годом, уменьшилось на 3141 (33,8%), причём в горских судах на 47,2%[450]. На показатель уровня преступности в регионе сильно влиял постоянно увеличивающийся поток переселенцев, далеко не всегда работящих и законопослушных. Мигранты в основном поселялись на равнине и в городах. В 80-х годах XIX века в Грозном впервые появились нищие, выросла преступность. Один из корреспондентов «Терских ведомостей» писал в 1877 году: «До 1869 года на Сунже не было нищих, теперь они бродят целыми компаниями»[451].

До 1835 года практиковался перевод в казачье сословие всякого рода бродяг из числа беглых помещичьих крестьян и прочих лиц, «не помнящих родства». В 1831 году был издан Указ, который предусмат-

ривал, что «…из Кавказской области…бродяг здоровых, способных работать, не старше 25 лет, отсылать на Кавказскую Линию для отдачи в работники к казакам».

В Терской области проживало большое количество военных. В годы Кавказской войны эта категория граждан, в основном под действием спиртных напитков, нередко провоцировала совершение преступлений, а также и сама нарушала закон. В условиях мирного времени армия стала еще более «разлагаться», а многие ее чины – деградировать. Русскую пореформенную армию современники оценивали как «школу пьянства». Господствовало мнение, что алкоголь повышает храбрость и укрепляет силы в походной жизни. Алкоголизм в армии поддерживало неукоснительно соблюдавшееся правило выдачи казенных винных порций. Поскольку выдача денег в армии производилась одновременно с подношением чарки, «трезвенники» подвергались насмешкам товарищей. Медицинские комиссии констатировали, что «в русской армии все нижние чины более или менее пьют». Для офицера же выпить положенную ему высочайшим жалованьем чарку водки считалось едва ли не служебным долгом. Господствовало неписаное правило, что офицеру, неспособному к питию, и служить не стоит, так как он не справляется со своими должностными обязанностями. Неудивительно, что заболеваемость алкоголизмом среди офицеров была в 30 раз выше, чем у солдат[452].

С ростом промышленности и торговли в крае увеличилось число экономических преступлений, появился рэкет. По свидетельствам современников: «Если вы заводите на Кавказе какое–либо промышленное предприятие, к вам через некоторое время доставляется по почте “окладной лист”, в котором обозначено, сколько вы должны платить местной разбойничьей банде за свою личную и имущественную безопасность. А затем к вам пожалует и лично депутат от банды за данью»[453].

Бессилие власти в предупреждении преступлений, в раскрытии и в поимке преступников заставляло население прибегать к самообороне и самосуду. Поэтому процветание самосуда в виде кровной мести можно было поставить в вину не только населению, но и слабости местной власти, вследствие её недостаточной организованности. По мнению одного из современников «…следовало бы признать за аксиому, что не может быть правильного правосудия там, где судьи изображают из себя глухонемых, т.е. не знают ни местного языка, ни местных обычаев, ни веры, ни своеобразных условий местной жизни»[454].

5. Установление системы осуждения и наказания коренных жителей

Общая стоимость содержания и пересылки административно-ссыльных и их семей в Российской империи ежегодно составляла 444 060 рублей[455]. Чеченец Ахмат-хан Баев из Шатоя, побывавший по суду за «кровные дела» несколько лет в Сибири, искренне говорил, что там ему жилось лучше: «Работа есть, деньги есть». Он сожалел, что чеченец не имеет выхода на русские просторы[456]. Император, по положению Кавказского комитета от 28 ноября 1863 года разрешил ссылаемым в Сибирь на водворение уроженцам Кавказа выдавать ежегодно по 57 рублей 14/2 копейки на довольствие. Руководство Сибирского края добилось того, чтобы данная сумма выплачивалась не всем ссылаемым горцам, а лишь тем, которые не могут зарабатывать себе средства на жизнь по болезни или дряхлости[457].

Горцев чаще других жителей области высылали в отдалённые российские губернии и Сибирь. Высылка из края была введена в 1868 году по распоряжению главнокомандующего Кавказской армией. Это наказание применялось к признанным виновными в таких преступлениях, за которые по Уложению о наказаниях полагались каторжные работы или ссылка на поселение. Каторжные работы заменялись обыкновенно ссылкой в Сибирь навсегда, а ссылка на поселение – высылкой во внутренние губернии России на срок[458].

В имамате Шамиля существовало два аула, в которые ссылались люди, подлежащие смертной казни за свои преступления, но которых Шамиль не хотел этому подвергать, исходя из уважения к прежним заслугам – аул Читль, который считался «Шамилевской Сибирью» и был расположен на высокой горе, где была самая длинная зима в Дагестане и почти не проглядывало солнце. Там же размещалось и несколько семей, освобожденных от воинской службы и обязанных охранять ссыльных. Вторым местом ссылки являлся аул Акнада. Прапорщик И. Загорский, бывший в плену, сообщал следующее: «Все наказания приводят в исполнение с величайшей точностью и нужно сказать правду, что преступления становятся очень редки. Теперь через всю страну, над которой распространяется власть Шамиля, можно смело одному человеку провозить тюки золота без опасения лишиться их»[459].

Начали ссылать «вредных и преступных жителей из туземцев» царские власти ещё в 1862 году, осуществлялось это административным

порядком, по соглашению с наместником на Кавказе. Высылались горцы преимущественно в Тульскую, Рязанскую, Калужскую, Новгородскую и Псковскую губернии[460]. В1864 году главнокомандующий Кавказской армией предложил вместо ссылки определять горцев на службу в действующие войска вне Кавказа на срок от 4 до 10 лет. Таким образом, руководство хотело сэкономить средства и установить спокойствие в крае, т.к. большинство горцев считало, что у них состава преступления не было, т.к. они действовали по обычаям, из-за удальства или, пытаясь сохранить свою честь или честь своей семьи, рода. Однако вскоре выяснилось, что отдача лиц гражданского ведомства за преступления в военную службу окончательно отменена ещё в марте 1860 года. По мнению Гос.Совета « ..Армия не может быть местом ссылки и наказания для преступников». В силу этих причин осуждённых горцев стали отдавать в арестантские роты гражданского ведомства; или ссылать их в Сибирь, или же использовать их на государственных работах: проведении Ладожского канала, очищении форваторов судоходных рек, проведении шоссейных дорог[461]. Главнокомандующий мог по представлению начальника области высылать подозрительных лиц за пределы Кавказа на основании ст.478 Свода военных постановлений. И только 8 марта 1868 года наместник Кавказа ввёл порядок, по которому при назначении горцам видов и сроков ссылки следовало руководствоваться Уложением о наказаниях[462]. Высылка, не смотря на то, что она признавалась во всех европейских кодексах, а также упоминалась в Уложении о наказаниях – наказанием, и притом довольно крупным – в России не считалась. Её чаще называли полицейской мерой, принимаемой для предупреждения повторного преступления. При этом, конечно, забывали, что ссылка для многих являлась карой равной даже смертной казни – из-за болезней, климата, языкового барьера, отсутствия средств к существованию[463]. Когда горцев выселяли из области за проступки, числящиеся за ними недоимки должны были выплатить правительству оставшиеся их сородичи[464]. Только в 1875 году издержки по переселению горцев из Терской области в другие регионы были отнесены на счёт государственной казны, а до этого времени ссыльные терпели многочисленные бедствия на пути к месту несения наказания. В 1893 году на Терскую область были распространены правила об административной высылке в Восточную Сибирь лиц из горского населения, обвиняемых или подозреваемых в кражах лошадей, скота или другого имущества[465]. В правилах по административной высылке должны были быть указаны местности,

куда ссыльные должны быть водворяемы, способы их передвижения к местам высылки, пособия, которые они получали бы при поселении на новом месте и при следовании в пути[466].

Довольно часто осуждённые, не дождавшись разрешения вернуться на родину, самовольно покидали места лишения свободы. Горцы, проработавшие на каторге в Табольской губернии по 8-10 лет бежали через необозримые киргизские степи в Бухару, оттуда отправлялись в Ташкент и Мешед. Попавшие хоть раз в киргизские палатки беглецы уже считали себя вне опасности. Возвратившиеся через Среднюю Азию на родину горцы в большинстве случаев вели себя тихо и скромно, рассчитывая исходатайствовать себе помилование [467]. Через год-два пребывания на каторге горцы совершали многочисленные побеги не только из Сибири, но даже с острова Сахалин. Сибирская железная дорога значительно облегчила и ускорила возвращение беглецов на Кавказ[468].

Родственники, переживая за своих близких, обращались в различные инстанции с прошениями о помиловании. Император Александр II иногда давал такое разрешение на досрочное завершение сроков наказания горцев. В 1870 году в Курскую губернию, под надзор полиции были высланы Дуда Базукаев, Тепсурко Борзукаев и Мурад Лечиев. Жители села Старый Юрт составили приговор сельского общества, в котором поручились за будущее добропорядочное поведение высланных односельчан и ходатайствовали о досрочном возвращении их на родину. Весной 1873 года император разрешил вернуть осуждённых домой[469]. Также были помилованы жители села Азамат-Юрт – Шека и Уздемир Дусаевы, высланные в Иркутскую губернию, на поселение, за убийство (кровомщение) односельчанина[470]. В связи с бракосочетанием Николая II, он даровал в 1894 году: «Туземцам Кавказа, высланным по распоряжению главного Кавказского начальства за совершение обще уголовных преступлений, водворённым в Сибирь и Европейскую Россию, при условии одобрительного поведения в ссылке: для высланных бессрочно – по истечении 12 лет, а для высланных в срок, превышающий 5 лет со времени ссылки – право избрания места жительства, за исключением столиц, столичных губерний и Кавказского края, разрешение на жительство, которое будет зависеть от главного Кавказского начальства»[471]. Существовали и другие поводы, в результате которых осуждённые горцы попадали под амнистию или их положение в местах лишения свободы значительно улучшалось. Например, в 1866 году наместник Кавказа, «...желая день рождения великого князя Александра Михайловича озна-

меновать особой милостью», приказал Терскому областному прокурору освободить из тюремного заключения всех осуждённых, у которых остался один год до окончания срока наказания[472].

Российское государство создало на Северном Кавказе тюрьмы и арестантские комнаты. Началась практика ареста виновных с учетом особенностей горской жизни. К примеру, если срок тюремного заключения приходился на время проведения сельскохозяйственных работ, то осужденный или его родственники могли обратиться в суд с просьбой об отсрочке отбывания наказания до окончания полевых работ[473]. В 1876 году в Терской области насчитывалось уже 6 тюрем, в частности, в таких городах, как Кизляр и Георгиевск. В этих учреждениях служила специальная тюремная полиция, находившаяся под надзором областного правления[474]. В области действовал «Владикавказский губернский попечительный о тюрьмах комитет», возглавлял который сам начальник Терской области, генерал-адъютант Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Также тюремные комитеты существовали в Моздоке, Хасав-Юрте, Ведено и Шатое[475].

К сожалению, российские тюрьмы по санитарно-гигиеническим условиям содержания заключенных не соответствовали самым необходимым требованиям. Например, переполнение тюрем достигало 24%, до 5 арестантов приходилось иногда на 1 место. Не менее острой была проблема состояния тюремных зданий. Ветхость стен, сырость, затхлость воздуха, антисанитария – характерные признаки многих тюрем того времени. Выделяемые на содержания тюрем средства, как правило, не превышали 50-60% от необходимых сумм. Однако правительство предпочитало жестко экономить расходы на содержание заключенных.

Следует сказать, что в тюремной практике широко применялись меры несовместимые с понятием человеческого достоинства: бритье половины головы (каторжникам – правую сторону, осужденным на поселение и бродягам – левую), телесные наказания, кандалы и пр. Необходимо отметить также, что перевоспитание преступников осуществлялось не только силовыми (карательно-репрессивными) методами. Нравственное (религиозное) воспитание также имело место. Большое значение придавалось также трудотерапии, что требовало обеспечения арестантов работой. Кроме того, арестанты могли освоить какую-либо полезную в обществе специальность[476].

Давно необходимая тюремная реформа была проведена только в 1879 году. Главное тюремное управление было создано в составе Ми-

нистерства внутренних дел. Это управление стало высшей административной инстанцией во главе региональных тюремных учреждений. Оно должно было способствовать единообразию практики наказаний на всей территории огромной империи. Административное управление тюрьмами на среднем уровне принадлежало губернским, областным и городским властям, которые обязаны были содействовать благоустройству мест заключения и контролировать выполнение решений правительства относительно содержания арестантов. Особую группу мест заключения составляли крепости. Здесь действовали военные законы. Для казачьих областей были характерны войсковые тюрьмы. К 1 января 1882 года общее число всех содержащихся в местах заключения Российской империи составило 94797 человек[477].

Коллективная ответственность горского населения за кражи скота, убийства и разбой существовала наряду с личной ответственностью. За названные преступления наказывалось все сельское горское общество, в том случае, если преступление было совершено на его территории или к селению вели следы. Такая практика в регионе применялась длительный период. В 1902 году она была отменена частично и лишь в 1907 году – полностью[478].

Вместо того чтобы вдаваться в отвлечённые или оценочные суждения о самодержавии – нам важно осознать, какие гражданские возможности были воплощены в имперской правовой системе. Может ли закон служить опорой гражданства, когда его содержание различно для разных людей? Этот роковой вопрос возникал на протяжении всей истории России… Законы империи кодифицировали правила общественных отношений, определяя права и обязанности подданных через их коллективный статус. Индивид имел возможность на законных основаниях участвовать в важнейших аспектах общественной жизни только благодаря своей принадлежности к той или иной общности (с её конкретными правами и обязанностями). Таким образом, простые люди, как и представители элит, обладали правами в силу своей принадлежности к определённой категории подданных. Имущественное законодательство Российской империи наглядно демонстрирует всеобъемлющую идею самодержавия: воля Государя есть источник права, а законы империи отражают преимущественное право собственности императора на все ресурсы державы. Именно эта прерогатива самодержавия и её огромное влияние на политическое и социальное развитие страны – по сей день привлекает внимание историков.

Империи – это государственные устройства, в которых одна этническая группа устанавливает и сохраняет контроль над другими этническими группами в границах определённой территории. Это воинственные государства. Их границы – военные, они расширяются или защищаются скорее силой оружия, нежели средствами естественного или культурного свойства (т.е. этнического, расового или религиозного)[479]. Для правителей Российской империи управление сводилось к контролю над ресурсами – территорией и рабочей силой – и поддержанию порядка, который бы гарантировал их безопасность. На первый план в государственной политике России выходил не закон, а таким образом понятое управление. Однако и закон становился необходимым, как только государство начинало претендовать на определение прав и обязанностей людей, населявших его территорию. Для сбора налогов и податей требовалось поддерживать организационные и репродуктивные возможности местного населения. Российское законотворчество в его имперском измерении базировалось на тезисе о том, что каждый народ обладает своими обычаями и законами. Встроить эти особенные обычаи и законы в общую систему управления означало укрепить правопорядок и поддержать производительность труда населения в каждой области империи. Инкорпорирование местных «обычаев» в имперское законодательство также было своего рода сделкой: империя поддерживала на местах правосудие в местном, традиционном понимании в обмен на уплату населением податей и налогов. Однако все права и обязанности были всё – же производными от российских законов – то есть никаких «природных» прав на деле не существовало, или их действия были крайне ограничены[480].

С начала пореформенного периода Кавказ (Предкавказье) превращается в один из основных районов миграции русского крестьянства из внутренних губерний России. Борясь с аграрным перенаселением, правительство вынуждено было специальными законодательными актами 80-90-х годов открыть «клапан» для переключения переселенческого движения в пределы не только Северного Кавказа, но и Закавказья. Уже к началу XX века становится очевидным аграрное перенаселение прежде осваиваемых районов на самом Кавказе. Также, в ходе землеотводных работ по созданию переселенческих участков, власти пренебрегли правовой стороной принятого здесь землепользования, зиждившегося на обычном праве. Таким образом, своей переселенческой политикой правительство вторгалось в сферу земельных отношений местного крес-

тьянства, создавало путаницу и тем самым провоцировало конфликт. В контексте системного кризиса, поразившего Россию в начале XX века, одной из его существенных составляющих стали межэтнические конфронтации. Накопившиеся проблемы социально-экономического, политического порядка нередко являлись той почвой, которая порождала напряжение среди местного населения на окраинах, выплёскивавшееся в разного рода протесты, всё более принимавшие характер межэтнических конфликтов[481].

Мусульманское население Северного Кавказа пользовалось шариатом, однако со временем это стало противоречить стремлению государства к унификации законодательства, характерной для XIX столетия. В это время была проведена грандиозная работа по систематизации российского законодательства, которая, по сути, официально закрепила статус мусульманства и компетенцию его права. Уже в начале XIX века российское правительство, признав легитимность адатского и мусульманского права, включило отдельные комплексы его норм в состав законодательства. Однако российское право сохранило важное преимущество – нормы адата и шариата не применялись, если противоречили имперскому юридическому стандарту. Для мусульман Северного Кавказа сохранение своего права было проявлением государственного благоприятствования и протекционизма. Мусульманское право, безусловно, являясь правом российских подданных, сохраняло эндогенные свойства. Мусульманское право народов Северного Кавказа занимало специальное место в правовой системе российского православного государства. Соприкосновение двух систем повлекло, с одной стороны, коррекцию мусульманского процессуального права, а с другой – не подверглись деформации такие отрасли права как брачно-семейные, наследственные[482]. В эпоху контрреформ 80-90-х гг.XIX в. консервативные тенденции в развитии местной судебной системы были усилены серьёзными изменениями в статьях судебных уставов. Тем не менее, несмотря на все трудности, сопутствовавшие развитию региональной судебной отрасли, анализ статистических данных о деятельности новых судебных органов даёт нам основание утверждать не только о целесообразности существовавших судебных учреждений, но и об эффективности их борьбы с региональной преступностью[483]. Проведение судебной реформы на Северном Кавказе стало важным шагом вперед по пути становления новой судебной системы, основанной на буржуазных нормах и принципах права[484].

Период становления и развития капитализма в России характеризуется значительными изменениями во всех сферах общественных отношений. Был проведен целый ряд прогрессивных реформ, значение которых сложно переоценить. Тем не менее, нельзя говорить однозначно только о положительных результатах реформ. Методы их продвижения на протяжении второй половины XIX века показали, что самодержавное российское государство было не в состоянии обеспечить эффективную реализацию прав и свобод личности, и многие изначально демократические институты так и не были внедрены в государственно-правовую практику[485].

Подведем некоторые итоги

Основной целью реформирования Терской и Кубанской областей конца 60-х начала 70-х годов являлось постепенное устранение отличий от общеимперских административных и судебных стандартов, которые уже не обуславливались особыми обстоятельствами. Фактически это должно было означать распространение действия буржуазных реформ, проведенных Александром II в основной части империи, отказ от особой формы управления («военно-народной») регионом, учреждение обще губернской системы учреждений. Изначально властями предусматривались определенные отступления (изъятия) от общеимперских образцов в предстоящих реформах. Характерной особенностью преобразовательного процесса на Северном Кавказе в указанный период являлось то обстоятельство, что допускаемый на стадии подготовки реформ предел отступлений от российских правовых и административных норм в дальнейшем постоянно увеличивался. В конечном счете, эти отступления оказались очень значительны, поэтому на практике приближение к общеимперским порядкам оказывалось чаще формальным, чем фактическим[486].

Одной из главных причин проведения земельной реформы на Северо – Восточном Кавказе являлось не начало земельной реформы в центральных регионах России, а завершение Кавказской войны и связанное с этим признание всех завоеванных земель казенными. А такой вид перераспределения собственности на земельные угодья, как реформа, способствовал безболезненному изъятию земель и их дальнейшему распределению по усмотрению власти. На Кавказе не было масштабных внутренних причин для крестьянской реформы. Она была привнесена

извне российской администрацией. Цель внедрения капитализма не ставилась, хотя унификация социально-экономического строя этому и способствовала. Непосредственным результатом земельной реформы было введение государственной поземельной собственности и установление фискально-податного порядка.

Земельная реформа на Кавказе разрушала многовековые традиции местного населения. Отчуждая частные земельные владения горцев в пользу казны или общины, государство нарушало свои же правовые нормы о неприкосновенности частной земельной собственности, установленные для граждан Российской империи.. Российскому правительству, естественно, было выгоднее иметь дело не с частным землевладением в регионе, когда в результате государственной конфискации земель могли начаться судебные разбирательства, а с общественными. Иски общественных организаций к государству не могли рассматриваться в юридическом порядке – вся земля объявлялась государственной, а общины ею пользовались по «праву временного владения», срок и условия которого заявлялись властью.

Фактически большая часть населения области была уравнена в своих земельных правах, но значительным препятствием в росте их дальнейшего благосостояния являлось общинное землепользование, ликвидация традиционного для Кавказа многочисленного класса частных собственников. Земля передавалась общине. Общинная собственность не могла отчуждаться (не подлежала купле-продаже). Реформы не преобразовали почвенный уклад, не создали слоя мелких собственников, а законсервировали его, сохранили корпоративность. Опорой политической стабильности государства в регионе являлась корпоративность: крестьянская и казачья община, дворянская корпоративная организация.

Одной из главных политических акций российского правительства по подчинению себе горских народов было выселение их на плоскость и укрепление поселений в стратегически важных пунктах – путем соединения мелких сел в крупные. Таким образом, еще в начале 50-х годов XIX века плодородные равнины по течению Терека были освобождены под заселение их казаками. В Чечне нередко власти уничтожали целые поселения, чтобы заставить переселиться их жителей на плоскость. В новых районах поселений земли правительством отводились только во временное пользование без определения их количества и границ. Очень часто случалось так, что начальство передвигало села с места на место по несколько раз, ввиду «важной административной необходимости» и

всегда при таких же условиях неопределенности и беспорядка. Переселение населенных пунктов, столь удобное в административном и стратегическом отношении, произвело целую социальную революцию внутри жизненных систем горских народов. Жителям гор приходилось приспосабливаться к плоскостным условиям хозяйствования. Постоянные переселения на заселенную равнину способствовали стиранию различий, исчезновению локальных и этнических наименований и распространению общего национального этнического названия. В составе России сложились условия для консолидации прежде разрозненных тейповых организаций и сельских групп в большие сельские общества.

Народы Терской области – чеченцы, ингуши, балкарцы, осетины и др. постоянно испытывали нехватку земли. Русское население должно было не только увенчать покорение края, оно само должно было служить одним из главных средств завоевания; ряды станиц должны были непосредственно двигаться за войсками. Областная администрация находила «свободные земли», которые в течение всего пореформенного периода отводились казачеству, местному и пришлому военно-чиновничьему элементу. Поселенные на равнинах, окруженные со всех сторон станицами, горцы уже почти не представляли для власти опасности. Так, постепенно, в Терской области загоняли вглубь две проблемы – национальную и земельную.

Хотя в пореформенный период число крестьян-общинников на плоскости увеличивалось, первоначальные земельные наделы оставались в прежних размерах. Естественный прирост населения, увеличение числа хозяйств, как за счет дробления больших семей, так и за счет принятия в сельские общества прибывших на постоянное жительство горцев, способствовали еще большему обострению земельного кризиса. Горцы, переселившиеся на плоскость, пользовались правами временно проживающих лиц. Они чувствовали себя здесь далеко не вольготно: выплачивая наравне с коренными жителями земские повинности, отбывая натуральные сельские повинности, они в то же время не имели права на владение установленным паем общественной земли, а при решении общественных сельских дел – права голоса.

Преобладание в Терской области феодально-сословного землевладения (войскового, казачьего, общинно – надельного и феодально – пожалованного) являлось главным препятствием для проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство и на казачьей, и на горской территории. Земельная аренда являлась важнейшим средством

обхода названных препятствий. Развитие арендных отношений внутри горских обществ усиливало размежевание в среде крестьянства, что позволяло говорить не только о росте имущественного, но и социального неравенства у горских народов. Арендные цены на нефтеносные участки были выше, чем на землю занятую под сельскохозяйственные угодья. Аульные общества были лишены права сдавать в аренду нефтеносные участки – земля им предоставлялась не на правах собственности, а только в пользование с правом поверхностной разработки, недра ее считались достоянием казны. Предприниматели вынуждены были выплачивать большие суммы казачьему войску за аренду земли. Это отвлекало капиталы в сельское хозяйство и торговлю, тормозило развитие промышленного капитализма. В Терском казачьем войске с 1877 по 1900 гг. войсковые капиталы увеличились с 400 тыс. до 3 млн. рублей. Это было результатом получения доходов с нефтеносных земель, которые войско сдавало в аренду.

В отдельных случаях правительство сдавало казенные земли в аренду не крупным арендаторам, а горским обществам, существование которых было совершенно не обеспеченно ввиду отсутствия у них удобной земли. Это был один из приемов «умиротворения» горского населения. Предоставляя безземельному горскому населению в отдельных случаях льготы на аренду казенных и войсковых запасных земель, правительство все же не пошло на передачу их в постоянное пользование горцам, хотя бы на общинном праве землепользования – сдача земли в аренду даже по таким ценам давала казне больше доход, чем размер земельного оброка, поэтому эти земли не передавались даже в постоянную аренду, т.к. при новой сдачи цена аренды могла повышаться.

На Кавказе, в ходе земельной реформы, вопрос собственности был ключевым. Империи необходимо было конфисковать чеченские земли и превратить их в казенную государственную собственность, а это можно было сделать только под благовидным предлогом (дабы избежать волнений и кровопролития) – путем ликвидации остатков высших сословий, которые могли мобилизовать общественность. Также для выполнения этой задачи требовалось подтверждение существования только традиционной общественной собственности. В связи с отсутствием потомственных землевладельцев, некому было бы выставить в частном порядке претензии государству по поводу экспроприации и конфискации собственности – вся земля объявлялась государственной и уже раздавалась за заслуги по интересам руководства.

Верховная власть, будучи сама источником закона, связана была им нравственно, а не юридически. Во имя государственной цели законный порядок нарушался самой же властью, с помощью Указов, особых Положений; однако некоторые представители структуры управления считали такие действия аморальными по отношению к гражданам и не считали оправданным нарушение частного права – столпа экономического развития и политической стабильности общества.

Земли у горцев всегда служили предметом гражданского оборота: купли-продажи, залога, дара. Следовательно, такое владение заключало в себе все элементы права полной собственности, указанные в российских законах, т.е. – владение, пользование и распоряжение. Посягательство на пашню, луг или сад коренного жителя Кавказа, было равносильно посягательству на его личную свободу. Для полного сближения обычного права горцев на землю с правом собственности на основании общегражданских законов недоставало, следовательно, лишь формального момента укрепления его за фактическим владельцем в порядке, установленном гражданскими законами.

В 1906 году приказом главнокомандующего Кавказским военным округом от 18 апреля, в городе Владикавказе была образована Комиссия для исследования правового и экономического положения на Северном Кавказе. Собственником земли комиссия посчитала казну, указывая, что у горцев земли никогда не было, и что они ее не желают. Комиссия предположила, что меньшинство владеет землей, но не имеет права на ее недра, только – на поверхность. Высказываясь против права собственности горцев на землю, Комиссия утверждала, что укрепление собственности на Кавказе – совершенно излишняя формальность. По мнению чиновников, тот факт, что население регулярно платило подати государству, указывает на то, что жители фактически признали право государства на землю.

В условиях аграрного кавказского общества, сложившейся социальной стратификации и традиционного права собственности на землю, основанного на трудовой заимке, давности владения, праве сильного, отсутствовало понятие юридического оформления собственности на землю. Это давало возможность Российскому правительству, опираясь на военное превосходство, объявлять предгорные и плоскостные земли Северного Кавказа казенными, но при этом официально не отрицались права коренного населения на эти земли. Администрация, обещая узаконить собственность, постоянно откладывала решение вопроса, создавая для этого различные комитеты и комиссии.

Деморализация и разорение стали естественным результатом отсутствия в крае твердо установленного права собственности. У земли отняли хозяина. Это обстоятельство стало большим тормозом не только для экономики региона, но и для культурного развития страны в целом, а также вызывало осуждение других государств. Нарушение традиционных структур общества ради достижения рациональной общественной организации не принесло ожидаемого благополучия. Произошло отчуждение человека от истории, распадение связи времен. Среди управляющих Кавказом чиновников были лица, понимавшие несправедливость уничтожения кавказских обычаев и нарушение частных прав граждан Российской империи. В 1907 году наместник на Кавказе, И.И. Воронцов – Дашков в своем отчете императору указывал на пагубные последствия уничтожения института традиционных частных собственников на Северном Кавказе.

После завершения Кавказской войны государство не заключало двусторонних договоров с горцами, только прокламации и петиции в одностороннем порядке провозглашали права и обязанности коренного населения Кавказа. В Терской области действовало особое, «военно-народное» управление, однако государственного закона, в котором были бы разъяснены права и обязанности данной категории граждан, не существовало, поэтому царил произвол, и невозможно было подать иск в судебную инстанцию. Население Северо – Восточного Кавказа не только не получило прав, обещанных правительством, но даже во многом было лишено привилегий населения центральных регионов России. Кавказские горцы стали открыто заявлять о своих правах, на конфискованные земли только в начале XX века, на заседаниях Государственной Думы. Однако рассмотрение этих вопросов так и осталось на риторическом уровне.

В пореформенный период в сельской общине чеченцев, как и у других горских народов Северного Кавказа, происходили существенные изменения, связанные с изменением состава самих общинников. Так, например, появилось деление на коренных жителей и пришлых, а управление общиной было взято под контроль царской администрации, стремившейся сохранить общину, как податную единицу, в новых условиях, приспособив ее к ним, чтобы задержать процесс классового расслоения. Во главе сельских общин царской администрацией были поставлены старшины, которые или избирались народом, или назначались властью. Основным признаком вхождения территории в состав

государства являлось не завершение военных действий, а начало сбора податей с населения вновь присоединенных территорий, призыв на военную службу и т.п. Установление фискально-податного порядка было направлено, прежде всего, на получение дохода от налогового сбора с каждого «дыма» (двора). «Подымщина» – система налогообложения, налог с «дыма», действовала в России с IX века по XVIII век (1724 г.), а затем была заменена подушной податью. На Кавказе эту отжившую систему установили после завершения Кавказской войны. В Терской области установление подымных окладов, где податной единицей служил не предмет дохода – земля, а двор («дым»), таило в себе возможность произвола, несправедливого и неравномерного налогового обложения. Общества должны были вносить подать и за те семьи, которые фактически не пользовались землей по бедности или по другим причинам. Причитавшаяся сумма взималась круговой порукой и не подлежала изменению, впредь, до составления нового камерального описания.

Деньги, собранные с горцев, шли в основном на содержание областного управления. Денежный земельный оброк, установленный на Кавказе, превышал аналогичный оброк для крестьян в Европейской России. В 1871 году отпуск государственных средств на удовлетворение местных потребностей в Терской области был прекращен. Не смотря на совокупную тяжесть всей налоговой системы, чеченское население – казалось бы, самое «беспокойное и ненадежное» исправнее других выплачивало все сборы, подати, регулярно исполняло повинности. Прежде всего, это говорит о порядочности и законопослушности этих людей, т.к. заставить силой исполнять эти обязательства, у правительства не было возможности в тот период времени. Даже в самые тяжелые времена и трагичные годы, например, во время мощного восстания 1877 года, когда войсками были уничтожены целые села, угонялся скот, сжигались посевы – за одно только подозрение в оказании помощи восставшим – областное руководство констатировало, что по крупнейшим чеченским округам: Веденскому и Аргунскому, денежные сборы поступали почти без недоимок. Уже в 80-е годы XIX века Северный Кавказ становится прибыльным для Российской империи. Богатейший Кавказский край начал вносить свою существенную лепту в государственную казну Российской империи.

Среди комплекса причин, обусловивших проведение крестьянской реформы у народов Северного Кавказа, на первом месте стоит военно-политический фактор, который требовал включения региона в общерос-

сийскую систему, с тем, чтобы создать надежный тыл для российских провинций в Закавказье. Необходимость укрепления позиций России в регионе требовала колоссальных затрат на содержание армии, кавказской администрации, казачества, горской милиции, решения различных проблем. Для этого решено было ускорить экономическое освоение края, разработку полезных ископаемых Кавказа и ввести подворный сбор налогов с местного населения, который бы компенсировал расходы казны. На Северном Кавказе были созданы новые административно-территориальные единицы: Терская и Кубанская области, в которых, наряду с военными, появляются гражданские органы управления. Это требовало пересмотра установившихся методов управления и решения местных вопросов на основе российского общегражданского законодательства. Горская элита все настойчивее требовала у кавказской администрации закрепить за ними их землю по нормам российского права, т.е. узаконить их частную собственность. Поддерживая надежды горской знати, российский аппарат управления вместе с тем считал, что вопрос необходимо решать комплексно – наделить землей надо было не только просителей, но и других феодалов, с одновременным освобождением их зависимых крестьян[487].

Судебная реформа на территории Терской области проводилась постепенно. Основным ее постулатом была замена мусульманского судопроизводства российской законодательной системой. Во избежание массового недовольства населения нововведениями, было решено совмещать российские законы с шариатскими и адатными, которые должны были постепенно вытесняться российской судебной системой. Действия российской судебной системы, прежде всего, были направлены против шариатского законодательства, введенного повсеместно в имамате Шамиля. В борьбе против шариата кавказская администрация постаралась опереться на словесное горское законодательство – адат, основанное на обычаях. Неразделенность в исламе веры и государства, религиозных и правовых норм была признана правоведами России и использована в правовом устройстве мусульманской части российского общества. Введение отдельных норм и институтов мусульманского права в общеимперское законодательство для восточных окраин и в судебные институты России – это продуманный шаг правительства, способствовавший гармонизации отношений в полиэтническом обществе.

Нередко обществу или отдельным его гражданам только казалось, что государство нарушает по отношению к ним законодательство, хотя

на самом деле этого не происходило. На Северном Кавказе существовал режим особого правового поля, в условиях военно-народного управления, где многие указы были засекречены, о существовании других знали лишь некоторые должностные лица. Отсутствие земских учреждений в Терской области само по себе уже не допускало возможности применения к этим судам общероссийской структуры судебной власти. Мировые судьи назначались правительством, отсутствовал институт присяжных заседателей. Недостатком народного суда, по мнению одного из наместников Кавказа, являлось подчинение его обязательно участвующему в суде административному начальнику. Также в составе туземного управления Терской области чувствовался большой недостаток в апелляционном суде. Назревала необходимость подчинения горцев Терской области общим судебным мировым учреждениям, что привело бы к расширению их гражданских прав и свобод.

Судебная контрреформа в первую очередь коснулась тех норм судебных уставов 20 ноября 1864 года, которые устанавливали порядок расследования и рассмотрения государственных преступлений. Усиление ограничительных норм по вероисповедному и национальному признаку наблюдалось в конце 80-90-х гг.XIX века, что было связано с отходом от курса либеральных преобразований, а также с тем, что главным ориентиром в имперской политике этого времени стал идеал «единой России» во главе с русским народом. В 1893 году с разрешения царя значительная часть уголовных дел, связанных с горским населением, была изъята из общегражданских судебных уставов и передавалась на рассмотрение военным судам. В этом же году на Терскую область были распространены правила об административной высылке в Восточную Сибирь лиц из числа горского населения, обвиняемых или подозреваемых в краже лошадей и скота, а также другого имущества.

Через военно-народное управление сельские словесные суды были включены в единую судебно-административную систему Российской империи. Адат из системы местного права превратился в составную часть государственного биюридического уголовного законодательства. Горские суды Терской области составляли первую судебную инстанцию и являлись по своему строю установлениями судебно-административными. В Терской области не имелось второй судебной инстанции; жалобы на решения горских судов приносились начальнику области. Для окончательного решения, дела направлялись через Штаб Кавказского военного округа к наместнику на Кавказе. Адатное и мусульманское

право народов Северного Кавказа занимало определенное место в правовой системе православного государства, они были формально институционизированы и стали частью государственного законодательства. Государственная власть признала и считалась с действиями на Кавказе мусульманского права, однако связывала его компетенцию с отношениями мусульман только в сфере семьи, брака, наследства и религиозных дел.

Важнейшие демократические институты, явившиеся результатом модернизации общественной системы России, предпринятой в годы правления Александра II: представительные органы местного самоуправления, суд присяжных, избираемость мировых судей, независимость судебных органов от исполнительной власти – не были распространены на территорию Терской и Кубанской областей. Однако российские власти на путях реформаторства на Северном Кавказе смогли добиться и явных успехов, к числу которых можно отнести:1.Недопущение лишения части населения (русского) тех благ, которые давали новые административно-судебные учреждения, возникавшие благодаря буржуазным реформам, в остальных частях империи. 2.Предоставление казачьему населению большей личной и экономической свободы. Этим обстоятельством не замедлили воспользоваться наиболее предприимчивые представители этой группы населения. В результате в выигрыше оказалась и часть казачества, сумевшая повысить уровень своего благосостояния, и государственная казна, расходы которой на содержание казачьих войск сократились. 3.Объединение в административном порядке различных этнических групп, что облегчало процесс сближения народов, благоприятствовало постепенной адаптации горцев к непривычным для них условиям отсутствия неограниченной свободы. 4.Допущение в судебном и административном управлении горского населения, хотя и в незначительном количестве[488]. Между тем, сохранялось незыблемой «военно-народная» система, как единственно надежная, по мнению властей и гарантировавшая прочность русской власти в регионе. Весьма «скромные» результаты реформ в плане устранения отличий от административных и судебных стандартов империи были неизбежны в силу объективных и субъективных причин, многие из которых можно было избежать, тем самым значительно улучшив жизнь населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.,2006. – С.18-19.

[2] Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.). Автореф. дис. . …канд. ист. наук. – Махачкада,2002. – С.3.

[3] Стрельбицкий И.А. Земельные приобретения России в царствование Александра II с 1855 по 1881 г. – СПб.,1881. – С.6.

[4] Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т.2. – СПб.,1876. – С.860.

[5] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.1.

[6] Bobrovnikov W. Jslam in the Russian Empire // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge,2006. – S.321.

[7] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.33.

[8] Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол. XIX – нач. XX вв.). //Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Хетагурова. – №1. – Владикавказ,1999. – С.9.

[9] Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль,1879. – С.65.

[10] Там же. – С.51.

[11] Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль,1879. – С.50.

[12] Там же. – С.37.

[13] Асланов Л.А. История России: были и небылицы // Россия державная: В 2-х ч. Ч.1. – М.;Волгоград,2006. – С.174.

[14] Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М.,2003. – С.11-13.

[15] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н / Д.,1990. – С.14.

[16] Фадеев Р.А. Письма с Кавказа. // Собрание сочинений Р.А. Фадеева. Т.1. – СПб.,1889. – С.201.

[17] Хасбулатов А.И. Землевладение и землепользование Терского казачества (вторая половина XIX – XX вв.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д.,2005. – №4. – С.59-60.

[18] Суркова И.С. Право природопользования Терского казачьего войска (Историко-правовой анализ). Дис. …канд. юрид наук. – Ставрополь,2002. – С.87-88, 107-109,116.

[19] Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол.XIX – нач. XX вв.). // Вестник Северо – Осетинского университета им. К. Хетагурова. – №1. – Владикавказ,1999. – С.11.

[20] Дзидзоев В. Земельные и межнациональные отношения на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века. // Литературная Кабардино – Балкария. – Нальчик,1999. – №1. – С.7.

[21] Горбачёв С. Северокавказский барьер: (Исторический анализ политики России на Северном Кавказе). // Молодая гвардия. – М.,1999. – №11-12. – С.239.

[22] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.299.

[23] Исаев С.-А.А. Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне 50-60 гг.19 в. // ЧИНИИ. Известия. Т.9. Ч.3.Вып.1. – Грозный,1974. – С.102.

[24] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.298.

[25] Там же. – С.299.

[26] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н / Д.,1990. – С.15.

[27] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.53. Л.9.

[28] Из Терской области. // Казачий вестник. – Новочеркасск,1884. – №32. – С.2.

[29] Из истории русско – кавказской войны (Документы и материалы). – Нальчик,1991. – С.215.

[30] Малахова Г.Н. Государственные реформы 60-80-х годов XIX века как завершающий этап включения Северного Кавказа в административную и экономическую систему России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб.,2003. – С.176.

[31] РГИА. Ф.1276. Оп.19. Д.593. Л.71.

[32] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/ Д.,1990. – С.21.

[33] Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах,1801-1917. – М.,2006. – С.259-260, 262,264.

[34] Из Терской области. // Казачий вестник. – Новочеркасск,1884. – №32. – С.2.

[35] Авторханов А.Г. Краткий историко – культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д.,1931. – С.12.

[36] Hahn C. Neue kaukasisch Reisen und Studien. – Leipzig,1911. – S.75.

[37] Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно – хозяйственного быта. – М.,1913. – С.37.

[38] Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М.,2006. – С.377.

[39] Лосев И.К. О классовом и общедемократичном содержании думских речей Т. Эльдарханова. // ЧИНИИ. Известия. Т.3. Вып.1. – Грозный,1963. – С.179-180.

[40] Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2002. – С.78-79.

[41] Абрамов А. Кавказские горцы (из летних экскурсий). // Дело. – 1884. – №1. – С.75.

[42] Акаев В.Х. Чеченское общество в поисках геополитической и социокультурной идентичности. // Современные проблемы геополитики Кавказа. Сборник научных статей. – Р н/Д.,2001. – С.123.

[43] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии вXVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.305.

[44] Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (составленный на основе официальных документов). – Тифлис,1905. – С.4.

[45] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.183.

[46] ГИМ ОПИ. Ф.254. Ед.хр.321. Л.240.

[47] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908. – С.211.

[48] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.49.

[49] Там же. – С.51,53.

[50] Шотин Ф. Правда о Кавказских горцах. // Санкт – Петербургские ведомости. – СПб.,1900. – №172. – С.1.

[51] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.47.

[52] Исаев С. –А.А. Аграрное движение в Чечне в 60-70 гг. XIX века. Автореф. дис. ….канд. ист. наук. – М.,1975. – С.16.

[53] Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.I. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено – Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964. – С.164.

[54] Исаев С. –А.А. Аграрное движение в Чечне в 60-70 гг. XIX века. Автореф. дис. …. канд. ист. наук. – М.,1975. – С.16.

[55] РГИА. Ф.1268. Оп.12. Д.105. Л.74.

[56] Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т.2. – СПб.,1876. – С.701.

[57] Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.I. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено – Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964. – С.163.

[58] Васильчиков А. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.I. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено –Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964. – С.728.

[59] Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т.2. – СПб.,1876. – С.709,731.

[60] Там же. – С.701.

[61] Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империи./ Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции. // ЧИНИИ. Известия. Т.4. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено – Ингушетии. – Грозный,1964. – С.43.

[62] Коренное население: Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1990. – С.109.

[63] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.72.

[64] Там же. – С.57.

[65] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX веках – Тбилиси,1988. – С.298.

[66] Коренное население: Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1990. – С.109.

[67] Россия. Законы и постановления. Положение о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. – СПб.,1862. – С.5.

[68] Иванов А.И. Национально – освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 годах XIX века. // Исторические записки. – 1941. – №12. – С.166.

[69] Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. – СПб.,1901. – С.6.

[70] РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.103. Л.11 об.

[71] Книевский С.А. Самоуправление Терского казачества в XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция. Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,2005. – С.153.

[72] РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.103. Л.2 об.

[73] Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.32.

[74] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.7.

[75] ГИМ ОПИ. Ф.254. Ед. хр.321. Л.45 об.

[76] Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ,1992. – С.405.

[77] Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – Владикавказ,1890. – №1. – С.7.

[78] Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. – Саратов,1996. – С.345.

[79] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.227.

[80] Народы Кавказа. Сборник статей. Кн.1. – М.,1993. – С.164.

[81] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ.,1912. – С.252 –254.

[82] Материалы к поземельным вопросам Кавказского края. Кавказ. Комиссия по выработке поземельных вопросов. Ч.1. – Тифлис,1908. – С.141 –143.

[83] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.418. Л.43 об.

[84] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.89. Л.41.

[85] Тройно Ф.П. Документальные источники об арендных отношениях у горцев Северного Кавказа в досоветский период. // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983. – С.66.

[86] Островитянов К.В. Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. – М.,1955. – С.7.

[87] Приложения к мемуарам генерала Мусса – Паши Кундухова. // Дарьял. – Владикавказ,1995. – №3. – С.195.

[88] Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.203,209.

[89] Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в. Дис. …докт. юрид. наук. – М.,2003. – С.138.

[90] ОРФ СОИГСИ. Ф.49. Оп.1. Д.4. Л.280.

[91] Дедюлин С.А. Недостатки порядка отчуждения земель на государственные и общественные надобности (Приложение к Сборнику Узаконений по отчуждению земель). – СПб.,1901. – С.7.

[92] Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и разъяснения. – Чита,1900. – С.1.

[93] Шалфеев Н. Краткий очерк постановлений важнейших иностранных законов. – СПб.,1872. – С.10.

[94] Салов В.В. Отчуждение недвижимой собственности для государственной и общественной пользы. – СПб.,1902. – С.6.

[95] Рамазанов Х.Х. Проведение земельной реформы в горских районах Северного Кавказа. // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в Х1Х – нач. ХХ вв. – Краснодар,1987. – С.40.

[96] Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб.,1884. – С.69-70.

[97] Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (Составлен на основе официальных документов). – Тифлис,1905. – С.224,247.

[98] Там же. – С.224 –225.

[99] Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – нач. XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д.,1989. – С.27.

[100] Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб.,1884. – С.10.

[101] Гриценко Н.П. К вопросу о социально – экономических отношениях в Чечено – Ингушетии в пореформенный период. // ЧИНИИ. Известия. Т.5. Вып.1. История. – Грозный,1964. – С.30.

[102] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.322.

[103] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.152.

[104] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.322.

[105] Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М.,2003. – С.6.

[106] РГАДА. Ф.1295. Оп.8.Ч.2. Д.4820. Л.1.

[107] Максимов Е. Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко – статистические очерки. Вып.II. Чеченцы. – Владикавказ,1894. – С.47.

[108] Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (Составлен на основе официальных документов). – Тифлис,1905. – С.240.

[109] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII -XIX в. – Тбилиси,1988. – С.393.

[110] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д.,1990. – С.51.

[111] Фадеев А.В. О некоторых социально – экономических последствиях присоединения Чечено – Ингушетии к России. //ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный,1960. – С.5.

[112] Обзор Терской области за 1892 год. // Терский календарь на 1884 год. Вып.3. Кн.1. – Владикавказ,1893. – С.13.

[113] Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М.,1968. – С.216.

[114] Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб.,1884. – С.80.

[115] Обзор Терской области за 1892 год. // Терский календарь на 1894 год. Вып.3. Кн.1. – Владикавказ,1893. – С.17.

[116] Материалы по статистике Терской области. // Терские ведомости. – №85. – Владикавказ,1884. – С.3.

[117] Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено – ингушских племён с гор на равнину. // Чечено –Ингушский республиканский краеведческий музей. Известия. Вып.10. – Грозный,1961. – С.128.

[118] Трофимов А. Кавказ. – М.,1914. – С.18.

[119] ЦГА РСО – А. Ф.12. Оп.5. Д.26. Л.34.

[120] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.292,319.

[121] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.49. Л.5.

[122] Кокурхаев К.–С. А.-К. Общественно – политический строй и право чеченцев и ингушей (втор. пол.XIX –нач. XX в.). – Грозный,1989. – С.17.

[123] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2.– Владикавказ,1892. – С.31.

[124] Терская область. Безземельный пролетариат. // Бакинские известия. – Баку,1903. – №72. – С.3.

[125] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908. – С.215.

[126] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.309. Л.3.

[127] Шацкий П.А. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кавказе. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига,1963. – С.502.

[128] Зуйкина Е.А. К вопросу о роли русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе.// Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп,1994. – С.128.

[129] Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб.,1877. – С.34 –35.

[130] Зуйкина Е.А. К вопросу о роли русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп,1994. – С.128.

[131] Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис,1919. – С.6,16.

[132] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX начале XX века (на материалах Терской области). Дис. … канд. ист. наук. – М.,2004. – С.174.

[133] Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX века: практика и результаты. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – №3. – М.,2002. – С.76.

[134] Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол.XIX нач. XX вв.). // Вестник Северо – Осетинского университета им. К.Хетагурова. – №1. – Владикавказ,1999. – С.10.

[135] РГИА. Ф.1276. Оп.19. Д.593. Л.455.

[136] Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX –начале XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д.,1989. – С.35.

[137] Иванов А.И. Социально – экономическое положение Чечни и Дагестана в 60-70 гг.XIX века. // Ростовский Педагогический институт. Исторический факультет. Учёные записки. Т.1. – Р н//Д.,1941. – С.26.

[138] РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.101. Л.3.

[139] РГИА. Ф.1268. Оп.18. Д.185. Л.19.

[140] Там же. Л.28.

[141] Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол.XIX нач. XX вв.). // Вестник Северо – Осетинского университета им. К. Хетагурова. – №1. – Владикавказ,1999. – С.9.

[142] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.257.

[143] Фадеев А.В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. – М.,1961. – С.253.

[144] Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903. – С.726.

[145] Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн.4. – Цхинвали,1989. – С.92.

[146] Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол.XIX нач.XX вв.). // Вестник Северо – Осетинского университета им.К.Хетагурова. – №1. – Владикавказ,1999. – С.12.

[147] Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.313.

[148] Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб.,1884. – С.139,142.

[149] Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н/Д.,1984. – С.76.

[150] Там же. – С.59,61.

[151] Пустарнакова И.А. Развитие производительных сил на Северо – Западном Кавказе в условиях рыночной модернизации страны. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Пятигорск,2001. – С.14.

[152] Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб.,1884. – С.20.

[153] Тройно Ф.П. Аренда земли под промышленные и торговые заведения у горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX веков. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX –нач. XX в. (проблемы социально – экономического развития). – Ставрополь,1980. – С.68,70.

[154] Зинченко Г.Г. Современная советская историография развития промышленности в период капитализма. – Р н/Д.,1980. – С.13.

[155] Воропонов Ф.Ф. Крестьянские переселения. // Вестник Европы. Кн.1. – СПб.,1876. – С.204.

[156] Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н /Д.,1984. – С.52,58.

[157] Статистический обзор современного положения казачьих войск. – СПб.,1903. – С.44.

[158] Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ,1901. – С.20.

[159] Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон.XIX – нач. XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д.,1989. – С.125.

[160] Вновь изданные узаконения и распоряжения. // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ,1891. – С.139.

[161] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/ Д.,1990. – С.53 –54.

[162] Белобородов А. Землевладение в Терской области. // Терские ведомости. – Владикавказ,1895. – №107. – С.2.

[163] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д. – С.53.

[164] Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ,1992. – С.417.

[165] Воробьёв Б. Земельный вопрос у казаков. – СПб.,1908. – С.48.

[166] Белобородов А. Землевладение в Терской области. // Терские ведомости. – Владикавказ,1895. – №108. – С.2.

[167] Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ,1992. – С.420.

[168] Там же. – С.413.

[169] Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н/ Д.,1984. – С.76.

[170] Там же. – С.76.

[171] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908. – С.243.

[172] Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (составлен на основе официальных документов). – Тифлис,1905. – С.190.

[173] Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н/ Д.,1984. – С.80.

[174] Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н/ Д.,1984. – С.10-11.

[175] Там же. – С.40.

[176] Там же. – С.42-43.

[177] Канода Н.Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881 –1917). – Ашхабад,1991. – С.4.

[178] Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль,1879. – С.205.

[179] Изгоев А.С. Общинное право. – СПб.,1906. – С.84,110.

[180] РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.712. Л.223.

[181] Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.4.

[182] Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный,1962. – С.57.

[183] Там же. – С.55.

[184] Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол XIX. в.). – М.,1998. – С.69.

[185] Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.116.

[186] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.193.

[187] Там же. – С.162.

[188] Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.8.

[189] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.116.

[190] Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.8.

[191] РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.712. Л.223-235.

[192] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.165.

[193] Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М.,2003. – С.13.

[194] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). – СПб.,1998. – С.43.

[195] Там же. – С.43,47.

[196] Кузьминов П.А. Материалы сословно – поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа. // De die diem : Памяти А.П. Пронштейна (1919 –1998). – Р н/ Д.,2004. – С.122.

[197] Шаипов И.А. Таштемир Эльдерханов. – Грозный,1960. – С.5-10.

[198] Шалфеев Н. Краткий очерк постановлений важнейших иностранных законов. – СПб.,1872. – С.1-7.

[199] Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и постановления. – Чита,1900. – С.24.

[200] Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.54-55.

[201] Дедюлин С.А. Сборник узаконений и распоряжений правительства по отчуждению земель и имущества для государственной и общественной пользы. – СПб.,1901. – С.|IX-X.

[202] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.163.

[203] Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.51.

[204] Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. – СПб.,1901. – С.6.

[205] Badde G. Vier vortrage uber den Kaukasus gehalten im Wintel 1873/74 in den grosseren stadten deutschlands von Dr. G. Radde. – Gotha ,1874. – S.65.

[206] Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.54.

[207] Хасиев С. –М.А. Землевладение чеченцев и ингушей в IX– перв. четв. XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис.…канд. ист. наук. – М.,1973. – С.6.

[208] Лавров Л.И. Историко – этнографические очерки Кавказа. – Л.,1978. – С.34.

[209] Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.27-28.

[210] Погошвили Д.Г. Вопросы социального строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988. – С.66.

[211] Гоникишвили М.Г. Поземельно – крестьянская реформа в Терской области. Автореф. дис. …докт. ист. наук. – Тбилиси,1984. – С.23.

[212] Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.118.

[213] Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч.2. – М.,1968. – С.23.

[214] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908. – С.307.

[215] Соловьёв Е.Т. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и других племён, населяющих Россию. // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 году. – М.,1887. – С.110.

[216] Лавров Л.И. Историко – этнографические очерки Кавказа. – Л.,1978. – С.91,94.

[217] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области) // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.54.

[218] Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ, Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено – Ингушетии (1860 –1940). – Грозный,1964. – С.164.

[219] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области) // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.67.

[220] Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863-75 гг.) (по архивным источникам). – М.,2000. – С.163.

[221] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908. – С.206.

[222] Там же. – С.326.

[223] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права. // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.7-10.

[224] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал – адъютанта графа Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.57.

[225] Хасбулатова З.И. Структура сельской общины и патраномия у чеченцев во второй половине XIX века. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. №1. – С.87-88.

[226] Невская В.П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (кон.XIX – нач. XX в.). // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. – Ставрополь,1985. – С.23.

[227] Карпов Ю.Ю. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа XIX – нач. XX в. Автореф. дис. …докт. ист. наук. – СПб.,1999. – С.8.

[228] Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.1. – М.,1990. – С.22.

[229] Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный,1962. – С.16.

[230] Баландья Ж. Политическая антропология. – М.,2001. – С.44.

[231] Там же. – С.61.

[232] Vier vortrage uber den Kaukasus gehalten im Winter 1873/4 in den grosseren stadten deutschlands von Dr. G. Radde. – Gotha : Justus Perthes,1874. – S.69.

[233] Хасбулатов А.И., Хасбулатова З.И. Сельская община чеченцев: формы правления, землепользования и землевладения (XIX – нач. XX века) // De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919 –1998). – Р н/Д.,2004. – С.35.

[234] Иванов М.А. Верховья реки Гехи // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества. Т.XV. №5. – 1902. – С.280.

[235] Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол XIX – нач. XX вв.) // Вестник Северо – Осетинского университета им. К. Хетагурова. №1. – Владикавказ,1999. – С.15.

[236] Гриценко Н.П. К вопросу о социально – экономических отношениях в Чечено – Ингушетии в пореформенный период (поземельные отношения) // ЧИНИИ. Известия. Т.5. Вып.1. История. – Грозный,1964. – С.30.

[237] Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (Составлен на основе официальных документов). – Тифлис,1905. – С.236.

[238] Изгоев А.С. Общинное право. – СПб.,1906. – С.139.

[239] Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002. – С.78.

[240] Изгоев А.С. Общинное право. – СПб.,1906. – С.114.

[241] Изгоев А.С. Общинное право. – СПб.,1906. – С.57-58.

[242] Там же. – С.12.

[243] Иваненков Н.С. Горные чеченцы (Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области) // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.69.

[244] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.60. Л.75.

[245] Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.154.

[246] Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903. – С.729.

[247] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.33.

[248] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т II. – М.,2001. – С.14.

[249] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.371.

[250] Российская государственность в терминах: IX – нач. XX в. Словарь. – М.,2001. – С.299.

[251] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.26. Л.4.

[252] Хасбулатов А.И. Чечено – Ингушетия накануне первой русской буржуазно – демократической революции. – Грозный,1963. – С.25.

[253] Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено – Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964.

[254] Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко – этнографическое исследование. – М.,1961. – С.158.

[255] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.395.

[256] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.64. Л.2.

[257] РГИА. Ф.1276. Оп.19. Д.593. Л.65.

[258] Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.340.

[259] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.417. Л.49.

[260] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.418. Л.48 об.

[261] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.417. Л.66.

[262] ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.6 (1886). – СПб,1888. – С.239.

[263] Семёнов Н. Туземцы Северо – восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.164.

[264] Андриевский Д.И. Население Кавказа как источник комплектования армии. По данным десятилетия 1892 – 1901 гг. – Тифлис,1906. – С.12.

[265] Сборинк сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.154.

[266] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 год. – Владикавказ,1886. – С.9.

[267] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1887 год. – Владикавказ,1887. – С.12.

[268] Вновь изданные узаконения и распоряжения // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ,1891. – С.136.

[269] Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала,1972. – С.23.

[270] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал – адъютанта графа Воронцова –Дашкова. – Тифлис,1907. – С.99.

[271] ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.VII (1887). – СПб.,1889. – С.296.

[272] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 год. – Владикавказ,1886. – С.9.

[273] Правилова Е. «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – XX вв. // Ab imperio. – Казань,2002. – №4. – С.121.

[274] Попов В.В. Горцы честно служили России // Военно – исторический журнал. М.,1997. – №2. – С.53.

[275] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ….канд. ист. наук. – М.,2004. – С.130.

[276] Ахмадов Я., Хасмагомадов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛАМ. – Грозный,2003. – №4. – С.35.

[277] Музаев Т. Тапа // Голос Чечено – Ингушетии. – Грозный,1992. – №76. – С.3.

[278] Ахмадов Я., Хасмагомадов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛАМ. – Грозный,2003. – №4. – С.35.

[279] Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX веков. – Армавир,2005. – С.121-122, 134,155.

[280] Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX вв. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,1970. – С.12.

[281] Хасбулатов А.И. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено – Ингушетии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988. – С.83.

[282] Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом (по данным этнографии). Автореф. дис. …канд . ист. наук. – Баку,1971. – С.15.

[283] Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX – нач. XX в. (историко – этнографическое исследование). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Тбилиси,1972. – С.10-11.

[284] Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб.,2002. – С.242,309.

[285] Гелаева З.А. Социально – экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII – XIX вв. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.13.

[286] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Т.3. Ч.3. – СПб.,1869. – С.418.

[287] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.250.

[288] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.62. Л.64.

[289] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.250.

[290] Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археолого – этнографический сборник. Т.2. – Грозный,1968. – С.274-275.

[291] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.250.

[292] Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX вв. – Махачкала,1970. – С.11.

[293] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.56. Л.53.

[294] Там же. Л.53,56.

[295] Ом. Кавказская хроника // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №3. – С.113.

[296] Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.1. – М.,1990. – С.2.

[297] РГАДА. Ф.1354. Оп.1274. Д.Т.–3. Л.1.

[298] ЦГА РСО – А. Ф.262. Оп.1. Д.6. Л.10,17.

[299] Там же. Л.33,39.

[300] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.62. Л.64.

[301] Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. – Казань,2004. – С.303-304.

[302] Ахмадов Х.С. Царская администрация и вопрос о сословиях в Чечено – Ингушском обществе второй половины XIX – нач.XX в. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988. – С.302-303.

[303] Первая всеобщая перепись, произведённая 28 января 1897 года. Общий свод. Т.1. Ч.1. – СПб.,1905. – С.58.

[304] ЦГА РСО – А. Ф.11. Оп.13. Д.1019. Л.16.

[305] Ахмадов Я., Хасмагомадов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛАМ. – Грозный,2003. – №4. – С.35-36.

[306] Лавров Л.И. Историко – этнографические очерки Кавказа. – Л.,1978. – С.53.

[307] Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.1. – М.,1990. – С.25.

[308] Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговля в Чечне (втор. пол XVIII – перв. пол. XIX в.) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1978. – С.75.

[309] Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.1. – М., 1990. – С.23 –24.

[310] Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговля в Чечне (втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX в.) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1978. – С.72,75.

[311] Дауев С.А. Чечня: коварные таинства истории. – М.,1999. – С.150.

[312] Исаева Т.А. К историографии социального развития Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1. – Грозный,1978. – С.132.

[313] Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговля в Чечне (втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX в.) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1978. – С.75.

[314] Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т.2.– СПб.,1876. – С.566,571.

[315] Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговля в Чечне (втор. пол.XVIII – перв. пол. XIX в.) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1978. – С.82.

[316] Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация : Единство и противоречия. – М.,2003. – С.46.

[317] Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX – XX вв.). Дис. …докт. юрид. наук. – М.,2003. – С.298,301.

[318] Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002. – С.6.

[319] Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. …канд. юр. наук. – Р н/Д.,2005. – С.54.

[320] Гасаналиев А.Ш. Формирование основных институтов административного права и административная правовая мысль России XIX – начала XX веков. Дис. …канд. юр. наук. – Махачкала,1999. – С.73-74.

[321] Малахова Г.Н. Судопроизводство горских народов в системе российской административной власти на Северном Кавказе (исторический аспект) // Этнос и власть: местное самоуправление и этнические конфликты. Ч.1. – Саратов. 1999. – С.141.

[322] Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль,2006. – С.272.

[323] Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX – XX вв. Дис. …канд. юрид. наук. – Ставрополь,2004. – С.122.

[324] Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. …канд. юр. наук. – Р н/Д.,2005. – С.75-76.

[325] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – СПб.,1876. – Кн.5. – С.37.

[326] Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX – XX вв. Дис. …канд. юрид наук. – Ставрополь,2004. – С.122.

[327] Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003. – С.43.

[328] Михайленко Н.М. Использование правовых обычаев в период постреформенной модернизации // Модернизационные процессы в истории России XVIII – XX вв.: политика, экономика, культура: Сборник статей. – Армавир,2003. – С.100,102

[329] Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. – М.,1888. – №27,32. – С.2.

[330] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.23,66.

[331] Дунаев К.Ю. Правовое регулирование административной ссылки в Российской империи (XIX в.): историко-правовое исследование. Дис. …канд. юрид. наук. – СПб.,2006. – С.136,141.

[332] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.11.

[333] ГАРФ. Ф.677. Оп.1. Д.511. Л.11 об.

[334] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.48.

[335] Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. – М.,2003. – С.24.

[336] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д.,1990. – С.91.

[337] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.10,14.

[338] Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003. – С.25.

[339] Белогриц – Котляровский Л.С. Преступления государственные. – Киев; СПб; Харьков,1904. – С.109.

[340] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.2. Особенная часть. – СПб.,1893. – С.371.

[341] Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол. XIX в.). – М.,1998. – С.46.

[342] Там же. – С.34-35.

[343] Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003. – С.23.

[344] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.22.

[345] РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.112. Л.161.

[346] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.23 об.

[347] Карлеба В.А. Исторический опыт формирования и деятельности органов полиции в Кубанской области (1860-1917 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2006. – С.27,6365-66,87.

[348] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. – М.,1952. – С.112.

[349] Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. …канд. юр. наук. – Р н/Д.,2005. – С.87.

[350] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.22.

[351] Шамиль и Чечня // Военный сборник. – СПб.,1859. – №9. – С.155.

[352] Попов А.П. Институт наказания на Кавказе: традиционно-правовой и художественный дискурсы // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып.44. – Ставрополь,2006. – С.179,181.

[353] Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.3. Кавказ и Урал. – СПб.,1870. – С.53,55.

[354] Ильясов Л. Тени Вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. – М.,2004. – С.360.

[355] Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800-1917) // Обычное право в России: проблемы, теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.165,167.

[356] Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX – XX вв. Дис. …канд. юрид. наук. – Краснодар,2004. – С.111-112.

[357] Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. – М.,1998. – №1. – С.30,38.

[358] Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль,2006. – С.247.

[359] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.107.

[360] Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис,1919. – С.102.

[361] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.133.

[362] Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом (на примере «лиц кавказской национальности) // Национальные истории в советстком и постсоветском госкударствах. – М.,1999. – С.105-107.

[363] Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль,2006. – С.258,260,273.

[364] РГИА. Ф.565. Оп.1. Д.6680. Л.2.

[365] РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.538. Л.15 об.

[366] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.418. Л.54-55 об.

[367] Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис,1919. – С.34.

[368] РГИА. Ф.733. Оп.193. Д.381. Л.18.

[369] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.51.

[370] Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно – хозяйственного быта. – М.,1913. – С.154.

[371] Быков Ф.А. Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе // Юридическое обозрение. – Тифлис,1883. – №111. – С.42. – №112. – С.76-77.

[372] Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. …канд. юр. наук. – Р н/Д.,2005. – С.94.

[373] Российская государственность в терминах: IX – нач. XX в. Словарь. – М.,2001. – С.390.

[374] ПСЗ РИ. Собр. 2-е. T.LI. Отд.1 (1876). – СПб.,1878. – С.165,177.

[375] Институт генерал – губернаторства и наместничества в российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.210.

[376] Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй половине XIX – нач. XX в. Дис. . … канд. ист. наук. – Ставрополь,1999. – С.93.

[377] ГА РФ. Ф.649. Оп.1. Д.603. Л.3,6.

[378] Рейхельт Н.Н. Чёрное море и Кавказ. Очерки Южного моря и Юга России. Волжские картинки. – СПб.,1900. – С.112.

[379] Всеподданнейший отчёт наместника Кавказского по Гражданскому Управлению Кавказским и Закавказским краем. 1863-1871. – СПб.,1872. – С.10-11.

[380] Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй пол. XIX – нач. XX в. Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,1999. – С.157-158.

[381] Там же. – С.92.

[382] Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. …канд. юр. наук. – Р н/Д.,2005. – С.100-101.

[383] Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной Думе Российской империи. 1906-1917 г. (в 2-х томах). Т.1. Дис. …докт. ист. наук. – Казань,2004. – С.103.

[384] Арсанукаева М.С. Судопроизводство по частноправовым спорам на основе адата у чеченцев. Конец XVIII – начало XIX века // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М.,2006. – С.227-228.

[385] Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй пол.XIX – нач.XX в. Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,1999. – С.99.

[386] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.102-103.

[387] Об изъятии некоторых преступлений, совершаемых в пределах Кавказского края // Терский календарь на 1896 год. Вып.5. – Владикавказ,1895. – С.277.

[388] Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис,1919. – С.100.

[389] Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач XX вв.). – Нальчик,1995. – С.15.

[390] Там же. – С.73,78.

[391] Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. – СПб.,1912. – С.148,167.

[392] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д.,1990. – С.38.

[393] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.22,40.

[394] Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй пол. XIX – нач.XX в. Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,1999. – С.50.

[395] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.22.

[396] Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. – СПб.,1912. – С.140.

[397] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.17.

[398] Там же. – С.18,21.

[399] Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн.4. – Цхинвали,1989. – С.360.

[400] Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно –хозяйственного быта. – М.,1913. – С.140.

[401] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.135.

[402] РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.538. Л.14 об.

[403] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.14-15.

[404] Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1881 –1890 годы генерал –губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. – СПб.,1893. – С.402.

[405] Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800-1917) // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.184.

[406] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.49.

[407] Саидов И.М. Этнографические заметки (Досоветский период) // ЧИНИИ. Известия. T.V. Вып.1. – Грозный,1964. – С.116.

[408] Гантемирова Ф.А. Общественно – политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII -перв. пол. XIX в.). – М.,1972. – С.15.

[409] Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. Т.23. Кн.10. – СПб.,1855. – С.38.

[410] Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. – Одесса,1882. – С.27.

[411] Гантемирова Ф.А. Общественно – политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – перв. пол. XIX в.). – М.,1972. – С.15.

[412] Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. – Одесса,1882. – С.10.

[413] Там же. – С.68.

[414] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.322. Л.5 об.

[415] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.26-27.

[416] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.33.

[417] Александров В.А. Отечественная наука XIX – нач. XX вв. об обычном праве в России // Социально – политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж,1983. – С.10.

[418] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.15.

[419] Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.,1999. – С.258.

[420] Калоев Б.А. А.Ф. Кони о Кавказе // Этнографическое обозрение. – М.,1997. – №3. – С.152,154.

[421] Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002. – С.34.

[422] Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. – Одесса,1882. – С.41.

[423] Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800 – 1917) // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999. – С.184.

[424] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.13.

[425] Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002. – С.37,63.

[426] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат – Шамиля. М.,2000. – С.29.

[427] Ржевуский А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географо – статистических сведений о Терском казачьем войске. – Владикавказ,1888. – С.4.

[428] Шанаев Г. Кое – что о горцах. – Тифлис,1888. – С.36.

[429] Статистический ежегодник // Терский календарь на 1897 год. Вып.6. – Владикавказ,1896. – С.62.

[430] Андриевский Д.И. Население Кавказа как источник комплектования армии. По данным десятилетия 1892-1901 гг. – Тифлис,1906. – С.107.

[431] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.44.

[432] ГА РФ. Ф.677. Оп.1. Д.517. Л.1 об.

[433] Вновь изданные узаконения и распоряжения // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ,1891. – С.131.

[434] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.17.

[435] Кокурхаев К–С. Общественно – политический строй чеченцев и ингушей (Втор. пол.XIX – нач.XX в.). – Грозный,1989.– С.42.

[436] Градовский А.Д. Собрание сочинений в 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб.,1907. – С.295,304.

[437] Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начала XX вв.: На материалах Ставрополья и Кубани. Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.85.

[438] Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.,2001. – С.9.

[439] Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль,2001. – С.25,28.

[440] Липский Н.А. Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России (Историко-правовой анализ). Дис. …канд. юрид. наук. – С.89.

[441] Терская область // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876. – С.59.

[442] Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе,1971. – С.80.

[443] Ом. Кавказская хроника // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №5. – С.66.

[444] Кавказские разбои и колонизация // Неделя. – 1898. – №44. – С.1395.

[445] Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб.,1908. – С.2.

[446] Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. – СПб.,1903. – С.1,4.

[447] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.40.

[448] Терская область // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876. – С.59.

[449] Статистический ежегодник // Терский календарь на 1897 год. Вып.6. – Владикавказ,1896. – С.61.

[450] Статистический ежегодник // Терский календарь на 1898 год. Вып.7. – Владикавказ,1897. – С.48.

[451] Город Грозный. Популярные очерки истории. – Грозный,1984. – С.42.

[452] Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М.,2007. – С.101-102.

[453] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.22.

[454] Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. – СПб.,1903. – С.31.

[455] Дунаев К.Ю. Правовое регулирование административной ссылки в Российской империи (XIX в.): историко-правовое исследование. Дис. …канд. юрид наук. – СПб.,2006. – С.173.

[456] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области) // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.145.

[457] РГИА. Ф.565. Оп.2. Д.7587. Л.9.

[458] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.46.

[459] Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо – Восточного Кавказа в первой половине XIX века. Дис. …канд. ист. наук. – СПб.,2003.

[460] Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.,2005. – С.449.

[461] РГИА. Ф.200. Оп.1. Д.1430. Л.2,4.

[462] Кокурхаев К.А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.XI. – Грозный,1977. – С.30.

[463] Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. – СПб.,1903. – С.11.

[464] ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.50. Отд.2.(1875). – СПб.,1877. – С.158.

[465] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.27.

[466] Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.,2005. – С.447.

[467] Зейдлиц Н.К. Очерк южно-каспийских портов и торговли. – Тифлис,1870. – С.56.

[468] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.31.

[469] РГИА. Ф.1268. Оп.18. Д.88. Л.1,5.

[470] РГИА. Ф.1268. Оп.25. Д.18. Л.1.

[471] Известия // Терские ведомости. – Владикавказ,1894. – №137. – С.3.

[472] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1. Д.24. Л.3.

[473] Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. …канд. юрид. наук. – Махачкала,2006. – С.152.

[474] РГИА. Ф.733. Оп.193. Д.381. Л.16.

[475] РГИА. Ф.1268. Оп.18. Д.26. Л.10.

[476] Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начала XX вв.: На материалах Ставрополья и Кубани. Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.78,80.

[477] Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополья и Кубани. Дис. …канд. ист. наук. – С.77-78.

[478] Там же. – С.48.

[479] Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей. / Под. ред. А.И. Миллера. – М.,2004. – С.34.

[480] Бёрбэнк Д. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей. / Под. ред. А.И. Миллера. – М.,2004. – С.320-333.

[481] Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов – Дашков. Наместник Кавказский. – М.,2005. – С.113.

[482] Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX – XX вв.). Автореф. дис. …докт. юрид. наук. – М.,2003. – С.18-19.

[483] Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй пол. XIX – XX в. Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,1999. – С.159.

[484] Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. …канд. юр. наук. – Р н/Д.,2005. – С.75.

[485] Березовский Д.В. Права и свободы жителей Российской Империи в период становления и развития капитализма,1861-1905 г. Дис. …канд. юр. наук. – Самара,2003. – С.67.

[486] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.71.

[487] Кузьминов П.А. Причины крестьянской реформы у народов Северного Кавказа // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004. – С.18.

[488] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.72-73.

ГЛАВА IV.
АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ

1. Народные движения

Соприкосновение с Россией как военно-политической силой и иным культурным пространством неизбежно порождало многоуровневый конфликт. Его проявления сводились к «конфликту культурно-психологических стереотипов»; «конфликту встречных действий» (т.е. взаимному насилию); «конфликту социально – политических институтов» (т.е. несоответствию управленческих систем); «этнополитическому конфликту» (вызванному включением русских в сложные межнациональные отношения); «конфликту материальных интересов». Данные разновидности конфликта необходимо воспринимать не как враждебный антагонизм, а как проявление объективного несовпадения этнокультурных парадигм и интересов. Собственно, вся человеческая история состоит из столкновений между различными институтами и интересами и последующей адаптации к различиям[1].

Причины многих межэтнических конфликтов своими корнями уходят в далёкое прошлое. Не будучи разрешёнными или будучи решёнными не до конца, в момент своего возникновения, национальные проблемы, усугубляясь, развиваясь по принципу «снежного кома», постоянно актуализируют национальный вопрос. К концу XIX века национальная проблематика превращается в абсолютно доминирующую тему кавказского политического дискурса. Через нее выражаются все ключевые социальные противоречия. Болезненное внимание к этнодемографическому («национальному») балансу овладевает не только умами имперских администраторов, но начинает пронизывать идеологию самих местных элит, все более осваивающих идеи социального равенства с представителями других народов[2].

Проявление исторической несправедливости оставляют глубокий след в сознании и незаживающую рану в памяти народа[3]. В различного рода «Прокламациях», обращённых к кавказским народам, царские военачальники обычно обещали свободную и вольную жизнь под скипетром «августейшего российского монарха», одновременно угрожали

жестокими наказаниями за всякое ослушание и набеги на русские укрепления, сёла и станицы. Однако данные «Прокламации» на деле не осуществлялись и горцы оказывались обманутыми в своих ожиданиях, а наказывались они сполна, даже за малейшие нарушения[4]. Насильственные, волевые формы решения национально-территориальных вопросов, усугублённые политикой двойных стандартов – когда, например, одних выселяют, а других заселяют – порождают череду несправедливостей, развивая чувства национального притеснения, формируя комплекс национальной ущемлёности. Особенно остро это ощущают те, кто неоднократно пострадал со времён Кавказской войны, неся на себе тяжёлую печать исторической несправедливости.

С 30 сентября по 2 октября 1850 г. 150 семей чеченских сел Гарчагой, Эшкалой, Начхой и Терлой были переселены в окрестности укреплений Закан-Юрт и Казах-Кичу. Генерал Слепцов особо отмечал перед вышестоящим командованием заслуги в содействии к переселению чеченцев этих сел старшин: Закан-Юрта – Саадулы Османова, Казах-Кичу – Баташа Булучуева, Алико Цугова и ачхоевского старшины Эльтемира Уцыгова. Политика выселения жителей горной Чечни на равнину продолжалась и в последующее время. Так, 21 декабря 1852 г. в крепость Грозную было выселено 350 жителей аула Хан-Кала. Начальнику войска на Левом фланге было дано право расселять горцев по его собственному усмотрению[5].

Исторические несправедливости «держат» народы в постоянном напряжении, играют не последнюю роль в усилении этноконфликтности. Большую опасность представляют их «невидимые» следствия, выражающиеся в глубинном изменении национального самосознания, чутко и остро реагирующего на малейшие изменения национального статуса. Накопившиеся обиды требуют выхода и находят его, проявляясь по-разному[6]. Всем известно стремление горцев к свободе и независимости. «Страна сия всегда была убежищем многочисленных, смелых и дерзких народов с различными племенами и наречиями», – отмечал Данилевский, русский публицист и естествоиспытатель[7].

Российская империя находилась на стадии формирования культурного единства народов и наций, входивших в её состав. Ряд из них были включены в состав империи вопреки их желанию. Поэтому в сознании этих народов отсутствовало чувство единства с Россией и они были готовы вести борьбу за национальное освобождение и сохранение самобытности. Поскольку в этот период сохранялась глубокая связь

между национальным и религиозным, религия сохраняла роль носителя базовых ценностей и самосознания народов империи. Борьба за национальное освобождение шла под религиозным знаменем. Осмысление религиозного фактора исторического процесса актуально для оптимизации многих сторон общественной жизни и практики государственного и военного строительства, поскольку религия является неотъемлемым компонентом человеческой истории, зачастую определявшим ход общественного развития[8]. В условиях межэтнической, политической, социальной, экономической, религиозной «конкуренции» степень этнотолерантности значительно снижается: если в местах компактного проживания славян проявляется нетерпимость по отношению к представителям неславянских народов, то в национальных регионах, соответственно, наоборот. Таким образом, эскалация межэтнической напряжённости происходит практически повсеместно и ведёт к появлению и распространению национальных и религиозных движений. Возникнув на волне защиты национально-культурных интересов, они постепенно политизируются, становятся средством и орудием достижения политических целей. Прочность позиций национальных движений основывалась на апеллировании, во-первых, к высоким национальным чувствам, во-вторых, на эксплуатации чувства национальной ущемлённости и чувства привязанности к исторической «малой» территории, потерянной как в ходе, так и после Кавказской войны[9].

В начале 1822 г. один из чеченских кадиев Абдул-Кадыр пытался поднять восстание в Чечне, уверяя соплеменников, что через 4 месяца войска турецкого султана прогонят русских с Кавказа. Осенью 1822 г. Ахмед-хан Аварский сообщил чеченцам, что султан будто бы уже начал войну против России и что следующей весной он пришлет свои войска на помощь кавказским мусульманам, борющимся против «гяуров» – русских. Однако помощи турок чеченцы так и не дождались[10]. Известно, что во время Кавказской войны среди черкесов вели пропаганду турецкие агенты, подстрекавшие их к враждебным действиям против России и к продолжению неравной борьбы. Турция давала советы, как друг, но хуже не мог посоветовать и злейший враг. Горцы воевали, т.е. умножали свои страдания, не зная ни силы России, ни планов, ни намерений ее относительно себя и своей родины. Все это истолковывали им «дальновидные» турецкие агенты и их английские друзья, принимавшие даже депутатов от Кабарды в Лондоне[11]. Зная о силе воздействия слухов на психологию масс, еще имам Шамиль в годы Кавказской войны пользовался этим

оружием широко и эффективно. В 1850-е гг., когда уставшие от войны и ослабленные хозяйственным уроном чеченцы выказывали желание заключить мир с Россией и переселиться в ее пределы, Шамиль каждой весной объявлял, что турецкая армия идет ему на помощь[12].

Не прошло и двух лет после пленения Шамиля, как в Чечне вспыхнуло восстание под руководством Байсангура Беноевского, одного из наибов Шамиля. В годы Кавказской войны он руководил одной из провинций имамата[13]. Эпицентром восстания стало одно из крупнейших горных обществ Чечни – беноевское. Зимой 1861 года, чеченцы выступили, под предводительством наиба Байсунгура (в боях еще при Шамиле, назвавшего его «человек-камень», он потерял глаз, руку и ногу) и Султан-Мурада Беноевских[14]. Повод к восстанию дала администрация Терской области, начав с осени 1859 года переселение беноевцев. Что именно заставило терские власти прибегнуть к применению репрессивных мер против беноевцев, не известно, но в мае 1860 года первые полсотни беноевских семей, переселённых в аул Даттых, самовольно вернулись в Беной. В течение месяца вернувшиеся крестьяне через посредников просили разрешения остаться на своих землях, а власти, в свою очередь, требовали немедленно оставить Беной. В первых числах июня против восставших были посланы войска и местная милиция. Беноевцы, разбившись на мелкие группы, ответили нападениями на воинские команды в разных местах Веденского округа[15].

Андрей Михайлович Фадеев, много прослуживший на Кавказе, отмечал, что большинство восстаний в Чечне вспыхивали в результате беспорядочных и безрассудных действий местного руководства[16]. По свидетельству наместника на Кавказе Н.Н. Муравьёва – Карского, во всех набегах на военные укрепления участвовали преимущественно «удальцы» с плоскостной части Чечни. Это объяснимо, ведь горным чеченцам в этом случае пришлось бы проделать огромный путь по пересечённой местности в условиях почти полного отсутствия дорог, по районам, наводнённым русскими войсками. Таким образом, участие беноевцев в военных набегах на равнинные гарнизоны было практически исключено[17].

Первым начальником Терской области был генерал – адъютант Н.И. Евдокимов (1856-1861). В период его правления политическая обстановка в области резко осложнилась, что в определённой степени являлось результатом его консервативно – реакционных взглядов на умиротворение горцев только путём применения жёстких мер, репрессий и военных

экспедиций[18]. Для того, чтобы наделить казаков землёй, граф Евдокимов, будучи командующим войсками Терской области, выдвинул план, по которому часть чеченцев и карабулак должна была переселиться в Малую Кабарду, жители которой в то время изъявили массовое желание уйти в Турцию[19]. Согласно с этим планом, в 1860 году в предгорья Малой Чечни были водворены казачьи станицы 2-го Владикавказского полка.

Результатом введения указанной системы являлось вооружённое восстание в Ичкерии и Аргунском наибстве[20]. Безусловно, представители властных структур понимали, что чеченцы весьма восприимчивы к несправедливости и в силу своей активности, могут взорвать спокойствие в крае в любой момент[21]. Дабы предупредить народные волнения и технически к ним подготовиться, областное руководство временно остановило инженерные и дорожные работы и под видом учебных лагерей собрало два отряда в Среднем военном отделе[22].

Уклоняясь от прямого столкновения с направленными против них войсками, восставшие прибегли к тактике партизанских действий, которая первоначально принесла им успех, – к восстанию быстро присоединились другие селения Ичкерии, кроме аула Центорой. Байсангур написал воззвание к жителям Чечни и тайно разбросал свои письма по мечетям[23].

Восстание распространилось и на соседний Аргунский округ, где во главе восставших стояли Атабай Атаев и Ума Дуев. Это позволило Байсангуру Беноевскому приступить к организации собственного управления и планомерному очищению района восстания от российских войск. В ряд селений были посланы в качестве старшин представители Байсангура, а в ночь с 28 на 29 июля восставшие внезапной атакой выбили из селения Дышни – Ведено расквартированный там войсковой отряд. Развивая этот успех, Байсангур захватил перевал Гамар – Дук, блокировав тем самым сообщение между укреплением Эрсеной и крепостью Ведено, а затем предпринял неудачную попытку захватить Ведено[24].

Крестьянское восстание длилось в Аргунском наибстве с первых чисел мая 1860 года по 1862 год. В продолжение этого времени между восставшими и царскими войсками происходила непрерывная ожесточённая борьба. Аргунские повстанцы использовали тактику «отступления». Они изматывали преследовавшие их царские войска, а затем сами нападали. В Аргунском округе восставшие блокировали все располагавшиеся здесь укрепления, в том числе самое крупное из них – укрепление Евдокимовское (оно находилось в селении Итум-

Кале), сообщение с которым долго не удавалось восстановить. Новая тактика восставших оказалась более удобной для российских войск, которые, наконец – то, обрели видимого противника, который вступал в открытый бой. Быстро вернув контроль над перевалом Гамар – Дук, российское командование приступило к планомерному захвату восставших аулов, постепенно продвигаясь к Беною. В Аргунском округе была снята блокада укреплений Башин – Кале и Евдокимовского. Отступление восставших сопровождалось непрерывными боями и перестрелками, однако перевес был явно на стороне регулярной армии – 26 сентября 1860 года захвачен аул Беной, после чего восставшие вернулись к тактике партизанской войны. Ответные репрессии были направлены на всё население восставших округов[25]. В наказание за неповиновение, целые чеченские общества в массовом порядке стали выселяться на плоскость. Особенно тяжёлым для чеченцев было переселение, предпринятое в декабре 1860 года, во время сильных морозов. 120 семей горцев, не имевших возможности укрыться в лесу зимой, были переселены в течение 2-х дней на плоскость, их жилища разорены войсками. В течение зимы 1861 года на Чеченскую равнину было выселено 1500 горных чеченцев. С начала весны и до глубокой осени 1861 года на территории Чечни, от реки Ассы до аула Гехи, оперировала военно-карательная экспедиция полковника Йедминского, силой оружия выселявшая чеченцев в предгорья и на плоскость[26]. В ноябре 1860 года основные усилия российских войск были направлены на то, чтобы вернуть контроль над основными коммуникациями Аргунского округа. После того как удалось рассеять действовавшие здесь крупные отряды восставших, было принято решение возобновить наступление на селения Чеченского округа. В январе 1861 года против восставших выступили три отряда под общим командованием нового начальника округа генерала Муссы Кундухова. Кроме того, была сформирована чеченская милиция общей численностью до 700 человек, во главе с полковником Арцу Чермоевым. Военная карьера Чермоева началась ещё в Крымскую войну, когда он отличился в боях против турок[27]. Экспедиция М. Кундухова, в ходе которой разрушено было 15 аулов, сопровождалась также массовым переселением населения – частью в крупные селения горной части Чечни, частью на равнину. В частности, на равнину было выселено 1218 беноевцев. Мусса Кундухов, объезжая оставленные чеченцами сёла, всюду взрывал старинные башни, служившие укреплениями для восставших крестьян, сжигал дома. Солдаты угоняли скот и увозили хлеб. «Все постройки, как в ау-

лах, так и хуторах, сожжены до основания, – докладывал он, – сено не только в аулах, но даже на самых вершинах гор истреблено огнём, чему жители сами удивлялись, увидев, что в неприступных трущобах и на высотах сено горело». 29 ноября 1860 года генерал Баженов докладывал помощнику начальника Терской области генерал – майору Кемпферту: «Нынче с термоевцами окончил. Все аулы уничтожены. В Эзи и места нельзя узнать, как хорошо разобрали»[28]. Таким образом, начиная с ноября 1860 года и в продолжение ряда месяцев, вся Чечня находилась в огне. Население выселялось с насиженных мест и водворялось в местах, вполне доступных оружию царских войск. Военные в ходе карательных экспедиций угоняли скот, увозили хлеб и домашний скарб крестьян в царские крепости, взрывали башни, уничтожали хлеб на полях и аулы сравнивали с землёй. В результате переселенческой политики царизма, в Чечне в конце 1860 года из населения 7 выселенных на плоскость чеченских обществ: Нашхоевского, Терлоевского, Дышниевского, Мулкоевского, Чинхоевского, Хачароевского и, наконец, Чантинского возникли следующие новые аулы: Хайбах, состоявший из 60 дворов; Бауло –48 дворов; Бечик –35 дворов; Тусхорой –70 дворов; Итум – Кале –70 дворов; Гучум – Кале – 70 дворов и др.

В Шатоевском районе оперировали князь Туманов и Штанге, которые также чеченские аулы предавали огню, а население переселялось в другие районы или расселялось в стратегических целях по определённому плану. Так аулы: Сатты, Бекум – Кале, Киелло, Пашете и Гюэлише составили одно село – Сатты с населением в 100 дворов; Хали-Кале и Соно были объединены в один аул Хали-Кале и т.д. После ликвидации крестьянского восстания, руководимого Байсангуром, беноевцы, как наиболее неспокойный элемент, были расселены по всем плоскостным сёлам Чечни с таким расчётом, чтобы на каждый аул приходилось не более 10 семей беноевцев[29].

17 февраля 1861 года восстание в Ичкерии, руководимое Байсангуром и Султан – Мурадом Беноевским было подавлено. Жёсткие репрессивные меры царского правительства позволили в конечном итоге сломить сопротивление. Раненого Байсангура вместе с семьёй и сподвижниками пленили недалеко от аула Беной в местечке Бена-Дук. После недолгого разбирательства и скорого военно-полевого суда Байсангур в марте того – же года был повешен на одной из площадей Хасав – Юрта. Чеченская устная традиция сообщает, что, когда Байсангуру накинули петлю на шею, никто из окружающих виселицу солдат и казаков

не согласился выбить табуретку из-под него. Только после того, как распоряжавшиеся проведением казни офицеры предложили денежное вознаграждение добровольному палачу, эту роль взял на себя один из стоявших в толпе дагестанцев[30].

Восстание в Аргунском округе продолжалось до конца 1861 года и военной администрации Терской области пришлось принимать дополнительные меры, чтобы не допустить его распространения на соседние области Дагестана. В Дагестанскую область была направлена военная колонна для сдерживания жителей Ункратльского общества в оказании помощи восставшим чеченцам, через передвижение дагестанцев в Андийский округ и горы Верхнего Дагестана[31]. Для окончательного подавления чеченского восстания осенью 1861 года в Аргунский округ было стянуто большое количество войск, а также грузинской, осетинской, кабардинской, ингушской, дагестанской и чеченской милиции и конно-иррегулярных сотен. Войска были размещены на постой у местных жителей, которым было объявлено, что солдаты не уйдут до тех пор, пока руководители восстания не сдадутся властям. В это время графа Евдокимова назначили командующим войсками Кубанской области, а вместо него во главе Терской области поставили генерал-лейтенанта Д.И. Святополк – Мирского. Дмитрий Иванович отговорил кабардинцев от переселения в Турцию, а чеченцам объявил, что земли, которые предназначались для станиц Евдокимовым, останутся у чеченцев. Озадаченные крутым поворотом политической системы, чеченцы были обрадованы новым ходом истории и многие отказались от вооружённого сопротивления власти, восстание сошло на нет. Эти обстоятельства в немалой степени способствовали тому, что в середине декабря 1861 года вожди восстания сдались. Атабай Атаев сдался 14 декабря в укреплении Шатой, а Ума Дуев явился туда же на следующий день, с готовностью умереть, но, прося помилования у власти за тех, кого он увлёк в вооружённом сопротивлении[32].

Атабай Атаев в имамате Шамиля был наибом, мудиром (главой над рядом наибов). До августа 1846 года он стоял во главе Гехинского наибства (Малая Чечня), затем его сменил М. Анзоров. В числе известных учёных (алимов) Абдурахман из Газикумуха называл и Атабая[33]. После сдачи Шамиля в плен Атабай Атаев пошёл на службу к русским, исполняя обязанности муфтия и судьи в Ханкале так как в годы Кавказской войны он казнил многих чеченцев, родственники которых, в силу кровной мести, желали ему смерти, а доступ на Ханкалу для них был

закрыт[34]. Семья А.Атаева проживала по соседству с местом его работы. С началом всеобщего восстания в Чечне Атабай Атаев вместе с Умой Дуевым его возглавил. В результате подавления восстания, Атабай Атаев был сослан в Псковскую губернию, но не в качестве арестанта, а на поселение, под строгий надзор полиции. Атабаю ежедневно выдавали по 30 копеек серебром, а членам его семьи и слугам по 10 копеек на человека. Также за счёт казны для них арендовалось помещение. А. Атаев, вместе с Умой Дуевым был в Смоленске, откуда написал письмо сыну: «Я в Смоленске, – сообщал он, – здесь много мусульман. Я не имею ни в чём недостатка, кроме возвращения к Вам. Я вполне доволен щедростью здешнего русского народа…Образ их жизни чрезвычайно удивителен и различные их благодеяния не могут быть выражены словами и описаны пером. Весёлость жизни здесь лучше нежели там»[35]. Во время пребывания Атабая в городе Порхове, он был приглашён в гости к сестре полковника Баралевского, на которую произвёл неизгладимое впечатление. Сам полковник не мог нахвалиться его добрыми качествами. Востоковед Нафаль также хорошо отзывался о природном уме А. Атаева и оценил его глубокие познания в арабском языке[36]. В 1862 году А. Атаев подал прошение начальнику Терской области Д.И. Святополк – Мирскому: «Мы знаем, – писал он, что ключ нашего возвращения на родину, только в Вашей руке. По этой причине мы избрали Вас между прочими Начальниками и явились к Вам безусловно. Настоящее письмо Вашего Сиятельства мною получено. Содержание его и смысл обрадовали и возвеселили меня и я расцеловал оное с удовольствием, прочитывая его при том несколько раз»[37]. Однако Атабаю в возвращении на родину было отказано, так как высшее кавказское руководство опасалось, что он, будучи грамотным и уважаемым среди мусульман человеком, будет претендовать на должность, а, получив власть, снова может встать во главе нового восстания горцев. Получив отказ, А. Атаев, находясь в городе Касимове снова подал прошение, в котором изъявил желание поселиться в Петербурге и иметь при себе прислугу из мусульман; получать от 25 до 30 рублей содержания в месяц (вместо 14 рублей) и попросил определить своего сына на императорскую службу[38].

В отличие от А. Атаева, Уме Дуеву император разрешил вернуться на Кавказ, где, не смотря на оказанное доверие, в 1877 году У. Дуев снова возглавил восстание и после его подавления был повешен, а А. Атаев больше против власти не выступал. Ума Дуев широкое доверие и безграничное сочувствие сумел приобрести ещё при Шамиле, считавшем

его честнейшим и прямодушным человеком. Имам якобы сказал: «А этот человек – моя правая рука, считающая у себя силу в половину моей армии, – Ума Дуев. Он происходит из самых высших людей по отцу и по матери. Дарю ему землю»[39]. По отзыву командующего Кавказской армии генерала Орбелиани, Ума Дуев пользовался большим уважением у населения и по многим своим качествам мог при благоприятных обстоятельствах «сделаться главою восстания»[40].

Условия содержания на поселении в Смоленске у У. Дуева были лучше, чем у А. Атаева. Император лично распорядился выделить У. Дуеву единовременно 100 рублей серебром на приобретение одежды, белья и пр. На содержание ему отпускали по 50 копеек в день (Атабаю только 30), на наём квартиры казна выделяла по 5 рублей серебром в месяц, были даны деньги и на содержание прислуги. Ума Дуев, находясь в ссылке, подал прошение на имя М.Т. Лорис-Меликова: «Проезд по России, – писал он, – её огромное пространство населённое народом, вид бесчисленного войска русского, сделали меня опытнее и я понял всё бессилие моих земляков перед русскими и эта опытность может служить порукою моей безукоризненной службе России. Ходатайствуйте о моём возвращении на родину. Если же бедному изгнаннику нет надежды на возврат на родину, то нельзя ли мне исходатайствовать распределение в конно-мусульманский полк в Варшаву, чтобы в кругу своих земляков служить Великому Государю»[41]. Император разрешил У.Дуеву вернуться на Кавказ, для поселения в столице Терской области или её окрестностях. Однако по прошению Ипполитова, начальника Аргунского округа, Уме Дуеву разрешили вернуться в родное село, а не оставаться на поселении во Владикавказе. Более того, царские власти дали согласие на встречу У. Дуева с Шамилём в Калуге. 15 июня 1864 года во время этой встречи имам договорился с Умой о переписке и дал У. Дуеву свои личные деньги на дорогу домой. 15 июня Ума Дуев прибыл в Калугу к Шамилю, а 22 июня уже выехал на Кавказ[42].

М.Т. Лорис-Меликов, за время управления Терской областью постоянно опасался возникновения волнений среди горцев, выраженного в протесте против проводимых реформ и действий правительства. Практически каждую весну проводились им войсковые учения, осуществлялась передислокация войск. Города, штаб – квартиры войск были обнесены стенами или валами с башнями. На оградах передовых станиц находилось иногда по 2-3 орудия. Опасения начальника области были обоснованы: восстания постоянно вспыхивали[43].

Недовольная установленными порядками часть чеченского населения стремилась использовать против административного гнёта любую форму объединения и политического протеста, в том числе и религиозное учение[44]. Большие неприятности царским властям в 60-х годах XIX века причинило религиозное движение в Чечне, под руководством Кунта-Хаджи. Это мусульманское, суннитское течение чеченцы называли «зикируллах», что означало молитвословие, воспоминание имени Бога. Российские власти называли это религиозное движение «зикризмом»[45]. В справках Департамента полиции МВД России, в которых описывалось панисламское движение на Кавказе, отмечалось, что «зикры» и «зикристы» во второй половине XIX – начале XX вв. были в Дагестане, Чечне и в Закавказье, в тех регионах, где проживали мусульмане суннитского направления. Любопытно, что Департамент полиции не связывал движение «зикристов» с политическими мусульманскими движениями[46].

Свои проповеди Кунта-Хаджи начал ещё при Шамиле, во время Кавказской войны. Обряды этого учения сопровождались религиозным круговым танцем, распевным исполнением молитв. Шамиль принял решение, что некоторые моменты зикризма противоречат шариату, и запретил Кунта-Хаджи проповедовать в имамате[47]. После возвращения Кунта-Хаджи из Мекки, вокруг него снова стали собираться последователи. Впервые властные структуры в Терской области обратили внимание на это религиозное движение в начале 1862 года[48]. Начальник Терской области попросил Муссу Кундухова выяснить, является ли Кунта-Хаджи политически опасным чеченским лидером. Полковник М. Кундухов, на запрос Д.И. Святополк – Мирского отвечал, что Кунта-Хаджи он характеризует как человека смирного, преданного правительству и занимающегося земледелием и подворным хозяйством[49]. Зикризм действительно старался нравственно воспитывать своих последователей. Мусульманам предписывалось много трудиться, категорически запрещалось пьянство и воровство [50]. Кунта-Хаджи призывал чеченцев к молитве и труду и даже советовал не носить оружия[51]. Мюриды Кунта-Хаджи верили, что он – один из 360 святых, благодаря которым держится мир, и, что он после смерти вернется на землю, когда наступит определенный час[52].

В конце Кавказской войны чеченцы были доведены до физического исчезновения. Оставшихся в живых охватил глубокий пессимизм, многие потеряли жизненные и духовные ориентиры. Газават призывал чеченцев бороться с царизмом до победного конца, обещая уставшему от войны народу перспективы только в загробной жизни. В этот тяже-

лый для чеченцев период появился проповедник, призывавший народ к терпению, прекращению войны, братству, взаимной помощи. Им был чеченский суфий Кунта-Хаджи. Как отмечает А.Д. Кныш, «кадирийский суфий Кунта-Хаджи действительно призывал к мирному сосуществованию с русскими и «внутреннему» (духовному) джихаду как способу достижения духовного и морального совершенства и чистоты помыслов»[53].

В листовках, которые распространялись Кунта-Хаджи в Чечне и Ингушетии, он призывал к смирению: «Терпите, я из самых терпеливых». Но дальнейший текст листовки, попавшей к администрации, уже заставил её насторожиться: «Сказал Бог высочайший “ малая толпа победит большую толпу” и “Бог с терпеливыми”. Ибо Бог высочайше повелевает мне в скором времени держаться, давая мне меч, прежде старости. Нельзя восставать, не дождавшись ответа от Бога, – я ожидаю ответ от Бога и он явит мне его»[54]. Министр внутренних дел России вскоре проявил беспокойство в связи с распространением зикризма в Чечне, который счёл похожим на мюридизское движение[55]. Начальник Терской области Д.И. Святополк – Мирский имел свой взгляд на деятельность этого мусульманского движения: «…Действовать против такого религиозного течения административными мерами невозможно. Это бы раздуло огонь вместо его погашения». Дмитрий Иванович старался с помощью почётных и влиятельных лиц и мулл удержать зикристское течение в определённых рамках. Над Кунта-Хаджи и его семьёй был учреждён надзор. Святополк – Мирскому удалось удержать зикристов от столкновений с властными структурами российского управления[56]. С 1863 года движение зикристов приняло социально-экономический характер и стало очевидно, что оно явно направлено против колониальных властей[57]. Хотя данное религиозное учение не заключало в себе никаких положений, которые можно было бы считать вредными в политическом отношении, зикристы угрожали власти уже тем, что имели свою собственную организацию, управляемую одной волей. Вся территория, находившаяся под влиянием зикристов, была поделена на 8 административно-территориальных участков, последние в свою очередь на низшие звенья – аулы. Во главе участков стояли наибы, а функции низшей аульной зикристской администрации выполняли старшины. По сохранившимся архивным данным в пяти наибствах Чеченского округа (Автуринском, Аргунском, Ачхой –Мартановском и Урус-Мартановском) насчитывалось 5758 зикристов[58]. Представителями власти духовной стали имам и два шейха.

Представителями зикристской светской власти являлись наибы, векили и мюриды. Кунта – Хаджи принял звание имама, но по его утверждению, сделал он это временно. Народ предписывал ему дар творить чудеса, исцелять больных, способность переноситься из одного места в другое. Что касается состава учеников и последователей Кунта-Хаджи, то, по заключению А.Ипполитова, он был весьма специфическим и неожиданным: «Все, кому не нравился существующий порядок вещей; все, которые жалели о старом, добром времени, – все называли себя учениками и последователями Кунта – Хаджи и поборниками мусульманской веры, не имея ни малейшего понятия не только об учении зикра, но часто и о самой вере. Они – то в особенности и придали мистическому учению Кунта-Хаджи тот материальный и вместе с тем воинственный характер, который, в сущности, оно вовсе не имело». Со временем последователи Кунты стали проповедывать уже в Назрановском, Аргунском и Нагорном округах Терской области. Зикристы стали выполнять свои обряды публично, переезжая из аула в аул. Тогда областное руководство запретило «пение и пляски на улицах»[59]. Не на шутку встревоженный М.Т. Лорис-Меликов указывал на необходимость идеологического воздействия на население с целью отвлечь от «вредного» учения и одновременно предложил неординарное решение – тотчас же набрать из чеченцев – зикристов полк и отправить на театр военных действий в Польшу[60]. В 1863 году началось восстание в Польше, Литве и Белоруссии. Об этом стало известно чеченцам, обстановка накалялась. Поляков ссылали на Кавказ в наказание за участие в восстании[61]. Сотни горских офицеров и переводчиков, общаясь ежедневно с поляками, находившимися в Терской области, жадно выслушивали последние сообщения, и об этих событиях становилось известно всему чеченскому народу.

К весне 1863 года число последователей Кунта-Хаджи в Чечне возросло до 3000 человек и продолжало увеличиваться. Начальник Терской области, Михаил Тариелович, поначалу даже отказывался выполнять предписание Кавказского командования, требовавшего ареста Кунта-Хаджи. Своё мнение он аргументировал следующим образом: «…для нас будет очень невыгодно, если, взамен религиозной секты, у чеченцев явится вождь восстания»[62]. Однако, высшее Кавказское руководство не посчитало доводы М.Т. Лорис-Меликова убедительными, был отдан приказ об аресте Кунта-Хаджи Кишиева.

Начальник области запросил дополнительные воинские подразделения, для присоединения их к 25 батальонам, уже расположенным в

Терской области на случай «массовых беспорядков»[63]. 3 января 1864 года Кунта-Хаджи был арестован и сослан в город Устюжено Новгородской губернии, в бессрочное поселение под надзор полиции[64]. В государственном архиве Вологодской области (город Устюжено ныне относится территориально к Вологодской области) в выписке из «Ведомости о лицах, находящихся под надзором полиции Новгородской губернии в г. Устюжено и уезде за 1865 г.», под номером 18 данных ведомостей проходит «Чеченец Ших-Кунты. Возраст 35 лет. Сослан за распространение фантастического учения «зикра». Проживает в Устюжено, постоянных занятий не имеет. Получает в месяц 1 руб. 80 коп. Женат, жена живет на их родине». Другими сведениями государственный архив не располагает[65].

Известие об аресте Кунта – Хаджи взволновало его последователей, и они начали собираться сначала в Герменчуке, а затем в Шали с намерением принудить руководство к освобождению имама. Генерал – майор Туманов двинулся к Шали с отрядом из 6 батальонов пехоты. Вблизи чеченского аула Шали большая масса зикристов, предводимых векилями, с пением религиозных гимнов, не вынимая оружие и надеясь только на неуязвимость, которую они думали получить с помощью зикра, двинулись на царские батальоны, вооружённые пушками. Войска окружили мюридов и устроили побоище[66]. На месте столкновения осталось 164 убитых. В числе заколотых штыками оказалось 5 женских трупов. В отряде князя Туманова 33 военных было ранено, 8 убито. 22 января 1864 года начальник Терской области приказал отряду генерала Туманова расположиться между селениями Герменчук и Шали, а всем наибам и почётным лицам Чечни явиться в крепость Грозную. 26 января 1864 года М.Т.Лорис-Меликов объявил собравшимся чеченцам, что они обязаны выдать всех зикристов[67]. Был назначен последний срок – 1 февраля, после чего начальник области пригрозил начать военные действия. Он также запретил исполнение зикристских обрядов[68]. В аулах Чечни жители были связаны взаимной порукой, и списки старшин в фамилиях и ответчиков перед правительством, в случае нарушения спокойствия в крае, должны были быть представлены наибами в конце февраля 1864 года[69]. После возвращения из крепости Грозной, наибы и старшины в своих аулах арестовали 8 последователей Кунта-Хаджи. Семьи не пойманных зикристов взяли под стражу и выслали в Екатериноград[70]. В связи с этим один зикрист сам сдался, чтобы освободили его семью. Девять зикристов были высланы на крепостные работы, сроком на 4-5

лет в города: Кронштадт, Свеаборг, Выборг, Ригу, Динаминд, Динабург, Бобруйск, Брест-Литовск, Бендеры, с дальнейшим отправлением их в Сибирь, на поселение[71].

Спустя некоторое время М.Т. Лорис-Меликов поднял вопрос перед Главным штабом Кавказской армии о том, чтобы вернуть из ссылки всех зикристов, высланных в дальние уголки России в результате Шалинского восстания, с целью отправления их в Турцию[72]. Турецкое правительство изъявило согласие на принятие означенных чеченцев с тем условием, чтобы одновременно с зикристами переселились в Турцию и все члены их семей. В ноябре 1866 года о данном решении Порты Министерство иностранных дел уведомило руководство Кавказа. Кавказское начальство стало разыскивать высланных чеченцев, чтобы отправить их в Турцию. Выяснилось, что шесть зикристов так и не прибыли к месту ссылки и следы их затерялись. Трое – Хамзатов, Султанмерзаев и Телип Вагоби – умерли[73]. 19 мая 1867 года умер от голода и истощения Кунта-Хаджи. Местопребывание и смерть его были засекречены. Письма, посылаемые им к родным, в которых он просил оказать ему содействие для поддержания существования, перехватывались и не доходили до адресатов[74]. В письме на имя своего ученика Вары Гехинского Кунта-Хаджи писал: «Тебе завещаю соединить народы в братстве, примирить русских и вайнахов или смирить народы России свободой»[75].

Назм (слово назм происходит от арабского корня нзм, означающего «нанизывание жемчуга», «приведение в порядок», «сочинение стихов») «О Хаджи, наш Кунта-Хаджи» восхваляет подвиг Кунта-Хаджи и оплакивает разлуку с ним. Это один из самых проникновенных чеченских назмов. Представляем отрывок одного из назмов:

В Илисхан-Юрте – прах отца-Киши,
На святой Эртан Корте – мать Хеди.
Божьей воле следуя, бренность мира приняв на себя,
Незримо мюридов храня, милость Божья
С Тобой, Хаджи!
Где б ты ни был, по воле Божьей,
Знают мюриды, и стар, и млад,
Что Хаджи незримо пред Богом
Мюридам своим просит прощенье.
Нет Бога, кроме Аллаха,
Мухаммад – Посланник Аллаха[76].

Поклонение матери святого (Хеди) и признание ее в качестве святой не только в обрядовой практике чеченских тарикатов, но и в суфизме в целом – удивительный феномен[77].

Чеченский абрек Вара Гехинский, являвшийся последователем Кунта-Хаджи, долго преследовался властями. По указанию Чеберлоевского пристава Гуданата Мударова он был окружён в одном из домов Ново-Атагинского аула крупным отрядом царских войск и после отчаянного 3-х часового единоборства был убит[78]. В его честь в Чечне была сложена песня, а в память измены народному делу Гуданата были воздвигнуты в Чечне, по дорогам, кучи камней, к которым каждый прохожий обязан был присоединить и от себя камень, произнося вместе с этим проклятие тому, кто был виновным в убийстве Вары[79].

В течение мая 1865 года ученик Кунта-Хаджи Таза Экмирзаев распространял в Ичкерии воззвания, в которых сроком восстания назначался день 24 мая, а местом сбора аул Харачой[80]. В связи с волнениями в Ичкеринском округе в 1866 году полковник Головачёв в течение нескольких дней считал положение очень серьёзным и доносил находившемуся в Грозном начальнику области, что «…с Божиею помощью надеемся отстоять Ведено». Такие опасения возникали у Головачёва даже с четырьмя батальонами, находящимися за стенами укрепления, снабжённого артиллерией[81]. Военный отряд, посланный областным руководством, арестовал Тазу и его 17 помощников. Военно-полевой суд приговорил Тазу к смертной казни, но затем помиловал его и заменил смерть на 12 лет каторги. В наказание за поддержку восставших аул Элистанжи был выселен в Надтеречное наибство, а аул Харачой обложили денежным штрафом в размере 1000 рублей[82].

Согласно сведениям, содержащимся в служебной переписке представителей местной администрации с центром в мае 1865 года «…пастух Таза, уроженец села Харачой, выдавая себя за святого, начал призывать своих односельчан к восстанию, говоря о скором появлении нового имама». Несмотря на первый успех своей агитации, ему не удалось добиться широкого отклика в местной среде. В своем рапорте вышестоящей инстанции М.Т. Лорис-Меликов особо отметил: «Беспорядок этот имеет только местный характер; чеченское население, занятое приготовлением к переселению в Турцию, не принимает в нем пока участие, а перестрелка шайки Тазы с жителями прочих аулов Ичкерии, как случай весьма редкий в чеченском племени, произвела даже благоприятное на нас впечатление». Почему же местное население отказало

в помощи и поддержке человеку, доводы которого в любое другое время нашли бы отклик в самых широких его слоях? Лишь потому (как это и отмечает Лорис-Меликов), что перед обществом в тот момент стояла важная проблема – переселение в Турцию, которое поступок Тазы мог бы сорвать. Широкомасштабное восстание, к коему призывал Таза, или его уход с группой единомышленников в леса для дальнейшего сопротивления – все это неминуемо вызвало бы репрессии со стороны властей и процесс переселения, идея которого к тому времени овладела местным населением, был бы сорван. «В Чечне, – рапортовал из Владикавказа Мусса Кундухов, – везде спокойно, думают только о переселении, сердятся и бранят Тазу, над которым вместе с тем смеются, называя его кто как хочет…»[83]. Василий Немирович-Данченко, путешествовавший по Чечне, с горечью замечал: «Не завидна судьба этих вольных орлов – некогда свободных рыцарей – горцев, запертых ныне в административных курятниках; горцев, братья которых тысячами вымирают в Анатолии и Сирии, поселенные турецким правительством среди враждебных им племени!»[84]

В 1866 году дело Кунта-Хаджи продолжил мулла Абдурахман Ибрагимов, проповедовавший зикризм в юго-восточном районе Чечни. За короткое время он сумел вовлечь в свои ряды значительную часть населения. В декабре месяце 1866 года майор Петухов арестовал А. Ибрагимова[85]. Несмотря на явные и серьезные расхождения между братствами Накшбандийя и Кадирийя, Кунта – Хаджи, похоже, никогда не осуждал прямо накшбандийцев, признавая их тарикат вторым по суфийской утонченности после своего собственного. В противоположность накшбандийцам Кунта – Хаджи отвергал идею активного вовлечения суфия в мирские дела. Он нее только отвергал политическую борьбу, но и видел в ней лишь грех против божественного промысла Аллаха. Шейх утверждал, что люди, попавшие под власть русских, не только не теряют веры и уважения единоверцев, но и возвышаются над ними в силу перенесенных страданий[86].

Особое негодование покоренного народа вызывали вопросы перераспределения земли, а попросту говоря – реквизия земли у горцев Кавказа. Поэтому вплоть до революции 1905 г., на Северном Кавказе, и особенно в Чечне, периодически возникали крестьянские восстания, объяснявшиеся, прежде всего, земельной проблемой[87]. Накануне русско-турецкой войны царские стратеги рассматривали возможность возникновения взрывоопасных ситуаций на Кавказе и ведения воен-

ных действий на два фронта: в тылу и на территории Порты. Особенно сильные опасения вызывал регион Северо – Восточного Кавказа. Хотя поколение воинов времён Кавказской войны уже постарело, а молодые люди выросли уже при новой власти и «пороху не нюхали», тем не менее, чеченцы не скрывали, что в случае движения войск на границу, они готовы восстать[88]. По мнению Кавказского руководства самой ненадёжной считалась Терская область, а самой надёжной в плане антиправительственных выступлений – Дагестанская область. Однако, вопреки прогнозам, накануне восстания наиболее часто агитировали чеченцев за возмущение против власти выходцы из Дагестана и именно в Дагестанской области, где никто не предполагал – восстание достигло грандиозных масштабов[89]. Приписанный к аулу Курчалой мулла Хаджи-Магома Магомаев, уроженец Дагестана, ещё в начале 70-х годов XIX века, пользуясь своим служебным положением, начал возмущать народ против действий русского правительства. Под предлогом общения с родственниками он часто посещал Дагестанскую область, а, возвращаясь, говорил чеченцам, что они как единоверцы и ближайшие соседи обязаны одновременно восстать вместе с дагестанцами против русских[90]. С лета 1874 года М.Т. Лорис-Меликову неоднократно сообщали окружные начальники и горцы об участии духовных лиц соседних обществ Дагестана в подстрекательстве чеченцев к беспорядкам. Особенно сильный ропот против действий правительства проявлялся в тех районах Чечни, которые граничили с Дагестаном. В Ичкерии было зафиксировано несколько случаев неповиновения сельским старшинам, распространялась молва о появлении шейхов и имамов[91].

Лезгинский историк Гасан Алкадари, высланный в Тамбовскую губернию за подозрение в сочувствии к восстанию 1877-78 гг., в своей работе «Диван ал Мамнуы», написанной на арабском языке в классической восточной форме, пришёл к выводу, что главной причиной восстания он считает свободолюбивую традицию горцев и их нежелание находиться под властью других народов. В одной из касад, написанной в 1894 году Г. Алкадари представляет дело так, будто «чрезмерная доброта и забота», проявляемые о горцах Россией, были истолкованы как проявление её слабости и это заблуждение, по его мнению, послужило одной из причин восстания[92].

Накануне восстания ходили слухи, что абхазцы и сваны хотят прорваться на Северный Кавказ и поднять здешнее население против власти[93]. Немалую роль в подстрекательстве против действий правительства

сыграли горцы, высланные за пределы области и сбежавшие из мест ссылки. Они находились на нелегальном положении в Терской области также как и сотни мухаджиров, тайно вернувшихся на Кавказ. Ссылка граждан в Сибирь, без суда и следствия, административным порядком, не встречала сочувствия в обществе, а приводила к его возмущению. Количество ссыльных было столь велико, что начальник острова Сахалин вынужден был обратиться с ходатайством об ограничении высылки на остров уроженцев Кавказа. Беглецы, не имея возможности жить на родине открыто, волей-неволей прибегали к грабежам и разбоям, или становились духовными лидерами сопротивления власти, сломавшей им жизнь[94].

В 70-е годы XIX века на территории Терской области действовали турецкие агенты. Чеченский мухаджир Абдул Керим в Турции был переводчиком по делам мухаджиров у Эмин Паши. Весной 1870 года он получил задание пробраться через границу и посетить все горские общества Терской области, дабы сообщить им, что «…блистательная Порта требует от них восстания против России и обещается им тотчас же, помочь, объявить немедленно войну». В залог справедливости этого сообщения он, Абдул Керим, указывал на своего отца Цуцо и на своих братьев и дядей, проживавших в 3-х днях пути от Грозного, которых, в противном случае, если Турция не поможет восставшим, горцы могут «изрубить в куски»[95]. Был пущен слух, что все чеченцы, принявшие участие в восстании, навсегда избавляются от всяких налогов и получают землю в собственность в Турции, – не принявшие участие в восстании будут обращены в рабство. Восстанию горцев в Беное способствовала распространившаяся молва о том, что Мусса – Паша Кундухов с черкесами уже около Владикавказа и вот – вот будет в Чечне[96].

Подготовка к восстанию 1877-78 гг. в горной Чечне началась ещё весной 1876 года. Жители горных аулов собирались в лесах на тайные сходки, где речь шла о непосильных страданиях народа, звучали клятвы не мириться с установившимися порядками. Последним толчком к восстанию послужили слухи о появившейся возможности в условиях войны ликвидировать местные органы власти[97]. В конце 1876 года и в начале 1877 года паломники Терской и Дагестанской областей возвращались на родину по -прежнему, без всяких утеснений и осмотров. Оказалось, что они-то и были эмиссарами, получившими в Стамбуле не только личные указания, но и прокламации, призывавшие к всеобщему восстанию[98].

Восстание 1877-78 гг. возглавил паломник Алибек-Хаджи Алдамов, возвратившийся из Мекки через Константинополь[99]. В Турции Алибек – Хаджи встречался с сыном Шамиля Гази – Магомедом, от которого получил целый план, как поднять Чечню и весь край одновременно с турецкими высадками на Черноморском побережье[100]. Сын Шамиля, Гази-Магомед 7 августа 1871 года вместе с братом обратился к военному министру Д. Милютину с докладной запиской, прося разрешить ему, как старшему в роду, после смерти отца, временное проживание в Турции для опеки родных и близких. 14 августа Александр II дал Гази-Магомеду дополнительный отпуск в Турцию, а 7 тыс. рублей выделялись сыну имама в качестве «единовременного пособия по разъездам». Под влиянием горской эмиграции Гази-Магомед поступил на службу в турецкую армию. В период русско-турецкой войны 1877-78 гг. он в чине дивизионного генерала командовал турецкими частями при осаде крепости Баязет. На Северном Кавказе вспыхнуло освободительное восстание. Горцам была обещана поддержка со стороны турецких войск во главе с сыном их любимого имама[101]. Турецкие войска под Карсом одержали временную победу. На Кавказе поползли слухи, что войска султана во главе с Гази –Магомедом приближаются к Тифлису и скоро будут на Северном Кавказе[102]. Но слухи в очередной раз не подтвердились. Турецкая армия терпела поражение. Восстание горцев было подавлено. После войны Гази-Магомед не пожелал участвовать в дворцовых интригах и вскоре оказался в опале: турецкий султан отстранил сына Шамиля от военной службы, хотя и присвоил ему чин маршала и отправил в почётную ссылку в Медину. Там Гази-Магомед и умер в 1902 году, завещав похоронить себя рядом с отцом, что и было выполнено[103].

В 1877 году в Чечне распространилась молва о том, что в горах найден «священный меч» посланный Аллахом для истребления гяуров, и что этот меч находится в руках Алибека – Хаджи[104]. Воспользовавшись началом русско-турецкой войны, уважаемые горцами Солтмурад и Алибек – Хаджи Алдамов из Зандака 13 апреля 1877 года собрали авторитетных людей из разных районов и сёл и сообща решили разорвать все отношения с правящим режимом[105].

Зандакский хутор Семсир состоял из 20-22 дворов, занимавшихся выделкой деревянной посуды для продажи. К числу хуторян принадлежала и семья Алдамовых, состоящая из отца и 5 братьев. Алибек был молод (24-25 лет), простодушен, легковерен и религиозен, поэтому,

вероятно, в Турции не особенно трудно было убедить его принять титул имама и поднять на своей родине знамя восстания, во имя свободы и возвышения религии[106]. По возвращению из Мекки, Алибек стал вести пропагандистскую работу, готовя население к всеобщему восстанию[107]. На тайных собраниях Алибек – Хаджи говорил о том, что царь Александр II вскоре после взятия в плен имама Шамиля, начал оказывать давление на мусульманскую религию, на шариат и вообще на чеченцев[108]. Секретарь Алибека – Хаджи писал: «…собрав тайно людей, Алибек – Хаджи провёл заседание, где поднял вопрос о препятствиях, чинимых царём Александром II мусульманской религии и шариату, а также о различных запретах. В то время царские власти оповестили о том, что в мечетях запрещается читать громко зикры, хаджиям носить халаты и чалмы паломников, а также собираться в толпы для вызывания дождя. Люди, присутствовавшие на данном собрании, и особенно Алибек-Хаджи, говорили, что все эти запрещения несовместимы с шариатом; договорившись, приняли решение избрать Алибека – Хаджи имамом и, укрепляя его власть, назначить во всех местах его наибов. Ровно через 2 недели, в понедельник днём, Алибек – Хаджи раскрыв общий замысел, благословил дело молитвой»[109]. Алибек –Хаджи предлагал избрать имамом Солтмурада, но последний, сославшись на возраст, рекомендовал 27-летнего Алибека.

По свидетельству Н. Семёнова, краеведа и очевидца тех времён, Алибек Алдамов распускал слухи о том, что русские, за неимением на Кавказе войск, нарядили в солдатские мундиры женщин. Другой раз имам объявил о том, что турецкие войска взяли Тифлис и под предводительством Гази-Магомеда, сына Шамиля, усиленным маршем идут прямо в Ичкерию. В третий раз его приближённые нарядили дагестанца в красный халат и выдавали его народу за турецкого пашу, присланного султаном[110]. Даже начальник Терской области, генерал-адъютант Свистунов, признавал, что: «...все без исключения чеченцы, если и не прямо, всё равно сочувствуют и желают успеха Алибеку. Некоторые видят в нём несчастного, которому приходится страдать за предпринятое им святое дело религии и которому поэтому, хотя в тайне, помочь обязан каждый правоверный»[111].

Шейх Дени Арсанов являлся последователем тариката накшбандийа. В 1877 году Дени участвовал в восстании Алибека – Хаджи Зандакского. Его дед был другом князя Бекович-Черкасского, а отец служил в царской милиции. Дени был против того, чтобы его отец служил царю

и настойчиво просил бросить службу. Но практичный отец, материально обеспечивающий своих детей, на это пойти не мог. За примерную службу он не раз награждался царскими медалями и крестами[112].

В 1877 году наместнику, в качестве главнокомандующего Кавказской армией, было предоставлено право объявления различных местностей края на военном положении, что, безусловно, служило дальнейшему укреплению позиций российского руководства на Кавказе[113].11 апреля 1877 года вышел закон, по которому Главнокомандующему Кавказской армией разрешалось объявлять на военном положении те местности Кавказа, которые вызывали для этого необходимость[114].

Заметное место в проектах покорения Кавказа занимал вопрос о методах и масштабах использования местных военных ресурсов в имперских целях, попросту говоря, о покорении края с помощью его жителей. Несмотря на скептическое отношение к национальным формированиям со стороны ряда военачальников, милицейские и постоянные части, формировавшиеся на добровольной основе, сыграли заметную роль в истории Российской империи. Военная служба позволяла установить какой-то контроль над «горючим материалом» и направить его энергию в русло, согласное с видами правительства[115]. Россия сочетала в покорении Кавказа разные методы: от материального и морального поощрения «мирных» горцев до жестоких расправ с непокорными, депортаций и заселения освободившихся территорий казаками[116].

Чеченцы охотно шли служить в милицейские части. «Нельзя не отдать справедливости туземцам, – делился своими воспоминаниями о путешествии по Ичкерии И. Огранович, – их неутомимому старанию, способности и готовности служить (многие из них служат в постоянной милиции). Я убедился собственными глазами, как быстро, охотно и добросовестно они исполняют все поручения и приказания начальства, при чем никогда не заметишь на лице их ни малейшего оттенка неудовольствия или отказа; малейшее же поощрение служит особым побуждением к соревнованию между остальными»[117].

1 ноября 1876 г. началось новое формирование милиции, призыв в которую населением Кавказа был встречен в целом благожелательно. Масса добровольцев, желающих поступить на службу, была одним из доказательств популярности военной службы среди народов Кавказа. В Дагестанской области, где предполагалось сформировать один полк, добровольцев набралось для трех полков, а затем здесь же началось формирование еще одного, – конно-иррегулярного полка. В Терской области

добровольцев оказалось достаточно для 12 сотен. В последствии из добровольцев были сформированы конно-иррегулярные полки[118].

15 января 1877 года был сформирован Чеченский Конно-иррегулярный полк. Командиром полка стал Арцу Чермоев. К середине февраля 1877 года в этот полк было зачислено около 600 человек из Грозненского, Аргунского, Веденского и Хасав-Юртовского округа[119]. В Чеченском конно-иррегулярном полку кроме чеченцев, служили русские Екимов, Фролов, грузины Камладзе, Мачавариани, осетины Дзозиев, Кантемахов и др. Так складывалась боевая дружба народов России, явившаяся важным фактором победы в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. На территории Османской империи, в период военной компании, с переходом русских войск в решительное наступление, развернулось Авлияр – Аладжинское сражение в Восточной Турции. Чеченский полк был в числе первых частей, ворвавшихся на Базарджикские высоты. «Чеченцы, – писал «Тифлисский вестник» – подобно урагану неслись все вперед и вперед». После этого многодневного сражения, завершившегося разгромом турецких войск, перед русскими войсками открылся путь к Эрзуруму. В ходе боев Чеченский полк понес значительные потери – до четверти личного состава. Полк был удостоен специального наградного знамени, а его воины – знаков на головные уборы с надписью «За отличие в Турецкую войну»[120]. Генерал – майор С. Духовский, в своей записке «О мерах сохранения спокойствия населения в Дагестанской и Терской области на случай войны» писал, что население Кавказа не только не создаст правительству никаких забот в случае военных столкновений с Турцией, но, напротив, примет в нём участие в том направлении, которое ему будет указано[121].

В XIX веке русские цари командовали самой большой армией в мире (включая пограничные войска) – с ней была сравнима в течение нескольких лет (в 1860-х годах) только Американская союзная армия. Однако в Российской империи было меньше военных на душу населения, чем в Германии и Франции (не считая колоний), и ненамного больше, чем в Австро-Венгрии или Франции, включая ее колонии. В пределах империи соотношение армии и населения заметно варьировалось. На окраинах царских владений концентрация войск была намного выше, чем в какой-либо из европейских колоний в Африке, в британской Индии или во французских владениях.

Расходы на военные нужды составляли лишь очень малую часть общего бюджета, кроме того, расходы на каждого солдата в Россий-

ской империи были меньше, чем у ее основных соседей. Россия не могла себе позволить призывать на военную службу всех надлежащих призыву, и, освобождая от военной службы почти 65% призывников, страна обучала военному делу меньшую часть своих мужчин, чем любая другая крупная держава. Только в 1903 году все военные были, наконец, расквартированы в казармах и тем самым изолированы от гражданского населения, и только после 1906 года жизнь солдат стала более милитаризованной, когда их освободили от необходимости самих себя обеспечивать пищей и одеждой и работать по найму, чтобы помочь покрыть расходы[122].

Среди чеченцев весной 1877 года снова стали распространяться слухи, что в случае войны России с Турцией, русские не в силах будут подавить восстание, т.к. их основные силы будут находиться на турецком фронте. Между тем, 12 апреля 1877 года война с Турцией действительно была объявлена[123]. Событие это, ставшее известным мусульманам горных округов раньше, нежели местному начальству, послужило как бы новым подтверждением приведённых слухов[124]. В ходе русско-турецкой войны Кавказский театр военных действий должен был играть второстепенную роль. Он должен был оттягивать силы турок с главного Европейского театра военных действий[125].

Обстановка для восстания складывалась благоприятно. К началу русско-турецкой войны значительная часть войск, находившихся в Терской области, была направлена в Закавказье. Туда же были посланы и иррегулярные горские формирования. Полки и батальоны расквартированных в Терской области войск не соответствовали по численности даже штатам мирного времени. В батальонах было по 200-250 человек, тогда как в мирное время положено 500, в военное – 900 человек. Прибытие запасных солдат ожидалось лишь к 25 апреля. В результате, к началу восстания, по данным официальных источников, русское командование, помимо охранных и караульных частей, располагало всего 2,5 – 3 тыс. солдат (главным образом пехотинцев)[126].

Постоянная экономия на нуждах армии привела к тому, что в 1877 г. она была вооружена винтовками нескольких образцов, не обладая преимуществом единообразия вооружения. Из 48 пехотных дивизий русской армии только 16 имели на вооружении современные для того периода винтовки системы Бердана с предельной дальностью стрельбы до 1200 шагов. 5 дивизий на Кавказе имели игольчатые винтовки Карле с бумажными патронами, 27 – винтовки системы Крнка. Обе

винтовки имели прицельную дальность стрельбы до 600 шагов в линейных ротах, до 1200 у унтер-офицеров и у всех в стрелковых ротах. Поскольку серийный выпуск малокалиберных берданок начался с 1874 года, в ходе перевооружения в течение 1877 года могли быть снабжены новым оружием лишь войска, находившиеся в пределах империи и не участвовавшие в военных действиях, а также вновь формированные войска[127].

Через Терскую и Дагестанскую области пролегали единственные пути, по которым русская армия на Кавказском театре могла получить подкрепление и снабжаться боеприпасами и продовольствием. Этих коммуникаций было две: Военно-Грузинская дорога от Владикавказа до Тифлиса и дорога вдоль побережья Каспийского моря до Баку. В Терской области находился узел сообщений Кавказской армии с её базой. Перерезав эти коммуникационные линии, можно было поставить русскую армию в Закавказье в чрезвычайно тяжёлое положение, что обеспечило бы успех турецких войск[128].

В ночь с 12 на 13 апреля около 60 представителей различных сёл Веденского округа собрались в лесу близ аула Саясан и клятвенно обещали объявить свою независимость. Алибек-Хаджи здесь был провозглашён имамом и встал во главе национально-освободительного движения[129]. Интересен сам круг руководителей нового восстания, большинство которых либо и раньше уже участвовали в вооруженной борьбе против России, либо происходили из фамилий, отличившихся в предыдущих восстаниях. Как почти сразу же стало известно российским властям, среди главных деятелей восстания был родной брат Алибека-Хаджи – Алихан-Хаджи, а также хорошо известный еще по восстанию 1860-1861 гг. дядя провозглашенного имамом Алибека-Хаджи Алдамова Солтамурад (Султан-Мурад) из Беноя. Другим руководителем восстания стал отбывший ссылку за участие в восстание 1860-1861 гг. Ума Дуев, находившийся уже в весьма преклонном возрасте[130]. Восстание буквально разделило многие чеченские семьи. Так старший сын У. Дуева – офицер совместно с приставом 2-го Шатоевского участка, 10 охотниками и несколькими местными жителями участвовал в военных действиях против восставших. У участника восстания Гаты-Хаджи родной брат – подпоручик Хату Мамаев командовал сотней в Чеченском конном полку. Начальник Терской области стремился использовать родственные связи между чеченцами, чтобы склонить хотя бы часть восставших к прекращению сопротивления[131].

Алибек – Хаджи, лидер восстания в Чечне, собрав Совет «с лучшими из мужей», сообщил им о начале войны между падишахом ислама (турецким султаном) и падишахом русских (царём), и сказал: «С моей точки зрения для нас было бы хорошо, если бы оказался нарушенным договор («ахд»), заключённый с неверными». В данном случае имеются в виду условия капитуляции имама Шамиля. Ни один из местных источников не пишет об объявлении джихада. С юридической точки зрения (исламское право) этого не требовалось, т.к. газават уже был однажды объявлен[132].

Момент для начала восстания был выбран удачно: в Терской области оказалось так мало войск, что без прикрытия остались даже наиболее важные переправы на реке Сунже. К тому же имевшиеся в наличии войска не были полностью укомплектованы, а прибытие пополнения ожидалось только в конце апреля. В Терской и Дагестанской областях к началу восстания находились 24 полевых батальона и местные войска, но областное руководство, испугавшись размаха восстания, запросило помощи и царское правительство вынуждено было две лучшие боевые дивизии – 20-ю и 21-ю направить не в Азиатскую Турцию, на войну, а разместить их на Северо – Восточном Кавказе, для подавления восстания[133]. Таким образом, восставшие горцы помогли туркам, оттянув значительную часть русской армии на себя[134]. Во Владикавказе говорили, что имам Алибек получит от турецкого султана золотую саблю в благодарность за то, что он 2 дивизии задержал восстанием в Чечне и Дагестане[135]. 149-й пехотный Черноморский полк должен был охранять Кубанскую область, но из-за восстания в Чечне, был переброшен на Восточный Кавказ. В Чечне полковые вещи, аптеки, орудия перевозились на вьюках по непроходимым тропам, которые нередко приходилось разрабатывать на ходу, для чего требовались ещё большие воинские силы[136].

Восстание началось 17 апреля 1877 года[137]. Число восставших определялось различно, но их было не менее 2-х и не более 5 тыс. человек. Горцы, за весьма немногим исключением, были вооружены старыми кремневыми винтовками[138]. О масштабах восстания 1877-1878 гг. красноречиво свидетельствуют потери: в Дагестанской и Терской областях в 1877 году было убито 9 офицеров и 242 солдата, ранено 34 офицера и 814 солдат. По мнению В.В. Лапина, Кавказская война закончилась подавлением восстания в Дагестане и Чечне в 1878 году, а началась Персидским походом Петра Великого в 1722-1723 гг.[139].

Е.Г. Вейденбаум так описывал восстание горцев: «В 1877 году, в последнюю Турецкую войну, легковерный, восприимчивый и воинственный чеченский народ первый поднял восстание против русской власти во имя Ислама и своим примером привлёк население Дагестана»[140]. Другой современник сравнивал события в Чечне с Французской революцией: «Имея случай близко видеть и наблюдать горцев во время мятежа 1877 года – мы неоднократно вспоминаем, как блузники, как уличные мальчишки бросались к баррикаде, с таким же лёгким сердцем, незлобно, весело шла горская молодёжь в леса, на завалы или в засады, устроенные против русских. Во имя какой идеи рисковал горец своей свободою, может быть жизнью? Только за тем, что этим нарушалось однообразие, что представлялся случай поволноваться, пошалить, и затем, подобно охотнику, с неимоверными преувеличениями рассказать в кругу односельчан свои подвиги и опасности, которым подвергался…»[141].

О масштабах выступления горцев под руководством 27 летнего Алибека-Хаджи Алдамова говорит тот факт, что с 17 по 20 апреля движение охватило 47 из 62 аулов горной Чечни, с населением 18 тыс. человек. 18 апреля в числе восставших было 200 человек, а к 19 апреля их количество увеличилось до 500[142].Российские военные единодушно отмечали высокую боеспособность горцев и постоянно указывали, что война с горцами намного тяжелее военных действий против регулярных турецких или иранских армий: «Единственные войска, которые Восток после охлаждения первого взрыва мусульманства мог противопоставлять европейцам, были всегда составлены из кавказцев…В отношении военной энергии сравнивать кавказских горцев с алжирскими арабами и кабилами…может быть только смешно. Горцы брали голыми руками крепости, где сидел целый батальон»[143].

19 апреля 1877 года Терская область была объявлена на военном положении[144]. Волнения в какой – то степени были выгодны для администрации, получавшей награды за энергичное подавление беспорядков и имевшей возможность в условиях военного положения устранить или уничтожить часть неугодного населения. Военным вспышки непокорности давали уже редко представлявшуюся в это время возможность получить новый чин или орден не на войне, а в условиях мирного времени, воюя с плохо вооружёнными гражданами Российской империи[145]. В ходе подавления восставших, солдаты безнаказанно мародёрствовали на занятых территориях, а также травили посевы, отбирали у населения лошадей, резали скот даже без какой-либо на то необходимости[146]. Гене-

рал-адъютант Свистунов не скрывал, что восстание в какой-то степени «сыграло на руку» областной администрации, т.к. после подавления мятежа жить в Терской области стало намного безопаснее, по сравнению с тем положением, которое складывалось до 1877 года[147]. В Терской области за весь период восстания ни одного сколько-нибудь серьёзного боя не произошло. Составитель истории полка, батареи, бригады, почти всегда один из офицеров данной части войск, был заинтересован преимущественно в тех событиях, которые бы показывали подвиги этого подразделения, создающие её боевую славу, поэтому нередко осуществлялись приукрашивания незначительных событий или даже осуществлялась их прямая фальсификация.

О том, что в горах Кавказа не всё благополучно имелись смутные представления как в России, так и за границей. До какой степени простиралось неблагополучие оставалось скрытым для большинства, даже для находившихся в это время на Кавказе[148]. Английское правительство особое внимание уделяло Кавказу и Средней Азии, как наиболее уязвимым местам Российской империи. В Англии были уверены в неизбежности восстания на Кавказе и успешном завершении похода в Закавказье англо-индийской армии. По плану англичан турки, отказываясь от активных действий в европейской части своего господства, должны были все силы направить на вторжение в Россию со стороны Азии. Одновременно агрессоры рассчитывали на широкую поддержку горских народов Кавказа[149].

В середине мая 1877 г. османское командование высадило севернее Сухума около 10 состоявших в основном из мухаджиров батальонов, в формировании и подготовке которых участвовал, наряду с другими офицерами – северокавказцами, и М. Кундухов. Тогда же ему было предложено военным министром лично отбыть в Абхазию для руководства действиями этого десанта и вовлечения в инспирированное им восстание как можно более широких слоев местного населения, но Мусса Кундухов предпочел воздержаться от этой миссии, заявив, что направленные на Кавказ османские силы слишком малочисленны, чтобы способствовать достижению поставленных целей[150].

Многие чеченские общества и отдельные лица по несколько раз обращались к начальнику Аргунского округа с просьбой разрешить им арестовать и доставить к нему всех нарушавших порядок, но он на это не давал согласия[151]. Многие старшины напрямую обращались к начальнику Терской области с негодованием: «..зачем допустили Алибека

–Хаджи забрать такую силу…взбунтовать всю Ичкерию…У нас, ведь, ты знаешь, в начале ничего не было. И сидели бы мы спокойно, если бы тех остановили…»[152].

Исключительные обстоятельства заставляли общество отступить от принятых моральных обязательств по отношению к восставшим. И таким обстоятельством была непосредственная угроза жизни целого коллектива. Существовал некий предел возможного, после чего общество, продолжавшее придерживаться прежних позиций, ставило себя на грань выживания. Представителями этого взвешенного начала выступали старшины, которые брали на себя ответственность вести общество по непопулярному, «негероическому» пути. Обязанность подчиняться воле старейшин, когда дело касается общественных интересов, давала возможность обществу, где культ мужчины, воина был основополагающим, достойно выйти из состояния политического клинча с минимальными моральными потерями[153].

С 12 на 13 апреля восставшие, во главе с молодым имамом, выступили с развивающимся на высоком древке красным знаменем. На первой лагерной стоянке, при ярком освещении костров, восставшие присягнули на Коране служить делу восстания до последнего, не выдавать друг друга и изгнать русских с Кавказа. Куда ни подходили сначала восставшие, их встречали возгласами: «Уходите прочь, не то прогоним вас выстрелами!» Потолкавшись между несколькими аулами, решительно отказавшимися принять их к себе, заговорщики вечером 13 числа пришли к аулу Беной, население которого «славилось легкомыслием, весельем, беспокойным нравом и склонностью к беспорядкам, как, к своего рода, спорту…» Народ побросал все работы и собрался на площади рядом с мечетью. На форуме начались бурные дебаты, где обсуждались вопросы быть или не быть русскому владычеству на Кавказе и как лучше поступить – восстать немедленно или, из осторожности, дождаться окончательного решения[154]. Беноевцы поддержали восставших, но пропуск Алибека не обошёлся им даром: покосы и кукурузные поля жителей были полностью сожжены царскими войсками[155]. Но даже после этого жители Беноя снова восстали, за что и были поголовно выселены на равнину. Начальник Терской области заявил, что взбунтовавшиеся аулы должны выдать всех главных зачинщиков беспорядков, по указанию администрации. В случае неподчинения сёла будут уничтожены, зачинщики арестованы, а остальные жители выселены на плоскость[156].

17 апреля 1877 года генерал-адъютант Свистунов по обыкновению праздновал день рождения Государя императора. В самый разгар приготовлений к приёму гостей ему была вручена телеграмма из Хасав-Юрта от полковника Батьянова, который сообщал о разрастании массовых волнений в Ичкерии. Полковник Батьянов был сторонником бескомпромиссной борьбы с мятежниками и заявлял, что полагает «полезною мерою расстрелять из числа аманатов по пять человек каждого отложившегося аула». Он широко применял уничтожение запасов хлеба и сена, замечая, что это заставляет «одуматься» многих и препятствует оказанию «одуряющего действия на население»[157].

Торжественный обед прошёл спокойно, как обычно, а утром 18 апреля начальник области, осмотрев Чеченский Конно-иррегулярный полк, благословил его в путь, на войну с Турцией, после чего в срочном порядке сам выехал в Грозный. Столь поспешные действия были вызваны тем, что Свистунов опасался, как бы хорошо снаряжённый полк, узнав о мятеже, не явился на помощь восставшим. В Грозном начальник Терской области разработал план, по которому предполагалось «запереть» восставших в горах, до их полного подавления[158]. Также Свистунов предпринял меры по усилению пограничных укреплений на юго-востоке Терской области, чтобы не допустить соединения восставших Чечни и Дагестана. Интересно, что командующий войсками Дагестанской области называл восстание «национально-освободительным движением», а командующий войсками Терской области – «мятежом»[159].

Царская администрация в первое время прибегала к более мягким мерам, пытаясь тем самым приостановить дальнейший ход восстания. Генерал-адъютант Свистунов 20 апреля созвал в Грозном съезд почётных людей всей Чечни, главным образом мулл и чеченцев, совершивших хадж. Из Малой Чечни пришли многочисленные делегации и даже подали на имя царя верноподданнический адрес, в котором клятвенно заверяли в своей преданности. Из Большой Чечни было значительно меньше депутатов. Из горной Чечни делегаты на съезд не явились. К 21 апреля восстанием была охвачена почти вся Ичкерия[160]. 24 апреля наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич вынужден был уведомить официальной телеграммой императора Александра II о том, что «…События в Терской области принимают серьёзный характер возбуждения фанатиками части населения Ичкерии и Ауха»[161]. 25,26 и 27 апреля Алибек-Хаджи и его сторонники продолжили своё дело. К ним преимущественно присоединялась молодёжь, а люди более со-

лидные обещали содействие[162]. Начальник Веденского округа Авалов пытался воздействовать моральными внушениями через почётных и влиятельных лиц, оставшихся ему верными, на восставшую молодёжь. Он даже снарядил специальную делегацию, в обязанность которой входило ведение пропаганды с целью прекращения восстания. Однако восставшими эти «почётные» и «влиятельные люди» не были приняты. В результате, как сообщает командующий войсками Терской области, князю Авалову пришлось «употребить силу», для чего были вызваны в Цонторой и Ведено 5 рот Кюринского полка, всего 3500 штыков[163]. В то время Веденский округ был разделён на 3 участка: местопребывания пристава 1-го участка находилось в слободе Ведено; 2-го участка в селе Ножай-Юрт; 3-го участка в ауле Дарго. Это были стратегически важные пункты, упускать которые из-под своего влияния власть не собиралась[164].

Восстание симсирцев отчасти было неожиданностью для самой Ичкерии. К несчастью, в пору восстания в том районе, где оно начиналось, управлял человек, совершенно новый, назначенный на должность всего за несколько месяцев до начала волнений. Это был штабс-капитан Проценко, человек умный, образованный, но несколько наивный и доверчивый, не знакомый с менталитетом чеченцев и местными обычаями. Проценко всё принимал за «чистую монету» и удивлялся «глупости» туземцев, а те, в свою очередь, «проводили» его на каждом шагу. В Ножай-Юрте пристав поселился у почтенного старика Шахбулата Шейх-Амирова, имевшего звание прапорщика милиции и пользовавшегося уважением среди соплеменников. К числу аулов, решивших до поры, до времени не присоединяться к Алибеку, принадлежал и Ножай-Юрт. Шахбулат в Ножай-Юрте еле-еле сдерживал народ от бунта, он заявил, что Проценко его гость и пока он жив, им не удастся дотронуться до него даже пальцем[165].

Между тем восставшие взяли аул Гендергеной. Одним из первых актов восстания была расправа над старшиной селения Гендергеной. Большинство старшин горных сёл бежали под защиту русских укреплений, их дома были сожжены, а сами они приговорены восставшими к смерти[166]. Старшина аула Ножай-Юрт скрылся в укреплении Кишень –Аух. Дом старшины, а также дом наиба второго участка Веденского округа Чомака Ойшиева были сожжены[167]. Узнав о том, что Алибек-Хаджи едет в Ножай-Юрт, начальник участка Парцян срочно выехал из этого села в Хасав-Юрт. Прибыв в Ножай-Юрт, Алибек первым делом

приказал сжечь канцелярию начальника. Затем он приказал сжечь дом шейха ножайюртовцев, сторонники которого не поддерживали восставших.

Население аулов Белгатой и Дарго попыталось воспрепятствовать Алибеку пройти через их территорию и открыло огонь по повстанцам. Убедившись в том, что ему не удастся пройти через Белгатой и Дарго, Алибек изменил маршрут[168]. Начальник Терской области признавал достоинства своего противника, в одном из писем он сообщал: «Нельзя не признать, – писал Смекалов, – что Алибек действует весьма хитро и с большим расчётом»[169].

В ходе восстания горцы так и не дождались помощи от турецкого султана. Тем временем к Алибеку-Хаджи начинают присоединяться всё новые и новые селения. В отношении этих аулов Свистунов даёт установку своему помощнику в Ичкерии: «Ножай-Юрт, Чанти-Мохк, Балансу, Саурго, Бети-Мохк или привести к покорности или уничтожить»[170]. Семь аулов: Мехкеты, Таузен, Хатуни, Дышни-Ведено, Эрсеной, Зандак и хутор Семсир были полностью разрушены войсками во время усмирения восстания, а оставшееся население предполагалось выселить на плоскость[171].

20 апреля 1877 года трёхтысячный отряд чеченцев двинулся на равнину и 22 апреля произошло столкновение с российскими войсками возле селения Майртуп. Горцы воевали с оружием старого образца, а не огнестрельным. Тем не менее, они оказали хорошо вооружённым солдатам такое сопротивление, которое никто от них не ожидал. Чеченцы держались с завидным упорством, не смотря на артиллерийский огонь, и не раз переходили в контрнаступление[172]. Что касается настроений в Большой Чечне, – то вряд ли Алибек – Хаджи мог рассчитывать на быстрое присоединение её жителей к восстанию. Крестьянские хозяйства на равнине в гораздо большей степени, чем горцы, были втянуты в хозяйственные отношения с расположенными поблизости станицами и Грозным, который уже становился экономически притягательным для Чечни. Для того чтобы заставить присоединиться к восстанию Большую Чечню, требовалось нечто большее, чем разгром небольших российских отрядов в горах[173]. На плоскости чеченцы и ингуши были почти полностью окружены русскими поселениями, станицами, военными гарнизонами и отрезаны ими от главной массы чеченцев, так что если бы здесь восстание и возникло, то оно было бы чрезвычайно быстро подавлено и помощь с гор не успела бы подойти[174]. Кроме того, уже весной 1877

года в плоскостных сёлах стали появляться беженцы, потерявшие близких, имущество, дома в ходе восстания, рассказами своими и бедами производившие неизгладимое впечатление на благополучных равнинных чеченцев. Между тем увеличение числа переселенцев усложняло хозяйственный быт коренных жителей, необходимость делиться землёй напрягала плоскостное общество.

В Терской области для подавления народного восстания было направлено 25 тыс. солдат. Свистунов издал приказ: «Только без сожаления косите всё, бейте, вешайте беспощадно…»[175]. Уже в начале мая 1877 года в Терской области было сосредоточено до 30 тыс. войск при 104 орудиях и более 5 тыс. добровольцев[176]. Часть этих сил была сосредоточена для охраны стратегически важных объектов и направлений, а непосредственно на подавление восстания брошено 84 роты и 8,5 казачьих сотен при 32 орудиях. Кроме того, из Дагестана против восставших был направлен отряд в составе двух батальонов Апшеронского и Самурского полков, шесть дружин и три сотни милиции при 4 орудиях. Командовал отрядом полковник Накашидзе. В мирное время в батальоне насчитывалось 500 человек, в условиях военного положения его численность увеличивалась почти вдвое и достигла уровня 900 человек[177]. Кавказское руководство понимало всю серьёзность ситуации, сложившейся на Северо – Восточном Кавказе в условиях войны России с Турцией и близости театра военных действий с Кавказом. 5 мая 1877 года кавказский наместник в своей телеграмме брату АлександруII так кратко охарактеризовал ситуацию с восстанием горцев: «Как видно, зараза гнездится глубоко и искоренить её будет стоить не мало забот»[178].

Неоднозначность настроения жителей плоскости сразу же сказалась на действиях Алибека-Хаджи. 26 апреля жители Умахан – Юрта отказались впускать его отряды в село и он направляется к крупнейшему селению на плоскости – Шали. Через наиболее верных агентов князя Эристова властям стало известно, что мятежники подбираются к Шали и если село их примет, то это должно послужить сигналом всеобщего восстания Большой Чечни. Князь Эристов был уважаем у горцев и к нему беспрерывно приходили люди, пользовавшиеся большим влиянием не только в Грозненском округе, но и в других районах Чечни. За оборону Шали отвечал полковник Нурид, аварец по происхождению. Однако он не справился со своей задачей и шалинцы вынуждены были сами оборонять своё родное село. Отдавая отчёт Главнокомандующему на Кавказе о Шалинском деле, начальник облас-

ти в телеграмме сообщал: «…оберегая свою репутацию от возможной неудачи (будем думать, что не свою особу), пассивно прилепившись к Эрсеною, простоял Нурид. Шалинцы, с Борщигом во главе, дали отпор мятежникам»[179]. 28 апреля 1877 года не проверив сведения, в панике полковник Нурид прислал Свистунову записку: «Мятежники, встречая сочувствие во всех обществах Большой Чечни, сегодня беспрепятственно прошли к аулу Шали, который также присоединился к ним. Мне с отрядом в Большой Чечне делать больше нечего…» Затем Нурид прислал другую записку: «…аул Шали не принял мятежников, и они повернули назад». После этого полковник Нурид не получил в Терской области никакого серьёзного поручения, доверие руководства к нему было сильно подорвано[180].

Старшиной села Шали был Борщиг Ханбулов – человек смышлёный, правдивый и твёрдый. Ему, Борщигу, прежде чем кому – либо, стало известно о непрерывном прибытии в Грозный значительных военных сил, а Шали от Грозного было расположено совсем близко. В решительные дни 27 и 28 апреля Борщиг собрал всех мулл, хаджей, улемов села и успел убедить их, что от восстания Чечня всё равно ничего хорошего ждать не может, что если бы восставшие и победили, то, несомненно, лишь на очень короткий срок. Убеждённые своим старшиной прапорщиком Борщигом, шалинцы дали слово отстоять аул от вторжения Алибека и его сдержали. Жители встретили Алибека ружейным огнём[181]. Толпы сторонников Алибека, расчитывавшие, как видно, на сочувствие молодёжи, пробовали, было, не обращая внимания на угрозы старейшин, мулл и хаджей Шали, двинуться далее к аулу, но те дали залп в воздух Озадаченные мятежники отпрянули и повернули назад; шалинцы же, бывшие конными, понеслись им вслед, потрясая и угрожая оружием. Во главе всех скакал Борщиг. Казаки даже не преследовали бегущих, хотя сами они об этом умалчивали. В Шали Алибек – Хаджи сразу почувствовал к себе враждебное отношение жителей. Поняв, что плоскостные чеченцы не расположены к нему, имам вернулся в горы[182]. Идея о бесполезности сопротивления властям начала отныне смелее высказываться благоразумными людьми (в основном старшего поколения) не только на плоскости Чечни, но отчасти и в горах. Борщигу была дарована пожизненная пенсия (около 400 рублей в год); кроме того, распоряжением начальника области он был зачислен в милицию на офицерскую должность, что прибавляло ему ещё до 600 рублей в год.

Мятежники оказывали упорное сопротивление, однако 27 и 29 апреля дважды потерпели неудачу в ущелье Хулхулау[183]. Чеберлоевцы под командованием Дады Залмаева, направлявшиеся в Шаро-Аргун, были рассеяны отрядом полковника Лохвицкого при поддержке местной милиции, которую организовал старшина Хайбула. Дада Залмаев из Чеберлоя, после подавления за 2 дня восстания, с 3 товарищами вернулся в Ичкерию – просить помощи Алибека[184]. Удачно для российской администрации складывалось положение и в Хасав-Юртовском округе, где успешно действовал отряд полковника Батьянова. Эти успехи позволили командованию приступить к действиям по разгрому главного очага восстания. 10 мая началось наступление трёх российских отрядов на горную часть Веденского округа. В первых числах мая войска из Эрсеноя, со стороны Хасав-Юрта, местная милиция и милиция Андийского округа начали движение в сторону Чаберлоевского общества, где сконцентрировались восставшие, стараясь привлечь на свою сторону беноевцев и зандакцев[185]. 14 мая 1877 года пришло известие о восстании в Салатавии, что заставило пересмотреть направление главного удара царских войск. Разгром дагестанских аулов сопровождался выселением «неблагонадёжных» жителей селений Алмак и Буртунай[186]. Наместник на Кавказе давал следующие указания своим подчинённым в Терской и Дагестанской областях, как поступать с восставшими: «Необходимо, дело расправы за мятежные восстания против Правительственной власти поставить так, чтобы наказание распространялось не на одних только ищущих подвига самопожертвования фанатиков, а и на окружающую их виновную среду, чтобы страхом неизбежного общего наказания участников мятежных нарушений общественного порядка побудить массу противодействовать успеху преступных возбуждений отдельных личностей»[187]. 14 мая 1877 года в «Терских ведомостях» было опубликовано высочайшее повеление «О порядке ответственности лиц гражданского ведомства, совершивших в местностях, состоящих на военном положении, тяжкие преступления». По этому закону военным судом осуждали гражданских лиц за бунт и измену государству, за уничтожение средств сообщения, за нападение на часового[188]. Когда Алибек-Хаджи в конце июня сам направился в Андию, он был встречен выстрелами в аулах Ансалта и Муни и должен был ни с чем вернуться из Дагестана в Чечню, где продолжалось ещё волнение в Шатое и Чаберлое[189].

Уничтожение аулов, хлебов, скота и всего, что, возможно, должно было, по мнению генерал-адъютанта Свистунова, явиться для восставших справедливым возмездием и, лишая их средств к существованию, заставить выйти из лесов и явиться с повинной[190]. Так, например, был уничтожен аул Тезень-Кале. К Смекалову явилась огромная толпа женщин и детей из аула с просьбой об оставлении их на месте. «Рыдания и плач общие и раздирающие, – сообщал начальник области. Согласился, если завтра ко мне будут доставлены: Алибек, Сулейман». Мятежные аулы в горах были разгромлены, частью совершенно уничтожены, а жители выселены на равнину. Остальные, оставшиеся на прежних своих местах проживания, обязаны были расчищать просеки и доставлять войскам продовольствие[191]. В 1877 году войсками и местным населением было проложено 200 вёрст горных дорог и лесных просек. Центороевцы предоставили 60 быков для довольствия войск, гурдалинцы –50 быков и 200 баранов, курчалоевцы –30 быков. Во время постоя в Центорое царские войска употребили хлеба и сена, по крайней мере, на 2000 рублей[192]. Угрожая уничтожить огнём всё имущество сочувствовавших восстанию обществ, военные требовали выдать главных виновников мятежа[193].

Кавказская администрация наряду с карательными акциями приступила к новым методам ведения борьбы. Была установлена награда в 25 рублей за каждого пойманного или убитого повстанца[194]. Награда за поимку или уничтожение вождей восстания была во много раз больше. Тем не менее, в июне Алибек – Хаджи почти беспрепятственно прошёл через милицейские кордоны от Семсира до лесистых высот, находящихся рядом с селением Аллерой. Выбивать его с этих высот пришлось с боями, после чего осуществлявший общее командование российскими войсками генерал Свистунов должен был признать невозможность покончить с восстанием силами чеченской милиции: «Прежде всего, трудно найти в среде благоразумного, преданного своим хозяйским интересам населения отважных личностей, которые согласились бы, с явной опасностью для жизни, решиться пойти в непреступные чащи лесов против фанатиков, знающих, что в случае поимки их ждёт неизбежная казнь и поэтому предпочитающих умереть с оружием в руках»[195]. Неудачные попытки захватить Алибек – Хаджи способствовали росту его авторитета и увеличению числа восставших, которые прибегли к партизанским действиям : ежедневно восставшие группами по 30-60 человек перекрывали движение по дорогам, совершая нападения на российские

отряды[196]. 16 июля 1877 года полковник Лохвицкий сообщал руководству, что Алибек арестовал всех старшин Чаберлоевского общества[197]. Молодой имам казнил чеченюховского муллу за то, что тот порицал его действия[198].

После Чаберлоя войскам пришлось вновь покорять Ичкерию, где восставшие пытались во второй раз заблокировать крепость Ведено. Наступление на эту часть Веденского округа началось 14 августа и встретило упорное сопротивление населения, которое уже знало, что в случае поражения большинство жителей будет выселено[199].

В конце лета 1877 года число воинов Алибека достигло предельных размеров, их насчитывалось 30000 человек. Женщины принимали активное участие в восстании: готовили воинам пищу, перевязывали раненых и помогали в строительстве укреплений[200]. Усиление восстания в июле-августе 1877 г. было связано с временными неудачами русских войск на Кавказском театре: поражением русской армии под Зивином и последовавшим затем снятием блокады Карса и отступлением армии по всей линии фронта. Русские власти приняли ряд мер к недопущению распространения восстания. 8 августа 1877 года, в период ожесточенной борьбы, генерал Свистунов в весьма секретном письме начальнику Веденского округа Авалову писал: «Между нами будет сказано: меры снисхождения пока неизбежны; общий же со всеми расчет будет потом»[201].

Для подавления восстания приказом по войскам Терской области №50 от 31 мая 1877 г. был сформирован Походный штаб командующего войсками Терской области. При этом штабе были организованы военные отряды, в обязанности которых входило наблюдение за спокойствием в населенных пунктах, охрана горных проходов, ущелий, расположенных на границе с Закавказьем. Штаб координировал мероприятия по подавлению восстания, в т.ч. деятельность войсковых частей. После ликвидации восстания в августе 1878 года штаб был упразднен[202]. Для охраны дорог по лесным ущельям рек Хулхулау и Аргуна, как главных в этом районе линий сообщения, были сформированы так называемые партизанские команды в 100-150 человек каждая. Эти команды жили по линии дороги и несли охранную службу[203]. По свидетельству очевидца, действия их сводились к следующему: «…дни и ночи ходили люди по 2-3 человека сначала по дороге, затем углублялись все более и более в леса. Над всякими чинили свой собственный суд – просто говоря, отправляли на тот свет. Эта партизанская команда

навела на окрестных жителей такой страх, что они не осмеливались появляться ближе 6-7 верст от дороги. Мера была крутая, жестокая, но весьма эффективная…»[204].

Администрации Терской области в период восстания 1877-1878 гг. приходилось принимать и ряд других экстраординарных мер. Например, в архиве сохранился рапорт коменданта Пятигорска и Кавказских Минеральных Вод о выдаче жителям города патронов для самозащиты[205].

В августе 1877 года в Ичкерию была направлена карательная экспедиция. О характере экспедиции свидетельствует следующее распоряжение, данное Смекалову генералом Свистуновым: «Цель наша должна заключаться в том, – пишет он, – чтобы выбрать из всех аулов неблагонадёжных людей и сослать их навсегда с семействами в Россию. Беной и Зандак надо поголовно выселить в Сибирь или, если эти подлецы не пожелают, вымородить всех зимой, как тараканов и уничтожить…»[206]. Жителей селения Зандак, после уничтожения этого поселения, предполагалось выселить во внутренние губернии России. Предлагалось расселить их отдельными семьями по другим селам округа, однако жители этих сел высказывались против принятия зандаковцев[207].

За участие в восстании 1877 года у жителей Беноя и Зандака были конфискованы все земли[208]. 110 семей, проживавших в селе Зандак, после уничтожения его войсками, были расселены на зимнее время в аулах, расположенных в плоскостной части округа, а размещение их по другим селениям оказалось невозможно, из-за отказов сельских обществ от принятия их в свою среду, как людей «совершенно неблагонадёжных»[209]. Только за участие в восстании 1877 года у горцев Северо – Восточного Кавказа было отобрано более 37400 десятин земли[210].

Алибек-Хаджи, между тем, терял влияние на горцев: 22 сентября жители сёл Чечел-Аух и Даттых вступили в бой с повстанцами. В ответ Алибек-Хаджи расправился с аулом Даттых, он был сожжён дотла[211]. 25 сентября 1877 года генерал-адъютант Свистунов в шифрованной телеграмме сообщал руководству о положении дел у себя в регионе: «Я имею на руках шайки Алибека, Умы на Аргуне. Между тем восстание в Дагестане возрастает и приближается к нашим границам и становится наше положение всё более опасным»[212].

К середине 1877 года силы, направленные против восставших, были увеличены ещё больше и состояли из 24 батальонов, 8 команд пехоты, 28 казачьих и 21 милицейской сотни, артиллерийской роты и 49 орудий[213]. Восставшие заставили русское командование держать в Терской облас-

ти свыше 25 тыс. войск в то время, когда армия на Кавказском фронте нуждалась в пополнении войск[214]. Проведение военной реформы 1874 года усилило мощь российской армии, позволило увеличить военный контингент, дислоцируемый на Кавказе. Служебные обязанности казачества были заметно облегчены. Однако на казаках оставалась обязанность непосредственной охраны общественного порядка в станицах. 7 казачьих полков участвовали в усмирении антироссийского восстания горцев в Чечне и Дагестане. На основании Высочайше утвержденного 3 июля 1882 года Положения Терское казачье войско в мирное время должно было содержать четыре конных полка сотенного состава, две конно-артиллерийские батареи на общем основании и два эскадрона императорского конвоя[215].

До конца сентября длилось разорение селений по реке Басс, жителей которых почти поголовно выселили на плоскость. Начальник Веденского округа князь Авалов писал генералу Свистунову, возглавлявшему подавление восстания: «Почётные лица Мехкетов явились ко мне с уверениями в том, что сами жители покончат с бунтовщиками»[216]. Жителям Мехкетов было обещано прощение в обмен на выдачу одного из руководителей восстания – Умы Дуева. Мехкетинцы ответили генералу Свистунову: «Генерал, от народа следует требовать только возможного. Ты знаешь, как нам трудно расстаться с могилами отцов и родиной, но мы беспрекословно покоряемся. Выдать же Уму не можем. Он был наш гость»[217].

Некоторые чеченские аулы, с оружием в руках, действовали против мятежников[218]. За участие в боевых действиях 1877 года были награждены старшины Аргунского округа: Циклан Цициев (с.Ялхорой), Таймаз Албеков (с.Нахчу-Келой). Медали получили главы сёл: Сайрой, Гухой, Бухой, Итум – Кале, Чубях-Кенчу, Ушкалой. Мулла Джанхот Курбанов, поступивший на службу в 1870 году, получил орден святого Георгия 4 степени[219].

Как отмечали российские исследователи, подавлению восстания способствовало и то обстоятельство, что восставшие сами прибегали к репрессиям против тех, кто уклонялся от участия в восстании: «…чеченские вожди сами себе портили. Так, Алибек – Хаджи в отместку за неповиновение, начал жечь и разорять аулы. Таким образом, палку уничтожали с двух концов: аулы палили русские, аулы палили и чеченцы. Приходилось искать защиты у сильнейших, а такими, видимо, были русские»[220]. По свидетельству начальника Шатоевского отряда, чеченская

милиция «ни на шаг не отставала от солдат и многие из них высказывали удивительную храбрость в борьбе с мятежниками»[221].

В числе участников восстания 1877-1878 гг. были как последователи накшбандийа, так и приверженцы тариката кадирийа. Лидер и большинство восставших чеченцев принадлежали к братству кадирийа[222]. Зикристов возглавлял Ума Дуев[223]. Ума – Хаджи Дуев, бывший наиб Шамиля, после подавления восстания 1861-62 гг. был отправлен в ссылку в Смоленск, но затем был помилован и вернулся на Кавказ[224]. В Смоленске он прожил много лет и, судя по его письмам, раскаялся в содеянном, но в 1877 году, уже в возрасте 69 лет вновь возглавил восстание[225]. Когда началось восстание, начальник Терской области, дабы избежать кровопролития вызвал к себе окружного кадия Абдул-Кадира Абдул-Кадырова и Уму-Хаджи Дуева для того, чтобы они, как уважаемые в народе люди, провели переговоры с восставшими и предложили последним пожалеть себя и выдать главных виновников беспорядков[226]. У. Дуев очень внимательно выслушал генерала и, возвратившись в Дзумсой, примкнул к этому движению. 17 июля 1877 года Ума-Хаджи Дуев с семьёй бежал к мятежникам. «Я начал так поступать, – говорил почтенный старик, – потому, что увидел неправильные действия иноверцев против мусульман»[227]. Царская администрация прилагала все усилия, чтобы поймать Дуева. В этом ей помогал старший сын Умы – Бици, затем и он перешёл на сторону восставших[228]. Чтобы поймать У.Дуева в заложники взяли сына его Тутака и посадили его в Шатоевскую крепость. Другой сын, Дада, служивший в конвое, высадил окно в тюрьме и вместе с Тутаком бежал к восставшим. В районе Хунзаха, в бою был убит Тутак[229]. 29 сентября 1877 года Ума Дуев во главе большого отряда дагестанцев прибыл в Шатоевское наибство. Он рассчитывал вновь поднять восстание в Шатоевском участке и направился к переправе через Шаро-Аргун. Однако население не только не вняло призывам Умы, но даже не допустило его к переправе через реку и около Шатоя встретило выстрелами. В одной из таких перестрелок Ума Дуев был серьёзно ранен [230]. Он хотел войти в Чаберлой, но жители вышли ему навстречу с женщинами и детьми и просили не ходить к ним. Когда же Ума отказался исполнить их просьбу, 150 человек вышли вперёд и объявили Дуеву, что тогда он войдёт в Чаберлой, когда уничтожит их всех. Жители села Шикарой тоже не пустили Уму. В селе Шарой, при попытке Ума-Хаджи зайти в село, мятежниками были убиты женщина и мужчина, ранено было 4 человека. Войска поспешили на помощь местным жителям, Ума отступил и ушёл в Андию[231].

Алибек – Хаджи скрывался в верховьях реки Ярыксу. Жители Зандака отправили делегацию с поручением упросить Алибека смириться. Но имам не допустил к себе депутатов[232]. Вот что рассказывает об этом факте Н. Семёнов в своих воспоминаниях: «Женщины долго упрашивали имама в лице высланных им к лесной опушке парламентёров смириться и прекратить бунтовать ради спокойствия и благополучия ичкеринского народа. Они плакали…, но сподвижники имама ответили на их слёзы издевательствами по адресу трусливых зандаковцев и грубой бранью по адресу русских…»[233]. Чтобы вынудить население сдать главарей мятежа, начальник области ужесточил репрессивные меры. Уничтожение аулов, хлебов, скота – по мнению Свистунова являлось справедливым возмездием восставшим и лишало их средств к существованию. Кроме того, для обеспечения спокойствия подозрительных аулов, начальникам отрядов, в случае необходимости разрешалось брать заложников. Алибек –Хаджи скрывался до 27 ноября, однако после того, как были арестованы все его родственники, сдался властям. К отцу Алибека Алдану приходил генерал Арцу Чермоев и просил, чтобы сын добровольно явился к властям. Алибек под давлением всех уговаривавших решил сдаться, чтобы из-за него не страдали родные и народ. Сдались властям и 12 наибов имама[234]. Поверив княжескому слову, с повинной к князю Меликову явилось 274 человека, в том числе Ума Дуев с сыном и братья Залмаевы[235]. Ума Дуев был заключён под стражу 2 ноября 1877 года на территории Дагестанской области. Султан –Мурад и Сулейман (Цонтороевский) успели благополучно перебраться в Турцию.[236]

В середине октября 1877 года восстание в Чечне было окончательно подавлено. 16 октября начальник Терской области генерал-адъютант Свистунов телеграфировал Главнокомандующему на Кавказе: «Область очищена от мятежников, военные действия прекращены»[237]. Следующее сильное волнение в Чечне произошло только в 1886 году, но оно не шло ни в какое сравнение с мощным восстанием 1877 год[238].

В конце XIX века власти жалели о том, что при усмирении восстания 1877 года был упущен самый удобный шанс к всеобщему разоружению горцев и к отмене тех щедрых льгот и привилегий, которые столь «неосторожно» даровал чеченцам в своей прокламации князь Барятинский в 1859 году[239]. В связи с подавлением восстания в Чечне и Дагестане у царского правительства появилась возможность усилить действовавший в Турции корпус освободившимися войсками с Северного Кавказа, русская армия пошла в наступление по всей линии фронт[240].

4-6 марта 1878 года в Грозном состоялся военно-полевой суд над руководителями восстания[241]. Из 18 человек, привлечённых к суду, 13 было приговорено к смертной казни «через повешение», остальные – к 20 годам каторжных работ[242]. На вопрос, признают ли они себя виновными перед законом России, лидер восставших Алибек – Хаджи от имени своих соратников ответил: «Мы признаём себя виновными только перед Богом и чеченским народом, что мы не сумели восстановить законы шариата и свободу, дарованные нам Богом»[243]. Когда суд объявил Уме – Хаджи о том, что он приговорен к смерти, он ответил: «Всё равно я должен когда-нибудь умереть. Умру ли от того, что вы меня повесите, или умру от какой-нибудь болезни, – какая в том разница»[244]. Осуждённым предлагали подать ходатайство о помиловании на имя царя, но они отказались. На 6 году ссылки многие из них были амнистированы императором Александром III[245].

К месту казни впереди на «позорной» колеснице везли Уму, за ним на двуколке –Алибека. Остальные шли пешком в кандалах, со связанными руками. Один из усмирителей восстания, присутствовавший на казни, писал: «Меня поразило спокойствие, с которым эти люди умирали»[246]. 9 марта 1878 года в 6 часов утра на ярмарочной площади в Грозном приговор суда был приведён в исполнение. Вместе с Ума – Хаджи Дуевым был повешен и его сын – офицер конной сотни императора[247]. Видя, как сын теряет свои последние силы и готов вот-вот от слабости повалиться на землю, обратился к старшему офицеру с просьбой, чтобы его повесили первым: « – Пусть ягнёнок научится у старого волка, как надо умирать. Мы умели драться, мы должны показать, как надо отдавать жизнь за свободу». И он бесстрашно вступил на эшафот[248]. Тела казнённых, зарытые первоначально в общей яме недалеко от места казни, были затем тайно перезахоронены в Тыртовой роще между Грозным и станицей Петропавловской. Своё название роща получила по фамилии её владельцев: атамана станицы Петропавловской П. Тыртова и его брата, купца второй гильдии Е. Тыртова. Особый цинизм этой акции состоял в том, что Тыртова роща была в то время излюбленным местом отдыха грозненцев[249]. Несмотря на поражение восстания 1877-78 гг., тарикаты не только не утратили своего влияния, а, наоборот, приобрели ещё больший вес и распространились на запад от Чечни – в Ингушетию[250].

Подавление восстания сопровождалось широкими репрессиями не только против его непосредственных участников, но и всего населения

восставших округов. Тысячи жителей горных селений были переселены на плоскость, земли их конфисковывались[251]. Сотни чеченских и дагестанских семей были навечно высланы во внутренние губернии России, свыше 500 чеченцев приговорены к бессрочным каторжным работам. До 1877 года для жизни горцев, высылаемых с Кавказа в Европейскую Россию, назначались губернии средней полосы и преимущественно: Тульская, Рязанская и Калужская; там их находилось свыше 400 человек. В июне 1877 года более 500 семей были направлены на поселение в Новгородскую, Олонецкую и Вологодскую губернию[252]. В Сибири находилось до 1000 высланных горцев. Министр внутренних дел возмущался таким положением дел: «Я не могу не выразить, – докладывал он руководству, что остаюсь при убеждении в необходимости прекращения дальнейших высылок с Кавказа горцев»[253].

Выселение в Россию для многих означало смертный приговор. Так, из 1625 горцев, выселенных в 1878 году в Новгородскую губернию, в первые месяцы умерли 429 (из них 118 мужчин, остальные – женщины) и 74 были признаны безнадёжно больными[254].

В «Северном Вестнике» была опубликована корреспонденция из Новгородской губернии, в которой Ю. Полуянский описывает как очевидец положение, в котором находятся кавказские переселенцы, высланные в северные губернии за участие в восстании 1877 года. «Я видел, – пишет Ю. Полуянский, – поселенцев в трех городах: Череповце, Кириллове и Белозерске; в числе их: молодых мужчин почти нет, по большей части все старики, женщины и дети. В Череповце горцы помещены в полуразвалившейся, давно необитаемой лачуге, состоящей из трех коморок…. Из пятидесяти человек уже умерло до тридцати, преимущественно дети, от чахотки и брюшного тифа. При всем том эти горцы имеют какой-то добродушный вид; со времени их прибытия не было ни одного буйства, несмотря на то, что незнание языка и обычаев легко могло породить не одно недоразумение. На пропитание взрослым отпускают ежедневно по 6 копеек, детям по 3 копейки. Когда я раздал больным и детям несколько денег, то между детьми поднялась веселая возня и хохот, а старшие подступали ко мне, спрашивая: начальник, завтра будет лето?»[255].

В основном людей высылали на чужбину без суда. Разбор виновности принимавших участие в восстании 1877 г. и решение дела судебным порядком, по мнению наместника на Кавказе, привели бы, во-первых, к большему отягчению участи этих людей, и во-вторых,

к замедлению дела и крайнему обременению военно-судебных учреждений вследствие необходимости разбирать слишком большую массу дел, поэтому он предлагал наказывать их административным порядком. В своей докладной записке он писал: «… вопреки соображениям человеколюбия, я прибегаю и, к сожалению моему, нередко, к означенной мере, или по Высочайше предоставленной мне власти, или с предварительным испрошением на то особых Высочайших соизволении, то это объясняется только важностью и настоятельностью тех причин, которые побуждают меня к такому образу действий. Необходимо дело расправы за мятежные восстания против правительственной власти поставить так, чтобы наказание распространялось не на одних только ищущих подвига самопожертвования фанатиков, а и на окружающую их среду, чтобы страхом неизбежного общего наказания участников мятежных нарушений общественного порядка побудить массу противодействовать успеху преступных возбуждений отдельных личностей»[256].

Согласно юридическим норам XIX века, из неограниченности верховной власти следует, что восстание против верховной власти, как таковой, никогда не может быть правом. С юридической точки зрения, это может быть только фактом, нарушающим право, то есть преступлением. Поэтому, восстания против верховной власти всегда наказывались справедливо, ибо они нарушали право в самом высшем его проявлении. Если верховная власть не имеет юридических границ, то она, имеет границы нравственные, хотя, юридически, она сама остаётся судьёй своих поступков, хотя сам нравственный закон требует повиновения во имя высшего порядка, однако были крайние случаи, когда нравственно извиняли восстания[257]. Субъектом восстания может быть всякое дееспособное лицо, объектом – законное действие власти. Восстания бывают вооружённые и невооружённые, с применением насильственных действий и без явного насилия. Сопротивления также различались на физические (вооружённые и невооружённые), и психические[258].

Международное право XIX века имело свою точку зрения на народные восстания, особенно если они происходили на территориях, занятых во время военных действий, т.е. оккупированных. Учёные, подавшие в Брюссельской конференции свои отзывы на Конгрессе института международного права в Гааге, в 1875 году считали, что если после оккупации население продолжает борьбу, которую они начали при

вторжении в страну врага, даже без разрешения на то правительства, без сомнения, продолжают быть честными воинами, которые в случае попадания в плен, пользуются правами военнопленных. Оккупант не имеет права требовать от населения присяги верности, даже на время оккупации (Брюссельская Декларация (ст.37) оккупанту прямо отказывает в подобном праве). Население имеет право восстать против оккупанта. Совершённые при таких случаях преступления наказываются уголовным законом[259].

Однако в то время для чеченского населения руководством действий являлось не государственное право, а только исламские каноны. Руководители восстания, якобы борясь за веру, нарушали её первоосновы и заставили преступить законы ислама всех, кого вовлекли в борьбу.

Самым дурным качеством считается в исламе возбуждение среди народа всякого рода смут. Зачинщиков подобных волнений народных Магомет проклинал, а в Коране это считается даже тяжелее убийства. Самым грозным, самым тяжёлым грехом считается возбуждение восстания против власти, даже в случае, если бы сама власть притесняла народ и тем самым давала повод к подобным восстаниям. Это объясняется тем, что последствия восстания гораздо хуже и тяжелее для народа чем то зло, которое причиняется притеснением власти[260]. В Коране сказано: «Ты не перестаёшь открывать некоторые вероломства с их стороны, кроме малого числа все они грешны, но прости им и иди далее; ибо Бог любит тех, которые поступают благородно. Зло и добро не могут идти рука об руку. Воздавай добром за зло и увидишь, что враг твой превратился в покровителя и друга; но никто другой не достигнет этого совершенства кроме постоянного». Когда Абухрайна спросил, в чём состоит благонравие, то Магомет сказал: «Посещение тех, которые прекратили с тобой отношения; прощение, извинение тому, кто причиняет тебе притеснения; воздаяния щедростью и милостью тому, кто оставляет тебя без милости»[261].

Ислам придаёт особое значение договору как установленной свыше форме социального бытия. Сам Пророк заключал договоры и соглашения с многобожниками и неверующими[262]. Нарушение договора, – будь он заключён между правоверным и иноверцем, – без предварительного уведомления о том противной стороны запрещено как Кораном, так и Магометом. Девиз Пророка: совершенство религии состоит в желании добра друг другу. Запрещается как преданиями Магомета, так и

Аль – Кораном: заочно хулить и злоумышлять на других, заочно злословить, выпытывать о недостатках других, быть дурного мнения о других. Магомет говорил, как передают его мнение собеседники: «Не быть вам истинными мусульманами, пока у вас не будет любви к ближнему. Совершенство религии состоит в доброжелательстве другим». По учению Пророка притеснения иноверца более страшны и более ответственны, чем своего единоверца. Тарикат пишет: радость при несчастии врага – весьма позорна, особенно же если сочтёшь это несчастье за успех своих молитв против врага, точно говоришь: вот моя молитва была услышана, силою моей молитвы враг мой наказан. Напротив, рекомендуется молитва об освобождении от постигшего несчастья, чтобы Бог послал благ лучше прежних[263].

Государство и его законы рассматриваются в исламе как форма общественного договора, в котором достигается максимально возможный компромисс и устанавливается баланс интересов различных социальных групп и религиозных организаций. Неисполнение своих законных гражданских обязанностей, призывы от имени верующих и религиозных общин к участию в каких-либо акциях гражданского неповиновения и мятежах считаются в исламе недопустимыми[264]. По преданию Тыбрани, Магомет говорил «Гнев портит веру, как горькое растение вредит мёду». Тарикат так объясняет этот вред: человек в порыве сильного гнева теряет самообладание и бывает готов произнести преступные и обидные слова, а также способен отомстить лицу, причинившему ему гнев, что, конечно, служит причиной к обоюдному усилению вражды. По словам Анаса, Магомет говорил: «Если кто укротит гнев свой, то Бог в дни страшные отгонит от него муки страшные. Кто же сам не милосерден, к тому и Бог не милосерден, не будут милосердны и другие; кто не прощает, тому тоже не простят; кто, не смотря на возможность отомстить, прощает и извиняет и кто отклоняет свой гнев – того Бог возьмёт под свою защиту»[265]. Мусульманские писатели говорят, что гордость (такаббер) есть первое зло на земле, что она была причиной отриновения сатаны (иблис) из лика ангелов, к которым он прежде был причислен. «Я удивляюсь, – говорил Магомет, – гордому славолюбцу, знающему из чего он создан». Арабские философы всегда предостерегали мусульман от зависти и говорили, что это есть первое преступление на небе и на земле. Гнев уничтожает разум, зависть уничтожает религию, заочная хула – благие дела и корыстолюбие уничтожает стыд и совесть[266].

Немалую роль в том, что восстание не поддержали многие чеченские общества, сыграла не военная, а идеологическая борьба, т.к. большая часть чеченского духовенства, глубоко знавшая Коран, выступила против воззваний и действий восставших, за что некоторые из мулл и духовных лидеров поплатились жизнью. Их заслугой является то, что они до конца соблюдали ключевые нормы ислама и своими действиями сохранили от разорения и уничтожения целые районы Чечни. Муллы, улемы много раз в ходе восстания собирались у начальника Грозненского округа, полковника Николая Богдановича Эристова, приходили на переговоры и к начальнику Терской области[267]. Беседы велись на почве Корана. «Да будет проклят тот, кто, во вред своим ближним поднимает руку против сильного» – провозглашали духовные авторитеты. Вскоре по всей Чечне, с высоты мечетей, распространилась мощная, горячая проповедь слова Пророка, осуждавшего восстания против власти. Князь Н.Б. Эристов не угрожал чеченцам силой, он прямо ставил дело на практическую почву материальных выгод и нужд, побеждал не эмоциями, а здравым смыслом. Реальные перспективы охлаждали многие горячие головы[268].

Предводители восстания оправдывали свои поступки тем, что они считали себя обязанными, хотя им и жилось хорошо, пожертвовать личным благом для оказания помощи своему законному религиозному главе (имаму), а потому и нарушали заключённый с русскими мир, хотя это и не положено делать по шариату, т.к. договор должен быть священен. Главной задачей они считали не свержение власти, что также противоречит нормам ислама, а желали только возвратить отнятые у них земли, часть которых отдана казакам[269]. Соблюдение обещаний или договоров так выражается в Коране: «Если вы заключили мир с язычниками и они не нарушали его и не подали против вас никому помощи, соблюдайте верно, в отношении их, условные обещания в продолжение всего их срока. Бог любит тех, которые его боятся»; «Бог накажет за важные обещания, которые бы вы нарушили… Соблюдайте ваши обещания». Таким образом, руководители восставших сознательно нарушали исламские законы ради текущих интересов[270].

Включение региона в состав иного государства обрекало его на болезненный, противоречивый процесс, когда сочетаются добровольные и принудительные методы при широком использовании во втором случае военной силы[271]. Лишенные доступа к административным постам, местные сообщества имели различные способы реагировать на политику

властей и довести до них свое мнение, будь то лояльные и нелояльные формы протеста, легальные и нелегальные формы сопротивления правительственным решениям и их саботажа. Все эти методы мы можем наблюдать на территории Терской области во второй половине девятнадцатого века, и как реакция на них – нелегальные формы сопротивления установившейся власти[272].

Задача российских властей после присоединения Северного Кавказа к Российской империи не ограничивалась только установлением эффективного российского административно – политического управления в регионе, гарантировавшего контроль над населением недавно приобретённых территорий. В рамках этого управления российским властям необходимо было добиться социально-политической переориентации населения от противостояния к сотрудничеству с властями. Только в этом случае можно было снять угрозу существования в крае сепаратистских настроений, проявлявшихся в самых разных формах: от отказа платить налоги российской казне до вооружённых антиправительственных восстаний. Самым распространённым способом организации такого сотрудничества, дававшем наиболее скорые результаты, на Северном Кавказе, как и на Кавказе в целом, являлось привлечение местного населения к государственной гражданской и военной службе. Ещё задолго до покорения Северо – Восточного Кавказа одним из успешных и апробированных методов имперских властей «по приручению Кавказа» было вовлечение местных элит в общеимперскую политическую систему по линии военной и гражданской бюрократии[273].

Кавказские горцы активно стали привлекаться к службе в рядах российской армии ещё в ходе Кавказской войны. 30 октября 1860 года было утверждено «Положение» о создании Терского Конно-иррегулярного полка, а 12 июня 1861 года этот полк уже был сформирован. Все чины полка присягали «по своей вере и закону» на верность службе. Формирование этого полка позволило отпустить на Дон два донских казачьих полка, которые несли на Северном Кавказе внутреннюю службу и менялись через каждые три года [274]. К иррегулярным воинским частям относились военные подразделения, не имевшие твёрдой, постоянной организации. Комплектовались они также по-особому[275]. Одновременно с Терским Конно-иррегулярным полком была сформирована туземная временная милиция. Число желающих стать милиционерами превысило число вакансий. Стимулом для вступления в

милицию служило то, что все нижние чины на время службы освобождались от уплаты личной натуральной повинности. Стремление горцев к службе в милиции объяснялось не только возможностью иметь постоянный заработок и налоговые льготы, но также милиционерам было разрешено носить оружие.

После окончания Кавказской войны командующий в Кубанской области разоружил всех жителей. Д.И. Святополк – Мирский в Терской области этого не сделал, за что, в свою очередь, и получал многочисленные нарекания. Терским горцам было предоставлено право носить оружие только в пределах их сёл. В станицах или городах они должны были появляться только безоружные[276]. Право разоружение горцев было предоставлено всем казакам, что вело к постоянным стычкам.

С 1860 по 1862 год в Терской области находились на службе 6 сотен временной туземной милиции. Для наблюдения за внутренней безопасностью и благоустройством, в округах с горским населением, при начальниках народных управлений, была учреждена охранная стража из горцев. Стража полагалась при начальнике области, при трёх начальниках военных отделов, при пяти окружных начальниках, при участковых начальниках. Чины охранной стражи составляли постоянный конвой начальников всех уровней управления и использовались при рассылке приказов, сборе информации. Зачастую горцам – милиционерам приходилось участвовать в тушении пожаров. В укреплениях Шатой и Ведено имелось несколько пожарных инструментов. В целом, в Аргунском, Веденском и Хасав – Юртовском округах даже к 80 годам XIX века пожарная часть так и не была оборудована, хотя пожары возникали довольно регулярно[277].

Терский Конно-иррегулярный полк не оправдал своего назначения для власти: по выражению начальника области Д.И. Святополк – Мирского, он был «…дурно составлен»[278]. По проекту, представленному Святополк – Мирским, в Терской области были сформированы 12 сотен постоянной милиции. Одновременно с этим был упразднён Терский Конно-иррегулярный полк и туземная временная милиция. Государственная казна не терпела убытков от содержания милиции, так как расквартированные здесь войска сокращались за её счёт. Донские казачьи полки №21 и №34 были отпущены на Дон, а пятая и шестая сотни полков Терского казачьего войска были определены на льготу. Таким образом, государственное казначейство сохранило 19280 рублей серебром[279].

В состав постоянной милиции входила охранная стража, а в округах Среднего Военного отдела, в Нагорном округе Восточного отдела и в Ингушском округе – наиболее беспокойных в военно-политическом отношении – сельская полиция. 19 июня 1862 года командующим Кавказской армией был утверждён проект об учреждении в Терской области охранной стражи и земской полиции. Сформированные сотни постоянной горской милиции охраняли пути сообщения в области, несли службу на кордонах. По кордонам были распределены в основном бывшие чины Терского Конно – иррегулярного полка, 6 сотен которого влились в милицию[280]. 29 января 1865 года император АлександрII утвердил временное «Положение о Терской постоянной милиции». Её численный состав не должен был превышать 11 сотен, а подчинялась она начальнику Терской области. Для проверки личного состава милиции, снабжения её продовольствием, при областном начальнике учреждалась должность инспектора Терской постоянной милиции. Инспектору никакой распорядительной власти по милиции не предоставлялось[281].

Сотенные командиры милиции и их помощники избирались из горцев, дослужившихся до офицерских чинов. Урядниками же и всадниками принимались, по добровольному желанию «…исключительно туземцы Терской области». Служба офицеров милиции, в отношении их прав и льгот, приравнивалась к службе в регулярных войсках, но при переводе их в регулярные войска, офицеры – милиционеры принимались на общих основаниях[282]. Все чины милиции обязаны были иметь одежду и вооружение за свой счёт. В силу того, что обмундирование, вооружение и лошадь стоили в то время довольно дорого, иногда всем сельским обществом, коллективно, оказывали помощь односельчанину, желавшему служить в милиции. Например, хорошее седло стоило 3 коровы, хорошее кремневое ружьё – 7 коров[283]. Горцы, служа в российской милиции, одевались в свою национальную форму – черкеску, папаху, бурку и т.п. Интересно, что в 80-х годах XIX века был принят закон, по которому казакам Терского войска также было официально разрешено заменить форменные мундиры черкесками произвольных цветов, одинакового с мундирами покроя[284].

Чеченцы несли службу не только в Терской области, но и в других регионах империи, а также воевали за рубежом. 22 июня 1906 г. депутат от Терской области Т.Э. Эльдарханов на заседании Гос.Думы выступил с заявлением на имя председателя I Думы кадета С.А. Муромцева. Основанием для заявления послужила полученная им телеграмма, где

говорилось о найме чеченцев в качестве стражников для отправления в центральные губернии России. В телеграмме было сказано: «Чеченский народ не может позволить, чтобы руки их братьев обагрились кровью невинных русских граждан». В телеграмме содержался протест «против недостойного пользования невежеством и темнотой горцев». Т.А. Эльдарханова поддержали мусульманские депутаты, а также трудовики, кадеты и некоторые другие фракции Думы. Все они предложили предъявить запрос главе правительства о том, по чьей инициативе готовят из чеченцев «погромщиков мирных русских граждан», обещая им чины, почётную службу и знаки отличия, и намерен ли он принять меры к немедленному возвращению нанятых чеченцев и «прекращению преступной агитации»[285].

Чеченцы служили в различных воинских подразделениях. В списке 4-ой сотни Кавказского Конно-горского полка значились: Чир Шотаев, Султан Гирей Алиев, Башир Махмутов, Сулан Бехаев, Караха Айдемиров, Мурдал Мукаев, Лягш Давкуров, Неси Ислан, Алиха Муреев, Дзага Арсамиков и Нана Алагаров[286]. Подпоручик Абдул Кадыр Султан Гиреевич Ахматов служил в 83 Самурском пехотном полку[287]. Для освобождения напряжения в крае был создан полк из чеченцев для участия в подавлении польского восстания 1863 –1864 годов. В состав полка были набраны лица, считавшиеся «наиболее беспокойными»[288]. Терские милиционеры участвовали в подавлении восстаний, конвоировали горцев при переселении в Турцию. Зачастую горцы сами изъявили желание участвовать в этих экспедициях, так как за такую работу больше платили и в условиях военного времени, можно было быстрее дослужиться до более высокого чина или получить награду, что также давало прибавку к жалованью. Объективно специфика военной службы определялась тем, что армия являлась инструментом государственного вооружённого насилия во внешней и внутренней политике, которое могло сопровождаться уничтожением людей, а также инфраструктуры, обеспечивающей их повседневную жизнь и деятельность[289].В 1861 году, когда на Западном Кавказе продолжались военные действия, горцы Терской области изъявили добровольное желание там воевать на стороне русских. Из Чеченского округа на войну отправились юнкера: князь Карасай Алхазов, Кадир Абаев, Узурхан Гамирзаев, а также всадники: Лечи Мимиев, Гучилука Хапцаев и Моска Аргунаев[290]. От Ичкеринского округа на Западном Кавказе воевали рядовые: Али Дебир Даджиев, Шамиль Шамхалов, Киха Алиханов.[291]

В начале 70-х годов XIX века Россия начала усиленно готовиться к войне с Турцией. В связи с этим в одном из документов ставилась стратегическая задача: «Одной из первых мер в предвидении разрыва с Турцией, должно быть образование сколь можно многочисленной милиции из среды нашего мусульманского населения, в особенности горцев, и вывод их на театр военных действий»[292]. Хотя по закону Терская постоянная милиция могла состоять только из 11 сотен, её численный состав периодически менялся. В состав Терской милиции входили аульные старшины и их помощники, составлявшие земскую полицию. Кроме сотенного командира (с офицерским званием) в состав милицейских сотен входили юнкеры, урядники, всадники и писарь. Писарь направлялся из казачьих или регулярных войск. Кроме того, в каждой милицейской сотне должны были служить два человека (в крайнем случае, один), владевшие русским языком и умевшие писать по-русски. Офицеры милиции носили на черкесках плечевые погоны и эполеты[293].

Самое крупное сокращение милиции за 60-70-е годы XIX века произошло в 1865 году, когда горцы эмигрировали в Турцию. Затем её численность выросла до 14 сотен. Правительством предполагалось подкупать горцев, особенно чеченцев, эмигрировавших в Турцию, уже в ходе боевых действий, чтобы привлечь их в ряды русской армии. Как говорилось в одном из докладов: «На этот предмет вообще не следует жалеть лучшего средства – денег»[294]. Сбор сведений о путях сообщения и населенных пунктах, представляющих по современным понятиям элемент топографической разведки, являлся важной задачей. Эти сведения собирались на территории Европейской Турции, т.е. в районе предстоящих боевых действий[295]. Возможно, руководство предполагало также использовать чеченцев, эмигрировавших в Турцию, для сбора секретной информации за вознаграждение. В 1876 году, накануне русско-турецкой войны, из горцев Терской области был сформирован Терско – горский конно-иррегулярный полк[296]. За военные отличия многие чеченские офицеры и всадники были представлены к наградам[297].

В одном из воззваний, распространённых среди горцев во время самого крупного за весь период после окончания Кавказской войны вооружённого восстания горцев в Чечне и Дагестане в 1877 –78 годах против российских властей, говорилось: «Служащие из наших узденей в русских учреждениях продают ислам за чины, ордена и деньги, живут

зажиточно, сильно поддерживают сторону русских»[298]. Действительно, в ходе подавления восстания были очень редки случаи перехода милиционеров на сторону восставших. Это не осталось не замеченным властями. Многие чеченцы получили ордена и медали за участие в подавлении восстания 1877 –78 годов в Чечне и Дагестане[299].

В имамате Шамиля также действовала милиция, разделённая на сотни. Первым знаком отличия у Шамиля была серебряная круглая медаль, которую мог получить сотенный командир наибской милиции. На медали было написано по-арабски «За храбрость сотенному командиру». Следует заметить, что наряду с награждением за храбрость в имамате Шамиля существовало и так сказать «негативное» награждение, т.е. за «трусость». Тем, кто проявил в сражении трусость или малодушие, обшивали правый рукав черкески войлоком или пришивали на спину кусок материи – знаки, подчёркивающие неблаговидный поступок. Эти знаки носили до тех пор, пока виновные не исправлялись, т.е. не отличались в бою. Орденами награждались и бывшие русские солдаты, бежавшие в горы. Например, перебежчик – драгун Нижегородского полка Родимцев за свои смелые действия был награждён имамом орденом «За храбрость»[300].

Многие горцы, воевавшие на стороне российской армии в годы Кавказской войны, получали не только медали, но и высшие имперские ордена. Получение некоторых из орденов давало право владельцу на потомственное дворянство и пожизненную пенсию. За отличия в ходе боевых действий прапорщик Минатула Ибрагимов 14 сентября 1841 года получил орден св. Станислава 3 степени. 27 апреля 1843 года прапорщику Абдул –Аджи Ибрагимову был вручён орден Св.Анны 4 степени. Мустафа Ибрагимов, дослужившийся до звания подполковника, был награждён орденом Св.Анны 4 степени (31 декабря 1851 года) с надписью «За храбрость»; орденом Св.Анны 3-й степени с бантом (7 октября 1853 года); орденом Св. Станислава 2 степени с мечами (8 декабря 1857 года). Сам Мустафа был княжеского происхождения[301].

Ежегодно на содержание Терской постоянной милиции казна отпускала 239250 рублей. 9 февраля 1871 года императором была утверждена смета расходов на содержание городских полиций в Терской области, по которой данные расходы были отнесены на счёт городских доходов. В 1893 году в Грозненском округе офицеры-горцы получали содержание: кадий Шатоевского горского словесного суда – прапорщик Абдул Кагир Абдул Кадыров – 300 рублей; помощник командира

6 сотни Терской постоянной милиции подпоручик Шерипов – 414 рублей; командир 6 сотни ротмистр У.Лаудаев – 649 рублей[302]. За участие в русско-турецкой войне 1877-78 годов, горцы офицерского звания имели право на получение пенсии. Так, например, стали получать пенсии Джантемир Чериев и Ибит Арсамаков[303]. Помимо этого, поощрялись материально и члены семей воевавших в Турции горцев. Дочь прапорщика Мачика Чепанова, по имени Дезик, жившей в селе Брагуны «… за усердие и преданность отца Русскому правительству» выплачивалась пенсия, размером 7 рублей 50 копеек, до выхода девушки замуж. Дочерям майора Баты Шамурзаева, до их выхода замуж выплачивалось 262 рубля. Мулла Карнуко Центро, из селения Гойты «За услуги и преданность правительству» получал пенсию в 75 рублей[304]. По данным за 1895 год, около 100 чеченских офицеров и чиновников от царского правительства получали в качестве поощрения их службы более 10000 десятин лучшей земли в Терской области[305]. Горцы, служившие в российских войсках и нарушившие закон, отбывали наказание в военно-исправительных ротах.

Правовой статус постоянной горской милиции за время ее функционирования определенным образом менялся. Так, милиционеры, получавшие жалованье надсмотрщиков лесов, на основании Указа от 30 декабря 1869 г., были исключены из состава сотни, т.к. по этому Указу горские округа переводились на общегражданское управление. Менялась и ведомственная подчиненность горской милиции. В 1871 году ее дела из Кавказского горского управления были переданы в штаб Кавказского военного округа. В 1913 году горская постоянная милиция была существенно реформирована. Постоянная милиция в Терской области была упразднена, а вместо нее сформирована охранная стража, аналогичная земской страже центральных губерний империи[306].

Вопрос о Терской постоянной милиции поднимался в III Государственной думе. В Главном управлении казачьих войск был разработан проект преобразования этой милиции в Терскую полицейскую стражу, которая состояла бы в основном из казаков. Если милиционеру платили не более 240 руб. в год, то стражнику намеревались положить от 300 до 430 рублей. Появление вместо милиции полицейской стражи совпало с некоторым обновлением администрации Терской области. Казаки стали составлять до 90% Терской полицейской стражи[307].

2. Мухаджирство

Имперская «национальная политика» никогда не строилась на игнорировании этничности. Напротив, можно лишь говорить о различных формах ее использования – от демонстративной «глухоты» к национальным различиям до жестокой избирательности, опирающейся на эти различия. Подобная этническая избирательность обеспечивает достижение различных локальных задач – от «разбавления» проблемных туземных территорий лояльным населением до поддержания определенного уровня доминирования и гомогенности в преимущественно русских районах. В то же время этническая чересполосица вкупе с аграрным перенаселением и далекими от разрешения земельно-сословными противоречиями оказывается серьезной угрозой для всей имперской конструкции региона. В острых межгрупповых противоречиях самодержавное государство стремится поддержать, прежде всего, казачество как свою ключевую социальную и военную опору и вытеснить горское население с его исконных территорий[308].

Эмиграция как общественно – экономический феномен – это, как правило, следствие драматических событий, сопряжённое с острыми социально – психологическими коллизиями, зачастую обретающими трагический оборот. Недаром уже в древних Афинах самым тяжёлым наказанием, применявшимся крайне редко, был остракизм – изгнание из города провинившегося лица по решению народного собрания. Эмиграцию можно разделить на компактно-массовую (одновременный исход большой массы людей из страны обитания через определенные пункты – морские порты, крупные железнодорожные узлы и т.п.), дисперсно-массовую (исход большой массы людей разрозненными группами), и индивидуальную – разными путями, через различные пункты[309].

Отток населения определенной этнической принадлежности свидетельствует об уменьшении и даже исчерпании возможностей для взаимной межэтнической адаптации. Первоначально, этническую миграцию осуществляют наиболее обеспеченные и социально активные члены, которые, не дожидаясь прямых угроз и действий, покидают территорию проживания. Располагая определенными материальными возможностями, эти члены диаспоры предпринимают более или менее безболезненный переезд на новые территории, имея при этом возможности жизненного обустройства. Основная же масса переселенцев

вынуждена участвовать в миграции, которая имеет залповый ритм и эвакуационный характер[310].

Отток северокавказского автохтонного населения в Османскую империю после окончания Кавказской войны одной из причин имел именно то, что многие горцы не видели для себя надежных социальных ориентиров. Оказавшись в контексте иной правовой, политической, религиозной и т.п. культуры, не имея надежных ресурсов сельскохозяйственного характера, они или покидали родину, или замыкались в узко этнических сельских обществах, или предпочитали формы деятельности, позволяющие сохранять жесткие корпоративные связи. Иными словами, горцы сохранили те поведенческие стереотипы, которые не оставляли особых надежд на то, что они смогут найти свое место в процессе модернизации[311].

Сопоставим историю Кавказа с историческими процессами, происходившими на Руси. Наблюдалась ли массовая миграция населения, в ходе завоевания ее территории, в России? Покорение Руси Золотой ордой принесло тяжелые испытания. Ордынцы требовали дани в размере десятой части во всем, в том числе регулярно уводили людей. Население спасалось массовой миграцией. Доля городских жителей упала после похода Батыя с 13 до 1-2%. Количество жителей стольного города Владимира сократилось в 50 раз. Прежние пашни оказались заброшенными. Малодворная деревня (главным образом однодворная) стала основным типом сельского поселения. Население выживало, приспосабливаясь к новым условиям. В России за многие века сложилась и укоренилась переселенческая культура, а культура народа, как известно, живет в веках даже после исчезновения причин, породивших народные традиции[312].

Серьёзными последствиями победы России в многолетней Кавказской войне стали усиления эмиграционных настроений среди побеждённой части горских народов и собственно эмиграция. Победители нисколько не возражали: прямо или косвенно они сами подталкивали горцев к эмиграции, причём не только «кнутом» (политическими и религиозными притеснениями, ограничением крепостного права и другими вмешательствами в социальную иерархию горского общества), но и «пряником», например оплатой транспортных расходов[313].

Трагичным и губительным было массовое переселение народов Северного Кавказа в Османскую империю. Оно резко изменило демографическую карту Северного Кавказа, сказалось и на социально – эконо-

мическом развитии всего региона, разрушив его традиционную специфику и способствуя его колонизации русским, христианским населением (главным образом казаками)[314]. Характерно, что российская наука (в лице военных статистиков конца XIX в. А. Макшеева, Н. Обручева и В. Золотарева) разработала специальную доктрину, имевшую «пальму первенства» в обосновании «территории благонадежности». Эта концепция предполагала территориальную дифференсацию населения по признакам «благонадежности» (к этой группе относилось преимущественно славянское население) и «неблагонадежное» (евреи, немцы, поляки, народы Кавказа и т.д.). Только те районы считались благонадежными, где русское население составляло более 50%[315].

В 60-е годы XIX века российскими властями было спровоцировано и организовано массовое выселение чеченцев в Турцию. Генерал М.Т. Лорис-Меликов разворачивал среди горской верхушки провокационную деятельность, вербуя массы за уход в Турцию. Он сам запрашивал в Штабе главнокомандующего у генерала Карцова о присылке ему образцов текстов турецких прокламаций, распространявшихся ранее турецкими агентами в Черкессии, чтобы, размножив их в местной типографии, агитировать чеченский народ этими турецкими фальшивками. В письме Лорис-Меликова к генералу Карцову об этом говорится следующее: «Хотя и трудно ожидать, чтобы можно было возбудить охоту к переселению в добрых наших чеченцах собственно одной этой прокламацией, но все-таки не мешало бы прислать мне несколько экземпляров для распространения в населении». Народ обманывали, его оплели сетями административного заговора. Начальник Среднего военного отдела князь Туманов, которому было поручено прямое выполнение директивы («отклонять» чеченцев от переселения в Турцию), писал М.Т. Лорис-Меликову: «Первым и непременным условием к возбуждению в чеченцах желания переселиться в Турцию полагаю не обнаружение, что желание это исходит от правительства. В противном случае чеченцы, по свойственной им недоверчивости ко всякой правительственной мере, могут заподозрить правительство в намерении переселить все население Чечни в Турцию; а потому или заявят о желании всех на переселение, или же останутся на своих местах в выжидании насильственного выселения… следовательно, все это должно оставаться в глубочайшей тайне; от нашего умения будет зависеть без кровопролития или особых неурядиц довершить великое…»[316].

В отличие от черкесов, вынужденных эмигрировать в ходе Кавказской войны, мухаджирское движение на Северо – Восточном Кавказе развивалось в условиях мирного времени. Больше всего в переселенческом движении были заинтересованы правящие круги. В результате эмиграции десятков тысяч горцев были освобождены большие пространства плодородных земель, автоматически становившиеся собственностью казны. Западная Европа осуждала инспирированное Россией выселение горцев в Турцию. Многие российские деятели высказывались против выселения, но к их мнению не прислушивались[317].

Особенно во время переселения были страшны людские потери. В ходе переселения погибло около 40000 горцев Терской области, что составляло чуть менее половины всего выселившегося их состава. Оставшиеся в живых, возвратившись на родину, оказались без имущества и родовых земель. Они часто поселялись вне пределов своих этнических границ. Сотни поселений коренных жителей Кавказа были разорены, опустошены и уничтожены. В памяти народной навсегда закрепилось негативное отношение к царским властям, разлучившим их с родиной[318].

Во многих частях мира колониальная экспансия сопровождалась массовым вытеснением населения. По мере овладения новыми территориями коренное население изгонялось, а землю захватывали новые поселенцы. Многие покидали родные места в результате целенаправленной государственной политики. Причиной перемещения для большей части населения являются невыносимые условия жизни, неуверенность в завтрашнем дне и нищета. Почти все эти люди испытывали огромные лишения[319]. В широком смысле депортация – это принудительное перемещение значительной массы людей. Смыслом депортации, как макротехнологической операции является выживание власти как таковой, утверждение необходимой для этого выживания неограниченной возможности перемещение людских масс, либо, в известных случаях, профилактика негативных, потенциально опасных с точки зрения власти, событий или состояний («превентивное насилие»). Иными словами, депортация как технологическая операция всегда следовала логике прежде всего властной, а затем уже политической и экономической[320].

В конце XVIII – первой половине XIX века передвижение горцев в основном было ограничено пределами Северного Кавказа – это был период так называемой внутренней миграции. Уже в конце XVIII века

Россия начала использовать внутренние миграции горцев как часть своей политики в этом регионе. Так, в 1782 году часть чеченцев была переселена ближе к реке Сунже и Тереку. Внутренние миграции в это время носили как добровольный, так и насильственный характер. Видом насильственной внутренней миграции стало расселение горцев, попавших в плен к русским властям в ходе военных операций Кавказской войны. Согласно разработанным главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом, князем Михаилом Семеновичем Воронцовым, наместником Кавказа (1844-1854) «Правилам о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев» (1847), горских пленных главным образом поселяли на Дону или во внутренних губерниях Российской империи[321].

Переселенческую политику практиковал и Шамиль. Известны многочисленные случаи переселения им жителей чеченских аулов вглубь Ичкерии в противовес аналогичной политики русских. Подобные крайние меры, предпринимавшиеся Шамилем, были, однако, выгодны и русским, по меньшей мере, в двух отношениях. Во-первых, освобождались новые земли для военных квартир, а при возможности и для водворения русского населения. Во-вторых, переселение Шамилем жителей Чечни в горы усиливало и без того высокое демографическое напряжение в Ичкерии, – сведения о котором находим мы в одном из царских документов[322].

Мухаджирство, будучи формой насильственной эмиграции, близко по своей социальной сути депортации. Политика выдавливания, искусственного создания невыносимых условий совместного проживания, агрессивность инонационального окружения, явное и неявное преследование, ограничения в правах и т.п. сродни депортации по содержанию. Причём, если депортация носит одномоментный характер, то мухаджирство растянулось на десятилетия, оборачиваясь практически равными последствиями для национального самоощущения и самосознания. И у мухаджиров, и у переселенцев, оказавшихся за границами своих национально-территориальных образований и утративших социальный статус и гражданские права, главным индификатором национального самосознания стал мотив защиты. Обиды прошлого (Кавказская война), ошибки настоящего, передаваясь из поколения в поколение, привели к формированию у кавказских народов этностатусной неудовлетворённости, став вневременным источником межнациональной напряжённости[323].

За мотивами принудительных миграций стоит то или иное сочетание политических и прагматических факторов. Политические мотивы – предотвращать восстания, рассекать недовольство, ослаблять или гасить протест, делать более или менее однородными районы выселения[324]. Различия между «добровольной» и «вынужденной» миграцией провести непросто: иногда эти виды миграций неотличимы друг от друга. Перемещение беженцев часто происходит внезапно и в стрессовых ситуациях, представляющих угрозу для их жизни. Имея тенденции приобретать массовый характер, такое перемещение, как правило, сопряжено с утратой средств к существованию и общественного положения. В то же время перемещение может выявить новые неожиданные возможности, и некоторые мигранты в состоянии ими воспользоваться. Однако для большинства переселение означает не расширение возможностей, а дальнейшее обнищание и всё меньшую уверенность в завтрашнем дне. Тяжёлое испытание, связанное с отрывом от привычного окружения и перемещением в незнакомую среду, может вызвать острые физические и душевные страдания даже у здорового человека[325]. Презумпция депортации заключается в том, что право населения решающим и безоговорочным образом влиять на собственное расположение в пространстве власти является условным и его соблюдение или несоблюдение зависит исключительно от произвола власти. Презумпция локализации предполагает, что необходимые для власти перемещения населения в границах государства и за его пределы могут осуществляться только по произволу метавласти и в рамках тех технологических матриц, при помощи которых контролируется данное пространство[326].

Учёный Л.А. Гослинг провёл важное разграничение между четырьмя различными формами официального вмешательства в распределение населения. Исследование посвящено перемещению населения внутри страны. Формы правительственного регулирования по Гослингу:

1) Стихийное перераспределение, при котором отсутствует какое-либо прямое вмешательство власти, оказывающее воздействие на районы, направляющие или принимающие мигрантов.

2) Регулируемое перераспределение, при котором имеет место вмешательство либо в направляющем, либо в принимающем районе.

3) Организованное перераспределение, когда правительство использует сочетание положительных и отрицательных стимулов, с тем чтобы побудить население переехать из одного места в другое.

4) Принудительное перераспределение, когда власть применяет силу для перемещения людей из одного места в другое[327].

Трагедия послевоенной эмиграции горцев вызывала сочувствие у многих россиян. Один из очевидцев тех событий, так с горечью их комментировал: «Покорили мы Кавказ – с Кавказа стали выселяться горцы десятками тысяч семейств. Неужели мы такой народ, что с нами инородцу, иноверцу никак и ужиться нельзя, коль скоро мы над ним власть имеем, а не он преобладает над нами? Вовсе нет. В быту мы прекрасно соседствуем. Явление, что какое-либо племя, взятое в русскую народность, бежит от неё, есть явление во всяком случае прискорбное. Удерживать людей силой нельзя, но следует проверить свои действия по отношению к выселяющимся, и если в этих действиях было что-либо несправедливое или оскорбительное, следует изменить систему действия и стараться привлечь к себе остающихся. Чем менее вероисповеданий и «национальный» в узком смысле слова, характер будет иметь наше отношение к окраинам России, чем лучше мы сумеем вовремя снять с них всякие условия и хотя – бы только приметы неравноправности, тем вернее будет поставлено дело»[328]. После восстания 1831 года началось массовое выселение из Польши, в конце 40-х – начале 50-х годов XIX века ежегодно за границу России эмигрировало по 50 тыс. человек в год. После покорения Крыма полуостров почти обезлюдел. Правительство России вынуждено было остановить массовое переселение, т. к. уже экономике края был нанесён непоправимый ущерб – катастрофически не хватало рабочих рук[329]. После разгрома и смерти К.Булавина 7 тыс. его казаков во главе с Некрасовым бежали на Кубань под покровительство крымского хана и были поселены близ Тамани вместе с ещё ранее, в 1688-1692 гг. бежавшими из России раскольниками. В последствии, после присоединения Кубани к России, казаки-некрасовцы переехали в Турцию, где прожили 250 лет, сохранив верность православию старого обряда, русский язык, песни, обычаи петровских времён, но также симпатии к «старому турчину», т.е. к «доброму старому времени» Османской империи. В 1962 году они вернулись на родину, поселившись главным образом в Ставрополье[330]. После разгрома шведов под Полтавой 27 июня 1709 года Мазепа бежал со своими сторонниками в Турцию. Из потомков ушедших с ним 2 тыс. запорожцев на территории Османской империи в Добрудже в 1775 году была создана Задунайская Сечь. Но в 1828 году почти все задунайские запорожцы вернулись на родину. Лишь немногие из них остались, приняв ислам[331].

Толчком к политике переселения горцев Северного Кавказа в Турцию, активно проводимой российским правительством в первой половине 60-х годов XIX века, послужило движение мухаджиров, существовавшее на Кавказе и прежде, но особенно усилившееся после пленения Шамиля[332]. Семантическая нагрузка слова «мухаджир» (иногда встречается транскрипция «махаджир») претерпела определённые метаморфозы во времени. Первоначально этим термином обозначали сподвижников пророка Муххамеда, ушедших с ним из Мекки в Медину в 622 году хиджры (по-арабски «хиджра» – бегство, перемещение), отсюда «мухаджир» – в буквальном смысле «переселенец»[333].

Интересно, что для удержания чеченских масс в повиновении руководство имамата Шамиля использовало разные способы. Одним из наиболее интересных и в то же время тесно связанных с присвоением чеченских земель мероприятий являлось поселение в Чечне «мухаджиров». Эти последние представляли собой эмигрантов (чаще всего дагестанцев), ушедших от притеснений царизма к Шамилю. Таких мухаджиров имам расселял в Чечне, рассчитывая этим путём создать прочную базу для подавления всяких проявлений недовольства со стороны чеченской крестьянской массы. Однако и это средство оказывалось, в конечном счёте, далеко не всегда действенным. Репрессии,, проводимые имаматом, выливаются в форму военных постоев и параллельно решают проблему снабжения постоянной армии. Имамат мобилизует дагестанские войска «тавлинцев» против чеченского крестьянства[334].

Фактически между различными формами вынужденной массовой миграции существует тесная связь. Люди, которым угрожает обязательное переселение на их родной земле, часто ищут убежище в качестве беженцев в соседних регионах. Таким образом, одно перемещение часто вызывает другое, усиливая тем самым человеческие страдания[335].

Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов был сторонником решительных, крутых и беспощадных мер для наведения порядка на Северо – Восточном Кавказе после завершения многолетней войны. «Тогда, – писал он, – чеченское население необходимо было сбить в одно место. Население это, отрезанное на плоскости от гор казачьими станицами, не осмелилось бы более грозить нам восстанием и не избегало бы самого бдительного надзора»[336]. Одной из главных политических акций российского правительства по подчинению себе горских племён было переселение их с гор на плоскость и укрупнение

поселений в стратегически важных пунктах путём соединения мелких аулов в крупные[337]. Таким образом, ещё в начале 50-х годов XIX века плодородные равнины по течению реки Терек были освобождены под заселение их казаками.

Переселение аулов, столь удобное в административном и стратегическом отношениях, произвело целую социальную революцию внутри жизненных систем горских народов. В Чечне власти нередко уничтожали целые сёла, чтобы заставить их жителей переселиться на плоскость. Особенно тяжёлым для чеченцев было переселение, предпринятое в декабре 1860 года, во время сильных морозов. 120 семей горцев, не имевших возможности укрыться в лесу зимой, были переселены в течение двух дней на плоскость, а их жилища разорены войсками. Всего М. Кундухов переселил на плоскость 177 чеченских семей[338]. В новых районах поселений земли отводились правительством только во временное пользование без определения их количества и границ. Жителям гор приходилось приспосабливаться к плоскостным условиям хозяйствования. Очень часто случалось так, что начальство передвигало аулы с места на место в силу административной необходимости. По свидетельствам очевидцев, «...во всей Чечне не осталось не одного аула, ни одного двора, который по несколько раз не переселялся бы с одного места на другое»[339].

В то же время самостоятельное передвижение горцев по области было ограничено «Положением о сельских (аульных) обществах», утверждённое наместником Кавказа 30 декабря 1870 года. Жители, приписанные к сельскому обществу, не имели права без согласия соответствующего общества переезжать на постоянное место жительства не только в другой район, но даже и в соседнее село. В докладной записке М.Т. Лорис-Меликова, поданной начальнику Главного штаба 14 июня 1863 года, чётко была обозначена перспектива переселения чеченского народа: «…вопрос, куда девать чеченское население, может иметь только одно решение – обмен туземных земель на казачьи. Сунженские полки без особого затруднения променяют свою безводную и безлесую землю, подверженную частым неурожаям и засухе, на плодоносную плоскость Большой Чечни»[340]. Я. Абрамов прав, когда он пишет: «…не гениальный план заселения казаками занятых горцами местностей и изгнание последних из гор является следствием разбоев горцев, а, наоборот, самые разбои являлись следствием «гениального» плана»[341].

Основой любого локализующего механизма является установление связи индивида с землёй, чаще всего с землёй, как сельскохозяйственным ресурсом. Кроме того, как показало время, властные структуры в землях, населённых не только и исключительно казаками, а как казаками, так и крестьянами, технологически более устойчивы, не смотря на трения между представителями двух этих сословий (а отчасти и благодаря этим межсословным трениям)[342]. Чтобы окончательно избавиться от «неудобного» населения, руководство Терской области предложило горцам переселиться в Кубанскую область. Однако вскоре среди чеченцев стали циркулировать слухи о незавидном положении переселенцев на Кубани и миграция в этом направлении прекратилась довольно быстро[343]. Горные чеченцы продолжали покидать свои родные аулы, а те из них, которые не соглашались селиться на равнине, в окрестностях Моздока и других городов, лежащих по Тереку и Куме, уходили в Турецкую Армению по несколько сот семей, конвоируемых русскими солдатами[344].

В истории встречается немало примеров совпадения интересов враждующих сторон. После завершения Кавказской войны произошло определённое совпадение интересов правящих кругов Петербурга, Стамбула, горской светской знати и горского духовенства, которые объединёнными условиями способствовали эмиграции горцев с Северного Кавказа в Турцию[345]. Русское правительство давно уже решилось во чтобы то ни стало удалить непокорных горцев с их родины. Политика России, хотя и настойчивая, не была, однако, кровожадной. Этот факт признавал даже английский посол в Петербурге лорд Непира. Как только император России получил известие о трудностях и страданиях переселенцев, он в телеграмме наместнику Кавказа распорядился «отыскать средства к облегчению участи эмигрантов»[346]. Летом 1864 года М.Т. Лорис-Меликов прибыл в Константинополь с секретной миссией – узнать положение дел у горцев, и какое внимание им уделяет Турецкое правительство. Чтобы выяснить истинную ситуацию, он прислушивался к разговорам турок и мухаджиров. После получения интересной для него информации, Михаил Тариелович заявил «…узнав о положении горцев с самой выгодной стороны, я, не боясь нравственной ответственности и нарекания чеченцев, отправился к Министру иностранных дел Али-Паше на переговоры.». Однако начальника Терской области терзали и сомнения по поводу того, что в перспективе Россия могла получить массу неприятностей из-за поселения чеченцев в сопредельных облас-

тях Азиатской Турции. Поэтому в переговорах с Али-Пашой особое внимание уделялось как можно большему удалению горцев от русско-турецкой границы[347].

После присоединения к России (в 30-60-е гг.XIX века) значение Кавказа в международных делах не только не ослабло, как можно было бы ожидать, но и повысилось, прежде всего, благодаря экспансионистскому курсу Англии, которому сопутствовали реваншистские притязания турецкого султана[348]. В 1856 г. Османское правительство начало разрабатывать новую политику в отношении населения империи, а 9 марта 1857 г. султан одобрил указ о миграции и поселениях, который был подготовлен Консультативной ассамблеей Танзимата. По этому указу, миграция на территорию Османской империи объявлялась свободной и открытой для любого, желающего принять ее подданство. Он предусматривал защиту поселенцев от любых религиозных преследований и свободу вероисповедания. Кроме того, поселенцы могли получить разрешение от султана на постройку церквей или других религиозных учреждений, в зависимости от их веры и убеждений.

Правительство обещало предоставлять переселенцам лучшие земли и освободить их от всех налогов и службы в армии на 6 лет, в том случае, если они поселились в Анатолии. Поселенцы не могли продать землю в течение 20 лет, а если они решали покинуть страну, то должны были вернуть землю турецкому правительству. Этот указ был опубликован во многих европейских газетах[349].

В конце 50-х годов турецкими эмиссарами на Кавказе была распущена молва, что Европейские державы объявили горские племена независимыми и приняли их под свою защиту[350]. В прокламации османского агента Муххамета Насарата к черкесам, осетинам и чеченцам от 1 июня 1864 года указывалось: «С давних пор турецкие подданные, любя вас как детей, употребляли все возможные старания помогать вам… Берите ваши семейства и все необходимые вещи…наше правительство позаботиться о постройке для вас дома, и весь народ принимает в этом деятельное участие»[351].

Безысходное положение в Турции, в котором оказывалось абсолютное большинство кавказских мухаджиров, не оставляло им выбора и принуждало их становиться «добровольцами» османской армии. В армии они получали бесплатно обмундирование и питание, спасаясь тем самым от голода и нищеты. Таким образом, формально не нарушая своих обязательств, султанское правительство количественно и качест-

венно укрепляло свою армию[352]. Душераздирающее письмо направили чеченцы из Турции в 1865 году наместнику на Кавказе: «Мы гораздо охотнее пойдём в Сибирь, чем будем жить в здешней Сибири… Мы можем избавить многих горцев от гибели на чужбине своим возвращением. Из нас и так погибла одна треть»[353]. По мнению кавказского руководства, неудачи, постигшие некоторую часть чеченцев при переселении в Турцию в 60-х годах XIX века также способствовали «их вразумлению»[354].

Считается, что всего с Кавказа было выселено 1800000 человек. Однако эта цифра сильно преуменьшена. Многие горцы уходили в Турцию без пропусков, т.е. без ведома царских властей[355]. А.П. Берже пишет, что при усилившемся выселении «счёт переселенцев производился не с научной, а с гуманной целью уменьшить размеры бедствий переселенцев»[356]. По данным А. Убичини и П. Де Куртейля, общее количество кавказских переселенцев 60-х годов к 1867 году дошло до 1 млн. человек. В западной историографии преобладает точка зрения, что число кавказских мухаджиров в 1859-1864 гг. перевалило за 1 млн. человек. Так, Петер Альфорд Эндрюс в своём исследовании «Этнические группы в Республике Турция» приводит цифру 1000000 переселенцев. Р. Конквест считает, что Кавказ покинуло 600000 человек. Ту же цифру называет немецкий автор К. Закс. По данным же английского историка Дж. Мак Карти, в результате всех миграций мухаджиров из России и Балкан мусульманское население Анатолии с 1878 по 1911 г. возросло на 50 процентов. В изданной впервые в 1959 г. в Мюнхене книге черкесского исследователя Р. Трахо «Черкесы» приводится цифра более 1 млн. для переселенцев 1859-1864 гг. Это мнение разделяет и турецкий историк И. Беркок. В особую группу можно выделить данные, сообщаемые черкесскими авторами, живущими в Турции и странах Ближнего Востока. Проживающий в Иордании черкесский автор Мухаммед Хейр Хагхандога считает, что в 1858-78 гг. Северный Кавказ покинуло около 1500000 мухаджиров, из них 600000 черкесы. Шаукат Муфти (Хабжоко) называет число в 500000 человек, а по данным Хаяти Бидже, в 1859-79 гг. в Анатолию переселилось 2000000 северокавказцев. С данными Хаяти Бидже совпадают данные, приводимые Нихат Берзегом[357].

В 1861 году из Кубанской и Терской областей было выселено в Турцию 10045 человек, а возвратилось обратно в 1861-62 годах – 7149 человек[358]. С 1897 году общая численность населения Кавказского края

выражалась цифрой 9248695 человек. В 1911 году численность чеченцев определялась в 250000 человек. Несомненно, что до покорения восточного Кавказа чеченцев было значительно больше[359]. По мнению некоторых специалистов, 100 тыс. чеченцев эмигрировали в Турцию[360].

Император высказал пожелание, чтобы вопрос успокоения чеченцев разрешился по возможности мирным путём – «добровольным переселением». Но тут же добавил: «Если появиться необходимость прибегнуть к крутым мерам, вам (наместнику) предоставляется действовать по вашему усмотрению»[361]. Генерал Зотов писал: «Чем больше их уйдёт, тем меньше у нас останется тайных врагов». Для подталкивания горцев к эмиграции власти не гнушались даже использованием обмана. Вице-консул в Трапезунде Мошнин докладывал начальнику Главного штаба Кавказской армии Карцову: «Так как Турецкое правительство по интригам наших врагов может косвенным образом остановить переселение, причиняющее ему много хлопот и неприятностей, то я, со своей стороны, распустил слух, что выселение будет продолжаться только до весны 1864 года. В последствии, около весны, можно будет распустить слух о новом дозволении. В Константинополе правительство не имеет ясного понятия, да и сам здешний Паша, ни о причинах, ни о размерах переселения. Нам, конечно, нет никакой надобности их вразумлять до окончательного покорения горцев.»[362].

Турецкое правительство в самом начале переговоров предупредило российские власти, что не может выдать заранее визириальные письма, определяющие маршруты и пункты окончательного заселения мухаджиров. Порта старалась всячески избегать дальнего следования партий кавказских переселенцев, чтобы сократить расходы казны на их переселение. Российская империя допустила массовое переселение чеченцев только на основании заверения Порты, что они будут поселены вдали от русско-турецкой границы. И по заверениям царских чиновников: «…если бы в то время было известно, что условия эти могут измениться, то кавказское начальство нашло бы вынужденным прекратить вовсе переселение»[363]. В то же время британский посол в Константинополе настойчиво советовал Турецкому правительству горцев «растянуть…военными колониями по армянской границе и таким образом воспользоваться ими как пограничной стражей против России»[364]. Английское правительство убеждало Турцию не только прекратить приём эмигрантов, но отправить обратно уже прибывших, чтобы тем самым помочь горцам в борьбе против русских за свою не-

зависимость. Английский консул в Трапезунде О. Подайский старался повлиять на Порту. Он запугивал местные власти опасностью распространения заразных болезней, которые могли бы быть занесены переселенцами. Англия стремилась сохранить «врагов России на Кавказе». Она убеждала Турцию в необходимости способствовать продолжению «черкесского сопротивления России». Ещё в 50-х годах XIX века английский премьер-министр Пальмерстон составил секретный проект, в котором предусматривал расчленение России и передачу Крыма и Кавказа Турции, а на карте, редактированной им, Черкесия была обозначена как независимая страна[365]. Царизм стремился ускорить эмиграцию горцев, для окончательного «замирения» края, чтобы не дать Порте «одуматься и переменить настроение». По договорённости между Портой и Российской империей чеченцам и лезгинам было запрещено селиться в Эрзерумском вилайете[366].

Георгий Шелковников 4 сентября 1865 года докладывал руководству: «Дела наши идут хорошо. Чеченцев уже погнали частью в Эрзинган, в Карпут, частью в провинцию Диарбекирскую, так что Муш и Ван останутся свободными»[367]. Чеченец Камбулат писал о своём тяжёлом положении на родину: «Начальство области Муш объявило нам, что земля, отведённая для нас, совсем не та, на которой мы поселились. Мы возвратились из Муша и по причине близости зимы, и потому ещё, что в Муше умерла и так третья часть наших людей, мы направились к пределам владений царя Московского. Тут на встречу нам вышло войско турецкое с Пашёю, и между нами произошла небольшая стычка, в которой убито с обеих сторон по 30 человек. Наконец, вышел к нам Аскер-паша с войском и обезоружил нас под тем предлогом, что нас будто бояться жители, видя наше оружие. Я же сам желаю купить землю в Эрзеруме, за собственные деньги. Потому, что земля, которая указана нам турками, никуда не годится»[368]. Вот как свидетельствует о пребывании в Турции один из современников: «Решившись переселиться, некоторые сделали это под влиянием толков подстрекателей… Чеченец ожидал, что он явится в Турцию, как в нежный дом, явится мухаджиром со всеми преимуществами этого священного сословия… но равнодушие и бесцеремонность с этими «мухаджирами» турок, называвших их шакалами, и вообще печальная действительность скоро охладила их»[369].

Из всего потока эмигрировавших горцев, порядка 800000 человек осели в Оттоманской империи, остальные были вынуждены продол-

жить путь в поисках лучшей доли и поселились в Сирии и Иордании[370]. Согласно Указу правительства Сирии, вышедшего в 1856 году, местные органы власти обязаны были оказывать переселенцам всяческое содействие, вплоть до бесплатного наделения их землёй из государственного резервного фонда, а также освобождения в азиатской части империи от поземельного и подушного налога сроком на 12 лет. Однако исполнение этого Указа на местах было сопряжено с рядом трудностей, среди которых на первом месте стояли нехватка плодородных земель и недовольство местного населения[371]. Офицер царской армии П. Аверьянов отмечал, что кавказцы в Сирии расселяются правительством на «..землях, которые хотя и считались официально казёнными, но фактически были во владении бедуинов, таким путём, черкесы и бедуины ставятся в положение непримиримых врагов». Кроме того, создание черкесами военной линии послужило причиной конфликта с бедуинами. В связи с этим кочевники – бедуины лишились фактически дани (хува), которую они прежде взимали с феллахов во время регулярных набегов.

Характер расселения «черкесов» в Дамасском вилайете (куда входила и современная Иордания) отвечал необходимости контроля над непокорными бедуинскими племенами. Бороться против бедуинов пришлось в связи со строительством и охраной Хиджазской железной дороги, призванной соединить Дамаск с Мединой, для того, чтобы перевозка паломников стала быстрее и безопаснее. Негативное отношение бедуинов к строительству железной дороги в первую очередь было связано с тем, что они боялись потерять ту часть доходов, которую они имели от паломников, служа им охраной и проводниками. Одной из обязанностей «черкесской» колонии в Вади ас-Сир являлся надзор за бедуинами племён Аббади и Манасир. Жители Сувейлиха были призваны сдерживать набеги бедуинов. Чеченская колония аз-Зарка была нацелена против племени Бану Хасан, мухаджиры Наура выступали против Бану Сахр. Таким образом, в округе Заиорданья функции мухаджиров определялись защитой стратегических сооружений и укрепления официальной власти в этом регионе[372].

Помимо задач военного характера, мухаджиры привлекались для освоения залежных и заброшенных земель. Тем самым росла численность крестьянского населения, повышался уровень земледельческих культур, о чём неоднократно сообщали русские и зарубежные путешественники, проезжавшие в местах компактного проживания мухаджиров[373].

Чтобы дать мухаджирам стимул для занятия земледелием, Османское правительство предоставляло им определённые льготы. Земли, которые отводились мухаджирам, относились к категории «мири», т.е. государственных земель с правом использования их частными лицами, при этом размер выделенного им земельного надела, зависел от характера местности и качества почвы[374].

В Восточной Сирии в 1865-1866 гг. были расселены 13648 чеченцев, которым надлежало отражать набеги бедуинов и курдов. К 1880 году в результате боевых действий и болезней численность чеченцев сократилась более чем в два раза – к 1880 году в окрестностях Рас – эль – Айна их осталось около 5000. Это были первые военные линии из северокавказских переселенцев. Путешественник Д. Тейлор писал, что по распоряжению местных властей для защиты чеченцев у истоков реки Хабур были сооружены укрепления и казармы на 1 тыс. человек.

Казалось бы, что после того как переселенцы обосновались на новом месте, жизнь должна была нормализоваться, однако положение и там не улучшилось. Участки, выделенные администрацией, были в большинстве своём пустынными и малопригодными для земледелия. Власть не оказала реальной помощи для устройства беженцев. «…Хотя правительство, – пишет П. Петкович, – и отводит этим переселенцам пустопорожние земли, но не имеет средств, чтобы снабдить их рабочим скотом, земледельческими орудиями и зерном, необходимым для посева и их пропитания»[375]. Не смотря на малую пригодность земель, переселенцам удавалось их культивировать, и, в конечном счёте, благодаря применению традиционной агротехники они давали урожаи более высокие, чем поля местного населения. Многие поселенцы Сирии предпочитали переезжать в города Трансиордании, Палестины, Ливана, где легче было найти работу[376].

Параллельно эмиграции с Кавказа шёл процесс иммиграции на Кавказ христиан из Османской империи и славян из центральных регионов России, поддерживаемый правительством. По журналу, утверждённому императором 27 февраля 1862 года, всем желающим христианам из Азиатской Турции, неславянского происхождения, разрешалось переселиться на Кавказ. Турецким грекам и армянам даровалась шестилетняя льгота от воинского постоя, восьмилетняя – от платежа податей и повинностей. Они также освобождались от денежных натуральных и рекрутских повинностей, а каждый мужчина наделялся 15 десятинами земли. Особый комитет разрешал переселяться

на Кавказ армянам и грекам с условием, что они не будут требовать предоставления им подданства и постоянной оседлости. Для поощрения переселявшихся комитет выделил кавказскому наместнику 10 000 рублей для выдачи пособия новопоселенцам, нуждавшимся в первоначальном обзаведении. После принятия Положения от 10 марта 1866 года по решению Кавказских властей из Турции стали вызываться новые желающие (христианского исповедания) поселиться в Кавказских пределах Российской империи[377]. Мухаджирам правительство также официально оказывало помощь. Еще в 1857 году начальник штаба Кавказского корпуса Д.А. Милютин в донесении военному министру предельно четко изложил представления офицерского корпуса на этот счет: « … обязанности к человеческому роду требуют, чтобы мы заблаговременно приняли меры для обеспечения существования даже и враждебных нам племен, которых по государственной надобности вытесняем из их земель»[378].

С переселением славянского населения из центральных регионов России и армян, греков из Турции, российская государственность обрела для себя прекрасную опору в лице христианского населения Кавказа в дальнейшей христианизации Кавказа и внедрении своих структур и порядков, чуждых мусульманскому населению[379]. Иммигранты расширяли и без того многонациональный состав населения Кавказской окраины Российской империи. Русские стали составлять на Кавказе к началу XX века 34%[380].

Правительство России не замедлило воспользоваться эмиграцией горцев, чтобы ещё больше «разбавить» местное население, создать выгодный для себя этно-демографический баланс. Регионы совместного проживания христиан и мусульман становились теми контактными зонами, которые объективно способствовали процессу взаимной адаптации. Они естественным образом «скрещивали» славянскую и кавказскую культуру в некий цивилизационный симбиоз. В 1862 году по распоряжению наместника Кавказа было образовано поселение в Ичкеринском округе «из 90 семейных и 8-ми одиночных, всех православного вероисповедания»[381]. В XIX веке всё более полиэтничным становилось и население казачьих станиц. Так, по данным 1900 года в станице Наурской жили калмыки, армяне, грузины, поляки, чеченцы, евреи, лезгины и даже турки. В религиозном плане они делились на православных, старообрядцев, католиков, ламаистов, армяно-григориан, мусульман и иудеев[382].

Проблема земельного дефицита становилась всё более острой. Часть наиболее плодородных земель теперь отводилась для специального колонизационного фонда, где запрещалось размещать переселившихся на равнины горцам[383]. В процессе лихорадочного освоения империей Кавказа земельный вопрос действительно становился актуальным, особенно по мере быстрого роста численности переселенцев из внутренних губерний России. К началу 80-х гг. их количество перевалило за 700000. Царское правительство было заинтересовано в широкой колонизации Кавказа русским и украинским населением. Перманентный поток переселенцев, как организованный сверху, так и стихийный, должен был создать надёжную опору империи в наместничестве. Немаловажную роль играл и этнопсихологический фактор: местное население постепенно привыкало к соседству русских поселенцев, что неизбежно создавало более благоприятный социально-демографический фон для усвоения идей гражданственности, то есть законопослушания и лояльности к устоям российской государственности. Всё это нивелировало в дальнейшем специфически несовместимые особенности соседствующих этнических групп, вело к определённой ассимиляции. Данный процесс шёл вначале на бытовом, житейском уровне, а затем и в сфере общественного сознания и отождествления себя с народами всей империи[384].

Турецкие эмиссары распространяли на Кавказе слухи, что по соглашению императора с султаном разрешено переселение христиан из Турции в Россию, а мусульман в Турцию, что также ускоряло процесс миграций[385]. До 1859 года массовой эмиграции в Турцию среди горцев Северо – Восточного Кавказа не было, отправлялись только отдельные семьи для паломничества в Мекку и Медину, причём для каждого случая необходимо было иметь особое разрешение[386]. Сначала паломникам выдавались отпускные билеты сроком на один год, потом – на шесть месяцев и, наконец, в 1861 году последовало распоряжение отпускать туземцев на переселение в Турцию без препятствий. До наступления 1861 года в Российской империи осуждали за измену родине тех, кто переезжал с вещами для прохождения службы в иностранное государство, а также тех, кто отлучался за границу с разрешения правительства, но по его вызову не возвращался. Российские подданные, принявшие присягу другого государства, предавались на родине суду. По российским законам переход в другое подданство считался преступлением. Но Россия никогда не оспаривала у других держав право принимать в под-

данство россиян без разрешения российского правительства[387]. Горцев, принявших турецкое подданство, в России стали называть «изменниками Родины». С этим не был согласен начальник Терской области Д.И. Святополк – Мирский: «В крае, где в промежуток последних десяти лет правительство неоднократно поощряло жителей к переселению в Турцию и покупало даже у некоторых из них земли, дабы облегчить им это переселение, или давало для этого денежное вспомоществование, нельзя называть изменником человека, который, отправившись с дозволения начальства в Мекку и оставаясь там, принимает турецкое подданство. Такое название несправедливо, потому что такой человек не имеет и не может иметь сознания, что он совершает измену, поступая таким образом. Он просто виноват в несоблюдении некоторых формальностей». Ещё до начала массового переселения коренного населения Северного Кавказа в Турцию государственные чиновники пытались воспрепятствовать возвращению из Турции самой образованной её части – офицерства. Этим достигались сразу две цели: «чистка армейских частей от туземного элемента» и обезглавливание национальных меньшинств на Северном Кавказе. По ходатайству главнокомандующего Кавказской армией, всех офицеров из горцев Кавказского края, возвратившихся из Турции, а также просрочивших заграничный отпуск, не прибегая к дальнейшему расследованию их виновности и не передавая их суду, считали исключёнными со службы и лишали прав на содержание от казны. Приказ по армии от 15 февраля 1861 года за №544 законодательно закрепил это положение[388].

Между тем многие из офицеров, отправляясь в Мекку, не собирались поселяться на Ближнем Востоке, и не только не просрочивали своих паспортов, но и возвращались ранее разрешённого им срока. Но по приказу №544 они автоматически исключались из списков и лишались заслуженного прежде содержания, хотя и воспользовались собственным отпуском для соблюдения религиозного обряда и не продавали при отправлении в Мекку и Медину своего имущества[389]. Действительно, переселение горцев в Турцию в 1858-1860 годах шло под флагом отправки на «богомолье». Многие горцы, не приняв господства России, стали эмигрировать в Турцию. Это была своеобразная форма протеста против устанавливающихся на Кавказе порядков. Однако многие паломники не хотели остаться за границей, а желали вернуться на родину, т.к. истинная цель их путешествия была – посещение святых мест, однако российские власти им всячески в этом препятствовали.

Царским властям была удобна «богомольная» эмиграция, т.к. во – первых, таким образом России было удобнее скрыть перед Европой свои истинные намерения и, во-вторых, обходным путём предотвратить некоторое противодействие со стороны Турции к переселению кавказцев на её территорию.

На особом контроле у российских властей стояли вопросы паломничества российских мусульман в Мекку. МВД и Департамент духовных дел иностранных исповеданий не без оснований считали, что из числа паломников турецкими властями вербуются люди для пропаганды радикального ислама и переселения в Османскую империю. Эти сведения подтвердило российское посольство в Константинополе в секретной записке в Министерство иностранных дел в ноябре 1874 года. Был принят ряд мер. Во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. хадж был запрещен. Хадж восстановили с 1879 года частично, а с 1881 года – полностью. Хадж разрешили при соблюдении следующих условий: наличие основного капитала от 20 золотников золота или 140 золотников серебра; личная свобода самого паломника; отсутствие денежных долгов и умственных расстройств. С ноября 1890 г. ужесточились меры по выдаче заграничных паспортов.

Все паломники – российские мусульмане обязаны были явиться к консулу России в Константинополе для регистрации. Российские губернаторы, которые имели значительные мусульманские анклавы на своих территориях, обязаны были два раза в год сообщать в Константинополь обо всех выданных загранпаспортах мусульманам. Ввели жесткие правила проживания российских мусульман в Константинополе. Наконец, в декабре 1900 года принимается решение по введению паломнических книжек на 6 месяцев, без которых паломничество не допускалось, также определялись маршруты, по которым только и разрешалось паломничество[390].

Турецкое правительство было заинтересовано в пополнении своего населения за счёт горцев Северного Кавказа. Ей выгодно было получить новый народ – народ здоровый, воинствующий, воспитанный на традициях мужества, благородства и беззаветной преданности. Судя по статистическим данным, в период между 1840 и 1870 годами османы составляли меньшинство от всего населения империи. 9 марта 1857 года турецкое правительство издало закон о переселении, в котором содержались очень привлекательные условия: «Каждый, кто желал эмигрировать в Турцию, находился под покровительством султана.

Земли, выделяемые мухаджирам, освобождались от всяких налогов. Кто переселялся в район Тракия, освобождался от воинской службы на 6 лет, кто переселялся в Анатолию – на 12 лет». На основе этого закона в 1860 году было создано также управление по делам мухаджиров. Но турецкое правительство, создавая благоприятные законодательные условия для переселения кавказских горцев в Турцию, и не предполагало наплыва такого неорганизованного, огромного числа переселенцев на свою территорию[391]. Теперь уже турецкое министерство стало настойчиво обращаться через российского посла к министру иностранных дел, к наместнику на Кавказе, с просьбами остановить эти переселения. Но жалобы и требования были отклонены российской стороной под тем предлогом, что российское правительство не выселяет мусульман, а только даёт им отпуска для путешествия в Мекку. По правилам веротерпимости турецкое правительство не могло запретить подобное паломничество[392].

После Кавказской войны российское руководство было поставлено перед дилеммой либо утолить голод аборигенного населения Северного Кавказа, что означало возвращение им отобранных казаками-колонизаторами и государством земель (что оно по своей природе сделать не могло), либо продолжить мириться с положением всеобщего и бесспорного земельного голода, с чем не могли мириться сами горцы. Аппарат государственного управления России нашёл выход из создавшегося положения в потворстве, скрытой агитации и организации массового исхода горцев в Турцию, используя как средство то, с чем дотоле так долго боролся – исламское мировоззрение местного населения[393].

Официальное выселение кавказских горцев в Турцию, как военная и политическая мера, началось в 1862 году, когда состоялось утверждение Постановления Кавказского комитета о переселении горцев. Чеченцы очень неохотно переселялись в Турцию, но невыносимость социально-экономического положения и политический гнёт вынудили их на этот крайний шаг[394]. Российские должностные лица, непосредственно работавшие и контактировавшие с местным населением, в своих рапортах указывали на невозможность добровольного выселения горцев в Турцию. Майор А. Ипполитов, начальник Аргунского округа, в письме к М.Т. Лорис-Меликову утверждал: «Я могу положительно сказать Вашему Сиятельству, что о добровольном переселении в Турцию народ даже не думает, при общем сборе они объявили мне, что

пойдут только тогда, когда вся Чечня поголовно уйдёт, или же тогда, когда им прикажут идти». Другой местный начальник в донесении к Лорис-Меликову констатировал: «О добровольном переселении в Турцию народ и не думает. Не желает переселения, понимая хорошо, что для этого они слишком бедны. Чеченцы связаны родством и преданиями и с трудом оставят свою родину». Мусса Кундухов, проводя агитацию среди чеченцев за уход в Турцию, неоднократно слышал от них, что они скорее расстанутся с жизнью, чем с родиной[395]. Полковник Беллик 25 марта 1865 года доносил начальнику Терской области: «…Другой чеченец, после многих стаканов портера, был более откровенен, он прямо сказал: не пойдём мы в Турцию и не пустим тех, кто собирается туда; в Турции ждёт нас смерть, ждёт она нас и здесь, но здесь она приятней, потому что здесь наша родина и здесь лежат отцы наши, побитые русскими»[396].

Воображение и доверчивость честных горцев постоянно подогревались блистательными и игривыми обещаниями помощи и участия при посредстве разных эмиссаров, и когда выселение уже началось, европейская дипломатия уверяла переселенцев, что Россия не имеет права их переселять, что весной 1863 года придут европейские комиссары для размежевания их с русскими[397]. Для увеличения количества желающих выселиться в Турцию царские чиновники прибегали к таким неоднозначным методам, как распускание слухов, засылка агентов, подкуп влиятельных лиц, скрытая агитация. В 1865 году в Чечне повсеместно стали говорить о том, что огромное войско высадилось в Петровске и собирается перейти в Темир – Хан – Шуру, чтобы затем идти в Чечню для переселения её жителей в Турцию. Чеченцы неоднократно получали частные приглашения и воззвания к уходу в Турцию[398]. Кундухов, прибегая к содействию людей, получивших его покровительство или определённые средства, распускал слухи о том, что власти собираются освободить холопов без вознаграждения, уничтожить права высших сословий, подвергнуть всех подводной повинности и другим налогам. Мусса Кундухов обещал доверчивому населению, что в Турции они будут приняты на службу в том же достоинстве, которое имели в России[399]. М. Кундухов, окончательно решив вопрос о своём уходе в Турцию, выпросил у начальства 10 тыс. рублей для «негласного вознаграждения» трёх или четырёх личностей, наиболее популярных среди населения, т.е. для подкупа влиятельных лиц, чтобы с их помощью провести агитацию за выселение в Турцию[400]. Некоторые кавказские горцы подкупались

царскими властями, зачастую это были уважаемые люди. Они открыто изъявляли желание переселиться в Турцию и становились во главе переселяющихся партий. За это, помимо денежного взноса, они получали право в течение года, если не пожелают поселиться в Турции, беспрепятственно возвратиться обратно на родину[401].

Служебная карьера М. Кундухова складывалась в России довольно успешно. В 1861 году он был утверждён в должности начальника Чеченского округа. С 1863 года М. Кундухов был зачислен в армейскую кавалерию при Кавказской армии. Великий князь Михаил Николаевич поручил генерал-майору Кундухову, во время пребывания его летом 1864 года в Константинополе, войти в негласное сношение с турецким правительством относительно того, в какой мере и каким образом могла бы быть осуществлена мысль о переселении в Турцию части чеченского населения. Мусса Кундухов провёл переговоры с представителями турецкого правительства, которые дали согласие на переселение 5 тысяч семей чеченцев. После возвращения на родину он начал вести активную пропагандистскую работу. М. Кундухов разъяснял людям, что во время его поездки в Турцию лично султаном были обещаны всем переселяющимся вместе с Кундуховым большие льготы и полная независимость, в чём турецкое правительство отказало другим туземцам. Якобы именно ему была оказана высокая честь избрать дорогу в Турцию не морем, а по суше. По заявлениям Кундухова, после его переселения в Турцию с представителями разных народов, в дальнейшем переселение будет запрещено. Многие жители в панике стали распродавать своё имущество и собираться в Турцию[402].

«В откровенных разговорах Мусса Кундухов не раз высказывал уверенность, – писал М.Т. Лорис-Меликов, – что турецкое правительство поручит ему управление переселившимися в Азиатскую Турцию горцами и что главною заботой его при этом будет стянуть горское население в одно место, образовать отдельную область сначала на особых правах, а потом – с известной степенью независимости»[403]. Одним из главных условий успеха в проведении агитационной работы генерал Кундухов ставил полную негласность его личного участия в этом деле. Он был уверен, что никакие старания его не будут иметь благоприятного исхода, если только население узнает, что он действует с ведома правительства[404]. Горцы не подозревали, что в 1865 году российское правительство дало Кундухову разрешение на беспрепятственное возвращение его на родину, если условия жизнедеятельности в Турции ему не подойдут[405].

Характерно, что во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. М. Кундухов воевал против России, командуя турецкой дивизией, которая дислоцировалась в том самом Карсе, где проживали чеченцы и в штурме которого принимал участие М.Т. Лорис-Меликов. После победы в Турции, М. Кундухов предполагал прибыть на боевом коне на Кавказ, во главе мухаджирского войска, чтобы захватить власть[406].

Опасаясь восстания горцев, кавказское руководство дало указание местным властям создавать видимость, что якобы царское правительство против переселения горцев в Турцию. «Для успеха дела необходимо, – говориться в документе, – чтобы горцы не только не знали о желании нашем содействовать переселению, но местная власть должна, напротив, как бы отклонять их от этого намерения»[407]. На сколько переселение чеченцев было всецело делом рук местной власти, можно видеть из того, что стремление к переселению охватило то самое количество чеченских семей, выселить которое было решено заранее и ту часть чеченского народа, которая казалась местной власти самой опасной[408]. Представители власти считали, что даже если удастся выселить только 2 тыс. чеченских семей, не могло быть и речи об уступках чеченцам хотя – бы и пяди казачьей земли[409].

Не смотря на все принятые меры, в Чечне приготовления к переезду в Турцию шли медленно и неохотно. Начальник Терской области запросил разрешения у кавказского наместника на употребление оставшихся неизрасходованными казённых средств на подкуп влиятельных и уважаемых лиц среди чеченцев. Такое разрешение им было получено[410].

Мусса Кундухов неоднократно приглашал к себе в дом чеченского наиба Садуллу Османова с почётными людьми, для проведения агитационной работы. Для пропагандистской деятельности М. Кундухову было выделено 5000 рублей. Многие горцы отказывались сотрудничать с Кундуховым и открыто высказывали ему своё негодование, но другие решили переметнуться на сторону властей. В архиве сохранились документы, по которым Садуллу Османова открыто называли царским агентом. Он и его люди распускали провокационные слухи о том, что ни один чеченец не получит ни клочка земли, что вся молодёжь будет отдана в солдаты, что мусульманская религия скорее будет запрещена и все станут христианами[411]. Во время Кавказской войны Садулла был наибом у Шамиля в провинции Гехи. По свидетельствам очевидцев он не умел обращаться со своими подданными и управлять делами так, как

этого требовали чеченские обычаи. Участились жалобы на его действия имаму. Однако Шамиль не хотел снимать С. Османова с наибства т.к. считал его храбрым воином. Когда жители узнали, что имам не хочет с ним расстаться, то перешли на сторону русских[412]. Даже М.Т. Лорис-Меликов вынужден был признать, что иногда С. Османов слишком «перегибает палку», распуская превратные слухи, смущающие население. Данные действия могли привести к военным столкновениям, поэтому начальник Терской области захотел как можно быстрее избавиться от слишком запальчивого агитатора[413]. Наиб Малой Чечни С. Османов управлял наибством в течение 8 лет и ещё до назначения на должность, майор постоянно отличался преданностью российскому правительству и неусыпно заботился о сохранении спокойствия в крае[414]. За служение отечеству наибу Османову был пожалован большой участок земли (550 десятин)[415]. Садулла Османов дал клятву на Коране содействовать переселению горцев «до конца», а также обязался возглавить вторую партию мухаджиров, дабы своим примером воодушевить остальных чеченцев. К тому же идти во главе первых партий было одним из условий выплаты денежного вознаграждения[416].

Чеченцы с трудом покидали родину. Среди чеченцев всегда находился десяток-другой семей, считавших переселение «неизбежным злом» в смысле спасения души или соединения с родственниками. Прежде чем решиться на этот важный шаг, чеченец испытывал внутреннюю борьбу, которая выразилась в следующей песне:

«Мусульманский царь зовёт нас к себе,
Царь русский – остаться просит!
Без огня и ветра Чечня запылала:
Огнём был Алхасов Муса,
Вихрем подул Османов Садулла.
Пророчили нам муллы страшный суд;
Мы видим: родные бросают родное…
Вот он, день страшного суда!»[417].

Благодарную память потомков заслужил Кунта-Хаджи, один из лидеров суфийского братства кадирия в Чечне, выступивший со своими единомышленниками против проводимой М. Кундуховым и ему подобными переселенческой пропагандой. Если бы не действия Кунта-Хаджи, то Муссе Кундухову, уже заручившемуся поддержкой Порты и

российского руководства, удалось бы ввести в заблуждение большинство чеченцев[418].

Цаго Нурий, вернувшийся в 1913 году из эмиграции на родину предков, выразил протест против переселения черкесов в Османскую империю следующим текстом: «Нам кажется, что мы мусульмане, – писал он, но мы не знаем заповедей и запретов ислама. Всевышний дал нам разум для того, чтобы мы думали, прежде чем что-либо предпринять. Слава Аллаху, не все захотели покинуть отчий дом.

- Покинув родину и переселившись в Турцию, мы сужаем границы ислама – это первое.

- Второе – наши братья, находящиеся уже там, нами же будут стеснены, ибо им придётся волей-неволей делиться с нами землёй.

- Те, кто останется здесь, становятся малочисленнее, а значит слабее – это третье.

- Кроме того, новое место не краше, не богаче, не роднее для нас. Мысли о родных, любимых, матерях и детях, оставленных на родине, погубят сердце и разум…Ветви, отрезанные от родных корней, на чужбине пытались привить к другим стволам. Но прививки эти не прижились. Они почти совсем засохли»[419].

Многие из внуков и правнуков кавказских переселенцев сегодня неплохо устроены в социально-статусном и материальном плане, иначе говоря – глубоко интегрированы в турецком обществе и в других ближневосточных государствах. Но считать их «народом» неправомерно. Это – территориально разбросанные и культурно ассимилированные диаспоры, обречённые в отсутствии более прочных и более институциональных убежищ на полное слияние с господствующим этносом[420].

Приведем, для примера, имена некоторых видных чеченских деятелей северокавказской диаспоры в Сирии, Иордании предки которых эмигрировали из Российской империи:

1. Бааршахо Хасан – в 1940 – 50-х гг. являлся начальником охраны президента Сирии Шукри Куватли.

2. Ваппи Анвар – сотрудник МИД Сирии, советник, проживает в Дамаске.

3. Дагестани Абдель-Азиз Гасанбек, потомок рода Бхош, в 1950-х годах министр юстиции Сирии. Похоронен в Дейр – Эз – Зоре.

4. Дагестани Хасан-бек (ибн Бхош ибн Атти ибн Дади), потомок основателя аула Дади – Юрт (Чечня). В 1920-30-х гг. являлся губернатором провинции Эль – Джазира с центром в Дейр – Эз – Зоре.

5. Дували Ихсам, известный в Сирии режиссер телевидения, проживает в Дамаске.

6. Оздемир Джамалудин, 1945 г.р., бригадный генерал, потомок выходцев из селения Дади – Юрт, проживает в пригороде Дамаска Кудсея.

7. Оздемир Саид, 1935 г.р., юрист, инспектор Министерства обороны Сирии. Умер в 1994 г., похоронен в Дамаске.

8. Сесно Мухаммад, полковник сирийской армии.

9. Харчо Шукри, известный в арабском мире художник – каллиграфист, проживает в Дамаске.

10. Шанаро Махмуд, полковник сирийской армии, проживает в Дамаске.

11. Шишан Фарид Абдель-Хамид, военачальник, герой Сирии и Иордании, участник арабо-израильской войны 1973 г. Погиб, похоронен в Дамаске.

12. Абдулла Багавудин, мэр Эз – Зарки (1928-1942).

13. Алаудин Ахмад, дивизионный генерал, командующий спецназа Иордании, в 1994 г. подал в отставку.

14. Бено Муса, мэр Сувейлаха (1958-1976; 1979-1981).

15. Бено Салих, дивизионный генерал, министр по делам Совета Министров, назначен в августе 1998 г.

16. Башир Мухаммад, 1936 г.р., штабной бригадный генерал, заместитель начальника Генерального штаба министерства обороны (1976), председатель Административного совета отставных офицеров (1982-1984), министр сельского хозяйства (1984-1985).

17. Булат Касем, мэр Эз – Зарки (1947-1962, 1963-1965, 1971-1972).

18. Рамзи Ахмад, заместитель главкома Арабского легиона (иорданской армии) в 1920-30-х гг.

19. Якам Арслан, военачальник, дивизионный генерал бронетанковых войск, участник арабо-израильских войн 1967 и 1973 гг., дважды Герой Иордании, проживает в Аммане.

20. Бено Саид Юнис, 1928 г.р., закончил Инженерный колледж в Багдаде, Вашингтонский университет (г. Сиэтл), Королевский научно-технологический колледж в Глазго (Шотландия). Бакалавр (1950) и магистр (1958) в области гражданского строительства. В 1950-1964 гг. окружной инженер, директор Дорожного департамента Министерства общественных работ, 1964-1976 гг. заместитель министра общественных работ. В 1976 г. назначен министром общественных работ. Член Иорданской ассоциации гражданских строителей, Иор-

данского дорожного общества, Арабского общества гражданских строителей.

21. Дагестани Фахреддин Абдель-Хади, ученый и инженер. Закончил Миссурийский университет, доктор наук. 1968-1971 гг. – инженер корпорации Ай – Би – Эм в Рочестере (штат Миннесота, США). 1971-1976 гг. – директор Департамента механической инженерии Королевского научного общества (КНО). 1976-1983 гг. вице-президент КНО; с 1984 г. президент КНО. Был членом Совета директоров Администрации природных ресурсов, Иорданской телекоммуникационной корпорации, Научного совета Исламского научно-технологического общества (аль – Муассаса) в Саудовской Аравии, Арабской федерации советов научных исследований (Ирак), членом Попечительского совета КНО, Национального колледжа инженерных и административных наук. В начале 1992 г. возглавил Центр стратегических исследований при КНО, занимавшемся изучением ситуации в новообразованных после распада СССР исламских государствах Средней Азии.

22. Джаммо Абдель Баки,шейх. Независимый депутат от г. Эз-Зарка, первый заместитель председателя Нижней палаты (избран 19 ноября 1996 г.). Родился в 1922 г. в Эз-Зарка. В 1952 г. закончил университет Аль-Азхар (Египет). Был имамом и проповедником в мечети, назначался в муниципалитет. Возглавлял общественные организации: Общество исламской культуры, Исламское благотворительное общество, Дагестано – чеченское благотворительное общество, Комитет по закяту, Общество создания публичной библиотеки в г. Эз-Зарка. В 1954-1957, 1961-1969, с 1989 г. депутат парламента; 1989-1991 гг. государственный министр по парламентским вопросам; 29 ноября 1993 г. избран председателем Фронта национального единства; 1994-1995 гг. – государственный министр по юридическим и парламентским вопросам[421].

Основателями города Эз-Зарка (в переводе с арабского «Голубая»), являются несколько семей чеченских мухаджиров, прибывших в 1900 году из современного Ножайюртовского района Чеченской Республики. Вскоре после этого сюда прибыла группа чеченцев из 70 семей, а в последующем и до начала Первой мировой войны продолжали прибывать и другие, более мелкие группы чеченских поселенцев. С момента основания и по сей день Эз-Зарка является признанным по всей Иордании центром по изготовлению ювелирных изделий из серебра[422].

Во второй половине XIX века некоторые из начальствующих лиц пытались примирить чеченцев с их подневольным положением

в России. Так, полковник Беллик доказывал горцам необходимость покориться всем тем условиям, какие диктует империя. Чеченцы на это отвечали: «...эти условия есть наша смерть, ибо переселение в Турцию и разоружение есть для нас одно и то же»[423]. Я. Абрамов прав, когда он пишет: «Наше мнение по этому поводу выглядит так: только пользуясь всеми правами русского гражданства, туземец может примириться с русскими порядками»[424]. Горцы хотели переселиться в другое государство по причине не доверия к ним со стороны правительства Российской империи, которое в большинстве случаев их сильно оскорбляло и ущемляло гражданские права и свободы. Над ними постоянно тяготело клеймо «опасного элемента», даже когда они вовсе не давали для этого повода[425].

Ход переселенческого движения стал стремительно набирать обороты. Безусловно, что царские чиновники не могли предусмотреть все тонкости процедуры переселения горцев. Восполнение подобных пробелов производилось путем закрепления в предписаниях либо единовременных мер по решению того или иного возникающего вопроса, либо предоставлением на местах «большей самостоятельности» царским чиновникам. Примером решения возникающих сложностей в процессе переселения горцев может служить предписание командующего Кавказской армией командующему войсками Кубанской и Терской областей Евдокимову от 19 мая 1861 года. В преамбуле этого предписания говорилось, что сложилось обстоятельство, когда многие горцы, которые отправились в Турцию под предлогом торговли или поклонения святым местам, сами распродавали свое имущество, а теперь хотят вернуться обратно. Указывая на данное сложное положение дел, предписывалось, что водворять на Кавказе «…этих бездомных бродяг – значит добровольно увеличивать грабежи и смуты в крае, только принимающим мирное положение». Закрепляя обязывающую диспозицию для этой категории населения, указывалось на то, что впредь горцы не должны продавать свое имущество, отправляясь по делам в Турцию. Те же, которые его продали и вернулись на родину, должны были направляться «во внутрь России». Подобная воля командующего Кавказской армией должна была найти свое отражение и в организации визирования паспортов, где делалась особая пометка о том, что горцы «отправляются на поселение»[426].

Даже в ходе эмиграционного движения, чеченцам категорически было запрещено следовать в Турцию единичными семьями, передви-

гаться до русско-турецкой границы по распоряжению правительства они должны были только организованными партиями и под конвоем. Каждую партию переселенцев сопровождал «благонадёжный» офицер из туземцев. Каждой семье разрешалось брать не более двух арб, а каждая партия могла забрать не больше 200 волов. В числе имуществ разрешали брать оружие, но огнестрельное необходимо было уложить в арбы[427]. Фамильные и собственные земли распродавались почти за бесценок. После массового, многотысячного переселения горцев в Турцию, многие аулы совсем опустели, неухоженные земли заросли бурьяном. Эти земли конфисковывались в пользу казны. В тех сельских общинах, которые частично эмигрировали, земли переходили в пользу аульных обществ. Именно из-за этих регламентаций многие впоследствии возвратившиеся из Турции горцы окажутся без крыши над головой и без земельного надела[428].

Император Александр II разрешил горцам Терской области переселяться в Турцию не морским путём, как это делали адыги, а через русско-турецкую сухопутную границу[429]. Ещё при переселении в 1862 году горцев Кубанской области в Турцию им было строго запрещено следовать через сухопутную границу на Закавказский край по Военно-Грузинской дороге. Путешествие по дороге облегчало уход, т.к. можно было взять с собой не только домашний скот и лошадей, но и утварь, что становилось невыносимым при движении по морю. Однако кавказское руководство направило черкесов к берегам Чёрного моря, оправдывая своё решение тем, что якобы движение по Военно-Грузинской дороге мешает транспорту и караванам. На самом деле очень сильны были опасения соединения сил западных и восточных горцев, что могло привести к продолжению Кавказской войны[430]. Сухой путь передвижения сыграл положительную роль в переселении вайнахов в Турцию, т. к. именно он стал естественной преградой на пути преступных замыслов царской администрации. В противном же случае вайнахов ждала участь своих адыгских собратьев, подвергшихся поголовной депортации и погибших в пути. Этому есть документальное подтверждение. «В области Кубанской, прилегающей к морю, – сообщается в одном из источников, – решение этого вопроса было несравненно удобнее: соседство приморских пунктов не вызывало заботливости начальства сдерживать население, мы же обязаны делать это здесь, имея под рукой только Военно-Грузинскую дорогу»[431]. Партийные офицеры в своих отчётах старались умалчивать об убыли людей, скота в руководимых ими пар-

тиях. Это помогало дальнейшему успешному продвижению по службе и увеличению вознаграждения. Огромные полицейские и казачьи силы, брошенные на охрану эмигрировавших в Турцию партий чеченцев, оказались в военном отношении невостребованными. Во время следования 28 партий чеченцев к русско-турецкой границе беспорядков не было, равно как и ни одного случая воровства, совершённого чеченцами[432]. Однако воровали царские чиновники, причастные к переселению горцев. В докладе особой комиссии, назначенной при Окружном штабе для разбора сведений по переселению горцев, было сказано: «..Большинство квитанций и пособий переселенцам весьма сомнительного свойства..». Даже та мизерная «помощь», которая оказывалась государством крайне в ней нуждавшимся переселенцам, не всегда до них доходила, так как это, как и всё совершавшееся на Кавказе, «сделалось доходною статьёю для чиновников»[433].

Первая партия переселенцев выступила из Владикавказа (сборного пункта) 28 мая 1865 года и прибыла на границу у Хазапинской заставы 17 июня 1865 года. Последняя двадцать восьмая партия, двинулась из Владикавказа 16 августа и перешла русско-турецкую границу 10 сентября 1865 года. Таковы хронологические рамки самого крупного переселения горцев из Терской области в Турцию. В дальнейшие годы и десятилетия горцы повторяли этот путь, но уже в количествах значительно меньших.[434]. В феврале 1867 года начальник Терской области всенародно объявил, что отныне горцы навсегда должны отказаться от всякой надежды на переселение в Турцию[435].

Тысячи мусульман, изгнанных с Кавказа и из Крыма, хлынули в Анатолию, изменив ее этнический и религиозный состав. Таким образом, Османская империя все больше превращалась в мусульманскую страну[436]. В 1866 году на востоке Халебского вилайета, в верховьях реки Хабур была создана одна из самых крупных колоний северокавказских эмигрантов (в основном чеченцев) Рас – Эль – Айн, население которой первоначально насчитывало, по различным данным, от 18 до 25 тыс. человек. Однако ввиду непривычных климатических условий, земельных конфликтов с местными жителями, невнимание к нуждам колонистов провинциальных властей, их коррумпированности и в особенности из-за нападений кочевых племён это поселение оказалось недостаточно жизнеспособным. Значительная часть поселенцев к середине 70-х годов XIX века погибла в результате голода, болезней и вооружённых столкновений с соседями или самостоятельно переселилась в другие, отно-

сительно стабильные регионы государства. В колонии Рас – Эль – Айн к 1878 году из 4-5 тыс. семей осталось всего 500 семей[437]. Положение горцев Северо – Восточного Кавказа, переселившихся в Турцию, было крайне тяжёлым. Земли, на которых были поселены чеченцы, были непригодны для земледелия – каменисты и бесплодны. Горцы попытались уйти с указанных им земель, но из-за этого произошло несколько вооружённых столкновений с турецкими войсками. Ввиду такого обострения ситуации Оттоманское правительство даже подняло вопрос перед русским послом о возвращении горцев обратно на Кавказ, тем более что, мол, они сами этого желают. Однако такое предложение было отклонено дипломатическим путём[438]. Турция считала себя вправе возвратить чеченцев в Россию, но не делала этого «из великодушия»[439].

Арабеш-шейх на заданный ему вопрос – переселяться ли чеченцам в Турцию, для сохранения своей религии и благочестия, ответил: «Не надо, – Русский царь благоволит магометанству, как и Шамиль, и со временем все русские сольются с магометанами»[440].

Родственные переселенческие общины турецкие власти расселили по 2-3 двора раздельно, по окрестным сёлам. Такая разобщённость горцам не нравилась[441]. В Гельском санджаке Эмин-паша обязал старшин деревень, в которые были помещены переселенцы, ни под каким видом не выпускать их из отведённых им селений. За самовольный уход какой-либо семьи старшина нёс персональную ответственность[442]. Чтобы както себя прокормить и спастись, многие чеченцы вынуждены были продавать свой скот, тайно пробираться в запрещённые для их поселений районы Турции и покупать там участок плодородной земли[443]. Муссапаша Кундухов и другие лица, привезшие с собой капиталы из России, безбедно жили или занимались торговлей[444]. Турецкое правительство помогало кавказским переселенцам. Порта для помощи чеченцам отпускала значительные суммы, правда не всегда они доходили до адресата[445]. Горцам также выдавались продукты питания, поставлялся крупный рогатый скот и средства передвижения, выделялись деньги. Здесь также нередко царила коррупция. Генерал-губернатор Диарбекирского виляэта Мустафа-паша присвоил себе часть средств, выделенных Портой для выходцев из Терской области. Комиссия, присланная из Константинополя, выявила существенную недостачу ассигнованных средств[446].

Не имея возможности заниматься хлебопашеством и скотоводством, многие чеченцы вынуждены были пойти на службу в образованный властями Диарбекирский чеченский полк[447]. В задачи конного полка,

состоявшего из 1 тыс. человек входили: сбор налогов, охрана больших дорог и борьба с непокорными правительству племенами. Как правило, кавказцы в военном отношении, во многом превосходили арабов. Это принимала во внимание и французская администрация, привлекая горцев к военной службе. Около 800-1000 из них вошли в специальный полк, сформированный в Сирии из различных религиозных и этнических групп.

В разразившейся 12 апреля 1877 года русско-турецкой войне на границе с Россией были сформированы диверсионные отряды из кавказских переселенцев. Правительство Российской империи забеспокоилось и отправило генерала Фадия в Турцию для переговоров с сыном имама Шамиля Гази Магомедом, предложив образовать на границе с Афганистаном «государство для всех черкесов», проживавших в Османской империи, однако на какой именно территории – не уточняется. Россия готова была взять на себя все расходы, связанные с переселением, при условии, что «черкесское государство» будет под её покровительством, но сын имама отказался от этого предложения. Он строил планы по возрождению государства своего отца на Кавказе. В ходе русско-турецкой войны он становится идейным вдохновителем и «знаменем» мощного восстания в Чечне и Дагестане, является главой горской верхушки, возбуждавшей мусульманское население Кавказа против России. В период военных действий в Стамбуле под личным руководством султана была создана комиссия с целью подготовки высадки десанта во главе с Гази Магомедом в Абхазии[448]. Другой сын имама Шамиля Мухаммед-Шефи с гневом отмечал: «Турецкое правительство вело политику в отношении горцев такую точно, как европейцы в отношении негритосов. У турецкого правительства не хватило благородства даже для дачи приюта горцам-переселенцам в Турции, которые с трепетом ехали туда, как в святые места, думая найти в единоверной Турции для себя новую родину»[449].

На турецко – русский фронт Порта планировала отправить до 80 тыс. кавказцев. Английские и турецкие политики, таким образом, стремились недовольство эмигрантов своим положением в Турции направить в антирусское русло, рассчитывая, что всевозможные тяготы и лишения на чужбине, надежда вернуть себе потерянную родину, превратят их в отличных воинов султана. Царское правительство пыталось привлечь к войне с Турцией жителей Дагестана, Однако «дагестанцы, – по словам современника событий Хасана аль – Кадари, – не согласились. Некоторые пошли с армией до фронта, но затем сбежали…»[450]. Чеченцы

добровольцами вступили в ряды конно-иррегулярного полка, храбро воевавшего в Турции. Около 800 человек было в составе Чеченского полка, многие чеченцы были награждены за мужество, проявленное в бою с турками. Мухаджиры были лучшими кавалеристами у турок. Случались во время войны очень интересные встречи противников, узнававших среди неприятеля знакомых или даже родственников. Начинались расспросы о родине. Потом слышались взаимные упрёки и укоры, разгорался спор о том, какой стране лучше или честнее служить, можно ли воевать против единоверцев. Чаще всего дело доходило до брани и выстрелов, но были случаи, когда мухаджиры переходили на сторону царских войск, чтобы вернуться на родину. Это было вызвано не только сильной тоской по родине и тяжёлыми условиями существования в Турции, но и упорными слухами, говорящими о том, что на Кавказе восстание, целые аулы разоряются, а семьи выселяются в дальние уголки России. Слухи эти имели под собой вполне реальную почву; мухаджиры, опасаясь никогда не увидеть родных сёл и знакомых лиц, любыми путями устремлялись на родину[451].

Царское правительство опасалось возрастания роли горцев в Турции особенно после русско – турецкой войны 1877-78 гг. и подписания Берлинского трактата 1878 года. Нух – ал – Мартуки писал: «…Россия предупреждала турецкое правительство, чтобы оно хорошо следило за горцами и ограничивало их передвижение, так как среди них могут оказаться умные люди, которые, как их предки, основавшие в старые времена в Египте великое государство, просуществовавшее 140 лет, также могут попытаться создать такое же государство на территории Турции»[452]. Турецкое правительство старалось не поселять горцев компактной массой, чтобы избежать беспорядков. Как правило, переселенцам власти выделяли такие места, которые по своим климатическим и другим условиям оказывались для них губительными. Поражение Турции в войне непосредственно сказалось на Кавказских эмигрантах, специально расселённых османской властью в Турции, как правило, в стратегических пунктах и вдоль основных дорог с целью создания полицейских барьеров на границах с христианскими районами: черкесы оказались здесь нежелательны. Кроме того, турецкое правительство, проводя политику усиления мусульманского элемента в стране, расселяло горцев среди местного христианского населения[453]. Переселенцы являлись новым источником для повинностей местным жителям, которых правительство заставляло безвозмездно содержать незваных гостей, строить им дома,

развозить их из городов по сёлам[454]. Когда больше 10 партий чеченцев выдвинулись к Мушу, население встретило их весьма неприязненно, а местные власти протестовали против их прибытия. Чеченцы же, прельщённые хорошей землёй, объявили что они дальше не пойдут, а местные жители «могут искать себе других земель». По инструкции турецкого правительства, чеченцам не разрешили остаться на земле Муша из-за отсутствия дороги через горы, они вынуждены были отправиться назад, с обходом на Чабокчур, в Диарбекирскую область[455].

К 1871 году в Турции осталось около 10000 чеченцев. Таким образом, по приблизительным расчётам, в Турции погибло приблизительно 40000 горцев Северо – Восточного Кавказа. Большей частью они умерли от голода и болезней, а также от столкновений с турецкими частями. Вооружённые стычки происходили как на русско-турецкой границе, так и при расселении горцев на территории Турции. В конце 1865 года турецкие власти провели переосвидетельствование чеченцев, в результате чего выяснилось, что многие семьи находились в тяжелейшем состоянии, члены их были больны и изможденны. Зачастую из целой семьи, переселившейся в Турцию, в живых оставалось 1 –2 человека[456]. Во многом неожиданная для турок активизация переселения в 1864 – 65 гг. и 1878-83 гг. вызвала эпидемию заразных болезней (малярия, тиф, оспа – среди мухаджиров) с многочисленными смертельными исходами[457]. Мухаджиры в Турции заболевали тифозной лихорадкой, оспой, скурбутом, водяной болезнью и т.п. Эпидемии, охватившие переселенцев при отсутствии карантинных мер, истребляли до 20 % переселявшихся. Некоторые голодающие переселенцы вынуждены были скрывать от начальства смерть своих родственников, чтобы получить за них провиант. Поэтому зачастую официальная статистика смертности среди горцев не соответствовала действительности. А ведь смертность, особенно среди первых эмигрантов, была очень велика[458]. По сообщениям российского консула, в Трапезунде в 1864 году средняя смертность среди эмигрантов составляла 180-250 человек в день, в Самсуне и его окрестностях 200 человек в день. В Дербенте и Ирмаке умирало ежедневно более 500 эмигрировавших с Кавказа горцев[459].

Так как горцам в Турции было обещано освобождение от обязательной воинской повинности на 20 лет, в Трапезунд приехал Али – паша для создания войска из добровольцев. Было завербовано 500 человек. Мухаджиры охотно шли на службу, т.к. турки новобранцев отлично одевали и кормили. Для усиления притока горцев в воинские ряды, было

запрещено продавать мужчин на невольничьем рынке. В рекруты турки брали только не женатых и потому выходцы с Кавказа вынуждены были продавать своих жён и детей, чтобы поступить на службу. В основном такая практика существовала в приморских турецких городах, куда приплывали черкесы.

Выходцы из Турции рассказывали, что тоска горцев по родине была так велика, что они прямо умоляли уезжавших на Кавказ привезти им на обратном пути в сумках родной землицы, чтобы устлать ею дно могилы. Передавали также, что горцы, умирая и будучи правоверными мусульманами, лицом обращались не в сторону Мекки, а в сторону родины, к Кавказу[460]. Говоря о тяжёлом положении мухаджиров на новой родине, газета «Всемирный путешественник» в 1871 году писала: «Через год две трети из них умерли…Тяжёлое положение, в котором оказались изгнанники, постепенно убеждало их на практике, что они должны вернуться на Родину»[461]. По свидетельству одного из чеченских мухаджиров, проживавшего недалеко от Карса, его отец в один из дней собрал сородичей и сказал им: «Места скверные, народ собачий». Старики призадумались, слушая его слова. Долго и молча размышляли, наконец, послышалось: « Я первый из тех, кто хочет ехать обратно», к этому голосу прислушались и другие. В результате 90 дворов чеченцев отправились на русско-чеченскую границу, где их и застала зима. Три недели их не выпускали из Турции, много лишений пережили эмигранты[462]. Хаткоко Давлет-Гирей ещё ребёнком с первой волной изгнанников был увезён в Османскую империю и сполна вкусил горький хлеб чужбины. В надежде хоть как-то предостеречь своих собратьев, всё ещё покидавших отчизну, он писал статьи, которые с 1908 года печатались в парижском журнале «Мусульманин». Вот что говорилось в них: «Я смею думать, что напротив, именно Турция, и никто больше, погубила горцев в нравственном, моральном и физическом отношениях. Притворный и гнусный режим. Нет на свете краше и лучше Кавказа. Обманывать вас у меня нет причины»[463]. Жизнь мухаджиров в Турции была тяжёлой не только в плане социально-экономическом, но и в культурном отношении, из того, что в ней проводилась шовинистическая пантюркистская политика, с запретами горцам носить национальную одежду, черкеску, папаху, бурку. Чеченцы в Турции находились на грани исчезновения. Многие из них со временем утратили свой родной язык, обычаи. В Сирии также в ассимилятивной форме чеченская диаспора была на грани исчезновения[464].

Переселившиеся в 1865 году в Турцию горцы на другой же год стали оттуда возвращаться. Мужчины, старики, женщины с привязанными за спинами детьми выходили к границе с Россией, проклиная своё легкомыслие, и турок[465]. В 1872 году на столе российского посла в Турции графа Н.П.Игнатьева лежали заявления от 8 500 семей мухаджиров (около 50 тыс. чел.) с просьбой о разрешении на возвращение[466]. Из огромной массы желавших вернуться в 60-х – начале 70-х годов XIX века сумели возвратиться в родные места лишь 5857 чеченцев. Значительно больше количество переселенцев вернулось после войны 1877-78 годов. С 1890 года, по какому бы поводу не собирались чеченцы, они все чаще и чаще стали говорить о возвращении на родину. В начале 1895 года большая часть чеченцев из разных мест Турции отправилась в Терскую область[467].

Затрудняя и вовсе запрещая возвращение мухаджиров на Кавказ, царское правительство спешило захватить плодородные земли в свои руки. Оно объявляло землю общинной и, рассматривая её в этом случае как государственную, распоряжалась ею по своему усмотрению[468]. Правила, регламентировавшие порядок переселения горцев в Турцию, утвержденные начальником Главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенантом А.П.Карцовым в июне 1861 года, четко определяли категории лиц, имевших право возвращаться на территорию Российской империи и лишенных его. Например, «решительно воспрещалось» возвращаться горцам, вступившим в турецкое подданство, просрочившим свои паспорта, получившим паспорт не на свое имя, а на несколько семей. При этом в примечаниях оговорено, что под вступлением в турецкое подданство следует понимать обращение к местным турецким властям с просьбой о наделе земли, водворение на отведенных землях, передачу паспорта турецким властям и иные факты, служащие «несомненным знаком намерения перейти в подданство другой державы»[469].

Исключение для реэмиграции допускалось только для бывших офицеров. Офицеров царской армии – принимали обратно, разрешая вернуться каждому, правда, их поначалу принимали на службу (в виде наказания) низшими чинами. Для некоторых же лиц это «разжалование» в солдаты было фиктивным. Приведем для наглядности соответствующий документ: «Главнокомандующий Кавказской армией, имея ввиду, что в числе переселенцев были и офицеры, которые, обманувшись в своих надеждах при переходе в подданство Порты и испытавши тяжкие бедствия переселения, вернулись опять на родину, искренне раскаиваясь

в своих заблуждениях и предоставляя себя милосердию правительства и приняв во внимание легкомыслие и незнание законоположений, а также руководствуясь некоторыми другими соображениями, не счел справедливым подвергать их той ответственности, которую влечет за собой всякое недозволенное оставление отечества…, а потому ходатайствовал, чтобы всех офицеров из туземцев Кавказского края – переселенцев, возвратившихся из Турции, а равно просрочивших заграничный отпуск, не прибегая к дальнейшим расследованиям степени виновности их и не предавая суду, считать исключенными из службы, с тем, что если они вновь пожелают в оную вступить, то не иначе, как нижними чинами, и вместе с тем лишенными прав на заслуженное прежде от казны содержание, доколе они вновь не приобретут на оное право верною и усердною службою»[470].

С 1865 по 1871 гг. 3760 чеченцев пожелали вернуться на родину, и вышли к русско-турецкой границе. Наместник на Кавказе разрешил вернуться в Терскую область 2260 горцам, 1500 человек вынуждены были остаться в Турции[471]. Только за один, 1871 год из Турции возвратилось более 1,5 тыс. чеченцев[472]. Вслед за уходом в 1863-65 гг. до 40тыс. чеченцев и кабардинцев в Турцию, в начале 70-х годов произошёл возврат почти половины ушедших семей на родину[473]. Не видя другого выхода из создавшегося тяжёлого положения на чужбине, горцы стали продвигаться к русско-турецкой границе, для возвращения на Кавказ. Переселенцам объявили, что при попытках пересечь границу против них будет применено оружие как турецкой стороной, так и российской[474]. 12 ноября 1865 года турки произвели 13 выстрелов по чеченцам. Около 11 часов Камил Али – паша дал команду стрелять ядрами. Первое ядро поразило несколько человек, остальные разорвались в середине чеченского лагеря. После 5 выстрелов чеченцы были вынуждены покинуть границу[475]. Российские власти настаивали на том, чтобы Порта удалила от границы желающих вернуться на Кавказ. Кавказские переселенцы, не теряя надежды, обращались с прошениями о возвращении на родину в Генконсульство, к наместнику на Кавказе, начальнику Терской области, императору Александру II[476]. Так, к кавказскому руководству с просьбой о возвращении обратился подпоручик русской службы Шахвали Хамзаев, у которого в Турции умерли брат, сестра и тётка[477]. В своём прошении на имя начальника Терской области чеченские мухаджиры сожалели о том, что эмигрировали в Турцию: «Покорнейше просим ходатайства Вашего Превосходительства, – писали они, о возвращении нас на нашу

родину. Мы узнали, что Мусса нас обманул, он говорил нам, что мы будем приняты на службу в том же достоинстве, какое имели у Вас. Теперь оказалось, что его слова были ложны, а справедливы Ваши. Из нас и так погибла уже одна треть»[478]. Мухаджиры Гамбулаг, Гадис, Гасихан, кадий Имаз и Астемир обратились к великому князю Михаилу Николаевичу. В своём прошении они сообщали: «Ваше императорское Высочество, мы находимся в весьма несчастном положении и просим Вас: будьте милосердны, разрешите нам возвратиться к Вам. Если бы имели малейшую возможность остаться здесь, мы не смели бы беспокоить Вас. Царь Московский для нас отец родной»[479]. Им был дан ответ, что они теперь турецко – подданные, и российские власти не вправе пропускать подданных чужого государства. Тогда горцы обратились к турецким властям, но Великий визирь Гусейн – бек возразил, что чеченцы не могут считаться турецко – подданными. Таковыми были только те, кто прожил в Турции 3 года[480]. Чеченцы вновь обратились к наместнику на Кавказе, с просьбой вернуть их на родину. В начале октября 1865 года более 500 чеченцев, находившиеся на границе около Александропольского кордона сообщили российским властям, что они готовы креститься, дабы вернуться на родину[481].

В начале ноября 1865 года на русско-турецкой границе уже скопилось 2600 человек, желавших принять православие и вернуться на Кавказ. Однако российское руководство даже на таких условиях не спешило пропускать их через границу, т. к. опасалось, что 18 тыс. чеченцев, располагавшихся в ближайших районах Турции, тоже пожелают креститься и вернуться на родину, а ведь возвращаться им было уже некуда, родовые земли были или конфискованы или проданы[482]. В итоге было разрешено направить в Тифлис только 200 человек, находившихся у турецкого Арпачая. Принятие православия ставилось необходимым условием для этого, но на немедленном крещении чеченцев власть не настаивала. На Кавказе горцев конвоировали казаки, им выделялся провиант и дрова на ночлег. Эти переселенцы были в дальнейшем размещены в Надтеречном наибстве[483]. Все пропущенные из Тифлиса во Владикавказ партии чеченцев находились в крайне бедственном положении: без всяких средств к существованию, без продовольствия, без скота и арб. Большинство партий составляли женщины и полунагие дети. При некоторых партиях оказывалось по несколько лошадей, но и те служили не для подъёма тяжестей, а для подвоза изнурённых стариков или больных женщин и детей[484]. Многим мухаджирам, после

долгого переговорного процесса с турецкими и российскими властями пришлось повернуть обратно в Турцию, другие всё-таки тайно переходили границу. Переходы русско-турецкой границы, по преимуществу тайные, всё учащались. Самое большое количество задерживаемых переселенцев было в Александропольском и Тифлисском уездах, а также в Тифлисе, по Военно-Грузинской дороге, на Дарьяльской заставе и в самом Владикавказе[485]. Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов спешил сообщить в Главный штаб Кавказской армии о необходимости усиления надзора за переселенцами на границе. Эриванский военный губернатор 21 октября 1868 года предложил начальнику Александропольской кордонной линии: «...Строжайше объявить кардонной страже, что в случае нового прохода партий чеченцев стража поста, около которого пройдут чеченцы, будет предана суду». Всего в течение сентября и октября 1870 года перешли турецкую границу 758 человек, все они были сданы в Александропольскую карантинно-таможенную контору для передачи турецким властям. Но не смотря на все предпринятые меры, чеченцы переходили границу преимущественно вблизи Александрополя, по горным и лесным тропам, пробирались в Тифлис, где обращались к наместнику на Кавказе с просьбой о разрешении вернуться на родину. Они были согласны даже поселиться в любом уголке России, лишь бы не возвращаться в Турцию[486]. Горцы обычно прорывались через границу ночью, небольшими группами по 5-20 человек и проходили незамеченными ни кордонной стражей, ни местной земской полицией Тифлисской и Эриванской губерний… Некоторым мухаджирам из-за отсутствия необходимых документов приходилось подкупать стражей порядка. Так, кумык Абдула, не имея паспорта, беспрепятственно добрался из Турции до Терской области. На вопрос, как ему это удалось, он ответил: «…отделывался деньгами»[487].

Пограничный надзор являлся основной формой действий, который осуществлялся непрерывно и по всему периметру границы. Охрана границы строилась в две линии. На первой линии сосредотачивались основные усилия пограничных постов и кордонов. Вторую линию прикрывали тыловые посты и летучие отряды. Нередко нарушители прорывались через границу большими партиями численностью по 50-100 и более человек. В этом случае они не бежали от пограничной стражи, а вступали с ней в открытый бой. Пресекая вооруженные прорывы через государственную границу крупных партий нарушителей, пограничники применяли приемы и способы «малой войны», т.е. партизанской. К

числу таких способов можно отнести налет, засаду и т.п. В необходимых случаях пограничники при поддержке подразделений усиления от армейских гарнизонов могли осуществлять оборонительные и наступательные действия.

Нередки были случаи, когда нарушители границы стремились подкупить чинов пограничной стражи. Как показал анализ архивных документов, в этом случае порядок действий объездчиков или стражников был следующим: они могли брать взятку, но при этом обязаны были доложить об этом руководству. Такая форма борьбы с коррупцией довольно активно практиковалась в середине XIX в., но в дальнейшем от нее, по всей видимости, на официальном уровне, отказались[488].

Чтобы остановить поток нелегальных мигрантов, Россия предприняла некоторые дипломатические меры в отношении Турции. К началу дипломатической переписки в Терской области было схвачено несколько турецких агентов, агитировавших к восстанию. В ходе восстания Порта якобы обещала объявить России войну и поддержать кавказских горцев[489]. Приведя данные факты руководителям Турецкой империи, российское руководство поставило турецкое правительство перед выбором: «…Если поток эмиссаров, проникающих в Терскую область, не будет остановлен, то кавказское начальство поневоле вынуждено будет открыть свободный уход в Турцию целым массам горского населения». После такого ультиматума турецкие власти постарались следовать указаниям России относительно кавказских переселенцев, хотя и продолжали выражать своё недовольство её действиями на Кавказе[490].

Если мухаджиры возвращались на Кавказ легально, по турецким паспортам, с целью «посетить родственников», им это разрешалось только по согласованию с местным начальством[491]. В 1866 году предполагалось отправить в Турцию новые партии чеченцев, но турецкое правительство отказалось принять их, говоря, что и с предыдущими переселенцами у них слишком много хлопот[492]. Без паспортов, тайно в 1866 году 53 чеченца проникли на Кавказ, о чём М.Т. Лорис-Меликов с возмущением сообщил в Тифлис[493].

Окончательное решение о расселении прибывших из Турции горцев принимал начальник Терской области в зависимости от «политической благонадёжности» эмигрантов. Жалобы переселенцы подать не имели права, так как ещё 9 июня 1856 года вышел указ императора, по которому никакие просьбы и жалобы на действия кавказского начальства вышестоящие инстанции не принимали[494]. Начальники округов нередко

ходатайствовали перед руководством о возвращении на родину своих бывших подчинённых. В августе 1867 года М.Т. Лорис-Меликов предупредил начальника Чеченского округа, что отныне его ходатайства о возвращении из Турции чеченцев больше к рассмотрению приниматься не будут[495]. Не смотря на данный отказ, начальник Чеченского округа вновь обратился в том же году к руководству, с просьбой освободить из-под ареста бывших жителей аулов: Гойтинского, Урус-Мартановского, Ачхоевского, Гехинского и Алхан-Юртовского и передать их на руки родственников. К сожалению, ответ начальника Терской области на данную просьбу так и остался неизвестен[496]. Иногда в решение переселенческих вопросов вмешивался великий князь Михаил Николаевич.

В годы активного мухаджирского движения М.Т. Лорис-Меликов в ультимативном порядке принудил выселиться почти всех карабулак в Турцию из-за его явно выраженного предвзятого отношения к ним. В рапорте А. Нурида на имя командующего войсками Терской области сообщалось: «Переселение карабулак идет хорошо, сами зажигают свои аулы, чтобы не оставить казакам»[497]. В 1871 году Наместник Кавказа разрешил пропустить в Терскую область 102 карабулака. М.Т. Лорис-Меликов ходатайствовал о возвращении их обратно в Турцию, но Михаил Николаевич не отменил своего распоряжения. Карабулаки остались в Терской области. В 1871 году наместник на Кавказе высказал начальнику Терской области своё мнение о желательной отмене безусловного запрета на возврат чеченцев из Турции. Михаил Николаевич заметил, что запрет этот практически не выполним, и сам Лорис-Меликов его периодически нарушает, оставляя горцев в Терской области. Михаил Тариелович, в ответе, данном 12 июня 1871 года, не согласился с наместником, и этот запрет продолжил своё действие на территории области[498].

В 1867 году послом России в Османской империи был назначен Николай Павлович Игнатьев. Уже к 30 годам за свои разведывательные заслуги от императора АлександраII он получил генеральский чин. Н.П. Игнатьев работал в МИД и возглавлял созданный там Азиатский департамент[499]. Александр II был крестным отцом Игнатьева. Это придавало последнему определенные силы, и он позволял себе сделать больше, чем делали другие. В Константинополе Н.П. Игнатьев постоянно сталкивался с противодействием российским инициативам со стороны европейских представителей, и это усиливало его убежденность во враждебности Европы к России. Игнатьев писал: «Всякий раз, когда нам приходилось отстаивать правое дело, если только в нем были прямо или косвенно

замешаны интересы России, мы всегда оставались одинокими перед лицом сплотившейся против нас Европы». Н.П. Игнатьев заказывал статьи корреспондентам европейских газет в Константинополе, которые уже в Европе публиковали статьи в интересах России. На эти цели посольству ежегодно выделялось 20 тыс. рублей.

Вскоре после приезда в Константинополь Игнатьев создал с помощью православных общин широкую осведомительную сеть, работавшую подчас совершенно бескорыстно. Он прекрасно знал положение в империи, интриги в серале, а также обладал обширным компроматом на турецких министров и чиновников. Как писал в своих воспоминаниях дипломат Ю.С. Карцов, турецкие министры боялись Н.П. Игнатьева и были у него в руках. Игнатьеву удалось установить дружеские отношения со многими министрами Порты, к нему благоволили султан и наследник. Это позволяло успешно решать многие вопросы. Некоторые современники упрекали Игнатьева в коварстве, но сам он называл это «деловой сметкой». Не смотря на некоторые недостатки, он являлся одним из талантливейших дипломатов своего времени[500].

При Александре III с 1881 года Н.П. Игнатьев оказался в кресле министра внутренних дел, сменив в нем уволенного М.Т. Лорис-Меликова, здесь ему пришлось непосредственно руководить новыми спецслужбами России, пришедшими на смену упраздненному Третьему отделению. Умер знаменитый разведчик и дипломат в 1908 году в большой бедности и нужде, так как в силу авантюрного склада характера на старости лет промотал и проиграл в карты все свое значительное состояние[501].

С 1867 года, благодаря дипломатическим способностям Н.П. Игнатьева, горцы стали возвращаться в Терскую область организованными партиями. Указанные партии обратных переселенцев формировались в Александрополе. За все происшествия, которые могли произойти по дороге из Александрополя во Владикавказ, в каждой партии отвечали двое старшин, выбранных переселенцами. Ответственность они несли перед российскими органами управления[502]. На границе российские власти снабжали чеченцев в случае необходимости одеждою и обувью, а также кормовыми деньгами, по 5 копеек на человека в сутки и отправляли их партиями во Владикавказ[503].

Помимо официально зарегистрированных горцев, вернувшихся из Турции, многие, пробравшиеся тайно в Терскую область, стали жить там инкогнито, под чужими именами или в труднодоступных местах – опасаясь высылки в Турцию. Поэтому итоговое количество возвратившихся

из Турции горцев можно подсчитать лишь условно. По некоторым данным, в общей сложности в Терскую область возвратилось к середине 70-х годов XIX века почти половина ушедших в Турцию горцев. Большое количество переселенцев вернулось, во время боевых действий и после их завершения, из Турции в 1877-78 годах[504]. Некоторые из чеченцев во время русско-турецкой войны решили эмигрировать на Ближний Восток, в знак протеста против действий российских властей во время восстания 1877 года и в знак солидарности с единоверцами[505].

5 сентября 1872 года Кавказский наместник утвердил временные правила по переселению кавказских мусульман в Турцию и Персию. Это был один из первых законодательных актов, серьёзно препятствовавший исходу горцев из Терской области. Правительственная акция по массовому переселению горцев Северо – Восточного Кавказа в Турцию была закончена. Основные цели, преследуемые правительством России, были выполнены. Прежде всего, произошла «безболезненная» конфискация земель мухаджиров, ушедших в Турцию. Политически неблагонадёжное население области было устранено. Увеличение русскоязычного населения Терской области также произошло за счёт вытеснения коренных жителей. После возвращения горцев из Турции власти также получили возможность «фильтровать» население, по своему усмотрению его расселять, а неугодных снова отправлять в Турцию[506].

Общее переселение мусульман после 1872 года заметно уменьшилось. Если до 1870 года перед переселением в Турцию движимое и недвижимое имущество оставалось горцам, то теперь недвижимое имущество в обязательном порядке переходило в распоряжение аульного общества. Кроме того, переселявшийся обязан был дать расписку о том, что он не вернётся назад. С 1872 года каждый горец, уходивший в Турцию, обязан был перед отправлением в Мекку, предоставить поручительство своего общества, согласно которому оно возьмёт на себя обязанности оплатить казне расходы, если по каким – либо причинам паломник не вернётся назад[507]. Из донесения М.Т. Лорис-Меликова от 4 сентября 1873 г. за №3357 видно, что в течение 1867-1872 гг. в Турцию из Терской области отправлялись «…лишь одиночные богомольцы по годовым или полугодовым паспортам, возвращавшиеся обыкновенно в срок»[508].

В период правления Терской областью Д.И. Святополк – Мирского, вернувшиеся мухаджиры расселялись в основном на местах их былого проживания. С 1863 по1875 год, когда областью управлял М.Т. Лорис –

Мекликов, на прежние места жительства эмигранты практически не возвращались. Все они стали относиться к категории временно проживающих. Получившие право обратного возвращения на Кавказ, селились в разных местах, но без права на земельный пай. Некоторые общины принимали обратно своих бывших членов, но зачастую делали это из снисхождения и неохотно, так как приходилось делиться с возвратившимися из Турции земляками. В то же время многие аулы пустовали, земли были заброшены, но они стали достоянием государства и селиться там не разрешалось[509]. Представители высших сословий горцев, вернувшись из Турции, автоматически теряли свои привилегии, так как в области к этому времени была проведена земельная реформа. Некоторым бывшим господам предоставили кров их же холопы. Представители Высших слоёв общества стали выполнять тяжёлую физическую работу, раньше считавшуюся для них позорной. Весь уклад их жизни коренным образом переменился[510].

Возвратившиеся в Терскую область чеченцы были в основном поселены в Надтеречном наибстве. Предполагалось поселить чеченцев в Ставропольской губернии[511]. В 1872 году, по Указу Государственного Совета, возвратившиеся чеченцы были поселены на казённых землях Кизлярского уезда среди русского населения. На первоначальное обзаведение хозяйством правительство выделило чеченцам из казны 5 тыс. рублей[512]. Осенью 1868 года уроженцы Урус-Мартановского наибства, тайно перешедшие границу, были отправлены для поселения в Лабинский округ Кубанской области для того, чтобы: «..своим нищенским видом и рассказами о претерплённых ими бедствиях охладить в Лабинских жителях стремление к переселению в Турцию»[513]. В виде «особенной милости» Его Высочество разрешил чеченцам поселиться на Кубани[514]. Несколько из прибывших в Тифлис партий направлены были в Кубанскую область, но при следовании туда они все были задержаны во Владикавказе и затем, по распоряжению начальника Терской области, водворены в Чечне, на местах их прежнего жительства. В 1868 году несколько небольших партий мухаджиров были отправлены в Чечню не по Военно-Грузинской дороге, а окружным путём – через Закатальский округ Дагестанской области. Власть рассчитывала на то, что бедствующий вид чеченских переселенцев заставит забыть жителей Дагестана об эмиграции в Турцию. Однако мера эта не привела ожидаемого эффекта, дагестанцы воспринимали чеченцев как правительственных агентов, мешавших им эмигрировать в единоверную Турцию[515].

В 1892 году начальник Терской области С.В. Каханов выступил с проектом перемещения наиболее «неблагонадёжных» чеченских аулов в степи Ставропольской губернии, а по данным Б.П. Березова, примерно в то же время в кругах кавказской бюрократии обсуждался план переселения безземельных горцев в Сибирь и Среднюю Азию, однако обе эти невероятно затратные, как с политической, так и с финансовой точек зрения идеи реализованы не были[516].

В 1880-1890 гг. наблюдался новый всплеск переселения горцев с Северного Кавказа в Турцию в больших масштабах. В 1893 году было столько желающих переселиться в Турцию, что участились случаи переселения без разрешения властей. Ещё в 1876 году из Стамбула (Константинополя) в Кавказское горское управление, 7 февраля поступило очередное тревожное предупреждение от посла России Н.П. Игнатьева, в котором говорилось, что возглавляемое им дипломатическое ведомство уже не раз обращало на это внимание краевых властей. В послании также указывалось на недостаточность «надзора на границе и об огромном количестве лиц, находящих возможность прибыть в Турцию без паспортов и без дозволения начальства»[517].

Но в тоже время имело место и возвращение чеченцев на свою родину[518]. Ранее чеченцы жили на Тереке, но постепенно казаки и русские переселенцы вытеснили их. Отсутствие справедливости при земельном распределении, недостаток средств существования заставили многих горцев эмигрировать за границу[519]. В 1888 году чеченцы жаловались властям на земельное стеснение, но их просьба привела к тому, что часть их была выселена в Турцию[520]. Горцев подталкивало к выселению и христианское население Терской области, прямо заинтересованное в приобретении новых земель и имуществ, распродаваемых чеченцами по низким, бросовым ценам[521].

Хотя, к началу 90-х годов XIX века переселение в Турцию формально было запрещено, начальник Терской области настаивал на возобновлении этого процесса. В своём отчёте за 1892 год он писал: «Следовало – бы не только не воспрещать им переселение в Турцию а, наоборот, в некоторых случаях даже поощрять таковое, конечно, при условии окончательного воспрещения обратного переселения»[522]. «Сбывать» в Турцию «нежелательный элемент» предлагал начальник Терской области Каханов. 11 марта 1893 года он писал начальнику штаба Кавказского военного округа: «…А так гораздо удобнее иметь ненадёжных людей вне государства, чем внутри территории, то это одно уже заставляет

не только не препятствовать переселению туземцев, но и желать этого. Существуют особые разряды людей, дальнейшее пребывание которых в области вредно и задержание которых, вопреки их желанию, только усиливает возможность беспорядков. Не только не следовало бы воспрещать желающим туземцам переселение в Турцию, но в некоторых случаях поощрять такое переселение». За счёт освобождающихся земель Каханов предполагал увеличить наделы остающихся горских крестьян. Если и после этого останутся свободные земли, он предполагал переселять на них русских крестьян[523]. В 90-х годах XIX века стремление к переселению в Турцию усилилось среди мусульманских народов в разных частях империи. Причины для появления этого желания были разными. В Поволжье, например, распространялись слухи о предстоящем, якобы, обращении в православие местных мусульман, основанные, по словам властей, на не правильном толковании мусульманским духовенством некоторых правительственных распоряжений. У кавказских мусульман стремление к выселению усилилось в связи с предполагавшимся новым обсуждением вопроса о распространении на них обязательной воинской повинности. Какая-то часть мусульманского населения стремилась в пределы султанской империи в поисках лучшей доли[524]. Я.В. Абрамов, многие годы занимавшийся на рубеже XIX – XX вв. этой проблемой, среди прочих причин переселения горцев на новом этапе называл: создание привилегированного положения казачьей верхушки в крае, «…которая, пользуясь поддержкой администрации, становится в некотором роде начальством над горцами», менее выгодное экономическое положение горцев, чем казаков; введение круговой поруки за преступления; практика обезоружения горцев; намерение привлечения горцев к отбыванию воинской повинности»[525]. Существовала и другая точка зрения. Наиболее ярко она представлена в статье под названием «Отчего наши горцы переселяются в Турцию», опубликованной в областной газете в 1904 году. Автор, пожелавший остаться неизвестным, писал, что горцы бегут в Турцию не по причинам своего бедственного положения. На его взгляд, причин много, но главная заключается в нежелании горцев подчиняться законам страны, «так как все горцы считают себя привилегированным народом», для которого было бы унижением отбывание повинностей, лежащих на русском крестьянине. Поводом к новым переселениям, – продолжает автор указанной статьи, – стало введение поземельного налога среди горцев взамен подымной подати, которую они рассматривают как первый шаг к уничтожению их привилегий и

«со страхом говорят о предстоящей солдатчине», идут также старики, мечтающие найти вечное успокоение поближе к гробу Магомета, а также горская вольница, не привыкшая к труду[526]. В 1896 году начальник Грозненского округа попытался выяснить причины эмиграции чеченцев в Турцию на сходе жителей Урус-Мартана, на котором присутствовало более 1000 человек, среди которых своё мнение высказывали старшины и влиятельные люди. По их мнению, чеченцы вынуждены были покинуть родину в связи с:

1) Запрещением публичной зикры, хотя все знают, что зикра не установлена шариатом.

2) Недостаточным выделением начальства из среды народа влиятельных людей.

3) Назначением старшин не всегда из почётных людей (привели примеры).

4) Устройством школы, на которую будут собирать деньги с народа.

5) Ожиданием, что по сёлам будут ставить на поселение солдат.

6) Приростом населения и неизменностью количества земли.

7) Вскрытием умерших неестественной смертью.

8) Освобождением в Турции земель из-за «избиения армян», которые чеченцы смогут свободно занимать[527].

Таким образом, можно констатировать, что стремление какой-то части горцев к переселению в Турцию сохранялось и на рубеже веков, причины переселения были разнообразны. При этом также очевидно, что как и после завершения Кавказской войны в российских властных структурах устойчиво сохранялась точка зрения на возможность использования стремления горцев к переселению в соответствии с видами правительства. Логика, лежавшая в основе миграционной политики правительства на Кавказе, предполагала, что действия по выдавливанию нелояльного населения из стратегически важных районов должно дополняться русской колонизацией. Наиболее последовательно эта политика проводилась на Западном Кавказе. Несколько в меньших масштабах она осуществлялась и на Северо – Восточном Кавказе.

Несмотря на очевидное стремление российских властей не препятствовать переселению горцев в Турцию, после 1901 года, по разного рода политическим соображениям, официальное переселение мусульман с Кавказа было приостановлено. Причиной тому послужило очередное обострение армянского вопроса в Турции. В связи с этим российский посол в Константинополе попросил Императорское министерство при-

влечь внимание кавказского начальства на крайнюю желательность отсрочки вопроса по переселению горцев до более спокойного и благоприятного времени[528]. В этот период Турция уже не пыталась скрывать, что за счёт горцев надеется заселить армянские территории.

Миграции в Османскую империю и депортации населения внутри империи, с рассеянным расселением депортированных так, чтобы численность определенной нетюркской этнической группы в каждой местности не превышала 5-10%, были не просто связаны между собой, но стали со временем частью единого плана. Координация этой политики, ключевым элементом которой была теперь этничность, а не конфессия, занимались Директорат общественной безопасности и Директорат по делам расселения племен и иммигрантов Министерства внутренних дел.

Османская империя может служить примером того, как миграции из соседних империй и связанная с ними демографическая политика в самой империи Османов становились важнейшим фактором формирования нации в ядре империи. Возрастающая обеспокоенность правительства султана тем, что стратегически важные районы вокруг столицы империи были заселены не мусульманами (главным образом, армянами и греками), совпадала с новыми волнами как добровольных, так и вынужденных переселений из России…[529].

Российское правительство опасалось, что горцы могут быть использованы османами для выдавливания христианского населения из Сирии, отток которого в Египет и Америку с этой турецкой территории активизировался с начала XX века[530]. Штаб Кавказского военного округа в 1895 году уведомил начальника Терской области, что тот, дабы приостановить процесс переселения чеченцев в Турцию, должен сообщить последним, что в случае если эмигрирует более половины жителей аула, оставшихся администрация в принудительном порядке выселит на новое место или расселит по другим сёлам[531]. Тем не менее, в 1896 году желание переселиться высказали 2000 семей Хасав-Юртовского, Нальчинского, Грозненского и Сунженского округов. В 1898 году 10000 жителей Терской области заявили о своём желании переселиться в Турцию. Большинство из желающих эмигрировать в Турцию говорили об этом только рассчитывая на отказ руководства, полагая что власть попробует их задержать на родине, даровав им некоторые льготы. Однако начальник Терской области генерал-лейтенант Каханов был настроен очень решительно: «...Единственный способ обрусить Терскую область, где только 1/3 рус-

ского населения, – убеждал он руководство, – это только переселение туземцев в Турцию, воспользовавшись их желанием»[532].

Активизация желания переселиться в Турцию встревожило русское правительство. В начале 1899 года при Министерстве внутренних дел было образовано «Особое совещание» для обсуждения мер, которые необходимо принять против агитации за переселение в Турцию, а также для выработки более строгих правил выдачи разрешений на переселение навсегда в Турцию[533]. В соответствии с выработанными предложениями (утверждёнными царём Николаем II в 1901 г.), желающие эмигрировать должны были выполнить много условий, выдвинутых правительством для переселения в другое государство. Ещё предпринятые в конце 60-х годов XIX века меры по проверке корреспонденций, поступающих из Турции горцам, были ужесточены. Также тщательно стали изучаться каналы поступления на Кавказ частных приглашений и воззваний к уходу горцев в Турцию[534]. По распоряжению МВД, с 1899 года все изъявившие желание переселиться в Турцию, прежде всего, должны были получить согласие турецкого правительства на принятие их в подданство[535]. После этого они должны были подать заявление местной губернской власти с ходатайством о лишении их российского гражданства. По распоряжению власти составлялись списки. Переселенцев предупреждали, что они теряют права русских поданных, переселение будет осуществляться за их собственный счёт, и они должны будут заплатить государству перед отъездом все недоимки. Также Императорскому посольству было вручено циркулярное предписание не визировать кавказским эмигрантам паспортов на въезд в Российскую империю, дабы избежать их возвращения на родину[536]. Однако, постановление Совещания, осложнив процесс выселения, всё же не воспрепятствовало ему. В 1901 г. в Конию прибыло 242 семьи «черкесов» (1210 чел.) – чеченцы, дагестанцы, ингуши и кабардинцы. По указу Абдул Хамида II оставшихся в Конии «черкесов» поселили вдоль Багдадской железной дороги (начиная от Конии). 25 июня 1901 г. с разрешения русского правительства на постоянное поселение в Турцию выехало ещё 2000 чеченцев[537].

Переселение горцев в Турцию не прекращалось даже в начале XX века, хотя переселенцы – горцы, испытав все тяготы жизни в Турции, возвращались на Кавказ с большими трудностями[538]. Проводимая исламским духовенством переселенческая пропаганда 1890-х годов, начавшаяся в Кабарде и Чечне, призывавшая к эмиграции в Османскую империю по чисто религиозным мотивам, приобрела особое звучание

ввиду официальной поддержки султана. Число мухаджиров быстро росло[539]. В 1900 году в Турцию ушли чеченцы из тейпа «Курчалой» – переселенцев возглавлял один из мюридов наиба Шамиля Ташу-Хаджи. Эта группа чеченцев прибыла в Иорданию, и король предоставил им земли в пойме реки, где потом вырос город Заркъя. Большинство переселенцев волны 1900 года составляли жители Ножай-Юртовского и Гудермесского районов. На начальном этапе руководил переселением почитаемый в религиозных кругах Товсултан – Хаджи. Перед смертью в Альваре (Турция) сан духовного правителя войн-мухафи он завещал своему зятю Абдулле. Он и повёл часть беженцев в современную Иорданию. Среди мухаджиров широко были представлены тейпы: гильной, беной, зандахой, бильтой и др.[540]. В 1900 году в Турцию прибыло 26 чеченских семей (152 человека)[541]. Поселение Азрак Шишан (в переводе с арабского «Голубая Чечня»), самое отдаленное от иорданской столицы поселение северокавказских мухаджиров (около 50 км.). Его жители должны были защищать Амман и прилегающие плодородные оазисы от набегов бедуинских племен с востока[542].

В связи с тем, что вопрос о массовом переселении горцев в самом начале XX века ещё не был разрешён в положительном смысле, переселенцы обычно шли по уже апробированному их предшественниками пути – по заграничным паспортам отправлялись якобы для паломничества в Мекку, а, достигнув пределов Турции, там оседали и домой уже не возвращались[543]. В 1901 году на постоянное место жительства в Турцию переселилось 10000 горцев Северного Кавказа[544]. По мнению одного из эмигрантов, главной причиной было то, что их детей принуждали изучать русский язык. Черкес сказал: «…Если наши дети выучатся по-русски и перестанут быть хорошими мусульманами; для нас, же, мусульман, прежде всего необходимо изучение священного Корана»[545]. 700 чеченских семей во главе с шейхом Муххамед-Амиром переселились в Османскую империю в 1905-1906 годах[546]. Третий поток беженцев-переселенцев в Турцию совпал с началом Первой мировой войны. Маршрут мухаджиров пролегал через Одессу, где их и застала война[547]. В целом эмиграция продолжалась до начала Первой мировой войны, когда Россия закрыла границы[548]. Турецкое правительство встретило переселенцев сурово: место для поселений указало в каменистых долинах, окружённых голыми скалами. Сразу потребовало отбывания воинской повинности всеми молодыми людьми, достигшими 22 лет. Не пожелавшие служить должны были немедленно покинуть Турцию[549]. Положение российских

мусульман в Турции, в начале XX века, было весьма плачевно. Почти не одно из важных дел для переселенцев, обещаний, данных эмиссарами турецкого правительства не были выполнены[550]. Многие горцы захотели вернуться обратно в Россию, но сделать это было уже намного сложнее, чем раньше, ведь в большинстве случаев с них на родине уже была взята подписка о том, что они покидают Россию навсегда и отказываются от её подданства. Согласно циркуляра Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 1 августа 1902 года за №683, изданного на основании выработанных Особым совещанием при МВД в 1899 году предложений, просителям было объявлено, что обратное возвращение в Россию допущено не будет[551]. Ежедневно десятки мухаджиров обращались в российское консульство на территории Порты с просьбой завизировать паспорта для возвращения в Россию Горцы упорно отрицали заявления турецких властей о том, что они мухаджиры. Они уверяли дипломатов, что прибыли в Турцию для свидания с родственниками, для посещения святых мест, по коммерческим делам и как русско – подданные – обращаются в вице – консульство для оказания им помощи в возвращении на родину[552].

Некоторым горцам удалось пробраться через границу и вернуться в Терскую область, но и тут у них возникали проблемы. Так как у возвращенцев не было российских паспортов, они обязаны были, чтобы получить русские билеты на жительство, достать сначала в Турции национальный паспорт, а затем завизировать его в российском консульстве на территории Порты, доказав при этом, что владельцы национальных турецких паспортов не являются мухаджирами, а стали гражданами Турции по другим причинам, но в данное время хотят поменять подданство на российское. Такая сложная бюрократическая схема практически не давала шансов мухаджирам для возвращения на родину, даже нелегальным путём, хотя были, конечно, средства, решавшие все проблемы – это, прежде всего, деньги и личные связи[553]. В англо-американской историографии разброс оценок количества мухаджиров колеблется от 600 до 3000000 человек[554]. Также в западной историографии приводятся данные о количестве эмигрировавших в Турцию чеченцах – 100 тыс. человек[555].

По данным россиянина Д.Е. Еремеева, всего в Турцию переселилось до 1,8 млн. горцев, по подсчётам В.А. Аболтина и Р. Гожбы – свыше 3 млн., однако многие погибли при переселении и впоследствии от болезней в непривычном климате. Поэтому к 1876 году их было около 1

млн., а к 1912 году – только 400000. Последняя цифра – явное следствие их сравнительно быстрой ассимиляции в турецкой среде. Они сыграли свою роль в истории Турции. Ныне около 1 млн. граждан Турции, проживающих в 830 сёлах, считают себя потомками горцев Кавказа[556].

Не было бы Кавказской войны, не пришлось бы горцам покидать родные селения, спасаясь от карательных экспедиций и злоупотреблений властей. Колонизация подтолкнула сотни тысяч людей к эмиграции[557]. Территория Северо – Восточного Кавказа до установления здесь российского управления была разделена между народами, родами, семьями и частными лицами. Чтобы сломать функционирующую социальную структуру, а также обеспечить полицейский контроль над жителями труднодоступных районов, было начато переселение аулов с гор на плоскость, укрупнение плоскостных селений, а также подталкивание горцев к выселению за границу государства. Тем самым правительство нарушало права земельных владельцев, но обеспечивало земельными участками казачьи поселения. Во второй половине XIX века российскими властями было спровоцировано и организовано массовое выселение горцев в Турцию. В отличие от черкесов, вынужденных эмигрировать в ходе Кавказской войны, мухаджирское движение на Северо – Восточном Кавказе развивалось в условиях мирного времени. Больше всего в переселенческом движении были заинтересованы правящие круги, хотя и здесь не всегда царило единогласие. В результате эмиграции десятков тысяч горцев были освобождены большие пространства плодородных земель, автоматически становившихся собственностью казны. Западная Европа осуждала инспирированное Россией выселение горцев на Ближний Восток. Многие российские деятели высказывались против выселения, по крайней мере, в том виде, в котором оно происходило, но к их мнению редко прислушивались.

Необходимо отметить, что эмиграция чеченцев, кабардинцев, ногайцев, ингушей, карабулак не была насильственной, её скорее можно назвать принудительно-добровольной. Причём принуждение оказывалось правительством России как скрыто (путём агитации подкупных лиц), так и открыто (например, объявлением ультиматума карабулакам и полным запретом на их возвращение на родину). Выселение горцев в Турцию и укрупнение их поселений на Кавказе способствовало усилению государственного контроля над военно-политической и экономической ситуацией в крае.

В.А. Матвеев, в своей кандидатской диссертации делает правильный вывод о том, что: «…Выселение горцев относится к числу крупнейших геополитических неудач России. Страна теряла своих потенциальных соотечественников, способных приумножить её государственную силу и экономическое благосостояние. Это трагедия не только тех, кто потерял свою историческую Родину, но и самой России»[558]. Мухаджирство отнюдь не привело к ослаблению позиции ислама на Северном Кавказе. Более того, оно способствовало, пусть и не сразу, развитию его связей с Турцией, Ближним Востоком, что продолжало накладывать отпечаток на общую ситуацию в регионе, особенно в связи с возраставшей там, в конце XIX века, конфликтогенностью[559].

Насильственную эмиграцию по отношению к целым народам, многие из которых были на грани исчезновения, оправдать нельзя никакими политическими соображениями. Изгнание с исконных территорий, исключение из активной политической, социально-экономической, культурной жизни; огульные обвинения в предательстве, подрыве дружбы и братства незаконно, безнравственно, политически, экономически неоправданно, в высшей степени несправедливо и непредсказуемо по характеру и масштабам последствий[560].

Подведем некоторые итоги

Политическая обстановка в области резко осложнялась зачастую в результате «умиротворения горцев» путем применения жестких мер, репрессий и военных экспедиций. Безусловно, представители властных структур понимали, что чеченцы весьма восприимчивы к несправедливости и в силу своей активности, могут «взорвать» спокойствие в крае в любой момент. Однако от тактики своего правления они не собирались отказываться. Даже, по мнению самих чиновников, большинство восстаний в Терской области происходили в результате беспорядочных и безрассудных действий местного руководства. Прочность позиций национальных движений основывалась на обращении к высоким национальным чувствам, религиозному сознанию и не справедливо попранной морали. Недовольная установленными порядками часть чеченского населения стремилась использовать против административного гнета любую форму объединения и политического протеста в том числе и религиозное сознание. Так, например, хотя учение Кунта – Хаджи и не

заключало в себе никаких положений, которые можно было бы считать вредными в политическом отношении для Российского государства, зикристы угрожали администрации уже тем, что имели свою собственную, параллельную государственной, структуру власти на местах.

По мнению Кавказского руководства самой взрывоопасной накануне русско-турецкой войны 1877-78 гг. прогнозировалась Терская область. Однако, вопреки ожиданиям, накануне восстания 1877 года наиболее часто подбивали чеченцев на выступления против правительства выходцы из Дагестанской области, самой благонадежной, по мнению царизма административной единицы. Именно в Дагестане восстание достигло грандиозных масштабов. Немалую роль в подстрекательстве против действий власти сыграли горцы, высланные за пределы области и сбежавшие из мест ссылки. Они находились на нелегальном положении также как и сотни мухаджиров, тайно вернувшихся на Кавказ. Ссылка граждан в Сибирь без суда и следствия, административным порядком, не встречала сочувствия в обществе, а приводила к его возмущению.

Волнения в какой-то степени были выгодны для чиновников, получавших награды и повышения по службе за энергичное подавление беспорядков и имевших возможность в условиях военного положения выслать или уничтожить часть непокорного населения. Многие чеченские общества и отдельные лица неоднократно обращались к начальнику Терской области, Аргунского округа с просьбой разрешить им арестовать и доставить начальству всех нарушавших порядок, но на это согласия не получили. К восставшим преимущественно присоединялась молодежь, а люди более солидные обещали только содействие. Неоднозначность отношения жителей Чечни к повстанцам сразу же сказалась на проведении их лидерами стратегии и тактики вооруженных операций.

В ходе восстания 1877 года неудачные попытки захватить Алибек – Хаджи способствовали росту его авторитета и увеличению числа восставших, которые начали прибегать к партизанским действиям. Восставшие заставили русское командование держать в Терской области свыше 25 тыс. военных в то время, когда армия на Кавказском фронте нуждалась в пополнении. Усиление восстания в июле-августе 1877 года было связано с временными неудачами русских войск на Кавказском театре русско-турецкой войны. Российское руководство приняло ряд мер к недопущению распространения восстания. Мятежные аулы в горах были разгромлены, частью совсем уничтожены, а жители выселены на равнину. Остальные, оставшиеся на прежних своих местах

проживания, обязаны были расчищать просеки и доставлять войскам продовольствие.

Кавказская администрация наряду с карательными акциями приступила к новым методам ведения борьбы. Была установлена награда в 25 рублей за каждого пойманного или убитого повстанца. Награда за поимку или уничтожение вождей восстания была во много раз больше. Жителям Мехкетов было обещано прощение в обмен на выдачу одного из руководителей восстания – Уммы Дуева, но они отказались это сделать, так как считали его своим гостем. Подавлению восстания способствовало и то, что восставшие сами прибегали к репрессиям против тех, кто уклонялся от участия в их движении. Некоторые чеченские села с оружием в руках действовали против мятежников. Подавление восстания сопровождалось широкими репрессиями не только против его непосредственных участников, но и всего населения восставших округов. Тысячи жителей горных селений были переселены на плоскость, земли их конфисковывались. Сотни чеченских семей были навечно высланы во внутренние губернии России, свыше 500 чеченцев приговорены к бессрочным каторжным работам, многие были убиты во время вооруженных столкновений и повешены после подавления восстания.

Руководители восстания, якобы борясь за веру, нарушали ее первоосновы и фактически заставляли переступать законы ислама всех, кого вовлекали в свою борьбу. Государство и его законы рассматриваются в исламе как форма общественного договора, в котором достигается максимально возможный компромисс и устанавливается баланс интересов различных социальных групп и религиозных организаций. Неисполнение своих законных гражданских обязанностей, призывы от имени верующих и религиозных общин к участию в каких-либо акциях гражданского неповиновения и мятежах считаются в исламе недопустимыми. Немалую роль в том, что восстание не поддержали многие чеченские общества, сыграла не военная, а идеологическая борьба, т.к. большая часть чеченского духовенства, глубоко знавшая Коран, выступила против воззваний и действий восставших, за что некоторые из мулл и духовных лидеров поплатились жизнью. Их заслугой является то, что они до конца соблюдали ключевые нормы ислама и своими действиями сохранили от разорения и уничтожения целые районы Чечни.

Предводители восстания оправдывали свои поступки тем, что они считали себя обязанными, хотя им и жилось хорошо (по их собственным признаниям), пожертвовать личным благом для оказания помощи

своему законному религиозному главе (имаму), а потому и нарушали заключенный с русскими мир, хотя это и не положено было делать по шариату, т.к. договор должен быть священен. Главной задачей они считали не свержение власти, что также противоречит нормам ислама, а желали только возвратить отнятые у них земли, часть которых отдана казакам. Но как бы не оправдывали свои действия руководители восстаний, на их совести осталась гибель людей и искалеченные судьбы тысяч чеченских семей.

После завершения Кавказской войны перед российской властью встала непростая задача: добиться социально-политической переориентации населения от противостояния к сотрудничеству с властями. Только в этом случае можно было снять угрозу существования в крае сепаратистских настроений, проявлявшихся в самых разных формах: от отказа платить налоги российской казне, до вооруженных антиправительственных восстаний. Самым эффективным способом организации такого сотрудничества, дававшем наиболее быстрые результаты, являлось привлечение местного населения к государственной гражданской и военной службе. Уже с 1860 по 1862 год в Терской области находились на службе 6 сотен временной туземной милиции. Государственная казна не терпела убытков из-за содержания милиции, так как расквартированные здесь войска сокращались. Все чины милиции обязаны были иметь одежду и вооружение за свой счет, что также сокращало расходы на ее содержание.

Очень продуктивным оказалось сотрудничество властей и местного населения Терской области в военной сфере. Во многом это определялось тем обстоятельством, что именно в этой сфере интересы властей и горцев максимально совпадали. Кроме того, в этом направлении своей деятельности власти действовали особенно гибко и продуманно. Стремление властей приспособиться к местным условиям проявлялось даже в деталях: сохранение за горцами право ношения традиционной одежды на русской военной службе, формирование из них только кавалерийских частей, т.к. пешая служба для горцев была унизительна, введение специальных наград для мусульман. Гибкость и взвешенность власти проявляли и в вопросе о привлечении мусульман Кавказа к отбыванию обязательной воинской повинности. Отказавшись от привлечения мусульман Кавказа, в том числе горцев Терской области, к обязательной воинской повинности, власти в очередной раз продемонстрировали регионалистский подход к управлению Кавказом, когда временное от-

ступление от общеимперского законодательства допускалось в целях обеспечения стабильности в крае. Гораздо в меньших масштабах и с большей осторожностью местное население привлекалось к административной службе в Терской области, за исключением низшего уровня административной власти[561].

Во многих частях мира колониальная экспансия сопровождалась массовым вытеснением населения. По мере овладения новыми территориями коренное население изгонялось, а землю захватывали новые поселенцы. Многие покидали родные места в результате целенаправленной государственной политики. Причиной перемещения для большей части населения являются невыносимые условия жизни, неуверенность в завтрашнем дне и бедность. Политика выдавливания, искусственного создания невыносимых условий совместного проживания, агрессивность инонационального окружения, явное и неявное преследование, ограничение в правах и т.п. сродни депортации по своей сути. Причем, если депортация носит одномоментный характер, то мухаджирство растянулось на десятилетия, оборачиваясь практически необратимыми последствиями для национального самоощущения и самосознания.

За мотивами принудительных миграций стоит то или иное сочетание политических и прагматических факторов. Различия между «добровольной» и «вынужденной» миграцией провести непросто: иногда эти виды миграций неотличимы друг от друга. Одной из главных политических акций российского правительства по подчинению себе горских народов было переселение их с гор на плоскость и укрупнение поселений в стратегически важных пунктах путем соединения мелких населенных мест в крупные. Таким образом, еще в начале XIX века плодородные равнины по течению реки Терек были освобождены под заселение их казаками. Чтобы окончательно избавиться от «неудобного» населения, руководство Терской области предложило горцам переселиться в Кубанскую область. Однако вскоре среди чеченцев стали циркулировать слухи о незавидном положении переселенцев на Кубани и миграция в этом направлении прекратилась довольно быстро.

При помощи переселения горцев Терской области в Турцию власти смогли разрешить поставленные перед собой ближайшие задачи – снизили вероятность волнений среди населения и без особых препятствий провели аграрную и налоговую реформу. Но, как показали дальнейшие события, эффект от подобных переселенческих акций довольно ограничен во времени, если только переселение не носит тотального

характера, как это было на Западном Кавказе. Последнее в условиях различных субъективных и объективных причин вряд ли было возможно. Составной частью правительственной политики по изменению демографической ситуации в крае являлись колонизационные мероприятия. Наиболее удобным для властей «колонизационным контингентом» являлись казаки. Казачество, как военное сословие, можно было переселять в принудительном порядке на указанные правительством места, к тому же иногда целыми станицами и полками, что экономило и время и средства. Образованные на враждебной территории станицы не требовали охраны, так как сами способны были себя защитить. До 60-х годов военно-казачья колонизация была основной. Гражданская колонизация конца XIX – начала XX века не давала столь значительный эффект, который давала со времен Кавказской войны казачья колонизация, в плане усиления российского владычества в регионе. В отличие от казачества, которое селилось там, где прикажут, гражданское население заселяло те районы Предкавказья, которые казались ему по каким – либо причинам наиболее выгодными. Предпочтение отдавалось районам с привычными для пришлого населения ландшафтом и культурно-языковой средой, а в начале XX века, когда свободный земельный фонд был исчерпан, пришлое население стало оседать в основном в городах. Это вело к тому, что пополнялись славянским контингентом в основном те районы, которые уже давно были освоены русским населением. Стратегически важная цель – «разбавление» за счет переселенцев районов с компактно проживающим коренным населением, особенно в горных районах, при гражданской колонизации не достигалась. Однако, несомненно, за счет нее сокращался удельный вес коренных народов в составе населения Предкавказья.

Российская империя допустила массовое переселение чеченцев в Турцию только на основании заверения Порты, что они будут поселены вдали от русско-турецкой границы. Царизм стремился ускорить эмиграцию горцев, для окончательного «замирения» края, чтобы не дать Порте «одуматься и переменить настроение». Правительство России не замедлило воспользоваться эмиграцией горцев, чтобы еще больше «разбавить» местное население, создать выгодный для себя этно – демографический баланс. Регионы совместного проживания христиан и мусульман становились теми контактными зонами, которые объективно способствовали процессу взаимной адаптации. Они естественным образом «скрещивали» славянскую и кавказскую культуру в некий цивили-

зационный симбиоз. Перманентный поток переселенцев, как организованный сверху, так и стихийный, должен был создать надежную опору империи в наместничестве.

5 сентября 1872 года Кавказский наместник утвердил временные правила по переселению кавказских мусульман в Турцию и Персию. Это был один из первых законодательных актов, серьезно препятствовавший исходу горцев из Терской области. Правительственная акция по массовому переселению горцев Северо – Восточного Кавказа в Турцию была закончена. Основные задачи, преследуемые царизмом, были решены. Конфискация земель прошла без волнений, значительная часть чеченского населения была удалена с территории Российской империи. Стремление некоторой части горцев к переселению в Турцию сохранилось и на рубеже XIX – XX вв., но происходило уже в значительно меньших масштабах и на более жестких условиях со стороны Российского государства.

В условиях общеполитического кризиса начала XX века, начали давать о себе знать те мины замедленного действия, которые были заложены недальновидной миграционной политикой российского правительства в предшествующие десятилетия. В результате этой политики проблема малоземелья, особенно в горных районах приобрела угрожающий характер, а крайняя неравномерность в распределении земельного фонда Терской области стала постоянным источником конфликтов между различными этническими группами населения и отчужденности между ними. Проводимые властями миграционные мероприятия в Терской области во второй половине девятнадцатого века облегчали разрешение лишь некоторых ближайших правительственных задач. Отдаленные последствия крупномасштабных миграционных акций в таких сложных регионах, как Северный Кавказ, предвидеть трудно, однако многих ошибок можно было избежать при наличии четко разработанной миграционной государственной программы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Трепавлов В.В. Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: в 2 кн. Кн.2. – М.,2006. – С.202.

[2] Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.,2006. – С.39.

[3] Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.125.

[4] Чекменёв С.А. Из истории Кавказской войны // Вестник Пятигорского государственного лингвистического ун – та. – Пятигорск,1996. – №1. – С.76.

[5] Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо – Восточном Кавказе в первой половине XIX века.: Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2006. – С.83.

[6] Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.125.

[7] Чекменёв С.А. Из истории Кавказской войны // Вестник Пятигорского государственного ун-та. – Пятигорск,1996. – №1. – С.76.

[8] Кравчук В.Р. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине XIX – XX веков (исторический аспект). Автореф. …канд. ист. наук. – СПб.,2005. – С.3,13.

[9] Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.136.

[10] Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX века. Дис. …докт. ист. наук. – Нальчик,2004. – С.393-394.

[11] Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – XX вв.) Кн.1. / Сост.: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сухум,2005. – С.527.

[12] Курбанов Ш.К. Народно-освободительное движение в 20-50-е годы XIX века на Северо – Восточном Кавказе и накшбандийский тарикат. Ди. …канд. ист. наук. – Махачкала,2004.

[13] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001. – С.255.

[14] Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т.1. – М.,1998. – С.444.

[15] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.8.

[16] Фадеев А.М. Воспоминания (1790-1867). Ч.2. – Одесса,1897. – С.235.

[17] ГИМ ОПИ. Ф.254. Ед. хр.321. Л.50.

[18] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). – Дис. … канд. ист. наук. – М.,2004. – С.38.

[19] ЦГА РСО – А. Ф.12. Оп.6. Д.817. Л.27.

[20] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.220.

[21] Военно – географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Т.2. Стратегический очерк. Терско – Дагестанский театр. – Тифлис,1908. – С.38.

[22] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.11. Л.9.

[23] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.346.,1863. Л.33.

[24] Исаев С.-А.А. Народные восстания. – М.,1999. – С.41.

[25] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.9.

[26] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.11,15.

[27] Музаев Т. Тапа. //Голос Чечено-Ингушетии. – Грозный,1992. – №76. – С.3.

[28] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.14,21,25.

[29] Там же. Л.20.

[30] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.9.

[31] ГИМ ОПИ. Ф.208. Ед.хр.13. Л.16.

[32] ГИМ ОПИ. Ф.208. Ед.хр.13. Л.16.

[33] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001. – С.225.

[34] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.346. Л.33.

[35] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.160.

[36] АВПРИ. Ф.144. (Перс. стол). Оп.488. Д.346. Л.43 об.

[37] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.99.

[38] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол.). Оп.488. Д.346.,1863. Л.30.

[39] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.54.

[40] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.245. Л.36.

[41] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.122.

[42] Там же. Л.122-123.

[43] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.3.

[44] Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в 19 веке). Дис. … докт. ист. наук. – М.,1998. – С.260.

[45] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001. – С.254.

[46] Карданова Ю.Х. Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе: выбор между православием и исламом (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004. – С.49

[47] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.231.

[48] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.120. Л.2.

[49] Там же. Л.3.

[50] ОР РГБ. Ф.169. К.59. Д.9. Л.1 об.

[51] Новая мусульманская секта Зикра или Зекир из восточной стороны Кавказа // Московские ведомости. – М.,1864. – №36. – С.2.

[52] Шахшаева А.Г. Исламский фактор в политике арабских государств и России. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2005. – С.175.

[53] Цит. по: Акаев В.Х. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М.,2006. – С.89-90.

[54] РГВИА. Ф.14719. Оп.3. Д.756. Л.12.

[55] ОР РГБ. Ф.169. К.65. Д.9. Л.1.

[56] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.27.

[57] Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в XIX в.). Дис. … докт. ист. наук. – М.,1998. – С.260.

[58] Там же. С.259.

[59] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.120. Л.3.

[60] Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в XIX в.). Дис. … докт. ист. наук. – М.,1998. – С.260.

[61] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.11. Л.37.

[62] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.233.

[63] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.11. Л.38.

[64] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.9.

[65] Аджаматов Б. Святыни Дагестана. – Махачкала,2005. – С.190.

[66] Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20-70 гг.XIX века). – Алма-Ата.,1975. – С.146.

[67] РГВИА. Ф.14719. Оп.3. Д.756. Л.18 об.

[68] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.3. Л.19.

[69] Gammer Moshe. The Lone Wolf and the Bear. Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – University of Pittsburgh Press, 2006.

[70] РГВИА. Ф.14719. Оп.3. Д.756. Л.20,23.

[71] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.12.

[72] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.268.

[73] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.58.

[74] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.234.

[75] Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в XIX веке). Дис. … докт. ист. наук. – М.,1998. – С.260.

[76] Гарасаев А.М. Из чеченского религиозного поэтического наследия: назмы – духовные песнопения в обрядовой практике суфиев // Вестник МГУ. Серия13. Востоковедение. – М.,1998. – №4. – С.80-82.

[77] Там же. – С.82.

[78] Айдамиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1991. – С.76.

[79] Вейденбаум Е. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов. – Б.м.,1875. – С.14.

[80] Иванов А.И. Национально – освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 гг. XIX в. // Исторические записки. – 1941. – №12. – С.181.

[81] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.16.

[82] Иванов А.И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 гг. XIX века. // Исторические записки. – 1941. – №12. – С.181.

[83] Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб.,2004. – С.80-81.

[84] Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни // Русские ведомости. – М.,1888. – №27. – С.3.

[85] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.6. Д.294. Л.5.

[86] Зелькина А. Учение Кунта – Хаджи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. – М.,2006. – №2. – С.38-39.

[87] Хасбулатов Р.И. Размышления о войне и мире. Кремль и российско-чеченская война. – М.,2003. – С.223.

[88] ОР РНБ. Ф.175. Д.13. Л.18.

[89] Мещерский В. Кавказский путевой дневник князя Мещерского. – СПб.,1878. – С.18.

[90] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.139.

[91] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.129. Л.55-56.

[92] Абдуллаев С.М. Вопросы истории Северо – Восточного Кавказа в сер. XIX. в работах Гасана Алкадари. Автореф. дис…. канд. ист. наук. – М.,1991. – С.4,22.

[93] Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877-1878 гг. – СПб.,1912. – С.28.

[94] Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе (Реферат, читанный в Кавказском юридическом обществе). – Тифлис,1898. – С.33,36.

[95] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.627.,1870. Л.134-135.

[96] Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 г. – СПб.,1912. – С.29,34.

[97] Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в 19 в.). Дисс. … докт. ист. наук. – М.,1998. – С.289.

[98] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.27.

[99] Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М.,1958. – С.237.

[100] Мещерский В. Кавказский путевой дневник князя Мещерского. – СПб.,1878. – С.18.

[101] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997. – С.13.

[102] Мальсагова Г.Г. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный,1968. – С.26.

[103] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997. – С.13.

[104] Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. – СПб.,1878. – С.4.

[105] Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн.1. – Грозный,1999. – С.107.

[106] Gammer Moshe. The Lone Wolf and the Bear. Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – University of Pittsburgh Press, 2006.

[107] Семёнов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы – воспоминания о чеченском восстании в 1877 году. // Кавказский вестник. Кн.VI. – Тифлис,1900. – С.24.

[108] Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998. – С.296.

[109] Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн.1. – Грозный,1999. – С.108.

[110] Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.88.

[111] Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб.,1912. – С.27.

[112] Акаев В.Х. Накшбандийский шейх Дени Арсанов // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д.,2004. – №1. – С.20.

[113] Щадрин М.А. Эволюция политико-территориального устройства России в процессе формирования и развития российской государственности (Историко-правовой и теоретико-правовой аспекты). Дис. …канд.юр. наук. – СПб.,2004. – С.65.

[114] ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.LII (1877). – СПб.,1879. – С.370.

[115] Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия…» Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.,2005. – С.23.

[116] Аргиев А. Кавказ и национальная политика центра // Россия XXI. – М.,1998. – №11-12. – С.178.

[117] Огранович И. Поездка в Ичкерию // Кавказ. – Тифлис,1866. – №22. – С.102.

[118] Амирова З.М. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. (подготовка и начало военных действий на кавказско-малоазиатском театре) // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала,2005. – №2. – С.90

[119] Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн.I. – Грозный,1999. – С.240.

[120] Россия и Северный Кавказ: история и современность. – М.,2006. – С.162,167.

[121] Санакоев М.П. Народы Кавказа и формирование иррегулярных частей в годы русско-турецкой войны 1877-78 гг. // Юго-Осетинский НИИ. Известия. Вып.22. – Тбилиси,1977. – С.45.

[122] Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005. – С.99-100.

[123] Kuleba M. Jmperium na kolanach. Wojna w Czeczenii 1994-1996. – Warszawa,1998. – S.16.

[124] William C. Fuller, jr. // The imperial army // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge,2006. – S.541.

[125] Янбердин И.Т. Развитие провиантской службы русской армии во второй половине XIX века. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2006. – С.125.

[126] Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. …канд. ист. наук. – Б.м.,1954. – С.196.

[127] Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). – М.,2006. – С.322-323.

[128] Там же. – С.191-192.

[129] Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ,1890. – С.14.

[130] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.367,369.

[131] Там же. – С.377.

[132] Мусаев М.А. Дагестанское духовенство 60-70-х годов XIX века и восстание 1877 года. Дис. ... канд. ист.наук. – Махачкала,2003. – С.134-135.

[133] Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. – Лондон, СПб. Б.г. – С.16.

[134] Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. Т.3. – М.,1891. – С.371.

[135] Мещерский В. Кавказский путевой дневник князя Мещерского. – СПб.,1878. – С.21.

[136] Кавказская армия. Т.3. Ч.2. Отдел санитарный. – СПб.,1884. – С.16-17.

[137] G.V.Hahn. Neue Kaukasische Reisen und Studien. – Leipzig,1911. – S.80.

[138] Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. – СПб.,1878. – С.4-5.

[139] Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII – XIX вв. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб.,2003. – С.97,99.

[140] Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни (к 10-летию советской Чечни). – Грозный,1930. – С.29.

[141] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.21.

[142] Merzbacher G. Aus den Hochregionen des Kaukasus. – Leipzig,1901. – S.208.

[143] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.65-66.

[144] Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ,1890. – С.14.

[145] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.24.

[146] Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998. – С.303.

[147] Мещерский В. Кавказский путевой дневник князя Мещерского. – СПб.,1878. – С.18.

[148] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.4-5.

[149] Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско – Турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси,1972. – С.71.

[150] Чочиев Г.В. Генерал Мусса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М.,2006. – С.71.

[151] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.8. Д.70. Л.12.

[152] Семёнов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы – воспоминания о чеченском восстании в 1877 году. // Кавказский вестник. Кн.VI. – Тифлис,1900. – С.5.

[153] Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб.,2004. – С.81-82.

[154] Там же. – С.25,28.

[155] Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб.,1912. – С.28.

[156] Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ,1890. – С.18.

[157] Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / Под ред. академика В.Б. Виноградова. – Пятигорск,2006. – С.53.

[158] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.27-28.

[159] РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.152. Л.1,9.

[160] Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный,1968. – С.22.

[161] Магомедов Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 году. – Махачкала,1940. – С.37.

[162] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.57.

[163] Магомедов Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 году. – Махачкала,1940. – С.37.

[164] Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.121.

[165] Семёнов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы – воспоминания о чеченском восстании в 1877 году. // Кавказский вестник. Кн.VI. – Тифлис,1900. – С.26-28.

[166] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.10.

[167] Исаев С.-А.А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX века. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. – Грозный,1979. – С.108.

[168] Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998. – С.302.

[169] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.245. Л.15.

[170] Авторханов А. Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа. // ЧИНИИ. Т.1. Вып.1. – Грозный,1936. – С.22.

[171] Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.122.

[172] РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.153. Л.11.

[173] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.11.

[174] Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Т.2. Стратегический очерк. Терско – Дагестанский театр. – Тифлис,1908. – С.39.

[175] Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. – М.,1996. – С.181.

[176] Гакаев Дж. Дж. Очерки политической истории Чечни (XX в.). – М.,1997. – С.49.

[177] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.31.

[178] РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.94 (1). Л.72 об.

[179] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.65.

[180] Там же. – С.57.

[181] Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ,1890. – С.18.

[182] Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998. – С.298.

[183] РГИА. Ф.485. Оп.1. Д.108. Л.69.

[184] Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ,1890. – С.18.

[185] РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.94 (1). Л.49.

[186] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.11.

[187] Россия. Кавказский наместник. О высылке с Кавказа мятежных горцев Дагестанской и Терской областей. Сборник материалов. – СПб.,1878. – С.6.

[188] Высочайшие повеления. // Терские ведомости. – Владикавказ,1877. – №20. – С.1.

[189] Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. …канд. ист. наук. – Б.м.,1954. – С.211.

[190] Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб.,1912. – С.29.

[191] РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д.305 (2). Л.231 об.

[192] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.24. Л.14.

[193] РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.154. Л.18.

[194] Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в XIX в.). Дис. …. докт. ист. наук. – М.,1998. – С.291.

[195] Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1977 и 1878 гг. – СПб.,1912. – С.27.

[196] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.12.

[197] Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный,1968. – С.26.

[198] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.141 об.

[199] Paul B.Henze. Circassian Resistance to Russia. // The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. – London,1992. – S.105.

[200] Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998. – С.309.

[201] Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период. Дис. …канд. ист. наук. – С.65.

[202] Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополья и Кубани. Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.75.

[203] Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. …канд. ист. наук. – Б.м.,1954. – С.211.

[204] Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / Под ред. Академика В.Б. Виноградова. – Пятигорск,2006. – С.55.

[205] Макаров Г.А. Указ. соч. – С.75.

[206] Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный,1968. – С.31.

[207] Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.,2005. – С.445.

[208] ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.622. Л.89.

[209] РГИА. Ф.1268. Оп.23. Д.85. Л.58.

[210] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист.наук. – Махачкала,2004. – С.301.

[211] Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. …канд. ист. наук. – Б.м.,1954. – С.223.

[212] РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.117. Л.36.

[213] Иванов А.И. Восстание в Чечне в 1877 году. // Исторические записки. – №10. – 1941. – С.291.

[214] Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. …канд. ист. наук. – Б.м.,1954. – С.227.

[215] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. гаук. – Пятигорск,2005.243-244.

[216] Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. – М.,1996. – С.181.

[217] Эшба Е. Асланбек Шерипов. – Сухуми,1990. – С.85.

[218] РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д.305 (2). Л.231 об.

[219] ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1. Д.140. Л.2,4,30.

[220] Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб.,1912. – С.40.

[221] ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1. Д.30. Л.24.

[222] Яхиев С.–У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность. Дис. …канд. филос. наук. – М.,1996. – С.92.

[223] Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М.,1999. – С.5.

[224] Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный, 1968. – С.28.

[225] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.24.

[226] ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1. Д.30. Л.24.

[227] Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ,1890. – С.28.

[228] Мальсагова Т.Т. Восстание горцев в Чечне в 1877 году. – Грозный,1968. – С.28.

[229] Перебийнос Ф. Асланбек Шерипов. // Советский Северный Кавказ. – №19-20. – С.34.

[230] Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. …канд. ист. наук. – Б.м.,1954. – С.211.

[231] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.143,148.

[232] Хроника Чеченского восстания. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ,1890. – С.21.

[233] Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. …канд. ист. наук. – Б.м.,1954. – С.207-208.

[234] Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн.1. – Грозный,1999. – С.108.

[235] Мальсагова Т.Т. Восстание горцев в Чечне в 1877 году. – Грозный,1968. – С.33.

[236] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.121.

[237] Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998. – С.311.

[238] Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Т.2. Стратегический очерк. Терско-Дагестанский театр. – Тифлис,1908. – С.38.

[239] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.296. Л.9 об.

[240] ГА РФ. Ф.678. Оп.1. Д.682. Л.36.

[241] ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.42. Л.1.

[242] Мальсагова Т.Т. Восстание горцев в Чечне в 1877 году. – Грозный,1968. – С.35.

[243] Цит по: Яхиев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность. Дис. …канд. филос.. наук. – М.,1996. – С.92.

[244] Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998. – С.303.

[245] Омаров Х.А. Воспоминания Абдурхзака Согратлинского о восстании 1877 года. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. – Махачкала,1988. – С.97.

[246] Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998. – С.314.

[247] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.24.

[248] Перебийнос Ф. Асланбек Шерипов. // Советский Северный Кавказ. -№19-20. – С.34.

[249] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.13.

[250] Яхиев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность. Дис. …канд. филос.. наук. – М.,1996. – С.92.

[251] ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.622. Л.89.

[252] РГИА. Ф.1268. Оп.23. Д.85. Л.63 об.

[253] Россия. Кавказский наместник. О высылке с Кавказа мятежных горцев Дагестанской и Терской областей. Сборник материалов. – СПб.,1878. – С.15,17.

[254] Иванов А.И. Восстание в Чечне в 1877 году. // Исторические записки. – №10. – 1941. – С.294.

[255] Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Кн.1. / Сост.: Агуажба Р.Х.; Ачугба Т.А. – Сухум,2005. – С.570,573-574.

[256] Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX –начало XX вв. – СПб.,2005. – С.445,447.

[257] Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894. – С.64.

[258] Белогриц – Котляровский Л.С. Преступления государственные. – Киев – СПб – Харьков,1904. – С.17.

[259] Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль,1879. – С.88.

[260] Баязетов И. –М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.47.

[261] Баязетов И. –М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.28,39-40.

[262] Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль,2001. – С.30.

[263] Баязетов И. – М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.30, 33-34,50.

[264] Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль,2001. – С.30.

[265] Баязетов И. –М. А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.35-36.

[266] Там же. – С.29,31.

[267] Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства: географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500000 адресов. Год 1878. – М.,1878. – С.657.

[268] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.97,106.

[269] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.6.

[270] Православные богословы об исламе. – М.,2006. – С.154.

[271] Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг. Дис. канд. ист. наук. – Воронеж,2006. – С.31.

[272] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.,2006. – С.79.

[273] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. … канд. ист. наук. – М.,2004. – С.121.

[274] Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах. // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып.3. – Тифлис,1883. – С.306.

[275] Российская государственность в терминах: IX – XX в. Словарь. – М.,2001. – С.194.

[276] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.129. Л.55.

[277] Терская область. // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876. – С.60.

[278] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.24.

[279] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.8. Л.6.

[280] РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.95. Л.16.

[281] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.178.

[282] РГВИА. Ф.330. Оп.11. Д.32. Л.174.

[283] Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный,1962. – С.55.

[284] ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.LV. Отд.2. (1880-1881). – СПб.,1884. – С.184.

[285] Афаунов А.А. Национальная политика России и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе: исторический опыт (1906-1921 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.39.

[286] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.278. Л.30.

[287] РГВИА. Ф.16096. Оп.1. Д.18. Л.155.

[288] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.24.

[289] Кравчук В.Р. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине XIX – XX веков (исторический аспект). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – СПб.,2005. – С.13.

[290] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.56. Л.2.

[291] РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.590. Л.21 об.-22.

[292] ГА РФ. Ф.649. Оп.1. Д.156. Л.33.

[293] Тимошевская А.Д. Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства, XIX – начало XX в. Дис. …канд. юр.наук. – М.,1998. – С.140-141.

[294] Там же. Л.32 об.

[295] Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). Дис. …докт. географ. наук. – М.,2003. – С.250.

[296] ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.3. Л.2.

[297] ЦГА РСО–А. Ф.55. Оп.1. Д.134. Л.104.

[298] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …. канд. ист. наук. – М.,2004. – С.121.

[299] ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1. Д.134. Л.104-105.

[300] Хаджи Мурад Доного. Ордена Шамиля. – Махачкала,1995. – С.10,13,30.

[301] ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.23. Л.329 об.

[302] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.1092. Л.4.

[303] ЦГА РСО-А. Ф.15. Оп.1. Д.244. Л.102.

[304] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.1092. Л.203,213.

[305] Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный,1962. – С.56.

[306] Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополья и Кубани. Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.46.

[307] Дунюшкин И. В дозоре казаки и чеченцы // Родина. – М.,2004. – №6. – С.59.

[308] Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.,2006. – С.39-40.

[309] Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. – М.,2006. – С.11.

[310] Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление: На материалах Северо-Кавказского региона. Дис. …докт. полит. наук. – М.,2003. – С.63-64.

[311] Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Народы региона и модернизационные процессы пореформенного периода // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.104-105.

[312] Асланов Л.А. История России: были и небылицы // Россия державная: В 2-ч. Ч.1. – М.; Волгоград,2006. – С.173-174.

[313] Белозёров В. Этническая карта Северного Кавказа. – М.,2005. – С.35-36.

[314] Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001. – С.4,84.

[315] Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Народы региона и модернизационные процессы пореформенного периода // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.90.

[316] Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик,2002. – С.138-140.

[317] Abdurahman Avtorhanov. The Chechens and the Inguch during the Soviet Period and its Antegedents. // The North Caucasus barrier. The Russian Alvance towards the Muslim world. – London,1992. – S.150.

[318] Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XX столетия. – Сухуми,1975. – С.417.

[319] Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1989. – С.21-22.

[320] Королёв С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М.,2001. – С.27.

[321] Думанов З.Б. Внутренние миграции на Северо – Западном и Центральном Кавказе в первой половине XIX века // Исторический вестник. Вып.III. – Нальчик,2006. – С.271,275.

[322] Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века.: Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2006. – С.84-85.

[323] Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.113.

[324] Козлов В.А., Козлова М.Е. Патерналистская утопия и этническая реальность: чеченцы и ингуши в Сталинской ссылке (1944-1953). // Вестник архивиста. – М.,2003. – №3-4 (75-76). – С.227.

[325] Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1989. – С.36.

[326] Королёв С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М.,2001. – С.28.

[327] Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1989. – С.125.

[328] Внутреннее обозрение. // Вестник Европы. – Кн.10-я. – СПб.,1876. – С.810.

[329] Там же. – С.813.

[330] Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995. – С.84.

[331] Гордеев А.А. История казаков со времени царствования Петра Великого до начала великой войны 1914 года. – М.,1992. – С.46-60.

[332] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дисс. … канд. ист. наук. – М.,2004. – С.175.

[333] Абдуллаева М.И. Переселение дагестанцев в Османскую империю во второй половине XIX – начале XX века (Причины и последствия). Дис. … канд. ист. наук. – Махачкала,2000. – С.3.

[334] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.389.

[335] Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1989. – С.22.

[336] ОРФ СОИГСИ.Ф.17. Оп.1 Д.6. Л.222.

[337] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.26. Л.34.

[338] Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.12. Ч.2. – Тифлис,1904. – С.1220.

[339] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.7.

[340] Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н /Д.,1925. – С.2.

[341] Кумыков З.Т. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х г. XIX века в историческом кавказоведении. – Нальчик,1998. – С.29.

[342] Королёв С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М.,2001. – С.35.

[343] Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н /Д.,1925. – С.34.

[344] Реклю Э. Земля и люди. Т.6. Восточный Кавказ. Чеченцы, дагестанцы. – СПб.,1883. – С.108.

[345] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. … канд. ист. наук. – С.175.

[346] К вопросу о переселении черкесов. // Современный листок. – 1864. – №24. – С.4.

[347] Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н /Д.,1925. – С.30,34.

[348] Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60 гг. XIX века. – Владикавказ,1992. – С.5.

[349] Шинкуба Б.Б. Народы Западного Кавказа и Османская империя во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Махаджирство и его последствие // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум,2004. – С.97-98.

[350] АВПРИ. Ф.161/4 (Азиатский департамент). Оп.729/2. Д.6.,1856-58. Л.60.

[351] Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998. – С.85.

[352] Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии нач. XX в. // Брянский гос пед. ун.-т. Межвузовский сборник трудов. Вып.8. – С.136.

[353] Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. // Документальная история образования многонационального государства. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998. – С.89.

[354] ГА РФ. Ф.677. Оп.1 Д.511. Л.24.

[355] Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975. – С.413.

[356] Кумыков З.Т. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х годах XIX века в историческом кавказоведении. – Нальчик,1998. – С.27.

[357] Авакян А.Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции (вторая пол. XIX – первая четверть XX вв.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,2002. – С.52.

[358] Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975. – С.213,235.

[359] Народы Земли. Кавказ. Народы Кавказа. T.IV. – СПб.,1911. – С.191,197.

[360] The Baltic and Caucasian states. The Nations of to-day. A New History of the World Edited by John Buchan.

[361] Кумыков Т.Х. Проблемы Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию. // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик,2001. – С.18,20.

[362] Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик,2001. – С.234.

[363] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2564.,1865. Л.111.

[364] Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975. – С.209.

[365] Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско – Турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси,1972. – С.55.

[366] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (старый)). Оп.502а. Д.4468. Л.165об.

[367] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1 Д.13. Л.85.

[368] Там же. Л.97.

[369] Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик, 2002. – С.142.

[370] Gaspard Armand. Caucase. – Lausanne, 1969. – S.15.

[371] Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии нач..XX в. // Брянский гос.пед.ун-т. Межвузовский сборник трудов. Вып.8. – С.135.

[372] Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.93.

[373] Weeks T.R. Managing empire: tsarist nationalities policy // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006. – S.41.

[374] Там же. – С.118.

[375] Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001. – С.62-64.

[376] Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии нач. XX в. // Брянский гос. пед.ун-т. Межвузовский сборник трудов. Вып.8. – С.135.

[377] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.208-209.

[378] Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XXв.). Монография. – Р н/Д.,2006. – С.100.

[379] АВПРИ. Ф.149.(Турецкий стол (старый)). Оп.502а. Д.4468.,1861-1870. Л.25.

[380] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.210.

[381] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – XX века. Дис. докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.305.

[382] Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII – XIX вв.). Дис. …докт. ист. наук. – Ставрополь,2001. – С.98.

[383] Гатагова Л.С. Северный Кавказ. // Русское население национальных окраин России XVII – XX вв. – М.,2000. – С.164-165.

[384] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ. // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.307-308.

[385] АВПРИ. Ф.149.(Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.7659. Л.52об.

[386] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.4. Л.3.

[387] АВПРИ. Ф.149.(Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.7659. Л.33-36.

[388] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1 Д.11. Л.22.

[389] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.26. Л.2об.

[390] Тихонов А.К. Борьба российских властей с турецкой пропагандой среди мусульман Среднего Поволжья (вторая половина XIX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М.,2006. – С.150-151.

[391] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.362.

[392] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.5. Л.8.

[393] СОГОМИАЛ. Ф.4. Оп.2. Д.541. Л.17.

[394] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1 Д.11.

[395] Мемуары генерала Мусса-паши Кундухова. // Дарьял. – Владикавказ,1995. – №2. – С.126.

[396] Чекменёв С.А. Из истории переселения горцев в Турцию. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик,1994. – С.186.

[397] Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа. // Русская старина. Т.33. – 1882. – С.176.

[398] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.8. Д.27. Л.16.

[399] ЦГА РСО-А. Ф.12 Оп.5. Д.29. Л.46.

[400] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1 Д.6. Л.245.

[401] ОРФ СОИГСИ. Ф.17 Оп.1. Д.6. Л.253.

[402] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.35. Л.21.

[403] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.5. Л.7.

[404] Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н /Д.,1925. – С.17.

[405] СОГОМИАЛ. Ф.4. Оп.2. Д.541. Л.17.

[406] Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998. – С.87.

[407] Касумов А.Х. Разные судьбы. – Нальчик,1967. – С.12.

[408] Абрамов А. Кавказские горцы (Из летних экскурсий). // Дело. – 1884. – №1. – С.72.

[409] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.35. Л.19.

[410] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.253.

[411] ОРФ СОИГСИ.Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.252.

[412] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М..2001. – С.227.

[413] Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н /Д.,1925. – С.56.

[414] РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.105. Л.3.

[415] РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.102. Л.48.

[416] Бадаев С.-Э.С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX века как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе. // Научная мысль Кавказа. – Р н/ Д.,1999. – №4. – С.51.

[417] Сборник сведений о Терской области. Вып.1-й. – Владикавказ,1878. – С.274.

[418] Бэрзэдж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996. – С.165.

[419] Бэрзэдж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996. – С.171.

[420] Дегоев В. Два века и мира на Кавказе. // Россия и Чечня: поиски выхода. – СПб.,2003. – С.230.

[421] Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.) – Махачкала,2001. – С.255,257,262,265-271,275,277.

[422] Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.). – Махачкала,2001. – С.179.

[423] Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н/ Д.,1925. – С.60.

[424] Кумыков З.Т. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х гг. XIX века в историческом кавказоведении. – Нальчик,1998. – С.31.

[425] Внутреннее обозрение. // Вестник Европы. Кн.10. – СПб..1876. С.814.

[426] Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв.: историко-правовой аспект. – Р н/Д.,2005. – С.256.

[427] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.7659. Л.54об.

[428] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.49. Л.71.

[429] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе)). Оп.517/2. Д.2564.,1865. Л.66.

[430] Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX века). Сборник архивных документов. – Нальчик,2001. – С.450.

[431] Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.138.

[432] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе.). Оп.517/2. Д.2564.,1865. Л.154.

[433] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.115.

[434] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (старый)). Оп.502-а. Д.4468.,1861-1870. Л.155.

[435] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.32. Л.15.

[436] Лемерль П., Кицикис Д. На перекрестке цивилизаций: Сборник. – М.,2006. – С.209.

[437] Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (вторая половина XIX – начало XX веков). // Вестник Северо-Осетинского университета им. К. Хетагурова. – №1. – Владикавказ,1999. – С.157.

[438] Die politische und militarische Bedeutung des Kaukasus von Otto Wachs. – Berlin. N.W. 1889. – S.32.

[439] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.119.

[440] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.138.

[441] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.21. Л.22.

[442] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.333.

[443] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.97.

[444] АВПРИ. Ф.149. (Турецкий стол (старый)). Оп.502-а. Д.4468. Л.119об.

[445] Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч.2. – Нальчик,2003. – С.285.

[446] АВПРИ. Ф.149.(Турецкий стол (старый)). Оп.502-а. Д.4468.,1861-1870. Л.115.

[447] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2570.,1871. Л.39.

[448] Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001. – С.52-53.

[449] Азаров В.М. ,Марущенко В.В. Кавказ в составе России: История Отечества. // Ориентир. – 2001. – №3. – С.14.

[450] Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001. – С.52.

[451] Градовский Г. Лагерь на Караяле 25 августа. // Голос. – СПб.,1877. – №210 – С.2.

[452] Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001. – С.30.

[453] Народы Кавказа. Сборник статей. Кн.1. – М.,1993. С.157.

[454] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (старый)). Оп.502-а. Д.4468.,1861. Л.62 об.

[455] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.86.

[456] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.329.

[457] Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора в странах ближнего и среднего Востока: история и современные процессы (втор. пол. XIX –XX вв.). Автореф. дис. … кан. ист. наук. – Махачкала,2001. – С.13.

[458]The Nations of to-day A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltig and Caucasian states. – London. 1923.– S.204.

[459] К переселению черкесов в Турцию. // Весть. – СПб.,1864. – №23. – С.15.

[460] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.5. Л.43.

[461] Мухаджирство в истории горских народов Северного Кавказа. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблема мухаджирства. – Нальчик,1994. – С.25.

[462] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1 Д.21. Л.22-23.

[463] Бэрзэдж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996. – С.169.

[464] Бадаев С-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.247,253.

[465] Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. – СПб.,1910. – С.224.

[466] Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.). – Махачкала,2001. – С.51.

[467] Умалатов У. Чечня глазами чеченца. – М.,2001. – С.137.

[468] Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI -XIX веках. – М.,1958. – С.224,227.

[469] Маремкулов А.Н. Инструкции представителей царского самодержавия на Северном Кавказе как нормативные правовые акты (XVIII – XIX вв.) // Отечественные архивы. – М.,2005. – №5. – С.24.

[470] Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик,2002. – С.175-176.

[471] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2570,1871. Л.39.

[472] Народы Кавказа. Сборник статей. Кн.1. – М.,1993. – С.159.

[473] Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (Составлен на основе официальных документов). – Тифлис,1905. – С.44.

[474] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.36. Л.3.

[475] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.30. Л.10.

[476] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.36. Л.3.

[477] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1 Д.13. Л.83.

[478] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.29. Л.46,53.

[479] ОРФ СОИГСИ. Ф.17.Оп.1. Д.13. Л.99.

[480] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.36. Л.8.

[481] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.129.

[482] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2564.,1865. Л.152-153.

[483] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.132.

[484] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.18. Л.7.

[485] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.335.

[486] РГИА. Ф.1152. Оп.8. Д.88. Л.8.

[487] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.27. Л.9.

[488] Шпак А.Н. Создание и совершенствование защиты и охраны государственной границы в Российской империи (1721-1893 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2006. – С.137,139-140.

[489] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.627.,1870. Л.134.

[490] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2565.,1866. Л.88 об.

[491] Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX века). Сборник архивных документов. – Нальчик, 2001. – С.438.

[492] Бадаев С.– Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.201.

[493] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.15. Л.9.

[494] АВПРИ. Ф.144 (Персидский стол). Оп.488. Д.1907.,1862. Л.78.

[495] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.16. Л.33.

[496] ЦГА РСО – А. Ф.12. Оп.5. Д.30. Л.49.

[497] Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб.,2004. – С.87.

[498] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.18. Л.2,3,5.

[499] Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826-1880. – М.,2006. – С.346.

[500] Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев: личность, программа, тактика // Труды Института рос. истории РАН. Вып.6. – М.,2006. – С.102,109-114.

[501] Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826-1880. – М.,2006. – С.346.

[502] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.8. Л.65.

[503] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.16. Л.60.

[504] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.19. Л.25.

[505] ЦГА РСО – А. Ф.11. Оп.52. Д. 622. Л.90-об.

[506] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.19. Л.65.

[507] Бадаев С. – Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.215-216.

[508] Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характер. Дис. …канд. ист. наук. – Б.м.,1954. – С.128.

[509] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.18. Л.24.

[510] ГА РФ. Ф.109. 1 экс. Д.8. Ч.2. Л.5.

[511] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.152.

[512] РГИА. Ф.1152. Оп.8. Д.88. Л.6-7.

[513] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.341-342.

[514] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.35. Л.34.

[515] Выселение горцев с Кавказа. // Русская старина. Т.33. – 1882. – С.26.

[516] Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.66.

[517] Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,2005. – С.111-112.

[518] Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.228.

[519] O.G. von Wesendonk. Aus der kaukasischen welt. – Berlin,1925. – S.177,336.

[520] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.177. Л.108.

[521] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.5085.,1893.

[522] Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ,1893. – С.64.

[523] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. … канд. ист. наук. – М.,2004. – С.193.

[524] РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.791. Л.60.

[525] Абрамов Я.В. Кавказские горцы. – Краснодар,1927. – С.6.

[526] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области) Дис. … канд. ист. наук. – М.,2004. – С.193-194.

[527] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.965. Л.157.

[528] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. … канд. ист. наук. – М.,2004. – С.194.

[529] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.,2006. – С.39-40.

[530] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.5084.,1891-1913. Л.102,128-129.

[531] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.965. Л.51.

[532] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.3419.,1898-1899. Л.8 об.-9 об.

[533] Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М.,1958. – С.240.

[534] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.8. Д.27. Л.16.

[535] Авакян А.Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции, вторая половина XIX – первая четверть XX вв. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2002. – С.63-64.

[536] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2406.,1902. Л.2 об..17.

[537] Авакян А.Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции, вторая половина XIX – первавя четверть XX вв. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2002. – С.64.

[538] Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.228.

[539] Бэрзэдж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996. – С.158.

[540] Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.229-231.

[541] АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.5084.,1891-1913. Л.129.

[542] Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора и современность (вторая половина XIX – XX вв.). – Махачкала,2001. – С.181.

[543] К вопросу о переселенческом движении туземцев Терской области. // Донская речь. – 1902. – №10. – С.1.

[544] Северный Кавказ, 28 ноября. // Русские ведомости. – М.,1902. – №336. – С.2.

[545] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2431.,1900-1902. Л.3.

[546] Бэрзэдж. П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996. – С.158.

[547] Бадаев С. –Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.231.

[548] Лежиков А. Родина вторая, родина первая. // Азия и Африка сегодня. – М.,1991. – №10. – С.2.

[549] Северный Кавказ, 28 ноября. // Русские ведомости. – М.,1902. – №336. – С.2.

[550] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2448.,1907. Л.20 об.

[551] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2444.,1905. Л.10,13.

[552] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2406.,1902. Л.2.

[553] АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2451.,1910. Л.1 об.

[554] Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии начала XX в. // Брянский гос. пед. ун-т. Межвузовский сборник трудов. Вып.8. – С.132.

[555] The Nations of to-day A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltic and Caucasian states. – London,1923. – S.204.

[556] Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995. – С.113.

[557] Лежиков А. Родина вторая, родина первая. // Азия и Африка сегодня. – М.,1991. – №10. – С.2.

[558] Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX -начало XX в.). Дис. …канд. ист. наук. Р н/Д.,2005. – С.173.

[559] Казначеев А.В. История ислама на Северном Кавказе (начало XIX – XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2002. – С.21.

[560] Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.113.

[561] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.146.

ГЛАВА V.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЧЕЧЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Земледелие, скотоводство, рыболовство

Археологические материалы показывают, что земледельческая культура начала складываться у народов Северного Кавказа в глубокой древности. Раскопки Сержень – Юртовских и других поселений дали богатейший материал о том, что жители этой территории сеяли голозёрный ячмень, мягкую пшеницу, просо, коноплю. Наличие железных серпов указывает на пашенный характер земледелия и на сбор более значительного урожая с относительно больших площадей по сравнению со временами использования каменной или костяной мотыги. Употребление сохи для обработки земли археологи относят к бронзовому веку[1]. О роли земледелия в жизни населения говорит материальная культура и фольклор, языческие культы и лексика[2].

История любого народа совершается на определенной территории, в строго очерченных природно-географических условиях. Известный ученый – историк В.О. Ключевский, в частности, называл природу «силой, которая держит в своих руках колыбель каждого народа»[3]. Трудоёмким было хозяйство в высокогорных районах, где сложился высокий уровень орошаемого земледелия[4]. Природные условия серьёзно влияли на все отрасли экономики. Особенно сильно это ощущалось в сельской местности. Очень важное значение имели температурные условия и ландшафт местности. Причём необходимо отметить, что «максимального развития в прошлом, – как писал Н.И. Вавилов, – земледелие достигло не в областях и районах наиболее лёгких, с нашей современной точки зрения, для освоения, а как раз, наоборот, в условиях суровых горных районов». Северный Кавказ в этом отношении – не исключение. Здесь опытом многих поколений выработано чрезвычайное многообразие земледельческих орудий, оригинальных способов обработки почвы, сбора урожая, обмолота и многих других земледельческих технологических процессов[5]. Природа Предкавказья во многом была похожа на природу большинства русских губерний, земля очень плодородна и главным

занятием жителей являлось хлебопашество. Пшеница, кукуруза, просо, ячмень – росли почти в рост человека. По Тереку располагались сплошные виноградники[6].

До середины XIX века Северо – Восточный Кавказ почти целиком был покрыт густым лесом. Кавказская война положила начало массовому истреблению лесных массивов. Сильное повреждение лесов равнялось, по современным понятиям о войне, излишнему варварству, которое было направлено против того блага неприятеля, которое должно было лежать вне сферы неприязненных действий[7]. Через глубину океана могучей растительности рубили просеки военные отряды. Тысячи топоров каждый день губительно действовали в неприкосновенном веками лесу, прокладывая в нем широкий след; и деревья, в несколько обхватов, валились как колосья под серпом, разрубались на части и исчезали в пламени громадных костров. С наступлением сумерек звук топоров умолкал и рабочие – чеченцы и солдаты, спешили расположиться вокруг костров на отдых[8]. Уничтожение лесных массивов привело к изменению климата и росту земледельческих посевных площадей. Приведем, для наглядности, воспоминания современника: «Теперь северные плоскогорья обезлесели совсем, а у Сулака есть целые версты, где земля сухая и потрескавшаяся, как кожа ящерицы, стала окончательно не способна даже питать жалкую траву. Нельзя сказать, что мы стали благодетелями! С уничтожением лесов высохли реки, климат изменился к худшему и там, где у чеченцев росли в садах нежнейшие деревья южной флоры, теперь едва дозревают более грубые плоды…»[9].

В зависимости от разнообразия геологического строения и климатических особенностей Терской области, почвы её были весьма разнообразны. В то время как на западе встречались глинистые почвы, сильно окрашенные перегноем в чёрный цвет и напоминавшие русский чернозём, далее, к востоку, они становились светлее; в восточной половине области встречались уже в основном серо-жёлтые солонцеватые глины, а на севере – пески затеречных степей. Видовое распространение земледельческих культур в области зависело не только от определённых хозяйственных традиций, количественного и качественного состава почв, но, в условиях предгорий и гор – от высоты местности над уровнем моря, что влекло за собой значительные перепады температурных характеристик и количества выпадавших осадков. Регионы области, в зависимости от их высоты над уровнем моря, специализировались на различных земледельческих культурах. Так, в окрестностях Кизляра (-11

м.) было хорошо развито виноградарство, при большом уровне влажности. В высокогорных местностях, например в Ведено (730 м.), получали прекрасный урожай табака, в условиях сухого, разреженного воздуха. Структура глинистых почв и песков, а также преобладание большого количества ветров со стороны Каспийского моря и с севера, не позволяли влаге задерживаться. Поэтому постройка многочисленных каналов способствовала повышению уровня сельскохозяйственного производства[10].

В пореформенный период экономическое положение в Терской области стабилизировалось. Земледельческая культура стала увеличивать как свои качественные характеристики, так и производство валового продукта. По урожайности Терская область стояла несколько выше всех внутренних губерний России. По общему безусловному количеству зерна, приходившемуся на 1 человека, считая только ячмень, рожь, пшеницу, просо, кукурузу; Терская область, где на 1 человека приходилось 2,5 четвертей зерна, стояла наравне с самыми хлеборобными губерниями Европейской России (Воронежской – 2,57; Киевской – 2,53; Владимирской – 2,47). Горный Аргунский округ можно было приравнять к Петербургской губернии, где на 1 человека приходилось 1,01 четвертей зерна[11]. Из Терской области ежегодно в среднем вывозилось более 2 млн. пудов хлеба, но случалось, как в 1897 г. – более 7 млн. пудов, в 1902 г. – в 2 раза больше. Владикавказская железная дорога в 1898 г. перевезла 6,7 млн. пудов зерна, в 1900 г. – 7,7 млн., а в 1902 г. – 9,6 млн. пудов. Даже в начале Первой мировой войны, когда сельское хозяйство приходило в упадок, зерновые запасы в Терской области по приблизительным подсчётам составили 524,8 тыс. пудов. Терская область стала одним из главных зернопроизводящих районов Российской империи[12].

Хлебный экспорт Европейской России осуществлялся главным образом, за счет Дона и Северного Кавказа. Их доля по этой статье была решающей и в масштабах всей России. Среднегодовые поставки хлеба страны на мировой рынок доходили в тот период до 549,5 млн. пудов, в том числе и с, полей региона – примерно 225 млн. пудов, или 41%. С Кавказа хлеб почти целиком (в среднем 202 млн. пудов ежегодно) как высоко кондиционный, конкурентоспособный отправлялся в Европу[13].

Чеченцы издавна занимались земледелием. Хлебопашество долгое время было для них основным источником существования. Земледелие у чеченцев было на весьма высоком уровне. По свидетельству очевидцев у чеченцев, живших в притеречных районах, неурожаев почти не было: «…обыкновенная жатва вознаграждала в 10 и 15 раз»[14].

В результате проведённой в Терской области земельной реформы, огромные площади земельных пространств отошли во владение Терского казачьего войска. Многие войсковые земли пустовали, в то время как горцам катастрофически её не хватало, из-за несправедливого государственного распределения земельных угодий в Терской области. Сдавать землю в аренду казакам было выгоднее, чем заводить на ней войсковое хозяйство[15]. Краевед и преподаватель В.П. Пожидаев много путешествовал по Кавказу. До нас дошли некоторые его исторические зарисовки, приведем некоторые выдержки из них: «Это не работа, а каторга. Стал бы я работать на такой земле, да пропади она!» – сказал однажды русский крестьянин В.П. Погожеву, наблюдавшему из окна вагона уборку горцами своей крошечной нивы[16]. Другого очевидца тех времён, Е. Маркова также поражало горское трудолюбие: «Когда едешь по Чечне или по Кубанской области в дни жатвы хлебов, – писал он, бесчисленные полчища грузных и больших копен, покрывающих поля, кажутся невероятными даже для жителей плодородных курских полей. Пшеница, кукуруза, просо, ячмень – тут поднимаются тесными стенами»[17]. Стремясь подчеркнуть достаточно высокий уровень развития земледелия у чеченцев, У. Лаудаев предпринял попытку сравнить хозяйственные занятия чеченцев с соседними народами, в частности с кабардинцами. Он пишет, что «…тогда как кабардинцы и другие племена…понятия не имели о хлебопашестве, чеченцы деятельно занимались им»[18]. Академик М.Н. Покровский в своей работе, подчеркивая исключительную важность для дагестанцев чеченского хлеба, писал: «кто владел чеченской плоскостью, тот был хозяином и в горах Дагестана»[19].

По среднему урожаю всех хлебов Чечня занимала в России одно из первых мест, вслед за Украиной. С 1888 по 1893 год Чечня производила ежегодно 2672184 пуда кукурузы, на сумму 1068874 рубля (40 коп. за 1 пуд). После обработки земельного участка чеченцы сеяли обычно кукурузу. За кукурузой следовала пшеница, а затем обратно кукуруза. Таким образом, пропашное растение (кукуруза) чередовалась со злаковыми, благодаря чему истощение почвы шло не так быстро как, например, у казаков, высевавших почти исключительно злаки[20]. В горной зоне чаще всего выращивали яровую пшеницу, ячмень, просо, кукурузу. Ко всем этим злакам подсевали особый сорт гороха[21].

На истощённых землях, для удобрения, нередко устраивали стойбища для мелкого и крупного скота в осенне-зимний период. Таким образом, навоз скапливался на месте и сложный, трудоёмкий вопрос

транспортировки снимался[22]. Горные чеченцы не только получали хлеб от жителей плоскости, но и пускали свои стада для удобрения их земель[23]. Вайнахи удобряли землю и илом. Этот способ также был широко известен. Из навоза, вывозившегося на поля, наиболее ценным считался овечий, затем навоз крупного рогатого скота, совсем не годился конский. Навоз вносили на 3 или 4 года, в зависимости от культур, засеваемых на этом участке.

Традиционными культурами вайнахов были: ячмень, пшеница, просо, овёс, лён, фасоль, тыква, огурцы, рис, рожь, голый ячмень[24]. Лён крестьяне возделывали, в основном, в степных и полустепных притеречных районах. Выращивали здесь масличный лён на семена, так как он был менее требователен к влаге и более теплолюбив. Лён являлся пластовой культурой, то есть высеивался по целине. По мере сокращения площади целинных земель, в связи с военно-казачьей колонизацией края, уменьшились и посевы льна[25]. Из отчета начальника Терской области за 1894 год мы узнаем следующее о посевах овса: «В последние годы в обществах Хачарой, Хельдихарой, Дашни и Чанти (Аргунского округа), где местные условия чрезвычайно благоприятны для посевов овса, жители стали в довольно большом количестве заниматься посевами овса для продажи. В прошлом (1893) году было продано до 1500 четвертей (315 т.) этого хлеба»[26].

Природные условия определяли характер земледелия. Большая часть Восточного Кавказа была покрыта лесами, поэтому издавна практиковалась преимущественно подсечно-огневая система земледелия. В целом горное земледелие, по сравнению с равнинным, до 70-80-х годов XIX века, имело более высокий уровень развития. Большинство населения горной зоны обходилось своим урожаем, не покупая хлеб на стороне. По свидетельствам очевидцев, ичкеринцы занимались хлебопашеством все, без исключения[27]. Огромные просторы равнинной зоны Северного Кавказа, занятые горцами, использовались первоначально для скотоводства – главной отрасли хозяйства равнинных жителей. Верхние пределы земледелия в горах Чечни достигали 2130 метров. Посевы картофеля на Кавказе были зафиксированы на высоте более 2250 метров[28]. В конце XIX – начале XX в. в Чечне успешно выращивали картофель разных сортов: Американка розовая, Неженка белая и Брунель красная[29]. А.П. Берже писал о верхних районах реки Аргун: «Вся местность покрыта искусственными террасами, на которых сеяли пшеницу и кукурузу». «Под пашни, – писал П.Н. Раждаев про горную Чечню, – занято всё, что

только можно было распахать, кукуруза преимущественно перед всеми другими хлебами возделывалась во всех аулах, где позволяют климатические условия. Только в аулах, расположенных выше 4-х тысяч футов, преобладает яровая пшеница, овёс и ячмень, а на высоте 7000 футов высевается один ячмень, но он редко созревает и идёт на корм скоту»[30].

Ячмень произрастал на самых высоких и холодных горных участках[31]. Ячмень возделывался на всей чеченской территории. Однако наибольшее количество посевов ячменя росло в верховьях рек: Чанты-Аргуна, Шаро-Аргуна и Фортанги, где поля засевались преимущественно этим злаком. В 1878 году по официальным данным ячмень занимал первое место по всему горному Аргунскому округу[32]. В условиях сурового альпийского климата кукуруза уступала место ячменю. Пашни и покосы здесь были разделены на узенькие полоски и удобрялись навозом через каждые 3-5 лет[33]. Наиболее древними злаковыми на территории Чечни, по мнению И.Ю. Алироева, можно считать ячмень и пшеницу[34]. В Чаберлоевском наибстве, в конце 60-х годов XIX века возделывали особый сорт ячменя, очень похожий на гималайский[35]. В каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства входил и ячмень из Грозненского округа[36].

Н.И. Вавилов в работе, специально посвященной земледелию Северного Кавказа, основанной на собственном полевом материале, отмечал, что нельзя понять эволюцию пшеницы и ржи без Кавказа. По его мнению, некоторые виды пшеницы, обнаруженные в горах, «отмечаются поразительной стойкостью к болезням». Наличие таких качеств пшеницы, возможно, объясняется не только благоприятными климатическими и почвенными условиями, но и давней традицией ее возделывания. В VII – IX вв. пшеница была основной культурой у населения современной Чечни и Ингушетии. Об этом красноречиво говорит нахождение остатков растений пшеницы, наличие большого количества хозяйственных ям для зерна и зернотерок в культурных слоях городищ[37].

М.Х. Багаев, М.Г. Магомедов, В.А. Кузнецов с сотрудниками обнаружили обугленные зерна проса в культурных слоях городищ, датируемых VII – IX вв. на территории Чеченской Республики. В записях арабского историка XII в. Идриси просо упоминается как основная зерновая культура на Северном Кавказе. Табак попал в этот регион в середине XII в. Сюда его завезли турки, с которыми горские народы имели широкие торговые отношения. По некоторым сведениям кукуруза проникла на Чеченскую равнину из Грузии. Уже в 1830 г. кукуруза здесь являлась на-

иболее распространенным злаком, без которого, как отмечал Р.Ф. Розен, «население здесь не могло существовать»[38].

Овёс сеяли в ряде мест Аргунского округа, в частности в верховьях Шаро-Аргуна, где природные условия благоприятствовали произрастанию этой культуры. В Аргунском округе, Чантинском наибстве разводили особый сорт овса – чёрный, по весу и качеству далеко превосходивший обыкновенный овёс[39]. Чеченцы сеяли рожь по Аргуну, где она была известна под названием «чёрная пшеница». Упоминание о возделывании этого злака чеченцами мы находим лишь в конце XIX века и только у одного автора – Е. Максимова[40]. В долине реки Терек выращивали рис. Его посевы неуклонно расширялись, чему способствовала сеть оросительных каналов. Так, если в 1811 году было засеяно 501 и собрано 4840 пудов риса, то в 1835-м, соответственно, 14850 и 40 000 пудов[41].

Детей с 8-10 лет учили, на какую глубину надо пахать почву для кукурузы, проса, пшеницы; как сеять и когда убирать; как сохранить урожай без потерь. Дети практическим путем убеждались в возможности изменения природы многих растений. Так вместе с взрослыми, подростки и юноши участвовали в получении новых сортов плодовых растений. В частности обучались приемам прививки фруктовых деревьев и выведению новых сортов яблонь, груш, слив и т.д. Участие в этой работе способствовало проявлению творческого отношения к делу и служило важным условием развития познавательных сил[42].

Не смотря на прочные традиции горного земледелия, чеченцы уже имели давний опыт самостоятельного переселения на плоскость, где со временем обживались и были лучше обеспечены землёй, чем в горах[43]. На равнине Чечни, через которую протекает несколько рек и множество ручьёв, полив начали практиковать ещё в XVIII веке, в связи с развитием земледелия. Уже в это время здесь было несколько оросительных каналов[44]. В самый разгар Кавказской войны чеченское население в долине Сунжи ревностно обрабатывало свои поля и неохотно шло «на дело». Старые поселенцы на Тереке продали большую часть своего оружия казакам за полцены. Царской администрации приходилось даже штрафовать чеченцев за то, что они рисковали своей жизнью, отправляясь для обработки земли в опасную зону без оружия[45].

Многие краеведы отдавали дань уважения горцам, оценивая по достоинству их трудолюбие. Баранов Е., в своей статье «По Северному Кавказу» писал: «На горца принято смотреть, большей частью, как на лентяя, привыкшего жить грабежом и разбоем, и на все его жалобы не

обращается должного внимания. Но ведь всем же известно, что тот же туземец, «лентяй» и «разбойник», поселившись в глухих и диких дебрях гор, сумел, благодаря своей изумительной энергии и египетскому труду, создать из каменистой и безлюдной почвы гор участки пахотной земли, дающей урожай ячменя и даже пшеницу. К сожалению, это совсем не ставится в заслугу туземцу, и в глазах большинства он остаётся тем же «дикарём» с хищническими наклонностями, каким его узнали первые русские, когда он, с оружием в руках, защищал свободу своей родины»[46]. «Чеченцы трудолюбивее других кавказских народов. Когда чеченец дома, работает неусыпно» – писал другой очевидец[47]. Чеченцы были не только трудолюбивы, но и, обладая практичным умом, и умели использовать свой труд с максимальной выгодой.

Большие изменения происходили в структуре посевных площадей. Горцы и казаки стали возделывать культуры, которые пользовались большим спросом на рынке. Например, за 15 лет (с 1876 по 1891 год) площадь, занятая пшеницей, увеличилась у плоскостных чеченцев почти на 46%[48]. Земледельческое хозяйство чеченцев стремительно росло. В казачьих станицах урожайность пшеницы была низкой, что стимулировало горцев улучшать свою земледельческую производительность, благодаря чему рынок пшеницы становился постепенно чеченским[49]. О том, что пшеница в горной Чечне являлась в течение почти всего XIX века преобладающим злаком, говорят письменные источники. В работе А.П. Берже, например, относящейся к середине XIX века, утверждается, что пшеница занимает у чеченцев первое место. В отчётах начальников Аргунского и Веденского округов за 1870-75 гг. указано, что пшеница стоит на первом месте. В 80-90-е годы XIX века в Чечне в целом снижается количество посевных площадей под пшеницей в связи с резким увеличением посевов кукурузы[50]. Валовой сбор зерновых хлебов в целом по Северному Кавказу (без Дагестана) увеличился за 22 года (1875-1899 гг.) более чем в семь раз, тогда как по 50 губерниям европейской России он возрос менее чем в 2 раза. Начиная с 1887 по 1899 год валовой сбор зерна по всей Терской области вырос в два с лишним раза, с 1525785 до 3354185 четверти. С 1892 по 1896 год валовой сбор зерна в Грозненском округе увеличился на 100%[51]. По валовому сбору зерна в 1898 году Грозненский округ занимал первое место среди других округов, но по товарным излишкам на душу населения – почти последнее место. И хотя за 1891-1898 годы валовой сбор зерна на душу населения в Грозненском округе возрос с 1,98 до 2,34 четвертей, а чистый сбор с 1,79 до 2,16 чет-

вертей, это не сильно повлияло на ситуацию. Рост производства зерна на продажу и вывоз его за пределы Чечни отнюдь не являлся признаком повышения уровня материального благосостояния местного населения, а наоборот, происходил за счёт понижения потребления хлебопродуктов[52]. На равнине Северного Кавказа земледелие являлось ведущей отраслью хозяйства только у чеченцев[53]. Северный Кавказ, став житницей страны, был важным фактором в борьбе России с дешёвым американским хлебом на международном рынке[54].

До 1877 года, для обеспечения Кавказской армии продовольствием, приходилось его привозить из России. В условиях отсутствия современных путей сообщения, это было очень накладно. В связи с развитием сельского хозяйства на Кавказе ежегодно стали столько собирать зернового хлеба, что, за вычетом необходимого количества на посев и местную необходимость, оставалось значительное число зерна, часть которого и закупалась для армии. Также горцы поставляли Кавказской армии фураж и скот[55].

Из-за нехватки земельных угодий и в целях увеличения прибыльности производства горцы нередко брали у казаков землю в аренду. Урожай свой горцы-арендаторы, особенно жители горной полосы, чаще всего, реализовывали осенью, когда цены на кукурузу самые низкие, ниже среднегодовых на 10-15%. Засуха, град, саранча часто наносили большой ущерб посевам, далеко не всегда удавалось получить средний урожай. Сильным градом, 32 апреля 1871 года, у жителей села Алхан-Юрт, Грозненского округа, были истреблены посевы травы и озимый хлеб. Не смотря на тяжёлые условия, убыточный характер, аренда пахотных земель получила широкое распространение у осетинского, ингушского и чеченского крестьянства. Слабее она была развита у карачаевцев, кабардинцев, балкарцев. Горцы-арендаторы работали больше, но получали от земли меньше, чем даже мелкие крестьяне, владельцы земельных участков. Лишь безысходная нужда заставляла горцев арендовать землю на столь тяжёлых и невыгодных условиях.

Поскольку кукуруза давала наиболее высокие урожаи, во многих горских округах Терской области под её посевами была занята большая часть пахотных земель, в том числе и находящихся в аренде[56]. Можно предполагать, что уже в XVIII веке кукурузу сеяли почти повсюду на Чеченской равнине, отличавшейся весьма благоприятными климатическими и почвенными условиями. Специальные кукурузные базары во многих селениях Чечни обеспечивали хлебом не только при-

езжих горцев Чечни и Дагестана, но и соседних русских казаков[57]. На равнине высевали особые местные сорта кукурузы; до высоты 1100 метров над уровнем моря преобладали белые сорта, а от 1100 до 1500 метров – жёлтые. В ходе полевых исследований выяснилось, что в Чечне возделывалось свыше 20 местных сортов кукурузы[58]. К кукурузе подсевали бобы, рожь, пшеницу, дикий горошек, овёс. Особенно восторженно отзывался о кукурузных посевах Чечни царский офицер И.И. Норденстамм. «В 1832 г. мне случилось видеть, – говорил он, – в деревне Гехи кукурузное поле, на котором кукуруза была такой величины, что при проходе отряда нашей части конница въехала в одну полосу и всадников не видать было»[59].

У чеченцев были участки с картофелем и льном[60]. Просо возделывалось в чеченских сёлах: Ведено, Саясан, Ножай-Юрт, Мужичи и др.[61]. По сведениям 1876 года чеченцы Грозненского округа высевали 8 тыс. четвертей пшеницы, к 1888 году эта цифра возросла до 14035 четвертей, а к 1891 году – до 14815 четвертей. Таким образом, за 15 лет площадь посева пшеницы увеличилась на 46%. Кукурузы чеченцы посеяли: в 1890 году – 11020 четв., 1891 – 13667 четв., 1893 – 14113 четв. Посев проса с 1335 четвертей в 1888 году поднялся до 3378 четвертей в 1891 году; ржи с 61 четверти до 171 четверти, картофеля с 28 четвертей до 102 четвертей[62]. В 1888 году в Терской области на долю Чечни и Ингушетии приходилось 94,4% всей собранной кукурузы. Рост посевов кукурузы объясняется ещё тем, что она находила спрос в соседнем Дагестане, Владикавказе и Ростове. Экспортировалась она через Петровск в Иран. По данным статистики перевозки хлебных грузов по Владикавказской железной дороги (1894-1900 гг.) видно, что к началу XX века по станциям Гудермес и Самашкинская кукуруза составляла до 90 %, а по станциям Гудермес и Грозный 60-70% всех хлебных грузов[63].

В России кукуруза возделывалась на Кавказе, в Бессарабии и Подольской губерниях. В 1896-97 годах в России было всего собрано 58 млн. пудов кукурузы, а вывезено за границу 23% от чистого сбора. В 1897-98 годах сбор достиг 110 млн. пудов. За границу уже экспортировали 47 млн. пудов. По сравнению с первой половиной 70-х годов XIX века, в 1891-95 годах средняя цена кукурузы понизилась на 1/5, а в 1896-97 годах на 1/3[64]. …Государство было крайне заинтересовано в наращивании севооборота и сбора зерна на Кавказе. Для этого правительство принимало некоторые меры. Например, областное правление ежегодно приобретало и раздавало населению семена различных сельскохозяйс-

твенных растений для проведения опытных посевов на участках с разными ландшафтными и климатическими условиями. Министерство земледелия и государственных имуществ открыло для руководства Терской области кредит в 500 рублей, для закупки семян, чтобы обеспечить ими местное население[65]. С 1888 года в Терской области, при правлении, стал работать областной агроном[66].

Сельскохозяйственные общества Предкавказья по направлениям и районам деятельности, в силу условий развития местной экономики, дифференцировались на общие и специальные, самостоятельные и вспомогательные. Деятельность общих сельскохозяйственных организаций была посвящена актуальным проблемам развития хозяйства в целом, специальные – служили интересам какой-либо отдельной отрасли хозяйства (садоводству, виноделию и т.п.). Общества сельского хозяйства, стремившиеся решить насущные проблемы местной экономики, являлись самостоятельными. Немало было проделано обществами для организации и упорядочения сбыта сельхозпродукции не только внутри области, но и за ее пределами. Все эти меры объективно способствовали повышению рентабельности сельского хозяйства на Северном Кавказе.

Особо следует отметить работу обществ по проведению сельскохозяйственных выставок. Эта форма деятельности включала в себя сложные мероприятия научного и практического характера, требовала значительных финансовых затрат, большого опыта. В целом, проведение выставок в конце XIX в. – начале XX в. стало ярким событием общественной и экономической жизни Терской области, вызвало неподдельный интерес у широких слоев населения[67]. Во Владикавказе в 1898 году открылась первая Терская сельскохозяйственная выставка. На ней в отделе животноводства демонстрировались породы: как местных животных, так и завезенных из Центральной России.

В Терской области в 80-90-х годах XIX века увеличивалось количество садов, улучшалось качество различных видов деревьев. Деревья облагораживались посредством прививки и окулирования; завозились новые сорта из Крыма и других центров садоводства. В Грозном был основан специальный рассадник полезных растений, ставший опытно-показательным хозяйством. В нем насчитывалось 15 тыс. виноградных лоз и несколько тысяч фруктовых деревьев. Сюда за саженцами приезжали жители Чечни, Ингушетии и Дагестана[68].

Не смотря на применение новейших методов в сельскохозяйственном производстве, земледелие по-прежнему основывалось на многове-

ковых основах. По древней традиции, время начала сенокоса и жатвы у чеченцев устанавливали старейшины села. Праздник «выхода плуга» был всеобщим и обязательным. Первую борозду проводил мулла или наиболее состоятельные жители села[69]. Календарный цикл сельскохозяйственных земледельческих работ казаков был полностью заимствован у горцев. Так, например, праздник «выхода плуга» имел много общих черт с аналогичными обрядами горцев Чечни[70].

Гребенцы, вплоть до второй половины XIX в., широко пользовались тяжелым деревянным плугом грузинского типа, заимствованным ими у жителей низовьев Терека и Сунжи. Казаки восприняли у горцев также молотильные доски, бытующие до сих пор еще в Нагорной Чечне, Дагестане и других районах Кавказа. Чеченцы, жившие на равнине, стали применять плуги, бороны, серпы фабричного производства, а также шести – восьмигранные каменные катки для молотьбы, заимствованные у русских и казаков[71].

Горцы научили казаков приемам длительного хранения зерна в специальных зерновых ямах[72]. В Чечне были свои традиции хранения зерна. В некоторых случаях его хранили в больших глиняных кувшинах. Более оригинальным являлся стволовой способ. Хранение зерна в дупле на Кавказе было присуще только чеченцам. Изготовление дупла требовало определённых навыков. Найденный в лесу ствол сначала срезали пилой, очищали от шелухи, выдалбливали, а затем выжигали и ставили дощатое дно. В Ножай-Юртовском районе, например, многие хозяева имели несколько дупел разных размеров, вместимостью от 2-х мешков до 3-х центнеров зерна[73].

Хранение зерна в дуплах деревьев – была одной из древнейших чеченских традиций. Подобные деревянные сосуды встречались в быту и у других северокавказских народов, однако они использовались у них не для хранения зерна, а для других хозяйственных нужд. Представляет несомненный интерес тот факт, что способ хранения зерна в дуплах деревьев восходит, по крайней мере, к 1 тыс. до н.э., – тогда его использовали жители горных районов Древней Греции, о чем сообщают античные авторы. В Древней Греции и Риме, а также у меотов в период древнегреческой колонизации территории Восточного Причерноморья для хранения зерна широко использовались кожаные мешки и разнообразные глиняные сосуды: пафосы и амфоры достаточно большой емкости. В Чечне также хранили зерно в кожаных мешках и больших глиняных кувшинах. Здесь прослеживается прямая аналогия способов

хранения зерна у античных народов 1 тыс. до н.э. и северокавказских народов[74].

Многие земледельцы продавали своё зерно практически сразу после сбора урожая. Мелкие скупщики сами передвигались по аулам и станицам и скупали хлеб у тех хозяев, которые не имели возможности его хранить, или транспортировать на областные рынки[75]. Вайнахские орудия обработки почвы были весьма разнообразными: от наиболее архаичных (палка-копалка), с помощью которых, возможно, земледелие делало свои первые шаги, до сравнительно поздних, появление которых связано с внедрением в сельское хозяйство края орудий фабричного производства. В XIX веке «палка-копалка» сохранилась только в Ичкерии – самой восточной области Чечни. И. Огранович, побывавший в Ичкерии в 60-х годах XIX века, писал, что «острой палкой делают углубления в земле и кладут туда зерно». Отметил её бытование у чеченцев и Н.Ф. Дубровин. Географ П.И. Знаменский в конце 1920-х годов наблюдал, как это орудие использовали в некоторых районах Чечни при обработке почвы. «Где кочковатая поверхность, – писал он, – не позволяет вспашку земли плугом, не изжита ещё мотыга и, что ещё удивительнее, обыкновенная палка с обожённым концом»[76]. Палкой-копалкой обычно пользовались при обработке только что расчищенного от леса участка земли, где многочисленные корни деревьев не давали возможности работать плугом. Обычно участок обрабатывали после дождя, когда почва становилась мягче. Это орудие представляло собой, обычно, кол длиной 175-180 см., в большинстве случаев сделанный из граба. Конец его обжигался. «Палку-копалку» в основном использовали при посевах кукурузы, фасоли, огурцов, тыквы и других растений, требующих гнездовой посадки. Крестьянин делал лунки на равном расстоянии одна от другой. В лунки помещались семена, а затем их затаптывали пяткой ноги[77].

В высокогорье, где земельный голод ощущался особенно остро, земледельцам приходилось отвоёвывать у суровой природы каждый клочок земли. Выдолбленная на голой скале мизерная терраска с искусственной почвой называлась у вайнахов «ага». Для ежегодного расширения такой терраски и для подготовки на ней почвы для посева использовали мотыгу-кирку. Мотыга для прополки представляла собой четырёхугольную металлическую пластину, надетую на длинную ручку при помощи двух черенков. Стремление удлинить рабочую часть объясняется тем, что в народе существовало поверье, будто растение боится и сжимается, когда над ним заносится лезвие, а это вредно сказывается на урожайности.

Земледелец никогда не становился лицом к солнцу, а старался стать так, чтобы его тень ложилась на уже обработанные всходы, так как даже движение тени, якобы, может повлиять на урожайность[78].

Большим своеобразием отличались бороны в Чечне, что было вызвано, по-видимому, более высоким уровнем развития земледелия и давними традициями возделывания кукурузы на больших площадях[79]. У вайнахов есть целый ряд вариантов бороны. Борону они использовали в основном для улучшения структуры почвы перед севом, а также для прореживания посевов, сбивания сорняков, уплотнения почвы после посева, что, с точки зрения народной агротехники, способствовало задержанию в почве драгоценной влаги, уносимой суховеями. Надо признать, что уплотнение верхнего слоя после сева, хотя и примитивными средствами, в районах, подверженных частым засухам, для XIX века было немалым достижением[80].

В конце XIX века, под влиянием русских переселенцев, появились четырёхугольные рамные деревянные бороны с двумя и тремя перекладинами. В то же время стали применять бороны с железными зубьями местного и фабричного производства. С 80-х годов XIX века по всей Чечне стали широко распространяться серпы фабричного производства, вытеснившие постепенно местные традиционные серпы. Значительным событием следует считать появление почти в то же время фабричной косы, применявшейся как у русских, с приспособлением для укладки жатвы. Перевозка хлеба домой, где это было доступно, производилась в любое время года на санях. Особенно распространён был этот метод в горах[81]. Исследование показывает, что чеченцы и ингуши плоскостной зоны широко применяли деревянные плуги кумыкского, украинского, кабардинского и отчасти русского типов. Плуги фабричного производства стали проникать в Чечено-Ингушетию с 80-х годов XIX века. Это были плуги различной конструкции и различных наименований: болгарский, немецкий и др.[82]. В конце XIX – нач. XX вв. в Чечен-ауле, Шали, Бачи-Юрте, Белгатое и в других равнинных сёлах Чечни, на смену тяжёлому плугу, который обслуживало 4 человека, пришёл однолемешный фабричный плуг, в который впрягали наряду с волами и буйволами и лошадей.

Возрастающее значение в реализации хлебных продуктов приобретала и мукомольная промышленность края. Судя по многочисленным фольклорным данным, появление водяных мельниц у народов Северного Кавказа относится к очень глубокой древности. Водяные мельницы

составляли большей частью собственность наиболее состоятельных крестьян, а также родственных семей[83]. Горцы мололи на своих водяных мельницах в основном кукурузу, ячмень, овёс и пшеницу. Хозяин мельницы получал десятую меру от обмолоченного зерна. Мельницы строились без единого железного гвоздя[84]. Иногда мельницы ставились прямо на реке. Так, была описана водяная мельница, установленная на двух плотах и приводимая в действие течением Терека. Замысел этой постройки применялся в тех местах, где река была подвержена подъемам и падениям уровня воды через равные промежутки времени[85]. Существенным показателем товарного производства является появление паровых мукомольных мельниц. В 70-80 годах они начали все активнее строиться в регионе. Так, в 1878 году известный чеченский капиталист Башаров построил в Грозном большую паровую мельницу, которая перерабатывала продукцию более чем на 62 тыс. рублей[86]. После 80-х годов XIX века у богатых чеченцев появились конные, а затем и паровые молотилки зерна. Казаки заимствовали у своих горских земляков орудия молотьбы – круглые и граненые деревянные и каменные катки[87].

Наибольшее количество лесопилен в 1893-1903 годах имел Веденский и Грозненский округа, а также город Грозный, что было также характерно и для мельниц[88]. Сравнивая темпы внедрения новой сельскохозяйственной техники в Европейской России и на Северном Кавказе, видно, что этот процесс на Кавказе происходил значительно интенсивнее[89]. В 1898 году Терским обществом сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности была устроена выставка в городе Владикавказе, а в 1899 году открыт склад земледельческих машин и улучшенных семян, которыми стали пользоваться местные земледельцы[90]. С января по август 1902 года склад продал товара на сумму 32468 рублей, из них наличными – 25330 рублей. В конце 90-х годов XIX века сельскохозяйственных машин становится в Терской области всё больше.

На заседании специальной комиссии по выработке мер к поднятию экономического положения казачества в 1898 году, губернский секретарь Вертепов среди причин, тормозящих развитие хозяйства казаков, отметил полнейший застой в земледельческой технике: «Избыток земли, – заявил он, – не побуждает казака совершенствовать земледельческую технику. Обработка полей прадедовскими способами, при постоянной погоне за ценными землями, привела к истреблению травянистой растительности и вообще к разрыхлению верхнего плотного слоя земли. Беспорядочное пользование землёй сделало её бездоходной»[91].

В Чечне издавна развивалось овощеводство и бахчеводство. На Чеченской плоскости высаживались огурцы, арбузы, дыни[92]. Для фруктов и овощей зачастую не выделяли отдельных участков, а из-за недостатка земли, сажали их прямо между кукурузой. Огурцы рассаживали и в горах Чечни, где климатические условия благоприятствовали этому[93]. Горная зона Чечни, впрочем, как и равнинная, кругом закрыта горными хребтами, которые защищают ее от губительных холодных северных ветров. Благодаря этому здесь произрастают многие культурные растения. Невероятно, но факт: посевы кукурузы – весьма теплолюбивой культуры «поднимались» почти до 2 тыс. метров над уровнем моря[94].

В конце XIX века в Чечне насчитывалось 258 сравнительно крупных садовых хозяйств, владельцы которых занимались сбытом свежих и сушеных плодов. 223 из них находились на территории Веденского округа, а 35 – в Грозненском округе[95]. В 1893 году в Терской области было собрано арбузов и дынь 8399 тыс. пудов, из которых на Чечено-Ингушетию приходилось 5963 тыс. пудов или более 71%. Из 11млн. пудов огурцов, собранных в том же году, около 8 млн. приходилось на Чечню и Ингушетию[96]. По продаже овощей Грозненский округ занимал первое место в Терской области. В Грозненском округе было продано овощей в 1894 году на сумму 4800 рублей, в 1895 эта цифра выросла до 4907 рублей, а в 1896 году увеличилась до 12620 рублей[97]. В конце XIX века у чеченцев появляются европейские огородные культуры, такие как помидоры, капуста, картофель, редис и др.[98]. В 40-х годах XIX века в Предкавказье началось постепенное внедрение картофеля. Как и по всей России того времени, оно проводилось методом принудительных мер и шло медленно. Урожаи из-за плохой обработки земли были низкими. И, тем не менее, производство картофеля возрастало из года в год[99]. Горцы использовали картофель не только для приготовления различных блюд, но и кормили им домашних животных. Крупному рогатому скоту картофель давали в вареном виде, а овцам и козам – в сыром[100].

В 1896 году в Терской области было продано продуктов огородничества на 452,7 тыс. рублей, ягод на 33 тыс. рублей. Фруктов в этом году собрали 35,1 тыс. пудов. Таким образом, в условиях развивающегося товарного хозяйства даже такие в основном натурально-потребительские подразделения сельского хозяйства, как огородничество, не говоря уже об отраслях специально-торгового земледелия, всё чаще и чаще поставляли свою продукцию на рынок[101].

Исторические документы, работы дореволюционных исследователей свидетельствуют о том, что в Чечне издавна было развито садоводство. «Садоводство прежде процветало, чему очевидным доказательством служит множество садов, которыми окружены развалины аулов, – писал в середине XIX столетия И. Иванов. – Лет пятнадцать тому назад сады приносили хороший доход своим хозяевам, возившим множество свежих и сушёных плодов в Кизляр и Моздок на продажу»[102].

В 1819 году по приказу генерала А.П. Ермолова были уничтожены прекрасные сады жителей селения Дада-Юрт. Чеченские садоводы уже в те времена делали прививки фруктовым деревьям особым способом и очень умело выращивали саженцы грецкого ореха[103]. Исходя из своих личных наблюдений, участник Кавказской войны генерал Левашов, интересовавшийся ранней историей северокавказских народов, также отмечал, что одним из главных занятий жителей Чечни являлось садоводство[104]. Значительное количество фруктовых садов было в восточных чеченских районах и в Грозненском округе. Своими садами особенно славились сёла Гехи и Герзели[105]. Из плодовых деревьев в горах Чечни разводили: груши, яблоки, сливы, вишни, айву, алычу, персики, кизил, тутовник и виноград. Восточная Чечня была знаменита своими ореховыми рощами[106]. Ножай-Юртовский район отличался обилием лесов и ореховых деревьев, его часто называли «ореховым раем». Орех служил здесь для населения значительным источником дохода. Его сбывали в немалом количестве не только в самой Чечне, но и на рынках соседних областей и губерний[107]. Веденский район отличался большим количеством цветов, высаженных в селах. Н.Я. Динник, путешествуя по Чечне, отмечал в своём исследовании: «Путешествие от Эрсеноевской станции до Ведено доставило нам только удовольствие. На протяжении 25 вёрст тянется хорошая шоссейная дорога, – писал он. Во дворах Ведено много цветников, все стены и плетни скрываются в густой зелени роз. Многие дома почти не видны за окружающими их садами и цветниками»[108].

Облагораживание диких сортов винограда началось изначально в Малой и Передней Азии и в Египте с IV тысячелетия до н.э. Однако в междуречье Тигра и Ефрата виноградное вино появляется позже, и до начала II тысячелетия до н.э. не имеется бесспорных свидетельств о его производстве[109].

Практически в каждом чеченском селе выращивали виноград. Одна его часть шла на продажу, другую употребляли в пищу, а из остальной, делали варёное вино (джану)[110]. Виноградники, разведённые в Самаш-

кинской станице, Умахан-Юрте и Новом Юрте занимали в общей сложности 145 десятин. В Умахан-Юрте получали в год до 4000 вёдер вина. Сады были засажены отличными лозами из брагуновских садов, ранее вывезенных из Дербента. В Новом Юрте виноград считался более высокого качества, урожай доходил до 25000 вёдер вина в год[111]. Жители Брагуновского селения обрабатывали в значительном количестве бочечные трости – деревянные дощечки, из которых бондари составляли бочки. В чеченских селениях насчитывалось 17 лесопилен для приготовления досок и распилки бочечных тростей. Лесопильни действовали за счёт силы воды. Основной сбыт тростей приходился на город Кизляр[112]. На Кавказе под культуру винограда была отведена самая обширная площадь в России[113]. В 1875 году в Грозненском округе насчитывалось 318 виноградных садов (212 десятин земли), дававших 2217 вёдер вина. В 1882 году в Грозненском округе было сделано 120863 вёдер вина. В 1896 году по Сунженскому отделу Грозненского округа общая площадь виноградников составляла 232 десятины, было изготовлено 3468 вёдер вина.

К началу XX века среди чеченцев выделились крупные владельцы виноградных плантаций. Так, Мага Эльбуздаков из села Новый Юрт имел 13400 кв.сажень виноградников, Сатабаль Сатаев – 1900 кв. сажень, Якуб Давлетов – 1200 кв. сажень[114]. В целом, не смотря на существенные перепады в реализации винограда и его продукции, местные производители получали от этой отрасли хозяйства всё больше и больше дохода. Средняя цена винограда составляла 1 коп. за фунт. Одна десятина виноградника давала до 200 вёдер вина в год. Чистый доход с 1 десятины составлял 50 рублей. Вино горцы в основном продавали в крупных городах, штаб-квартирах полков и в казачьих станицах[115].

Северный Кавказ отпускал по Владикавказской железной дороге больше товарного вина, чем Закавказье – по Закавказской дороге. С 1896 г. и вплоть до начала Первой мировой войны лидером вывоза вин с Северного Кавказа была станция Хасав-Юрт. По объёмам перевозок к ней не смогла приблизиться ни одна из крупных станций Владикавказской железной дороги. Вино вывозилось по железной дороге через Петровск по Каспийскому морю на Нижегородскую ярмарку. Важным недостатком перевозок по железной дороге были кражи вина в пути. Хорошо оборудованных зданий для выделки и хранения вина в округе не было[116].

Продукты садоводов и огородников из Терской области часто экспонировались на выставках и получали заслуженные призы и награды. В 1896 г. в Нижнем Новгороде была открыта XVI Всероссийская торгово-

промышленная и художественная выставка. В застекленной оранжерее Центрального зала Отдела садоводства, плодоводства и огородничества демонстрировались экспонаты по садоводству, а налево – свежие фрукты и ягоды. Из 44 экспонатов этой группы – 15 выращено на Кавказе, что соответствовало тому значению, которое приобрел этот регион в деле садоводства[117]. 2 сентября 1901 г. в г. Тифлисе открылась Кавказская сельскохозяйственная выставка. В отделе виноградарства и виноделия широко экспонировались виноград и вина, производимые на Северном Кавказе. Терскую область представляли А.И. Ткачёв (бронзовая медаль), Н.Г. Абрамов, А. Алханов, С.А. Улаев, М.Х. Мугдусиев – они выставляли вина рислинг, токай, пино-блан, токайское десертное, кизлярское[118].

Табаководство также стало стремительно развиваться на Кавказе в пореформенный период. Россия принадлежала к числу тех стран, в которых производство табака превосходило его потребление. С 1881 по 1896 год произошло увеличение количества производимого табака на 73%, а табачного дохода на 190%. С 1865 по 1896 год наивысшего развития в стране культура табака достигла на Северном Кавказе, в пределах которого площадь плантаций возросла с 141 десятины до 12045 десятин. Россия, по размерам производства табака уступала в мире только Австрии. На долю Кавказа приходилось 200000 пудов выращенного табака в год[119].

Табачное сырьё весьма высокого качества давали России Кавказ, Крым и Бессарабия. Большим спросом первоначально пользовался бессарабский табак, но потребность в нём снизилась из-за сильного развития табаководства на Северном Кавказе. Хотя в России преобладало курение папирос, но на табачных фабриках главную статью производства составлял курительный табак, т.к. потребители предпочитали готовить папиросы домашними средствами, используя для этого готовые бумажные гильзы для папирос[120]. Разводимый в России табак принадлежал преимущественно к низшим сортам и употреблялся бедными слоями населения (махорка, бакунь). Высшие, ароматические сорта возделывались главным образом на Северном Кавказе. По свидетельству Н. Данилевского уже в начале XIX века табак в изобилии произрастал на Кавказе[121]. Курение табака было прекращено в период имамата Шамиля. Но с ростом спроса на него на рынке, табаководство также стало возрождаться[122]. Чеченцы и ингуши разводили табак ещё в XVIII веке. Табак низшего качества (махорка) предназначался не только для курения, но чаще всего для мойки шерсти и овец[123].

Широкое распространение табаководства на Северном Кавказе пришлось на 60-е годы XIX века. Только за 1865-1878 годы площадь табачных плантаций увеличилась на Северном Кавказе с 141 до 4370 десятин, то есть возросла более чем в 30 раз. Сбор табака составлял 5,2 тыс. пудов. Уже в 1868 году в рапорте местных властей в акцизное управление отмечалось, что табаководство развивается не только на равнинной Чечне, но и в горах[124]. В 1863 году статьёй устава об акцизе, был запрещён сухопутный провоз во внутренние губернии России из Закавказья иностранного табака, как в готовом, так и в сыром виде. Прежде всего, этот запрет коснулся турецкого экспорта[125]. Кавказские мухаджиры, в большом количестве покинувшие Россию в 1865 году, в Турции обогатились опытом по выращиванию табака местных сортов и при возвращении на родину его активно использовали. Когда мухаджиры стали возвращаться в Терскую область, они контрабандно принесли с собой семена лучших сортов турецкого табака, которые охотно скупали у них местные табачные фабрики[126]. Для поощрения развития табакопромышленности в Терской области и для борьбы с нелегальным ввозом турецкого табака, император разрешил с 22 апреля 1870 года ввозить на Кавказ сырой иностранный табак[127]. В 1872 году начальник Грозненского округа сообщал, что «погода Чечни благоприятствует разведению табака» и просил управление «выписать из Турции…лучших табачных семян трёх сортов: кеобека, самсона и трапезонда. Для разведения их в крае». Табаководством занимались и в горных районах Чечни. В основном там сеялся табак сортов трапезонд и самсон, дававшие урожай превосходного качества. Средни доход с 1 десятины доходил до 180 рублей. Собранный табак частично перерабатывался на местах, а частично продавался в город на табачные фабрики. С 1862 по 1865 годы на Северном Кавказе существовало только две табачные фабрики. К 1869 году их количество увеличилось до 18. В Терской области в 1869 году работало 6 табачных фабрик, 3 из которых находились во Владикавказе. Фабрики по производству курительного табака высших сортов были сосредоточены в основном в Ростове на Дону[128].

В конце 80-х годов XVIII века группа чеченских капиталистов предполагала устроить в Грозном завод для обработки табака с местных плантаций[129]. В 1890 году атагинские табаководы основали в Грозном, с использованием наёмной рабочей силы, табачную фабрику по переработки местного табака[130]. Выходцам из Старых Атагов – Садуку Нааиаеву и Музе Магиеву было разрешено на этой фабрике перераба-

тывать только местный чеченский табак, ввоз табака из-за границы им запрещался[131].

Высшие сорта табака разводили в Грозненском округе Терской области. Одним из высших ароматических сортов был трапезонд. Он причислялся к «жёлтым» табакам, идущим на изготовление папирос. По официальным данным в 1872 году в чеченских селениях: Шали, Старые Атаги, Гойты и других было собрано 83 пуда табака, а в 1876 году уже 115 пудов. В 1872 году в Грозненском и Владикавказском округах собрали 1200 пудов табака, что на 10% было больше предыдущего года. Самым лучшим считался табак из Атагов[132]. Не смотря на трудности выращивания табака, в 90-е годы только в Старых Атагах занимались табаководством 414 хозяйств, которые получали несколько сот пудов табака в год[133]. Получившийся табак, имевший ряд великолепных достоинств, сбывался частью на областные фабрики и фабрику «Фортуна» (в Петровск), частью употреблялся самими горцами, а частью распространялся контрабандным путём среди окрестного населения и во Владикавказе. Внутренняя контрабанда была связана с тем, что с 1868 года был введён акциз с табака и торговые пошлины, официально торговать им стало невыгодно. Путевые издержки и введённые пошлины приводили владельцев табачных фабрик к банкротству. Некоторые из них полностью прекращали торговлю. Другие стали завозить в Терскую область иностранный табак под видом местного. Широко стала распространяться контрабанда иностранного табака[134]. Тем не менее, не смотря на все налоговые трудности, производство табака в Терской области продолжало расти. Если в 1876 году собрали только 115 пудов табака, то в 1886 году сбор уже составил 2243 пуда, а к 1889 году он достиг 2988 пудов. Число плантаций с 277, бывших в Грозненском округе в 1886 году, возросло до 981 – в 1889 году; количество земли под табаком за то же время увеличилось с 32 до 36 десятин[135].

Богата разнообразными природными ресурсами была кавказская земля. На заседании Кавказского отдела Императорского русского технического общества, 9 октября 1871 года. Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов заметил, что насколько богата местность в низовьях Терека, можно видеть из того, что 17000 десятин земли вокруг Кизляра производят на 1,5 млн. рублей вина, марены и риса. Марену на Кавказе начали возделывать в начале XIX века. Она являлась прекрасным красителем для любого вида пряжи. До 1874 года мареневодством в Терской области занимались в значительных размерах в основном жители Грозн-

ненского, Кизлярского и Хасав-Юртовского округов. Семена марены из Грозненского округа были представлены в каталоге коллекций Кавказского общества сельского хозяйства[136]. Кавказское общество сельского хозяйства содействовало разведению марены. Обществом были составлены и разосланы по краю чертежи и описания мельниц, используемых в Голландии и Франции для перемола корней марены и приготовления крапа, а также бесплатно были розданы семена марены. Кавказская марена была послана в Москву, где по лабораторным исследованиям, произведенным химиками и фабрикантами, было найдено, что она содержит гораздо более процентов красильного вещества, чем голландская или французская, и фабриканты нашли более выгодным покупать кавказскую марену, нежели иностранную. Марену стали разводить чеченцы Старого и Нового Юрта, а также гребенские казаки[137]. Ежегодный сбор марены доходил до 80 тыс. пудов. В 1877 году в Терской области мареной было засеяно до 250 десятин, сеяли также и пеньку[138]. В Дербенте и Кубе, где марена находила первоначальный сбыт, торговля ею сосредотачивалась в руках немногих скупщиков, которые, пользуясь монополией, понизили цену до того, что марена перестала приносить прибыль и не могла окупить издержки производства. С 1874 года из-за границы в Россию стали ввозить более дешёвый, чем марена, синтетический краситель алезарин. Алезарин вытеснил марену, а её производители разорились, продав в 1874 году из 80 тыс. пудов марены только 57580 пудов[139].

Производство мёда на Кавказе также было развито в значительных количествах. К числу древнейших хозяйственных занятий чеченцев, как и всех нахов, относится пчеловодство (в более отдаленные времена – бортничество). В 1588 году феодал Шихмурза в список своих услуг русскому царю внес мед, дарованный им терским воеводам. «Медвяной ясак» возили в Терский город жители Мичкизского и Шибутского обществ Чечни[140]. В Российской империи, только на территории Кавказа получение мёда носило промышленный характер. По приблизительным расчётам там располагалось более 1,5 млн. ульев[141]. В 1896 году в Грозненском округе насчитывалось 17705 ульев[142].

По свидетельствам знатоков, кавказская пчела, в отличие от российской, почти не кусалась, отличалась «незлобивостью, кротостью». Желтая кавказская пчела была впервые открыта для россиян знаменитым русским естествоиспытателем Палласом в 1773 году во время его путешествия по Кавказу, совершенному по поручению Екатерины II. Экземпляр этой пчелы хранится в Берлинском зоологическом музее[143].

Мёд из Терской области был ароматен, нежен и в нём почти не было той остроты, которая была при повышенном содержании муравьиной кислоты. Терский воск также отличался своими достоинствами: лёгкостью, зернистостью и отсутствием смолистых веществ. Он не уступал по своим качествам алтайскому пчелиному воску. Мёд и воск скупали у населения приезжие «шабаи», а затем они его сильно разводили всякими примесями и пускали в продажу[144]. У чеченцев мед скупали приезжие армянские и азербайджанские купцы[145].

В 1873 году пчеловоды области получили 11 тыс. пудов мёда и около 3 тыс. пудов воска, что составляло 160 тыс. рублей годового дохода. В Чечне, в горной зоне, пчеловодство было сосредоточено преимущественно в селениях: Шатой, Борзой, Варанды и других. По данным за 1873 год, в Веденском округе пчеловодством занималось до 200 хозяйств, имевших 2795 ульев-сапеток. Через 3 года (1876 год) число жителей, занимавшихся данным промыслом, составляло уже 320 человек[146]. В 80-х годах XIX века пчеловодство процветало в селениях Цацан-Юрт, Алхан-Юрт, Куллары, Валерик и особенно в Ачхой-Мартане. В отдельных чеченских хозяйствах было по 100 и более ульев[147]. В Итум-Кале некоторые чеченцы держали до 200 ульев и получали от каждой из них по 25-30 кг. меда. Чеченцы занимались пчеловодством в значительно большем размере, чем кабардинцы, осетины и кумыки. Особенно пчеловодство было развито в предгорной полосе Чечни[148].

Наступление капитализма коснулось также и пчеловодства. Производство мёда и воска постепенно сосредотачивалось в руках сельской буржуазии. У Якорсаева из Шами-Юрта было 100 ульев, у Гочаева Тейсурко из Ачхой-Мартана – 140 ульев, у Айдемирова Хассау из Ножай-Юрта 100 ульев. Скупщики выкупали по низким ценам у владельцев мёд и воск и переправляли его на рынки для перепродажи[149].

Пчеловодством занимались в основном старшие мужчины семьи, иногда привлекая к этой работе женщин. В их обязанность входило следить за роями, ухаживать за ними и размещать. Если в дом приходил гость, то они разводили костер из мокрой соломы и дымом умерщвляли пчел. Летом ульи выставляли в сады, а зимой складывали один на другой в теплом месте[150]. Был у горцев и особенный «ставленый» мед, в которые иногда примешивали так называемый «бешеный» или «пьяный» мед. Этот мед весьма умеренно употребляли во время застолий[151].

Наравне с земледелием в регионе было хорошо развито и скотоводство. Окончание войны и предпринятые царизмом меры по ослабле-

нию экономических санкций в отношении вайнахских так называемых «немирных горцев» привели к некоторому оживлению животноводства в регионе. Ландшафтно-климатические и исторические условия, традиционные институты хозяйствования народов Северо – Восточного Кавказа, распространение торгово-рыночных отношений способствовали развитию скотоводства в Терской области. В пореформенный период, по количеству крупного рогатого скота к количеству населения, Терская область занимала первое место на Кавказе. По количеству же лошадей и овец она уступала первенство Ставропольской губернии[152]. В 1875 году в Терской области насчитывалось: лошадей – 110866 голов, крупного рогатого скота – 516368; овец и коз – 1191455; буйволов – 26617; свиней – 37513 голов. По отношению ко всему населению, на каждые 10 человек приходилось: 2 лошади, 10 голов крупного рогатого скота, овец и коз более 22 голов.

В Терской области также существовала специализация различных регионов по производству скота[153]. Чеченское население специализировалось на земледелии, однако, когда крохотные участки земли перестали обеспечивать людей прожиточным минимумом, чеченцы вынуждены были более пристальное внимание уделять животноводству, дававшему возможность выпасать скот на общественных пастбищах[154]. Содержание скота приносило людям: 1)молоко; 2)приплод, мясо, шерсть; 3)рабочую силу; 4)навоз, употребляемый на кизяк; 5)навоз и золу от кизяка, для удобрения земли. Кавказская трава и горные пастбища давали возможность получать безукоризненно высокие сорта молока, сыра и масла, которые могли стать конкурентоспособными даже на мировых рынках[155]. На Кавказе телят никогда не резали, а оставляли их до конца дойного периода. Мясо и шерсть, полученные в Терской области, охотно раскупались в соседних регионах и даже поступали на крупнейшие ярмарки России.

Отходы скотоводческого производства также использовались коренными жителями в домашнем хозяйстве. Кизяк, изготовленный из помёта, употреблялся в виде топлива в тех местах, где нет дров. В безлесных местностях области кизяк пользовался большим спросом и являлся предметом купли и продажи. Кизяк горел медленно и держал тепло в помещении очень долго. Полученную в ходе отопления золу жители использовали для удобрения своих полей. Таким образом, получалась цикличность безотходного сельскохозяйственного производства[156].

Горное скотоводство имело свои особенности. В горах увеличение количества скота имеет свой предел в силу топографических

условий местности, не позволяющих запасаться на зиму достаточным количеством сена и гуменных кормов[157]. На высоких горных плоскостях лето коротко, продолжительность растительного периода ограничена, сила солнечного освещения не велика. Хозяйства нуждались в больших кормовых запасах, зимнее содержание скота обходилось дорого. На низменности же лето продолжительное и знойное; трава нередко выгорает и пастбища оголяются. Зато зимнее столовое содержание скота весьма непродолжительно и обходилось дёшево[158]. Переведённый на низменность с солончаковой растительностью, с водопоем на озёрах, горный скот нередко заболевал и погибал[159]. Движение скота в горы, с целью выпаса у подножия перевалов начиналось с конца мая и продолжалось до октября. Когда температура понижалась и начинал идти снег, выпас скота прекращался и он снова возвращался на зимние стоянки[160].

В Чечне, на постоянных сенокосах травы накашивалось очень мало, в среднем её приходилось на двор около 5-6 возов. Во время уборки сена соблюдалась большая бережливость. Всякая былинка, пригодная на корм, срезалась серпом, выдёргивалась руками и относилась на плечах домой, где просушивалась и складывалась в копны на крышах домов или в сараях[161]. Плохое состояние коневодства объясняется недостаточностью зимнего корма. Редкий житель в селе имел 2-3 лошади[162]. Лошадям чеченцы давали в корм не овёс, а кукурузу и ячмень[163]. В основном кукурузным стеблем горцы Северного Кавказа кормили скот. Осенью они часто пускали скотину прямо на кукурузные посевы – для пастьбы[164]. Чечня была богата сероводородо – солёными источниками, что также использовалось местными жителями в животноводстве. «Чеченцы, – пишет В. Маркович, водою этих источников поят баранту и скот, который приобретает от неё усиленный аппетит, вследствие чего питание скота увеличивается и он становится жирным и вообще бодрым»[165]. Лучшей соломой в Терской области считалась просяная, за ней ячменная, овсяная, далее пшеничная и ржаная[166]. Простые русские люди заимствовали название альпийских нагорных пастбищ у горцев. Они стали их называть «Яйла» (от чеч. «плоскогорий»)[167]. Горцы нередко для распахивания своих земель нанимали казаков из соседних станиц с плугом и волами за плату по 40-45 копеек, реже 30 копеек за вспахивание полосы в 1 сажень шириной и 150 сажень длиной[168]. Наглядным примером договора найма по адатскому праву чеченцев был наем пастуха. Наем пастуха осуществлялся путем всеобщего сельского схода, где рассматривалась

кандидатура пастуха и его помощника, оговаривалась сумма вознаграждения за работу и обязанность пастуха отвечать за целостность стада. Со стороны пастуха должны были присутствовать два поручителя. Оплата труда наемного работника производилась как в натуральной, так и в денежной форме. Натуральным вознаграждением в Чечне с давних времен считалась оплата зерном и солью[169].

В Чечне, во второй половине XIX века появилась новая социальная группа – батраки. Людей нанимали на один, два года или несколько лет, а иногда – только на период уборки урожая или заготовки сена. Уборка 1 дес. пшеницы обходилась в 8-9 рублей. В конце XIX века в чеченских обществах выделились состоятельные семьи, которые вели свои хозяйства на товарно-капиталистической основе. Так, в селе Кень-Юрт семья Ш.Мустафаевых, состоявшая из 23 человек, владела 2 домами и имела 60 быков, 250 коров, 300 лошадей, 1500 овец, 500 коз, 10 верблюдов, 115 голов нагульного скота, 70 голов молодняка, торговую лавку и эксплуатировала в своём хозяйстве батраков и наёмных рабочих[170]. В 1886 году Мурзабеков и Эльмурзаев из села Старый Юрт владели 630 лошадьми. В том же году в селе Майюртуп М. Бимурзаев владел стадом в 300 коров. Братья Бимурзаевы имели 160 овец и коз, Адуевы из села Аду-Юрт по 700 овец и коз, 170 голов крупного рогатого скота.

Уже подворные списки 1886 года показывают ту огромную пропасть, которая лежала между богатыми хозяевами и бедняками. По 24 селениям плоскостной Чечни в 1886 году 575 хозяйств или 7,5% не имели никакого скота и 109 семей – ни домов, ни скота[171]. Животноводы со средним уровнем достатка вынуждены были объединяться в артели или товарищества для организации выпаса скота[172]. В горных чеченских районах (Шалажи, Ялхорой) на домовладельца приходилось от 100 до 500-600 голов овец и 12-20 голов крупного рогатого скота. Коровы пользовались предпочтением, владелец 1-3 штук считался человеком бедным. Ослы таскали дрова, волы производили доставку волоком строевого леса. Лошади исполняли роль вьючных животных, их держали не более 5-6 штук в хозяйстве[173].

В хозяйствах горцев значительное место отводилось коневодству, которое также начало принимать товарный характер. К началу 80-х годов XIX века среди зажиточной части чеченцев выделились хозяйства Мирзабековых и Эльдаровых, в которых было более 600 лошадей, Буршузаевых – 300 лошадей, Элихановых, владевших 26 лошадьми.

По данным посемейных списков 1886 года из 9277 хозяйств равнинной Чечни лошадей имели 3747, безлошадных было 5530 хозяйств. Пахота производилась волами. Иметь лошадь было привилегией богатых людей[174].

В чеченском фольклоре данные о табунном коневодстве относятся к позднему средневековью. В сказании «Морской конь», например, это ярко отражено. На Северном Кавказе существовало три вида коневодства: табунное, домашнее (или хозяйственное) и заводское. Все они имели определенные системы содержания животных. Заводское коневодство получило наибольшее распространение в Терской области. У горцев не было принято подковывать лошадь. Только на рубеже веков, когда лошадь стали впрягать в арбу и другие виды гужевого транспорта, ее стали подковывать, заимствуя эту норму у соседнего русского населения. Однако волов горцы начали подковывать еще в начале XIX в., с появлением в горах первых колесных дорог[175]. В конце XIX – начале XX в. в Терской области находилось 50 частных конских табунов, в которых было 213 производителей и 2875 маток. На долю Чечни из них приходилось 33 частных табуна, 181 производитель и 2473 матки. В это же время в Чечне концентрировалось поголовье улучшенных пород коневодства. Также чеченцы лучше других выращивали одиночных лошадей[176].

В 1877 году в Хасав – Юртовском округе на каждую душу населения приходилось 4,7 голов скота; на семью в 5 душ по 23,6 голов, в том числе по 18,2 овец и скота[177]. Среди чеченского населения Грозненского округа в конце 80-х годов XIX века 3,7% из 32711 дворов не имели крупного рогатого скота; 58,6% содержали лошадей; 45% – мелкий скот[178]. По крупному рогатому скоту к концу века Грозненский округ занимал ведущее место в Терской области. С 1883 по 1904 год количество скота увеличилось почти в 2 раза[179]. В начале 90-х годов XIX века по количеству скота Чечня занимала 2 место в Терской области. На плоскости чеченцы на 100 жителей имели 119,5 голов мелкого скота, а в горах 335,5 голов. На чеченский двор приходилось 5,46 голов крупного рогатого скота. Только 3,9% чеченцев не имели крупного рогатого скота. На 100 душ населения приходилось 9,2 лошади. В плоскостной Чечне было 116607 голов крупного рогатого скота – в горной местности 75622 голов. На плоскости имелось 9867 лошадей, а в горах – 7227. Мелкого скота насчитывалось на плоскости 141084 голов, а в горной Чечне 221444 голов[180].

Рассмотрим таблицу развития животноводства в Чечне.

Скот	1889 год – всего голов	1889 год – на 100 жителей	1895 год – всего голов	1895 год – на 100 жителей
Крупный рогатый скот.	192229	104,1	247174	137
Лошади.	17094	9,2.	18088	9
Овцы и козы.	362528	196,2	318674	159

Как видно по статистическим данным, количество крупного рогатого скота заметно увеличивалось, в то же время число овец и коз уменьшилось[181].

По данным корреспондента газеты «Терские ведомости» на Грозненской ярмарке в 1890 году на втором месте по купле-продаже стоял скот. Приведём в таблице данные, по количеству проданных животных скотоводами Грозненского округа.

Вид скота	Год	Количество голов	Вырученные суммы (рубли).
Крупный рогатый скот	1895		6595
Мелкий рогатый скот			91441
Лошади		12769	36109
Крупный рогатый скот	1897	4803	87233
Мелкий рогатый скот		10873	36941
Лошади		1011	39594
Крупный рогатый скот	1898	4803	87233
Мелкий рогатый скот		10873	36947

Данная таблица показывает значительное увеличение продажи крупного рогатого скота, снижение количества проданного мелкого рогатого скота и увеличение проданных лошадей на Грозненской ярмарке[182].

В апреле месяце 1893 года в Терской области была введена регистрация всего поголовья скота. Было проведено ветеринарно-санитарное обследование. Пропуск скота из соседних областей и губерний допускался лишь при соблюдении установленных правил. Благодаря всем

этим мерам чума скота в области почти прекратила распространяться[183]. Ветеринарный персонал был определён законом 18 мая 1898 года, по которому вся Терская область была разделена на 32 ветеринарных участка. Возглавлял ветеринарную службу областной вет.врач. Всего в Терской области насчитывалось 39 ветеринарных врачей и 70 фельдшеров, 2 вет.врача выезжали по вызовам[184]. На областных ярмарках чины ветеринарно-полицейского надзора проверяли у продавцов свидетельства, выданные вет.службой той местности, откуда был доставлен скот. Даже при наличии этих документов, весь скот на ярмарках проходил обязательный ветеринарный досмотр. Ветеринарная служба запретила продажу скота по дворам, в местах, для этого не установленных[185]. Не только заболевания и эпидемии влияли на численность скота, но также и природные катаклизмы вносили свою лепту в увеличение падежа скота. 16 марта 1875 года во время страшного мороза, разразилась буря со снежной метелью. В связи с этим В Грозненском округе погибло: 2682 лошади, 932 головы рогатого скота, 5 верблюдов и 4790 баранов. Всего население понесло убытков на сумму в 113405 рублей, но к правительству за помощью не обратилось[186].

Счастливым, благоприятным для жизни местом считалось то, которое выбирал для привала крупный рогатый скот. Основание одного из первых поселений равнинной Ингушетии – Назрани, по преданию связано с белым бычком, облюбовавшим данное место. Чеченцы на предварительно выбранном самим скотом месте привала, закапывали в яму полный кувшин воды, закупорив горлышко воском. Спустя несколько дней, или месяцев, проверяли каков результат, и если влаги в сосуде оказывалось меньше, место для поселения людей считалось непригодным[187].

Горный и равнинный скот различался, прежде всего, своими размерами. Горная порода не была крупной, имела небольшие рога и чаще всего была худой. Мелкий скот удобен был для горцев тем, что он мало потреблял корма и легко передвигался по горным кручам. Горские быки были значительно легче на ходу, по сравнению со степным скотом и свободно бегали рысью[188]. Н Данилевский описывал быков следующим образом: « Быки горские употребляемы в упряжке наравне с ослами и лошаками, для перевозки тяжестей вьюками. Они гораздо легче на ходу по сравнению со степным скотом и свободно бегут рысью. Они среднего роста и отличаются скорым ходом и неутомимостью»[189]. У чеченцев только быка и оленя можно было принести в жертву высшим божествам,

настолько они считались «чистыми» животными. Чеченцы верили, что кончик языка быка (как и ряда других животных) способствует развитию речи у ребенка, делает его «острым на язык»[190].

Наиболее распространенными породами коров были местные, которые отличались малорослостью и малой молочностью; зато они свободно передвигались по горам, довольствуясь небольшим количеством кормов. В конце XIX века местный скот стал активно вытесняться украинским – рослым, высокой упитанности, меньше поддающийся болезням. Поэтому в аулах охотно покупали производителей украинского скота и тем улучшали породность. Кроме того, в казачьи станицы и равнинные села чеченцев завозился скот шведской, немецкой и других пород [191].

Во второй половине XIX в. буйволоводство достигло значительного размера на Северном Кавказе. В Терской области, особенно в Чечне и на Кумыкской плоскости разводилось много буйволов. Буйволы, распространившиеся из Закавказья и Турции, использовались как тягловая сила (один буйвол заменял двух быков) и для производства молочных продуктов. В ряде мест, например, на Чеченской равнине, вспашку производили исключительно буйволами. Для этой цели в селах Гудермес, Курчалой и Урус-Мартан во второй половине XIX века вывели специальную породу буйволов. Покупать их приезжали из Ингушетии, Осетии, Кабарды[192]. Однако, в основном буйволы содержались для молочного хозяйства. Буйволье молоко заменялось коровьим там, где содержание буйволиц обходилось не дороже содержания коров. Молочные продукты от буйволиц очень ценились чеченцами и редко поступали на рынок[193]. В аулах буйволицы обычно составляли 10-30% от всего дойного стада[194]. Буйволы были в основном распространены в Грозненском, Хасав-Юртовском и Веденском округах. Благодаря своей нетребовательности к кормам, высокому содержанию (7-8%) жира в молоке и большой рабочей производительности, сельское население очень дорожило буйволами[195]. Буйволов не держали русские и немцы, хотя жившие с ними бок о бок горцы содержали их в значительном количестве. Волами в Нагорной полосе Чечни также сильно дорожили, содержали их значительно лучше остального скота. Однако буйволы, по сравнению с волами, обладали большей силой, работали долго и равномерно. Буйволицы давали много молока, оно было густое и жирное. В Терской области, на Грозненский округ приходилось самое большое число буйволов[196].

Особое внимание уделялось подготовке волов к празднику «выхода плуга». Животных начинали откармливать за 1-2 месяца до начала ве-

сенне-полевых работ отдельно от других животных. В плуг запрягали две пары волов. Первая пара должна была быть посильнее, чем вторая. Откормленные волы к началу весны выглядели упитанными и даже холеными, и поэтому существовал ряд магических средств, призванных сберечь их от сглаза. Для этого об лоб одного из волов разбивали яйцо, что сулило хороший урожай. Распространен был обычай подвешивать на рог волов бублики, испеченные из муки различных злаковых, чаще пшеницы[197].

У чеченцев не было ни одного стада овец, в состав которого не входило бы от 5 до 15% коз. Кастрированные козлы-вожаки, с колокольчиками на шее, обычно шли впереди овец и служили как – бы их проводниками[198]. Случаи гибели овец от перепуга были нередки, а козлы-вожаки в значительной степени предохраняли стада от такой случайности, так как были более смелыми животными[199]. В деле разведения коз чеченцы занимали ведущую позицию в регионе. В 1884 году В. Тресковский составил таблицу, показывающую количества скота на Кавказе за десятилетний период, с 1871 по 1881 год. Из этой таблицы мы узнаём, что всего на Кавказе было 1227000 коз, из которых 1000000 приходился на Терскую область. А в области самым большим количеством коз обладали чеченцы[200]. Разведение коз было выгодным занятием, особенно в некоторых горно-лесистых районах регионах. От козы в год надаивали до 45 ведер молока (больше чем от коровы), обладавшего большой жирностью (4,5%). Его употребляли в натуральном виде или смешивали с коровьим и овечьим молоком для получения масла и сыра. Из пуха козы делали высококачественное сукно, шедшее на башлыки, бешметы, черкески, а также войлочные шляпы. Козу стригли раз в год весной, получая до 1,5 фунта шерсти. В течение года коза могла дать два приплода по 1-2, реже 3 козленка. В каждой овечьей отаре был козел-вожак. Традиция эта уходит корнями в глубь веков. Больше всего коз держали жители современных Ножай-Юртовского и Веденского районов Чечни[201].

В 70-80-х годах XIX в. происходит перемещение центра тонкорунного овцеводства России на территорию степного Предкавказья. Здесь они нашли такие же благоприятные условия для разведения тонкорунных овец, какие имели в недавнем прошлом в «Новороссийских» губерниях. Несмотря на то, что животноводство Северного Кавказа было экстенсивным, российские переселенцы, кочевые и горские народы совместными усилиями не только сохранили лучшие местные породы, но и добивались их улучшения[202].

Первое место, но уже по овцеводству, Терская область занимала не только на Кавказе, но и в Центральной России[203]. Число овец в области составляло 56,3% от всего количества выращиваемого скота. Большую часть скотоводческой отрасли Аргунского округа составляло овцеводство. Особенным успехом в овцеводстве славилось чеченское село Мехкеты, где на 225 дворов приходилось более 20 тыс. овец[204].

Первые источники о разведении чеченцами «множества овец» относятся к XVI в. и считаются принадлежащими аккинцам, населявшим слободу Терского городка (1558 г.). Уже тогда чеченцы широко использовали правый берег Терека для содержания там зимой своих овец. Наряду с местной породой овец черной масти, чеченцы разводили тушинскую и андийскую породу овец. Шерсть тушинской овцы высоко ценилась на рынке. Большими партиями ее вывозили в Центральную Россию, а на ковровой фабрике Ковекровых, недалеко от Москвы, из пряжи тушинской шерсти изготовляли ковры. Чеченская курдючная черная порода овец имела мягкую, нежную длинную шерсть, которую в большом количестве горцы сбывали мастерам бурочного производства. Андийская черная порода овец была распространена в Веденском округе. Шерсть этой овцы была тонкой, нежной, мягкой и длинной. Из этой шерсти на месте изготовляли тысячи бурок, которые сбывались в Тифлисе и других местах. Можно предположить, что чеченцы, жившие в низовьях Терека, могли разводить также калмыкскую, ногайскую и кумыкскую породы овец, приспособленных к местным (жарким и сухим) природным условиям[205].

Среди чеченцев существовал особый вид соглашений отдельных домохозяев, имевших скотину и овец, и не имевших их. По этому традиционному соглашению овцы, коровы и тёлки годовалого возраста отдавались в условную аренду. Срок аренды не превышал обычно трёх лет. Во всех случаях отдачи в аренду овец и коз хозяин имел право резать овец на пищу, но мясом и шкурами он должен был делиться с арендатором поровну. Шерсть с овец также делилась пополам, только молоко полностью забирал арендатор. Главным источником дохода от овцеводства являлась в основном шерсть, в меньшей мере мясо, молоко и овчина[206].

Альпийская Чечня экономически дополняла равнинную. Живые бараны с гор прогонялись на плоскость, где обменивались на пшеницу и кукурузу. Немытая шерсть рунами шла в Дагестанскую область и другие регионы[207]. У адыгов стрижка овец считалась почти исключи-

тельно обязанностью мужчин. У чеченцев в стрижке наряду с мужчинами участвовали и женщины, осуществляя не только сбор, упаковку шерсти, но нередко также и стрижку. Прекрасно обрабатывали шерсть чеченцы, прежде всего жители равнинных сел; например, в современном селе Толстой-Юрт население почти целиком было занято изготовлением добротных чеченских бурок, сбывая их своим соседям – терским казакам[208].

Из шерсти овец изготовляли сукно, остальная шерсть использовалась на изготовление бурок, которые продавались соседним народам[209]. Овец и коз чеченцы доили, и это считалось чисто мужской обязанностью. Из молока масло не приготовлялось, оно всё шло на выделку сыра. Чеченский сыр готовился в основном из овечьего молока. Сыр из молока овцы считался более ценным, чем коровий. Сывороточный уксус (сильно скисшая сыворотка) также употреблялся чеченцами[210].

Верблюды разводились в Терской области, их количество достигало 2297 голов. Верблюды использовались в основном как транспортное средство для перевозки товаров на значительное расстояние. Верблюды использовались не только в качестве тягловой силы; они давали мясо, молоко и шерсть, высоко ценившиеся на рынке: сукно из верблюжьей шерсти считалось более теплым и прочным, чем сукно из овечьей шерсти. Из такого сука выходили добротные башлыки и черкески[211]. Во многих чеченских семьях женщины выделывали бурки и сукно из верблюжьей шерсти[212].

Коневодство в годы Кавказской войны было очень развито в Чечне и Шамиль, во время войны с Россией формировал в Чечне конное войско[213]. «Горцам, – пишет в своих мемуарах Абдурахман, – один из ближайших сподвижников Шамиля, – много легче было выступать в Чечню, чем в районы Дагестана. Всего легче было конным, т.к. Чеченская земля была изобильна, с дешёвым фуражом и продовольствием. Поэтому горцы в большинстве случаев, при выступлении против русских, сами со своими конями и животными жили за счёт средств и зерна чеченцев». В кратком военно-статистическом описании Чечни, составленном Норденштаммом в 1834 году, написано следующее: «В долинах и на плоскогорьях Чечни превосходно растут все виды злаков. Земледелием занимаются усердно, скотоводство является главным источником доходов населения»[214]. …В 70-х годах XIX века по количеству лошадей на 100 душ населения Чечня и Ингушетия занимали последнее место в Терской области. Редкий житель в селе имел 2-3 лошади. Обычно на 2 семьи приходилась 1 лошадь.

Стоила хорошая верховая лошадь от 100 до 150 рублей, осёл продавался за 10-15 рублей[215]. По данным военно-конской переписи, в 1899 году безлошадных было в Грозненском округе 29839 хозяйств (72%), в Сунженском – 3912 хозяйств (31%)[216]. Запросы капиталистического рынка стимулировали улучшение пород в коневодстве. Если в 60-х годах XIX века на всём Северном Кавказе разводили только местные породы коней, то к 1904 году всего 72,5% разводимых пород являлись местными. Появляются конные заводы с английскими, арабскими, донскими и другими скакунами. Если в 1891 году среди коннозаводчиков края было всего 132 представителя восьми коренных национальностей, то в 1904 году среди них было уже 268 представителей 13 коренных национальностей[217]. В 1857 году для состязания на Императорские призы было записано 53 лошади, из которых 4 были чеченской породы[218]. В начале 20 века лучше других на Кавказе сохранились породистые лошади у кабардинцев и чеченцев[219].

Терская область на значительном протяжении от устья Сулака до Серебряной пристани включала в себя берег Каспийского моря. Кроме того, область пронизывала сеть больших и малых рек во главе с Тереком и Сулаком, где рыбы водилось в изобилии. Европейцы, побывавшие на Северном Кавказе, в частности, в Терской области, были поражены рыбными богатствами края. Дж. Кук писал: «В реке Терек много рыбы, в особенности большое количество прекрасных лососей, в близи устья, где она впадает в Каспий, встречается большое количество осётров». Действительно, рыбные богатства края были неисчислимы. В 1874 году один из любителей местной истории писал: «Старики рассказывали, что в прежние времена, как пойдёт рыба, то Терек делается точно живой: вода выходит из берегов и течёт не к морю, а вверх…такая сила её была. Ловить рыбу тогда никому не запрещалось, ни своему, ни чужому…Были зажиточные люди, которые занимались этим промыслом и жили хорошо»[220].

Для Терека отличительными видами рыб являлись: каспийский лосось, шемая и усач. Чрезвычайно много здесь встречалось сома, сазана, жереха, а из осетровых рыб – севрюги. В течение года из рыбы добывалось икры красной 480 пудов, чёрной – 1835 пудов. На ярмарках 1 пуд чёрной икры продавали в среднем по 20 руб. 50 коп.; красной икры – по 5 руб.[221] Любопытно, что лосось предпочитал терскую воду, а шемая – и вместе с ней жерех и усач – сунженскую. По свидетельству П.П. Зубова, в 1835 году побывавшего на Кавказе, вода в реке Сунже была мутной,

но считалась «здоровой». Рыбы в ней водилось много, попадались даже выдры и бобры[222].

В мае 1871 года Терские казённые воды были переданы в ведение Терского областного правления. Право рыболовства в реке Терек принадлежало Терскому казачьему войску на особых основаниях. Прибыль от рыбных промыслов входила в смету доходов Терского казачьего войска. Поземельные участки с казачьими водами отдавались в оброчное содержание на основании параграфа 151 войскового «Положения»[223]. Значительный доход Терское казачье войско получало также от войсковых переправ, проложенных через реки. Развитие капиталистических отношений вынуждало войско отдавать свои воды в оброчное содержание. Зачастую речные воды сдавались за плату их действительным, многовековым владельцам – кавказским горцам[224]. Горцы лишались права ловить для себя рыбу. Кроме того, им не разрешалось иметь лодки, кроме тех случаев, когда горцам позволяли ими пользоваться для переправы на другой берег. В связи с постановкой таких условий чеченцы были вынуждены брать участки речных вод в оброк, или ловить рыбу контрабандно. В соломенных шалашах, на берегу Терека чеченцы ловили рыбу у забоя. Основу забоя составляли крепкие, вбиваемые в дно реки колья, расположенные зигзагами, на которые натягивалось сетное полотно. Пойманная рыба вылавливалась баграми[225]. Довольно много рыбы водилось и в многочисленных каналах на территории Терской области, отведённых от полноводных рек.

Длительная Кавказская война нанесла большой вред оросительной системе Чечни. От некоторых селений, занимавшихся поливным земледелием, и от их оросительной сети остались только следы, как, например, возле Дада – Юрта (на реке Терек) и Гаджи – аула (на реке Аргун) и др. После Кавказской войны, надеясь, что земля у них, наконец, останется по-прежнему в частной собственности, чеченцы начали восстанавливать и строить новые каналы. Но колониальная администрация требовала переделов земли через каждые 2-3 года. Система частых переделов земли между жителями селений отбивала охоту крестьян улучшать временно используемые ими участки земли удобрением, устраивать ограды и приводить в порядок сложную оросительную систему.

Как известно, поливное земледелие с развитой системой орошения возникает в основном там, где господствует частная собственность на землю[226]. Данные А.П. Берже свидетельствуют о существовании на

Чеченской равнине, по – видимому, ещё в XVIII веке ирригационных систем для орошения полей[227]. После окончания Кавказской войны был восстановлен так называемый Гаджиаульский канал, построенный в XVIII веке. Наиболее ранними оросительными каналами в Чечне можно считать Ханкальский и Шавдонский каналы, построенные в самом начале XIX века, после основания крепости Грозной[228]. Появление частной собственности у чеченцев относится к более раннему периоду. Ирригационное сооружение и оросительная сеть, устроенные на индивидуальном участке, считались собственностью хозяина этого участка. Дамбы и плотины для мельниц и прилежащие к ним участки продавались, сдавались в аренду и переходили по наследству. Во многих селениях, например, Чаберлое, Галанчожа, все прилегающие земли, кроме священных рощ, были поделены между семьями. Жители этих селений даже на водопой водили скот через особый длинный коридор, огороженный с обеих сторон каменной или плетёной оградой, или же по дну канала. Обычаи, связанные с частной собственностью на землю, запечатлены во многих чеченских преданиях[229].

Чеченцы отводили от рек крупные оросительные каналы. Место, где создавалось отводное сооружение, называлось «Хин корта». От головного канала отводили более мелкие боковые каналы – татолы, карсоли, для чего из свай устраивали крепкий водораздел. Уход за оросительными каналами у чеченцев, а также порядок пользования ими при поливе осуществлялись под руководством общественных старейшин, избиравшихся обычно сроком на один год. Особое внимание обращалось на уход и содержание главного канала, очистка которого проводилась ежегодно ранней весной жителями всех сёл, пользовавшихся водою из него. Примечательно, что в случае отказа от участия в работе виновники подвергались штрафу, у них забирали некоторые предметы домашнего обихода и выставляли их на показ всему селу. Это считалось большим оскорблением для данной семьи[230]. Работа на отдельных мелких каналах выполнялась только теми, кто был заинтересован в этом – одной семьёй или несколькими семьями. Ирригационное сооружение и оросительная сеть, устроенные на индивидуальном участке, считались собственностью хозяина этого участка.

Орошение получило широкое распространение не только у жителей плоскостной Чечни, но и в горах, хотя высокогорный ландшафт технически очень усложнял эту работу. Но не даром же у чеченцев существует древняя пословица «жизнь может быть только там, где есть вода»[231]. В

высокогорной Шатоевской котловине применяли особые средства для подвода воды к пашням. К ним, например, относятся желоба «анари», сборные водопроводы из липовой коры «хьех». Своеобразными акведуками проходили эти водопроводы через пропасти и ущелья, подвешенные лозой дикого винограда, заменявшей здесь верёвки и тросы[232].

В 1866 году жителями Малой Чечни был сооружён канал протяжённостью более 27 км., он проходил из реки Аргун, через Ханкальское ущелье и спускался недалеко от Старосунженского аула к реке Сунже. В это же время на Чеченской равнине началось строительство самой крупной оросительной системы в дореволюционной Чечне – Ново-Атагинского канала, орошавшего более 15 тыс. десятин земли, принадлежавших селениям Новые Атаги, Шали, Белгатой, Герменчук. Строительство канала, завершившееся в 1871 году, потребовало от чеченцев, по словам Н.А. Вроцкого «египетских работ» и огромных материальных средств[233]. От Шалинской поляны канал разделялся на 4 рукава, общая протяжённость всей оросительной системы доходила до 40 вёрст. Оросительный канал длиною 10 вёрст провели жители села Старая Сунжа. Более 10 тыс.десятин земли обводнил канал, проведённый от Терека до реки Аксай[234].

Чеченцы занимали место между Тереком и южной границей Терской области, начиная от Дарьяла до истока реки Акташ[235]. В Терской области на долю суши приходилось 60868 вёрст, а на 1 версту – 10 жителей обоего пола. В Грозненском округе было 7442,4 версты суши, на версту приходилось 22,6 жителя[236]. В 1872 году в Терской области орошалось уже 34600 десятин земли, из них большая часть приходилась на Чечню и Ингушетию. Здесь находились крупные оросительные каналы: Аргунский – 26 вёрст, Маян – Татаул – 38 вёрст, Герменчукский – 10 вёрст[237]. Чеченские сёла: Гойты, Новые Алды, Старые Атаги – совместно спроектировали своими силами Большой канал, в дальнейшем ими построенный. Если возникала необходимость обратиться за поддержкой в проектировании канала к администрации области, жители её сообща подавали прошение. В 1874 году общество 10 сёл 3 участка Грозненского округа обратилось с ходатайством к начальнику округа, о содействии в проведении канала из реки Сунжа или Гудермеса, или из Черноречья, для орошения принадлежащих им земель. В XIX веке Сунжа была полноводна и разливы её обладали порой разрушительной силой. Особенно сильным было наводнение в Грозном в 1882 году. Вода в Сунже поднялась на 5 метров. Сорвало 4 моста, залило подвалы с купеческими товарами, что

вызвало нарекания в адрес власти. Постройка каналов помогала снижать и регулировать уровень воды в реке[238]. Командированным чиновником администрации управления в 1874 году был создан проект Сунженского канала, так как начальник области пришёл к мнению о жизненной необходимости его постройки. Изыскания по проектированию канала обошлись в 300 рублей. В результате совместных усилий властных структур и населения канал был построен[239].

В результате массового уничтожения лесов, в Терской области нарушился климатический баланс и ранее плодородные почвы стали страдать от засухи. Рост сельскохозяйственного оборота области во многом зависел от наличия водных каналов, орошавших поля. В западной части Чечни сады и огороды поливались в основном посредством специальных колёс, устроенных для этой цели на каналах. В восточной части Чечни большое распространение получили мельницы, работавшие на воде из каналов. Посевы кукурузы, очень распространённые в тот период в Чечне, также требовали влажной почвы и поливались из каналов[240]. В 1872 году М.Т. Лорис-Меликов писал о развитии земледелия в области: «Желание обеспечить урожай кукурузы вызвало у чеченцев стремление к устройству оросительных каналов, которых в течении отчётного года разработано два на протяжении 40 вёрст»[241].

В областях, населённых мусульманами, надел полей водою из поливных каналов совершался по адату. В силу адата, распоряжение по орошению полей поручалось общиною выборному лицу (тамаде), на обязанности которого лежало открытие и закрытие шлюзов. Он, следовательно, властен был снабжать поля живительной влагой или отказывать в ней[242]. Однако на частных каналах, распределением воды занимались их владельцы и члены их семей.

При эксплуатации общественного канала должны были быть удовлетворены два требования: измерить воду и распределить её между соучастниками. Приверженцы ислама соблюдали 5 принципов мусульманской ирригации:

1) Вода не может быть предметом частной собственности.

2) При недостатке воды – право за тем, кто раньше других воспользовался водой.

3) Право очерёдности пользования водой выше и ниже по течению.

4) При равных условиях преимущество определялось по жребию.

5) Распределение воды – по пространству подлежащих орошению земель[243].

Принцип частной собственности пользовался в Азии, вообще меньшим уважением, чем в Европе. Западная цивилизация выражается, главным образом, в развитии личности человека, при условии неприкосновенности права частной собственности. Европеец был уверен, что законы и общественная власть сохраняет за каждым то, чем он законно владеет. На Востоке привилегированным положением пользовалась общественная собственность. Там, где проточные воды объявлялись собственностью государства и где устанавливалось законным проведением оросительных каналов через чужое имущество – администрация принимала воды в своё распоряжение. В Индии и Египте управление каналами было сосредоточено в руках правительственных чиновников и инженеров.

В Италии, Франции, Испании управление водами было основано на началах самоуправления участников орошения: товариществ, ассоциаций, – утверждённых правительственной властью и руководящихся уставами[244].

Устройство и распространение ирригации, прежде всего, зависело от правильного решения юридических законов о праве собственности на воду и праве провода каналов через чужие владения. Российская империя тяготела к азиатскому ирригационному праву – по передаче государству недр и вод и полному контролю по их распределению. Чеченскому обществу был ближе европейский способ распределения воды (самоуправляющийся), который совмещал в себе частную и коллективную ответственность – при минимальном давлении со стороны государства.

Терская администрация стремилась держать под строгим контролем работу по строительству и эксплуатации каналов. Ирригационные каналы нуждались в обширной и сложной администрации, необходимо было разработать целый ряд законоположений, регулирующих взаимоотношения государства с местными общинами и частными лицами. Например, ни в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, ни в Уложении о наказаниях, не предусмотрена была кража воды. Кражей признавалось похищение движимого имущества, мошенничеством признавалось учинённое обманом хищение также движимого имущества, а воды по Российским законам принадлежали земле, которая относилась к имуществу недвижимому. Предписывалось: строго преследовать за перекапывание дорог оросительными каналами, но не указывалась степень ответственности за это нарушение частных, общественных и юридических лиц[245]. «Нынешнее состояние орошения на Кавказе – пи-

сал один из очевидцев, представляет весьма безрадостную картину грубого своеволия и безначалия, крайней отсталости от современных технических требований»[246]. Не смотря на все недостатки установившейся на Кавказе административной системы, власть нередко оказывала значительную помощь местному населению в его насущных нуждах. Так, например, правительство выделяло из средств государственного казначейства ежегодно по 17000 рублей на укрепление берегов Терека и постройку новых ирригационных сооружений[247].

Значительное расширение площади поливаемых земель привело к бурному развитию виноградарства и виноделия на Северо – Восточном Кавказе. Однако именно Кавказская война сыграла решающую роль в становлении вино – водочной промышленности в регионе.

Обилие войск, дорогостоящая доставка колёсным путём спирта с русских рынков, высокий акциз на хлебный спирт, право перекуривать виноградное сусло без акциза – вот факторы, повлиявшие на развитие виноградарства и виноделия в крае. Низкие цены на изготовляемые по Тереку спиртные напитки сыграли важнейшую роль в их широком распространении на вино – водочном рынке Российской империи.

Фруктовое винокурение в больших размерах на Северо – Восточном Кавказе началось с 60-х годов XIX века. До того времени местное производство было весьма невелико, хотя «кизлярка» спорила на Нижегородской ярмарке с французской водкой. С введением откупной системы и налогов на хлебное вино (1865), фруктовое винокурение, не обложенное тогда казной, сделало громадный успех в крае. Винно – спиртовая отрасль начала успешно развиваться в Терской области. Новые экономические отношения, установившиеся в крае с началом реформ, заставляли горцев опосредственно принимать участие в развитии винной промышленности края, так как это приносило немалые доходы. В 70-х годах XIX века виноградарство в хозяйствах чеченцев и ингушей после длительного упадка начинает возрождаться. Так, в 1872 году в селе Брагуны было получено вина 40 тыс. вёдер, в селе Новый Юрт – 14 тыс.; в Старом Юрте – 3 тыс. вёдер[248]. В Грозненском округе у чеченцев сильно увеличилась площадь пашенных земель, засеваемых кукурузой. Местная кукуруза шла на производство спирта и крахмала для заводов Владикавказа и Моздока, а также вывозилась за пределы области – в Дагестан и Ростов[249].

Кавказское молодое виноградное вино под названием чихирь (до 500 тыс. вёдер) на ярмарках покупали фабриканты Москвы, Ярославля,

Кашина и других городов. Они подвергали его заморозке, очистке, сдабриванию и на следующий год привозили на ту же ярмарку в качестве иностранного вина разных сортов[250].

Чеченцы имели свои национальные напитки, которые употребляли во время праздников. Из дикого винограда выжималась чапа – сок для питья. Из слабоалкогольных напитков можно назвать бузу – напиток из проса и максу (сладкую бузу)[251]. Древнейшим чеченским напитком считалась ниха – брага. Ещё более древним был в горах напиток йий – горское пиво[252].

В изречениях Пророка сказано, что всякое опьяняющее вещество является запретным[253]. Мусульманское право представляет собой систему правовых принципов и норм, призванных защищать религию, жизнь, разум, собственность. Так, употребление спиртных напитков считается совершённым и доказанным в случае, если лицо признаётся в содеянном, обладая внешними признаками опьянения и в отношении него имеются свидетельские показания, подтверждающие этот факт. Данное преступление рассматривается как посягательство на разум (интеллект) человека, являющийся одной из защищаемых мусульманским правом ценностей, без которой немыслима и невозможна вера во Всевышнего[254]. Выдающаяся личность, чеченец, сподвижник Шамиля Ташев – Хаджи, в 1834 году обратился ко всем мусульманам с воззванием[255]. Приведём дословно речь этого мудрого человека. «Мы прожили свою жизнь, – говорил Ташев – Хаджи, – и того не ведая, совершали греховные поступки, употребляя опьяняющие напитки, куря табак, в своеволии и жестокосердии, и в нашей слепоте касательно истинного, правильного пути. А теперь каждому из нас необходимо чистосердечно покаяться перед Аллахом. Откажитесь же без промедления и сожаления от опьяняющих напитков…»[256]. В Библии, и в творениях святых отцов мы многократно находим строгое осуждение порока пьянства. В Священном Писании говорится, что «полезно…если будешь пить его умеренно…» «Пьянство – корень всех зол… Пьяница – живой мертвец…Никто так не исполняет злой воли дьявола как пьяница», – наставлял святой Иоанн Златоуст[257].

В отчёте Главнокомандующего Кавказской армии Михаила Николаевича за 1869 год прямо говорится о том, что главный порок и причины всех проступков и преступлений на Кавказе – пьянство, корень которого лежит в среде, дающей рекрутов для армии»[258]. После окончания военных действий и вывода основного контингента российских войск, массовое употребление спиртных напитков среди офицеров, солдат и

казаков оставалось одной из самых серьёзных проблем для высшего руководства, судопроизводственных органов и коренного населения Северного Кавказа, т. к. постоянно вызывало всплеск преступлений. Самым распространённым из них являлось самовольное оставление части, побои, кражи, изнасилования. На фоне злоупотребления «кизляркой» происходили столкновения не только у солдат с местным населением, но зачастую были стычки между солдатами и офицерами царской армии с одной стороны и казаками Терского казачьего войска – с другой. Злоупотребление спиртными напитками в Терской области было распространено и среди рабочих. Так, по воспоминаниям современников: «..На руднике и Аллагирском заводе не было ни одного крепостного, не поражённого алкоголизмом. Все пили и здорово пили…» Тяжёлый физический труд рудокопа и металлурга, дешевизна и доступность спиртного и другие причины способствовали этому.

Государственная власть, следя за производством, торговлей и употреблением спиртосодержащих продуктов на Кавказе, пыталась не только контролировать эти процессы, но и производить их жёсткую регламентацию с помощью законодательных актов. В «Уставе о питейном сборе», изданном в 1867 году, ограничивалось время продажи вино – водочных изделий с 7 часов утра до 10 часов вечера. В городах и на ярмарках это время продлевалось до 11 часов вечера. Ограничения были, прежде всего, связаны с уменьшением функциональности контроля за продажей спиртного в более позднее время[259]. 24 мая 1875 года были изданы правила, по которым запрещалось открывать питейные заведения в близи учебных заведений, больниц и церквей. Однако этот запрет неоднократно нарушался, в связи с чем, в 1890 году вышло распоряжение, по которому все винные лавки и погреба, расположенные ближе 40 сажень от перечисленных учреждений, закрывались[260]. Кавказская администрация стремилась бороться со злоупотреблениями спиртными напитками. В одном из документов говорилось: «…Ввиду ограждения населения Терской области от пьянства, подрывающего благосостояние её жителей, запрещается торговля спиртными напитками в неположенных для этого местах». По Указу Правительствующего Сената, с 1880 года запрещалось открывать питейные заведения не только на базарах, но и в любом месте, где происходил постоянный рыночный торг[261].

Некоторые российские деятели пытались использовать спиртные напитки – как одно из средств покорения края. «Присовокупив к фанатическому учению Алкорана русскую водку, – писал Ростислав Давы-

дов, – а к обещаниям словесным толстую висельную верёвку – тогда дикарь, под влиянием страсти и страха быстро подвинется к нашим целям. С ослаблением морального достоинства человека, ослабевает вся масса в совокупности…»[262]. Чеченцы, по воспоминаниям очевидцев, «пили весьма исправно». Но спившихся среди них не было, так как пили они только тогда, когда представлялся к тому законный повод: приезд гостя, свадьба[263]. Пьяницы среди чеченцев попадались крайне редко[264]. Но по многим свидетельствам, в пьяном виде чеченец был просто невыносим. Придирчивость, ссора с кинжалом во время обильного застолья – были обычным делом. Часто такое поведение объяснялось горячим южным темпераментом»[265]. Употребление спиртных напитков «развязывало» язык, давало повод высказаться о наболевшем. Так, полковник Беллик 25 марта 1865 года доносил начальнику Терской области: «…Другой чеченец, после многих стаканов портера, был более откровенен, …он прямо сказал: не пойдём мы в Турцию и не пустим тех, кто собирается туда; в Турции ждёт нас смерть, ждёт она нас и здесь, но здесь она приятней, потому что здесь наша родина и здесь лежат отцы наши, побитые русскими»[266]. В целом, виноделие на Кавказе в послевоенный период развивалось очень интенсивно, но на ряду с положительными результатами (ростом экономики и благосостояния граждан), оно принесло и не свойственное для кавказских мусульман явление – пьянство, приведшее к увеличению преступности в крае и другим негативным последствиям.

Экономическая асимметрия и национально – культурная неоднородность оказывали влияние на формирование институтов административного и экономического управления. Асимметричная система власти – еще одна специфическая черта финансового хозяйства империи. Одной из главных задач правительства был поиск оптимальной для каждой окраины модели властно – бюджетных отношений между центром и регионами. Поэтому формы бюджетного управления постоянно менялись под влиянием политической конъюнктуры, обострения национальных противоречий, стремления сократить бюджетные затраты[267]. Многонациональность империи – фактор, обусловивший специфику экономического развития и финансовой политики. Правительство вынуждено было принимать в расчет не только национальные традиции управления, но даже, например, «религиозный контекст» местного населения. С другой стороны, региональная и национальная экономическая специализация, а также распространение националистических концепций способствовали возникновению идеологий экономического национализма и региона-

лизма. К концу XIX – началу XX века формируется сеть национальных и региональных экономических элит, конкурирующих между собой, в том числе за влияние на правительство. В результате в финансовых мероприятиях правительства на окраинах нередко отражалось соперничество национальных и региональных лобби. Таким образом, складывание финансовой системы империи можно рассматривать отчасти как результат экономической конкуренции и взаимодействия разных национальных и региональных экономических сообществ[268].

2. Промышленность

В конце XIX – начале XX в. ощутимо возрастает геополитическое значение Кавказе в связи с вовлечением его в мировое хозяйство. Богатые природные (прежде всего нефтяные) ресурсы превращают Кавказ в сферу острой экономической конкуренции европейских держав, включая Россию[269]. Одной из задач гражданской деятельности князя А.И. Барятинского являлось начало широкомасштабного обследования территории Кавказа и последовательного освоения его природных ресурсов. Наместник всячески приветствовал и поощрял научные и практические экспедиции, проводимые в регионе. А.И. Барятинский вызвал в регион группу горных инженеров для поиска рудных месторождений из-за серьезной нехватки квалифицированных специалистов. По плану наместника на Кавказе, они, находясь при войсках «будут употребляемы для открытия и обследования рудных минеральных месторождений» и по мере своих исследований составят отчеты о проделанной работе, которые отдадут управляющему горной частью для учреждения дальнейших разработок. В результате чего «все скрытые от нас минеральные богатства края, известные даже в древние времена, деятельными разведками видов, будут обнаружены»[270].

Кавказские минеральные богатства были так велики, что каждый затраченный на этот край рубль – приносил доход[271]. К полезным ископаемым первостепенной важности, добывающимся на чеченской территории относились: нефть, асфальтовые руды, ангидрид, барит, гипс, глина, железные руды, каменный уголь, каолиновые руды, медные руды, мергель, охра, сера, серебро – свинцовые руды, селитра, сланец, сурьма, цемент, золото. Из второстепенных минералов можно перечислить сле-

дующие: кварц, горный хрусталь, серный колчедан, вольфрам, флоридиновые глины, стронцит, аспидные сланцы и другие[272].

Асфальтовые руды обычно располагались рядом с выходами на поверхность нефтеносных источников. Залежи кира разрабатывали на склонах и у подошвы Грозненского и Терского хребтов, около Серноводска, а затем на местных заводах расплавляли в асфальт. Куски добытого кира разбивали колотушками на более мелкие части и плавили их с мазутом в закрытых чугунных котлах. Готовый асфальт разливали в круги[273]. Вблизи Грозненских нефтяных источников в 1889 году персидскоподданным Халибековым было добыто около 3000 пудов кира. Близ Брагуновских нефтяных источников купцами Аджи-Юсуфом и Онановым было разработано 2000 пудов кира. Всего в Терской области в 1889 году добыли 5000 пудов кира[274].

Асфальт сбывали в Нижний Новгород, Ростов и другие регионы. Работали на асфальтовых заводах в основном чеченцы.

Ангидрид добывали недалеко от чеченских сёл Ушкалой и Химой, а барит рядом с высокогорным селением Дай[275]. Гипс чеченцы усердно собирали по руслам рек и отвозили на продажу в город Грозный[276]. На левом берегу реки Чанты – Аргун Чанхоевская скала почти вся состояла из гипса[277]. Много гипса находили в Грозненском округе[278]. Кристаллический гипс залегал недалеко от села Шалажи, в долинах рек Гехи и Мартан, в Итум – Калинском участке – рядом с сёлами Химой и Ушкалой[279]. Во многих горных ущельях встречались большие залежи квасцового глинистого сланца. С помощью этих квасцов чеченцы окрашивали сафьян и другие предметы. Местами залегал глинистый плитняк высокого качества: ровный, плотный, зеленовато-серого цвета. Он применялся чеченцами при изготовлении надгробных плит и памятников[280]. В некоторых сёлах, например Дачу – Борзой, Улус – Керт, Варанды, встречалось большое количество чеченских домов, стены и ставни которых были окрашены в чёрный и жёлтые цвета. Краски эти изготовлялись чеченцами из особого рода глины, содержащей в себе большой процент красильных веществ[281]. Гончарная глина встречалась в Чечне почти повсеместно[282]. Глина абсорбентов залегала у села Варанды. Залежи железной руды располагались в двух верстах от укрепления Ведено и добывались ещё в 1846 году Шамилём. В Грозненском округе около села Дарго велась добыча железной руды. Месторождение бурого железняка располагалось у аулов Мусен-Кале и Хани-Кале[283]. Железный купорос встречался около селений Ножай – Юрт и Кошкельды. Здесь его собирали женщины для

окраски ниток[284]. Каменный уголь, залегавший по реке Шаро-Аргун, в силу его высокого качества был представлен Горным управлением на Тифлиской выставке. Добыча каменного угля велась вблизи селения Ца-Ведено[285]. Много угля залегало на левом берегу Сулака, в верховьях Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна[286].

Некоторые полезные ископаемые, найденные в этом регионе, были уникальны даже для такой богатой горнодобывающей страны, как Россия. К таким редким рудам можно отнести каолин, ценившийся очень высоко и применявшийся для изготовления высококачественной фарфоровой и фаянсовой посуды[287].

Каолиновые руды залегали около Серноводска, Алдов, а также их находили в Хасав-Юртовском округе. Залежи медной руды находили в ущелье рек Кий и Гехи, на правом берегу реки Чанты-Аргун[288]. Большое месторождение медной руды было обнаружено около села Тюолой. Оно находилось в Итум-Калинском районе, на высоте 7000 фунтов над уровнем моря. Это месторождение медной руды было представлено тремя кварцевыми жилами. В кварце наблюдалось включение медного колчедана. Бельгийский инженер Луи – Де – Ратце, обследовавший месторождение, дал о нём благоприятный отзыв. Анализ руды был произведён в 1898 году в Брюсселе – доля содержания меди в руде колебалась от 5,48% до 29,46%. Весь запас медной руды был определён ориентировочно цифрой в 4000000 тонн. В этом плане для Российской империи Кавказ был хорошим приобретением, т.к. до начала разработки чеченских руд Россия вынуждена была ввозить ежегодно 6800 тонн медной руды[289]. С 1882 г. выплавка меди на Кавказе утроилась. Именно на Кавказе впервые в России были установлены электролитические способы очистки черной меди, дающие медь высокого качества. В отделе горного дела и металлургии, на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г., проводившейся в Нижнем Новгороде, Кавказ был представлен продукцией медных рудников и медеплавильных заводов, а также заводов по производству серебра, свинца, марганца[290]. Начавшуюся после 1882 года активную разработку марганца увеличили предприятия Кавказа, где получали почти половину его мировой добычи[291].

Полезное ископаемое мергель добывали в Шатоевском округе близ села Хани-Кале[292]. Месторождение охры располагалось к западу от села Сюжи, на русле реки Варанды-Эхк, где чеченцы сделали ряд копанок, из которых время от времени проезжавшие в Грозный местные жители брали охру для продажи. Охра была двух цветов: красная и оранжевая.

При затирании с маслом образцы давали хорошую кроющую краску. В силу большого спроса на красящие материалы и сравнительно немногочисленные месторождения русских природных красок, это чеченское месторождение могло иметь большое значение для России[293]. Серную руду и самородную серу добывали на левом берегу Сулака, близ Шатоя, на правом берегу реки Шаро-Аргун и на левом берегу реки Чанты-Аргун, около селений Цем, Варанды, Даркольчу[294]. В Хасав-Юртовском округе, на хребте Эрдышты также были большие запасы серы. В Российской империи добыча серы велась только на Кавказе. Сера была очень важна для военного и химического производства[295]. С давних времён, в разных районах Кавказа, местное население для своих нужд использовало серу. В то время, когда серные спички ещё не были в употреблении у европейцев, горцы изготовляли сухие лучины, обмакивали их в раствор серы и таким образом получали первые кустарные спички[296]. Помимо разрабатываемых месторождений серы, были и предполагаемые, которые можно было обнаружить по водным источникам. Протекавшая по залежам вода обогащалась серой – становилась сернощелочной и приобретала резкий запах. Серные источники находились между Дербентом и Чири – Юртом, а также рядом с селением Исти – Су[297]. Зачастую сера находилась в труднодоступных местах, что, однако не сильно препятствовало местному населению в её добыче. Например, месторождение серы находилось у самой вершины горы, на крутом склоне (50°– 60°), на берегу реки Чанты-Аргун. Здесь чеченцы вели её добычу, а затем доставляли в селение Зонах, где производили выплавку серы[298]. Сера активно добывалась в Грозненском округе. Так, в 1897 году серной руды было добыто 4 тыс. пудов[299]. На дороге в Шатой В.А. Долгополовым был оборудован серный завод, который очень успешно начал добычу серы[300]. После отъезда в российскую столицу В.А. Долгополова, разработкой серного месторождения занялся С.П. Елисеев, к северу от села Малые Варанды, на участке в 40 десятин. Работы были начаты в 1896 году, а прекратились в 1908 году. Наибольшая годовая добыча у С.П. Елисеева была в 1899 году – она составляла 6000 пудов[301]. Для примера, в 1897 году на Варандинском руднике было добыто 2000 пудов серы. Добываемая сера доставлялась во Владикавказ, Москву и Баку[302].

В Чечне с давних времён около селения Кей велась добыча серебросвинцовых руд. Русские торговые люди покупали свинец в горных обществах Чечни[303]. Серебро-свинцовые месторождения в основном

разрабатывались чеченцами на протоке реки Чанты-Аргун, на правом склоне реки Чанты – Ахк, около селений Зуран и Сандухой[304].

Селитру местные жители использовали в основном для получения чёрного пороха, который чеченцы довольно искусно изготовляли, а также для лечения червивых ран у животных.[305]. Селитроносные земли располагались в 5 верстах от селения Шатой, близ сёл Ялхорой, Башен – Кале, Катыр – Юрт, Цеси и Саной[306]. Месторождение селитры у чеченского села Сатты, занимало площадь до 76,5 гектаров[307]. Чеченцами велась также добыча горючего сланца, в основном в Грозненском округе[308].

Известный источник соледобычи – Даттых, располагавшийся на землях Карабулакского общества, послужил в средневековый период основой благосостояния фамилии Белхароевых. В более поздний период выпаренной из данного источника солью пользовались, согласно документам: «все кистинцы, все ингушевцы, все карабулаки и часть чеченцев»[309].

Месторождение сурьмяного блеска, близ села Хуландой, разрабатывалось чеченцами на вершине горы, в 7-8 ямах. Сурьмяная руда близ этого аула содержала 61,6% сурьмы[310]. В царское время месторождение сернистой сурьмы обнаружили на высоте 2500 метров, в 3-4 км. от села Хуландой – в 114 км. от Грозного, на правом берегу реки Хуландой. В начале XX века (1900-1906 гг.) предприниматель Батыр-Султан добыл здесь около 6000 пудов этого минерала. Запасы сернистой сурьмы в этом районе были очень велики и простирались до 600000 пудов. В России сурьму не добывали, поэтому в 1913 году её ввоз составлял 1501 тонна. Мировая добыча сурьмы в 1925 году достигла 25756 тонн. Сурьму использовали для изготовления сплавов и красок, фейерверков, военных снарядов, автомобильных шин и в медицине[311].

Цементный камень добывали около селений Дачу – Борзой и Гудермес[312].

Каменоломни раковистого, песчаного и известкового камня находились близ посёлка Новый Юрт[313]. Скалы, ограничивающие Аргунское ущелье, образовались из нептунических пород. Внутри этой породы часто встречались крупные и мелкие кристаллы известкового шпата и песчаника. В некоторых местах залегали целые пласты алебастра, который добывался чеченцами для продажи[314]. В конце XIX столетия горный инженер Симонович высказал предположение о наличии в наносах долин всех кавказских рек – золота. Его мнение поддержали геологи Абих

и Фавр[315]. По обе стороны от Терека в речном песке и береговых наносах находили золото.

Горный воск (озокерит) добывался чеченцами по дороге в Шатой, на правом берегу реки Чанты-Аргун. Ртутная руда (киноварь) разрабатывалась близ села Нюхой[316]. Соляные источники располагались в бассейне реки Фортанги м в 8 верстах от Ведено. Около Ведено чеченцами добывалась соль в 2-х каменоломнях[317].

Кавказский марганец в отношении своего качества и количества занимал первое место не только в России, но даже на всём земном шаре[318].

После присоединения Кавказа к России вопрос о собственности на землю и её недра встал особенно остро. Предприниматели разных мастей ринулись на просторы этого благодатного края, желая максимально обогатиться за счёт всего, что когда – то принадлежало местным жителям. Горцы, понимая, что их земли поступили в распоряжение казны, пытались получить хоть какую-то выгоду от своей собственности, заключая общественные договоры с предпринимателями на разработку полезных ископаемых на их, казалось бы, землях, с отчислением определённых сумм в пользу жителей, от полученной предпринимателем прибыли. Иногда дело доходило до полного абсурда, когда, например, самим же горцам запрещалось добывать руды на землях их общины. Так, например, приговором обществ сёл Сальбюри и Лошкарой постановили провести добычу охры и других полезных ископаемых на землях этих обществ. Однако, отзывом Штаба Кавказского военного округа, обществам было запрещено разрабатывать их руды[319]. В приказах по Терской области от 15 августа 1890 года за №80 и 23/25 марта 1897 года было объявлено, что общества селений без разрешения правительства не могут входить ни в какие соглашения с горнопромышленниками по разработке и эксплуатации минеральных ископаемых до получения на то надлежащего разрешения. Виновных, в лице сельских должностных лиц привлекали к ответственности и в судах возбуждали иски по уничтожению заключённых договоров[320]. Не отработанными в этой области являлись и законы. Действовавшее законодательство не указывало порядка оценки земель, в недрах которых находились полезные ископаемые. А ведь в Терской области на тот период проживало довольно большое количество частных собственников, желавших разрабатывать недра своих земель, или продать их. Если рассматривать вопрос по аналогии, то Гос.Совет неоднократно разъяснял, что при

оценке земель поросших лесом, лес надлежит ценить нераздельно с землёй, т.е. лес отдельно не ценился – просто продавалась земля. Можно ли было в связи с этим оценивать рудоносную землю, как простой участок земли – не ясно[321]. В 1891 году вопрос о праве собственности на недра получил благоприятное разрешение для Терского казачьего войска[322]. В случаях открытия в недрах земель казачьего войска благородных металлов и минералов, эти земли отходили в казну за установленное законом вознаграждение. Станицы получали соответствующее количество десятин земли из смежных земель войскового запаса, при невозможности такой замены было положено вознаграждение – единовременное или ежегодное[323].

У чеченских обществ запасных земельных наделов государством предусмотрено не было. Тем более речь не шла о материальном поощрении. В случае нахождения полезных ископаемых на горских землях – самим им, в основном запрещалось их разрабатывать, а зачастую эти земли или конфисковались в пользу государства, или Терского казачьего войска (как случилось с нефтяными источниками); или эти ископаемые добывались предпринимателями, принося доход не исконным хозяевам, а государству, в виде налогов и роста горнодобывающего оборота страны.

Рассмотрим историю появления такого разнообразия полезных ископаемых на Кавказском перешейке. В середине Юрского периода (175-165 млн. лет назад) Кавказ, покрытый океаном Тетис, пережил киммерийскую складчатость. Цепь подводных и надводных вулканов протянулась тогда на многие километры вдоль гребня Кавказского ядра.

В промежутке времени от 15 до 5 млн. лет назад под напором сближающихся литосферных плит, произошло (и продолжается ныне) грандиозное сводовое воздымание Кавказа, как бы выдавливание всей его перемятой горной массы кверху. Одновременно с поднятием продольного свода Кавказа у его подножий опускались передовые прогибы – Терско-Каспийский, Западно-Кубанский и другие. К прогибам приурочены нефтеносные пески, а также пологие складки и валообразные поднятия, послужившие ловушками для нефти и газа[324].

Выгоды, извлекаемые людьми из коммерческих операций с нефтью и газом настолько значительны, что история нефтяной промышленности оказалась тесно связанной с экономическим и политическим господством одних народов над другими и с национально-освободительным движением. Именно нефтяная промышленность позволила людям

сменить лучину на керосиновую лампу. Россия потребляла в начале XX в. больше нефтяного топлива, чем вся Западная Европа, причём использование его было далеко не экономичным. Уже в 1887 году соотношение угля и нефти в топливно-энергетическом балансе России было сопоставимо с подобными же параметрами в США середины XX века, и «углезация» баланса, причём довольно вялая, обнаружилась лишь после 1901 года[325]. Решающее значение для подъёма Грозненской нефтяной промышленности в конце XIX в. имел промышленный и общеэкономический подъём 90-х годов и связанный с ним рост железнодорожного строительства. Спрос на нефтепродукты в этих условиях опережал предложение, и нефтяное дело становилось одним из самых прибыльных, выгодных для приложения капиталов[326]. Без развития нефтяной и нефтедобывающей промышленности невозможно представить такие достижения, как авиация и автомобилизация[327]. Возникновение и развитие Грозненской нефтяной промышленности было толчком для образования чугунно – литейных, механических заводов; котельных; мастерских и торговых предприятий[328]. В Грозном были открыты следующие предприятия: два чугунолитейных завода и механический, по изготовлению и ремонту оборудования буровых скважин – «Молот» (1896), положивший начало заводу «Красный молот»[329]. Основы развития нефтяного дела, заложенные в конце XIX века на Кавказе, сказались в дальнейшем, в том числе в периоды Первой и Второй мировых войн, когда было обеспечено снабжение топливом, смазочными материалами и взрывчаткой нашей военной техники. В конце XIX и в начале XX века Россия занимала первое место в мире по добыче нефти.

Периодизацию нефтедобычи можно представить следующим образом:

1) Переход от использования свободных выходов нефти к сооружению ям (копанок). Человек в этот период впервые использовал биологическую энергию для воздействия средствами труда на горную породу с целью создания искусственной горной выработки.

2) Период строительства колодцев. Увеличение количества добычи нефти, используется энергия не только людей, но и животных, появляются орудия труда (вёдра, ручные буры). Второй период начался на Северном Кавказе не позднее середины XVII века, так как первые письменные упоминания о колодцах относятся к 1653 году.

3) Третий период – механического бурения скважин при помощи тепловой энергии ударно-штанговым (бакинским) способом, продлился

всего четыре года, с 1893 по 1897 гг. Для Грозненских нефтепромыслов окончание второго периода и начало третьего пришлось на 1893 год, когда была пробурена механическим способом при помощи паровой машины первая нефтяная скважина.

4) Четвёртый период – механического бурения скважин ударным канатным способом начался летом 1897 года, когда этим новым для России способом была успешно пробурена скважина глубиной около 100 сажень, со скоростью в 1,5 раза большей, чем ударно-штанговым способом. Грозненский способ интенсивно эволюционировал и скоро, в 1902 году на смену пеньковому канату пришёл металлический. Паровые машины были заменены на нефте – и газомоторные[330].

Нефтепереработка также претерпела свою эволюцию. Первый её период – нефтяной. Продукт потребления – сырая нефть, использовалась для смазывания колёс, освещения и отопления помещений, в медицинских и военных целях. Второй период – керосиновый. Начался в 1862 году, когда на российском рынке был широко представлен американский керосин, позже уступивший место российскому керосину – в том числе и за границей. Керосин использовался для освещения и в медицинских целях, а также как топливо для двигателей. Третий – бензино – мазутный период, характеризуется применением бензина в связи с развитием авиации и автомобилестроения, а также переводом судов и локомотивов на мазутное топливо. Он начался в 1905 году[331].

В Чечне ещё в далёком прошлом началась добыча и использование нефти в местах её естественного выхода на поверхность. В записях древнегреческих, арабских и персидских авторов уже имеются первые упоминания о наличии и использовании нефти на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне[332]. Известно из документа, что в 1788 году чеченский князь Казбулат торговал и имел определённый доход с нефтяных колодцев, расположенных в его владениях[333]. «Имели мы, – писали моздокские казаки в прошении генералу Ртищеву от 4 августа 1811 года, – общую выгоду от мирных чеченских деревень, поселённых на той стороне реки Терека, жителями которых привозилась на продажу чёрная нефть для мазания тележных колёс и продавалась вольною ценою». Позднее, нефть была изъята у чеченцев и стала собственностью Кавказского линейного полка, который сдавал её в откуп. Назрановские и сунженские жители (ингуши и чеченцы) вели контрабандную добычу нефти, которую сбывали на военной Линии[334].

Пристальное изучение кавказской нефти Россией началось ещё в XVIII веке. В 1770 году горячие источники по поручению Академии наук обследовал академик И.А. Гюльденштет (1745-1781), который, осматривая правый берег реки Терек, описал брагунские нефтяные источники и приблизился к Мамакаевским источникам нефти.

В 1830 году российский химик-минеролог Р.И. Герман (1805-1879), «объезжая Кавказ для исследования свойств минеральных источников» посетил Малую Чечню, и среди прочих описал «нефтяной источник, находящийся в направлении Старо-Юрта и Мамакай-Юрта, в 10 верстах от крепости Грозной…Источник даёт в день 20 вёдер нефти, из которой приготовляется, в устроенном близ источника помещении, чистое горное масло. Остающийся от перегонки асфальт тут же употребляется вместо топлива под аппаратами для перегонки». Эти слова убедительно свидетельствуют о том, что в 20-х годах XIX века, кроме перегонного завода братьев Дубининых около Моздока, существовали и другие предприятия, перерабатывающие нефть в Чечне[335].

В начале XIX века нефть добывалась открытым способом из нефтяных колодцев, а в 1823 году крепостной крестьянин Василий Дубинин вместе с братом построил первый аппарат для переработки нефти. Правда, этот первый в истории завод по производству керосина просуществовал недолго[336]. Так на Северном Кавказе был сооружён первый не только в России, но и в мире нефтеперегонный завод. С течением времени центром формирующейся нефтяной промышленности в Чечне стал город Грозный. Также выход на поверхность нефти отмечался в районе современных населённых пунктов: Брагуны, Ачалуки, Карабулак, Серноводск, Самашки, Беной, Исти-Су. Выходы нефти наблюдались по берегам реки Аргун, близ села Дуба-Юрт[337]. О наличии здесь месторождений нефти было известно чеченцам очень давно. В 200 саженях к северу от курорта Брагуны заметны были на поверхности земли выходы тяжёлой нефти из первого нефтяного пласта. Брагуны славились в первую очередь своим мощным горячим серным источником (+90 градусов), но залежи нефти очень давно начали привлекать внимание людей[338].

Местное население добывало нефть с помощью колодцев, глубина которых была от 3 до 10 аршин. Всего в окрестностях Брагунов можно было насчитать до 300 чеченских колодцев. По сведениям горного инженера Леднёва имелись указания, что в Брагунах, на участках князей Таймазовых нефть тарталась с глубины 10-12 сажень – из бурого песчаника[339]. Отсутствие притоков воды в местах залегания нефтяных

пластов на Брагунских месторождениях удешевляло проведение буровых скважин и облегчало добычу нефти. Стоимость одной скважины с необходимыми постройками и сооружениями составляла 35000 рублей. Брагуновские источники выгодно отличались от Грозненских из-за удобного доступа к источнику пресной воды. Терек находился всего в 2-х верстах от нефтяных участков, что обеспечивало дешёвое получение пресной воды, тогда как для Грозненских промыслов воду возили в бочках за 15 вёрст[340].

В 1866 году офицеры из горцев – братья Арсланбек, Султан и Бирахан Таймазовы сдали свой участок площадью около 400 дес. земли – возле селения Брагуны в аренду Исмаилу Али-Оглы и Магомеду Мехти – Оглы на 5 лет под устройство бань (имелись тёплые источники) и добычу нефти за 1400 руб. серебром в год. Их конкурент Мирзоев пытался воспрепятствовать осуществлению этой сделки. Брагунские источники принадлежали князьям Таймазовым и обществу села Брагуны и располагались на площади в 4000 квадратных сажень; 60 колодцев ежесуточно давали до 100 вёдер нефти. С 1870 года эти источники стали арендоваться, с оплатой в год по 1400 рублей серебром[341]. Работали на нефтяных приисках в основном местные жители. На эту работу старались устроиться многие чеченцы, т.к. в день они могли заработать до 75 копеек. Управляющие считали их «...достаточно понятливыми и трудоспособными»[342].

В Алдах несколько конкурирующих иностранных фирм пробурили 6 скважин – в одной из них оказалась нефть[343].

Истисуйская группа была расположена в Грозненском округе, на земле села Исти-Су. В верховьях реки Ярык-Су существовал единственный в своём роде нефтяной источник, вытекавший из известняка верхнего мелиолита. По сравнительно низкому удельному весу, по небольшому содержанию акцизных смол и малой вязкости, его можно было отнести к источнику лёгкой отбензиненной нефти. Местным жителям давно был известен источник «белой» нефти. На северном склоне хребта Плани Дук, в лесу, в небольшой луже собиралась лёгкая нефть, которую чеченцы охотно использовали для смазки оружия. Светлая нефть, прежде чем выйти на поверхность, должна была просачиваться по трещинам и плоскостям наслоений через глины, что, весьма вероятно и влияло на её свойства. Этим может быть объяснено различие в качестве нефти – тёмной и светлой[344]. 6 ноября 1866 года унтер-офицер Иван Завьялов заключил договор с жителями села Исти-Су, на право добычи нефти из

источников, с обязательством платить обществу ежегодно 400 рублей. Когда Завьялов брал в аренду нефтяные источники, имелось лишь 2 колодца, из которых добывалось нефти во время дождя до 3-х вёдер в день, при отсутствии дождя не менее 1,5 ведра в день. Завьялов выкопал 11 новых ям, затратив на это 300 рублей, но только в одной из них оказалась нефть. Вскоре у Завьялова появились разногласия с жителями села по вопросам эксплуатации участков и арендной платы. В апреле 1867 года он расторг договор. У арендатора Беллика также сложились напряжённые отношения с жителями селения Исти-Су, из-за того, что он не сделал дополнительные взносы сельской общине за использование поверхности их нефтеносных участков земли. С ним договор также был расторгнут[345]. Общество стало само эксплуатировать скважины, добывая нефть в незначительных количествах, идущую на потребность самих жителей села Исти-Су.

В 1872 году в Чаберлоевском участке, на земле селения Нашхой, по соглашению с жителями села и с разрешения начальника Терской области разрабатывалась и добывалась нефть бесплатно прапорщиком милиции Мударовым. Горцы, бывшие на службе у царского правительства, пользовались особыми привилегиями и всячески поощрялись местной администрацией.

Беноевская группа нефтяных источников находилась на земле села Беной, в Веденском округе. Местность залегания нефтяных жил занимала около 50 кв. вёрст. Колодцы, вырытые местным населением, были глубиной от 2 до 6 аршин и располагались в основном по левому берегу реки «Нефтянки». Жители издавна черпали из них нефть зеленовато-бурого цвета, с сильным запахом газа. Чеченцы использовали эту нефть как горючий материал, а также для окраски своих построек, дабы предохранить их от сырости[346]. С развитием Грозненской нефтяной промышленности эти места стали активно посещаться рядом геологов, представителями частных фирм, которые ограничивались наблюдениями общего характера. Бенойские выходы нефти изучали геологи: Денисов – в 1886 году и Коншин – в 1892 году[347]. Бенойско – Датахский нефтеносный район обладал рядом преимуществ и редким свойством – сочетанием широких полей отложений с пологим залеганием нефтяных слоёв. Но это строение было связано с надвигом, закрывавшим нефтеносные слои. Чтобы пробить минеральный надвиг и дойти до нефти, к юго-западу от села Гендырген, необходимо было пробурить скважину высотой в 250-450 метров. Наиболее высокая точка водораздела реки Эхкечу была известна под названием

«Мехкидетен – корт». Таким обозначением она обязана обильным выходом нефти (по-чеченски «Мехкидетен» означает – земляное масло). Не смотря на высокое положение, здесь имелись многочисленные нефтяные источники. Существование нефтяных источников на высоте свыше 1000 метров, на водоразделе, в условиях горного рельефа, казалось просто невероятным[348]. По мнению промышленников и геологов той эпохи, каждый район, вне зависимости от его рельефа и расположения, заслуживал пристального внимания. Территория Терской области тщательно изучалась в связи с поисками новых месторождений нефти. В 1910 году была создана большая цветная карта Терской и Дагестанской областей, на которой были обозначены наиболее перспективные месторождения нефти[349].

В разработке нефтяных источников Беноевской группы пореформенного периода можно отметить два этапа: до 1870 года – аульный; с 1870 – арендный. По статистическим данным при разработке местными жителями нефтяных источников близ Беноя, быстро увеличивалась добыча нефти. Так, если в 1868 году было разработано 1500 пудов нефти, то в 1869 году эта цифра увеличилась до 2362 пудов. Однако к 1889 году нефтедобыча на этом участке снизилась до 328 пудов[350]. Из отчёта начальника Веденского округа мы узнаём, что с 1870 года Беноевские нефтяные источники на основании контракта начинают разрабатываться арендатором Иваном Растамовым. За использование этих участков он вносил плату 1000 рублей серебром в год. Хотя Растамовым и было увеличено количество колодцев до 12, добыча нефти в 1870 году упала по сравнению с 1869 годом в 3,5 раза и равнялась 617 пудам 20 фунтам. В 1871 году добыча нефти арендатором уменьшилась ещё в 6 раз, насчитывая 100 пудов. Добываемая им нефть частью сбывалась в сыром виде, частью перегонялась. Растамов продавал нефть в основном в Хасав-Юрте по 2 рубля 50 копеек за пуд[351].

Необычайно трудно было доставлять нефть к железной дороге. И. Растамов продавал нефть в Хасав-Юрте в связи с тем, что этот крупный населённый пункт связывала с Беноевскими источниками отремонтированная дорога. Со станции Хасав-Юрт дорога шла через чеченские сёла: Ярыксу-Аух, Бено-Юрт, Ножай-Юрт, Саурго, Саясан. Передвигаться по этой дороге было довольно опасно и тяжело, т.к. она проходила по высокогорью, а в дождь глина размокала и колёса скользили, отчего проехать по ней было почти невозможно. В связи с опасностью передвижения, население арендаторам зачастую отказывалось предоставлять лошадей и повышало стоимость перевозки нефти на своём транспорте[352].

Колодцы хутора Кюренбеной представляли собой восемь ям небольшого размера, местами креплённых деревом, наполненных водой и нефтью. Наблюдалось газирование источников. Нефть собиралась, главным образом, метёлками, с которых она отжималась в вёдра[353].

Чанты – Аргунская нефтяная группа находилась вблизи реки Чанты-Аргун, около развалин укрепления Ярош-Марды. В 1866 году эта группа официально считалась государственной собственностью. Вблизи Чанты-Аргуна сохранились остатки «двух небольших горских ям», доказывающих первоначальную разработку нефти на этом участке местными жителями. В апреле 1866 года моздокский купец 2-й гильдии, купеческий сын Сергей Цыблов обратился к начальнику Кавказского горского управления с просьбой о выдаче ему разрешения на добычу нефти по обеим сторонам реки Чанты-Аргун. После рассмотрения этого вопроса начальником Терской области 10 августа 1868 года, управлением Аргунского округа было заключено условие на право добычи нефти из указанных источников Цыбловым. Но уже в апреле 1870 года он добровольно отказался от своего права на источник, находя эту операцию для себя невыгодной, и предоставил месторождение обратно в распоряжение правительства. Только после этого Кавказской администрацией было передано право распоряжаться Чанты-Аргунскими источниками тем аульным обществам, на земле которых они находились[354].

Фактический материал указывает на экстенсивный путь развития нефтедобычи на её первоначальном, «кустарном» этапе, который не приводил к резкому увеличению количества добываемой нефти в данном регионе. Отсутствие реформ, стагнация нефтяной промышленности в Терской области были очевидны. Установление государственной монополии на регулирование нефтедобычи и нефтепереработки на Северном Кавказе не способствовало развитию частного предпринимательства. Отсутствие высокотехнологических производств, кредитных банковских средств, путей транспортировки нефти и продуктов её переработки – тяжело сказывались на нефтяной отрасли. Всё говорит о том, что обветшалому мануфактурному производству, основанному на несложной технике, ручном труде и откупной системе, давно уже следовало уступить дорогу современному, хорошо организованному производству, основанному на машинной технологии, свободном предпринимательстве и конкуренции.

Залежи высококачественной нефти, обилие дешёвой рабочей силы давали возможность извлекать баснословные прибыли. Так, если за 60 лет, с 1833 по 1893 год колодезным способом было добыто 3,5 млн. пудов нефти, то после начала промышленной добычи, за один только 1893 год было добыто 8млн. пудов нефти[355]. Формы эксплуатации земельной нефтеносной собственности задерживали рост технического прогресса в нефтедобыче. Капиталовложения в строительство путей сообщения требовали длительных сроков аренды. Отсутствие жилищного строительства нефтепромышленники объясняли непосредственно условиями аренды. На ходатайство нефтяных компаний о продлении срока аренды, представители Терского войска, как собственника нефтеносных земель, отвечали следующее: «Вопрос о сроке аренды нефтяных участков необходимо рассматривать…со стороны интересов Терского войска. Продление срока аренды на прежних условиях несёт ущерб войску…» Короткий срок аренды гарантировал землевладельцу более полное получение ренты и присвоение части капиталовложений нефтепромышленников[356].

В конце XIX века поисково-разведочные работы бурением скважин начинаются на Вознесенской, Карабулакской и других площадях Чечни и Ингушетии. Для дальнейшего развития геолого-поисковых и разведочных работ на нефть и газ важное значение имели результаты исследований Геологического комитета, проведенных в самом начале XX века и открытие Новогрозненского месторождения нефти в 1913 г. По результатам геологических исследований были составлены карты нефтенасыщенных пластов и литолого-стратиграфические схемы нефтеносных участков. Добыча нефти из Новогрозненского месторождения к 1917 г. (за четыре года) достигла 638 тыс. тонн[357].

Откупная система установилась на Тереке не позже 1811 года (в Баку с 1907 г.). Её суть состояла в том, что владельцы нефтеносных земель за определённую сумму и на определённый срок сдавали все (т.е. те, которые существовали и которые могли быть открыты) нефтяные источники предпринимателям.

До последней трети XVIII века нефтяные земли являлись собственностью чеченских сельских обществ. По мере продвижения русских войск на Кавказ, нефтяные колодцы, в конце концов, оказались позади выдвинувшейся на юг русской границы. Казна, нуждавшаяся в деньгах, изыскивала новые источники доходов. Нефтяные колодцы, как сообщала газета «Кавказ», – «…были потом подарены казакам». 6 станиц

Кизлярского отдела располагались на землях изгнанного чеченского населения, а станица Барятинская (Горячеисточненская) соседствовала с крупным плоскостным селом Старый Юрт (Толстой-Юрт), из-за чего староюртовцы были лишены части своих земель. Станица Кахановская, в частности, была основана в 1860 г. на месте села Умахан-Юрт в излучине нижней Сунжи и находилась почти в окружении 14 чеченских сел, принявших избранных умаханюртовцев в число своих жителей.

Всего на Сунженской линии горцы лишились 262946 дес. плоскостной земли. Такое положение создавало серьезные предпосылки для враждебности соседствующего чеченского и казачьего населения края. С открытием нефтяных месторождений в этом районе и осознанием горцами связанных с этим прибылей, львиная доля которых доставалась новым хозяевам, чеченцы поняли, какого источника повышения благосостояния они лишились. Только на небольшой части нефтеносных земель были расположены чеченские села Алды и Новые Алды вблизи Грозного. Но и у этих сел тянулись территориальные споры с соседними казачьими станицами – Ермоловской и Грозненской[358].

Геолог А.М. Коншин, исследовавший историю Грозненских нефтяных промыслов, писал о том, что войско начало сдавать колодцы в аренду с 1833 года[359]. 16 февраля 1845 года Николай I рескриптом на имя наместника Кавказа Воронцова утвердил «Положение о Кавказском линейном войске». В параграфе№154 «Положения» говорилось, что «в знак особого благоволения…в пользу войска предоставляется всемилостивейше пожалованный ему доход от нефтяных источников близ крепости Грозной». За 57 лет существования откупной системы, с 1833 по 1890 год, войско имело 152500 рублей серебром чистого дохода, получая, таким образом, в среднем в год с каждого откупщика 5647 рублей. Откупная система, применявшаяся в нефтяной промышленности, была характерным явлением крепостной эпохи. Она избавляла государство (войско) от излишних хлопот – содержания специального аппарата для эксплуатации источников или для взимания налогов за продажу нефти. Вывозом нефти от источников к рынкам сбыта и местам потребления занимались, по – найму, главным образом её бывшие владельцы – чеченцы[360].

«Хозяином» богатых нефтяных участков являлось Терское казачье войско, которое как собственник земли получало в виде земельной ренты до 1 млн. рублей дохода[361]. Терское казачье войско выделило себе на Грозненской группе источников 15 десятин и на Мамакаевской – 10 де-

сятин, а затем сдавало обе группы в аренду. Смежные с войсковыми нефтяными источниками земли были оставлены войском в собственность Алхан-Юртовской и Грозненской станицам[362].

Здесь необходимо заметить, что доходы с нефти шли не только в бюджет войска, но и, в виде вознаграждения за отчуждаемую землю, в бюджет станиц. Согласно правил, от 22 мая 1894 года, источники нефти, расположенные на станичных землях, считались принадлежностью войска и в случае разработки отчуждались, а станичным обществам выдавалось или денежное вознаграждение или дополнительно отводилась земля.

Добыча нефти велась как на войсковых, так и на частновладельческих землях, но 9/10 всего количества нефти было добыто на землях Терского казачьего войска[363]. Там, где нефтеносный пласт пересекал земли войска, чеченских обществ и частных владельцев, предприниматели старались не иметь дело с чеченцами, т.к. Кавказское горное управление регулярно отказывало арендаторам в отводах на этих участках земли под разработку нефти. Проще всего оказывалось заключать аренду с войском, в этом плане конкурентную борьбу оно с успехом выигрывало[364].

Если общий доход с нефтяной промышленности взять за 100%, то промышленники получали 35%, казна 32%, собственники земли 24% и посредники 9%[365].

Терское войско проявило большую активность в нефтяном бизнесе. Обычные условия аренды их земель, это: выплата 150 рублей за каждую десятину и дополнительно 2 –6 копеек за каждый пуд добытой нефти. В 1903 году на принадлежавших Терскому войску землях было добыто более 32,4 млн. пудов нефти; в 1907 году – 38,6 млн. пудов; в 1911 – 74,5 млн. Вместе с тем роль войска в нефтяном бизнесе была узкой и ограничивалась сдачей в аренду земельных участков. Полученные доходы, как правило, не возвращались в отрасль в качестве новых капиталовложений, а расходовались на другие цели: содержание войсковых учреждений, выплату разного рода пособий, финансирование сельскохозяйственных работ. Значительная часть вырученных средств вкладывалась в разного рода ценные бумаги. Прилив денег в казну Терского казачьего войска позволил развернуться войсковому строительству, обслуживающему нужды войска, и это строительство зиждилось на нефтяном фундаменте. В целом Терское казачье войско приходится рассматривать как организм, паразитирующий на развивающемся Грозненском промышленном районе[366]. При реформировании нефтедобычи и

нефтепереработки резко должна была увеличиться производительность, что привело бы к большому приросту валового налогового дохода, которым пришлось бы делиться с общегосударственной казной, была бы введена ещё большая отчётность и ревизионность. Без реформирования, в условиях откупной системы, Терское областное правление полновластно распоряжалось всеми источниками доходов на территории области. Теперь уже в большинстве случаев не жители селений распоряжались недрами земель, испокон веков принадлежавших им по праву наследования, а государство или давало это право общине, или заключало сделки с арендаторами, не согласуя свои решения с жителями тех земель, где происходила нефтедобыча. Органы государственного управления не могли запретить коренным жителям пользоваться нефтяными источниками на их территории, хотя бы в силу невозможности контроля, но роль государства была наглядно продемонстрирована в форме распоряжения земельной собственностью[367]. Иногда государство, в виде исключения, разрешало чеченцам заключать длительные договоры с арендаторами на эксплуатацию их нефтеносных земель. 18 апреля 1915 года жители села Новые Алды, насчитывавшего 520 дворов, общественным сходом постановили отдать в аренду на 24 года 20 десятин земли Степану Трофимовичу Лианозову. Удивительно, но в то время «светски» неграмотное население, не имевшее юридической помощи, сумело составить очень грамотный в правовом отношении документ, прописывавший мельчайшие нюансы взаимоотношений общины с арендатором. На сегодняшний день, целиком сохранился дошедший до нас юридический документ, показывающий степень адаптации коренного населения в условиях капиталистического развития, его грамотный подход к возникающим жизненным ситуациям. Приведём выдержки из этого контракта:

1) Лианозов обязан уплатить обществу по 5 тыс. рублей за каждую десятину. Если владение участками в течении арендного срока будет нарушено правительством или административной властью, которая воспрепятствует владению и добыче нефти и признает приговор недействительным, то задаток по 200 рублей с десятины останется в пользу общества, остальное возвратиться Лианозову.

2) Арендованными участками Лианозов может пользоваться как для сельскохозяйственной надобности, так и для устройства торговых и промышленных предприятий.

3) Общество для подвоза материалов, труб отводит дорогу, которой Лианозов должен пользоваться, а если им будут причинены убытки на

указанной дороге – должен уплатить обществу убытки по справедливой с обеих сторон оценке.

4) Лианозов или его правоприемники при разработке нефти или руды обязаны уплачивать обществу сверх арендной платы за землю ещё по 2 копейки за каждый пуд добытой нефти – 4 раза в год. За несвоевременную уплату попудных денег арендатор выплачивает обществу Новые Алды пени, 1 месяц просрочки по 1% с рубля, второй по 2% и т.д.

5) Для учёта добываемой нефти общество имеет право поставить на арендных участках своего собственного контролёра, которому Лианозов обязан предоставить на промыслах соответствующее помещение – 2 комнаты с отоплением и освещением.

6) По окончании арендных сроков Лианозов в течение 6 месяцев должен очистить отведённые участки от всех строений. Причём всё не вывезенное в течение этого срока с участка оборудование, в том числе трубы и буровые скважины – переходят в собственность общества.

7) Всякие претензии и иски должны разбираться в суде.

Под общественным приговором подписались уполномоченные жители селения Новые Алды: Уди Шантукаев, Шамиль Исаков, Магомед-Мирза Такаев, Эльмурза Капланов[368].

Представители офицерского сословия входили также и в чеченскую предпринимательскую элиту. Самый известный чеченский нефтепромышленник А. –М.Чермоев не только происходил из офицерской семьи, но и сам был офицером, получившим ранение в бою. Интересно, что предпринимательский успех пришёл к нему после того, как ему удалось взять в аренду нефтеносные участки у селения Алды. При этом А. –М.Чермоев предложил алдынскому обществу не только 30000 рублей в качестве единовременной выплаты, но и гарантировал специальным договором передачу четвёртой части доходов от добытой на этих участках нефти. В то время никто другой не предлагал чеченским крестьянам таких условий и А. –М.Чермоев имел полное право утверждать, что нефтеносные участки он получил лишь потому, что алдынцы «..давно убедились в том, что мне дороги их интересы и что в своей деятельности я всегда готов поступиться своими личными интересами для пользы родного мне селения». Надо сказать, что молодая национальная буржуазия довольно быстро начала осознавать свои собственные интересы, связывая их с интересами чеченского народа. Исходя из этих позиций требование известного депутата Гос.думы от горцев Терской области Т. Эльдарханова «остановить расхищение природных богатств края до

полного разрешения земельного вопроса» можно рассматривать как первое проявление претензий национальной буржуазии на контроль над природными ресурсами Чечни.[369] Чеченский князь Туган Алхазов – инженер по нефтедобыче, являлся одним из первых учеников П.К. Услара. В книгу П.К. Услара «Чеченский язык» (Тифлис 1862 г.) вошли фольклорные материалы, записанные со слов Т.Алхазова[370]. С 1890 по 1911 год правительственный надзор за Грозненской нефтяной промышленностью осуществлял горный инженер IV Кавказского горного округа – чеченец Магомет Омарович Омаров[371]. Чеченский шейх Шаптукаев был одним из организаторов нефтепромышленного общества «Старо-Юртовская нефть»[372]. Крупные шейхи выступают в качестве самостоятельных общественных деятелей, отстаивающих собственные экономические и политические интересы, что объективно способствует сближению этой социальной группы с быстро формирующейся национальной предпринимательской и военно-бюрократической элитой. Этот процесс нашёл отражение, в частности, в обеих нефтяных компаниях, созданных чеченским национальным капиталом. Так, компаньонами А.-А. Шаптукаева в компании «Старогрозненская нефть» выступают крупные чеченские купцы и предприниматели Баширов, Бадуев, Батукаев и Мирзоев, а крупный коммерсант и шейх Юсуп-Хаджи Байбатыров известен близостью к крупнейшему нефтяному магнату Абдул-Межиду (Топе) Чермоеву[373]. Несмотря на то, что многие чеченские предприниматели пробовали себя в нефтяном бизнесе, лишь не многие сумели заработать, а главное сохранить многомиллионное состояние. Неудачное вложение капиталов, например, привело к разорению Айдемировых, Уцмиевых, Таймазовых. Последние, кстати, неплохо зарабатывали до отмены откупной системы, сдавая в аренду принадлежавшие им нефтяные колодцы. Чеченская устная традиция рассказывает об одном из неудачливых предпринимателей – Абубакаре Чермоеве, который, первоначально сказочно разбогатев, построил в Грозном большой трёхэтажный особняк. Однако после революции 1917 года, оставшийся не только без прежнего богатства, но и большинства близких родственников, Абубакар кормился подаянием на улицах Грозного.

Видные представители чеченского духовенства, тот же Дени Арсанов и Сугаип – мулла Гайсумов, тоже пытались (правда, неудачно для себя) принять участие в нефтяном бизнесе. Ничего порочащего их в этом нет. Поскольку ислам считает предпринимательство делом богоугодным. Из подсчётов, проведённых Х.С. Ахмадовым, следует, что

чеченские предприниматели были удачливее других в сложном деле получения разрешения властей на отвод участков для проведения разведки на наличие полезных ископаемых. Чеченцы и ингуши составляли менее 21% от числа лиц, подавших соответствующие заявки. Однако они составляли уже более 27% от лиц, которым подобные разрешения были выданы. Вместе с тем официальная статистика по Терской области свидетельствует, что наиболее перспективные участки неизменно переходили к крупным нефтяным фирмам. Чеченские предприниматели работали в тесном союзе с деловыми людьми других национальностей. Надо полагать, что российские и иностранные партнёры ценили в чеченских предпринимателях наличие местных связей и деловую хватку. Так, осетин В.Д. Кулаев сотрудничал с чеченцами В.Д. и Г.П. Дышниевыми; Абдул-Межид Магомедович Мутушев счёл полезным для себя союз с Н.З. Рутенбергом[374]. Заметим, что среди служащих «Англо-Русского Максимовского общества» и общества «Русский стандарт», как правило, представителей народов Северного Кавказа не было[375].

Разумеется, чеченцы попадали в Грозный не только в качестве предпринимателей, купцов или государственных служащих. Немалое количество крестьян шли в город в поисках временного или постоянного заработка. По данным А.И. Хасбулатова, чеченцы и ингуши составляли более 11 процентов от общего числа рабочих шести нефтепромышленных фирм Грозного. Немало было чеченцев, ставших профессиональными рабочими. Четвёртая часть бурильщиков, слесарей, мотористов и других специалистов были чеченцами. Промышленное отходничество особенно увеличилось в 90-е годы XIX века, когда была ликвидирована откупная система и предприниматели с началом промышленной добычи нефти остро нуждались в рабочей силе. На нефтяных приисках рабочий-черпальщик мог заработать в месяц 8 рублей, кузнец 20 рублей, бондарь 23 рубля, а плотник 25 рублей[376]. На Грозненские нефтепромыслы шли в основном молодые горцы. Большинство прибывших на промыслы были холостыми (69,3% учтенного количества рабочих чеченцев и ингушей)[377].

Формирование кадров рабочих-нефтяников шло главным образом за счет местного русского и горского населения Кавказа, а также крестьян-отходников из центральных губерний России. Особенно много приезжало отходников из Пензенской, Тамбовской и Казанской губерний. Наиболее многочисленными были казанские татары. Особой прослойкой на грозненских промыслах были поляки, сосланные сюда

после подавления восстания 1863 г. Основная масса рабочих проживала в поселках на нефтяных промыслах, находившихся в радиусе 5-16 км. от Грозного. Здесь нефтяники ютились в землянках и маленьких плетеных домиках с плоскими крышами. Многие рабочие жили в казачьих хуторах, расположенных вдали от промыслов. Ни один из рабочих поселков не имел водопровода. Питьевую воду привозили из Грозного и реки Сунжи, находившейся на расстоянии 11-17 км; выдавали ее строго по норме (четыре ведра на семью в сутки); для мытья, стирки и прочего пользовались дождевой водой или брали ее из буровых скважин. Рабочие разных национальностей еще сохраняли отличия в одежде. Горцы и терские казаки носили в нерабочее время черкеску, русские старожилы Кавказа надевали специальную форму «мастерового» нефтяных промыслов[378].

В конце 90-х гг. нефтяной бум в Грозном достигает апогея: чуть ли не все лучшие дома города оказались занятыми под нефтяные конторы и частные квартиры «нефтяников», в результате в Грозном возникает квартирный кризис. На наем квартир у работников нефтяных промыслов уходило до 20-30% заработной платы. Квартиры, которые получали от хозяев немногие «счастливчики», даже буржуазные газеты называли «саклями» и «свинятниками». Рабочие (холостяки) жили в бараках, которые очень напоминали «…общие тюремные камеры»[379]. В 1898 году нефтепромышленники разработали правила внутреннего распорядка на нефтяных промыслах, состоящие из 46 пунктов. В этих правилах требовалось, чтобы чеченец, ингуш или казак предоставляли от начальника своего округа или атамана удостоверение о благонадёжности. Таким образом, бизнесмены ограждали себя от притязаний властей по укрытию «неблагонадёжных элементов» на своём производстве. Тем не менее, именно Грозненские нефтепромыслы, а не сельские районы Чечни, в 1905 году стали главным очагом политической нестабильности в области[380].

В условиях, когда государственная администрация не могла эффективно решать весь комплекс проблем, связанных с развитием грозненского нефтепромышленного района, эти функции взял на себя съезд Терских нефтепромышленников и его Совет, созданный еще в 1898 году. Съезды терских нефтепромышленников собирали представителей всех Грозненских нефтяных компаний. Претворение в жизнь принятых решений поручалось постоянно действующему рабочему органу – Совету съезда Терских нефтепромышленников. Последний регулировал отношения непосредственно между нефтяными компаниями, разрабатывал

ценовую политику, составлял рекомендации для властей, определял размеры отчислений на развитие промышленной инфраструктуры и т.д.

Большое внимание уделялось Советом съезда Терских нефтепромышленников урегулированию так называемого «рабочего вопроса». Согласно «Положению об организации Совета съезда Терских нефтепромышленников» от 23 марта 1899 года все действовавшие в Грозном нефтедобывающие компании обязаны были производить специальные отчисления в размере 1/5 копейки с каждого пуда добытой нефти для развития социальной сферы. К 1910 году это добровольное обложение давало в распоряжение Совета съезда терских нефтепромышленников ежегодно до 100 тысяч рублей, которые шли на строительство и содержание на нефтяных промыслах больниц, амбулаторий, школ, молитвенных домов и других социальных учреждений. Совет из своих средств построил для рабочих мусульманскую мечеть и планировал строительство православной церкви; построил и содержал телефонную станцию, дороги, мосты, приступил к устройству почты и сберегательной кассы. Кроме того, намечалось сооружение здания для полицейских чинов и содержание специальной промысловой охраны в составе пристава, его помощника, канцелярских чинов и 40 конных и пеших нижних чинов.

По требованию Совета съезда Терских нефтепромышленников с 1 июня 1906 года каждая нефтяная фирма создала так называемый «больничный фонд», из которого выплачивалось пособие заболевшим рабочим. Помощь из «больничного фонда»предоставлялась рабочим на более выгодных условиях, чем это предусматривалось Уставом больничных касс, создаваемых по распоряжению властей. Поэтому Совет рекомендовал открывать больничные кассы только на тех грозненских предприятиях, где не действовал «больничный фонд». Со временем выплаты из «больничного фонда» достигли довольно больших размеров. На оказание медицинской помощи на каждого рабочего выделялось 13 руб. 50 коп., а на жителя промыслов – 9 рублей. Для сравнения: в крупнейшем угледобывающем центре Юга России – Екатеринославе – аналогичные расходы были в 8-12 раз меньше[381].

Тяжелые условия жизни и работы являлись причиной высокого уровня травматизма и заболеваний среди рабочих. Только в 1907 году на нефтепромыслах, где было задействовано 2566 рабочих, произошло 837 несчастных случаев, в том числе 4 со смертельным исходом. За 5 лет, с 1908 по 1912 гг., количество больных, лечившихся в рабочей больнице на промыслах, возросло с 442 человек до 1054. В том числе с различными

травмами – с 78 до 336, с ранениями – с 68 до99. Только летом 1903 года в России был принят закон, предусматривавший обязательную выплату пособий рабочим и служащим, пострадавшим в результате несчастного случая на производстве. До этого владельцы предприятий обязаны были выплачивать компенсацию лишь в том случае, если несчастный случай произошел по их вине. Сложилась практика, когда хозяева предприятий напрямую договаривались с пострадавшими рабочими о размере выплачиваемых компенсаций. Как правило, размер таких единовременных выплат был невелик и утративший работоспособность рабочий и его семья вскоре оказывались в тяжелейшем материальном положении, однако, получив деньги от хозяина, рабочий уже не мог требовать выплаты пособия через суд.

Представители крупнейших нефтяных компаний выступали за введение земства в Терской области. Совет Съезда Терских нефтепромышленников предлагал выделить нефтепромысловый и заводской районы Грозного в отдельную земскую единицу, самостоятельно входящую в областное земство, с предоставлением Съезду Терских нефтепромышленников прав и обязанностей уездных (окружных) земских собраний, а его Совету – уездных (окружных) управлений. Кроме того, Совет предлагал не облагать грозненские нефтепромышленные компании земским сбором, так как по решению съезда они уже и так взяли на себя содержание школ, больниц и производили другие выплаты на общественные нужды. Так, в 1910 году расходы Совета съезда на школьное дело, при пересчете на каждого жителя грозненских промыслов, составляли 2 руб. 50 коп., а на каждого рабочего – 3 руб. 40 коп. В 1911-1912 гг. размеры всех пособий, ежегодно выделяемых рабочим, достигли 27 тыс. рублей[382].

Перевозка нефтепродуктов к местам сбыта осуществлялась гужевым способом. Нефть и продукты её производства перевозились в деревянных буковых бочках: 50 – пудовых для мазута и сырой нефти и 25 пудовых для керосина и бензина. Перевозкой, в основном, занимались чеченцы. Откупщики вступали в соглашение с горцами, которые «…уговаривались о перевозке нефти и, получая за это плату, обязывались вместе с тем, и уже бесплатно, даром стеречь источники, охранять их от засорения, выжигания и прочего, лишь бы только монополия перевозки принадлежала им». Вывоз нефти из войсковых источников для продажи, без ведома арендатора, запрещался[383]. Случаи воровства нефти были в то время не редки. В январе 1897 года жители Васильева хутора остановились около амбара Мамакаевского промысла и стали вёдрами черпать

нефть, наполняя свой бочонок. Сторож, заметивший это, прибежавший к ним, был связан и избит. Только благодаря буровым рабочим, услышавшим его крики, этот случай не имел печальных последствий[384].

В Грозненской и Мамакаевской балках с давних времён производилась добыча нефти при помощи колодцев, которые с 1833 года начали сдаваться в аренду разным лицам[385]. Площадь, на которой обнаруживали признаки нефтеносности, в пределах Терской области, занимала в 1890 году около 9 тыс. кв. вёрст[386]. Грозненские нефтяные промыслы начинались от города в 17 верстах и тянулись на 5-6 вёрст[387]. Арендная плата с 1855 года не превышала 5 тыс. рублей и количество добываемой нефти точно неизвестно. С 1855 по 1860 год источники находились в аренде у купца Чикалова, который в год добывал до 15 тыс. вёдер нефти и платил Терскому казачьему войску от 7 до 12 тыс. рублей[388]. С 1860 по 1865 год источники находились в аренде у купчихи Савдигаровой, причём годовая арендная плата возросла до 13250 рублей в год, а добыча нефти до 20000 вёдер[389]. Кизлярская купчиха Савдигарова владела заводом для выделки фотонафталя при станице Наурской, но в 1863 году её завод сгорел. Истреблено было нефти и имущества на 17981 рубля серебром. В результате этого пожара предпринимательница обанкротилась, арендованные ей нефтеносные участки были отданы на откуп на торгах, проводившихся в апреле 1865 года. Наивысшая плата была предложена титулярным советником Иваном Минаевичем Мирзоевым. И.М. Мирзоев был известным промышленником на Кавказе, обладал большими капиталами и являлся почётным гражданином города Тифлиса. С 1865 по 1885 год нефтяные промыслы были в аренде у И.М. Мирзоева, развившего добычу нефти до 66500 пудов в последний год аренды[390]. Мирзоев арендовал у войска три группы – Грозненскую, Мамакаевскую и Карабулакскую – за общую ежегодную плату в 13375 рублей. При этом практиковавшееся ранее бесплатное получение войском ежегодно 600 пудов нефти было отменено и заменено денежной платой войску 13615 рублей. Иван Минаевич, арендовав у войска участки земли, на первых порах приступил к постройке на Грозненской группе – нефтеперегонного завода. В 1873 году в Терской области насчитывалось два нефтяных завода и один фотогеновый. Продажная цена 1 пуда нефти на месте её добычи у Мирзоева была несколько ниже, чем у Савдигаровой и составляла 1,5 рубля. В первые годы цена за 1 пуд фотогена на заводе Мирзоева была 2 рубля и выше. В арендной описи Мирзоева указывалось, что с поверхности

четырёх неглубоких колодцев Мамакаевской группы собирали 10-12 вёдер нефти в сутки. Грозненская, Мамакаевская и Карабулакская группы колодцев занимали площадь в 77000 квадратных сажень. Если в 1869 году насчитывалось 82 колодца, то в 1870 году их количество увеличилось до 85.

С 1885 по 1892 год Грозненское месторождение арендовал владимирский купец Интабух (по другим сведениям Нитобух), увеличив производительность до 450000 пудов в год[391]. Интабух провёл некоторые мероприятия по улучшению колодцев, очистил и углубил их до 40-50 метров[392]. Над колодцами были устроены ручные ворота, приводимые во вращение каждый 2 рабочими. Нефть поднималась кожаными мешками, вместимостью от 4 до 5 вёдер. Затем она выливалась в корыто, на дне которого сделано отверстие, закрываемое деревянной пробкой. Отстоявшуюся воду в корыте спускали, а нефть вычёрпывали ведром и выливали в воронку, из которой она шла по железным трубам в каменный бассейн. Суточная добыча чистой нефти из 2-х колодцев составляла 1800 вёдер, это было около 1170 пудов[393].

Первый нефтеперегонный завод, построенный на Соляной балке, что на Старых промыслах города Грозного, вырабатывал керосин. В 1891 году завод сгорел[394]. Солярное масло и тяжёлый бензин шли на отопление. Лёгкий бензин, предварительно очищенный серной кислотой и содой, шёл на продажу, а мазут – на смазку колёс[395].

Как быстро шло увеличение притока нефти в Грозненских колодцах в связи с их углублением, видно из следующего сопоставления[396].

Год	Глубина (сажень)	Суточный приток (в пудах)
1876	13	37
1885	17	100
1888	19	280
1890	21,5	1000
1891	21,5	1000

Применительно к Грозненскому нефтеносному району ценные факты содержатся в работах видного геолога Е.М. Юшкина. Рассмотрев развитие промышленности за 16 лет (1892-1908 гг.), автор разделил их на три этапа, назвав первый «периодом увлечений» (1895-1896), второй

«периодом разочарований» (1897-1898) и лишь с 1901 года в Грозном, по мнению Е.М. Юшкина, начался третий «период правильной и серьёзной эксплуатации, что есть чему поучиться и бакинцам»[397].

С прекращением военных действий на Кавказе, этот богатейший край стал быстро развиваться не только в культурном отношении, но и в смысле роста заводских, фабричных и горных предприятий[398]. До 1883 года нефтяная промышленность не обращала на себя серьёзного внимания правительства, на неё смотрели как на мелкий доход Кавказского края и то отдавали её на откуп, то брали в казённое управление. Однако уже в 1887 году Россия начала употреблять 18 млн. пудов керосина, что заставило взглянуть на нефтяную отрасль по – другому[399]. Поступая на рынки империи, кавказский фотоген сохранял внутри государства сумму в 20 млн. рублей, тратившуюся на покупку американского фотогена[400]. Спрос на бензин превышал количество его выработки, масса бензина требовалась для газовых моторов. Вывоз бензина из Баку был возможен только во время навигации. Между тем, вырабатываемый в Грозном бензин находился рядом с железнодорожной станцией и мог вывозиться в течение круглого года. Грозненская нефть, в силу её технических свойств, заменяла дёготь и в то же время была ниже его по стоимости. А ведь в то время колёса смазывались именно дёгтем. Таким образом, Грозненская нефть стала крайне необходима стране, т.к. по некоторым показателям обходила Бакинскую[401].

В начале 1893 года нефтяное дело в Грозном купил у прежнего арендатора Интабуха присяжный поверенный И.А. Ахвердов с компанией[402]. С переходом нефтяных участков к фирме «Ахвердов и К» в 1893 году началась разработка месторождения посредством буровых скважин и в том-же году забил первый фонтан, привлёкший внимание промышленников и положивший начало интенсивному развитию этого района[403]. 28 июня 1893 года фирма «Грозненские и Алхан-Юртовские нефтяные промыслы Ахвердов и К» заложила первую буровую скважину. Такое сложное название у фирмы было связано с тем, что эта компания, помимо Грозненских, арендовала на 24 года 30 десятин земли Алхан-Юртовской станицы, с платой 1 коп. за каждый пуд добытой нефти, при первых 2 млн. пудов и по 1,5 коп. с пуда, если будет добываться более[404]. Как мы видим, уже в подготовительный период, у этой нефтяной организации были далеко идущие замыслы, которые, она впрочем, в дальнейшем и смогла воплотить в жизнь, сделав прорыв в области нефтедобычи.

Бурение первой скважины производил буровой мастер из Баку – Муравьёв. Он работал с помощью своих машин и инструментов и дошёл до глубины 35 сажень, за что получил 11 тыс. рублей. Для сравнения можно сказать о том, что рабочие – чеченцы, работавшие при бурении, получали 8-9 рублей в месяц[405]. 18 ноября 1893 года, когда вторая скважина была доведена до глубины 28 сажень, из неё внезапно появился грандиозный фонтан чистой нефти, ударивший на высоту 30 сажень. Сила этого фонтана была настолько необычайно велика, что только в течение первого дня, а именно 18 ноября, он выбросил более 800 тыс. пудов нефти. Заполнив все имеющиеся на промысле хранилища и ямы, нефть, как горная река, устремилась по ложу балки к выходу в долину реки «Нефтянке». Поперёк балки был немедленно насыпан земляной вал. Благодаря этому заграждению, удалось образовать громадное хранилище, вместимостью более 15 млн. пудов нефти[406] .По личному сообщению инженера – технолога Исаковича, 1-й нефтяной фонтан ударил в Грозном 6 октября 1893 года, в 5 часов утра – на 62 сажени. Масса любопытных бросилась на промыслы полюбоваться невиданным зрелищем. В 1894 году один из нефтяных фонтанов загорелся – погибли люди. Но всё же Грозненские фонтаны, в отличие от Бакинских не выбрасывали камни вместе с нефтью на поверхность земли – поэтому были более безопасны[407]. 27 августа 1895 года из скважины №7, на участке 977 был получен грандиозный фонтан нефти с первоначальным дебитом около миллиона пудов нефти в сутки. Скважина фонтанировала в течение 3-х лет. Это был крупнейший в мире, по обилию выброшенной нефти, фонтан. Нефть била из скважины с оглушительным рёвом, заливая все окрестности. Этот фонтан дал Грозненскому месторождению всемирную известность[408]. Грозненская производительность держалась на фонтанах до 1897 года. В 1898 году фонтанами добывалось 32,1% нефти, а в 1900 году уже 21,8%. Ни на одном из участков не была достигнута подошва месторождения, поэтому ещё существовали пласты, не тронутые эксплуатацией[409].

Одновременно с буровой вышкой сооружался и буровой станок для канатного бурения. Строили его из дерева, только отдельные ответственные детали «скрепления» делали из стали и железа. Канаты при бурении применялись как органические, так и металлические. Первые изготовляли диаметром 2-3 дюйма из манильской пеньки (которая была мало чувствительна к сырости и не нуждалась в пропитывании дегтем, смолой). Сила удара молота находилась в прямой зависимости от элас-

тичности каната. Органические канаты обладали этим свойством, однако они были дороги и быстро изнашивались. Расход манильских пеньковых канатов при бурении был равен одной сажени на каждую пробуренную сажень. Расход канатов из русской пеньки больше на 30-50%. Для тартания, как и для бурения, применялись стальные канаты. Канаты изготовлялись из не оцинкованной проволоки тигельной стали. В Грозном распространены были канаты фабрик Максимова (Р н/Д), Дейкселя, Форберса, Черноморского общества (Одесса), Меергольда и Московского металлического завода[410]. Во время Московской выставки 1882 года помимо образцов нефтепродуктов, интерес у публики вызывали модели буровых вышек и других приспособлений для добычи нефти, дополнявшиеся графиками и чертежами. Среди экспонатов этой группы – товарищество братьев Нобель, Бакинское нефтяное общество и др. Особые успехи отмечались в переработке нефти. Если к 1882 году нефть перерабатывалась только на керосин и нефтяные остатки, то на выставке 1896 года экспоненты выставили широкий ассортимент осветительных и смазочных масел, а также специальные сорта керосина с высокой температурой вспышки. На иностранные рынки вывозилось до 46 млн. пудов керосина[411].

Первые грозненские предприниматели не обладали сколько-нибудь значительными капиталами для расширения, а то и просто поддержания в относительном порядке своих промыслов и с самого начала должны были заниматься поисками необходимых денежных средств. Так, в частности, Ахвердов после своих двух фонтанов следующую скважину закладывает почти через год, а до этого «борется» с фонтанами: с помощью вызванных солдат удалось через 2 недели в буквальном смысле забить первую фонтанирующую скважину, а спустя некоторое время она вообще была заброшена. Ахвердовские фонтаны вызвали сенсацию, вокруг Грозненских промыслов на короткое время развёртывается настоящий ажиотаж. Мнение о бесперспективности Грозного всячески подогревалась Бакинскими нефтепромышленниками, начавшими на страницах «Каспия» настоящий поход против освоения Грозненского месторождения, как невыгодного в эксплуатации[412]. Грозненская нефть была ниже по стоимости, чем бакинская, поэтому покупатели осаждали контору товарищества «Ахвердов и К»[413]. В Терской области самая глубокая скважина была не более 71 сажени, в то время, как на Апшеронском полуострове глубина скважин доходила до 250 сажень. За счёт лёгкости добычи нефти грозненские нефтепромышленники, в отличие

от бакинских, экономили больше средств[414]. В качественном отношении грозненская нефть также имела свои преимущества. Достаточно было грозненскую сырую нефть выдержать 2-3 месяца, и она, без всяких перегонок, являлась прекрасным продуктом для отопления и смазки. Грозненская нефть по своей густоте, вязкости и цвету заменяла древесный дёготь, поэтому в Киеве, Харькове и других городах покупатели требовали «грозненскую чёрную нефть». Грозненская нефть была высококачественной. После обработки она давала 25% чистого керосина и 50% остатков[415]. Грозненский мазут успешно конкурировал с бакинским даже там, где он был на 5-7 и даже 10 копеек дороже последнего[416]. В 1900 году нефтепромышленность Грозного составляла 4,9% всей нефтяной промышленности страны, а в 1905 году – 10%. По темпам развития Грозненский район обогнал Баку[417].

10 ноября 1895 года был пущен в эксплуатацию керосиновый завод фирмы «И.А. Ахвердов и К», ставший родоначальником Грозненской нефтеперерабатывающей промышленности, однако главное слово было за нефтедобычей [418]. На интенсивность буровых работ влияло: приближение конца аренды участка, желание использовать истощённые пласты при наличии высокой цены на нефть. Нежелание добывать в первый год эксплуатации нового участка большого количества нефти из-за особенностей контрактов с областным правлением (им был установлен обязательный минимум добычи), выжидание результатов бурения на соседних участках. Скважины, после фонтанирования не зачищались месяцами и даже годами. К 1901 году на Грозненских приисках было 7 заброшенных скважин, что составляло 4,8%. В Баку эта цифра не превышала 0,4%[419]. В 1901 году в Грозном насчитывалось 147 вышек[420]. К 1904 году осталась только одна фонтанирующая скважина, а глубина её достигала уже 250 сажень[421]. В течении 1895 года товарищество «Ахвердов и К» добыло 28000000 пудов нефти, а с промыслов, за то же время было отпущено только 5100100 пудов. У фирмы были заказы, расписанные на год вперёд, выполнить которые можно было, отпуская по 70 цистерн в день, но это было возможно только при наличии трубопровода. Ежедневно на станцию в Грозный доставляли до 300 бочек нефти, но этого было явно недостаточно[422]. Перевозка с промыслов мазута, бензина и керосина производилась исключительно в бочках, обычно чинаровых, реже дубовых, стянутых ореховыми или железными обручами. В Грозном керосин перекачивался в железные вагоны – цистерны, принадлежавшие фирме «Ахвердов и К»[423]. Нефть

отпускалась для топлива главным образом на Владикавказскую железную дорогу и отчасти в Днепропетровский и Донецкий промышленные районы. В 1895 году в Грозненском нефтяном районе строится первый нефтепровод протяжённостью 12 вёрст[424].

Многие из сегодняшних экологических проблем возникли более ста лет тому назад, в том числе и в связи с добычей, переработкой, транспортировкой и хранением нефти. Начало 1899 года. На грозненских промыслах решается вопрос о защите реки Нефтянки от «буровой воды» после нефтяных ловушек. Проходит немного времени и в газете «Каспий» №221 пишут «…о возбуждении Областным Правлением гражданского иска против доверенных фирм вследствие порчи воды реки Нефтянки спускными водами промыслов, результатом самовольного действия которых была гибель рыбы и порча воды…». В то же время у грозненских промышленников имелось предписание самого Областного Правления, предлагающего, под страхом закрытия центральных нефтепроводных станций, проведение от таковых канавы прямо в реку Нефтянку, в виде временной меры».

Капиталисты в Грозном с целью сокращения издержек по бурению добивались (и весьма успешно) у горного надзора признания обводненными и истощенными таких нефтяных пластов, скважины которых давали суточную добычу 90-100 т. нефти. Бурение после подобных заключений велось без закрытия воды и других природоохранных мероприятий. Это привело к преждевременному обводнению западного Грозненского района и резкому сокращению производительности богатейших участков. Лигроин, не имевший, за отсутствием сбыта, цены, сильно стеснял заводы Грозного. Поэтому, по-видимому, всеми заводами применялась следующая своеобразная мера ликвидации лигроина. Выкапывали колодцы 15-20 метров глубиной, 1-1,5 в диаметре с шахтами в разные стороны по 2-4 метра. Шахты служили для увеличения поглотительной поверхности. Сюда из резервуаров сливался лигроин, который быстро поглощался в горизонтах гравия.

Удивительным, на первый взгляд, являлся пример того, что кирпичный завод Хангельдиева в течение ряда лет отапливался нефтью и нефтяными продуктами, не закупив за это время ни одного центнера нефти: последнюю просто черпали из колодца, расположенного в усадьбе Кирпичного завода и, очевидно, служившего коллектором для нефти, просочившейся с территории Владикавказской железной дороги и прочих предприятий, из примитивно сооруженных ими амбаров для

хранения нефтепродуктов. 11 августа 1928 года при рытье поглотительного колодца в усадьбе нового здания Научно-исследовательского института Грознефти (ГрозНИИ) на глубине 22 м. в горизонте сплошных песков после предварительных выходов удушливых газов, требовавших усиленного вентилирования колодца, появилась нефть. В течение 1 часа оттартывали 5-7 ведер. Тотчас был произведен анализ этой нефти, показавший следующее: «Полученный из колодца продукт есть на ¼ безпарафиновая нефть,… первоначальных периодов заводской деятельности в Грозном»[425].

Обратимся теперь к периодизации транспорта нефти. Первый период – гужевой транспорт сырой нефти в бурдюках и бочках на подводах (арбах) запряжённых лошадьми или быками. Его окончание приходится на сентябрь 1895 года, когда от Старогрозненских промыслов к нефтеперегонному заводу был проложен первый в Грозном нефтепровод. До его прокладки, для транспорта нефти в среднем в день было задействовано 250-300 подвод, на которых перевозили не более 220-300 тонн нефти. Такое положение приводило к тому, что завод работал не на полную мощность, на промыслах скапливалось большое количество нефти, из-за чего приходилось приостанавливать добычу, и кроме того, в непогоду дороги становились непроезжими и нефть на заводы не возили совсем.

Второй период – трубопроводный. Транспортировка нефти происходила от промыслов до нефтеперегонных заводов (январь 1896 года – по настоящее время). К началу 1898 года от промыслов было проложено 5 нефтепроводов, пропускная способность которых вдвое превосходила объёмы добываемой нефти. Хотя капиталовложения в сооружение нефтепроводов, металлических резервуаров, насосных станций были значительными, они окупили себя за 3 года. Перекачка нефти велась круглосуточно и не зависела от погоды, в десятки раз уменьшились потери от разливов нефти.

Третий период – железнодорожной транспортировки нефтепродуктов и нефти в другие города России – начался в мае 1893 года, когда в Грозный пришла Петровская ветка Владикавказской железной дороги.

Четвёртый период – транспортировка нефтепродуктов по магистральным трубопроводам. Начался в 1914 году, хотя грозненские нефтепромышленники ещё в 1895 году ставили вопрос о строительстве нефтепроводов к Каспийскому и Чёрному морям[426]. Проект соединения Грозненских промыслов с Чёрным морем был представлен горным ин-

женером Е.В. Глушковым. На основании договора с Терским казачьим войском Глушков получил право на аренду без торгов 100 десятин нефтеносной земли для обеспечения нефтью проектируемого им нефтепровода. 30 мая 1897 года на имя директора Департамента железных дорог министерства финансов, В.В. Максимова пришла телеграмма от председателя Совета съезда бакинских нефтепромышленников П.О. Гукасова, с просьбой отклонить ходатайство Глушкова о прокладке нефтепровода Грозный – Чёрное море. Вот что говорилось в данном обращении: «…Съезд имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство, – сообщал он, – не отказать в той справедливой защите бакинской промышленности, какой она пользовалась до сих пор с Вашей стороны».

На заседании комиссии под председательством Д.Ф. Кобеко против проекта Глушкова выступили представители бакинской нефтяной промышленности и предприниматели угольного Кузбасса. Первые опасались появления на Черноморском побережье дешёвого керосина, последние – вытеснения каменноугольного топлива грозненскими нефтяными остатками. Они были поддержаны в своём союзе В.В. Максимовым[427]. Если нефтяными землями в Баку распоряжалось Министерство государственных имуществ, а также Министерство торговли и промышленности, то землями в Грозном ведало Терское областное правление, подчинявшееся главнокомандующему Кавказской армией, Главному управлению казачьих войск и военному министру. Этот сложный и громоздкий аппарат медленно разбирался в неотложных нуждах нефтяной промышленности, поэтому приходилось обращаться в более высокие государственные инстанции[428]. На рубеже XX века бакинские нефтяные короли увидели в Грозном опасного соперника. На страницах бакинских газет развернулась антигрозненская компания. Благодаря огромным усилиям бакинских нефтяных магнатов в 1896 году был провален проект строительства магистрального нефтепровода Грозный – Чёрное море. Грозненским нефтепромышленникам оставалось уповать только на железную дорогу, но и здесь не всегда всё складывалось удачно. Строительство ветки Ростов – Беслан – Грозный – Дербент коренным образом изменило положение нефтяной промышленности[429]. Однако недостаточная провозоспособность Владикавказской железной дороги, временный запрет на перевозку сырой нефти с температурой вспышки ниже 28% – из за опасений пожараопасности, приводили к плохому сбыту грозненской нефти и продуктов её обработки[430].

Первые крупные партии нефти начали обменивать и продавать ещё в ходе Кавказской войны. В 1848 году на Северном Кавказе насчитывалось 12 Меновых дворов, из которых самыми значительными были Кизлярский, Дачи – Юртовский и Червлёнский. Из отчёта о меновой торговле за 1846 год видно, что чеченцами, аварцами и представителями других народов было привезено на Меновые дворы нефти, или «горного масла», как они его называли, на сумму в 10500 рублей. Взамен нефти местное население получало хлеб, ситец и другие товары. Сбыт керосина до отмены откупной системы производился как на местном, так и на центральном рынках России. Братья Дубинины писали об этом следующее: «Нефть белая вывозится большим количеством на продажу на Нижегородскую ярмарку, а также в Москву и другие разные города Российской империи – на продажу купцам и аптекам, а густая чёрная нефть употребляется на Кавказской линии в продажу же, на смазку колёс и конной упряжи». Слово «керосин» впервые появляется и начинает часто употребляться при продаже уже в 1846 году[431]. Начиная с 1896 года, грозненская нефть стала большими партиями отправляться в крупные торгово-промышленные центры России. Уже в 1897 году эта нефть вытеснила поставщиков бакинской нефти в Ростове на Дону. В 1895 году грозненские фирмы продали в Англии 20 млн. пудов нефти[432].

В 1905 году нефтяной бизнес в России в основном контролировался двумя крупнейшими компаниями («Братья Нобель» и «Мазут»). Общество «Мазут» (сбыт нефтепродуктов) наряду с «Русским Стандартом» (нефтепромыслы в Грозном) и «Каспийско – Черноморским обществом» (добыча и переработка нефти в Баку) входило в нефтяной концерн парижских Ротшильдов. Известно, что член правления «Мазута» Савелий Поляк финансировал ведущую кадетскую газету «Речь», а его брат Соломон был влиятельным членом нижегородской организации партии «Народной Свободы». «Братья Нобель» и «Мазут» заключили между собой соглашение о ценах и объемах продаж («картель»). По существу, именно это монополистическое объединение определяло цены на рынке. Став основным продавцом нефтепродуктов, картель «Братья Нобель» и «Мазут» сразу же резко взвинтили цены, жестоко ударив по карману главных потребителей нефтяного топлива – фабрикантов Центрального промышленного района и волжских пароходчиков. Они, в свою очередь, выступили с серией ходатайств о необходимости принятия правительственных мер против растущей дороговизны топлива. Сами промышлен-

ники объясняли рост цен увеличением себестоимости добычи нефти в связи с истощением находившихся в разработке месторождений[433].

Ещё в 1876 году Россия ввозила много американских нефтяных товаров – например, было завезено 2,6 млн. пудов осветительного масла. В 80-х годах не только прекратился ввоз иностранных нефтяных продуктов, но сильно вырос вывоз, достигший в 1890 году 47 млн. пудов, а в 1893 году 59 млн. пудов нефти. Внутреннее потребление, едва достигавшее в 1876 году 4 млн. пудов, в 1893 году выросло до 30 млн. пудов[434]. Россия сжигала 20 млн. пудов осветительных масел (керосина), Европа 50 млн. пудов, а Америка 30 млн. пудов. Потребление керосина в России достигало 7 фунтов на одного жителя. В то же время Россия производила самый дешёвый керосин в мире, она имела огромную рыночную сеть и 25 тыс. вёрст железной дороги, что обеспечивало дешёвую доставку нефтепродуктов потребителям[435].

Скудные данные о работе заводов с 1896 по 1899 год – свидетельствуют о том, что заводы работали не систематично или бездействовали (завод Ахвердова). Следовательно, почти вся нефть, добытая в эти годы, вывозилась в сыром виде за границу и продавалась как жидкое топливо[436]. Нефтедобыча стала приходить в упадок из-за использования устаревших, открытых способов добычи нефти. Средний срок «жизни скважины» эксплуатировавшей один пласт, составлял 3 – 5 лет. Обыкновенно скважины бурились с учётом дальнейшего углубления и эксплуатации ещё 2-3 пластов, поэтому общая продолжительность работы скважины составляла от 10 до 15 лет, а на разработку новых скважин требовались большие вложения капиталов[437].

Фонтанный способ добычи был наиболее дешёвым и простым. Как только была разработана и изготовлена в Баку усовершенствованная фонтанная арматура, то в Грозном её установили (около 1900 г.) на скважинах, что позволило уменьшить потери нефти от разливов, улучшить экологическую обстановку на промыслах, уменьшить пожарную опасность и утилизировать газ. Это привело к изменению технологии добычи нефти открытой – на закрытую. Отсюда два периода: первый – открытой добычи нефти, с 1893 по 1900 год; второй – закрытой добычи с 1900 по настоящее время[438]. До революции в Грозном делались только попытки применения насосной добычи. Первый опыт применения штанговых насосов был произведён в 1898 году, «Первым Грозненским товариществом» на скважине №7. Сравнивая тартание с качкой насосом, специалисты заключали, что если тартанием можно извлечь от 10000 до

20000 пудов жидкости в сутки, то насосом – 150000 пудов. В 1893 году рабочие – чеченцы, отрабатывая на бурении по 12-14 часов в день, получали в месяц 8-9 рублей. Тартальщик получал от 20 до 21 рубля. Известно, что стоимость аренды квартиры в Грозном в 1897 году колебалась от 3 до 5 рублей в месяц. В 1895 году в Грозном 1 фунт хлеба стоил 3 копейки, говядины 6 копеек, баранины 7 копеек[439].

Развитие нефтедобывающей и перерабатывающей промышленности вывело Грозный в ряд крупнейших российских и мировых промышленных центров. Однако чеченцы, исконно проживавшие на этой земле, были в этом эпицентре капиталооборотов лишь незваными гостями. Об этом очень скорбно и красочно повествует эпическая песня, текст которой хотелось бы привести полностью, т.к. это голос самого народа:

«У самых гор среди аулов, начиная с глубокой котловины, выкатился на гору город нефти. Стал на мгновение, задумался, испугавшись и в жажде сытой жизни и золота, медленно сполз с горы, строя нефтяные вышки, бараки и пузатые резервуары. Где несколько лет назад стоял дремучий лес и, по тропинке редко скрипела чеченская арба, завизжала желонка, тартая из земных глубин чёрное золото нефти. И по проложенным в земле жилам, чёрным потоком стремилась земная кровь в цистерны, мчалась постукивая по рельсам в даль и возвращалась обратно катеринками, пятисотками, тысячами и миллионами в карманы бельгийцев, англичан и русских проходимцев, приехавших искать богатство, счастье и чёрное золото.

Город строили гяуры. Пришли орсы – аскер, разбили аул, угнали скот, выгнали из саклей женщин, стариков и детей, сожгли аул, и на пожарище, при стонах и криках построили город. Для большего уважения, внушения к силе орсы – аскер, пусть город будет «Грозный». – «Гурозни», говорили чеченцы, и значения не понимали. Хорошо только поняли, что земля не их, леса тоже и что гяуры каждый день глубже лезут в горы. В трёх верстах от города, за маленькой речушкой Гойты, над обрывом притаился аул Алды; замер, из-под тишка взглядывая на строящийся город, на вышки, на бараки, на копоть. Притаился и молча глядел ненавидящем взором. Молча отдавал землю, молча отдавал луга. Молчал, когда в аул приехал пристав, и солдаты и сказали – «Наша». Мирно сеял кукурузу, а в песнях пел о свободе, об уходе гяуров, о мести – жаркой мести, с запахом дыма и крови. Когда ночь отодвинет вдаль чёрные изломы гор, задёрнет их туманом горным, когда небо опустится, что кажется слившимся с землёй, а ночь зажжёт

земные звёзды, – огни в тусклых окнах сакли, – в саду под тенью вишен и груш раздастся песня…»[440].

Грозненские нефтепромышленники на первоначальном этапе мало заботились об экологической чистоте города. Они ставили вышки там, где им нравилось, не заботясь о геологическом строении почвы. Работать на строго научных началах им даже не приходило в голову[441]. Дороги, ведущие к колодцам и заводам были сильно испорчены, по обеим их сторонам текли отбросы, спускаемые с заводов – тяжёлый бензин, кислые и щелочные остатки, а также часть нефти и мазута, из-за их небрежного сбора и хранения[442]. В течение более двадцати лет основными продуктами, выделяемыми на Грозненских заводах, были керосин и мазут. Керосин выделялся в количестве 7-11%, а мазут в количестве 70-80% от всей перегоняемой нефти. Ввиду отсутствия спроса на бензин, он в первые годы организации промышленной переработки нефти, сливался в землю, но затем, по мере развития автомобилестроения за рубежом и в России, потребность в нём начала быстро расти и экологическая обстановка улучшилась[443].

Благодаря нефтяным запасам город Грозный стал разрастаться в индустриальный центр для русских и казаков[444]. Так, например, с 1890 по 1900 год в Грозненском округе (вместе с г. Грозным) количество предприятий выросло с 79 до 211, главным образом за счёт кирпично-черепичных, лесопильных, известковых и колёсных заводов. Это было непосредственным образом связано с небывалым ажиотажем вокруг нефтеносных участков и гигантским скачком в развитии нефтяной промышленности в Грозненском районе во второй половине 90-х годов 19 века. С 1896 по 1900 год в Грозненском округе число торговых заведений увеличилось с 474 до 564, т.е. почти на 16%; общая сумма оборота с 3532674 до 453074 рублей, т.е. на 23%, общая сумма прибыли увеличилась почти в 3 раза[445].

Вслед за российским, в Грозный устремляется и иностранный капитал. К 1905 году из 15 крупнейших Грозненских нефтяных фирм 10 принадлежало иностранному капиталу, а общий объём иностранных инвестиций достиг 40 млн. рублей. Таким образом, нефтяная политика делалась не в Грозном, и даже не в России, а далеко от тех мест, где нефть добывалась. Проблема взаимодействия государства с иностранным капиталом имеет особую значимость и актуальность. Начало активного распространения иностранного капитала в России можно отнести к 1887-1888 годам. Это могло быть результатом качественного

изменения политики государства по отношению к иностранным акционерным компаниям и увеличением заинтересованности западных инвесторов в российской нефти. В экономической политике Российской империи, на разных этапах ее развития наблюдалась борьба протекционизма и фритредерства иностранного капитала. Иностранным капиталом по российскому законодательству являлись компании, учрежденные за границей Российской империи и действовавшие на ее территории на основании особого разрешения. Стоит отметить, что провозглашалась только юридическая (но не экономическая, например, выраженная в страховании бизнеса) защита иностранного капитала, тем не менее, иностранцы стали очень активно осваивать российский нефтяной рынок, получая сверхприбыль от продажи в основном сырой нефти[446].

Именно интересами монополий было продиктовано падение добычи нефти в целом по России в начале XX века, что привело к затяжному «топливному голоду», при этом цены на нефть продолжали расти. Настоящим ударом для нефтяной промышленности стало введение акциза, приведшее к удорожанию пуда керосина с 50 коп. до 90 коп. Особенно болезненно это было для мелких производителей, которые стали стремительно разоряться[447]. В целом по России за 1910-1914 годы цены на нефтепродукты более чем утроились и стали выше мировых. Соответственно, резко увеличились прибыли нефтяных монополий: в 1910 году доходность в нефтяном бизнесе составляла в среднем 12,9%; а в 1913 году – уже 29%[448]. В нефтяной промышленности Грозненского района нельзя было указать ни одного предприятия, основанного самостоятельно иностранцами. Все они были куплены у россиян.

Настороженно отнеслось к замыслу промышленного освоения района военное министерство. Военные опасались, что проникновение иностранного капитала может отрицательно сказаться на интересах казачества. Они считали, что лучше повременить с разработкой естественных богатств, но здесь сохранить их в руках русских промышленников. За это ратовал министр А.Н. Куропаткин. Но сами казачьи верхи высказывались за привлечение капитала иностранцев и утверждали, что «только при их участии тот или иной замысел становится наиболее рациональным способом и увеличивается нефтяное производство»[449].

Законом 3 июня 1892 года запрещалось иностранцам и иностранным обществам, даже получившим разрешение действовать в пределах России, приобретать в собственность или пользование нефтенос-

ные земли, и управление нефтяными землями в Кавказском крае[450]. Более того, даже разработкой нефтяных залежей казённых и частных земель Терской области, за исключением земель Терского казачьего войска (на которых и располагалось Грозненское месторождение), было разрешено заниматься иностранцам и евреям каждый раз с особого разрешения Министерства гос.имуществ, по соглашению с министром внутренних дел и финансов, а также Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе[451]. В 1891 –97 гг. было запрещено проживание евреев в Кубанской и Терской областях, а также ограничивалось их участие в нефтяном бизнесе[452]. В конце XIX века работа на нефтеносных землях Кубанского и Терского казачьего войска была запрещена для евреев. Иностранцы неиудейского исповедания допускались к разработкам нефтяных промыслов с единоличного разрешения военного министра[453].

По суждениям комиссии, образованной в 1898 году, в виде общего правила иностранцам разрешалось производить поиск и разработку нефти только в местностях, ещё не исследованных. К заведомо нефтеносным промыслам иностранцы допускались лишь при доказанном уклонении от эксплуатации нефтяных богатств русскими капиталистами[454]. Однако зачастую эти запреты оставались только на бумаге или не приводили к желательным результатам. С 29 мая 1898 года указом «О правах иностранцев по приобретению недвижимых имуществ на Кавказе» приобретение земель в данном регионе империи ограничивается исключительно нуждами создаваемых промышленных предприятий, удостоверенных разрешением Главноначальствующего по гражданской части Кавказского края[455].

В 1895 году, когда иностранцы впервые приобрели в Грозном нефтяные земли (у Ахвердовского общества), Терское областное управление, в лице начальника области, вошло с ходатайством к высшему руководству об отмене в силу закона 3 июня 1892 года результатов этих торгов и о передаче нефтеносных участков в руки русских предпринимателей, изъявивших желание столько – же заплатить. Но ходатайство не было удовлетворено. Терская администрация не зря не хотела связываться с иностранцами; как показало время, только 9 иностранных промыслов из 82 оплачивали аренду в пользу казны[456].

В течение всего 1893 года Ахвердов вёл переговоры с капиталистами в Москве и Петербурге, но не смог найти капиталы вследствие недоверия к Грозненским нефтяным месторождениям, а также из-за

косности столичных предпринимателей. Потерпев неудачу в переговорах с соотечественниками, находясь на грани полного краха, Ахвердов в начале 1894 года выезжает в Париж, но и там не достигает желаемых результатов из-за отрицательной позиции, занятой Ротшильдами. Из Парижа Ахвердов направляется в Лондон, где ему после 2-х месячного пребывания, удаётся договориться со А.Стюартом о финансировании своего грозненского предприятия. В 1895 году было заключено соглашение с англичанами, зафиксировавшее переход всего нефтепромыслового хозяйства Ахвердова в арендное содержание «Лондон эйдженси». Согласно этому договору в Грозный из Лондона для управления ахвердовским промыслом пребывает специальный представитель Ф. Гарбут, которому Ахвердов официально выдал доверенность на ведение всех дел своего предприятия[457]. Англичанам было более выгодно торговать сырьём без всякой технической обработки нефти. Некоторые нефтеперерабатывающие заводы были закрыты[458]. Летом и осенью 1895 года англичане перестроили в Грозном нефтеперегонный завод и заложили несколько новых скважин, однако на этом дело опять застопорилось и снова из-за отсутствия у английской стороны необходимых средств[459]. У Стюартов буровые были доведены до глубины 100 сажень. В сентябре 1895 года здесь был получен самый обильный фонтан, выбрасывавший до 1 млн. пудов нефти в сутки. Фонтан бил со страшной силой на высоту 50 сажень и его нефтяные брызги относились ветром на несколько вёрст. В 1895 году в Грозном было 15 буровых и все они давали нефть. Когда иностранцы сравнивали грозненскую нефть с бакинской, рассчитывая их конкурентоспособность на мировом рынке, то, практически всегда первая выигрывала. Выяснилось, что грозненская нефть отличается огромным содержанием бензинов и малым выходом керосинов. Грозненский бензин, по своим показателям, мог спокойно конкурировать с лучшими сортами американского бензина. Хотя выход керосина у бакинского был вдвое больше, чем у грозненского, но в качестве он значительно уступал. Остатки грозненской нефти были неудобны для отопления (тянулись), но превосходили бакинские по смазывающей способности. Терская лёгкая нефть крайне редко встречалась в природе, за что очень ценилась на нефтяном рынке[460].

После перехода общества «И.А. Ахвердов и К» в бельгийские руки новыми его владельцами в конце 90-х годов XIX века были употреблены значительные средства в целях расширения, реорганизации и пере-

оборудования всего его промыслового хозяйства. В частности, были построены: нефтепровод от промыслов к железнодорожной станции в Грозном, 40 резервуаров для хранения нефти, расширен и перестроен нефтеперегонный завод, число эксплуатационных скважин в 1900 году было доведено до 40. К началу XX века общество «Ахвердов и К» занимает доминирующее, монопольное положение в Грозненском районе[461]. Бельгийская фирма «Ахвердов и К» в 1899 году давала 80,13% от общего грозненского нефтяного производства. В 1900 году на её долю приходилось уже 49,27%.

По данным Совета Съезда Терских нефтепромышленников известно, что :

В 1895 году было добыто 82.889 пудов нефти;

1896 – 17200151 пуд.

1897 – 27568794 пуд.

1898 – 17716899 пуд.

1899 – 25194566 пуд.

1900 – 30687948 пуд.

До 1900 года царила старейшая и крупнейшая фирма общества «Ахвердов и К», оперировавшая сначала английскими, а затем бельгийскими капиталами, однако в 1898 году в Грозном начала свою деятельность фирма «Новый Русский Стандарт», занявшая видное положение и составившая достойную конкуренцию нефтяному обществу[462]. Общество «Русский Стандарт» было учреждено во Франции в 1881 году. Учредителями были О. Шабриер из Леона, А. Бо и А. Леенгардт из Марселя. В 1883 году общество получило новое название «Русский Стандарт, нефтяное общество». В 1887 году значительная часть акций была приобретена парижскими Ротшильдами. Правление было переведено в Париж. До начала 1890-х годов Общество осуществляло свою деятельность в России нелегально, через подставных лиц. После получения в 1892 году официального разрешения на производство операций в России, Общество сосредоточило свою промысловую деятельность в Грозненском районе. Общество владело крупными нефтеперегонными заводами в Грозном и Новороссийске и вело широкую экспортную торговлю через Новороссийск. В 1899 году Ротшильды приобрели весь акционерный капитал Московского нефтепромышленного общества, организованного в 1897 году группой московских предпринимателей (А.В. Бари и др.) для эксплуатации Грозненского нефтяного месторождения, оказавшегося в затруднительном положении[463].

К концу XIX века правовое положение иностранных подданных в сфере предпринимательской деятельности в России характеризуется почти полной свободой. Ограничительные нормы общего законодательства в отношении иностранных предпринимателей были преодолены практикой акционерного сепаратного законодательства, основанной на общем курсе правительства по привлечению иностранных капиталов в экономику России. В отношении иностранных акционерных обществ складывается такое положение, при котором для их деятельности в Российской империи существовали более льготные условия, чем для русских акционерных компаний[464].

Приток иностранного капитала в Грозненскую нефтяную промышленность с 1890 по 1903 год дал около 18 млн. рублей. Всего за период до 1895 года в нефтяную промышленность данного региона было вложено 1,4 млн. рублей иностранного капитала[465]. Мощность Грозненских нефтеперерабатывающих заводов на 1900 год составляла 303000 тонн нефти в год[466].

Иностранные инвесторы прямо переносили на российскую экономику рыночную практику, знания и механизм регулирования производства. Вместе с иностранным капиталом в Россию поступал интеллектуальный потенциал и управленческий опыт. Начиная постройку новых или реконструкцию действовавших предприятий в России, иностранные инвесторы обращались за необходимым оборудованием, технологией, материалами к более знакомому для себя рынку своих стран, что способствовало появлению в России более современной технологии, техники и новых материалов. Далеко не вся сумма прибыли покидала пределы России, поскольку часть ее была выплачена в форме налогов на промышленную и торговую деятельность, другая часть просто прожита в России многочисленными иностранцами. Наместник Кавказа И.И. Воронцов – Дашков считал, что до 70% валовой прибыли иностранцев оседало в России в виде расходов.

Сложившиеся рыночные отношения, благоприятный инвестиционный климат, доверие иностранных инвесторов к российской экономике обеспечивали поступление иностранного капитала (как в форме займов, так и в акционерной форме) в крупных размерах в кризисные для России периоды экономической и политической жизни[467]. В 1888 г. в результате непродуманной политики Россия оказалась на грани краха. Однако русским помогло сближение с Францией. До 1870-х гг. финансы России зависели от немецких займов, однако после перемещения мирового цен-

тра в результате франко-прусской войны Франция, опасаясь Германии, пошла на союз с Россией и предоставила в ее распоряжение значительные денежные суммы. По мнению западных аналитиков, следствием «природы» русских стал упадок их финансов: «русские не умеют распоряжаться деньгами и расходуют больше, чем имеется в стране ресурсов, залезая в долги». Не без оснований одного из министров финансов обвиняли в том, что тот едва не довел страну до банкротства через посредство Ротшильдов[468].

Одним из первых предпринимателей в Грозном был отставной подполковник А.Р. Русановский – представитель московского Нижегородско – Самарского земельного банка. В 1892 году он арендовал у грозненского станичного правления и Алхан-Юртовской станицы нефтеносные участки и без промедления приступает к их разработке. Русановский заложил первые в Грозненском районе буровые скважины. Бурение производилось вручную на небольшой глубине, и в результате первые признаки нефти были обнаружены только через полтора года.

В 1895 году усиливает своё влияние в Грозном семья ростовских купцов Максимовых. Максимовское многомиллионное состояние было нажито на крупной торговле лесом и лесоматериалами. В 1895 году В.Р. Максимов организует в Грозном отделение фирмы специально для торговли нефтью и внедряется в товарищество «А.Р. Русановский», заменив в мае 1896 года самого Русановского на посту директора правления. Максимовым удалось привлечь в свой нефтяной бизнес иностранных инвесторов. В 1901 году образуется в Грозненском районе Англо-Русское Максимовское общество[469].

Во второй половине 1896 года в Грозном был введен в эксплуатацию нефтеперегонный завод «Общества Владикавказской железной дороги», построенный по проекту талантливого изобретателя Феликса Инчика с использованием принципов регенерации теплоты. Вот оценка этого завода, данная профессором Московского университета Владимиром Марковниковым (1837-1904) после его посещения предприятия в 1897 году: «…он не только имеет себе подобных в России, да и едва ли найдутся такие за границей. Он производит впечатление изящной механической игрушки, в которой, как скоро заведена пружина, все делается само собой с замечательной правильностью». С пуском завода в Грозном при нем была организована первая в регионе аналитическая лаборатория, возглавить которую в сентябре 1896 года доверили Константину Харичкову. Здесь он проработал около 13 лет и превратил ее по существу, в

один из ведущих отечественных научно – исследовательских центров в области переработки нефти[470].

Представим перечень нефтяных предприятий, перешедших с 1897 года к иностранцам, в основном – к англичанам: «Англо – Русское Максимовское Общество», «Шпись и Стукен», «Московское нефтепромышленное Общество», «Ахвердов и К», «Русский Стандарт», «Новый Русский стандарт». ¾ оперирующих в Грозном фирмы на данном этапе были иностранными. Из всех бакинских и грозненских российских фирм, только одна – «А.И.Манташев и К» самостоятельно экспортировала нефтяные продукты на иностранные рынки. Все прочие доставляли свой товар только в Батуми и Новороссийск, а оттуда их экспортировали в основном английские фирмы[471]. Русская нефть получила доступ на рынки Востока через английские руки. Динамика потребления русского керосина в Китае, Японии, Индии и других странах этого района в Азии с конца XIX в. зависела не от русских экспортёров нефти, а целиком от английской фирмы «Самуэль» и от принадлежавшей ей флотилии танкеров.

Вместе с тем само финансовое ведомство России всемерно подталкивало английские деловые круги в этом направлении. С.Ю. Витте считал, что заинтересованность крупных английских финансистов и промышленников откроет бездонный лондонский денежный рынок для русских ценных бумаг и вместе с тем послужит некоторым противовесом против влиятельных британских политических и финансовых кругов, настроенных антирусски[472].

С 1893 по 1901 год количество нефтяных фирм возросло с 3-х (добычу вела одна) до 28 (из них добычей занимались 14). Из 28 фирм в 1901 году было 10 акционерных обществ, 8 товариществ, 9 единоличных владельцев и 1 торговый дом. К 1901 году на промыслах было 149 паровых двигателей. На базе паровой энергии ручное выкапывание колодцев было заменено паровым ударным штанговым, а к 1901 году более передовым канатным бурением. Количество рабочих, занятых в Грозненской нефтяной промышленности к 1901 году достигло 3000 человек. До 1903 года в нефтяную промышленность было привлечено 6879800 рублей английских капиталов (фирма АРМО – Англо – Русско – Максимовское общество, Шпис Петролиум компани и др.). На втором месте стояли бельгийские капиталы. Значительная часть денежных средств, однако, не доходила до промышленности, растворяясь в руках финансистов, вращаясь в области биржевой игры и спекуляции. К нуждам города капитал

высказывал пренебрежение – не было хороших дорог, школ, больниц[473]. Итогом деятельности связанных с германским капиталом нефтепромышленных компаний на Кавказе («Терский синдикат», «Казбекский синдикат» и др.), стал их уход из российской нефтяной промышленности. Несмотря на большую заинтересованность германских капиталов в российской нефти, лоббирование участия в освоении кавказской нефти немецких компаний со стороны высшего руководства Германии, в результате конкурентной борьбы с группами Ротшильдов, Нобеля и др., а также, не в последнюю очередь с антигерманской политикой царского правительства, российская доля германского нефтяного бизнеса, накануне Первой мировой войны, перешла в руки английских компаний[474].

По имеющимся данным за 50 лет (с 1833 по 1893 гг.) в Грозном из нескольких соседних нефтяных источников, эксплуатировавших крайне незначительную площадь около 1,5 десятин, было добыто более 3700000 пудов нефти. В 1863 году в Баку из 102 колодцев было добыто всего 300000 пудов нефти[475]. Грозненские источники привлекали к себе внимание не только нефтяных магнатов, но и большое количество простых людей, особенно во время фонтанирования скважин. Крымско-Кавказский горный клуб, открывшийся 6 мая 1890 года в Одессе организовывал экскурсии на Грозненские нефтяные источники, а также в Шатой и Ведено. Видно обстановка на Кавказе была довольно безопасна, раз появился такой вид деятельности – по привлечению туристов и путешественников[476].

В начальной стадии развития капитализма для нефтедобычи почти всех стран мира характерна откупная система хозяйства. Нефтяные источники сдаются их собственниками (землевладельцами) на откуп промышленникам на срок от 15 до 20 лет и более, с уплатой последними откупных платежей землевладельцам. В США и странах Западной Европы эта система просуществовала до середины XIX века.

Феодальным собственником нефтяных источников в Грозном было Терское казачье войско, в Баку – правительство (казна). За аренду источников им платились откупа, представлявшие собой феодальную ренту[477]. Кавказский комитет, рассмотрев состояние нефтяной промышленности на Кавказе, пришёл к заключению, что привилегии, предоставленные откупщикам, препятствуют развитию частного предпринимательства и конкуренции. «Откупщики не только не заботятся о техническом усовершенствовании и об открытии новых источников, но даже не изыскивают того количества нефти, которое бы могли дать существующие источни-

ки», – значилось в одном из документов комитета. Главное управление наместника на Кавказе, поддержав мнение Кавказского комитета о «ненормальности и вредности» откупной системы постановил немедленно упразднить эту систему и передать казённые нефтяные источники в частные руки с помощью торгов, на конкурентной основе. Однако это решение было выполнено только на Бакинском месторождении[478].

В ходе реформы нефтяной отрасли производства, в Терской области государственные интересы столкнулись с интересами правящей чиновничьей элиты, когда доходы от нефти поступали в Терское казачье войско и частично к управляющему краем. Ревизионной отчётности практически не существовало. Поэтому отмена откупной системы на Северо – Восточном Кавказе была искусственно заторможена невыполнением постановлений Кавказского комитета, заверенных императором, и привела к отставанию отрасли на 20-30 лет от бурно развивающейся Бакинской группы нефтепромышленного комплекса. Так, уже в 1878 году в Бакинском районе не было не одного колодца, вся добыча нефти велась с помощью буровых установок[479].

В 1894 году правительством были утверждены «Правила о нефтяном промысле на землях Кубанского и Терского казачьего войска», которыми отменялась существовавшая здесь десятки лет откупная система, давно мешавшая развитию региона. Терские и кубанские правила были в некотором отношении консервативнее бакинских (например, ограничение срока аренды 24 годами, чего не было в Баку). С момента опубликования правил земли Терской области были разделены на, так называемые земли «заведомо нефтеносные», которые должны были сдаваться не иначе, как с торгов – отдельными участками, и «открытые для разведок». С 1895 по 1900 год было пять торгов, происходивших в обстановке ажиотажа, спекуляции, подкупов. Участки переходили из рук дворянства и чиновников в руки капиталистов. Цена одной десятины нефтеносной земли непрерывно возрастала и дошла до 5000 – 10000 рублей. В Терское областное правление с 1897 по 1900 год поступило до 5000 заявлений с просьбой о выдаче свидетельств на разведки нефти[480].

В первые десятилетия XX века Грозный становится и научным центром Терской области. Одним из организаторов научных исследований химических свойств нефти был профессор К.В. Харичков. Он первым открыл парафиновый тип грозненской нефти и предложил создать в Грозном производство парафина[481].

Структура многонациональной Российской империи оставалась сложной и неоднозначной. С модернизацией усилился её колониальный характер. Экономическое развитие отдельных регионов стало более сильно и явно ориентироваться на центр и его промышленные потребности. Северокавказские области России могут быть охарактеризованы как колонии, не только в силу их роли в качестве сырьевого придатка и рынка сбыта, но также по причине их относительно низкого социально-экономического и социально – культурного уровня развития и правового дискриминационного обособления их населения[482]. В конце XX столетия, более чем другие народы региона, чеченцы подчёркивали необходимость процесса деколонизации – именно в этом ракурсе следует оценивать стремление чеченцев к независимости. Чеченское руководство потребовало, чтобы Москва возместила ущерб от колониальной эксплуатации чеченской нефти, газа и других природных богатств, которая длилась более 100 лет[483].

На рубеже XIX – XX столетия происходят глубокие изменения в структуре хозяйственной деятельности народов, закладываются основы новой, не свойственной ранее горцам, социальной инфраструктуры (торгово-промышленные, образовательные и медицинские учреждения, почтовая связь, дорожное сообщение); происходит уменьшение масштабов непроизводственных сфер обогащения за счёт становления и расширения торгово-экономических отношений; постепенно осуществляется унификация административно – государственного устройства. Эти процессы, несомненно, были значительно ускорены присоединением Кавказа к России, но не следует забывать о том, что это было обусловлено и объективным ходом развития: во-первых, сохранение в первозданном виде системы горских общественных отношений уже тормозило их развитие, во-вторых, сказывалось влияние постепенного угасания феодальных форм жизни, приходивших в противоречие с нарождавшимися капиталистическими отношениями[484]. На уровне социально-экономических отношений северокавказские народы смогли удачно вписаться в российскую государственность. В них были заинтересованы, в них нуждались, их защищали. Наконец, они обладали собственным правовым пространством, являвшимся частью общей правовой панорамы Российской империи[485].

Одним из сдерживающих факторов развития нефтяного бизнеса на Северном Кавказе было влияние местной полувоенной администрации. История отечественной нефтяной промышленности в 90-е годы, воз-

никновение и развитие крупнейших нефтепромышленных фирм, даёт редкие примеры проникновения иностранных капиталов и сильнейшей конкурентной борьбы. Именно в этом процессе и следует искать корни, истоки той концентрации производства и монополизации, которые происходят в Грозном на рубеже XIX и XX вв.[486]. В конце 80-х годов XIX века царизм получил первые займы во Франции, на парижской бирже проводилась колоссальная операция по конверсии русского государственного долга. Постоянно нуждавшееся в денежных средствах, российское правительство стало активно использовать возможности, которые открыл перед ним франко-русский политический союз 1891 г., размещая на парижской бирже один за другим государственные займы. Это положение позволяло, используя заинтересованность российского правительства в парижской бирже, вынудить у России новые уступки французскому капиталу. При посредстве Петербургского международного банка Ротшильды, используя своё положение кредиторов, получили возможность более эффективно воздействовать на царское правительство через Министерство финансов.

Таким образом, внедрению Ротшильдов на кавказский нефтяной рынок способствовали коррупция царской администрации, жёсткая кредитная политика парижского банкирского дома, т.е. предоставление дешёвых кредитов, с которыми местные предприниматели попадали в финансовую зависимость, и в которых ощущался острый недостаток. Государственные структуры не имели чёткой стратегии в вопросе банковско-кредитной политики, что в условиях дефицита свободных финансов внутри страны толкало местных промышленников к банкротству или слиянию с иностранными капиталами, с передачей им ведущих позиций в нефтяной отрасли[487].

Иностранные займы были теми канатами, на которых раскачивалось, но все же держалось самодержавие в критическую для него эпоху. Иностранные займы со временем превратились в тормоз развития, став инструментом, при помощи которого внутренние накопления «перекачивались» за границу. Согласно расчету американского историка П. Грегори, за 1881-1913 гг. российские публичные фонды, размещенные за границей, принесли около 3 млрд. рублей, а сумма платежей их иностранным держателям превысила 5 млрд. рублей. В России, где большинство населения занималось земледелием, собственных источников накопления средств было недостаточно. Выходом из этого дефицита представлялся приток иностранных капиталов, которые должны были

содействовать ускоренному развитию отечественной промышленности. В 1900 г. иностранные инвестиции составляли около 70% всего капитала, вложенного в горную промышленность, 72% – в машиностроение и металлообработку, 31% – в химическую промышленность. Из 18 металлургических заводов Юга только 4 были основаны русским капиталом. В самом конце XIX – начале XX веков почти половина всей промышленности находилась в руках иностранных капиталистов[488].

Наряду с земледелием и скотоводством большую роль в хозяйственной жизни горцев играли ремесло и домашние промыслы. Народные промыслы чеченцев, самобытные и высокохудожественные, играли существенную роль в хозяйственной жизни с древнейших времён [489]. Чеченцы изготовляли кустарные изделия для себя, на заказ и для продажи на рынке. Д. Семенов свидетельствовал: «Многие изделия горцев отличаются изяществом вкуса. Превосходная работа галунов, выделка сафьяна и кожи, конская сбруя и разные украшения на оружии, все совершенство этих изделий – не плоды образования и развития, но единственно следствие натуры горца. Все это делается со вкусом и старанием не из расчета, не на продажу, но для удовлетворения собственного чувства. Стоит сравнить работу горца с работой наших крестьян, или даже наших городских мастеровых, чтобы убедиться в дарованиях горцев»[490]. Венгерский ученый-этнограф XIX века Жан – Шарль де Бесс свидетельствовал: «Чеченские женщины демонстрируют много вкуса и мастерства в своей работе. Украшения одежды и обуви, выполняемые из галуна, золотых и серебряных нитей, поражают своим совершенством»[491].

По мере развития в Терской области капиталистических отношений происходил упадок кустарных промыслов. После того как было завершено строительство железной дороги, резко возросло количество поступавших в Чечню фабрично-заводских изделий. В период своего наивысшего расцвета продажа шерстяных изделий приносила в Терской области до 2 млн. рублей дохода, но уже ближе к концу XIX в. конкуренция фабричного сукна и тканей серьезно подорвала производство домоткаиого сукна в Чечне. Его производство продолжается почти исключительно в горных районах и направлено на удовлетворение внутренних потребностей[492]. Тем не менее, кустарные промыслы не исчезли с рынка товаров. Во многом это объяснялось тем, что вечно испытывавшие острый дефицит наличных денег чеченские крестьяне предпочитали приобретать необходимые им товары у кустарей, расплачиваясь с ними натуральными продуктами своего хозяйства.

В конце XIX века в связи с развитием промышленности в России и усилением вывоза её товаров, на Северном Кавказе происходило постепенное вытеснение крестьянских промыслов промышленным производством. Кустарь превращался зачастую в наёмного рабочего, а скупщик – в работодатели[493]. Однако в острой конкурентной борьбе у кустарей был ряд преимуществ перед промышленниками. Прежде всего, нужно выделить неповторимость индивидуальной «ручной» работы мастера, в которую он вкладывал свой взгляд на мир, свою душу, свой национальный колорит, настроение. Ремесленник использовал приёмы, передаваемые из поколения в поколение на протяжении столетий.

У кустаря не было администрации, накладных расходов – его изделия были намного дешевле и оригинальнее фабричных штампованных экземпляров. Раз, затративший значительный капитал на первоначальное устройство, нанявший большое количество мастеровых, крупный фабрикант должен был постоянно поддерживать значительное производство. Для мелкого промышленника уменьшение спроса менее чувствительно: он может несколько приостановить производство, продавать не все изделия, переждать кризис [494]. Положительным результатом пореформенного развития промыслов явилось создание крупных отраслевых групп по обработке сырья. Углублялась специализация каждой из таких групп, выделялись ведущие отрасли мелкой промышленности[495].

Шорный промысел (изготовление сбруи, седла, пояса, ногаек) был развит у всех народов Северного Кавказа. Кустарное производство из кожи почти не встречало соперничества фабрик. Особое развитие у чеченцев получила выделка ремней различного назначения. Их изготовление было делом каждого чеченца, хотя имелись и специалисты– мастера. Несмотря на замысловатость техники обработки кожи, изделия отличались высоким качеством и сбывались даже в центральные промышленные районы России[496].

Ежегодно в равнинной Чечне в 90-х годах XIX века производилось около 830 пудов шелка. На рынки Грозного, Хасав-Юрта и других торговых центров края поступал шелк-сырец, смотанный в мотки. Из шелковой нитки также изготовлялись пояса, плелись всевозможные тесьмы, шнуры для пистолетов и часов, галуны и др. Галунами и тесьмой украшалась одежда, башлыки, обувь[497]. В меньшей степени, нежели плетение и ткачество, для Чечено – Ингушетии характерна вышивка. Она служила декоративным дополнением в женском костюме, украшая рукава и полы женской одежды. Чеченские женщины вышивали по шелковой ткани и

бархату разноцветными нитками; особо нарядные платья вышивали серебряной и золотой канителью с жемчугом и разноцветным бисером[498].

Золотой вышивкой оформлялись футляры для часов, вешавшиеся на стене в кунацкой, и другие предметы.. Уверенность почерка народных орнамента листов утрачивалась, когда рука мастера имела дело с новым, непривычным материалом, заимствованной техникой его обработки, новыми предметами. В этом отношении показательна вышивка цветными и белыми нитками по белому полотну (наволочки и салфетки, скатерти, полотенца), получившая распространение в быту горских народов во второй половине XIX века в результате тесных соприкосновений с культурой казацкого и иного пришлого населения, несшей в себе элементы русского и украинского искусства. Чеченские и ингушские женщины стали все чаще обращаться к вышивке стебельчатым швом и «ришелье»[499].

Региональное руководство старалось поддерживать и развивать кустарные промыслы, так как именно они являлись неповторимым « лицом» края на многочисленных выставках и распродажах, как в России, так и за рубежом. Это производство также способствовало поддержанию политической стабильности в регионе, так как обеспечивало большую занятость населения, особенно в сезон отсутствия земледельческих работ и в отличие от отходничества естественно закрепляло население в местах его традиционного проживания. Вопрос о практической помощи кустарям возник в 1896 году, во время пребывания на Кавказе министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова. Благодаря его инициативе 31 декабря 1899 г. был открыт в виде особого правительственного органа – Кавказский кустарный комитет. Комитет был призван выяснить практические нужды кустарей и в силу возможностей приходить им на помощь. Ежегодно на эти цели из средств казначейства выделялось 4 тыс. рублей[500].

В 1893 году председатель Статистического комитета С.В. Каханов командировал секретаря Г.А. Вертепова по Терской области для изучения кустарных промыслов, поручил ему лично собирать предметы, а начальникам округов предписал принять меры к охране исторических памятников от расхищения туристов. Г.А. Вертепов привёз из командировки 62 предмета и 28 фотографий. В 1895 и 1896годах командировки Вертепова повторились, вместе с ним владикавказский фотограф Л.И. Рогозинский произвёл снимки достопримечательностей Чечни и Осетии[501].

В горах крупным ремесленным центром Чечни являлось село Шатой, где было много мастеров по обработке металла, камня, дерева, кожи, а также по изготовлению одежды и обуви. Сюда приезжали за товарами из многих высокогорных селений Чечни[502]. Кустарной промышленностью славились чеченские высокогорные сёла: Ножай-Юрт, Ведено, Харачой[503]. Строгий функционализм, пожалуй, наиглавнейший из приоритетов народного искусства вайнахов. Все творческие силы народа направлялись на создание истинно полезных изделий. Одной из основных черт традиционной бытовой эстетики вайнахов была установка на добротность, качественность вещи и вместе с тем легкость и удобство пользования ей. Бытовым изделиям чеченцев присущи монументальность и обобщенность форм. В них нет богатства узорочья и утонченного изящества, однако присутствуют такие качества, как мудрая простота, строгость и убедительность. На протяжении длительного времени вырабатывался каждый тип изделия со своими технологическими особенностями и художественным оформлением, строго отвечавший своему назначению. Форма, размер, орнаментальная отделка удивительно рациональны и обусловлены логикой той функции, которую они выполняют в быту. Эти благородные качества являются драгоценным наследием для развития современной художественной культуры чеченцев[504].

Наличие неплохо развитого скотоводства обусловило и распространение в Чечне промыслов, связанных с переработкой продуктов животноводства, прежде всего с обработкой шерсти. Из овечьей шерсти на простом деревянном станке чеченские женщины изготавливали грубошерстное сукно. Ткацкие станки сохранялись в чеченских семьях очень долго, практически до 30-х годов XX века. Из грубого сукна делали мешки, перемётные сумы, изготавливали верёвки и паласы, а из тонкого сукна шили верхнюю одежду[505]. Чеченские войлоки и бурки на Кавказе считались лучшими[506].

Образ бурки соотносится с территорией ее изготовления, она обладает неким свойством определять пространство как таковое. Образ бурки связан не только с представлением о родном доме, обжитой территории, но также и представлением об особом, сакральном пространстве. До принятия ислама, согласно традициям чеченцев, покойника «одевали в чистое и новое платье и в полном вооружении, с шапкой на голове и буркой на плечах, опускали в могилу». Бурка являлась не только элементом костюма, но нередко выступала как вариант жилища, причем жилища, которое человек развертывал, как правило, на чужих, не освоенных им

территориях, где пребывание его носило явно временный характер – в отдаленных горных районах, лесах, т.е., с точки зрения традиционного сознания, местах обитания различных персонажей демонологического ряда. Бурка как «инструмент соединения двух миров», использовалась в обрядовой практике. Степень «маргинальности» бурки, непосредственной близости к иным сферам чрезвычайно высока, но далеко не каждый мог реализовать во всей полноте заложенную в ней глубокую смысловую многозначность[507].

Производство первоклассных сукон для черкесок и башлыков было сосредоточено в Грозном, Веденском и Аргунском округах. Исследователи отмечали, что чеченские суконщики использовали опыт дагестанцев, кумыков, осетин и казаков[508]. Равнинные жители Терской области ткали преимущественно покупную шерсть овец горных жителей Чечни, или перекупали у них готовые сукна, шили из них черкески и башлыки и продавали на ярмарках и базарах. Многие женщины ходили в отдалённые аулы и скупали готовое сукно и бурки. Чеченские бурки отличались плотностью и лёгкостью, что обусловлено тщательным выщелачиванием их в источниках[509]. Чеченское сукно высокого качества изготовляли в сёлах, расположенных по правому берегу реки Терек, между Моздоком, Грозным и Хасав – Юртом. Развитию промыслов именно в этом районе способствовало то обстоятельство, что рядом, в отрогах Терского хребта в обилии имелись горячие щелочные минеральные источники, в которых шерсть промывалась перед поступлением в производство[510].

Шерсть делилась на два сорта – длинную, идущую на «основу», и короткую, идущую на поперечную нитку « уток». Затем шерсть сучилась в пряжу. На заготовку пряжи на одну черкеску или, на один «кусок» сукна уходило 10 дней. Готовое сукно мыли в тёплой воде с мылом, уваливали его (ногами) и сушили[511]. Варкой мыла занимались преимущественно в лесной, горной полосе. Каждая хозяйка варила его только раз в году, в количестве 1 пуда. Местное горное мыло с виду напоминало известковый камень. Но оно пользовалось большой популярностью и ценилось даже дороже, нежели русское заводское, к которому относились с пренебрежением[512].

Искусство окрашивания ткани применялось на Северном Кавказе преимущественно к шерстяным изделиям и сафьяновым кожам и в этом применении оно стояло у кавказских кустарей гораздо выше и было более распространено, чем в России. Наиболее широкое применение в

окрашивании имели марена, «желтинник», алыча, ива и дуб. Все перечисленные выше растения встречались на Кавказе почти повсеместно и предварительно не подвергались никакой особой обработке[513]. До 1872 года марена принадлежала к важнейшим красильным растениям и стоила дорого. В год сбор марены доходил до 80 тыс. пудов и обеспечивал занятость большому числу местного населения[514].

К началу 70-х годов XIX века применение ализарина вытеснило употребление марены. В 1886 году председатель Астраханского биржевого комитета писал председателю Московского биржевого комитете «…пятнадцать лет назад красильный корень марены, употреблявшийся на фабриках, внезапно был замещён ализарином. Тогда, вследствие этого события жители, занимавшиеся исключительно мареноводством, были разорены...» Возделывание марены в некоторых районах Кавказа было основным занятием населения, рассчитанным на снабжение русских текстильных фабрик краской[515]. Чеченцы для крашения шерстяной материи использовали листья дикой лесной яблони, кору дуба, ольхи, грецкого ореха[516]. Комбинация травы с ольховой корой давала великолепную чёрную краску для окрашивания бурок, которая пользовалась большим спросом не только в Чечне, но и за её пределами[517].

Войлочные ковры изготовлялись трёх видов: для подстилки на пол, на кровать и для вывешивания на стены. Кошмы для пола не красили, остальные красили в яркие цвета, используя, в основном, растительные краски[518]. Отличительной чертой вайнахских традиционных войлочных ковров – истангов было то, что в орнамент органически вплетались ведущие звериные и фаллические мотивы, гораздо меньшее место занимал растительный орнамент. Орнаментное творчество вайнахов никогда не исходило из учета только красивой формы. Оно не признавало случайных комбинаций, возникших оторвано от исторических процессов, традиций, от реального мира[519].

Ещё в 1880 году П. Остряков писал, что «в бурочном производстве в первый раз появляются начала артельного труда так, что несколько семей занимаются делом сообща под руководством опытной мастерицы». Также, для отмывки, обработки и валяния шерсти у чеченцев регулярно устраивались «белхи» – взаимопомощь. В. Борисов в 1883 году отмечал, что в «Терской и Дагестанской областях Северного Кавказа кустарное ткачество сукон выросло из домашнего занятия, сукна стали ткать не только для одного домашнего потребления, но и для продажи на сторону, отчего производительность всё более и более развивалось»[520].

Чеченское сукно, изготовленное в Грозненском округе, продавалось главным образом затеречному и сунженскому казачьему населению. На каждого хозяина двора в этих станицах приходилось по одной черкеске и одному башлыку из чеченского сукна. Чеченские женщины из остатков шерсти, перерабатываемой на бурки, ковры и сукна, делали по 4 перемётные сумы на двор[521]. Почти каждая чеченская семья изготовляла полстяные ковры для дома. Для ковров использовалась длинная, грубая, толстая пряжа. В селении Ачхой производили узорчатые ковры из вшитого друг в друга войлока разных цветов[522]. Приёмы изготовления войлоков с вшитым узором очень остроумны и экономичны. По одному и тому же трафарету вырезали узоры из войлоков разной окраски, например, красного и зелёного. После этого красный узор вшивался в зелёный фон и наоборот. Получались два войлока – близнеца обратной расцветки. Ни один сантиметр материала при этом способе не шёл в отходы. Швы прикрывались белой тесьмой, которая или нашивалась сверху или особым образом ткалась одновременно со сшиванием войлока. Белая тесьма чёткой и резкой линией обводила и выделяла узор. Войлоки с вшитым узором представляли значительный интерес по разнообразному сочетанию цветов, богатству узоров, большой декоративности[523]. На Парижской выставке 1867 года Кавказским комитетом были выставлены работы горянок: ковры (стоимостью от 5 до 25 рублей) и войлоки (стоимостью от 2 до 50 рублей)[524].

Бурка – очень древняя одежда: ещё 2.300 лет назад греческий историк Геродот, посетивший Кавказ, нашёл здесь народ, носивший бурки, или как он их называл « чёрные плащи», о чем и поведал в своей работе. Греки так и называли этот кавказский народ «чёрными плащами» («меланхлены»). Процесс изготовления бурок довольно сложен. Укатанную бурку подвергали обработке щёткой с железными остриями, что придавало ей взлохмаченный вид. Затем бурку красили в котле с дубовой корой и с купоросом, после чего её промывали в реке, высушивали на солнце и вновь взрыхляли расчёской, а внутреннюю сторону над костром слегка обжигали, отчего она становилась снаружи лохматой, а изнутри гладкой. В заключении бурка с помощью ножниц получала округлую форму[525]. Средняя долговечность бурки у местного населения составляла 10 лет. В конце 80-х годов XIX века годовое производство бурок в Чечне равнялось приблизительно 7.400 штук на 73.300 рублей[526]. К концу XIX века производство бурок у чеченцев увеличилось до 21 тыс. штук[527].

Падение бурочного промысла совпало с окончанием Кавказской войны, во время которой казачьему населению и всем офицерам требовалось гораздо больше бурок. В последствии казаки охотно стали заменять бурки солдатскими шинелями или кафтанами из верблюжьей шерсти или серого солдатского сукна. Горцы вместо бурок стали носить овчинные шубы, скроенные как черкески[528]. В 90-е годы XIX века развилась специализация аулов, по изготовлению бурок, а в городе – производство их на промышленной основе. Изготовление бурок увеличивалось. По сведениям Тифлисского биржевого комитета, по бурочному производству были известны следующие селения: Старый Юрт – ежегодно производил 10тыс. штук, Шали– 3 тыс., Зибир-Юрт-2тыс., Умахан-Юрт-1тыс., Илхин-Юрт-500штук и т. д. Всего население чеченских сёл производило 21тыс. бурок в год. Одна бурка стоила 5-7рублей. Итого в 3-х районах Грозненского округа ежегодно производили приблизительно 86-90тыс. бурок на сумму около 900тыс. рублей. В Грозненском и Хасавюртовском округах коврово-войлочным производством на рынок занималось 3.750 дворов[529]. Грозненский район производил наиболее дешёвые, ходовые бурки. Эти бурки содержали много грубой шерсти степной овцы[530]. Центр производства чеченских бурок находился в селе Старый Юрт. Из этого села бурки распространялись по всему Кавказу. Чеченский район имел свои постоянные рынки сбыта бурок: Грозный, Наур, Моздок, Хасав – Юрт, Аксай, Владикавказ и Тифлис[531]. По мере покорения и замирения края, постепенно водворялись и сношения горцев с местным населением, особенно с казаками. Шерстяные изделия туземцев вытеснили по своей дешевизне и доброкачественности фабричные изделия, подчинили себе даже вкусы и привычки казаков[532].

Большим своеобразием отличался костюм чеченского мужчины. Исследователь Л.П. Семенов в качестве мужской верхней одежды чеченцев называет халат из цветной шелковой или шерстяной ткани. Халат был длинный, ниже колен, и под него надевали короткую стеганную одежду. Халат имел покрой черкески, но с более широкой спинкой. Старинной мужской одеждой были серые или черные рубашки из холста, бязи или шелковой ткани. Черкески и бешметы надевались на рубашки. Изделия из меха и кожи были широко распространены в горной Чечне: овчинные шубы, меховые штаны, барашковая шапка, «папах», «чувяки» (туфли) и ноговицы из тонкой козлиной кожи. Мужские шапки изготовлялись из меха, холста, реже – из шерстяной ткани. Позже они были вытеснены другими меховыми или войлочными шапками горцев[533].

Ни одна семья не обходилась без кожаного мешка – «лежиг» для переноски зерна или муки. Мешок сшивался из кусков овчины. Перемётные сумы «хуржины» и пояса для ношения кувшинов с водой изготовлялись в Чечне повсеместно[534]. Летом горцы переправлялись через Терек на бурдюках из бараньих и козьих шкур, которые отличались от других кавказских бурдюков тем, что были сшиты шерстью внутрь, а снаружи смазывались жиром или другим веществом, не пропускающим воды; такой бурдюк имел два отверстия: одно для надувания, другое для укладывания одежды, пищи, оружия и т.п. Пешие чеченцы переправлялись через Терек, привязывая бурдюк к спине, конные брали с собой по два бурдюка; наполнив их своими вещами, они привязывали бурдюки под передние лопатки лошадей и, таким образом, сидя на конях, переправлялись через полноводный Терек[535].

Основным головным убором чеченца служила конусообразная папаха, делавшаяся из овчины; а у богатых из шкуры бухарского барашка[536]. Иностранный исследователь-путешественник Г.Ю. Клапрот, побывавший в самом начале XIX века в Чечне, отмечал, что чеченки шьют в качестве женского головного убора шапки, очень похожие на шапки черкешенок, и носят их только чеченские девушки[537].

Свадебные платья шили из шёлка – белого или ярких цветов. Женщины из богатых семей носили башмаки и туфли городского и местного производства, а также галоши. В начале развития капиталистических отношений в Чечне и Ингушетии вайнахская одежда стала постепенно вытесняться европейским костюмом[538]. Еще в годы Кавказской войны считалось престижным нарядиться в черкеску из тонкого европейского сукна[539]. Среди вайнахов весьма стыдным считалось брать за шитьё одежды плату деньгами. Взамен заказчица помогала портнихе в поле или в домашнем хозяйстве. Швейные машины стали появляться у вайнахов в последней четверти XIX века[540]. Чтобы понять, как одевались горцы в то время, обратимся к наблюдениям их современника: «Жизнь на Кавказе вообще ведь поражает своею культурною пестротою. В ней рядом встречаются такие вещи и наблюдаются такие явления, которые, казалось бы, должны быть разделены громадным промежутком во времени и пространстве. Сюда быстро доходит парижская мода и «yupes culottes», например, вероятно, уже выписаны кавказскими дамами; но отсюда еще не ушла чадра и здесь сохранились еще женские шальвары, свои юбки-штаны, которые носят туземные бабы. Многие горцы, как подлинные дикари,

еще красят свои бороды красною краской, но и на Кавказе, конечно, имеются люди, которые спрыскивают их духами…»[541].

На Всероссийской этнографической выставке, проведённой в Москве в 1866 году, был представлен чеченский женский костюм. Хотя выставка проходила сразу после завершения Кавказской войны, и чеченцы переживали тяжёлые времена, тем не менее, костюм чеченской женщины отличался изысканностью и роскошью. На экспозиции была представлена рубашка шёлковая белая, обшитая галуном, с гранатовой пуговкой. Штаны были сшиты из глазета, чувяки обшиты серебром. Архалук также был шёлковый. Бархатная полоска на головном уборе была расшита бусами, а красные тесёмки, обхватывая голову, завязывались, на затылке. Косынка вся была украшена блёстками[542].

Богатые чеченцы предпочитали носить чувяки, а также ноговицы из чёрного сафьяна; иногда к таким чувякам пришивалась подошва из буйволовой кожи. Многие надевали мягкие кавказские сапоги[543]. Чувяки кроились так, что имели только один шов, пересекающий всю подошву. При окончательной обработке этот шов выглаживался. У чеченцев шили чувяки с небольшими широкими голенищами. Такие же чувяки мы видим у скифов на древне – греческих вазах[544]. Иногда к чувякам прикрепляли особым образом подковы с шипами. Эту обувь носили на босу ногу, подкладывая пучок высушенной травы, которая была одновременно мягкой и упругой, предохраняя ступню от повреждений[545].

Аппликацией из кожи украшали обувь и ноговицы, кисеты. Чаще всего сочетались чёрный и красный цвета. Археологические материалы средневекового периода показывают распространение кожаных аппликаций на всем Северном Кавказе. Привычка к аппликациям из кожи связывается и с тем, что узоры-трафареты для золотого шитья первоначально вырезались из кожи и лишь позднее на смену им пришли бумага и картон. Встречалась аппликация из кожи на обуви, сшитой из бурочного войлока у чеченцев и ингушей. Цветовая гамма у чеченцев была более яркая, сочная, чем у адыгов, осетин и карачаевцев. Строилась она на контрастных тонах: красно-синее, красно-зелёное, чёрно-оранжевое и других сочетаниях цветов[546].

Новым явлением в традиционном кожевенном производстве было то, что зажиточные люди стали нанимать ремесленников по обработке кож, а произведённый товар реализовывать на рынках русскому и казачьему населению[547]. Также наемные подмастерья использовались и в других отраслях кустарных промыслов. Мастеровой (обычно предста-

витель одного из дагестанских народов), работающий в Чечне, известен у чеченцев под термином «куьичи». Он мог быть и горшечником, и медником, и серебряных дел мастером, и лудильщиком и т.п. Связь данного термина с дагестанской «столицей» ремесла с. Кубачи – очевидна[548]. Особенно часто медные посудные изделия производились в Чечне дагестанскими мастерами, приходившими сюда на промысел и работавшими в крупных селениях. Пришлые чеканщики, выполняя заказы, в большинстве случаев учитывали местные вкусы. Их изделия, хотя и перекликались с дагестанскими – лакскими, кубачинскими, – но не повторяли их[549].

Известное развитие получило в Чечне ювелирное дело. Ювелирные изделия представляют главным образом традиционные украшения мужского и женского костюмов. При этом для женских украшений характерно сочетание серебра с позолотой. В числе женских украшений были «серебряные ошейники», на которых висели большие монеты, особенно ценились серебряные рубли, производившие большой звон при каждом движении[550]. Мужские изделия – чисто серебряные, ибо серебро считалось в Чечне «мужским» металлом. Чеченские мастера работали почти исключительно с серебром, изготовляя на заказ и для продажи широкий ассортимент товаров: от богато украшенного оружия и конской сбруи до предметов домашней посуды и всякого рода безделушек. В горных районах Чечни изготовляли узкие серебряные браслеты, кольца, и перстни чрезвычайно простой формы с черневым орнаментальным мотивом, надписями, семантическими знаками и цифрами[551]. Большая часть произведённых товаров скупалась перекупщиками, которые практически отрезали мастеров-кустарей от рынка[552].

Пристрастие вайнахов к черневому декору серебра значительно активизировало творческие поиски и достижения как местных, так и дагестанских мастеров черни в этой оригинальной технике ювелирного искусства народов Кавказа, ставшей значительным вкладом в сокровищницу ювелирного дела[553]. Во второй половине XIX в. формировались ценностные ориентации на различные иноэтнические художественные традиции. Ювелирное искусство в значительно большей степени, чем другие виды народного творчества чеченцев и ингушей, испытывало воздействие дагестанских образцов. В редких изделиях прослеживаются отзвуки ногайской культуры. В селениях Ножай-Юртовского района, непосредственно граничащих с Дагестаном, работало много ювелиров аварцев и лакцев. Дагестанцы украшали свои изделия «чеченскими»

узорами, особенности которых проявлялись в строгой симметрии и укрупненности орнаментальных мотивов, нанизанных на одну ось; в обильном применении чернения и фактурных разработок металлической поверхности; введения крупной зерни, столь излюбленной вайнахским народом [554].

Архивные материалы почти не содержат сведений о мастерах-оружейниках, которые были, как правило, бедными людьми. Их доход был ниже уровня, подлежавшего налоговому обложению, поэтому они не интересовали царскую администрацию и не попадали в материалы проверок ремесленных заведений. В отличие от них мастера серебряного дела обычно фиксировались пробирными учреждениями. Терский пробирер, в сферу деятельности которого входила Чечня, судя по сохранившимся отчетам, не отличался особым рвением и проверял лишь мастерские Грозного и Владикавказа. В сельские районы он не выезжал и лишь докладывал, что нарушений пробирного устава нет[555]. Поэтому исторические свидетельства о количестве оружейников и ювелиров в чеченских селах – крайне недостаточны.

Кавказ, как известно, является одним из древнейших центров металлургии. Данные сравнительного языкознания дают основание думать, что железо впервые появляется у кавказских народов[556]. Судя по таким находкам, как клёпанные из листовой бронзы котлы, найденные в Бамутских курганах, можно сделать вывод, что металлообработка в эпоху ранней бронзы достигла значительных успехов[557].

Понимая значение металла в жизни горцев, Кавказское общество сельского хозяйства в 1875 году создало коллекцию железных изделий, собранных из всех уголков Терской области. Чеченские кустарные промыслы были представлены инструментом для подбивки кукурузы и лопаткой для выгребания золы из камина[558]. Примитивные с точки зрения современного человека горские орудия труда по тому времени были совершенными произведениями человеческого разума и рук. Каждое орудие создавалось с установкой на максимальную целесообразность, практичность, удобство. Представление о гармонии и красоте орудий труда закономерно вытекало из их строгой целесообразности и разумности[559].

Из металлообрабатывающих промыслов в XIX века наибольшее значение имело производство оружия. В ходе Кавказской войны солдаты царской армии впервые столкнулись с довольно странным защитным оружием горцев – с так называемой рогулей, которая служила защитой

то удара саблей, шашкой. Такую рогулю обычно делали из железа или стали длиной не более полуметра, она имела утолщённую ручку с деревянной рукояткой. Горцы прятали её под шубой или черкеской, в бою же молниеносно подставляли под удар сабли или шашки. Сабля, попавшая в рогулю, ломалась или получала сильную зазубрину, так что больше ею пользоваться было нельзя. Такая рогуля служила и подставкой для кремневого ружья[560]. Предметы вооружения Терского казачьего войска первоначально заказывались руководством на Златаустовском заводе, а затем продавались казакам, причем шашка с отделкой и портупеей обходилась в 8 рублей, а кинжал с поясом – в 4 рубля. Однако и начальство и казаки Терского казачьего войска обратились к начальству с заявлением, что Златаустовские кинжалы стоят дороже лучших кинжалов местного изготовления на 1,5-2 рубля, а по своим качествам (слишком хрупкая сталь) не соответствуют своему предназначению. В связи с данным заявлением, Военный Совет разрешил Терскому казачьему войску закупать оружие у местных мастеров[561].

С завершением Кавказской войны производство горского оружия, прежде всего огнестрельного, сокращается. Помимо преследования властей свою роль сыграло всё более широкое распространение скорострельного оружия российского и иностранного производства. Со временем осталось только производство холодного оружия, являвшегося незаменимым атрибутом национального костюма[562]. Большими достоинствами отличалась кавказская винтовка. Прежде всего, она была очень лёгкой. Горцы раньше, чем было усовершенствовано русское пехотное ружьё, дали своему ружью нарезы и достигли этим дальнобойности, поэтому кавказская винтовка, при особом устройстве прицела, далеко превосходила русское солдатское ружьё (до введения штуцеров). Оригинальными были и кавказские пистолеты с хитроумными приспособлениями для многозарядности, изобретёнными раньше, чем европейский револьвер барабанной системы. По некоторым данным чеченцы делали порох, извлекая селитру из некоторых трав[563]. Д.А.Милютин принимал непосредственное участие в боевых действиях на Кавказе и имел возможность ознакомиться с действиями кавказских войск и убедиться в несовершенстве их тактики. Тут не было того превосходства, которого следовало ожидать от «европейского регулярного войска», победившего армию Наполеона, над «неустроенными толпами вооруженного населения». Напротив, по его мнению, превосходство часто оказывалось на стороне горцев. Это объяснялось

не только хорошо знакомой им и удобной для обороны местностью, умением приспосабливаться к ней, но и меткостью ружейного огня противника[564].

В 1897 году один из кавказских краеведов писал, что «ещё в самое недавнее время во многих аулах Терской области выделывались очень порядочные клинки; наибольшею известностью пользовались клинки атагинских мастеров, попавших даже в казачьи песни»[565]. Чеченские мастера знали секреты обработки булатных клинков и так называемой «дамасской» стали, что позволяло им изготовлять шашки, которые можно было свернуть вокруг пояса или положить в домашнее сито для просеивания муки. На изготовление некоторых уникальных клинков мастера затрачивали до 10 лет, их обработка всегда велась на буковом угле. Закалка производилась по частям самыми разными способами: воздушная, при помощи воды, различных жиров (например, волчьего и медвежьего), соли, песка и т.п.[566]. Считалось, что закаленное с помощью животного жира оружие приобретает качества волка или медведя. Часто клинки сабель и кинжалов украшали рисунком, изображающим бегущего волка, поэтому среди терского казачества за ними закрепилось название «волчки». Обычно эти сабли выделывались из привезенной стали или переделывали из других клинков и мечей. Так, одна из найденных в Чечено-Ингушетии шашек – «волчков» – переделанный меч крестоносца XIII – XIX веков[567].

Появление шашки на Кавказе выводят из Турции либо Ирана, мотивируя это отсутствием раздвоенных наверший на клинковом оружии, производившемся в других частях света. Но в Европе также была широко распространена подобная конструкция. Шашка при всей своей небольшой длине и кривизне (по сравнению с саблей) очень удобна именно для ношения лезвием кверху и, естественно, для применения из этого положения. Подвешивание шашки лезвием кверху увеличивало самое главное – скорость первого удара. Позже, когда шашка вытеснит саблю из боевого комплекта вооружения, последнюю горцы продолжат хранить и надевать с парадными доспехами[568]. На Кавказе к оружию предъявляли немало требований. Клинок шашки прежде всего должен был быть «легким как перышко, упругим как лоза и острым как бритва». Как писал В.А. Потто, после прихода на Кавказ русские были очарованы шашками горцев, «удары которых, нередко перерубавшие ружейные стволы и даже рассекавшие панцири, приводили всех в изумление»[569].

Холодное оружие (шашки) у казаков имелось, но за весьма малым исключением, кавказской работы. С выселением горцев в Турцию, снабжение Кубанского и Терского войска шашками стало весьма затруднительно, в чём признавались официальные власти[570]. Чеченские шашки пользовались успехом у русских офицеров. До сих пор в музее Льва Толстого висит шашка, подаренная ему Садо Мисирбиевым[571]. Когда А. Дюма (отец) путешествовал по Кавказу, он очень высоко оценил мастерство местных умельцев, а черкеску, которую ему подарили, он не снимал, считая ее красивой и практичной[572]. По наблюдению французского писателя «…оружие у чеченцев обычно было так светло, так гладко вычищено, что его можно было принять за серебряное»[573].

Следует отметить, что в 1904 году был официально утверждён тип холодного оружия, применявшийся казаками уже несколько десятилетий. Это оружие, заимствованное у горцев, с течением времени подвергалось лишь несущественным изменениям, не затрагивающим конструктивные основы. Приказ по военному ведомству 1871 года за № 380, устанавливавший форму обмундирования и снаряжения Кубанского и Терского казачьих войск, очень определённо описывал холодное оружие: « Кинжал должен быть азиатский с произвольною оправою, привешиваемый к поясу, а шашка азиатского образца с произвольною отделкою». При опускании острия шашек и кинжалов на железный лист клинки пробивали его без малейшего для себя вреда. При рубке меди и железа отлично зарекомендовали себя лезвия, не получившие ни помятостей, ни зарубок[574].

Производство ножей было сосредоточено главным образом в Чечне и на Кумыкской плоскости. Лезвие дорогих сортов кавказских ножей сваривалось из мелких кусков ржавых гвоздей и затем хорошо прокаливалось особым способом[575]. В городе Грозном выделывали кинжалы, достигавшие иногда длины 1,2 метра и напоминавшие мечи[576]. Кинжалы использовались не только в бою, но и в быту, а также при устройстве оборонительных сооружений. Благодаря конструкции рукояти кинжала, кинетическая энергия удара увеличивалась примерно в 1,6 раз. При рытье траншей горцы использовали только кинжалы и небольшие деревянные лопаточки. Традиция подвешивания кинжала на середине живота восходит к началу I тыс. до н.э.[577].

Во время Северо-Кавказской историко-бытовой экспедиции, проводившейся Историческим музеем в 1936-37 годах, в селе Цонторой была приобретена польская сабля 1614 года, в селе Дарго членам эк-

спедиции показали венгерскую (XVIII в.) и немецкую (XIX в.) сабли. Обычно, в ходе боевых действий, иностранные клинки снабжались рукоятками местной работы[578]. В конце XIX века широкое распространение среди вайнахов получили клинки дагестанского типа, характерными признаками которых являются более внушительные размеры, ромбовидность в сечении и по одному желобку, расположенных не на одной линии. Кинжалы эти были широко известны среди чеченцев. Отличны от них традиционные вайнахские кинжалы, которые единичны, более легки, в сечении имеют более сложный рисунок, два или более желобков на плоскости[579].

Чеченское оружие получило высокое признание и на мировом уровне. Оружие, изготовленное Амирхановым Абитой, экспонировалось в русском отделе Парижской выставки. Его шашка была оценена в 20 рублей, кинжалы в 8,10,35 рублей, кинжальные ножи в 80 рублей[580]. Несмотря на то, что выставки в целом готовились достаточно традиционно, на них проявлялись и некоторые новые тенденции общественной жизни. По примеру Парижской всемирной выставки 1867 года, впервые широко отразившей жизнь колоний, на Петербургской выставке были выделены разделы Кавказа, Туркестана, Сибири. Разделы национальных окраин знакомили посетителей с природными ресурсами этих территорий, этнографией коренных народов.

В пореформенный период в отечественную выставочную практику впервые вошли многие новые элементы: организация учебного дела и территориальных отделов; привлечение к подготовке выставки научных организаций, создание на местах губернских вспомогательных комитетов; усиление наглядности и обучающих возможностей экспозиций путем демонстрации, наряду с готовыми изделиями, самого процесса изготовления; приглашение для знакомства с выставкой представителей иностранных держав; возвращение на всероссийскую промышленную выставку ремесленной продукции, устройство публичных лекций, экскурсий и т.п.[581].

В настоящее время в Государственном Этнографическом музее, в особой кладовой хранится изумительной красоты и филигранного качества кинжал с ножнами, изготовленный кистинским мастером. Самым удивительным в этом великолепном холодном оружии является изображение маленькой поющей птички прямо на конце желобка (для стока крови) его стального лезвия. Таким образом человек, изготовивший смертоносное оружие – воспевал жизнь. Заслугой Этнографического

музея является бережное отношение к народному творчеству кавказских горцев. В 1904 году этим музеем была организована экспедиция на Кавказ, в результате которой из Урус – Мартана в Петербург доставили: лук, ткацкий станок, прибор для выбивания огня из кремния, кузнечные инструменты, серп для кукурузы, бурав, ножницы, мебель, войлочные ковры. Следующая экспедиция отправилась в Терскую область в 1907 году. С.А. Гатуев привёз в Этнографический музей следующие чеченские вещи: серьги серебряные, перстень женский с арабской вязью и перстень мужской; музыкальные инструменты, железный таганок, металлические «кошки» для лазания по деревьям, маслобойку, ошейник, бурку, чётки. В 1978 году Этнографический музей командировал В.А. Дмитриева в ЧИАССР для сбора предметов обихода конца XIX-нач.XX вв. В результате этой экспедиции коллекция музея пополнилась многими ценными чеченскими вещами. В Ленинград были доставлены: серп, маслобойка(с. Герменчук нач.XX в.),шумовка из лужёной меди и железа(с. Мехкеты кон.XIX в.), кружка из меди с узором(с. Ведено XVIII в.), чашка керамическая(с. Мехкеты XIX в.),черпак из дерева(с. Хани-Кала XIX в.), доска молотильная(с. Ихорой), кумган из лужёной меди(с. Ведено кон. XIX в.)[582].

Чеченские всадники обыкновенно были вооружены кинжалами, шашками, пистолетами, а некоторые и ружьями. Среди взрослых были и мальчуганы лет 10-12 с длинными кинжалами или пистолетами за поясом. Странный контраст с этими вооружёнными хозяевами плоскости составляли «пришельцы» – русские солдаты. Нередко человека по два, по три пробирались они из одного укрепления в другое. «Оружия никакого. Расстёгнутый, в одной рубахе, плетётся себе спокойно, будто в своей родной сторонушке, в Тамбовской или Вятской губернии» – свидетельствовал краевед Н. Семёнов. Чеченцы сотрудничали с воинскими гарнизонами. Они часто передавали свои покосы расположенным вблизи войскам с тем, чтобы половина скошенной травы составляла плату за труд солдат, а другая поступала в пользу хозяев[583].

После завершения Кавказской войны чеченское население не стали разоружать из-за опасений всеобщего восстания. Выборочно некоторые сёла разоружали, в наказание за возмущение или из-за страха перед восстанием. Так, в1889 году для конфискации оружия к селу Старый Юрт пришлось выдвинуть два батальона и два эскадрона[584]. В Терской области, при наместнике на Кавказе князе Г.С. Голицыне, были обезоружены и лишены права ношения оружия жители чеченских сёл: Дышни – Веде-

но, Кени – Юрта, Кади -Юрта и др. В некоторых случаях жители сдавали оружие добровольно[585].

Одно из древних ремёсел – кузнечество – получило у чеченцев значительное развитие. Кузнецы почти во всех сёлах содержались на общественные средства. Сельское общество выделяло кузнецу из общественного фонда пай, предоставляло право выпаса скота на общественном пастбище, освобождало от натуральных повинностей, выплачивало хлебом – по две меры кукурузы – или же деньгами – по 50 копеек с каждого двора. Кузнецы были в каждом селении: в горных – по 1-2 кузнеца, в больших равнинных доходило и до 5[586].

Обычно кузнец не только изготовлял новый или чинил старый нехитрый хозяйственный инвентарь сельчан, но и занимался слесарным ремеслом. В конце XIX века по количеству кузнецов первое место в Чечне занимал Грозненский округ, где их работало 137 из 918 по всей Терской области[587].

Деревообрабатывающим промыслом чеченцы занимались с глубокой древности, почти в каждом хозяйстве. Посуда вытачивалась на появившемся ещё в раннем средневековье токарном станке разнообразных конструкций «чарх». Токарное дело, уходящее своими корнями в глубокую древность, в XIX веке вновь возродилось. В Чечне использовали различные токарные станки, от примитивных с вертикальной осью вращения, наподобие гончарного круга, до станков с механическим приводом, работавшим при помощи воды. Станки были переносные и стационарные с ручным и ножным приводом. Все эти станки имели местное происхождение, за исключением ножного станка, с педалью, соединенной при помощи винтового зажима, где крепилась и обрабатывалась заготовка. Особой конструктивной сложностью местные станки не отличались, но, тем не менее, изготовленные на них изделия имели спрос по всему Кавказу[588].

В домах чеченцев домашняя утварь и обстановка были деревянными[589]. Развитию этого промысла способствовало и наличие больших лесных массивов ценных пород, прежде всего буковых, хотя чеченцы традиционно использовали для хозяйственных нужд почти все породы деревьев. Из бука изготавливали домашнюю утварь: миски, чашки, ложки, стулья, национальные столики на трёх ножках, а также топорища и лопаты. Делали сундуки, обитые в косую клетку металлическими полосками, в промежутке между которыми закладывалась цветная фольга, стекла и слюда. Иногда сундук раскрашивали разными красками гео-

метрическим узором[590]. Липа служила не только строительным материалом (для изготовления стропил, оконных рам, дверей), но и шла на производство деревянных корыт, ложек, чашек, подносов, ободков для сит[591]. На корыте-подносе подавалась варёная баранина, куски её были расположены в особенном порядке. Бочки выжигались из одного ствола; в них хранились мука, кислое молоко, сыр. Древнего типа скамьи делались из бука и ясеня; очень низкие и для европейцев неудобные, заставляли их непривычно сгибаться. Ковши имели очень древнюю форму. Ковши для спиртных напитков стилизовали под человеческие черепа[592]. На деревянных (из твёрдого дерева) коньках чеченские мальчишки катались зимой[593]. Особенно ценились сделанные с большим мастерством и художественным вкусом чашки из твёрдых пород дерева или древесных наплывов.

Работа с деревом была излюбленным занятием горцев, она даже считалась одной из характерных черт горских народностей, которую в своё время подметил Л.Н. Толстой. По наблюдениям современника, «…во время беседы горцы, особенно старики, не могли обойтись без строгания какой-нибудь деревяшки, из которой постепенно вырисовывалась нужная и гармоничная вещь: вилы, сохранившие естественное разветвление сучка и облагороженные человеческой рукой, оригинальной формы грабли ложки с причудливыми скульптурными ручками, орнаментированные блюда и даже детские колыбельки»[594]. На колыбели, сделанной из дерева, изображались стилизованные фигурки добрых духов, защищавшие младенца от мира зла[595].

В чеченской орнаментике господствовала высокая степень условности и символизма, превращающая изображение в знак. Например, квадрат считался изображением четырех сил, постоянно действующих на человека: божественных, ангельских, человеческих и сатанинских. Квадратами представлялись и сердца людей. Обычные крест обозначал отросток Древа Жизни или Ось Света, лестницу, соединяющую Небо и Землю. Особо популярные стилизации животных также выполняли функцию знака. Так, баран – всегда считался знаком правды и милосердия, жертвенности и миролюбия; бычьи рога – знаком богатства, неуступчивости и непреклонности перед злом. Среди редко встречающихся растительных узоров популярны были трехлепестковые цветы и удлиненные листья. В основе элементов любого орнамента чаще всего угадывается солярная символика: косой крест и спирали[596]. Исследователь Северного Кавказа XIX века А. Васильев писал: «Натура горца

богата и полна. Чувство изящного не только не чуждо ему, но напротив, составляет принадлежность его природе и, можно сказать, в значительной степени. Многие изделия горцев отличаются изяществом вкуса»[597]. Во второй половине XIX века наиболее заметные изменения произошли в обработке дерева. Явно под влиянием близкого русского соседства чеченцы начали шире применять орнамент для украшения ставень, наличников и веранд. Также орнаментом стали чаще украшать в домах перегородки и опорные столбы, а также кровати, табуретки, шкатулки и сундуки[598].

Чеченцы и ингуши широко использовали для создания художественно оформленных бытовых изделий местные природные материалы. В долинах рек, на равнине, где есть заросли камыша, осоки, изготовлялись, прежде всего, циновки, украшенные узорным плетением и подкрашенные[599]. Циновочный промысел был развит у чеченцев довольно широко. Из прутьев граба плели корзины, плетни и сапётки. Из веток орешника изготавливали ульи, затем их обмазывали глиной. Для хранения кукурузных початков использовались плетёные хранилища «доо»[600]. Высокое качество чеченских изделий отмечалось на различных выставках. В1872 году, на Московской Политехнической выставке, Губаханова Бельше, из села Ачхой, Грозненского округа, получила бронзовую медаль за хорошие рогожи, сплетённые из осоки[601]. Славилась плоскостная Чечня и изготовлением веников, которые здесь выращивались и выделывались. Вайнахские кустари освоили изготовление веников приблизительно к концу XIX века и делали их очень красивыми и практичными. Для связки веника использовался специальный расщеплённый красный прут, придававший ему прочность и своеобразную красоту[602].

Незапамятною древностью веет от некоторых кустарных изделий горцев. Возьмём приспособления для перевозки. Первичным орудием перевозки были сани, употреблявшиеся во все времена года, и только значительно позднее появилась двухколёсная платформа со сплошными колёсами. Эти древние «экипажи» изготавливали в Чечне и в начале XX века. В горах, даже летом можно было встретить пару маленьких горных бычков, тянущих по кремнистой дороге сани с кладью. Сани из толстых дубовых брусков, толщиною в несколько сантиметров, были приспособлены к сопротивлению самым сильным ударам на крутизне горных дорог. Спрос на эти сани был значителен в аулах близ Главного Кавказского хребта.

Арбы свои горцы делали, приспосабливая их к местным условиям, к крутизне склонов, например: чем последние круче, тем диаметр колёс меньше, чтобы понизить центр тяжести груза, при этом колёса соответственно утолщены. В пологих местностях, у подошвы Чёрных гор, арбы были на колёсах со спицами[603]. Особенно много кузовов для арб изготавливали в Большой Чечне, откуда их вывозили в Моздок, Георгиевск и на другие степные рынки, где продавали кочевникам[604]. Надо отметить, что развитие колесного производства было вызвано увеличением гужевых перевозок хлеба и других грузов на рынки края и ростом в изготовлении колесного транспорта в связи с возникшим повышенным спросом на продукцию чеченских и казачьих мастеров [605]. Деревообработка в Чечне устойчиво развивалась из года в год, поскольку почти не испытывала конкуренции со стороны промышленных предприятий. К тому же спрос на продукцию мастеров-деревообработчиков был постоянным хотя бы потому, что большая часть крестьянского инвентаря изготавливалась из дерева»[606].

С глубокой древности было развито гончарное производство, поскольку в Чечне имелось надлежащее сырьё (глина)[607]. Особый расцвет гончарное производство получило в раннее средневековье, когда параллельно с ручной лепкой появился гончарный круг. Создавались превосходные сосуды оригинальных форм, которые расписывались белой глиной[608]. Ремесленные занятия населения края уже в раннесредневековую эпоху были заметными и разно отраслевыми. Так, открыты сложные по устройству двухъярусные гончарные печи (с. Дуба-Юрт), установлено клеймение днищ гончарной посуды, что говорит о профессиональном ремесленничестве. Качество керамики, богатство форм и обжиг в XII – XIII вв. значительно улучшаются. Начинает производиться даже черепица(с.Мартан-Чу)[609]. Чеченская посуда была сделана не только хорошо, но и красиво и носила на себе следы малоазийских образцов. С помощью простого станка выделывались большие кувшины до 1-2 метров, горшки, чашки. Посуду хорошо обжигали и поливали свинцом[610]. Чеченская глиняная поливная посуда охотно разбиралась на ярмарках и базарах, как «туземных», так и русских[611]. Центрами гончарного производства в Чечне считались селения Старый Юрт, Шали, Курчалой и Майртуп, а годовой доход мастеров составлял от 150 до 165 рублей[612]. В селе Шами – Юрт, гончар Магомет Хизириев выделывал глиняную посуду в свободное от полевых работ время. В год он обжигал 2400 предметов. Средний, чистый годовой доход составлял 120 рублей. Также он

занимался и изготовлением черепицы, которая стала охотно раскупаться зажиточными чеченцами для кровли домов. На черепице он зарабатывал в год 180 рублей[613]. Около слободы Шатой развивалось горшечное производство и выделка черепицы. Способ изготовления черепицы чеченцы переняли у русских, служивших в слободе. В связи с развитием этого нового промысла повсеместно в Чечне глиняные крыши стали заменяться черепичными теми хозяевами, у которых были соответствующие для этого материальные возможности[614].

В Чечне была развита резьба по камню. Известно, что в эпоху позднего средневековья орнаменты на входах и стенах башен в горах выполнялись резьбой на камне. Более сложно оформлялись чеченцами каменные надмогильные памятники (стелы) в XIX веке. Многие из последних изготовлены достаточно тщательно и являются образцами высокоразвитого местного декоративно-прикладного искусства. Чеченцы вырабатывали из камня и другой вид плиточных изделий – домашние печи, очаги[615].

Капиталистические отношения стали активно проникать в кустарные промыслы чеченцев. По официальным данным в 1885 году в одном только Веденском округе действовало восемь лесопилен, на которых работали наёмные батраки[616]. Владельцы паровых заводов, на которых перемолачивалось зерно окрестных землевладельцев, за работу забирали одну десятую часть перемолотого продукта[617]. Уже в 1892 году в Чечне насчитывалось около 1000 водяных мельниц[618]. В 1901 году в одном только Грозненском округе работали следующие кустарные предприятия: известковых-2; кирпичных, черепичных и гончарных-96; кожевенных-1; лесопильных-77; водяных и ветряных мельниц-737; других-9. Таким образом, только в этом районе Чечни имелось 925 кустарных предприятия, на которых было задействовано 957 рабочих. Указанные предприятия в течение 1901 года произвели продукции на общую сумму 780.171 рубль[619].

Хотя кустарное производство ещё прочно соединялось с земледелием, но уже постепенно обнаруживалась специализация, когда отдельные предприниматели целиком посвящали себя организации того или иного рода ремесленного производства: нанимали квалифицированных рабочих, имели штат учеников. Знамением времени, особенно в 80-90-е годы, стал отрыв вчерашних крестьян, лишь часть календарного года занимавшихся промыслами, от земледелия и полное сосредоточение на производстве тех или иных ремесленных изделий.

При этом производители кустарных изделий столкнулись с жестокой конкуренцией со стороны бурно развивающейся российской фабрично-заводской промышленности, что неизбежно привело к сокращению тех промыслов, которые не могли выдержать такой конкуренции. Однако, в изменившихся условиях кустари проявили удивительную «живучесть» и за счёт как увеличения интенсивности своего труда, так и за счёт гибкости и маневренности, выразившейся в перепрофилизации своего производства, смогли выстоять и выжить в сложных условиях рыночной модернизации страны[620]. Промыслы играли существенную роль в жизни чеченского народа, они были разнопрофильны и охватывали всё многообразие окружающих человека природных ресурсов, которые использовались им для своих бытовых и хозяйственных целей. Поэтому исследование народных промыслов имеет не только научное, познавательное, но и практическое значение[621].

Чеченские кустарные произведения зачастую выигрывали в конкурентной борьбе не только на насыщенном в своём многообразии российском рынке, но и пользовались заслуженным признанием на международной арене. Особенно ярко эта тенденция была видна на выставках, часто проводившихся в конце XIX века. С 70-х годов девятнадцатого века, по инициативе «Кавказского общества сельского хозяйства», Кавказ стал представляться на международных выставках: в Вене (1872 г.), Филадельфии (1876 г.), Амстердаме (1877 г.), Париже (1878 г.) и других экспоцентрах[622].

На Московской выставке, проходившей в 1864 году, Кавказ был представлен 216 экспонатами. Высшие награды были присуждены за табак и вино. 30 кавказских экспонатов получили следующие награды: 2 золотые медали, 1 большую и 5 малых серебряных медалей, а также 22 похвальных отзыва. Следующая выставка была проведена в столице империи в 1870 году и Кавказ представили214 экспонатов. Всего, было получено, 45 наград и снова высшей наградой был удостоен табак, также награды получили за шёлк и хлопок[623].

Участвовать в выставках, а тем более получать награды, было очень престижно и в конкурентной борьбе это играло свою роль. Токарных и гравёрных дел мастер В.И. Бараев, имевший свой магазин на Невском проспекте в Петербурге, за свои изделия на выставке 1861 года получил серебряную медаль, а в 1870 году – бронзовую. Желая участвовать в Московской Политехнической выставке, он написал заявление, в адрес её Управления: «Желая выставить на предстоящую Московскую Поли-

техническую выставку мои изделия, покорнейше прошу Управление отвести мне место на выставке, величиною не менее 3 аршин в длину и 1,5 аршин в ширину и уведомить меня какое именно мне будет дано место и в каких отделах выставки»[624]. Однако, В.И. Бараеву было отказано в экспонировании, т.к. срок приёма заявлений уже истёк, о чём его известил председатель технологического отдела выставки[625].

Московская Политехническая выставка проводилась в ознаменовании 200-летней годовщины Петра Великого. Сам Александр II пожелал, чтобы Кавказ с честью был представлен на этой выставке, для чего была учреждена особая комиссия. Данная комиссия рекомендовала, для наглядности привезти в Москву самих горцев «...с их нарядами, орудиями и обстановкой…»[626]. Московская Политехническая выставка 1872 года была одной из самых представительных, из 1.136 кавказских экспонатов 188 удостоились высших наград[627].

На Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 года экспонировали свои изделия 2.633 участника. Ремесленники и кустари прибывали на выставку вместе с изделиями своего производства и здесь их продавали. Министерство государственных имуществ выделило средства для приобретения изделий, которые затем поступали для кустарного отдела Императорского сельскохозяйственного музея в Петербурге. На этой выставке были вручены 544 медали, из которых 49 золотые, 248 серебряные и 247 бронзовые, а также371 похвальный лист[628]. В слесарно – кузнечно-литейном отделе Терскую область представляла лесопилка, изготовленная учениками Грозненской горской школы. С ней в комплекте был выставлен дом (сакля), водяная мельница, соха, борона, плетнёвое помещение, скамейка и молотилка[629]. В IX отделе, секции кустарной промышленности, экспертной комиссией была вручена Хид Зарматову, жителю села Старый Юрт, Грозненского округа, бронзовая медаль за высококачественные бурки[630].

В сентябре 1898 года во Владикавказе открылась первая Терская народная сельскохозяйственная выставка. На выставке демонстрировались новейшие сельскохозяйственные орудия и машины, улучшенные сорта зерновых хлебов, кукурузы, посевных трав[631]. Общинный кузнец Босхоевской сельской общины, 6 участка Грозненского округа, Оку Омаев был удостоен высокой чести – награждён за изготовленные им высококачественные кузнечные изделия[632].

На Парижской всемирной выставке 1867 года Кавказ был представлен по преимуществу коллективно[633]. Дело в том, что среди населения

ходил слух, что выставки устраиваются с целью выяснения благосостояния жителей, чтобы затем увеличить подати. Опасаясь этого, люди старались сделать коллективную заявку, продать организаторам выставки предметы общественного производства[634]. На Парижской всемирной выставке Кавказ был представлен фотоснимками, музыкальными инструментами, продуктами сельского хозяйства[635]. Кавказские сыры предлагали на пробу французской публике. Многие из них не нравились, тогда как некоторые сорта, имея своеобразный вкус и пикантность, удовлетворяли избалованный европейский вкус[636]. Кавказские произведения экспонировались также на Парижской выставке 1890 года. Там, на нескольких полках, были размещены изящные предметы, сделанные из дерева, альбомы с видами Кавказа, карты, фотоснимки наглядно иллюстрировавшие выставку[637]. Таким образом, о кавказских умельцах узнавали не только в России, но и за рубежом; стали налаживаться международные экономические связи, осуществлялся обмен опытом во многих производственных вопросах, рос уровень национального и личного самосознания, налаживался мирный процесс в регионе.

Во второй половине XIX столетия на Северном Кавказе наиболее развитой в промышленном отношении являлась Терская область. Численность предприятий за 20 лет с 1884 по 1903 гг. возросла с 1705 до 3985, то есть более чем в два раза. Соответственно увеличилась и численность рабочих: с 3908 до 7599 человек. Индустриальными центрами области являлись Грозненский нефтепромышленный район и Владикавказский округ с горными промыслами. По развитию промышленности, по численности рабочих Грозненский район занимал второе место на Северном Кавказе после Ростова – на – Дону и не имел себе равных в Терской области. Это был второй центр нефтяной промышленности в стране. Сравнительно глубокая капитализация Терской области и появление монополистических объединений происходило в условиях остаточных явлений, свойственных незрелым формам развития капитализма, в лице мелкотоварного производства мануфактуры. Так называемая «фабрично-заводская промышленность» в основном представляла собой паровые мельницы, кирпично-черепичные и винокуренные заводы, кустарные предприятия, на которых работало по 3-4 человека. На Тереке, как и в целом по России, имело место переплетение всех форм эволюции капитализма. Большая роль при этом принадлежала правительству. Оно инициировало и поддерживало развитие горнозаводского и нефтяного производства, имевшего большое значение в обеспечении страны жидким топливом и кредитами[638].

3. Развитие транспортной сети

Изучение формирования северокавказской транспортной сети и её влияния на экономическое развитие региона подталкивает к мысли о том, насколько хрупкой и тонкой материей может быть «традиционная» экономика. Общества, существующие в сложных природных условиях, зачастую используют очень сложные механизмы для приспособления к этим условиям, «вписывания» в окружающий ландшафт. И чем сложнее механизм, тем уязвимее он по отношению к изменениям среды и любым внешним воздействиям. За любой прогресс приходится платить. В данном случае такой «платой» стал кризис «традиционной» северокавказской экономики, нарушение баланса экономического развития горных и равнинных районов и фактическое «выдавливание» жителей гор из системы географического разделения труда в регионе. Объективно это способствовало консервации наиболее архаичных черт северокавказских обществ, возникновению экономического, социального, политического и культурного раскола внутри них и, в конечном счёте, повышению конфликтности процесса интеграции Северного Кавказа в состав России[639].

Кавказская война положила начало массовому истреблению лесных массивов. Военные неудачи заставили принять новую тактику завоевания края. С 1846 года в Чечне армия начала наступать медленно и систематично, путём прорубки просек и водворения военных поселений. Леса были вырублены, появились новые дороги, связующие главные стратегически важные для российского командования пункты. В Терской области постройке и ремонту дорог и мостов уделялось много внимания. Для царской администрации дороги были важны, прежде всего, в полицейском отношении – для быстрой переброски войск, в случае восстания населения, а также для связи с укреплениями, разбросанными на огромной территории. Дороги также являлись экономическими артериями региона. Транспортные пути позволяли расширить товарооборот с соседними губерниями и их населением. Впервые на кавказской земле начала действовать российская почтовая служба, для функционирования которой были проложены почтовые дороги. Почтовая дорога от Владикавказа до Грозного протягивалась на 101 версту и шла вдоль левого берега реки Сунжи[640]. На север от Грозного была проложена почтовая дорога к станице Николаевской, где она примыкала к моздокско – кизлярскому почтовому тракту. На юго – востоке от Грозного почтовая дорога, длиною в 60 вёрст, уходила на слободу Ведено[641]. Одна

из самых крупных дорог Чеченской равнины, проходя через укрепление Воздвиженское, пронизывала Чечню в южном направлении и служила связующим звеном Чеченской равнины с городом Грозным – на севере; а на юге с гористым Аргунским округом. Другая дорога шла из Грозного по Чечне в юго – восточном направлении через аулы Бердыкель и Герменчук в укрепление Эрсеной, а отсюда вверх по ущелью реки Хулхулау в Ведено; наконец третья дорога направлялась на запад из укрепления Воздвиженского и вела через аулы Урус-Мартан и Ачхой в станицу Ассиновскую, а оттуда в Слепцовскую, где и соединялась с почтовым трактом, идущим из Владикавказа в Грозный[642].

В связи с открытием почтовых станций в отдалённых горных округах Чечни, с середины 70-х годов XIX века, администрация Терской области стала следить за методичным и регулярным ремонтом путей сообщения. В Грозненском округе большинство дорог и мостов ремонтировались дважды в год: весной и осенью. В 1871 году в Аргунском округе была построена дорога от укрепления Шатой до аула Бени, протяжённостью в 45 вёрст. В 1875 году эта дорога была отремонтирована, а также укреплена дорога от Шатоя до аула Борзой. Вьючная дорога между аулами Цугуной и Верхние Варанды, на расстоянии 4 вёрст была перестроена в колёсную. Также в этом горном районе были отремонтированы все мосты через реки Шаро-Аргун и Чанты-Аргун[643]. В 1874 году недалеко от села Устар-Гордой, через реку Аргун был перекинут красивый железный мост[644].

В течение 1880-1881 годов правительством было ассигновано на прокладку дорог и сооружение мостов в горных районах Чечни 17680 рублей. Дороги, прежде построенные в военно-стратегических целях, во второй половине XIX века начинают приобретать экономическое значение не только для населения, но и для руководства[645]. По «Положению» Военного совета от 30 июля 1893 года были проведены шоссейные, грунтовые дороги; построены мосты через реку Сунжу у села Алхан-Юрт, через реку Ассу у станицы Петропавловской по торговому тракту в Чечню, близ станицы Ассиновской в горную Чечню. Строительство дорог способствовало росту городов и городского населения[646]. На содержание в исправности дорог, находящихся в ведении областной администрации, разрешено было израсходовать дополнительные земские сборы с торговых документов и питейных патентов. Из этого источника в 1900 году израсходовали 54346 рублей 45 копеек на : капитальный ремонт мостов через реки Чанты– Аргун, Сунжу, на Шатоевский трак-

тат и другие объекты. Горное население нередко на свои собственные средства строило дороги и занималось их ремонтом. Областное руководство помогало бесплатной доставкой пороха, негодного для боевого употребления и выделяло небольшие суммы на покупку необходимого инструмента[647].

Хулхулауская дорога начиналась от Грозного и доходила до Ведено. Дорога служила единственным колёсным путём сообщения плоскости Большой и Малой Чечни с Нагорной Ичкерией. Дорога была шоссирована только местами. Прокладывание одной версты шоссе обходилось в 1200 рублей.

Керкетская горная дорога протянулась от Ведено, через Харачой, мимо озера Кезеной-ам, до Керкетского перевала. Она служила единственным путём сообщения плоскости Чечни с Западным Дагестаном и Аварской плоскостью[648]. К сожалению, отсутствие земской сметы тормозило улучшение путей сообщения.

К числу натуральных повинностей, выполняемых населением Терской области, относились: постройка, содержание и ремонт мостов, дорог и плотин. Осенью 1876 года в Веденском округе Чечни, при ремонте старых и строительстве новых дорог и мостов участвовало 1920 человек. За два месяца на строительстве дороги от Шатоя до Буни было использовано 14000 человек[649]. Помимо отбывания повинностей, местные жители работали также по найму на Военно-Осетинской дороге, по Моздокскому шоссе и на других областных дорогах[650]. По особым административным правилам все дороги в Терской области были разделены на участки и к каждому из этих участков приписывались аулы, которые и подвергались ответственности – в виде штрафов, содержания караулов – за всякий случай убийства, разбоя или грабежа, происшедшего на приписанном участке дороги. Проходящая по области Ростово – Владикавказская железная дорога тоже была поделена на участки и к каждому из них были приписаны сёла, которые и обязаны были заботиться о целостности железнодорожной ветки, для чего жителям приходилось содержать за свой счёт особую дорожную стражу[651]. Также областным руководством был учреждён особый институт дорожных техников, на которых возложили полный надзор за дорогами, для чего им предоставили все полицейские права[652].

Железнодорожная жандармерия, кроме борьбы с преступностью, выполняла обширные задачи по обеспечению бесперебойного функционирования дорог, для чего наблюдала за выполнением «Полицейских

железнодорожных правил». Этот акт определял весь порядок работы железных дорог – от формирования поездов до способа подачи аварийных сигналов. Поэтому жандармы следили за исправностью пути, чистотой на перронах, правильностью составления грузовой документации, сохранностью пломб на дверях вагонов, имели право отстранять от работы поездную бригаду в случае ее нетрезвости и т.д. и т.п., словом, представляли собой как бы вторую администрацию дороги. Чины железнодорожной полиции не имели права вмешиваться в распоряжения лиц железнодорожной службы по технической эксплуатации и управлению дорогой, а также чинов других ведомств, имеющих на дорогах определенные обязанности.

В циркуляре штаба Корпуса жандармов от 18 апреля 1886 года за №21 говорилось, что чины жандармских полицейских управлений железных дорог «призваны законом к исполнению в подведомственном им железнодорожном районе не всех обязанностей общей полиции, а только тех, кои относятся к охранению порядка и общественной безопасности или к расследованию проступков и преступлений». Помимо этого, чины железнодорожной полиции должны были наблюдать за внешним видом и поведением некоторых работников железной дороги. В частности, «чтобы носильщики были прилично одеты в чистых фартуках, с установленными для них знаками, чтобы при остановках поездов на станциях они не бросались толпой в вагоны, мешая этим свободному выходу пассажиров, не предлагали назойливо им свои услуги, а тем более не хватали без требования их ручную кладь». Жандармские унтер-офицеры должны были составлять регулярные и подробные отчеты о своей работе и подавать их в виде рапортов на имя начальника управления. При этом особое внимание уделялось сведениям о наличии безбилетников и пассажирах, не имеющих документов, удостоверяющих личность, а также о разного рода нарушениях и беспорядках на железнодорожных станциях и в поездах.

Чины железнодорожной полиции порой проявляли такую изобретательность, настойчивость, умения и навыки, что им могли бы позавидовать «гении уголовного розыска». Так, в 1913 году ротмистр Сорохтин был награжден 300 рублями (с занесением в послужной список). Эту награду выдали ему за раскрытие преступления, совершенного разбойничьей шайкой на Владикавказской железной дороге, и арест ее главарей[653]. Патрулировались не только станции и вокзалы, но и депо, мастерские, склады, подъездные пути, а один раз в месяц

жандармы были обязаны обойти всю часть железной дороги, вверенной управлению. По признанию руководства Корпуса жандармов, успехи железнодорожной жандармерии в борьбе с хищениями были весьма скромными. Такое положение дел объяснялось самой организацией службы на железных дорогах. Жандармам разрешалось сопровождать лишь те поезда, которые перевозили ценности на сумму свыше 100 тыс. рублей. Правовое положение железнодорожной жандармерии было по-своему уникальным. Дело в том, что Отдельный корпус жандармов, как полиция политическая организационно представлял собой войсковую часть и состоял на бюджете Военного ведомства. Таким образом, железнодорожная жандармерия была частью полиции, организованной на военный лад и выполнявшей функции общей полиции. Жандармы должны были наблюдать за целостностью пути и дорожных сооружений, не допускать к ним лиц посторонних, оказывать помощь пострадавшим при крушении поездов и даже проверять качество продуктов, продававшихся в станционных буфетах.

17 октября 1875 года было учреждено Владикавказское жандармское полицейское управление. Содержание штата управления возлагалось на акционерное общество Ростово – Владикавказской железной дороги. Вследствие бурного развития железнодорожной сети жандармские полицейские управления железных дорог к началу XX века стали самыми крупными подразделениями корпуса жандармов, по численности личного состава, превзойдя все остальные части корпуса вместе взятые[654].

В горах Чечни до революции основным видом транспорта была арба на двух небольших деревянных колёсах, в которую впрягали пару волов. На плоскости применялась арба на больших колёсах, запряжённая лошадьми. В связи с постройкой более комфортабельных, современных дорог появилась возможность использовать удобный, скоростной транспорт. Во второй половине XIX века всё большую популярность стали приобретать новые виды транспортных средств – брички, бидарки, фаэтоны[655]. Долгое время, до появления Владикавказской железной дороги, перевозкой грузов за плату на дальние расстояния занимались ногайцы. Так, в 50-х гг. XIX века для доставки грузов до станицы Екатериноградской и Владикавказа ногайцы, осетины, ингуши, русские выставляли до 6 тыс. подвод[656].

К началу 70-х годов XIX столетия большая часть Российской империи была уже связана телеграфным сообщением, и в состав её сети входили почти все губернские и уездные города, а также Кавказ и Туркес-

танский край. В 1875 году была введена система быстро действующих аппаратов Юза, что значительно оживило обмен депеш во внутренних и международных сообщениях[657]. Впечатляющим было количество работавших на Тереке почтово-телеграфных чиновников – 0,19% против 0,12% по стране и 0,13% по Кавказу[658].

Начало широкого железнодорожного строительства в России было положено указом от 26 января 1857 года. В указе намечался план строительства железных дорог, которые бы связали столицу империи с центральными районами страны, с Поволжьем, с балтийскими и малороссийскими портами, с западной сухопутной границей. Вопрос о сооружении железнодорожной магистрали на Северном Кавказе в этот период не ставился. И это понятно. Здесь с 1817 шла Кавказская война. Во второй половине XIX века транспортная сеть в самой России находилась в процессе модернизации. Вторая половина XIX века была периодом напряжённого железнодорожного строительства. После завершения Кавказской войны проблема отсутствия на Кавказе дорожной сети, обеспечивающей как стратегические интересы кавказской администрации, так и экономические потребности населения, оставалась острой. Поскольку Военно-Грузинская дорога была единственным сухопутным путём, связывающим Северный Кавказ и Закавказье, в дополнении к ней было необходимо построить ещё несколько дорог через Главный Кавказский хребет[659].

В 1858 году была издана брошюра Г. Любанского «Сближение Средней Азии с Европою или проект о железных дорогах между городами Варшавою и Тифлисом и между Черным морем и Каспием», вызвавшая резонанс у читателей, публикации в периодике. Г. Любанский в своем проекте предлагал провести ветку железной дороги от Варшавы, проложив ее через Киев, Харьков, через Ставрополь на Кизляр, а оттуда до приморского города Петровска. Далее дорога бы проходила по западному побережью Каспийского моря, через Дербент – в Баку, а оттуда дорога бы уходила на Тифлис. От этой главной линии железной дороги должны были отходить пути к Георгиевску, Владикавказу, Ессентукам. Стоимость всех дорог оценивалась приблизительно в 317 млн. 600 тыс. рублей серебром. Этот капитал предполагалось выручить от продажи акций. Сам автор называл свой проект идеей-мечтой, но как показало время, частично его мечты позже были осуществлены на деле – Владикавказская железная дорога была построена уже через 20 лет после публикации данного проекта[660].

В новом плане железнодорожного строительства, составленном в 1862 году, акцент делался на обеспечение железнодорожными путями юга европейской России, где быстро развивалось сельскохозяйственное производство, ориентированное на экспорт и внутренние рынки[661]. Кавказ по своему географическому положению не только представлял удобнейший путь к Средней Азии, но и являлся кратчайшим сухопутным путём в Индию. В 1867 году появилось французское общество, желавшее произвести изыскания для проведения железной дороги из Европы в Индию, через Кавказский перешеек. Однако этой инициативе не позволили развиться дальше[662]. Наместник на Кавказе, великий князь Михаил Николаевич всячески ратовал за привлечение отечественного и иностранного капиталов в железнодорожное строительство. В 1868 году к нему обратился представитель германских банков «Томас Беринг и К» с предложением постройки дороги Ростов – Екатеринодар – Анапа. Воспользовавшись интересом, который высказывали финансовые круги Германии к концессиям в России, им предложили выстроить ветку Царицын – Ставрополь – Сухум, и Ростов – Владикавказ. Однако рисковать вкладывать деньги в малоизвестный регион, который на первый взгляд не предполагал быстрой отдачи, представитель немецкой стороны отказался. В итоге иностранцы получили разрешение на строительство дороги от Ейска к Анапе, с ветвями к Ростову-на-Дону и Тузловской косе.

Наместник напрямую обратился к императору (своему родному брату) и указал ему на недопустимость дальнейшей изоляции кавказского региона от остальной империи. Михаил Николаевич предлагал протянуть железнодорожную ветку между Ростовом и Владикавказом и сделать от нее ответвление к одному из Черноморских портов. Это позволяло не только добиться военных и политических выгод, но и получить немалую экономическую прибыль.

Между тем в одобренном императором в конце 1868 года плане развития сети железных дорог о Кавказе речи не было. Было принято решение не распылять средства, и это ставило замысел развития коммуникации в регионе в ближайшее время под сомнение. В 1868 году наместник на Кавказе, Михаил Николаевич обосновал необходимость строительства железной дороги, способной соединить центральные области России с Северным Кавказом и Закавказьем тем, что военная эпоха прошла, пришло время мирных завоеваний – силой технического превосходства цивилизации. В своей записке на имя царя, Михаил Романов писал: «Кавказ покорён, но пока покорение – только материальное и

поэтому подвержено случайностям. Дабы упрочить его, нужно покорение духовное, которое возможно лишь при условии сокращения расстояний, отделяющих Кавказ от империи»[663]. Доводы наместника показались настолько серьезными, что Александр II разрешил пересмотреть собственное распоряжение и отдал приказ Комитету министров обсудить данную проблему. Император приказал внести местные железные дороги в число первоочередных и предпринять самые энергичные меры по их строительству.

Но и этого Михаилу Николаевичу показалось недостаточно. В 1869 году кавказская администрация уже более детально представила свой проект постройки новой дороги. В одном из документов предполагалось «…соединить Кавказ с центром империи железнодорожным путём между Ростовом и Владикавказом с ветвью к одному из пунктов восточного берега Чёрного моря»[664]. Будучи в Петербурге в конце 1869 года, наместник вновь ставит вопрос о немедленном строительстве Ростово – Владикавказской железной дороги. Было созвано Особое собрание под председательством императора, которое признало необходимость включить магистраль в число «неотложных». 2 января 1870 года император… «Высочайше повелел соизволить: линию от Ростова до Владикавказа включить в сеть главнейших железных дорог и обеспечить исполнение этих дорог преимущественно пред другими….»[665].

При постройке Ростово – Владикавказской железной дороги большие мосты должны были возводить через реки: Дон, Темерник, Ею, Кубань, Уруп, Куму, Малку и Терек. Общее число станций, включая и конечные, должно было быть не менее 42[666].

Уже в 1871 году Ростов был соединён с Москвой через Харьков и тогда же была установлена прямая связь Ростова с Воронежем[667]. В 1872 году была утверждена концессия под названием «Общество Ростово – Владикавказской железной дороги». В том же 1872 году правительство Александра II утвердило устав «Акционерного общества Ростово – Владикавказской железной дороги»[668]. Безнаказанный грабёж казны осуществлялся в форме предоставления концессии на железную дорогу с гарантированным правительственным доходом. В этом грабеже принимали участие в первую очередь придворные, во главе с членами императорской фамилии, не исключая и самого императора[669]. В постройке железной дороги было крайне заинтересовано военное ведомство, в состав которого входило Управление Путей Сообщения на Кавказе[670]. Забота о прибыли определяла действия акционеров уже на начальных

этапах строительства Владикавказской железной дороги. Здесь предприниматели использовали нехитрый, но весьма эффективный приём. Суть его заключалась в максимальном завышении сметной стоимости дороги, под которую выпускались гарантированные государством акции, а поскольку строительство дороги обходилось гораздо дешевле, то вся разница между сметной стоимостью и действительной стоимостью дороги присваивалась учредителями данного железнодорожного акционерного общества. В погоне за прибылью акционеры и подрядчики всячески удешевляли строительство, но не за счёт рационализации, а за счёт снижения требований к качеству работ. Состояние путей Владикавказской железной дороги было настолько плохим, что сход поездов с рельсов стал обычным явлением. Любопытно, что правление Владикавказской железной дороги всякий раз объясняло крушение поездов действиями злоумышленников, якобы пытавшихся ограбить почтовые вагоны[671].

В 1872-75 гг. руководствуясь военно-стратегическими и экономическими интересами государства и при его финансовой помощи была построена частная (акционерная) Ростово-Владикавказская железная дорога, прошедшая через области Войска Донского, Кубанскую, Терскую области и Ставропольскую губернию. Радикальные преобразования 60-х гг., создавшие условия для бурного развития экономики страны, повлекли за собой новое значительное расширение масштабов кредитных операций правительства. Только с 1861 по 1877 г. в России было произведено около пятидесяти выпусков государственных займов и гарантированных правительством облигаций различных железнодорожных обществ. Их реализация дала казне более 2,9 млрд. рублей, причем 1,2 млрд. были получены непосредственно на внутреннем рынке[672].

При конкурсном отборе соискателей на строительство Ростово – Владикавказской железной дороги Р.В. Штейнгелю (1841-1892), была предоставлена концессия на постройку 700-верстной железной дороги от Ростова до Владикавказа. Рудольф Васильевич Штейнгель – барон, инженер путей сообщения, был известным строителем железных дорог. Для строительства этой важной стратегической и народнохозяйственной дороги было организовано акционерное общество под председательством Штейнгеля. Кроме того, Р.В. Штейнгель был известен как один из наиболее прогрессивных сельскохозяйственных предпринимателей на Юге; как крупный землевладелец и овцевод. На внутренний и внешний рынки в благоприятные годы он поставлял не менее 100 000 пудов первоклассной шерсти[673]. Примером модерна в архитектуре администт-

ративных зданий стало Управление Владикавказской железной дороги, построенное в Ростове в 1911-1913 гг. по проекту А.П. Буткова и И.Н. Вальтера. Здание имело периметральную форму плана с внутренними дворами. Общее композиционное и конструктивное решение здания дают основания отнести его к рационалистическому модерну. Вместе с тем, этот объект эклектичен, смешение отчетливо проявляется в многообразии стилистики интерьеров постройки. В его строительство были вложены немалые средства, так как это здание являлось «лицом» Владикавказского акционерного общества[674].

Железная дорога, обойдя многие важные экономические пункты из-за предпочтения правительством стратегических соображений экономическим, в последствии, в поисках прибыли постоянно расширялась, вовлекая в сферу товарно-денежных отношений всё новые районы северокавказского региона. Благодаря значительному увеличению возможности сбыта по железной дороге товарной продукции Чечня быстро превратилась в район высокоразвитого торгового животноводства и земледелия[675]. Высокопоставленные петербургские чиновники вторым по значению событием после победы в Кавказской войне считали строительство Владикавказской железной дороги. Один из современников писал: «Вот и железная дорога прошла по самому предгорью, прорезав наиболее беспокойные местности Северного Кавказа – Чечню и Ингушетию. Гудермес – это один из самых «разбойничьих» аулов, а теперь и там станция. Должно же это в местной жизни сказаться. Если штык оказался не в состоянии замирить горцев, то, может быть, купон их утихомирит…»[676].

К началу 1880-х годов вся железнодорожная сеть России общей протяженностью 21228 верст полностью находилась в собственности частных компаний, за исключением 57-верстной Ливенской линии, принадлежавшей государству. По существу, железнодорожные общества были отпущены государством в «самостоятельное плавание» в надежде на рыночные саморегулирующие силы. Однако в процессе эксплуатации, построенные железные дороги быстро изнашивались. Концессионеры же не были заинтересованы в проведении модернизации, поскольку это требовало немалых капиталовложений, что неизбежно отразилось бы на прибыли самым отрицательным образом. Следует отметить, что ни в одной сфере производственно-хозяйственной деятельности грабеж казны различными концессионерами и учредителями не принимал такого наглого и циничного характера, как в железнодорожном деле. По данным

комиссии Э.Т. Баранова, к началу 80-х годов из 37 железнодорожных компаний только пять не пользовались правительственной гарантией и не являлись должниками казны. Акционерные железнодорожные общества, владевшие железнодорожной сетью России, построенной в основном за счет государственных средств, отнюдь не считались ее арендаторами. По законодательству железнодорожные общества являлись собственниками железных дорог в течение всего концессионного срока (от 81 года до 85 лет), после чего дороги должны были перейти в собственность казны. По условиям большинства концессий государство при выкупе железных дорог должно было выплатить выкупное вознаграждение за акции железнодорожного общества[677].

Концессионеров осуществлявших строительство Ростово – Владикавказской железной дороги, на первых порах меньше всего интересовало, что и как они строят. Для них важно было, заполучив концессию, обогатить себя за счёт щедрых государственных кредитов. Строительство железной дороги принесло немало бед простым труженикам, о чем неоднократно говорилось в демократической прессе. Так, в «Заметках провинциального философа», опубликованных в №24 Петербургской газеты «Неделя» за 1878 г., Шелгунов писал, что на строительстве железной дороги Ростов – Владикавказ ежедневно умирают десятки рабочих. Статистические данные привлекались автором с целью далеко идущих социальных обличений[678]. Периодическая печать конца XIX – начала XX вв. ярко показывает ещё одну статью доходов акционеров, также напрямую связанную с халатным отношением к железнодорожному хозяйству. Это экономия на оборудовании станций и станционных путей. Правление дороги предпочитало не тратить деньги на строительство переходных мостов, ограждений и прочих приспособлений, снижавших бытовой травматизм и число несчастных случаев. Газета «Каспий» от 20 января 1901 года писала: «На станции Грозный в последнее время было очень много случаев увечий из-за наездов маневрирующих паровозов на людей. Несмотря на вопиющую необходимость, администрация дороги не желает тратиться на сооружение переходных мостиков, предпочитая рисковать человеческими жизнями ради грошовой экономии»[679].

После издания в 80-х годахXIX века закона «О преобразовании некоторых существующих доходных железнодорожных обществ и предоставлении им постройки новых линий значительного протяжения» Общество Владикавказской железной дороги вошло в число самых крупных монополистов Северного Кавказа[680]. Оно превратилось в огромное капиталис-

тическое предприятие, сосредоточившее в своих руках железнодорожную сеть, превышающую 2300 вёрст и имевшее право на её расширение в областях, к ней тяготевших. Как монополист, Общество Владикавказской железной дороги препятствовало образованию других железных дорог на Северном Кавказе. Только это Общество имело право сооружать здесь железнодорожные линии, и поэтому процесс экономического развития различных областей Северного Кавказа шёл с замедлением. Более того, Общество препятствовало развитию и других путей сообщения, которые могли конкурировать с железной дорогой. Даже такая, казалось бы, мелкая деталь, как недостаток вагонов, отрицательно сказывались на развитии экономики Северного Кавказа, поскольку конкурировать с Обществом Владикавказской железной дороги было некому[681].

Железнодорожная ветвь от Беслана до Петровска через Грозный была слабо оснащена технически. На станциях и разъездах применялось ручное управление стрелок и семафоров, что отражалось на пропускной способности поездов, которая была низкой. Паровозы и вагоны также имели ручные тормоза. Железнодорожную линию обслуживало 22 товарных и 6 товаропассажирских паровозов. Общий парк составлял 838 вагонов. На железнодорожных станциях и разъездах устраивались крытые зернохранилища – «ссыпки». Сюда крестьяне привозили продукты своего хозяйства и продавали их агентам компаний, занимавшимся скупкой и вывозом продуктов сельского хозяйства на внешние рынки[682].

Когда в 1872 году встал вопрос о строительстве железной дороги от Ростова на Дону до Владикавказа то, по рекомендации министра путей сообщения А. Бобринского, концессия на её сооружение была предоставлена инженеру путей сообщения Р. Штейнгелю. В 70-х годах XIX века его имущество оценивалось в 6 млн. рублей. Северо-восточный район города Грозного, где барон Р. Штейнгель построил кирпичный завод, стали называть «Бароновкой». Данное наименование сохранилось в народе до сих пор. Когда в Грозном началась разработка нефтяных богатств, Штейнгель не упустил случая нажиться и на этом деле.

В июле 1875 года было уже открыто пассажирское и товарное движение по всей линии Ростово – Владикавказской железной дороги (652 версты)[683]. С 1872 по 1884 год железная дорога на Северном Кавказе называлась Ростово – Владикавказской, а с 1884 и до 1917 года – Владикавказской. Проведение железной дороги во Владикавказ сыграло определённую положительную роль и для Грозного. Между двумя этими городами стал ходить дилижанс, и сообщение с центральной Россией

теперь шло не прежним окружным путём, а значительно короче – через Владикавказ[684]. В 1876 году город Владикавказ был соединён с Петровском, а через него, и с Баку[685]. В 1884 году акционерному «Обществу Владикавказской железной дороги» было разрешено строить ветку на Новороссийск. В 1888 году Владикавказская железная дорога была соединена с портом Новороссийск, в 1894 году – с портом Порт – Петровским (ныне Махачкалой)[686]. Большое значение для дальнейшего развития промышленности и торговли в крае имело завершение постройки железнодорожной магистрали Беслан – Грозный – Петровск[687]. Петровская ветвь Владикавказской железной дороги, прорезав Чечню в самой широкой её части, подчинила своему влиянию самую населённую и производственно богатую местность Терской области[688].

Кавказская администрация не только поддерживала идею по проведению железнодорожной ветки до города Грозного, но и ратовала за продолжение магистрали вплоть до Баку. На заседании Комитета министров 29 мая 1890 года вновь была признана целесообразность скорейшего возведения магистрали, но найти необходимые для этого 12 млн. рублей так, и не смогли. Когда в начале 1891 года министр путей сообщения Гюббенет предложил среди прочих путь от Владикавказа или станции Беслан по левому берегу Сунжи, то это решение показалось наиболее предпочтительным. Но военный министр отстаивал свой проект строительства, от станции Дарг-Кох. В результате жарких споров удалось согласовать позиции по направлению дороги от станции Беслан через Грозный[689].

1 мая 1893 года к станции Грозный из Беслана подошёл первый пассажирский поезд[690]. Чеченцы называли его «огненная почта». Это была неслыханная «самоходная» машина. Вагоны соединялись между собой винтовыми стяжками, которые нередко обрывались в пути, и вагоны отрывались от поезда[691]. Чтобы посмотреть «огненную почту», люди приезжали из близлежащих сёл. Гудок его был слышен даже в Старых Атагах. Железная дорога позволила привозить мануфактуру и другие «заморские» товары[692]. Построение железной дороги открыло новую страницу в экономическом освоении Кавказа[693]. Ростово – Владикавказская дорога привязала Кавказ к России в экономическом и стратегическом смысле надёжнее, чем могло бы даже это сделать водворение 100000 новых колонистов в этой местности[694].

К началу XX века Владикавказская железная дорога связала между собой все основные регионы Северного Кавказа. Из 2046 вёрст длины

дороги 324 версты приходилось на Донскую, 845 – на Кубанскую, 453 – на Терскую, 214 на Дагестанскую области, 192 – на Ставропольскую и 18 на Черноморскую губернии[695]. Строительство железных дорог – это, прежде всего, колоссальный труд по перемещению грунта при устройстве насыпей и выемок под земляное полотно заданного профиля. На строительстве линии Ростов-Владикавказ земляные работы в объёме 900 тыс. кубических саженей (около 9 млн. кубометров) выполнялись преимущественно вручную, с помощью лопаты и тачки, а также конной возкой. На этих работах было занято 17 тыс. рабочих, привлечённых из внутренних российских губерний[696].

Уже в 1875 году было учреждено Жандармское Полицейское Управление на Ростово-Владикавказской железной дороги. Все расходы по его содержанию были возложены на счёт Общества Ростово – Владикавказской железной дороги[697].

В ходе постройки железной дороги многие земли, принадлежавшие горцам и казакам, безвозмездно ими были потеряны, хотя по российскому законодательству владельцы собственности имели право на вознаграждение за утерянное имущество. По мнению Гос.Совета, если проведение железной дороги сделало невозможным пользование землёй, прилегающей к полотну дороги, то это обстоятельство служило поводом к увеличению размера присуждённого владельцу вознаграждения. Даже за временное занятие имущества (до 3-х лет), требовалось выплачивать его владельцу вознаграждение в размере 6 % в год[698]. Так, при постройке Московско-Курской железной дороги, один из землевладельцев уступил свою землю железнодорожному акционерному обществу: усадебную по 10 рублей за кв. сажень, а полевую по 1 рублю 50 копеек за кв. сажень, что составляло 3600 рублей за десятину[699]. Терские казаки попытались извлечь выгоду из постройки железной дороги. Когда земля, прилегающая к железнодорожным станциям являлась собственностью станицы, то общественным договором станичники запрещали сооружение жилых помещений и складов вблизи железной дороги. Это вынуждало дельцов перебираться в станицы, где они арендовали помещения, а казаки занимались извозным промыслом до железной дороги[700].

В связи с тем, что Общество Владикавказской железной дороги монопольно владело путями сообщения на Северном Кавказе и его поддерживало правительство, оно установило самые высокие в России тарифы на перевозку грузов. В 1894 году на 1 акцию общества прихо-

дилось 25 рублей дохода, в 1903 году – 91 рубль 40 копеек, а ещё через несколько лет 200 – 220 рублей дохода[701]. Общество Владикавказской железной дороги нередко авансировало хлебоотправления, выдавая ссуду под хлеб до 80% его биржевой стоимости. В 1889 году таких ссуд было выдано на сумму 17 тыс. рублей, а в 1895 году – уже на сумму в 958 тыс. рублей[702]. За 7 лет (с 1875 по 1881 год) по Ростово-Владикавказской железной дороге было перевезено около 2 млн. пассажиров и около 70 млн. пудов различных грузов[703]. До постройки Ростово – Владикавказской железной дороги Россия сообщалась с Северным Кавказом лишь Волгой, что было довольно затруднительно из-за летнего мелководья устья реки и её зимнего замерзания.

Главный доход руководство железных дорог получало не от грузов, идущих между конечными пунктами, а от грузов, забираемых по пути. Поэтому особенно выгодна была постройка железнодорожных путей в местностях с высокой долей производительности товаров. Перед постройкой железной дороги руководство Акционерного общества прогнозировало быструю окупаемость её после изучения гужевого товарооборота на Кавказе. По отчёту о шоссейном сборе на Военно-Грузинской дороге, в 1867 году между Владикавказом и Тифлисом было перемещено грузов в 2000000 пудов[704].

В 1900 году в одну только Терскую область по железной дороге было перевезено товаров в 15807873 пуда[705]. С проведением Владикавказской железной дороги рынок Северного Кавказа открылся для дешёвых фабричных изделий «от Тулы до Варшавы». Большинству местных мастеров пришлось частью ликвидировать своё домашнее производство[706]. С устройством Ростово – Владикавказской железной дороги торговая деятельность в Терской области значительно оживилась. В то же время в 1884 году, по сравнению с 1882 годом оборот капиталов на ярмарках Терской области уменьшился. Это связано с тем, что жители находили более выгодным продавать свои товары во внутренних губерниях России с помощью железной дороги и пароходного сообщения по Волге[707]. Местные торговцы, пользуясь железной дорогой, приобретали необходимые товары большей частью из первых рук, минуя посредников на ярмарках[708]. С проведением железной дороги появилась возможность скоропортящиеся южные фрукты и овощи вывозить на север страны. Терские яблоки и груши пользовались большой популярностью в Москве и Петербурге. До проведения Владикавказской железной дороги хлеб шёл в Ростов гужем из самых отдалённых частей Северного Кавказа, желез-

ная дорога привлекла хлебные грузы из ещё более удалённых от Ростова мест[709]. Железная дорога связала Терский край с южными центрами производства и торговли хлебом: Ростовом, Новороссийском, Астраханью. Один из авторов писал: «Железная дорога из-под носа увозит хлеб, а вырученные на него деньги идут на покупку: самовара, лампы, ботинок, шёлкового платка, кружев, глицеринового мыла, одеколона»[710].

Что касается скорости перевозки пассажиров и грузов, то она оставляла желать лучшего. Так, зимой 1875 года пассажирский поезд на Ростово – Владикавказской железной дороге шёл, как правило, из Царицына в Р н/Д в течение 26 дней[711].Сравнительно малая стоимость строительства Ростово – Владикавказской железной дороги объясняется пониженными техническими требованиями, а именно использованием железных, а не чугунных рельсов, и паровозов более лёгкого веса по сравнению с разрешённым на других дорогах, допущением крутых уклонов с целью уменьшения объёма земляных работ, снабжением дороги подвижным составом в небольшом количестве: 11 паровозов и 228 вагонов на каждые 100 вёрст – в два раза меньше среднего количества подвижного состава на других дорогах. Недостаточность подвижного состава стала очевидной уже в 1874 году, ещё до открытия регулярного движения на дороге. В результате Обществу Владикавказской железной дороги был разрешён дополнительный выпуск облигаций на 3 млн. 189 тыс. 250 руб. для увеличения подвижного состава и производства дополнительных работ[712]. Топливом для паровозов служил мазут или же нефть вместе с мазутом. Нефть была жизненно необходимым продуктом для Владикавказской железной дороги. Ежегодная потребность дороги в мазуте составляла 20 млн. пудов – то есть ¾ всего мазута, производимого Грозненскими нефтеперегонными заводами[713].

Владикавказская железная дорога, как транспортное предприятие, имела прогрессивное значение в деле становления и развития нефтепромышленности Северного Кавказа. Она в значительной степени определила масштабы и темпы этого развития. В 1893 году через Грозный прошла железная дорога, и в том же году была заложена первая буровая скважина. Строительство железной дороги, которое было завершено в 1893 году, во многом предопределило планировочную структуру города Грозного. Предполагалось проложить дорогу прямой линией через Грозный. В этом случае развитие города пошло бы в сторону Горячеисточнинской горы, по возвышенности с чистым воздушным бассейном. Преследуя эту цель, инженеры-путейцы обратились к городскому само-

управлению с предложением об отчуждении земель для строительства железной дороги, станции, депо и служб. Хозяева города не возражали против выделения земли, но потребовали оплаты по 60 руб. за каждую квадратную сажень. Тогда путейцы вынуждены были обратиться к жителям станицы Грозненской, которая размещалась в юго-западной части города, но её население не считалось городским. Станичники удовлетворили просьбу путейцев и бесплатно выделили земли для строительства железной дороги[714].

За 60 лет (1833-1893 гг.) до проведения Петровской линии Владикавказской железной дороги в Грозненском районе было добыто лишь около 3 млн. пудов нефти. С сооружением в 1894 году Петровской линии Владикавказской железной дороги (Беслан – Петровск) и Петровского порта был открыт выход к Чёрному морю нефтяным грузам Кавказа, что особенно дало мощный толчок развитию нефтяной промышленности в районе Грозного[715]. Основные грузопотоки направлялись из Грозного на Ростов и Петровск-Порт, который связывал этот район с Закавказьем, Средней Азией и Поволжьем. Потребителями грозненской нефти стали и промышленные районы Украины. Туда же большими партиями поступал керосин. Кроме того, он вывозился и в западные губернии страны.

Особенно интенсивно товарообмен начал осуществляться в конце XIX века. Из Поволжья и Прикамья (через Царицын) на Северный Кавказ поступали лесоматериалы; из Донбасса, Приазовья, Урала – железо и металлические изделия, из Южного горнопромышленного района (через Ростов) – уголь и кокс, из Новороссийска – цемент, машины, сельскохозяйственное оборудование. Московский промышленный район, Нижегородские рынки снабжали (через Петровск – Порт) текстильными изделиями русских фабрик и заводов[716].

Фонды Совета Съездов Терских Нефтепромышленников и Нефтяного комитета Управления железных дорог содержат сведения о конкурентной борьбе Общества Владикавказской железной дороги с грозненскими нефтепромышленниками[717]. Хотя по добыче нефти Общество Владикавказской железной дороги занимало одно из последних мест среди нефтепромышленников Грозненского района, зато оно являлось лидером по её переработки. Проникновение Общества в сферу нефтедобычи привело к повышению цен на нефть, а это негативно повлияло на те отрасли промышленности, которые потребляли нефтепродукты[718].

Свою лепту в загрязнение окружающей среды внесли предприятия нефтеперерабатывающей промышленности и железные дороги. Под

строительство нефтяных вышек, резервуаров и дорог была отчуждена большая площадь плодородных земель. Однако руководство этих предприятий не брало на себя никаких обязательств по восстановлению лесных массивов, садов и пахотных земель[719]. Осознание необходимости защиты окружающей среды при столь драматичности положения народов Северного Кавказа проникло во все слои общества уже во второй половине XIX века. В 1909 году А. Каневский с горечью отмечал: «Лет 15 назад близ станицы Прохладной – Ростово-Владикавказской железной дороги можно было убить в цель 40-50 штук фазанов, теперь вряд ли найдется пара, другая. И таких осиротевших мест на Кавказе много»[720].

Роль Владикавказской железной дороги для Моздока была неоднозначной. Талантливый публицист и экономист И. Бентковский 1 февраля 1869 года на заседании Кавказского отделения Русского технического общества поставил вопрос о необходимости постройки ветки Моздок – Владикавказ при сооружении планируемой ещё только дороги Пятигорск – Моздок – Петровск[721]. Однако данное предложение не было принято. С открытием железной дороги оживилась хозяйственная деятельность расположенных по этой дороге сёл, станиц и городов, что несколько снизило роль Моздока в экономике края. Но вскоре стал действовать гужевой путь от Моздока до Прохладной и товарооборот снова стал налаживаться[722]. Постройка железнодорожной ветки Беслан – Порт-Петровск через земли чеченцев – аккинцев привела к фактическому искусственному разделению аккинской земли на две части – плоскостную и предгорную. Железная дорога становилась линией, на юг от которой и вытеснялось всё аккинское население вплоть до 20-х годов XX столетия[723].

По своему положению конечной станции железной дороги, Владикавказ являлся пунктом, в котором задерживалось ежедневно значительное число пассажиров, направлявшихся в Тифлис и из Тифлиса. С одной стороны в дилижансах, двигавшихся по Военно-Грузинской дороге, число мест было ограничено, а с другой, лишь один поезд в сутки прибывал во Владикавказ[724]. Постройка железной дороги способствовала изучению Кавказского края, привлечению сюда туристов и путешественников. Харьковский университет был первым в России, организовавшим студенческие экскурсии на Кавказ. Идея проведения таких экскурсий принадлежала профессору А.Н. Краснову, слушавшему ранее лекции в Германии и Швейцарии – где такие горные экскурсии проводились. Летом 1894 года харьковские студенты: топографы, геологи, ботаники

и этнографы отправились в путешествие на Кавказ. Университет полностью оплачивал дорогу. Правление железной дороги предоставило студентам отдельный вагон, хотя студентов было всего 17 человек, во главе с профессором Красновым. До Владикавказа харьковчане добирались в комфортабельных условиях – на поезде, а оттуда отправились пешком до Тифлиса[725].

Приток чеченцев в грозненскую промышленность сдерживался административными барьерами. В Терской области действовало постановление, запрещающее чеченцам поселяться на территории Грозного, а также слобод Воздвиженской, Ведено и др., рядом с военными укреплениями. Исключение делалось только для лиц, состоящих на государственной службе или вышедших в отставку в офицерском звании, а также имеющих «особые» заслуги перед государством. Прием чеченцев в светские учебные заведения тоже был ограничен квотами, распределявшимися по национальному признаку. Тем не менее, не смотря на эти ограничения, некоторым чеченцам удалось пополнить ряды Терской интеллигенции уже в первые послевоенные десятилетия. Первым машинистом из чеченцев стал Ибрагим Магомаев, который в 1893 году закончил Владикавказское ремесленное училище. В 1897 году И. Магомаев получил право самостоятельно управлять локомотивом, а с 1900 года он становится машинистом пассажирских поездов[726].

В Терской области на долю железных дорог приходилось 453,9 вёрст, шоссейные были протяжённостью в 160 вёрст, а на грунтовые дороги приходилось 5800 вёрст[727]. Постройка Владикавказской железной дороги через территорию Северного Кавказа закрепила и упрочила экономические связи края с ведущими промышленными районами страны[728]. Таблица эксплуатации Владикавказской железной дороги за период с 1875 по 1887 год, составленная бароном Штейнгелем, служит также свидетельством экономического оживления края. Так, если в неполном 1875 году валовой доход дороги составлял 772165 рублей, то в 1887 году он возрос до 3071051 рубля, т.е. сумма валового дохода увеличилась в 4 раза[729].

Развитие железнодорожного транспорта имело также огромное значение в деле укрепления обороноспособности страны. Особенно показательным в этом плане был быстрый переброс войсковых частей на юг страны накануне войны 1877-1878 годов. Постройка дороги позволила наладить регулярное снабжение армии продовольствием и вооружением в ходе боевых действий на территории Османской им-

перии[730]. За умелое руководство при перевозке войск, военных грузов, больных и раненых во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. управляющий Ростово – Владикавказской дорогой (1876-1880) А.А. Алёхин был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени. Именно в ходе русско-турецкой войны боевое крещение получили военные железнодорожные команды, учреждённые по «Положению о военных железнодорожных командах (в мирное время)» от 25 марта 1870 г. Их целью было немедленно исправлять все случайные повреждения на эксплуатируемых железных дорогах и обеспечивать бесперебойное движение по железным дорогам соседних государств при занятии их русской армии. Работа этих команд, в ходе войны переименованных в железнодорожные батальоны, облегчила ведение боевых действий, придав войскам необходимую маневренность[731].

Владикавказская железная дорога, охватывая густой сетью территорию Северного Кавказа, часть побережья Чёрного моря, Каспия и Волгу, превратилась в ключевой транспортный путь из Европейской России в Закавказье. Эта железнодорожная монополия получала огромные прибыли не только путём эксплуатации железнодорожных линий, но и за счёт контроля основных отраслей хозяйства района Северного Кавказа. Обществом была создана также целая система вспомогательных предприятий, которые способствовали развитию интенсивного грузопотока по Владикавказской железной дороге[732].

К концу XIX века Владикавказская железная дорога выдвинулась в число наиболее доходных в России. С 1887 по 1900 год доход увеличился с 2 до 11 млн. рублей, или в 5,5 раза. Акционерам ежегодно отчислялось от 10 до 18% чистого дохода, что значительно превосходило величину долевого участия акционерного капитала в общих оборотах общества. Дивиденды достигали 20-30% от номинальной цены акции. Дорога получила возможность вкладывать немалые суммы в развитие своего хозяйства и обновление технических средств. Местные железнодорожники относились к одной из наиболее обеспеченных категорий трудящихся. Накануне революции средний годовой заработок составлял здесь порядка 400 руб., что превышало среднее содержание железнодорожных служащих в целом по стране и промысловых рабочих. При этом машинисты получали в год, согласно официальным данным, до 1300 руб.[733]. Наличие на Тереке ряда нефтепромышленных предприятий, крупных железнодорожных станций способствовало относительной со Ставропольем, большей представленности инженерно-технического персонала. В 5 раз

превосходила численность железнодорожной интеллигенции в Терской области по сравнению со Ставропольской губернией. Впечатляющим было распространение на Тереке железнодорожных служащих – 0,15% против 0,10% общероссийских и средних по Кавказу[734].

Для детей своих служащих Владикавказская железная дорога содержала 23 низших и 2 средних учебных заведения, с общим числом учащихся до 7000 человек. Для детей служащих, обучающихся в средних учебных заведениях, имелись в пределах дороги 5 общежитий. Кроме того, при железной дороге существовало «Общество просвещения», целью которого являлось удовлетворение «просветительских нужд» служащих, их семей и детей, а также забота о сиротах бывших служащих Владикавказской железной дороги. Потребность в чтении удовлетворялась за счёт литературы, хранившейся в немногочисленных станционных библиотеках. Правление оплачивало также функционирование двух передвижных вагонов-библиотек, оборудованных в 1899 году из бывших вагонов третьего класса. В феврале 1900 года первая библиотека-вагон отправилась в свой первый рейс из Ростова до Владикавказа и от Тихорецкой до Царицына, совершив до 1901 года 22 полных рейса. Подписчиками могли быть все служащие, получившие от начальства особое удостоверение личности. Пользование библиотекой было платным до 1909 года. Общий книжный фонд библиотек Владикавказской железной дороги составлял 2213 экземпляров. В основном это были газеты и журналы, а среди литературы преобладали книги религиозно-нравственного, научно-популярного содержания. В 1879 году дорога имела шесть больниц, рассчитанных в общей сложности на 140 коек[735].

Основное место в перевозке грузов Владикавказской железной дороги занимали продовольственные товары (картофель, сельдь, подсолнечное масло, овощи). По вывозу масла за границу дорога занимала первое место. В годы промышленного подъема на Владикавказской железной дороге был самый высокий чистый доход в Российской империи. Показатель Владикавказской железной дороги был самым высоким среди частных железных дорог.

Железнодорожные общества при поддержке Правительства стремились разместить свои акции на иностранных фондовых рынках. В конце XIX века такое стало возможно, но на условиях двойного обеспечения, то есть, помимо выдачи обязательств государственного казначейства, еще и высылкой залога и депонирования в Английском банке для продажи государственных и железнодорожных ценностей. Облигации

большинства русских железнодорожных обществ получали правительственные гарантии, как и акции. Такие бумаги занимали, как бы, промежуточное положение между государственными и частными ценными бумагами. Правительство и дороги очень активно стремились разместить облигации за рубежом. В 1898-1899 годах была предпринята попытка реализовать в США 4% облигации Владикавказской и Юго-Восточных железных дорог на общую сумму 10 млн. долларов (19,4 млн. руб.). В начале XX столетия произошел бум русских ценных железнодорожных бумаг на европейских биржах. Дивиденды выплачивались в Лондоне, Париже, Амстердаме, Берлине. Ко времени революции на счетах по оплате срочных купонов и вышедших в тираж облигаций одного только Общества Владикавказской железной дороги находилось 10,5 млн. рублей; причем, почти вся эта сумма была размещена в банкирских домах Амстердама[736]. Располагая солидными капиталами, используя своё экономическое влияние и финансовые возможности, Владикавказская железная дорога многое сделала для освоения сырьевых ресурсов, для становления и развития промышленности и сельского хозяйства Северного Кавказа и Дона[737].

4. Торговля

По мере развития путей сообщения и товарно-денежных отношений кратковременные и эпизодические формы торговых связей становились всё более устойчивыми и постоянными. Рост товарного потенциала сельскохозяйственного производства Северного Кавказа был связан с активизацией товарных связей внутри региона, его контактами с другими районами страны и с зарубежными рынками[738]. Весьма существенным последствием модернизации для горских народов было вовлечение их наиболее мобильной части в сферу торгово-финансового предпринимательства. Торговля и финансы как приоритет социально-экономического характера избираются частью этнического меньшинства. Исторически эти сферы деятельности открывали большие возможности, нежели производство, политика, наука и т.п., сопряженные с необходимостью в совершенстве владеть «инструментарием» – русским языком в Российской империи. Корпоративность, свойственная кавказским народам, только подталкивала «неофитов» торговли и бизнеса на уже проторенный представителями старшего поколения путь[739].

Русско-вайнахские исторические связи своими корнями уходят в глубокую древность. Академик Б.Д. Греков отмечает, что прикаспийские и закавказские народы встречались со славянами по торговым делам еще в VII – VIII вв. Они стали более интенсивными, начиная примерно с конца XV века[740]. Чеченцы также издавна состояли в оживлённых торговых отношениях с ингушами, аварцами, кумыками, кабардинцами, осетинами и другими народами. Так, барон Вревский в 1840 году писал, что в Чечне, «…развиты в довольно высокой степени торговля и промышленность, и народ, противодействовавший нам, многое теряет». Майор Властов отмечал, что «чеченец весьма склонен к мирным занятиям, в особенности к торговле». Известно, что смена гребенцами одежды имела своим источником, помимо развития семейных связей, и рынок». Особенно тесные торговые связи надтеречные чеченцы имели с ближайшими к ним казаками из станиц, расположенных по левому берегу Терека. Так, жители селения Али – Юрт возобновили и поддерживали после Кавказской войны этнокультурные и хозяйственные связи с казаками станицы Галюгаевской; жители села Чулик – Юрт – с казаками станицы Ищёрской; жители сёл Верхний Наур и Нижний Наур – с жителями станицы Наурской и дальше по Тереку: Мекен – Юрт напротив станицы Мекенской, селение Кейн – Юрт – напротив станицы Калиновской. Были устроены паромные переправы через Терек. Нередко связи были настолько тесными, что жители чеченских сёл и казачьих станиц знали друг друга по именам и в лицо[741].

Появление в Чечне довольно значительного избыточного продукта, естественно, вело к быстрому развитию торговли. Однако этому мешали ограничения, введённые российскими властями. Документы довольно часто сообщают о больших чеченских обозах с товарами, подолгу простаивавших у российской границы на берегу Терека. При этом о размахе торговых операций некоторых чеченских торговцев можно судить по такому примеру – в 1751 году российские власти не разрешили проезд для торговли некоему чеченцу Цуканию Кичину, который прибыл с товаром на 20 арбах[742].

Во время Кавказской войны горцы сбывали свои товары при посредничестве кунаков из казаков и родственников из «мирных», к которым они попадали, минуя казачьи пикеты при встрече с которыми у них, обычно отбирались товары. Скот, являясь частной собственностью индивидуальных лиц, был основным мерилом стоимости у чеченцев. Его охотно принимали в обмен на другие продукты и товары[743]. Соль была

важным меновым товаром в торговле чеченцев с кумыками. В 1833 году в Чечню было завезено 15000 пудов соли[744]. Чеченцы, не смотря на строгий запрет на взаимодействия их с воюющими против России горцами и принятии их имущества, не переставали принимать от них рогатый скот и лошадей. В случае задержания во время торговой сделки, они предъявляли скот как военную добычу[745]. Этот вид торговли являлся также показателем степени развития в Чечне товарно-денежных отношений. Прекратить такую негласную торговлю « не было возможности».

Интересен путь, которым горцы приобщались к торговле. О нём в своей работе рассказал К. Самойлов: « Рядовой чеченец – труженик, обладающий некоторым излишком продуктов, сначала продаёт дрова, сено, разные мелкие и домашние изделия и продукты; потом, скопив небольшой капитал, отдаёт его купцам за процент. Другие же предпочитают отдавать деньги под залог взаймы; за охотниками занять остановки не бывает, а потому берётся очень высокий процент. А коль скоро проценты запрещены магометанским законом, то их берут под видом «добровольного подарка» должника за услугу. Подобное приобретение денег было одобряемо, в то время как именованием купцом чеченец обижался»[746]. Рост товарности сельского хозяйства Чечни во второй половине XVIII – первой половине XIX веков происходил за счёт роста товарного производства в крестьянских хозяйствах. Ростовщический капитал всё более начинает активизироваться на Кавказе.

Торговые люди в имамате Шамиля пользовались большим почетом. Более восьмидесяти купцов получили от него охранные и сопроводительные грамоты. В целях поощрения торговли Шамиль ссужал некоторых купцов деньгами. Шамиль пытался развить торговлю не только внутри имамата, но и за его пределами. Например, он поощрял рядом льгот купцов других стран, привозивших товары на территорию имамата. Горские купцы несли военную и прочие повинности так же, как и все, и если не участвовали в военных действиях, то только в случае экстренных торговых обстоятельств, требовавших присутствия их в местах, отдаленных от сборных пунктов. Необходимо обратить внимание на то, что в имамате Шамиля отсутствовало налогообложение при заключении сделок купли-продажи различного рода товаров, в том числе животных, то есть не было налога на прибыль, что позволяет говорить об определенном либеральном подходе при налогообложении[747].

Обычное право чеченцев предусматривало серьезную ответственность сторон при заключении договора купли-продажи. Согласно

чеченскому устному договору продавец отвечал за проданную им вещь покупателю. При продаже вещи продавец нес ответственность за сокрытие той или иной информации о проданной вещи, о которой покупатель не мог знать на момент заключения договора купли-продажи. В случае обнаружения серьезных обстоятельств, скрытых продавцом от покупателя, первый был обязан полностью вернуть полученные деньги за проданную покупателю вещь[748].

Подрывая натуральную основу хозяйства чеченцев, торговля невидимыми нитями связывала отдельные аулы, тейпы, тухумы, способствовала объединению Чечни в экономическое целое. Генерал Ермолов предписывал чеченцам – торговцам « для свободной торговли давать билеты без затруднения и защищать их от всяких обид». Уже в 1811 г. на Кавказской Линии создается 5 меновых дворов и открывается соляной магазин во Владикавказе. Из этих меновых дворов только два – Наурский и Лащуринский, были доступны чеченцам для совершения торговых сделок. Первый посещали в основном надтеречные и сунженские чеченцы, второй – жители горных районов[749]. Немалую роль в развитии торговли на Северном Кавказе сыграл Каспийский торговый флот России[750]. К 40-м годам XIX века число лиц, ежегодно переходящих через Кизлярский карантин, доходило до 23-25 тыс. человек; из них до 15 тыс. торгующих горцев и до 10 тыс. разных промышленников. Торгующих чеченцев можно было встретить в Кизляре, Тифлисе, Дербенте и других городах.

В годы Кавказской войны горянки, на протяжении четырех самых теплых месяцев, продавали одних только дикорастущих плодов на 15-20 рублей серебром. Дикая черная смородина и малина росли на побережье реки Аргун в изобилии[751]. Особенно хорошо покупали на базарах и ярмарках кизил, ягоды, орехи. Большой популярностью у русских пользовался дикий чеснок – черемша, которая стала им известна благодаря местным жителям. Чеченки ее собирали ранней весной, откапывая из-под снега самые молодые побеги. Это был довольно тяжелый труд, за который получали совсем небольшую прибыль. По ценам 1884 г. воз черемши стоил 25 копеек[752]. Семья, занимавшаяся разнообразным торговым промыслом, выручала до 125 рублей серебром в год; имея при этом несколько голов скота, годовой посев ячменя и кукурузы, дрова и сено. По воспоминаниям С. Иванова «…многие женщины принарядились в канаусовые бешметы, детей одели в рубашки, у многих вошло в обычай пить чай по утрам…»[753].

Чеченские предания говорят, что Молкх из рода Нохчоо – основатель Ичкеринского общества первый ввёл меру локтем. Локоть до середины XIX века продолжал служить мерою длины[754]. Чеченцы предпочитали серебряные деньги золотым. Медные, называемые чёрными, брали с неохотой. Жители Нового Юрта, расположенного на правом берегу Терека, напротив станицы Червлённой, поразили в 1848 году русских офицеров и солдат той исключительностью среди аулов Кавказа, что они принимали только пятиалтынные и серебряные трёхрублёвки (75 коп.) с польскими надписями.

Оказавшись в составе Российской империи, чеченский регион неизбежно должен был подвергнуться влиянию развивающегося в России капитализма. Развитие русского капитализма вширь требовало экономического подчинения окраин России. Процесс освоения новых территорий требовал изучения народонаселения и экономических ресурсов края[755]. Капитализм всегда стремился к расширению своего господства, к завоеванию новых рынков, к распространению на новые территории. Говоря об окраинах империи, представители русской буржуазии подчёркивали: «Рынки эти важны для русской торговли и промышленности, как для сбыта своих изделий, так и ещё более – для покупки сырья для своих фабрик»[756]. Не следует забывать, что торговля с горцами носила в целом колониальный характер. Об этом пишет А.В. Фадеев: «Отдалённость Кавказа от промышленных центров России, изоляция кавказских горцев от экономически развитых европейских стран, большие различия в технике производства и производительности труда между российской фабричной промышленностью и местными кустарными промыслами, громадная разница цен между центральными районами империи и её окраинами – всё это создавало благоприятные возможности для неэквивалентного обмена. Неравномерное положение сторон…усиливало колониальный характер торговли с горцами»[757].

Аграрно-капиталистический рынок Северного Кавказа начал формироваться в 80-90 гг. XIX века. Этому способствовал ряд социально-экономических факторов, и в первую очередь реализация буржуазных реформ в России, массовая колонизация свободными производителями громадных массивов малоосвоенных степных земель, строительством железных дорог и морских портов, связавших Северный Кавказ с другими районами страны и зарубежными рынками, развитие производительных сил и, сельскохозяйственного производства. Например, уже к 1890 году по чистому сбору зерна на душу населения Кубань и Ставрополье

обогнали большинство хлебопроизводящих губерний России[758]. Всё постепенно подчинялось рынку, всё превращалось в акт купли-продажи, в товар. К началу 90 гг. XIX века в Терской области не только среди казачьих станиц, но и среди горских поселений не осталось ни одного населённого пункта, где не было хотя бы одной торговой точки[759]. Г.А. Евреинов, в своей работе «Национальные вопросы на инородческих окраинах России» писал: «Вредно стеснять промышленную инициативу инородцев, когда масса коренного русского населения ещё не вышла из той инерции, в которой её удерживали наши отсталые государственные и общественные порядки»[760].

Занятие торговой деятельностью требовало от купца постоянного перемещения по разным населённым пунктам и общения с представителями многих этносов. В условиях военно-народного управления, жёсткого паспортного режима у коренных жителей Терской области практически на каждом шагу их предпринимательской деятельности возникали преграды. Только для того, чтобы получить паспорт горец должен был, прежде всего, заручиться общественным приговором своего села, удостоверяющим нравственную благонадёжность просителя и отсутствие препятствий на отлучку его из сельской среды. С этим приговором проситель должен был отправиться к начальнику участка (иногда вёрст за 50-100) и получить у него удостоверение о неимении тех же препятствий; затем он обязан взять справку из горского словесного суда о своей несудимости и не нахождении в данный момент под судом и следствием; и уже только при наличии всех этих «удостоверений» и «справок» он мог рассчитывать на получение из управления паспорта и разрешения на временную отлучку из родного села. И все эти хлопоты обходились для просителя недёшево, что не для всякого из горцев было доступно [761].

В 1858 году распоряжением правительства была ликвидирована Кавказская карантинная линия и сняты многочисленные административные барьеры на пути развития торговых отношений с горцами[762]. До преобразований 30 декабря 1869 года горцы Терской области свободно торговали по всей её территории, если получали право временно покинуть своё село. Однако с начала 70-х годов XIX века для торговли в городах, слободах и станицах области власть стала требовать торговые документы, на основании высочайше утверждённого 9 февраля 1865 года Положения «О пошлинах за право торговли». По этому Положению торговать разрешалось только с выдачей ежегодных особых свидетельств и билетов с уплатой в государственный доход пошлин.

Единственным народом, для которого руководство сделало исключение из правил – были чеченцы. Начальник Терской области предоставил им 2-х летнюю льготу на торговлю в аулах Чечни без документов. Своё решение он объяснял тем, что «торгующих чеченцев всего 50 человек, а это не принесёт ущерба казне и торговля у них требует поощрительных мер»[763].

К 1900 году практически в каждом чеченском селении насчитывалось несколько постоянных торговых точек. Реальное число чеченских торговцев было существенно выше официально зарегистрированного, так как многие занимались торговыми операциями, не имея на это юридических документов, что позволяло уклоняться от уплаты пошлин. Так, в 1877 году власти оштрафовали 10 чеченских торговцев на общую сумму 1025 рублей, именно из-за отсутствия у них торговых свидетельств. Средний размер штрафа (100 рублей) показывает, что провинившиеся купцы были людьми довольно состоятельными.

С открытием железнодорожного сообщения кардинально расширяется география коммерческих связей чеченских купцов. Никого уже не удивляет наличие торговых связей чеченских торговцев со столицей (Санкт-Петербургом), Москвой или Нижним Новгородом. Одновременно увеличивается число российских купцов, открывавших свои лавки не только в Грозном, но и непосредственно в чеченских горах. Так, купцы В. Носов, Н. Сорокин, Пейкаров и другие имели торговые лавки в крепости Ведено[764].

В 1900 году торговцами в целом по Чечне (включая Грозный) числились 2630 человек, а в 1913 году их было уже 3120. Общий товарооборот за это же время возрос с 7 миллионов 692,5 тысяч рублей до 12 миллионов 276,6 тысяч рублей. При этом чеченские купцы сумели занять лидирующие позиции не только на селе, но и в грозненской городской торговле[765].

Ещё в годы Кавказской войны многие русские военачальники отмечали склонность чеченцев к мирным занятиям и считали важным перенесение чеченской энергии из военной сферы в предпринимательскую деятельность. Временный генерал-губернатор Терской области, генерал-лейтенант Колюбакин отмечал: «Чеченцы представляют из себя народность сильную духом и телом, смышлёную, не лишённую предприимчивости, склонную особенно к торговле, гораздо меньше к ремёслам, пока не трудолюбивую, особенно в мужской половине, тем не менее, имеющую перед собой хорошее и здоровое будущее, несом-

ненно, большее, чем все другие горские племена Северного Кавказа»[766]. Властов, воевавший в Чечне также выделял чеченцев. В своей статье «Война в большой Чечне» он писал: «Чеченец весьма склонен к мирным занятиям, в особенности к торговле, которая, при врождённой его сметливости, обещает всегда хорошие барыши. – Деньги, вот главная пружина его деятельности. Занятия, обещающие ему выгоды, заставляет его всегда бросать оружие, которое он считает только средством для защиты. В чеченце встречаются черты редкого благородства и честности»[767]. Некоторые военные, после подавления восстания 1877 года, приходили к выводу, что «…именно торгово – экономические успехи в крае не дали разрастись народному возмущению. Многим чеченцам было уже жаль расставаться с накопленным капиталом, выгодным социальным положением и экономическими льготами – из-за перехода на сторону восставших. Практичный разум брал верх над эмоциями – целые сёла отказывались пускать на свою территорию повстанцев…»[768]. На рубеже XIX – XX вв. торговлей увлеклось значительное число горцев, ибо в силу многих обстоятельств занятие ей стало наиболее удобным и лёгким способом получения денег. В национальных округах свыше 90% хозяев торговых заведений были выходцами из горских народов[769].

После завершения Кавказской войны торговля была сосредоточена в основном в руках лиц армянского и еврейского происхождения, но с течением времени положение стало меняться[770]. С расширением торгово – экономических связей Чечено-Ингушетии с Россией, наблюдается быстрый рост численности торговцев. В 1892 году, по данным статистики, в Чечено-Ингушетии было зафиксировано 844 торговца, к 1900 году число их увеличилось до 3 тыс. человек. Столь бурный рост объёма торговли в крае в немалой степени объяснялся развитием железнодорожного сообщения, и заметным расширением географии экономических связей края[771]. В одной из газет была опубликована статья, в которой указывалось на увеличение доли иностранных купцов в городе Грозном: «Персы обильно наводнили наш город и захватили в руки не только мелочную торговлю, но и отбивают поденную работу у мужиков – переселенцев. Досадно, во-первых, что всякая мерзость у нас в России находит радушный прием, а главное, что эта мерзость презрительно смотрит на русских, точно граждане своего отечества. Перс не уступит вам дорогу, а в лавке своей он не постесняется наговорить вам кучу всевозможных мерзостей, если вы не купите у него что-нибудь, при посещении лавки»[772].

Торговые свидетельства чеченцы получали в городе Грозном и с каждым годом их число увеличивалось[773]. Обычно чеченские купцы разъезжали по аулам на арбах, имея при себе товаров на сумму в 100-200 рублей. Они останавливались у своих кунаков на 3-4 дня, а затем ехали дальше, пока не распродавали весь товар[774]. В начале XX века чеченцы активно торговали не только на своей территории, но и в казачьих станицах. В Щедринской, Червлённой, Николаевской, Калиновской и других станицах по Тереку мануфактурная торговля почти полностью оказалась в руках чеченцев. На торгах земельных участков станицы Щедринской казаки постановили, не допускать к торгам чеченцев, но явившийся с телеграммой Наместника начальник участка объявил, что казаки не имеют на это права, т.к. чеченцы являются такими – же гражданами, как и станичники[775].

Число торговых предприятий в Грозненском округе от 120 в 1876 году выросло до 240 в 1889 году. Из 240 – 155 предприятий специализировались на продаже мануфактурных и галантерейных товаров[776]. В 1899 году в сельской местности Чечни насчитывалось 773 торгово-промышленных заведения. С 1899 года по 1903 год было официально зафиксировано 629 частных чеченских торговых организаций. Сумма торгового оборота составила 734442 рубля[777]. Удельный вес мелких предприятий (менее 50 чел.) был значительно выше на Северном Кавказе, чем в России, но по уровню промышленного развития он не может быть отнесён к отсталым окраинам, так как увеличение числа крупных торговых организаций шло очень быстрыми темпами[778]. Наибольший относительный прирост более крупной торговой деятельности происходил именно на Кавказе. Этот процесс наиболее наглядно показывает убыль числа документов на мелкий торг за 1880-1890 годы. В России только 1% жителей занимался торговлей[779].

Скупщики и кулаки выкупали хлеб у горцев на корню, а затем свозили его на ссыпные пункты железнодорожных станций, крупно наживаясь на этом. Цены на хлеб в отдельных местностях скупщиками устанавливались произвольно, более того, было распространено обвешивание, обман и обсчёты. В обмане, например, были уличены агенты фирмы «Дрейфус», которые закупали крупные партии хлеба в Чечне и Ингушетии, используя фальшивую меру[780]. Некоторые торговцы заказывали товар в Москве и, были обмануты в своих ожиданиях. Так, один из грозненских купцов, вместо заказанных дамских весенних пальто и накидок получил из Москвы тюк, в котором оказались кирпичи, прикры-

тые сверху несколькими измятыми накидками. Весила эта «посылка» 38 фунтов. Требуемый товар найти так и не удалось»[781].

По свидетельству очевидцев, зажиточнее других чеченцев являлось население Малой Чечни, во главе с её «чеченской Москвой» – Урус – Мартаном.[782]. В конце XIX столетия в Чечне стала формироваться прослойка довольно крупной буржуазии. В 1884 году была основана крупная торговая фирма Мациевых. Только у одного из них Эльмурзы, за полтора – два десятка лет капитал возрос до 500000 рублей, что позволило ему прибрать к рукам 1350 десятин земли, расположенных в окрестностях Грозного, открыть магазины[783]. Капитал семьи Мациевых был нажит от розничной и оптовой торговли в селе Аксай и в городе Грозном. Скотопромышленник и владелец больших участков земли Ахматхан Эльмурзаев нажил состояние в полмиллиона рублей. Недвижимое имущество Эльмурзаевых и Мациевых оценивалось в 1 млн. рублей. Годовые обороты были не менее 15-16 млн. рублей. В отчёте комиссионерства Русско – Азиатского банка они характеризовались как «аккуратные плательщики и осторожные, знающие своё дело коммерсанты»[784]. Чеченский капиталист Баширов активно торговал мукой, ежегодно закупал различные товары на Нижегородской ярмарке, По характеристике ревизора Русско – Азиатского банка Тальма, где капиталист имел кредит, Баширов был «дельный, энергичный коммерсант и аккуратный плательщик по своим обязательствам»[785]. Возьмём для примера «зажиточный букет» Чечни: Дубаевых, Чуликовых, Шамурзаевых. Все их предки возглавляли дружины, являлись видными, прославленными представителями своего народа[786].

Уже в 80-х годах XIX века чеченские помещики и сельские богачи ежегодно экспортировали в среднем до 200000 пудов хлеба, вывозили мясо, масло, шерсть и шерстяные изделия на сотни тысяч рублей ежегодно[787]. Горцы Северного Кавказа каждый год сбывали огромные табуны лошадей и отары овец на ярмарках в Моздоке, Пятигорске, Тифлисе. На Грозненской ярмарке в 1890 году было продано лошадей, крупного и мелкого рогатого скота на сумму 36000 рублей[788].

Владелец скота и вообще всякий хозяин, желавший продать свой скот на ярмарке или базаре, обязан был иметь при себе свидетельство от сельского или станичного правления или городской полиции о том, что в местности, из которой прибыло животное для продажи, нет чумы или других болезней. При выгоне гурта с ярмарки скотопромышленник должен был заявить ветеринарно – полицейскому надзору о назначении

своего гурта: следует ли гурт для посадки на железную дорогу или гонится на выпас. В первом случае он должен был дать подписку, что гурт будет посажен на ближайшей станции на поезд. По окончании ярмарки, работавшие на ней ветеринары, обязаны были представить отчет о своей деятельности: губернатору (начальнику области) и ветеринарному отделению губернского правления[789].

В Терской области, при вывозе продуктов в Европейскую Россию, приходилось встречаться с весьма значительным затруднением, чаще же с полной невозможностью вывоза товара потому, что губернаторы для разрешения ввоза продуктов во вверенные им губернии, всегда ставили обязательным условием снабжение ветеринарным свидетельством о здоровом состоянии до убоя тех животных, от которых были получены продукты. Это требование в Терской области можно было удовлетворить только в тех пяти городах, где имелись ветеринары, наблюдавшие за убоем скота[790].

Учреждение торговой полиции в регионах Северного Кавказа в 80-х годах XIX века диктовалось исторической необходимостью (по мере роста населенных пунктов) и было связано с развитием органов гражданского управления. Торговая полиция вела надзор за правильным производством торговли и за выполнением со стороны торговцев, промышленников и ремесленников правил, изложенных в соответствующих уставах. Она наблюдала за порядком в пользовании местами, отведенными под устройство разного рода заведений, а именно: мельниц, кожевенных, кирпичных и других заведений по специальным разрешениям. Торговая полиция призвана была упорядочить торговлю, взимать торговые сборы, а также осуществлять надзор за соблюдением установленной таксы на продажу товаров и бороться с разного рода преступлениями; наблюдала за внутренним распорядком на всех базарах и ярмарках.

Полиция следила, чтобы базарные площади и ряды между лавками, ларями были своевременно убраны и содержались в чистоте; чтобы не загромождались проходы; а также места для торговли занимались теми продавцами, которые внесли за это определенную плату. Торговая полиция следила за мерами и весами. Она также смотрела за доброкачественностью продаваемых продуктов и вообще, за соблюдением торговцами законов. Полиция наблюдала за добросовестностью в торговле, поэтому всякого рода обмер, обвес: при продаже, купле или обмене товаров, а также другие обманы (в количестве или качестве товара), или при расчете платежа, размене денег и в других случаях – строго преследовались

по закону. В случае ненормального увеличения цен торговая полиция выясняла причины этого явления[791].

Население Восточной Чечни, граничившее с Дагестаном, торговало с аварцами и андийцами, которые в обмен на фрукты, войлок, бурки, нефть (её использовали для освещения жилищ) приобретали главным образом кукурузу. В дагестанские сёла чеченцы привозили на продажу лошадей, собственного производства сёдла и сбруи. Торговые связи тушин были в основном направлены в территориально близкие им и наиболее доступные соседние горные общества Чечни. Здесь тушины покупали кукурузу. В 1866 году 8 мер кукурузы чеченцы продавали по 1 рублю[792]. Жители Чечни приводили в Тушетию лошадей хорошей породы, которых обменивали на овец местной породы, приносили соль, керосин и, по словам старожилов – тушин «очень красиво сделанную деревянную утварь»[793].

К концу XIX века у Чечни установились прочные рыночные связи с индустриальными центрами Приазовья, Черноморья, Донбасса и даже Урала[794]. Чеченские товары сбывались на рынках индустриальных центров России, что является свидетельством присущей капитализму тенденции к интернационализации способов производства и обмену на основе отраслевой, хозяйственной специализации различных по уровню развития производств, проникновению торгово-ростовщического капитала в горский аул, превращение его в агента промышленного капитала[795]. У чеченцев были непосредственные торговые отношения с Москвой и Нижним Новгородом[796]. Из Чечено-Ингушетии в конце XIX века ежегодно по железной дороге вывозилось в среднем около 90% нефти и нефтяных продуктов – (12109 тыс. пудов) в города: Киев, Нежин, Москву, Харьков, Ригу, Петербург, Одессу, Курск, Тифлис, Варшаву, Брест – Литовск и другие районы Южной и Западной России. Большие партии зерна и мучных продуктов (494 тыс. пудов) вывозились в Среднюю Азию, Закавказье, Петровск и другие районы. Лесные грузы (226 тыс. пудов) вывозились в города: Баку, Петровск – Порт, Пятигорск, Владикавказ. Птицу, яйца (31 тыс. пудов) – в города: Петербург, Ригу, за границу. Сырые кожи, шкуры, а также выделанные кожи – (24 тыс. пудов) вывозились в Курск, Владикавказ и другие города[797].

С развитием на Северном Кавказе таких отраслей специального торгового земледелия, как табаководство, возрастали и товарные перевозки табака. Особенно много табака в Терской области выращивали

чеченцы. Владикавказская железная дорога являлась самым крупным отправителем высших сортов табака в России. В 1894-1898 годах на её долю приходилось 48,6% всех железнодорожных перевозок табака в России, а в 1903-1904 годах – 66,7%[798]. Чечня издавна являлась поставщиком хлеба для соседних регионов. В конце XIX столетия хлебные грузы отправлялись главным образом в Дагестан, на Кубань, в Среднюю Азию, Закавказье и внутренние губернии России.

О расширении хлебной торговли в Чечне говорит появление всё новых хлебных рынков. Так, в 1863 году хлебный рынок появился в селе Старый Юрт (Толстой Юрт), в 1867 году – в Урус – Мартане, в 1886 году – в Шалях. Чечня в это время поставляет излишки своего хлеба не только в Дагестан, но в северные области Ирана и даже казакам. За исключением отдельных неурожайных лет, вплоть до начала XX века происходит стабильный рост производства зерна. Если в 1874 году Чечня и Ингушетия вместе собрали 313,035 четвертей зерна, то в 1900 году урожай составил 512,662 четверти[799]. В среднем, за 1896-1900 годы чеченцы экспортировали 715136 пудов хлебных излишков. В Грозный было отправлено 551037 пудов, а в Гудермес 184099 пудов[800]. Чеченцы в большом количестве вывозили шёлк – сырец в Кизляр. Так, отдельные жители села Гехи продавали шёлк на 1 тыс. рублей. Доставляемые в Баку персидские товары развозились во все области Северного Кавказа. Большой популярностью у горцев пользовались шёлковые персидские ткани[801].

Со второй половины XIX века стали распространяться у чеченцев русские железные печи, а в некоторых богатых домах на плоскости ставили так называемые голландские печи. Тогда же начали входить в употребление и керосиновые лампы[802]. Благодаря рейсам, совершаемым грузовыми пароходами между Балтийским и Чёрным морями, при весьма невысоких фрахтах, была возможность у балтийских заводов доставлять свою продукцию на Кавказ. Известно, что Северный Кавказ в большом количестве вывозил своё зерно на экспорт[803]. Получая с Юга хлеб, промышленные губернии не только сбывали туда продукцию своих фабрик и заводов, но и снабжали население степных окраин рабочими руками и средствами производства[804]. Товарная продукция народов Северного Кавказа (осетин, кабардинцев, чеченцев, черкесов и др.) – оружие, скот, лошади, шерсть, мёд, воск и т.д., реализовывались в основном в России через Троицкую Екатеринодарскую ярмарку, а также через Тамань, Темрюк и Черноморское побережье от Анапы до Сочи. В середине XIX

века объём торговли Северного Кавказа и России по ввозу и вывозу составил около 100 тыс. рублей[805].

В начале 1850 года несколько почтеннейших горцев из лучших фамилий с разрешения Шамиля и по доверенности от «непокорных обществ» обратились к начальнику левого крыла Кавказской Линии. Они попросили учредить в окрестности крепости Грозной, один раз в месяц, трёхдневные базары и позволить «немирным» жителям Чечни, находившимся под управлением имама, привозить на них домашние изделия и продукты для продажи и обмена на различные промышленные товары, доставляемые в крепость русскими купцами из центральной России. С разрешения высшего начальства в начале мая базар, превратившийся по сути в первую ярмарку, был открыт. На ярмарку в начале мая 1850 года съехались до 500 арб «непокорных» чеченцев с жёнами и детьми[806]. Вот что сообщает один из офицеров, писавший в пятидесятых годах: «В 1850 году главнокомандующий, желая сблизить непокорных горцев с русскими, разрешил открыть около крепости Грозной ярмарку, на которую дозволено было привозить товары и горцам, подвластным Шамилю. После размена аманатов, 15 мая заключено было перемирие на три дня, горцы начали сбираться в Грозный. Главный привоз с гор составляли хозяйственные продукты: яйца, сыр, масло, мёд; привезли также много шкур, обделанных и необделанных, кожаные изделия, сукна, ковры и тому подобное. Горцам было запрещено продавать хлеб во всех видах, железные и деревянные изделия. С нашей стороны не дозволена была продажа оружия и железа. Но торг этот с обеих сторон оказался невыгодным: горцы продали выгодно только привезённые ими шкуры, множество съестных припасов остались непроданными по причине недостатка потребителей и негодности к сохранению впрок этих продуктов в наступившие уже сильные жары. Наши купцы имели тоже очень небольшой сбыт, состоявший преимущественно из шёлковых и бумажных материй и калмыцкого чая. После этого опыта ярмарка уже не собиралась, может быть потому, что Шамиль опасался невыгодных для своей власти последствий от сближения с русскими его подвластных»[807]. Наряду с военными операциями русское командование предприняло очень интересный и показательный шаг, не смотря на первые не очень удачные попытки, оно снова попыталось использовать экономические средства, укрепляя тем самым своё влияние в Чечне. В 1859 году наместник Кавказа А. Барятинский распорядился организовать в Грозной с 1860 года две ярмарки в год – весной и осенью. В дальнейшем

они сыграли важную роль в развитии города[808]. Грозненские ярмарки быстро завоевали популярность. Чаще всего мужчины привозили свои товары на ярмарки в Грозный, Шали и станицу Воздвиженскую[809]. Однако больше всего доходов торговцы получали на Грозненских ярмарках: весенней, с оборотом в 300427 рублей и осенней – с оборотом в 624427 рублей[810]. Если в 1874 году оборот двух Грозненских ярмарок составлял 836 тыс. рублей, то к 1890 году он уже равнялся почти 2 млн. рублей. В 1890 году в Грозном было более 700 торговцев, оборот их магазинов и лавок составлял 2042035 рублей[811]. По данным 1865 года джейраховцы, живя недалеко от Владикавказа и, пользуясь дорогой для аробной езды, сбывали там, на рынке, камень и лес, а мереджинцы, добывавшие соль из местных соляных источников, обменивали в Чечне и других ближайших районах соль на хлеб[812]. Торговля быстро развивалась не только в Грозном и Владикавказе, но практически по всей густо населённой территории Терской области. О том, насколько сильно было развитие рыночных связей в Чечне, можно судить по разным признакам, в тои числе и по наличию здесь базаров и ярмарок. Крупнейшие базары собирались в чеченских селениях Ведено, Шатой, Шали, Урус – Мартан, Гехи, Курчалой, Али – Юрт, Старый Юрт. Веденский базар давал 35 тыс. рублей годового дохода; Урус – Мартановский – 50 тыс. рублей; Шалинский – 75 тыс. рублей; Шаами – Юртовский – 40 тыс. рублей; Гехинский – 18 тыс. рублей; Курчалойский – 15 тыс. рублей. 12 базаров Чечни совокупно давали 271400 рублей торгового оборота в год. Следует также учитывать торговый оборот Грозненского рынка (150 тыс. рублей), в работе которого активное участие принимали чеченские торговцы.

После того, как была построена железная дорога, а в населённых пунктах появилась сеть постоянных торговых лавок, значение большинства ярмарок резко упало. Исключением в Терской области являлся Грозненский рынок, оборот которого и в первое десятилетие XX века составлял 150 тыс. рублей в год. В чеченских селениях уже в конце XIX столетия начинает появляться и постоянно расширяется сеть торговых учреждений. В Грозненском округе было открыто примерно 350 магазинов и лавок самого различного назначения, в том числе: в Урус – Мартане – 35, Ачхой – Мартане – 30, Старом Юрте – 24. Несколько меньшее количество постоянных торговых точек имелось в Веденском округе – более 250, в том числе: в Гудермесе – 34, Шали – 39, Новых Атагах – 25, Цацан-Юрте – 22, Герменчук – 15, Бачи – Юрте – 16[813].

Базары в многолюдных чеченских сёлах Шали и Урус – Мартан (в каждом до 15000 – 20000 населения) кипели жизнью. Купцы из этих сёл, кроме местных оборотов, успели установить прочные торговые связи с Москвой и Нижним Новгородом[814]. В адрес начальника области поступали многочисленные просьбы от горских обществ об открытии ярмарок и базаров. В 80-х годах XIX века такие прошения поступали, в частности, начальнику Терской области от жителей сёл Пседах, Кучмазукино, Урус – Мартан и др. Но областная администрация часто давала отказ на эти прошения, в то же время казачьим станицам предоставлялись все возможности для открытия ярмарок и базаров[815]. Чеченцы стали создавать серьёзную конкуренцию в торговле для казаков. Начальник Веденского округа Джапаридзе, донося по служебной инстанции, писал: «Желание выселить туземцев из слободы Ведено, уже много лет владеющих собственностью и мирно занимающихся торговлей, вызвано желанием части русских слобожан-торговцев избавиться от чеченцев из-за конкуренции по торговле»[816].

Подведем некоторые итоги

В пореформенный период экономическое положение в Терской области стабилизировалось. Земледельческая культура стала увеличивать как свои качественные характеристики, так и производство валового продукта. Видовое распространение земледельческих культур в области зависело не только от определенных хозяйственных традиций, количественного и качественного состава почв, но, в условиях предгорий и гор – от высоты местности над уровнем моря. В горной зоне чаще всего выращивали яровую пшеницу, ячмень, просо, кукурузу. В послевоенный период большие изменения произошли в структуре посевных площадей чеченцев. Горцы стали чаще возделывать культуры, которые пользовались большим спросом на рынке. Например, за 15 лет (с 1876 по 1891 год) площадь, занятая пшеницей, увеличилась у плоскостных чеченцев почти на 46%. По среднему урожаю всех хлебов Чечня занимала в России одно из первых мест.

Государство было крайне заинтересовано в наращивании севооборота и сбора зерна на Кавказе. Для этого областное правление ежегодно приобретало и раздавало населению семена различных сельскохозяйственных растений для проведения опытных посевов на участках

с разными ландшафтными и климатическими условиями. Сравнивая темпы внедрения новой сельскохозяйственной техники в Европейской России и на Северном Кавказе, видно, что этот процесс на Кавказе происходил значительно интенсивнее. В Чечне издавна развивалось овощеводство и бахчеводство. На Чеченской плоскости высаживались огурцы, арбузы, дыни. В конце XIX века у чеченцев появляются европейские огородные культуры, такие как помидоры, капуста, картофель, редис и др. В условиях развивающегося товарного хозяйства даже такие в основном натурально-потребительские подразделения сельского хозяйства, как огородничество, не говоря уже об отраслях специально-торгового земледелия, стали все чаще ориентироваться на спрос потребительского рынка.

Наравне с земледелием в регионе было хорошо развито и скотоводство. Ландшафтно-климатические и исторические условия, традиционные институты хозяйствования народов Северо – Восточного Кавказа, распространение торгово-рыночных отношений способствовали развитию скотоводства в Терской области. В пореформенный период, по количеству крупного рогатого скота к количеству населения, Терская область занимала первое место на Кавказе. В Терской области также существовала специализация различных регионов по производству скота. По крупному рогатому скоту к концу века Грозненский округ занимал ведущее место в Терской области. Также на Грозненский округ приходилось самое большое число буйволов. Эти животные содержались главным образом для молочного хозяйства. Молочные продукты от буйволиц очень ценилось чеченцами и редко поступали на рынок.

Альпийская Чечня экономически дополняла равнинную. Так, например, бараны с гор прогонялись на плоскость, где обменивались на пшеницу и кукурузу. В конце XIX – начале XX века ощутимо возрастает геополитическое значение Кавказа в связи с вовлечением его в мировое хозяйство. Кавказские минеральные богатства были так велики, что каждый затраченный на этот край рубль – приносил доход. Некоторые полезные ископаемые, найденные в этом районе, были уникальны даже для такой богатой горнодобывающей страны, как Россия. К таким редким рудам можно отнести каолин, ценившийся очень высоко и применявшийся для изготовления высококачественной фарфоровой и фаянсовой посуды. Кавказский марганец, в отношении своего качества и количества занимал первое место не только в России, но даже на всем земном шаре.

После присоединения Кавказа к России вопрос о собственности на землю и ее недра встал особенно остро. Предприниматели разных мастей ринулись на просторы этого благодатного края, желая максимально обогатиться за счет всего, что когда-то принадлежало местным жителям. В случае нахождения нефти на горских землях коренным жителям чаще всего запрещалось ее добывать, перерабатывать, а эти земли конфисковывались в пользу государства. Далее нефтеносные участки предоставлялись в распоряжение Терского казачьего войска, после чего данные полезные ископаемые становились добычей предпринимателей, принося доход не исконным хозяевам, а войску, государству в виде налогов и роста горнодобывающего оборота в стране. Зачастую дело доходило до полного абсурда, когда, например, чеченцам запрещалось добывать руды на землях их сельской общины.

Выгоды, извлекаемые людьми из коммерческих операций с нефтью и газом настолько значительны, что история нефтяной промышленности оказалась тесно связанной с экономическим и политическим господством одних народов над другими и с национально-освободительным движением. Решающее значение для Грозненской нефтяной промышленности в конце XIX века имел промышленный и экономический подъем 90-х годов и связанный с этим рост железнодорожного строительства и других отраслей. Спрос не нефтепродукты в этих условиях опережал предложение, и нефтяное дело становилось одним из самых прибыльных, выгодных для приложения капиталов.

Обветшалому мануфактурному производству, основанному на несложной технике, ручном труде и откупной системе, давно уже следовало уступить дорогу современному, хорошо организованному производству, основанному на машинной технологии, свободном предпринимательстве и конкуренции. Отсутствие высокотехнологичных производств, кредитных банковских средств, путей транспортировки нефти и продуктов ее переработки – тяжело сказывались на нефтяной отрасли. Откупная система, применявшаяся в Грозненской нефтяной промышленности была характерным явлением крепостной эпохи. Она избавляла государство (Терское казачье войско) от излишних хлопот – содержания специального аппарата для эксплуатации источников. Установление государственной монополии на регулирование нефтедобычи и нефтепереработки на Северном Кавказе не способствовало развитию частного предпринимательства.

Необходимо отметить, что молодая национальная буржуазия довольно быстро начала осознавать свои собственные интересы, связывая

их с интересами чеченского народа. Исходя из этих позиций требование известного депутата Государственной Думы от горцев Т. Эльдарханова «остановить расхищение природных богатств края до полного разрешения земельного вопроса» можно рассматривать как первое проявление претензий национальной элиты на контроль над природными ресурсами Чечни. В 1894 году правительством были утверждены «Правила о нефтяном промысле на землях Кубанского и Терского казачьего войска», которыми отменялась существовавшая здесь десятки лет откупная система, давно мешавшая развитию региона. Участки стали переходить из рук дворянства и чиновников в сферу деятельности капиталистов.

В конце XIX века Грозненская нефтяная промышленность стала коммерчески выгодна для казны не только в плане налоговых поступлений, но и за счет возможностей получения зарубежных займов путем предоставления финансовых льгот и доступа на нефтяной рынок Северного Кавказа западноевропейских предпринимателей. На Парижской бирже в тот период времени проводилась конверсия русского государственного займа. Правительство Российской империи, остро нуждавшееся в деньгах, стало активно брать в долг денежные средства в Англии, Франции и Бельгии. Западные капиталисты, используя свое положение кредиторов, получили возможность проникнуть в закрытый доселе для них нефтяной бизнес Терской области. Таким образом, в каком-то смысле Грозненское месторождение косвенным образом финансировало огромную Российскую империю, в тоже время принося чистую прибыль и обеспечивая нефтяными продуктами не только значительную часть России, но и зарубежные страны.

Народные промыслы чеченцев, самобытные и качественные, играли большую роль в жизни горцев. В конце XIX века в связи с развитием промышленности в России и усилением вывоза ее товаров, на Северном Кавказе происходило постепенное вытеснение крестьянских промыслов промышленным производством. Региональное руководство старалось поддерживать и развивать кустарные промыслы, так как именно они являлись неповторимым «лицом края» на многочисленных выставках и распродажах как в России, так и за рубежом. Чеченское оружие получило высокое признание на мировом уровне. Так, например, оружие, изготовленное Абитой Амирхановым достойно оценили на Парижской выставке. Постепенно стали складываться международные связи, осуществлялся обмен производственным опытом, повышалась национальная и личная самооценка терских ремесленников.

Формирование северокавказской транспортной сети оказало существенное влияние на экономическое развитие региона. Транспортные пути позволяли расширить товарооборот с соседними губерниями, дороги являлись экономическими артериями Северного Кавказа. В середине 70-х годов XIX века движимая военно-стратегическими и экономическими интересами государства и при его финансовой помощи была построена частная (акционерная) Ростово – Владикавказская железная дорога. К началу XX века Владикавказская железная дорога связала между собой все основные регионы Северного Кавказа. Кавказ стал активно обмениваться грузопотоками с центральными регионами России, с которыми до постройки железной дороги сообщался лишь Волгой, что было довольно затруднительно из-за мелководья устья реки и ее зимнего замерзания.

Владикавказская железная дорога, как транспортное предприятие, имела прогрессивное значение в деле становления и развития нефтепромышленности Северного Кавказа. Она в значительной степени определила масштабы и темпы этого развития. С сооружением в 1894 году Петровской линии Владикавказской железной дороги (Беслан – Петровск) и Петровского порта был открыт выход к Черному морю нефтяным грузам Кавказа, что особенно дало мощный толчок развитию нефтяной промышленности в районе Грозного. Постройка железной дороги способствовала изучению Кавказского края, привлечению сюда туристов и путешественников. Развитие железнодорожного транспорта имело также огромное значение в деле укрепления обороноспособности страны.

Оказавшись в составе Российской империи чеченский регион неизбежно должен был подвергнуться влиянию развивающегося в России капитализма. Появление в Чечне довольно значительного избыточного продукта, естественно, вело к быстрому развитию торговли. Все постепенно подчинялось рынку, все превращалось в акт купли-продажи, в товар. На рубеже XIX – XX вв. торговлей занималось значительное число горцев, ибо в силу многих обстоятельств занятие ею стало наиболее удобным и легким способом получения денег. Чеченцы активно торговали не только на своей территории, но и в казачьих станицах. К концу XIX века у Чечни установились прочные рыночные связи с индустриальными центрами Приазовья, Черноморья, Донбасса и даже Урала. Благодаря строительству железнодорожной магистрали у чеченцев появились непосредственные торговые отношения с Москвой и Нижним Новгородом. Экономическая ситуация в регионе стала кардинально меняться.

Реформы 60-х годов XIX века и последовавшие за ними буржуазные преобразования сумели подготовить почву для успешного развития торгово-промышленного капитализма на Северном Кавказе. Данные процессы происходили в общем русле модернизации России, что также способствовало экономическому росту региона. Вместе с тем пореформенные преобразования отличались рядом особенностей, продиктованных: полувоенной административной системой управления и привилегированным положением казачества в социальной структуре населения Терской области, что являлось тормозом в некоторых областях сельского хозяйства и промышленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (историко-этнографическое исследование). Дис. …канд. ист. наук. – Грозный,2004. – С.34.

[2] Moon D. Peasants and agriculture // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. Cambridge,2006. – S.41.

[3] Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. – Казань,2004. – С.12.

[4] Невская В.П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (кон.XVIII– нач. XX в.). // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. – Ставрополь,1985. – С.26.

[5] Дохова В.В. Экологическая культура народов Терской области в 60-х гг. XIX – нач. XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Нальчик,2001. – С.120.

[6] Кавказ. Справочная книга сторожила. Т.1. Ч.1. – Тифлис,1887-1888. – С.2.

[7] Эйхельман. О. Военное занятие неприятельской территории. – .Ярославль,1879. – С.178.

[8] Золотое руно. Рассказ чеченца // Русский инвалид. – СПб.,1852. – №178. – С.1.

[9] Немирович-Данченко В. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские Ведомости. – М.,1888. – №27. – С.3.

[10] Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). – М.,2001. – С.89.

[11] Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Т.2. Ч.1-2. – Тифлис,1882. – С.155.

[12] Хубулова С.А. Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX в.: этнодемографические и социально-экономические аспекты развития. Дис. …докт. ист. наук. – Владикавказ,2003. – С.111.

[13] Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг. Дис. …канд. ист. наук. – Воронеж,2006. – С.59.

[14] Цит. по: Гранкин Ю.Ю., Землянский А.В. Северный Кавказ и его колонизация Россией в 30-90 годы XVIII века. Монография. – Пятигорск,2006. – С.127.

[15] Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). – М.,2001. – С.104.

[16] Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа: ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. – М.,Л.,1926. – С.46.

[17] Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М.,1893. – С.29.

[18] Цит. по: Тебиева Л.Т. Хозяйственно-экономические воззрения северокавказских просветителей (конец XVIII – 70-е гг. XIX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2005. – С.113.

[19] Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века.: Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2006. – С.45.

[20] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.75.

[21] Хасиев С.– М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX– перв. четв.XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. …. канд. ист. наук. – М.,1973. – С.10.

[22] Кантария М.В. Агрикультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии. // Кавказский этнографический сборник. T.VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси,1986. – С.64.

[23] ГИМ ОПИ. Ф.254. Д.321. Л.50.

[24] Хасиев. С. – М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – перв. четв.XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1973. – С.6,9.

[25] Исаев С.– А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в XIX веке). Дисс. … докт. ист. наук. – М.,1998. – С.41.

[26] Зарождение и развитие земледелия на Северном Кавказе. – Майкоп,2001. – С.773.

[27] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб.,1871. – С.380.

[28] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.202-205.

[29] История Чечни (XIX в.). – Грозный,2006. – С.247.

[30] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.61,64.

[31] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.26.

[32] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.79.

[33] Маркграф О. Чеченские селения. // Терские ведомости. – 21 ноября – 1881. – С.3.

[34] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный,1978. – С.64.

[35] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1. Д.343. Л.1.

[36] Ходжаев С. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис,1875. – С.22.

[37] Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Бондарева Т.Н. Происхождение, распространение и история возделывания культурных растений Северного Кавказа. – Майкоп,2001. – С.58.

[38] Там же. – С.101,108,307.

[39] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1. Д.343. Л.1.

[40] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.91.

[41] Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М.,2003. – С.178-179.

[42] Бузоева З.С. Влияние семейных традиций и обычаев горской семьи народов Северного Кавказа на воспитание подрастающих поколений. Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,2001. – С.110.

[43] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917). Дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.34.

[44] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.,1981. – С.66.

[45] ГА РФ. Ф.677. Оп.1. Д.511. Л.24.

[46] Баранов Е. По Северному Кавказу. // Новое обозрение. – 1902. – №6016. – С.1.

[47] Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре. // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.,2001. – С.10.

[48] Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX веке (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик,1962. – С.126.

[49] Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.115.

[50] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.82.

[51] Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX веке (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик,1962. – С.121.

[52] Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный,1960. – С.9.

[53] Хуранов Ш.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа в пореформенный период (На материале скотоводства). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1983. – С.149.

[54] Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа. // СОНИИ. Известия. Т.25. – Орджоникидзе,1966. – С.98.

[55] Арцишевский А. Условия нашей борьбы с соседями на Кавказе раньше и теперь. – М.,1908. – С.27.

[56] Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н /Д.,1984. – С.22-25.

[57] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.94.

[58] Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX– перв. четв. XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1973. – С.10.

[59] История Чечни (XIX в.). – Грозный,2006. – С.42.

[60] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.26.

[61] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. -.М.,1981. – С.94.

[62] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.74.

[63] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX веках. – Тбилиси,1988. – С.324,327.

[64] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т.1. – СПб.,1902. – С.30.

[65] Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1897 год. – Владикавказ,1898. – С.92.

[66] Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903. – С.715.

[67] Бридня О.П. Деятельность сельскохозяйственных обществ Предкавказья во второй половине XIX в. – 1920 г. Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2003. – С.140-141.

[68] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.110.

[69] Мадаева З.А. Календарные праздники, обычаи и обряды вайнахов кон.XIX-нач.XX вв. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1981. – С.18,22.

[70] Заседателева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в сер.XVI – нач. XX в. (динамика этнокультурных процессов). Автореф. дис. … докт. ист. наук. – М.,1996. – С.38.

[71] Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ,2002. – С.363-364.

[72] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.113.

[73] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.163.

[74] Зарождение и развитие земледелия на Северном Кавказе. – Майкоп,2001. – С.342-343.

[75] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.329.

[76] Хасиев С.А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в XIX -XX в. // Советская этнография. – №1. – М.,1973. – С.139.

[77] Там же. – С.140.

[78] Там же. – С.143.

[79] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.138.

[80] Хасиев С.А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в XIX – XX в. // Советская этнография. – М.,1973. – №1. – С.144.

[81] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.118.

[82] Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX– перв. четв.XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. ….канд. ист. наук. – М.,1973. – С.13.

[83] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.126,169,173.

[84] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.118.

[85] Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России. – СПб.,2006. – С.276.

[86] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.349.

[87] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.113.

[88] Мартиросиан Г.К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. – Владикавказ,1924. – С.32.

[89] Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа. // СОНИИ. Известия. Т.25. – Орджоникидзе,1966. – С.98.

[90] Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии. // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала,1976. – С.194.

[91] Денискин В.И. Об условиях и характере развития земледелия у терских казаков в конце XIX в. // К вопросу о революционном преобразовании на Северном Кавказе за годы советской власти. – Орджоникидзе,1974. – С.134.

[92] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб.,1871. – С.379.

[93] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.100.

[94] Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ,2002. – С.313.

[95] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.396.

[96] Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900). – Грозный,1963. – С.105.

[97] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.329,334.

[98] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный,1978. – С.136.

[99] Ермаков В.П.,Чекменев С.А. Русская колонизация Степного Предкавказья // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральн., регион.,соц.-экон. и политич. процессов). Ученые записки. Вып.3. – Пятигорск,2004. – С.40.

[100] Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М.,1993. – С.119.

[101] Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н /Д.,1988. – С.184.

[102] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный,1978. – С.61.

[103] Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в 19 в.). Дис. … докт. ист.наук. – М.,1998. – С.43.

[104] Там же. – С.42.

[105] Самойлов К. Заметки о Чечне. – М.,2002. – С.67.

[106] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.101.

[107] Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ,2002. – С.320.

[108] Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905. – С.42-43.

[109] Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М.,2007. – С.8.

[110] Самойлов К. Заметки о Чечне. // Пантеон. – Т.23. Кн.10. – СПб.,1855. – С.67.

[111] Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). М.,2001. – С.24.

[112] Округа Терской области. // Сборник сведений о Терской области. – Владикавказ,1878. – С.116.

[113] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т.1. – СПб.,1902. – С.111.

[114] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.336.

[115] Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.115.

[116] Симанович Е.А. Развитие виноградарства и виноделия на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – 1914 г. Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2005. – С.153,155.

[117] Авдаков И.Ю. Экспозиции Кавказа и Средней Азии на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде // Кавказ: история, культура, традиции и языки. – Сухум,2004. – С.258.

[118] Там же. – С.142.

[119] Сборник сведений по истории и статистики внешней торговли России. Т.1. – СПб.,1902. – С.82.

[120] Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1893. – С.72.

[121] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М.,1846. С.84.

[122] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII -XIX в. – Тбилиси,1988. – С.349.

[123] Ратушняк В.Н. Развитие капитализма в сельском производстве Северного Кавказа в кон.XIX– нач. XX в. – Краснодар, 1988. – С.195.

[124] Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. – Махачкала,1981. – С.76.

[125] Официальная летопись. // Кавказ. – Тифлис,1870. – №57. – С.1.

[126] Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. – СПб.,1910. – С.224.

[127] Официальная летопись. // Кавказ. – Тифлис,1870. – №57. – С.1.

[128] Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1893. – С.75.

[129] Мартиросиан Г.К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. – Владикавказ,1924. – С.29.

[130] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии вXVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.349.

[131] Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный,1972. – С.151.

[132] Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начале XX вв. – Махачкала,1970. – С.64.

[133] Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный,1972. – С.151.

[134] РГИА. Ф.1268. Оп.14. Д.149. Л.7.

[135] Мартиросиан Г.К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. – Владикавказ,1924. – С.29.

[136] Ходжаев С. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис,1875. – С.38.

[137] Кавказское общество сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875. – С.14,34.

[138] Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.115.

[139] Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Т.2. Ч.1-2. – Тифлис,1882. – С.166.

[140] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М.,2001. – С.254.

[141] Сборник сведений по истории и статистики внешней торговли России. Т.1. – СПб.,1902. – С.199.

[142] Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик,1962. – С.148.

[143] Кожевников Г.А. Породы кавказских пчел. Доклад. – СПб.,1900. – С.9.

[144] Оса. Пчеловодство в Терской области. // Казбек. – Владикавказ,1896. – №119.

[145] Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ,2002. – С.314.

[146] Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. … канд. ист. наук. – Махачкала,1981. – С.79.

[147] Гриценко Н.П. Землепользование терских казаков и переселенцев. // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный,1967. – С.149.

[148] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.86.

[149] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII –XIX в. – Тбилиси,1988. – С.352.

[150] Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ,2002. – С.314.

[151] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. – М.,1846. – С.183.

[152] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.46. Л.29.

[153] Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). – М.,2001.

[154] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908. – С.218.

[155] Калантар А.А Молочное хозяйство на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис,1901. – С.4.

[156] Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.II. – Тифлис,1890. – С.25-27.

[157] Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведённых в 1912 году. – Владикавказ,1914. – С.22.

[158] Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.II. – Тифлис,1890. – С.4.

[159] Там же. – С.193.

[160] Журналы Особого совещания в городе Владикавказе для пересмотра действующих правил о передвижении скота. – Владикавказ,1895. – С.28.

[161] Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.224.

[162] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.106.

[163] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.79.

[164] Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.II. – Тифлис,1890. – С.40.

[165] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный,1978. – С.53.

[166] Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.II. – Тифлис,1890. – С.194.

[167] Радде Г.И. Органический мир Кавказского края. – Тифлис,1877. – С.27.

[168] Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.II. – Тифлис,1890. – С.197.

[169] Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. …канд. юрид. наук. – Махачкала,2006. – С.59.

[170] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.339,346.

[171] Гриценко Н.П. Землепользование терских казаков и переселенцев. // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный,1967. – С.146-47.

[172] Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом (по данным этнографии). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Баку,1971. – С.14.

[173] Иванов М.А. Верховья реки Гехи. // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества. Т.XV. №5. – 1902. – С.300.

[174] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в 18-19 в. – Тбилиси,1988. – С.360-361.

[175] Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М.,1993. – С.73-74.

[176] История Чечни (XIX в.). – Грозный,2006. – С.251.

[177] Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.126.

[178] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н /Д.,1990. – С.89.

[179] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.356.

[180] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.79-84.

[181] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.355.

[182] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.362-363.

[183] Журналы Особого совещания в городе Владикавказе для пересмотра действующих правил о передвижении скота. – Владикавказ,1895. – С.14.

[184] Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ,1901. – С.94.

[185] Новейшие узаконения и обязательные правила, относящиеся к Терской области. // Терский календарь на 1891 год. – Владикавказ,1890. – С.85.

[186] Терская область. // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876. – С.56.

[187] Калдани А.М. Башенная культура горцев Центрального Кавказа. Дис. …докт. ист. наук. – Тблиси,1990. – С.69-70.

[188] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М.,1846. – С.85.

[189] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. – М.,1846. – С.85.

[190] Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М.,1993. – С.208.

[191] История Чечни (XIX в.). – Грозный,2006. – С.249-250.

[192] Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М.,2003. – С.196.

[193] Калантар А.А. Молочное хозяйство на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис,1901. – С.5.

[194] Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.II. – Тифлис,1890. – С.197.

[195] Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведённым в 1912 году. – Владикавказ,1914. – С.40.

[196] Максимович. Статистические сведения о скотоводстве в Терской области. // Терские ведомости. – №41. – Владикавказ,1875. – С.3.

[197] Мадаева З.А. Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.250-251.

[198] Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведённым в 1912 году. – Владикавказ,1914. – С.62.

[199] Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М.,1993. – С.49.

[200] Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.II. – Тифлис,1890. – С.195.

[201] Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М.,2003. – С.196.

[202] Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг. Дис. …канд. ист. наук. – Воронеж,2006. – С.50.

[203] Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведённым в 1912 году. – Владикавказ,1914. – С.42.

[204] ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.65. Д.177. Л.44 об.

[205] Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М.,1993. – С.45,47-48.

[206] Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом (по данным этнографии). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Баку,1971. – С.16.

[207] Маркграф О. Чеченские селения. // Терские ведомости. – Владикавказ,1881. – 21 ноября. – С.3.

[208] Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М.,1993. – С.151.

[209] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.3. Ч.1. – Махачкала,1940. – С.15.

[210] Калантар А. Молочное хозяйство на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис,1901. – С.58.

[211] Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М.,1993. – С.87.

[212] Самойлов К. Заметки о Чечне. – М.,2002. – С.68.

[213] Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ.1908. – С.221.

[214] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.3. Ч.1. – Махачкала,1940. – С.13.

[215] Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.221.

[216] Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (социально-экономический очерк). – Нальчик,1965. – С.54.

[217] Хуранов Ш.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа в пореформенный период (На материале скотоводства). – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1983. – С.17.

[218] Бентковский И.В. Обзор Ставропольских конских скачек на императорские призы. // Сборник сведений о Северном Кавказе. T.VI. – Ставрополь,1910. – С.7.

[219] Кавказ. – СПб.,1902. – С.34.

[220] Цит. по: Дохова В.В. Экологическая культура народов Терской области в 60-х годах XIX -начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Нальчик,2001. – С.82.

[221] РГИА. Ф.1268. Оп.18. Д.150-а. Л.12.

[222] Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельному оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч.2. – СПб.,1835. – С.158.

[223] РГВИА.Ф.330. Оп.7. Д.195. Л.40.

[224] РГВИА. Ф.330. Оп.9. Д.205. Л.3.

[225] Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. – СПб.,1901. – С.4,8,17.

[226] Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964. – С.166.

[227] Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – перв. четв. XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1973. – С.2.

[228] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.68.

[229] Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964. – С.164-165.

[230] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.69.

[231] Амаева Т.Б. Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки). Дис. … канд. ист. наук. – Тбилиси,1986. – С.37.

[232] Хасиев С.– М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XVIII – перв. четв. XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1973. – С.3.

[233] Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.68.

[234] Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг. Дис. … канд. ист. наук. – Махачкала,1979. – С.34.

[235] Москвич Г. Кавказ. Географический, этнографический, исторический и экономический очерки. – Одесса,1896. – С.89.

[236] Статистика Российской империи. Т.XVII . Волости и гмины,1890 год. Издание Центрального Статистического комитета. – СПб.,1892. – С.1,3.

[237] Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии. // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала,1976. – С.195.

[238] Казаков А.И. Страницы истории города Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989. – С.18.

[239] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.44. Л.16.

[240] Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). – М.,2001. – С.91.

[241] Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. … канд. ист. наук. – Махачкала,1981. – С.61.

[242] Радде Г. Сельское хозяйство и промышленность. // Живописная Россия. Т.IX. Кавказ. – СПб.,М.,1883. – С.222.

[243] Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.149.

[244] Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.280.

[245] Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области. – Владикавказ,1914. – С.69.

[246] Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.361.

[247] Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903. – С.721.

[248] Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. … канд. ист. наук. – Махачкала,1981. – С.74.

[249] Гантемирова Г.А. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии. // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала,1976. – С.197.

[250] Булгаков М.Б. Экономические взаимосвязи народов. // Российская многонациональная цивилизация : Единство и противоречия. – М.,2003. – С.56.

[251] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб.,1871. – С.417.

[252] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный,1978. – С.145.

[253] Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль,2001. – С.17.

[254] Гельдибаев М.Х. Особенности доказывания вины и назначения наказания в мусульманском праве. // Ойла («Мысль»). 1998. – №1. – С.79.

[255] Шарафутдинова Р.Ш. Арабоязычные документы Северного Кавказа из Государственного Исторического Музея. // Россия и арабский мир. – СПб.,1994. – С.57.

[256] ГИМ ОПИ. Ф.437. Ед.хр.2. Л.41 об.

[257] О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.347.

[258] ГИМ ОПИ. Ф.307. Ед.хр.8. Л.9.

[259] Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). – М.,2001. – С.29.

[260] Кавказский учебный округ. Сборник распоряжений. – Тифлис,1890. – С.658.

[261] Важнейшие узаконения и распоряжения, относящиеся к Терской области за 1892 – 1893 гг. // Терский календарь на 1894 год. Кн.1. – Владикавказ,1893. – С.57.

[262] РГАЛИ. Ф.195. Оп.1. Д.5313. Л.7.

[263] Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.65.

[264] Ковалевский П.И. Кавказ. Т.1. Народы Кавказа. – СПб.,1914. – С.164.

[265] По Чечне и Дагестану. // Справедливость. – М.,2003. – №3-4 (125-126). – С.19.

[266] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.337.

[267] Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах,1801-1917 гг. – М.,2006. – С.8-9.

[268] Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801-1917. – М.,2006. – С.8.

[269] Марчук Н.И. Кавказ в международно-геополитической системе: XVI – XX вв. / Международное сотрудничество на пороге XXI века. – М.,1999. – С.72.

[270] Муханов В.М. Генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский (Жизненный путь, военно-административная и общественная деятельность). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.198-200.

[271] Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910. – С.501.

[272] Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д.,1931. – С.5-6.

[273] Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895. – С.19-20.

[274] Мёллер В.И. Отчёт господину Министру Государственных Имуществ о деятельности Управления Горной частью Кавказского края в 1889 году. – Тифлис,1889. – С.163.

[275] Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне – Р н/Д.,1931. – С.6.

[276] Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесе. // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн.19. – Тифлис,1897. – С.271.

[277] Обзор Минеральных богатств Терской области. // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ,1890. – С.186.

[278] Семёнов Тянь-Шанский В.П. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып.7. Предкавказская полоса. – СПб.,1910. – С.7.

[279] Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне – Р н/Д.,1931. – С.5.

[280] Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М.,2003. – С.9.

[281] Шерипов Д. Очерк о Чечне. – Грозный,1929. – С.10.

[282] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.22.

[283] Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года. // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.II. – Р н/Д.,1929. – С.31.

[284] Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М.,2003. – С.8.

[285] Обзор Минеральных богатств Терской области. // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ,1890. – С.186.

[286] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.17.

[287] Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М.,2003. – С.8.

[288] Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д.,1931. – С.5.

[289] РГФ. Ед.хр.1. Отч.65213. Л.2 об.,11 об.

[290] Авдаков И.Ю. Экспозиции Кавказа и Средней Азии на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде // Кавказ: история, культура, традиции и языки. – Сухум,2004. – С.258.

[291] Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке (Промышленные и научно-промышленные выставки). Дис. …канд. ист. наук. – Еекатеринбург,2005. – С.152.

[292] Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне – Р н/Д.,1931. – С.6.

[293] Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года. // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.II. – Р н/Д.,1929. – С.29.

[294] РГФ. Ед.хр.1. Отч.65213. Л.12 об.

[295] Обзор Минеральных богатств Терской области. // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ,1890. – С.186.

[296] Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №10. – С.96.

[297] Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула,1895. – С.26.

[298] Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года. // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.II. Р н/Д.,1929. – С.29.

[299] Чхетия Ш. Промышленность на Кавказе в конце XIX века. // Архивное управление НКВД Грузинской СССР. Исторический вестник. – Тбилиси,1945. – С.230.

[300] Шерипов Д. Очерк о Чечне. – Грозный,1929. – С.11.

[301] Притула А.Ф. Грозненская нефтяная и Терская горная промышленность перед национализацией. – М. – Л.,1925. – С.156.

[302] Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. // Кавказский вестник. . – Тифлис,1901. – №10. – С.97.

[303] Исаев С. – А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX веке). Дис. … докт. ист. наук. – М.,1998. – С.56.

[304] Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д.,1931. – С.6.

[305] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный,1978. – С.53.

[306] Мёллер В., Денисов М. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. – СПб.,1900. – С.18.

[307] РГФ. Ед.хр.1. Отч.65213. Л.12 об.

[308] Обзор Минеральных богатств Терской области. // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ,1890. – С.186.

[309] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М.,2001. – С.258.

[310] Мёллер В., Денисов М. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. – СПб.,1900. – С.21.

[311] РГФ. Ед.хр.1. Отч.65213. Л.12-12 об.

[312] Иваненков Н.С. Горные чеченцы (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.22.

[313] Статистический ежегодник. // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ,1891. – С.60.

[314] Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905. – С.20.

[315] Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №11. – С.106.

[316] Мёллер В., Денисов М. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. – СПб.,1900. – С.22.

[317] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.17.

[318] Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №11. – С.45.

[319] ЦГА РСО – А.. Ф.11. Оп.16. Д.161. Л.9 об.

[320] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.185.

[321] Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и разъяснения. – Чита,1900. – С.22.

[322] Статистический ежегодник. // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ,1891. – С.60.

[323] Петров Ф.В. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Сборник действующих по 1 августа 1911 года узаконений о поземельном устройстве казачьих станиц и проживавших в казачьих поселениях лиц невойскового сословия. – Вильна,1911. – С.127.

[324] Печерин А.И. Сотворение Большого Кавказа. // География в школе. – М.,2000. – №1.

[325] Дорожкин А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. – М.,2004. – С.105.

[326] Людмева С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.94.

[327] Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. … докт. техн. наук. – М.,1999. – С.4.

[328] Колосов Л.Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893-1917). – Грозный,1965. – С.27.

[329] Самойлов Л. Грозый – город удивительной судьбы…// Родина. – М.,2006. – №12. – С.36.

[330] Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. … докт. техн. наук. – М.,1999. – С.35-36.

[331] Там же. – С.57.

[332] Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993. – М.,1993. – С.9.

[333] Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX веке). Дис. …докт. ист. наук. – М.,1998. – С.47.

[334] Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол.XVIII – 40 г.XIX в.). // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе,1966. – С.161.

[335] Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. ... докт. техн. наук. – М.,1999. – С.65-66.

[336] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.26.

[337] РГФ. Ед.хр.1. Отч.48695. Л.3.

[338] РГФ. Ед.хр.1. Отч.48666. Л.1.

[339] РГФ. Ед.хр.1. Отч.48663. Л.1.

[340] РГФ. Ед.хр.1. Отч.48666. Л.1,5.

[341] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.316.

[342] РГФ. Ед.хр.1. Отч.18271. Л.5.

[343] РГФ. Ед.хр.1. Отч.23410. Л.1 об.

[344] РГФ. Ед.хр.1. Отч.17713. Л.1-2.

[345] РГФ. Ед.хр.1. Отч.48664. Л.2.

[346] РГФ. Ед.хр.1. Отч.23542. Л.1.

[347] РГФ. Ед.хр.1. Отч.17778. Л.1.

[348] РГФ. Ед.хр.1. Отч.17713. Л.4-11.

[349] РГФ. Ед.хр.1. Отч.18271. Л.1.

[350] Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. … докт. ист. наук. – М.,1999. – С.56.

[351] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002.– С.318.

[352] РГФ. Ед.хр.1. Отч.48629. Л.1,3.

[353] Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. … докт. ист. наук. – М.,1999. – С.102.

[354] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.317.

[355] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.384.

[356] Божедомов А.И. Земельная рента в капитале нефтедобывающей промышленности. Дис. … канд. ист наук. – Грозный,1958. – С.95,98.

[357] Керимов И.А., Даукаев А.А. История зарождения и развития ГРР и добычи нефти и газа на территории ЧР // Труды Грозненского государственного нефтяного института им. акад. М.Д. Миллионщикова. Вып.5. – Грозный,2005. – С.10.

[358] Дунюшкин И.Е. Юг России: накануне катастрофы: Борьба органов государственной власти и терского казачества с национал – клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в начале XX века: Монография. – Екатеринбург,2003. – С.21,34.

[359] Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893-1917).– Грозный,1962. – С.20,23.

[360] Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный,1962. – С.24,29.

[361] Мужев И.Ф. Развитие капитализма на Северном Кавказе в конце XIX – нач . XX вв. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып.6. – Ставрополь,1957. – С.138.

[362] Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895. – С.3.

[363] Успенский Л.Ф. Терское казачье войско и нефть. Вып.1. – Владикавказ,1929. – С.1,15.

[364] РГФ. Ед.хр.1. Отч.48693. Л.1.

[365] Авторханов А. Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа. // ЧИНИИ. Известия. Т.1. Вып.1. – Грозный,1936. – С.37.

[366] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.31.

[367] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.321.

[368] РГФ. Ед.хр.2. Отч.17709. Л.7-13.

[369] Ахмадов Я., Хасмагомадов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века. // Вестник ЛАМ. – Грозный,2003. – №4. – С.36.

[370] Сулейманов А. Топонимия Чечни. – Нальчик,1997.

[371] Колосов Л.Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893-1917). Грозный,1965. – С.62.

[372] Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного. // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Вып.5. – Грозный,1953. – С.33.

[373] Ахмадов Я., Хасмагомадов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века. // Вестник ЛАМ. – Грозный,2003. – №4. – С.38.

[374] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.38.

[375] Шигабудинов М.Ш. «Паспортные книги» как источник по проблеме отходничества среди крестьянства Северо – Восточного Кавказа. // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983. – С.82.

[376] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.400.

[377] Шигабудинов М.Ш. «Паспортные книги» как источник по проблеме отходничества среди крестьянства Северо – Восточного Кавказа. // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983. – С.84.

[378] Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ,2002. – С.376-378.

[379] История Чечни (XIX в.). – Грозный,2006. – С.263,268.

[380] Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против Царизма и монополии (1893-1917). – Грозный,1962. – С.92.

[381] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX –XX веках. – М.,2005. – С.478-479.

[382] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,,2005. – С.449,479-480.

[383] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.320.

[384] Труды первого съезда Терских нефтепромышленников в городе Грозном (С 25 июня по 9 июля 1898 года). – Грозный,1898. – С.35.

[385] РГИА. Ф.268. Оп.3. Д.480. Л.251.

[386] Карпов Ф. Нефтяное дело в Терской области. // Терский сборник. Вып.1. Отд.1. – Владикавказ,1890. – С.244.

[387] Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905. – С.1.

[388] РГФ. Ед.хр.1. Отч.48576. Л.1.

[389] РГИА. Ф.268. Оп.3. Д.480. Л.251.

[390] Там же. Л.251 об.

[391] РГФ. Ед.хр.1. Отч.48576. Л.2.

[392] Афанасьев А.И. Начало большого пути. – Грозный,1970. – С.5.

[393] Карпов Ф. Нефтяное дело в Терской области. // Терский сборник. Вып.1. Отд.1. – Владикавказ,1890. – С.244.

[394] Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный,1984. – С.44.

[395] Карпов Ф. Нефтяное дело в Терской области. // Терский сборник. Вып.1. Отд.1. – Владикавказ,1890. – С.249.

[396] Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895. – С.3.

[397] Колосов Л.Н. О степени изученности Грозненского нефтяного дела.// Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1. – Грозный,1978. – С.84.

[398] Всемирная Колумбова выставка 1893 года в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1893. – С.27.

[399] Рагозин В.И. Русская нефтяная промышленность в 1887 году. – М.,1887. – С.6,36.

[400] ГА РФ. Ф.678. Оп.1. Д.687. Л.34.

[401] Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М.,1895. – С.12,17.

[402] Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895. – С.11.

[403] РГФ. Ед. хр.1. Отч.48576. Л.2.

[404] Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895. – С.11.

[405] Там же. – С.13.

[406] Записки о состоянии Грозненского и Алхан – Юртовского нефтяного промысла, принадлежавшего товариществу нефтяных промыслов. – СПб.,1894. – С.2-3.

[407] Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1900 год. Т.1. – Владикавказ,1901.

[408] Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного. // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Вып.5. – Грозный,1953. – С.11.

[409] Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1901 год. Т.2. – Владикавказ,1902. – С.4.

[410] Джафаров К.И., Гареева Т.Б. Очерки истории нефтяных промыслов Северного Кавказа. – Уфа,1998. – С.46,66.

[411] Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке (Промышленные и научно-промышленные выставки). Дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,2005. – С.151-152,154,157.

[412] Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М.,Л.,1962. – С.100.

[413] Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М.,1895. – С.8.

[414] Там же. – С.9.

[415] Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула,1895. – С.286.

[416] Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895. – С.16.

[417] Куприянова Л.В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период. // Исторические записки. Т.73. – М.,1963. – С.296.

[418] Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности (1893-1993). – М.,1993. – С.12.

[419] Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1900 год. Т.1. Владикавказ,1901. – С.23,27.

[420] Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы, курорт Горячеводск, курорт Серноводск. – Владикавказ,1914. – С.79.

[421] Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905. – С.2.

[422] Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М.,1895. – С.8.

[423] Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895. – С.17.

[424] Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности.1893-1993. – М.,1993. – С.12.

[425] Джафаров К.И., Гареева Т.Б. Очерки истории нефтяных промыслов Северного Кавказа. – Уфа,1998. – С.157-158.

[426] Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. … докт. ист. наук. – М.,1999. – С.53,55.

[427] Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914. Документы и материалы. М.-Л.,1961. – С.203,683.

[428] Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный,1962. – С.364.

[429] Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998. – С.89-90.

[430] Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1901 год. Т.2. – Владикавказ,1902. – С.12.

[431] Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный,1962. – С.29,37.

[432] Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. … канд. ист. наук. – Махачкала,1981. – С.16.

[433] Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и «нефтяные» дебаты в III Государственной думе // Постигая историю…:сборник научных статей. – Пенза,2006. – С.135.

[434] Министерство финансов. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1896. – С.15.

[435] Рагозин В.И. Русская нефтяная промышленность в 1887 году. – М.,1887. – С.76.

[436] Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный,1962. – С.65.

[437] Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. … докт. ист. наук. – М.,1999. – С.76.

[438] Там же. – С.46.

[439] Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917).– Грозный,1962. – С.70,87.

[440] О тех, кого называют абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихов и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный,1927. – С.54.

[441] Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск. – Владикавказ,1914. – С.77.

[442] Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895. – С.8.

[443] Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993. – М.,1993. – С.154.

[444] O. G. von Wesendonk. Aus der kaukasischen welt.– Berlin,1925. – S.102.

[445] Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992. – С.56.

[446] Вовк А.С. Регулирование положения иностранного капитала в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. – Вып.8. – М.,Волгоград,2006. – С.188-189.

[447] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.52.

[448] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.32.

[449] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.74.

[450] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.100.

[451] Главнейшие узаконения и распоряжения за 1892 – 1893 гг. – СПб.,1894. – С.49.

[452] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX. – нач. XX.в.). – СПб.,1998. – С.32.

[453] Особые журналы Совета Министров царской России. 1909 – 1917 гг. – М.,2001. – С.439.

[454] РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.48. Л.136-141.

[455] Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX -начале XX веков. Дис. …канд. юр. наук. – Волгоград,2002. – С.86.

[456] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.101,108.

[457] Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М., Л.,1962. – С.104.

[458] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.103.

[459] Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М., Л.,1962. – С.104.

[460] Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895. – С.26,42.

[461] Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М., Л.,1962. – С.104,112.

[462] Юшкин Е. Обзор Грозненской нефтяной промышленности за 1900 год. Промысловое дело. – Владикавказ,1901. – С.3.

[463] Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914. Документы и материалы. М. Л.,1961. – С.684-685.

[464] Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX – начале XX веков. Дис. …канд. юр. наук. – Волгоград,2002. – С.114.

[465] Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного. // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Вып.5. – Грозный,1953. – С.19.

[466] Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993. – М.,1993.

[467] Бесленеев М.С. Роль иностранного капитала в экономике пореформенной России // Исторические этюды. Сборник статей. Вып.3. – Карачаевск,2005. – С.90,92,96.

[468] Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2006. – С.35-36.

[469] Люднева С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.77,82.

[470] Матвейчук А. Магистр технологии // Нефть России. – М.,2005. – №12. – С.120.

[471] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.94.

[472] Чшиева М.Ч. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2005. – С.102,105.

[473] Колосов Л.Н. Возникновение Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). Автореф. …. канд ист. наук. – М.,1953. – С.8-11.

[474] Чшиева М.Ч. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2005. – С.100.

[475] Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895. – С.7.

[476] Горепекин Ф.И. По горам Терской области. Краткий путеводитель. – Владикавказ,1910. – С.11.

[477] Божедомов А.И. Откупное нефтяное хозяйство Чечено-Ингушетии в пореформенный период и его место в мировой капиталистической нефтяной промышленности. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.11. – Грозный,1977. – С.16-17.

[478] РГИА. Ф.1268. Оп.16. Д.125. Л.7-8.

[479] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.312.

[480] Колосов Л.Н. Возникновение Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). Автореф. ... канд. ист. наук. – М.,1953. – С.7.

[481] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.36.

[482] Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.,2000. – С.238.

[483] Хелен Краг, Ларс Функ Хансен. Северный Кавказ: народы на перепутье. – СПб.,1996. – С.78.

[484] Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.88.

[485] Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX – XX вв.). Дис. …докт. юрид. наук. – М.,2003. – С.85.

[486] Людневa С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.94.

[487] Чшиева М.Ч. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2005. – С.64-65,68.

[488] Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). – М.,2007. – С.206-207.

[489] Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – начале XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000 –2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб.,2002. – С.78.

[490] Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.3. Кавказ и Урал. – М.,1879. – С.37.

[491] Цит. по: Хатагова Е.Р. Экологическая направленность народной педагогики Северного Кавказа и ее использование в воспитании младших школьников: (На примере Республики Северная Осетия – Алания). Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,2004. – С.34.

[492] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.413.

[493] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н /Д.,1990. – С.75.

[494] Пономарёв Н.В. Обзор кустарных промыслов России. – Пг.,1902. – С.5.

[495] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.44.

[496] Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – начале XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения.2000 – 2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб.,2002. – С.80.

[497] Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период. Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2006. – С.16-17.

[498] История Чечни (XIX в.). – Грозный,2006. – С.255.

[499] Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М.,1987. – С.65,71.

[500] Труды I съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. – Тифлис,1902. – С.8.

[501] Исторический очерк о Терской области. – Б.м. Б.г. – С,26-27.

[502] Калоев Б.А. Чеченцы. // Народы мира. Народы Кавказа. Т.1. – М.,1960. – С.352.

[503] Маргошвили Л.Ю. Мужская одежда вайнахов (в конце XIX – начале XX века). // Кавказский этнографический сборник. T.VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси,1986. – С.29.

[504] Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М.,1987. – С.53,72-73.

[505] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.24.

[506] Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула,1895. – С.268.

[507] Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб.,2004. – С.191,194,197.

[508] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.368.

[509] Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.23,78.

[510] Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в Эпоху империализма (Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции). // Чечено-Ингушский НИИ. Известия. Т.4. – Грозный,1964. – С.48.

[511] Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.27.

[512] Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.250.

[513] Там же. – С.127.

[514] Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.148.

[515] Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке. – М.,1949. – С.115.

[516] Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (кон.XIX – нач.XX вв.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1992. – С.7.

[517] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный,1978. – С.57.

[518] Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – начале XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000 –2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб.,2002. – С.79.

[519] Акиева Х.М. Орнаментация войлочных ковров чеченцев и ингушей // «Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории

и современного развития», региональная научно-практ. Конференция. – Махачкала,1986. – С.40.

[520] Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии. – Нальчик,1962. – С.17,26.

[521] Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.103.

[522] Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма (Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции). // Чечено-Ингушский НИИ. Известия. Т.4. – Грозный,1964. – С.48.

[523] А РЭМ. Ф.2. Оп.2. Д.339. Л.14.

[524] Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки. – СПб.,1900. – С.43.

[525] Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.27.

[526] Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.33.

[527] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н /Д. – С.70.

[528] Чхетия Ш. Промышленность на Кавказе в конце XIX века. // Архивное управление НКВД Грузинской СССР. Исторический вестник. – Тбилиси,1945. – С.228.

[529] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.366.

[530] Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. – СПб.,1913. – С.45.

[531] Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.38.

[532] Там же. – С.13.

[533] Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.85-86.

[534] Закс А.Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936 –37 гг. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. XV. Сборник статей по истории СССР XIX в. – М.,1941. – С.164-65.

[535] Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – М.,1961. – №1. – С.51-52.

[536] Калоев Б.А. Чеченцы. // Народы мира. Народы Кавказа. – Т.1. – М.,1960. – С.362.

[537] Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.89.

[538] Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (кон.XIX. – нач. XX вв.). Автореф. дис. . канд. ист. наук. – М.,1992. – С.1.

[539] Пржецлавский П. Несколько слов о военном и гражданском устройстве Чечни и Дагестана, во время правления имама Шамиля // Кавказ. – Тифлис,1863. – №64. – С.404.

[540] Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (кон.XIX – нач. XX вв.). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – М.,1992. – С.8.

[541] Пеешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: невыученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль,2006. – С.164-165.

[542] А РЭМ. Ф.5. Оп.1. Д.1. Л.22.

[543] Калоев Б.А. Чеченцы. // Народы мира. Народы Кавказа. – Т.1. – М.,1960. – С.362.

[544] Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.29.

[545] Казначеева Т.П. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа. // Ставропольский Педагогический институт. Учёные записки. Некоторые вопросы кавказоведения. – Ставрополь,1971. – С.202.

[546] А РЭМ. Ф.2. Оп.2. Д.339. Л.18-19.

[547] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.368.

[548] Хасиев С.А. Об особенностях развития кустарных промыслов в Чечне в свете вайнахо-дагестанской хозяйственной интеграции в дореволюционном прошлом // «Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития», региональная научно – практическая конференция. – Махачкала,1986. – С.30.

[549] Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М.,1987. – С.68.

[550] Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.90.

[551] Дробышева Н.В. Социокультурный статус декоративно-прикладного искусства в культуре народов Северного Кавказа. Дис. …канд. филос. наук. – Р н/Д.,2004. – С.135.

[552] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.25.

[553] Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М.,1987. – С.69-70.

[554] Там же. – С.69-71.

[555] Пешхоев С.-С. Оружие вайнахов (чеченцев и ингушей). – М.,2002. – С.6.

[556] Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов. // Известия Кавказского Историко-археологического института. Т.VI. – Тифлис,1927. – С.61.

[557] Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т.1. – Грозный,1965. – С.10.

[558] Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис,1876. – С.57.

[559] Казначеева Т.П. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа. // Ставропольский Педагоги-

ческий институт. Учёные записки. Некоторые вопросы кавказоведения. – Ставрополь,1971. – С.191-193.

[560] Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII –XIX вв. (Историко– этнографическое исследование). Дис. …канд. ист. наук. – Грозный,2004. – С.165.

[561] Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область. – СПб.,1902. – С.46.

[562] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С .23.

[563] Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре. // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.,2001. – С.10.

[564] Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. – М.,2005. – С.127.

[565] Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т.1. – Грозный,1965. – С.61.

[566] История Чечни (XIX в.). – Грозный,2006. – С.21.

[567] Пешхоев С. – С.С. Оружие вайнахов (чеченцев и ингушей). – М.,2002. – С.13,15.

[568] Наков Ф.Р. Черкесское (адыгское) клинковое оружие. : Дис. …канд. ист. наук. – Нальчик,2004. – С.38-39,96.

[569] Асхабов И. А.-Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.127-128.

[570] ГИМ ОПИ. Ф.307. Ед.хр.8. Л.71.

[571] Чебриков С. Чеченское оружие. // Справедливость. – М.,2002. – №16-17 (117-118). – С.24.

[572] Дюма А. Путевые впечатления. В России. В 3 т. Т.3. – М.,1993. – С.321.

[573] Екельн Л. Джекнат и Бока. Чеченская повесть // Отечественные Записки. – 1843. – Т.31. – №11. – С.5.

[574] Фролов Б.Е. К вопросу о разработке образца шашки и кинжала для кавказских казачьих войск. // Древности Кубани и Черноморья. Кн.1. – Краснодар,1993. – С.146.

[575] Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области. // Терский сборник. Вып.4. – Владикавказ,1897. – С.11.

[576] Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.30.

[577] Наков Ф.Р. Черкесское (адыгское) клинковое оружие. : Дис. …канд. ист. наук. – Нальчик,2004. – С.147-149,161.

[578] Закс А.Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936-37 гг. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. XV. Сборник статей по истории СССР. XIX в. – М.,1941. – С.167.

[579] Хасиев С.А. Об особенностях развития кустарных промыслов в свете вайнахо-дагестанской хозяйственной интеграции в дореволюционном прошлом // «Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития», регион. научно-практ. Конференция. – Махачкала,1986. – С.30.

[580] Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки. – СПб.,1900. – С.102.

[581] Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке (Промышленные и научно-промышленные выставки). Дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,2005. – С.124,298.

[582] Народы Кавказа. Каталог – указатель этнографических коллекций. – Л.,1981. – С.24-25.

[583] Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.5.

[584] Кривенко В.С. Очерки Кавказа. Поездки на Кавказ осенью 1888 года. – СПб.,1893. – С.15.

[585] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.39.

[586] Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – нач. XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000-2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб.,2002. – С.79.

[587] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.24.

[588] История Чечни (XIX в.). – Грозный,2006. – С.316.

[589] Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – нач. XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000 –2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб.,2002. – С.78.

[590] Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М.,1987. – С.57.

[591] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.24-25.

[592] Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.28.

[593] Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесе. // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн.19. – Тифлис.,1897. – С.316.

[594] Казначеева Т.П. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа. // Ставропольский Педагогический институт. Учёные записки. Некоторые вопросы кавказоведения. – Ставрополь,1971. – С.204.

[595] Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.28.

[596] Дробышева Н.В. Социокультурный статус декоративно-прикладного искусства в культуре народов Северного Кавказа. Дис. …канд. филос. наук. – Р н/Д.,2004. – С.101-103.

[597] Айдемиров Н.Г. Эстетическая культура народов Северного Кавказа. // Ставропольский госуниверситет. – Ставрополь,1999. – С.8.

[598] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.519.

[599] Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М.,1987. – С.66.

[600] Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – нач. XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000-2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб.,2002. – С.79.

[601] Ситовский Н.Г. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875. – С.288.

[602] Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М.,2003. – С.183.

[603] Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.27.

[604] Маркграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.250.

[605] История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный,2006. – С.608.

[606] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.25.

[607] Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – нач. XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000-2001 гг. Краткое содержание докладов. СПб.,2002. – С.79.

[608] Мальбахов Б.Х. Декоративно-прикладное искусство адыгов. : Дис. …докт. искусствоведения. – Нальчик,2004. – С.121.

[609] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М.,2001. – С.200-201.

[610] Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.29.

[611] Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.250.

[612] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.24.

[613] Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.277.

[614] Иваненков Н.С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.144.

[615] История Чечни (XIX в.). – Грозный,2006. – С.316-317.

[616] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.368.

[617] Указатель фабрик и заводов окраин. – СПб.,1895. – С.164.

[618] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.92.

[619] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.25.

[620] Пустарнакова И.А. Развитие производительных сил на Северо – Западном Кавказе в условиях рыночной модернизации страны. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Пятигорск,2001. – С.18.

[621] Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – нач. XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000 –2001 гг. Краткое содержание докладов. СПб.,2002. – С.80.

[622] История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный,2006. – С.605.

[623] Ситовский Н. П. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875. – С.175.

[624] ГПМ. Ф.100.1, инв.№16474/41. Л.1.

[625] ГПМ. Ф.100.1, инв.№16474/42. Л.1.

[626] ЦИАМ. Ф.227. Оп.2. Д.31. Л.49.

[627] Ситовский Н.П. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875. – С.176.

[628] Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности. Т.2. Вып.1. – Тифлис,1890.

[629] Терская область на Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 года. // Терские ведомости. – Владикавказ,1889. – №98. – С.1.

[630] Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности. Т.2. Вып.1. – Тифлис,1890. – С.101.

[631] Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры терских казаков. – Нальчик,1994. – С.33.

[632] Первая Терская сельскохозяйственная выставка в городе Владикавказе. // Терские ведомости. – Владикавказ,1898. – №113. – С.1.

[633] Ситовский Н.П. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875. – С.176.

[634] Ситовский Н. Московская Политехническая выставка 1872 года. – Тифлис,1873. – С.15.

[635] Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки. – СПб.,1900. – С.27-28.

[636] Ситовский Н.П. Московская Политехническая выставка. – Б.м., Б.г. – С.17.

[637] Кавказские произведения на Парижской выставке 1890 года. // Кавказ. – Тифлис,1890. – №302. – С.2.

[638] Кемпинский Э.В. Экономическое развитие Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX – начале XX вв. // Сборник Русского исторического общества. – М.,2003. – №6. – С.330.

[639] Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога – несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник. Т.1(33). – М.,2004. – С.125.

[640] Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис,1888. – С.249.

[641] Там же. – С.254.

[642] Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.33.

[643] Терская область. // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876. – С.58.

[644] Россиков К.Н. Поездка в Чечню и Нагорный Дагестан. // Записки Кавказского одела Русского Географического общества. Т.13. №1. – Тифлис,1884. – С.7.

[645] Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.82.

[646] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.382.

[647] Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ,1901. – С.25.

[648] Обзор производительных сил Кавказского Наместничества за 1879 год. – Тифлис,1880. – С.448.

[649] Исаев С.-А.А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX века. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. – Грозный,1979. – С.106.

[650] Материалы по истории Осетии. Т.III. – Дзаужикау,1950. – С.304.

[651] Абрамов А. Кавказские горцы (Из летних экскурсий). // Дело. – СПб.,1884. – #1/ – С.37.

[652] Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903. – С.731.

[653] Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополья и Кубани. Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.105,107,122.

[654] Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второф половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополья и Кубани. Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.106.

[655] Калоев Б.А. Чеченцы. // Народы мира. Народы Кавказа. Т.1. – М.,1960. – С.357.

[656] Амангулова Р.С. Соцмально – экономическое развитие и политическое положение ногайцев Дагестана в XIX -начале XX века. : Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2005. – С.81.

[657] Шапошников Г. Почта, телеграф, телефон. // Россия в конце XIX века. – СПб.,1900. – С.744.

[658] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо-кавказское исследование). – М.,2005. – С.95.

[659] Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет…» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов). // Кавказский сборник. Т.1 (33). – М.,2004. – С.111,117.

[660] О проекте Г. .Любанского // Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь,1858. – №18. – С.131-132.

[661] Яковлев С.Ю. Создание и развитие железнодорожного транспорта на Северном Кавказе (кон. XIX – нач. XX в.). Дис. … канд. ист. наук. – Армавир,1999. – С.5.

[662] О сети Кавказских железных дорог. – Тифлис,1869. – С.23.

[663] Журавлёв В.В. Общество Владикавказской железной дороги и развитие нефтепромыслов на Северном Кавказе. // Очерки социально-экономической и политической истории СССР. – М.,1964. – С.226.

[664] РГИА. Ф.219. Оп.1. Д.7039. Л.11.

[665] Казначееев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.77-79.

[666] Сборник сведений о железных дорогах в России. 1870-1872. Отд.II. Разные сведения о железных дорогах. – СПб.,1875. – С.99.

[667] Константинов О.А. Северный Кавказ (Северо-Кавказский край и Дагестан). – М., Л.1930. – С.8.

[668] Казбеков Г.В. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии (1860-1940). – Орджоникидзе,1963. – С.8.

[669] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. – М.,1952. – С.65.

[670] Всеподданейший отчёт наместника Кавказского по Гражданскому Управлению Кавказским и Закавказским краем. 1863-1871. – СПб.,1872. – С.33.

[671] Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона : вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. …канд. ист. наук. – Р н /Д.,2004. – С.121.

[672] Страхов В.В. Внутренние государственные займы Российской империи // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. – Вып.8. – М.,Волгоград,2006. – С.122.

[673] Терещенко А.Г. Немцы в борьбе России за Кавказ. – М.,2006. – С.266.

[674] Есаулов Г.В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: Его формирование и культурный потенциал. Т.1. Дис. …докт. арх. наук. – М.,2004. – С.326.

[675] Харин Ю.Г. Влияние Владикавказской железной дороги на развитие экономики Северо-Кавказского региона в конце XIX – нач. XX вв. // История Северного Кавказа с древнейших времён по настоящее время. Пятигорск,2000. – С.253.

[676] Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль,2006. – С.164.

[677] Тестов В.Н. Политика российского правительства в области железнодорожного транспорта в 80-90-е годы XIX века. Дис. …канд. ист. наук. – Воронеж,2004. – С.131-135.

[678] Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (допролетарский период). – Р н/Д.,1990. – С.18,31.

[679] Цит. по: Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. …канд. ист. наук. – Р н /Д.,2004. – С.124.

[680] Журавлёв В.В. Железные дороги Северного Кавказа в период капитализма. Автореф. дис. … канд. ист наук. – М.,1964. – С.7.

[681] Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,2004. – С.169,172.

[682] История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный,2006. – С.623.

[683] Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владикавказской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (кон.XIX – нач .XX в.). Дис…канд. ист. наук. – Махачкала,1998. – С.31.

[684] Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989. – С.12.

[685] Айларов В.Д. Революционное и социально-демократическое движение в Северной Осетии в период империализма (90-е годы XIX в. – окт.1917 г.) Автор... канд. ист. наук. – Нальчик,1977. – С.6.

[686] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д.,1990. – С.128.

[687] Кокурхаев К.-С., А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (втор. пол. XIX-нач. XX в.). – Грозный,1989. – С.20.

[688] Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.18.

[689] Казначееев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.90.

[690] Ваксман А.А. Записки краеведа. Грозный,1984. – С.23.

[691] Афанасьев А.И. Начало большого пути. – Грозный,1970. – С.10.

[692] Чеченцы: история и современность. – М.,1996. – С.211.

[693] Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: К проблеме развития капитализма вширь. – М..1981. – С.54.

[694] ОР РГБ Ф.363. К.5. Д.5. Л.30.

[695] Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владикавказской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (кон. XIX – нач. XX в.). – Махачкала,1998. С.39.

[696] Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона : вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. …канд. ист наук. – Р н /Д.,2004. – С.54.

[697] ПСЗ РИ. Собр.2-е. Т.50. Отд.2. (1875). – СПб.,1877. – С.307.

[698] Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и разъяснения. – Чита,1900. – С.33,64.

[699] Там же. – С.20.

[700] Алексанов И. Северный Кавказ. Экономические очерки из жизни края. // Вестник Европы. Т.6. Кн.11. – СПб.,1899. – С.116.

[701] Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владикавказской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (кон. XIX – нач. XX в.). Дис. . ..канд. ист. наук. – Махачкала,1998. – С.39.

[702] Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии. // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала,1976. – С.197.

[703] Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX веке (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик,1962. – С.142.

[704] Герсеванов М.Н. Кавказские железные дороги. – М.,1874. – С.10.

[705] Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ,1901. – С.100.

[706] Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области. // Терский сборник. Вып.4. – Владикавказ,1897. – С.9.

[707] Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.I. – Владикавказ,1878.

[708] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 год. – Владикавказ,1886.

[709] Щербина Ф.А. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. Хлебная производительность и торговля. – СПб.,1892. – С.2.

[710] Денискин В.И. Зерновое хозяйство Терских казаков во второй половине XIX века. // ЧИНИИ ИЯЛ. Т.9. Ч.3. Вып.1. Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1974. – С.80.

[711] Яковлев С.Ю Создание и развитие железнодорожного транспорта на Северном Кавказе (кон.XIX-нач. XX в.). Дис. … канд. ист. наук. – Армавир,1999. – С.50.

[712] Харин Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX – начало XX вв.). Пятигорск,2003. – С.38.

[713] Журавлёв В.В. Общество Владикавказской железной дороги и развитие нефтепромыслов на Северном Кавказе. // Очерки социально-экономической и политической истории СССР. – М.,1964. – С.230.

[714] Шабаньянц Н.Ш. Грозный. М.,1964. – С.14 -15.

[715] Куприянова Л.В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период. // Исторические записки. Т.73. – М.,1963. – С.296.

[716] Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: К проблеме развития капитализма вширь. – М.,1981. – С.102.

[717] Журавлёв В.В. Железные дороги Северного Кавказа в период капитализма. Автореф. дис. .....канд. ист. наук. – М.,1964. – С.5.

[718] Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,2004. – С.167.

[719] Пушкаренко А.А. Природоохранная деятельность в Области Войска Донского во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – С.12.

[720] Дохова В.В. Экологическая культура как модификационный процесс традиционных национальных культур // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004. – С.43.

[721] Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. … канд. ист. наук. – Махачкала,1981. – С.76.

[722] Город Моздок: Исторический очерк. – Владикавказ,1995. – С.84.

[723] Чеченцы: история и современность. – М.,1996. – С.202.

[724] Кривенко В.С. Поездка на юг России в 1888 году. // Исторический вестник. Кн.1. – СПб.,1891. – С.150.

[725] Краснов А.Н. Отчёт физико-математическому факультету о совершаемых студентами Харьковского университета научно-педагогических, географических экскурсий по Военно-Осетинской дороге. // Записки императорского Харьковского университета. Кн.3. – Харьков,1896. – С.1-3.

[726] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.425.

[727] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903. – С.730.

[728] Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон. XIX – нач. XX в.). – М.,1994. – С.98.

[729] Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа. // СОНИИ. Известия. Т.25. Орджоникидзе,1966. – С.97.

[730] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. – М.,1952. – С.119.

[731] Елютин О.Н. Вопросы железнодорожного строительства в общественном мнении России. 1830-е – 1880-е гг. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2000. – С.167.

[732] Харин Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX – начало XX вв.). Пятигорск,2003. – С.39,90.

[733] Кемпинский Э.В. Экономическое развитие Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX – начале XX вв. // Сборник Русского исторического общества. – М.,2003. – №6. – С.324.

[734] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо-кавказское исследование). – М.,2005. – С.93,95.

[735] Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона : вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,2004. – С.89,98.

[736] Недорубов А.Н. Железные дороги юга России в начале XX века. Государство и частный капитал. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.160-164,173.

[737] Сидоренко В.Т. Выбранные места из истории Северо-Кавказской железной дороги. – Р н/ Д.,2002. – С.148,150.

[738] Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – нач.XX в.: к проблеме аграрного капитализма. – Р н/Д.,1989. – С.179.

[739] Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Народы региона и модернизационные процессы пореформенного периода // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.104.

[740] Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. – М.,2006. – С.78.

[741] Гелаева З.А. Социально-экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII – XIX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.125.

[742] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.251.

[743] Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный,1962. – С.54.

[744] Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол.XVIII – 40 г.XIX в.). // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе,1966. – С.160.

[745] РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.25. Л.3.

[746] Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол.XVIII – 40 г. XIX в.). // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе,1966. – С.166.

[747] Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо – Восточного Кавказа в первой половине XIX века. Дис. …канд. ист. наук. – СПб.,2003. – 142,151.

[748] Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. …канд. юрид. наук. – Махачкала,2006. – С.58.

[749] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.53.

[750] Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Автореф. дис. …докт. ист. наук. – Армавир,2006. – С.257.

[751] Огранович И. Поездка в Ичкерию // Кавказ. – Тифлис,1866. – №23. – С.101.

[752] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.112.

[753] Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. – СПб.,1859. – Т.7. – №6. – С.543.

[754] Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. …канд. юрид наук. – Махачкала,2006. – С.160,167.

[755] Кузьминов П.А. Отечественная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1988.

[756] Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный,1960. – С.3.

[757] Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М.,1960. – С.63.

[758] Ратушняк В.Н. Формирование аграрно-капиталистического рынка Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // Аграрный рынок в его историческом развитии. Тезисы докладов и сообщений. – М.,1991. – С.94-95.

[759] Ортабаев Б.Х. Развитие торговли в Терской области в кон. XIX – нач. XX вв.(1890-1917). // Проблемы социально-экономической истории и революционное движение на Дону и Северном Кавказе. (XIX– нач.XX вв.). – Р н/Д.,1992. – С.102-103.

[760] Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политических программ. – СПб.,1908. – С.105.

[761] К вопросу о переселенческом движении туземцев Терской области. // Донская речь. – Р н/Д.,1902. – №10. – С.1.

[762] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.429.

[763] ГАСК. Ф.459. Оп.1. Д.1448. Л.1.

[764] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.433.

[765] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.482-483.

[766] РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1115. Л.28.

[767] Властов. Война в Большой Чечне. //Русский инвалид. – 1856. – №160. – С.715.

[768] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.10.

[769] Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992. – С.89.

[770] Статистический ежегодник. // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ,1891. – С.64.

[771] Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.81.

[772] Грозненские известия // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №18. – С.1.

[773] Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.91.

[774] Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол.XVIII – 40 г. XIX в.). // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе,1966. – С.162.

[775] Ткачёв Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1911. – С.69-70.

[776] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII -XIX в. – Тбилиси,1988. – С.377.

[777] Ахведиани Б. Торговля в Чечне в прошлом и настоящем. // Северокавказский край. – Р н/Д.,1925. – №1. – С.166.

[778] Зинченко Г.Г. Современная советская историография развития промышленности в период капитализма. – Р н/Д.,1980. – С.23.

[779] Министерство финансов. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1896. – С.40,52.

[780] Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии. // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала,1976. – С.201.

[781] Из города Грозного // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №28. – С.2.

[782] РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1115. Л.26 об.

[783] Город Грозный. Популярные очерки истории. – Грозный,1984. – С.43.

[784] Колосов Л.Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893-1917). – Грозный,1965. – С.17.

[785] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905 –1917). Дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.40.

[786] Мамакаев М.А. Правовой институт тайпизма и процесс его разложения. – Грозный,1936. – С.14.

[787] Мамакаев М.А. Чеченский тайп и процесс его разложения. – Грозный,1962. – С.36.

[788] Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (Социально-экономический очерк). – Нальчик,1965. – С.45.

[789] Общие правила ветеринарного надзора и порядка передвижения скота // Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь,1890. – Приложение к №28. – С.25-26.

[790] Журналы Особого совещания в г. Владикавказе для пересмотра действующих правил о передвижении скота. – Владикавказ,1895. – С.39.

[791] Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани. Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.100-103.

[792] Огранович И. Поездка в Ичкерию // Кавказ. – Тифлис,1866. – №22. – С.97.

[793] Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Кавказа в общественном быту (XIX – нач. XX в.). // Кавказский этнографический сборник. Т.IX . Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М.,1989. – С.166-67.

[794] Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный,1960. – С.17.

[795] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.383.

[796] Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула,1895. – С.10.

[797] Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.78.

[798] Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон.XIX – нач. XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д.,1989. – С.179.

[799] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. С.18.

[800] Ахведиани Б. Торговля в Чечне в прошлом и настоящем. // Северокавказский край. – №1. – Р н /Д.,1925. – С.169.

[801] Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол.XVIII – 40 г.XIX в.). // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе,1966. – С.162.

[802] Калоев Б.А. Чеченцы. // Народы мира. Народы Кавказа. Т.1. – М.,1960. – С.360.

[803] Всемирная Колумбова выставка 1893 года в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1893. – С.196.

[804] Крикунов В.П. Социально-экономическое развитие и революционное движение на Дону и Северном Кавказе в 60–х годов – перв. пол. 90-х годов XIX века. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1973. – С.16.

[805] Булгаков М.Б. Экономические взаимосвязи народов. // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003. – С.148.

[806] Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989. – С.8.

[807] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.433-434.

[808] Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989. – С.10.

[809] Hahn C. Neue kaukasisch Reisen und Studien. – Leipzig, 1911. – S.76.

[810] Терская область. // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876. – С.58.

[811] Город Грозный. Популярные очерки истории. – Грозный,1984. – С.43.

[812] История Ингушетии: Материалы. – Орджоникидзе,1933. – С.93.

[813] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.27.

[814] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.13.

[815] Тройно Ф.П. Аренда земли под промышленные и торговые заведения у горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начала XX вв. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – нач. XX в. (проблемы социально-экономического развития). – Ставрополь,1980. – С.60.

[816] Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный,1972. – С.229.

ГЛАВА VI.
ДУХОВНАЯ СФЕРА
И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

1. Научные и творческие изыскания в послевоенный период

Исторически государства часто составлялись в ущерб интересам народов: в большинстве случаев принцип индивидуальности рассматривался как нечто безразличное для государства. Опыт истории показывает, что самостоятельное культурное развитие народа, вошедшего в состав чужого государства, приостанавливается. А ведь само латинское слово «cultura», означает «возделывание», «воспитание», «образование» и «развитие»[1]. Вместе с тем длительные, устойчивые политические отношения России с народами Кавказа приобрели для обеих сторон глубокое культурно – цивилизационное значение, не зависящее от тех или иных поворотов политической коньюктуры[2]. Однако, в ходе взаимопроникновения культур, представители русского и чеченского этносов нередко сталкивались с различными формами национализма и государственного шовинизма, что заставляло народы придерживаться консервативных тенденций и искать защиты своих интересов в древних традициях, отталкивая все новое, привнесенное извне.

Национализм – социальный механизм, процесс и результат осознания национальной культурой себя в целом, доминантная форма национального самосознания. Его можно также определить как субкультуру, выполняющую по отношению к национальной культуре важную функцию самоописания, самопрезентации, самоотношения. Роль, которую национализм играет в культуре, предопределяет его особую пространственно-структурную компоновку: он одновременно находится внутри и вне культуры. Национализм делится на конструктивный (патриотизм) и негативный (шовинизм). Негативный национализм редуцирует культуру к собственному представлению о ней, к тому, что он называет национальным характером. То, что остается после этого от материнской культуры, выдается за образец культурной жизни, по которому он готов кроить и другие культуры.

Национализм пластичен, изменчив, трансформируем. Ему свойственно стремление выдавать себя за национальную культуру и дейс-

твовать вне и вместо нее. Но он также способен к конструктивному взаимодействию с другими формами общественного сознания, с другими субкультурами в пределах культуры, к творческому созиданию новых форм национальной жизни, к развитию культуры народа исходя из его глубоких духовных традиций. Чем предопределяется то или иное состояние национального самосознания? Немаловажную роль играет экономика и политика. Проблемная экономика легко трансформирует национализм в шовинизм. Причину, определяющую характер национализма, следует искать в социальной сфере, которая целенаправленно и последовательно формирует способ культурологического мышления у большинства представителей этноса. Образование транслирует культуру. Будучи ее частью, оно стремится к тому, чтобы понять и воспроизвести ее в целом[3].

Организация поликультурного образования основывается на идее культурного диалога, равноправного партнерства в пределах образовательного пространства культурных ценностей различных этносов. Такой подход методологически восходит к культурологическим идеям ведущих философов XIX – XX веков, в частности к идеям Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и др. Одним из основоположников идеи многослойности, гетерогенности мировой культуры традиционно называют русского философа Н.Я. Данилевского. Каждая историческая национальность, по мнению философа, имеет свою собственную задачу, которую должна решать, свою идею, свою отдельную сторону жизни. В многообразии культурно-исторических типов Данилевский видел одно из важнейших условий прогрессивного развития человечества. Существование множества цивилизаций является, с его точки зрения, выражением бесконечно богатого творческого гения человечества. Философ подчеркивал преимущество специфического, особенного по сравнению с общим, доказывал идею приоритета в истории национального над общечеловеческим[4].

Кавказ – это один из живительных родников русской культуры. Немыслима в полном объеме русская культура, какой мы ее знаем, которой восхищается весь мир, если бы Россия и Кавказ не были бы слиты в своем единстве. Дух Кавказа, его интонации навечно вплетены в русскую поэзию, литературу, музыку. Вслед за декабристами на Кавказ пришли А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и др. До появления поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник» Кавказ был для русской литературы «далекой страной», ибо кавказская действительность еще не получила в

ней реалистического осмысления. В поэме «Кавказский пленник» Пушкин впервые в русской литературе показал социально-нравственные процессы, происходившие в чеченском обществе. А.С. Пушкин первым отобразил отношения доверия и уважения, начавшие возникать между Кавказом и Россией. Им найдена глубинная суть нравственного мужества горцев, непривычного для русского восприятия того времени[5].

Через русский язык и деяния во благо общего российского государства мир открыл для себя имена великих писателей, композиторов, ученых, полководцев, государственных деятелей, рожденных на земле Кавказа[6]. Самым первым профессиональным композитором и собирателем чеченского фольклора был Муслим Магомаев. Он родился в 1885 г. в семье кузнеца-оружейника, уроженца с. Старые Атаги. В доме Магомаевых царила творческая атмосфера: ставились домашние спектакли, звучала музыка, любили танцы, художественную литературу. Старший брат Муслима прекрасно играл на гармони и флейте, увлекался фотографией и живописью, руководил ученическим оркестром в своей школе, позднее преподавал европейские и восточные танцы. В Грозненской горской школе Муслим Магомаев овладел игрой на скрипке, участвовал в ученических концертах. В 1900 году Муслим поступил учиться в Закавказскую учительскую семинарию в г. Гори. М. Магомаев – автор таких сочинений, как оперы «Шах Исмаил», «Нэргиз»; около 15 симфонических произведений разного жанра, незаконченного балета «Дели Мухтар» и ряда других сочинений, которые пока не найдены. М. Магомаев на основе записанных им чеченских народных мелодий создает ряд композиций: «Маленькая фантазия», «Попурри из туземных мотивов», «Чеченская пляска», «Песни и танцы Чечни»[7].

Северо-Кавказская интеллигенция возникла на скрещении автохтонного и российского обществ; её идейный облик формировался на «перекрёстке» двух культурных потоков: традиционного наследия систем ценностей и идеалов – и идейных воздействий, идущих из России и стран европейского круга[8]. Интеллигент – это представитель профессии, связанной с умственным трудом, и человек, обладающий умственной порядочностью. Основной принцип интеллигентности – интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли[9].

Необходимость «догонять» более развитые общества Европы, преодолеть отсталость ставили перед горскими народами непреложный императив обновления производства, социальных отношений, мировоз-

зрения широких народных масс. И в то же время нужно было сохранить социальную и культурную преемственность, обрести культурно-историческую самостоятельность. Впитав русскую и европейскую культуры, северокавказская интеллигенция основательно усвоила их, исходя из собственного положения и своих задач. Глубоко национальный облик этой интеллигенции определил то, что она раньше других социальных сил и в наибольшей мере осознала те требования, которые предъявило к горским обществам, еще недавно «стоявшим в стороне от истории», вхождение в «большой мир».

Башир Керимович Далгат был выдающимся просветителем, видным ученым в области этнографии, этнологии, антропологии, фольклора народов Кавказа, известным правоведом и общественным деятелем. Б. Далгат закончил Ставропольскую классическую гимназию в 1889 г., после чего поступил сначала на физико-математический факультет С. – Петербургского университета, где учился весьма успешно, но затем по гуманитарным соображениям перешел на юридический факультет. Он не только досконально изучает всю имеющуюся кавказоведческую литературу о вайнахах (чеченцах и ингушах), но, не довольствуясь этим, в 1891-1892 гг. предпринимает продолжительную экспедицию в горную Чечню и Ингушетию. Все свои наблюдения и знания о вайнахах Б. Далгат доводил до высокой научной аудитории, делая доклады и читая рефераты. 28 февраля 1894 года им был прочитан реферат на заседании Русского антропологического общества при университете в столице империи на тему: «Происхождение, организация и разложение агнатического рода у чеченцев и ингушей». Этот реферат получил высокую оценку русских маститых ученых. В своем труде о первобытной религии чеченцев, который был представлен студентом-выпускником в Испытательную комиссию на юридическом факультете Петербургского университета в 1895 г. Б. Далгат получил самый высокий бал. За этот труд Далгату присудили диплом высшей категории и ученую степень кандидата прав, что было редким исключением для дипломников. Эта работа только частично была опубликована в 1893 году во Владикавказе, в «Терском сборнике»[10]. Становление культуры, которая не зачеркивала, не обесценивала бы национальную традицию, но умела бы соотноситься с всемирно-историческими запросами, требованиями модернизации, умела бы быть отзывчивой к опыту других народов – выдвинулось в ряд первостепенных задач северокавказской истории в конце XIX столетия[11].

Повышенный научный интерес к традиционной культуре, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях, глубоко симптоматичен. Гуманитарная наука в начале третьего тысячелетия нашей эры отходит от одностороннего исследования истории как процесса непрерывного прогрессирующего развития; история человечества может быть адекватно понята только во взаимодействии динамики её непрерывных изменений со статикой её культурных архетипов, например, устного народного творчества, сказаний, пословиц и поговорок[12]. Ранее само общественное развитие понималось как однолинейный процесс. Собственно говоря, смысл такого процесса заключался в постепенном приведении всех этносов, народов и созданных на их базе цивилизаций к некоему «общему» знаменателю. За безнадёжно отставшими от «передовых» цивилизаций народами признавалось лишь только почётное право быть соответствующим образом обученными и поглощёнными более развитой цивилизацией, которой они в свою очередь оставляли элементы собственной культуры[13].

Сотрудничество с местным населением ради безопасности, отказ от тотального господства титульной нации в целях социальной стабильности были принципами Российского государства. Не все шло гладко и не сразу получалось, но в итоге находился оптимальный баланс. Для укрепления господства русского правительства недостаточно стало силы только одного оружия. Официальная позиция была выражена следующим образом: «Горцам надо указывать путь к новой гражданской культурной жизни, их надо терпеливо и с большой осторожностью учить, а не запугивать властью и строгостью, иначе, как показал опыт многих лет, кары вели к совершенно противоположным результатам». Людям всех национальностей в Российской империи было разрешено получать образование (рабов в США категорически запрещалось учить грамоте) и входить в политическую, военную, научную, культурную элиту России. Лояльность трону, профессионализм и знатное происхождение ценились выше, чем этническая или конфессиональная принадлежность. Были разрешены межнациональные браки, а, например, в США в XVII – XIX вв. они были запрещены. В правовом отношении нерусским народам предоставлялись некоторые льготы сравнительно с русскими. Они не закрепощались, не рекрутировались, имели налоговые послабления[14].

В Терской области формирование местной интеллигенции приняло интенсивный характер по окончании Кавказской войны. С этого времени актуальной задачей правительства являлось решение вопро-

сов политического, экономического, культурного развития Северного Кавказа. Активизировался процесс приобщения горцев к русской культуре. Одновременно проводилась политика коренизации местной администрации. Основанием для этого являлось убеждение о необходимости привлечения горцев к решению стоящих проблем. Центрами подготовки профессиональной интеллигенции Терской области являлись гимназии, окружные горские школы, семинарии, кадетские корпуса. Эти учебные заведения ставили своей задачей воспитание гражданских и отчасти военных чиновников, учителей, других специалистов, на которых правительство могло бы опереться в политическом и хозяйственном освоении края[15]. Шло активное приобщение горцев к проведению правительственной политики, коренизация местной управленческой элиты. Основанием для подобного являлось убеждение, что благодаря близкому знакомству с бытом и нравами горцев выходцы из их среды смогут более эффективно проводить правительственную политику и ослабить существовавшее в общественном сознании горцев представление о порабощении их со стороны «русского Ивана». Общественно-политические деятели горских народов пореформенного периода решают проблемы создания национальной письменности, историографии, открытия светских школ. Они отстаивают своей просветительской деятельностью демократическую концепцию европеизации, в ходе которой, по их мнению, условия для свободного развития обретут национальные культуры горских народов. Апеллируя к либеральной российской бюрократии, осуществлявшей модернизирующие реформы, они стремятся всячески содействовать ее цивилизационным акциям[16]. С конца XIX в. самодержавие стало отказываться от политики коренизации, опасаясь активной политической деятельности горской интеллигенции[17].

Каждый народ представляет собой некоторую собирательную личность, отличающуюся от других особенностями своего характера, своих нравственных и умственных способностей, а потому имеющей право на независимое существование и развитие. Это разнообразие национальных особенностей является коренным условием правильного хода общечеловеческой цивилизации. Лишить человечества разнообразия – значит, лишить его возможности проявить во всемирной истории всё богатство содержания человеческого духа[18].

Наука не отвергает понятия общечеловеческой цивилизации в том смысле, что важнейшие результаты умственной, нравственной и эконо-

мической жизни каждого народа становятся достоянием всех других. Каждая нация должна дать человечеству то, что скрыто в силах её духовно-нравственной природы. Так, например народы Северного Кавказа связаны не только историческим прошлым, географическими и государственными границами. Эта связь более глубокая, на уровне особой ментальности, особого восприятия себя и мира. Осознание межэтнической общности при бережном сохранении национальных различий – одна из главнейших задач исторического развития народов. И не последняя роль в решении этой задачи принадлежит культуре[19].

Сохраняя свои особенности, подчинённые народы логически приходят к отрицанию прогресса, осуществляемого чуждым для них государством. Сохранение местных особенностей – это деятельность, по существу консервативная. У присоединённых к государству народов вследствие этого появляется два стремления – к внутреннему единству и внешней самостоятельности[20].

Официальные представители Российской империи, в основном, высокомерно относились к кавказским горцам. В их понимании они несли высокую «цивилизаторскую миссию» диким народам, не имеющим своей собственной культуры. В одной из статей Я.М. Неверова мы читаем следующие строки: «Если народ не имеет не только какой – ни будь письменности, но даже и азбуки, то значит, он не дозрел до того, чтобы быть народом, и у него не может быть языка, как послушного орудия мысли, потому что его мыслительные способности находятся в младенческой дремоте и требуют предварительного развития»[21].

У барона Августа фон – Гакстгаузена, путешествовавшего на Кавказе, общавшегося с местными жителями, было несколько другое мнение относительно культурного развития горцев. «Я воздержался бы – писал он, от всякого малодушного высокомерия нашей новейшей цивилизации, которая во всём видит грубое невежество и варварство у племён, не имеющих нашей образованности»[22].

Безусловно, мотивы колонизации были сложными. Однако сводить их только к невежеству, грабительству, наживе и стремлению эксплуатировать было бы неверно. Среди них есть и патернализм, и искреннее стремление помочь тем, кого считали меньшими братьями, а бывало, и глубокое уважение к этим братьям, заимствование их обычаев и культуры[23]. Обогащению и единству культурного процесса способствуют общность исторических судеб, открытость культур, социально-экономические, этнические, культурные контакты. Исторический аспект станов-

ления кавказских языков неразрывно связан не только с социально – экономическим, политическим и культурным развитием самих горцев, но и с тем влиянием, которое оказывали на них другие народы.

Эволюционный путь развития языков народов Северного Кавказа был в XIX веке нарушен экспансионистской политикой России. Весь уклад жизни, мировоззрение, культура коренного населения претерпели глубокие изменения, как в ходе Кавказской войны, так и в пореформенный период управления царской администрации. Политика ассимиляции («русификации») мусульманских народов вела к тому, что последние утрачивали связь с исламской культурой, лишались духовных корней. Замена арабской графики на кириллицу, массовое уничтожение арабографических рукописей и книг усилили изоляцию «российских» мусульман: была прервана духовная преемственность в передаче письменного наследия арабо-мусульманской культуры[24]. Сегодня невозможно сказать, кто и когда впервые начал использовать арабский алфавит для записи чеченских слов. Но один из первых известных вариантов чеченского алфавита с использованием арабской графики был создан Лачинилау – секретарем имама Шамиля[25].

Черно-белые ситуации исключительно насильственной или исключительно добровольной ассимиляции были лишь крайностями. В большинстве случаев агенты ассимиляции старались, наряду с давлением, создать позитивную мотивацию. А те, кто переживал «русифицирующую» ассимиляцию или аккультурацию, имели свои, иногда весьма неожиданные для «русификаторов», мотивы для усвоения русского языка и тех или иных элементов русской культуры. Так, мусульманская интеллигенция в конце XIX – начале XX века могла ратовать за усвоение русского языка именно как инструмента, во-первых, обеспечивающего доступ к западноевропейской мысли и образованности, откуда можно было черпать идеи и ресурсы для собственных националистических проектов, а во-вторых, дающего возможность более эффективно отстаивать интересы локального сообщества в отношениях с властями империи и перед общественным мнением. Это довольно рано понял Н.И. Ильменский: обсуждая кандидатов на роль муфтия, он указывал на «слишком хорошую» образованность вообще и «слишком свободное» владение русским языком, как на существенный недостаток одного из претендентов. Мы больше знаем о мотивах и формах сопротивления насаждению русского языка, и чаще их учитываем в исследованиях, чем рассматриваем их теневую сторону[26].

Другое важное обстоятельство – империи гетерогенны по определению. Даже в эпоху национализма они менее, чем национальные государства, озабочены достижением культурно-языковой однородности населения, особенно на окраинах. Часто приоритетным для них является не ассимиляция и утверждение общей для всего населения национальной идентичности, а лояльность. Причем лояльность не только политическая, но и выраженная в культурных формах, то есть в ориентации на имперский центр как приоритетный источник культурных образцов и влияний. Например, употребление латинского алфавита в течение длительного времени во второй половине XIX века было запрещено для некоторых народов. Эта мера была, прежде всего, направлена на подрыв польского, а затем, по аналогии, и немецкого влияния на этнические группы западных окраин. Такая же мотивация существовала и в противодействии использовать арабский алфавит горцами Северного Кавказа при создании своей письменности. Язык является одним из наиболее важных элементов в символике этничности, а шрифт и алфавит представляют собой весьма многозначный символ, который нередко играл и играет ключевую роль в процессах формирования идентичности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что власти часто вмешиваются в вопросы языка, алфавита и орфографии[27].

Россия – государство-цивилизация, целый континент, собравший несметное количество языков, социокультурных форм, образов жизни. Россия не могла быть организована на началах западнического, европейского эпигонства, а требовала самостоятельного цивилизационного творчества, связанного с особенностями ее «евразийского» разнообразия[28]. Отметим, что русский язык считали родным, согласно переписи 1897 г., лишь 47% населения, т.е. Российская империя представляла собой многонациональную державу, где «коренные» русские являлись меньшинством населения и как этнос не имели каких-либо привилегий. Этот вывод подтверждается также при анализе статуса национальных элит, который оценивается многими исследователями как высокий. Несомненно, установленным является факт управления империей посредством национальной знати[29].

Унификаторской тенденции в национальной политики России противостояла тенденция, в рамках которой национальное и религиозное разнообразие осмыслялось как важнейшее достоинство России, а не как недостаток, подлежащий искоренению. Известный ученый П.К. Услар

писал следующее: «Быть может, от нас зависит здесь на Кавказе показать свету впервые, каких благодетельных результатов можно достигнуть не только терпимостью всяких национальностей, но даже оживлением тех из них, которые до сих пор оставались в состоянии вековой апатии. Таковой принцип необходимо принять за краеугольный камень цивилизации Кавказа». Сторонники жесткой унификации образовательных систем и изгнания горских языков из школ, ссылались на опыт европейских государств. Так, журнал Министерства народного просвещения приводил в пример «образованные европейские народы», которые, по словам редакции, «никогда не возводили наречий подвластных им инородцев в язык церкви или школы»[30].

В первой половине XIX века народы Северо – Восточного Кавказа объединились и создали теократическое государство – имамат Шамиля. Интенсификация демографических и этнических процессов вызывала потребность в средствах языкового общения. В этой связи встал вопрос о функционировании внутри– и межрегиональных языков. В исламском государстве – имамате Шамиля, арабский язык выполнял функции межрегионального, государственного и конфессионального языка. Прокламации Шамиля и мюридов к народу всегда писались на арабском языке, на нём же велась документация, являясь закономерным проявлением подчинения всего жизненного уклада мусульман исламским традициям и законам[31].

Горцы сами пришли к использованию этого языка как государственного, и в продолжение 25 лет существования имамата арабский язык занимал ведущее положение на Северо – Восточном Кавказе. Арабский язык, с влиянием которого пришлось столкнуться России, являлся для мусульман отражением их духовной жизни. Язык Корана связывал в единый конгломерат субкультуры Кавказа и весь мусульманский мир. Ислам принёс письменность, и через неё проникали все достижения культуры Ближнего Востока[32].

Среди чеченцев имелось немало людей, владеющих арабской письменностью. Задолго до появления русской школы при каждой мечети действовали духовные школы (хужары), обучавшие детей читать и писать по-арабски, а также арифметике. Наиболее способные ученики, закончившие курс обучения, сроком до 3-х лет, могли продолжать учёбу в религиозных школах более высокого ранга. Для получения же «высшего» исламского образования молодые чеченцы направлялись чаще всего в дагестанские селения Аксай, Кумух и Акуши[33].

Одним из замечательных явлений в истории духовной культуры народов Северного Кавказа было формирование, на основе арабской графики, в дооктябрьский период северокавказского реформированного алфавита, получившего название – аджам[34]. Алфавит, которым пользовались чеченские арабисты возник, вероятно, ещё в дошамилёвский период. По этому алфавиту производилось написание имён, а также осуществлялся перевод трудных для запоминания слов на родной язык[35]. На основе аджамского письма сочинял свои стихи кадий Атабай Атаев. Х.В. Туркаев пишет: « Размеры и формы стихов говорят, что Атаев хорошо знал правила восточного стихословия, его обязательные каноны…». Учёные-арабисты создавали такого рода стихи, используя наиболее известные им традиции арабской религиозной литературы[36].

Арабская азбука, которой пользовались чеченцы при разных способах написания на родном языке, нуждалась в значительных дополнениях. В разработке алфавитов и издании книг на чеченском языке активное участие принимали некоторые чеченские муллы, в частности Сугаип-мулла Гайсумов. Поэтому можно сказать, что в определённой мере многие видные религиозные деятели Чечни стремились модернизировать чеченское общество[37].

Представители ислама и арабисты в 1908-1921 годах выпускали в Темир-Хан-Шуре отдельные произведения на чеченском языке, пользуясь арабским алфавитом[38]. В конце XIX – начале XX вв. только в Дагестане в литографиях были опубликованы 115 книг на чеченском языке. В основном это была переведённая арабская и персидская литература[39].

Среди книг встречалась не только религиозная литература (например, поучения устаза Кунта-Хаджи), но и вполне светская литература: учебники, пособия для изучающих арабский язык и сборники стихотворений, посвящённых историческим лицам («Манзумат»), а также книги по истории и медицине[40]. Были опубликованы и труды местных авторов, например, Имрана Сухайба из Шали и Кунта-Хаджи из Илисхан-Юрта.

Эти издания высоко ценились в Чечне, даже, несмотря на невысокое качество полиграфии и наличие большого количества орфографических и стилистических ошибок. В годы советской власти, когда выпуск исламской литературы был полностью запрещён, книги, изданные тогда в Дагестанской области, переписывались от руки и бережно хранились[41].

Трагическая участь постигла чеченские фамильные хроники – тептары. В 1944 году, во время выселения чеченцев, все тептары (так же как и теологические сочинения XVII – XIX веков на чеченском языке) у мес-

тного населения были изъяты и уничтожены. Отдельные экземпляры вывезены офицерами НКВД в Россию, несколько тептаров удалось спасти их владельцам. Тептар – вид фамильной (семейной) хроники, в которой велась запись всех предков и наиболее важных событий в жизни фамилии и народа. В более древние времена тептары писались на чеченском языке грузинским алфавитом, с IX – X веков (при сближении аланов с Византией) – греческим, а с XVII века – на арабском языке или чеченском языке арабским письмом. Есть сведения о чеченских тептарах, написанных клинописью, а также об использовании чеченцами грузинского и греческого (византийского) алфавитов. О надписи, состоящей из двух строк и выполненной греческим письмом на камне основания одной из башен в селении Кирды в Аргунском ущелье, упоминает исследователь Кавказа Н.С. Иваненков[42].

В XIX веке изучение чеченского народа и его языка привлекало на Кавказ многих учёных, пытавшихся создать чеченскую письменность с помощью европейских алфавитов. Гюльденштедт и Клапрот зафиксировали чеченский лексический материал на основе европейской транскрипции. В середине XIX века одним из краеведов был создан словарь чеченского языка, в котором присутствовали слова от «а» до «я» и отдельно были выделены местоимения, наречия и частицы. Причём числительные, для осуществления сравнительных характеристик, были представлены в разных вариантах: чеченском, русском, кумыцком, лезгинском и черкесском.[43]

Более или менее организованный план создания горских алфавитов на европейской основе мы констатируем лишь в 50-60 годах XIX века, в работах Шифнера на основе латинских начертаний (1856 г.) и Услара – на основе русских букв (1862)[44].

Летом 1862 года П.К. Услар получил командировку в Грозный, где принялся за изучение чеченского языка. А уже в 1863 году литографированные монографии «Чеченский язык» и «Абхазский язык» были представлены в Академию наук академиком Шифнером и удостоены Демидовской премии. Капитальный труд П.К. Услара о чеченском языке лёг в основу чеченских букварей, составителями которых стали Кеди Досов и Таштемир Эльдерханов. В начале 1862 года П.К. Услар просил Главный Штаб Кавказской Армии прислать в Тифлис двух чеченцев, по возможности знакомых с русской грамотой. «В марте того же года, – пишет М.Р. Завадский в предисловии к грамматике чеченского языка П.К. Услара, – прибыли в Тифлис прапорщик милиции Кеди Досов и мулла

Янгулбай Хасанов и приступили к изучению чеченского языка. Занятия эти вскоре были перенесены в Чечню, где в укреплении Грозном П. Услар открыл в июне того же года временную школу. Около 25 молодых чеченцев, избранных Усларом из числа муталимов, при содействии Кеди Досова и Янгулбая Хасанова, за несколько недель были обучены новой чеченской грамоте». Мулла Янгулбай учил муталимов читать по – чеченски, а два русских писаря учили писать. По словам законоучителя Грозненской горской школы Идика Исмаилова, ученики даже составили стихотворение, в котором благодарили Бога и правительство за то, что им даровали письменность. П.К. Услар называл Кеди Досова, Янгулбая Хасанова и муталимов своими «чеченскими сотрудниками», с уважением отзывался о них[45].

Беляев, будучи в плену у чеченцев в 1847 году, провёл научную работу по изучению чеченского языка. Он зафиксировал числительные – до 1 млн. и тысячи тысяч, а также составил небольшой словарь русских выражений, переведённых на чеченский язык[46].

Суровый Шамиль сто пятьдесят лет назад говорил о своём знании языков: «Кроме арабского, я знаю три языка: аварский, кумыкский и чеченский. С аварским я иду в бой, на кумыкском изъясняюсь с женщинами, а на чеченском шучу»[47].

В августе месяце 1856 года должна была состояться коронация Александра I. 20 июня 1856 года командующий Левым флангом Кавказской линии генерал-майор Евдокимов подал рапорт Козловскому, в котором рекомендовал назначить к отправляемым в Москву, на церемонию, кавказским депутатам переводчиком капитана Арцу Чермоева. Евдокимов дал Чермоеву прекрасную характеристику, написав о том, что знает его лично, что Арцу Чермоев, кроме чеченского, знаком ещё с кумыкским и осетинским языками, хорошо владеет русским языком. Это было немаловажно, т.к. представители разных кавказских народов без переводчика не могли общаться даже между собой[48].

Мирный и дружественный характер взаимоотношений чеченцев и казаков отчасти проявлялся и в том, что горцы отдавали на время своих детей в гребенские станицы, большей частью в семьи знакомых казаков, чтобы они учились разговорному русскому языку. Передовые представители местной интеллигенции не осуждали, а приветствовали и поддерживали эту систему, как одну из форм сближения с русской культурой. Один из них – Г. Шанаев указывал, что местные народы «изучение русского языка и грамоты…считают делом, безусловно, необходимым…

Горцы, как народ сообразительный и при этом с умом практическим, видят хорошо на примере осетин, насколько важно в деле умственного развития знание языка культурного соседа». У. Лаудаев до поступления в Петербургский кадетский корпус в 20-х годах XIX в. изучил русский язык в станице гребенских казаков. В свою очередь, казаки направляли своих детей к горцам-кунакам в чеченские села для обучения чеченскому языку [49].

В чеченском языке обнаруживались специфические диалектные (терские) русские формы, усвоение которых осуществлялось при контактах с русским населением Притерской полосы. Также было характерно и обратное языковое влияние. В дореволюционных лексических материалах по терским русским говорам фиксировались вайнахские (чеченские и ингушские) слова. Со временем русский язык выступил в роли государственного, стал активно вытеснять арабский, сведя область его использования только к религиозной сфере, фактически перекрыв ему дорогу в просвещение и печать. В ходе интеграционных процессов знание русского языка стало жизненно необходимо для местного населения, так как он стал выполнять функции хозяйственно-экономического общения различных народов, он являлся языком, знание которого было необходимо для успешной деятельности в системах внутри российского рынка, образования, управления и в других областях. Выполнение русским языком нескольких функций одновременно – носителя русской культуры, официального языка государства и средства межнационального общения – несло в себе как положительный, так и отрицательный заряд, так как придавало культуре официальный характер и воспринималось как средство политики русификации и ограничения «инородных» культур. Однако, то отличительное свойство русской культуры – извечное стремление к социальной справедливости и идеалам просвещения, приверженность принципам гуманизма, высокая духовность – неизменно притягивало к себе людей вне зависимости от национальных или религиозных различий[50].

К середине XIX века российская администрация уже имела огромный опыт в области, как органичного распространения русского языка, так и насильственной русификации народов других языковых культур посредством института колониального управления. В силу проводимой государственной политики процесс обрусения на Северном Кавказе продвигался довольно быстрыми темпами. Энергичные меры, принимаемые начальником Терской области, до такой степени содействовали этому движению, что к концу 60-х годов XIX века не только в Кабарде

и Осетии, но и в обширной и многочисленной Чечне не было ни одного села, где не нашлось бы и нескольких человек, говорящих на русском языке, пусть даже и пару слов. М.Т. Лорис-Меликов уже был уверен в возможно скорой отмене переписки, ведущейся на арабском языке[51].

Однако эти прогнозы не сбылись, так как и в 70-е и в 80-е годы XIX века переписка у населения продолжалась вестись по-арабски. Для выполнения письменной работы сельское общество заключало договор с муллой. Приказы начальника участка отдавались словесно кадию, который записывал этот приказ по-арабски. Мулла читал и переводил старшине приказ с арабского – на чеченский. Ответ старшины участковому начальнику делался в обратном порядке[52].

По мнению кавказских властей, русский язык должен был проникнуть во все сферы жизни горцев и подготовить их к его усвоению. Дальнейший путь развития кавказских горцев теперь связывался с необходимостью овладения ими русской речью, ознакомлением с русской культурой[53]. В 1867 году было запрещено обучение в школах национальных окраин на родном языке. Алфавиты, разработанные П.К. Усларом и другими учёными, были преданы забвению[54]. В основу местного административного управления, издания периодики и книг, системы школьного и профессионального образования был положен русский язык.

По многообразию и ценности информации периодическая печать открывает неизмеримо больше возможности, чем они практически используются в работах историков. Оценивая роль периодической печати как источника информации в реальной жизни и для последующих поколений исследователей нашего региона, мы должны всегда помнить, что число издававшихся на Кавказе периодических изданий, сборников очень внушительно. Мы, наверное, должны с большей настойчивостью изучать изумительный по богатству источник информации – старые газеты и журналы[55].

До конца 60-х годов XIX века Северо – Восточный Кавказ не имел собственных местных печатных изданий. М.Т. Лорис-Меликов приложил немало усилий для выхода в свет в январе 1868 года органа местного управления – газеты «Терские ведомости». Для этого в 1867 году была основана типография. Газете надлежало стать связующим звеном между русскоязычным населением и коренными жителями. Предметом публикаций газеты, помимо правительственных распоряжений, должны были быть обычаи, традиции и нужды «управляемых». Годовая подписка на «Терские ведомости» в 1892 году составляла всего 6 рублей[56].

Печать Терека в период реакции представляли «Терские ведомости» и «Владикавказский листок объявлений» (1881 г.), переименованный в «Терек» (1882-1884 гг.). Газета «Терские ведомости» пыталась в ряде случаев сочувственно упомянуть о бедственном положении горцев. В заметке «Население Терской области (Из реферата Г.Н. Казбека)», помещенной в №31 газеты за 1888 г., в частности говорилось: «Своеобразная жизнь чеченцев далеко еще не понята представителями русской гражданственности, как и во многих других местностях, являются пристава, мало или вовсе неподготовленные к управлению столь своеобразным народом и незнакомые с местным языком и условиями местной жизни». Очерк В.И. Немировича – Данченко «Вдоль Чечни», написанный в защиту чеченцев, вызвал полемические замечания автора заметки «Несколько слов о чеченцах», напечатанных в №19 «Терских ведомостей» за 1888 г.

В период редакторства Е. Максимова (с №59 за 1889 г. он подписывал газету как исполняющий должность редактора, с №92 – как редактор неофициальной части) «Терские ведомости» теряют прежний, хотя и не очень значительный, критический настрой, печатают материалы, выставляющие горцев в неблагоприятном свете. В 1893-1894 гг. Максимов опубликовал в газете под псевдонимом М. Слобожанин «Петербургские письма», в которых проводил реакционные идеи. «Осетины, кабардинцы, чеченцы, кумыки и другие туземцы, как ни славно и ни поэтично их прошлое, никогда не создадут своей литературы, своей государственности, своей цивилизации» – писал он в одном из писем и предрекал «постепенное вымирание» горцев.

«Терек» высказывался в защиту прав местного населения, например, в статье «Круговая ответственность горцев» (№ 102 за 1882 г.), которая встретила недовольство местных властей. В конце концов цензуирование «Терека» было переведено в Тифлис, что и привело к прекращению его выхода[57].

Коста Хетагуров был талантливым и плодовитым журналистом. Его публицистические статьи и корреспонденции, острые и ядовитые, как памфлет, украшали страницы «Терека», «Казбека» и «Терских ведомостей». В своих статьях он поднимал жгучие вопросы современности, ратовал за социальное равенство, за улучшение экономического и правового положения кавказских народов, просвещение, приобщение горцев к русской и мировой культуре.

Наступательная публицистика автора обладала большой силой. Министр внутренних дел, прочитав статью К. Хетагурова «Неурядицы

Северного Кавказа» нашёл много вопиющих фактов и высказался довольно нелицеприятно для местной власти: «…Надо положить конец этим безобразиям…Такой порядок вещей не может продолжаться…В это же лето пошлём целую комиссию подробно исследовать всё, что происходит в Терской области…Если хоть сотая доля того, что передаётся в «Петербургских ведомостях» правда, то и тогда это выше всякого предела..» Проверкой правительственной комиссии всё подтвердилось, и начальник Терской области Каханов был снят с должности[58].

В конце XIX – начале XX вв. деятельность большинства горских просветителей принимает все более четко выраженную социальную направленность. В это время в разных российских периодических изданиях опубликовано большое количество статей братьев Ахметхана и Исмаила Мутушевых, Джамалдина Шерипова, Ибрагим-бека Саракаева. Братья Мутушевы происходили из офицерской семьи, Д. Шерипов сам был офицером, а И. Саракаев закончил офицерскую службу в полковничьем чине. А. Мутушев долгое время сотрудничал в ряде российских изданий, в частности, в газете «Новая Русь», в которой открылся «Мусульманский отдел». И. Мутушев являлся создателем «Общества распространения просвещения среди чеченцев» (1908 г.). Он призывал, со страниц газет обращаясь к чеченскому народу: «Пора же, наконец, и нам проснуться от столь долгой и губительной спячки и встать на путь прогресса и цивилизации». Ряд детей чеченских офицеров и знати прошли обучение в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурге, став горными инженерами, врачами, адвокатами и т. д.[59].

Многие российские государственные деятели понимали необходимость выпуска газет и журналов на арабском языке, в то же время не упуская возможности использования их в идеологическом контексте. Министерство иностранных дел России в 1864 году вступило в переписку с Кавказским наместником, великим князем Михаилом Николаевичем, по поводу издания на арабском языке небольшой газеты под названием «Заря» с целью распространения её между горскими племенами Кавказа.

Поводом к составлению подобного предложения послужило знакомство Нафаля-преподавателя арабского языка в отделении восточных языков при Азиатском департаменте, с военнопленным чеченцем Атабаем Атаевым. В Министерстве иностранных дел посчитали мнение Нафаля об издании газеты на арабском языке важным и значительным, для успешного развития Кавказского региона[60].

А. Атаев, бывший наиб Шамиля, за участие в Аргунском восстании 1860-61 годов был выслан в город Касимов, Рязанской губернии, без права возвращения на родину. Следует подчеркнуть, что Атабай получил высшее образование в Каире и был в Чечне образованнейшим человеком своего времени. Письма А. Атаева из ссылки на родину, написанные по-арабски, вполне можно отнести к духовной сокровищнице чеченского народа. Эти послания были выполнены в тонко прорисованном аллегорическом жанре таким изысканным и высоким слогом, что царская цензура, признаваясь в бессилии понять весь смысл изложенных Атабаем размышлений, просто не допускала их к адресатам[61]. Могила известного учёного-арабиста Атаби Атаева, из тейпа балой, находится в городе Пскове, он так и не смог вернуться на родную землю[62].

В разговорах с Атабаем коллежский асессор Нафаль старался объяснить отношения, в которых, по его мнению, должны были бы находиться кавказские горцы к российскому императору, и доказывал всю несостоятельность надежд, возлагаемых на турецкого султана. А. Атаев, принимая собеседника за своего единоверца, и даже за учёного мусульманина, был, по-видимому, поражён доводами, основанными на изречениях Корана, и выразил своё согласие с тем, что никто из горцев не слышал подобных речей.

В результате активной деятельности Нафаля, вышел пробный листок газеты «Заря» – на арабском языке, в котором было напечатано воззвание Атабая к жителям Чечни и Дагестана[63]. Однако дальше этого дело не пошло. 12 августа 1864 года Кавказский наместник отказал в разрешении на издание газеты «Заря». Причём мотивировка касалась не финансовой стороны дела, а была продиктована его убеждениями. По мнению главного должностного лица на Кавказе, большинство кавказских мусульман находились «в самом детском состоянии цивилизации», и издание для них газет и журналов на арабском языке было преждевременно[64].

У чеченцев появился свой журнал, но уже за пределами России, во Франции. В 1933 году Гайдар Баммат, на средства Т. Чермоева основал в Париже журнал «Кавказ» – «орган независимой национальной мысли». Гайдар Баммат, близкий друг и соратник Тапы Чермоева, в эмиграции был женат на Зейнаб, племяннице Тапы[65].

Показателем нового времени было издание в 1881-82 гг. во Владикавказе «Владикавказского листка объявлений» – первой частной газеты

на Северном Кавказе[66]. К концу XIX века в Грозном работала единственная частная типография. Она была открыта в 1888 году владикавказским мещанином С.И. Тюковым[67].

В 1848 году был создан Кавказский цензурный комитет, который подчинялся Министерству внутренних дел – главному управлению по делам печати. На комитет возлагался надзор за издаваемыми в Кавказском крае журналами, газетами, а также он проверял ввозимую и вывозимую литературу. Работа комитета продолжалась до 1906 года, когда вопросами печати на Кавказе стал заниматься Тифлисский комитет по делам печати[68]. Постоянный рост книгоиздания, количества полиграфических и книготорговых предприятий, увеличение числа частных периодических изданий по всей стране заставляли администрацию реформировать систему цензурных учреждений. Повсюду остро ощущалась нехватка квалифицированных чиновников, способных выполнять обязанности цензоров. Цензоры занимались как внутренней, так и иностранной, а также драматической цензурой. В составе Кавказского цензурного комитета был инспектор по надзору за типографиями и книжной торговлей, чиновники просматривали произведения не только на русском и иностранных языках, но также на национальных и восточных наречиях. Надзору цензурной инспекции были подвержены не только типографии и литографии, но и библиотеки, число которых с каждым годом все увеличивалось[69].

Начиная от первого цензурного Устава 1804 года и до закона 6 апреля 1865 года, повсеместно для издания книг существовала предварительная цензура[70].

Местная русская печать, находившаяся в подчинении военного командования, способствовала политической и экономической колонизации края, вплоть до поддержки военных акций царизма против коренного населения[71]. По мнению власти «…Нужно было употребить меры, чтобы обитатели Кавказа сделались русскими не по одному географическому положению, установившемуся в силу обстоятельств, не по гнёту только неотразимого могущества, но и в самих взглядах и убеждениях своих, нужно было образовать, в этой чуждой среде, русскую национальность»[72]. Большинство документов, повествующих об отношениях горских народов с Россией, писалось на русском языке. Та часть документов, которая создавалась на арабском, турецком, и др. языках, сразу же после попадания в русские государственные учреждения переводилась на русский язык[73].

Рукопись И. Бларамберга, написанная в 1834 году на французском языке, появилась в свет в пору ведения Кавказской войны, и поэтому сведения ее сочли секретными, вследствие чего данная работа была отправлена в архив с грифом «совершенно секретно». Ею могли пользоваться только офицеры Генштаба. Иоганн Бларамберг – иностранец на русской службе – более 2-х лет пробыл на Кавказе как инженер-топограф. За это время он собрал интереснейший историко-этнографический материал о населении региона, который и по сей день, не утратил своей ценности[74].

3 июня 1858 года новый министр народного просвещения Е.П. Ковалевский получил от управляющего военным министерством князя В.И. Васильчикова перечень сведений, которые должны были в обязательном порядке подлежать военной цензуре. Перечень включал в себя: « 1. Статьи теоретические и политические, по предметам стратегии, тактики, военной статистики, артиллерии и вообще военных наук. 2. Отдел военной истории, всех времен – из отечественных войн, – все без изъятия; из прочих же, в которых не участвовали русские войска, те только походы, описание которых сопровождается военно-ученой оценкою действий обеих сторон, и, наконец, 3-е. Все, что относится до военной администрации. Этот отдел военной литературы, требует особого наблюдения, ибо статьи этого рода могут быть иногда же весьма вредны, смотря по направлению»[75]. В. Немирович – Данченко поместил в «Русских ведомостях» путевые заметки, озаглавленные «Вдоль Чечни», в которых он возражал против огульных обвинений, которые просто «сыпались» на чеченцев. В силу большого интереса к этому материалу, редакция газеты «Северный Кавказ» перепечатала данные статьи, но со значительными сокращениями «…по независящим от редакции обстоятельствам», о чем было сообщено читателям в примечании[76]. Таким образом, работало одно из направлений царской цензуры.

Управляющий военным министерством князь В.И. Васильчиков предложил повсеместно ввести следующие правила цензуры:

«Цензор обязан не допускать в печать:

1. Статьи, оскорбительные для чести русского войска.

2. Статьи, могущие поколебать понятие о дисциплине и уважении к ней; мнения, подрывающие уважение подчиненных к лицам начальствующим и ослабляющие доверие к правительству.

3. В статьях, относящихся к армии и военной администрации вообще, не допускать ничего противного тому значению, которое наша армия

имеет по законам в государстве; ничего, могущего ослабить уважение публики к нашему военному сословию, и никаких предосудительных сравнений с иностранными порядками, несогласными с установленной формой нашего правления»[77].

В 1859 году был учрежден Комитет по делам книгопечатания для организационного контроля над печатным делом. В 1863 году руководство цензурой и политикой в сфере печати были переданы в Министерство внутренних дел, упразднены ведомственные и специальные цензуры. Правила о цензуре и печати 6 апреля 1865 года внесли существенные перемены в цензурную политику, но по-прежнему не меняли общеправового подхода к печати. Политическое отношение к возможности внедрения в законодательную идею принципа свободы печати и к сопутствующим тому общественным настроениям проницательно высказал вскоре после опубликования Закона 1865 г. управляющий III Отделением и шеф корпуса жандармов граф П.А. Шувалов: «Свобода печати несовместима с нашим образом правления, она возможна лишь в конституционном государстве, где она служит дополнением свободе слова. Свобода печати составляет не первый, а второй фазис народной свободы… Где не существует свободы слова, там всегда свобода печати является слишком опасным оружием против правительства». Уложение о наказаниях 1866 года, реагируя на обновление цензурных требований, уже сформулировало специальный вид преступлений, совершаемых «путем печати», причем печатная форма не служила смягчающим вину обстоятельством[78].

Традиция правового регулирования печати в дооктябрьской России основывалась на представлении о печати как о носителе «зла» и общественной розни. Родившись в лоне борьбы с ересями и существуя в мире всемерного пресечения отклонений от официальной идеологии, государственный закон проводил полицейско-охранительный взгляд на печать. И на подлинно правовых основаниях гражданской свободы закон мог строить свои отношения с печатью только в соответствующих политических и идейных условиях. Конкретный правовой путь перехода от всемерной административной регламентации к конституционной свободе слова был намечен, в частности, программой партии конституционных демократов. В конце XIX столетия конституционное провозглашение «свободы слова и печати» так и оставалось на уровне общеправовой декларации[79].

Значительный вклад в дело образования населения на Северном Кавказе внесли разные просветительские общества. Общество восста-

новления православного христианства на Кавказе в период с 1860 по 1880 год издало чеченский, сванетский, абхазский буквари с переводом их на русский язык[80]. Этим же Обществом строились церкви, учреждались школы и стипендии для горцев в разных учебных заведениях. Общество восстановления православного христианства на Кавказе способствовало переводу на языки горцев Священного писания и богослужебных книг[81]. Русское печатное слово начинало играть особую роль в русско-кавказских отношениях; в процессе своего развития оно из рупора царской администрации постепенно превращалось в могучее средство воспитания народных масс[82].

Терский областной статистический комитет открылся в 1872 голу, но только в 1878 году его секретарю Н. Благовещенскому удалось выпустить первый «Сборник сведений о Терской области». Всего комитет выпустил 24 «Календаря» и один «Адрес-календарь», 7 томов «Сборников», один «Сборник сведений о Терской области», один том «Статистических монографий по исследованию станичного быта Терского казачьего войска», отдельно изданный «Список населенных мест Терской области (по данным к1 июля 1914 года)», один «Статистический ежегодник: Обзор Терской области за 1914 год», семь выпусков (в 2-х томах) «Статистических таблиц населенных мест Терской области»[83]. Часть тиража, около 100 экземпляров практически любого провинциального статистического комитета распространялась бесплатно по рассылке. Кроме того, «на основании общепринятого правила взаимного обмена» издания рассылались в губернские и областные статистические комитеты, с которыми существовала договоренность об обмене.

Архивы статистических столов Кубанского и Терского областных правлений (они проходили по первому отделению), так же как и неисполненные бумаги, были переданы во вновь созданные статистические комитеты.

Статистические комитеты принимают участие в комплектовании общественных библиотек, иногда пожертвованиями, иногда высылкой книг наложенным платежом. Небольшая часть тиража рассылалась по запросам книжных магазинов и книготорговых фирм. Для большего распространения изданий Терским областным статистическим комитетом в 1893 году было принято решение организовать их комиссионную продажу на книжных складах обеих столиц и всех университетских городах России, что должно было увеличить доходы Терского областного статистического комитета[84].

Одними из культурных очагов на Кавказе являлись библиотеки. В «Положении» о губернских (областных) статистических комитетах 1860 года непосредственно указывалось на необходимость организации при комитетах библиотек. Они образовывались одновременно со статистическими комитетами и сразу становились их обязательными структурными подразделениями. В Терской области проблемы комплектования библиотек были едва ли не самыми сложными. Терский комитет начал свою активную издательскую деятельность только в 90-е годы XIX века. Учитывая, что финансирование было мизерным, оставалась надежда только на обмен книгами. Однако желаемого эффекта обмен и дарение не приносили. Анализ поступлений показывает, что из 59 полученных по обмену книг только 5 были о Северном Кавказе – в 1891 году, в 1892 году опять 5 книг из 131 полученной по обмену. Удельный вес литературы, посвящённой Северному Кавказу, в библиотеке Терского статистического комитета, к её основному фонду составлял 1 к 7. С 1882 по 1900 год библиотека комитета по количеству томов выросла больше чем в 10 раз[85].

М.Т. Лорис-Меликов, как человек умный и просвещённый, способствовал открытию в Терской области сети библиотек. Библиотеки имелись в областном и межевом правлении, в войсковом хозяйственном правлении, в штабе войск. В 1874 году при Терском областном правлении, на средства, отчисляемые из жалования чиновников правления, была открыта библиотека. Долгое время она была единственной, где была сосредоточена литература по истории и географии Кавказа[86]. В 1873 году библиотеки Владикавказа получили 731 экземпляр разных периодических изданий, в 1874 году эта цифра увеличилась до 885 экземпляров. Получалось, что один экземпляр газеты или журнала приходился в среднем на 2-3х жителей областного центра. В клубе Владикавказа была библиотека, в каталогах которой насчитывалось 4100 томов различных изданий, кроме того, библиотека выписывала до 50 экземпляров периодических изданий.

В городе Пятигорске находилась платная абонентная библиотека. В Грозном первоначально библиотека существовала при горской школе, но уже с 1865 года она стала доступна для всех горожан. Во Владикавказской реальной гимназии учащиеся пользовались библиотекой, насчитывавшей 104 наименования книг. Моздокское и Георгиевское училище имели в своих библиотечных фондах 1656 томов.

В пореформенный период в Терской области появились и частные библиотеки, открытые для общественного пользования. Так, в 1874 году

во Владикавказе Прохоровым была открыта частная библиотека и кабинет для чтения. В начале 1890-х годов во Владикавказе Е.С. Ильина открывает книжный магазин с библиотекой – читальней, каждое посещение которой стоило 5 копеек, а годовое пользование от 4 до 12 рублей[87].

Более 25 лет П.К. Услар собирал материалы по истории Кавказа, работая в архивах Кизляра, Моздока, Георгиевска, Владикавказа и в экспедициях, но смерть помешала ему закончить начатый исторический труд[88]. В 1860-е годы, когда в области действовала военная система управления, архив, как самостоятельное структурное подразделение и должность архивариуса существовали лишь в 2-х наиболее крупных учреждениях – штабе войск Терской области и канцелярии начальника области. Буржуазные реформы последней трети XIX века оказали существенное влияние на состояние местных архивов. Возникли десятки новых учреждений, в основном гражданских. В начале XX века в Терской области насчитывалось свыше двухсот ведомственных архивов. Должность архивариуса имелась в семи архивах: областного правления, окружного суда, духовной консистории, управления межевой частью, почтово-телеграфного округа, земледелия, государственных имуществ[89].

Ещё в ходе Кавказской войны, 10 марта 1851 года состоялось открытие Кавказского отдела Русского географического общества. Е.Г. Вейденбаум, А.Л. Зиссерман были избраны действительными членами этого отдела. Д.И. Святополк – Мирский, начальник Терской области, одно время председательствовал в Кавказском отделе Русского географического общества[90]. Массовая организация общедоступных библиотек, музеев, различных просветительных обществ, народных театров и т.д., входивших в систему образования, означала качественно новый шаг в социокультурном развитии дореволюционной России, стержнем которого был процесс демократизации образования, науки и культуры[91].

После завершения войны началось систематическое изучение территории Кавказа русскими учёными и специалистами. Из исследователей особенно нужно отметить неутомимого путешественника по Кавказу – Н.Я. Динника – ставропольского учителя, натуралиста. Его работа «Звери Кавказа» считается лучшим трудом о млекопитающих этого региона. С исследовательской целью на Кавказ отправился и профессор Медико-Хирургической Академии, Падновский. Благодаря его усилиям в число свода дикорастущих лекарственных растений была включена шпанская мушка[92].

Одним из первых профессиональных ботаников, посетивших послевоенную Чечню, был Ф.С. Байерн, который экскурсировал в районе Шатоевского укрепления и в Кейское ущелье. Известны его сборы, датируемые 1860-61 гг. Значительный вклад в проведение ботанических исследований на Кавказе внес Н.И. Кузнецов (1864-1932) – крупнейший ботаник своего времени, профессор Юрьевского университета. Его работы знаменуют переход на качественно новый уровень в изучении кавказской флоры. В мае 1895 г. он маршрутно прошел часть территории современных Ножай-Юртовского, Веденского и Гудермесского районов Чеченской Республики. Н.И. Кузнецов был первым, кто сделал общее описание растительности горной Чечни (1890-1892), установив здесь две высотные зоны: альпийскую луговую, ограниченную снизу березой, и зону широколиственных лесов с преобладанием типичных буковых формаций.

Наиболее полное описание растительности Веденского округа было выполнено в 1870 г. Я.Я. Верлиным. Почти вся Ичкерия (юго-восточная часть Чечни), согласно автору, была в то время покрыта густыми лесами, состоящими из бука восточного, граба кавказского, кленов, липы, ясеня и дуба. В 1898 г. частную коллекцию растений собирал в Чечне Ф.И. Горепекин, часть которой была описана Кузнецовым[93].

Капитальный труд Ф.К. Маршалла – Биберштейна «Flora Taurico-Caucasia» (1808-1819), в котором впервые собран и подытожен весь имеющийся к тому времени материал о флоре Кавказа и Крыма, является важным этапом в научно-ботаническом изучении. Ботанические сведения о Чечне и Ингушетии начала XIX в. связаны также с именем историка-этнографа С.М. Броневского, который в работе «Кавказцы» (1823) дал ботанико-географическое описание Чечни и Ингушетии, разделив приводимые растения (109 видов) на три группы. Небольшие гербарные сборы в окрестностях крепости Грозной в 1829 году произвел известный ботаник К.А. Мейер.

Огромную роль в ботаническом изучении Кавказа и его областей сыграли как крупные научные центры (Академия наук в Санкт-Петербурге, ботанические сады Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов, Московское общество испытателей природы), так и функционировавшие на Кавказе научно-ботанические учреждения: Тифлисский ботанический сад, Кавказское общество любителей естествознания, Кавказский музей, Кавказское общество сельского хозяйства. Особенно значителен вклад в изучение флоры края Императорс-

кого русского географического общества (ИРГО) и его Кавказского отдела (1872-1916 гг.), по заданию которого были проведены отдельные экспедиции и экскурсии[94].

В 1870-х гг. в степях южной России происходили регулярные катастрофические засухи. Если ранее помощь пострадавшим сводилась собственно к спасению голодавших, то после засух 1873 и 1875 гг. Вольное экономическое общество решило заняться изучением причин засух. Естественноисторическое исследование черноземной области было поручено Докучаеву. С решения этой прикладной задачи и начались его работы, ставшие фундаментом генетического почвоведения. Взгляд, согласно которому истребление лесов вызывает губительные последствия для сельского хозяйства (падает уровень грунтовых вод, развивается почвенная эрозия), был широко распространен в среде естествоиспытателей с начала XIX в. Однако, только работы Докучаева и его последователей (почвоведов, агрономов и ботаников), обосновали это мнение экспериментально, а также то, что негативные последствия вызывают истребление естественной растительности вообще. К концу XIX в. почти полная распашка степей в южной России, вызывавшая почвенную эрозию, породила и другие проблемы – в первую очередь размножение вредителей и сорняков. Регулярные неурожаи привели, наконец, местные власти к осознанию необходимости осуществления постоянных исследований естественноисторических условий своих губерний, организации агрономической помощи, а также некоторых действий в области охраны природы[95].

В 1899 г. научная экспедиция под руководством профессора В.В. Докучаева – величайшего русского естествоиспытателя, основоположника генетического почвоведения и современной физической географии с целью изучения почв Восточного Кавказа совершил поездку по маршруту: Владикавказ – Грозный – Ведено – Ботлих. В результате проведенных исследований В.В. Докучаев установил существование на Кавказе вертикальной зональности почв и растительного покрова и показал роль рельефа и растительности в почвообразовании. Он также отметил, что все пространство, от Грозного до Ведено, и несколько дальше на юг, еще сравнительно недавно, было покрыто сплошными непроходимыми лесами, о чем свидетельствуют типичные серые почвы в этих местах. На освобожденных от леса пространствах поселялась травянистая растительность. Согласно К. Самойлову (1855), поля равнины были покрыты высокими и густыми травами, среди которых встречалось много

разноцветной ржи, полевого горошка, местами дикой люцерны. Таким образом, растительный покров Чечни изучали как профессиональные ботаники, так и историки, этнографы и другие специалисты[96].

В России этническое картографирование было широко развито издавна в силу многонациональности страны и обширности ее территории. Некоторые экспедиции попадали в очень сложные условия. Например, в 1771 году Лович и Иноходцев отправились во главе экспедиции на Кавказскую Линию для определения высот и географических пунктов. Они работали здесь до 1776 года, но попали в плен к горцам. Лович был убит, а Иноходцеву удалось бежать, но все приборы и материалы шести лет работы пропали. Он сумел сохранить только данные о трех пунктах. В 1785 году Черный вместе со студентом Арнольди попытался восстановить утерянные сведения. Но и на эту экспедицию, как и на предыдущие, по сведениям Лео Багрова, после завершения работ напали горцы, которые уничтожили все инструменты и бумаги и увезли с собой Арнольда в качестве пленника. Больше о нем никто не слышал; возможно, он умер в плену. В 1786 году Румовский собрал данные всех экспедиций и опубликовал их в Берлине[97].

Академик Вишневский, в путешествии своем, 1806-1815 годов, по Северному Кавказу, с помощью астрономических наблюдений определил расположение нескольких пунктов: Ставрополя, Моздока, Пятигорска и горы Эльбрус[98]. В первой половине XIX века была составлена «Карта представляющая расположение чеченских деревень с указанием числа жителей». На карте отражена часть Чечни в районе бассейна реки Сунжи. Составленные военными карты, несущие и этническую окраску, характерны для первой половины XIX века. Видимо, такое положение дел связано с учреждением в августе 1845 года Русского географического общества, где этническая картография получила большое развитие. В 1875 году, по инициативе Императорского Русского географического общества была издана «Этнографическая карта Европейской России» А.Ф. Риттиха. При составлении карты автор взял за основу материалы последней, 10-й ревизии 1858 г., списки населенных мест Российской империи, собранные Министерством внутренних дел в начале 1860-х годов, статистические материалы по состоянию на 1867 год. Всего на карте показано 46 народов, каждый из которых обозначен своим цветом. Впервые в истории отечественной этнической картографии народы сгруппированы по лингвистическому принципу и родственные в языковом отношении этносы отмечены в единой цветовой гамме. К кавказско-

каспийской группе на карте А.Ф. Риттиха отнесены чеченцы, аварцы, лаки и другие народы[99].

В 1864-65гг. была изготовлена рельефная десятивёрстная карта Кавказа. В редактировании этой карты принимал участие Г.В. Абих. При выполнении съёмки геодезистам и топографам неоднократно приходилось совершать восхождения на высочайшие вершины Кавказа. По трассам проектировавшихся дорог велись геодезические изыскания[100]. В результате проделанной работы была создана карта вновь проектируемого административного разделения Северного Кавказа. Триангуляционные и съемочные работы, в масштабе 2-х верст в дюйме, были к 1866 году проведены в Терской области под руководством генерала Ходзько. К числу важных картографических материалов для Кавказского края относятся также и работы, произведенные при гидрографическом исследовании Каспийского моря, под руководством контр-адмирала Ивашинцева в 1858-1866 гг. На основании топографических съемок берегов и особых гидрографических съемок и промеров, была составлена общая подробная морская карта Каспийского моря и специальные карты бухт, рейдов, заливов и др.[101].

В1868 году появилась почтовая карта европейской части Российской империи и Кавказского края, а в 1864 году Тороповым была представлена карта распространения перемещающихся лихорадок на Кавказе (санитарная карта)[102]. Первый фотографический план укрепления аула Ведень появился в 1859 году. В 1880 году этнографическую карту Кавказа составил главный редактор Кавказского статистического комитета Н.К. Зейдлиц. Ее масштаб составлял 1: 1 080 000. В 1881 году этнографические карты Кавказского края представил публике Л.П. Загурский[103].

Готлиб Шобер (1670-1739) – родом из Саксонии, имел медицинское образование, в Россию приехал в 1713 г. по приглашению царя. В 1717 г. был командирован в Астрахань и Терки для исследования свойств вод реки Терек и теплых источников, расположенных в этих районах. В «Описании Петровских теплиц у города Терки» Шобера содержатся лишь краткие заметки по земледелию и скотоводству в прикаспийских районах. Очерк Шобера был опубликован на русском языке Г.Ф. Миллером в издаваемых им «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих», на немецком языке – в «Сборнике по русской истории». По Шоберу, в окрестностях г. Терки черкесы выращивали хорошую пшеницу, а удобрением почвы им служил пепел жженой пшеничной соломы. Шобер также сообщает, что черкесы занимались сбором меда и воска

для продажи и охотой на диких животных и птиц (зайцы, козы, лоси, кабаны, тетерева, фазаны и т.д.) и добавляет, что Терек снабжает жителей страны рыбой[104].

Сбор коллекций Российского этнографического музея начался с 1904 года. В 1904 году хранитель отдела Кавказа К.А. Иностранцев привез довольно полную по составу коллекцию чеченских этнографических материалов. Но она была собрана только в одном крупном плоскостном селении – Урус-Мартане и очень плохо описана. В 1907 году, по поручению музея, сбором коллекций занимался студент С.А. Гатуев. Его коллекция, содержащая утварь, одежду, орудия труда ремесленников, является хорошим дополнением к сборам К.А. Иностранцева, но в ней не указано место сбора. Несмотря на то, что коллекции по чеченцам и ингушам недостаточны, они все же представляют большую ценность, т.к. в других музеях материалы этих народов незначительны. В 1904 году в Петербург были доставлены чеченские: орудия земледелия, орудия по обработке волокнистых веществ и кожи, средства обработки дерева и металла, оружие, домашняя утварь, мебель, игрушки. С.А. Гатуев в 1907 году предоставил Этнографическому музею: орудия, используемые в земледелии и скотоводстве, средства передвижения; предметы, используемые при ткачестве, обработке дерева, металла и кожи; мужскую и женскую одежду, ювелирные изделия, музыкальные инструменты, предметы культа. Материалы по чеченцам были очень разнообразны и представляли из себя большую историческую ценность[105].

Интерес к возникновению обычного права народов, населяющих Кавказ, был весьма велик со стороны русских исследователей, кавказоведов. С этой целью на Кавказ постоянно направлялись исследовательские экспедиции, главная цель которых заключалась в изучении истории культуры и обрядовых обычаев, которые являются источниками права. Вследствие того, что проблемам Кавказа уделялось пристальное внимание, в 1876 году под патронажем Русского географического общества была создана особая комиссия для составления новой программы, суть которой состояла в сборе и обобщении юридических обычаев. Результатом кропотливой десятилетней работы, проделанной данной комиссией, стало издание Программы народных юридических обычаев. Этот фундаментальный труд стал отправной точкой для формирования последующих исследований в области обычного права[106].

В 1886 году Н. Салоцким был издан обстоятельный очерк орографии и геологии Кавказа. В работах этого автора даётся представление

о Сунженском и Терском хребтах, что представляет значительный прикладной интерес в ходе разработок нефтяных месторождений[107]. К началу XX в. относятся климатологические исследования Кавказа, выполненные И.В. Фигуровским (1905). Он изучал климаты Кавказа в связи с местными физико-географическими условиями, характером строения земной поверхности, выясняя связь между климатом и растительностью, разработал классификацию климатов Кавказа и вопросы климатического районирования[108].

Культура относится к типу открытых систем, способных воспринимать и обрабатывать поступающую извне информацию. Межкультурный контакт неизбежно приводил к взаимодействию и обмену. Поэтому в культуре любого этноса, наряду со специфически этническим элементом, всегда присутствовал и элемент интернациональный, то есть определённая сумма усвоенных инноваций[109]. Кавказ в прошлом назывался Прикаспийской провинцией римской католической церкви и в то же время нес на себе печать Византии. В свое время Ибн Баттута и Марко Поло показали, что к югу от Москвы была очень самобытная культура. Эту атмосферу иллюстрирует фраза Ибн Баттуты: « Я увидел церковь, направился к ней, застал в ней монаха, и на одной из стен церкви увидел изображение мужчины арабского, в чалме, опоясанного мечом и с копьем в руке. Перед ним горела лампада. Я спросил монаха: «Что это за изображение?» Он ответил: «Это изображение пророка Али», – и я удивился его ответу…»[110]. Первый урок веротерпимости преподал мусульманам сам пророк Мухаммад. Он говорил, что проповедуемое им учение не противоречит христианству. Когда мусульмане вошли в Мекку и стали рушить идолов в Каабе, один воин хотел смыть водой настенное изображение Богородицы с Христом. Муххамад запретил ему это, прикрыв ладонями лики Богородицы и младенца[111].

Ислам всегда процветал за счет контакта с другими культурными традициями. Его происхождение тесно связано с христианством и иудаизмом. Далеко не все знают, что после гибели античной цивилизации именно «исламский ренессанс» в эпоху раннего Средневековья сохранил и отшлифовал мысль древних греков. Исламская цивилизация добилась впечатляющих высот в практических искусствах и науках, которые через несколько веков во многом послужили основой европейского Ренессанса и дали начало идеям, которые лежат в основе современной западной культуры[112]. Для мусульман не являлось характерным разделение науки на религиозную и светскую[113]. Даже в

теократическом государстве, под влиянием российской инженерной мысли Шамиль предпринимал попытки использовать сложные гидротехнические сооружения при обороне стратегически важных центров имамата. В частности, в районе Гергебиля была возведена целая система плотин, которые могли быть легко взорваны для затопления узких мест на пути продвижения противника. Темпы строительства были безпрецендентными. Это, вероятно и привело к тому, что плотины рухнули задолго до их использования. Шамиль прекрасно вооружал свою армию. Артиллерия была создана на базе трофейных орудий, а затем было налажено собственное производство пушек с помощью перешедших на сторону Шамиля царских офицеров и нижних чинов. Горская культура поразила русских вначале своей экзотичностью, а потом не меньшей разумностью и целесообразностью. Изобретённые горцами в Ведено новые, приспособленные к горным условиям, орудийные лафеты были даже использованы затем русскими инженерами. В Ведено был построен во время Кавказской войны целый литейный завод, на котором было налажено изготовление собственных пушек и ядер. Лились пушки из железа и меди, добываемых в горах и привозимых из других мест. На отлитых пушках обычно ставилась печать Шамиля. Процессом отливки заведовал оружейник Джабраил. Всего на Веденском литейном заводе было отлито 50 орудий[114]. Шамиль организовал учёбу артиллеристов, а также разработал особую инструкцию по артиллерии. Результаты, им затеянного, были настолько велики, что это искусство было взято на вооружение царской армией. Во главе артиллерии стоял известный сподвижник Шамиля Яхья – Хаджи[115].

Этнокультурный массив Кавказа – феноменальное явление, сформировавшееся на протяжении веков в результате конвергенции в этом географическом регионе локализованных культур, как местного субстрата, так и контактного происхождения. Кавказ – это сложившееся историко-культурное сообщество, представленное многими народами и конфессиями; это – своеобразная социально-этническая среда, развивающаяся по своей внутренней логике, стремящаяся сохранить свою самобытность и заимствовать лучшие качества других культур[116].

У народов, издавна проживавших друг с другом рядом, было особенно много заимствований. Исследователь военного дела В.Б. Вилинбахов пишет, что «Кавказские казаки, заимствовав от горцев, в первую очередь от кабардинцев, буквально всё, начиная от одежды и кончая тактикой ведения боя, резко выделялись среди всех казачьих войск».

Лучшее знание культуры, истории коренных народов формировало бережное отношение друг к другу[117].

Основой развития хозяйственно-культурного взаимовлияния между чеченцами, с одной стороны, и русским населением Терека в лице казачества – с другой, была реальная взаимозависимость и взаимозаинтересованность, возникшая в процессе укрепления многовекового соседства. В XVIII в. многие гребенские казаки хорошо знали северокавказские языки, в том числе и чеченский. Интересно отметить, что чеченцы стремились обучать своему языку даже русских пленных. Документ 1757 г. рассказывает, что пленного казачьего мальчика «хозяева содержат в хороших условиях и обучают по-татарски грамоте». В тоже время в чеченском языке был усвоен ряд слов, которые по форме и значению совпадают с русскими[118].

Именно Кавказская война отличалась тем, что на форму и оружие русской армии оказали особое внимание военно-культурные традиции местных народов. Вместо ранцев солдаты стали использовать холщовые мешки, а сапоги, которые они берегли для парада, заменялись на кожаные горские чувяки и шерстяные портянки, перевязанные до колен ремнями. Это была наиболее целесообразная обувь по своей простоте, дешевизне, легкости и способности быстро высушиваться. На Кавказе у офицеров считалось большим шиком иметь под сюртуком толковый бешмет и на поясе кинжал[119].

Начиная с 1800-х гг., и более активно – с 1810-х гг., в ходе военных действий, многие офицеры русских войск на Кавказе начали сочетать предметы своего обмундирования с элементами горского национального костюма и вооружения, или же полностью заменять форменный мундир данным комплектом. Тогда же мода на кавказское оружие и одежду получает широкое распространение среди нижних чинов, и даже прислуги. Многие офицерские слуги и войсковые маркитанты «были в черкесском платье»: папахи, архалуки (бешметы), чекмени (черкески) и бурки. В целом, причину перехода на местные образцы и казаков, и гражданского населения, и военных предугадать нетрудно: они были красивы, удобны и приспособлены как нельзя лучше, к местному климату и роду войны. В красоте и одновременно простоте и надёжности кавказской одежды – залог её исключительной популярности среди офицеров Отдельного Кавказского корпуса.

Нельзя не отметить и изящный дизайн костюма, наиболее удовлетворяющий эстетике мужской фигуры, формировавший своего рода

культ мужественности, таивший скрытую угрозу. «Мужская одежда у черкес, – сообщает Хан – Гирей, – красотою и удобностью превосходит все одеяния, мне известные, не только в Азии, но даже и в Европе…» Возвращавшиеся в Россию офицеры увозили с собой черкесский костюм и оружие[120].

Наряду с русскими у терских казаков были в ходу горские музыкальные инструменты – зурна, свирель, горская двухструнная балалайка и даже барабан. На всех этих инструментах играли мужчины, а на гармонике – обычно женщины. Это же мы видим и у чеченцев. «В 80-90-е годы XIX века, – пишет Б.А. Калоев, – значительное распространение у плоскостных чеченцев получили русские гармоники. На гармониках, как правило, играли женщины, но были и мужчины гармонисты, а на местных музыкальных инструментах почти исключительно играли мужчины…»[121]. В Чечне и Ингушетии в музыкальном быту флейте придавали большое значение. С помощью духового инструмента чабаны могли управлять стадом овец специальной пастушьей мелодией. На флейте ночью играть не разрешали, так как считалось, что скот ночью должен отдыхать[122].

В классификации чеченских музыкальных инструментов ведущее место занимают струнно-смычковые (адхоку – пондур, атух – пондур, дечик – пондур, чандырг). Атух – пондур – 3-х струнный смычковый инструмент. Основная его составляющая – деревянный долбленный корпус в виде чаши, поверх которого натянута кожаная мембрана; на дне и мембране имеются сквозные отверстия. Дечик – пондур – 3-х струнный щипковый инструмент, семейства от пиколло до контрабаса. К следующей группе относятся духовые инструменты: дутра, маа, цузам, шедаг. Дутра – продолговатая открытая флейта из камыша, калины, орешника с 7 игровыми отверстиями. Маа – бычий рог с 6 игровыми отверстиями. Цузам – духовой инструмент из тростника или гусиного пера с нарезным язычком. Шедаг – разновидность зурны, но без раструба. Также у чеченцев широко были распространены гармоники будьхара и бузика. Будьхара – «кавказская» гармоника с 18 и более клавишами. Бузика – однорядная «восточная» гармоника, которая звучит более сильно и резко. Музыкальное исполнение обычно дополнялось игрой бубнов (жирга, жиргиа)[123].

В 1905 году, в «Русской Музыкальной Газете» Д.И. Аракчеев опубликовал список кавказских инструментов, находившихся в музее Московской консерватории[124]. В музее Московской консерватории в 1905

году экспонировалось десять музыкальных инструментов: 8 грузинских, 1 осетинский и 1 инструмент не выявленного происхождения. По описанию, сделанному Д.И. Аракчеевым, это был деревянный инструмент, напоминавший ладью с двумя «носами». Струны из конских волос были надеты на довольно высокую «кобылку». Общая длина инструмента составляла 17 верш. Смычок – длинный, дугообразный, из конских волос. Звук его напоминал комариное жужжание. Данные инструменты, за исключением пальцевого фандыра, выставлялись и в Дашковском Этнографическом музее. Некоторые из кавказских музыкальных инструментов хранились также в музее Филармонического училища[125].

Музыкальная культура была хорошо развита у чеченцев не только на риторическом, но и на высоком профессиональном уровне. Первым чеченским композитором стал Абдул-Муслим Магомедович Магомаев, уроженец Старых Атагов. Его потомком является известный советский певец Муслим Магомаев. Будущий композитор получил образование в Грозненской горской школе, где обучался с 1892 по 1900 год[126]. Прекрасно знал и высоко ценил музыкальное творчество кавказских народов М.И. Глинка. Его знаменитая «Лезгинка» из оперы «Руслан и Людмила», в основу которой были положены национальные напевы, музыка, танцы кавказских народов, сконцентрировала в себе национальное своеобразие, колорит, яркую и богатую палитру музыкального дарования горских народов[127].

Астафьев в балетной сцене и Кюи в опере возродили образы «Кавказского пленника». Всем известны музыкальные сценические воплощения лермонтовской «Бэллы». Кавказские мелодии звучали в опере Рубинштейна «Демон» и в симфонической поэме Римского-Корсакова «Шехерезада»[128].

По наблюдениям Д. Семенова, горцы с жадностью слушали и легко принимали мотивы музыки, и русской народной и европейской. «Россини, Моцарт и Беллини, – отмечал краевед, – могут заставить горца простоять на месте неподвижно целый час. Они не турки и не китайцы, которым больше нравиться настройка музыкальных инструментов, нежели сама музыка. Поэзия их песен, похоронных, предсмертных, воинственных и страдных, известна нам по некоторым переводам, а увлечение, с которым они предаются всякому чувству, дружбе, любви, мщению, даже чувству к своему коню, показывают вовсе не расчетливую, а исключительно положительную натуру…»[129]. По воспоминаниям И. Ограновича, приглашенный к чаберлоевскому наибу Дубе старик – му-

зыкант много играл народных песен, лезгинку. В заключении он сыграл несколько военных сигналов и, наконец, «подъем», пояснив, что все это он заучил, когда ходил с Шамилем в качестве трубадура и поэтому часто слышал, как русские музыканты играли в лагерях[130].

В исламе нет своей культовой музыки, хотя известно, что музыка – источник самого сильного, эмоционального и психического воздействия на человека. В суфизме этот пробел восполнен: музыка введена в арсенал средств, используемых для общения с Богом, она является ритуальной частью зикра. В обрядовый ритуал зикра Вис-Хаджи в дополнении к барабану ввёл музыкальный инструмент, напоминающий скрипку. Висхаджинцы считают, что игра на скрипке во время зикра услаждает их слух, что и ангелы прислушиваются к её мелодии. Поэтому они с умилением слушают музыку, считая это особой благодатью Аллаха, ниспосланной им, чтобы смягчать и очищать чувства и мысли верующих.

Суфии всегда смотрели на музыку, как на самое лучшее средство при постижении гармонии души. Руководитель суфийского братства муалавийа Джалал-ад-дин Руми, известный как Муалана (Наш господин), ввёл музыку в свой орден, как обязательное занятие. Слушая музыку, прославляя блаженную память своих учителей, считал он, ученики испытывают высокое наслаждение. В сурах Корана отсутствовал прямой запрет на музыкальное исполнительство. Факихами были созданы положения, разрешающие музыцирование, суть которых сводилась к следующему: «Вполне допустимо слушать музыкальные инструменты, если они не используются для развлечения и если это не ведёт к греховности». Таким образом, музыкальное исполнительство прочно внедрилось в коллективное радение суфиев кадирийа и других братств[131].

Особого внимания заслуживают героико-эпические илли (песни) чеченцев, сложившиеся как жанр в XVI – XVIII вв. – в период роста и утверждения национального самосознания чеченского народа. Лейтмотив эпоса илли – гимн человеческому разуму, предотвращающему вражду между людьми, приносящему им равноправие и свободу, реализующему стремление чеченского народа жить в мире и дружбе с другими народами. Следует отметить, что сложные по исполнению героико-эпические песни-илли вызвали появление профессиональных «илланчи», живших за счет исполнения песен и передававших тексты от отца к сыну. Их надо отличать от «пондарчи», также профессиональных музыкантов, но исполнявших танцевальные и лирические мелодии, а также шуточные песни[132].

Интерес представляет и песенный жанр, в котором на смену героико-эпическим, историческим песням приходят другие жанры – религиозные назмы, лирические песни, песни тюрем, каторги, ссылки. Если традиционные песни отражали типические явления в образе одного или нескольких персонажей, то песни тюрем, каторги, ссылки чаще всего не воспроизводили непосредственно общественные конфликты, а показывали их отражение в индивидуальной человеческой судьбе. Они строились на сюжетных ситуациях, характерных для жизненного пути лирического героя: ссылка в Сибирь, причины ссылки, отношение ссыльного к Сибири:

«Не зная вины, я томлюсь
в этой мрачной Сибири
Звенят кандалы на ногах,
Я навеки в безрадостной шири»[133].

Первая публикация чеченской народной песни в нотной записи состоялась в «Азиатском музыкальном журнале», выходившем под редакцией Ивана Добровольского в 1816-1818 годах в Астрахани. В архиве русского писателя, критика, музыканта и фольклориста Владимира Федоровича Одоевского сохранились нотные записи шести чеченских песен, сделанные И.А. Клингером. Сама рукопись И.А. Клингера была посвящена описанию его пребывания среди чеченцев, в ней было много этнографических материалов и наблюдений талантливого исследователя над жизнью и бытом чеченцев [134]. Российский боевой офицер капитан И.А. Клингер, проведя в плену два года в чеченском селении Осман-Юрт, выучил чеченский язык, составил нотную запись чеченских песен, а также сделал несколько акварельных зарисовок из жизни чеченцев[135].

Очень оригинальной у чеченцев была музыка народных маршей, исполняемая в темпе кавалерийских маршей. Для инструментальной народной чеченской музыки очень характерны небольшие перерывы – короткие паузы. Музыка применялась чеченцами и в народной медицине. Резкие боли успокаивали игрой на балалайке специальной музыкой. Мотив этот под названием «Мотив для облегчения нарыва на руке» был записан композитором А. Давиденко и нотная запись его дважды публиковалась (1927 и 1929 гг.)[136].

Чеченцы, как и другие народы, считали здоровье самым большим богатством, истинным счастьем. Одновременно они были глубоко убеж-

дены в том, что здоровье, физическая сила не приносят подлинного счастья, если они не соединены с духовной культурой, высокой нравственностью. По традиционным представлениям чеченцев сущность человека состоит из трех начал: физического, душевного и умственного. Гармоничной может быть лишь та личность, у которой все три начала занимают соответственно отводимые им по иерархии места, дополняя друг друга[137].

Чеченцы уже в глубокой древности занимались спортом. Об этом свидетельствует старейший на Кавказе стадион, находящийся на земле общества Пешха (пешхой). Древнейший стадион предназначался для военных и спортивных игр[138]. Особенно популярной у чеченцев была «конная борьба». А.И. Краснов писал: «…в Чечне и Ингушетии широко была распространена борьба на лошадях – так называемый «поединок». Всадники старались стащить друг друга с лошади или же крупом своей лошади свалить с ног другую лошадь. Эта борьба требовала от всадника умения в совершенстве управлять лошадью и самому прекрасно держаться на ней. История возникновения этого «поединка» относится к далёкому прошлому»[139].

В прошлом физическое воспитание женщин и мужчин мало, чем отличалось, так как им наравне с мужьями приходилось скакать на лошади, метко стрелять, охотиться, выполнять тяжёлые работы с поднятием тяжестей. Обри Де-Ля-Мотре, иностранный путешественник, посетивший Кавказ в начале XVIII столетия, писал о том, что горянки «…такие же хорошие всадники, как горцы, настоящие джигиты»; они «…подобно мужчинам ходили на охоту и не менее ловко стреляли из лука… Это достаточно подтверждает истинную или ложную историю амазонок…Действительно, в дальнейшем я видел множество всадниц с колчанами за плечами и с луком в руке или с хищными птицами на руке. Всадницы мчались галопом, сидя верхом, как мужчины». Есть также сведения, что чеченские женщины участвовали в скачках вместе с мужчинами[140]. Издревле вплоть до XIX века ежегодно горянки на один день уходили, оставив семьи и даже неотложные дела, в безлюдную местность. Там, собравшись в круг, избирали самую мудрую, благочестивую и авторитетную своей царицей. Выделяли ей из числа юных, красивых, сильных девушек свиту и охрану. Одетые во все мужское и при полном вооружении предавались далеко не женским делам: пиршествовали, плясали, по-мужски, состязались в стрельбе, джигитовке, проводили скачки и т.д.[141].

Все праздники горцев сопровождались играми и спортивными состязаниями. Повсеместно были распространены бег (один из видов – бег в гору), борьба на руках, прыжки (когда прыгали с места, то в полете отталкивались от зажатых в руках булыжников, отбрасывая их назад), прыжки со скал в воду, фехтование, поднятие тяжестей, метание камней, бросание аркана, борьба, акробатика, перетягивание каната над рекой или ямой, хождение по канату, на руках, на лыжах и ходулях, плавание, гребля, альпинизм.

Чеченский вид фехтования был разнообразным и имел спортивный характер. Этому виду спорта дети обучались на деревянных саблях изготовляемых специально для обучения детей, поэтому чеченские дети умели отражать удар противника не только щитом, но и шашкой. Фехтовальные поединки были очень популярны среди чеченцев и собирали большое количество людей. У чеченцев существовал и такой вид занимательного зрелища, как акробатические номера канатоходцев – «пелхью». Их искусство отличалось большим мастерством и смелостью (например, скольжение по канату, стоя обеими ногами в медном тазу)[142].

В особом почете были конно – спортивные игры, скачки[143].

А.С. Пушкин в поэме «Тазит» так описывает скачки и игры горцев:

Ущелий горных поселенцы
В долине шумной собрались –
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелою шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.
То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют – и гул лесной
Далече вторит их напевы[144].

У чеченцев одна из конных игр называлась «мархх»: барана спускали в яму и закрывали ее плетнем, по краям которого клали большие камни. Из отверстия в плетне выглядывала голова барана, которого всадник на полном скаку должен был вытащить из ямы. Игра эта требовала большой силы и ловкости. Особым развлечением были пе-

тушиные и собачьи бои, бои баранов и быков, которые устраивались в аулах, между аулами и между обществами[145]. В Чечне также играли и в «Конное поло». Эта игра особенно популярна была среди пастухов, которые вместо мяча играли войлочной шляпой и шапкой набитой травой, а ракетки заменяли им пастушьи палки из березы. Игроки делились на две команды. Старший забрасывал мяч в степь, и обе партии бросались его искать. Игра в основном происходила в лунные зимние и летние ночи. Выигрывала та команда, которая первая находила мяч. Партия нашедшая мяч, стремилась привести его к центру поля, в чем ей препятствовала другая партия игроков[146].

Правила соревнований довольно часто отличались сложностью и оригинальностью. Например, при скачках со стрельбой, всадники, приблизившись к линии огня, должны были спешиться, заставить лечь коня, спутать ему ноги ремнем и, используя лошадь в качестве упора, вести стрельбу по мишеням. Побеждал тот, кто быстрее всех приходил к финишу, поразив при этом все мишени[147].

Ещё в 1838 году возле крепости Грозной прошли первые крупные соревнования, в которых принимали участие не только офицеры и солдаты гарнизона, но и казаки, и чеченцы из близлежащих селений – всего около 400 человек. В джигитовке лучшими были признаны чеченец А. Битаев и гребенской казак У. Родионов; в стрельбе и рубке лозы победила команда, составленная из офицеров, а в прыжках через поставленную бурку – казак Лисенко. Массовым увлечением грозненцев был альпинизм и футбол. В Грозном было две футбольные команды, в том числе одна команда рабочих – нефтяников. В конце XIX века в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Осетии, Кабарде, Балкарии начинают свою деятельность общество любителей велосипедного спорта, общество пешеходов, охотников, кружки любителей шахматной игры. В Грозном создается англо-русское Максимовское общество и Крикет-лаунтеннис клуб[148].

Охота являлась для горцев формой военно – физического воспитания. Облавная охота проводилась несколько дней. В ней принимало участие большое количество людей. Облавная охота, как правило, проводилась на большой и сильно пересеченной местности с большим количеством собак, орлов и соколов. Каждый из охотников выполнял свои функции: одни из них были загонщиками, другие находились в засаде и являлись непосредственными охотниками-стрелками. Иногда выстрелы и прыжки зверя вызывали горные обвалы, которые нередко увлекали за собой и охотников[149].

Характерной особенностью народных видов борьбы на Северном Кавказе является борьба только в стойке. Она проходила у некоторых народов под аккомпонимент национальных музыкальных инструментов, причем борцы непосредственно перед схваткой исполняли танец. Однако к концу XIX века музыкальная прелюдия перед схваткой стала исчезать. Вполне возможно, что на это повлиял низам Шамиля, по которому имам запретил танцы и музыку. Специальной формы одежды у народных борцов не было. В Ичкерии, например, боролись в вязаных (вязка была плотной) из козьей или овечьей шерсти или конского волоса куртках с длинными рукавами[150]. Широкое распространение борьбы вызывало опасения у руководства. Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе в 1893 году направил специальный циркуляр всем губернаторам Кавказского края. В нем указывалось: « Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, принимая во внимание, что устраиваемая в садах и других гульбищных местах борьба в виде публичного зрелища весьма часто сопровождается увечьем борцов и нарушением общественной тишины и порядка со стороны присутствующей публики, признал нужным на будущее время вовсе воспретить таковые публичные зрелища во всех городах края. Об этом имею честь сообщить губернаторам Кавказского края для соответствующих распоряжений»[151].

Одними из самых древних и популярных были соревнования по бегу. Чеченская устная традиция рассказывает о скороходе Ибрагиме, жившем в притеречье в начале XX века. Ибрагим прославился тем, что легко обгонял самую резвую лошадь... На соревнованиях, дождавшись, пока всадники его догонят, он вновь их опережал и был у финиша первым[152]. К состязаниям по бегу, которые приурочивались к разного рода празднествам, готовились специально. Нередко тренировались в тяжелых шубах, в массивной обуви или с грузом за спиной. Победа на состязаниях по бегу, равно как и в других видах, считалась у горцев большой честью. Имелся ряд приемов колдовства, с помощью которого, якобы обеспечивали удачу одним и проигрыш другим. В некоторых районах Чечни (Ведено, Старые Атаги, Ачхо-Мартан и др.) было принято держать во рту пулю, чтобы выиграть забег. Интересно, что бегуны в прошлом зачастую не снимали черкеску, бешмет, папаху, кинжал и пистолет, что серьезно увеличивало нагрузку, но добавляло зрелищности и азарта[153].

Широко практиковалось на Северном Кавказе катание на санках, которые в бытовых целях использовались горцами с древнейших

времён. На санях катались и девочки до 9-10 лет. Спуски на санках, как и на горных лыжах и коньках, производились на скорость, на дальность и сложность маршрута. Встречались спуски сидя (ноги по бокам волочатся, ноги впереди, на корточках, по-турецки), лежа боком, на животе (головой вперед), на спине (головой назад).

Всевозможные скатывания со склонов гор бывали одиночные и групповые, когда несколько человек, взявши друг друга за талию, образовывали цепочку. При этом тех, кто в конце упадёт, наскочит на другого, вовремя не встанет, осуждали; нередко таких даже не пускали кататься цепочкой. Один из катающихся на коротких лыжах становился на старте, остальные, человек 10-15, катающиеся с горки взяв друг друга за бока, садились как бы на корточки, но чаще полу приседая, и с помощью наиболее опытного лыжника искусно направлявшего их, вместе скатывались вниз. Игра доставляла всем огромное удовольствие, потому что в процессе катания подшучивали друг над другом, стремились к тому, чтобы все вместе упали на бок или кувыркались[154]. Катание на горных лыжах начиналось в 5-6 лет, катание на коньках с 8-9 – летнего возраста. Почти в каждом селении имелось 1 – или 2-3 катка, куда собирались обычно к концу дня дети и катались на коньках. На горных лыжах с более широкими полозьями подростки летом спускались со склонов гор по сухой, выжженной солнцем траве [155].

Горская молодежь присутствовала на русских праздниках и принимала активное участие в различных состязаниях и играх русского народа. Горцы охотно воспринимали русские игры, дополняя их своими национальными элементами. Дети горцев учились совместно с русскими и играли с ними в свободное от занятий время в «городки», «лапту», «чехарду», «прятки», «гуси-лебеди», «третий лишний». Русский народ воспринял различные северокавказские игры: в шашки, в «альчики», игры с метанием ножей и кинжалов в цель и на дальность. Некоторые из средств физического воспитания горцев входили в программу подготовки кубанского и терского казачества[156].

В конце 60-х годов XIX века на территории Терской области были сделаны важные археологические открытия. Один из исследователей Северного Кавказа, А.П. Ипполитов открыл в 1867 году в отрогах хребта между реками Андийским-Койсу и Шаро-Аргуном замечательный памятник древности. Это были медные литые статуэтки, величиной не больше нескольких дюймов, изображавшие людей совершенно обнажённых, со шлемами на голове и с дротиками в руке. Между тем у горцев

Мароевского общества они были известны под именем «христианских богов». В 1869 году Хабогием Кануковым случайно были обнаружены могильники в селе Верхний Кобан, многочисленные находки бронзовых вещей послужили толчком к изучению кобанской культуры[157].

Стихийные археологические раскопки начались с того, что по Чечне пронёсся слух, будто – бы около Алдов кто-то нашёл в кургане необычайной величины алмаз. Эти слухи сами по себе уже взбудоражили чеченцев, а тут ещё кто-то пустил в ход молву, что жители Малой Кабарды давно уже обогащаются за счёт курганных находок. К концу января 1888 года много курганов уже были разрыты[158]. Представители научных обществ, комиссий, работники музеев, краеведы, коллекционеры выкупали у местных жителей уникальные археологические предметы, а порой и целые комплексы вещей. Именно таким путём были приобретены в XIX веке известным австрийским археологом Фр. Ганчаром замечательные археологические коллекции 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э. в обществе «Чинахой» в Аргунском ущелье и вывезены в Австрию (сейчас хранятся в Венском музее). К сожалению, подобная скупка древних предметов приезжими людьми способствовала развитию кладоискательства. В итоге в конце XIX века хищническое разрушение памятников старины приняло катастрофические размеры[159]. Практически всё население Сержень – Юрта занялось раскопками курганов. Между Джалкой и Урус – Мартаном было найдено множество бронзовых и серебряных изделий. Все эти предметы перешли в руки ремесленников и были переплавлены в слитки, а бронзовые находки выбросили, т. к. их стоимость была очень низкой.

Крест с серебром или платиной был найден в кургане недалеко от аула Чечен. В Аргунском ущелье, в древнем могильнике около села Соной нашли бронзовый полушарик с рельефным изображением женского лика, окружённого зубчатым венчиком. В одной из древних башен Аргунского ущелья был обнаружен крест лепной работы[160]. За рекой Аргун нашли в кургане золотой пояс с драгоценными камнями, в Грозном он был продан за 200 рублей. В Герменчуке откопали шашку, печать и две медали. Муллы предупреждали население о греховности их действий. Они говорили: «…грешно отрывать кости покойников». Местная администрация также поспешила запретить археологические раскопки «любознательных джигитов»[161]. Многие чеченцы опасались вести раскопки, т.к. существовали предания и легенды, гласившие о том, что «холмы нельзя разрывать». В случае нарушения данного запрета могли

обрушиться разные беды и несчастья не только на непосредственного «разрушителя могил», но и на весь его род[162].

Многие археологические открытия чеченцы делали случайно. Осенью 1911 года житель села Шатой, Махмуд Гаирбеков охотился на зверей в районе 4 участка Грозненского округа, где и обнаружил пещеру, а в ней находились «два металлических предмета старой древности, изображающих истуканов, напоминающих какой-то символ». Первый предмет изображал обнажённого мужчину, сделанного из меди или бронзы и напоминавшего куклу. Руки у этого истукана были отбиты, а соски были как у женщины. Второй был тоже мужчиной, но у него было два лица. Правая рука его была сложена на груди. После того, как находки были сделаны, М. Гаирбеков не стал их продавать, как все остальные, на рынке в Грозном, а написал письмо и отправил посылку с предметами древности в Музей Его Императорского Величества Александра III, в С.-Петербург. Житель села Шатой просил купить музей высланные предметы и ещё предлагал для продажи старинные, разнообразные монеты. Между М. Гаирбековым и музеем завязалась переписка, о результатах которой нам неизвестно[163].

Кавказ давно привлекал научный мир своей неопознанностью, но исследователям мешали военные действия, проводившиеся там. Первые археологические раскопки на Северном Кавказе были проведены в 1849 году А. Фирковичем, представителем Русского археологического общества. В Чечне же, в 1850 году у крепости Воздвиженской на реке Аргун (близ современного села Старые Атаги) во время строительных работ были найдены бронзовые и железные предметы. С этих находок и начинается археологическое изучение Чечни[164]. В 1871 году известный кавказовед А.П. Берже представил II Всероссийскому археологическому съезду записку об археологии Кавказа. В то время это была сенсация. Изучению мусульманских древностей было уделено существенное внимание лишь на IV Казанском съезде в отделении «древности восточные», причем значительную часть вопросов (из разряда «древности мусульманские») составили вопросы истории Волжской Булгарии и этнографии поволжских татар. В программе Тифлисского съезда был поставлен лишь один вопрос, аккуратно выделенный в отдельный раздел «древности мусульманские» – про особенности погребального обряда мусульманского населения Кавказа[165].

Тем не менее, как отмечает Е.И. Крупнов, « поворотным моментом в изучении археологии Северного Кавказа явился V Археологический

съезд, состоявшийся в 1881 году в Тифлисе. Его влияние на общее развитие историко – археологического и этнографического изучения всего Кавказа в дореволюционный период России было исключительно велико». В частности, начался бурный процесс накопления археологического материала благодаря учёным, работникам музеев, краеведам и коллекционерам – Г.Д. Филимонову, В.Б. Антоновичу, А.С. и П.С. Уваровым, А.А. Руссову и другим[166]. Наиболее распространенным было восприятие Археологического съезда, основанное на традиции уважения к науке и просвещению, особенно сильной в 1860-70-е гг. Обозреватели с восхищением писали о приехавших ученых, публичных заседаниях, усердно посещавшихся публикой. V Археологический съезд был назван одной из газет «недельным пребыванием университета в Тифлисе». Украшением съездов были выставки. Археологические съезды действительно становились просветительским мероприятием, беспрецедентным для российской провинции[167].

В 1874 году М. Смирнов выступил на страницах газеты «Кавказ» с предложением Археологическому обществу работать над этнографией Кавказа параллельно с Географическим и при участии Медицинского общества. В своей статье он настаивал на невозможности основывать классификацию происхождения народов по изучению особенностей языка как элемента слишком непостоянного и призывал больше внимания уделять физическим и психологическим чертам кавказских горцев. С возражениями по этому поводу выступил Г. Загурский, который находил «странным, что здешнему Археологическому обществу, находящемуся еще в пеленках, приняться за антропологические исследования». «Да и дело ли археологии браться за исследование анатомо-физиологических признаков живых субъектов» – добавлял он. Его оппонент, М. Смирнов, привел для сравнения положение во Франции, где уже удалось в то время составить карты народонаселения по показателям роста людей. В Европе, как правило, эти исследования проводились во время рекрутских наборов и при приеме больных в лечебные учреждения. На Кавказе он предлагал организовывать научные экспедиции для антропологических исследований населения[168]. Однако предложение М. Смирнова не нашло поддержки у археологов.

Графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840-1924), археолог, председатель Московского Археологического общества, жена и сподвижница А.С. Уварова, основателя Московского Археологического общества и Российского исторического музея, часто посещала Кавказ, как с архе-

ологическими экспедициями, так и с семьей. В ее воспоминаниях говорится о том, что она специально предпринимала поездки в те нагорные области, которые пугали исследователей– мужчин своей отдаленностью от больших дорог, а также отсутствием удобных ночлегов и хорошей пищи. Впоследствии Московское археологическое общество издало ряд ее научных работ, посвященных археологии Кавказа[169].

В 1879 году Всеволод Фёдорович Миллер в первый раз посещает Кавказ и обследует предгорья Главного Кавказского хребта. В 80-х годах XIX века он бывал на Кавказе практически ежегодно. Летом (июнь-июль) 1886 года, Императорское Московское археологическое общество, на высочайше дарованные средства, командирует В.Ф. Миллера для сбора сведений об остатках древнего христианства на Кавказе и с целью обследования древних памятников и могильников Терской области. Исследование проходило в западной и южной части Чечни – между Сунжей, Аргуном и Тереком: через укрепление Аргунское – в укрепление Шатой, через Нихалой, Барзой, Мазарой – в Хайбах – Галанчодж – Воуги. В селе Хайбах В.Ф. Миллером были сделаны зарисовки плиты с крестом, а также он зарисовал другую плиту с крестами, найденную в башне Хайбаха[170]. Одним из итогов работы экспедиции послужил доклад «О результатах сделанных исследований в Чечне»[171].

В 1888 году В.Ф. Миллер публикует ряд зооморфных находок, собранных им во время археологических разведок в 1886 году по Терской области из Балкарского и Чегемского ущелий, некоторые из них имели скифские черты. Исследователь отмечает своеобразие этих находок, по поводу «лежащего на коленях оленя с головой повернутой назад», он делает заключение, как о мотиве, известном в греческом искусстве. Исследователь находит тождество некоторых зооморфных находок с дигорскими, кумбултскими в Северной Осетии и ичкерийскими в Средней Чечне, считая, что они были изготовлены местными мастерами[172]. При раскопках в курганах в 1888 году, находившихся около города Грозного, был найден «целый дом». Об этой находке было сообщено в Петербург, в связи с чем ожидался приезд археологической комиссии[173].

В 1888 году археологические исследования в Чечне провёл председатель Археологической экспедиции А.А. Бобринский. Им были обследованы окрестности сёл Алхан – Юрт, Алхан – Кала, Урус – Мартан, Куллары и другие. Раскопки Бобринским могильника кобанской культуры близ с. Урус-Мартан выявили зооморфные находки скифо – савроматского стиля. Эти находки привлекли внимание учителя Влади-

кавказского реального училища В.И. Долбежева, который отметил, что отлитые из бронзы звериные головки и фигуры зверей, домашних животных носят оригинальный фантастический характер. Во время работ под г. Грозным А.А. Бобринского в 1886-1888 г. вблизи ст. Ермоловской было обнаружено городище, в котором присутствовали слои скифского и сарматского времени. Золотые серьги, украшения в виде барашков, перстни с разными цветными камнями, части конского убора, бляхи со вставленными красными стеклами и аметистами и другие вещи, были найдены при раскопках курганов в Грозненском и Хасав – Юртовском округах Терской области[174].

В 1900 году в ходе раскопок Г.А. Вертеповым могильника у с. Урус-Мартан был найден железный нож с зооморфно оформленной бронзовой рукояткой. Эта находка вызвала интерес у А.Спицина, который посвятил ей свою статью, изданную в 1902 году[175]. Краевед Вертепов, в 1900-1901 годах раскопал более двадцати курганов около села Урус-Мартан, а материалы этих раскопок были переданы в Эрмитаж. В 1891 г. в окрестностях села Хатуни была найдена большая бронзовая поясная пряжка, выполненная в зверином стиле (VI – IV вв. до н.э.). Вблизи села Ножай-Юрт в конце XIX в. также была найдена бронзовая поясная пряжка – умбон, относящаяся к VI – IV вв. до н.э. В настоящее время они хранятся в Государственном Эрмитаже[176].

В то же время археологические раскопки и коллекционирование древних вещей проводил представитель местной военной администрации – помощник начальника Грозненского военного округа Н.С. Семёнов, написавший несколько интересных работ по краеведению[177]. Исследуя археологические памятники Чечни в 1882 году Н.Семенов также обнаруживает зооморфный материал, в частности пряжки «типа Исти-Су».

Всемирную известность памятники майкопской культуры получили уже в конце XIX века после открытия Н.И. Веселовского в Адыгее в 1897 году Большого Майкопского кургана. Следы майкопских захоронений обнаружены у с. Бачи-Юрт на территории Чеченской Республики. Культура майкопских племен была приспособлена к особенностям климата того времени с его малоснежными или бесснежными зимами. Заметные трансформации климата в конце атлантического периода – в начале суббореального периода голоцена по данным Е.А. Спиридоновой принесли в Предкавказье снежные покровы. Изменения были столь резкими, что позволяют ставить вопрос об экологической катастрофе для

ранних земледельцев и скотоводов. Например, на Тереке, там, где была степь, начали расти леса с широколиственными и хвойными деревьями. Именно на этом фоне глобальных перепадов климата исчезает майкопская культура[178].

Археологические источники по майкопско-новосвободненской общности иллюстрируют феноменальную культуру населения Кавказа, сформировавшуюся именно в зоне стыка культурных традиций земледельцев и скотоводов Передней Азии и племен раннего бронзового века юга Восточной Европы. Общество майкопских племен было своего рода культур-трегером на границе степной зоны Восточной Европы, создавшим здесь даже свою зону или провинцию влияния.

За пределами основного ареала майкопских племен металлическая посуда встречается редко. Способы изготовления майкопской металлической посуды еще во многом не ясны. Поражает высочайшее искусство майкопских медников производить сосуды с толщиной до 1 мм. Независимо от размера. Как правило, майкопская металлическая посуда не имеет швов (Бамутские бронзовые сосуды). Майкопские племена первыми изобрели настоящее металлическое ведро. Для керамики майкопско-новосвободненской общности характерны миски. Вероятно, это связано с широким использованием в быту каш, разных похлебок и другой растительной пищи. Миски знали и кочевники, например, бедуины, но нет данных, чтобы они производили в массовом порядке круговую и лепную керамику внушительных форм, которую трудно транспортировать. Огромные пифосы, чаны, большие лепные горшки скорей всего свидетельствуют об их производстве в среде оседлого или полуоседлого населения. Самый крупный пифос достигал в высоту 102 см. при диаметре до 100 см. Чаны также могли достигать в диаметре 100 см. при высоте более 50 см. По свойствам бытового назначения майкопская посуда Терского региона уже была подразделена на холодную, круговую, столовую и горячую, лепную, кухонную[179].

Присутствие антропологических представителей южно-европеоидной расы в составе майкопско-новосвободненской общности, безусловно. Наличие лексических заимствований из северокавказского в праиндоевропейские и в отдельные индоевропейские группы заставило ученых предполагать, что индоевропейский в Европе «наложился» на северокавказские и близкие им языковые группы. В лексиконе праиндоевропейцев присутствуют довольно высокие горы с большим количеством различных типов скал и острых или больших круглых камней. Иногда

эти горы покрыты лесом. Имеются слова, обозначающие узкие проходы, ущелья, пещеры, обрывы и пропасти, речные долины и заливные луга. В связи с этим можно предположить, что прародина европейцев находилась в умеренной зоне горного леса, возможно, это был Кавказ.

Носители прасеверокавказского языка уже к моменту его распада находились на довольно высоком уровне развития. Лексический анализ позволяет констатировать у них наличие скотоводства (крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи, лошади), земледелия (с возделыванием проса, ячменя, пшеницы), а также по меньшей мере начальную стадию металлургии. Современные ученые пришли к выводу о вхождении в северокавказскую языковую семью таких языковых групп, как хурритоурартская, хаттская, баскская и, возможно, тирренская (этрусский с его ретийским диалектом) и бурушаски-вершикская (Памир)[180]. При раскопках Сержень – Юртовского поселения было выявлено поквартальное размещение бытовых комплексов (жилищ, производственных и культовых сооружений), разделенных узкими улицами. Улицы были вымощены булыжником среднего размера. Всего в слое конца XI – VII вв. до н.э. были открыты 4 такие мостовые. Мостовые Сержень – Юртовского поселения пока уникальны в археологии Кавказа даже на современном этапе. Они являются ценным свидетельством бытования элементов сельского благоустройства у населения восточного варианта кобанской культуры. Мостовые – явление местное, порожденное конкретными условиями быта, но возникшее на Северо – Восточном Кавказе, возможно, еще в конце II тысячелетия до н.э.[181].

Этнографический отдел Русского музея Александра III был очень заинтересован в пополнении своих коллекций чеченскими экспонатами. В связи с этим, музей командировал в горную Чечню сотрудника геологического кабинета Киевского университета С.А. Гатуева. Командировка оплачивалась в размере 300-х рублей. С.А. Гатуев передал музею собранные им чеченские вещи (с обозначением их названий на чеченском языке). Коллекция музея пополнилась следующими вещами: ботфортами, подхвостником, серьгами, кольцами, ошейником для вола, скрипкой и смычком[182].

Судя по запискам посещавших Чечню и Ингушетию, башенные произведения вайнахских строителей воспринимались ими довольно восторженно, но суть увиденного сводилась к самым общим словам (Н.К. Зейдлиц, В.И. Долбежев, Н.А. Буш, А. Россикова и др.). Не избежал подобной лаконичности и известный исследователь Чечни А.П.

Берже, хотя благодаря его запискам мы все же знаем те места, где некогда стояли башни. Почти также отнесся к башенным постройкам А.П. Ипполитов, если не считать воспроизведенного им рисунка башен у с. Шатой, сделанного Дюсдердиком[183].

Древняя архитектура горной Чечни (боевые и жилые башни, некрополи и культовые сооружения) представляют собой уникальное явление в мировой культуре. На Кавказе именно у нахов (чеченцев и ингушей) башенная архитектура достигла наивысшего развития. Особенно это проявилось в архитектонике боевых башен, которые являются вершиной средневекового зодчества. Боевые башни строились с соблюдением зеркальной симметрии и пропорциональности всех частей постройки, в удивительной гармонии с окружающим ландшафтом[184].

Не смотря на усилия учёного мира, исследования Кавказа были не столь велики, и одной из причин этого явления, было слабое бюджетное финансирование, в основном всё строилось на энтузиазме отдельных учёных и научных обществ. Вот как эту ситуацию комментировал один из исследователей Кавказа: « Всё, что в этой стране находится под Российским владычеством, открыто для всех учёных исследований но, к сожалению, исследования произведённые здесь, весьма незначительны. Они ещё не имеют никакого соотношения с неизмеримыми материалами»[185]. В 1914 г. все археологические изыскания на Кавказе были прекращены в связи с началом 1-й мировой войны, а потом революции 1917 г. и гражданской войны 1918-1920 гг. После этих событий наступает новый и более яркий и плодотворный период в археологическом изучении горного края[186].

В XIX веке особенно богатыми чеченскими коллекциями располагал Кавказский музей, находившийся в Тифлисе. Сюда уже в ходе Кавказской войны начинали поступать интересные предметы, случайно найденные в ходе боевых действий. В 1856 году барон Вревский подарил музею несколько интересных древностей, найденных в источниках Валерика. Коллекции музея были бы ещё полнее и интереснее, если бы он располагал соответствующим статусом и необходимыми, для покупки у населения предметов – средствами. Официально Кавказский музей был открыт только 2 января 1867 года и в тот – же год соответственно получил бюджетное финансирование[187]. В 1875 году в зале № 1 музея, в котором находились предметы роскоши, экспонировались чеченские серьги, женский пояс и пуговица. На стенах музея висели таблички, извещающие посетителей о том, что костюмы и чучела зверей пропитаны

ядом, поэтому до них не рекомендуется дотрагиваться[188]. В 1899 году в зале № 1 и № 2, помимо чеченских женских серёжек и пояса появились подвески. Особенно ценными считались музейные коллекции, которые в большинстве своём документированы – к ним приложено краткое описание, они привязаны к определённому месту и историческому периоду. В 1889 году, с целью изучения древностей, на Кавказе побывал слушатель историко-филологического факультета Я.И. Смирнов. В коллекциях Кавказского музея в Тифлисе он отметил две бронзовые звериные (волчьи) головки, найденные около с. Аллерой[189].

В Государственном Историческом Музее хранится рисунок художника Бегерова, относящийся к концу 80-х годов XIX века, на котором изображён состоятельный чеченец. В основном коллекции этого музея были собраны на Кавказе историко – бытовой экспедицией в 1936-37 годах[190].

В родовом имении Барятинских Марьино, была собрана богатая коллекция кавказских редкостей времён Кавказской войны. Домашний музей Барятинских в то время по собранию подобных экспонатов, может быть, уступал только Военно-историческому музею «Храм славы» в Тифлисе. Собирателем кавказской коллекции был князь А.И. Барятинский, бывший главнокомандующий Кавказской армии и наместник Кавказа. Неудивительно, что коллекция «победителя Шамиля» пополнялась такими редкими вещами как личная шашка Шамиля, богатое кавказское оружие, ордена Шамиля, а также картины И. Айвазовского, Т. Горшельта, Н. Сверчкова и др., преподнесённые или выполненные по заказу для князя, на которых был запечатлён Кавказ.

В XIX веке на Кавказе побывало около 160 русских и западноевропейских художников. Всех их объединяло одно – сочувственное отношение к горским народам, отстаивающим свою независимость. Многие художники, писавшие на тему Кавказа, были здесь по долгу службы, и суровый край свободы вдохновлял их на создание возвышенных живописных произведений.

Замечательного художника князя Г. Гагарина можно назвать первооткрывателем Кавказа в русском искусстве. После ссылки М. Лермонтова на Кавказ, Г. Гагарин последовал за ним вместе с друзьями поэта. Г. Гагарин – автор альбома литографий «Костюмы Кавказа» (Париж, 1857), а также множества рисунков и акварелей[191].

Именно с кавказским периодом связаны циклы портретных, жанровых и пейзажных зарисовок, составивших лучшую часть графического и

живописного наследия художника. Поэзия обыденного родственна той, какую несут в себе произведения Лермонтова, отличает большинство работ Гагарина того периода. К ним относятся также зарисовки солдат, чеченцев, людей, которых художник встречал в поездках по Большой и Малой Чечне, в казачьих станицах и на горных тропах, тех, чьи образы сконцентрировали в себе многих представителей сурового и воинственного народа. На первый взгляд эти изображения, лишенные какой-либо сюжетной канвы, воспринимаются исключительно как типологические. Однако, всматриваясь в сильные и стройные фигуры, красивые, полные достоинства лица, невольно ощущаешь доброжелательность и симпатию, которую испытывал художник по отношению к этим уроженцам станиц и аулов.

Григорий Григорьевич Гагарин – личность универсальная. Редко кто из современников сочетал в себе столь разнообразные дарования, воплотившиеся в разных сферах творческой деятельности. Этот талантливый, европейски образованный художник проявил себя в живописи, и в графике, где он иллюстрировал произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.А. Соллогуба, и в архитектуре – в строительстве храмов русско-византийского стиля, которые сам же часто и расписывал. Нее менее важны научные изыскания Гагарина в области археологии, а также его деятельность в роли вице-президента императорской Академии художеств[192].

Большой вклад в описание Кавказской войны внёс немецкий художник Т. Горшельт, который принимал непосредственное участие в боевых походах 1858-1859 гг. С юности мечтавший побывать на Кавказе, он был причислен волонтёром к штабу главнокомандующего Кавказской армии А. Барятинского. Т. Горшельт – очевидец пленения Шамиля в Гунибе в 1859 году, где сделал с натуры несколько набросков, на основе которых позднее были написаны картины «Пленение Шамиля», а также «Штурм укрепления на горе Гуниб». Образы Шамиля и его окружения поражают силой духа, чувством собственного достоинства, благородством и величием. Картины его имели большой успех, особенно в Европе[193]. В 1896 году были опубликованы Кавказские походные рисунки Горшельта. Эти изображения были сделаны чёрным и цветными карандашами – что вполне естественно для условий военных походов. Перед многочисленной публикой впервые представили изображения: чеченского аула, наибов, детей, казаков, сделанные очевидцем в условиях реального времени. Чеченцы переставали быть далёкими и грозными, почти мифичес-

кими героями. Т. Горшельт изображал чеченцев в бытовой обстановке, они представали перед зрителем такими же, как тысячи других россиян[194]. Достоинства рисунков Горшельта были оценены на самом высоком уровне. Император повелел выдать художнику 500 рублей серебром за рисунок, изображавший Ведено[195].

П. Бабаев служил на Кавказе поручиком. Его картина «Штурм Ахты» написана со знанием ратного дела и по всем правилам академической живописи.

Ф. Рубо – автор ряда известных картин о Кавказской войне. Показав в кавказской серии общечеловеческую трагедию, всю нелепость войн и несокрушимость духа людей, отстаивающих свою свободу и родину, Ф. Рубо занял почётное место в мировой батальной живописи[196]. В 1908 году Рубо стал академиком, через два года – действительным членом Императорской Академии художеств. Современники знали о Рубо немного. Кто-то называл его загадочным. Кто-то, напротив, говорил о «веселом и остроумном французе». По словам учеников Франца Алексеевича, он был общительным и душевным человеком, очень остроумным и веселым. Его энергия и необычайная работоспособность, сохраняемая, несмотря на болезнь, поражали всех, кто с нм сталкивался. Финансовые условия его жизни был таковы, что в молодости ему приходилось работать воспитателем, счетоводом, дворником[197].

В конце XIX столетия известному художнику-баталисту Ф.А. Рубо для «Храма славы» в Тифлисе были заказаны 17 полотен, которые должны были изображать с официальной точки зрения важнейшие события на Кавказе: «Вступление императора Петра Великого в Тарки 13 июня 1722 года»; «Вступление русских войск в Тифлис 26 ноября 1799 года»; «Штурм Ленкорани генералом Котляровским 31 декабря 1812 года»; «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года»; «Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 года»; «Взятие Ахульго 22 августа 1839 года»; «Штурм аула Гимры 17 октября 1832 года»; «Штурм крепости Салты 14 сентября 1847 года»; «Смерть Слепцова 10 декабря 1851 года»; «Взятие аула Дарго 6 июля 1845 года»; «Сражение при Курюк-Дара 24 июля 1854 года»; «Переход князя Аргутинского через снежные горы Кавказа»; «Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 года»; «Штурм черкесами Михайловского укрепления 22 марта 1840 года»; «Штурм Карса в ночь на 6 ноября 1877 года». Таким образом, в глазах командования войсками на Кавказе, определявшего список сюжетов, российское оружие покрыло себя славой в этих краях в 1722-1878 гг.[198]. Для каждого своего

произведения художник был обязан предварительно изготовить эскиз и представить его на рассмотрение комиссии и на утверждение «главного начальника Кавказского края»

До революционных событий 1917 года вся серия Рубо находилась в Тифлисском музее, картины пользовались огромной популярностью и неоднократно репродуцировались в различных изданиях[199]. В 1944 году картину известного художника «Пленение Шамиля» (1895 г.) привезли на Лубянку, и Лаврентий Берия распорядился повесить ее у себя в кабинете. Но уже в 1959 году отреставрированную картину Рубо перевезли в Грозный[200].

В Чеченском республиканском музее изобразительных искусств им. П.З. Захарова в Грозном среди полотен второй половины XIX века своей значимостью и масштабом особенно выделялись батальные полотна Ф.А. Рубо «Взятие аула Гуниб и пленение Шамиля 29 августа 1859 года» и «Смерть генерал-майора Слепцова». В конце XX века, во время Чеченской войны музей очень сильно пострадал. Гигантское полотно Ф.А. Рубо «Взятие аула Гуниб…» пытались похитить, но компетентным органам это удалось предотвратить[201]. Поврежденное полотно сразу не смогли вывезти в Москву, на реставрацию – по своим размерам оно не поместилось в самолет. Позже его перевезли в Москву вместе с «Портретом И.Ф. Ладыженского», созданным в 1844 году знаменитым художником, чеченцем по национальности, Петром Захаровым, работы которого очень ценятся и находятся в Третьяковской галерее и Русском музее[202].

Константин Николаевич Филиппов оказался на Кавказе довольно поздно, в 1864 году, когда основные битвы нелёгкой борьбы за этот край уже остались в прошлом. Он стал свидетелем трагического исхода части горского и кочевого населения с территории своего традиционного проживания. Позднее его впечатления лягут в основу картин «Выселение аула на Кавказе», «Караван верблюдов на перевале», «Горцы в ущелье Дагестана». Художник в них осуществил «…первые попытки новой трактовки батальной темы в живописи, а именно: изображение войны преимущественно со стороны тех тягот и бедствий, которые она несёт народу – солдатской массе и мирному населению»[203].

Безусловной гордостью чеченского народа является П.З. Захаров. Этот чеченец родился в селе Дади-Юрт. В 1819 году данное село было уничтожено русскими войсками, в результате чего маленький чеченский мальчик попал на воспитание в русскую семью. В последствии он стал

воспитанником Академии художеств и учеником живописца Брюллова. Художественный талант чеченского живописца был оценён по достоинству в Петербурге – Петру Захарову присвоили высокое звание академика в возрасте 27 лет. По мнению некоторых исследователей, « ...в лице Петра Захарова русская школа имела большую художественную силу, и можно только удивляться, почему он оказался мало известным большой публике…»[204]. В ходе военной операции в Дади-Юрте кроме будущего живописца Петра Захарова в плен попал ещё один двухлетний малыш – Озебай Айбулат. Его взял на воспитание прапорщик Нижегородского драгунского полка барон Михаил Карлович Розен. После Кавказа он служил в Польше. В Варшаве мальчика крестили и нарекли по имени восприемника – великого князя Константина. Под этим именем Константин Михайлович Айбулат-Розен вошёл в историю русской поэзии. Его романтической лирике были свойственны восточные мотивы, а стихотворение «Смерть» часто перепечатывалось и даже приписывалось М.Ю. Лермонтову[205].

Несколько раз побывал на Кавказе художник В. Верещагин, создавший множество живописных и графических работ, посвященных этому краю. Был Верещагин и в Туркестане, где не только рисовал, но и воевал, заслужил орден Святого Георгия. Но реалистичные произведения, созданные им по впечатлениям от событий в Средней Азии, вызвали столько недовольства своим пафосным обличением войны, что он даже уничтожил несколько своих работ. «Апофеоз войны» – одно из самых известных своих полотен, на котором изображена гора черепов, Верещагин сопроводил надписью: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим». Не скрывая своего отношения к войнам и уже став всемирно известным художником, он остался верен своему призванию, продолжал работать на театрах военных действий и погиб в Порт-Артуре на борту взорвавшегося броненосца[206].

В пламени Кавказской войны, опалившей судьбы Бестужева, Лермонтова, Толстого, поэт и воин Александр Полежаев одним из первых поднял голос против бессмысленной бойни:

«Да будет проклят нечестивый,
Извлекший первым меч войны,
На те блаженные страны,
Где жил народ миролюбивый…»

Все события Кавказской войны, сквозь адское пламя которых судьба провела поэта, отразились в его стихах и поэмах. По названиям произведений Полежаева можно составить карту его кавказских походов: Чири-Юрт, Герменчук, Акташ-Аух… В октябре 1831 года Полежаев участвовал в штурме Чири-Юрта в Чечне и назвал эту битву «достойной примечания в летописях Кавказа». После возвращения отряда из экспедиции в крепость Грозную он в течение одиннадцати дней написал поэму «Чир-Юрт», в которой запечатлел картины минувшего боя[207]. А.И. Полежаев в своих произведениях изображает не только ратные подвиги, но и «непоэтичный» быт войны. Исторические комментарии Полежаева создают «эффект присутствия». Русские писатели и поэты, писавшие о Кавказе, редко впрямую осуждали империю, но военная агрессия всегда связана с пролитием крови, жестокостью и насилием, и отказаться от критики войны они не могли.

В кавказских стихах Я.П. Полонского представлен российский чиновник, живущий на Кавказе, который ощущает здесь свою чуждость. Но чуткий и заинтересованный человек, по мнению поэта, многое перенимает у местного «особенного народа». Он ведет себя как «Учтивый Гость», который не смеет нарушать установленный порядок, а только старается его изучить, ведь ему здесь жить и работать, хотя и положение его несколько двойственно…[208].

Чеченцы, не имея письменной литературы, издавна создавали довольно развитую народную поэзию, причём эта поэзия у них обладала известными особенностями. Чеченская поэзия спокойно описывает шаг за шагом, без особого восхищения, само событие во всех его подробностях. Это является типичным признаком так называемой эпической поэзии. Некоторые из произведений чеченской поэзии поражают своей художественностью, замечательными образными выражениями и представляют интерес не только для чеченцев, но и для мировой литературы[209]. Мир, отраженный в фольклорном материале не был простым и примитивным. Это сложная, многомерная, иерархическая система, в рамках которой существует метафизическое и земное, истинное и ложное. Различные природные формы и проявления не так одухотворены, как хотелось бы человеку. В связи с этим вся северокавказская поэзия по-своему пронизана потребностью сделать мир осмысленнее, добрее, обнаружить высшие типы одухотворенности в различных явлениях бытия, родственных человеку. Отсюда возникает феномен всеобщей персонификации, наивного очеловечивания окружающей природной среды и уподобления человека природе[210].

Лев Николаевич Толстой, к середине XIX века несколько раз приезжал на Кавказ к своему брату Николаю Николаевичу, служившему в станице Старогладовской, а затем в укрепленном лагере возле чеченского селения Старый Юрт. Заинтересовавшись жизнью гребенских казаков и их соседей горцев, Толстой стал приобретать почти всю издававшуюся в то время на Кавказе этнографическую литературу[211]. Говоря о влиянии горцев, в частности чеченцев, на гребенских казаков, Л.Н. Толстой писал: «Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски»[212]. В 1852 году Лев Николаевич Толстой записал со слов своих приятелей (кунаков) Балты Исаева и Садо Мисирбиева две чеченские песни. Это первая известная нам запись чеченского текста с подстрочным переводом[213]. В январе 1854 года Л.Н. Толстой уехал из станицы Старогладовской в Ясную Поляну. Пребывание на Кавказе он расценивал как знак судьбы: «Мною руководила рука божья… я чувствую, что здесь я стал лучше»[214].

Ценность поэтического произведения состоит в том, что оно передаёт ощущение от происходящего события, духовное состояние его героя, показывает неординарный взгляд на событие, казалось – бы, уже давно изученное. В 1877-78 годах в Чечне вспыхнуло крупное восстание под предводительством У.-Х. Дуева. Что двигало его участниками, какие мысли, чувства заставляли людей рисковать жизнью – об этом мы не узнаем из официальных хроник, но можем ощутить с помощью поэтического слова. Духовное состояние народа, его представителей может передать только фольклор, народное творчество.

Сразу после восстания была записана песня, оценить которую мы предлагаем читателю, так как её содержание не опишешь в нескольких предложениях – здесь каждое слово аллегорично и ценно:

«Сказывать песню поры-времени у меня не было:
Со зрячего глаза хмурым был я,
С резвой ноги слабым стал я.
Пришло мне время перемигиваться с вдовами,
Прошло моё время перемигиваться с девушками.
Рассказать ли мне вам о войнах-боях?
– Я не удалец, бившийся на войне.
Сказать ли вам женский – детский рассказ?
Я не трус, сидящий с бабами.

Я скажу вам тихую песню.
Я буду говорить вам бедного человека слово.
Как мать-овца и без времени родившийся убитый ягнёнок,
Друг с другом и с Богом вы не разлучайтесь:
Потеряв доверие народа,
Лучше по земле не ходить;
Спереди пусть не накопляется к вам зависть,
Сзади пусть не одолеет вас нападение;
Да получите вы пользу-удачу,
Как Уми, сын Ду,
Как тот Уми, сын Ду, в
Чинхоевском ущелье![215]

Перевод чеченской песни также представил читателям на страницах «Русских ведомостей» В. Немирович-Данченко:

«Я с русскими дрался и ночью и днем,
Как вдруг говорят мне – «В ауле родном
Твоя умирает Фатима»
Как трус я позорно от русских бежал –
И ветер тоскливо мне в душу свистал:
«Твоя умирает Фатима»
Лишь только домчался в аул я родной –
Гляжу, засыпают могилу землей –
Землей засыпают Фатиму!
Я кинулся, землю отрыл я едва:
Лежит она, вижу – бледна и мертва…
– Что делать? – Спросил я Фатиму…
Куда же отсюда отправлюсь я?
«Изменник и трус» меня встретят друзья
– Куда мне деваться, Фатима?…
Одно остается мне: смелой рукой
Кинжал себе в сердце вонзить и с тобой
В могилу улечься, Фатима!…»[216].

Другим фольклорным источником, позволяющим изучать историю духовного развития народа, являются сказки и легенды. Одним из первых народную прозу стал собирать Н.С. Семёнов. Чиновник российской

государственной администрации, служивший в Грозненском и Владикавказском округах увлёкся чеченским устным народным творчеством. Будучи несколько лет членом Ичкеринского (Веденского) окружного управления, Н.С. Семёнов овладел чеченским языком, что само по себе было большой редкостью в среде кавказской администрации. Он впервые придал значение и такому своеобразному источнику по истории края, как арабоязычные фамильные или личные записи («таптиры»)[217].

Благодаря Н.С. Семёнову, мы в настоящее время можем ознакомиться с текстами древних сказок и легенд Чечни. «Сказка про то, какие в Чечне жили богатыри» была записана в Ичкерии и не предназначалась для публицистического издания. Однако руководство газеты «Терские ведомости» сумело уговорить Н. Семёнова опубликовать сказку в газете и затем выразило собирателю фольклора глубочайшую благодарность. Такие ценные публикации развенчивали миф о бесчеловечном чеченце-злодее, способствовали культурному воспитания населения.

«Терские ведомости» также рекламировали изданную Н. Семёновым книгу «Сказки и легенды чеченцев». Книга продавалась в 2-х владикавказских магазинах и в книжном магазине Попова (Юдина) в Хасав – Юрте. Книгу можно было приобрести и по почте, что было важно для населения высокогорных районов. Цена её, с пересылкой, в 1880 году составляла 75 копеек[218].

Первая публикация в собственно фольклористических целях в этот период была осуществлена Чахом Ахриевым. В разделе «Народные сказания кавказских горцев» (четвёртый выпуск «Сборника сведений о кавказских горцах»), наряду с чеченскими сказками, баснями, им были включены пословицы и поговорки.

П.К. Усларом – автором первого чеченского алфавита, в 1862 году при помощи информатора чеченца Кеди Досова был составлен первый чеченский букварь, в который вошли пословицы и поговорки на языке оригинала.

В 1866 году И. Бартоломей издаёт новый букварь, в состав которого входит значительное количество пословиц и поговорок (51) как на чеченском языке, так и в собственном переводе[219].

В пословицах и поговорках мы часто находим изображение чеченского народа во всей полноте и многообразии его характеров, качеств, достоинств и недостатков[220]. Пословицы и поговорки выделяются в системе жанров устного народного творчества не только повседневностью бытования, своеобразием коммуникативности, но и тем, что они

являются хранилищем как исторического, социального так и трудового опыта всего народа. Пословицы формируются на социально – практичной почве стихийным образом, они в краткой и сжатой форме передают итоги длительных и внимательных наблюдений за жизнью. Приведём несколько примеров чеченских пословиц: «своё береги, о чужом не мечтай», «пьяный протрезвеет и, может быть, придёт в себя, опьянённый же своим состоянием протрезвеет только в могиле», «если летом не кипит мозг, то зимой не будет кипеть котёл», «шутка – начало ссоры»[221].

Пословицы, поговорки, притчи отчасти отражают содержание правовой нормы, выражают как бы её формулировку, отчасти советуют, как действовать в области права. Мы имеем перед собой первичный феномен правосознания, базирующийся на фольклорных данных, включаемых иногда в специфическую систему, называемую «фольклорным правом». Это – «двойник» обычного права, поднявшаяся над ним народная мудрость, свободно оценивающая его достоинства и недостатки, позволяющая себе учить человека, как надо соблюдать норму права и как можно её обойти в случае, если она становится тягостной, обременительной. Народ, который был талантливым и в древние времена делал это изящно и остроумно. Иносказание смягчает серьёзность ситуации: крупные изменения в праве происходят при полном признании его могущества и авторитета[222].

Средствами нравственно-эстетического воспитания горцев были музыка, танцы, колыбельные песни, сказки, пословицы, легенды, героические песни, близкие детям по национальному духу и мелодичности звучания. К искусству во все времена предъявлялись определённые требования: оно должно было в красивой художественной форме выражать глубокое содержание, правдиво и искренне отражать жизнь, выражать чаяния и надежды народа, передавать глубокие и сильные чувства[223]. Культура любого народа является частицей культуры человечества. Изучение, пропагандирование культуры народа обогащает наши знания о происхождении земной цивилизации[224].

2. Установление системы светского и религиозного обучения

История образования – одна из важнейших частей отечественной истории, пронизывающая своим присутствием практически все сферы жизни общества – от экономики до духовной жизни, включая повсед-

невный быт людей. Но, прежде всего это история интеллигенции – того социального слоя, который, несмотря на свою относительную малочисленность в недавнем прошлом, всегда играл роль важнейшего фермента в сложном процессе взаимодействия общественных сил, аккумулировал и выражал чаяния всех элементов социума. Тем более усилилась значимость изучения интеллигенции в современную эпоху, что объясняется как ее резким количественным ростом и увеличением удельного веса в населении, так и усложнением общественной жизни. Поэтому, помимо решения узко прагматических задач «извлечения уроков», история образования существенно дополняет наши представления о культурной и духовной жизни российского общества, обогащает интеллектуальный багаж современности[225].

Развития учебного дела на Северном Кавказе начинается с 40-х годов XIX века, когда по представлению наместника Кавказа князя Воронцова в 1848 году, в виде опыта, на три года было утверждено положение о Кавказском учебном округе (до этого Северный Кавказ принадлежал к Харьковскому учебному округу)[226]. «Положением» 1848 года Кавказский учебный округ подчинялся непосредственно наместнику Кавказа и Министерству Народного просвещения, объединив обе части Кавказа – Закавказскую с Северокавказской[227].

С 1860 года по инициативе наместника Кавказа князя А.И. Барятинского был упразднён Кавказский учебный округ и функции управления учебными заведениями были переданы губернаторам и начальникам областей. Однако правительство, в виду малой эффективности, вынуждено было отказаться от децентрализации и с 1864 года ввело должность Главного инспектора учебных заведений на Кавказе, который с восстановлением Кавказского учебного округа в 1868 году станет его попечителем[228]. В 1864 году Кавказский учебный округ возглавил Я.М. Неверов, с 1879 года К.П. Яновский, в 1901 году его сменил М.Р. Завадский. Учебный округ – территориальная единица, в рамках которой осуществлялось управление учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения[229]. В Терской области в конце XIX в. из 389 школ на долю Министерства народного просвещения приходилось менее трети (28,8%). Наиболее представлены были мусульманские учебные заведения – 39,6% от общего числа начальных школ области. Православное ведомство располагало 24,4% учебных заведений[230].

На различных этапах своего существования руководство Кавказского учебного округа осуществляло разные учебные программы, в

основном это зависело от воли центрального руководства страны и личных качеств попечителей округа. Но, безусловно, все они были согласны с мнением, высказанным еще декабристом Михаилом Орловым: «Покорить чеченцев и другие народы региона также трудно, как выровнять Кавказские горы. Во всяком случае, этого нельзя добиться палками; этого можно достигнуть только со временем, путем просвещения»[231].

Рассмотрим биографии руководителей системы образования на Кавказе. Неверов Януарий Михайлович (18.08.1810 – 24.05.1893) – тайный советник. Из обер-офицерских детей. Окончил словесный факультет Московского университета в 1838 году со степенью кандидата. К началу XX в. в российских университетах существовали 2 ученые степени: магистр (1-я степень) и доктор (2-я степень). До принятия университетского Устава 1884 г. существовала еще низшая ученая степень – кандидат (…наук). С 1864 по 1878 г. – попечитель Кавказского учебного округа Неверов добивался осмысленного, творческого преподавания, сам создавал учебные программы. Выступал против телесных наказаний, запрета как основного принципа воспитания, низкопоклонства. Проводил реформу учебного дела на Кавказе, ориентированную на идею русификации края[232].

Яновский Кирилл Петрович (18.03.1822-12.07.1902) – действительный тайный советник. Образование получил на физико-математическом факультете Киевского университета, который окончил со степенью кандидата. С 1879 по 1901 г. – попечитель Кавказского учебного округа. Его деятельность на Кавказе была направлена на русификацию школы. Основным в учебно – воспитательной работе считал разностороннее развитие личности и связь школы с семьей. Большое внимание уделял улучшению методов преподавания, организации примерных уроков, оснащению школ наглядными пособиями. Под его руководством был подготовлен «Сборник материалов для описания местностей и плеиен Кавказа».

Завадский Михаил Ромулович (20.09.1848 – после 1917 г.) – тайный советник (гражданский чин III класса по «Табели о рангах», соответствовал чинам генерал-лейтенанта и вице-адмирала). Из дворянского рода, польского происхождения. Образование получил на историко-филологическом факультете Новороссийского университета. С 1901 по 1906 год состоял попечителем Кавказского учебного округа; составил первые мингрельские и абхазские буквари[233].

Терская дирекция народных училищ была учреждена в 1876 году[234]. Из профессиональных училищ на Кавказе существовало только два ремесленных: Владикавказское и Ставропольское. Содержание в год профессиональных училищ обходилось дорого, не менее 3000 рублей составляла смета расходов[235]. Министерство народного просвещения имело на местах главных своих представителей в лице попечителей учебных округов. Попечителям в административном отношении подчинялись гимназии. Относительно университетов они были поставлены в качестве лиц высшего надзора[236].

В 60-70-х годах XIX века учебные заведения Терской области подразделялись на правительственные, общественные и частные. К правительственным учреждениям относились начальные училища в Моздоке, Георгиевске, Кизляре, которые подчинялись Ставропольской дирекции. Правительственная Владикавказская прогимназия подчинялась непосредственно попечителю Кавказского учебного округа и состояла в ведении Министерства народного просвещения. Горские школы с пансионами при них также считались правительственными, находились в ведении Кавказского горского управления и содержались за счёт государственного казначейства. Лица, окончившие курсы начальных школ, приобретали право поступления во вторые классы уездных училищ или гимназий. Учебными планами горских школ предусматривалось изучение Закона Божия, русского языка, всеобщей и русской географии. Учащиеся знакомились с административным уставом Российской империи[237].

Общественными учебными заведениями являлись начальные училища в станицах Терского казачьего войска и аульные школы, учреждённые на собранные общественные средства. Общественными считались также полковые школы, готовившие писарей[238].

Новым для данного региона было появление в пореформенный период частных школ. Основной формой народного образования во второй половине XIX века на Северо-Восточном Кавказе являлись начальные одно – и двухклассные училища Кавказского учебного округа и Министерства народного просвещения. По проекту Устава горских школ от 20 октября 1859 года эти школы учреждались на степени уездных и первоначальных училищ. Плата за обучение взималась в размере трёх рублей в год, бедные учащиеся от взноса денег освобождались. Средства, внесённые за обучение, шли на зарплату учителям, на закупку учебных пособий, на покупку книг и одежды для бедных учеников. Горцы,

окончившие с отличием горскую школу, могли обучаться в гимназии за казённый счёт. Во всех типах учебных заведений учащиеся делились на своекоштных (обучающихся за свой счет) и казеннокоштных (бедные дворяне, разночинцы, учащиеся на казенные деньги). Они могли иметь и другие источники финансирования: научные общества, премиальные фонды, субсидии, пожертвования и стипендии частных лиц[239].

Одним из условий поступления в институт или университет – было успешное окончание гимназии[240]. По положению об учебной части на Кавказе 1867 года, к гимназиям и прогимназиям был применён общий устав Министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 года, деливший их на классические и реальные. Высочайше утверждённый 30 июля 1871 года устав гимназий признавал классическими только те средние учебные заведения, в которых преподавалось два древних языка. Классические гимназии, находившиеся в Ставрополе и Тифлисе, открывали своим выпускникам доступ в университеты. В полуклассических гимназиях преподавался один из древних языков, в реальных гимназиях древние языки не преподавались. По законодательному акту от 15 мая 1867 года в некоторых уездных училищах на Кавказе было введено преподавание латинского, немецкого, английского и французского языков (для желающих). Среди учащихся в Терской области появился спрос на знание латинского и западноевропейских языков, так как эти знания помогали в дальнейшем при поступлении в классические гимназии. Многие знатные горцы, желая, чтобы их дети получили высшее образование, стремились устроить их на обучение именно в Ставропольскую и Тифлисскую классические гимназии[241].

В 1870 году Министерство народного просвещения впервые начинает отпускать средства на развитие просветительского дела в стране. Ассигновав около 8 тыс. рублей на устройство школ и классов для взрослых, оно впоследствии увеличило сумму и расширило сферу ее приложения[242]. В 1900 году на народное образование в Терской области из казны было выделено 170635 рублей, общественных денег было собрано гораздо больше – 511868 рублей[243]. Для получения казённых средств на нужды образования было необходимо учебным заведениям составлять ходатайства, для представления в Гос.Совет, в которых бы указывалось какими денежными средствами они располагают и сколько необходимо денег на их дальнейшее содержание[244]. Принятие на Кавказе лишь четверти (26%– в 1910 году) школьного бюджета и возложение остальных ¾ на местное население, едва ли могло считаться перегрузкой

казны из-за нужд просвещения сравнительно молодой окраины. Невольно приходила мысль, что 2,5 млн. рублей, ежегодно взимаемых из земских сборов на содержание полицейской стражи, будучи в своё время направленными на народное просвещение, за 8 лет составили бы почти 20 млн. и могли дать ту жатву, о которой Кавказ мог лишь мечтать[245]. В одной из газетных статей, вышедшей в 1899 году, автор с горечью писал: «…Стыдно сказать, а утаить грешно: на всю Терскую область только 3 горские школы и 2 сельские»[246]. И это происходило не смотря на то, что многие высокие кавказские чины считали горцев талантливыми людьми, склонными к обучению. Н.Н. Муравьёв писал П.П. Ермолову о Чечне: «Дарования здесь встречаются более чем в России, но всё погрязло в лени и усыплении»[247].

Наказной атаман Терского казачьего войска во всеподданнейшем отчёте за 1892 год признавал низкий уровень развития системы начального обучения: «Низшее образование в Терской области обнаруживает явные признаки не только застоя, но даже прямого упадка, как это показывают данные отчётного года»[248]. В 1875 году в Терской области насчитывалось 230 учебных заведений и 7498 учащихся (6028 мужчин, 1470 женщин). Одно учебное заведение приходилось на 2500 жителей, 1 учащийся на 76 человек, 30% учащихся составляли горцы[249]. В 1884 году число учащихся выросло до 8447 человек, из которых 765 было лютеран и всего 294 мусульманина[250].

Ещё древние мудрецы замечали: «Мир управляется из детской: ибо воспитание гражданина начинается с детской, чтобы продолжиться в школе и завершиться в академии». Понимание этой аксиомы пришло к кавказскому руководству только в начале XX века, когда появилась программа введения всеобщего обязательного начального обучения[251]. В конце XIX века безграмотность была почти поголовной. Из отчёта начальника Терской области за 1870 год мы узнаём, что 1/3 всего числа офицеров (32,7%) не проходила курса обучения ни в каком учебном заведении. Только 1.6% офицеров обучались в высших учебных заведениях. А ведь офицеры составляли элиту страны, самый привилегированный её слой. Что же говорить о более обездоленных её гражданах, не имевших возможность позволить себе платное обучение детей?[252] Вопрос, волновавший умы всех педагогов на рубеже XIX и XX веков– достижение всеобщего обязательного начального обучения – упирался главным образом в коренные различия просветительных систем центральных и окраинных территорий страны.

В марте 1870 года Министерство народного просвещения России приняло «Правила о мерах к образованию инородцев». В них устанавливалось подразделение нерусского населения на три категории: 1. весьма мало обруселых; 2. живущих в местностях, где много русских; 3. достаточно обруселых. Для первой категории населения предписывалось открывать школы с первоначальным обучением на родном языке, но по учебникам, написанным русскими буквами. Для второй категории населения должны были учреждаться русские школы, в которые принимались дети русских и других национальностей, преподавание должно было вестись на русском языке учителем, знающим национальный язык. Для третьей категории населения обучение должно было проводиться только на русском языке[253].

Русское просвещение, русская школа частью населения воспринималась как инородное тело, как прямое покушение на национальную культуру. Зачастую это происходило из-за вытеснения национального языка из сферы обучения. Однако, вскоре, с развитием торговли, экономики, где знание русского языка было крайне необходимо для успешной жизнедеятельности, многие горцы стали осознавать необходимость обучения своих детей в светских русских школах. Однако мест для всех желающих обучаться стало очень не хватать.

Государство в течение второй половины XIX века пыталось найти пути развития просвещения, но только к началу XX века наметились небольшие сдвиги в этом направлении[254]. 28 октября 1902 года состоялось заседание Терского областного комитета, на котором его Председатель и члены комитета высказались за необходимость введения обязательного всеобщего образования, что должно было привести к улучшению экономического состояния области. Было высказано пожелание привлечь к всеобщему обучению и мужское и женское население, однако по материальным соображениям ограничились только программой обучения мальчиков.

По статистическим сведениям, в Терской области из общего числа коренного населения, 10% т.е. 26875 человек (1902) были дети школьного возраста. Если рассчитывать каждую школу не более чем на 50 человек, в области потребовалось бы построить 537 школьных зданий. Для всего населения Терской области расход правительства выразился бы в 949000 рублей единовременно и 459500 рублей ежегодно. Комитет, предполагая, что государственная казна не сможет выделить такие деньги, предложил ввести специальный школьный годовой налог, по 1 рублю на каждого мужчину, проживавшего в Терской области[255].

Терский областной комитет постановил:

1) введение в Терской области обязательного начального обучения детей мужского пола в возрасте от 8 до 14 лет;

2) устройство и содержание всех начальных училищ принять на счёт государства путём прямого, косвенного сбора;

3) продолжительность курса обучения детей– 4 года[256].

В начале XX века правительство даже назначило премию в размере 25 рублей (для того времени весьма значительную) тем родителям, которые будут отдавать детей в учебные заведения[257].

После завершения Кавказской войны для распространения образования среди горского населения учреждались так называемые «горские школы»[258]. Таких школ было всего 5: в Нальчике, Грозном, Назране, Сухуме и Майкопе. При Грозненской горской школе был открыт пансион на 65 воспитанников, в числе которых для детей горцев выделялось 25 казённоштатных вакансий (5 из которых для уроженцев Аргунского округа) и 15-для детей русских чиновников[259]. Грозненская горская школа воспитывала и обучала детей разных национальностей, в основном: русских, чеченцев, грузин, армян, евреев. В 1894 году в школе обучался осетин Цугушев Александр[260]. По свидетельству попечителя Кавказского учебного округа в Грозненской школе случаев исключения за дурное поведение не было.

В горских школах Терской области обучали огородничеству и садоводству, столярному, токарному мастерству[261]. В Грозненской школе работала столярно-токарная мастерская, которая содержалась за счёт средств, получаемых от продажи ученических изделий. На овощи и фрукты школа также денег не тратила – они шли со школьного огорода. К1898 году учениками было высажено: 185 плодовых деревьев, 130-тутовых, 160 декоративных деревьев и 75 плодовых кустов[262]. При Грозненской горской школе находились две библиотеки (единственные в городе): фундаментальная – хранила книги общего содержания и педагогическую литературу, ученическая – выдавала книги для детского чтения и для народа.

Ремесленные отделения открывались в городах и селах при низших общеобразовательных учебных заведениях. Продолжительность курса обучения в ремесленных отделениях не закреплялась обязательным сроком. Доход от продажи изделий и выполнения заказов расходовался на нужды учебного заведения и вознаграждения лиц, участвовавших в изготовлении ремесленных изделий. Учащиеся, окончившие полный

курс ремесленного обучения получали специальные свидетельства. Ремесленные отделения могли открываться на суммарные средства казны, общественных учреждений и частных лиц. Данные отделения имели право экспонировать произведенные изделия на выставках, а также продавать их местным промышленным предприятиям.

Ремесленные отделения предназначались, прежде всего, для обучения простым видам ремесел и получения профессиональных знаний, причем в прямой зависимости от рода преобладающих занятий в данной местности. Они могли быть организованы по следующим направлениям: плотнично-столярному, столярно-токарному, резному, кузнечному, бондарному, конско-тележному, кузнечно-слесарному, слесарно-токарному, переплетному, картонажному, портняжному, белошвейному, шапочному, ткацкому, лепному, игрушечному, гончарному, печному и т.п.

Подготовка учителей ремесленных отделений для горских школ осуществлялась во Владикавказском ремесленном училище (столярно-токарное, модельно-литейное, кузнечно–слесарно-токарное ремесло). В качестве стипендиатов могли направляться в это учебное заведение не только подростки, прошедшие курс 2-х классных училищ, но и взрослые. Обучение и содержание стипендиатов обходилось в 180 рублей в год. Далее выпускники принимались на работу в начальные учебные заведения, на ремесленные отделения[263].

Многие родители хотели определить своих детей на обучение в Грозненскую горскую школу. Так, например, в начале 1894 учебного года на 6 ученических вакансий было подано до 50 прошений. Громадный наплыв желающих учиться наблюдался в конце XIX века. Многие из детей и даже родители, после отказа, выходили из школы со слезами на глазах[264]. Из-за отсутствия школ в родных сёлах некоторые из чеченцев приводили своих детей в станичные школы и просили научить их читать и писать по-русски и даже шли на то, чтобы их детям преподавали русский Закон Божий[265]. В 1884 году начальник Терской области во всеподданнейшем отчёте написал о необходимости открытия новых горских школ в главных центрах проживания местного населения. Император начертал на этом отчёте «Весьма желательно». Однако, для открытия учебных заведений требовалась не только добрая воля, но и немалые средства, а их казна так и не выделила[266]. Только в 1892 году, по ходатайству Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта С.А. Шереметева для устранения двойственности подчинения горских школ Терской области – военному начальству и ди-

рекции народных училищ – эти учебные заведения окончательно были переданы Министерству народного просвещения. При этом все существовавшие в этих школах казённые стипендии остались в распоряжении начальника Терской области[267]. На основании проекта Устава горских школ, Высочайше утверждённого 20 октября 1859 года, в пансионы этих школ, на бюджетные вакансии должны были принимать детей не моложе 9 лет. Однако практика обучения показала, что это крайне неудобно, т. к. поступавшие в школу, не зная русского языка, много времени тратили на его изучение и заканчивали школу в том возрасте, в котором их уже запрещалось принимать в гимнастические пансионы. Для предоставления возможности способным ученикам поступить после гимназии в высшие учебные заведения, было решено разрешить принимать горцев в школы с 8-летнего возраста[268].

Основной формой народного образования на Северном Кавказе являлись начальные одно – и двухклассные училища Кавказского учебного округа и Министерства народного просвещения. По положению об учебной части на Кавказе, высочайше утверждённому 15 мая 1867 года, в начальные училища допускались мальчики из всех сословий, достигшие 7 лет. В одно-классных училищах они изучали следующие предметы: 1) Закон Божий того исповедания, к которому принадлежало большинство жителей города, села, где училище учреждено; 2) Чтение и письмо на русском языке; 3) Чтение и письмо на местном языке.

В двухклассных училищах преподавался: 1) Закон Божий (христианский и мусульманский); 2) Чтение на русском языке с объяснением, пересказом прочитанного, заучиванием текстов; 3) Разучивались части речи, писались диктанты; 4) Обучались чтению по-арабски (мусульмане); 5) Изучались понятия о мере и весе, частях света и земле. Ученики в этих училищах были приходящими и представляли все сословия. Для каждого класса был годичный срок обучения, но горцам разрешалось оставаться на 2 года и более, чтобы лучше ознакомиться с русским языком[269]. В 1897 году в Грозненском городском училище обучался единственный из чеченцев – Арсанукаев Ахмет[270]. К 1898 году список чеченских учеников Грозненского 3-х классного городского училища вырос до 4-х; здесь обучались: Арсанукаев Ахмет, Батукаев Абдулла Рахман, Айдемиров Ахмат, Дадыгов Султан[271].

Во Владикавказском ремесленном училище, которому было присвоено наименование «Лорис-Меликовское», в 1870 году обучалось более 40 человек из разных уголков Терской области. Кроме ремёсел здесь обуча-

ли русской грамоте. Михаил Тариелович разработал прогрессивный для того времени Устав Владикавказского ремесленного училища, согласно которому училище ставило целью дать образование детям бедных жителей городов и округов Терской области, без различия национальности и звания. М.Т. Лорис-Меликов был строг к самому себе и взыскателен к подчинённым. Как замечали его сослуживцы, он не проводил даже часу без дела и мало заботился о собственных удобствах. 14 июля 1888 года, незадолго до своей кончины, М.Т. Лорис-Меликов откликнулся на обращение председателя попечительского совета училища о предоставлении пособия ученикам. С этого времени самые способные ученики стали получать персональные стипендии[272]. В 1873 году 10 «Лорис-Меликовских стипендий» по усмотрению Михаила Тариеловича направлялись во Владикавказскую гимназию, Веденское ремесленное училище и другие учебные заведения. Свои пожертвования за этот год для стипендиатов внесли: чеченцы – 3 600 руб; отдельно жители Ведено 1000 руб.; казачье население 5000 руб.; ингуши 4344 руб.; жители Кумыкского округа (в т.ч. чеченцы) 1500 руб. – всего «Лорис-Меликовские стипендии» собрали в 1873 году 16957 рублей[273].

В слободе Воздвиженской, благодаря содействию областного руководства была открыта низшая лесная школа Министерства земледелия и государственных имуществ[274].

На Второй Кавказской выставке продуктов садовых культур, прошедшей в 1898 году в Тифлисе, похвальные отзывы Министерства земледелия и государственных имуществ получили: Закан – Юртовское станичное училище – за ведение садового хозяйства и Наурское двухклассное училище, также за ведение садового хозяйства[275].

В Терской области катастрофически не хватало учителей – представлявших коренные этносы региона. Местное руководство пыталось исправить эту ситуацию, но почти безуспешно. В1863 году в области насчитывалось всего 14 педагогов, 6 из которых работали во Владикавказе. Примечательно, что в калмыцкой школе с. Терекли-Мектеб Кизлярского округа Теркой области учителем работал чеченец Шамсутдин Мамакаев, которому помогали старшеклассники Бультинов Бембя, Торлчиев Чудг, Доржакаев Улюмджа, Манглилуев Тертун[276]. В историографии существует обвинение царских властей в сознательной политике сдерживания подготовки учителей из коренных жителей области. Действительно, основная масса учителей начальных школ не имела специального педагогического образования. Однако по сравнению со Ставрополем педагоги

министерских школ Терека имели более высокое образование. Так, если в Ставропольской губернии из 295 человек в институтах и на педагогических курсах учились 37 человек (12,6%), то в Терской области из 320 – 98 человек (30,6%)[277].

15 марта 1866 года в Нальчике были открыты трёхмесячные курсы для подготовки учителей начальных школ. Из числа принятых 12 человек окончило курсы со званием сельского учителя всего 6 учащихся. Второй набор в школу с двухгодичным сроком обучения попросту был провален, ни один из 11 учеников не получил звание сельского учителя. В селениях, куда направлялись учителя, не было самого главного – школ, в которых они должны были преподавать. Учителям, возраст которых был 17-18 лет, не было оказано никакой поддержки со стороны местного начальства. А ведь хорошая администрация, хорошие школы и хорошие дороги были бы гарантом благосостояния региона[278]. С1869 года все мужские школы в Терской области были вверены учителям, получившим педагогическое образование в Тифлисской Александровской учительской семинарии, а женские были поручены учительницам, подготовленным во Владикавказской Осетинской девичьей школе.

В 1898 году в учительский Институт в Тифлисе поступило 25 человек, из которых 4 обучались в учительских семинариях, 1 в духовном училище, 17 в городских и 4 в горских школах. В 1899 году в Институт поступил 31 человек, из которых 3 закончили горские школы и 1 был самоучкой. При поступлении в институт надо было выдержать конкурс. В 1897 году желающих поступить в институт было 93 человека, а поступило только 34; в 1898 году было подано 108 прошений, а принято только 25 человек. Более половины поступающих в учительский Институт в Тифлисе, приезжали из внутренних губерний России. На Северном Кавказе учителя в 1900 году получали 604 рубля 20 копеек, как и в Центральной России, хотя на Кавказе жизнь была в 1,5 раза дороже, чем во внутренних губерниях России[279]. Однако, сельские учителя, даже работавшие в училищах, открытых на средства населения, пользовались правами на пенсию и получали единовременное пособие[280]. Учителя, работавшие в государственных учебных заведениях на Северном Кавказе пользовались двойными привилегиями: службы в Министерстве Народного Просвещения и службы в отдалённых местностях империи. Так, например младший член Тифлиского комитета по делам печати , подчинявшийся Министерству Народного Просвещения, получал 2000 рублей в год и через 5 лет службы получал прибавку в 200 рублей, через

10 лет ещё 200 рублей, а через 20 лет пенсию в размере 1000 рублей в год.[281] В 1872 году при Владикавказской реальной гимназии были организованы педагогические курсы для учителей школ, на которых обучались молодые люди из Грозненского округа: Матушев Магомет, Джантимиров Тарсин, Батукаев Генездико, Османов Дошука, Джанкуев Хаджимат, Мамилов Косболат. Чеченцы сдали экзамены по русскому языку, арифметике и приёмам педагогики. Самые лучшие показатели были у Джанкуева Хаджимата и Матушева Магомета. Более всего обучающиеся были знакомы с приёмами педагогики и русским языком, хуже всего дело обстояло с арифметикой[282].

В 1912 году во Владикавказе и Грозном открываются двухнедельные и месячные курсы по подготовке учителей физической культуры. Перед ними была поставлена следующая задача: «…подготовить руководителей и руководительниц, знакомых со строем, гимнастическими упражнениями и детскими играми с пением»[283].

Учителями становились люди разных способностей, с различными взглядами на жизнь и неодинаковым творческим потенциалом. Рассмотрим для примера педагогическую деятельность двух учителей Грозненской горской школы: Абдул-Межида Кужуева и Таштемира Эльжуркаевича Эльдерханова. А.-М.Кужуев окончил курс Александровского Тифлисского учительского Института и в начале 90-х годов XIX века работал в Грозненской горской школе сначала помощником учителя подготовительных классов, а затем учителем мусульманского закона. В 1894 году Абдул-Межид, которому к этому времени исполнился 21 год, подал руководству прошение, в котором говорилось: «Не желая служить среди своих туземцев, прошу ходатайствовать о переводе в Закавказский край. Если это окажется невозможным, то уволить меня в отставку для поступления на военную службу»[284]. В связи с поданным заявлением руководство провело опрос школьников, в ходе которого выявило для себя весьма интересные факты. Приведём показания воспитанника 2 класса Рашид-Султана Бархаматова: «Кунжуев высказывался, что он весьма сомневается в том, что вообще среди чеченцев есть развитые люди, как он. Много раз он говорил, что он ухаживал за дочерью генерала Чермоева и дочерью акцизного надсмотрщика Батукаева, на что ему отказали, но у него много невест во Владикавказе и Тифлисе. Кунжуев ставил ученика Цициева у двери и разговаривал всегда на чеченском языке. Он говорил, что чеченцы, служащие милиционерами приносят большой вред нашему народу, что правительство нарочно придумало эту меру,

чтобы завлечь чеченцев на свою сторону. Он говорил «Этими красными погонами Русское правительство старается уничтожить обычаи, язык и веру, после чего половина чеченцев уйдёт в Турцию, а у оставшихся здесь, отберут оружие, смешают с русскими и тогда чеченцы потеряют решительно всё».

Кунжуев говорил, что если его уволят, то для него это большое добро, потому что он может поступить на военную службу»[285].

Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов родился в селе Гехи Урус-Мартановского района, в семье крестьянина-середняка. В 7-летнем возрасте Таштемир был определён учиться в сельскую арабскую школу[286]. Любознательного и смышлёного мальчика, обнаружившего склонность к учёбе с большим трудом удалось определить в единственную на всю Чечню горскую школу в Грозном. В школе он проявил исключительные способности и усердие, что дало ему возможность продолжить учёбу во Владикавказском реальном училище[287]. В 1889 году Таштемир поступает в Тифлисский учительский Институт. В 1890 году, в «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа» Таштемир публикует свои первые записки сказок, легенд и притчей вайнахов. Собранный им фольклорный материал имеет научное значение не только в плане изучения истории и культуры вайнахов, но и представляет большой интерес как литературный опыт[288]. В 1893 году Эльдарханов успешно окончил Тифлисский учительский Институт и получил звание народного учителя. В том же 1893 году он назначается учителем-надзирателем горских школ города Майкопа, где совершенствует своё педагогическое мастерство[289]. Старшеклассники, которым он преподавал математику, отмечали: «У него будешь знать предмет, он объясняет легко и понятно. Мы не смеем приходить на его уроки неподготовленными». В 1898 году его переводят исполняющим должность учителя в Грозненскую горскую школу. Из-за своего мусульманского вероисповедания он не был утвержден в этой должности местной Дирекцией народных училищ. Эльдарханов подал прошение в Министерство народного просвещения с просьбой утвердить в должности; на его прошение министр народного просвещения Н.П. Боголепов собственноручно отметил: «Удивляюсь, как могли принять». Т.Э. Эльдарханов был утвержден в звании учителя после рассмотрения этого вопроса в Правительствующем Сенате [290]. В Грозном Эльдарханов, помимо педагогической, продолжает вести научную работу по сбору и систематизации вайнахского фольклора. Её итогом было издание сборника «Чеченские тексты», ставшего заметным событием в культурной жизни Чечни[291].

16 мая 1906 г. Т. Эльдарханов был избран в 1-ю Государственную думу Терским областным избирательным собранием от не казачьего населения. Он входил в Мусульманскую фракцию, являлся членом комиссий: аграрной, по местному самоуправлению, по Кавказу. Подписал проект «42-х» по аграрному вопросу. Являлся инициатором запроса о неправомерности привлечения горцев (чеченцев и ингушей) к охране помещичьих владений во внутренних губерниях России, что, по его мнению, приводило к массовым столкновениям горцев с местным населением. Активно выступал во фракционных прениях и дискуссиях. 6 февраля 1907 г. Т.Э. Эльдарханов был избран во 2-ю Государственную думу. Входил в Мусульманскую фракцию, выступал в Думе по аграрному вопросу. После октября 1917 года являлся председателем Грозненского окружного исполнительного комитета (1920). В 1921 г. – член горской делегации по разработке конституции Горской автономной социалистической республики при Наркомате по делам национальностей РСФСР. В 1922 г. был заместителем народного комиссара просвещения Горской АССР. В 1923 г. – председатель Чеченского областного ревкома[292].

Халил Дударович Ошаев, один из выдающихся представителей чеченской интеллигенции, литератор и общественный деятель, родился в 1898 году в слободе Воздвиженской в семье лесного объездчика. Близко общаясь с обитателями слободы, будущий писатель хорошо узнал русский язык, а родным чеченским владел безукоризненно. В 1916 году он окончил Грозненское реальное училище. С 1930 по 1936 год являлся директором Горского педагогического института во Владикавказе[293].

Дирекцию народных училищ Терской области возглавлял С.Ф. Грушевский – талантливый организатор учебного дела и педагог, взгляды которого были основаны на лучших традициях русской демократической педагогики и научной мысли. С.Ф.Грушевский организовал учительские съезды и курсы для повышения педагогического мастерства, учительские вечера, поддерживал научные и благотворительные общества, занимавшиеся просвещением горцев.

Будучи попечителем Кавказского учебного округа, Я.М. Неверов пришёл к выводу, что в системе обучения должно превалировать классическое и реальное направление, считая наиболее оптимальным для местных условий последнее, т.к. у кавказских народов наиболее востребованы специалисты средней и высшей квалификации. Огромную заботу Я.М. Неверов проявлял в отношении учителей. В статье «Что нужно для народного образования в России», опубликованной в журнале «Русский

педагогический вестник» в 1857 году, он писал о необходимости улучшения положения учителей в обществе, считая нынешнее отношение «нравственным злом»: «Где та внимательность, та предупредительность, то нежное участие, которые вознаграждают наставника за его труд? Учитель нуждается в чуткости, уважении и внимании общества… ». Поэтому попечитель требовал поднятия его престижа, материального и морального положения[294].

К.П. Яновский поощрял учителей к исследованиям Кавказа во всех отношениях – географическом, этнографическом, естественно – историческом (программа исследований была разослана в каждое учебное заведение). Из трудов учителей были составлены несколько томов «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа»; за эти труды К.П. Яновский был избран почётным членом Академии наук и многих русских и европейских обществ.

Благодаря начинаниям Кирилла Петровича на Кавказе учителя начали издавать свои учебные руководства, они работали над улучшением методов преподавания, обогащались наглядными пособиями по всем предметам, создавались и увеличивались фундаментальные и ученические библиотеки. С 1866-67 годов он начал практиковать созывы учительских съездов в Тифлисе, Ставрополе, Владикавказе и других городах, на них обсуждались актуальные проблемы образования. В 1869 году в Тифлисе созывались краткосрочные учительские курсы, а для учителей начальных школ создавалась «выездная учительская школа», работавшая 3-4 месяца. Многие сельские общества, прослышав о высокой квалификации окончивших такие курсы учителей, старались приглашать их к себе, делали прибавки к заработной плате[295].

Государство, заботясь о содержании структуре школьного образования, постоянно в поле зрения держало вопрос об учебной литературе. Держать под контролем образование значило держать под контролем авторов, составителей учебников. В 1883 г. были введены три степени оценки книг: рекомендация, одобрение, допущение. Самой высокой степени – рекомендации – удостаивались книги, «выдающиеся по своему научному и ученому значению». «Одобрительную оценку получали пособия, «удовлетворяющие потребностям и целям обучения, но стоявшие на одном уровне со многими другими». «Допускались» те книги, которые при наличии определенных недостатков могли все же приносить «известную долю пользы в преподавании». Выбор учителем того или иного учебника определялся, как правило, следующими факторами:

соответствием программным требованиям; принадлежность учебного заведения (государственное, ведомственное или частное); популярностью и научно-методическим уровнем; собственными симпатиями и общественно-политическими взглядами педагога[296].

В число учебных заведений, сыгравших наряду со столичными институтами самую благотворную роль в просвещении горцев, входила и Ставропольская мужская гимназия. Усвоение горцами русского языка и русскими – местных языков достигло здесь значительных успехов. Этому способствовало включение «татарского» и черкесских языков в программу обучения Ставропольской гимназии. Для горцев, по поручению князя Воронцова, были составлены особые буквари с применением арабского алфавита[297]. Сохранилось большое количество прошений от чеченцев и ингушей, стремившихся дать своим детям образование в Ставропольской классической гимназии. При гимназии имелась богатая библиотека. Кроме того, гимназисты в складчину выписывали лучшие периодические издания, выходившие в России.

В 1866 году в пансионе Ставропольской гимназии было выделено всего три вакансии для уроженцев Терской области, причём одну из них должен был занимать дагестанец. На данные вакансии принимали тех горцев, кто свободно говорил по-русски и выдерживал вступительный экзамен в соответствующий по возрасту класс гимназии. Поступавшие в гимназию должны были воспитываться в горских школах, где уже выявлялись их способности и успехи в учёбе[298].

С учреждением в 1871 году среди горских народов Северного Кавказа гражданского управления был введён и новый порядок распределения казённых (бюджетных) горских вакансий: от горцев Кубанской области – 15; от Терской области – 21. В 1883 году в пансионе Ставропольской гимназии находилось 20 осетин, 1 чеченец, 3 ингуша, 3 кабардинца. В тот период во всех четырёх военно-учебных заведениях Кавказа обучалось 14 осетин, 4 кабардинца и 2 чеченца[299]. В 1884 году в Ставропольской гимназии обучался 21 горец. Терскую область представлял Ахтаханов Абдул-Керим[300]. К 1892 году количество представителей Терской области увеличилось до 23 человек. В это время в гимназии обучался Токаев Тембулат, поступивший 20 августа1887 года и Шахмурзиев С., поступивший 29 августа 1888 года[301]. В 1867 году в пансионе Ставропольской гимназии проживал Чах Ахриев вместе с Анзором Сулеймановым[302]. В 1870 году в гимназии обучалось уже шесть ингушей, в том числе Чах Ахриев, Асланбек Базоркин, Саадула Ахриев, Киляр Дагиев и др.[303].

Будущий просветитель Чах Ахриев поступил в Ставропольскую гимназию вместе со своим двоюродным братом Саадулой, благодаря содействию и помощи дяди Темурко Ахриева, офицера русской армии. В 70-х годах XIX века появятся первые труды Чаха Ахриева по этнографии и экономике родного края в авторитетном Тифлисском издании «Сборник сведений о кавказских горцах» и во Владикавказской газете «Терские ведомости». В 1870 году он поступил в Нежинский лицей князя Безбородко, по окончании которого в 1874 году получил высшее юридическое образование. Чах Ахриев – первый представитель ингушского народа, получивший в России законченное высшее образование. В Ставропольской классической гимназии получил образование также известный осетинский поэт Коста Хетагуров[304].

Ставропольская мужская гимназия была открыта 18 октября 1837 года, когда ещё шла война и называлась она – Кавказская областная[305]. Кроме Ставропольской губернии гимназия обслуживала Дагестанскую, Терскую, Кубанскую, Сухумскую, Карскую области и Закатяльский округ. В 1866 году гимназия была преобразована в классическую и, в связи с этим, значительно увеличилась программа обучения, были введены для изучения: латинский, греческий, немецкий и французский языки[306].

К прошению о принятии в гимназию, вместо метрических свидетельств мусульманам разрешалось подавать свидетельства кадиев. В 1 класс принимались дети от 8 до 14 лет. Ученики вносили определённую плату за обучение, за полгода вперёд. В Ставропольском пансионе в 1867 году за счёт казны содержалось 142 воспитанника: из них 30 детей местных дворян и чиновников, 65 детей почётных горцев и 47 детей офицеров казачьего войска[307]. При Ставропольской гимназии было создано горское отделение (дата не установлена), где в 1877 году обучалось 85 человек, а в последующие годы там училось по 40-60 детей почётных горцев – дворян, князей, высшего духовенства. В 1880 году горское отделение было ликвидировано и на его основе создано реальное отделение с 6-классным обучением. Министр просвещения, своим циркуляром, в 1887 году запретил принимать учениками в прогимназии и гимназии детей кучеров, лакеев, кухарок и поваров, социальный статус родителей стал иметь доминирующее значение, способности ученика стали отходить на второй план[308].

В 60-70 годы в России было довольно значительное движение в поддержку народной школы, неслучайно XIX век считается веком доступа к образованию народа. Выдвигалось требование создания не просто школ,

а школ национальных, где родной язык не только изучают, но и ведут на нём обучение. П.К. Услар писал: « Мнение, будто бы безграмотного человека всё равно – учить грамоте на родном языке или на неизвестном ему языке, до того странно, что мы оставим его без опровержения».

Интересно, что в этот период чеченские сельские общества на свои средства открывают и содержат не только арабские школы, но и светские учебные заведения, где изучался русский язык, знание которого становилось жизненно необходимо[309]. На обширной чеченской территории действовала всего одна государственная горская школа. Ежегодный выпуск школы составлял 8-9 человек и выглядел просто жалким на фоне 200-тысячного населения Чечни[310]. Одна из первых народных школ была открыта в посёлке Тембулат-Юрт (отсёлок села Дуба-Юрт). Чеченец Шугаип Алиев, житель слободы Воздвиженской со времени её основания, был инициатором открытия народной школы. На общественном сходе жители села поддержали намерения Ш. Алиева открыть школу с двумя отделениями, для преподавания русской, арабской и чеченской грамоты. Школу строили всем селом, жители собрали деньги на содержание школы. Сельское общество избрало попечителя школы. Шугаип Алиев назначил от себя мулле жалованье, а его брат – полковник Эрнеаль Алиев платил жалованье русскому учителю. В школу пришли записаться более 200 детей из соседних сёл, однако было принято всего 40 мальчиков в возрасте от 7 до 10 лет[311].

В 1863 году, по приказу начальника Терской области, прапорщику Кади Досову было поручено составить проект открытия в аулах народных школ. В своём рапорте К. Досов сообщал: «Для распространения в Чеченском племени их грамоты требуются следующие средства: непременно нужно основать чеченское народное училище, там, где само чеченское общество укажет и построить дома так, чтобы в них помещалось свободно 100 человек учеников с учителями. На все расходы требуются средства от казны. Дети горских народов, в особенности чеченцев, имеют природное дарование и охоту к изучению наук, но, к сожалению, не имеют на то средств. Пока построится народное училище надобно приготовить учителей. Для этого необходимо собрать желающих от чеченцев 10 человек взрослых учеников, знающих Арабскую грамоту, для изучения читать и писать по – чеченски.»[312]. В 1864 году начальник области в своём рапорте отмечал: «…в туземцах сильно стремление к образованию…», в связи с чем предполагалось открыть школы в Шатое, Ведено, Назрани, Хасав-Юрте[313]. Было запланировано при начальных

школах в укреплениях Ведено и Шатой учредить пансионы на 10 человек из туземцев. В программу обучения входило: 1) русское чтение и письмо, практическое обучение разговорному русскому языку; 2) чтение и письмо по– татарски (по – чеченски); 3) изучение четырёх действий арифметики;4) Закон Божий православного исповедания; 4) Закон Божий мусульманского вероисповедания, уставы и чтение Корана[314]. В начале 1870 года жители Ичкеринского округа с помощью общественного приговора заявили властям о желании учредить школу для обучения детей русской грамоте, арабскому языку и арифметике. На содержание школы жители решили ежегодно собирать 1/3 часть закята. Общественный приговор подписали по– арабски по 2 представителя от каждого селения[315]. 8 ноября 1870 года в укреплении Ведено была открыта школа. В этой школе обучались 20 жителей Ичкеринского округа и 5 русских мальчиков, проживавших в Ведено. Арабский язык преподавал окружной кадий Шамиль Каратаев. Переводчиком и надзирателем был житель села Дарго-Хатан Мусаев[316]. Веденская горская школа просуществовала до 1877 года – во время восстания она была закрыта якобы из-за утери имущества, а на самом деле, по мнению руководства «вследствие дурного влияния на туземное население». Директору народных училищ Терской области сообщили, что из Веденской школы мальчики выходили «даже не умея объясняться по-русски, т.к. после года пребывания больше в школу не возвращались». Причину данного положения видели в недостатке средств, из-за чего на работу не могли принять квалифицированных учителей. В связи с закрытием Веденской горской школы было принято решение учредить 8 стипендий уроженцам Веденского округа при обучении их в Грозненской горской школе[317].

Жители Ичкерии в 70-х годах XIX века добровольно обложили себя школьным налогом по 30 копеек с дыма для образования школьного капитала. 30 лет население платило этот сбор. Сумма достигла 140000 рублей, но школа так и не была открыта[318]. Во время посещения чеченских округов попечителем Кавказского учебного округа, горцы каждый раз просили его открыть школы или прекратить сбор денег на их открытие. Однако учебное ведомство даже не подозревало, что происходит такой сбор средств и начало расследование по этому вопросу[319]. При ревизии шнуровой отчётности о переходящих суммах начальника 8 участка Грозненского округа за первое полугодие 1891 года Контрольной Палатой было выявлено, что 1054 рубля 20 копеек, взысканных с сельских обществ на содержание стипендиатов Грознен-

ской горской школы и других учебных заведений – в шнуровой книге не значатся. Подобная же картина воровства народных средств наблюдалась и на других участках[320].

В 1894 году чеченцы из 12 селений Грозненского округа возбудили ходатайство об открытии в одном из сёл, на их общий счёт, с пособием от казны в размере 1500 рублей в год, низшей сельскохозяйственной школы второго разряда на 200 учеников. В областном правлении был выработан Устав школы и выслан на рассмотрение просителям[321].

Ознакомившись с этим Уставом, жители 12 селений общественными приговорами вновь постановили ходатайствовать об открытии школы с 2-х летним сроком обучения. Со своей стороны они обязались:

1) Построить здание на 160 учеников;
2) Завести инвентарь и рабочий скот;
3) Выдавать на содержание школы по 5600 рублей ежегодно, собирая их подымно с 12 селений;
4) Выделить 400 десятин земли для школьного хутора;
5) Содержать школу не менее 12 лет.

У правительства местные жители просили прирезать земли и выделять ежегодно пособие в размере 3500 рублей[322].

В 1900 году Министерство земледелия и государственных имуществ разрешило открыть в селе Урус – Мартан общественную низшую сельскохозяйственную школу на 160 учеников. Министерством был отведён для неё земельный участок в 300 десятин и назначена в течение 12 лет ежегодная денежная субсидия в размере 2500 рублей[323].

11 февраля 1913 года состоялся съезд чеченского народа, на котором постановили обложить всё чеченское население по 60 копеек с дома на плоскости и по 30 копеек с дома в горах – ежегодно, чтобы образовать фонд школьного дела в Чечне, в память 300-летнего юбилея Дома Романовых. Таким образом, ежегодный сбор должен был составить 28 тыс. рублей[324].

Делу образования помогали в Терской области различные благотворительные общества. Газета «Терские ведомости» сообщала о двух попытках создания благотворительного общества по развитию образования в городе Грозном. Первая была предпринята офицерами Тенгинского пехотного полка в 1876-1877 годах, стоявшего в то время в Грозном. Все офицеры этого полка изъявили желание и готовность выделять из своего

содержания 1% на стипендию одному или двум бедным ученикам Грозненской горской школы при поступлении в среднее или высшее учебное заведение. Эта акция была поддержана и представителями городских гражданских учреждений, которые также заявили о готовности к отчислению 1%. К сожалению, авторы статьи не располагали информацией о реальном состоянии дел, о собранных суммах, об оказанной помощи. Кроме того, в Грозном в 1880 году было основано «Благотворительное общество помощи бедным ученикам городских училищ». Были составлены подписные листы, установлен размер членского взноса – 3 рубля в год, однако не удалось собрать денег и общество не состоялось[325].

В конце 90-х годов XIX века Грозненскому городскому училищу и другим учебным заведениям помогало Общество взаимного вспомоществования учащимся и учителям Терской области. Членами этого общества являлись Арсемик Арцуевич Чермоев и Юсуп Чуликов, жертвовавшие немалые взносы на развитие системы обучения в регионе[326]. Благотворительное общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области было образовано 18 октября 1882 года. Устав благотворительного общества был утверждён правительством. Общество ставило своей целью содействовать школьному образованию среди горского населения Терской области и распространять технические и ремесленные знания. Главная цель общества – дать горцам средства для обучения. Общество имело печать со своим наименованием, ему предоставлялось право приобретать и принимать в дар недвижимость. Благотворительное общество имело право открывать школы для горцев в Терской области по программам, изданным Кавказским учебным округом[327]. Для открытия горской школы в 1883 году обществу сделали пожертвования сельские общины: Гудермеса (6 руб.), Исти-Су (6 руб.), Кошкельды (6 руб.), Ишхой (5 руб.), Аллерой (10 руб.), Цонторой (6 руб.), Бачи-Юрт (10 руб.), Кади-Юрт (5 руб.). Содержание одного чеченского мальчика во Владикавказском ремесленном училище обходилось обществу в 130 рублей ежегодно. На средства благотворительного общества в 1884 году, в присутствии горцев было произведено испытание сельскохозяйственных машин. Некоторые из них горцы затем купили. Также благодаря правлению общества горцы получили несколько новых сортов хлебных и травяных семян[328].

Общество попечения о сиротах и бедных детях города Грозного было утверждено 4 марта 1906 года. В Уставе общества было указано, что оно создано с целью «…оказывать всякого рода помощь сиротам

и детям бедных родителей всех сословий и вероисповеданий в районе города Грозного и прилегающих к нему нефтяных промыслов». Для достижения этой цели общество могло устраивать убежища, приюты, ясли, детские амбулатории, начальную школу, мастерские, а также помещать детей в школы. Средства общества составлялись из членских взносов, пожертвований и из доходов от устраиваемых спектаклей, концертов, публичных лекций. Ответственность за благосостояние общества возлагалась на правление, находившееся в г. Грозном. Город Грозный, с бурным развитием нефтяной отрасли постепенно превращался в богатый, большой, насчитывающий (с промыслами) до 70 тыс. населения город, коммерческие обороты которого ежегодно исчислялись миллионами рублей [329]. Благотворительное общество имело Председателя, помощника, казначея, секретаря, члена комитета. Годичные отчёты общества печатались в местных газетах и отдельными брошюрами. Они представлялись в военное министерство через начальника Терской области[330].

Жена начальника Терской области Д.И. Святополк-Мирского, Софья Яковлевна являлась главным организатором создания благотворительного общества, в которое вошли представители интеллигенции края. Князь и княгиня Д.И. и С.Я. Святополк-Мирские стояли не только во главе (являлись председателями) Владикавказского женского училища, но и выступали инициаторами проведения денежных сборов, а также участвовали в составлении комплекта учебно-методических материалов. Собранные ими средства, как в результате добровольных пожертвований, так и посредством устройства различного рода благотворительных мероприятий, шли в фонд деятельности училища[331].

Первые школы для чеченцев открылись сразу после завершения Кавказской войны, но работали они крайне мало. В 1862 году генерал-майор П. Услар предпринял попытку открыть школу, где занятия велись на чеченском языке. Эта Грозненская школа просуществовала всего семь недель[332]. В 1865 году была открыта школа в селе Старый Юрт, в 1867 году – в Ведено, в 1869 году в селе Большой Чечен, в 1870 году – в Брагунах, Новом Юрте, Кень-Юрте, Али-Юрте и других местах[333]. Школа в Старом Юрте состояла из 2-х классов – подготовительного и первого (53 ученика). Изучались русская и арабская грамота, арифметика, чистописание. В 1867 году в Веденской школе было всего 4 ученика, а в селе Большой Чечен – 25 учеников. Просуществовали эти школы недолго – из-за отсутствия средств[334]. В 1897 году были открыты училища для чеченцев в Нижнем Науре и Старом Юрте, с

которых и начинается история просвещения чеченского народа, если не иметь в виду горские школы. От казны ежегодно выделялось по 600 рублей: 400 рублей учителю, 100 рублей мулле и 100 рублей на ученические принадлежности. В то же время, все доходы царской фамилии от эксплуатации удельных имуществ, земель и предприятий в конце XIX века составляли более 52 млн. руб. в год, что вдвое превышало расходы государства на народное просвещение всей Российской империи, включая и Кавказ[335].

Грозненское городское училище было открыто в 1896 году, хотя планировалось открытие ещё в 1879 году. Училище вначале состояло из 3-х классов, а в 1899 году было преобразовано в 6-классное и стало называться Пушкинским. Сама по себе норма 60 человек в классе, установленная для начальных училищ, не выдерживала критики, но даже эта норма не выполнялась. В специальном распоряжении попечителя Кавказского учебного округа говорится о недопустимости перегрузки классов, доходящей до 70-80 человек и вредно отражающейся не только на здоровье учащихся, но и на учебном процессе[336].

Одним из первых озаботился вопросом обучения горских женщин князь Барятинский. В декабре 1862 года он обратился в письме к наместнику Кавказа с просьбой об открытии женских училищ. Своё мнение он обосновал так «…Воспитание туземных женщин занимает, конечно, первое место; женщина, по влиянию своему на семейство, как на хранилище народных нравов, действует одинаково и на привычки дитяти, и на возмужалого горца»[337]. Князь Барятинский предлагал даже открыть во Владикавказе женский институт. К этому времени уже было открыто женское училище (21 июня 1861 года). Здесь обучались девушки не моложе 8 лет всех вероисповеданий и сословий. В 1864 году в училище насчитывалось 74 ученицы. Преподавались здесь следующие предметы: Закон Божий, чтение на славянском языке с переводом на русский, русский язык, история России, арифметика, чистописание, рукоделие, шитьё, вязание и вышивка. 1 марта 1867 года в Грозном было открыто женское бесплатное училище, состоящее из двух классов – подготовительного и первого. Грозненскому женскому училищу был присвоен 3 разряд, оно подчинялось Министерству народного просвещения[338]. Состоятельные люди из числа чеченцев стремились дать хорошее образование не только сыновьям, но и дочерям. Зейнаб Баммад, Тамара, Митта и Дара Чермоевы и многие другие были известны не только богатством, но и прекрасным образованием[339].

И мужским и женским учебным заведениям Терской области не хватало самого насущного – учебников. Преподаватели Грозненской горской школы Дмитриев и Хасанов создали первый русско-чеченский словарь на буквы «А» и «Б», однако получив похвальные отзывы, не нашли необходимой поддержки у руководства для продолжения столь необходимой работы[340]. Книги и учебники написанные на языках местных жителей посылались в Кавказский учебный округ для просмотра. Цензурой их занимался третий окружной инспектор[341]. В 1912 году вышла в свет «Иллюстрированная география Кавказа», написанная Ф.А. Смирновым, директором Закавказской учительской семинарии. Учебник предназначался для детей – первоклассников средних учебных заведений и учащихся 2-х классов городских училищ. Учебник содержал следующие разделы: наш класс, наше село, наше сельское общество, уезд, губерния. Он обобщал сведения о Кавказской губернии, её климате, реках, озёрах, растительности, животных, о фабриках, сельском хозяйстве, населении, торговле, городах. Книга была хорошо проиллюстрирована фотографиями (в т.ч. чеченок) и рисунками, а также содержала большое количество стихов Пушкина и Лермонтова[342].

Особенно пристальное внимание в системе образования на Кавказе уделялось русскому языку. Разрастание господствующего народа, это – расширение области его языка, а не подчинение, не подвластность народа народу. Форма, выражающая собой национальную индивидуальность – это язык. Язык, это исключительное орудие объединения народа, государственного организма[343]. Стремление нивелировать национальную самобытность российских народностей и по образу преобладающей русской нации создать единый для всех национально-культурный тип привело к ликвидации существующей у многих народов национальной школы, фактическому запрещению преподавания на родном языке. Подобная школьная политика вызывала резкую негативную реакцию среди инородческого населения и во многом способствовала усилению противостояния между окраинами и центром[344]. Вытеснение местных языков из программ гимназий, школ и училищ происходило постепенно, дабы не вызвать массовых народных выступлений в регионе против насаждавшейся политики в сфере образования. По Уставу 1848 года два туземных языка были обязательны для изучения учащихся во всех классах гимназий на Кавказе. С 1853 года обязательность двух языков сохраняется только в трёх младших классах, а в остальных – только один. В 1867 году министр народного просвещения выступил против

обязательного преподавания туземцам местных языков. В этом же году было издано «Положение о начальных училищах», с обязательным преподаванием в них предметов на русском языке. В 1873 году оно было вновь подтверждено.

Родной брат императора, князь Михаил Николаевич, одной из своих задач по народному образованию в крае поставил окончательное сближение всей системы образования на Кавказе, с программой, принятой Министерством народного просвещения в Российской империи[345]. Начальник Главного управления наместника на Кавказе откровенно заявлял о том, что потребность в знании местных языков уменьшается в связи с ростом понимания и употребления горцами русского языка. Он был абсолютно уверен в том, что русский язык совсем вытеснит местные диалекты. Но, как показал опыт и весь ход исторического процесса, распространение в Чечне русского языка, усилившееся с 70-х годов XIX века, не привело даже к возникновению двуязычия. Русский язык продолжал употребляться горцами наряду с арабским, кумыцким и другими языками[346].

На заседании Государственного Совета соединённых департаментов 18 марта 1867 года развернулась дискуссия. Одни члены Совета выступали за необязательность обучения туземным языкам в гимназиях и училищах. Другие же члены Совета настаивали на обязательности изучения туземного языка, чтобы «не вызывать толки в подавлении народности». 15 мая 1867 года Государственным Советом было утверждено увеличение числа уроков русского языка[347].

К концу XIX века, в результате проводимой правительственной политики по русификации края, горские языки были почти полностью вытеснены из программ обучения подрастающих поколений[348]. Начиная с 80-х годов школьная политика на Кавказе резко направилась на борьбу с местными языками « …отразившись на понижении умственного развития обучаемых в низшей школе, эта политика в то же время дала новую силу местным языкам, сделав знание их вопросом национальной чести и самолюбия»[349]. По свидетельству отчёта попечителя учебного округа за 1903 год, на Кавказе, из 2086 начальных школ в 1928 школах, что составляло 92,4% – языком преподавания служил русский язык и только в 158 школах родной язык допускался в помощь при изучении русского языка[350].

Реакционную реформаторскую политику системы обучения начал Министр народного просвещения Д.А. Толстой. В целом его деятель-

ность диктовалась стремлением государственной власти обезопасить самодержавие. Одной из уступок, которые правительство сделало обществу, была отставка Д.А. Толстого с поста министра. 5 февраля 1880 г. наступил период «диктатуры» М.Т. Лорис-Меликова, сочетавшей полицейские меры с некоторыми уступками обществу. В этих условиях подготовка контрреформы в образовании была приостановлена. После 15 лет управления Министерством народного просвещения граф Толстой был уволен 24 апреля 1880 года, потому что, как обвинил его тогда всемогущий М.Т. Лорис-Меликов, слишком сильно «натянул вожжи» и создал в школах такой режим, который подготовил тысячи недовольных существующим строем. После работы нескольких либеральных министров снова был взят курс на проведение реакционной политики. В 1901 году Министром народного просвещения был назначен член Государственного Совета, генерал-адъютант П.С. Ванновский. Политика Ванновского была ярким примером преемственности Толстовским реформам и отражала страх власти перед просвещенной массой[351]. Проведение русификаторской политики в обучающем процессе стало вводиться повсеместно в директивном порядке.

Как это ни странно, но русские в своё время, как и чеченцы, также боролись с засильем чуждого языка, отстаивая свою национальную самобытность и культуру. С Ломоносовских реформ началась в России национальная, научно поставленная педагогическая система, построенная великим педагогом на основе гуманистического просвещения, патриотизма и демократии. По мнению М.В. Ломоносова, ввести детей в сокровищницу знаний можно только посредством родного языка. В его время специальным регламентом Академии наук в 1747 году было запрещено русским студентам изучать русский язык. В итоге оказалось, что большая часть студентов писала по-латыни лучше, чем по-русски. Ломоносов и здесь был реформатором, введя русский язык как основу обучения. В 1758 году им были основаны «российские классы», «чего, – как справедливо говорит Ломоносов, – с начала гимназии до него не бывало»[352].

С упразднением Кавказского наместничества «…обрусение туземцев, – как констатировали власти позднее, – было признано первейшей задачей новой кавказской администрации, – а школа лучшее к тому орудие»[353].

Кавказский учебный округ не мог сделать местные языки основными в процессе начального обучения, хотя и признавал за горскими

языками, имеющими письменность, важное значение для полного и всестороннего развития местных жителей[354]. Кавказские языки совершенно были изгнаны из всех учебных заведений вплоть до того, что чтение книг на родном языке считалось проступком[355].

Многие российские просветители и администраторы выступали за возвращение горских языков в систему обучения. Свои взгляды они обосновывали тем, что «..обучая родному языку в начальной и даже средней школе, инородцем облегчается усвоение русского языка, потребность в котором выдвигалась самой жизнью»[356]. Даже если горца принимали на военную службу рядовым всадником, требовалось знание разговорного русского языка, не говоря уже о работе в административных органах и в сфере бизнеса[357]. К сожалению, кавказская школа не давала хорошего знания русского языка, из-за возникавшего языкового барьера, в связи с чем признавалась повсеместно вредной, т. к. только отрывала от домашних работ детские руки, отучала их от занятий сельским хозяйством и не способствовала получению новых навыков[358]. В газете «Терский край» А. Томаревский предлагал создать для туземцев особый тип школы: «Если мальчик горец будет читать на материнском языке про хорошие дела разных героев, про свои горы, про своё хозяйство и как его улучшить, про разные природные явления, а главное на родном языке будет читать избранные места из Корана, то, разумеется, такой ученик будет мил своему семейству и каждый отец и мать будут рады такому ученику и охотно будут посылать своих детей в школу». Томаревский предлагал в туземной школе первые два года уроки вести исключительно на родном языке[359].

Н. Сперанский, в своей работе «Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России» также с горечью отмечал недостатки системы образования. « И вот лишь нам, – писал он, лишь нашему просвещённому времени дано было увидеть в жизни школы, ведущейся по «немому методу», – школы, где учитель, которому во имя государственного единства запрещено осквернять свои уста произнесением слов родного языка для учеников – всю тяжесть настоящего положения. В этой школе учитель должен слова национального языка делать понятными путём мимики, жестов и даже нечленораздельных звуков, чтобы дать понять ученикам что значит «собака лает», он должен, дабы не прибегнуть к местному языку, лаять по-собачьи. Припомним, как о подобных школах с дрожью кровной обиды в голосе повествовал 4 мая 1907 года с трибуны II Думы депутат Махмудов. Всякая народная школа, лишённая

возможности свободно пользоваться народным языком в своей образовательной деятельности, подрезается под корень».[360]

В начале XX века инициатором возвращения местных языков в систему образования, выступил наместник на Кавказе, граф И.И. Воронцов – Дашков. В 1905 году наместник дал указания по предъявлению к учительскому персоналу инородческих школ требования к достаточному знанию ими местных языков. И.И. Воронцов – Дашков предложил:

1) ввести в первом учебном году, в низших школах, преподавания на родном языке;

2) преподавать по системе Ильинского, основанной на почве уважения к национальности ученика.

В это же время Министерство Народного Просвещения высказало мнение сделать необходимым и обязательным на окраинах обучения местным языкам для русских учащихся, чтобы создать контингент знающих местные языки русских служащих[361].

Результатом одностороннего господства в местных государственных школах так называемого натурального или немого метода, при полном пренебрежении к речи детей – оказался почти всеобщим протест кавказских инородцев против упомянутого метода, так и приютившей его системы школ общего типа. Школы эти стали ненавистны горцам, которые с удовольствием указывали на систему Ильинского, особенно напирая на внешнюю её оболочку – родной язык.

Школе Ильинского вполне было обеспечено место, как школе центральной по методу и задачам, между неумеренными крайностями школы государственной с одной стороны, а конфессиональной или националистической – с другой. В начальной школе Ильинского родной язык дети изучали по 4 часа в неделю, в старших классах – по 2 часа. Русский язык в его школе был одним из предметов изучения. Ильинский допускал включение в инородческие буквари текстов в арабской транскрипции. Он работал а Казанской учительской семинарии и владел татарским языком. Н.И. Ильинский одобрительно отзывался о порядочности татар – мусульман и избегал религиозных споров с ними, следуя наставлению апостола Павла[362]. Николай Иванович показал бесспорные достоинства конфессиональной школы мусульман: близость к народу, отсутствие формализма, автономное управление. Н.И. Ильинский начал создавать свою школу в 60-х годах XIX века. Его школа не была продуктом отвлечённого мышления, а создавалась в силу насущных потребностей народа Волжско – Камского края. Его школа была открыта для всех:

язычников, крещённых татар и мусульман. Н.И. Ильинский считал, что инородцы должны быть убеждены, что педагоги хлопочут об их образовании исключительно ради их, инородцев пользы, их счастья

Когда в период господствовавшего в России национализма, после подавления польского восстания 1863 года Б.Н. Чичерин высказался против притеснительных и мстительных мер, его заподозрили в попустительстве сепаратизму. Однако исходной точкой для отношения Б.Н. Чичерина к полякам был тот внутренний голос совести, который Кант назвал категорическим императивом. Ильинский пришёл служить инородцам, потому что искал правды в жизни и возможного осуществления этой правды в отношении малых народов[363].

Одним из прогрессивных людей XIX века, посвятивших себя народному образованию, являлся Януарий Михайлович Неверов. Я.М. Неверов был сторонником гласного обсуждения учебных программ и методов обучения, для чего созывались съезды учителей. На съезде учителей – историков в 1867 году он доказывал «пользу обучения истории Кавказа» и на этом съезде потребовал внесения в программы истории Кавказа попутно и в связи с всеобщей и русской историей. Это мнение его вполне разделяли лучшие кавказские педагоги. Я.М. Неверов убедительно доказывал необходимость научного изучения горцами родного языка. Он придерживался мнения, что «…нет образования без возможно полного знания своего родного языка, как орудия мысли»[364].

К.П. Яновский, являвшийся попечителем Кавказского учебного округа в 70-90 годы XIX века предлагал не увеличивать расходы на земскую стражу и армию, а передать эти деньги школе, улучшив её качество. Он планировал увеличить в 7 раз число школ в Кавказском учебном округе. С 1885 по 1893 год число русскоязычных школ на Кавказе увеличилось с 49,8% до73,4% от общего числа школ[365].

В 60-е годы XIX века в Дагестане открываются учебные заведения, где наряду с русским языком изучаются и родные. Создание этих школ связано с именем П.К. Услара. Этим школам был чужд сословный принцип, а сам педагог в организации школьного дела стоял за его всеобщность и доступность. Выделив поначалу небольшие суммы на открытие школ в Хунзахе, Гунибе, Кази-Кумухе, правительство в последствии прекратило их финансирование и тем самым отказалось от более приемлемого для широких горских масс приобщения к русской культуре через родной язык[366].

В своих письмах П.К. Услар отзывался с большой похвалой о деятельности лиц, интересовавшихся образованием горцев, но в силу чрезвычайной скромности, умалчивал о своих заслугах.

Барон Пётр Карлович Услар родился в деревне Курово Тверской губернии 20 августа 1816 года. Прадед Услара – уроженец Ганновера[367]. П.К. Услар получил образование в инженерном училище, в 1835 году был произведён в прапорщики корпуса военных инженеров. В 1836 году он отправился на службу на Кавказ, в 1838 году был переведён в кавказский сапёрный батальон. За боевое отличие в Дагестане он был произведён в поручики. В 1840 году поступил в академию Ген.штаба, в 1844 году её закончил. В 1850 году принимал участие во многих экспедициях в Чечне. А уже в 1858 году Пётр Карлович был причислен к Главному штабу Кавказской армии, где на него был возложен обширный и важный труд по составлению истории Кавказа. Изучение древнейшей истории края привело его к лингвистическим исследованиям. П.К.Услар при жизни не был оценён по достоинству. Он скончался у себя на родине, после продолжительной и тяжёлой болезни, на 58 году жизни. Генерал-майор Генерального штаба, барон П.К. Услар являлся почётным членом Императорской академии наук[368].

Рассказы, песни, и пословицы, записанные П.К. Усларом, позволяют ознакомиться с плоскостным чеченским диалектом середины XIX века. Вместе с тем надо сказать, что им первым дана подробная характеристика звуков чеченского языка и сравнение их с другими языками мира. В 1862 году П.К. Услар написал «Чеченский язык», объём книги составлял 30 печатных листов. Впервые работа была издана в Тифлисе в 1862 году, а затем переиздана в 1888 году. «Чеченский язык» – первая капитальная работа по чеченскому языку, которая с точки зрения лингвистической, является чрезвычайно ценным трудом, не утратившим своего значения и по сей день. Удачно уловив и изучив структуру чеченского языка, талантливый учёный со всей серьёзностью и глубиной исследовал собранный им обильный фактический материал и оставил нам очень ценную грамматику[369].

Философ Ж. Деррида утверждает в своей работе «О грамматологии»: « Нет бесписьменных человеческих сообществ, потребность фиксировать, записывать, оставлять след есть общечеловеческий феномен, и если бы была наука, изучающая его, то это и была бы не столько конкретная дисциплина, но наука о письме вообще и о различии форм, в которых реализуется эта способность»[370].

В начале XVI века, в связи с проникновением в Чечню ислама заимствуется арабский алфавит. Первые попытки приспособить его к чеченскому языку делаются ещё в период Кавказской войны, но передать богатую фонетическую систему чеченского языка арабским алфавитом было трудно. Поэтому первый чеченский алфавит на основе арабского насчитывал всего 29 букв[371]. В конце XIX века в Чечне делаются попытки приспособить арабский алфавит с довольно значительными изменениями к чеченскому языку в количестве 31 буквы. Так, в 1910 году Сугаип Гайсумов выпускает книги, используя этот алфавит, которые печатались в Буйнакске. Этот алфавит с изменениями (в него было добавлено ещё 8 букв) просуществовал до 1925 года. В основном преподавание на чеченском языке с арабским алфавитом велось в мусульманских школах. В1862 году в Тифлисе был издан на чеченском языке букварь Кеди Досова, а в 1911 году Т. Эльдарханов выпустил также чеченскую азбуку и первую книгу для чтения[372]. Эльдарханов Таштемир Эльджуркаевич был депутатом Государственной думы первого и второго созывов от Терской области, входил в мусульманскую фракцию[373].

Арабский язык, с влиянием которого пришлось столкнуться России, являлся для мусульман отражением их духовной жизни. Язык Корана связывал в единый конгломерат субкультуры Кавказа и весь мусульманский мир. Ислам принёс письменность, и через неё проникали все достижения культуры Ближнего Востока. С окончательным вступлением территории, населённой чеченцами, ингушами, кабардинцами, осетинами, ногайцами, кумыками под управление Российской державы, в роли межрегионального языка стал активно утверждаться русский, являвшийся государственным языком империи. В результате этой политики в основу местного административного управления, издания периодики и книг, создания письменности кавказских народов, системы школьного и профессионального образования был положен русский язык. Со временем русский язык активно вытеснил арабский, сведя область его использования только к религиозной сфере, фактически перекрыв ему дорогу в просвещение и печать. Печать на Кавказе являлась немаловажной областью бесправия родного языка. Отсутствие прав у языков коренного населения Северного Кавказа являлось оскорблением национального самолюбия и официальным признанием приниженности данной народности в глазах русского населения, кроме того порядок этот фактически лишал население всякой судебной и административной защиты. На месте судьи и зако-

на становился пресловутый писарь и профессиональный переводчик, для которых открывались большие возможности для вымогательства и произвола. Очевидцы тех событий свидетельствуют: «Достаточно видеть беспомощного инородца, выслушивающего резолюцию начальника или получающего копию решения на непонятном ему языке, чтобы понять обиду и злобу, загорающуюся в его душе»[374]. Чтобы успешнее повлиять на смягчение горских сердец, кавказское руководство предложило посылать на воспитание не только местных мальчишек, но и горянок. Император заметил на это, что «…для девушек будет трудно приискать, куда их помещать». После этой резолюции вопрос больше не поднимался[375].

Чеченцы были хорошо знакомы с русским языком ещё до Кавказской войны. В чеченском языке обнаруживались специфические диалектные (терские) русские формы, усвоение которых осуществлялось при контактах с русским населением Притерской полосы. Также было характерно и обратное языковое влияние. В дореволюционных лексических материалах по терским русским говорам фиксировались вайнахские (чеченские и ингушские) слова[376]. Употребление терскими казаками в качестве средства общения с соседними чеченцами и ногайцами и даже между собой «татарского» (кумыкского) языка нашло последовательное отражение в повести Л.Н. Толстого «Казаки»[377]. Царизм не был заинтересован в просвещении народных масс. В то время, не могло быть и речи о развитии среднего и высшего образования, науки на Северном Кавказе. В результате в духовной жизни горца господствовало религиозное образование[378].

В 1849 году правительство создает восемь духовных школ для мусульман Кавказа, в том числе три школы для суннитов. Российские власти полагали, что в стенах этих учебных заведений им удастся подготовить новое поколение горских мусульманских мулл, которые будут способствовать проведению государственной политики среди горских народов «…с большим ручательством в успехе, нежели муллы иноплеменные, местным обычаям чуждые…»[379].

Наряду с русскими светскими школами во второй половине XIX века продолжала действовать широкая сеть конфессиональных школ, открываемых при мечетях. В 1859 году Н. Августович замечал: «Тот, кто знаком с бытом горцев на Кавказе, знает, что выстроить в ауле мечеть – не стоит ничего; при общей работе жителей она поспевает в несколько недель, а в Чечне и в несколько дней…»[380].

Стремление к знанию, помимо земных соображений – выделиться из общей массы, поднять личный социальный статус и материальный достаток, – было обусловлено, в гораздо большей степени, тем, что знание в мусульманской цивилизации приравнивается к самой вере или сказать точнее, знание рассматривается как необходимое следствие веры. Не случайно в Коране понятие «верить» и «знать» выступают в качестве синонимов. Знание понималось, прежде всего, как результат обучения. Функцию распространения знаний в обществе призваны были нести мусульманские школы. Когда ученик заучивал наизусть определенную часть текста (суру, половину Корана), его родители устраивали своеобразное застолье, в знак благодарности учителю, в котором принимали участие и ученики.

Чаще всего детей в мусульманские школы приводили в возрасте семи-восьми лет, низшей возрастной границей для начала обучения было пять лет. Сроки обучения не были регламентированы. Способные ученики могли окончить школу за 3-4 года, менее способные тратили на прохождение курса до 8 лет. Одним из средств обучения в древнем Востоке считалось наказание розгами, хотя однозначного мнения по этому поводу не было. Детям из богатых семей нанимали репетиторов, которые обучали их канонам религии. Частные занятия могли проходить не только на дому у ученика, они также имели место в гостиницах, которые входили в комплекс крупных мечетей. Они содержались за счет вакфа, а также арендной платы, которую платил учитель, имея в своем распоряжении отдельную комнату для занятий. Девочкам разрешалось обучаться Корану. «Не обучайте дочерей своих письму, и не читайте им стихов; обучайте их только Корану…» – говорилось в одной из священных мусульманских книг[381].

Основными звеньями мусульманской системы образования являлись кораническая школа, мектебе и медресе. Первой ступенью была кораническая школа. Главной её функцией было обучение детей чтению Корана. Второй ступенью мусульманской школы был мектеб. В мектеб отдавали наиболее способных мальчиков в возрасте от 8 до 10 лет. По содержанию образования это была начальная школа, где детей учили читать, писать, считать.

Какого-то точного времени начала занятий в мектебах не было. Ученик мог прийти и записаться на учёбу, когда ему заблагорассудится. Кроме того, среди преподавателей существовала своего рода конкуренция: ученики имели право переходить к более известному или знающе-

му преподавателю и пользовались этой возможностью. В течение дня занятия проходили с раннего утра, после утреннего намаза вплоть до вечера, когда уже невозможно было разобрать письмена в книгах. Все ученики находились в одном помещении, но обучались они индивидуально: учитель задавал каждому мутаалиму уроки в день три раза. Тот, кто не успевал приготовить их, лишался перерыва и снова должен был возвращаться к невыполненному заданию. Поэтому кто-то заканчивал курс обучения в мектебе за 3-4 месяца, а кто-то задерживался на год – два – три[382].

В медресе, школу повышенного типа, поступала незначительная часть окончивших мектеб и стремящихся углубить свои знания в богословских и общеобразовательных науках. В основном это были дети мусульманского духовенства и состоятельных горцев. По некоторым данным, в конце XIX века в медресе шли только 5% тех, кто окончил мектебе. Открывались медресе в основном при главных мечетях политических и административных центров и в домах известных учёных. Вслед за правилами чтения и правописания изучали логику. За логикой изучалась риторика, объясняющая правила красноречия арабского языка. В медресе изучали толкование Корана и жизнеописание пророка Мухаммеда. Изучались в медресе и предметы общеобразовательного цикла.

Основной целью исламского образования на первой ступени было освоение Корана и правил религии, и все прочие предметы должны были в этом помогать. Например, арабская грамматика изучалась для того, чтобы верно понимать смысл религиозных текстов, не искажать его; география – для точного определения сторон света и направления на Мекку, куда следовало обращать лицо во время молитвы; астрономия – для верного вычисления времени молитв, начала и окончания постов; математика была нужна при решении наследственных вопросов. Следующие ступени уже давали более широкие знания и призваны были способствовать погружению учащегося в исламские науки[383].

Окончившие медресе горцы играли весьма видную роль в жизни населения и имели на него большое нравственное влияние. Они также занимали духовные посты – мулл, кадиев; общественные и государственные должности. Судя по документу 1912 года, из 27 мулл, официально действовавших на территории Назрановского округа Терской области, 16 обучались в Чечне[384]. Отдельные выпускники продолжали учёбу в высших мусульманских учебных заведениях Сирии, Йемена, Дамаска, Багдада[385].

До 1870 года правительство России пассивно относилось к медресе и мектебе. В Череванский в своей работе «Мир ислама и его пробуждение» так описывал данный принцип невмешательства: «Не страдая, подобно католическим странам религиозной навязчивостью, Россия счастливо избежала прекрасного в теории, но опасного на практике, миссионерского давления на умы и сердца населения… Не вступая на этот скользкий путь, Россия должна изыскать иные средства, чтобы ввести в замкнутую среду мусульманских училищ зачатки европейских знаний и культуры»[386].

В 1870 году наместник Кавказа разрешил некоторые льготы для мулл при обложении их налогами. Согласно «Положения о начальных училищах» от 20 ноября 1874 года мусульманские конфессиональные школы стали подчиняться органам Министерства Народного Просвещения[387].

Правилами 26 марта 1870 года во всех открываемых мектебе и медресе должны были быть классы русского языка, учителя их содержались за счёт мусульманских обществ[388]. В мае 1877 года Министерство внутренних дел внесло в Гос.Совет предложение о мерах по распространению русского образования среди мусульман, в том числе – требование знания русского языка от назначаемых мулл. Гос.Совет решил, что лучше не вызывать смущение среди мусульман и отложить дело[389]. В пореформенный период в Терской области желающие открыть школы грамотности для обучения детей местным языкам или молитвам должны были представить начальнику по учебным вопросам удостоверение о нравственном поведении. Эти школы открывались с ведома местной полиции[390]. С 1897 года учебное начальство Кавказского учебного округа стало добиваться перевода в его ведение мусульманских школ. Возник вопрос об их бюджетном финансировании. Весьма оригинальной была аргументация против расхода бюджетных средств на мусульманское образование. Было сказано о том, что мусульмане не пьют, а, следовательно, и не платят питейных сборов, в связи с чем казна не досчитывается 70 млн. рублей, а, следовательно, не стоит расходовать средства, полученные с христиан, на приверженцев ислама[391]. Несмотря на все создаваемые администрацией преграды, в Терской области насчитывалось большое количество мусульманских школ. Только в одном Веденском округе при аульных мечетях было 28 школ.

После водворения в областях распространения ислама русской государственности повседневный образ жизни мусульман не претерпел

резких изменений. Была сохранена традиционная система образования (мектебе и медресе). Более того, поощрялось открытие новых исламских духовных школ. На Кавказе их насчитывалось до 2000. По количеству открывавшихся мусульманских учебных заведений Россия тогда, пожалуй, опережала даже зарубежные мусульманские страны. Тенденция эта замедлилась лишь при нарастании государственно-политического кризиса в начале XX века, но, в общем, сохранилась до 1917 года[392].

В 1910 г. в Кизляре открылись две небольшие светские школы для мусульман «Хаят» (жизнь) и «Гумет» (энергия). В них было по два учителя и примерно 40 учащихся в каждой. Дети обучались русскому, тюркскому, фарсидскому, арабскому языкам и некоторым общеобразовательным предметам. Обе школы содержались главным образом за счет родителей. Дисциплина в этих школах была особенно строгой. Правила поведения учащихся школы «Хаят» включали пункт: «За проступки ученику делаются замечания до 8 раз, а на девятый он исключается из школы»[393].

В 1868 году Обществом восстановления Православного христианства на Кавказе был издан букварь на чеченском языке, в количестве 1200 экземпляров[394]. В 1869 году в «Журнале Министерства Народного просвещения» была опубликована статья Я.М. Неверова «К вопросу об образовании инородцев». В своей работе автор выступил против миссионерского направления школьной работы. Неверов заявил, что на Кавказе существует 40 христианских школ для горцев с обязательным обучением на русском языке[395]. По решению Синода лица коренной национальности бесплатно принимались в Ставропольскую духовную семинарию, им выплачивалась государственная стипендия. По определению Синода от 15 января 1883 года разрешалось проводить православную церковную службу на языках народов Кавказа, что требовало от священнослужителей знания горских языков[396]. В городских училищах Кавказского края разрешалось в послеобеденное время, на русском языке преподавать для желающих иных исповеданий христианский Закон Божий. Для этого было необходимо письменное заявление от родителей учеников[397].

Кавказ нуждался в высшем учебном заведении. Ежегодно более 700 человек уезжали учиться или во внутренние губернии России или за границу (где дешевле). В правительственных кругах вопрос об открытии на Кавказе университета поднимал в 1898 году Боголепов, но тогда это было признано несвоевременным. Боголепов доказывал, что создание вуза нужно для изучения края, ведущегося бессистемно, для

культурного и экономического процветания народов Кавказа[398]. Желание открыть на Кавказе университет не встретило сочувствие ни у главного кавказского начальства, ни у центрального правительства, главным образом из – за опасения, что это учреждение будет способствовать развитию в местном обществе сепаратистских тенденций.[399] По словам князя Дондукова – Корсакова «…О высших учебных заведениях для Кавказа не может быть и речи, как в виду вообще низкого уровня развития местного населения, так и потому, что туземцы и русские могут продолжить образование во внутренних губерниях России»[400]. Отмечая причины отсутствия вуза на Кавказе, руководство обычно указывало на: недостаток средних учебных заведений, отсутствие профессоров и денежных средств, опасение возможных студенческих беспорядков.

В 1903 году один из крупных нефтепромышленников письменно обратился к Министру народного просвещения и Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе с предложением принять от него крупное пожертвование на учреждение высшего учебного заведения в Тифлисе, в размере 700 тыс. рублей. Предполагаемый ежегодный расход на 1 факультет равнялся 80 тыс. рублей. И это предложение предпринимателя осталось без ответа. Насколько велика была потребность в высшем образовании на Кавказе можно видеть на опыте открывшихся частных высших курсов по кавказоведению, работавших в 1907-1908 учебном году. За год была прочитана 141 лекция. На курсах побывало 8256 слушателей[401].

В 1843 году император разрешил воспитывать за казённый счёт в разных высших учебных заведениях империи определённое количество уроженцев Кавказа. Во время пребывания в учебных заведениях кавказские воспитанники состояли под покровительством Кавказского комитета. Вакансии для кавказских студентов во второй пол. XIX века были открыты во многих высших учебных заведениях Российской империи, однако в основном в них обучались те, чьим родным языком являлся русский, и за небольшим исключением – горцы. Работники Кавказского комитета, пользуясь служебным положением, на казённые вакансии определяли своих детей или за взятку устраивали на эти бесплатные места тех, кого считали нужным. Направление кавказских воспитанников в высшие и специальные учебные заведения России зависело непосредственно от наместника Кавказского. Ввиду этого многие горцы, желая дать своим детям высшее образование, с конца 60-х годов XIX века стали отправлять их для обучения в высшие учебные заведения за свой

счёт[402]. Обычно в университеты поступали те молодые люди, которые с отличием заканчивали обучение в гимназиях. Если бюджетные вакансии не были заняты, то их предоставляли тем кавказским уроженцам, которые за свой счёт обучались в университетах, но из-за недостатка средств не могли продолжить обучение. Сумма в количестве 38680 рублей, ежегодно причитающаяся на содержание кавказских воспитанников, обучающихся в высших и специальных учебных заведениях империи, отпускалась из государственного казначейства. Кавказский воспитанник, обучавшийся за счёт казны был обязан, в случае требования наместника, явиться на службу туда, куда укажет кавказское руководство и прослужить не менее 6 лет[403]. Правительство, тратя средства на обучение горцев, предполагало, что в дальнейшем они займут должности на всех уровнях государственной службы на Кавказе, не исключая даже самых высших[404]. Кавказские воспитанники отправлялись в места обучения за свой счёт. Возвратившимся на родину оплачивалась обратная дорога[405]. Закончившим вуз горцам кавказское руководство сразу выплачивало годовое жалованье. Во время службы на Кавказе выпускники пользовались теми же преимуществами, что и русские чиновники[406]. Те кавказские воспитанники, которые не получали после окончания обучения вызова наместника с Кавказа, могли оставаться во внутренних губерниях России и выбирать себе род занятий или службу по своему усмотрению[407]. Кавказские воспитанники обходились казне довольно дорого, в среднем на одного студента государство тратило 2200 рублей. Самым дорогостоящим было обучение в университетах. Здесь в год на обучение горца затрачивалась 21000 рублей. Сумма была столь велика в силу того, что часть денег покрывала расходы на контроль за горцами, а часть шла на содержание дополнительных платных уроков, дабы «подтянуть» кавказских воспитанников до приемлемого уровня[408]. Высочайшим повелением от 17 ноября 1847 года было разрешено всем кавказским уроженцам, воспитывающимся в российских университетах за счёт казны, предоставлять один льготный год на весь университетский курс, если они не справляются с программой, не исключать их, а позволить остаться на том же курсе на второй год, на бюджетной основе. Приказом от 19 ноября 1863 года кавказские стипендиаты освобождались от платы за слушание лекций[409].

Установлением числа и размера стипендий в пределах назначаемой суммы, а также распределением этих стипендий по учебным заведениям занимался Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, по

соглашению с соответствующими Министерствами[410]. В связи с большими материальными расходами на обучение кавказских воспитанников в 1867 году были утверждены изменения существовавших постановлений о кавказских воспитанниках. В частности, было сокращено количество вакантных мест в университетах и институтах, а также уменьшено число выделяемых государством средств для обучения уроженцев Кавказа[411].

Многие «кавказские стипендии» в высших учебных заведениях империи долгое время оказывались невостребованными. В 1870 году оставались незамещёнными в Санкт-Петербургском университете 2 вакансии; в Московском университете на историко-филологическом факультете – 2, на медицинском – 4, на физико-математическом и юридическом факультетах – 7; в Новороссийском университете – 3; в Историко-филологическом институте – 2; в училище правоведения – 6; в Институте инженеров путей сообщения – 4 и т. д.

Это объяснялось тем, что учебные планы для кавказских гимназий, в том числе Ставропольской, включали в себя региональный компонент, содержание которого было определено спецификой края. Вследствие этого выпускники Ставропольской гимназии, как правило, оказывались, не готовы к университетским занятиям. Для решения данной проблемы кавказским уроженцам предоставлялся один льготный год, в течение которого студенты изучали латынь, греческий язык и другие предметы, по которым требовался более высокий уровень подготовки. Теоретически кавказские воспитанники имели возможность продолжить учёбу и в высших военных учебных заведениях, но на практике это случалось довольно редко[412].

17 октября 1867 года Александр II утвердил количество вакантных казённых мест для кавказских воспитанников, в столичном Петербургском университете. Их было выделено всего 5 – на факультете восточных языков. Указом императора в этом университете горцы освобождались от изучения славянских языков и экзаменов по данному предмету. В списке стипендиатов Кавказского комитета, состоявшим в числе студентов Петербургского университета числился Ахундов Исмаил, учившийся на юридическом факультете[413].

В 1902 году было организовано Кавказское общество вспомоществования студентов университетов и других вузов, Устав которого был утверждён распоряжением Министерства внутренних дел 26 февраля 1902 года. Общество оказывало помощь студентам в виде внесения в высшие учебные заведения платы за слушание лекций, в выдаче посо-

бий студентам, единовременных и постоянных[414]. Также существовали и корпоративные стипендии крупнейших промышленных и транспортных организаций на Кавказе. Так, в 1877 году в Институт инженеров путей сообщения было перечислено 6600 рублей участниками строительства Ростово-Владикавказской железной дороги в качестве «Стипендии инженера ст. сов. Барона Штейнгеля», для обучавшихся там кавказских воспитанников[415].

В начале XX века А. Крымский охарактеризовал кавказцев, как самых образованных среди мусульман России. «Кавказ, – писал он, – это страна, про которую смело можно сказать, что там мусульмане наиболее из всех российских мусульман имеют европейское образование. Всех мусульман – студентов, которые находятся в русских университетах и высших специальных заведениях, ежегодно бывает не менее 50-60 человек, чуть ли не все они – из Южной России»[416].

Вплоть до самых последних своих дней царизм противился стремлениям поднять роль «инородческой» (в том числе мусульманской) интеллигенции – даже в органах местного самоуправления – и ввести на национальных же окраинах обучение на родных языках. Напротив, либералы активно ратовали за эту меру – не без основания полагая, что лишь таким путём удастся предотвратить переход нерусских народов в лагерь леворадикальной оппозиции.

Заметный уже в 60-80-е годы конфликт между консервативными и либеральными платформами в так называемом «инородческом вопросе» постоянно расширялся и углублялся[417]. Для политики правительства на национальных окраинах принципиальное значение приобрёл вопрос о школьном образовании нерусского населения. В Петербурге школа рассматривалась как мощный инструмент «русификации» окраин Российской империи. Царское правительство проводило систему мер в области образования, целью которой являлась подготовка из детей влиятельных горцев надёжных проводников своей политики в крае. Конечным же итогом образования царизм считал обрусение и слияние инородцев с русским народом[418].

Единой программы использования школьного образования для ассимиляции инородцев не существовало, но постепенно сформировались два альтернативных подхода к делу просвещения инородцев. В 1860-х гг. известным педагогом Н.И. Ильинским разрабатывается специальная система «инородческих» училищ, получившая поддержку в лице Министерства народного просвещения. Одним из главных принципов

системы Н.И. Ильинского было использование при начальном обучении нерусского населения местных языков, для облегчения усвоения русского языка и других учебных предметов. В 1870 году система Н.И. Ильинского получила законодательное оформление в утверждённых правилах для инородческих училищ.

В то же время в 1880-е гг. в западном крае и на Кавказе получает преобладание другой тип школы для нерусского населения, главным принципом которой было ведение всего преподавания только на русском языке. Идея чисто русской школы для ассимиляции населения Кавказа активно поддерживалась Министерством народного просвещения[419].

Для укрепления своего геополитического положения России было необходимо вовлечь население Кавказа, сравнительно недавно вошедшего в состав империи, в сферу внутригосударственных отношений. Неизбежным было развитие просвещения через школы, максимально приближенные к «русским», использующими единую программу и дающими систему знаний, необходимую для внушения полиэтническому населению региона идей единства в рамках российской цивилизации[420].

Система народного образования рассматривается любым государством не только с точки зрения обучения подрастающего поколения, но и как инструмент проведения государственной внутренней политики. Подход к национальной школе как к инструменту воздействия на подрастающее поколение и формирования особой социокультурной среды в регионах, сравнительно недавно вошедших в состав Российской империи, ярко осуществлялся правительством в конце XIX – начале XX вв. Наиболее жёсткий контроль был установлен государством за национальными школами коренного населения Кавказа – горских и кочевых народов, что объяснимо геополитическими интересами Российской империи.

Линия разлома и борьбы Российской цивилизации и цивилизационного компонента исламского мира на Северном Кавказе ярко проявилась в социокультурном плане. В неё была втянута национальная школа как один из ведущих институтов формирования мировоззрения подрастающего поколения. Для большего вовлечения детей в государственные школы правительство стремилось обеспечить в них высокий уровень преподавания предметов, необходимых коренным народам Кавказа для практической деятельности. Низкий уровень светской грамотности населения «инородческих территорий» явился следствием прежде всего просчётов государственной просветительской политики[421].

Характерной особенностью образовательной политики государства в конце XIX – начале XX в. было игнорирование потребностей общества в грамотных людях. Правительство не учитывало тот факт, что развитие в России капитализма создавало особое отношение общества к образованию; изменились духовные ценности; которые теперь виделись в научном понимании мира и овладении практическими навыками[422].

Не исключается и сознательная практика школьных и административных властей по ограничению приема представителей «покоренных народов» в учебные заведения[423]. По мнению европейских публицистов того времени, невежество – следствие политики Российского правительства, выражавшейся в лозунге «разлагай, чтобы править». Э.Дж. Диллон исходит, например, из двух составляющих в политике правящих кругов России: во-первых, удерживать «основную массу» населения на грани голода, так, чтобы по возможности избежать волнений; во-вторых, довести население почти до «идиотизма» посредством «обязательного невежества и алкоголизма»[424].

В конце XIX века имперские чиновники вдруг обнаружили, что мусульманин, усвоивший достижения европейской цивилизации, становится, возможно, менее предсказуемым, чем его «фанатичный» и «необразованный» единоверец, и что не в последнюю очередь причиной тому служит смешение культур. В России не редко выявлялись такие эпизоды и ситуации «русификации», которые на самом деле несли в себе глубоко «подрывной» для имперского союза потенциал. Таким образом, процесс инкорпорирования предстает как очень неоднозначный и сложный в своем развитии[425].

Правительственная линия с конца 1880-х гг. все четче выступает как «систематическое устранение туземцев из состава местной администрации, поход на школы, на родной язык учащихся». Сущность данного перехода состоит в упрочнении контроля над инородческой периферией, в наращивании самой проницаемости территорий для властных маневров имперского центра. Искомая гомогенность рассматривается как фактор укрепления, если и вынужденной, но необходимости, политической лояльности периферии в отношении «национализирующейся» империи. Все более отчетливой становится политика русификации, направленная на жесткую привязку инородческого населения к значительно более ограниченному идентификационному канону имперских подданных. Такая привязка предполагает усиление силового контроля над «объектами имперского поглощения» и осуществляется посредством общего ужес-

точения репрессивных функций государства. Культурная _абсорбция периферии полагается возможной только в качестве следствия абсолютного властного и культурного доминирования над нею. Два неразделенных свойства национально-культурного «тела» империи – многоэтничность и наличие этнического ядра – доминанты – воспроизводятся в поглощении Россией региона[426].

3. Этнические особенности титульного населения Терской области

Чеченцы и ингуши жили на занимаемой ими ныне территории ещё в очень отдалённом прошлом. По свидетельству армянского историка и географа Моисея Хоренского, жившего в V веке н.э. на Кавказе проживало 53 народности. В числе перечисленных им народов упоминаются и «нахчмадьяне». Скорее всего, это и были предки современных чеченцев[427]. Изначально чеченцы жили родами – микрокосмосом не только национального, но и социально – политического организма[428].

Многочисленные путешественники, исследователи, побывавшие на Кавказе, в основном доброжелательно отзывались о внешности и характере жителей Чечни: «Чеченцы, как мужчины, так и женщины, наружностью чрезвычайно красивый народ, – отмечал один из авторов. Они высоки ростом, очень стройны, физиономия их, в особенности глаза, выразительны»[429]. В «Вестнике Российского Общества Красного креста» следующим образом описывались чеченцы: « Жители Чечни гордые, стройные, изящные, любят богатую одежду и носят ее с такой же ловкостью. Их женщины, отличающиеся стройностью и грацией, одеваются в красивые платья, обрисовывающие их талию, и широкие панталоны из розового шелка, ноги их обуты в желтые чувяки, а руки украшены серебряными браслетами, суконная накидка, ниспадающая на плечи, скрывает отчасти и прическу. Чеченцы великодушны и всегда сохраняют свое достоинство в речи и в обхождении; они могут убить, но не оскорбить. Гордость чеченца доходила до фанатизма; их гостеприимство, хотя и не без примеси некоторых странностей, было безгранично»[430].

Н. Семёнов, долго живший и работавший в Чечне обратил внимание на прекрасно развитое чувство юмора у чеченцев, что не вязалось с созданным в прессе образом «злого и коварного чечена». Н. Семёнов писал: «Чеченцы смеются вообще хорошо и много. Малейший намёк на

остроту, чуть оригинальнее выходка, иногда одно намерение кого – ни будь посмешить уже достаточно, чтобы заставить этих полудиких сынов природы хохотать до упаду. От меткой остроты не унимаются в течение нескольких часов, и старики обычно заливаются даже более молодёжи. В этом они удивительно похожи на детей. Ум у чеченца бойкий, но лёгкий. Чеченец любит пошутить, посмеяться, поострить, поиграть словами»[431]. Остроумие горца, его умение шутить и понимать шутку, веселость, которую не осилила даже война, показывает его устное народное творчество – чеченские сказки и песни:

«Острый меч – рази верней,
Я смеюся встречной пуле!
Кто скажите всех смелей
Веселее всех в ауле.
Это я!… С дороги прочь!
Все равно моя победа!
Не меня ли в эту ночь
Целовала дочь соседа…
Говорить – так говорить!
Смерть врагу…С дороги прочь!
Для нее моя победа!»[432].

Н.Я. Динник, неоднократно посещавший Кавказ и Чечню, отмечал: «Мне не раз приходилось слышать о них, как о народе коварном, злом и крайне враждебно относящемся к русским. Не раз говорили мне, что чеченцы гораздо хуже, чем все прочие племена, живущие на Кавказе. По моим личным наблюдениям и рассказам лиц, хорошо их знающих, чеченцы – горцы очень вежливы, любезны, предупредительны и гостеприимны. Я неоднократно ездил ночью, как зимою, так и летом, по горам Чечни и никогда не случалось со мною ничего неприятного. Наоборот, вежливое и предупредительное отношение к себе я имел случай наблюдать на каждом шагу»[433].

М.П. Ерохин также своими наблюдениями подтверждает мнение Динника: «Чеченцы чрезвычайно вежливы, гостеприимны и приветливы; все мирно занимаются своим трудом и отношение к приезжим самое доброжелательное»[434]. Чеченцам с давних времен были присущи этническая и конфессиональная лояльность, стремление к миру, дружбе и роднению с другими народами, в том числе с русскими, терскими и

гребенскими казаками. «Вообще все чеченцы желают и ищут мирное житье», – констатировал в начале XIX века комендант крепости Кизляр А.И. Ахвердов. В 50-е годы, когда еще шла Кавказская война, современник тех событий С. Иванов писал: «Русские (из гарнизона крепости) стали ходить в аул поодиночке, без оружия… некоторые из них задерживались у своих кунаков до поздней ночи, случалось, что и ночевали». Многие чеченцы жили среди русских, по разным причинам уходили к казакам и селились в станицах; напротив, русские беглые солдаты и офицеры, крепостные крестьяне, а также казаки приходили к чеченцам[435].

Гр. Москвич отмечал, что : «…чеченцы трудолюбивый и способный народ, проявляющий склонность к образованию В Чечне можно встретить благоустроенные аулы с опрятными улицами, нередко с каменными зданиями. Земледелие у них находится в прекрасном состоянии и ведётся при посредстве оросительных каналов»[436].

У чеченцев женский пол пользовался несравненно большей свободой, чем у соседей. Не только девушки, но и замужние женщины не прятались, не закрывались покрывалами и не стыдились присутствия мужчин. М.Я Ольшевский замечал: «Несмотря на свою леность и праздность, мужчины старались по возможности делить с ними свой труд, и ни в каком случае не считали их своими рабынями, как это делалось у их соседей»[437]. Н. Семёнов считал, что чеченской женщине нельзя отказать в известной степени силы воли и энергии[438].

Н.С. Иваненков, в своей работе «Горные чеченцы» заключал: «Чеченцы свободолюбивый, в высшей степени чувствительный к оскорблениям народ»[439]. Прекрасно охарактеризовал горцев и Е. Марков в своей работе «Очерки Кавказа»: «Наши русские понятия о дворянском и княжеском сословии, о крепостных отношениях, сильно отражающие на себе византийские или немецкие взгляды разнились от представлений кавказского горца. Их невозможно было применить целиком к быту этих народов, вообще гораздо более вольнолюбивых и обеспеченных, гораздо менее утративших в большинстве случаев своё личное достоинство и имущественные права»[440].

М.Я. Ольшевский присоединился к мнению Е. Маркова в своих взглядах: «Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы их считали народом до крайности непостоянным, легковерным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, не сообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их

так порочили потому только, что они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой были для них слишком жёстки и оглушительны. Чеченцы укорялись нами в коварстве и вероломстве, доходивших до измены. Но имели ли мы право укорять целый народ за такие действия, о которых мы трактовали не со всем чеченским населением, а с десятком чеченцев, не бывших ни представителями, ни депутатами. Почему знать, может быть, эти избранные действовали так из своих личных выгод и поступали вероломно против своих же.»[441]. Прекрасные человеческие качества чеченцев отмечал и К.П. Белевич: «К характеристическим чертам этого храброго народца следует отнести: гостеприимство, замечательную чистоту и опрятность в жилищах и солидную, без чванства, гордость»[442].

На Кавказе декабристы прониклись уважением к свободолюбивым горцам, изучали их историю и этнографию, их языки. Как точно подметил Д. Семенов «…Кавказ не только для нас, русских, но и для других, более отдаленных народов, даже древних, всегда был заколдованною страной, куда влекла их какая-то магическая сила. Кавказ – обетованная страна для рыцарских стремлений; страна, полная исторических преданий и поэзии, полная цветущей жизни и величия и, вместе с тем, пепелищ, руин, гробниц. Два мира: Европа и Азия, могут назначить себе место свидания на этом перешейке.

Богата и разнообразна натура жителя этого благословенного края. Все, знающие Кавказ, согласны, что вообще население гор и Линии, как русское, так и туземное, состоит из народа, замечательно способного и бодрого. Природа не обидела горцев душевными качествами, в жизни хищнической можно заметить присутствие чувства и даже гуманной души. Это хищничество только нарост, приобретенный воспитанием, обстоятельствами и всем образом жизни; в натуре же горца много ума и чувства, много мужества и силы характера. Честолюбие и славолюбие, говоря о горцах вообще, составляют одну из отличительных черт их характера и были едва ли не главною причиной враждебных отношений их к России, их безрасчетных набегов и мужественного сопротивления страшной силе»[443].

В оценке горцев, замечает декабрист Х. Бестужев в «Рассказе офицера, бывшего в плену у горцев», две крайности: одни «обвиняют их в жестокости и вероломстве», требуя расправы с ними; другие идеализируют «первобытную простоту» Кавказа, находя в Чечне или Кабарде своего рода республику или утопию Жан – Жака Руссо. «Мой девиз, – писал другой декабрист, А.В. Веденялин, – век живи – век учись. И я,

исполняя это правило, в свободное время учусь по-татарски и теперь могу понимать их, …вникаю в характер побежденных друзей, вникаю в образ их жизни и выкапываю из голов седых муллов древности о народах, малочисленных, но разноплеменных»[444].

Д.Семенов в своей работе пытался следующим образом объяснить читателю длительность и жестокость прошедшей Кавказской войны: «Почему так долго держались против нас чеченцы, терпели и голод, и крайнюю нужду, умирали и посылали детей на смерть? Нам кажется, не из одной покорности Шамилю и его проповедникам, не из жажды грабежа, как думают многие, – нет, из желания независимости, по естественному побуждению народа, отстаивающего свою свободу, из чести и славы. Натура горца богата и полна; самое нежное и тонкое чувство пробивается иногда сквозь грубую оболочку, нараставшую на племенах гор в течение веков. Чувство изящного и поэзии не только не чуждо ему, но, напротив, составляет принадлежность его природы и, можно сказать, в замечательной степени. Горец изящен в своей оборванной черкеске, в косматой шапке и бурке; он стоит и ходит ловко и живописно, говорит без жестов и интонаций европейского простолюдина; манеры его просты и часто безупречны»[445].

Но не всегда и далеко не все были хорошего мнения о чеченцах, да это и понятно, ведь они олицетворяли образ врага в долгой и кровопролитной Кавказской войне, да и образ жизни, духовность их были слишком самобытны и самодостаточны, что также раздражало некоторых представителей «высшей цивилизации». П.И. Ковалевский имел свой взгляд на характер чеченцев: «Любить чеченец умеет только себя, – сообщал он своим читателям. О себе чеченец замечательно высокого мнения и, ставя свою личность в центре вселенной, тем более понижает своё мнение обо всех других, чем дальше они находятся от центра. Вокруг центра стоит фамилия, за нею идёт племя или народ свой, за народом, уже, вдали, стоит всё остальное, едва достойное, а, пожалуй, и вовсе не достойное внимания. Это чувство самомнения и самолюбия лежит в основе его безграничной любви к свободе. Не признавая никого выше себя, он не может согласиться и с господством над собой кого бы то ни было.

Самолюбивый и обидчивый, как ребёнок, он, как ребёнок, любит похвалы и комплименты. Чеченка, особенно девушка, весела, болтлива, любит посмеяться и хорошо покушать. Она охотно танцует и от тяжёлого дела не отказывается. С мужчинами она не прочь и пококетничать»[446].

Путешествие, предусматривавшее пребывание в чужой среде, не является только фактом личной биографии путешественника; информация об иных странах и народах, индивидуальный опыт восприятия иного оказывается актуальным для общественного сознания, а сам путешественник выступает в роли посредника между своей и чужой культурой. Русским путешественникам в полной мере был присущ просветительский универсализм, в соответствии с которым все народы и культуры оценивались по единой шкале. Крайними точками на ней были с одной стороны «дикость», а с другой – «цивилизация». Каждый раз, наблюдая ту или иную культуру, путешественник оценивал степень ее «дикости» и «цивилизованности» и отводил ей соответствующее место на этой шкале. Европоцентристское мышление признавало наиболее цивилизованной Европу, к которой причисляла себя и Россия. Таким образом, противопоставление своего и чужого в рамках просветительской картины мира представало, в том числе, как противопоставление «дикости» и «цивилизации»[447].

И если «цивилизованный» полюс находил конкретное воплощение в близком и знакомом примере, то представление о «дикости» было гораздо более абстрактным что, однако, не делало его менее внятным и убедительным. Преимущество «дикарей» перед цивилизованными европейцами объяснялось их близостью к природе. Это свойство нагляднее всего проявлялось в их физических данных. Внешняя красота была явным признаком здоровья. Здоровье же мыслилось неотъемлемым свойством «дикаря». Описание физического совершенства, как правило, сопровождалось сопоставлением с европейцами. Кроме того, общество «дикарей» представлялось как общество «неразвращенное», обладавшее массой «коренных» человеческих добродетелей. Им свойственны гостеприимство, почтение к старшим, храбрость, добродушие, честность, стыдливость и целомудрие.

Явным признаком «дикости» служит отсутствие собственного просвещения, проявляющееся в неграмотности и слабом развитии образования. Жестокость являлась основанием для сравнения «дикарей» с животными. Их «грубое состояние» соответствовало «грубому искусству». Имея в сознании определенное умозрительное представление о «дикарях», путешественник при встрече с тем или иным народом воспринимал его в соответствии с этим абстрактным образом, видел в конкретном примере данного народа отражение общей теоретической модели[448].

В конце XIX века уже стало заметно влияние «цивилизации» на чеченцев, они стали чаще употреблять спиртные напитки и курить. Приведём наблюдения Н. Семёнова : «…Кто посолиднее, сосали маленькие трубочки, набитые махоркой, у других красовались в зубах свёрнутые как папиросы обрывки кукурузных листьев»[449]. По мнению Н.Ф. Дубровина «…Умственное развитие чеченцев далеко опередило нравственное: они очень искусные дипломаты. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны в своих действиях»[450].

В.В. Маркович считал, что: «…чеченец объект весьма податливый, только нужно уметь с ним обойтись. Он страшно ценит, если не нарушать его демократические взгляды и не «корчить из себя начальство». В общем, чеченцы народ девственный, не тронутый ещё псевдокультурой и имеющий широкое будущее, конечно, если выйдет победителем в борьбе с «пиджачной» цивилизацией, приручающей сначала к табаку, водке и картам, а после к более крупным деяниям, вроде измены веры, народности и выработке шпионов, изменников и кляузников»[451].

С. Петин предлагал использовать чеченцев в качестве тайных агентов: «…Чеченцы почитают себя равными всем князьям в мире и не признают над собой никакой власти. Почитаю обязанностью сказать, – отмечал он, – что всякий горец, как бы ни был, он уважаем в своём народе, теряет это уважение и доверие, как скоро начинает действовать согласно с видами нашего правительства. Это, однако – же, не означает, чтобы бесполезно было бы брать в конвой императора горцев; многие из них, по возвращению, могут, по крайней мере, быть употребляемы как тайные агенты»[452].

Как бы в укор приводимым высказываниям, В. Немирович – Данченко заявлял следующее: «Мы не помирим с собой здешнего горца до тех пор, пока не станем относиться с уважением к его человеческой личности. Он может иметь какие угодно пороки (и есть ли народ без упрека в этом отношении!), но одному он всегда был чужд: чеченец никогда не являлся рабом и всегда отстаивал свою честь и достоинство. Ему легче умереть, чем поступиться тем, и другим. Побежденный он терпит победителя, но не ползает перед ним и не ждет его милостей. Люди ожесточаются, умирают, но не усваивают навязанных им нравов. Победитель – не церемонится, побежденный должен поневоле хитрить и претворяться до тех пор, пока ему не покажется, что сила на его стороне…»[453].

По мнению современного исследователя Ш.А. Гапурова, с которым солидарны большинство кавказоведов, социально-психологические осо-

бенности каждого народа надо воспринимать такими, какие они есть в определенный период времени (истории). Не навешивая при этом данным народам априори разные нелестные ярлыки[454]. Гипертрофированное восприятие некоторых национальных моделей поведения зачастую нивелирует объективный анализ действительности и пагубно влияет на взаимоотношения разных народов.

В начале XX века на Северо – Восточном Кавказе чеченцы были самым многочисленным этносом, их количество стремительно приближалось к цифре в 300000 человек[455]. Причём здесь не учитывались аккинцы, проживавшие на территории Дагестанской области и кисты. Кистами грузины называли ту небольшую часть чеченцев, которые в своё время вынуждены были переселиться на территорию Грузии[456]. Во второй половине XIX века на плоскости чеченские сёла были большей частью растянуты, обширны. Строения почти все деревянные, одноэтажные, редко в два этажа, с плоскими крышами. Внутри домов было чисто, опрятно и светло[457]. В горах также было немало красивых домов. Некоторые из них имели земляные крыши, покрытые травой, а большая часть была покрыта черепицей[458].

После завершения Кавказской войны мужское население переживало под влиянием психологического пресса, смены жизненного уклада, под давлением нужды, переходное, тяжёлое состояние. Бывший лихой наездник всё более и более превращался в землепашца и скотовода[459]. Чеченец 90-х годов XIX века не так мыслил и чувствовал, как его отец – представитель прежнего поколения 60-х годов, он не того хотел и не к тому стремился[460]. Молодой чеченец 26 лет писал в 1875 году о сложившемся положении перестройки всей жизни горцев следующее: «Мой отец принадлежал к числу людей, имевших крестьян и мало обращал внимания на чёрную работу, считая её для себя позорною. Теперь подумать некогда о праздных разъездах, иначе семья помрёт с голоду. Позабыв дедовское презрение к чёрному труду, я взялся за этот труд. Обзавёлся несколькими парами волов и лошадей и доставляю балласт на железную дорогу, имею свой кирпичный завод и благоприобретённый дом; пока вкладываю в банк, а там обзаведусь табуном лошадей и баранами. Построил я себе и дом на русский лад. Но я работаю не для своей собственной пользы, приходится работать и на благо своих земляков, которые, скажу, между прочим, относятся к моим начинаниям не особенно благодарно»[461]. Новое поколение горцев было озабоченно мыслью, чтобы в их светлом доме были если

не стулья и столы (что тоже не редкость), то хорошие ковры, тюфяки и подушки в шёлковых наволочках, чтобы к столу баранина и другие вкусные снеди подавались почаще, чтобы под черкеской были бельё и шёлковый бешмет. Оружие нужно было самое лучшее, в драгоценной оправе из позолоченного серебра. Для заработка уже были необходимы не шашка и пистолет – орудие отца, а плуг, серп, коса, топор, пара хороших волов, аршин, бумага с пером и чернилами, нужны были другие привычки, другие взгляды на вещи. Диалектические способности применялись уже больше в правительственных учреждениях, на суде, у нотариуса или в лавочке с «красным» товаром[462].

Казалось, прошло столетие с момента окончания Кавказской войны. «Температура» горской крови значительно понизилась, его горячая натура сделалась более холодной, расчётливой, смотрящей на жизнь с положительной точки зрения, для него наметились перспективы дальнейшего развития, горец успешно приспосабливался к новым условиям существования[463].

Безусловно, на кавказцев оказывали влияние те русские люди, которые навсегда остались в крае, сливались с местным населением, начинали жить его жизнью, его нуждами, его радостями и приучали горцев верить в великодушие русского народа, хотя бы и относящегося к иной религии, говорящего на другом языке[464]. Многие западные наблюдатели высоко оценивали характер русского народа. В. Дербан писал в «Современном обозрении»: «Нигде в России не встретишь проявления злобы, свойственных немцам, итальянцам, французам и англичанам. Русские в высшей степени доброжелательны, приветливы к незнакомцам, трогательно привязаны к животным и, не щадя себя, нежно заботятся о детях». Другой автор этого издания отмечал, что русских отличает крайняя человечность, простота, мягкость, не имеющая в Европе себе равных; они же лишены недостатков вроде зависти и чванства. Но в то же время русским недостает, по их мнению, ума, правдивости, энергичности и любви к соблюдению «правил честной игры»[465].

Высокая миграционная подвижность влияла не только на социально-демографическую структуру русского народа, но и на его психологические особенности, формируя массовую привычку к перемещениям на длительные расстояния, в чуждую этнокультурную и природную среду, а также привычку к индивидуальной (семейной), а не групповой адаптации. Российская колонизация в психологическом аспекте может быть представлена феноменом культурно-психологического освоения нового

пространства, зачастую более важного, чем экономическая, политическая или иная адаптация.

Попытки адаптировать собственный культурный багаж к новому контексту нередко означали перемены в самой культуре. Пытаясь сохранить привычный для нее миропорядок, каждая группа переселенцев применяет правила, постепенно изменяющиеся в ходе приспособления к требованиям ситуации. В итоге из этих усилий рождается новый набор ценностей, которые, в свою очередь, становятся основой для будущей борьбы, нацеленной на упорядочение окружающего мира и воздействие на него[466].

Новые пришельцы, вступая в ущелья сурового Кавказа, как бы отрекались от всего прошлого; на Кавказе искали они лишь свободы, взамен чего подчинялись строгому уставу горской отчуждённой жизни. Всех без разбора Кавказ принимал к себе, но, раз приняв, не выпускал более никогда[467]. Казаки близко сошлись со своими соседями – чеченцами, в которых видели также своего рода казачество, ту же личную вольность, не терпящую никаких ограничений и стеснении[468]. Интернациональность – четко выраженная черта чеченского характера. Чеченцы не только были лояльны к лицам другой национальности в своей среде, но и покровительствовали им[469].

Живя долго по соседству с горцами, казаки переняли кавказские обычаи в способах ведения войны, в домашнем и хозяйственном быту. По свидетельствам современников, казак был также «хищен и жесток, как и горец», но не имел при этом того чувства гостеприимства и того страха ответственности, как у горцев. В ночных расправах казака чувствовалась самоуверенная рука хозяина, победителя, а не покорённого[470]. Привыкшие к боевой жизни, казаки не любили заниматься хозяйством и возлагали обязанность эту на своих жён.

В средние века казаки особенно не старались заниматься земледелием и даже «побивали тех, кто им занимался, как ремеслом, не сродным казачеству». Среди «мирных» занятий предпочтение отдавалось охоте и рыболовству. Военная добыча являлась важным фактором в системе жизнеобеспечения терских казаков. Что касается пашенного земледелия, то оно внедрялось с большим трудом. В одном из документов первой половины XIX века хозяйство терских казаков характеризуется, как «крайне скудное, не обеспечивающее минимальных нужд». Но правительство с таким положением мириться не стало, оно считало, что казаки сами повинны в этом. Еще в 1833 году было заявлено, что «решительно долж-

на быть ограничена помощь, которую Кавказские линейные казаки от Правительства ожидать могут, и что за сим от них самих зависеть будет находить дальнейшие способы к своему пропитанию». Главными чертами характера гребенцов Л.Н. Толстой, два с половиной года проживший в гребенских станицах, считал «любовь к свободе, праздности, грабежу и войне». К труду, особенно земледельческому, отношение было пренебрежительное. Это отношение к земледельческому труду сохранилось и в конце XIX века. Во многих терских станицах можно было услышать: «не мужики мы сиволапые, чтобы копаться в земле…»[471].

Влияние чеченцев на терских казаков было заметно в одежде и оружии, во внутреннем убранстве домов, снаружи построенных по русскому образцу, а внутри напоминавших дома горцев. Казаки переняли у соседей плуг и манеру пахать. Влияние горцев сказалось особенно сильно на отношении казаков к женщинам. Как у вайнахов (чеченцев и ингушей), так и у гребенских казаков основными формами брака были браки по сватовству и тайным уводам. В культуре гребенского казачества, в частности в свадебной обрядности, отмечены такие «горские» элементы, как обязательное включение в состав приданого, свадебных подарков, металлических предметов и изделий, оставление части приданого в семье родителей, исполнение лезгинки и игра на местных музыкальных инструментах, спортивно-развлекательные игры и состязания, ряд элементов свадебной одежды и украшений[472].

Гребенцы полюбили чеченцев и охотно вступали с ними в куначеские и брачные отношения[473]. В состав гребенских казаков, как показывают этнографические материалы, вливались даже группы чеченского населения. К числу таких прежде всего относятся гуноевцы, жившие в станице Червленой. Согласно данным этнографической экспедиции, гуноевцы, не хотевшие принимать ислам, ушли из горной Ичкерии в Гудермес, откуда часть их переселилась в Червленую (которую чеченцы называли Камышовой крепостью), а часть – в Зибир-Юрт и Старый Юрт. В станице Петропавловской жили чеченцы из тейпа Шикарой, в казачью станицу они ушли по той же причине, не захотев принять новую религию – ислам[474]. Казаки переняли у чеченцев их национальный костюм и в своём жаргоне употребляли множество чеченских слов[475].Гребенские казаки восприняли у горцев, в частности у чеченцев, также ряд национальных блюд, среди них – лепешки с начинкой из сыра, картофеля и т.д., а также кушанье чеченцев и ингушей из смеси творога с топленым маслом[476].

В дореформенный период, несмотря на военные действия, часть казаков и русских сохраняла среди местных народов кунаков и родственников. Конфликт, в который они были вовлечены, порождал своеобразные формы межэтнического взаимодействия. В ходе него происходило сопоставление – противопоставление по ряду направлений (хозяйственно-культурный тип, языковая, конфессиональная принадлежность и т.п.), при этом выяснялись многие общие черты материальной и духовной культуры. В условиях противостояния, некоторые из русских и казаков колебались между двумя культурами, демонстрируя признаки маргинальной этнической идентичности[477]. Не случайно в 90-х годах было специальным распоряжением запрещено куначество казаков с горцами, а когда начальник Терской области высказал мнение, что столкновения между чеченцами и казаками приносят материальный ущерб и человеческие жертвы, и, следует принять меры к смягчению обстановки (изоляции этих групп населения), то император Николай II подчеркнул, что «именно это соседство и поддерживает в казаках их старую дедовскую удаль, а по сему принимать меры к смягчению обстановки нет никакой необходимости»[478].

Религиозная принадлежность в дореволюционной России сохраняла превосходство над национальным происхождением. На это свойство государственной политики в отношении мусульман обращал внимание в своей «Автобиографии» афганский правитель XIX века Абдурахман – хан: « в России взаимные браки и социальное общение между нациями гораздо более часто, чем между англоиндийцами и индусами в Индии». Британский политик лорд Керзон указывал 1874 году на то, что Россия на Востоке «вела молча и без помех свою неустанную работу, продвигаясь путем завоевания… и ассимилирования покоренных народов»[479].

В старину не было твёрдой грани между разбойниками и казаками. И те, и другие уходили «на волю», в степи и леса. Вот откуда это множество «людей вольных, гулящих», о которых повествуют летописи; людей без осёдлости, без ограничений хозяйственности, но, тем не менее, кормящихся. Расселение в России было делом истории и свободного оседания: это был процесс иррациональный. Его основа зиждилась на не уравновешенности русского темперамента, на незрелости русского добродушия, по–детски увлекающегося в своих действиях[480].

Целый ряд особенностей, как внутренней организации казачьего войска, так и его взаимоотношений с Москвой был обусловлен тем, что войско находилось на территории, не входившей в черту Московского

государства, что сношения с Москвой были затруднены, что правительство вынуждено было скрывать тот факт, что войско стоит у него на службе и им организовано; а также в силу постоянного опасения, что войско может перейти на службу к другому государству, что не раз и бывало. Некоторые партии донских казаков уходили на службу к литовскому королю, выполняли задание польских королей, служили у персидского шаха, у крымского хана[481]. Примечательно, что уже в 1690 году появляется войсковая грамота, запрещающая казакам заниматься хлебопашеством на Дону, под угрозой смертной казни. Казак-хлебопашец ставил под сомнение свою дееспособность как воина. Он становился сверх меры свободный от власти, обретал экономическую независимость. Это было нечто новое в истории края, и это новое угрожало сложившимся структурам и технологиям власти[482].

Во главе угла истории русского народа стоит его территориальная экспансия – расселение по обширным пространствам Восточной Европы и Северной Азии, частью пустовавшим, а частью уже занятым раньше другими народами, которые вынуждались вследствие этого жить совместно с пришельцами, а иногда и уходить от них на новые места[483]. Кавказ стоял каким-то грозным стражем на рубеже двух миров, двух историй, двух разных человечеств, – древнего Азиатского и нового – Европейского и притягивал к себе переселенцев[484]. Переселенческое движение было связано с потребностью населения в условиях экстенсивного ведения хозяйственной деятельности, по мере разработки земли и её оскудения осваивать новые территории. Социально активная часть людей стремилась к перемещению на новые земли, благо, существовавшее пространственно-географическое окружение позволяло это.

С первого появления русских на Тереке, в 1567 году, по мнению Н. Шаврова, « ...мы применяли один и тот же метод – подвигаясь вперёд, мы заселяли русскими свой тыл»[485]. Гребенские казаки были некогда казаками Ермака. Но по распоряжению правительства они ушли с Дона и поселились между горскими народами, на «гребнях» – горах. Затем казаки переселились на правый берег Сунжи. В 1722 году, в бытность императора Петра I в Дербенте, гребенские казаки совершенно покорились законной власти[486]. Автор сочинения «О Кавказской линии» (1829 г.), командовавший левым флангом её, Иосиф Дебу, сообщал, что «гребенские казаки во время жительства своего (хотя и в малом числе) за Тереком защищаемы были чеченцами, коим вспомоществовали в

разбоях». Е. Марков так охарактеризовал гребенцов: «Пластуны (казаки-охотники) – самый страшный народ для Черкеса. Черкеска на пластуне всегда изорвана и измазанная, затасканная папаха по-черкесски небрежно сдвинута на затылок, винтовка вся избитая, перечиненная, связанная верёвочками, заплатанная. Но зато этот замухрышка терпеливо пролежит трое суток в камышах по пояс в воде, высматривая переправу горских наездников»[487]. Нередко казаками становились лица, ничего общего не имевшие с этим сословием. Так, 16 октября 1829 года Николай I издал указ, по которому «…в казачье войско на Кавказской линии обратить бродяг от 20 до 25 лет с соблюдением правил о годности»[488]. Для увеличения сил Терского казачества было приказано бродяг, задерживаемых в Кавказской области, в малороссийских, новороссийских и некоторых других губерниях, отдавать в работники на 3 года линейным казакам: по истечении 3-х лет эти работники, если они показали хорошее поведение, должны были зачисляться в казачье сословие. В большинстве случаев попадали в казаки принудительно, по распоряжению государственной власти[489].

Сходство между положением туземцев и переселенцев по отношению к казакам состояло исключительно в том, что как переселенцы, так и туземцы были поставлены в несравненно менее выгодные экономические условия, чем условия жизни казаков. И, тем не менее, представители казачества нередко высказывали претензии на то, что туземцы обложены лишь небольшими налогами в пользу государства. Однако они не хотели понять, что круговая ответственность, наложенная на туземцев, являлась самым страшным налогом, какой только можно было придумать. Суммы, выплачиваемые горцами в силу круговой ответственности, превосходили во много раз всякие подати и налоги, выплачиваемые русским населением.

Был случай, когда один «находчивый» казак поправил свои дела, пользуясь правилом об ответственности туземцев. Он поджёг свой дом и т.к. поджигатель не был найден, получил в четыре раза превышающую стоимость своего дома, взысканную с соседних горцев[490]. В разговорах сунженских казаков чаще всего прослеживалась зависть по отношению к местным жителям. Завидовали они, прежде всего, ингушам и чеченцам, которым не могли простить некоторые льготы, например, в налогообложении и рекрутской повинности. В 1875 году, приговорами станичных обществ постановили, чтобы никто из казаков не смел продавать или обмениваться своими участками с «азиатцами». Хотя правительство

делало всё возможное для улучшения материального благосостояния казаков, сами они не очень много прикладывали для этого усилий. По свидетельству О. Марггафа «..При входе в дом казака, прежде всего, бросается в глаза отсутствие прочной осёдлости и домовитости. Вообще население имеет вид какой-то запуганный, недоверчивый и отчасти апатичный, – точно оно пережило какие-нибудь великие бедствия, или ожидает новых»[491]. Видно прошлое казачества ещё было очень живо в памяти, чтобы они решились из воинов-джигитов и рыцарей превратиться в «мужиков» или «солдатов» и то и другое слово употреблялось у казаков как бранное.

Заинтересованное в сохранении казачества, как системы колониальной политики, а также для несения полицейской службы, царское правительство организовало систему управления в казачьих областях таким образом, чтобы эта вооружённая сила сдерживалась не только за счёт казачества, но и за счёт не казачьего населения[492]. Казаки находились в привилегированном положении: несли они службу в мирное время лёгкое, хозяйством не занимались, возлагая заботу о нём, по старой привычке, на жён, и, будучи обеспечены довольно высокой арендной платой, получаемой с «иногородних», вели жизнь обеспеченных рантье[493]. Главным источником доходов в казачьих станицах служат: отдача в арендное содержание свободных станичных земель; сборы за разрешение питейной торговли: посаженная плата за усадебные места с лиц вневойскового сословия, аренда общественных зданий, мостов, переправ, базаров, ярмарочных помещений; сборы с иногородних за пастьбу скота сверх нормы и т.д. В Терской области, аренда земли давала некоторым станицам до 78% общей суммы доходов. В Терских станицах, питейный доход составлял от 2 до 49% всех доходов[494].

В пореформенный период (и, особенно в конце XIX века), когда меняются приоритеты и ценности и на первый план выступают «мирные» сферы деятельности, в которых казаки были не сильны, снижается их позитивная идентичность, меняется и отношение к русскому населению. В частности, ощущая отставание в сфере образования от центрально-российских областей, казаки говорили: «Мы народ тёмный, вот русские – другое дело, те много знают!». Иным становится и отношение к практическому опыту русского народа в области земледелия. Представления о не престижности (а они постоянно накапливались в этот период) собственной культурной традиции пробивали брешь, делали менее стойким этническое самосознание[495]. Низкий уровень агротехни-

ческой культуры, рутинная техника не давали должного ускорения развитию земледелия. Так, в станице Прохладной, находящейся на одном из самых плодородных участков Терской области, при обработке применялся малороссийский плуг – очень тяжёлый, для пахоты в него надо было запрягать не менее 5 пар волов. Однако, от предложения приобрести более усовершенствованный плуг казаки, ссылаясь на традиции, решительно отказывались. Ремесло среди терских казаков было развито слабо. Для этих нужд они пользовались услугами ремесленников – горцев, которые в станицах были желанными гостями. Они занимались не только изготовлением сельскохозяйственного инвентаря, но и ремонтом и изготовлением оружия[496]. Известная часть казачества обуржуазилась: казаки среди торговцев в казачьих округах Терской области составляли почти 50 %[497].

По сведениям 1904 года казачьи войска в России занимали, в общей сложности, территорию, величиной около 66 млн. десятин земли, т.е. около 1/6 части всей площади Европейской России. При этом казачьи земли в большинстве случаев принадлежали к числу самых плодородных в России и 69% их были удобны для обработки. Таким образом, в среднем по России, на 1 казака приходилось 32,5 десятин всей земли, из которых 20 десятин были удобны для обработки. Наиболее крупную статью доходов казачьих войск составляли правительственные субсидии – 32,1% или 3982970 рублей[498]. По сравнению со смертностью населения России (3,5%), смертность населения в казачьих войсках была несколько ниже. Так, смертность в Терском казачьем войске в 1898 году составляла 3,3%, в 1899 году 3,6%, а в 1900 году 3,4%[499]. Данные о Кубанском и Терском казачьих войсках считались секретными[500]. Привилегии казачества были одним из аспектов русского империализма[501]. Действовавшее «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов», утверждённое 9 февраля 1865 года на казачьи войска не распространялось. Торговля казаков в пределах своих войск не подвергалась никаким пошлинам в пользу казны, но они были обязаны платить установленные сборы в доходы своих войск[502].

В 1893 году Терская область занимала пространство в 52036 кв. версты, на её территории проживало 610773 человека, из которых 125651 принадлежали Терскому казачьему войску. Земли же казаки занимали 18717 кв. версты, то есть более 1/3 общей площади[503]. К 1 января 1899 года общая численность населения Терской области составляла 903 тыс. человек. На войсковой территории проживало 202 тыс.

человек или 22% от общего населения области. Войскового сословия в Терской области насчитывалось 177 тыс. человек или 20% от общего населения области[504].

В Терской области число станичных школ (72 школы с 3696 учащимися), было меньше, чем в Кубанской (260 школ с 12650 учащимися). Численность населения Терского казачьего войска в 1870 году составляла 60 тыс. человек. На территорию войска приходилось 1949610 десятин земли, из которых: удобных – 1601785, малоудобных – 144424 и неудобных – 203400 десятин[505]. По сведениям В.С. Кривенко, в 1888 году всё казачье население Терской области составляло 165000 человек. Но так как уже говорилось выше, большая часть статистических сведений о Терском войске была засекречена, о количестве казаков приходится только догадываться[506]. Даже официальные власти признавали, что казачье население области в среднем было наделено землёй с избытком[507]. Земельный надел казачьего населения, начиная с 11 десятин на душу, доходил до 73,7 десятин. В среднем же он не превышал 21,3 десятин на человека[508].

Не смотря на обилие земли, казачье население не особенно хлопотало о хлебопашестве. Самая незначительная часть земель была занята полями. Таким образом, к 1875 году в Старогладовской станице при народонаселении в 1100 душ и наделе в 33000 десятин, обрабатывалось под ячмень и пшеницу всего 430 паёв или участков, следовательно, около 200 десятин земли. Главное внимание казаки уделяли виноградникам, которых на дым приходилось около 1500 кв. сажень[509]. Казаки в основном практиковали сдачу земли в аренду. Средняя плата сдававшейся в аренду земли в 1903 году в Терском казачьем войске составляла 3 рубля 55 копеек. По сравнению с другими казачьими регионами, это была самая высокая в Российской империи арендная плата[510]. Наличие огромных пространств земли стимулировало казачество заниматься скотоводством. В 1867 году богатый казак имел 50 лошадей, средний – 6 лошадей и у бедного казака была только одна лошадь[511].

Достаточно сложно оценить степень включения «инородческого» элемента в казачьи слои. В разное время в казаки были обращены грузины, армяне, осетины, калмыки, чеченцы. В казаки были зачислены даже французы, принявшие российское подданство. Гребенцы привыкли смотреть на грузин-казаков и пр., как на миролюбивых и неповоротливых инородцев, которым они издавна покровительствовали и которые «по ошибке зачислены в казаки»[512]. В XIX веке служба в

казачьих войсках стала возможной уже без принятия православия. В них несли службу мусульмане, буддисты, иудеи, язычники, что четко отражалось в годовых казачьих отчетах XIX – начала XX вв. В отчете 1879 года Главного управления казачьих войск Военного министерства отмечалось, что в целом по всем казачьим войскам представители народов составляли 3,6%. Из них евреи – 0,1%, и заметны они были своей численностью лишь в Донском и Кубанском казачьих войсках[513]. В религиозном отношении, население Терской области делилось почти поровну (к 1 января 1899 г.) между мусульманами (51%) и христианами (48%); в числе последних православных насчитывалось 377 тыс. чел. (42%), армяно-григориан – 14 тыс. чел. (1,5%), лютеран – 8 тыс. чел., католиков – 3 тыс. человек. Также было довольно много раскольников – 35 тыс. человек[514].

Интересы Терского казачества на высшем государственном уровне отстаивал уроженец станицы Терской, Сунженского отдела, Михаил Александрович Караулов. Он являлся депутатом 2-й и 4-й Государственной Думы от Терской области. М.А. Караулов получил хорошее образование – окончил Екатеринодарскую гимназию с золотой медалью (1897) и историко-филологический факультет Петербургского университета. Был участником русско-японской войны, вышел в отставку в чине подъесаула (1905).

6 февраля 1907 года Караулова избрали во 2-ю Государственную Думу съездом уполномоченный от казачьих станиц. Он входил в Думе в казачью группу. Однако от выборов в 3-ю Государственную Думу его отстранил генерал-губернатор (впоследствии Правительствующий Сенат признал эти действия незаконными). 20 октября 1912 года его вновь избирают в Государственную Думу. М.А. Караулов являлся одним из основателей имперской народной партии (1914). После октября 1917 года он вступил в управление Терским краем (15.11.1919), встал во главе Терско-Дагестанского правительства. Был убит солдатами, дезертировавшими с Кавказского фронта.

По законам о выборах в Государственную Думу имелись квоты думских мест для казаков. Казачья группа представляла из себя в Государственной Думе межрегиональной сословное объединение депутатов-казаков. Думская казачья группа была официально зарегистрирована как думская фракция. Однако Казачья группа не смогла объединить представителей различных казачьих войск и в апреле 1907 года фактически распалась[515].

4. Развитие городской жизни

Выросший в эпоху империализма город Грозный стал естественным экономическим, хозяйственным центром Чечни. Хотя общепринято считать, что город возник как военная крепость, однако немаловажную роль в его быстром росте по обеим сторонам реки Сунжи сыграли чеченские сёла Гаджи-Аул, Новый Чечен, Бухун-Юрт, Сержа-Гала (Старая Сунжа)[516]. В письме И.И. Меллер-Закомельскому от 15 декабря 1818 года генерал А.П. Ермолов пишет: «…с чеченцами употреблял я кротость ангельскую шесть месяцев…». 25 мая 1818 года около 5 тыс.600 человек вступило в пределы Чечни. Время переговоров закончилось. В.А. Потто об этом пишет так: «Ермолов начал с Чечни, расположенной к югу за средним течением Терека. Он начал с того, что оттеснил чеченцев за Сунжу». На ней 10 июня 1818 года закладывается первая крепость Грозная, затем ставшая крупнейшим городом на Кавказе[517]. В административном отношении город Грозный стоял во главе Грозненского округа. Хотя он и располагался в котловине, окружённой невысокими горами, высота его над уровнем моря достигала 419 фунтов[518].

Интересно, что вопрос о выборе областного центра решался не путём коллективного обсуждения и анализа объективных фактов, а на основе личного мнения начальника Терской области. Кавказская администрация предложила в качестве центра области – крепость Грозную, но граф Н.И. Евдокимов, под давлением начальника области, решил, что им должен стать город Владикавказ, « ...который хоть и не центральный пункт области, но зато лежит на главном сообщении Закавказья с Россией». Эта точка зрения была законодательно подтверждена Александром II[519].

Газета «Каспий» в корреспонденции «Из Грозного» от 10 декабря 1898 года обращала внимание на то, что «город растёт и застраивается не по дням, а по часам», что «каменные двухэтажные дома с изящными подъездами и архитектурой вырастают как грибы»[520]. Одной из первых гостиниц Грозного стала гостиница «Франция», где любили останавливаться гастролирующие актёры[521]. В 1897 году городское самоуправление внесло в городскую Думу проект устройства в Грозном телефонной сети. В конце 1898 года было построено специальное 2-х этажное здание телефонной сети[522]. Появившиеся ещё во второй половине XIX века в Европе, принципиально новые способы художественного творчества – фотография и кино, медленно, но уверенно входили в российскую

городскую среду. Во Владикавказе, Грозном, Нальчике, Моздоке появились на рубеже веков фотографические общества и кинотеатры[523].

Всего в Терской области на ремонт казённых зданий в 1884 году было израсходовано 2410 рублей, ассигнуемых по смете Министерства внутренних дел[524]. Городская реформа 1870 года заменила сословные органы самоуправления бессословными – городскими Думой и Управой, члены которых – гласные – избирались на 4 года. Новые Думы в стране формировались на основе имущественного ценза по специальным куриям, создаваемым в зависимости от размера уплачиваемого налога в городскую казну[525]. Должностные лица выбирались на основании имущественного ценза. В 1892 году путём его повышения, дававшего право избирать гласных в городские Думы, было сокращено число избирателей[526]. В Терской области « Городовое Положение» было утверждено 11 июня 1892 года и введено одновременно в Георгиевске и Грозном[527]. В «Положении о городе Грозном» запрещалось принимать в «состояние обывателей Грозного» следующих лиц: «Всех, состоящих под следствием, судом или надзором полиции по делам политическим. Злостных банкротов. Недоимщиков. Государственных переселенцев, направляемых в другие губернии. Состоящих на рекрутской очереди. Временно обязанных крестьян». Для того чтобы приписаться к городу, необходимо было представить увольнительное свидетельство с места прежнего жительства и справку об отсутствии препятствий к зачислению в число обывателей города Грозного[528].

В мае 1895 года в Грозном была учреждена городская Дума – распорядительный орган городского управления. Исполнительным органом Думы являлась городская Управа. Возглавлял оба эти органа городской голова, который избирался общим собранием гласных Думы и утверждался начальником области. Избирательным правом пользовались:

1) лица, владевшие в Грозном недвижимым имуществом, стоимостью не ниже 300 рублей;

2) купцы I и II гильдии, содержавшие торгово-промышленные предприятия не менее года;

3) акционерные компании и тресты – через своих представителей;

4) граждане, достигшие 25-летнего возраста[529].

Городские власти, таким образом, представляли интересы очень незначительной части населения и вели себя соответствующим образом. Уже первый состав городской Думы «прославился» тем, что из городской кассы бесследно исчезли 125 тыс. рублей. Впрочем, разного рода

афёрами отмечен весь период существования Грозненского городского самоуправления, например, крупными хищениями из городской казны при постройке зданий женской гимназии и реального училища. В конечном итоге злоупотребления власти также способствовали росту недовольства низших слоёв городского населения[530]. С 1 января 1877 года в городе Грозном было учреждено уездное казначейство[531].

Распространение на окраины империи городового Положения, вводившего дискриминационные квоты для нехристианского населения при выборах в городские общественные учреждения, создавало почву для межэтнических конфликтов[532].

В 1893 году последовало решение Гос.Совета о запрещении селиться представителям коренных народов в пределах ряда населённых пунктов, в том числе и в городе Грозном. Этой искусственно созданной препоной администрация пыталась оградить от конкуренции русских предпринимателей, потому что всё выше поднимала голову местная национальная буржуазия. Многие состоятельные чеченцы-предприниматели вынуждены были окольными путями заниматься торговлей и приобретать недвижимую собственность[533].

В то же время активно росло славянское население города. С 1862 по 1897 год население Грозного увеличилось в 6 раз. В то же время население Владикавказа возросло всего в 2 раза[534]. В Грозном проживало большое количество военнослужащих, бессрочно – отпускных и отставных чинов русской армии[535].

Крепость Грозная была построена на землях чеченских сёл Алды и Старая Сунжа[536]. В крепости Грозной находились в период Кавказской войны не только рядовые горцы, но и бывшие наибы Шамиля. В начале июля 1859 года, почти за 2 месяца до пленения Шамиля русскими войсками, в Грозную приехал главнокомандующий армией князь Барятинский. В крепости представились ему все старшины и почётные люди из чеченцев. «Странно было видеть здесь некоторые лица, – писал А.Л. Зиссерман, – много лет кряду стоявших во главе наших врагов и ещё несколько месяцев тому назад предводительствующих партиями горцев, как, например: бывший наиб Большой Чечни-Тальчик, Малой Чечни-Дуба, Мечиковской-Эски, Ичкеринской-Умалат и Веденской-Идиль»[537].

В середине 70-х годов XIX века в Грозном насчитывалось 11810 строений, в том числе 468 каменных и кирпичных, остальные были саманными, деревянными и турлучными. Каменные и кирпичные дома принадлежали купечеству, в том числе зарождавшейся чеченской буржу-

азии: А. Чермоеву, Д. Мациеву, Г. Мациеву, Арсамирзоеву, Ш. Чуликову, Эльмурзаевым, Арсанукаевым, Башировым и другим[538]. С 1874 по 1876 годы в Грозном в 2 раза увеличилось количество торговцев, в 4 раза увеличилось число ремесленников, в 2 раза увеличилось количество рабочих промышленных предприятий и в 2 раза уменьшилось число крестьян[539]. Количество торговавших в Грозном стремительно росло. Уже в 1896 году в городе насчитывалось 323 торгующих заведений с торговым оборотом на сумму около 2,5 млн. рублей[540].

Развитие банковской системы началось с 60-70 годов XIX века, с момента усиления роста денежного оборота и превращения сельского хозяйства в аграрно-индустриальный комплекс. Первый банк на Тереке был открыт в 1865 году[541]. По предложению М.Т. Лорис-Меликова, первый городской банк открылся в городе Кизляре. На собрании городского Кизлярского общества, состоявшемся 20 июля 1868 года, инициатива начальника Терской области была активно поддержана[542]. 1 февраля 1869 года в столице Терской области был открыт первый общественный банк, а 4 января 1881 года во Владикавказе открылось отделение государственного банка, которое выдавало краткосрочные кредиты[543]. На основании высочайше утверждённого 6 февраля 1862 года мнения Гос.Совета и приговора Грозненского городского общества от 30 сентября 1872 года, в городе Грозном был открыт общественный банк на следующих условиях:

1) Основной капитал банка определялся в 10 тыс. рублей и исчислялся из запасных городских капиталов.

2) Из чистых годовых прибылей от оборотов банка, после покрытия необходимых расходов на содержание банка и отчислении от 10 до 20% (по усмотрению Правления банка) на основании банковского резервного капитала, 2/3 дохода – отделялись в городской бюджет, а оставшаяся 1/3 – присоединялась к основному капиталу банка. Грозненский общественный банк мог осуществлять следующие операции: приём вкладов, учёт векселей, выдачу ссуд под залог процентных бумаг, товаров, драгоценностей, а также недвижимых имуществ, находящихся в городе Грозном. Банк мог осуществлять покупку и продажу, как за свой счёт, так и по поручению государства ценных бумаг, акций и облигаций, подкреплённых гарантией правительства или городского общества[544].

Общественные банки Кавказского края, возникшие после 1868 года, в течение 8 лет увеличили свои капиталы с 272 тыс. рублей до 673 тыс. рублей и отчислили в пользу городов более 150 тыс. рублей[545].

С появлением на территории Терской области коммерческих банков крестьяне получили возможность прибегать к получению кредитов не только для развития своего хозяйства, но и для приобретения земли. Русско-Азиатский, Азовско-Донской, Русский банк для внешней торговли и другие банки субсидировали как отдельные крестьянские хозяйства, так и местные кооперативные общества, осуществляли залоговые и торговые операции. В начале двадцатого века терские крестьяне начинают все шире использовать банковские кредиты, в том числе и для приобретения земли. Получение кредита происходило, как правило, под залог земельного участка, а согласно действовавшему законодательству, банки не могли принимать в качестве залога участки, удаленные от железной дороги более чем на 20 верст. Так как железнодорожные ветки были проложены в основном на территории Терского казачьего войска, то в менее выгодном положении оказывались как раз чеченцы[546]. Русское дворянство и помещики были против массового переселения крестьян на окраины империи, считая, что это подорвет их полукрепостнические хозяйства. Основанный в 1882 году Крестьянский поземельный банк сдерживал переселение крестьян, ограничивая выдачу ссуд малоземельным крестьянам[547].

В 1876 году любители театрального искусства Грозного образовали своё общество. Официальное утверждение «Общества любителей театрального искусства» состоялось 6 октября 1877 года. Первые четыре года после утверждения Устава, дела общества шли блестяще. Спектакли, даваемые любителями, приносили большие сборы. Доходы с каждым спектаклем, которых иногда давалось по 2 на одной неделе, заметно возрастали. Со временем встал вопрос о необходимости постоянного помещения под театр. Десять наиболее активных членов общества взяли в банке заём, в размере 6 тыс. рублей и построили театральное здание (в последствии оно стало Дворцом пионеров и школьников). В театре ставились любительские спектакли. Собранные деньги шли на погашение ссуды. С середины 1880-х годов здание перешло в собственность общественного собрания[548].

Задаче приобщения к культурной жизни отвечали и появившиеся музыкальные общества. Особой популярностью в Грозном пользовалось «Общество любителей музыки» при Воздвиженском военном клубе. В дни концертов собирались полные залы. Что касается входного билета, то с согласия всех членов любителей музыки, бралась плата в 50 копеек. Этот факт сделал «входную плату доступной…даже для чеченцев и мелких торговцев»[549].

В марте 1892 года в центре Грозного происходила церемония открытия почтово-телеграфной конторы. При конторе стала впервые действовать в Грозном государственная сберегательная касса[550]. Ещё в 1895 году в Грозном открыл своё отделение Азово-Донской банк – самый старый из местных кредитных учреждений. Обладая солидной клиентурой, он работал, по словам отчёта «с хорошей прибылью». Хотя, конечно, «дела» каждого предпринимателя были сугубо личными и охранялись коммерческой тайной, банку удавалось через свою негласную агентуру собирать более или менее точные сведения о состоянии дел их клиентов[551].

Банки на Тереке в дореволюционное время развивали очень сильно свои операции – баланс 15 кредитных учреждений (из 21) к началу Первой мировой войны достиг 16 с лишним миллионов рублей, причём источники средств банков на 70 % строились за счёт вкладов и текущих счетов населения и местных учреждений[552].

По правую сторону низовьев Терека находилось до 100000 десятин земли, принадлежавших частным собственникам, где путём покупки с помощью Государственного Крестьянского банка или аренды, поселилось до 2000 дворов русских крестьян и колонистов из внутренних губерний России[553]. В поисках выхода из земельного кризиса чеченские крестьяне прибегали к покупке земли, причём очень часто земля приобреталась у своих состоятельных соотечественников. Например, в 1910 году 49 крестьян Грозненского округа в складчину купили 125 десятин у землевладельцев Турловых и Чуликовых. В некоторых случаях крестьяне покупали землю через банк, образуя так называемые «инородческие» товарищества. О том, насколько интенсивно шла в Терской области торговля землёй косвенно можно судить по ссудам, ежегодно выдаваемым на эти цели. Так, в 1908 году 148 человек взяли 14585 рублей на покупку земли, в 1909 году – 221 человек взял 23169 рублей, в 1911 году – 193 человека взяли 27672 рубля. В эти же годы на аренду земли выдали ссуды: в 1908 году – 115856 рублей, в 1911 году – 263787 рублей. Какую-то часть получивших ссуды составляли чеченские крестьяне, но, по всей видимости, очень маленькую часть. Дело в том, что для получения ссуды требовалось предоставить залог, а действовавшие правила запрещали банкам принимать в залог земельные участки, расположенные на расстоянии более 20 вёрст от железной дороги. Чеченцам приходилось пользоваться услугами ростовщиков, которые давали деньги только на короткий срок. При этом взимаемый ростовщиком процент колебался,

по наблюдениям современников, в диапазоне от 25 до 120% в год, а иногда доходил и до 200%[554]. Таким образом, население старалось снискать себе средства к существованию, не прибегая к благотворительности или нищенству, которого в Чечне не существовало. Чеченцы, видя в деньгах большую силу – изо всех сил старались добыть их и, главное, сберечь на «чёрный» день. В восточной части Чечни деньги отдавали в долг под 20 – 25% годовых, в высокогорных, недоступных районах ссуда доходила до 40 – 50% годовых[555]. В горной Чечне сложилась даже своеобразная система учёта долга и процентов не в деньгах, а в баранах, так называемые «бараньи проценты» – «ваттула». Человек, получивший в долг сумму, оценённую, допустим в 10 баранов, через год должен был отдать 10 баранов и 10 ягнят, через 2 года его долг составлял уже 20 баранов и 20 ягнят, через три года – 40 баранов и 40 ягнят и далее, по нарастающей. Х. Ошаев писал, например, что в горном селе Бавлой жил некий Мухуриев, который взял в долг немного табаку (на сумму 5 копеек) и в конечном итоге оказался вынужденным заплатить за него 15 баранов[556].

Очень небольшое количество сельскохозяйственных общин получили ссуду из мелиоративного фонда Министерства земледелия и государственных имуществ, из-за длительной бюрократической волокиты и формальных условностей в процессе получения денег. Многие российские заводы, пользуясь своим монопольным положением, начали сбывать на окраины никуда не годные машины, навязывая их через своих агентов местному населению. Под приобретением сельскохозяйственных машин у этих заводов, банки (зачастую в сговоре с промышленниками) выдавали населению ссуды с долгосрочными льготами по платежам. В результате кавказские земледельцы понесли огромные потери из-за неисправной техники, а также выплачивая банкам процентные ставки и штрафы за несвоевременный платёж[557].

В городе Грозном действовало также Общество взаимного кредита, во главе которого стояли русские и чеченские капиталисты. В состав Совета входили: Ф.И. Воронов, И.Д. Арсанукаев, М.Т. Мациев, А.Ш. Эльмурзаев, А.А. Вишневский, А.А. Арсамирзоев, Э.К. Медеер и др. Общество взаимного кредита стало популярным в кругах местных капиталистов и в его составе к 1 января 1914 г. насчитывалось 680 пайщиков. В этом обществе состояли крупные промышленники, купцы, землевладельцы и другие собственники. Это общество имело текущие счета на сотни тысяч рублей в Грозненском казначействе, Грозненском отделении Азово-Донского коммерческого банка, Центрального банка,

Общества взаимного кредита в Петербурге – всего на сумму 1,5 млн. рублей. Общий оборот Общества по всем операциям составлял более 30 млн. рублей. Открытие в Чечне банков и других кредитных учреждений усиливало ее вовлечение в экономическую систему России[558].

Известно, что уже в первой половине XIX столетия Тифлис превратился не только в административный, но и в культурно-экономический центр всего Кавказа. В Тифлисе печатались лучшие произведения современных передовых общественных деятелей и писателей. В 1883 году в Тифлисе была издана азбука чеченского языка, составленная К. Досовым.

Лестно отзывался о Тифлисе Лев Толстой: «Тифлис очень цивилизованный город, подражающий Петербургу, иногда с успехом; общество избранное и большое, есть и русский театр и итальянская опера…» В Тифлисской семинарии обучался чеченец Умалат Лаудаев. По его мнению, именно годы, проведённые в Тифлисе, были решающими в его становлении как личности[559].

5. Медицинское обслуживание населения.

В Терской области в конце XIX столетия гражданского медицинского обслуживания местных жителей практически не существовало. Хотя население и пользовалось услугами традиционной медицины, но потребность в современном медицинском обслуживании также была велика. Из-за нехватки медицинских кадров и больниц Россия в тот период стояла на первом месте по смертности среди ее жителей, на Кавказе эта ситуация еще больше усугублялась послевоенным положением[560].

В 1896 году в Терской области врачебная помощь населению оказывалась 17 лечебными заведениями, в число которых входили два военных госпиталя и шесть войсковых лазаретов и больниц. Было 25 частных аптек. Громадную территорию – четыре округа и четыре отдела – обслуживали 114 врачей, 12 ветеринаров, 341 человек младшего и среднего персонала. За период 1897-1904 гг. численность сельских врачей и фельдшеров на Тереке возросла, соответственно на 30% и 37%. Вместе с тем здесь, как и в других частях региона, отмечалось неравномерное представительство медиков. В начале XX века из тринадцати сельских врачей в горских аулах работало четыре, из 152 фельдшеров в национальных округах – только 35. Таким образом, горцы были слабо

охвачены медицинской помощью. В отчете начальника Терской области за 1904 год говорилось: «Окружные врачи исключительно заняты судебно-медицинскими и медико-полицейскими функциями, при большом протяжении округов, решительно не имеют времени для подачи необходимой врачебной помощи заболевающим». Относительно квалифицированную помощь горское население могло получить от фельдшеров, однако им не хватало медикаментов, да и фельдшера совершали объезд участка всего несколько раз в год[561].

Во время Кавказской войны Шамиль не препятствовал горцам лечиться у русских докторов. Когда старший сын имама Джемалэддин, вскоре после возвращения из России, тяжело заболел неизвестным в горах туберкулёзом лёгких («чахоткой»). Шамиль послал гонцов в русскую крепость – за лучшим на Кавказе врачом С. Пиотровским, причём трое мюридов остались в крепости аманатами (заложниками). Однако спасти сына Шамиля не удалось, слишком запущенной оказалась болезнь. В государственном совете имама был специальный отдел, который занимался борьбой с эпидемиями (во время войны случались вспышки холеры, чумы и брюшного тифа) и лечением раненых, их социальным обеспечением и возвращением в строй[562].

В 1847 году в Чечне побывал выдающийся русский хирург Н.И. Пирогов, затем опубликовавший свой «Отчет о путешествии по Кавказу». Известно, что он специально интересовался состоянием медицины у горцев и опытом горских целителей. На Кавказе Н.И. Пирогов впервые в мировой практике применил в полевых условиях эфир для наркоза[563].

Врачебная часть в Терской области существовала на основе особых «Положений», не соответствующих общим правилам, действовавшим в России. Ввести общероссийское медицинское законодательство в Терской области предполагалось только после образования здесь земских учреждений. До тех пор приоритетным положением пользовались военные лечебные заведения и военные медицинские чины. До революции на Северном Кавказе не имелось ни одного гражданского учреждения, обслуживавшего женщин и детей, ни одного санатория и дома отдыха[564]. В «Положении» военного совета, утверждённом 7 марта 1886 года регламентировался порядок оплаты медицинской помощи на Северном Кавказе. Вот что говорилось в этом документе: «Больные войскового сословия пользуются обслуживанием в войсковых лечебных заведениях бесплатно. На свободные места допускаются лица не войскового сословия как гражданского, так и военного ведомства. Плата за содержание и

лечение больных гражданского ведомства взимается в размере, ежегодно определяемом Министерством внутренних дел за пользование в городских больницах»[565]. Лазареты Терской области принимали на свободные места за плату, утверждённую командующим войсками Кавказского военного округа для гражданских лиц. В Шатоевском военном госпитале были 2 кровати офицерские и 48 кроватей предназначались для нижних чинов. За лечение и содержание гражданских больных в сутки брали 49 копеек, но амбулаторных на лечение не принимали. В Грозненском военном госпитале было 7 офицерских мест и 190 для нижних чинов. В сутки оплата составляла 43 копейки, и здесь ежедневно дежурил врач на приёме амбулаторных больных[566]. На территории Терской области действовали лишь пять военных госпиталей: Владикавказский, Грозненский, Пятигорский, Хасав-Юртовский, Георгиевский и две больницы Терского казачьего войска – Наурская и Шелковская.

6 августа 1865 года императором Александром II было утверждено «Постановление об управлении медицинской частью в отделах Кавказского края». Согласно этому «Постановлению», медицинскими учреждениями в Терской области заведовал старший доктор, который назначался военным министром. Старший доктор пользовался правами командира полка и исполнял обязанности войскового доктора Терского казачьего войска. Он ежегодно осматривал все врачебные учреждения, осуществлял надзор за гигиеной в войске и в казачьих поселениях. По высочайше утверждённому 2 сентября 1865 года штату управления Терской области в каждый из 8 округов было назначено по одному старшему лекарю. Жители отдалённых аулов большей частью пользовались услугами этих лекарей и фельдшеров, когда они посещали сёла.

В связи с преобразованием управлений Терской области на основании высочайших указов от 30 декабря 1869 года, окружные врачи в области, состоявшие по штатам бывшего Кавказского горского управления, были переименованы в уездных врачей и причислены к гражданскому ведомству. То же самое произошло и с ветеринарными врачами. Многие из них, прослужив в военном ведомстве от 10 до 20 лет, лишились уже заслуженных ими преимуществ военно-медицинской службы. Медики военно-врачебного управления, перейдя в гражданское ведомство, теряли право на получение пенсий из эмеритальной кассы военного ведомства, куда они ежегодно отчисляли из своих окладов 6% денежных средств. В связи с этим медики стали оставлять свои гражданские должности и, в массовом порядке, самовольно возвращаться в

военное ведомство, в результате чего медицинское обслуживание в области ещё более ухудшилось. 26 ноября 1874 года император утвердил «Положение» – «О предоставлении уездным и ветеринарным врачам Терской и Кубанской области, прослужившим не менее 10 лет в военном ведомстве, некоторых прав военно-медицинской службы». По этому «Положению» врачи могли получать пенсии в военном ведомстве[567].

27 июня 1867 года во Владикавказе, благодаря содействию городского общества и частным пожертвованиям, была открыта общественная бесплатная «Михайловская» лечебница для приходящих больных. В Терской области функционировали также ведомственные лечебницы. Острая потребность в их открытии возникла после неоднократных отказов военных госпиталей и больниц принимать гражданское население.

Первоначально на Грозненских нефтяных промыслах были открыты приюты – для оказания первой медицинской помощи и амбулатории – для приходящих больных. В этих первичных медицинских учреждениях имелись аптечки, из которых больным выдавали лекарства бесплатно. Со временем обложение нефтепромышленников попудным сбором на нужды отрасли, устройство больниц на нефтепромыслах, согласно «Постановлению» от 12 марта 1897 года, Кавказского присутствия по горнозаводским делам, стало обязательным[568]. По высочайше утверждённому 30 декабря 1876 года «Положению» Гос.Совета, с 1877 года на содержание больниц при Майкопской, Нальчикской и Грозненской горских школах, стали отпускать из казны по 1500 рублей[569].

Наряду с больницами и госпиталями в крае развивалась и аптечная сеть. Больше всего аптек имели крупные населённые пункты Терской области. В Нальчике работали государственные аптеки, которые обслуживали в основном горское население. В казачьих станицах насчитывалось 8 аптек для казаков. Новым явлением на Северо – Восточном Кавказе было появление «вольных» (частных) аптек. В 1884 году в Терской области в частных аптеках трудилось 39 человек. За год к ним поступило 21760 рецептов. Общий валовой доход в «вольных» аптеках в 1884 году составил 87758 рублей 11 копеек.[570] В 1871 году в городе Грозном начала действовать «вольная» аптека А.И. Приса. В данной аптеке имелись все приспособления для хранения, изготовления и продажи медикаментов. При Хасав – Юртовском окружном управлении действовала казённая аптека для бесплатного «пользования больных горцев». В аптеку Веденского округа в течение 1871 года обратилось 2580 горцев, что составило приблизительно 13 человек на 100 жителей. Существовали также «выез-

дные» аптеки, когда медикаменты, навьюченные на лошадей, передвигались от аула к аулу. В 1876 году во Владикавказе работали также «лавки аптекарских вещей».

Помимо вольных аптек, в области стало всё больше появляться вольнопрактикующих врачей, работавших по вызову за плату. Сельские общества нанимали медицинские чины для обслуживания населения. В 1884 году в области было 7 врачей, занимавшихся частной практикой и 71 человек на участках, по найму выполняли работу фельдшеров и оспопрививателей. Больные часто жаловались на недоступность медицинской помощи, которая была им просто «не по карману»: «В городе Грозном врачей немало. Но, если вы заболеете, если карман ваш пуст, если вы человек бедный и не имеете никакого официального положения в обществе, тогда… Зачем слова? Даже доктор Канонов сам разоблачает своих сотоварищей в негуманном отношении к своим пациентам»[571].

Значительную роль со временем стали играть частные медицинские учреждения. Так, в 1897 году в Грозном открылась частная женская больница с родильным отделением, созданная двумя молодыми врачами – А.Ф. Рогожкиным и В.П. Шаковым. При больнице имелась даже собственная карета скорой помощи. Учитывая высокую стоимость пребывания в больнице (от 2 до 7 рублей в день), пользоваться ее услугами могли только состоятельные семьи[572].

В 1876 году в Терской области насчитывалось всего 14 врачей гражданского ведомства, 3 ветеринарных врача и 10 «повивальных бабок» на полумиллионное население. В каждом округе было по одной аптеке для горцев, которые снабжались за счёт казны. К 1884 году число гражданских врачей в области увеличилось до 52[573].

Для оздоровления чеченцы часто использовали многочисленные минеральные источники, расположенные на их земле. Чтобы вода оказывала максимальный эффект в лечении всего организма, горцы рыли специальные бассейны для омовения, а также часто использовали минеральную воду в домашнем обиходе. Горячие источники располагались рядом с сёлами: Умахан-Юрт (температура воды от +49 до +50 градусов), Исти-Су (+59 градусов), Старый Юрт (+71 градус), Мамакой-Юрт (+59 градусов), Чири-Юрт (+45 градусов). Брагунские источники были самыми горячими на Северном Кавказе (+73 градуса). Исток их был отделан камнем и часто посещался горцами[574]. Вода Брагунских источников была железистой, с примесью серы, отчего её русло было окрашено в ярко-оранжевый цвет. Минеральная вода истекала из грота, где было

отверстие, через которое и проникали больные, желающие попариться, предварительно заслонив наружное отверстие буркой. Брагунские источники в конце XIX века принадлежали князю Таймазову, который устроил 10 номеров с ваннами для омовения и построил жилые помещения для проживания больных.

Оздоравливаться на эти источники приезжали преимущественно горцы Терской и Дагестанской областей. Благодаря дешёвой плате – от 20 до 40 копеек за номер с ванной, число желающих купаться значительно превышало число помещений. Продукты закупались на хуторе князя Таймазова по очень низким ценам. В некоторые месяцы больных пребывало несколько сотен человек[575].

Михайловские и Слепцовские минеральные источники принадлежали военному ведомству, которое возвело здесь постройки для купален и ванн. Военные использовали воды для лечения огнестрельных ванн, сифилиса, золотухи и ревматизма. Однако затем источники были переведены в гражданское ведомство. Купальни и ванны стали разрушаться, и к 1875 году на Михайловских и Слепцовских минеральных источниках лечение уже не производилось[576].

В 1850 году на минеральных водах Горячеводска было открыто отделение Грозненского госпиталя, а с 1886 года по инициативе лейб-медика Реммерта источники западной группы перешли к военному ведомству и были оборудованы медицинским учреждением. Прекрасный водопад горячей минеральной воды наполнял вымощенный пруд. Станичники не сдавали в аренду землю иногородним и никому не давали на ней строиться. Этот запрет тяжёлым гнётом давил на курорт. Терское казачье войско не обращало на военный курорт в Горячеводске никакого внимания[577]. Согласно утверждению доктора И.Кедрова,69% больных, пользовавшихся этими источниками, выздоровело, и у 19% течение болезни приостановилось[578].

Первые русские сведения о Кавказских минеральных источниках содержатся в материалах XVII века, в частности, в «Книге Большому Чертежу». Последующие более точные известия о полезных ископаемых и лечебных водах Кавказа относятся к эпохе Петра I. Лейб-медик Г. Шобер по указанию Петра I исследовал и описал в 1717 году горячие минеральные воды, известные под именем «Брагунских» в районе реки Терек.

Описание Брагунских (Св. Петра), Терских или Горячеводских (Св.Екатерины) и других источников Чечни были сделаны не только Г.

Шобером, но и академиками А.И. Гюльденштедтом и И.П. Фальком. В 1829 году был сделан первый анализ этих источников Р. Германом, а в 1853 году – профессором Н.Н. Зининым. В 1906 году ассистентом Военно-Медицинской лаборатории И.Д. Купцисом были исследованы воды четырёх источников, находящихся на территории Чечни. Вода двух из них была прислана Терским областным врачом из села Калауз, расположенного в 35 верстах от станицы Слепцовской.

Доставленные в лабораторию пробы воды были прозрачны, бесцветны и имели слабощелочную реакцию. Вкус – горьковато-солёный. Анализ Купциса показал, что оба эти источника следует причислить к горьким водам, содержащим значительное количество хлористого натрия. Воды двух других источников были получены из сёл генерала Беллика близ Грозного. По данным Купциса, вода одного источника содержала горьковато-солёный вкус, а вкус воды другого источника был более солёный. По своей минерализации вода первого источника считалась одной из богатейших вод в России[579].

В Терской области в послевоенный период были распространены рахит и сифилис, золотуха и кожные нарывы, перемежающая лихорадка, ревматизм и глазные болезни. Перепись 1897 года впервые определила уровень заболеваемости у разных народов Российской империи. Была определена статистиками степень распространения слепоты. На 1000 человек: у чеченцев было 1,25 слепых и 0,96 ослепших. Самый лучший показатель был выделен в стране у кара-киргизов, у них слепых от рождения выявлено 0,48; а ослепших 0,06. Самый худший показатель зафиксирован у чувашей – слепых 11,46, а ослепших 9,26. По высказываниям многих квалифицированных специалистов, степень увеличения слепых напрямую зависела от условий жизни народа.

По Первой всеобщей переписи, на 1897 год у чеченцев было 118 слепых мужчин (25 от рождения, 93 ослепших) и 154 слепых женщин (36 с врождённой слепотой и 118 с приобретённой). Также было подсчитано число глухонемых чеченцев – 50 мужчин и 40 женщин; немых – 20 мужчин и 24 женщины; а также умалишённых – 89 мужчин и 37 женщин. Это довольно низкие показатели по отношению к многотысячному населению Чечни[580].

Врачи, курирующие детство, всегда отмечали особую ранимость здоровья детей кавказских народностей (чеченцев, ингушей в частности) в период их учебы во время отрыва от родных условий жизни, при их недостаточной подготовленности к новым бытовым условиям и к новой

работе, особенно в «толще городского населения». Врачи указывали, что неуспешное обучение детей в школах в 73% зависит от наблюдаемых болезненных явлений. На каждые 3 случая смерти в школьном возрасте один приходился на туберкулез[581].

На Тереке отмечалось неравномерное представительство медицинского персонала в казачьих отделах и национальных округах. В начале XX века из 13 сельских врачей в станицах работали 9, а при округах только 4; а из 152 фельдшеров в национальных округах – только 35. Если в отделах врач обслуживал территорию с 68 тыс. населения, а фельдшер – 5 тыс., то в округах плотность медицинских работников была намного меньше: в аналогичных показателях – 108 тыс. и 15 тыс. человек. Таким образом, горцы являлись самыми необеспеченными по медицинскому обслуживанию. Это вынуждено признавали и представители царской администрации[582].

В начале XX века для полготовки средних медицинских работников на Дону и Северном Кавказе работало четыре медицинских учебных заведения (в Новочеркасске, Ростове – на – Дону, Екатеринодаре, Ставрополе), что позволило выпустить около 800 медиков, среди которых были и первые фельдшеры из числа северокавказских народов. Выпускники, как военных, так и гражданских фельдшерских школ, получившие образование бесплатно, должны были несколько лет отработать в лечебных учреждениях губернии или области.

Обучение специалистов в собственных учебных заведениях позволило приблизить медицинскую помощь к населению, обеспечить снижение заболеваемости и смертности[583]. Удельный вес горцев среди медперсонала равнялся порядка 11-13%. Исключение представлял лишь Хасав-Юртовский округ, где преобладали представители горских народов: чеченцы, кумыки, лезгины[584]. Первым чеченским врачом, имевшим высшее образование стал уроженец селения Гойты Магомет Ахтаханов. В семь лет он сдал экзамены в Ставропольскую гимназию, по окончании которой в 1912 году поступил на медицинский факультет Московского университета. В мае 1917 года, получив звание врача, он вернулся в родное село, где не только организовал врачебный участок, но и вел обучение медицинских сестер[585].

Сельское хозяйство являлось основной отраслью производства на Северном Кавказе, поэтому особенно актуальным в Терской области было здоровье домашних животных, используемых в животноводстве и земледелии. Нередко от состояния скота зависело здоровье и жизнь

населения, т.к. многие болезни были заразными и для людей тоже. В 1883 году из соседней губернии в Терскую область была занесена чума скота, в результате которой было потеряно 2340 голов – 44,5% от всего заболевшего скота. Сибирская язва, благодаря принятым мерам, была только в двух областных округах. Из общего числа заболевшего скота пало 83,5%. В Грозном и Владикавказе у лошадей был обнаружен сап. Чтобы избежать эпидемии, лошади были пристреляны. В 1884 году в Веденском округе произошла вспышка ящура. Пало 30% заболевших лошадей[586]. Ветеринарной службе в области уделялось совсем мало внимания. На покупку медикаментов для ветеринарной службы Терским областным правлением выделялось в год всего 150 рублей. В 1883 году в городе Грозном возникает организация под названием «Общество покровительства животным». Организатором выступил местный ветеринарный врач. В задачу Общества входило содействие сохранению фауны и «наблюдения за охотой на местную и перелётную птицу и на красного зверя». В прессе, по этому поводу, приводилось мнение, что «…охота во всей области ведётся на таких хищнических началах, как будто имеет цель конечное истребление в области диких животных и птиц…»[587].

В одной из заметок газеты «Терские ведомости» клеймилось халатное отношение к медицинскому обслуживанию в области: «…Заботы о здоровье целых населений и об оздоровлении станиц в Терской области остаются до сего времени красивыми словами для отчётов и бойких разговоров. Мы не разделяем взгляды тех, которые говорят, что заболеваемость и смертность в станицах и аулах значительно меньше, чем в городах»[588]. Эпидемиологическое положение в регионе было довольно сложным и требовало принятия современных медицинских средств, для профилактики и лечения населения. В 1884 году в Терской области разразилась эпидемия натуральной оспы – умерло 505 человек, от скарлатины скончалось 126 человек, от кори умерло 58 человек. Из «Годового отчёта о медико-санитарном состоянии Терской области за 1871 год» мы узнаём о том, что муллы занимались оспопрививанием, а лечили горцев в основном «туземные лекари».

Село Майсты славилось своими мудрыми лекарями. Майстинцам ещё задолго до появления русских на Кавказе, известна была прививка оспы[589]. Русский врач Н. Дубровин подчёркивал, что «нет ни одной раны, за исключением чисто смертельной, которую бы туземные врачи не вылечили». Во многих медресе, по указанию Шамиля, изучали и народную медицину[590]. У мусульман в Терско – Горском полку, воевавших

в русско-турецкую войну 1877-78 годов, был свой мулла, который нёс службу наряду со всеми. Он служил и за медика. Горские врачи очень хорошо вылечивали переломы, ушибы, холодные и огнестрельные раны, почти никогда не прибегали к ампутации. Весь секрет счастливого исхода болезни, по их мнению, заключался главным образом в чистом, опрятном уходе за раной. В состав медицинских средств, входили преимущественно, бараний жир и припарки из бараньих внутренностей[591]. Во время Кавказской войны врачами были и перешедшие на сторону горцев поляки. Один из них, оказавшийся позже в Нью-Йорке, собрал полученные им на Кавказе знания практического и мистического характера в замечательном труде под названием «Кавказская йога»[592]. Народная медицина усердно изучалась членами Кавказского медицинского общества. В 1872 году на Московской Политехнической выставке Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при Московском университете, Кавказскому медицинскому обществу был присуждён знак почёта 2 степени за сортировку лекарственных веществ, употребляемых знахарями на Кавказе[593].

В начале XX столетия представители грозненской интеллигенции объединив свои усилия, образовали своё медицинское Общество. Учредителями выступили врачи Рутенберг, Смолевич, Владимиров, Копытко, Поляпин, Заградский и провизор Тези. Общество ставило широкие задачи: «…а) изучение города Грозного, округа в санитарном отношении и составление его медицинской топографии; б) изучение условий, под влиянием которых развиваются и поддерживаются в этом городе эпидемические и другие болезни, с изысканием средств к предупреждению и ограничению их; в) собирание и учёная разработка статистических материалов о болезненности и смертности; г) устройство публичных чтений и издание популярных сочинений, в видах распространения в народе здравых понятий по гигиене…». Все новшества в области медицины выносились членами Общества на обсуждение. Организация закупала новые медицинские инструменты, выписывала специальные периодические издания, планировала открыть свою библиотеку[594].

Масштабному возникновению общественных объединений второй половины XIX в. способствовало несколько факторов. Основной причиной возникновения общественных организаций в России являлось постепенное упрощение процедуры их открытия. Следует отметить, что до 60-х гг. XIX в. правом утверждать уставы организаций обладало только правительство, с согласия императора, через предварительное

рассмотрение ходатайств Комитетом министров, что, соответственно, затрудняло процедуру учреждения обществ. Исходя из того, что функционирование общественных организаций было выгодно правительству, так как во многом сокращало государственные расходы на социальные нужды населения, начиная с 60-х гг. порядок открытия общественных учреждений начинает упрощаться.

К концу XIX в. в России насчитывалось более 100 общественных организаций врачей и медицинских обществ, а к 1905 году их было уже около 130. Инициаторами создания здравоохранительных обществ выступали образованные медики, стремившиеся всеми силами повлиять на улучшение положения здравоохранения в регионе[595].

6. Основные религиозные верования и точки их соприкосновения

Екатерина II именным указом Правительствующему Сенату от 5 мая 1785 года учредила Кавказское наместничество, состоящее из двух областей: Кавказской и Астраханской[596]. Увлечённая западными принципами веротерпимости и следуя насущной необходимости многотысячного мусульманского населения России, императрица в 1788 году учредила в Уфе Оренбургский муфтият. В 1794 году появился второй муфтий – Таврический, в его ведомстве состояли крымские татары. С 70-х годов XIX в. в правительственном политическом лексиконе появилось понятие «мусульманский вопрос», что означало не только признание наличия мусульманских подданных в империи и необходимость их «слияния с коренным населением», но и возникновения в мусульманском мире признаков национального и религиозного «пробуждения»[597]

В 90-х годах XIX века правительственной комиссией по татарским делам, образованной при МВД был поставлен вопрос: учреждать ли в России третьего муфтия – во Владикавказе? Представители мусульман Терской области на своем съезде признали желательным: скорейшее учреждение на Северном Кавказе, в г.Владикавказе, мусульманского духовного правления, состоящего из муфтия и четырех членов-советников; признали необходимым подробно разработать порядок выбора этих лиц, очертив их компетенцию, права и обязанности; учредить на средства казны мусульманский духовный семинарий, для подготовки образованных мулл с преподаванием предметов исламской религии и светских

наук на арабском и родном языках с параллельным преподаванием на русском языке. С данными предложениями представители мусульманского сообщества в 1910 году обратились к Кавказскому руководству[598]. Однако этот вопрос так и остался открытым, т.к. многие российские деятели считали, что открытие муфтиятов было важной государственной ошибкой, т.к. в этом случае русское правительство само поддерживало антирусские элементы в России[599].

Жизнью мусульман Кавказа руководили созданные в 1872 году Суннитские и Шиитские духовные управления, подведомственные царской администрации края. Центральным правительственным органом, контролировавшим жизнь российских мусульман, по-прежнему оставался Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Министерства внутренних дел[600]. А.И. Ногманов, казанский учёный, даёт детальную периодизацию истории взаимоотношений между царизмом и исламом в России. Он выделяет 50-60 гг.XIX века-1917 г. как период «цивилизованного» или скрытого отрицания ислама. Отрицание отныне было не столько законодательного, сколько идеологического плана. «Цивилизованность» выражалась в завуалированности действий властей, в создании системы правовых ограничений для мусульман на уровне подзаконных и ведомственных актов. Качественно новый поворот в отношении Российского государства к исламу связан с реакцией российских мусульман на Крымскую войну, усилением отпадения крещённых татар, резким увеличением мусульманского населения империи за счёт новых территориальных приобретений. Со второй половины XIX века ислам начинает рассматриваться уже как сила «опасная» для самой самодержавной власти, единства государства, а не просто как чуждое православному государству вероисповедание[601]. На рубеже XIX – XX вв. империя Романовых вступила в эпоху «сумерек монархии». Два последних десятилетия XIX века совпали с царствованием Александра III и первыми годами правления Николая II, стали временем торжества охранительной политики «православного консерватизма», попыток «великодержавного» наступления на нравы неправославного населения империи[602]. Российское правительство всячески препятствовало созданию самостоятельного северокавказского мусульманского духовного управления. Когда в 1889 году командующий войсками Кавказского военного округа возбудил перед военным министром ходатайство об учреждении Управления духовными делами мусульман Кубанской и Терской областей, ему было отказано ввиду того, что «при таком устройстве муфтий

и духовное управление будут затруднять непосредственное воздействие администрации на духовенство»[603].

Неоднократно высказывались пожелания, как чиновников, так и местных духовных лидеров, об образовании нового муфтията для Северного Кавказа. В 80-х гг.XIX в. был выработан проект «Положения» об управлении мусульманскими духовными лицами у суннитов Кубанской и Терской областей. Текст проектируемого регламента был подготовлен в Тифлисе, откуда поступил в Военное министерство. Главной целью представленного в 1889 г. «Положения», по мнению главы края, было обеспечение таких условий, при которых мусульмане Северного Кавказа были бы «вполне взяты в руки администрации» и оказались бы «отсечены» от суннитов Закавказья. Тем самым, как казалось, решалась важнейшая задача имперской политики в регионе – любыми способами помешать опасному для интересов монархии Романовых объединению мусульман всего Кавказа. «Положение» практически предполагало замкнуть решение всех вопросов на правителе Кавказа, и отсутствовали даже малейшие намеки на необходимость согласования тех или иных проблем мусульманской жизни со столичным МВД. В конечном счете, не поддержало проект А.М. Дондукова – Корсакова и непосредственно ведавшее Кавказом в тот период времени Военное министерство, в итоге чего данный документ не был принят, и все связанные с ним бумаги были отправлены в архив[604].

В 1890 году Дондуков – Корсаков предлагал создать духовное управление мусульман во Владикавказе. Этот проект был отклонён по настоянию МВД: усиление влияния служителей мусульманского культа уменьшило бы значение русского воздействия на население, духовенство и школы. По мнению министерства, между властями и ими встали бы муфтии и духовные правления. За образование муфтията на Северном Кавказе высказывался и начальник Терской области[605]. Во всеподданнейшем отчёте за 1909 год, наказной атаман Терского казачьего войска писал, что упорядочить религиозный вопрос можно лишь путём учреждения самостоятельного мусульманского духовного управления и семинарии с преподаванием в ней кроме богословских и светских наук на арабском и родном языках, русского языка. На полях данного отчёта император Николай II начертал: «С этим я не согласен»[606]. В 1893 году в Военном министерстве возник план переподчинения духовных дел мусульман Северного Кавказа местным не военным, а гражданским властям. Но и этот план не был приведён в жизнь[607].

Очень неудобным для горцев Терской области было расположение их духовного мусульманского правления. В Закавказье имелось в тот период Шиитское и Суннитское духовные правления, но ведомство их не распространялось на Терскую и Кубанскую области. Мусульманское население этих областей подчинялось учреждённому в Уфе магометанскому духовному собранию.

Оренбургское магометанское Духовное собрание непосредственно главенствовало над всем исламским духовенством, исключая область Таврического Духовного управления, с центром в городе Симферополе. Западные губернии империи и Закавказье[608]. Оренбургское магометанское Духовное собрание воздерживалось от управления духовными делами мусульман Северного Кавказа, ссылаясь на то, что последние до сих пор не были переданы в его ведение. По суждению Комитета министров, магометанские приходы на Северном Кавказе и в Средней Азии не состояли в ведении Оренбургского Духовного собрания, как присоединённые к Российской империи после издания закона, определяющего территориальные пределы ведомства Духовного собрания[609]. Сама кавказская администрация не знала, к кому надлежит в случае необходимости обращаться – к муфтию закавказскому или оренбургскому и неоднократно были случаи, что лица, имевшие удостоверения на право занятия должности сельского муллы от Оренбургского муфтията направлялись к Закавказскому муфтияту для выдержки новых испытаний[610].

Государственный Совет, рассмотрев в 1894 году представление Военного министерства об устройстве управления мусульманского духовенства на Северном Кавказе постановил, что хотя по действующим законоположениям духовные дела мусульман названного края (Терской области) подчинены Оренбургскому Духовному Управлению, с центром в городе Уфе, но, за обширностью подведомственной ему территории, данное Управление не проявляет своего влияния в отношении Терской области[611]. Таким образом, фактически Северный Кавказ, в духовном отношении, не подчинялся Оренбургскому Духовному правлению, в Терской и Кубанской областях религиозная жизнь находилась под контролем военных[612].

На территории Терской области проживали в основном мусульмане-сунниты. Сунниты-приверженцы Сунны (традиции). Суннизм окончательно оформился в X веке, выражая обычаи, теорию и практику большинства мусульманской общины. Это, прежде всего ориентация на умеренную доктрину, являющуюся «золотой серединой».

Отсюда и характерный для суннитского ислама прагматизм, установка на узаконение утвердившихся убеждений, обрядов и институтов. Особенность ислама заключалась в том, что он не разделял «духовное» и «мирское», а соединял их в единую реальность, где цель и средства находились в гармонии[613].

Русский закон создал мусульманское духовенство как сословие: мулл, с правами и обязанностями; установления, чуждые мусульманскому миру, не предусмотренные мусульманским правом (шариатом)[614](шариат (араб.) – свод мусульманских религиозных и бытовых норм, основанных на Коране и сунне[615]). Так, например, муллы и кадии избирались местным мусульманским населением после соответствующего документированного «испытания в вере» и полицейского подтверждения их «лояльности». Утверждались они в должности местной царской администрацией[616].

Царское правительство стремилось привлечь мусульманское духовенство на свою сторону. В этих условиях военным властям на Кавказе, в частности, вменялось: «Начальник не должен вести себя открыто против духовенства: он должен избегать беседы с ним о религии… Но если обстоятельства поставят его в необходимость говорить с эфендиями и муллами о религии, то следует для успокоения их соглашаться с ними во многом даже против собственного убеждения»[617]. В пореформенный период количество пророссийски настроенных лиц на Северном Кавказе вообще, в том числе и среди мусульманского духовенства, постепенно увеличивалось. Российскую власть поддерживали старшины, представители высших сословий в тех обществах, где была сословная иерархия; состоявшие, как правило, на военной службе в русской армии, а также некоторые мусульманские служители. Этому способствовал усилившийся контроль за совершением хаджа в Мекку, введение экзаменов для мусульманского духовенства, введения правил утверждения духовных лиц российской администрацией. 8 января 1893 года начальник Терской области издал распоряжение «…чтобы сельские муллы в магометанских селениях на будущее время назначались не иначе как по выбору окружного кадия и мною утверждались»[618]. Показателен тот факт, что в соборных мечетях по пятницам, где собирались мусульмане данного поселения и читались проповеди, проповедующему полагалось упоминать имя здравствующего правителя[619].

Очерчивая, в 1911 году, важнейшие стороны тогдашней русской жизни, фельдмаршал Д.А. Милютин полагал целесообразным предо-

ставить лицам «иноплеменного» населения, в том числе и мусульманам, все «общие права по службе государственной и общественной, так же как и по всем легальным видам деятельности»[620]. Однако, в жизни российские мусульмане были лишены многих прав, в отличии, например, от христианского населения страны. Например, необходимо было учредить во Владикавказе духовную семинарию для подготовки кадиев и мулл, с преподаванием предметов ислама и светских наук как на арабском, так и на родном языке, с параллельным преподаванием русского языка. Этого сделано не было[621]. В то же время христианские духовные семинарии и школы действовали на Кавказе почти повсеместно. На рубеже XIX – XX веков на Северном Кавказе существовало более 2 тыс. мечетей, православные церкви составляли примерно только 20% от общего количества мусульманских мечетей[622].

Чечня славилась учёностью своих мулл, в числе которых были духовные лидеры, известные на всём Кавказе[623]. Мулла обыкновенно договаривался с обществом об исполнении богослужений и других обязанностей на один год, по прошествии которого, по обоюдному согласию, договор мог быть оставлен в силе и на следующий год. Но часто бывало, что обществу не угодил в чём-либо мулла, или мулле не понравилось жить в обществе, и договор терял силу. Насчёт духовенства всё было просто: сегодня ты мулла, а завтра можешь стать простым смертным. В таком случае исполнение обязанностей муллы брал на себя кто-либо из членов сельского общества, знавший арабский язык. Нередко сельский старшина бесплатно брал на себя обязанности муллы.

Мечети являлись особым юридическим лицом. Они владели недвижимым (мечетные загоны и покосы) и движимым (мечетные овцы) имуществом. Население выражало беспокойство – как бы правительство не уничтожило право мечетей на эти земли. По дорогам, вдали от поселений, встречались маленькие молельни, устроенные благочестивыми людьми над родником, выбивающимся из-под земли. Молельни составляли общее достояние. Здесь останавливались отдохнуть и помолиться Богу[624].

До установления российской власти муллы не вели учёта рождённых детей. По распоряжению наместника на Кавказе по мечетям стали рассылаться в 2-х экземплярах метрические книги, куда муллы были обязаны вписывать всех новорожденных. Велись книги на арабском языке, с обязательным переводом на русский язык, засвидетельствованным аульным старшиной. Проверкой метрических книг занимались кадии[625].

Кади (араб.) – судья, решавший дела на основе Корана и шариата[626]. На кадиях лежало общее наблюдение за духовенством, мечетями и мечетными школами. Кроме того, кадии, как непременные члены горского словесного суда, решали брачные дела и принимали экзамены на утверждение духовных должностей. В случае обжалования решений кадия или горских судов по религиозным вопросам, эти жалобы сообщались начальником области на заключение Оренбургскому магометанскому Духовному собранию или же Закавказскому суннитскому Духовному правлению и, после получения такого заключения, начальник области выносил окончательное решение[627]. Кроме кадиев на Кавказе существовали и мюриды (мюрид (араб.)) – добровольный последователь, ученик муршида (наставника); мюрид, мюридизм – причастия от арабских глаголов, в переводе означают «пошёл по дороге или показал дорогу» и захотел, пожелал)[628].

Для облегчения благонадёжности призванных в царскую армию мусульман в каждом военном округе была введена должность штатного муллы[629]. Азиатский департамент МВД составил особую форму военной присяги для мусульман с учетом требований Корана и мусульманского права, так как содержание многочисленных мусульманских законов давало возможность произвольно истолковывать смысл многих постановлений правительства. Слово «должен» стало предшествовать клятве, как и положено по исламским законам, а словосочетание «законный Государь» было заменено на «истинный». Все эти особенности были учтены специалистами по исламу и перекрыли возможность использовать расхождения в гражданском и мусульманском праве[630].

Когда почти все религиозные организации получили возможность предоставлять доступ к гражданскому статусу своим приемникам, у государства возросла необходимость установления различий между религиозными конфессиями. Например, согласно ст.44 «Городового положения»: «Число гласных из не христиан не должно превышать 1/5, а в городах Кавказского края 1/2 общего числа гласных»[631].

Мусульмане в конце XVIII века составляли всего 4% населения России; их доля заметно выросла только в XIX веке. Волжские татары были первой большой группой носителей нехристианской мировой религии, которые с середины XVI века оказались под российским господством. Позднее к ним добавились башкиры, сибирские и крымские татары; все эти группы принадлежали к суннитскому направлению в исламе[632]. По материалам переписи 1897 года мусульмане являлись второй по

численности после православных вероисповеданий группой населения империи. Их насчитывалось 13889421 человек. На Кавказе мусульмане составляли 1/3 его населения[633]. У мусульман, в ходе присоединения, были отняты богатейшие земли в Сибири, в Поволжье, на Кавказе, в Крыму, Туркестане. Миллионы десятин награбленной земли составляли государственный земельный фонд. Мусульмане твёрдо верили, что русский народ в лице своего Учредительного Собрания возвратит им земли, где покоятся остатки их дедов; верили в совесть русского народа. Мусульмане говорили, что аграрный вопрос нельзя решать захватами и насилием, что нужно беречь страждущую Россию, и все личные вопросы, даже вопросы существования, необходимо отложить до Учредительного Собрания. Приверженцы ислама утверждали: «Сила да повинуется совести»[634]. 12 апреля 1894 года Оренбургский муфтий Хаджи Мухаммед Яр Султанов выступил с обращением к мусульманам России: «До моего сведения дошло, что в народе и даже между муллами ходят слухи, что, будто бы, магометан будут крестить в русскую веру. Слухи эти нелепы и вздорны, потому что правительство не имеет никакого намерения крестить нас, а напротив, разрешает нам свободно исповедывать ислам, открыто, и без стеснения, исполнять обряды нашей веры и строить мечети для богомоления…»[635].

Только в период с 1853 по 1859 год, в начавших тогда функционировать частных татарских типографиях, было издано 82300 экземпляров Корана, 169900 экземпляров его частей (хавтиак). Каждый успех, достигнутый Россией на пути развития науки, техники, культуры и просвещения сказывался в какой – то мере на её мусульманском населении: среди него появились обученные солдаты и офицеры, технически грамотные рабочие и специалисты, нарождалась гуманитарная интеллигенция, в основном образовавшаяся из среды мусульманского духовенства, развивалось школьное дело, книгопечатание, журналистика, подчас опережавшие аналогичные явления в остальном мусульманском мире[636]. На Северном Кавказе во второй половине XIX века приходилось быть по отношению к исламу особенно осмотрительными. К «нецивилизованным» средствам «отрицания» ислама власть старалась прибегать в редких случаях и только тогда, когда она вполне была уверена в своих силах и возможностях. Наместник на Кавказе (1862-1881 гг.) Михаил Николаевич Романов, во всеподданнейшем отчёте главнокомандующего за 1863-1869 гг., сожалел о том, что «как ни желательно, в интересах православия и русской власти, уменьшить, по возможности, преоблада-

ние в горском населении мусульманского элемента, но, с одной стороны свойственная той же власти веротерпимость, а с другой – опасение неблагоприятных для спокойствия края последствий побуждают ограничиваться одними паллиативными средствами». Эти паллиативные средства, по мнению наместника, должны заключаться в поддержании христианства в крае и противодействие мусульманству в тех случаях, когда оно ведёт свою пропаганду насильственно, с явно политическими целями[637]. Начальник Терской области, в своём всеподданнейшем отчёте за 1892 год показал некоторые моменты положительного влияния ислама на население вверенной ему территории. «Учение кунтистов, – писал он, как в нравственных своих основаниях, так отчасти и в сфере мистической не только не вредно для туземного населения, но в значительной мере оказывает на него, безусловно, полезное влияние, налагая на своих последователей обязательство – делать добрые дела и постоянно стремиться к общению с Богом…»[638]. Чеченская устная традиция сохранила слова Кунта-Хаджи, ещё в эпоху имамата Шамиля требовавшего прекратить войну, чтобы спасти народ от истребления. Так же устная традиция приписывает шейху Дени Арсанову следующие слова: «Как раньше для войны требовалась шашка, так сегодня нам нужны наука и знания»[639]. В 1904 году Терский областной комитет выступил с инициативой установить образовательный ценз для мусульманского духовенства[640]. В 1894 году МВД запретило преподавать в мусульманских школах иностранным подданным, а также пользоваться религиозными книгами заграничного издания[641]. Министерство просвещения упорно пыталось распространить свой контроль на мусульманские конфессиональные школы, но в этом вопросе не встречало поддержки МВД, боявшегося усиления недовольства мусульман[642]. С конца 30-х гг.XIX века, времени начала своей службы на Кавказе, и вплоть до последних месяцев своей жизни Д.А.Милютину приходилось неоднократно обращаться к оценке тех или иных сторон «мусульманства». Милютин, как рационально мыслящий прагматик, понимал, что лишь силой «подавлять религиозность» мусульман-горцев Кавказа нельзя, это занятие не даст никаких положительных для интересов империи результатов, и поэтому надо изыскивать более гибкие способы и обходные пути воздействия на местное «мусульманство». Первостепенное значение в «успокоении» кавказских мусульман, по словам Д.А. Милютина, могла сыграть организация Россией системы образования горцев «у себя самих» при участии лояльных по отношению к монархии Романовых исламских духовных лиц[643].

Генерал А.П. Ермолов не был сильно религиозным человеком. У известного в те времена публициста Д.Б. Мертваго мы находим такую характеристику А.П. Ермолова: «… человека умного, хитрого и как слышно – безбожного…». В связи с этим любопытный факт дает исследователь Кавказа Д.Л. Ватейшвили: «Одним из первых изданий, Тифлисской корпусной типографии (учрежденной Ермоловым в 1819 году) была «Молитва на татарском и арабском языках». Книга была литографирована по приказу и дана Тифлисскому магометанскому духовенству для чтения в молитвенные дни, праздники и особенно в торжественные дни». В то же время, известны были случаи, когда по его приказу казнили мулл за измену и предательство[644].

Мусульмане в Российской империи XIX века представляли собой значительную силу. Это учитывали российские власти, старавшиеся привлечь их на свою сторону, и не без успеха. В частности, известно, что османский консул в Тифлисе Хасан Хасиб жаловался в Стамбул на кавказского муфтия Хусейна Гаябова как главного проводника политики России среди мусульман, награждённого за это царским орденом Св.Владимира. К концу XIX века мусульман в России было столько же, сколько и в Османской империи, – 18 млн. Вместе с тем верхушка мусульманских общин в России XIX века при всей своей внешней зависимости от царских властей на деле обладала весьма реальной, как бы неформальной самостоятельностью и умело ею пользовалась. «Дореволюционное мусульманское духовенство Русской империи, – писал известный на Западе чеченский историк Абдурахман Авторханов, – выступало не только как высшее моральное руководство живущих в ней мусульманских народов, но представляло собой одновременно и организованную национально-политическую силу, с которой считалось правительство. Оно было также и экономической силой – мусульманские учреждения владели вакфами – движимым и недвижимым имуществом, завещанным в пользу мечетей. Вакфы располагали благотворительными учреждениями (госпиталями, приютами для стариков, вдов, сирот). В их распоряжении имелись также земли, которые безвозмездно обрабатывались верующими»[645].

Русское государство, расположенное в евразийском пространстве, в течение многих веков является общим домом для представителей различных верований: христиан, мусульман, буддистов, язычников[646]. Сотни лет, проведённых в мирной работе бок – о – бок с татарами, научили русских верить и уважать братьев-мусульман[647]. По мнению Н.

Данилевского: «Ненависть, которую Магометане питают здесь к Христианам, обнаруживается менее, чем в прочих местах Азии …»[648]. Многочисленное мусульманское население России представляло для русского государства крайне неудобный социокультурный феномен, не поддавшийся ассимиляции и интеграции в общество по той модели, которая представлялась власти оптимальной[649]. На протяжении пореформенного периода можно наблюдать, как общество шаг за шагом приближается к признанию равных прав православного и мусульманского населения, отказываясь от мелочной регламентации всех сторон повседневной жизни мусульман. За свободой отправления религиозных обрядов, внутреннего устройства жизни общины следует право выбора фасадов при строительстве мечетей, самостоятельное распоряжение вакуфным имуществом. Мусульмане наравне с православными служат в регулярной армии, получают правительственные награды, государственные пенсии[650].

Культуре ислама есть, что дать другим народам, но и есть что получить. Минимальное решение этой задачи заключается в рассмотрении культуры ислама в глобальном контексте, при непременном отказе от претензий на исключительность или превосходство над другими культурами, как бы они ни были развиты в социально-политическом и экономическом отношении[651].

Начало познания, и сближения двух мировых культур началось для России очень давно. Россия, быть может, является единственной страной, перед которой история поставила вопрос сознательного выбора религий. Князь Владимир отправлял послов в Хорезм для непосредственного ознакомления с исламом. Интересно, что эти послы стали мусульманами, что дало повод средневековым мусульманским авторам думать, что ислам стал официальной религией русских[652]. Даже такой сторонник «западной» ориентации России, как известный писатель и историк Н.М. Карамзин, признавал, что в IV – VI вв. одним из названий древнерусской земли было Хунигард, т.е. «Страна гуннов». С учётом сказанного можно понять следующий тезис Н.С. Трубецкого: «Связь русских с туранцами закреплена не только этнографически, но и антропологически, ибо в русских жилах несомненно течёт, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь. То братание и взаимное понимание, которое так легко устанавливается между нами и этими “азиатами”, основано на этих невидимых нитях расовой симпатии»[653]. Русские составляли 2/3 жителей всех улусов Золотой Орды, казачьи войска в Орде так и называли «Ордынская Русь». Ранее преобладавшие в южнорусских

степях кыпчаки – половцы составляли значительную часть казаков. Постоянная экономическая связь с русскими городами, где казаки сбывали продукты охоты, скотоводства и рыболовства, смешанные браки, нескончаемый приток беглецов из русских земель (по экономическим и религиозным причинам, но чаще – по политическим соображениям или в поисках безопасности) создавали условия для формирования в казачьей среде особого варианта русского этноса с обычаями, чертами языка и быта, заимствованными у других народов. А среди этих народов были потомки самых разных этносов. В частности, установлено наличие потомков хазар как среди татар Астрахани (мусульман), так и среди казаков Северного Кавказа (христиан)[654]. В годы Кавказской войны беглых русских солдат и офицеров, казаков у Шамиля было очень много, и он очень ценил их. Для пленных и перебежчиков вблизи Ведено был построен отдельный посёлок с церковью и костёлом. Русских крестьянок или казачек, отбившихся от родного гнезда, Шамиль посылал в это поселение, и они вольны были выбрать там себе мужей, причём один из поселенцев, по общему избранию, исполнял при венчании обязанности священника. Если же кто из поселенцев добровольно принимал ислам, то такому предоставлялось право жениться на мусульманке и давался земельный надел. В имамате поляки даже создали полковой оркестр, игравший мазурку во время наступления горцев[655]. При несомненном стремлении Шамиля придать войне религиозный характер связи между горцами-мусульманами (в первую очередь чеченцами) и русскими-христианами (прежде всего казаками) не прерывались. Об этом горско – казачьем содружестве было немало написано в XIX веке, в частности о гребенском казаке, в 1819 году переплывшем буйный Терек, чтобы предупредить чеченцев о предстоящем штурме их селения Дады – Юрт; о бегстве к Шамилю казака Яхонтова с пятью товарищами в 1849 году, восьми казаков и казачек в 1850 году, 33 казаков и двух священников-старообрядцев в 1851 году.

Справедливости ради надо подчеркнуть, что в целом ислам в России никогда не искоренялся. Правящая династия Романовых даже роднилась с касимовской знатью: тётка Петра I Евдокия Васильевна Нарышкина (жена брата царицы Натальи Кирилловны) была внучкой касимовского царя Алп Арслана, происходившего по прямой линии от Кучума. При этом Москва всячески подчёркивала своё уважение к исламу. «Мой государь – говорил в Стамбуле русский посол Иван Новосильцев в 1570 году, – не враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саип Булат,

господствует в Касимове, царь Кайбула в Юрьеве, князья ногайские в Романове, все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях»[656]. Служилый касимовский хан Шах-Али (одно время бывший ханом Казани) командовал армией Ивана Грозного в Ливонской войне. Сам Иван Грозный со стороны матери происходил от князей Глинских, возводивших свой род к бежавшим в Литву в XIV веке потомкам золотоордынского правителя Мамая Царевич Худайкул (в крещении Пётр Ибрагимович) четырежды замещал в Москве уходившего в военные походы великого князя Василия III (1505-1533). Знаменитому роду князей Юсуповых положил начало предводитель ногайских татар Юсуф-мирза, поступивший на службу к Ивану Грозному. Князья Урусовы происходили от Едигея (одного из полководцев Тамерлана), князья Черкасские – от мамлюкского султана Египта XV в. Сайф ад-Дина Иналя. Эмиры и князья, а также прибывшие с ними соплеменники (дружинники, родственники, друзья, единомышленники) постепенно смешиваясь с русскими, дали впоследствии начало множеству фамилий российского дворянства. «Так появились на Руси, – пишет Л.Н. Гумилёв, – Аксаков, Алябьев, Апраксин, Аракчеев, Арсеньев, Ахматов, Бабичев, Балашов, Баранов, Басманов, Батурин, Бекетов, Бердяев, Бибиков, Булгаков, Бунин, Бутурлин, Бухарин, Гоголь, Годунов, Горчаков, Державин, Ермолаев, Измайлов, Кантемиров, Карамзин, Корсаков, Кочубей, Кропоткин, Милюков, Мичурин, Рахманинов, Салтыков, Строгонов, Талызин, Тимирязев, Третьяков, Тургенев, Тютчев, Уваров, Ушаков, Чаадаев, Шереметьев»[657]. К Корану и вообще учению ислама неоднократно обращались русские писатели и философы: А. Пушкин, И. Бунин, П. Чаадаев, Л. Толстой, В. Соловьёв и Г. Федотов. Большим достоинством ислама В. Соловьёв считал неразделимость веры и дел веры. Философ считал ислам последовательным и искренним византийством. Тем самым он выдвигал тезис родства и преемственности между православием и исламом[658]. Характерно, что арабо-мусульманская культура и теология изучалась по первоисточникам. Ещё в 1716 году по приказу императора Петра Великого был переведён на русский язык Коран. В отличие от первых переводов, сделанных с французского и английского языков, в1878 году впервые был создан перевод оригинального арабского текста Корана. Переводчиком был Гордий Саблуков, казанский миссионер и востоковед, учитель Н.Г. Чернышевского по Саратовской гимназии. В 1787 году в типографии Академии наук по приказу Екатерины II впервые в России был напечатан полный арабский текст Корана. В 1800 году в России

было разрешено печатать без ограничений мусульманскую религиозную литературу, чем и занялась специально открытая для этого в 1802 году типография в Казани. К 1806 году она издала ряд книг по исламу общим тиражом свыше 40000, в том числе 3500 экземпляров Корана. В 1832 году Коран был здесь же переиздан тиражом 6000, в 1852 году – 23600, к 1859 году тираж достиг 82300 экземпляров. Все эти издания получили широкое распространение среди мусульман не только в России, но и за её пределами. Они послужили образцом для последующих изданий Корана в Османской империи, Индии и Египте. Характерно, что арабо-мусульманская культура и теология изучались по первоисточникам в научно-учебных заведениях империи, например в Казанском университете, в Ришельевском лицее Одессы: Л.Н. Толстой изучал арабский и турецкий языки в Казанском университете. В городах России (Петербурге, Казани, Баку, Оренбурге, Тифлисе, Бахчисарае, Ташкенте, Темир-Хан-Шуре) работали типографии с арабским шрифтом. В 1911-1914 гг. делались попытки перевода Корана на татарский и азербайджанский языки для мусульман, плохо знавших арабский[659].

Всё это происходило далеко не в светском государстве, где религиозные вопросы тоже стоят довольно сложно, а в стране, государственной религией которой являлось православие. К XIX веку русское правительство в основном поняло необходимость сотрудничества с мусульманами, а общественное мнение России стало проявлять постоянный интерес и уважение к исламу. По мере того, как с середины XIX века происходило стремительное расширение границ Российской империи, постепенно менялась официальная позиция относительно исламоведческой подготовки чиновников. С конца XIX – нач. XX вв. наличие в области исламоведения стало входить в перечень профессионально значимых показателей компетентности российских государственных служащих в регионах традиционного распространения ислама. В это время начинают действовать курсы по изучению основ мусульманского вероучения и шариата при Министерстве иностранных дел и Министерстве внутренних дел[660].

До сих пор остаётся без удовлетворительного ответа вопрос: а в чём, собственно, причина столь длительного и ожесточённого противостояния между северокавказскими народами, прежде всего чеченцами, и Россией? Попытки объяснить его, прежде всего религиозными противоречиями, ничего на самом деле не объясняют[661]. Христианство и ислам имеют очень много общего в теоретическом плане, зачастую они высказывают похожую точку зрения на разные проблемы, но по-

давая её в своей оригинальной форме. Из всех течений христианства и ислама особенно близки по своей сути и духу православие и суннизм. Между приверженцами этих верований никогда бы не было серьёзных конфликтов, если бы они были хорошо знакомы со своим вероучением и последовательно соблюдали все его предписания.

Особенности исламской святости изучены недостаточно, но и без этого уже ясно, что она принципиально, с точки зрения догматического обоснования и организационного строения социальных институтов ислама, отличается от христианской святости. Главное отличие заключается в отсутствии в исламе легитимного института канонизации святых. Мусульманские святые никакими специальными решениями не утверждаются, в исламе нет процедуры определения святости того или иного человека, не существует никаких исчерпывающих списков святых. Существует только народная молва и мнение различных богословов, уважаемых людей, правителей, которые, кстати, вправе спорить и не соглашаться друг с другом. Но, не смотря на это принципиальное отличие понятия «святости» в догматике ислама и христианства, типологически эти явления в обеих религиях не просто схожи, но идентичны. Когда речь идёт о способах поклонения святым, механизмах формирования легенд, ритуальной практике, оформления святых мест и т.п., совпадений оказывается намного больше, нежели различий[662]. Необходимо отметить, что морально-этические и правовые нормы мало интересовали представителей европейской культуры, а если и интересовали, то они рассматривались в основном под углом воззрения западных цивилизаций, то есть исследовались в преломлении христианской религии, а не мусульманской[663]. Широкая терпимость Корана к изучению иноверных исповеданий не нуждалась бы в объяснении, если бы люди были знакомы с содержанием Корана в его подлинном виде. Огромная часть мусульманского мира не усвоила духа учения Корана и придерживалась только наружных обрядов религии. Никогда у мусульман ереси не преследовались вооружённою силою. Наоборот, устраивались публичные беседы с оспаривающими догмы ислама. В 209 стихе Корана говорилось о том, что некогда люди составляли один народ. За Исусом признавалось в Коране множество чудес, совершённых им, и самое важное, заслуживающее внимание, то обстоятельство, что по учению Корана, Исус не умер после распятия, а лишь вознесён на небо и придёт на землю перед концом мира для страшного суда. Коран в отношении святой Девы Марии (Мариам) целиком согласен с Ее почитанием христианами. Можно

совершенно определенно сказать, что Святая Мариам Корана, Дева Мария западных христиан, Пресвятая Богородица православных – бесспорный примиряющий и объединяющий христиан и мусульман религиозный символ почитания и преклонения [664].

В смешанном браке мать-христианка остаётся по мусульманскому обычаю воспитательницей своих детей[665]. Ислам призывает людей на путь Божий мудростью и кроткими увещеваниями. «Если ты входишь в спор с христианами и жидами, – говорилось в Коране, то веди его честнейшим образом. Скажи им, будем ли спорить с вами о Боге, который и наш Господь и ваш! Мы имеем свои дела, а вы – свои»[666].

Учение Библии о том, что Бог «от одной крови…произвёл весь род человеческий» исключает любую мысль о расовом превосходстве. В Библии говорится, что ни одна нация или раса не лучше другой[667]. В России свобода веры давалась не только христианам, но и магометанам, евреям и язычникам[668]. Православная церковь на Северном Кавказе с самого начала не проявляла особой миссионерской активности в отношении коренных горских народов, вследствие чего, в XVIII – XIX веках, одновременно с процессом становления в регионе православных церковных структур среди славянского населения, происходило завершение исламизации кавказских горцев[669]. Живя и творя на своём языке, русский народ, как надлежит большому культурному народу, щедро делился своими дарами с замирёнными и присоединёнными соседями, вслушивался в их самобытность, учился у них, воспевал их в своей поэзии, перенимал их искусство, их песни, их танцы, их одежды, и простосердечно и искренно – считал их своими братьями[670]. С христианской точки зрения, понятие нравственной правды в международных отношениях должно опираться на следующие основные принципы: любовь к своим ближним, своему народу и Отечеству: понимание нужд других народов; убеждение в том, что благу своего народа невозможно служить безнравственными средствами. Слова апостола Павла: «Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его: ибо, делая сие, ты собираешь ему на голову горящие уголья. Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром»[671]. Заслуживает особого внимания в учении ислама то, что сделка с совестью не допускается нигде и ни при каких обстоятельствах. Измена, обман, коварство по отношению к иноверцам строго запрещены и не только в мирной гражданской жизни, но даже и при открытии неприятельских действий…[672].

В состав России, рассуждал В.С. Соловьёв, входили представители западных и восточных народов: «…и если должна быть война, то это уже будет война междоусобная. Тут уже не одна христианская совесть, но и человеческая мудрость говорит о примирении»[673]. В Библии говорилось о том, что война – есть зло. Причина его, как и зла в человеке вообще – греховное злоупотребление богоданной свободой. Убийство, без которого не обходятся войны, рассматривалось как тяжкое преступление перед Богом уже на заре истории[674]. Поступки тех, кто утверждает, что следует Библии, часто порочат репутацию книги, которую, по их словам, они почитают. Во имя Бога так называемые христиане проливали и проливают кровь. Однако Библия призывает последователей Христа любить друг друга[675]. Война является физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти. Земные войны порождены гордыней и противлением воли Божией[676]. Владимир Соловьёв считал, что раз Россия страна христианская, то и действовать она должна по – христиански. Его противники рассуждали так: русский народ есть единственный истинно-христианский, но, тем не менее, однако во всех делах своих он должен поступать по – языčески, руководствуясь исключительно своими, собственными интересами и правом силы[677].

Вскоре после Второй мировой войны Мартин Нимёллер, немецкий протестантский священник, писал: «Кто хочет обвинить Бога в том, что ведутся войны, тот не знает, или не хочет знать, Божье Слово. Христианские Церкви во все века всегда соглашались благословлять войны, войска и оружие, и весьма нехристианским образом молились об уничтожении своих врагов. Всё это – наша вина и вина наших предков, но ни в коем случае ни Бога. И мы, сегодняшние христиане, стоим посрамленные…Христианин, в случае, когда исполнение требований закона, без сомнений, влечёт совершение греха перед Богом и людьми, должен открыто выступать законным образом против безусловного нарушения обществом или государством установлений и заповедей Божиих, а если такое законное выступление невозможно или не эффективно, занимать позицию гражданского неповиновения»[678]. Необходимо учитывать также тот факт, что ни в царское, ни в советское время у церкви не было ни потребности, ни возможности открыто объявлять о своём понимании принципа свободы совести: её деятельность полностью контролировалась государством, и мнение патриарха на сей счёт власть не интересовало[679].

В исламе объявление войны отнюдь не допускается ранее, чем будут порваны существующие между воюющими договоры. Нападение без предварительного объявления считается неблагородным обманом, коварством и совершенно не допускается. Также строго запрещается жестокое и унизительное для человеческого достоинства обращение с пленными… Ни один христианин не обязан выступать с магометанскими войсками; военные дела не должны касаться данников; они покорены, чтобы быть данниками, а магометане должны их защищать и охранять. Если какой-нибудь христианин окажется виновным в преступлении, или сделает ошибку, магометане должны принять его сторону, охранять его и в то же время не допускать ни обиды, ни дурного с ним обращения; они должны стараться восстановить мир между ним и его противником, или положить конец ссоре удовлетворением обеих сторон[680]. В Коране сказано: «Когда ты мстишь за нанесённые тебе обиды, старайся, чтобы месть твоя была соразмерна с обидами; но если ты предпочитаешь перенести их с терпением, это будет полезнее для терпеливых»[681]. Библия также даёт совет, как сдерживать гнев: «Ум человеческий укрощает гнев его; и краса для него – прощать вину»[682]. Свободу Христос даровал духовную, не уничтожив ни одной власти гражданской. Златоуст говорил: «Апостол, желая внушить, что заповедь его о подчинённости простирается не на одних мирских людей, но на всё, говорил так: “Всякая душа властям предержащим да повинуется”. Подчинение власти не подрывает благочестия»[683]. И. Златоуст прямо высказывается: «Необходимо, чтобы существовали власти, чтобы одни господствовали, а другие подчинялись, дабы народы не носились туда и сюда, как волны; в этом состоит божественное установление»[684]. Многие христиане считали, что безмерная свобода есть или ребяческая мечта или соблазн дьявола, а в жизни – то и другое вместе. Всякая свобода должна иметь меру и форму, и притом у каждого народа – свою особую[685].

Многие видят причину развития конфликта между чеченцами и Российским государством в том, что у чеченцев якобы особенная психология, «свобода, растворенная в крови». Такое мнение довольно лестно для чеченцев, тем более что если уже не во всём мире, то уже, по крайней мере, на всём Кавказе, действительно нет больших индивидуалистов и анархистов, чем чеченцы[686]. Чеченцы уничтожили класс князей и феодалов и установили у себя демократические порядки. О возможности возникновения данной ситуации говорил ещё Исус Христос: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, но между вами да не

будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом. Ибо человек и здесь не для того, чтобы ему служили, но чтобы служить»[687].

Первенствующая христианская церковь не возбраняла христианам иметь рабов. Рабы христиан были по преимуществу домочадцами – они не были в полном смысле рабами. Тот христианин, который позволял себе жестокость относительно рабов, был обличаем и научаем церковью[688]. И.А. Ильин считал, что русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Он считал не случайным тот факт, что за войну 1914-1917 года из 1400000 русских пленных в Германии 260000 человек (18,5%) пытались бежать из плена. Такого процента попыток побега не дала ни одна другая нация[689].

Личная духовность в России всегда имела свободное дыхание в области веры, ибо православие (в отличие от протестантизма, утратившего веру в личное бессмертие человека) всегда утверждало лично бессмертную и лично ответственную душу, и (в отличие от католицизма, строящего свою веру на воле, дисциплине) всегда культивировала тайну личного восприятия Бога. В России культивировалась любовь к своему родному языку, отцовской вере и духовной культуре. Западной Европе была чужда русская (православная) религиозность. Европейская властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. Исторически так сложилось, что Россия первая вступила в полосу огня, первая противостояла соблазну, первая утратила своё былое обличие, чтобы выстрадать себе новое. У неё всегда был свой путь развития, отличный от Запада[690]. Европеец презирал, другие народы и желал властвовать над ними. Русский человек всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей. Жизнь в Европе была подчинена накоплению материальных средств. Православие считало, что материальное развитие охлаждает человека к христианской вере, допуская наиболее поверхностное занятие ей[691].

Средний европеец стыдился искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждал от человека, прежде всего доброты, совести и искренности. Западноевропейский человек двигался волей и рассудком. Русский жил, прежде всего, сердцем и воображением. Европа горделиво смотрела на Россию сверху вниз и считала её культуру или ничтожною, или каким-то «большим и загадочным недоразумением»[692]. Действительно существовавшая «не органичность» российской

цивилизации во многом была обусловлена её многообразием и синкретизмом, множеством различных источников, питавшим её развитие на всём протяжении истории. Её слабая сторона – мозаичность и многопластовость, уязвимость с точки зрения потенциальной дезинтеграции. Её сильная сторона – гораздо большая открытость к внешним влияниям и заимствованиям, чем у более «органичных» и замкнутых цивилизаций. В этой открытости – залог её гибкости и жизнестойкости[693].

Историк-археолог М. Худяков отмечал, что распространившийся тип шатровой колокольни имеет своим аналогом минареты татарских мечетей: «Достаточно взглянуть на минареты деревянных мечетей Казанского края и сравнить их с изображениями среднерусских шатровых колоколен, чтобы убедиться в единстве их происхождения»[694]. Интересно отметить, что в исламе, также как и в православии, отношение к богатству было как к чему-то мимолётному и уходящему, намного больше внимания уделялось духовности и аскетизму. Приведём для примера статьи из Корана: «Те, которые раздают свои богатства на пути Божием, подобятся зерну, которое производит семь колосьев и из которых каждый даёт сто зёрен. О, верующие. Творите милостыню из лучших вещей, которые вы приобрели, из плодов, которым мы велели произрасти для вас на земле. Не раздавайте милостей из самой худшей части ваших благ. Давайте милостыню, жертвуйте бедным. Жертва есть освобождение от огня. Нравственная и общественная благотворительность есть прямая обязанность каждого исповедника Ислама. Она доставляет нуждающимся утешение, а добротворцам отраду при той пользе, которую они приносят ближним»[695].

В сознании европейца сложился стереотип приниженного положения мусульманки в исламском обществе и семье. Однако это мнение опровергало мусульманское законодательство, в котором говорилось: «Муж должен хорошо обращаться со своей женой, быть с ней приветливым, без причины не ссориться и не гневаться; этого требует снисходительность, потому что жена всё равно, что пленник, а к пленным следует относиться милостиво. Провинности жены следует переносить терпеливо и, если даже жена дозволяет себе что-либо дурное на словах, или действиях, то муж всё-таки должен с ней обращаться хорошо. Если же она сильно разгневается, то мужу следует похлопать её по спине рукой и сказать: “О злодей, наставляющий людей на всё дурное, выйдя сейчас же из этого прекрасного тела,” – для того, чтобы дьявол, который забрался между кожей и мясом и производит гнев, удалился»[696]. Если

христианка становилась женой мусульманина, то муж должен был уважать веру жены, он не должен был запрещать исполнять ей обряды её веры; он не должен был принуждать её отречься от своей религии или грозить ей за её веру разводом. Если же он запрещал жене исповедывать её веру, то он тем самым нарушал заповеди Корана и поступал против воли Всевышнего[697].

Священный Синод говорил об уважении православной церкви к браку, в котором лишь одна из сторон принадлежала к православию, в соответствии со словами святого апостола Павла: «Неверующий муж освящается женою верующей, и жена неверующая освящается мужем верующим». Церковь не освящала венчанием браки, заключённые между православными и иноверцами, одновременно признавая таковые в качестве законных и не считая пребывающих в них находящимися в блудном сожительстве»[698].

Ссылаясь на каноны исламской веры, государство отбирало у горцев земельные владения. После завершения Кавказской войны, в ходе пореформенных преобразований, чеченцы были лишены своего права на частные земельные участки, которыми они владели в течение многих веков. Конфискацию земель в казённую собственность правительство оправдывало «учением Магомета, в силу которого земля составляет дар Аллаха и не может составлять частной собственности»[699]. Однако, как известно, Коран объявляет частную собственность священной и неприкосновенной[700]. Посланник Аллаха сказал: «Поистине ваш кров и имущество ваше неприкосновенно». Более того, имущество человека – это материальная основа его свободы и его жизни по заповедям Всевышнего Аллаха, и человек обязан защищать его[701]. Мусульманское правоведение исключает такую реализацию права собственности одного лица, при котором нарушается право другого собственника. Если же столкновение интересов происходит, то надлежит «остановиться перед препятствием – правом другого и предпочесть его»[702]. Российское государство, по мнению правоведов, являлось таким же собственником, как и частные лица, поэтому и права их определялись одинаковыми началами. Как юридическое лицо, составляющее субъект частного права собственности, государство есть казна[703]. Мало того, что Российское государство, являясь собственником, лишало прав других собственников, оно нарушало не только мусульманские принципы веры, но и христианские, хотя и являлось православной страной. Дело в том, что Библия признаёт право человека на собственность и категорически осуждает посягательство на неё[704].

Русский человек, православный не по форме, а, по сути, оказался слабым в добре и подчинился нерусским людям, стоявшим у власти, составлявшим в стране ничтожное меньшинство, но зато оказавшимися сильными во зле, сильными бессовестностью и волею к власти и дискредитировавшими дух православия в глазах иноверцев[705].

Преклонение перед красотой и совершенством жизни, природы является скорее основной, центральной линией развития православия. Христиане считали, что учёный, готовый исследовать тему по предложенному методу и трафарету, – есть не учёный, а лишённый духовного достоинства симулянт. Ибо творчество есть всегда дело свободы и предметного вдохновения, связанного с Богом[706]. Коран, ислам не противостоят творческому поиску, который и составляет общеисторический смысл науки[707]. В преданиях сохраняются следующие слова Мухаммеда: «Вера – нага, одежда её – благочестие, красота её – совесть; а наука – её плоды. В день суда перо учёных возвысится над кровью мучеников[708]. По мнению мусульманских теологов – наука не противостоит исламу: Коран, как никакое другое монотеистическое Писание, поощряет интеллектуальный поиск и исследование[709]. По хадису Абу-Хряйры, Магомет говорил: «…умри человек, вместе с ним погаснет и добродетель его, но есть добрые дела, польза которых вечна и не погаснет и по смерти делавшего их. Дела эти суть: 1) добрые дела, которые отец дал. Это полезное нравственное воспитание и дети молятся за отца по смерти его; 2) полезные познания и сочинения, которые приносят пользу людям и после смерти сочинителя; 3) завещания, пожертвования на богоугодные дела, например на постройку мечетей, медресе, мостов через реку. Не отыскивайте грехов в добродушном, ошибок в учёном»[710].

Следует отметить, что именно с Кавказа на территорию России в её нынешних границах начали распространяться как христианство, так и ислам[711]. По преданию, в восточной части Дагестана, вплоть до моря, христианство было распространено святым Елисеем, учеником апостола Фаддея. Закавказье посетили с проповедью пять святых апостолов: Андрей, Св.Матфей, Св.Иуда Фаддей (Левий), Св.Варфоломей и Св.Фаддей[712]. Христианское придание гласит: «В древности Апостолы с разрешения Богоматери, положили кинуть между собой жребий, кому в какую сторону отправиться для проповеди Евангелия. Богородица также пожелала участвовать в жеребьёвке и ей досталась для проповеди земля Иверская (Грузия). С радостью приняв этот удел, она стала готовиться к отправлению на Кавказ, но ангел, явившийся ей, возвестил, что страна,

доставшаяся ей в удел для проповеди, просветиться впоследствии, а она должна остаться в Иерусалиме»[713]. В 858 году император Михаил III направил в Хазарию для христианской проповеди Кирилла и Мефодия. На пути из Византии в Хазарский Каганат они посетили Северный Кавказ. Здесь была основана христианская община[714]. В различных местах Чечни встречаются христианские памятники и молельни (Эрда, Стела, Алмаз, Хин-Наана). В Веденском районе были обнаружены два кургана: Стела и Ерда, с изображением креста. Кунта-Хаджи жил на горе Эртин – корт, которая считается местом древнего христианского святилища[715]. По свидетельствам некоторых исторических источников чеченцы, с начала IV столетия и до нашествия Чингиз-Хана, мало соблюдали христианскую веру. С начала XIII века часть князей, владельцев, народа стали принимать ислам, но остатки христианских обрядов сохранились до середины XVIII века[716].

Православие признаёт мудрость Афанасия Великого и Григория Богослова: «…то, что совершается силою против желания, – не только вынуждено, несвободно и не славно, но просто даже и не состоялось». Отсюда и указание митрополита Макария, данное им в 1555 году первому казанскому архиепископу Гурию: «Всякими обычаями, как возможно, приучать ему татар к себе и приводить их любовью на крещение, а страхом их к крещению никак не приводить»[717]. Православие, по слову Григория Богослова, ищет «не победить, а приобрести братьев» по вере. Первая задача православного миссионера – дать людям Св.Евангелие и богослужение на их языке. Православие признавало свободу исповедания и отвергало весь дух инквизиции – истребление еретиков, пытки, принудительное крещение[718]. Для Европы тактика завоевания была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побеждённого народа; эта аристократия вырезалась на месте; затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм; несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и бесповоротно «германизировались». Россия выделяла верхние слои присоединённых народов, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой[719]. Мир в Новом Завете, как и в Ветхом, рассматривался православными как дар Божьей Любви. Насколько люди нарушают союз с Богом, то есть насколько они несправедливы, настолько они лишаются плода правды – мира[720]. Власть сильна не штыком и не казнью. Сила власти – есть, прежде всего, её духовно-государственный авторитет, её уважаемость, её признаваемое достоинство, её способность

импонировать гражданам[721]. Господствующая церковь, следуя проповеди апостолов, не разрешала себе использовать принудительные меры, угрозы при крещении. Местное начальство обязано было не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения их в христианство. Из истории российской экспансии со всей очевидностью вытекает, что в рамках своей традиционной политики и практики, государство, начиная с московских времён, обнаруживало терпимость к верованиям своих неправославных подданных. И хотя оно приветствовало и поддерживало миссионерскую деятельность носителей православия, но лишь до той поры, пока такая деятельность не создавала угрозу для достижения главных первичных целей этого государства – поддержания социальной и политической стабильности и извлечения хозяйственной выгоды из интегрированных в состав России территорий[722]. Видный богослов и историк церкви протоирей А. Шмеман писал: « ...В истории православия, как и в истории христианства, вообще немало падений и человеческих грехов»[723]. В 1866 году кистов – мусульман насильственно крестили. В начале XX века в кистинских сёлах увеличилась численность мусульманских проповедников. Отсутствием у кистов собственной письменности воспользовались муллы, пытавшиеся ввести у кистов изучение арабского языка, однако многие кисты, когда-то принявшие крещение, не позволили своим детям учить арабский язык[724]. В России, по общему принципу, свобода проповеди принадлежала исключительно православной церкви, как господствовавшей, а, следовательно, привилегированной. Иноверцы не могли обращать в свою веру православных. Всякое отпадение от православия считалось преступлением, против которого принимались как предупредительные, так и карательные меры[725]. Православным, как и всем христианам, был запрещен отход от своей церкви и переход в иноверные конфессии, в том числе обращение к исламу. Для этой цели на северокавказской окраине при некоторых ее епархиях действовали специальные противомусульманские и противобуддийские секции[726]. Отвлечение и отступление из православия в другую веру несло «совратителю» каторгу. Согласно закону 4 декабря 1862 года иноверцы не христиане до 14 летнего возраста крестились не иначе, как с письменного согласия их родителей или опекунов, с 14 лет – без согласия последних. Решением Сената от 12 марта 1891 года наказывались лица, препятствовавшие убеждением, угрозами и насилием принимать другим людям крещение. Однако в российском законодательстве так и остался открытым вопрос о наказаниях за насильственное обращение

иноверца в христианское исповедание. Появление самой постановки данного вопроса уже говорит о прицинденте цивилизованного развития общества[727]. По закону, дети, прижитые в смешанных браках должны были быть воспитаны в христианской вере[728]. Высшего распоряжения о поселении христиан среди мусульман никогда на Кавказе не было, наоборот, приверженцам ислама запрещалось жить с христианами и их выселяли из сёл[729].

Согласно Переписи 1897 года, в Терской области проживало 39,5% православных, в Кубанской области – 91,1%, в Дагестанской области жило всего 2,9% православного населения. Процент староверов (3,72%) ко всему населению Терской области был самый высокий на Кавказе. Количество иудеев ко всему населению Терской области было довольно значительно (0,7%). В городе Москве эта величина составляла 0,77%, в Петербурге – 1,34%, в Нижегородской губернии 0,17%. Мусульмане в Терской области являлись подавляющим большинством, по сравнению с количеством приверженцев других верований[730].

Понятие свободы совести (вероисповедания) в XIX столетии имело следующие признаки:

1) свободу публичного отправления богослужения по обрядам своей веры;

2) свободу избрания вероисповедания;

3) свободу проповеди, с целью как обращения лица, принадлежащего к другому вероисповеданию, в свою веру, так и основание новой церкви;

4) возможность пользоваться всеми политическими и гражданскими правами, не смотря на принадлежность к той или иной конфессии[731].

К сожалению, стоит констатировать, что зачастую мусульмане Северного Кавказа были лишены прав, принадлежавших свободе совести. Например, в Терской области преследовались зикристы, публично исполнявшие обряды своей веры; в армии и на государственной службе мусульмане могли подняться по иерархической лестнице только до определённого уровня и т.д. В тоже время, после завершения Кавказской войны, имея значительное политическое и военное превосходство, царское правительство не допустило насильственного крещения чеченцев, как это делали европейцы в своих колониях.

Ислам имел равноправный статус с православием в крае, а исповедовавшее его население признавалось официально верноподданным, частью единого Отечества. В своде законов Российской империи на этот

счет содержалось официальное разъяснение: «…все, присягая царю на верность подданства на кресте и Евангелии или по своей вере и закону, становятся русскими подданными, независимо от национальности и вероисповедания»[732]. 17 апреля 1905 года император издал закон о веротерпимости. Впервые за всю российскую историю православные подданные царя получили законное право уходить из господствующей конфессии. Включение всех царских подданных в гражданский порядок подразумевало, что все должны иметь право свободно исповедовать свою веру. Тогда все будут членами какой-либо церкви и, таким образом, будут участвовать в гражданской жизни. Закон о веротерпимости предоставлял подданным царя право изучать Закон Божий в государственных школах на своем родном языке. Родители учащегося должны были указывать родной язык своего сына или дочери. 27 октября 1912 года Министерство народного просвещения заявило, что главы начальных школ должны были обращаться к родителям учащихся устно или письменно, чтобы определить их родной язык и не дать возможности неправославному духовенству повлиять на этот процесс. Чиновники от образования пытались получить сведения о родном языке непосредственно от самих его носителей, а не из рук религиозных институтов. Установление родного языка студентов стало объектом особого внимания руководства в 1912 году. По мере того как политика государства размывала значение сословного статуса и вероисповедания для определения места человека в гражданском порядке, важным дополнением к этим традиционным категориям стала этническая принадлежность или национальность. В Российской империи национальность не была расовой характеристикой, но ее рассматривали как категорию более устойчивую, чем сословие и религия.

С.Ю. Витте указывал, что религиозная терпимость представляет собой ключевой момент в создании «национального государства» определенного типа, поскольку, по его мнению, веротерпимость устанавливала «отношения правительства ко всем гражданам и их между собою на основании незыблемых и одинаковых для всех законов». Витте подчеркивал, что гражданский порядок требует религиозной терпимости и, указывал на важность метрической регистрации. Веротерпимость позволяла большинству людей регистрировать метрическую информацию и таким образом приобретать основной гражданский статус через свою религиозную конфессию[733].

В священных писаниях христианства и ислама гораздо больше общего, чем различий, о чём умалчивают сознательно или в силу неосве-

домлённости. Священные книги христиан, иудеев и мусульман, обладая оригинальной спецификой и своеобразием, в основе своей схожи. В мировоззренческих доктринах различных религий заложены общечеловеческие, нравственные начала, проповедь которых позволит найти компромиссы для объединения людских усилий в решении насущных задач современного мира. В наши дни следует не размежёвывать нации, исповедующие разного рода религии, но консолидировать их, и для этого необходимо искать и вычленять в культуре и религии, верованиях, обычаях, традициях то общее, что способствовало бы духовному возрождению не одного народа, а всех, населяющих регион[734].

Особенности имперской организации пространства – строгая иерархия снизу вверх, от периферийных микрокосмов власти к ее макрокосму – Центру. Империя строится в своем идеале на всепроникновении основного принципа соподчиненности и ранжированности, в этом смысле понятна классификация народов на «русских» и «инородцев», «старшего» и «младших» братьев. По мере набирания сил эта иерархия становится все более интернациональной. Империи свойственна не только социокультурная, но и, своего рода, этнопсихологическая мимикрия, она могла далеко заходить в стремлении приобщить нередко чужую ментальность инородцев к «имперской идее». Многочисленные микросоциумы интегрировались в универсальную систему имперской культуры, с качественно иным типом социализации, не искоренявшим, впрочем, до известных пределов, традиционных укладов и норм жизни[735]. Реализация принципов универсализма и наднационализма имперской культурой характеризуется принятием концепции возможности «инородцами» сохранять или не сохранять свою «этничность» – культурные и поведенческие особенности. Проявление национализма у имперского народа имеет своим следствием неизбежную деструкцию империи, ибо это отказ от культурной экспансии. Феномен относительной безболезненности идентификации малых этносов с имперской культурой России обусловлен этим качественным содержанием природы империи. Имперская культура, и мы это прекрасно понимаем, в определенной степени противостоит культуре национальной. Однако, имперская культура, по своей сути, должна быть наднациональной, универсальной, иначе она не является имперской.

Направленность на трансляцию имперской культуры определяется как имперскость – понимание экспансии как внеэкономического или политического действия, не ради определенных материальных диви-

дендов, а ради блага завоеванных народов, которым приносится божья благодать, процветание, порядок. Основными чертами имперской культуры следует считать: иерархичность, как институциональную, так и мировоззренческую; формулирование имперской идеи как центрального принципа империи, доминанты, идеальной конструкции в представлении имперского народа о строении и организации пространства; универсализм и наднационализм культуры; совмещение парадигм религиозных и государственных; изоляционизм и традиционализм, понимаемый как неприятие модернизации работающей имперской модели; направленность на трансляцию имперской культуры, которая обосновывается как «цивилизаторская миссия».

Процесс идентичности малых этносов определяется сдвигом ментальности, вынужденным стремлением к идентификации с русской имперской культурой, экономическими и общественными институтами под давлением внешних факторов – имперского окружения. Для полноценного существования этноса в рамках империи особую важность приобретает механизм идентичности с имперской культурой[736].

Подведем некоторые итоги

Разнообразие национальных особенностей является коренным условием правильного хода общечеловеческой цивилизации. Обогащению и единству культурного процесса способствуют общность исторических судеб, открытость культур, социально-экономические, этнические, культурные контакты. В XIX веке изучение чеченского народа и его языка привлекало на Кавказ многих ученых, пытавшихся создать чеченскую письменность с помощью европейских алфавитов. По мнению кавказских властей русский язык должен был проникнуть во все сферы жизни горцев и подготовить их к его успешному усвоению. Дальнейший путь развития кавказских горцев теперь связывался с необходимостью овладения ими русской речью, ознакомлением с русской культурой. В 1867 году было запрещено обучение в школах национальных окраин на родном языке. Алфавиты, разработанные П.К. Усларом и другими учеными, были преданы забвению. В основу местного административного управления, издания периодики и книг, системы школьного и профессионального образования был положен русский язык. Буржуазные реформы последней трети XIX века оказали существенное влияние на состояние

местных архивов и библиотек. В начале XX века в Терской области насчитывалось уже свыше двухсот ведомственных архивов, количество библиотечных фондов также значительно возросло.

Культура относится к типу открытых систем, способных воспринимать и обрабатывать поступающую извне информацию. Межкультурный контакт неизбежно приводил к взаимодействию и обмену. Этнокультурный массив Кавказа – феноменальное явление, сформировавшееся на протяжении веков в результате конвергенции в этом географическом регионе локализованных культур, как местного субстрата, так и контактного происхождения. Поэтому в культуре любого этноса, наряду со специфически этническим элементом, всегда присутствовал и элемент интернациональный, то есть определенная сумма усвоенных инноваций.

В 60-70-е годы в России было довольно значительное движение в поддержку народной школы, не случайно XIX век считается веком доступа к образованию народа. На обширной чеченской территории действовала всего одна государственная горская школа. Ежегодный выпуск школы составлял 8-9 человек и выглядел просто жалким на фоне 200 – тысячного населения Чечни и растущего образовательного уровня всей России. Интересно, что в этот период чеченские сельские общества на свои средства открывают и содержат не только арабские школы, но и светские учебные заведения, где обучали русскому языку, знание которого становилось уже необходимостью. В 1863 году, по приказу начальника Терской области, прапорщику Кади Досову было поручено составить проект открытия в аулах народных школ, из чего следует, что администрация также пыталась устранить острый дефицит в области образовательных учреждений, однако на эти цели выделялось крайне мало средств из бюджета, из-за чего благие намерения полноценно не могли реализоваться.

Предполагалось открыть народные школы в Шатое, Ведено, Назрани и Хасав – Юрте. Было запланировано при начальных школах в укреплениях Ведено и Шатое учредить пансионы на 10 человек «из туземцев». Однако Веденская школа просуществовала недолго. Причину этого видели в недостатке средств, из-за чего на работу не могли принять квалифицированных учителей. 11 февраля 1913 года состоялся съезд чеченского народа, на котором постановили обложить все чеченское население по 60 копеек на плоскости и по 30 копеек с дома в горах – ежегодно, чтобы образовать фонд школьного дела в Чечне. Делу

образования помогали в Терской области также различные благотворительные общества.

В 1897 году были открыты училища для чеченцев в Нижнем Науре и Старом Юрте, с которых и начинается история просвещения чеченского народа, если не иметь ввиду горские школы. От казны ежегодно выделялось по 600 рублей: 400 рублей учителю, 100 рублей мулле и 100 рублей на ученические принадлежности. Наряду со светскими учебными заведениями во второй половине XIX века продолжала действовать широкая сеть конфессиональных школ. Основными звеньями мусульманской системы образования являлись: кораническая школа, мектебе и медресе. Основной целью исламского образования на первой ступени было освоение Корана и правил религии, все прочие предметы должны были в этом помогать. Следующие ступени уже давали более широкие знания и призваны были способствовать погружению учащегося в исламские науки.

До 1870 года правительство России пассивно относилось к медресе и мектебе. Но уже с 26 марта 1870 года во всех открываемых мектебе и медресе предписано было иметь классы русского языка. В мае 1877 года Министерство внутренних дел внесло в Государственный Совет предложение о мерах по распространению русского образования среди мусульман, в том числе – требование знания русского языка от назначаемых мулл. С 1897 года начальство Кавказского учебного округа стало добиваться перевода в его ведение мусульманских школ. Во второй половине XIX века вакансии для кавказских студентов были открыты во многих высших учебных заведениях Российской империи, однако в основном в них обучались те, чьим родным языком являлся русский, и за небольшим исключением – горцы. Ввиду этого, многие горцы, желая дать своим детям высшее образование, с конца 60-х годов XIX века стали отправлять их для обучения в высшие учебные заведения за свой счет.

На кавказцев оказывали существенное влияние те русские люди, которые остались жить в крае. Они сливались с местным населением, начинали жить его жизнью, его нуждами и радостями. Влияние чеченцев на терских казаков было заметно в одежде и оружии, во внутреннем убранстве домов и т.п. В 1893 году последовало решение Государственного Совета о запрещении селиться представителям коренных народов в пределах ряда населенных пунктов, в том числе и городе Грозном. Межнациональные связи стали ослабевать, а межнациональная рознь стала увеличиваться из-за недальновидной политики правительства.

Врачебная часть в Терской области не соответствовала общим правилам, действовавшим в России. Ввести общероссийское медицинское законодательство здесь предполагалось только после образования земских учреждений. До тех пор приоритетным положением пользовались военные лечебные заведения и военные медицинские чины. До 1917 года на Северном Кавказе не было ни одного гражданского учреждения, обслуживавшего женщин и детей, ни одного санатория и дома отдыха. Лазареты и госпитали Терской области принимали на свободные места гражданских лиц за плату. Местное население за медицинской помощью в основном обращалось к горским врачам, которые очень хорошо лечили большинство заболеваний традиционными средствами. Особенно успешно вылечивались переломы, ушибы, ранения. Горцы почти никогда не прибегали к ампутации.

Очень неудобным для горцев Терской области было расположение их духовного мусульманского правления. Мусульманское население региона подчинялось учрежденному в Уфе магометанскому духовному собранию. Мало того, что оно очень далеко территориально располагалось, но в то же время Оренбургское магометанское собрание воздерживалось от управления духовными делами мусульман Северного Кавказа. Сама кавказская администрация не знала, к кому надлежит в случае необходимости обращаться – к муфтию закавказскому или оренбургскому. Российское правительство всячески препятствовало созданию самостоятельного северокавказского мусульманского духовного управления. Когда в 1889 году командующий войсками Кавказского военного округа возбудил перед военным министром ходатайство об учреждении Управления духовными делами мусульман Терской и Кубанской областей, ему было отказано.

С конца 80-х гг. приоритетными в религиозной политике на Северном Кавказе становятся вопросы, связанные с попытками поставить под полный административный контроль деятельность местного духовенства. Высшая власть, безусловно, признавая необходимость установления такого контроля, отрицала предложенные для этого меры: создание отдельного для Северного Кавказа духовного правления; введение особого должностного лица при главном начальнике Кавказского военного округа, заведующего делами мусульманского духовенства; издание Временных правил о порядке управления мусульманского духовенства в Терской и Кубанской областях, которые устанавливали бы механизм осуществления контроля со стороны кавказских властей. Такие шаги,

по мнению центральных ведомств, придавали бы мусульманскому духовенству «нежелательную официальность», а, в худшем случае, вместо подчинения мусульманского духовенства большему административному контролю, укрепили бы ислам на Северном Кавказе. Эти опасения еще более окрепли в начале XX века на фоне «пробуждения магометанства» в России, выразившегося в распространении идей панисламизма и пантюркизма, оформлении политического мусульманского движения в стране. В этих условиях очередная попытка законодательно регламентировать деятельность Северо – Кавказского духовенства, инициированная Государственной Думой и поддержанная местными властями, не нашла понимания со стороны МВД, в ведении которого находилось большинство конфессиональных вопросов.

Таким образом, из двух практиковавшихся в Российской империи вариантов политики в отношении религиозных дел мусульман, первого, сотрудничества с духовными лицами и контроля за религиозной жизнью мусульман через законодательное определение правового статуса духовенства, создание духовных правлений и, второго, фактического игнорирования, невмешательства в религиозные дела мусульман, путем отказа регламентировать официально деятельность мусульманского духовенства, для Северного Кавказа был выбран последний. В начале XX века власти вряд ли могли рассчитывать на то, что тактика «игнорирования ислама» – лучшее средство к его ослаблению, но иных, более «безопасных» средств, последствия которых были бы достаточно прогнозируемы, ни в центре, ни на местах осуществлено не было[737]. На местах, где необходимость конфессионального упорядочения ощущалась непосредственно, возникавшие конфессиональные проблемы разрешались административным порядком, на основе инструкций и распоряжений местных властей. И таким образом властям удавалось сдерживать религиозные движения в области под относительным контролем. С помощью административного инструмента пресекались попытки придать религиозной проблематике политическое звучание, при этом не гнушались использованием военного давления на население региона, как в качестве устрашающего эффекта, так и в реальном применении силы.

Русское государство, расположенное в европейском пространстве, в течение многих веков является общим домом для представителей различных верований: христиан, мусульман, буддистов, язычников и т.д. На протяжении пореформенного периода можно наблюдать, как общество шаг за шагом приближалось к признанию равных прав

мусульманского и православного населения, отказываясь от мелочной регламентации всех сторон повседневной жизни мусульман. За свободой отправления религиозных обрядов, внутреннего устройства жизни общины следует право самостоятельно распоряжаться вакуфным имуществом, право служить на равных с представителями других конфессий в регулярной армии, право получения правительственных наград и государственных пенсий.

В XIX столетии русское правительство в основном осознало необходимость сотрудничества с мусульманами, а общественное мнение России стало проявлять постоянный интерес и уважение к исламу. К Корану и вообще учению ислама неоднократно обращались русские писатели и философы: А. Пушкин, И. Бунин, П. Чаадаев, В. Соловьев и Г. Федотов. Во многих городах Российской империи работали типографии с арабским шрифтом. Православие признавало свободу исповедания и отвергало весь дух инквизиции – истребление еретиков, пытки, принудительное крещение. Местное начальство обязано было не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения их в христианство. Таким образом, многих конфликтов, возникавших на межнациональной почве, удалось избежать. Народ Российской империи сплачивался и обогащался ценностями разнообразных культур, строя новое общество на едином пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О социальной концепции русского православия – М.,2002.– С.373.

[2] Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.). – Нальчик,2001. – С.110.

[3] Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования: монография. – М.,2006. – С.318-319.

[4] Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования: монография. – М.,2006. – С.318-319.

[5] Туркаев Х.В. Россия и Чечня: аспекты историко-культурных взаимосвязей до 1917 года // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.272.

[6] Михайлов В. «Кавказ – это один из живительных родников русской культуры» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М.,2006. – С.63.

[7] Димаев С.У. Становление чеченской профессиональной музыки, место и роль в этом процессе инонациональных композиторов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.406.

[8] Айларова С.А. Общественно-политические и исторические взгляды передовой Северо-Кавказской интеллигенции (60-90 г.XIX в.). Автореф. дис. …канд . ист. наук. – Тбилиси,1989. – С.13.

[9] Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.,2006. – С.64.

[10] Далгат У.Б. Вклад Б.К. Далгата в популяризацию древней обрядово-вербальной культуры вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.194,196.

[11] Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ,2002. – С.9.

[12] Сулименко С.Д. Архитектура в традиционной культуре горских народов Северного Кавказа. Автореф. дис. …доктора архитектуры. – М.,2000. – С.3.

[13] Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол. XIX в.) – М.,1998. – С.11.

[14] Асланов Л.А. История России: были и небылицы // Россия державная: В 2-х ч. Ч.1. – М.,Волгоград,2006. – С.223.

[15] Кемпинский Э.В. Формирование интеллигенции в условиях полиэтничной Терской области в конце XIX – начале XX в.// Межэтническое взаимодействие на юге России: проблемы и пути решения в условиях социальной трансформации: сборник статей по материалам третьей региональной научно-практической конференции. Ставрополь,20 июня 2003.г. – М.,Ставрополь,2003. – С.27.

[16] Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ,2002. – С.211.

[17] Кемпинский Э.В. Первая российская революция и национально– горское движение в Терской области // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.,2005. – С.78-79.

[18] Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 т. Т.6.– С. 14.

[19] Кошубаев Д. От составителя // Мир дому твоему. Избранная проза народов Кавказа. – Нальчик,2003. – С.3.

[20] Там же. – С.16.

[21] Я.М.Неверов. К вопросу об образовании инородцев // Журнал министерства народного просвещения. Декабрь 1869. Ч. CXLVI. – СПб., 1869.

[22] Гакстгаузен А.фон Август Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Чёрным и Каспийским морями. – СПб., 1857. – С.56.

[23] Давидсон А. Наследие имперского прошлого // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей /Под ред. А.И. Миллера. – М.,2004. – С.374.

[24] Прозоров С.М. Предисловие // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. – М.,2006. – С.25.

[25] Хасмагомадов Э.Х. Книгоиздание на чеченском языке в первой половине XX века // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.311.

[26] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.,2006. – С.62,64.

[27] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.,2006. – С.67,78.

[28] Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг.XIX в. – Владикавказ,2002. – С.25.

[29] Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (Институциональный и историко-сравнительный анализ). Дис. …докт. юр. наук. – М.,2000. – С.207.

[30] Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ,2002. – С.24-25.

[31] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М. 2002. – С. 364.

[32] Там же. – С.365.

[33] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.2001. – С.36.

[34] Керимов М.М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов. Дис. …канд. филос. наук. – Грозный,1999. – С.82.

[35] Яндаров Х. История чеченской письменности. // Северо – Кавказский Краевой Горский НИИ. Записки. Т.II.-Р н/Д. 1929. – С.271.

[36] Керимов М.М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов. Дис. …канд. филос. наук. – Грозный,1999. – С.84.

[37] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II.-М.2001. – С.38.

[38] Чентиева И.Д. Устное народное творчество вайнахов. Зарождение литературы. // Очерки истории ЧИАССР Т.1. – 1967.

[39] Керимов М.М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов. Дис. …канд. филос. наук. – Грозный,1999. – С.115.

[40] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – С.38.

[41] Яковлев Н. Развитие национальной письменности у восточных народов Советского Союза и зарождение их национальных алфавитов // Революционный Восток. – 1928. №3. – С.233.

[42] Ильясов Л. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. – М.,2004. – С.15.

[43] АВ СПб. ФИВ РАН. Разр.II. Оп.2. Д.14. Л.1-9.

[44] Шифнер А. Tschetschenzische Studien . – St.Petersburg. 1864. – С. 23.

[45] Бекоева Т.А. Роль П.К. Услара в развитии школы и просвещения горских народов Северного Кавказа. Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,1998. – С.47,116-117.

[46] АВ СПб. ФИВ РАН Разр.II. Оп.2. Д.14. Л.1-11об.

[47] Чеснов Я. Над чем смеются чеченцы: (Этнологическое исследование).// Знание – сила. – 2001. – №7. – С.91.

[48] Ибрагимова З.Х. Восточный Кавказ. – М. 2004. – С.44.

[49] Ахмадов Ш.Б. Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа и России в прошлом // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М.,2006. – С.65.

[50] Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.89

[51] ОР РГБ. Ф.169. К.65. Д.10. Л.13.

[52] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века.– М.2002. – С.366.

[53] Layton S. Russian literature and empire conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge,2005. – S.253.

[54] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д. 1990. – С.226.

[55] Крикунов В.П. Краткий обзор указателей источников и литературы по истории Дона, Кубани и всего Северного Кавказа. – Отрадная,1999. – С.13-14.

[56] Статистический ежегодник // Терский календарь на 1892 год. Кн.1.-Владикавказ. 1891. – С.60.

[57] Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (Допролетарский период). – Р н/Д.,1990. – С.83-86.

[58] Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе. 1971. – С.88,93.

[59] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.543-544.

[60] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века.– М.2002. – С.372.

[61] Там же. – С.367.

[62] А.Сулейманов. Топонимия Чечни. – Нальчик. 1997. – С.664.

[63] ГА РФ. Ф.730. Оп.1. Д.501.

[64] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века – М.2002. – С.373.

[65] Гешаев М.Б. Знаменитые чеченцы. Кн.I. – Грозный. 1999. – С.265.

[66] История народов Северного Кавказа (кон.XVIII в.-1917 год.).– М.1988. – С.346.

[67] Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907): Автореф. дис. ….канд. истор. наук. – Махачкала. 1966. – С.11.

[68] Дамения И.Х. Россия. Абхазия: Из истории культурных взаимоотношений в XIX– нач. XX вв.– СПб.1994. – С .39.

[69] Патрушева Н.Г. Доклад председателя Тифлисского комитета по делам печати о реорганизации цензурного надзора на Кавказе (1913 г.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар,2005. – С.64-65,80.

[70] Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. 1825-1904. Архивно-библиографические разыскания. – М.,1962. – С.4.

[71] Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. – М. 1973. – С.8.

[72] Лилов А. Деятельность Общества Восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-70 г. – Б.м. Б.г. – С.5.

[73] Чиковани Н.И. Развитие русского кавказоведения в XIX веке (С.А. Белокуров): Автореф. дис. …канд. истор. наук.-Тбилиси. 1986. – С.14.

[74] Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М.,2005. – С.1.

[75] Иванов Д.В. Формирование военной цензуры России. 1810-1905 гг. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2000. – С.113-114.

[76] В защиту горцев // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №14. – С.1.

[77] Иванов Д.В. Формирование военной цензуры России. 1810-1905 гг. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2000. – С.123.

[78] Омельченко О.А. Традиции и наследие русского права. Очерки и статьи. – М.,2006. – С.458-459,463.

[79] Омельченко О.А. Традиции и наследие русского права. Очерки и статьи. – М.,2006. – С.464-465,468.

[80] ГА РФ. Ф.678.Оп.1.Д.680. Л.12.

[81] Лилов А. Деятельность Общества Восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-70 г. – Б.м. Б.г. – С.19.

[82] Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. -М.1973.– С.441.

[83] Селиванова Н.А. Издательская деятельность северокавказских губернских и областных статистических комитетов (1868-1917 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2003. – С.53-54.

[84] Там же. – С.32,82,86,88.

[85] Селиванова Н.А. Библиотеки северокавказских статистических комитетов: организация, фонды, деятельность.// Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.2. Сборник статей / КГУКИ.– Краснодар. 2004. – С.137,139.

[86] Макоева Л.С. Роль культурно-просветительных и благотворительных обществ в становлении и развитии образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX веков). : Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ, 2006. – С.65-66.

[87] Макоева Л.С. Роль культурно-просветительных и благотворительных обществ в становлении и развитии образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX веков). : Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,2006. – С.65.

[88] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века.– М. 2002. – С.374 -375.

[89] Цогоев В.Г. Архивное дело в Терской области в 1860-1917 гг. // Отечественные архивы. – М. 2003. – №2. – С.16.

[90] Загурский Л.П. Отчёт о состоянии Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис.1883. – С.3,40,43.

[91] Четверикова Е.В. Просветительные общества на юге России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Ставрополья, Дона и Кубани). : Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,2005. – С.76.

[92] РГВИА. Ф.1329. Оп.1. Д.12. Л.3.

[93] Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII – XX вв.). Дис. …канд. биолог. наук. – М.,2005. – С.41,45,47,53.

[94] Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII – XX вв.). Автореф. дис. …канд. биолог. наук. – М.,2005. – С.7,9.

[95] Федотова А.А. Деятельность ботаников в южной России (конец XIX – и начало XX в.): решение прикладных проблем // Проблемы биологии, экологии и образования: история и современность: Материалы международной научной конференции, 22-24 мая 2006 г. – СПб.,2006. – С.325.

[96] Там же. – С.53-54,59.

[97] Багров Л. История русской картографии. – М.,2005. – С.456.

[98] Стебницкий И.О. Картографическое обозрение Кавказа и Закавказья. Труды 3-го международного съезда ориенталистов. Т.1. – СПб.,1879. – С.3-4.

[99] Псянчин А.В. История этнической картографии в России (До 30-х гг. XX в.). Дис. …докт. географ. наук. – М.,2004. – С.110-111,134.

[100] Гвоздецкий Н.А., Федчина В.Н., Азатьян А.А., Донцова З.Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX-начале XX вв. – М.1964. – С.20,22.

[101] Стебницкий И.О. Картографическое обозрение Кавказа и Закавказья. Труды 3-го международного съезда ориенталистов. Т.1. – СПб.,1879. – С.7-9.

[102] Миансаров М. Библиография Кавказа. Опыт справочного системного каталога. Т.1. – Б.м. Б.г. – С.17,37.

[103] Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг. Т.1. – СПб.,1913. – С.73.

[104] Аталиков В.М. Страницы истории. – Нальчик,1987. – С.64,69.

[105] Студенецкая Е.Н. Народы Кавказа: Каталог-указатель этнографических коллекций. – Л.,1981. – С.24,43-44.

[106] Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. … канд. юрид. наук. – Махачкала,2006. – С.30.

[107] Гвоздецкий Н.А., Федчина В.Н., Азатьян А.А., Донцова З.Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX-начале XXвв. – М. 1964. – С.23.

[108] Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII – XX вв.). Дис. …канд. биолог. наук. – М.,2005. – С.64.

[109] Вертий М.Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры. Дис. …канд. филос. наук. – Р н/Д.,2003. – С.25.

[110] Аджи М. Азиатская Европа. – М.,2006. – С.368,370.

[111] Лаза В.Д. Христианство и ислам сквозь призму истории // Конфессии Северного Кавказа. Конфессиональный диалог – путь к духовному обогащению народов. – Пятигорск,2004. – С.22.

[112] Тарик А. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. – М.,2006. – С.76.

[113] Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль. 2001. – С.20.

[114] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М. 1997. – С.82-90.

[115] Магомедов М.Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.224-225.

[116] Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв.: (Историко-этнографическое исследование). Дис. …канд. ист. наук. – С.3.

[117] Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры Терских казаков. – Нальчик. 1994. – С.74.

[118] Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д. Русско-чеченское этнокультурное и хозяйственное взаимовлияние на Тереке в XVI – XVIII веках // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.119,123.

[119] Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства. Дис. …канд. ист. наук. – С.86.

[120] Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект. Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,2005. – С.147,149.

[121] Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга. // Археолого – этнографический сборник. Т.III.– Грозный. 1969. – С.155.

[122] Кагазежев Б.С. Традиционная музыкальная культура народов Северного Кавказа (народные музыкальные инструменты и проблемы этнокультурных контактов). Дис. … докт. ист. наук. – Майкоп,2001. – С.192.

[123] Братилов Г.Н. Музыкальные инструменты народов мира: Энциклопедический словарь. – М.: Пробел-2000, 2005. – С.48, 90, 184, 194.

[124] Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг. В 2-х томах. Т.1. – СПб.,1913. – С.26.

[125] Аракчеев Д.И. Кавказские музыкальные инструменты в музее Московской консерватории // Русская Музыкальная Газета. – СПб.,1905. – №12. – С.338, 342.

[126] Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн.I. – Грозный. 1999. – С.302.

[127] Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.) Дис. …канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.92.

[128] Казиева А.М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX – XX веков: Этнокультурные факторы и контекст. Дис. …докт. филол. наук. – Нальчик,2004. – С.291.

[129] Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.3.Кавказ и Урал. – СПб.,1879. – С.38

[130] Огранович И. Поездка в Ичкерию // Кавказ. – Тифлис,1866. – №22. – С.102.

[131] Яхиев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность. Дис. …канд. филос. наук. – М.,1996. – С.70-71.

[132] Ахмадов Я.Э. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М.,2001. – С.281,284.

[133] Цит. по: Акиева П.Х. Становление и развитие духовной культуры вайнахов в контексте исторических изменений (X – XIX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.86,89.

[134] Мунаев И., Ахмадов М. О чеченском песенном фольклоре // Чеченская народная поэзия в записях XIX –XX вв. – М.,2005. – С.7.

[135] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.236.

[136] Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М.,2003. – С.402.

[137] Алиханова Р.А. Этнопедагогический потенциал чеченской семьи. Дис. …канд. пед. наук. – Грозный,2004. – С.48,108.

[138] Сулейманов А. Топонимия Чечни. – Нальчик. 1997. – С.83.

[139] Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. Дис. ... докт. ист. наук.-М.,1997. – С.130.

[140] Кулова И.Р. Идеи и опыт физического воспитания в народной педагогике Северного Кавказа. Дис. …канд. пед. наук. Владикавказ,2004. – С.48-49.

[141] Плиев Р.С. Нахско-этрусские лирические встречи. Дис. …канд. филол. наук. – Нальчик,2000. – С.105.

[142] История Чечни (XIX в.) – Грозный,2006. – С.329,353.

[143] Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М.,2003. – С.380.

[144] Там же. – С.93.

[145] Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М.,2003. – С.382.

[146] Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М.,1999. – С.90.

[147] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.555.

[148] Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (на примере Северного Кавказа). – Карачаевск,2001. – С.224-225.

[149] Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры у народов Северного Кавказа. – М.,1999. – С.48.

[150] Там же. – С.19.

[151] Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (на примере Северного Кавказа). – Карачаевск,2001. – С.225.

[152] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М. 2001. – С.40.

[153] Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М.,1999. – С.6-7.

[154] Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М.,1999. – С.99-100.

[155] Кулова И.Р. Идеи и опыт физического воспитания в народной педагогике Северного Кавказа. Дис. …канд. пед. наук. Владикавказ,2004. – С.44-45.

[156] Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М.,1999. – С.100-101.

[157] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002. – С.377.

[158] Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.166.

[159] Багаев М.Х. Роль Российской академии наук в становлении археологии Чечни: состояние и перспективы. // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М.,2004. – С.128.

[160] Семёнов Н. Туземцы Северо – Восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.204.

[161] Там же. – С.166.

[162] Аминаева Е.Ю. Заметки о фольклоре Северо – Кавказского региона (Чечня глазами российского солдата) // Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы: сборник научных трудов. Вып.2. – Саратов,2005. – С.92-93.

[163] А РЭМ. Ф.1. Оп.2.Д.183. Л.1.

[164] Багаев М.Х. Роль Российской академии наук в становлении археологии Чечни: состояние и перспективы. // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М.,2004. – С.128.

[165] Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Ижевск,2006. – С.118.

[166] Багаев М.Х. Русская и советская историография древней и средневековой культуры чеченцев. // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2002. – С.55.

[167] Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Ижевск,2006. – С.124.

[168] Смирнов М. Заметка о необходимости этнографических изысканий на Кавказе // Кавказ. – Тифлис,1874. – №11. – С.2. – №28. – С.3.

[169] Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ. Вып.144. – М.,2005. – С.176.

[170] Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряжённые на Высочайше дарованные средства. Вып.1.– М.,1888. – С.5.

[171] Уварова П.С. Вс.Ф. Миллер как исследователь Кавказа. – Б.м.,1913. – С.5,9.

[172] Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н.э. – Владикавказ,2002. – С.9-10.

[173] Грозный // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №37. – С.2.

[174] Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. – Ставрополь,2005. – С.10,28.

[175] Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н.э. – Владикавказ,2002. – С.9.

[176] Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э.– XII в. н.э.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,2005. – С.13,15-16.

[177] Багаев М.Х. Русская и советская историография древней и средневековой культуры чеченцев. // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2002. – С.56.

[178] Кореневский С.Н. Древнейшие землевладельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.,2004. – С.5,98.

[179] Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.,2004. – С.36-37,39.

[180] Дабо В.А. Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: В 2-х кн. Кн.1. – М.,2006. – С.76-77,81-82.

[181] Козенкова В.И. Древние основы культурного наследия нахского этноса, к истокам горского менталитета // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.24.

[182] А РЭМ. Ф.1. Оп.2. Д.234. Л.5.

[183] Марковин В.И. Башенная архитектура и ее декор – неоценимый источник изучения культуры чеченцев и ингушей // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.41.

[184] Ильясов Л.М. Средневековая чеченская архитектура // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.55.

[185] Гакстгаузен А. Фон Август. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Чёрным и Каспийским морями. – СПб.,1857. – С.5.

[186] Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,2005. – С.22.

[187] Отчёт о Кавказском музее. – Тифлис. 1867. – С.3,5.

[188] Краткий путеводитель Кавказского музея (в Тифлисе). – Тифлис. 1875. – С.11.

[189] Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. – Ставрополь,2005. – С.7.

[190] Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана и Чечни. // Кавказский этнографический сборник. Т.6. – М.,1976. – С.155.

[191] Штакельберг Э. Кавказские народы // Русский инвалид. – СПб.,1846. – №21. – С.1.

[192] Корнилова А. Григорий Гагарин. – М.,2004. – С.4,19-20.

[193] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997. – С.201-202.

[194] Горшельт Г. Кавказские походные рисунки. Вып.1-5. – СПб.,1896. – С.7,32,54.

[195] Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский 1815-1879. Т.3.– М.1891. – С.39.

[196] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997. – С.206.

[197] Герасимова Г.И. «Известный изобразитель Кавказской жизни». К 150-летию со дня рождения Ф.А. Рубо // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М.,2006. – С.229-231.

[198] Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII – XIX вв. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб.,2003. – С.98.

[199] Вернем Грозному музей. Каталог выставки. Сборник материалов. – М.,2002. – С.27-28.

[200] Рябушев А. Дудаевцы похитили уникальные музейные экспонаты // Российские вести. – М.,1996. – №34. – С.2.

[201] Гнездилова Е. Рубо похищенный и возрожденный // Век. – М.,2002. – №23. – С.9.

[202] Кончин Е. Из-под руин // Культура – М.,1995. – С.1.

[203] Клычникова М.В. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.84.

[204] Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. Историческая монография. – СПб.,1912. – С.116.

[205] Маркелов Н.В. Поговорим о бурных днях Кавказа. – М.,2006. – С.194,199.

[206] Казиев Ш. Имам Шамиль. – М.,2006. – С.332.

[207] Маркелов Н.В. Кавказские силуэты: история Кавказа в лицах. – Пятигорск,2006. – С.80-81.

[208] Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского. : Дис. …канд. филол. наук. – Томск,2006. – С.65,68,141.

[209] Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. – Грозный. 1927. – С.40-42.

[210] Казиева А.М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX – XX веков: Этнокультурные факторы и контекст. Дис. …докт. филол. наук. – Нальчик,2004. – С.192.

[211] Layton S. Russian literature and empire conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge,2005. – S.264-267.

[212] Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурнных связей // Советская этнография. – М.,1961. – №1. – С.46.

[213] Чентиева М.Д. Устное народное творчество вайнахов. Зарождение литературы. // Очерки истории ЧИАССР. Т.!.– Грозный.1967. – С.267.

[214] Великая Н. Трепак и лезгинка // Родина. – М.,2004. – №5. – С.113.

[215] Яковлев. Песня, написанная непосредственно после Восстания Ума Хаджи Дуева в 1877году. – Б.м.,Б.г. – С.45.

[216] Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни // Русские ведомости. – 1888. – №32. – С.2.

[217] Виноградов В.Б. Н.С. Семёнов и его очерк «День в ауле» 1869 года. – Армавир. 2002. – С.6.

[218] Чеченские сказки и легенды. //Терские ведомости.-1880.-№ 43.-С.2.

[219] Амаева Т.Б. Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки). – Тбилиси. 1986. – С.6.

[220] Алироев И.Ю. Кувшин мудрости (Чеченские пословицы и поговорки). – Грозный. 1990. – С.4.

[221] Амаева Т.Б. Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки). – Тбилиси. 1986. – С.1,19.

[222] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права. // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д. 1999. – С.30

[223] Аветисян Р.Р. Аталычество как система воспитания горских народов Северного Кавказа. Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,2004. – С.112.

[224] Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв.: (Историко-этнографическое исследование). Дис. …канд. ист. наук. – Грозный,2004. – С.3.

[225] Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. – Ставрополь,2005. – С.5.

[226] Гонтарёва Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено – Ингушетии. – Грозный. 1965. – С.4.

[227] Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. – Тифлис,1880. – С.32.

[228] Хатаев Е.Е., Кокаева Ф.А. Просветители и педагоги Северного Кавказа (XIX в.). – Владикавказ.,2000. – С.11,15.

[229] Дроздов Н.И., Федорчеенко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802-1917 годы. – Красноярск,2005. – С.371.

[230] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.122.

[231] Цит. по: Цветкова В.Ф. У катастрофы есть начало… Из истории депортации чеченского народа // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всероссийской заочной конференции / Под ред С.Н. Полторака. – СПб.,2006. – С.36.

[232] Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802-1917 годы. – Красноярск,2005. – С.227,379.

[233] Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802-1917 годы. – Красноярск,2005. – С.360,378.

[234] Гонтарёва Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено – Ингушетии. – Грозный. 1965. – С.5.

[235] Романовский В. Развитие учебного дела на Кавказе м в бывшем царстве Грузинском в XIX веке. // Кавказский вестник. – Тифлис. 1901.– №11. – С.8.

[236] Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 томах. Т.9. Краткий очерк жизни. – СПб., 1908. – С.195.

[237] Хатаев Е.Е., Кокаева Ф.А. Просветители и педагоги Северного Кавказа (XIX в.). – Владикавказ.,2000. – С.42.

[238] РГИА. Ф.733. Оп.193. Д.381. Л.19.

[239] Н.И.Дроздов, Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802-1917 годы. – Красноярск,2005. – С.5.

[240] РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.112. Л.156.

[241] РГИА. Ф.1149. Оп.8. Д.64. Л.2.

[242] Четверикова Е.В. Просветительные общества на юге России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Ставрополья, Дона и Кубани). : Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,2005. – С.79.

[243] Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ.,1901. – С.52.

[244] Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.5. 1887-1891. Ч.1.-Тифлис.,1890. – С.123.

[245] ПСЗ. Собр.2-е. Т.45. Отд.3. 1870.– СПб.,1874. – С.566.

[246] Известия. // Неделя. – 1899. – №33. – С.1085.

[247] ГИМ ОПИ. Ф.155. Ед.хр.122. Л.24об.

[248] Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ.,1893. – С.52.

[249] Терская область.// Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис.,1876. – С.61.

[250] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Владикавказ.,1884. – С.66.

[251] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.41.

[252] ГИМ ОПИ.Ф.307. Ед.хр.9 Л.12об.

[253] Черахчиева А.А. Становление и развитие системы образования в Северо-Кавказском регионе (XIX –начало XX вв.). Дис. …канд. пед. наук. – Карачаевск,2005. – С.74.

[254] Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России, кон.XIX– нач. XX вв. – М.,2002. – С.110.

[255] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб..,1903. – С.713-714.

[256] Там же – С.715.

[257] ГИМ ОПИ. Ф.372. Ед.хр.15. Л.190.

[258] Романовский В. Развитие учебного дела на Кавказе и в бывшем царстве Грузинском в XIX веке. // Кавказский вестник. – Тифлис.,1901.-№11. – С.8.

[259] ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп.7. Д,163. Л.2.

[260] ЦГА РСО-А. Ф.123.Оп.1. Д.1050. Л.136.

[261] Отчёт попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1883 год. – Тифлис.,1884. – С.130.

[262] ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.1068. Л.126.

[263] Кавказский учебный округ. Положение о ремесленном отделении. – Б.м. Б.г. – С.3,8-9, 11-12,17.

[264] ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1 Д.1050. Л.158,164.

[265] Павильонов С.П. Кавказские очерки и заметки. Причины, задерживающие образование мусульманского населения на Кавказе. // Церковная летопись.-1874.-№15. – С.237.

[266] Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1881-1890 год генерал-губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. – СПб.,1893. – С.483.

[267] Пляскин В.П. Русская армия в послевоенном обустройстве Кавказа (втор. пол.XIX в. – нач. XX в.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д.-2002.-№3. – С.79.

[268] ГИМ ОПИ. Ф.371. Оп.1. Ед.хр.1. Л.132.

[269] ГИМ ОПИ. Ф.372.Оп.1 Ед.хр.15. Л.194.

[270] ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1 Д.158. Л.12.

[271] ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.185. Л.58.

[272] Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис-Меликов. – Шушан – Ереван. 1997. – С.52-53.

[273] Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. – СПб.,2005. – С.169.

[274] Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ.,1901. – С.50.

[275] Вторая Кавказская выставка продуктов садовых культур в 1898 году. – Тифлис.,1898. – С.116.

[276] Ланцанова Л.Ю. Чеченский след в этнокультуре калмыцкого народа. Терские калмыки // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М.,2006. – С.197.

[277] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.124-125.

[278] РГАЛИ. Ф.46. Оп.2. Д.359. Л.2.

[279] Передпольский Г. Несколько слов об учителях городских училищах вообще и на Кавказе в частности. //Кавказский вестник. – Тифлис. -1901.-№3. – С.62.

[280] ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.3 (1883) –СПб.,1886. С.444-445.

[281] ГИМ ОПИ.Ф.451. Оп.1. Ед.хр.1 Л.59.

[282] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7. Д.263. Л.16-17.

[283] Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (На примере Северного Кавказа). – Карачаевск,2001. – С.227-228.

[284] ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.1050. Л.56.

[285] Там же. Л.64,69.

[286] Шаипов И.А. Таштемир Эльдерханов. – Грозный.,1960. – С.4.

[287] Гакаев Дж. Дж. Он достоин памяти народной (Краткий исторический очерк о Т.А. Эльдарханове). – Грозный.,1991. – С.6.

[288] Там же. С.7.

[289] Шаипов И.А. Таштемир Эльдерханов. – Грозный.,1960. – С.4.

[290] Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.) – М.,2006. – С.745.

[291] Гакаев Дж.Дж. Он достоин памяти народной (Краткий исторический очерк о Т.А. Эльдарханове). – Грозный., 1991. – С.9.

[292] Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М.,2006. – С.745.

[293] Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ,2002. – С.292-293.

[294] Газзаева З.А. Школы, просветительская мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX века. Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,2004. – С.68.

[295] Газзаева З.А. Школа, просветительская мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX века. Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,2004. – С.68.

[296] Ищенко В.А. Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX в. // Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XX в. – Ставрополь,2005. – С.34-35,68.

[297] Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. – Тифлис,1880. – С.24.

[298] ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп.1. Д,37. Л.1.

[299] Тройно Ф.П. Горская молодёжь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX века. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып.12-13. – Ставрополь.,1971. – С.27.

[300]ГАСК. Ф.302. Оп.1. Д.660. Л.46.

[301] ГАСК. Ф.73. Оп.1. Д.897. Л.26 об.

[302] ГАСК. Ф.73. Оп.2. Д.478. Л.7.

[303] Гонтарёва Е.Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т.6. Вып.1. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный.,1965. – С.143.

[304] Костоева Л.С. Идеологические течения в общественно-политической мысли Чечни и Ингушетии во второй половине XIX века. Дис. … канд. ист. наук. – Р н/Д.,1971. – С.206.

[305] Тройно Ф.П. Горская молодёжь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX века. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып.12-13. – Ставрополь.,1971. – С.29.

[306] ГАСК. Ф.73. Оп.1. Д.447. Л.3 -5.

[307] Россия. Главное управление Наместника Кавказского. Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом. – Тифлис.,1867. – С.6,10.

[308] ГАСК. Ф.73. Оп.1. Д.447. Л.6 -11.

[309] Денисова Н. Роль адыгских просветителей в развитии идеи демократизации образования на Северо-Западном Кавказе (XIX – нач. XX вв.) // История и культура народов Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. – Р н /Д.,1999. – С.135,139.

[310] Гонтарёва Е.Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. // Известия ЧИНИИ истории, языка литературы. Т.6. Вып.1. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный.,1965. – С.145.

[311] Первая народная школа в Чечне. // Терские ведомости.-1897.-№108.-С.2.

[312] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.86. Л.11.

[313] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.83. Л.3.

[314] Там же. Л.4.

[315] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7. Д.159. Л.7.

[316] ЦГА РСО-А Ф.12. Оп.7. Д.4. Л.21-22.

[317] ЦГА РСО-А. Ф,12. Оп.7. Д.159. Л.1 об.

[318] Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.,1913. – С.86.

[319] ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.102. Л.16-17.

[320] ГАСК. Ф.302. Оп.1. Д.116. Л. 6.

[321] Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. – Владикавказ.,1895. – С.59.

[322] Статистический ежегодник. // Терский календарь на 1897 год. Вып.6. –Владикавказ.,1896. – С.58.

[323] Конопка С. Кавказ. – Тифлис.,1914. – С.167.

[324] Вести от горцев-Мусульман Терской области. // Мусульманская газета.-1913.-№11. – С.1.

[325] Дзидзоева М.Г. Становление и развитие системы социальной защиты населения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.124-125.

[326] ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.185. Л.31.

[327] ГИМ ОПИ. Ф.372. Ед.хр.15. Л.209.

[328] Там же. Л.203.

[329] Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1920 годы). :Дис. …канд. ист. наук. – СПб.,2006. – С.22.

[330] Дзидзоева М.Г. Становление и развитие системы социальной защиты населения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.34.

[331] Климатова В.В. Правовое воспитание северокавказских горцев в системе обычного права. Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,2005. – С.114.

[332] Гонтарёва Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный.,1965. – С.29.

[333] Ахмадов Б., Бараниченко Н. Учитель // Приязни добрые плоды. – Грозный.,1987. – С.32.

[334] Гонтарёва Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный.,1965. – С.8.

[335] Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. – М.,2006. – С.289.

[336] Гонтарева Е.Н. Указ. соч. – С.24-25.

[337] Зиссерман А.А. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. 1815-1879. Т.3. – М,1891. – С.448.

[338] РГИА. Ф.547. Оп.2. Д.1300. Л.84.

[339] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.39.

[340] ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д.37. Л.6.

[341] Грен А. Два слова по поводу возможности развития литературы у горцев Кавказа. // Россия и Азия. –1899. – №12. – С.2.

[342] Смирнов Ф.А. Иллюстрированная география Кавказа. – СПб.,1912. – С.1.

[343] О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц. – Б.м. 1877. – С.10-11.

[344] Вельможко И.Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.,1998. – С.27.

[345] Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб.,1905. – С.227.

[346] Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. … канд. ист. наук. – Махачкала.,1981. – С.11.

[347] РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.112. Л.152.

[348] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис.,1907. – С.110.

[349] Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис.,1919. – С.113.

[350] Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб.,1905. – С.225.

[351] Ищенко В.А. Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX в. // Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Ушмаева К.А. Историчееское образование в России: конец XIX – начало XX в. – Ставрополь,2005. – С.28,190.

[352] Северикова Н.М. У истоков русского просвещения. // Московский университет.-2005.-№7 (4112).– С.4.

[353] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.) – СПб.,1998. – С.29.

[354] Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ.,1992. – С.272.

[355] Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис.,1919. – С.29.

[356] Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910. – С.472.

[357] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол.). Оп.488. Д.346. Л.21.

[358] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова .– Тифлис.,1907. – С.104.

[359] Решетин Н. Родной язык в туземной школе. // Терские ведомости.-1910. – №254. – С.1.

[360] Сперанский Н.В. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. – М.,1910. – С.6.

[361] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.418. Л.51.

[362] Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб.,1905. – С.13.

[363] Там же. – С.9.

[364] Гриценко Н.М. Русские просветители XIX века среди кавказских народов. // Взаимоотношения народов Чечено – Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – XX в. – Грозный.,1981. – С.153.

[365] Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России, кон.XIX-нач. XX вв. – М.,2002. – С.163.

[366] Муслимова А.С. Народное образование в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Махачкала.,2002. – С.17.

[367] Загурский Л.П. П.К. Услар и его деятельность на Кавказе. // Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып.X. – Тифлис.,1881. – С.6,9.

[368] РГАЛИ. Ф.191. Оп.2. Д.359. Л.5-6.

[369] Чентиева М.Дж. История Чечено-Ингушской письменности. – Грозный.,1958. – С.26.

[370] Медушевская О.М. Новое знание о человеке. // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. – М.,2003. – С.11.

[371] Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М.,2003. – С.73.

[372] Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М.,2003. – С.74,79.

[373] Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906-1917 гг. Сборник документов и материалов. – Уфа.,1998. – С.312.

[374] Штернберг Л. Инородцы. Общий обзор. // Формы национального движения в современных государствах. – СПб.,1910. – С.545.

[375] Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. СПб.,1899. – С.95.

[376] Гусейнов Г.-Ф.А., Куркиев А.С. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией. – Грозный.,1992. – С.12-14.

[377] Гусейнов Г.-Р. А.-К. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией. // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI-XX вв. – Грозный.,1981. – С.116.

[378] Дешериев Ю.Д. Роль русского языка и русской культуры в духовном развитии народов Северного Кавказа. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный.,1982. – С.90.

[379] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.201.

[380] Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.,2005. – С.257.

[381] Цит. по: Билалова А.М. Духовная жизнь мусульман Северо – Восточного Кавказа (X-XV вв.). Дис. …канд. ист. наук. – С.93-94,96,98-100.

[382] Ярлыкапов А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. – М.,2003. – №2. – С.14.

[383] Ярлыкапов А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. – М.,2003. – №2. – С.11.

[384] Хевсаков В.В. Генезис религиозных воззрений ингушей. Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.145.

[385] Муслимова А.С. Народное образование в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков. Автореф. дис … канд. ист. наук. – Махачкала.,2002. – С.19-20.

[386] Череванский В.П. Мир ислама и его пробуждение. Ч.1. – СПб.,1901. – С.251.

[387] Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906-1917 гг. Сборник документов и материалов. – Уфа.,1998. – С.318.

[388] Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб.,1905. – С.31.

[389] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). – СПб.,1998. – С.111.

[390] РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.62. Л.53.

[391] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX-нач.XX в.). – СПб.,1998. – С.126.

[392] Добаев И.П. Северный Кавказ и российский ислам: некоторые историко-политологические проблемы изучения // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда учёных кавказоведов (27-28 августа 1999 г.). – Р н/Д.,2000. – С.66.

[393] Макоева Л.С. Роль культурно-просветительских и благотворительных обществ в становлении и развитии образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX веков). : Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,2006. – С.57.

[394] Сведения по статистике народной нравственности и народного образования. // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.1. – Тифлис.,1869. – С.173.

[395] ГИМ ОПИ. Ф.372. Ед.хр.15. Л.190.

[396] Раздольский С.А. Миссионерская деятельность православной церкви на Северном Кавказе в XIX-нач.XX в. Автореф. дис. … канд. ист наук. – Краснодар.,1997. – С.18.

[397] Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1. 1867-71. – Тифлис..1891. – С.715.

[398] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX -нач. XX в.). – СПб.,1998. – С.639.

[399] Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис.,1919. – С.91.

[400] Дондуков – Корсаков К. Всеподданнейшая записка Главноначальствующего на Кавказе по гражданскому управлению. – СПб.,1883. – С.15.

[401] Туманов Г.М. Кавказский университет. – СПб.,1909. – С.10-12.

[402] РГИА. Ф.1152. Оп.7. Д.533. Л.44.

[403] Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1. 1867-71. – Тифлис.,1871. – С.181,188.

[404] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.3027. Л.21.

[405] РГИА. Ф.1152. Оп.7. Д.533. Л.49.

[406] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.3027. Л.21.

[407] Свод законов Российской империи. Т.3. Кн.2. – СПб.,1896. – С.22.

[408] АВПРИ. Ф 144 (Перс. стол). Оп.488. Д.3027. Л.9.

[409] Там же. Л.20-21.

[410] ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.IV. ,1884. – СПб.,1887. – С.74.

[411] РГИА.Ф.1268. Оп.10. Д.104. Л.14.

[412] Джабатырова Б.К. Ставропольская мужская классическая гимназия как центр просвещения горских народов (XIX – начало XX вв.). Дис. …канд. пед. наук. – Майкоп,2002. – С.54-55.

[413] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.104. Л.14 об.

[414] Дамения И.Х. Россия. Абхазия: Из истории культурных взаимоотношений в XIX – нач. XX вв. – СПб.,1994. – С.23.

[415] Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. – СПб.,2005. – С.169.

[416] Крымский А. Школа, образованность и литература у российских мусульман. – М.1905. – С.16.

[417] Батунский М.А. Россия и ислам. Т.III. – М.,2003. – С.7.

[418] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб.,1996. – С.38.

[419] Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.175.

[420] Ткаченко Д.С. Из истории национально-просветительской политики Российской империи на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв.// Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Материалы I Съезда учёных-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.). – Р н/Д.,2000. – С.125.

[421] Там же. – С.119,121.

[422] Топчиева В.И. Эволюция школьного исторического образования в России (конец XVIII – XX в.). Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2004. – С.83.

[423] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.119.

[424] Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистики конца XIX – начала XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2006. – С.38,43.

[425] Верт В.Пол От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005. – С.67-68.

[426] Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.,2006. – С.29-30,35.

[427] Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племён с гор на равнину. //Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Известия. Вып.10. – Грозный.,1961. – С.115.

[428] Штернберг Л. Инородцы. Общий обзор. // Формы национального движения в современных государствах. – СПб.,1910. – С.550.

[429] Покорённый Кавказ. Очерки исторического прошлого и современное положение Кавказа. – СПб.,1904. – С.120.

[430] Кавказ и его жители // Вестник Российского Общества Красного креста. – 1884. – №7. – С.54.

[431] Семёнов Н. Туземцы Северо – восточного Кавказа. СПб.,1895. – С.31.

[432] Немирович – Данчеенко В. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. – М.,1888. – №27,32. – С.2-3.

[433] Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис.,1905. – С.29.

[434] Ерохин П.М. Горные курорты Чечни. // Северо – Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.1. – Рн/Д.,1928. – С.9.

[435] Манкиев А.А. Об истоках «чеченского кризиса» // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д.,2005. – №1. – С.53-54.

[436] Москвич Г. Кавказ. Географический, этнографический, исторический и экономический очерки. – Одесса.,1896. – С.89.

[437] Ольшевский М.Я. «Кавказ с 1841 по 1866 год» //Русская старина. Т.79. №VII. – М., 1893. – С.92.

[438] Семёнов Н. Туземцы Северо – восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.24.

[439] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ.,1910. – С.142.

[440] Марков Е.Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб.-М.,1887. – С.46.

[441] Ольшевский М.Я. «Кавказ с 1841 по 1866 год» // Русская старина. Т.79. №VII. – М., 1893. – С.92-93.

[442] Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. – СПб.,1910. – С.225.

[443] Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.III. Кавказ и Урал. – М.,1879. – С.3,25,35-36.

[444] Гаджиева Т.Р. Декабристы на Северо – Восточном Кавказе. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,1993. – С.157,169-170.

[445] Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.III. Кавказ и Урал. – М.,1879. – С.37.

[446] Ковалевский П.И. Кавказ. Т.1. Народы Кавказа. – СПб.,1914. – С.164.

[447] Куприянов П.С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М.,2006. – С.125,127.

[448] Там же. – С.127-128, 131,135,137.

[449] Семёнов Н. Туземцы Северо – восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.18.

[450] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб.,1871. – С.421.

[451] Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесе. // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн.19. – Тифлис.,1897. – С.286.

[452] Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. – СПб.,1899. – С.94.

[453] Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни // Русские ведомости. – 1888. - №32. – С.2.

[454] Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.). – Грозный,2006. – С.7.

[455] Villari, Luigi. Fire and sword in the Caucasus. – London. Unwin. 1906. – S.24.

[456] Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М.,2003. – С.87.

[457] Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула.,1895. – С.186.

[458] Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис.,1905. – С.53.

[459] Карцов А.П. Письма из губернии. Терская область. // Русский вестник. Т.234. – СПб.,1894. – С.296.

[460] Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.16.

[461] ОРФ СОИГСИ. Ф.170. Оп.1. Д.21. Л.27-29.

[462] Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.17.

[463] ОРФ СОИГСИ. Ф.170. Оп.1. Д.21. Л.28.

[464] Кавказец. Что сделала для Кавказа Россия под скипетром дома Романовых. – Тифлис.,1913. – С.16.

[465] Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2006. – С.40-41.

[466] Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия. Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2006. – С.61,64.

[467] Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе. // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. X. – Тифлис.,1881. – С.245.

[468] Новомарьинский Г. Северное Кубанское и Терское предгорье Кавказа. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб.,1893. – С.151.

[469] Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо – Восточного Кавказа в первой половине XIX века. Дис. …канд. ист. наук. – СПб.,2003. – С.18.

[470] Марков Е.Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб. – М.,1887. – С.61.

[471] Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.57-59.

[472] Великая Н. Трепак и лезгинка // Родина. – М.,2004. – №5. – С.111.

[473] Слободзинский О. Казаки. // Народы Земли. Кавказ. Народы Кавказа. T.IV.– СПб.,1911. – С.47.

[474] Бурда Э.В. Терское казачество в системе российского управления со второй половины XVIII – до конца XIX века. Дис. …канд. ист. наук. – Нальчик,2006. – С.67.

[475] Новомарьинский Г. Северное Кубанское и Терское предгорье Кавказа. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб.,1893. – С.151.

[476] Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – М.,1961. – №1. – С.48.

[477] Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и России в XVI – XIX вв. – Махачкала,2003. – С.206.

[478] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис….докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.263.

[479] Шахшаева А.Г. Исламский фактор в политике арабских государств и России. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2005. – С.132.

[480] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.89,109.

[481] Янчевский М.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону, в связи с эволюцией аграрных отношений. Р н /Д.,1931. – С.28.

[482] Королёв С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М.,2001. – С.21-22.

[483] Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. – М.,1996. – С.73.

[484] Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М., 1893. – С.2.

[485] Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо – Западный Кавказ в 90-е годы XIX века. – Майкоп.,2002. – С.64.

[486] РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.117. Л.4-6.

[487] Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М. 1893. – С.28.

[488] Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо – Западном Кавказе в 90-е годы XIX века. – Майкоп.,2002. С.69.

[489] Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. – М.,1996. – С.408.

[490] Абрамов А. Кавказские горцы. // Дело. – 1884.-№1. – С.85,95.

[491] Маргграф О.В. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. – Владикавказ.,1881. – С.18-19.

[492] Янчевский М.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону, в связи с эволюцией аграрных отношений. – Р н /Д.,1931. – С.66.

[493] Кавказ. Справочная книга сторожила. Т.1. Ч.1. – Тифлис.,1887-1888. – С.3.

[494] Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область. – СПб.,1902. – С.27-28.

[495] Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII – XIX вв.). Дис. …докт. ист. наук. Р н/Д.,2001. – С.296.

[496] Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры Терских казаков. – Нальчик.,1994. – С.32,40.

[497] Янчевский М.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону, в связи с эволюцией аграрных отношений. – Р н/Д.,1931. – С.69.

[498] Воробьёв Б. Земельный вопрос у казаков. – СПб.,1908. – С.6,30.

[499] Статистическое обозрение Российской империи. – СПб.,1903. – С.16.

[500] Андриевский Д.И. Население Кавказа как источник комплектования армии. По данным десятилетия 1892-1901. – Тифлис.,1906. – С.2.

[501] Thomas M. Barrett. At the Edge of Empire The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. – 1999 bu Westview Press.

[502] РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.84. Л.2.

[503] Новомарьинский Г. Северное Кубанское и Терское предгорье Кавказа. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб.,1893. – С.150,155.

[504] Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область – СПб.,1902. – С.6-7.

[505] Исторический очерк Землеустройства казачьих войск. Т.XI. Ч.IV. – СПб.,1911. – С.217.

[506] Кривенко В.С. Поездка на юг России в 1888 году. // Исторический вестник. Кн.1. – СПб.,1891. – С.155.

[507] Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. – Владикавказ.1895. – С.32.

[508] Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. – Владикавказ.1890. – С.77.

[509] Вейсенгоф С. Сведения о состоянии орошения на Кавказе по 1883 год. – Тифлис.1883. – С.10.

[510] Воробьёв Б. Земельный вопрос у казаков. – СПб.,1908. – С.47.

[511] РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д.305 (1). Л.15.

[512] Голованова С.А. Казачество на Северном Кавказе: проблемы институализации // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.56-58.

[513] Бекмаханова Н.Е. Национальный (этнический) состав казачьих войск Российской империи в XIX – начале XX века. // Казачество как фактор исторического развития России. – СПб.,1999. – С.52-53.

[514] Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область. – СПб.,1902. – С.6-7.

[515] Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М.,2006. – С.241,253-254.

[516] Кадиев Д.А. Грозный – Столица Чеченской Республики. – М.,2003. – С.18.

[517] Садов Ю.В. Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова. Дис. …канд. ист. наук. – СПб.,2006. – С.132-133.

[518] Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис.1888. – С.250.

[519] Кузьминов П.А. Образование Терской области в 1860 году. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир.2002. – С.62.

[520] Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено – Ингушетии в эпоху империализма. / Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции. //ЧИНИИ. Известия. Т.4. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии.– Грозный,1964. – С.41.

[521] Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный.1989. – С.30.

[522] Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный.1984. – С.18.

[523] Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX -начало XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.137.

[524] Терская область Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Владикавказ,1884. – С.36.

[525] Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор.пол.XIX в.) – М.,1998. – С.77.

[526] Российская государственность в терминах: IX – нач. XX вв. Словарь. М.,2001. – С.98.

[527] ПСЗ РИ. Собр.3-е.(1895). Т.XV. – СПб.,1899. – С.133.

[528] Штанько Н.И. Из истории города Грозного в пореформенный период (1869-1893) // Известия Грозненского института и музея краеведения. Вып.2-3. – Грозный,1950. – С.32.

[529] Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный.1989. – С.19.

[530] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.42.

[531] РГИА. Ф.565. Оп.2. Д.8023. Л.21.

[532] Исмаил – Заде Д.И. Система управления и российская бюрократия. // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003. – С.129.

[533] Хубулова С.А. Казачество и горцы Северного Кавказа. // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. – Рн/Д .,1995. – С.93.

[534] Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1.История. – Грозный,1960. – С.4.

[535] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1 Д.489. Л.26.

[536] Головлёв А.А. Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818-1998). // Известия Русского географического общества. Т.132. – СПб. Б.г. – С.72.

[537] Гриценко Н.П. Города Северо – Восточного Кавказа и производительные силы края V-XIX в. Р н/Д. 1984. – С.132.

[538] Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон.XIX-нач.XX в.). М.,1994. – С.24.

[539] Штанько Н.И. Из истории города Грозного в пореформенный период (1869-1893). // Известия Грозненского института и музея краеведения. Вып.2-3. – Грозный,1950. – С.33.

[540] Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон.XIX – нач.XX в.). – М.,1994. – С.25.

[541] Терская Окружная Плановая Комиссия. Терский округ. Очерки по истории, экономики и советскому строительству. Ч.II. – Пятигорск,1927. – С.90.

[542] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.45. Л.1.

[543] Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX веке (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик,1962. С.119.

[544] РГИА, Ф.1287. Оп.7. Д.494. Л.1, 4.

[545] Наши городские банки. // Терские ведомости. -1879. – №26. – С.2.

[546] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.490.

[547] История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный,2006. – С.631.

[548] Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989. – С.30.

[549] Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX -начало XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.113-114.

[550] Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный,1984. – С.18.

[551] Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма. /Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции. // ЧИНИИ. Известия. Т.4. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1964. – С.38,41.

[552] Терская Окружная Плановая Комиссия. Терский округ. Очерки по истории, экономике и советскому строительству. Ч.II. – Пятигорск,1927. – С.90.

[553] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903. – С.721.

[554] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.22.

[555] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908. – С.224.

[556] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.22.

[557] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903. – С.734.

[558] История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный,2006. – С.623.

[559] Гудушаури Г.А. Грузино-Северокавказские культурные взаимосвязи в XIX – нач. XX в. Дис. …канд. ист. наук. – Тбилиси,1985. – С.86-87.

[560] Четверикова Е.В. Просветительные общества на юге России в конце XIX – XX в. (на материалах Ставрополья, Дона и Кубани). : Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,2005. – С.77.

[561] Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.). Дис. …канд. ист. наук. – Армавир,2006. – С.86-87.

[562] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997. – С.64.

[563] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.235.

[564] Волкова Н.Г. Основные демографические процессы. // Культура и быт народов Северного Кавказа. – М.,1968. – С.65.

[565] ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.VI.(1886). – СПб.,1888. – С.98.

[566] Статистический ежегодник. // Терский календарь на 1892 год. Кн. 1. – Владикавказ,1891. – С.101.

[567] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.68.

[568] Труды первого съезда Терских нефтепромышленников в городе Грозном (С 25 июня по 9 июля 1898 года). – Грозный,1898. – С.20-22.

[569] Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево – Черкессии и Адыгеи с древнейших времён до 1917 года. Т.II. Ч.1. Культура. – Нальчик,1998. – С.188.

[570] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Владикавказ, 1884. – С.53.

[571] Грозненские известия // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №18. – С.1.

[572] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.553.

[573] Терский областной статистический комитет. Исторический очерк Терского областного статистического комитета. – Владикавказ,1897. – С.53.

[574] Скоров (доктор). Минеральные воды Кавказского наместничества. // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876. – С.25.

[575] Горячие минеральные источники кн. Таймазова (Терской области, Грозненского округа). // Новое обозрение. – 1890. – №2273. – С.2.

[576] Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.69.

[577] Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск. – Владикавказ,1914. – С.162.

[578] Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX в. – 1940 г.). Автореф. …дис. канд. ист. наук. – Краснодар,2006. – С.99.

[579] Зольникова Ю.Ф. История исследования и освоения рекреационных ресурсов Северного Кавказа (XVIII – начало XX вв.). Дис. …канд. географ. наук. – Ставрополь,2003. – С.13,30,86.

[580] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т.2. – СПб.,1905. – С.191.

[581] Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечно – Ингушетии в 1917-1937 годах. – Твеерь,2003. – С.98.

[582] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.126-127.

[583] Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.). Автореф. …дис. канд. ист. наук. – Краснодар,2006. – С.20.

[584] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.127.

[585] Ахмадов Я. З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.554.

[586] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Владикавказ,1884. – С.65-66.

[587] Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.) Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.138.

[588] Владикавказ. // Терские ведомости – 1875. – №11. – С.1.

[589] Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный,1962. – С.28.

[590] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997. – С.64.

[591] Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии: (1877-78). Т.1. – СПб.,1878. – С.32-33.

[592] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997. – С.64.

[593] Кавказское медицинское общество. Тифлис. Празднование 50-летнего юбилея Императорского Кавказского медицинского общества 20 апреля 1914 года (1864-1914). – Тифлис,1915. – С.247.

[594] Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.144.

[595] Пономарева Е.Ю. Возникновение и деятельность общественных организаций Ставропольской губернии как отражение насущных потребностей населения в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник СГПИ. – Вып.7. – Ставрополь,2006. – С.122,126.

[596] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М.,2001. – С.269.

[597] Шингарева Н.В. Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX – феврале 1917 г. (Историко-правовое исследование). Дис. …канд. юрид. наук. – М.,2006. – С.100.

[598] Кошев М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – XX век). – Майкоп,1999. – С.147.

[599] Воронец Е.Н. Нужны ли для России муфтии? – М.,1891. – С.1.

[600] Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. .Арапов. – М.,2001. – С.23.

[601] Ногманов А.И. Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX в.// Пути познания России: новые подходы и интерпретация. – М. – С.303.

[602] Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. // Ислам в российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложения Д.Ю. Арапов. – М.,2001. – С.24.

[603] История религий в России. – М.,2001. – С.448.

[604] «Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительством учений…». Проект «Положения» об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа (1889 г.) (Публикация Д.Б. Арапова) // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М.,2006. – С.204-205.

[605] Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг. Дис. … канд. ист. наук. – СПб.,1999. – С.301.

[606] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). – СПб.,1998. – С.129.

[607] Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг. Дис. ….канд. ист. наук. – СПб.,1999. – С.301

[608] Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Т.11. Ч.1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – СПб.,1896. – С.245,258.

[609] Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг.,1917. – С.5-6.

[610] Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.,1913. – С.153.

[611] Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг.,1917. – С.5.

[612] Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг. Дис. … канд. ист. наук. – СПб.,1999. – С.301.

[613] Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль,2001. – С.7,10.

[614] Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг.,1917. – С.3.

[615] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001. – С.256.

[616] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя четверть XVIII – начало XX вв.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,2005. – С.232.

[617] Добаев И.П. Зарождение, развитие и современное состояние ислама на Северном Кавказе // Донской юридический институт: Ученые записки. Т.15. – Р н/Д.,2001. – С.290.

[618] Сатушиева Л.Х. Механизм реализации адата на Северо – Западном и Центральном Кавказе: историко-правовой анализ (XV – начало XX в.). Дис. …канд. юрид. наук. – Н.Новгород,2003. – С.105.

[619] Дудова С. Ислам в Карачаево – Черкесии: от истории к перспективам: монография. – Пятигорск,2006. – С.44.

[620] Арапов Д.Ю. Д.А. Милютин о «мусульманстве». // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвузовский сборник научных и научно-методических трудов. Т.2. Вып.2. – М.,2003. – С.229.

[621] Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.,1913. – С.155.

[622] Матвеев В. «Русские покушались строить мечети…» // Родина. – М.,2004. – №4. – С.8.

[623] Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула,1895. – С.187.

[624] Труды Комиссий по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908. – С.216-217.

[625] Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг.,1917. – С.14.

[626] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001. – С.254.

[627] Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг.,1917. – С.14.

[628] АВ СПб. ФИВ РАН. Разр.II. Оп.2. Д.25. Л.8 об.

[629] Климович Л.И. Ислам в царской России. Очерки. – М.,1936. – С.64.

[630] Тихонов А.К. Борьба российских властей с турецкой пропагандой среди мусульман Среднего Поволжья (вторая половина XIX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М.,2006. – С.152-153.

[631] Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906 -1917 гг. Сборник документов и материалов. – Уфа,1998. – С.322.

[632] Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М,,2000. – С.111.

[633] Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю.Арапов. – М.,2001. – С.24.

[634] Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М.,1917. – С.16.

[635] Климович Л.И. Ислам в царской России. Очерки. – М.,1936. – С.63.

[636] Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып.1. – М.,1998. – С.23.

[637] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области) Дис. … канд. ист. наук. – М.2004. – С.158.

[638] Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ,1893. – С.23.

[639] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001. – С.16.

[640] Кауфман А.А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области Войска донского, Сибири, Степному краю и Туркменистану. – СПб.,1904. – С.766.

[641] Ombres du passé Souvenirs dun Officier du Caucase Wl…off. – Paris. – S.235.

[642] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). – СПб.,1998. – С.33.

[643] Арапов Д.Ю. Д.А. Милютин о «мусульманстве». // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвузовский сборник научных и научно-методических трудов. Т.2. Вып.2. – М.,2003. – С.226,228.

[644] Садов Ю.В. Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова. Дис. …канд. ист. наук. – СПб.,2006. – С.140.

[645] Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995. – С.133-134.

[646] Мухаметшин Ф.М. Мусульмане России: судьбы, перспективы, надежды. – М.,2001. – С.8.

[647] Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М.,1917. – С.5.

[648] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М.,1846. – С.119.

[649] Алексеев И.А. Ислам в русском общественном сознании. // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М.,2001. – С.51.

[650] Ислам в законодательстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России. – Уфа,1998. – С.5.

[651] Сахроков В.А., Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т.5. Ч.3. – М.,Новосибирск,2001.– С.10.

[652] Алексеев И.Л. Ислам в русском общественном сознании. // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М.,2001. – С.51.

[653] Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М.,1993. – С.59.

[654] Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995. – С.77.

[655] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997. – С.77.

[656] Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995. – С.72-73.

[657] Там же. – С.56-57.

[658] Ермаков И.А. Ислам в культуре России. – М..2001. – С.265.

[659] Алексеев И.Л. Ислам в русском общественном сознании. // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М.,2001. – С.60.

[660] Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М.,2001. – С.3-4.

[661] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.248.

[662] Абашин С.Н., Бобровников В.О. «Соблазны культа святых». // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. – М.,2003. – С.7.

[663] Сахроков В.А., Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т5. Ч.3. – М.,Новосибирск,2001. – С.8.

[664] Романов Б. Роковые предсказания России. – М.,2006. – С.292.

[665] Баязитов А. Ислам и прогресс. СПб.,1898. – С.30,43,51.

[666] Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ,1992. – С.103.

[667] Книга для всех. – М.,1997. – С.24.

[668] Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб.,1907. – С.333.

[669] О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.105.

[670] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.164-165.

[671] О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.311-313.

[672] Баязитов А. Ислам и прогресс. – СПб.,1898. – С.49.

[673] Щетинина Г.И. Вл. Соловьёв: исторические взгляды. // История и Историки. – М.,1995. – С.246.

[674] О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.310.

[675] Книга для всех. – М.,1997. – С.5.

[676] О социальной концепции русского православия. – М..2002. – С.309.

[677] Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. – СПб.,1891. – С.5.

[678] О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.179.

[679] Там же. – С.43.

[680] Баязетов И.-М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.88.

[681] Муравьёв А.Н. Письма о магометанстве. – Казань,1875. – С.83.

[682] Книга для всех. – М.,1997. – С.26.

[683] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского (епископ Кавказский и Черноморский с 1858 по 1861 гг.). – М.,2002. – С.331.

[684] Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894. – С.69.

[685] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.189.

[686] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.249.

[687] Флуссер Д. Иисус, свидетельствующий о себе. – Челябинск,1998. – С.79.

[688] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского (епископ Кавказский и Черноморский с 1858 по 1861 г.). – М.,2002. – С.329.

[689] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.321.

[690] Там же. – С.215.

[691] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского (епископ Кавказский и Черноморский с 1858 по 1861 г.). – М.,2002. – С.351.

[692] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.132.

[693] Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995. – С.26.

[694] О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.92.

[695] Баязетов И.-М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.52.

[696] Сборник материалов по мусульманству. Т.2. – Ташкент,1900. – С.49.

[697] Баязетов И.-М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.88.

[698] О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.329.

[699] Кавказский запрос в Государственной Думе (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). – Тифлис,1909. – С.62.

[700] Костоева Л.С. Идеологические течения в общественно-политической мысли Чечни и Ингушетии во второй половине XIX века. Дис. …канд. ист. наук. – Р н /Д.,1971. – С.32.

[701] Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль,2001. – С.12.

[702] Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М.,2001. – С.39.

[703] Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894. – С.57.

[704] О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.307.

[705] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.200.

[706] Там же. – С.194.

[707] Сахроков В.А., Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т.5. Ч.3. М.,Новосибирск,2001. – С.71.

[708] Баязитов А. Ислам и прогресс. – СПб.,1898. – С.18

[709] Сахроков В.А., Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т.5. Ч.3. – М.,Новосибирск,2001. – С.18.

[710] Баязетов И.-М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887. – С.52.

[711] О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.104.

[712] Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М.,Пятигорск,1992. – С.18.

[713] Богородица. 2000 лет в русском и мировом изобразительном искусстве. – М.,2004. – С.358.

[714] Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М., Пятигорск,1992. – С.20.

[715] Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. – Тбилиси,1990. – С.228.

[716] Сочинение Генерального Штаба полковника Ракинта (1862). Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времён Св.Апостолов до XIX столетия // Сборник Русского исторического общества. Т.2(150). Россия и Северный Кавказ. – М.,2000. – С.23.

[717] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М..1993. – С.315.

[718] Там же. – С.311-312.

[719] Там же – С.173.

[720] О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.315.

[721] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С. 281.

[722] Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.,2000. – С.107.

[723] Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М.,Пятигорск,1992. – С.11.

[724] Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. – Тбилиси,1990. – С.231.

[725] Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб.,1907. – С.335.

[726] Матвеев В. «Русские покушались строить мечети…» // Родина. – М.,2004. – №4. – С.9.

[727] Белогриц – Котляровский Л.С. Преступления государственные. – Киев.,СПб .,Харьков,1904. – С.495-497.

[728] Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб.,1907. – С.336.

[729] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.49. Л.1.

[730] \Первая всеобщая перепись, произведённая 28 января 1897 года. Общий свод. Т.1. Ч.1. – СПб.,1905. – С.68,80.

[731] Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб.,1907. – С.333.

[732] Матвеев В. «Русские покушались строить мечети…» // Родина. – М.,2004. – №4. – С.9.

[733] Стейнведел Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005. – С.616-617,626.

[734] Караев Т.М. Россия и Кавказ: Проблема культурной ориентации. – М.,2001. – С.67.

[735] Аксютин Ю.М. Проблема идентичности малых этносов в имперской культуре России // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции 22-23 сентября 2006 г., г. Абакан. – Абакан,2006. – С.209,211.

[736] Там же. – С.208-209.

[737] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.172-173.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ (далее АВПРИ).

АВПРИ. Ф.144. Персидский стол. Оп.488. Д.134,1898 г.; Д.201,1898 г.; Д.346,1863 г.; Д.416, 1882 г.; Д.417, 1884 г.; Д.418, 1896-1907,1910 гг.; Д.1907,1862 г.; Д.3027,1868 г.;

АВПРИ. Ф.149. Турецкий стол (старый). Оп.502 (а). Д.4462,1870 г.; Д.4468,1861-70 гг.;

АВПРИ. Ф.149. Турецкий стол (новый). Оп.502 (б). Д.2406,1902 г.; Д.2419,1897-98 гг.; Д.2431,1901 г.; Д.2444,1905 г.; Д.2448, 1907 г.; Д.2451,1910 г.; Д.7659; Д.3419,1898-1899.

АВПРИ. Ф.161/4. Азиатский департамент. Оп.729/2. Д.6, 1856-58 гг.;

АВПРИ. Ф.180. Посольство в Константинополе. Оп.517/2. Д.627,1870 г.; Д.2564,1865 г.; Д.2565,1866 г.; Д.2570,1871 г.; Д.5084,1891-1913 гг.; Д.5085, 1893-1902 гг.;

Архив Востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН (далее АВ СПб. ФИВ РАН.).

АВ СПб. ФИВ РАН. Разр.II. Оп.2. Д.14; Д.25.

Архив Российской Академии наук (далее АРАН).

АРАН. Ф.624. Личный фонд член-корреспондента РАН С.В. Бахрушина. Оп.1. Д.181.

Архив Российского этнографического музея (далее А РЭМ).

А РЭМ. Ф.1. Оп.2. Д.183; Д.234; Д.303.
А РЭМ. Ф.2. Оп.2. Д.339.
А РЭМ. Ф.5. Оп.1. Д.1.

Государственный архив РФ (далее ГА РФ).

ГА РФ. Ф.109. Третье отделение собственной его Императорского Величества Канцелярии. 1826-1880 гг. 1 экспедиция. Д.8 ч.2.;

ГА РФ. Ф.109. 4 экс. Д.255.

ГА РФ. Ф.569.Фонд М.Т. Лорис-Меликова. Оп.1. Д.117; Д.127; Д.135;

ГА РФ. Ф.649. Фонд Романова Михаила Николаевича (1832-1909 гг.), сына Николая I , наместника на Кавказе. 1745-1915 гг. Оп.1. Д.156; Д.231; Д.603.

ГА РФ. Ф.677. Фонд Александра III (1845-1894 гг.). 1845-1896 гг. Оп.1. Д.498; Д.511; Д.517.

ГА РФ. Ф.678. Фонд Александра II (1818-1881 гг.). 1825-1899 гг. Оп.1. Д.680; Д.682; Д.687.

ГА РФ. Ф.730. Фонд Игнатьева Николая Павловича (1832-1908 гг.), директора Азиатского департамента МИД, посла в Турции. 1623-1918 гг. Оп.1. Д.501.

Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК).

ГАСК. Ф.73. Ставропольская гимназия. Оп.1. Д.447; 897;

ГАСК. Ф.73. Оп.2. Д.478.

ГАСК. Ф.80. Ставропольский губернский статистический комитет. Оп.1. Д.15.

ГАСК. Ф.302. Ставропольская контрольная палата. Оп.1. Д.116; Д.660.

ГАСК. Ф.459. Ставропольская казенная палата. Оп.1. Д.1448.

Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее ГИМ ОПИ).

ГИМ ОПИ. Ф.155. Коллекция по истории армии и флота. Ед. хр. 122.

ГИМ ОПИ. Ф.208. Фонд Черняева М.Г. Ед. хр.13.

ГИМ ОПИ. Ф.254. Фонд Н.Н. Муравьёва-Карского (1794-1866 гг.). Ед. хр. 321.

ГИМ ОПИ. Ф.307. Фонд М.Н. Романова. Ед. хр. 8; Д.9.

ГИМ ОПИ. Ф.371. Фонд А.П. Зайцева, директора учебных учреждений Терской области. Ед. хр. 1.

ГИМ ОПИ. Ф.372. Фонд Я.М. Неверова, попечителя Кавказского учебного округа. Ед.хр.15.

ГИМ ОПИ. Ф.437. Ед. хр.2.

ГИМ ОПИ. Ф.451. Фонд В.Ф. Миллера. Ед. хр. 1.

Государственный Политехнический музей (архивное отделение, далее ГПМ).

ГПМ. Ф.100.1. Фонд Политехнической выставки 1872 г. Инв.№ 16174/41; Инв.№16474/42.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ).

ОР РГБ. Ф.169. Фонд Д.А. Милютина. К.44. Д.33.

ОР РГБ. Ф.169. К.59. Д.9.

ОР РГБ. Ф.169. К.65. Д.9; Д.10.

ОР РГБ. Ф.169. К.74. Д.53.

ОР РГБ. Ф.363. Фонд М.И. Венюкова. К.1. Д.14.

ОР РГБ. Ф.363. К.5. Д.5.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ).

ОР РНБ. Ф.175. Фонд В.А. Геймана (1823-1878 гг.), генерал-лейтенанта, участника войны на Кавказе. Оп.1. Д.3; Д.13.

ОР РНБ. Ф.520. Фонд М.М. и Б.М. Никольских. Оп.1. Д.374.

ОР РНБ. Ф.874. Фонд А.И. Фаресова. Оп.2. Д.299.

Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северной Осетии – Алании (далее ОРФ СОИГСИ).

ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.8. Кн.1; Д.43; Д.46; Д.49; Д.56. Д.89; Д.93; Д.177; Д.221; Д.278.

ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16.

ОРФ СОИГСИ. Ф.16. Оп.1. Д.13.

ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.4; Д.5; Д.6; Д.11; Д.13; Д.14; Д.15; Д.16; Д.18; Д.19; Д.21.

ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Фонд Г.А. Кокиева. Оп.1. Д.1; Д.245; Д.260.

ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Фонд Б.В. Скитского. Оп.1. Д.42; Д.53; Д.56; Д.62; Д.77.

ОРФ СОИГСИ. Ф.49. Фонд А.А. Гассиева. Оп.1. Д.4.

Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА).

РГАДА. Ф.1274. Фонд Паниных – Блудовых (1768-1901 гг.). Оп.1. Д.868.

РГАДА. Ф.1295. Канцелярия Главного директора межевого корпуса и управление межевой частью Министерства юстиции (1832-1918). Оп.8. ч.II. Д.4820.

РГАДА. Ф.1354. Планы дач генерального специального межевания 1765-1917 гг. (коллекция). Оп.1274. Д. А-4; Д. А-5; Д. А-7; Д. А-8; Д. А-9; Д. А-10; Д. А-11; Д. А-12; Д. А-13; Д. Б-5; Д. Б-6; Д.-7; Д. Б-8; Д. Г-1; Д. Г-3; Д. Г-4; Д. Г-5; Д. Д-2; Д. Д-3; Д. Д-4; Д. И-1; Д. И-2; Д. К.-2; Д. К-3; Д. К-4; Д. М-1; Д. М-2; Д. М-3; Д. М-4; Д. М-5; Д. М-6; Д. Н-6; Д. О-1; Д. О-2; Д. Т-3; Д. Т-4; Д. Т-5; Д. У-1; Д. Х-1; Д. Х-2; Д. Х-3; Д. Х-4; Д. Ц-1; Д. Ч-2; Д. Ч-3; Д. Ч-4; Д. Ш-1; Д. Э-2; Д. Э-3.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1276. Д. А-13; Д. Т-4.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1277. Д. М-1.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1278. Д. М-1; Д. Ц-1.

Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ).

РГАЛИ. Ф.46. Фонд П.И. Бартенева. Оп.2. Д.359; Д.369.

РГАЛИ. Ф.191. Фонд П.А Ефремова. Оп.1. Д.2432.

РГАЛИ. Ф.195. Фонд П.А. Вяземского. Оп.1. Д.5313.

РГАЛИ. Ф.1337. Коллекция мемуаров. Оп.1. Д.235.

РГАЛИ. Ф.1440. Фонд И.А. Данилина. Оп.1. Д.384.

Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА).

РГВИА. Ф.ВУА. Военно-учётный архив. Д.6716; Д.20 579; Д.20 595; Д. 20 609.

РГВИА. Ф.55. Оп.1. Д.140.

РГВИА. Ф.330. Главное управление казачьих войск. Оп.7. Д.195.

РГВИА. Ф.330. Оп.9. Д.205.

РГВИА. Ф.330. Оп.11. Д.32.

РГВИА. Ф.400. Главный Штаб. Оп.17. Д.20 915; Д. 22 258; Д. 29 276.

РГВИА. Ф.414. Статистические, экономические, этнографические сведения о Российской империи. Оп.1. Д. 303 (3); Д. 305 (1); Д. 305 (2).

РГВИА. Ф.485. Русско – Турецкая война 1877-78 гг. Оп.1. Д. 94 (I); Д. 117; Д.152; Д. 153; Д. 154.

РГВИА. Ф.644. Командующий войсками Терской области. Оп.1. Д. 25; Д. 57; Д. 101; Д. 102; Д. 103; Д. 105; Д. 117.

РГВИА. Ф.970. Военно-походная канцелярия Е.И.В. Оп.2. Д.1925; Д. 2205.

РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.195; Д. 1115; Д. 1381; Д.1925; Д. 2185.

РГВИА. Ф.1329. Войсковое правление Терского казачьего войска. Оп.1. Д.12.

РГВИА. Ф.2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Оп.2. Д.985 ч.3; Д. 987 ч.3.

РГВИА. Ф.3640. Чеченский конный полк (1914-1918 гг.). Оп.1. Д.14.

РГВИА. Ф.14 257. Штаб командующего войсками. Оп. 3. Д. 389; Д.538. Д. 590.

РГВИА. Ф.14 505. Чеченский Конно-Иррегулярный полк. Оп.1. Д. 1; Д. 2; Д. 3; Д. 5; Д. 6; Д. 7; Д.14; Д. 21.

РГВИА. Ф.14 505. Оп.3. Д. 25.

РГВИА. Ф.14 719. Генеральный Штаб. Оп.3. Д. 756.

РГВИА. Ф.16 096. Списки, истории болезней. Оп.1. Д. 18.

Российский государственный исторический архив (далее РГИА).

РГИА. Ф.200. Оп.1. Д. 1430.

РГИА. Ф.219. Оп.1. Д.7039.

РГИА. Ф.268. Оп.3. Д. 480.

РГИА. Ф.485. Оп.1. Д.108.

РГИА. Ф.547. Придворная контора великого князя Михаила Николаевича (1834-1910 гг.). Оп.2. Д. 1300.

РГИА. Ф.565. Департамент государственного казначейства. Оп.1. Д.4398.

РГИА. Ф.565. Оп.2. Д. 6680; Д.6875; Д. 7587; Д. 8023.

РГИА. Ф.573. Оп.6. Д.7608.

РГИА. Ф.733. Оп.193. Д. 381.

РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.712; Д. 791.

РГИА. Ф.866. Фонд М.Т. Лорис-Меликова (1844-1913 гг.). Оп.1. Д. 2; Д. 3; Д. 8; Д. 16; Д. 26; Д. 30; Д. 32; Д. 35; Д. 36; Д. 39; Д. 40; Д. 44; Д. 45; Д. 60; Д. 64; Д. 105; Д.120; Д. 129.

РГИА. Ф.932. Оп.1. Д. 296; Д. 303; Д. 309; Д. 322; Д. 456.

РГИА. Ф.1149. Департамент законов. Оп.7. Д.62; Д.84; Д. 95; Д. 107; Д. 112.

РГИА. Ф.1149. Оп.8. Д. 64.

РГИА. Ф.1152. Департамент экономий. Оп.7. Д.533.

РГИА. Ф.1152. Оп.8. Д.32; Д. 88; Д. 216.

РГИА. Ф.1268. Кавказский комитет (1833-1882 гг.). Оп.10. Д. 42; Д. 49; Д. 99; Д. 104; Д. 124.

РГИА. Ф.1268. Оп.12. Д. 105.

РГИА. Ф.1268. Оп.14. Д.149.

РГИА. Ф.1268. Оп.15. Д. 146.

РГИА. Ф.1268. Оп.16. Д. 125.

РГИА. Ф.1268. Оп.18. Д.26; Д. 88; Д. 150(а); Д. 185.

РГИА. Ф.1268. Оп.23. Д. 85.

РГИА. Ф.1268. Оп.25. Д. 18.

РГИА. Ф.1276. Оп.19. Д.593.

РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д. 48.

РГИА. Ф.1287. Хозяйственный департамент (1799-1904 гг.). Оп.7. Д.494.

РГИА. Ф.1290. Центральный статистический комитет МВД. Оп.4. Д.499.

РГИА. Ф.1341. Первый департамент Сената (1763-1917). Оп. 104. Д.279.

РГИА. Ф.1407. Благотворительное общество чинов судебного ведомства (1895-1917 гг.). Оп.3. Д.7943.

Российский Федеральный геологический фонд (далее РГФ).

РГФ. Ед. хр.1. Отчёт 17 713; 17 778; 18 271; 23 410; 23 542; 48 576; 48 629; 48 663; 48664; 48 666; 48 693; 48 695; 65 213.

РГФ. Ед. хр.2. Отчёт 17 709.

Северо-Осетинский государственный объединённый музей истории, архитектуры и литературы (далее СОГОМИАЛ).

СОГОМИАЛ. Ф.4. Терское казачье войско. Оп.2. Д.541.

Центральный государственный архив Республики Северной Осетии-Алании (далее ЦГА РСО-А).

ЦГА РСО-А. Ф.11. Терское областное правление. Оп.4. Д.12.
ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.13. Д. 1019.
ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.16. Д. 161.
ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д. 622.
ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп. 65. Д. 177.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1. Д. 24; Д. 343; Д. 489.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.238; Д. 653; Д.724; Д. 965; Д.1092.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д. 15; Д. 26; Д. 27; Д. 29; Д. 30; Д. 35; Д. 83; Д. 86.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 6. Д. 294; Д. 817.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7. Д. 4; Д. 159; Д. 163; Д. 263.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 8. Д. 27; Д. 70.
ЦГА РСО-А. Ф.15. Оп.1. Д. 244.
ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1. Д.30; Д. 134; Д. 140.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Терско – горский конно-иррегулярный полк. Оп.1. Д. 3.
ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1. Д. 37; Д. 102; Д. 158; Д. 185; Д. 1050; Д. 1068.
ЦГА РСО-А. Ф.262. Комиссия для разбора сословных прав. Оп.1. Д.6; Д. 23.
ЦГА РСО-А. Ф.270. Оп.1. Д.20.

Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ).

ЦИАМ. Ф.227. Комитет для устройства в Москве музея прикладных знаний и заведования им. Оп.2. Д. 31.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативно-правовые акты

1. Важнейшие узаконения и распоряжения, относящиеся к Терской области за 1892-93 гг.// Терский календарь на 1894 г. Кн.1. – Владикавказ,1893.

2. Вновь изданные узаконения и распоряжения // Терский календарь на 1892 г. Кн.1. – Владикавказ,1891.

3. Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и разъяснения. – Чита,1900.

4. Высочайшие повеления // Терские ведомости. – 1877. – №20.

5. Высочайшие повеления // Терские ведомости. – 1888. – №39.

6. Главнейшие узаконения и распоряжения за 1892-1893 гг. – СПб.,1894.

7. Дедюлин С.А. Недостатки порядка отчуждения земель на государственные и общественные надобности (Приложение к Сборнику Узаконений по отчуждению земель). – СПб.,1901.

8. Дедюлин С.А. Сборник Узаконений и распоряжений правительства по отчуждению земель и имущества для государственной и общественной пользы. – СПб.,1901.

9. Журналы Особого совещания в г. Владикавказе для пересмотра действующих правил передвижения скота. – Владикавказ,1895.

10. Законы о вере и веротерпимости (Составил Я.А. Канторович). – СПб.,1899.

11. Законы об управлении областей Дальнего востока. – СПб.,1904.

12. Ислам в законодательстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России (1554-1929). – Уфа,1998.

13. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М.,2001.

14. Кавказский учебный округ. Положение о ремесленном отделении. Б.м. Б.г.

15. Кавказский учебный округ. Сборник распоряжений. – Тифлис,1890; Тифлис,1891 .

16. Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области. – Владикавказ,1914.

17. Кауфман А.А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области Войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. – СПб.,1904.

18. Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып.1. – Одесса,1882.

19. Материалы к поземельным вопросам Кавказского края. Комиссия по выработке поземельных вопросов. Ч.1. – Тифлис,1908.

20. Новейшие узаконения и обязательные правила, относящиеся к Терской области // Терский календарь на 1891 г. – Владикавказ,1890.

21. Отдел официальный. Именной Высочайший указ. // Терские ведомости. – 1887. – №17.

22. Петров Ф.В. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Сборник действующих по 1 августа 1911 года узаконений о поземельном устройстве казачьих станиц и проживающих в казачьих поселениях лиц войскового сословия. – Вильна,1911.

23. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание 2-е. Т.41. – СПб.,1866.

24. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.45. Отд.3 (1870). – СПб.,1874.

25. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.50. Отд.2 (1875). – СПб.,1877.

26. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.LI . Отд.1 (1876). – СПб.,1878.

27. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.LII (1877). – СПб.,1879.

28. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.LV. Отд.1,2; (1880-1881). – СПб.,1884.

29. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.3 (1883). – СПб.,1886.

30. ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.5 (1885). – СПб.,1887.

31. ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.6 (1886). – СПб.,1888.

32. ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.7(1887). – СПб.,1889.

33. ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.15 (1895). СПб.,1899.

34. Приказы и постановления // Кавказский календарь на 1863 г. – Тифлис,1862.

35. Россия. Главное управление Наместника Кавказского. Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом. – Тифлис,1867.

36. Россия. Законы и постановления. Положение о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. – СПб.,1862.

37. Сборник материалов по мусульманству. Т.2. – Ташкент,1900.

38. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1 (1867-71). – Тифлис,1891.; Т.3 (1877-1881). – Тифлис,1891; Т.4 1882-1886). – Тифлис1889.; Т.5 (1887-1891). Ч.1. – Тифлис,1890.

39. Свод законов Российской империи. Т.3. Кн.2. Кн.3. – СПб.,1896.

40. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Т.11. Ч.1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – СПб..1896.

Опубликованные статистические, архивные и справочно-информационные материалы

1. Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.12. Ч.1,2,3. – Тифлис,1904.

2. Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001.

3. Архив Кавказской Археографической комиссии. Т.XI. – Тифлис. Б.г.

4. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию 1848-1874). Ч.1. – Нальчик,2001. Ч.2. – Нальчик,2003.

5. Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997.

6. Бентковский И.В. Список населенных мест по сведениям 1873 г. – Ставрополь,1874.

7.Бердяев С.К. Разбои на Северном Кавказе: Из воспоминаний старого администратора: (Период 1907-1915 г.). – Париж,1936.

8. Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево -Черкессии и Адыгеи с древнейших времён до 1917 года. Т.I. Ч.1. – Нальчик,1997. Т.II. Ч.1. – Нальчик,1998.Т. III. Ч.1. – Нальчик,2000.

9. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М.,2005.

10.Братилов Г.Н. Музыкальные инструменты народов мира: Энциклопедический словарь. – М.,2005.

11.Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-1803 г. Т.3. Ч.3. – СПб.,1869.

12. Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел (1861 г.) // Александр II. Воспоминания. Дневники. – СПб.,1995.

13. Вернем Грозному музей. Каталог выставки. Сборник материалов. – М.,2002.

14. Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск. – Владикавказ,1914.

15. Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1. – М.,1960.

16. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Т.1,2. – М.,1874; М.,1885.

17. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк. Терско – Дагестанский театр. – Тифлис,1908.

18. Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1893.

19. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал – адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907.

20. Всеподданнейший отчет наместника Кавказского по Гражданскому Управлению Кавказским и Закавказским краем: 1863-1871 гг. – СПб,1872.

21. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ,1893.

22. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. – Владикавказ,1895.

23. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1897 год. – Владикавказ,1898.

24. Вторая Кавказская выставка продуктов садовых культур в 1898 году. – Тифлис,1898.

25. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала,1995.

26. Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России. – СПб.,2006.

27. Горепекин Ф.И. По горам Терской области. Краткий путеводитель. – Владикавказ,1910.

28. Горшельт Г. Кавказские походные рисунки. Вып.1-5. – СПб.,1896.

29. Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М.,2006.

30. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Биографический очерк. – Тифлис,1889.

…..учебный округ. Попечитель. Отчет о состоянии учебного заведения за 1897 год. – Тифлис,1898.

31. Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н/Д.,1925.

32. Дневник Д.А. Милютина 1873-75 г. Т.1. – М..1947.

33. Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. 1825-1904. Архивно-библиографические разыскания. – М.,1962.

34. Дондуков – Корсаков К. Всеподданнейшая записка Главноначальствующего на Кавказе по гражданскому управлению. – СПб.,1883.

35. Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства; географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500 000 адресов. Год 1878. – М.,1878.

36. Душенко К.В. Цитаты из русской истории от призвания варягов до наших дней. – М.,2005.

37. Дюма А. Путевые впечатления. В России. В 3 т. Т.3. – М.,1993.

38. Загурский Л.П. Отчёт о состоянии Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис,1883.

39. Зверинский В.В. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г. – СПб.,1887.

40. Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг. Т.1. – СПб.,1913.

41. Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4-х ч. СПб.,1835.

42. Из истории русско-кавказской войны. (Документы и материалы) – Нальчик,1991.

43. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып.1. – М.,1998.

44. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. – М.,2006.

45. История Ингушетии: Материалы. – Орджоникидзе,1933.

46. Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. – М.,2004.

47. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.,2005.

48. Кавказ. Справочная книга сторожила. Т.1. Ч.1. – Тифлис 1887-1888.

49. Кавказская армия. Т.3. Ч.2. Отдел санитарный. – СПб.,1884.

50. Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности. Т.2. Вып.1. – Тифлис,1890.

51. Кавказский Военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому Военно-историческому музею. – Тифлис,1909.

52. Кавказский запрос в Государственной Думе (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). – Тифлис,1909.

53. Кавказское медицинское общество. Тифлис. Празднование 50-летнего юбилея Императорского Кавказского медицинского общества 20 апреля 1914 года. (1864-1914 гг.). – Тифлис,1915.

54. Кавказское общество сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875.

55. Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Т.2. Ч.1-2. Тифлис,1882.

56. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис,1876.

57. Кожевников Г.А. Породы кавказских пчел. Доклад. – СПб.,1900.

58. Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908.

59. Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. – Лондон; СПб. Б.г.

60. Краткий путеводитель Кавказского музея (в Тифлисе). – Тифлис,1875.

61. Кумыков Т.Х. Проблемы Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик,2000.

62. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженные на Высочайше дарованные средства. Вып.1. – М.,1888.

63. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.3. Ч.1. – Махачкала,1940.

64. Материалы по истории Осетии. Т.III. – Дзаужикау,1950.

65. Мёллер В.И. Отчёт господину Министру Государственных Имуществ о деятельности Управления Горной частью Кавказского края в 1889 году. – Тифлис,1889.

66. Миансаров М. Библиография Кавказа. Опыт справочного системного каталога. Т.1. – Б.м. Б.г.

67. Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856 гг. / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.,2000.

68. Милютин Д.А. Воспоминания,1863-64 гг. – М.,2003.

69. Министерство финансов. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1896.

70. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914 гг. Документы и материалы. – М.-Л.,1961.

71. Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906-1917 гг. Сборник документов и материалов. – Уфа,1998.

72. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Сборник документов. – М.,2005.

73. Народы Кавказа: Каталог-указатель этнографических коллекций / Государственный музей этнографии народов СССР. – Л.,1981.

74. Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993 гг. / Под ред. Л.Х. Ибрагимова. – М.,1993.

75. Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1901 год. Т.2. – Владикавказ,1902.

76. Обзор Минеральных богатств Терской области // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ,1890.

77. Обзор производительных сил Кавказского Наместничества за 1879 г. – Тифлис,1880.

78. Обзор Терской области за 1892 год // Терский календарь на 1894 год. Вып.3. Кн.1. – Владикавказ,1893.

79. Об изъятиях некоторых преступлений, совершаемых в пределах Кавказского края // Терский календарь на 1896 год. Вып.5. – Владикавказ,1895.

80. Общий состав управлений Кавказского военного округа. Ч.III. – Тифлис,1869.

81. Округа Терской области // Сборник сведений о Терской области. – Владикавказ,1878.

82. О сети Кавказских железных дорог. – Тифлис,1869.

83. Особые журналы Совета Министров царской России. 1909-1917 гг. – М.,2001.

84. Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль,2001.

85. Отчёт о Кавказском музее. – Тифлис,1867.

86. Первая всеобщая перепись, произведенная 28 января 1897 г. Общий свод. Т.1.Ч.1. – СПб.,1905.

87. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.2. – СПб.,1905.

88. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. 1905.(4). T.XVI. – СПб. Б.г.

89. Права народов. Международные документы и российские законодательные акты: Сборник документов / М.И. Аушев, С.А. Глотов, О.О. Миронов, М.П. Фомиченко. – М.,2006.

90. Приложение к всеподданнейшему отчету // Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Б.м.,1885.

91. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг.XIX в.). Сборник архивных дел. – Нальчик,2001.

92. Российская государственность в терминах: IX – нач. XX в. Словарь. – М.,2001.

93. Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. XIX век: Справочник / Составитель З.М. Блиева. – Владикавказ,2003.

94. Россия. Кавказский наместник. О высылке с Кавказа мятежных горцев Дагестанской и Терской областей. Сборник материалов. – СПб.,1878.

95. Сборник сведений о железных дорогах в России. 1870-1872 гг. Отд.II. Разные сведения о железных дорогах. – СПб.,1875.

96. Сборник сведений о Терской области. Т.1.Вып.I. – Владикавказ,1878.

97. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т.1. – СПб.,1902.

98. Сведения по статистике народной нравственности и народного образования // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.1. – Тифлис,1869.

99. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881-1890 гг. генерал – .губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. – СПб.,1893.

100. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Творения. Дневник. T.IV.,1862. М.,2006

101. Семенов Д. Отечество ведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.3. Кавказ и Урал. – М.,1879.

102. «Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительством учений…» Проект «Положения» об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа (1889 г.) (Публикация Д.Ю. Арапова) // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М.,2006.

103. Современный словарь иностранных слов. – М.,1993.

104. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракинта (1862 г.). Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времён Св. Апостолов до XIX столетия // Сборник Русского исторического общества. Т.2(150). Россия и Северный Кавказ. – М.,2000.

105. Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль,2006.

106. Статистика Российской империи. Т.XVII. Волости и гмины,1890 год. Издание Центрального Статистического комитета. – СПб.,1892.

107. Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.19. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 гг. – СПб.,1887.

108. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – ……Владикавказ,1891.

109. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1897 год. Вып.6. – ……Владикавказ,1896.

110. Статистический обзор современного положения казачьих войск. – СПб.,1903.

111. Статистическое обозрение Российской империи. – СПб.,1874.

112. Студенецкая Е.Н. Народы Кавказа: Каталог-указатель этнографических коллекций. – Л.,1981.

113. Стебницкий И.О. Картографическое обозрение Кавказа и Закавказья. Труды 3-го международного съезда ориенталистов. Т.1. – СПб.,1879.

114. Терская область // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876.

115. Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год – Владикавказ,1901.

116. Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 год. – Владикавказ,1886; за 1884 год. – Владикавказ,1884; за 1887 год. – Владикавказ,1887.

117. Терская Окружная Плановая Комиссия. Терский округ. Очерки по истории, экономики и советскому строительству. Ч.II. – Пятигорск,1927.

118. Терский областной статистический комитет. Исторический очерк Терского областного статистического комитета. – Владикавказ, 1897.

119. Труды I Съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. – Тифлис,1902.

120. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908.

121. Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903.

122. Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб.,1905.

123. Труды первого съезда Терских нефтепромышленников в городе Грозном (с 25 июня по 9 июля 1898 г.). – Грозный,1898.

124. Туманов Г.М. К введению на Кавказе земского самоуправления. Материалы, собранные Тумановым. – Тифлис,1905.

125. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ. Вып.144. – М.,2005.

126. Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки. – СПб.,1900.

127. Указатель фабрик и заводов окраин. – СПб.,1895.

128. Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе (Реферат, читанный в Кавказском юридическом обществе). – Тифлис,1898.

129. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. – Тифлис,1880.

130. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.,2006.

131. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917 гг. Библиографический справочник. – СПб.,2001.

132. Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область. – СПб.,1902.

133. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и ……турецком языках. Ч.2. – М.,1968.

Статьи периодических изданий (газет и журналов)

1. Абрамов Я. Одна из погрешностей нашей поземельной политики на Кавказе // Терек. – 1883. – №64,65.

2. Абрамов А. Кавказские горцы (Из летних экскурсий) // Дело. – 1884. – №1.

3. Азаров В.М.; Марущенко В.В. Кавказ в составе России: История Отечества // Ориентир. – 2001. – №3.

4. Акаев В.Х. Накшбандийский шейх Дени Арсанов // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д.,2004.

5. Алексанов И. Северный Кавказ. Экономические очерки из жизни края // Вестник Европы. – СПб.,1899. – Т.6. Кн.11.

6. Амирова З.А. Русско-турецкая война 1877-78 гг. (подготовка и начало военных действий на кавказско-малоазиатском театре) // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала,2005. – №2.

7. Аракчеев Д.И. Кавказские музыкальные инструменты в музее Московской Консерватории // Русская Музыкальная Газета. – СПб.,1905. – №12.

8. Аргиев А. Кавказ и национальная политика центра // Россия XXI. – М.,1998. – №11-12.

9. Ахвледиани Б. Торговля в Чечне в прошлом и настоящем // Северокавказский край. – Р н/Д.,1925. – №1.

10. Ахмадов Я.; Хасмагомадов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛАМ. – Грозный,2003. – №4.

11. Бадаев С.-Э.С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX века как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – Рн/Д.,1999. – №4.

12. Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №4.

13. Баранов Е. По Северному Кавказу // Новое обозрение. – 1902. – №6016.

14. Белобородов А. Землевладение в Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ,1895. – №107,108,109.

15. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – Т.33.

16. Боров А.Х. Национальные истории народов Северного Кавказа: проблемы концептуализма // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004.

17. Быков Ф.А. Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе // Юридическое Обозрение. – Тифлис,1883. – №111,112.

18. Великая Н. Трепак и лезгинка // Родина. – М.,2004. – №5.

19. Вести от горцев-Мусульман Терской области // Мусульманская газете. – 1913. – №11.

20. В защиту горцев // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №14.

21. Владикавказ // Терские ведомости. – Владикавказ,1875. – №11.

22. Властов. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. – 1856. – №160,166.

23. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – СПб.,1876. – Кн.5,10

24. Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М.,2005. – №5.

25. Воропонов Ф.Ф. Крестьянские переселения // Вестник Европы. – СПб.,1876. – Кн.1.

26. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т.33. Б.м.,1882.

27. Гарасаев А.М. Из чеченского религиозного поэтического наследия: назмы – духовные песнопения в обрядовой практике суфиев // Вестник МГУ. Сер.13, Востоковедение. – М.,1998. – №4.

28. Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Вестник Института цивилизаций. – 2000.– Вып.3.

29. Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. Кавказская война // Преподавание истории в школе. – М.,2006. – №1.

30. Гельдибаев М.Х. Особенности доказывания вины и назначения наказания в мусульманском праве // Ойла («мысль»). – 1998. – №1.

31. Георгиев В.А. «В.В. Дегоев. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин». М.,2001. // Отечественная история. – 2002. – №4.

32. Герберт А. «Развитие ресурсов этой области тормозится существующей системой» (Кавказ глазами английского полковника. 1889 г.) // Источник. – 1999. – №5.

33. Гнездилова Е. Рубо, похищенный и возрожденный // Век. – М.,2002. – №23.

34. Головлев А.А. Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818-1998) // Известия Русского географического общества. – СПб. – Т.132.

35. Горбачев С. Северокавказский барьер: (Исторический анализ политики России на Северном Кавказе) // Молодая гвардия. – 1999. – №11/12.

36. Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник на 1913 год. – Екатеринодар,1913. – Т.18.

37. Горячие минеральные источники кн. Таймазова (Терской области, Грозненского округа) // Новое обозрение. – Тифлис,1890. – №2273.

38. Градовский Г. Лагерь на Караяле 25 августа // Голос. – СПб.,1877. – №210.

39. Грен А. Два слова по поводу возможности развития литературы у горцев Кавказа // Россия и Азия. – Киев,1899. – №12.

40. Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков: Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник / Чеч.-Ингуш. НИИ ист., языка, и литературы. – Грозный,1969. – Т.III.

41. Грозненские известия // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №18.

42. Грозный // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №37.

43. Джабаги Вассан-Гирей. Революция и гражданская война на Северном Кавказе кон. XIX – нач. XX в. // Наш Дагестан. – Махачкала,1994. – №167-168.

44. Дзидзоев В. Земельные и межнациональные отношения на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века // Литературная Кабардино-Балкария. – Нальчик,1999. – №1.

45. Добаев И.П. Зарождение, развитие и современное состояние ислама на Северном Кавказе // Донской юридический институт: Ученые записки. Т.15. – Р н/Д.,2001.

46. Дохова В.В. Экологическая культура как модификационный процесс традиционных национальных культур // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004.

47. Дунюшкин И. В дозоре казаки и чеченцы // Родина. – М.,2004. – №6.

48. Екельн Л. Джекнат и Бока. Чеченская повесть // Отечественные Записки. – 1843. – Т.31. – №11.

49. Зелькина А. Учение Кунта – Хаджи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. – М.,2006. – №2.

50. Золотое руно. Рассказ чеченца // Русский инвалид. – СПб.,1852. – №178.

51. Иванов А.И. Восстание в Чечне в 1877 г. // Исторические записки. – 1941. – №10.

52. Иванов А.И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 гг.XIX века // Исторические записки. – 1941. – №12.

53. Иванов М.А. Верховья реки Гехи // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества. – 1902. – Т.XV. №5.

54. Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. – СПб.,1859. – Т.7. – №6.

55. Известия // Терские ведомости. – Владикавказ,1894. – №137.

56. Известия // Неделя. – 1899. – №33.

57. Из города Грозного // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №28.

58. Из Терской области // Казачий вестник. – Новочеркасск,1884. – №32.

59. Исхаков С.М. Международная научная конференция «Национальный вопрос в интеграции и распаде СССР» // Отечественная история. – М.,2005. – №2.

60. Исхаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. – М.,2005. – №5.

61. Итенберг Б.С. Военачальник и администратор на Кавказе // Отечественная история. – М.,2004. – №1.

62. Кавказ и его жители // Вестник Российского Общества Красного креста – 1884. – №4-7.

63. Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1.

64. Кавказские произведения на Парижской выставке // Кавказ. – 1890. – №302.

65. Кавказские разбои и колонизация // Неделя. – СПб.,1898. – №44.

66. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – М.,1961. – №1.

67. Калоев Б.А. А.Ф. Кони о Кавказе // Этнографическое обозрение. – М.,1997. – №3.

68. Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №10-11.

69. Карданова Ю.Х. Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе: выбор между православием и исламом (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004.

70. Карпов Ф. Нефтяное дело в Терской области // Терский сборник. – Владикавказ,1890. – Вып. 1. Отд.1.

71. Карцов А.П. Письма из губернии. Терская область // Русский вестник. – СПб.,1894. – Т.234.

72. К вопросу о переселении черкесов // Современный листок. – 1864. – №24.

73. К вопросу о переселенческом движении туземцев Терской области // Донская речь. – Р н/Д.,1902. – №10.

74. Кемпинский Э.В. Экономическое развитие Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX – начале XX вв. // Сборник Русского исторического общества. – М.,2003. – №6.

75. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – М.,1983. – №4.

76. Козлов В.А.; Козлова М.Е. Патерналистская утопия и этническая реальность: чеченцы и ингуши в Сталинской ссылке (1944-1953) // Вестник архивиста. – М.,2003. – №3-4(75-76).

77. Колесникова М.Е. И.В. Бентковский – краевед и историк Северного Кавказа // Отечественные архивы. – М.,2004. – №1.

78. Кончин Е. Из-под руин // Культура. – М.,1995.

79. К переселению черкесов в Турцию // Весть. – СПб.,1864. – №23.

80. Кузьминов П.А. Причины крестьянской реформы у народов Северного Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004.

81. Латынина Ю. Идея нации и идея империи // Знание-сила. – 1993. – №4.

82. Лежиков А. Родина вторая, родина первая // Азия и Африка сегодня. – 1991. – №10.

83. Максимович. Статистические сведения о скотоводстве в Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ,1875. – №41.

84. Мамбетов Г.Х. Институт аманатства и его роль в распространении и изучении русского языка на Северном Кавказе // Вестник Кабар-

дино-Балкарского гос. ун-та. Серия гуманитарные науки. Вып.8. – Нальчик,2003.

85. Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов на пути к власти: (XIX в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2001. – №4.

86. Манкиев А.А. Об истоках «чеченского кризиса» // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д.,2005. – №1.

87. Маремкулов А.Н. Инструкции представителей царского самодержавия на Северном Кавказе как нормативные правовые акты (XVIII – XIX вв.) // Отечественные архивы. – М.,2005. – №5.

88. Маркграф О. Чеченские селения // Терские ведомости. – Владикавказ,1881. – 21 ноября.

89. Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. – Тифлис,1897. –Кн.19.

90. Маркусова В.А. Цитируем ость российских публикаций в мировой научной литературе // Вестник Российской академии наук. – М. – Т.73. №4.

91. Мартовицкая А. Убить передвижника или Еще раз об искусстве точечных ударов // Культура. – М.,2000. – №8.

92. Матвеев В. В интересах горцев. О системе управления на Северном Кавказе // Ориентир. – М.,1999. – №11.

93. Матвеев В. Кавказская война минувшего века: итоги и уроки // Ориентир. – 1998. -№10.

94. Матвеев В.А. Особенности административно-политического обустройства окраин Российской империи (на примере Северного Кавказа) // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Серия Общественные науки. – Р н/Д.,2006. – №1.

95. Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. -№4.

96. Матвеев В.А. «Русские покушались строить мечети…» // Родина. – М.,2004. – №4.

97. Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX – XX вв. // Известия ВУЗов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. –2001. – №3-4.

98. Матвейчук А. Магистр технологии // Нефть России. – М.,2005. – №12.

99. Материалы для статистики Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ,1884. – №9,85.

100. Мемуары генерала Мусса-Паши Кундухова // Дарьял. – 1995. –№1-2.

101. Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. – М.,1998. -№1.

102. Музаев Т. Тапа // Голос Чечено-Ингушетии. – Грозный,1992. -№76.

103. «Наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором политики внешней». С.Ю. Витте и его позиция в мусульманском вопросе // Источник. Документы русской истории. – М.,2003. -№2.

104. Наши городские банки // Терские ведомости. – Владикавказ,1879. -№26.

105. Неверов Я.М. К вопросу об образовании инородцев // Журнал министерства народного просвещения. – СПб.,1869. –Ч.CXLVI.

106. Невский С.А. Правовое регулирование оборота оружия на Кавказе в XIX – начале XX века // Военно-исторический архив. М.,2004. – №9(57).

107. Некролог. Бентковский И.В. // Новое обозрение. – Тифлис,1890. – №2300.

108. Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. – М.,1888. – №27,32.

109. Новая мусульманская секта Зикра или Зекир из восточной стороны Кавказа // Московские ведомости. – М.,1864. – №36.

110. Общие правила ветеринарного надзора и порядка передвижения скота // Ставропольские губернские ведомости. Приложение к №28. – Ставрополь,1890. – №28.

111. Огранович И. // Поездка в Ичкерию // Кавказ. – Тифлис,1866. – №23.

112. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. – М.,1893. – Т.79. №VII.

113. Ом. Кавказская хроника // Кавказский вестник. – Тифлис.,1901. – №5.

114. О проекте Г. Любанского // Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь,1858. – №18.

115. Оса. Пчеловодство в Терской области // Казбек. – Владикавказ,1896. – №119.

116. Официальная летопись // Кавказ. –1870. -№57.

117. Павильонов С.П. Кавказские очерки и заметки. Причины, задерживающие образование мусульманского населения на Кавказе // Церковная летопись. –1874. -№15.

118. Пальм. Кавказские губернаторы о Кавказе (Материалы для истории Кавказского мятежа) // Исторический вестник. – СПб.,1910. – Т.121. Год 31.

119. Первая народная школа в Чечне // Терские ведомости. – Владикавказ,1897. -№108.

120. Первая Терская сельскохозяйственная выставка в г. Владикавказе // Терские ведомости. – Владикавказ,1898. -№113.

121. Перебийнос Ф. Асланбек Шерипов // Советский Северный Кавказ. –1926. -№19-20.

122. Передпольский Г. Несколько слов об учителях городских училищ вообще и на Кавказе в частности // Кавказский вестник. – 1901. – №3.

123. Першиц А.И.; Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. – 1998. -№1.

124. Печерин А.И. Сотворение Большого Кавказа // География в школе. –2000. -№1.

125. Пляскин В.П. Русская армия в послевоенном обустройстве Кавказа (втор. пол. XIX –нач. XX в.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д.,2002. -№3.

126. Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д.,2002. – №2.

127. Понамарева Е.Ю. Возникновение и деятельность общественных организаций Ставропольской губернии как отражение насущных потребностей населения в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник СГПИ. Вып.7. – Ставрополь,2006.

128. Попов В.В. Горцы честно служили России // Военно-исторический журнал. – М.,1997. -№2.

129. По Чечне и Дагестану // Справедливость. – М.,2003. -№3-4 (125-126).

130. Правилова Е. «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – начала XX вв. // Ab imperio. – Казань,2002. – №4.

131. Правительственный вестник // Русский инвалид. – 1870. -№50.

132. «Предоставляется совершенная свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере». Генерал А.А. Вельяминов об управлении духовной жизнью горцев Кавказа // Источник. Документы русской истории. – М.,2003. -№5.

133. Пржецлавский П. Несколько слов о военном и гражданском устройстве Чечни и Дагестана во время правления имама Шамиля // Кавказ. – Тифлис,1863. – №64.

134. Приложения к мемуарам генерала Мусса-Паши Кундухова // Дарьял. – 1995. -№3.

135. Решетин Н. Родной язык в туземной школе // Терские ведомости. – Владикавказ,1910. -№254.

136. Романовский В. Развитие учебного дела на Кавказе и в бывшем царстве Грузинском в XIX веке // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №11.

137. Россиков К.Н. Поездка в Чечню и Нагорный Дагестан // Записки Кавказского отделения Русского Географического общества. – Тифлис,1884. – Т.13. №1.

138. Рябушев А. Дудаевцы похитили уникальные музейные экспонаты // Российские вести. – М.,1996. – №34.

139. Самойлов Л. Грозный – город удивительной судьбы… // Родина – М.,2006. – №12.

140. Северикова Н.М. У истоков русского просвещения // Московский университет. – М.,2005. – №7(4112).

141. Северный Кавказ, 28 ноября // Русские ведомости. – М.,1902. – №336.

142. Сенин А.С. «Требует большого искусства и осмотрительности…»(Из истории управления национальными окраинами Российской империи) // Этнополитический вестник. – М.,1996. –Т.I (13).

143. Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во втор. пол. XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. – М.,2002. – Сер.8. История. – №3.

144. Смирнов М. Заметка о необходимости этнографических изысканий на Кавказе // Кавказ. – Тифлис,1874. – №11,28.

145. «Совершено повсеместное освобождение холопов во вверенной мне области». Рапорты начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова. 1866-1867 гг. (Ю.Н.Герасимова) // Исторический архив. – М.,2005. – №6.

146. Солдатов С.В.; Худобородов А.Л. «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании». Князь Г.Г. Гагарин о политике России на Кавказе. 1884. // Исторический архив. – М.,2004. -№1.

147. Рональд Суни. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio. – Казань,2001. – №1-2.

148. Тедтоев А. К вопросу о переселении части горцев в Турцию // Молодой коммунист. – Дзауджикау,1953. – №63.

149. Терская область. Безземельный пролетариат среди горского населения // Бакинские известия. – Баку,1903. – №72.

150. Терская область на Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 г. // Терские ведомости. – Владикавказ,1889. – №98.

151. Фадеев Р.А. Отрывки из записки генерала Фадеева о Кавказе // Русь. – 1884. -№3.

152. Хасбулатов А.И. Землевладение и землепользование Терского казачества (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д.,2005. – №4.

153. Хасбулатова З.И. Структура сельской общины и патронимия у чеченцев во второй половине XIX века // Вестник Московского университета. Серия8. История. №1.

154. Хасиев С.-М.А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в XIX – XX в. // Советская этнография. – М.,1973. – №1.

155. Хроника. Скончался Смекалов // Терские ведомости. – Владикавказ,1890. – №11.

156. Хроника Чеченского восстания 1877 г. // Терский сборник. – Владикавказ,1890. -№1.

157. Цогоев В.Г. Архивное дело в Терской области в 1860-1917 гг. // Отечественные архивы. – М.,2003. -№2.

158. Чебриков С. Чеченское оружие // Справедливость. – М.,2002. -№16-17 (117-118).

159. Чеснов Я.В. Над чем смеются чеченцы: (Этнологическое исследование) // Знание – сила. – 2001. – №7.

160. Чеченские сказки и легенды // Терские ведомости. – Владикавказ,1880. – №43.

161. Шамиль и Чечня // Военный сборник. – СПб.,1859. – №9.

162. Шотин Ф. Правда о Кавказских горцах // Санкт-Петербургские ведомости. – 1900. -№172.

163. Штакельберг Э. Кавказские народы // Русский инвалид. – СПб.,1846. – №21.

164. Яковлев Н. Развитие национальной письменности у восточных народов Советского Союза и зарождение их национальных алфавитов // Революционный Восток. – 1928. -№3.

165. Ярлыкапов А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. – М.,2003. – №2.

Монографии.
Научные статьи в брошюрах и сборниках

1. Абашин С.Н.; Бобровников В.О. «Соблазны культа святых» // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. – М.,2003.

2. Абрамов Я.В. Кавказские горцы. – Краснодар,1927.

3. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.) Кн.1 / Сост.: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сухум,2005.

4. Авдаков И.Ю. Экспозиции Кавказа и Средней Азии на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде // Кавказ: история, культура, традиции и языки. – Сухум,2004.

5. Аверин М.Б. Особенности управления национальными окраинами России кон.XIX – нач.XX в. (на примере Кавказского края) // Государство и право: проблемы, помехи, решения и предложения. Вып.I. – Ульяновск,1996.

6. Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь,1973.

7. Авксентьев А.В.; Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь,1994.

8. Авраменко А.М.; Матвеев О.В.; Ратушняк В.Н.; Матющенко П.Н. История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории. – Краснодар,1995.

9. Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни (К 10-летию Советской Чечни) – Грозный,1930.

10. Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д.,1931.

11. Авторханов А.Г. Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа // ЧИНИИ. Известия. Т.1. Вып.1. – Грозный,1936.

12. Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998.

13. Агаев А.Г. Магомед Ярагский: Мусульманский философ, поборник веры, свободы, нравственности. – Махачкала,1996.

14. Агишев Н.М.; Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. – СПб.,1912.

15. Аджамов Б. Святыни Дагестана. – Махачкала,2005.

16. Аджи М. Азиатская Европа. – М.,2006.

17. Айбатов М.М. Государственно-правовая мысль народов Северного Кавказа (XIX – начало XX в.). – М.,2006.

18. Айдарова Н.М., Гусаева К.Г. Теоретико-правовые проблемы регулирования межнациональных отношений: Монография. – Махачкала,2006.

19. Айдемиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1991.

20. Айдемиров А.А. Эстетическая культура народов Северного Кавказа / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь,1999.

21. Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ,2002.

22. Айларова С.А. Северокавказское просветительство 60-70-х гг. XIX века и статья У.Лаудаева «Чеченское племя» // Вопросы политологии, истории и социологии: Сборник научных трудов. Вып.3. – Владикавказ,2000.

23. Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). – М.,2006.

24. Акаев В.Х. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М.,2006.

25. Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М.,1999.

26. Акаев В.Х. Чеченское общество в поисках геополитической и социокультурной идентичности // Современные проблемы геополитики Кавказа. Сборник научных статей. – Р н/Д.,2001.

27. Акиев Х.А. Привилегированное сословие горцев Северного Кавказа на службе в царской армии и милиции // Вопросы истории,

классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). – Грозный,1980.

28. Акиева Х.М. Орнаментация войлочных ковров чеченцев и ингушей // «Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития», региональная научно – практическая конференция. – Махачкала,1986.

29. Аксютин Ю.М. Проблема идентичности малых этносов в имперской культуре России // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции 22-23 сентября 2006 г. г.Абакан. – Абакан,2006.

30. Александров В.А. Отечественная наука XIX – нач.XX вв. об обычном праве в России // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж,1983.

31. Алексеев И.Л. Ислам в русском общественном сознании // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М.,2001.

32. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). – М.,2007.

33. Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.). – Махачкала,2001.

34. Алиева Н.Э., Наменатов Р.А., Селиванова Н.А. Издания Кавказского статистического комитета как источник по истории книжного дела на Северном Кавказе // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар,2005.

35. Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведенным в 1912 году. – Владикавказ,1914.

36. Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный,1978.

37. Аминева Е.Ю. Заметки о фольклоре Северо-Кавказского региона (Чечня глазами российского солдата) // Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы: сборник научных трудов. Вып.2. – Саратов,2005.

38. Андриевский Д.И. Население Кавказа как источник комплектования армии. По данным десятилетия 1892-1901 гг. – Тифлис,1906.

39. Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. – М.,2001.

40. Арапов Д.Ю. Д.А. Милютин о «мусульманстве» // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических

наук: Межвузовский сборник научных и научно-методологических трудов. Т. Вып.2. – М.:МГИУ.,2003.

41. Ардасенов А.Г. По поводу лесных пожаров. – М.,1902.

42. Арсанукаева М.С. Судопроизводство по частноправовым спорам на основе адата у чеченцев. Конец XVIII – начало XIX века // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М.,2006.

43. Арцишевский А. Условия нашей борьбы с соседями на Кавказе раньше и теперь. – М.,1908.

44. Асланов Л.А. История России: были и небылицы // Россия державная: В 2-х частях. Ч.1. – М.; Волгоград. – 2006.

45. Асфендияров А.З. Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии. Дореволюционный период. – Уфа,1969.

46. Асхабов И. А.-Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

47. Аталиков В.М. Страницы истории. – Нальчик,1987.

48. Афанасьев А.И. Начало большого пути. – Грозный,1970.

49. Ахмадов Х.С. Царская администрация и вопрос о сословиях в Чечено-Ингушском обществе второй пол. XIX – нач. XX вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988.

50. Ахмадов Ш.Б. Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа и России в прошлом // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М.,2006.

51. Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

52. Ахмадов Ш.Б. Обычаи и традиции чеченцев как непреходящие ценности духовной культуры народов // Юг России: культурно-исторический феномен. Сборник научных статей. – Элиста,2004.

53. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М.,2001.

54. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005.

55. Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д. Русско-чеченское этнокультурное и хозяйственное взаимовлияние на Тереке в XVI – XVIII веках // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

56. Багаев М.Х. Роль Российской академии наук в становлении археологии Чечни: состояние и перспективы // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М.,2004.

57. Багаев М.Х. Русская и советская историография древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев // Культура Чечни. – М.,2002.

58. Багров Л. История русской картографии. – М.,2005.

59. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001.

60. Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М.,1987.

61. Бажанов Е. Страна незаходящего солнца. Национальная политика Российской империи и самоназвание русского народа. – Самара,2006.

62. Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик,2002.

63. Баландья Ж. Политическая антропология. – М.,2001.

64. Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М.,2001.

65. Баррет Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара,2000.

66. Батунский М.А. Россия и ислам. Т.III. – М.,2003.

67. Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). – М.,2004.

68. Баязетов И.–М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887.

69. Баязитов А. Ислам и прогресс. – СПб.,1898.

70. Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1989.

71. Бейджент М. Запретная археология. – М.,2006.

72. Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003.

73. Бекмаханова Н.Е. Национальный (этнический) и конфессиональный состав казачьих войск Российской империи в XIX – нач.

XX вв. // Казачество как фактор исторического развития России. – СПб.,1999.

74. Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. – СПб.,1910.

75. Белогриц – Котляровский Л.С. Преступления государственные. – Киев; СПб.; Харьков,1904.

76. Белозёров В. Этническая карта Северного Кавказа. – М.,2005.

77. Бентковский И.В. Обзор Ставропольских конских скачек на императорские призы // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т.VI. – Ставрополь,1910.

78. Бережная Н.Н., Еремина А.В. Общее и особенное в текстах провинциальных историописателей Северного Кавказа (конец XIX – начало XX века) // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. – Челябинск,2006.

79. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. – Казань,1850.

80. Берозов Б.П. К вопросу об особенностях и формах аграрного движения и классовой борьбы осетинского крестьянства в пореформенный период // Проблемы и культура народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985.

81. Бёрбэнк Д. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М.,2004.

82. Бесленеев М.С. Роль иностранного капитала в экономике пореформенной России // Исторические этюды. Сборник статей. Вып.3. – Карачаевск,2005.

83. Битова А. «У нас есть одно достояние общее…у нас есть русский язык» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М.,2006.

84. Блиев М.М. О некоторых вопросах истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI – XIX в. // СО Пед. ин-т. Учёные записки. Т.27. Вып.I. – Орджоникидзе,1967.

85. Блинов А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб.,1905.

86. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана.– М.,2002.

87. Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800-1917) // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999.

88. Богородица. 2000 лет в русском и мировом изобразительном искусстве. – М.,2004.

89. Божедомов А.И. Земельная рента в капитал нефтедобывающей промышленности. – …..Грозный,1958.

90. Божедомов А.И. Откупное нефтяное хозяйство Чечено-Ингушетии в пореформенный период и его место в мировой капитализации нефтяной промышленности // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.10-11. – Грозный,1977.

91. Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998.

92. Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования: монография. – М.,2006.

93. Бороденко В.Е. Административно-церковное управление Предкавказья в XIX в. // Проблемы историографии и истории Кубани. Сборник научных трудов. – Краснодар,1994.

94. Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб.,2004.

95. Булгаков М.Б. Экономические взаимосвязи народов // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003.

96. Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо – Западный Кавказ в 90-е годы XIX века. – Майкоп,2002.

97. Бушуев С.К. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905-1917 гг. – Грозный,1941.

98. Бэрзэдж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996.

99. Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный,1984.

100. Васильев А.М. Кавказская война во взглядах и деятельности Д.А. Милютина // Военная реформа в России: история и современность. – Екатеринбург,2002.

101. Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и древних Европейских государствах. Т.2. – СПб.,1876.

102. Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. – М.,1973.

103. Вейденбаум Е. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов. – Б.м.,1875.

104. Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис,1888.

105. Вейссенгоф С. Сведения о состоянии орошения на Кавказе по 1883 год. – Тифлис,1883.

106. Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005.

107. Верт В.Пол. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005.

108. Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Вып.4. – Владикавказ,1897.

109. Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М.,2007.

110. Вивчарь Г.М. Только вместе, только в дружбе. – Майкоп,2006.

111. Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Серия «Вопросы Северокавказской истории». – Армавир,2002.

112. Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 года. – Армавир,2002.

113. Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечено-Ингушетии в 1917-1937 годах. – Тверь,2003.

114. Вовк А.С. Регулирование положения иностранного капитала в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. Вып.8. – М.,Волгоград,2006.

115. Волкова Н.Г. Основные демографические процессы // Культура и быт народов Северного Кавказа. – М.,1968.

116. Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Кавказа в общественном быту (XIX – нач. XX в.) // Кавказский этнографический сборник. Т.IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М.,1989.

117. Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление Наместничества на Кавказе // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М.,2006.

118. Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины 1 тысячелетия до н.э. – Владикавказ,2002.

119. Воробьёв Б. Земельный вопрос у казаков. – СПб.,1908.

120. Воронец Е.Н. Нужны ли для России муфтии? – М.,1891.

121. Воронина О.Г. Из истории изучения национального конфликта (Чечня и развитие российско-чеченских отношений) // Universitas: Наука в контексте современной культуры. Сборник статей. – СПб.,2001.

122. Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала,1972.

123. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. – М.,1961.

124. Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области. Исторический очерк (составлен на основе официальных документов). – Тифлис,1905.

125. Гакаев Дж. Дж. Он достоин памяти народной (Краткий исторический очерк о Т.А.Эльдарханове). – Грозный,1991.

126. Гакаев Дж.Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. – М.,1997.

127. Гакаев Д.Д. Развитие гуманитарных наук как фактор политической стабильности // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития М.,2004.

128. Гакстгаузен А. Фон Август. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Чёрным и Каспийским морями. – СПб.,1857.

129. Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа // СОНИИ. Известия. Т.25. – Орджоникидзе,1966.

130. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.,1998.

131. Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М.,1895.

132. Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии // Из истории дореволюционного Дагестана: Сборник научных трудов. – Махачкала,1976.

133. Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – перв. пол.XIX в.). – М.,1972.

134. Гапуров Ш.А. Еще раз о горско – казачьих набегах // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М.,2006.

135. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик,2003.

136. Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ,1992.

137. Гатагова Л.С. Северный Кавказ // Русское население национальных окраин России XVII – XX вв. – М.,2000.

138. Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998.

139. Гвоздецкий Н.А., Федчина В.Н., Азатьян А.А., Донцова З.Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX – начале XX вв. – М.,1964.

140. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М.; Пятигорск,1992.

141. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / Переизд. с изд. 1799 г., с испр. и доп. – СПб.,2005.

142. Гарасимова Г.И. «Известный изобразитель Кавказской жизни». К 15-летию со дня рождения Ф.А. Рубо // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М.,2006.

143. Герсеванов М.Н. Кавказские железные дороги. – М.,1874.

144. Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб.,1908.

145. Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн.I. – Грозный,1999.

146. Голованова С.А. Казачество на Северном Кавказе: проблема институализации // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002.

147. Голубева Т.Г. Местное самоуправление: история и современность, теория и практика // Сборник научных статей. Юбилейный сборник. – Ставрополь,2004.

148. Гонтарева Е.Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т.VI. Вып.1. Статьи и материалы по истории Чечено – Ингушетии. – Грозный,1965.

149. Гонтарева Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный,1965.

150. Горбунов А.П. «Свое» и «чужое» в истории Кавказской войны и ее отображении: преодоление противостояния // История Северного Кавказа: социально-экономические, национальные и политические процессы. – Пятигорск,2004.

151. Гордеев А.А. История казаков со времени царствования Петра Великого до начала великой войны 1914 года. – М.,1992.

152. Гордин Я.А. Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов // Империя и либералы (Материалы международной конференции). Сборник эссе. – СПб.,2001.

153. Город Грозный. Популярные очерки истории. – Грозный,1984.

154. Город Моздок: Исторический очерк / Под ред. А.Г. Кучиева. – Владикавказ,1995.

155. Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984.

156. Градовский А.Д. Начала русского государственного права // Градовский А.Д. Собрание сочинений в 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб.,1907.

157. Градовский А.Д. Собрание сочинений: В 9 т., Т.1-2. Т.6. – СПб.,1901. Т.9. – СПб.,1908.

158. Градовский А.Д. Современное воззрение на государство и национальность. – М.,1872.

159. Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. – СПб.,1878.

160. Гранкин Ю.Ю., Землянский А.В. Северный Кавказ и его колонизация Россией в 30-90 годы XVIII века. Монография. – Пятигорск,2006.

161. Гриценко Н.П. Города Северо – Восточного Кавказа и производительные силы края V – XIX вв. – Р н/Д.,1984.

162. Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный,1972.

163. Гриценко Н.П. Землепользование терских казаков и переселенцев // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный,1967.

164. Гриценко Н.П. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период // ЧИНИИ. Известия. Т.5. Вып.1. История. – Грозный,1964.

165. Гриценко Н.П. Рабство и работорговля в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX вв.) // Известия ЧИНИИ. Т.X. – Грозный,1976.

166. Гриценко Н. Русские просветители XIX века среди кавказских народов // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – XX вв. – Грозный,1981.

167. Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900). – Грозный,1963.

168. Гроссман Л.Т. Бархатный диктатор. – М.,1933.

169. Гусейнов Г.-Р.А.-К, Куркиев А.С. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией: (Дооктябрьский период). – Грозный,1992.

170. Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 11770-1773 гг. – СПб.,2002

171. Давидсон А. Наследие имперского прошлого // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М.,2004.

172. Давудов О.М. Дагестан накануне и в период русско-турецкой войны 1877-78 годов. Внутриполитическая обстановка. Обозрение классовой борьбы // История Дагестана с древнейших времен до наших дней. – М.,2004.

173. Даглат У.Б. Вклад Б.К. Далгата в популяризацию древней обрядово-вербальной культуры вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

174. Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX вв. – СПб.,1996.

175. Дамения И.Х. Россия. Абхазия: Из истории культурных взаимоотношений в XIX – нач. XX в. – СПб.,1994.

176. Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис-Меликов. – Шушан – Ереван, 1997.

177. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. – М.,1846.

178. Дауев С.А. Чечня: коварные таинства истории. – М.,1999.

179. Дегоев В.В. Генерал Мусса Кундухов: история одной иллюзии. (К проблеме национально-культурного самопожертвования в русско-кавказском мире) // Сборник Русского исторического общества. Т.7(155). Россия и мусульманский мир. – М.,2003.

180. Дегоев В. Два века и мира на Кавказе // Россия и Чечня: поиски выхода. – СПб.,2003.

181. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.,2001.

182. Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х г. XIX века. – Владикавказ,1992.

183. Дегоев В.В. К возобновлению издания «Кавказских сборников». Т.1(33). – М.,2004.

184. Дегоев В.В. Об исторических аспектах взаимоотношений «Центр-периферия» в Кавказском контексте // Вестник института цивилизаций. – Владикавказ,1998.

185. Денискин В.И. Зерновое хозяйство Терских казаков во втор. пол. XIX в. // ЧИНИИ ИЯЛ Т.9. Ч.3. Вып.1. Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1974.

186. Денискин В.И. Об условиях и характере развития земледелия у терских казаков в конце XIX в. // К вопросу о революционных преобразованиях на Северном Кавказе за годы советской власти. – Орджоникидзе,1974.

187. Денисова Н. Роль адыгских просветителей в развитии идеи демократизации образования на Северо – Западном Кавказе (XIX – нач. XX вв.) // История и культура народов Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. – Р н/Д.,1999.

188. Димаев С.У. Становление чеченской профессиональной музыки, место и роль в этом процессе инонациональных композиторов // Культуры Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

189. Дешериев Ю.Д. Роль русского языка и русской культуры в духовном развитии народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный,1982.

190. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. – М.,2006.

191. Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. – Орджоникидзе,1988.

192. Джафаров К.И., Гареева Т.Б. Очерки истории нефтяных промыслов Северного Кавказа. – Уфа,1998.

193. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.). – Нальчик,2001.

194. Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975.

195. Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ,1994.

196. Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тьифлис,1880.

197. Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905.

198. Дневник князя Амилахвари // Кавказский сборник / Под ред. Потто. Т.XXVIII. – Тифлис,1908.

199. Добаев И.П. Северный Кавказ и российский ислам: некоторые историко-политологические проблемы изучения // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.). – Р н/Д.,2000.

200. Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Полное собрание сочинений. Т.4. – М.,1937.

201. Дорожкин А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. – М.,2004.

202. Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т.1. Центр и окраины. – М.,1908.

203. Драгоманов М. Соловья баснями не кормят. – Женева,1880.

204. Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах:1802-1917 годы. – Красноярск,2005.

205. Дубенцов Б.Б. М.Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880-1881 гг. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб.,2003.

206. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб.,1871.

207. Дудова С. Ислам в Карачаево – Черкесии: от истории к перспективам: монография. – Пятигорск,2006.

208. Думанов З.Б. Внутренние миграции на Северо – Западном и Центральном Кавказе в первой половине XIX века // Исторический вестник. Вып. III. – Нальчик,2006.

209. Дунюшкин И.Е. Юг России: накануне катастрофы: Борьба органов государственной власти и терского казачества с национал – клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в начале XX века: Монография. – Екатеринбург,2003.

210. Дыбо В.А. Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2-х кн. Кн.1. – М.,2006.

211. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX вв.) – СПб.,1998.

212. Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. – СПб.,1914.

213. Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политического прогресса. – СПб.,1908.

214. Ермаков В.П., Чекменев С.А. Русская колонизация Степного Предкавказья // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных, социально-экономических и политических процессов). Ученые записки. Вып.3. – Пятигорск,2004.

215. Ермаков И.А. Ислам в культуре России. – М.,2001.

216. Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. – Казань,2004.

217. Ерохин П.М. Горные курорты Чечни // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.1. – Р н/Д.,1928.

218. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.,1968.

219. Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. – М.,2006.

220. Журавлев В.В. Общество Владикавказской железной дороги и развитие нефтепромыслов на Северном Кавказе // Очерки социально-экономической и политической истории СССР. – М.,1964.

221. Загурский Л.П. П.К. Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып.X. – Тифлис,1881.

222. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870-х гг. в России. – М.,1952.

223. Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках. Т.1. – М.,1976.

224. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М.,1968.

225. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.,1978.

226. Закс А.Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936-37 гг. // Труды Государственного Исторического музея. Вып.XV. Сборник статей по истории СССР. – М.,1941.

227. Зарождение и развитие земледелия на Северном Кавказе. – Майкоп,2001.

228. Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне. – М.,2000.

229. Захаров В.А., Кравцова Т.Ю. «Кавказский сборник» // Кавказский сборник. Т.1(33). – М.,2004.

230. Зейдлиц Н.К. Очерк южно-каспийских портов и торговли. – Тифлис,1870.

231. Зинченко Г.Г. Современная советская историография развития промышленности в период капитализма. – Р н/Д.,1980.

232. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). – СПб.,1879.

233. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский (1815-1879). Т.1. – М.,1888.

234. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский // Русский архив. Кн.1. Вып.1. – М.,1889.

235. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский. 1815-1879. Т.3. – М.,1891.

236. Зуйкина Е.А. К вопросу о роли русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп,1994.

237. Ибрагимова З.Х. Восточный Кавказ. – М.,2004.

238. Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М.,2003.

239. Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880 гг.). М.,2001.

240. Ибрагимова З.Х. Чеченская история: Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002.

241. Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863-75 гг.) (По архивным источникам). – М.,2000.

242. Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910.

243. Иванов А.И. Социально-экономическое положение Чечни и Дагестана в 60-70 гг. XIX века // Ростовский Пед. ин.-т. Ист. фак. Ученые записки. Т.1. – Р н/Д.,1941.

244. Иванов К.В. Редактор газеты «Кавказ» В.В. Стратонов (1910-1911 гг.) // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар,2005.

245. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М.,2004.

246. Игнатьев Е. Россия и окраины. – СПб.,1906.

247. Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.,2001.

248. Изгоев А.С. Общинное право. – СПб.,1906.

249. Иллерицкая Н.В. Некоторые вопросы истории России в трудах В.И. Сергеевича, А.Д. Градовского и Ф.И. Леонтовича // История и Историки. – М.,2001.

250. Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993.

251. Ильясов Л.М. Средневековая чеченская архитектура // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

252. Ильясов Л. Тени Вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. – М.,2004.

253. Империя и либералы (Материалы международной конференции). Сборник эссе. – СПб.,2001.

254. Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. – Саратов,1996.

255. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. / Под ред. В.В. Черкесова. Т.1. – СПб.,2001. Т.2. – СПб.,2003.

256. Исаев С.-А.А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. – Грозный,1979.

257. Исаева Т.А. К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1. – Грозный,1978.

258. Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1977.

259. Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов – Дашков. Наместник Кавказский. – М.,2005.

260. Исмаил-Заде Д.И. Система управления и российская бюрократия // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003.

261. Исторический отдел // Терский календарь на 1896 год. Вып.V. – Владикавказ,1895.

262. Исторический очерк Землеустройства казачьих войск. Т.XI. Ч.IV. – СПб.,1911.

263. Исторический очерк о Терской области. – Б.м., Б.г.

264. История и основные этапы становления государственной границы на юге России и перспективы развития Краснознаменного особого пограничного округа. – Ставрополь,1997.

265. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. Т.1-2. – М.,1967.

266. История народов Северного Кавказа (кон.XVIII в. – 1917 год). Т.1-2. – М.,1988.

267. История религий в России. – М..2001.

268. История СССР. Учебник для педагогических институтов. 1861-1917 г. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М..1990.

269. История Чечни (XIX век). – Грозный,2006.

270. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М.,2003.

271. Ищенко В.А. Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX в. // Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.А., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. – Ставрополь,2005.

272. Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. – Ставрополь,2005.

273. Кабузан В.М. Динамика численности и этнического состава населения Чечено-Ингушетии в XVIII – XX веках // Труды Института российской истории / Ин-т Росс. истории РАН. – М.,1997. Вып.5. – М.,2005.

274. Кавказ. – СПб.,1902.

275. Кавказец. Что сделала для Кавказа Россия под скипетром дома Романовых. – Тифлис,1913.

276. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.,2005.

277. Кадиев Д.А. Грозный – столица Чеченской Республики. – М.,2003.

278. Казбеков Г.В. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии (1860-1940). – Орджоникидзе,1963.

279. Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989.

280. Казиев Ш. Имам Шамиль. – М.,2006.

281. Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М.,2003.

282. Казначеев А. Административные преобразования в Терской области (1860-1905 гг.). – М.,2004.

283. Казначеева Т.П. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа // Ставропольский Пед.ин-т. Ученые записки. Некоторые вопросы кавказоведения. Вып.1. – Ставрополь,1971.

284. Калантар А. Молочное хозяйство на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис,1901.

285. Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.2. – Тифлис,1890.

286. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач.XX вв.). – Нальчик,1995.

287. Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ,2002.

288. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981.

289. Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М.,1993.

290. Калоев Б.А. Чеченцы // Народы Кавказа / Под ред. М.О. Косвена и др. Т.1. – М.,1960.

291. Канода Н.Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881-1917 гг.). – Ашхабад,1991.

292. Кантария М.В. Агрикультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии: (Этнографические данные) // Кавказский этнографический сборник. Вып.VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси,1986.

293. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.,2000.

294. Караев Т.М. Россия и Кавказ. Проблема культурной ориентации. – М.,2001.

295. Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.1. – М.,1990.

296. Касумов А.Х. Разные судьбы. – Нальчик,1967.

297. Кемпинский Э.В. Первая российская революция и национально-горское движение в Терской области // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.,2005.

298. Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо – кавказское исследование). – М.,2005.

299. Кемпинский Э.В. Формирование интеллигенции в условиях полиэтничной Терской области в конце XIX – начале XX в. // Межэтническое взаимодействие на юге России: проблемы и пути решения в условиях социальной трансформации: сборник статей по материалам третьей региональной научно – практической конференции. Ставрополь, 20 июня 2003. – Ставрополь,2003.

300. Керимов И.А., Даукаев А.А. История зарождения и развития ГРР и добычи нефти и газа на территории ЧР // Труды Грозненского государственного нефтяного института им. акад. М.Д. Миллионщикова. Вып.5. – Грозный,2005.

301. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. – Махачкала,2003.

302. Киняпина Н.С. Внешняя политика России втор. пол. XIX в. – М., 1974.

303. Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного // Известия Грозненского краеведческого музея. Вып.5. – Грозный,1953.

304. Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. – М.,2004.

305. Климович Л.И. Ислам в царской России. Очерки. – М.,1936.

306. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / Под ред. Академика В.Б. Виноградова. – Пятигорск,2006.

307. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в 9 томах. Т.1. – М.,1987.

308. Книга для всех. – М.,1997.

309. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1-2.

310. Ковалевский М.М. Конституция гр. Лорис-Меликова и его частные письма. – Берлин,1904.

311. Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб.,1912.

312. Ковалевский П.И. Кавказ. Т.1. Народы Кавказа. – СПб.,1914.

313. Козенкова В.И. Древние основы культурного наследия нахского этноса. К истокам горского менталитета // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

314. Кокиев Г. Крестьянская реформа в Северной Осетии. – Б.м.,1940.

315. Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (втор. пол.XIX – нач. XX вв.) – Грозный,1989.

316. Кокурхаев К.А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории Чечено-Ингушетии / Чечено-Ингушский ин-т ист., соц. и филол. – Грозный,1977.

317. Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник статей. Вып.4. – Ставрополь,2001.

318. Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры Терских казаков. – Нальчик,1994.

319. Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма / Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции // ЧИНИИ.

Известия. Т.4.Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1964.

320. Колосов Л.Н. О степени изученности Грозненского нефтяного дела // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1-2. – Грозный,1978.

321. Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный,1962.

322. Колосов Л.Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893-1917). – Грозный,1965.

323. Конопка С. Кавказ. – Тифлис,1914.

324. Константинов О.А. Северный Кавказ (Северо-Кавказский край и Дагестан). – М.;Л.,1930.

325. Конфессии Северного Кавказа. Конфессиональный диалог-путь к духовному обогащению народов. – Пятигорск,2004.

326. Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.,2004.

327. Коренное население: Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1990.

328. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.2. Особенная часть. – СПб.,1893.

329. Корнилова А. Григорий Гагарин. – М.,2004.

330. Королев С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М.,2001.

331. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч.II. // Кавказский этнографический сборник. Т.46. – М.,1958.

332. Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824-1888). – СПб.,2005.

333. Кочекаев Б.– А.Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – XX в. – Алма-Ата,1969.

334. Кошев М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – XX век). – Майкоп,1999.

335. Кошубаев Д. От составителя // Мир дому твоему. Избранная проза народов Кавказа. – Нальчик,2003.

336. Краг Хелен, Ларс Функ Хансен. Северный Кавказ: народы на перепутье. – СПб.,1996.

337. Краснов А.Н. Отчет физико-математическому факультету о совершаемых студентами Харьковского университета научно-педагогических, географических экскурсий по Военно-Осетинской дороге // Записки императорского Харьковского университета. Кн.3. – Харьков,1896.

338. Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии: (1877-78 гг.). Т.1. – СПб.,1878.

339. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д.,1990.

340. Кривенко В.С. Очерки Кавказа. Поездки на Кавказ осенью 1888 года. – СПб.,1893.

341. Крикунов В.П. Краткий обзор указателей источников и литературы по истории Дона, Кубани и всего Северного Кавказа. – Отрадная,1999.

342. Крымский А. Школа, образованность и литература у российских мусульман. – М.,1905.

343. Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев,1913.

344. Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. – СПб.,1901.

345. Кузьминов П.А. М.Т.Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005.

346. Кузьминов П.А. Материалы сословно-поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа // De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919-1998) – Р н/Д.,2004.

347. Кузьминов П.А. Образование Терской области в 1860 г. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир,2002.

348. Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

349. Кумыков З.Т. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х гг. XIX века в историческом кавказоведении. – Нальчик,1998.

350. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик,1962.

351. Куприянов П.С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М.,2006.

352. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во втор. пол. XIX. в.: К проблеме развития капитализма вширь. – М.,1981.

353. Куприянова Л.В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период // Исторические записки. Т.73. – М.,1963.

354. Кутафин О.Е. Российская автономия: монография. – М.,2006.

355. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.3. – Тифлис,1883.

356. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л.,1978.

357. Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып.5. – Ставрополь,1966.

358. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995.

359. Ланцапова Л.Ю. Чеченский след в этнокультуре калмыцкого народа. Терские калмыки // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М.,2006.

360. Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ: История. Религия. Культура. – СПб.,2003.

361. Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII – XIX вв. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб.,2003.

362. Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия…» Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.,2005.

363. Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол.XIX в.). – М.,1998.

364. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о Кавказских горцах.. 1872. Вып.6.

365. Лемерль П., Кицикис Д. На перекрестке цивилизаций: Сборник. – М.,2006.

366. Лилов А. Деятельность Общества Восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-70 гг. – Б.м. Б.г.

367. Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911.

368. Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.,2001.

369. Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.,2006.

370. Лосев И.К. О классовом и обще демократичном содержании думских речей Т. Эльдарханова // ЧИНИИ. Известия. Т.III. Вып.1. – Грозный,1963.

371. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М.,1996.

372. Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907-1917 гг.). – Оренбург,2005.

373. Магомадов М.М. Сущность и факторы интенсификации производства // ЧИНИИИЯиЛ. Т.IX. Ч.4. Вып.1. Известия. – Грозный,1976.

374. Магомедов Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 г. – Махачкала,1940.

375. Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта народов Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (вторая половина XIX –начало XX вв.) // Вестник Сев.-Осет. гос.ун-та им. К.Л. Хетагурова. Гуманитарные науки. №1.– Владикавказ,1999.

376. Мадаева З.А. Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

377. Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. – Владикавказ,1890.

378. Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892.

379. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып.II. Чеченцы. – Владикавказ,1894.

380. Макшеев А. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб.,1867.

381. Малахова Г.Н. Государственное управление Кавказом – история и современность // Вертикаль власти: проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России. Вып.1. – Р н/Д.,2001.

382. Малахова Г.Н. Государственные реформы 60-80-х гг. XIX в. как завершающий этап включения Северного Кавказа в административную и экономическую систему России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб.,2003.

383. Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Р н/Д.,2001.

384. Малахова Г.Н. Судопроизводство горских народов в системе российской административной власти на Северном Кавказе (исторический аспект) // Этнос и власть: местное самоуправление и этнические конфликты. – Саратов,1999.

385. Маловичко С.И., Узденова Э.Б. Операционные возможности исследовательского поля «истории пограничных областей»(«the Borderlands history») и изучение контактных социокультурных зон Северного Кавказа // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. – Карачаевск,2003.

386. Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (сер.XVI – кон. XVIII вв.). – Нальчик,1996.

387. Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 г. – Грозный,1968.

388. Мальцев В.Н. Административные реформы в казачьих областях Северного Кавказа во втор. пол. XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград,1995.

389. Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999.

390. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.,1999.

391. Мамакаев М.А. Правовой институт тайпизма и процесс его разложения // Изв. Чечено-Ингушского НИИ. Т.1(4). Вып.1. – Грозный,1936.

392. Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный,1962.

393. Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – нач. XX века. – Нальчик,1962.

394. Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом (на примере «лиц кавказской национальности») // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – М.,1999.

395. Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (На примере Северного Кавказа). – Карачаевск,2001.

396. Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX – и начале XX в.: (Кисты Панкиси). – Тбилиси,1990.

397. Маргошвили Л.Ю. Мужская одежда вайнахов (в конце XIX – начале XX века) // Кавказский этнографический сборник. Т.VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси,1986.

398. Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв.: историко-правовой аспект. – Р н/Д.,2005.

399. Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882.

400. Маркграф О.В. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. – Владикавказ,1881.

401. Маркелов Н.В. Кавказские силуэты: история Кавказа в лицах. – Пятигорск,2006.

402. Маркелов Н.В. Поговорим о бурных днях Кавказа. – М.,2006.

403. Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М.,1893.

404. Марков Е.Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб., М.,1887.

405. Марковин В.И. Башенная архитектура и ее декор – неоценимый источник изучения культуры чеченцев и ингушей // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

406. Мартиросиан Г.К. Социально-экономические основы революционного движения на Тереке // Северо-Кавказский институт краеведения. – Владикавказ,1925.

407. Мартиросиан Г.К. Терская область в революции 1905 года. – Владикавказ,1929.

408. Мартиросиан Г.К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. – Владикавказ,1924.

409. Марчук Н.И. Кавказ в международно-геополитической системе: XVI – XX вв. // Международное сотрудничество на пороге XXI века. – М.,1999.

410. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.) Монография. – Р н/Д.,2006.

411. Матиева А.Х. Проблемы национальной политики царской России в исследованиях М.М.Ковалевского // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005.

412. Мачукаева Л.Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.,2005.

413. Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси,1972.

414. Медушевская О.М. Новое знание о человеке // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. – М.,2003.

415. Мещерский В. Кавказский путевой дневник кн. Мещерского. – СПб.,1878.

416. Мёллер В., Денисов М. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. – СПб.,1900.

417. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.,2006.

418. Мининков Н.А. Методология истории. – Р н/Д.,2004.

419. Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002.

420. Михайленко Н.М. Использование правовых обычаев в период постреформенной модернизации // Модернизационные процессы в истории России XVIII – XX вв.: политика, экономика, культура: Сборник статей. – Армавир,2003.

421. Михайлов В. «Кавказ – это один из живительных родников русской культуры» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М.,2006.

422. Москвич Г. Кавказ. Географические, этнографические, исторические и экономические очерки. – Одесса,1896.

423. Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (Социально-экономический очерк). – Нальчик,1965.

424. Мужев И.Ф. Развитие капитализма на Северном Кавказе в кон.XIX – нач.XX в. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып.6. – Ставрополь,1957.

425. Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 гг. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984.

426. Мунаев И., Ахмадов М. О чеченском песенном фольклоре // Чеченская народная поэзия в записях XIX – XX вв. – М.,2005.

427. Муравьев А.Н. Письма о магометанстве. – Казань,1875.

428. Мухаметшин Ф.М. Мусульмане России: судьбы, перспективы, надежды. – М..2001.

429. «Навеки вместе» (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). – Грозный,1980.

430. Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула,1895.

431. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции, 20-22 июня 1989 г. – Махачкала,1989.

432. Народы Земли. Кавказ. Народы Кавказа. T.IV. – СПб.,1911.

433. Народы Кавказа. Кн.1. – М.,1993. Кн.3. – М.,1995. Кн.4. – М.,1995.

434. Невская В.П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (кон.XVIII – нач..XX в.) // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. – Ставрополь,1985.

435. Несмачная С.И. Первое издание архивных документов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2.(34). – М.,2005.

436. Новомарьинский Г. Северное Кубанское и Терское предгорье Кавказа // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб.,1893.

437. Ногманов А.И. Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX в. // Пути познания России: новые подходы и интерпретация. – М.,2001.

438. Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998.

439. Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810-1860-е гг. // Actio Nova 2000. – М.,2000.

440. Омаров Х.А. Воспоминания Абдурхзака Согратлинского о восстании 1877 г. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. – Махачкала,1988.

441. Омельченко О.А. Традиции и наследие русского права. Очерки и статьи. – М.,2006.

442. Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон.XIX – нач. XX в. – Орджоникидзе,1988.

443. Ортабаев Б.Х. Развитие торговли в Терской области в кон.XIX – нач. XX вв. (1890-1917 г.) // Проблемы социально-экономической истории и революционные движения на Дону и Северном Кавказе (XIX – нач.XX вв.). – Р н/Д.,1992.

444. Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992.

445. Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985.

446. Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. – М.,2005.

447. Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М,2003.

448. О социальной концепции русского православия. – М.,2002.

449. Островитянов К.В. Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. – М..1955.

450. О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц. Б.м.,1877.

451. О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный,1927.

452. Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896.

453. Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т.1. – Грозный,1965.

454. Парова Л.М. К истории разработки планов покорения Кавказских горцев российским царизмом // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1993. – №3.

455. Патрушева Н.Г. Доклад председателя Тифлисского комитета по делам печати о реорганизации цензурного надзора на Кавказе (1913 г.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар,2005.

456. Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России кон.XIX – нач. XX вв. – М..2002.

457. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн.4. – Цхинвали,1989.

458. Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. – СПб..1899.

459. Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль,2006.

460. Пешхоев С.-С. С. Оружие вайнахов (чеченцев и ингушей). – М.,2002.

461. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. – СПб,1913.

462. Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910.

463. Погошвили Д.Г. Вопросы соц. строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988.

464. Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа: ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. – М.,Л.,1926.

465. Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современное положение Кавказа. – СПб.,1904.

466. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М..2000.

467. Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского (епископ Кавказский и Черноморский с 1858 по 1861 г.). – М..2002.

468. Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. – М.,2006.

469. Померанцев А.В. Как живут и трудятся народы в горах Кавказа. – М.-Л.,1927.

470. Пономарев Н.В. Обзор Кустарных Промыслов России. – Пг.,1902.

471. Попов А.П. Институт наказания на Кавказе: традиционно-правовой и художественный дискурсы // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып.44. – Ставрополь,2006.

472. Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М.;Л.,1962.

473. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Т.1-2. – Владикавказ,1912.

474. Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах,1801-1917. – М.,2006.

475. Православные богословы об исламе. – М.,2006.

476. Притула А.Ф. Грозненская нефтяная и Терская горная промышленность перед национализацией. – М.;Л.,1925.

477. Прозоров С.М. Предисловие // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. – М.,2006.

478. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. – Ставрополь,2005.

479. Пронштейн П.А., Патракова В.Ф. Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства XIX века // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик,1994.

480. Проценко Ю.П. Записка о производительных силах Кавказского При-Каспийского края // Кавказский календарь на 1880 год. – Тифлис,1879.

481. Рагозин В.И. Русская нефтяная промышленность в 1887 году. – М..1887.

482. Радде Г.И. Органический мир Кавказского края. – Тифлис,1877.

483. Радде Г. Сельское хозяйство и промышленность // Живописная Россия. Т.IX. Кавказ. СПб.; М..1883.

484. Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. – М.,2006.

485. Рамазанов Х.Х. Проведение земельной реформы в горских районах Северного Кавказа // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – нач. XX вв. – Краснодар,1987.

486. Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии нач. XX в. // Брянский гос. пед. ун-т. Межвузовский сборник трудов. Вып.8. – Брянск.

487. Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. – Краснодар,2000.

488. Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон.XIX – нач.XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д.,1989.

489. Ратушняк В.Н. Формирование аграрно-капиталистического рынка Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX вв. // Аграрный рынок в его историческом развитии. Тезисы докладов. – М.,1991.

490. Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912.

491. Реклю Э. Земля и люди. Т.6. Гл.IV. Восточный Кавказ. Чеченцы, дагестанцы. – СПб.,1883.

492. Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): Монография. – М.,2006.

493. Ржевуский А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географо-статистических сведений о Терском казачьем войске. – Владикавказ,1888.

494. Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М..2004.

495. Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988.

496. Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. – М.;Л.,1949.

497. Романов Б. Роковые предсказания России. – М.,2006.

498. Россия и Северный Кавказ: история и современность. – М.,2006.

499. Русева Л. России верные сыны. – М,2006.

500. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо – Западного Кавказа. – Нальчик,2001.

501. Русские писатели в нашем крае. Сборник статей. – Грозный,1958.

502. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг.,1917.

503. Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964.

504. Саидов И.М. Этнографические заметки (досоветский период) // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т.5. Вып.1 (История). – Грозный,1964.

505. Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археолого-этнографический сборник. Т.II. – Грозный,1968.

506. Салов В.В. Отчуждение недвижимой собственности для государственной и общественной пользы. – СПб.,1902.

507. Самойлов К. Заметки о Чечне. – М.,2002.

508. Санакоев М.П. Народы Кавказа и формирование иррегулярных частей в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Юго-Осетинский НИИ. Известия. Вып.22. – Тбилиси,1977.

509. Саракаев И.-Б. По трущобам Чечни: жгучий и наболевший вопрос. – Грозный1991. Владикавказ,1913.

510. Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. – М.,2004.

511. Сахроков В.А.; Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т.5. Ч.3. – М.; Новосибирск,2001.

512. Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.II. – Р н/Д.,1929.

513. Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и «нефтяные» дебаты в III Государственной думе // Постигая историю…: сборник научных статей. – Пенза,2006.

514. Селиванова Н.А. Библиотеки северокавказских статистических комитетов: организация, фонды, деятельность // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.2. Сборник статей / КГУКИ. – Краснодар,2004.

515. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М.,1994.

516. Семенов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы-воспоминания о чеченском восстании в 1877 году // Кавказский сборник. Кн.VI. – Тифлис,1900.

517. Семенов Н. Туземцы Северо – Восточного Кавказа. – СПб.,1895.

518. Семенов Тянь-Шанский В.П. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып.7. Предкавказская полоса. – СПб.,1910.

519. Сенин А.С. Государственная служба в «Золотой век» Российской империи // История государственной службы в России. XVIII – XX века. – М.,1999.

520. Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана и Чечни (по материалам Государственного Исторического музея) // Кавказский этнографический сборник. Т.6. – М.,1976.

521. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. – М.,1997.

522. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т.II. – М.,2001.

523. Сидоренко В.Т. Выбранные места из истории Северо-Кавказской железной дороги. – Р н/Д.,2002.

524. Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет…» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник. Т.1(33). – М.,2004.

525. Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826-1880. – М.,2006.

526. Ситовский Н. Московская Политехническая выставка 1872 года. – Тифлис,1873.

527. Ситовский Н.П. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875.

528. Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Ингуши. – Саратов,1996.

529. Скоров. Минеральные воды Кавказского наместничества // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876.

530. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М.,1958.

531. Смирнов Ф.А. Иллюстрированная география Кавказа. – СПб.,1912.

532. Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. – СПб.,2005.

533. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.,1998.

534. Соллогуб В.А. Три повести. – М.,1978.

535. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. – СПб.,1891.

536. Соловьев Е.Т. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и др. племен, населяющих Россию // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 году. – М.,1887.

537. Сперанский Н.В. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. – М.,1910.

538. Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (Допролетарский период). – Р н/Д.,1990.

539. Стейнведел Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005.

540. Страхов В.В. Внутренние государственные займы Российской империи // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. Вып.8. – М.,Волгоград,2006.

541. Стрельбицкий И.А. Земельные приобретения России в царствование Александра II с 1855 по 1881 г. – СПб.,1881.

542. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. – Нальчик,1997.

543. Султанов Ф. Периодическая печать на Кавказе. – Тифлис,1901.

544. Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М.,1999.

545. Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М.,1917.

546. Тарик А. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. – М.,2006.

547. Терещенко А.Г. Немцы в борьбе России за Кавказ. – М.,2006.

548. Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик,2006.

549. Тихонов А.К. Борьба российских властей с турецкой пропагандой среди мусульман Среднего Поволжья (вторая половина XIX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М.,2006.

550. Ткаченко Д.С. Из истории национально-просветительской политики Российской империи на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Материалы I Съезда ученых-кавказоведов (27 –28 августа 1999 г.) – Р н/Д.,2000.

551. Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1911.

552. Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию / СОНИИ. Т.18. – Орджоникидзе,1949.

553. Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII века – 40-е годы XIX века) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1978.

554. Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол XVIII –40 г. XIX в.) // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе,1966.

555. Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов / Сост. С.М. Исхаков. – М.,2005.

556. Трепавлов В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Ин-т Рос. истории РАН. – М.,2005.

557. Трепавлов В.В. Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: в 2 кн. Кн.2. – М.,2006.

558. Тройно Ф.П. Аренда земли под промышленные и торговые заведения у горских народов Северного Кавказа в кон.XIX – нач. XX в. /

История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – нач. XX в. (проблемы социально-экономического развития). – Ставрополь,1980.

559. Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н/Д.,1984.

560. Тройно Ф.П. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в кон.XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып.12-13. – Ставрополь,1971.

561. Тройно Ф.П. Документальные источники об арендных отношениях у горцев Северного Кавказа в досоветский период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983.

562. Трофимов А. Кавказ. – М.,1914.

563. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М.,1993.

564. Труды Института российской истории / Институт российской истории РАН. – М.,1997. Вып.5. – М.,2005.

565. Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. – СПб.,1900.

566. Туманов Г.М. Кавказский университет. – СПб.,1909.

567. Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. – СПб.,1903.

568. Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895.

569. Туркаев Х.В. Россия и Чечня: аспекты историко-культурных взаимосвязей до 1917 года // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

570. Уварова П.С. В.Ф. Миллер как исследователь Кавказа. – Б.м.,1913.

571. Умалатов У. Чечня глазами чеченца. – М.,2001.

572. Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб.,1884.

573. Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. Историческая монография. – СПб.,1912.

574. Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.X. – Тифлис,1881.

575. Успенский Л.Ф. Терское казачье войско и нефть. Вып.1. – Владикавказ,1929.

576. Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный,1960.

577. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М.,1960.

578. Фадеев А.В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. – М.,1961.

579. Фадеев А.М. Воспоминания (1790-1867). В 2-х томах. Ч.2. – Одесса,1897.

580. Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей Р.Фадеева. – СПб.,1865.

581. Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т.1. Ч.1. 60 лет Кавказской войны. 2. Записки о Кавказских делах. – СПб.,1889.

582. Федотова А.А. Деятельность ботаников в южной России (конец XIX – и начало XX в.): решение прикладных проблем // Проблемы биологии, экологии и образования: история и современность: Материалы международной научной конференции, 22-24 мая 2006 г. – СПб.,2006.

583. Флуссер Д. Иисус, свидетельствующий о себе. – Челябинск,1998.

584. Фролов Б.Е. К вопросу о разработке образца шашки и кинжала для кавказских казачьих войск // Древности Кубани и Черноморья. Кн.1. – Краснодар,1993.

585. Хаджи Мурад Доного. Ордена Шамиля. – Махачкала,1995.

586. Хадикова А.Х. Кавказцы в новейшей истории России: формирование негативного образа // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск,2000.

587. Харин Ю.Г. Влияние Владикавказской железной дороги на развитие экономики Северо-Кавказского региона в конце XIX – начале XX в. // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск,2000.

588. Харин Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (посл. треть XIX – начало XX вв.). – Пятигорск,2003.

589. Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX в. – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д.,2000.

590. Хасбулатов А.И. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988.

591. Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон.XIX – нач.XX. в.). – М.,1994.

592. Хасбулатов А.И. Сословный характер аграрно-административных реформ 60-х годов XIX века в Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – XX в.). – Грозный,1980.

593. Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. – Грозный,1963.

594. Хасбулатов А.И.; Хасбулатова З.И. Сельская община чеченцев: формы правления, землепользования и землевладения (XIX – нач.XX) // De die diem: Памяти А.П.Пронштейна (1919-1998). – Р н/Д.,2004.

595. Хасбулатов Р.И. Размышления о войне и мире. Кремль и российско-чеченская война. – М.,2003.

596. Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев XIX – нач. XX вв. (по этнографическим материалам) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения: 2000-2001 гг.: Краткое содержание докладов. – СПб.,2002.

597. Хасиев С.А. Об особенностях развития кустарных промыслов в Чечне в свете вайнахо – дагестанской хозяйственной. Интеграции в дореволюционном прошлом // « Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития» , регион. научно– практическая конференция. – Махачкала,1986.

598. Хасмагомадов Э.Х. Книгоиздание на чеченском языке в первой половине XX века// Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

599. Хатаев Е.Е.; Кокаева Ф.А. Просветители и педагоги Северного Кавказа (XIX в.). – Владикавказ,2000.

600. Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев: личность, программа, тактика // Труды Института российской истории / Ин-т рос. истории РАН. Вып.6. – М.,2006.

601. Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М.,1951.

602. Ходжаев С. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис,1875.

603. Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке. – Орджоникидзе,1966.

604. Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX – XX в. – Орджоникидзе,1978.

605. Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе,1971.

606. Хубулова С.А. Казачество и горцы Северного Кавказа // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. – Р н/Д.,1995.

607. Цаголов К.М. Выступление // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I Съезда ученых-кавказоведов. – Р н/Д.,2000.

608. Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912.

609. Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.,1913.

610. Цаллаев Х. О жизни и творческой деятельности Афанасия Гассиева // А.А.Гассиев. Избранные произведения. – Владикавказ,1992.

611. Цветкова В.Ф. У катастрофы есть начало… Из истории депортации чеченского народа // История России как много конфессионального государства: Материалы 42 Всероссийской заочной конференции / Под. ред. С.Н. Полторака. – СПб.,2006.

612. Чекменев С.А. Из истории Кавказской войны // Вестник Пятигорского государственного Лингвистического ун-та. – №1. – Пятигорск,1996.

613. Чекменев С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик,1994.

614. Чентиева М.Дж. История Чечено-Ингушской письменности. – Грозный,1958.

615. Чентиева М.Д. Устное народное творчество вайнахов. Зарождение литературы // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный,1967.

616. Череванский В.П. Мир ислама и его пробуждение. Ч.1-2. – СПб.,1901.

617. Черноус В.В. Генезис кавказской горской цивилизации // De die diem : Памяти А.П.Пронштейна (1919-1998). – Р н/Д.,2004.

618. Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д.,2000.

619. Чернявский. Кавказ в течение 25-летнего царствования Александра II . (1855-1880). Исторический очерк. – СПб.,1898.

620. Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М.,2006.

621. Чеченцы: История и современность. – М.,1996.

622. Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX веков. – Армавир,2005.

623. Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894.

624. Чочиев Г.В. Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М.,2006.

625. Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (вторая половина XIX – начало XX веков) // Вестник Северо-Осетинского университета им. К. Хетагурова. – 1999. – №1.

626. Чубарьян А. Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М.,2004.

627. Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов // Известия Кавказского Историко-археологического института. Т.VI. – Тифлис,1927.

628. Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис,1919.

629. Чхетия Ш. Промышленность на Кавказе в конце XIX века // Архивное управление НКВД Грузинской СССР. Исторический вестник. – Тбилиси,1945.

630. Шабаньянц Н.Ш. Грозный. – М.,1964.

631. Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину // Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Вып.10. – Грозный,1961.

632. Шадже А.Ю., Шеудже Э.А. Северокавказское общество: опыт системного анализа: Монография. – М., Майкоп,2004.

633. Шаипов И.А. Таштемир Эльдарханов. – Грозный,1960.

634. Шалфеев Н. Краткий очерк постановлений важнейших иностранных законов. – СПб.,1872.

635. Шамиль: Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997.

636. Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов, законоположений. – Екатеринодар,1913.

637. Шанаев Г. Кое-что о горцах. – Тифлис,1888.

638. Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Народы региона и модернизационные процессы пореформенного периода // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002.

639. Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Северный Кавказ в орбите геополитических интересов России: социокультурные источники им-

перских интересов // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002.

640. Шапошников Г. Почта, телеграф, телефон // Россия в конце XIX века. – СПб.,1900.

641. Шарафутдинова Р.Ш. Арабоязычные документы Северного Кавказа из Государственного Исторического Музея // Россия и арабский мир. – СПб.,1994.

642. Шарафутдинова Р.Ш. Введение // Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001.

643. Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. – М.,1996.

644. Шацкий П.А. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кавказе // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига,1963.

645. Шацкий П.А.; Шацкая С.П. Обзор архивных источников по истории аграрных отношений Предкавказья в пореформенный период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983.

646. Шевкуменко Д.А. Межнациональные отношения в России (втор. пол. XVI – нач. XX в.). – Самара,1998.

647. Шерипов А.Д. Очерк о Чечне. – Грозный,1929.

648. Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Бондарева Т.Н. Происхождение, распространение и история возделывания культурных растений Северного Кавказа. – Майкоп,2001.

649. Шигабудинов М.Ш. «Паспортные книги» как источник по проблеме отходничества среди крестьянства Северо – Восточного Кавказа // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983.

650. Шинкуба Б.Б. Народы Западного Кавказа и Османская империя во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Махаджирство и его последствие. // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум,2004.

651. Штанько Н.И. Из истории города Грозного в пореформенный период (1869-1893) // Известия Грозненского института и музея краеведения. Вып.2-3. – Грозный,1950.

652. Штернберг Л. Инородцы. Общий обзор. // Формы национального движения в современных государствах. – СПб.,1910.

653. Щербина Ф.А. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. Хлебная производительность и торговля. – СПб.,1892.

654. Щетинина Г.И. Вл. Соловьев: исторические взгляды // История и Историки. – М.,1995.

655. Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль,1879.

656. Эльбекян А. Генерал-адъютант М.Т. Лорис-Меликов. – Ереван,1942.

657. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1-2. – Тифлис,1907.

658. Эшба Е. Асланбек Шерипов. – Сухуми,1990.

659. Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств. – М.,2001.

660. Юшкин Е. Обзор Грозненской нефтяной промышленности за 1900 год. Промысловое дело. – Владикавказ,1901.

661. Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей: Лекция, читанная 17 апреля 1927 г. на объединенном собрании чеченских и ингушских землячеств студентов г. Москвы. – Грозный,1927.

662. Яковлев. Песня, написанная непосредственно после Восстания Ума Хаджи Дуева в 1877 году. – Б.м., Б.г.

663. Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей Чечено-Ингушетии в 20-70-е годы XIX века. – Алма-Ата,1975.

664. Яндаров Х. История чеченской письменности // Северо-Кавказский Краевой Горский НИИ. Записки. Т.II. – Р н/Д.,1929.

665. Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб.,1877.

666. Янчевский М.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону в связи с эволюцией аграрных отношений. – Р н/Д., 1931.

667. Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. – Чернигов,2006.

Авторефераты диссертаций и диссертации

1. Абдуллаев С.М. Вопросы истории Северо – Восточного Кавказа сер. XIX в. в работах Гасана Алкадари. : Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик,2001.

2. Абдуллаева М.И. Переселение дагестанцев в Османскую империю во втор. пол. XIX – нач.XX вв. (Причины и последствия).: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,2000.

3. Авакян А.Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции, вторая половина XIX – первая четверть XX вв.: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,2002.

4. Аветисян Р.Р. Аталычество как система воспитания горских народов Северного Кавказа: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ,2004.

5. Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо – Восточном Кавказе в первой половине XIX века.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,2006.

6. Айларов В.Д. Революционное и социально-демократическое движение в Северной Осетии в период империализма (90-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.).: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик,1977.

7. Айларова С.А. Общественно-политические и исторические взгляды передовой Северо-Кавказской интеллигенции (60-90 г.XIX в.). : Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1989.

8. Акиева П.Х. Становление и развитие духовной культуры вайнахов в контексте исторических изменений (X – XIX в.). : Дис. …канд. наук. Исторические науки. – М.,2003.

9. Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора в странах ближнего и среднего Востока: история и современные процессы (втор. пол.XIX – XX вв.). : Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,2001.

10. Алиханова Р.А. Этнопедагогический потенциал чеченской семьи. Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Грозный,2004.

11. Амаева Т.Б. Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1986.

12. Амангулова Р.С. Социально-экономическое развитие и политическое положение ногайцев Дагестана в XIX – начале XX века.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,2005.

13. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,2005.

14. Архипова Е.В. Формирование границ на Кавказе в XIX – начале XXI в. (границы между Азербайджаном, Грузией и Россией).: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Волгоград,2005.

15. Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владикавказской железной дороги и его роль в экономическом и соци-

альном развитии Дагестана (кон.XIX – нач. XX в.).: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1998.

16. Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко-этнографическое исследование).: Автореф. дис.…канд. наук; Исторические науки. – Грозный,2004.

17. Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко-этнографическое исследование).: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Грозный,2004.

18. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление: На материалах Северо-Кавказского региона. Дис. …докт. наук; Политологические науки. – М.,2003.

19. Афаунов А.А. Национальная политика России и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе: исторический опыт: 1906-1921 гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ,2004.

20. Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII-XX вв.). Автореф. дис. …канд. наук; Биологические науки. – М.,2005.

21. Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII – XX вв.).: Дис. …канд. наук; Биологические науки. – М.,2005.

22. Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.): Дис. …докт наук; Исторические науки. – М.,2005.

23. Барнаш А.В. Культура как фактор становления российской государственности на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск,2004.

24. Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск,2006.

25. Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск,2006.

26. Бекоева Т.А. Роль П.К. Услара в развитии школы и просвещения горских народов Северного Кавказа.: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ,1998.

27. Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб.,1999.

28. Березовский Д.В. Права и свободы жителей Российской Империи в период становления и развития капитализма,1861-1905 г.: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Самара,2003.

29. Билалова А.М. Духовная жизнь мусульман Северо – Восточного Кавказа (X – XV вв.).: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2005.

30. Бичерова Н.С. История России второй половины XIX -начала XX века в современной американской русистике: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Рязань,2003.

31. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века: Дис. …докт. наук. Исторические науки. – Владикавказ,2004.

32. Борисов А.А. Социальная история якутов в XVII – 50-х гг.XIX в.: общество, право, личность в условиях российской колонизации: Автореф. дис. …докт. наук. Исторические науки. – Якутск,2004.

33. Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в.: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1988.

34. Бридня О.П. Деятельность сельскохозяйственных обществ Предкавказья во второй половине XIX в. – 1920 г.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,2003.

35. Бузова З.С. Влияние семейных традиций и обычаев горской семьи народов Северного Кавказа на воспитание подрастающих поколений. Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ,2001.

36. Бурда Э.В. Терское казачество в системе российского управления со второй половины XVIII –до конца XIX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик,2006.

37. Ванишвили Ш.Н. Закавказье в системе Российского правления, 1864-1917 гг.: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1990.

38. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.). Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,2006.

39. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.).: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Армавир,2006.

40. Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII – XIX вв.).: Дис. …докт. наук. Исторические науки. – Р н/Д.,2001.

41. Вельможко И.Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум: Автореф. дис. …канд. наук. Исторические науки. – М.,1998.

42. Вертий М.Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры: Дис. …канд. наук; Философские науки. – Р н/Д.,2003.

43. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг. Автореф. дис. …докт. наук. Исторические науки. – Армавир,2006.

44. Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX – XX вв.: Дис. …канд. наук. Юридические науки. – Ставрополь,2004.

45. Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции.: Дис. …канд. наук. Исторические науки. – М.,2003.

46. Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политики Российского самодержавия: втор. пол. XIX в. – 1917 г.: Дис. …канд. наук. Исторические науки. – СПб.,1999.

47. Гаджиева Т.Р. Декабристы на Северо – Восточном Кавказе. Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1993.

48. Газзаева З.А. Школа, просветительская мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: Дис. …канд. наук. Педагогические науки. – Владикавказ,2004.

49. Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.): Дис. …канд. наук. Исторические науки. – Махачкала,2002.

50. Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,2002.

51. Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2003.

52. Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1981.

53. Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (кон.XIX – нач. XX вв.): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1992.

54. Гарунова С.Г. Реформы 60-70-х годов XIX в. в Дагестане и их влияние на антиколониальную борьбу горцев: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,2006.

55. Гасаналиев А.Ш. Формирование основных институтов административного права и административная правовая мысль России XIX – начала XX веков: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Махачкала,1999.

56. Гасанов М.М. Дагестан в составе России (Проблемы экономического, политического и культурного развития втор. пол.XIX в.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Махачкала,1999.

57. Гелаева З.А. Социально-экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII – XIX вв.: Дис. …канд. наук. Исторические науки. – Махачкала,2004.

58. Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII – начало XX в.): Дис. …докт. наук; Географические науки. – М.,2003.

59. Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции (вторая половина XVI – конец XIX в.). : Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Армавир,2005.

60. Гоникишвили М.Г. Поземельно – крестьянская реформа в Терской области.: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1984.

61. Гудушаури Г.А. Грузино-Северокавказские культурные взаимоотношения в XIX – нач. XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1985.

62. Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис-Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1997.

63. Данилин С.А. Образ России и её политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2006.

64. Даргичева С.В. Деятельность депутатов Госуд. Думы от Северного Кавказа в разрешении национального вопроса (1906-1917 гг.). Автореф. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ,2006.

65. Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Черкесск,2003.

66. Денискин В.И. Сельское хозяйство терских казаков в пореформенный период.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный,1974.

67. Джабатырова Б.К. Ставропольская классическая гимназия как центр просвещения горских народов (XIX – начало XX вв.): Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Майкоп,2002.

68. Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе: Дис. …докт. наук; Технические науки. – М.,1999.

69. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.). Автореф. дис. …канд наук; Исторические науки. – Нальчик,2001.

70. Дзидзоева М.Г. Становление и развитие системы социальной защиты населения на Северном Кавказе во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ,2004.

71. Дохова В.В. Экологическая культура народов Терской области в 60-х гг. XIX – нач. XX вв: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик,2001.

72. Дробышева Н.В. Социокультурный статус декоративно-прикладного искусства в культуре народов Северного Кавказа. Дис. … канд. наук; Философские науки. – Р н/Д.,2004.

73. Дунаев К.Ю. Правовое регулирование административной ссылки в Российской империи (XIX в.): историко-правовое исследование. Дис. …канд. наук; Юридические науки. – СПб.,2006.

74. Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917).: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург,1996.

75. Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917).: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург,1996.

76. Елютин О.Н. Вопросы железнодорожного строительства в общественном мнении России, 1830-е – 1880-е гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2000.

77. Епанешников Н.В. Политический проект Лорис-Меликова: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Б.м.,1948.

78. Есаулов Г.В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: Его формирование и культурный потенциал. Т.1. Дис. …докт. наук; Архитектурные науки. – М.,2004.

79. Журавлев В.В. Железные дороги Северного Кавказа в период капитализма.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1964.

80. Закриев Б.Б. Чечня в политики России в последней трети XVIII – начале XIX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Грозный,2005.

81. Заседателева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в сер. XVI – нач. XX в. (динамика этнокультурных процессов): Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1996.

82. Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь,1999.

83. Зольникова Ю.Ф. История исследования и освоения рекрационных ресурсов Северного Кавказа (XVIII – начало XX в.): Дис. …канд. наук; Географические науки. – Ставрополь,2003.

84. Иванов Д.В. Формирование военной цензуры России. 1810-1905. Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2000.

85. Иванов И.Н. Чрезвычайное законодательство: история и современность (Теоретический и историко-правовой аспекты): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – СПб.,2002.

86. Исаев С.-А. А. Аграрное движение в Чечне в 60-70-х гг. XIX в.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1975.

87. Исаев С.-А. А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1998.

88. Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом (По данным этнографии): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1971.

89. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.).: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,2003.

90. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.).: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,2003.

91. Кагазежев Б.С. Традиционная музыкальная культура народов Северного Кавказа: (Народные музыкальные инструменты и проблемы этнокультурных контактов): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Майкоп,2001.

92. Казиева А.М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX – XX веков: Этнокультурные факторы и контекст. Дис. …докт. наук; Филологические науки. – Нальчик,2004.

93. Казначеев А.В. История ислама на Северном Кавказе: (Начало XIX – XX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск,2002.

94. Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Пятигорск,2005.

95. Калдани А.М. Башенная культура горцев Центрального Кавказа. Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1990.

96. Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Рн/Д.,2004.

97. Карлеба В.А. Исторический опыт формирования и деятельности органов полиции в Кубанской области (1860-1917 гг.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,2006.

98. Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (вторая пол. XIX – февраль 1917 г.): Автореф. дис. … докт. наук; Исторические науки. – М.,2004.

99. Карпов Ю.Ю. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа XIX –нач. XX в.: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – СПб.,1999.

100. Керимов М.М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов.: Дис. … канд. наук; Философские науки. – Грозный,1999.

101. Климатова В.В. Правовое воспитание северокавказских горцев в системе обычного права: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ,2005.

102. Клычников О.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Пятигорск,2004.

103. Клычникова М.В. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.): Дис. … канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск,2005.

104. Книевский С.А. Самоуправление Терского казачества в XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь,2005.

105. Кобычев В.П. Поселения и жилища на Северном Кавказе (XIX – XX в.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1984.

106. Колосов Л.Н. Возникновение Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903 гг.): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1953.

107. Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Б.м.,1954.

108. Кондратенко Д.П. Проблемы национальных отношений в программных документах либеральных партий России (кон.XIX – февраль 1917 г.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1998.

109. Кондрашева А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь,2003.

110. Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке (Промышленные и научно-промышленные выставки): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург,2005.

111. Костоева Л.С. Идеологические течения в общественно-политической мысли Чечни и Ингушетии во II половине XIX века: Автореф. дис. …канд. наук; Философские науки. – Р н/Д.,1971.

112. Кравчук В.Р. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине XIX – начале XX веков (исторический аспект): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб.,2005.

113. Крайнюченко П.В. Рыбные промыслы на Юге России во втор. пол. XIX – начале XX века. Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д.,1998.

114. Крикунов В.П. Социально-экономическое развитие и революционное движение на Дону и Северном Кавказе в 60-х – 90-х годах XIX века.: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1973.

115. Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк – Мирский и деятельность Министерства внутренних дел. Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб.,2006.

116. Кузнецов Н.Д. Третья Государственная дума и национальная политика царизма на Кавказе: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1951.

117. Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и её историко-правовой опыт: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Рн/Д.,2005.

118. Кузьминов П.А. Отечественная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1988.

119. Кулова И.Р. Идеи и опыт физического воспитания в народной педагогике Северного Кавказа: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ,2004.

120. Кумпан В.А. Национальная политика самодержавия на Северо – Западном Кавказе в пореформенный период (1864-1917 гг.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,2000.

121. Курбанов Ш.К. Народно-освободительное движение в 20-50-е годы XIX века на Северо – Восточном Кавказе и накшбандийский тарикат.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,2004.

122. Липский Н.А. Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России (Историко-правовой анализ): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – СПб.,2003.

123. Лопухова А.В. Националисты в Государственной Думе Российской империи: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Самара,2005.

124. Людневa С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914 гг.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск,2005.

125. Магомедов М.Б. Кавказская война 20 – 50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Махачкала,2004.

126. Мадаева З.А. Календарные праздники, обычаи и обряды вайнахов кон.XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1981.

127. Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX-начале XX вв.: На материалах Ставрополья и Кубани: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск,2005.

128. Макоева Л.С. Роль культурно-просветительских и благотворительных обществ в становлении и развитии образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX веков). : Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ,2006.

129. Мальбахов Б.Х. Декоративно– прикладное искусство адыгов. : Дис. …доктора искусствоведения. – Нальчик,2004.

130. Мамбетов Г.М. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (втор. пол XIX – 60-е годы XX века): Дис. …докт. наук; Исторические науки. Кн.1. – Б.м.,1971.

131. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.).: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д.,2005.

132. Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX –начале XX века (на материалах Терской области).: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2004.

133. Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1920 годы). : Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб.,2006.

134. Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX – XX вв.).: Дис. …докт. наук; Юридические науки. – М.,2003.

135. Моренов И.С. Национальные интересы России на Северном Кавказе: исторический опыт и современная практика обеспечения: Политологический анализ. Дис. …канд. наук; Политологические науки. – М.,2003.

136. Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1989.

137. Мусаев М.А. Дагестанское духовенство 60-70-х годов XIX века и восстание 1877 года: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,2003.

138. Мусаева Х.М. Проблема борьбы с преступностью на Северном Кавказе (региональный аспект). Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Краснодар,2004.

139. Муслимова А.С. Народное образование в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,2002.

140. Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1979.

141. Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1979.

142. Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,2004.

143. Муханов В.М. Генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский (Жизненный путь, военно-административная и общественная деятельность): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2004.

144. Наков Ф.Р. Черкесское (адыгское) клинковое оружие. : Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик,2004.

145. Невская Т.А. Проведение Столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе. (1906-1917).: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – СПб.,1998.

146. Недорубов А.Н. Железные дороги юга России в начале XX века. Государство и частный капитал: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2003.

147. Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь,2005.

148. Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: Политико-правовой аспект. Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Р н/Д.,2002.

149. Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Воронеж,2006.

150. Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Махачкала,2004.

151. Ортабаев Б.Х. Социально-экономические отношения у горских народов Терека в кон.XIX – нач. XX вв. (1890-1917).: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Орджоникидзе,1985.

152. Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки.– М.,1985.

153. Пасько Е.А. Колонизационная политика России: Вторая половина XVIII –первая четверть XIX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д.,2003.

154. Плиев Р.С. Нахско-этрусские лирические встречи. Дис. канд. наук; Филологические науки. – Нальчик,2000.

155. Пляскин В.П. Государственная национальная политика России на Кавказе (1864-1917 гг.): военно-исторический аспект. Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,2003.

156. Псянчин А.В. История этнической картографии в России (До 30-х гг. XX в.): Дис. …докт. наук; Географические науки. – М.,2004.

157. Пустарнакова И.А. Развитие производительных сил на Северо – Западном Кавказе в условиях рыночной модернизации страны: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск,2001.

158. Пушкаренко А.А. Природоохранная деятельность в Области Войска Донского во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д.,2000.

159. Раздольский С.А. Миссионерская деятельность православной церкви на Северном Кавказе в XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,1997.

160. Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,2006.

161. Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия. Автореф. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,2006.

162. Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII – нач. XX вв: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – СПб.,2006.

163. Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII – нач. XX вв.: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – СПб.,2006.

164. Ратушняк В.Н. Развитие капитализма в сельском производстве Северного Кавказа

в кон.XIX – нач. XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,1988.

165. Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в ……творчестве Я.П. Полонского. : Дис. …канд. наук; Филологические науки. – ……Томск,2006.

166. Сабирова А.И. Новейшая российская историческая периодика (1991-2005) как ……источник по изучению истории национальных отношений в Российской империи и …….СССР: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Казань,2006.

167. Садов Ю.В. Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб.,2006.

168. Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо – Восточного Кавказа в ……...первой половине XIX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб.,2003.

169. Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX – нач. XX в. (Историко-……этнографическое исследование): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. ……– Тбилиси,1972.

170. Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX вв.: Дис. …канд. наук; ……Исторические науки. – Махачкала,1970.

171. Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства. Дис. ……канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,2005.

172. Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. … канд. наук; Юридические науки. – ……Махачкала,2006.

173. Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России в ……первой четверти XIX века: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. ……– М.,1995.

174. Сатушиева Л.Х. Механизм реализации адата на Северо – Западном и Центральном Кавказе: историко-правовой анализ (XV -начале XX в.): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Н.Новгород,2003.

175. Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в.: Дис. …докт. наук; Юридические науки. – М.,2004.

176. Селиванова Н.А. Издательская деятельность северокавказских губернских и областных статистических комитетов (1868-1917 гг.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,2003.

177. Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ижевск,2006.

178. Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2003.

179. Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX – начале XX веков: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Волгоград,2002.

180. Солдатов С.В. Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников. :Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Челябинск,2004.

181. Сулименко С.Д. Архитектура в традиционной культуре горских народов Северного Кавказа: Автореф. дис. …докт. наук; Архитектурные науки. – М.,2000.

182. Суркова И.С. Право природопользования Терского казачьего войска (Историко-правовой анализ): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Ставрополь,2002.

183. Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Грозный,1971.

184. Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1997.

185. Тебиева Л.Т. Хозяйственно-экономические воззрения северокавказских просветителей (конец XVIII – 70-е гг. XIX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ,2005.

186. Тестов В.Н. Политика российского правительства в области железнодорожного транспорта в 80-90-е годы XIX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Воронеж,2004.

187. Тимошевская А.Д. Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства, XIX в.– начало XX в.: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – М.,1998.

188. Топчиева В.И. Эволюция школьного исторического образования в России (Конец XVIII – XX в.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,2004.

189. Тройно Ф.П. Поземельные отношения у горских народов Северного Кавказа (с начала пореформенного периода до 1917 г.): Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1984.

190. Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ,2004.

191. Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной Думе Российской империи. 1906-1917 г.: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – Казань,2004.

192. Хагба Б.А. Этнополитическая стратегия России на Кавказе: (Историко-политологический анализ). Дис. …канд. наук; Философские науки. – М.,1996.

193. Хасбулатова З.И. Большая семья и патрономия у чеченцев в кон. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1979.

194. Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – перв. четв. XX вв: (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа).: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1973.

195. Хатагова Е.Р. Экологическая направленность народной педагогике Северного Кавказа и ее использование в воспитании младших школьников: (На примере Республики Северная Осетия – Алания). Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ,2004.

196. Хевсаков В.В. Генезис религиозных воззрений ингушей: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ,2004.

197. Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907).: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1966.

198. Хубулова С.А. Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX –первой четверти XX в.: этнодемографические и социально-экономические аспекты развития: Автореф. дис. … докт. наук; Исторические науки. – Владикавказ,2003.

199. Хуранов Ш.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа в пореформенный период (На материале скотоводства): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1983.

200. Цифанова И.В. Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь,2005.

201. Черахчиева А.А. Становление и развитие системы образования в Северо-Кавказском регионе: XIX – начале XX вв. Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Карачаевск,2005.

202. Четверикова Е.В. Просветительные общества на юге России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Ставрополья, Дона и Кубани). : Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь,2005.

203. Чжун Се Чжин. Кавказская война и Исламский фактор на Северном Кавказе: (Первая половина XIX века): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2005.

204. Чиковани Н.И. Развитие русского кавказоведения в XIX веке (С.А. Белокуров): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1986.

205. Чшиева М.Ч. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ,2005.

206. Шахшаева А.Г. Исламский фактор в политике арабских государств и России. Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2005.

207. Шингарева Н.В. Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX – феврале 1917 г. (Историко-правовое исследование): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – М.,2006.

208. Шпак А.Н. Создание и совершенствование защиты и охраны государственной границы в Российской империи (1721-1893 гг.) Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2006.

209. Щадрин М.А. Эволюция политико-территориального устройства России в процессе формирования и развития российской государственности (Историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – СПб.,2004.

210. Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (Институциональный и историко-сравнительный анализ): Дис. …докт. наук; Юридические науки. – М.,2000.

211. Яковлев С.Ю. Создание и развитие железнодорожного транспорта на Северном Кавказе (кон.XIX – нач.XX в.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Армавир,1999.

212. Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX века: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Нальчик,2004.

213. Янбердин И.Т. Развитие провиантской службы русской армии во второй половине XIX века. Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,2006.

214. Яхиев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность: Дис. …канд. наук; Философские науки. – М.,1996.

Литература на иностранных языках

1. Барзадж Н.Тахджиру аш Щаракиса («Эмиграция черкесов»). – Amman, 1987 (на арабском языке).

2. Хавжока Ш. Абитталь ва абаттыр фи тарихи аш Щаракиса («Герои и императоры в истории черкесов»). – Бейрут,1972 (на арабском языке).

3. Abdurahman Avtorhanonov. The Chechens and the Inguch during the Soviet Period and its Antecedents . – London, 1992.

4. Allen W. Caucasian battlefield. – Cambridge, 1953.

5. Atkin M. Russia and Iran 1780-1828. – Minneapolis, 1980.

6. Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge,2006.

7. Badde G. Vier vortrage uber den Kaukasus gehalten im Winter 1873/74 in den grosseren stadten deutschlands von Dr. G. Radde. – Gotha , 1874.

8. Baddley I.F. The Russian Conquest of the Caucasus. – L., 1908.

9. Bell Y. Syria. The Desert. The Sown. – London, 1919.

10. Bobrovnikov W. Jslam in the Russian Empire // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge,2006.

11. Bruce I. Transcaucasia and Mount Ararat. – London, 1877.

12. De Proux. Les Tcherkesses // La Franse Mediterraneene et Africaine. – Paris, 1938.

13. Die politische und militarische Bedeutung des Kaukasus von Otto Wachs. – Berlin, 1889.

14. Gaspard Armand. Caucase. – Lausanne, 1969.

15. Gammer Moshe. The Lone Wolf and the Bear. Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – University of Pittsburgh Press, 2006.

16. John Lane, A. Vagabond. Graham Sterhen in the Caucasus. – London, 1915.

17. Ombres du passé Souvenirs dun Officier du Caucase par Georges Wl…off. – Paris.

18. Paul B.Henze. Circassian Resistance to Russia // The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. – London, 1992.

19. Rieber A. The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.J.Bariatiski 1857-1864. – Mouton, 1966.

20. Rand Mc Nally. Atlas of world histori. – Fourth Printing, 1975.

21. Rhinelander G.H. Russias Imperial Policy. Adminustration of the Caucasus in the Half of the XIX th. Century. – Canadian Slavonic Papers, 1975.

22. Roskosehny H. Das asiatische Russland. – Leipzig.

23. Rohrbach P. Die russische Weltmacht im Mittelung Westasien. – Leipzig, 1904.

24. Ritter O. Der Kaukasus und seine bedeutung fur Rusland. – Leipzig, 1877.

25. Souvenirs dun officier du Caukase. – Paris, 1899.

26. Schoner Jorg, Kusnezow A. Im Kaukasus . – Brockhaus, 1981.

27. Schumacher Y. The Jaulan. – London, 1889.

28. Thomas M. Barrett. At the Edge of Empire the Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. – Westview Press, 1999.

29. The Baltic and Caucasian states. The nations of to-day. – John Buchan.

30. The Nations of to-day. A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltic and Caucasian states. – London, 1923.

31. Hahn C. Neue kaukasisch Reise n und Studien. – Leipzig, 1911.

32. Horkirk P. The Great Game. On Secret service in High Asia. – Oxford, 1991.

33. Jzzet Aydemir Yoc. – Ankara,1988.

34. Kalparana Sahni. C rucifying the Orient. Russian Orientalism and the Colonization of Caucasus and Central Asia. – Bangkok,Oslo.1997.

35. Keep John L.H. Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia.1462-1874. – Oxford,2002.

36. Khairallah K.T. La Syrie. – Paris, 1912.

37. Kuleba M. Imperium na kolonach. Woyna w Czeczenii 1994-1996. – Warszawa,1998.

38. Layton S. Russian literature and empire: conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge,2005.

39. Lewis Norman. Nomads and settlers in Syria and Jordan (1800-1980). – Cambridge, 1987.

40. Merzbacher G. Aus den Hochregionen des Kaukasus. – Leipzig, 1901.

41. Moon D. Peasants and agriculture // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge,2006.

42. Vagabond A. in the Caucasus London. John Lane the bodeey. – Head, 1915.

43. Villari Luigi. Fire and sword in the Caucasus. – London, 1906.

44. O. G. von Wesendonk. Aus der kaukasischen Welt. – Berlin, 1925.

45. Waldron P. The End of Jmperial Russia, 1855-1917. – Basingstoke, 1997.

46. William C. Fuller jr. The imperial army // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge,2006.

47. Weeks T.R. Managing empire: tsarist nationalities policy // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge,2006.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБ АВТОРЕ

Ибрагимова Зарема Хасановна родилась 26 декабря 1968 года в городе Грозном в интеллигентной семье. Отец Заремы – Ибрагимов Хасан Якубович (23.06.1938) родился в селе Ножай-Юрт. 1 сентября 1963 года он был зачислен на дневное отделение историко-филологического факультета Чечено-Ингушского гос. пединститута. Из-за рождения Заремы вынужден был уйти с 4 курса, чтобы содержать семью. Ибрагимов Хасан не стал дипломированным историком, но много лет спустя его дочь с лихвой восполнила этот пробел. Мама Ибрагимовой Заремы, Ибрагимова (Кротько) Валентина Васильевна (2.07.1944 г.), уроженка старинного русского города Ливны, Орловской области, в 1967 году окончила химический факультет Рижского Политехнического института по специальности инженер-технолог. Выйдя замуж, переехала в г. Грозный, где проживает и по сей день с мужем и сыном, Ибрагимовым Русланом, окончившим экономический факультет ЧГУ.

Ибрагимова Зарема училась в грозненских средних школах № 44 и № 60. В 1987 году она поступила на Исторический факультет ЧИГУ, выиграв конкурс 8 человек на место. В то время в университете был устроен эксперимент – вступительные устные экзамены абитуриенты сдавали перед телекамерами. Ответы транслировались тут же, на стадионе ЧИГУ, с помощью установленных здесь телеэкранов, в прямом эфире. Случалось, что хохот стоял неимоверный, когда поступающие пытались «выплыть» из моря исторических фактов, ища нужный ответ, или откровенно «вешали лапшу на уши», еще надеясь на доброту и снисходительность преподавателей. Многие медалисты в тот год не выдержали этого испытания, но, зато курс подобрался сильный и не пасующий перед трудностями.

Университет очень многое дал Зареме в плане теоретической и практической подготовки. Дипломным руководителем Ибрагимовой З. стал Ш.А. Гапуров, строгий, но справедливый преподаватель. Он помог с выбором темы дипломной работы, которая называлась: « Индия в планах Германии и Японии в годы Второй Мировой войны». От этой темы несколько студентов отказались, т.к. она требовала большой работы с иностранной литературой и источниками – в основном на немецком и английском языках. Как выяснилось, в библиотеке им. А.П. Чехова такой литературы почти не было. Зареме приходилось по межбиблиотечному абоненту заказывать микрофильмы из Библиотеки иностранной литературы, находящейся в г. Москве. Но тяжелый полугодовой труд и целеуст-

ремленность всегда вознаграждается – дипломная работа, объемом более 300 страниц, была успешно защищена и позже опубликована в Москве в форме монографии.

Зарема еще не сдала государственные экзамены в университете, когда ее пригласили на собеседование в НИИ гуманитарных наук ЧИР для зачисления на штатную должность. Красный диплом ЧИГУ был получен уже сотрудником отдела истории ЧИР досоветского периода.

В 1993 году по целевому направлению Ибрагимова З.Х. была зачислена в аспирантуру Института Российской истории РАН. Ее научным руководителем стал С.Г. Агаджанов, армянин, выросший в Туркмении, не понаслышке знавший о межнациональных отношениях. Это был добрый, мудрый человек. Он руководил Центром изучения истории народов России и межэтнических отношений. К сожалению, Сергей Григорьевич не дожил до зашиты Ибрагимовой Заремы, но успел многое сделать для ее успешной подготовки.

После смерти С.Г. Агаджанова, на предзащите кандидатской диссертации по теме: « Терская область под управлением М.Т. Лорис-Меликова» у Ибрагимовой З.Х. возникли серьезные проблемы. Ей было заявлено, что она «обеляет» чеченцев, не описывает в своей работе как чеченцы угоняли скот, грабили казачьи станицы и соседние народы. На ее возражения, что царская статистика не зафиксировала такого масштаба преступлений, было указано, что она плохо искала...

Видя такую сложную ситуацию, Новый научный руководитель Заремы, А.М. Некрасов перевел ее на защиту в МГУ, на факультет Государственного управления, один из лучших факультетов в первом вузе страны. Московский университет всегда среди уроженцев Кавказа имел хорошую репутацию, как один из самых демократичных и интернациональных вузов, что и подтвердилось на защите.

Атмосфера заседания была очень располагающая к научной дискуссии, и вопросы задавались по-существу. Когда членов комиссии попросили проголосовать, один из них воскликнул: «Что голосовать, поздравлять надо»...

На этом же заседании было предложено опубликовать данную кандидатскую работу в форме монографии. Такие запротоколированные рекомендации случаются на защите крайне редко.

Время учебы в аспирантуре в Москве совпало у Заремы с первой и второй Чеченской войной. Научно-исследовательский институт, который должен был оплачивать обучение, общежитие и выплачивать стипен-

дию – разбомбили сразу. Ни родственников, ни знакомых в Москве не было, родители в условиях войны также помочь не могли, они были на грани жизни и смерти. Чтобы выжить в мегаполисе, Зареме приходилось работать то воспитательницей в детском саду, то швеей, то продавцом, то менеджером и выполнять одновременно массу других обязанностей.

Работая над диссертацией, Ибрагимова З.Х. вынуждена была неоднократно выезжать в научные командировки (за свой счет, на сэкономленные деньги) в Петербург, Ставрополь, Владикавказ, Москву, где работала во всех доступных для нее архивах по 10-12 часов в день, на протяжении многих месяцев. Архивариусы и сотрудники крупнейших библиотек страны знают Ибрагимову как одного их самых посещающих их исследователя.

После защиты диссертации Зарема снова начала активно зарабатывать деньги, чтобы накопить их хотя бы на издание первой брошюры. И ей это удалось. В 2000 году выходит « Эмиграция чеченцев в Турцию». Затем она на заработанные средства опубликовала другие свои книги. Однако осуществить мечту и издать монографию в полном объеме кандидатской диссертации ей не удалось, слишком велика была требуемая сумма. Хотелось сделать в полиграфическом смысле качественную вещь в твердом переплете, с цветными иллюстрациями, пословицами.

Зареме посоветовали обратиться к состоятельным чеченцам за помощью. До этого момента она никогда ни у кого ничего не просила и, даже в самое тяжелое время всегда добивалась всего сама. Поэтому Зарема решила пойти несколько иным путем-самой сделать подарок бизнесменам и преподнесла им книги с дарственными надписями. Первым поблагодарил за полученную монографию Президент Московского Индустриального Банка А.А. Арсамаков, который в качестве ответного дара решил спонсировать издание уже готовой к печати книги «Чеченская история: Политика, экономика, культура». Благодаря помощи Абубакара Алазовича, Зарема впервые за 10 лет в Москве не думала о «хлебе насущном», и занималась своим любимым делом – изучала историю многострадального чеченского народа.

После выхода в свет ряда книг Ибрагимовой З.Х., у людей появился интерес к ее работе, и Зарема была приглашена на должность советника по науке Полномочного Представителя в Представительство Чеченской Республики в Москве. За период работы в Представительстве был собран богатый библиографический материал, приобретены карты по истории Чечни. Ибрагимова З.Х. провела ряд переговоров с высшим руко-

водством архивной службы России, благодаря которым стало возможно бюджетное восстановление архивного фонда Чеченской Республики.

Представительство ЧР дало направление Ибрагимовой З.Х. для поступления в докторантуру. В ноябре 2001 года Зарема стала докторантом Института востоковедения РАН и была прикреплена к Центру Арабских исследований этого ведущего академического института.

В настоящее время Ибрагимова З. заканчивает работу над докторской диссертацией по теме: «Чечня в имперский период» (втор. пол. XIX) Одновременно с этим Ибрагимова Зарема уже много лет работает в учреждениях Российской академии наук и Чеченской академии наук.

В конце 2006 года в Москве были изданы две новые фундаментальные монографии Ибрагимовой З.Х.: «Чеченцы в зеркале царской статистики»(1860-1900 гг.), которую спонсировал Президент ЧР Алу Алханов и «Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период», вышедшей в свет при поддержке «Фонда им. Зии Бажаева».

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

К началу 2007 года были опубликованы следующие научные работы Ибрагимовой З.Х. общим объемом 124 п.л. :

1. Ибрагимова З.Х. Виноградарство и виноделие в Терской области (60-70 гг. 19 в.). Ибрагимова З.Х. (Ин-т российской истории РАН. – М. 1997– 1,6 п.л. 63 назв.). Деп. В ИНИОН РАН №52846 от 22.07.97.

2. Ибрагимова З.Х. Восточный Кавказ. М., 2004-6 п.л.

3. Ибрагимова З.Х. Жизнь и деятельность М.Т.Лорис-Меликова на Кавказе. Ибрагимова З.Х. (Ин-т российской истории РАН.– М. 1997– 1 п.л. библ. 53 назв.). Деп. в ИНИОН РАН № 52847 от 22.07.97.

4. Ибрагимова З.Х. Индия в планах Германии и Японии в годы Второй мировой войны. М., 2003-11п.л.

5. Ибрагимова З.Х. Кавказское мухаджирство: Терская область (60-70 гг. 19 в.) Ибрагимова З.Х. (Ин-т российской истории РАН.– М. 1997– 2,8 п.л. 126 назв.). Деп. ИНИОН РАН №52845 от 22.07.97.

6. Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. М. 2003. – 0,6 п.л.

7. Ибрагимова З.Х. Невежество в истории как источник межнациональной розни// Справедливость. № 13-14 (135-136) июнь,2003.-0,5 п.л.

8. Ибрагимова З.Х. Развитие сельскохозяйственной отрасли производства Терской области в пореформенный период. Ибрагимова З.Х. (Институт российской истории РАН. – М. 1997 – 2,2 п.л. библ. 106 назв.) Деп. в ИНИОН РАН № 52848 от 22.07.97.

9. Ибрагимова З.Х. Русское влияние на развитие языковых культур коренного населения Северо-Восточного Кавказа в 60-70 гг. Х1Хв. Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 2 .М., 1996,-0,4 п.л.

10. Ибрагимова З.Х. Сборник статей. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880 гг.)-8,75 п.л.

11. Ибрагимова З.Х. Терская область.60-70-е годы XIX века // Справедливость, № 1-2 (141-142), февраль 2004., – 0,8 п.л.

12. Ибрагимова З.Х. Терская область под управлением М.Т. Лорис-Мельникова. М., 1998.– 1,75 п.л.

13.Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказкой войны (1863-75 гг.) (по архивным источникам). М., МАКС-Пресс. 2000-11 п.л.

14. Ибрагимова З.Х. Чеченская история // Вайнах, № 6. Грозный, 2002.- 0,25 п.л.

15. Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века– М., 2002 г. – 14 п.л.

16. Ибрагимова З.Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60-70 гг. XIX в.) М. МКС– пресс. 2000 – 4,5 п.л.

17. Ибрагимова З.Х. Великий исход мухаджиров // Курьер – № 27 – Казань, 2004 – 0,6 п.л.

18. Ибрагимова З.Х. Железнодорожное строительство на Кавказе // Железнодорожный транспорт. – №6. – М., 2006. – 0,5 п.л.

19. Ибрагимова З.Х. Ислам и христианство на Северном Кавказе: история взаимоотношений // Религия и право. – № 1-2 (39)-М., 2006-0,6 п.л.

20. Ибрагимова З.Х. Кавказская статистика (2-я половина XIX века) // Вопросы статистики.– № 10 – М, 2005.– 0,7 п.л.

21. Ибрагимова З.Х. Кунта-Хаджи // Вопросы истории. – № 12.– М., 2005.- 0,8 п.л.

22. Ибрагимова З.Х. Основные направления культурного развития Терской области в пореформенный период // Вестник Московского университета. Серия 8: История.– №1-М., 2006– 0,9 п.л.

23. Ибрагимова З.Х. Первое покорение Кавказа. Российские рецепты умиротворения края. История вопроса // Курьер. – № 37.– Казань, 2004.-0,4 п.л.

24. Ибрагимова З.Х. Терская область под управлением М.Т. Лорис-Мельникова. Дис. ... канд. ист. наук. – М.,1998-10 п.л.

25. Ибрагимова З.Х. Чеченские кустарные промыслы // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. -М.,2006.-0,6 п.л.

26. Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900): Монография-М., 2006.-12 п.л.

27. Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период.– М.,2006.-30 п.л.

СЕМЬЯ ИБРАГИМОВЫХ

Ибрагимов Хасан

Ибрагимова Валентина

Ибрагимов Руслан

Ибрагимова Зарема

Ибрагимова Эльвира

Ибрагимова Луиза

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Литература 7
2. Источники 71
3. Методология 97

ГЛАВА II. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

1. Права и обязанности власти и населения 119
2. Административные подразделения в Терской области 161
3. Закрепление власти военных в регионе 173
4. Бюрократия 184

ГЛАВА III. ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ

1. Пореформенная ситуация в Терской области 245
2. Земельная собственность и ее перераспределение 278
3. Установление государственной фискальной системы 293
4. Правовое положение населения в крае 312
5. Установление системы осуждения и наказания коренных жителей 345

ГЛАВА IV. АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ

1. Народные движения 385
2. Мужаджирство 439

ГЛАВА V. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЧЕЧЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Земледелие, скотоводство, рыболовство 521
2. Промышленность 564
3. Развитие транспортной сети 637
4. Торговля 658

ГЛАВА VI. ДУХОВНАЯ СФЕРА И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

1. Научные и творческие изыскания в послевоенный период 717
2. Установление системы светского и религиозного обучения 775
3. Этнические особенности титульного населения Терской области 818
4. Развитие городской жизни 836
5. Медицинское обслуживание населения 843
6. Основные религиозные верования и точки их соприкосновения 853

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы 919
Библиография 926

ПРИЛОЖНИЕ 1007

Научное издание

Ибрагимова Зарема Хасановна

МИР ЧЕЧЕНЦЕВ. XIX ВЕК

Монография

Формат 60x84/16.
Объем 59,52 усл. печ.л. Тираж 500 экз.

ISBN 978–5–98604–089–9

9 785986 040899

Отпечатано в типографии «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 291-0354 e-mail: probel-2000@mail.ru